Древнейшие города Беларуси

ДРУЦК

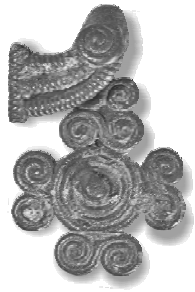
Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX–XII вв.

Летопись древних слоев

Князья Друцкие и их владения в XIII–XVIII вв.

Ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников)

Памятники архитектуры и объекты туризма



НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

Древнейшие города Беларуси

ДРУЦК

Минск
«Беларуская навука»
2014

УДК 94(476.5-21Друцк)
ББК 63.3(4Беи)
Д76

Серия основана в 2010 году

Редакционная коллегия серии:

А. А. Коваленя (гл. редактор), В. В. Данилович (зам. гл. редактора),
О. Н. Левко (зам. гл. редактора), В. Ф. Голубев, Д. В. Дук, П. Ф. Лысенко,
О. А. Макушников, И. А. Марзалюк, Г. В. Штыхов

Авторы:

О. Н. Левко, А. Б. Довнар, А. В. Мацук, В. Ф. Голубев, А. В. Войтехович,
Т. С. Бубенько, П. М. Кенько, И. И. Саливон, Н. Н. Помазанов, О. В. Тегако,
О. В. Марфина, В. А. Воронин, С. А. Рыбчонок, Р. А. Олехнович, А. А. Скепьян,
А. И. Шаланда, И. В. Магалинский, Н. И. Наркевич, Н. А. Плавинский, Е. В. Власовец,
А. В. Костюкевич, Н. Ю. Шарковская, О. В. Медведева, Э. А. Ляшкевич,
Ш. И. Бектинеев, Т. В. Габрусь, Е. Н. Филатова, И. Н. Пикулик, В. Ф. Зайцев

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор О. Н. Левко

Рецензенты:

доктор исторических наук, доцент Г. Я. Голенченко,
доктор исторических наук, доцент Д. В. Дук

Издание подготовлено в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» («История, культура, общество, государство») (научный руководитель программы – доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя). Подпрограмма № 1 «История, духовная и материальная культура белорусского народа» («История и культура») (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович). Раздел 1 – «Археология, антропология, источниковедение и история Беларуси с древнейших времен до эпохи раннего Нового времени» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор О. Н. Левко)

ISBN 978-985-08-1735-8

© Институт истории НАН Беларуси, 2014
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *(О. Н. Левко)* 8

Принятые сокращения 11

История исследования и источники *(О. Н. Левко, А. Б. Довнар, А. В. Мацук, В. Ф. Голубев)* 13

I. ДРУЦК И ДРУЦКАЯ ВОЛОСТЬ (КНЯЖЕСТВО) В IX–XII вв. 40

1. Формирование территории Друцкой волости 40

1.1. Характеристика округи Друцка в контексте развития региона Оршанского Поднепровья в 1-м тысячелетии н. э. *(О. Н. Левко)* 40

1.2. Могильники Друцка и Друцких волоков в IX–XI вв. *(О. Н. Левко, А. В. Войтехович)* 46

1.3. Друцк – племенной и волостной центр. Территория волости *(О. Н. Левко)*

2. Образование и развитие Друцкого княжества *(О. Н. Левко)* 57

2.1. Формирование уделов (вотчин) на территории Полоцкой земли 62

2.2. Друцкое княжество (удел) XII в. 62

II. ЛЕТОПИСЬ ДРЕВНИХ СЛОЕВ 68

3. Стратиграфия и хронология объектов Друцка *(О. Н. Левко)* 90

3.1. Посад 90

3.2. Исследование укрепленной части города 90

3.3. Этапы развития и хронология поселенческих объектов 96

4. Застройка и элементы планировки Друцка *(Т. С. Бубенько)* 110

5. Друцкие некрополи *(О. Н. Левко, А. В. Войтехович, П. М. Кенько)* 114

5.1. Коллективный курган XII в. 143

5.2. Могильники XII–XVIII вв. 155

6. Антропологическая характеристика останков в коллективном кургане Друцка ... 157

6.1. Краниологическая характеристика серии черепов *(И. И. Саливон, Н. Н. Помазанов)* 157

6.2. Состояние зубной системы погребенных *(О. В. Тегако)* 165

6.3. Половозрастные особенности посткраниального скелета исследованных останков *(О. В. Марфина)* 169

III. КНЯЗЬЯ ДРУЦКИЕ И ИХ ВЛАДЕНИЯ В XIII–XVIII вв. 211

7. Князья Друцкие в XIII–XVI вв. 211
7.1. Князья Друцкие в исторической традиции и общественно-политической жизни Великого Княжества Литовского середины XIII в. – середины XVI в. *(В. А. Воронин)* 211
7.2. Родословие князей Друцких в XIV–XVII вв. *(С. А. Рыбчонок)* 219

8. Владения князей Друцких в XVI–XVII вв. 235
8.1. Друцкий хозяйственно-экономический комплекс и его военно-политическое значение в Поднепровских землях Великого Княжества Литовского *(В. Ф. Голубев, Р. А. Олехнович)* 235
8.2. Двор владельцев Друцка и Толочина в XVI в. – первой половине XVII в. *(А. А. Скепьян)* 253

9. Друцкие и Толочинские владения в XVII–XVIII вв. 270
9.1. Владения рода Шеметов и Сангушек и участие их представителей в общественно-политической жизни Речи Посполитой в XVII–XVIII в. *(А. В. Мацук)* ... 270
9.2. Толочинский двор при Шеметах и Сангушках *(А. А. Скепьян)* 290

10. Друцк и Толочин по данным письменных источников *(А. Б. Довнар)* 297
10.1. Друцк в описаниях инвентарей и иных документов 297
10.2. Толочин по инвентарям XVIII в. 299

11. Гербы князей Друцких и Льва Сапеги *(А. И. Шаланда)* 316
11.1. Геральдика князей Друцких в XV–XVIII вв.: от геральдизированных знаков к гербу «Друцк» 316
11.2. Гербы Льва Ивановича Сапеги (1580–1633 гг.): состав, легенда, функции..... 340

IV. РЕМЕСЛО, ПРОМЫСЛЫ, ТОРГОВЛЯ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ, НУМИЗМАТИКИ, ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ) 363

12. Виды ремесел и промыслов на Друцких землях. Импорт 363
12.1. Обработка черных и цветных металлов *(И. В. Магалинский)* 363
12.2. Металлические изделия ювелиров *(Н. И. Наркевич, П. М. Кенько)* 374
12.3. Оружие и доспехи *(Н. В. Плавинский)* 391
12.4. Снаряжение всадника и коня *(Е. В. Власовец)* 399
12.5. Гончарная продукция *(О. Н. Левко)* 406
12.6. Стеклянные украшения *(А. В. Костюкевич)* 410
12.7. Предметы из камня *(Н. Ю. Шарковская)* 431
12.8. Косторезное ремесло *(О. В. Медведева)* 435

13. Водные пути, денежное обращение и торговля в IX–XVIII вв. 444
13.1. Друть, ее притоки и волоки в хозяйственной жизни региона *(О. Н. Левко, А. Б. Довнар, Э. А. Ляшкевич)* 444
13.2. Бусы с территории Друцких волоков как маркер торгово-культурных контактов *(А. В. Костюкевич)* 449
13.3. Нумизматические и метрологические материалы X–XV вв. Друцка и его окрестностей *(Ш. И. Бектинеев)* 462
13.4. Развитие торговли в Толочинском регионе *(А. Б. Довнар)* 471

V. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И ОБЪЕКТЫ ТУРИЗМА 535

14. Памятники архитектуры 535
14.1. Историко-архитектурная панорама Друцко-Толочинского региона *(Т. В. Габрусь)* 535

14.2. Толочинский базилианский мужской монастырь. 1765–1834 гг. *(Е. Н. Филатова, Т. В. Габрусь)* 545

15. Объекты культурно-познавательного туризма в Друцке и его окрестностях *(О. Н. Левко, И. В. Пикулик, В. Ф. Зайцев)* 549

Заключение *(О. Н. Левко)* 565

Приложение 1. Перечень научной документации по исследованиям г. Друцка и его округи (архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории национальной Академии наук Беларуси») (составитель – *О. В. Медведева*) 573

Приложение 2. Сведения, извлеченные из отчетов по г. Друцку и его округе за 1930–2013 гг., хранящихся в ГНУ «Институт истории Национальной Академии наук Беларуси» (составитель – *О. В. Медведева*) 575

Приложение 3. Архивные документы (составители – *А. Б. Довнар, А. А. Скепьян*) 579

Терминологический словарь 585

Литература и источники 591

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия «Древнейшие города Беларуси» включает в себя такие крупные территориально-административные центры средневековья на территории Беларуси, как Полоцк и Витебск. Этот ряд можно дополнить Минском, Гродно, Могилевом, Гомелем.

Друцк среди древнейших городов Беларуси занимает особое место. Его судьба, как неприхотливо вьющаяся вдоль изгиба реки тропинка, приводит к возвышающемуся среди трав холму, откуда более 1000 лет назад началась богатая историческими событиями жизнь этого города. Глядя на расстилающиеся вокруг поля и уходящие за горизонт, кажущиеся дремучими леса, можно проникнуться чувством сопричастности и одновременно гордости за людей, которые сумели своей повседневной жизнью и деятельностью оставить столь яркий след в истории страны.

Друцку выпала судьба стать центром территории, где сошлись южные и северные культурные традиции населения Восточной Европы еще во второй половине 1-го тысячелетия н. э. Славянские племена, продвигаясь по Днепру и его притокам вглубь срединной Беларуси, осваивали берега мелких рек, устраивали свои поселки на волоках из Днепровского бассейна в Западнодвинский, принимали гостей с товарами и провожали воинов, спешащих по своим ратным делам. Жизнь в округе Друцка на рубеже 1–2-го тысячелетий н. э. не была бедной. В хорошо сохранившихся с древнейших времен курганах и на городищах археологами найдено немало редких и весьма ценных по тем временам женских украшений, накладок на пояса дружинников, оружия и хозяйственного инвентаря. Местные красавицы щеголяли не только в металлических, но и стеклянных разноцветных заморских браслетах и ожерельях из камней и монетовидных привесок. На очелье у них были нанизаны разнообразные височные кольца, а на пальцах сверкали изысканные перстни. Трудно сразу определить, кто был похоронен в кургане – свободный селянин или богатый купец с наложницей. Сначала деревянные оградки с погребальными урнами в кургане, затем ведра, поставленные у ног погребенных – это южная славянская традиция. Северная традиция со скромным набором проволочных браслетов и височных колец принесена кривичами, пришедшими в Поднепровье на рубеже X/XI вв.,

чтобы присоединить Друцкую волость к Полоцкому княжеству, создавая обширную и свободолюбивую страну Рогволодовичей между Новгородскими и Киевскими владениями.

Новые веяния удельного времени (конца XI в. – XII в.) неумолимо разрывали на части некогда значимые на международной арене государства. На их месте появились многочисленные частично самостоятельные княжества, ищущие поддержки у более сильных соседей, а иногда ценой военных захватов и потерь стремящиеся подняться на новый, более высокий уровень правления.

Друцк в полной мере испытал на себе все превратности смутного времени. Именно в 30-е годы XII в. он стал центром удельного княжества, объединившего Друцкую и Борисовскую волости. Пласты с находками, свидетельствующими о его расцвете и богатстве в X–XII вв., трижды перекрыты прослойками мощных пожаров. Первый пожар связан с приходом кривичей, когда Друцк из благополучного племенного центра превратился в грозную порубежную крепость Полоцкой земли; второй – оставили воспетые в древнерусских летописях и «Поучении» Владимира Мономаха походы на непокорных Рогволодовичей, третий – принесли на Друцкую землю воинственные соседи из Литовского государства, прибравшие к рукам слабеющую и раздираемую внутренними распрями Полоцкую землю и ее княжества.

Письменные источники молчат, и только археологически можно проследить перемены, произошедшие в Друцке и его округе между концом XII в. и началом XIV в., когда затихла бурная торговля, была свернута ремесленная деятельность, оскудела материальная культура. Последний курган XII в. с четырьмя уровнями из 38 погребений, символизирующий уходящую эпоху богатства, иерархии и глубоко укоренившегося язычества на фоне княжеской традиции христианского крестоцелования, является финальным аккордом гимна величию Друцка в древнерусскую эпоху. Вокруг Друцкого детинца и Окольного города появились кладбища с каменными крестами – новый вид погребальных памятников, пришедший на смену курганам.

Ратные дела XIV–XVI вв. выводят на страницы истории новый род князей Друцких. Его прямой связи с друцкими Рогволодовичами проследить не удается. Однако новые князья Друцкие до середины XVI в. не сходили со страниц боевой славы Великого Княжества Литовского. В Друцке жил князь Семён, дядя известной всему миру Софьи Гольшанской. Именно к нему приезжал великий литовский князь Витовт сватать юную Софью за престарелого польского короля Ягайло в 1422 г. А уже в 1424 г. Софья была коронована в Кракове.

С XVI в. до конца XVIII в. «друцкие поля» не раз становились театром боевых действий, развернутым между Великим Княжеством Литовским и Короной Польской с одной стороны и Великим княжеством Московским, а затем Русским государством, – с другой. Род князей Друцких был чрезвычайно разветвленным. Его многочисленные представители известны на службе в ВКЛ и у русского царя. Князьям друцким не только достались владения Друцкого княжества древнерусской поры, но и за выслугу перед

великим князем литовским они получили земли на левобережье Днепра (Горы, Шишево, Басея). Вступая в браки, их потомки дробили вотчину, затевали многолетние имущественные тяжбы, все больше сводя на нет былое величие рода. В XVII в. рядом с Друцком появился еще один центр владений князей Друцких – Толочин. Усадьба (двор) князей Друцких, а затем Толочинских, была расположена через р. Друть напротив местечка, где новый наследник Лев Сапега построил православный и католический храмы.

Инвентари Толочина и его окрестностей донесли до нас живое веяние повседневных хлопот горожан и селян, развернули панораму взаимоотношений господаря с его подданными. В этих, казалось бы малозначащих, повседневных делах проступает целый пласт жизни населения на территории Беларуси в феодальную эпоху. Ярмарки, правила торговли, ремесленные уставы, наказания и поощрения, забота господских слуг о быте подданных горожан и селян – все это раскрывает суть той жизни, которая протекала на территории Друцких и Толочинских владений в мирное время. В этот период у их владельцев не было головокружительной карьеры и торжественных приемов, организованных для знатных гостей. Однако, как и в прежние времена, они интересовались политической жизнью в стране, занимали видные посты в Оршанском повете, к которому относились их владения. Род князей Друцких обеднел и разветвился, но не потерялся в закоулках истории. У князей Друцких был свой герб, и их титул, несмотря на скромное материальное положение рода, имел весомое значение в глазах власть имущих. Всякий раз, когда решались важные для государства вопросы, великий князь обращался к многочисленным Друцким-Соколинским, Друцким-Багриновским, Друцким-Шишевским, Друцким-Горностаям, Друцким-Горским, Друцким-Коноплям и прочим не иначе, как ко «всем князьям Друцким».

В XVIII в. на передний план вышли новые владельцы имений – Шеметы, а затем Сангушки. При Шеметах ожила запущенная господская усадьба в Толочине, развивалось место Толочин, Друцк продолжал существовать, будучи местечком второго плана. Сангушки получили Толочинское имение в момент раздела Речи Посполитой, когда по самому г. Толочину прошла новая государственная граница. Часть его осталась в составе ВКЛ, а другая отошла к Российской империи. Документы этого времени достаточно подробно характеризуют жизнь местного населения, имеются описания деревень под теми названиями, которые известны на территории Толочинского района и сейчас. Поименно в архивных записях названы ремесленники и представители иных востребованных в то время специальностей, среди которых жители сегодняшней Толочинщины могут узнать своих предков. Архивные документы Сангушки хранили в каменном здании, построенном в фольварке Озерцы. Эта постройка, как и старые липы – наследники «шпалерового» парка в хозяйской усадьбе на берегу р. Друть напротив Покровского монастыря, огромные валы древнего Друцкого замка и фрагменты «Екатерининских» верстовых столбов вдоль дороги из Друцка в Толочин – немые свидетели богатой и поучительной истории друцко-толочинского края.

О. Н. Левко, доктор исторических наук, профессор

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
АЗР	– Акты, относящиеся к истории Западной России
АО	– Археологические открытия
БГЧ	– Беларускі гістарычны часопіс
ВГАБ	– Вялікі гістарычны атлас Беларусі
ВКЛ	– Великой Княжество Литовское
ВКМ	– Великое княжество Московское
ВОКМ	– Витебский областной краеведческий музей
ГАВО	– Государственный архив Витебской области
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік
ЕКМ	– Его Королевская Милость
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИИ НАНБ	– Институт истории Национальной академии наук Беларуси
ИЮМ	– Историко-юридические материалы
КП	– книга поступлений
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛМ	– Метрыка Вялікага Княства Літоўскага
МАБ	– Матэрыялы па археалогіі Беларусі
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НГМ РБ	– Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь
НИАБ	– Национальный исторический архив Беларуси
НИМБ	– Национальный исторический музей Беларуси
П	– постройка
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РИБ	– Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографическою комиссиею
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников

СГ	– строительный горизонт
ТРИКМ	– Толочинский районный историко-краеведческий музей
ADS	– Archiwum domu Sapiegów, wydane staraniem rodziny
AGAD	– Archiwum Główne Akt Dawnych
ANKr	– Archiwum Narodowy w Krakowie, oddział na Wawelu
APR	– Archiwum Potockich z Radzynia
AR	– Archiwum Radziwiłłów
AS	– Archiwum książat Sanguszków w Sławucie
BN	– Biblioteka Narodowa
LM	– Lietuvos Metrika
LVIA	– Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas
SA	– Древние акты
TA	– teki arabskie
TR	– teki rzymskie
Zb. Dok. perg.	– Zbiór dokumentów pergamieniowych
ZniO	– Zakład Narodowy im. Ossolińskich

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

(О. Н. Левко, А. Б. Довнар, А. В. Мацук, В. Ф. Голубев)

История исследования Друцка и его округи. ***История исследования Друцка.*** Наиболее ранние сведения о памятниках, связанных с территорией исторического Друцка и его окрестностей, содержатся в трудах XIX в. – начала XX в. и 20–30-х годов XX в. Дореволюционные исследования памятников археологии на территории Беларуси осуществляли любители, состоявшие в Императорском археологическом обществе, либо занимавшиеся самостоятельными историческими изысканиями. Е. Ф. Канкрин – генерал, вышедший в отставку и проживавший в г. Шклове, обратил свое внимание на так называемый Рогволодов камень (фото 38), датированный по надписи на нем 1171 г. и выявленный в окрестностях г. Орши у д. Дятлово. Об этом камне стало известно в 1794 г. из публикации Т. С. Мальгина, который изучал родословие древнерусских князей [Мальгин, 1794, с. 168]. В 1818 г. газета «Северная почта» (1818, № 4) снова опубликовала сведения об этом камне в связи с проявленным к нему интересом государственного канцлера, графа Н. П. Румянцева. Е. Ф. Канкрин скрупулезно проследил историю «Рогволодова камня», сделал свое прочтение надписи на нем и пришел к выводу, что это не надгробие, как считал Т. С. Мальгин, а культовый объект, надпись и крест на котором должны были послужить упрочению христианства в крае, где сильны языческие корни. Он также отметил, что данный камень необходимо связывать с именем Рогволода (Василия) Борисовича, сына полоцкого князя Бориса [Алексеев, 1996, с. 29–34]. Еще один камень, уже связанный с именем князя Бориса Всеславича (отца Рогволода) и с изображением на нем креста с «Голгофой» (рис. 1), был найден у д. Высокий Городец Толочинского района. В 1888 г. его исследовал белорусский этнограф и археолог Е. Р. Романов [Древности ... , 1889, т. 13, вып. 1, с. 192–193]. В трудах Императорской археологической комиссии (ИАК) приведены сведения за 1873 г. о том, что на левом берегу р. Друть, напротив городища, расположенного на северовосточной окраине современного агрогородка Друцк, насчитывалось 48 курганных насыпей [Спицын, 1903, вып. 5, с. 45].

Первые научные археологические обследования отдельных регионов в Беларуси проводили сотрудники сектора археологии Института истории АН БССР. В 1930 г. А. Д. Коваленя обследовал верховья рек Друть, Усяж-

Бук и Лукомка. В верховьях р. Друть он провел обследование городища Друцк и его окрестностей. По данным А. Д. Ковалени, в 1930 г. курганов, упомянутых в сведениях за 1783 г., было уже 11 [Каваленя, 1932, т. III, с. 190], а к моменту, когда исследования в 1960-е годы в Друцке стал проводить Л. В. Алексеев, осталось 8 насыпей [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 138].

Впоследствии разведочные материалы по Друцку и его окрестностям были включены в соответствующие своды, составленные Г. В. Штыховым [Штыхов, 1971, вып. 2], Л. Д. Поболем [Поболь, 1983], а также в свод памятников истории и культуры Беларуси [Збор помнікаў ... , 1985], книгу «Памяць. Талачынскі раён» [Памяць ... , 1988, с. 21–34], энциклопедические издания 1993 и 2009–2010 гг. [Археалогія і нумізматыка Беларусі, 1993; Археалогія Беларусі, 2009, т. 1; 2011, т. 2].

В середине XX в. археологические памятники с территории Полоцкой земли стал изучать российский археолог Л. В. Алексеев. Одной из ранних (1959 г.) значимых научных работ Л. В. Алексеева в свете исследования памятников старины Витебской области является его публикация, представляющая собой обширный исторический комментарий к археологической карте. На ней памятники имеют географические привязки к бассейнам рек, озерам, населенным пунктам, известным, начиная с XIX в., многие из которых в настоящее время уже не существуют [Алексеев, 1959а, т. 1, с. 273–315]. Упоминание названий урочищ, деревень, небольших речушек дает возможность и сегодня по косвенным приметам найти те места, которые называет в своем своде Л. В. Алексеев, а в Витебском областном краеведческом музее (ВОКМ) хранятся подъемные материалы, собранные во время экспедиций Л. В. Алексеева по Северной Беларуси, в том числе и округе Друцка [Шарковская, 2012, с. 70–101].

Однако настоящим фундаментальным трудом исследователя стала базирующаяся на разностороннем изучении Полоцкой земли, преимущественно на письменных источниках с привлечением обширной историографии XIX в. – первой половины XX в., монография по Полоцкой земле (1966 г.). В книге кратко представлены и результаты собственных археологических работ, проведенных Л. В. Алексеевым в древних городах Браславе (1955–1956 гг.) и Друцке (1956–1962 гг., 1965 г.) [Алексеев, 1966]. В данном исследовании Л. В. Алексеевым обобщены также малочисленные в то время археологические материалы из раскопок и разведок, проведенных белорусскими исследователями в 1930–60-е годы в городах, на сельских поселениях (городищах) и курганных могильниках Полоцкой земли. В работе с позиций советской историографии тех лет освещены вопросы, связанные с появлением славян в Северной Беларуси, сделана попытка определения понятия «Полоцкое княжество», его территории и границ. Намечены пути сообщения, затронуты вопросы торговли и хозяйства в Полоцкой земле. В разделе о городах основное внимание уделено Полоцку, Минску, Друцку, Браславу, которые уже подверглись на то время археологическому изучению. Приводя краткие сведения о топографии, культурном слое городов Полоцкой земли и выборочно о вещевом материале, Л. В. Алексеев более подробно охарактеризовал их культуру.

Особого внимания заслуживает раздел данной монографии «Феодальные войны и политическая история», в котором Л. В. Алексеев, опираясь на летописные сведения и ссылаясь на труды историков XIX в. – середины XX в., представил свою концепцию политического развития Полоцкой земли и ее места в истории Восточной Европы. Данное исследование многие годы оставалось единственной обобщающей работой по историко-археологическому изучению Полоцкой земли, куда входил и Друцк. В монографии Л. В. Алексеева Полоцкая земля как политическое образование выступает заложницей полоцких князей-сепаратистов Рогволодовичей, которые своим вызывающим поведением вносят смуту в политическую жизнь Древнерусской державы, за что бывают наказаны. Всеслав Полоцкий после своего случайного появления на киевском престоле несколько лет не может вернуть себе Полоцк. Глеба Менского, дерзко посягнувшего на вотчину мономаховичей, увозят в Киев, где он погибает в заточении. И, наконец, весь непокорный клан «Рогволожичей» великий князь киевский отправляет на некоторое время в Византию в воспитательных целях. Благодаря такой трактовке политических событий в истории Полоцкой земли, ее и сегодня со ссылками на Л. В. Алексеева продолжают рассматривать в работах российских и украинских историков как вотчину князей-сепаратистов, положившую начало феодальной раздробленности Древнерусского государства.

В более сжатом виде, однако, трактуемая с тех же «сепаратистских» позиций, политическая история Полоцкой земли отражена в работе Л. В. Алексеева, помещенной в сборник «Древнерусские княжества» [Алексеев, 1975, с. 214–230].

В новейшей обобщающей работе 2006 г. в двух книгах Л. В. Алексеев назвал историю Полоцкой земли интереснейшими страницами российского прошлого [Алексеев, 2006, кн. 1, 2]. Таким образом, Полоцкая земля – территориально-политическое образование Восточной Европы IX–XII вв., отнесенная российскими историками XIX в. и исследователями советского времени к западнорусским землям, – продолжает и на постсоветском пространстве считаться «страницей российского прошлого», лишенной своей исторической индивидуальности.

В археологическом изучении друцкого комплекса выделяется два этапа. На первом из них (1956–1962, 1965 и 1967 г.) Л. В. Алексеев изучал детинец (городище), вскрыв около 1800 м^2 площади – раскопы 1–22 (рис. 2). В полевой документации и публикациях Л. В. Алексеева нумерация раскопов дана римскими цифрами. Площадка городища была поделена исследователем на ары (участки 10 × 10 м). Каждый из них должен был соответствовать раскопу. Раскопки на разных участках детинца (городища) проводили по несколько сезонов с перерывами (рис. 3, 4), а к некоторым раскопам Л. В. Алексеев не возвращался. Была сделана врезка площадью 20 м^2 в западную часть вала Окольного города (раскоп 23) и произведен разрез этого вала (1966 г.) при въезде в Окольный город со стороны посада (рис. 5). Экспедицией Л. В. Алексеева на противоположном от детинца и Окольного города

возвышенном берегу р. Друть были раскопаны три кургана с кремацией (рис. 6, 7), которые исследователь привязал к д. Сенчуки и датировал X–XI вв. [Алексеев, 2002а, № 1, с. 74–91].

Леонид Васильевич Алексеев, как отмечают его московские коллеги во вступлении к монографии исследователя 2006 г., «никогда не мыслил себя узким специалистом – раскопщиком». Он не раз повторял: «Я историк, а не вещевед». И это позиционирование со всей очевидностью проступает в его научных трудах. Исследуя в течение многих лет один из выдающихся археологических памятников Полоцкой земли – Друцк, он собрал тысячи артефактов, подавляющее большинство из которых, как обычно, керамическая посуда. Как известно, археологи всегда используют керамику в качестве основного датирующего слой материала. У Л. В. Алексеева нет ни одной публикации, в которой давалась бы классификация этого источника хотя бы в рамках отдельно взятого археологического объекта. Все определения датировок керамики по Друцку сделаны специалистами, постоянно работавшими с материалами Новгорода, где те же виды керамики могли появиться позднее, чем в Друцке. Что же касается изделий из других видов материала, менее часто встречаемых в культурном слое, чем керамика, то они имеют широкие границы бытования (иногда по 200–300 лет). Поэтому хронология приводимого в публикациях Л. В. Алексеева вещевого материала из раскопок вызывает определенные сомнения.

Систематизированной и классифицированной публикации археологической коллекции из раскопок Друцка у Л. В. Алексеева также нет. Хотя многие интересные и разнообразные экспонаты из металлов, кости, глины, стекла, камня хранятся в ВОКМ и, частично, в Национальном историческом музее Беларуси (НИМБ). К сожалению, нет возможности привязать большинство этих предметов к слоям, так как вещи сдавали в музеи без коллекционных описей. Нет описей и в отчетах Л. В. Алексеева, хранящихся в Институте истории НАН Беларуси (ИИ НАНБ). Эти отчеты – вторые экземпляры, далеко не полные по представленному в них вещевому материалу (главным образом, это фото единичных находок), и в текстовой части отчета указан только «штык» (пласт толщиной 20 см), в котором вещь найдена без ее связи с описываемыми в этом слое сооружениями. Отчет за 1958 г., из раскопок которого в ВОКМ поступило много материалов, в архив ИИ НАНБ предоставлен не был.

Летом 2013 г. значительное количество черновой документации: чертежи на синьках, некоторые на ватмане, с зарисовками отдельных вещей, дневниковые записи, фотографии раскопок и др. – были переданы в ВОКМ родственниками Л. В. Алексеева. Эти материалы ждут своего подробного изучения и введения в научный оборот. По подсчетам Т. С. Бубенько, работавшей с архивными материалами Л. В. Алексеева для написания раздела по застройке Друцка, за исключением раскопов № 4 и 12, площадь которых составляла по 25 м^2, все раскопы имели площадь по 100 м^2. Однако раскопы № 4, 7, 12, 17, 18 были только начаты (сняты по 2–3 штыка (пласта) и заброшены. Информация о результатах исследований данных раскопов полно-

стью отсутствует. Из отдельных фраз отчетов следует, что в раскопе № 18 снято 3–4 штыка (пласта). Фактически до материка исследователь довел семь раскопов: № 1, 2, 5, 6, 9, 10, 20. В раскопе № 11 материк зафиксирован лишь в северной части площадки. Остальные раскопы были «законсервированы». Так, раскопы № 3, 8, 22 были доведены до границы с первым (нижним) стратиграфическим слоем (X–XI вв.), изучение слоя в раскопах № 13–16 (западная часть городища с предполагаемым княжеским подворьем) было остановлено на уровне штыков 7–8, в раскопе № 21 – на уровне штыка 9.

При прочтении работ Л. В. Алексеева очевидно, что исторические события выстраиваются им отдельно от вещевого материала и не представляют неразрывного комплекса. Таким образом, отсутствие «вещеведческих навыков» у автора этих публикаций не способствует достоверности научной интерпретации археологических источников.

Материалы, поступившие преимущественно в ВОКМ на протяжении ряда лет, уже дважды обозначены как фондовые коллекции Л. В. Алексеева в публикациях Н. Ю. Шарковской [Шарковская, 2001, с. 64–68; 2012, с. 70–101]. Она выделила отдельные категории вещей и поместила их в статистические таблицы, тем самым упорядочив сведения об артефактах из раскопок Друцка Л. В. Алексеевым. Некоторая часть материалов вводится в научный оборот в настоящем издании при описании застройки детинца, таких категорий вещей, как изделия из черных и цветных металлов, оружие и снаряжение всадника и коня, гончарная продукция, изделия из кости, стеклянные украшения, предметы из камня.

Отдельной темой являются исследования Л. В. Алексеевым погребальных древностей. Раскопки курганов в окрестностях Друцка экспедиция Л. В. Алексеева проводила в те же годы, что и работы на городище Друцка.

Привязка курганов по Л. В. Алексееву к населенным пунктам условна, так как ни в одной из его публикаций, где упоминаются курганы, нет плана их размещения. Общее указание на то, что «ближайшая деревня Синчуки[1]», также малоперспективно, так как современная посадка деревни с таким названием показывает значительную ее удаленность от городища (рис. 8). Не вполне понятно, какая часть ныне существующего агрогородка может отвечать упомянутой Л. В. Алексеевым деревне «Новый Друцк». В своей монографии 2006 г. он говорит о том, что возле д. Новый Друцк «имеется несколько довольно высоких насыпей» [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 138], а в одном из отчетов (1967 г.) приведен план этой курганной группы. В монографии «Полоцкая земля» 1966 г. Л. В. Алексеев отмечал, что раскопки курганов у д. Сенчуки были осуществлены «в 500 м к востоку от детинца на той стороне реки». Один из трех раскопанных курганов был пустым, а в двух других выявлены трупосожжения в насыпи с большим количеством урн, выполненных «в основном» на гончарном круге, что позволило исследователю отнести курганы к X в. [Алексеев, 1966, с. 157].

Имеются также сведения о наличии курганных групп поблизости от Друцкого городища на правом берегу р. Друть. Одна из них в количестве

[1] Современное название деревни – Сенчуки.

20 насыпей была зафиксирована у д. Дубовое (на северо-запад от городища). По данным, приведенным Г. В. Штыховым, курганы были распаханы в 1930-е годы [Штыхов, 1971, вып. 2, с. 81]. Л. В. Алексеев отмечает, что три из них, испорченные колодцем, еще были в наличии во время его исследований в Друцке [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 138]. Еще об одной курганной группе, находившейся у д. Старый Друцк, упоминает в 1959 г. в своей работе Л. В. Алексеев, где эта группа обозначена на карте восточнее городища под № 433 [Алексеев, 1959а, т. 1, с. 298]. Возможно, сведения об этих курганах взяты из работы А. Д. Ковалени [Каваленя, 1932, т. III, с. 190], как и данные, приведенные Г. В. Штыховым о том, что севернее Друцка у д. Гончаровка было распахано 15 курганов [Штыхов, 1971, вып. 2, с. 81].

Интерес представляет также информация Л. В. Алексеева о погребальных памятниках на территории д. Друцк и в ее окрестностях, которые относятся к городскому и замковому периодам (XI–XVI вв.). Помимо остатков курганных могильников в округе Друцкого городища зафиксировано наличие других древних объектов. Особый интерес представляют два селища [Поболь, 1983]. Одно из них локализовано на левом берегу р. Друть в 100 м от южной окраины (?) Друцка в урочище Выгон. Содержит материалы III–VIII вв. Второе по сведениям, приведенным Л. Д. Поболем, располагалось севернее Друцка за фермой (сейчас здесь находится обширный карьер (рис. 8), в обрыве которого виден культурный слой небольшой мощности). Данное селище содержало материалы третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. и эпохи Киевской Руси.

Второй этап изучения археологических памятников, относящихся к летописному Друцку, начат О. Н. Левко в 1999 г. и продолжается до настоящего времени. В 1999–2000 гг. были изучены детинец (раскоп площадью 100 м^2 прирезан к южному краю раскопа XVI-М.31 по Л. В. Алексееву), Окольный город (раскоп площадью 132 м^2), сделана прорезка между валами детинца и окольного города (раскоп площадью 48 м^2). На посаде в 1999–2000 гг. заложены два раскопа общей площадью 196 м^2, а в 2008–2009 гг. – еще два раскопа общей площадью 80 м^2. Проведена обширная разведка на территории агрогородка Друцк и в его окрестностях. Выявлены прилегающие к укрепленным частям летописного Друцка селища III–VIII вв., а также зафиксированы остатки трех курганных могильников. В 2008–2009 гг. исследован курган с 38 погребениями середины XII в. [Ляўко, 2000а, с. 87–111; Левко, 2010б, вип. 1, с. 371–378]. В 2013 г. на территории детинца О. Н. Левко исследован участок 60 м^2, примыкающий к раскопу Л. В. Алексеева 1961 г. и раскопу 1999 г., для получения более детальной информации о так называемом княжеском подворье, упоминаемом Л. В. Алексеевым в его публикациях. Нумерация раскопов О. Н. Левко также приведена римскими цифрами.

В результате новейших исследований ранее не изучавшихся археологически Окольного города и посада установлено, что в Окольном городе есть предматериковый слой племенной поры, датируемый VIII–X вв., выше которого располагались слои XI–XVI вв., аналогичные зафиксированным Л. В. Алексеевым на детинце. На территории посада выделены слои, отно-

сящиеся к X–XII вв. и XIII–XVII вв., когда детинец и Окольный город уже представляли замок князей Друцких, а территорию древнего городского посада занимало средневековое местечко.

Параллельно с раскопками древних городов Полоцкой земли (Витебск, Друцк, Орша, Копысь) О. Н. Левко изучает вопросы, связанные с образованием раннегосударственных структур на территории Восточной Европы, выясняет соотношение образований разных уровней, изменение функционального назначения территориально-политических структур в отдельные исторические периоды. Ряд публикаций О. Н. Левко посвящен рассмотрению периода феодальной раздробленности на территории Полоцкой земли. Эти наработки нашли отражение в ее обобщающей монографии [Левко, 2004], а также в настоящей работе.

Выделение зон охраны культурного слоя. Учитывая задачу сохранения культурных напластований и исторических объектов для последующего создания историко-археологического комплекса Друцк, О. Н. Левко были использованы все имеющиеся сведения и материалы шурфовки, предпринятой в 2007 г. (рис. 8, *а*) с целью определения пределов распространения культурного слоя на территории современного агрогородка Друцк. Выделено три вида охранных зон с соответствующим режимом их использования.

1-я зона включает объекты, содержащие древнейшие культурные напластования, а также укрепления в виде валов и рвов, представленные городищем (детинцем) и Окольным городом древнего Друцка. Эти объекты занимают северо-восточную окраину современного агрогородка вдоль изгиба р. Друть на правом ее берегу. Они отделены от территории застройки агрогородка историческим рвом, проходящим вдоль ул. Центральной и ул. Школьной с западной и южной стороны данных объектов (их площадь составляет 2,3 га).

Оба эти объекта внесены в Государственный список памятников истории и культуры как единый археологический комплекс «Городище Друцк» под шифром 1а1К602196 (протокол научно-методического совета № 79 от 04 января 2002 г.). Преобразования в Друцке после эпохи средневековья коснулись городища и Окольного города. В XIX в. на территории Окольного города был устроен двор помещика Горделковского. Вал в восточной его части срыт, культурный слой на этом участке площадки был разрушен и поставлен помещичий дом (не сохранился). В северо-западной части Окольного города была выстроена кирпичная конюшня, сохранившаяся до настоящего времени (фото 42, *а*). На территории Городища (детинца) был разбит сад.

В канун празднования 1000-летия Друцка (2001 г.) по инициативе местных властей на краю площадки городища со стороны реки были установлены обзорная башня (новодел), а также памятный знак 1000-летию Друцка в месте, где предположительно находилась древняя церковь Рождества Богородицы. На территории Окольного города был сооружен фрагмент деревянной стены (новодел), а при въезде в него поставлены деревянные башни с воротами.

К 1-й зоне следует отнести и курган, выявленный О. Н. Левко на территории д. Сенчуки на западном краю усадьбы Шеленковой (д. № 15). Размеры охранной зоны определяются местоположением кургана. Отступ от подошвы кургана должен быть 1 м по его периметру. Второй курган, находившийся со стороны проезжей части улицы между домом № 13 (нежилой дом Дудкевичей) и заброшенным колодцем, был подрыт (брали песок на строительство погреба). Курган исследован в 2011 г. П. М. Кенько.

2-я зона – участок территории агрогородка между дорогой на д. Дубовое, Окольным городом, городищем и вдоль ул. Центральная до пересечения с ул. Школьной, а также по ул. Школьной, включая территорию современного школьного двора. Этот участок сохраняет культурные напластования и грунтовые могильники XI–XVII вв. Его можно использовать в режиме объектов, на которых присутствует культурный слой и любые земляные работы, связанные со строительством предваряются археологическими исследованиями (Закон Республики Беларуси «Об охране историко-культурного наследия» от 9 января 2006 г., Постановление СМ РБ № 651 от 22 мая 2002 г.). Ответственный за соблюдение правил использования – заказчик строительных работ и орган, в чьем ведении находится земля.

Ко 2-й зоне необходимо отнести и участок на левом берегу р. Друть напротив городища (рис. 8, *б*), где ранее размещался курганный могильник. При распашке возможны обнажения остатков захоронений.

3-я зона – участок между ул. Центральной, ул. Школьной и до середины ул. Солнечной и Цветочной (рис. 8, *б*). Здесь культурный слой почти не выражен. Любые земляные работы могут быть осуществлены без согласования с органами культуры до выявления культурного слоя либо других объектов, относящихся к эпохе средневековья (постройки, погребения, клады). В случае их выявления работы прекращают до полного исследования средневековых объектов. Ответственными за соблюдение правил использования являются заказчик строительных работ и орган, в чьем ведении находится земля.

К 3-й зоне необходимо отнести также архитектурные сооружения за пределами агрогородка: мельницу на р. Кривая у пересечения дороги на Друцк с дорогой на Толочин и верстовой столб времен Екатерины II у дороги, идущей на Толочин (фото 53).

Все перечисленные материалы свидетельствуют о том, что Друцкий археологический комплекс является сложной историко-культурной структурой [Левко, 2011а, вып. 20, с. 15–26].

Геофизические работы на городище Друцка. Перед началом раскопок 2013 г. на городище были проведены электрора- и магниторазведочные работы. Данные исследования проводили специалисты-геофизики С. Г. Седов и С. В. Голобоков.

Целью геофизических работ на участке являлось обнаружение остатков строений X–XVII вв. Поскольку такие объекты должны иметь сопротивление, отличное от среднего сопротивления культурного слоя, для исследования была выбрана электроразведка методом сопротивлений. Выбранное

межэлектродное расстояние 120 см позволяло вести исследования до глубины 1,2–1,8 м.

Результаты электроразведочных работ, выполненные на площади 2400 м^2, были обработаны с помощью американского программного комплекса «Surfer» и представлены в виде карт сопротивлений (фото 17), изменяющихся в широких пределах – от 100 до 500 Ом/м. Основную полезную информацию несли положительные аномалии, фиксирующие области высокого сопротивления, традиционно связываемые с остатками фундаментов, очагов, подсыпок и др. Полученная сложная карта отражает в определенном смысле проекцию всех археологических слоев на единую дневную поверхность. Часть площади, фиксируемая отрицательными полями, соответствует распространению грунтов с низким сопротивлением. По-видимому, эти области не были подвержены значительному антропогенному воздействию. В целом по исследуемой площади вскрытие всех положительных аномалий показало их однозначную связь с остатками строений. В частности, раскопом VIII 2013 г. на площади 60 м^2 в юго-западной части городища под положительными аномалиями зафиксированы каменный очаг на глубине 30–60 см и россыпь валунов, составляющих элементы строений на различных глубинах. При этом россыпь валунов была трассирована положительной аномалией в северо-восточном направлении далеко за пределы раскопа. Однако часть аномалий на территории раскопа не совпала с археологическими объектами. Их происхождение, по мнению С. Г. Седова, может быть связано либо с прослойками сгоревшего дерева, площадь которых точно не зафиксирована, либо с факторами гидрогеологического происхождения. Напротив въезда в городище были вырыты короткие диагностические траншеи на глубину до 1 м и вскрыты соответствующие объекты – остатки стен и их фундаментов. Траншея 2 впоследствии была расширена до шурфа размером 2 × 2 м, в котором на глубине 40 см были обнаружены мельничный жернов, а также скопление железного шлака, оставшегося от имевшегося здесь кузнечного производства, остатки кузнечной печи (рис. 3.9).

С помощью магнитометра «Магнум» была обследована верхняя часть оборонительного земляного вала по большей части его периметра. Обнаружена мощнейшая магнитная аномалия на верхушке вала справа от главного выхода с территории городища. Шурфовка этого участка показала наличие на глубине 30 см кирпичной кладки вперемешку с кусками обгоревшего дерева. Часть кирпича была оплавлена, что говорит о чрезвычайно высокой температуре горения. Дальнейшее обследование вала не выявило столь сильных магнитных аномалий, однако небольшие магнитные аномалии были зафиксированы вдоль всей его длины в многочисленных россыпях кирпича.

Документальные и картографические источники по истории Друцкого княжества и Толочинской волости. Древнерусское Друцкое княжество и род князей Друцких с их владениями в период ВКЛ в исторических источниках показаны неравномерно. Это связано как с общим состоянием источниковедческой базы истории Беларуси эпохи феодализма, так и конкретно с архивами рода князей Друцких XIV–XVII вв.

Массовые письменные источники по истории Беларуси появились только в конце XV в. Это полностью относится и к Друцку. Сегодня основную массу корпуса документов по истории Друцкого и Толочинского имений хранят в архивах Беларуси, Польши, Литвы, России, и только небольшая его часть опубликована в различных сборниках документов.

Некоторые известные документы содержат сведения об оборонительных сооружениях, культовых и жилых постройках в Друцке XIV в. Так, в историографии есть упоминания о существовании в середине XIV в. в Друцке церкви Пресвятой Богородицы, которой князь Василий Михайлович определил медовую дань с волости Худово, о чем имеется запись на страницах Друцкого Евангелия [Рогов, Покровский, 1966, с. 162] (фото 39).

Более полно, по сравнению с предыдущим периодом, Друцк и род князей Друцких, а также связанные с ним другие роды представлены в материалах XVI в. В частности, авторы настоящего издания открыли и вводят в научное обращение новые документы из отечественных и зарубежных архивов. Так, в Главном архиве древних актов в Варшаве, в собрании «Архив Потоцких из Радзыня» выявлен комплекс документов юридического и хозяйственного характера относительно владений Друцка и Толочина, а также различных материалов, относящихся к роду Горностаев (одна из ветвей рода князей Друцких) за XVI–XVIII вв. Изучен также комплекс документов по имению Толочин (в основном инвентарные описания имения за разные годы XVIII в.), хранящийся в Государственном архиве на Вавеле в Кракове (ANKr) в составе фонда «Архив Сангушков».

Важные источники по теме выявлены в архивных хранилищах Литвы. Так, изучены хранящиеся в фондах Государственного исторического архива Литвы инвентари имения Толочин и некоторые другие материалы, касающиеся территорий, ранее входивших в пределы Друцкого княжества. Описание Друцкого замка середины XVI ст. и документы юридического характера по владениям Друцка выявлены в фондах Отдела рукописей библиотеки Академии наук Литвы, а также в фонде «Коллекция инвентарей имений» Вильнюсского университета.

Значительное количество информации о владениях Друцка и Друцком замке, сведения о роде князей Друцких обнаружены в материалах государственного архива ВКЛ – Метрики Великого Княжества Литовского (среди как рукописных, так и опубликованных архивных документов).

Сведения по истории Друцкого княжества и Толочинского имения XV–XVIII вв., как и материалы, относящиеся к роду князей Друцких, были выявлены также в составе различных видов исторических источников: описаниях, инвентарях, документации юридического и хозяйственного характера, мемуарной литературе и личной корреспонденции, в картографических памятниках и др.

Письменные источники по истории Друцкого княжества и рода князей Друцких во многом традиционны, хотя и не так обширны, как материалы по государственным владениям или источники по истории знаменитых магнатских родов ВКЛ XVI–XVIII вв. Известно, что к XVI в. земельная соб-

ственность представителей ранее могущественного рода князей Друцких была значительно сокращена, соответственно, снизилась роль его представителей в делах государства, что обусловило уменьшение объема источниковой базы. Вместе с тем информация (в большинстве случаев весьма скудная) по теме исследования содержится практически во всех известных видах источников по истории ВКЛ.

Основным источником начального периода письменной истории Беларуси являются летописи. Первоначальные письменные сведения по истории Друцка, Друцкого княжества и рода князей Друцких, которые известны по документам XVI–XVII вв., также представлены, главным образом, записями в летописях. Известно, что дошедшие до нас летописи сохранились в большинстве своем в списках конца XV в. – XVI в. Они содержат множество позднейших корректур и «вставок». Поэтому имеющаяся в них информация не является абсолютно достоверной, требует научной интерпретации и проверки путем соотнесения с данными других источников.

Краткие упоминания о наиболее раннем периоде существования Друцка связаны, главным образом, с военными событиями, имевшими место в Восточной Европе в XI–XII вв. Во второй половине XI в. обострились отношения между киевскими и полоцкими княжескими родами. Полоцкий князь Всеслав напал на новгородские и псковские владения киевского государства, чем вызвал ответный поход в свою землю со стороны Владимира Мономаха. В 1078 г., возвращаясь в Чернигов, Владимир Мономах сжег ряд полоцких населенных пунктов, среди которых в его «Поучении» впервые был назван Друцк [ПВЛ, 1950, т. I, с. 159]. Второе упоминание о Друцке относится к 1092 г. в «Повести временных лет», где описывается мор людей в Полоцкой земле (возможно от чумы или холеры), начавшийся из Друцка [ПВЛ, 1950, т. I, с. 141]. О событиях военного характера и иных, имевших место в течение XII в. и связанных с Друцком, имеется девять упоминаний в Ипатьевской летописи [Штыхов, 1978, с. 13]. К ним относится военный поход южнорусских князей на Менск в 1116 г. и увод переяславским князем Ярополком захваченных в плен жителей Друцка, для которых он построил в своем княжестве «городъ Желъди» [ПВЛ, 1950, т. I, с. 200, 201]. Вторым драматическим событием стал организованный уже сыном Владимира Мономаха, великим киевским князем Мстиславом коалиционный поход южнорусских князей в Полоцкую землю в 1127 (1128) г., в котором Друцк находился под ударом Ростислава Смоленского (рис. 9). Результатом этого похода явилось подчинение полоцкого княжеского дома Киеву и отправка полоцких князей в ссылку в Византию [ПСРЛ, 1908, т. 2, стб. 293], из которой они вернулись только около 1140 г. Об этих событиях также сообщается в Ипатьевской летописи. В дальнейшем летописи упоминают междоусобицы полоцких князей на протяжении второй половины XII в., значительное место в них отводится Друцку и Менску, правители которых соперничали в борьбе за главный престол земли – Полоцкий [ПСРЛ, 1908, т. 2, стб. 445, 446, 493–496]. Кульминационным событием в истории древнего Друцка стал коалиционный поход на него в 1180 (1181) г. [ПСРЛ, 1908, т. 2, стб. 124] всех полоцких

князей с привлечением данников (литвы и ливов), а также их союзников из числа южнорусских князей с участием половцев (рис. 10). Смысл похода заключался в том, чтобы не дать Давыду Смоленскому закрепить за собой Друцкие владения, к которым он проявлял повышенное внимание, и контролировать друцко-ушачский волок, что ущемляло интересы полоцкого княжеского дома. Однако дальнейшие события показали, что соперничество между Смоленском и Полоцком носило затяжной характер, без перевеса с чьей бы то ни было стороны, пока в 1242 г. под Смоленском не объявились монголо-татары. В это же время Литва проявила живой интерес к ослабевшей от постоянных военных конфликтов Полоцкой земле. Наступал новый период в ее истории и истории княжеств, связанных родовыми узами с Полоцком.

Первоначальная информация о друцких князьях XIII в. и Друцком княжестве этого времени встречается в летописных сообщениях о внутриполитических событиях на восточнославянских землях во время монголо-татарского нашествия. Значительный интерес представляет летописная легенда о том, что после сожжения монголо-татарами Киева киевский князь Дмитрий «а въслышавъ, ижъ моужики мешкають без господаря, а зовоутся дручане, и онъ, собравъшися з людми, пошол ко Друцку, и землю Друцкую посел, и город Друческъ зарубилъ, и назвался княземъ великим дроуцькым» [ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 230, 243–244, 299, 477]. В Ипатьевской летописи под 1196 г. в Друцке назван князь из полоцкой династии Борис [ПСРЛ, 1908, т. 2, стб. 692; 1856, т. 7, с. 105; 1949, т. 25, с. 98].

Важнейшими источниками по истории Толочина и Друцка являются законодательные акты различных эпох, в первую очередь привилеи и листы великих князей литовских, которыми определялись принципы и порядок владения или пользования данными имениями. Подобными документами предоставлялись некоторые дополнительные права или привилегии для собственников этих владений, или для самих владений, или отдельных населенных пунктов в них как субъектов хозяйствования. Большинство законодательных документов сохранилось в составе книг Метрики Великого Княжества Литовского. Так, в частности, в одной из них содержится привилей Толочину на магдебургское право 1634 г., привилей 1713 г. на право проведения ярмарок и торгов в Толочине. Привилей на магдебургское право имеет огромное значение для изучения организации самоуправления города. Привилей 1713 г. на торги и ярмарки определял наиболее общие правила проведения торговых операций на территории города и регламентировал порядок в торговые дни и дни проведения ярмарок.

Большое значение для изучения истории Друцка и Толочина имеют различного рода документы юридического характера. В первую очередь это материалы судебных органов ВКЛ XVI–XVIII вв. (в основном документы из гродских (замковых) книг Оршанского повета и Трибунала ВКЛ). Так, в составе судебных книг содержатся завещания (тестаменты) владельцев Друцка и Толочина, материалы об имущественных и пограничных тяжбах и др. В завещаниях имеется информация о том, кому, по какой причине и на каких условиях передавали имения или их части. Здесь же нередко

содержалась информация о степени экономического развития владения, о долгах владельца или суммах ему причитающихся от других лиц, о постройках, которые имелись в этих имениях (костелы, церкви, корчмы, господские и хозяйственные помещения и т. д.), источниках доходов (торговое мыто, мостовая пошлина и др.).

В составе гродских книг Оршанского повета выявлены вызовы в суд (судебные доводы, позвы), материалы судебных заседаний (процессы), решения (декреты) по делам, которые относились к Друцку и Толочину. Помимо того, в гродских книгах содержатся записи об одолжении денежных сумм, аренде данных имений, всевозможные судебные тяжбы между совладельцами различных частей этих владений, сведения о продажах или покупках земельной собственности, границах имений. Важны также содержащиеся в судебных книгах документы с претензиями имущественного или юридического характера отдельных шляхтичей к представителям рода князей Друцких, Сапегов, Шеметов относительно Друцка и Толочина. В книгах Трибунала ВКЛ по имениям Друцк и Толочин в основном содержатся декреты, т. е. судебные решения, которые принимал суд последней (высшей) инстанции. Все эти материалы позволяют восстановить картину наследования (владения) Друцка и Толочина на протяжении нескольких столетий представителями различных ветвей родов князей Друцких, Сапегов, Шеметов, Сангушек.

Для исследования истории родов владельцев Друцка и Толочина важны и документы оршанских поветовых сеймиков: кредeнсы послам или депутатам, постановления (лаудумы), инструкции послам (депутатам) и протестации против сеймиков. Эти документы дают возможность проследить участие владельцев Друцка и Толочина Шеметов в поветовых сеймиках, выполнение ими общественных функций (директора сеймика, депутата, поветового полковника или ротмистра), их принадлежность к той или иной магнатской группировке.

Креденс – документ, который выдавали послам или депутатам, подтверждающий легитимность их избрания. Лаудум сеймика – постановление, принятое на сеймике и потвержденное подписью директора сеймика, а в некоторых случаях и его участниками. Протестации против сеймиков и их решений были вызваны злоупотреблениями и нарушениями, которые допускали ответственные за созыв и проведение сеймиков должностные лица. Действительной причиной таких протестаций могла быть борьба между соперничавшими политическими группировками, которую вели в повете. Именно поэтому в протестациях чаще всего содержалась информация о принадлежности представителей рода Шеметов, владельцев Толочина и Друцка, к той или иной магнатской группировке.

В инструкциях, вырабатываемых сеймиками для своих депутатов, была изложена позиция шляхты относительно тех проблем, которые, по ее мнению, заслуживали рассмотрения на сейме. Обычно они были основаны на принятых решениях, но составлены по-разному, так как не было единого стандарта в составлении таких инструкций. Часто инструкцию составлял

посол или директор сеймика и утверждал своей подписью. Именно поэтому для данного исследования большое значение имеют инструкции, подписанные послами или директорами сеймиков – владельцами Друцка или Толочина. Кроме того, в инструкциях иногда содержится и другая информация, в основном политического или общественного характера, относительно различных представителей рода Шеметов. Все эти документы были использованы при написании биографий представителей рода Шеметов.

Основным источником для изучения хозяйственного развития Друцкого и Толочинского имений являются инвентари. В инвентарных описаниях владений содержится разнообразная информация о состоянии хозяйства. В инвентарях имеются данные о жилых, хозяйственных (пекарни, пивницы, возовни, конюшни и др.) и даже культовых постройках в имении, о состоянии господского хозяйства, количестве дворовых слуг, их занятиях, количестве скота и птицы, дворовых садах и огородах, полевых посевах и сборе урожая и пр. Обычно в инвентарях помещали и сведения о сельской волости, принадлежавшей к имению, с перечислением всех сел и указанием в них жителей (подворно или пофамильно) с количеством земли у крестьян, тяглого и продуктивного скота, часто другого имущества и с обязательным обозначением размеров повинностей и суммы налогов, которые взимали с феодально зависимого населения.

В Беларуси инвентари появились в XVI в. и сначала имели разные названия: реестры, ревизии, люстрации, инвентари и т. д. Составляли их от случая к случаю. Однако с середины XVI в. сначала в государственных, а затем и в частных владениях инвентари стали составлять регулярно. Вместе с тем эти документы (и информация в них) различаются в зависимости от причины, по которой они были составлены. Наиболее полными были инвентари, составленные при передаче имения во временное держание (аренду). Достаточно полную информацию содержали инвентари, составленные как учетно-хозяйственные документы имения. Меньше сведений было в инвентарях, составленных для юридических целей (завещание, продажа, покупка, дарение имения). Благодаря анализу сведений, содержащихся в инвентарных описаниях Друцка и Толочина за XVI–XVIII вв., можно достаточно полно проследить эволюцию развития различных отраслей хозяйства в них, определить уровень экономического состояния владения в тот или иной период и даже реконструировать планировку и архитектуру Друцкого замка, выяснить размещение различных построек Толочинского двора, городов Друцка и Толочина.

Первые из известных инвентарей Толочинского двора относятся к 1565 и 1566 г. Они были составлены по поручению владельца имения Ивана Горностая. В настоящее время эти документы хранятся в фонде Архива Потоцких из Радзыня Главного архива древних актов (Варшава). Сохранились инвентари имения Толочин за 1715, 1733, 1738, 1746, 1749, 1760, 1795 г. [ANKr, AS, sygn. 416-1, 416-2, 416-4, 416-5, 416-6 и др.]. Они являются ценным источником для установления реального экономического состояния имения. В инвентарях Толочина и Друцка содержится информация о состоя-

нии хозяйственных строений, посевах в господском хозяйстве, о заселении города (описание начинали с рынка и проводили по улицам), о размере и структуре земельного надела мещан и крестьян имения. Здесь приведены также сведения о ненадельном землепользовании крестьян и городских жителей, о землях общего пользования. Помимо экономической информации относительно господских и крестьянских хозяйств в инвентарях есть сведения о повинностях мещан и крестьян (тяглых, чиншевиков). При этом повинности описаны детально. Таким образом, используя данные, содержащиеся в инвентарях, можно проследить динамику экономического развития имения Толочин, выяснить основные отрасли хозяйства, воссоздать планировку господского двора, фольварков, местечек и даже восстановить поименный состав населения на конкретный период и т. д.

Друцк и Толочин в XVI–XVIII вв. являлись административно-территориальными центрами как в региональном, так и в общегосударственном масштабе. Поэтому уже в XVI в. Друцк был обозначен на первых известных географических картах ВКЛ. Несмотря на приблизительность и условность нанесения на них большинства географических объектов, Друцк обозначен довольно точно. Это свидетельствует о том, что картографы владели достоверной информацией о нем. Так, на карте В. Гродецкого «Описание Польши в ее границах и территориях» 1562 г. Друцк отмечен как замок, расположенный по линии Борисов–Дубровно. Орша же была отмечена на этой карте не на своем месте, а немного ниже реального местонахождения. Со второй половины XVI в. Друцк в обязательном порядке был зафиксирован на картах ВКЛ и Речи Посполитой, которые издавали в Европе. Сначала обязательность нанесения Друцка на картах объяснялась его статусом как центра владения, номинальной резиденции князей Друцких, затем – традицией. Например, Друцкий замок можно найти на ряде карт второй половины–конца XVI в.: «Карте части Польши» (1568 г.) Дж. Гоштальди, где Друцк отмечен на левом берегу р. Друть, на одной линии с Дубровно, а Орша намного ниже реального местоположения; «Карте Великого княжества Литовского» (ранее 1589 г.) М. Струбича; карте «Литва» 1572 г. (1595 г.) Г. Меркатора (фото 15), где Друцк расположен на левом берегу р. Друть, на линии Орши и Дубровно, а Борисов отмечен значительно выше Друцка. Наиболее соответствует реальному местоположению Друцк на карте М. Струбича. Правда, здесь он отмечен на левом берегу р. Друть, но Орша и Дубровно обозначены немного выше, а Борисов немного ниже Друцка [ВГАБ, 2009, т. 1, с. 168–171, 185, 187, 189]. Одной из отличительных черт работы картографов того времени было заимствование наработок коллег, что не воспринималось в то время как отрицательное явление, так как не представлялось возможным самостоятельно собирать данные об огромной по размерам территории. Поэтому использование региональных карт, составленных предшественниками, было обычным делом. В связи с этим расположение и обозначение Друцка на разных картах было в основном однотипным, часто содержались и одинаковые ошибки.

В начале XVII в. на географических картах появился и Толочин. Например, Друцк и Толочин как центры имений присутствуют на карте Т. Ма-

ковского «Великое Княжество Литовское» 1613 г., а отображение городов на карте соответствует их реальному месторасположению: Друцк – на правом берегу р. Друть, Толочин – выше Друцка (правда, не на р. Друть). Интересно, что над Друцком уже не помещен значок с изображением княжеской митры, присутствовавший на более ранних картах. Это подтверждает мысль о том, что данный город уже утратил функцию центра (резиденции) многочисленного рода князей Друцких. Такое же положение Друцка и Толочина отмечено на карте Сансона «Части ВКЛ – Полоцкое, Витебское и Мстиславское воеводства» (Париж, 1665 г.).

В последующем при издании карт ВКЛ и Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. Толочин и Друцк постоянно отображали как важные частные административно-хозяйственные центры, а их размещение было показано в основном в соответствии с данными карты Т. Маковского (см. карты Винценто Коронелли «Литва» (Венеция, 1691–1696), Иоанна Гомана «Королевство Польское, Великое Княжество Литовское» (Нюрнберг, 1707 г.), Я. Непрецкого «Великое Княжество Литовское с его делением на воеводства и поветы» (Нюрнберг, 1749 г.), Бартоламео Фолины «Генеральная и обновленная карта Польши и Великого Княжества Литовского» (Варшава, 1770 г.)) [ВГАБ, 2013, т. 2, с. 127, 135, 145, 153, 157, 163].

Следует отметить, что на картах с большим масштабом Друцк и Толочин отмечены только как простые населенные пункты или шляхетские дворы, т. е. они обозначены одним значком. С XVI в. стали составлять довольно подробные карты, планы, схемы, панорамы отдельных населенных пунктов: Вильно, Гродно, Несвижа, Клецка, Бреста и др. К сожалению, пока подобные изображения Друцка и Толочина не выявлены. Вместе с тем при проведении ревизии дорог в Толочине (1781 г.) была составлена карта-схема дорог в местечке Толочин, на которой было обозначено расположение основных дорожных коммуникаций (мостов, насыпей) в пределах города и его окрестностей (фото 16). Кроме того, на ней отображены местоположение господского двора, мельницы, униатской церкви, костела, здания почты. Поиск плана Толочина и Друцка времен ВКЛ является актуальной проблемой для современных исследователей данной территории. Сохранился план Толочина 1810 г. (см. рис. 10.1), на котором отмечены все ключевые объекты города. Данный план в настоящее время находится в Российском государственном военно-историческом архиве [Чантурия, 2005, с. 104].

Необходимо подчеркнуть, что для получения реальной, объективной информации по истории Друцкого и Толочинского имений упомянутые источники использовали комплексно, что позволяет создать целостную картину исследуемой проблемы.

Таким образом, выявленный и использованный авторами данной работы корпус письменных документов предоставляет возможность достаточно полно и объективно, на новом источниковедческом уровне решить многие проблемы истории Друцка, Друцкого княжества, Друцкого и Толочинского имений, рода князей Друцких и других родов и фамилий, связанных с ними кровными и имущественными связями.

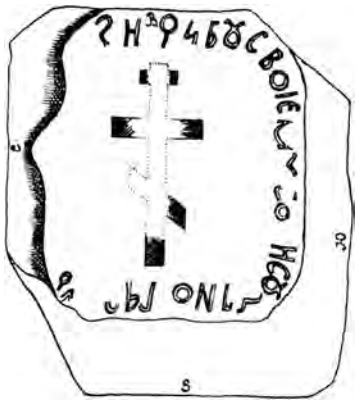


Рис. 1. Борисов камень. 1128 г.
[Память ... , 1988, с. 42]

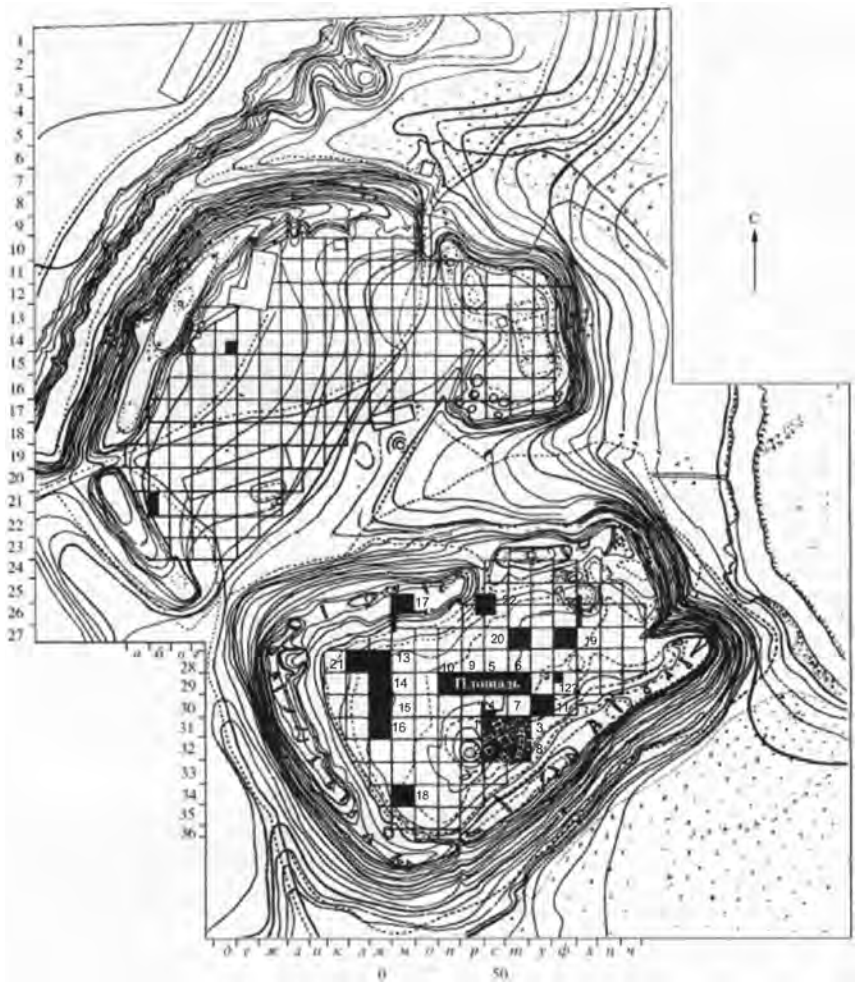


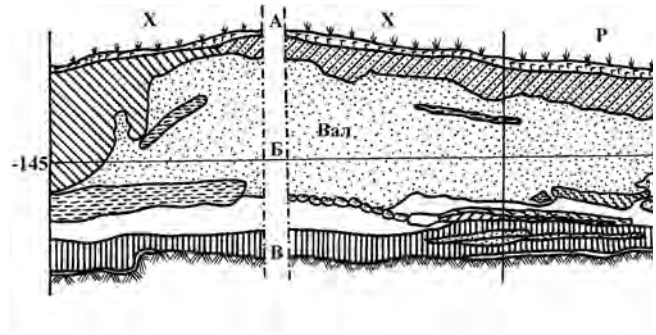
Рис. 2. План детинца (городища) и Окольного города Друцка. 1957 г. Снят Л. В. Алексеевым с обозначением раскопов арабскими цифрами (в отчетах исследователя им соответствует нумерация римскими цифрами)

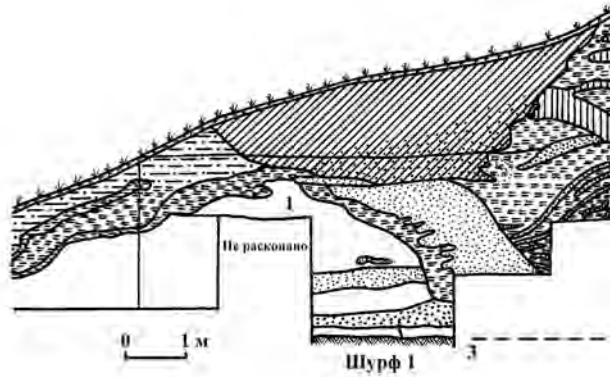
Рис. 3. Начало раскопок Л. В. Алексеева. Детинец. Друцк. 1957–1958 гг. Архив ИИ НАНБ

Рис. 4. Раскопы XIII–XVI. Западная часть детинца. Вид с севера. 1961 г.

а

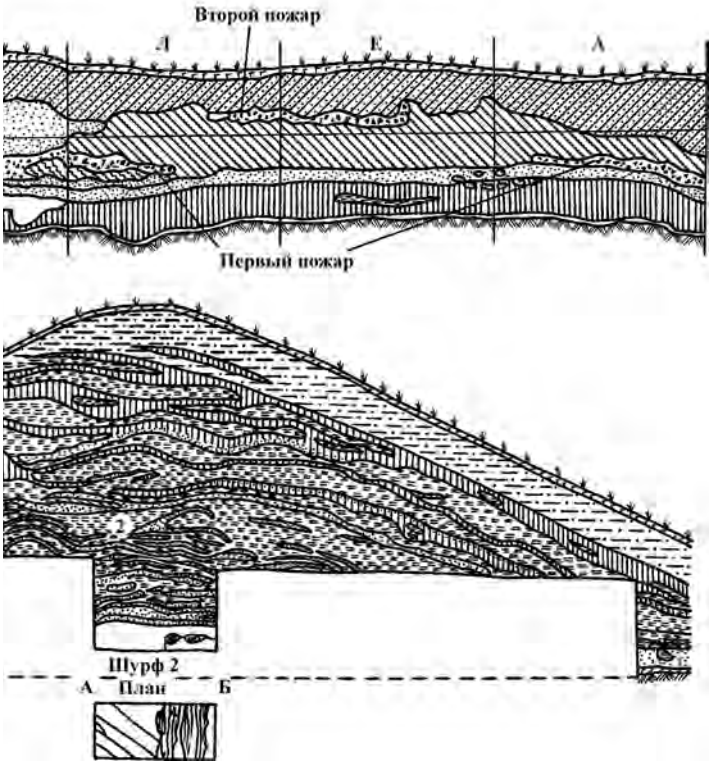
б





в

Рис. 5. Окольный город Друцка: *а* – панорама, вид с детинца; *б* – раскопки Л. В. Алексеевым



вала Окольного города; *в* – профили раскопов Л. В. Алексеева в Окольном городе

Рис. 6. Курганы на левом берегу р. Друть напротив детинца Друцка. 1962 г. Могильник привязан Л. В. Алексеевым к д. Сенчуки. Архив ИИ НАНБ

а

б

Рис. 7. Раскопки курганов на левом берегу р. Друть напротив детинца: *а* – общий вид погребального обряда в кургане; *б* – погребальные урны в деревянной оградке, курган № 2. 1962 г.

1 - Детинец
2 - Окольный город
3 - Курганы X–XII вв.
4 - Мельница
5 - Крыница
6 - Церковь

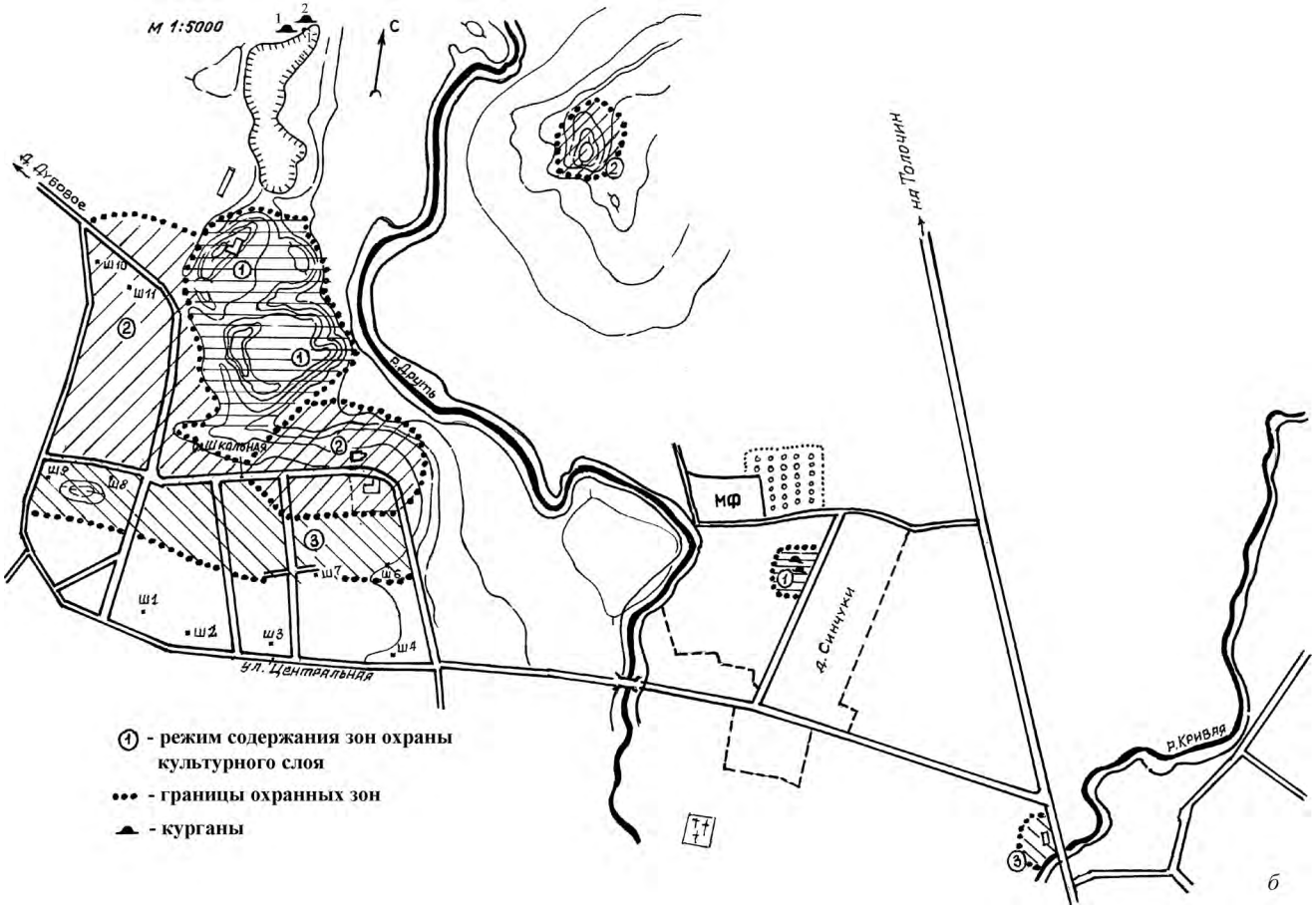


Рис. 8. Охранная зона Друцка: *а* – исследование территории агрогородка Друцк шурфами и раскопами; *б* – выделение охранных зон разной категории. 2007 г. Составитель – О. Н. Левко

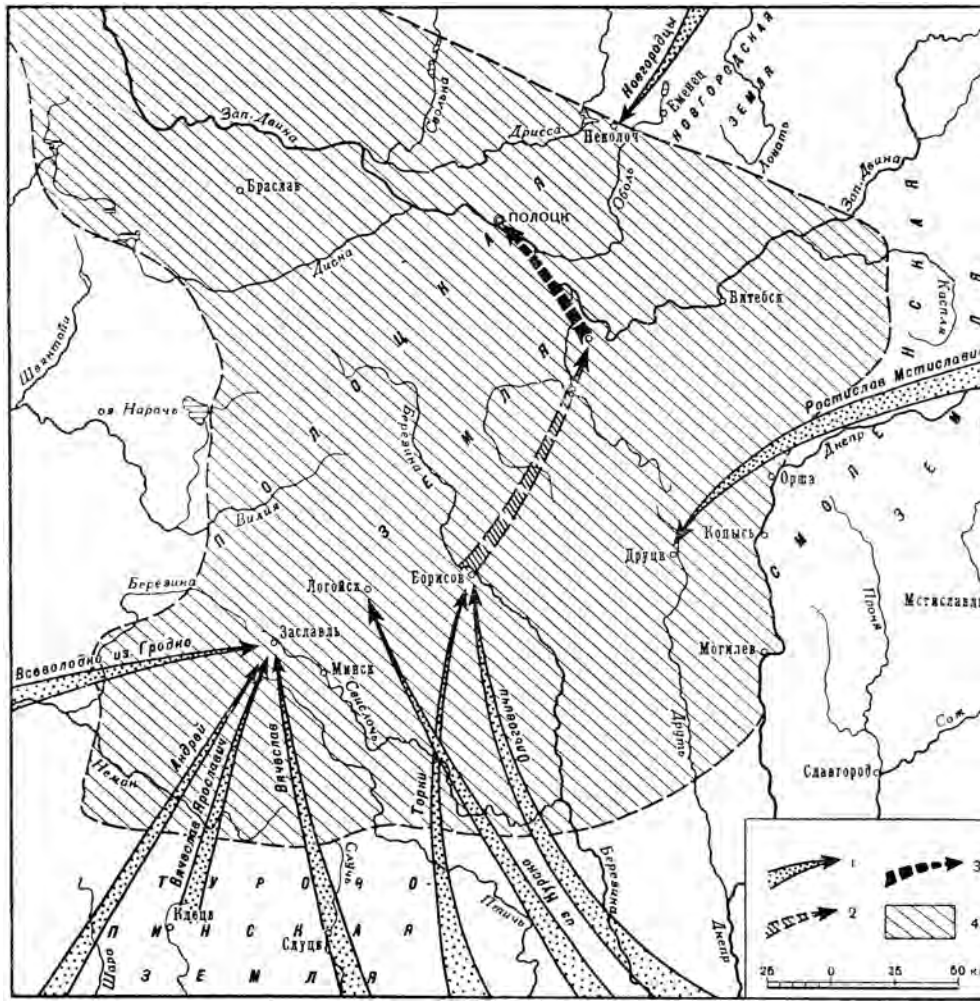


Рис. 9. Коалиционный поход русских князей на Полоцкую землю 1128 г. (по Л. В. Алексееву): *1* – южнорусская коалиция; *2* – неосуществленная часть похода Ольговичей на Стрежев; *3* – предполагаемое направление удара Ольговичей; *4* – территория Полоцкой земли

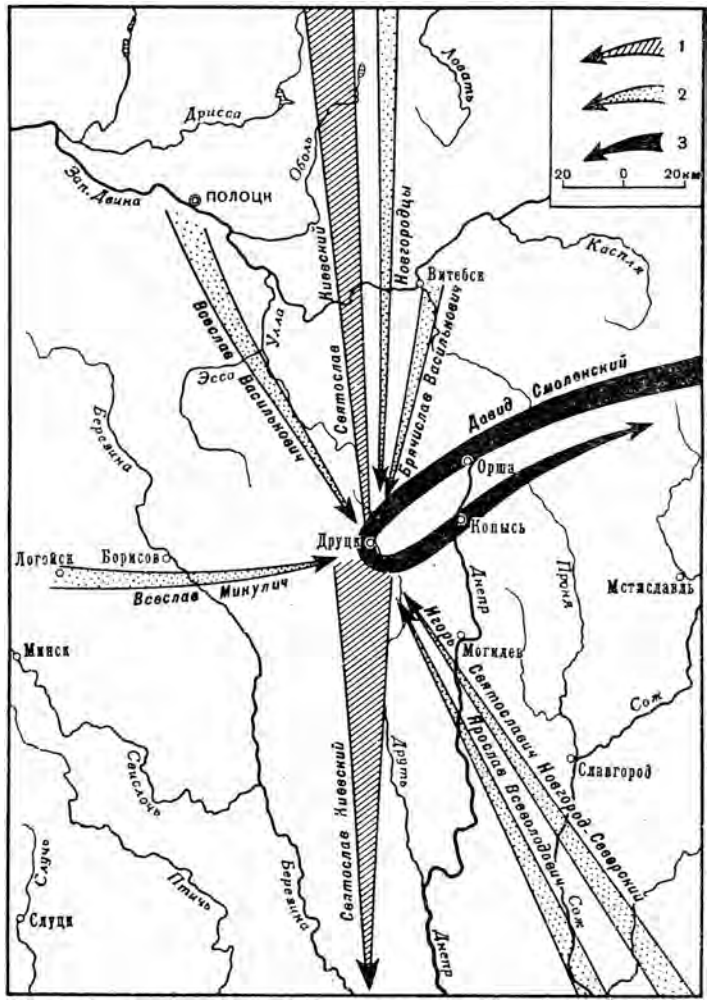


Рис. 10. Коалиционный поход князя Игоря Святославича и других князей на Друцк 1180 (1181) г. (по Л. В. Алексееву): *1* – движение Святослава Киевского; *2* – движение его союзников; *3* – движение Давида Смоленского

I

ДРУЦК И ДРУЦКАЯ ВОЛОСТЬ (КНЯЖЕСТВО) В IX–XII вв.

1. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ДРУЦКОЙ ВОЛОСТИ

1.1. Характеристика округи Друцка в контексте развития региона Оршанского Поднепровья в 1-м тысячелетии н. э. *(О. Н. Левко)*

Исследователи укрепленных поселений древнерусского времени обычно, учитывая визуальные данные и географическое положение, при минимуме археологической информации выделяют общинные центры, городища-убежища, святилища VIII–X вв., часть из которых на протяжении XI–XII вв. становились городами, замками, крепостями. Для каждой из выделенных по функциональной принадлежности категорий памятников существует набор обязательных признаков, позволяющих их различать. В то же время не всегда эти признаки выражены в достаточной степени, ведь укрепленные поселения могут проходить несколько стадий в своем развитии, но не каждая стадия приобретает завершенную форму. Для того чтобы с большей достоверностью определить характер памятника на некотором временном отрезке, необходимо располагать не только материалами его археологического исследования, но и учитывать место данного объекта в развитии территориально-административной структуры региона в целом. Важным фактором в определении сущности укрепленного поселения является анализ военно-политического, хозяйственно-экономического развития как региона, в котором он находится, так и взаимосвязи данного региона с прилегающими территориями.

В регионе Оршанского Поднепровья существовали общинные центры, часть из которых к концу IX в., возможно, уже трансформировалась в племенные. К центрам, сформировавшимся на основе поселенческих структур третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. и более раннего времени в бассейне р. Друть и ее притоков относятся поселения на территории Друцка, городища у д. Кисели (Дымокуры), Багриново, Соколино, Усвиж-Бук и др. К сожалению, городище в д. Соколино, на котором в позднем средневековье располагалась усадьба князей Друцких-Соколинских, в 70-е годы XX в. было уничтожено карьером. Та же участь постигла и городище у д. Багриново. К началу 90-х годов XX в. здесь остался лишь небольшой участок площадки с фрагментом вала (рис. 1.1, *а*). Лучше всех сохранилось городище у д. Кисели (Дымокуры) (рис. 1.1, *б*), на котором уже в 50–60-е годы XX в. Л. А. Михайловский и Л. В. Алексеев осуществили шурфовку и зачистку стенки естественного оврага, прорезавшего площадку городища (про-

моина от близко расположенной реки) (рис. 1.2) Исследования городищ у д. Кисели и Багриново Толочинского района (рис. 1.1; фото 1) проведены О. Н. Левко в 1988–1990 гг.

Городище Кисели (Дымокуры) расположено в 0,2 км южнее д. Кисели (Дымокуры). Высота городища над уровнем р. Соколянка (приток р. Адров), протекающей у его подножия с запада, – до 15 м. С южной стороны глубокий овраг отделяет городище от соседней высокой горы. С востока городище защищено тремя валами. Вал, проходящий по краю площадки, имеет подковообразную форму, его высота в центральной части достигает 8,2 м, а у северного и южного краев – 1,0–1,5 м. Два наружных дугообразных вала достигают в высоту 1,2–1,5 м. Площадка городища имеет подпрямоугольную форму, вытянута с востока на запад, размер ее составляет 42 × 32 м. Северную часть прорезает оврагообразная трещина. Овраг заходит в глубь городища до центра площадки (рис. 1.1, *б*). В стенках его прослеживается интенсивно темный культурный слой, который разрушается по мере роста оврага и деревьев по его склонам. Склоны и валы городища поросли березами, кустарником. Площадка ровная, заросла травой.

В 1950 г. овраг обследовал Л. А. Михайловский. Выявленную при зачистке оврагообразной трещины на площадке городища лепную керамику он отнес к культуре штрихованной керамики, днепродвинской культуре и культуре верхнего слоя банцеровского городища; круговую – к домонгольскому времени. Им же была найдена половинка литейной формочки для отливки украшений (рис. 1.3: *21*). В 1959 г. городище обследовал Л. В. Алексеев, который обнаружил позднескифский бронзовый наконечник стрелы (рис. 1.3: *1*), датированный исследователем IV в. до н. э. [Міхайлоўскі, 1951, № 5; Алексеев, 1959а, т. 1, с. 300].

Раскопки на территории городища впервые были предприняты О. Н. Левко в 1988 г. и осуществлялись в течение двух сезонов (1988–1989 гг.). Общая вскрытая площадь (раскопы I, II и шурф) составила 168 м^2 [Левко, Колосовский, 1994а]. В 1988 г. был заложен *раскоп I* площадью 60 м^2 (6 × 10 м) в юго-западной части городища и *шурф I* площадью 16 м^2 (4 × 4 м) в северо-западной его части. В 1989 г. к раскопу I с южной и западной сторон был прирезан *раскоп II* площадью 92 м^2.

Мощность культурного слоя в *раскопе I* колебалась от 0,35 до 1,00 м. Стратиграфия представлена верхним серым слоем и нижним слоем черного цвета с углями. Понижение материка прослеживалось с востока на запад вдоль линии квадратов 5–1 и с севера на юг по линии квадратов 5, 10, 15 и 1, 6, 11. Поэтому в западной части раскопа в отличие от восточной было вскрыто от 3 до 5 пластов. В *шурфе I*, заложенном в северо-западной части площадки городища, мощность слоя составила до 2,0 м. Верхний серый слой и нижележащий слой черного цвета с углями в шурфе разделяла *песчаная прослойка*. Выявленный здесь же нижний (третий) предматериковый светло-серый слой соответствовал времени наиболее раннего заселения территории. В *раскопе II,* прирезанном к раскопу I, мощность культурных напластований, как и в шурфе, достигала 2,0 м. Помимо уже зафиксиро-

ванных ранее стратиграфических напластований, в данном раскопе между верхним слоем серого цвета и нижележащим черным слоем выявлена насыпь первоначального вала, опоясывавшего площадку городища по всему его периметру, представленная светло-желтым песком с глиной. Ширина вала на вскрытом участке составила до 4,0–4,5 м при толщине от 0,2 до 1,0 м. Южный профиль раскопа II фиксирует горелое дерево на границе залегания верхнего культурного слоя и насыпи вала, внутри насыпи (рис. 1.4, *б*), а также следы столбовых конструкций, связанных с насыпью вала и прорезавших нижележащие слои. Со стороны площадки на вал заходила каменная вымостка. Для верхнего слоя характерны древнерусские железные ножи, ключи, шиферные пряслица, здесь присутствовала булавка с кольцом скандинавского типа (рис. 1.3: *22*; фото 4: *2*). Из цветных металлов выполнены бронзовые литые перстни, пластинчатые браслеты со штампованным орнаментом, подковообразные фибулы (рис. 1.3: *14, 15, 17, 18*; фото 4: *10*), встречаются фрагменты стеклянных браслетов. Выявленные материалы свидетельствуют о широком спектре связей местного населения в X–XII вв. [Левко, 1993].

В нижележащем черном слое располагались железные шпоры V типа варианта А (по В. Б. Перхавко), серпы второй группы (по Р. С. Минасяну), фрагмент железного пинцета (рис. 1.3: *12*), детали поясного набора (рис. 1.3: *13*; фото 4: *6*). На памятниках Верхнего Поднепровья типы выявленных в Киселях шпор (рис. 1.3: *20*) и серпов исследователи ограничивают VI–VII вв. н. э. [Перхавко, 1978, № 3, с. 122; Минасян, 1978, № 19, с. 79]. К числу датирующих второй (черный) слой находок относятся также бронзовые браслеты овального сечения с расширенными орнаментированными концами (рис. 1.3: *9, 10*; фото 4: *7*). Ближайшие им аналогии содержит культурный слой Банцеровского городища и селища колочинской культуры Воробьевка-2, а также длинный курган № 6 в Полибино, датируемый В. В. Седовым VII–VIII вв. н. э. [Седов, 1974, вып. EI-8, табл. X, № 195; табл. 26: *11*]. В этом слое находилось и крупное бусообразное янтарное изделие неправильной формы, диаметром свыше 3 см при толщине 1–2 см, с закругленными краями и отверстием в центре диаметром 4 мм (рис. 1.3: *16*). Изделия подобной формы и диаметра, но плоские, выявлены на синхронных памятниках Оршанского Поднепровья: Вежки и Никодимово [Археологическое наследие Беларуси, 2012, с. 49, 52].

Третий (нижний) светло-серый предматериковый слой прослежен лишь на небольшом участке у юго-западного края раскопа II. Его толщина составляет 0,1–0,2 м. Как показали исследования, первоначально городище Кисели было укреплено деревянной изгородью, проходившей вдоль края площадки и фиксируемой в виде столбовых ям диаметром 0,45–0,50 м, заглубленных в материк на 0,8–1,0 м, и углистых прослоек в нижнем горизонте культурного слоя. К этому же горизонту относятся развалы очагов и следы построек, также располагавшихся вдоль края площадки городища. Из семи выявленных *очагов* пять были сооружены в ямах: овальных (№ 2, 3) и прямоугольных (№ 4–6) , имеющих размеры 0,4–0,9 × 0,7–1,8 м при глубине 0,10–0,15 м. Очаги № 1, 7 наземной конструкции представлены скопле-

ниями камней с зольно-угольным слоем между ними. Вблизи очагов выявлены столбовые ямы, указывающие на наличие здесь деревянных построек. С данного участка происходит и основной вещевой материал нижнего слоя: две посоховидные бронзовые булавки и бронзовая фибула среднелатенской схемы (тип 2 вариант Г2 по типологии Ю. В. Кухаренко – А. М. Обломского) (рис. 1.3: *2, 5*; фото 4: *3, 5*); бронзовая эсовидная застежка (рис. 1.3: *4*; фото 4: *4*), аналогичная выявленным на городищах Бураково и Бороники [Шадыро, 1985, рис. 42: *1, 2*]; фрагмент бронзовой пекторали, выполненной в технике литья по восковым моделям (рис. 1.3: *8*; фото 4: *9*), по мнению Е. А. Шмидта, имевшей распространение в среде днепродвинцев в VI–III вв. до н. э. [Шмидт, 1963, с. 174]; фрагмент железного браслета, орнаментированного рубчиками по внешней стороне, бытовавшего в Верхнем Поднепровье до II в. до н. э. [Мельниковская, 1967, с. 80].

Как показывает вещевой состав городища Кисели (Дымокуры), оно представляет собой многослойный памятник в Оршанском Поднепровье. По конструкции укреплений (дугообразный вал по краю площадки с напольной стороны с дополнительными внешними валами и рвами) городище у д. Кисели приближается к городищу у д. Черкасово Оршанского района. Его площадка, как и площадка городища у д. Черкасово, была расширена в сторону реки за счет срытия первоначального кольцевого вала третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. Мощная система укреплений в виде валов и рвов, визуально фиксируемая на городище Кисели, как установлено в ходе раскопок, начала формироваться в третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. и приобрела законченные очертания в XI–XII вв. Вскрытые внутривальные сооружения, к сожалению, были фрагментарны, однако расположение бревен позволяет предположить, что их конструкция была решетчатая. Четко выраженная решетчатая внутривальная конструкция прослежена О. Н. Левко в 1990 г. при исследовании вала третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. на городище Багриново Толочинского района (рис. 1.4, *а*). Решетчатые внутривальные конструкции также зафиксированы Ю. В. Колосовским в 1998 г. в Дубровенском районе на городище Понизовье [Археологическое наследие Беларуси, 2012, с. 47], что подтверждает общее распространение на городищах Оршанского Поднепровья в данный период времени такого типа конструкций [Левко, 1994б, вып. 5, с. 207–226].

Для понимания вопроса о составе населения, которому принадлежало данное городище на протяжении всего времени его функционирования, необходимо также обратиться к самому массовому материалу – керамике. Керамический комплекс городища Кисели представлен лепной и круговой древнерусской посудой.

Керамика нижнего слоя насчитывает несколько видов и типов форм, характерных для культур днепро-двинской, штрихованной керамики средней Беларуси, Витебского Подвинья и Смоленского Поднепровья. По элементам домостроительства нижний слой городища Кисели относится к днепродвинской культуре. В керамике широко распространена штриховка как способ обработки поверхности сосудов, имеются ребристые формы с эсо-

видной профилировкой верхней части. Эти особенности являются результатом как длительного взаимодействия культур днепро-двинской и штрихованной керамики, так и проникновения отдельных групп «штриховиков» в области днепро-двинцев в последней четверти 1-го тысячелетия до н. э. – на рубеже н. э.

Керамика среднего слоя третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. представлена фрагментами груболепных горшков различной профилировки. Целых форм не найдено. Выделено три основных вида посуды. Более половины составляют горшки округлобоких очертаний с суженной горловиной, изогнутой шейкой и приподнятым округлым плечиком. Ребристые с перегибом тулова на середине высоты горшки составляют от 35 до 40% от всего керамического комплекса городища Кисели. Горшки тюльпановидных очертаний с широкой, слегка суженной горловиной и максимальным расширением в середине или верхней трети высоты с закругленным краем венчика относятся к третьей группе. Кроме перечисленных форм посуды в керамическом комплексе городища Кисели имеются горшки с оттянутым (рис. 1.5: *2*) или налепным орнаментированным косыми насечками валиком под венчиком (рис. 1.5: *7*). Они составляют 3—5% от общего количества посуды. Большая часть этих горшков относится к видам 1 и 3 и имеет, как правило, средние размеры. Такие же горшки встречены и на территории Друцка в нижнем слое Окольного города (рис. 1.6: *1*).

При сопоставлении керамического комплекса третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. городища Кисели с аналогичными материалами синхронных памятников прилегающих территорий Верхнего Поднепровья, Подесенья и Посожья обнаруживается наибольшая его близость с керамическим комплексом, характерным для колочинской культуры. В материалах последней присутствуют все отмеченные виды керамики, в том числе и горшки с валиком под венчиком, орнаментированным косыми насечками [Горюнов, 1981, с. 15–23]. Аналогичная посуда выявлена и на синхронных Киселям городищах Оршанского Поднепровья: Черкасово Оршанского района, Вежки Дубровенского района, Никодимово Горецкого района. Это дает основание отнести материалы третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. городища Кисели и синхронных ему городищ Оршанского Поднепровья к колочинской культуре.

Керамический материал *верхнего слоя* городища Кисели представлен лепной и круговой посудой. Следует отметить, что на финал пеньковской и колочинской общностей в Поднепровье приходится выпадение горизонта кладов первой группы древностей антов. Это, в свою очередь, связано с распространением культур Луки-Райковецкой и Волынцевской (не ранее конца VII в.). В Верхнем Поднепровье Беларуси процесс смены культур сопровождался пожарами на городищах, появлением новых типов керамики (волынцевской, луки-райковецкой). Лука-райковецкая керамика IX–X вв. зафиксирована как на исследованных городищах Оршанского Поднепровья (Кисели, Вежки), в Друцке, так и в ранних курганах региона [Колосовский, 1999, с. 31–32; Левко, 1990, с. 36–38] (рис. 1.5: *3, 4, 6*; 1.7; 1.8: *3*; 1.9: *5*).

В регионе Оршанского Поднепровья ряд укрепленных поселений со слоями X–XII вв. располагался непосредственно по берегам р. Днепр либо на некотором удалении от нее на крупных притоках. Укрепленные поселения были расположены на притоках р. Днепр: в агрогородке Друцк – р. Друть; у д. Кисели (Дымокуры) – р. Соколянка, приток р. Адров; у д. Черкасово – р. Почаница, приток р. Оршицы; у д. Горы – р. Быстрая.

Культурный слой укрепленных поселений содержит материалы племенной эпохи и древнерусского времени. О наличии преемственности этих напластований говорить сложно. Лишь на городище у д. Кисели (Дымокуры) выявлены керамические материалы, которые могут связывать между собой поселение племенной поры (IX–X вв.) и древнерусское. О взаимосвязи южного населения, занявшего эту территорию во второй половине 1-го тысячелетия н. э. и кривичей, проникших в Оршанское Поднепровье в последней четверти 1-го тысячелетия н. э. с севера, свидетельствуют и курганные древности в окрестностях Друцкого городища [Левко, 2001б, № 1 (8), с. 16–29]. Однако этнический аспект, несмотря на значительную выраженность кривичских древностей в курганных могильниках сельского населения региона XI в. – начала XII в., теряет смысл при рассмотрении материальной культуры укрепленных поселений этого времени. Состав вещевых комплексов указывает на степень развития ремесленной деятельности, характер торговых связей, социальную принадлежность объекта, его значимость в территориально-административной системе.

Вполне очевидным является и тот факт, что функциональное назначение поселений древнерусского времени иное, чем это было в племенную эпоху. Первоначально данные укрепленные поселения являлись городищами-убежищами либо общинными центрами (в пользу использования исследованных объектов в качестве культовых данных не выявлено). Когда же племенные территории стали подчиняться государственным образованиям, то укрепленные поселения использовали для упрочнения власти на местах. В целях сбора дани с подчиненных племенных территорий внутри них создавали хозяйственно-административные пункты – погосты, контролирующие определенные округа. Система погостов известна со времени правления киевской княгини Ольги. В 947 г. она проследовала из Киева на север, устанавливая контроль над взиманием дани с подчиненных племенных структур. Есть основания считать, что первые погосты в Оршанском Поднепровье также были связаны с деятельностью киевской княгини [Левко, 2004]. Административно-фискальный центр должен был располагаться в гуще платежеспособного населения. Материалы X в. выявлены на поселениях в Друцке, Киселях-Дымокурах и на других памятниках Оршанского Поднепровья. Укрепленное поселение в Киселях-Дымокурах было расположено на волоке (рис. 1.10: *2*) при переходе из р. Кривая (приток р. Друть) в р. Адров (приток р. Днепр). Его функции могли быть связаны с контролем в зоне волоковой системы в условиях активного использования водного пути «из варяг в греки».

Друцк располагался в окружении многочисленных и богатых сельских поселений, о чем свидетельствуют сохранившиеся курганные могильни-

ки X–XI вв. (рис. 1.11), и мог выполнять роль *погоста* [Левко, Колосовский, 1994а, с. 134; Левко, 2004]. На эту его функцию при переходе от племенного строя к раннегосударственному косвенно указывает выявленное на территории посада (бывшего селища) днище горшка с клеймом в виде княжеского трезубца (фото 24: *2*). Клейма с трезубцами на горшках в слоях X в. обнаружены в верховьях притоков р. Днепр – Березины Днепровской (поселение Менка, селища на Птичи), Друти (Друцк) и на самой р. Днепр (Старый Шклов). Они указывают на распространение киевской дани, которой облагали население этих регионов в период интенсивного формирования раннегосударственных структур в Восточной Европе.

1.2. Могильники Друцка и Друцких волоков IX–XI вв.

(О. Н. Левко, А. В. Войтехнович)

Целенаправленое изучение курганных могильников Друцка и его округи началось во время работы археологической экспедиции по изучению городских древностей восточной Беларуси под общим руководством Л. В. Алексеева в 1961–1962 гг. были исследованы три кургана возле д. Сенчуки (рис. 6, 7) (раскопки С. С. Ширинского, Т. Б. Барцевой). В 1967 г. в рамках экспедиции З. М. Сергеевой был изучен курган возле д. Арава [Алексеев, Сергеева, 1973, вып. 135, с. 50–53]. В дальнейшем З. М. Сергеева продолжила изучение курганов в могильниках округи Друцка. В 1967 и 1969 г. она исследовала шесть курганов в могильнике возле д. Багриново [Сергеева, 1969, вып. 120, с. 107–111; 1972, вып. 129, с. 61–63], в 1969 г. – два кургана в могильнике возле д. Волковичи (фото 3, *б*) [Сергеева 1972, вып. 129, с. 63–64], в 1971 г. – пять насыпей в могильнике I возле д. Дроздово [Сергеева 1974, вып. 139, с. 49–51], в 1973 г. – три кургана в могильнике возле д. Скавышки (прил. 1, Сергеева, д. № 414, 414а). О. Н. Левко в 1987 г. исследовала 13 курганов первой группы могильника II возле д. Дроздово [Ляўко, 2000а, с. 87–113], в 1989 г. – один курган у д. Голошево (фото 3, *а*), в 2002 г. – один курган у д. Новинка (прил. 1, Левко, д. № 1179б, 2032). В 1993 г. на могильнике у д. Арава три кургана изучил Я. Г. Риер [Рыер, 1993, спр. № 1498].

В рассматриваемых группах насчитывается от нескольких насыпей до нескольких десятков курганов. Однако следует учитывать, что эти группы могут являться остатками больших могильников, где часть насыпей уничтожена в результате хозяйственной деятельности человека. Все курганы могильников имеют полусферическую форму, вокруг некоторых прослеживаются ровики.

Ядро формирующейся Друцкой волости охватывает окрестности Друцка и характеризуется расположенными здесь погребальными памятниками (рис. 1.11). Волок между реками Кривая и Соколянка (рис. 1.10) открывал путь в р. Адров, впадающую в Днепр. Видимо, это был и кратчайший водный путь из Друцкой волости в Смоленскую.

Л. В. Алексеев считал, что кривичи к концу X в. – началу XI в. вышли на «незанятые славянами земли верхней Друти» [Алексеев, 1998, с. 10]. На ошибочность этого утверждения указывают, прежде всего, материалы раскопок курганов в Сенчуках и Араве [Алексеев, Сергеева, 1973, вып. 135, с. 49–55]. Обращает на себя внимание и тот факт, что именно в рассматриваемом регионе курганы, по наблюдениям З. М. Сергеевой (рис. 1.12), называли «копцы», а не «волотовки», как в северном Подвинском кривичском регионе. Это значит, что появившиеся на Друцких волоках кривичи попали в уже хорошо освоенную славянским населением зону. Кремированные погребения могильников Арава, Сенчуки, Загородье, Дроздово из окрестностей Друцка по характеру обряда, а также благодаря наличию изготовленных на круге горшков-урн, восходят к курганным древностям славянской культуры Лука-Райковецкая [Археология Украинской ССР, 1986, т. 3, с. 181, 183, 186], население которой, видимо, продвинулось в рассматриваемую зону уже в VIII/IX–X вв. Доминирование в центральной части территории Беларуси круговой посуды над лепной в середине и даже первой половине X в. зафиксировано также по материалам курганного могильника и неукрепленного поселения в Заславле [Заяц, 1995, с. 75], расположенного в верховьях р. Птичь, притока Березины Днепровской. Керамические формы Лука-Райковецкой культуры эволюционировали от пражско-корчакских древностей, а некоторая их округлобокость была привнесена влиянием пеньковской культуры. На наиболее поздних лука-райковецких памятниках зафиксирована круговая посуда с «манжетообразным» венчиком. Все эти черты соответствуют раннекруговой посуде из региона центральной Беларуси, в том числе из Друцка и его округи (рис. 1.8, 1.13, 1.14). Таким образом, направление распространения раннекруговой керамики с юга в центральную часть территории Беларуси очевидно: это притоки р. Днепр – р. Друть и р. Березина.

Погребения по обряду кремации. Памятников, содержащих погребения по обряду кремации в окрестностях Друцка, известно пока немного. Все они расположены на друцко-полоцком направлении: два непосредственно вблизи Друцка – Сенчуки и Арава, и два вблизи р. Малиновка – Загородье и Дроздово (рис. 1.11). Возможно, к ним примыкают курганы у д. Красная Горка (фото 2, *б*), близко расположенные от курганной группы у д. Загородье. Погребения по обряду кремации, выявленные в могильниках из окрестностей Друцка, делятся на заключенные в деревянные оградки и без оградок. Причем в обоих случаях они могут быть урновыми и безурновыми.

Дроздовский могильник II состоит из двух групп, содержавших 13 и 24 кургана соответственно. Погребение в оградке без урны выявлено в кургане № 9 первой группы Дроздовского могильника II. Курган имел высоту 1,8 м и был слегка вытянут с севера на юг (10,6 × 9,7 м). У основания насыпи прослежено зольно-угольное пятно размерами 9 × 8 м, которое в центральной части кургана составляло более 0,5 м в высоту. В северо-восточном секторе на высоте 0,52 м от основания кургана выявлены остатки сгоревшей дере-

вянной конструкции прямоугольной формы, ориентированной с запада на восток (рис. 1.15: *II*). В длину она сохранилась на 1,6 м. Ширина ее составила 0,74 м, высота – 0,15 м. Внутри сооружения находился темный жирной консистенции слой с углями и скопление кальцинированных костей. Множество осколочных кальцинированных костей собрано за пределами деревянной конструкции внутри зольно-угольного пятна.

Второе погребение по обряду кремации в Дроздовском могильнике II выявлено в кургане № 12. Высота кургана – 1,7 м, диаметр – 9,0 м. У его основания зафиксировано зольно-угольное пятно размерами 7,2 × 7,0 м. Толщина зольного слоя достигала 1,3 м, и он был разделен по горизонтали несколькими тонкими угольными прослойками. Примерно на высоте 0,5–0,6 м от основания кургана в зольном слое были обнаружены три погребения, два из которых (погребения № 1 и № 3) выполнены по обряду ингумации, а погребение № 2 – по обряду кремации. Это погребение находилось в северо-восточном секторе, на расстоянии 2,4 м от края зольно-угольного пятна. Кальцинированные кости, образуя компактный массив, располагались на площади 0,4 × 0,8 м. С северной стороны от костей на боку лежал целый круговой горшок с высоким узким вертикальным горлом, украшенный по плечику волнистым, а по тулову линейным многорядным орнаментом. На днище горшка имелось клеймо в виде двух кругов, заключенных один в другой (рис. 1.9: *5*). Южнее костей обнаружены железный нож, длина лезвия которого составляла 8 см, и железная застежка с отпечатком ткани с наружной стороны (рис. 1.16: *4*). Погребение № 1 (сильно обгоревший костяк) было ориентировано головой на запад. У ног костяка найден горшок без венчика с линейным рифлением у плечика и клеймом на днище в виде креста, заключенного в ромб (рис. 1.9: *6*). В женском погребении № 3 без следов огня с западной ориентацией присутствовал богатый инвентарь: четыре серебряных проволочных височных кольца – три с заходящими и одно с небрежно завязанными концами; два бронзовых проволочных колечка (рис. 1.17: *14, 16, 19, 23, 24*), одна крупная (высотой 1,8 см и диаметром 0,8 см) цилиндрическая бусина синего стекла, одна крупная (высотой 1,1 см и диаметром 1,25 см) цилиндрическая бусина желтого глухого стекла с восьмеркообразным орнаментом – роспись зеленой широкой нитью (фото 36: *5*) (Передняя Азия, VIII–X вв. ?), одна округлоребристая бусина – шесть неравных долек бирюзового фаянса (фото 36: *7*) (Египет, II в. н. э. ?), одна цилиндрическая ребристая бусина (девятилепестковая розетка в сечении) коричневого стекла с поперечным золочением (фото 36: *6*) (Византия, X в.). Весь комплекс инвентаря позволяет датировать курган (в том числе и трупосожжение) X в. [Левко, 1988, с. 78–83].

В 1888 г. курган с трупосожжением, помещенным в горшок на кострище, был раскопан в Загородье [Романов, 1889, т. XIII, вып. 1, с. 144–146]. В кургане № 2 могильника Сенчуки и кургане № 1 могильника Арава выявлены погребения по обряду кремации, заключенные в круговые урны внутри деревянных оградок на подсыпке (рис. 1.15). Наличие деревянных оградок сближает их с погребением в кургане № 9 Дроздовского могильника.

В *могильнике у д. Сенчуки,* располагавшемся на правом берегу р. Друть напротив детинца Друцка, в 1873 г. насчитывалось 48 насыпей, в 1961 г. было зафиксировано 8 курганов. В одной из насыпей погребения не обнаружено. В кургане № 2, который имел высоту 1,85 м, в южной части на подсыпке высотой 0,6 м найдены следы сгоревшего деревянного ящика размером 0,7 × 0,7 м. Внутри него находились шесть круговых горшков (погребальных урн) с пережженными костями. Горшки, вероятно, разместили в два ряда. Иного инвентаря не было. С восточной стороны ящика на расстоянии 1,3 м от его стенки найден еще один подобный горшок, но без погребения в нем (рис. 7).

К безурновым захоронениям по обряду кремации, однако с наличием рядом с ними раннекруговых горшков, относятся также погребения № 1 и № 2 из кургана № 3 могильника Сенчуки. Первое из них обнаружено на глубине 0,4 м от поверхности кургана в зольно-угольном слое. Оно занимало площадку диаметром до 0,5 м. Рядом с кальцинированными костями находился раздавленный горшок. Второе скопление кальцинированных костей выявлено в этом же кургане на глубине 0,7 м от его поверхности в зольно-угольной прослойке на площади 88 × 68 см. Рядом зафиксированы два целых раннекруговых горшка, еще два раздавленных сосуда и днище большемерного горшка. Кроме того, погребение содержало побывавшие в огне обломки железных (височных ?) колец, оплавившуюся глазчатую бусину, фрагменты зонных зеленых и синих бус [Алексеев, Сергеева, 1973, вып. 135, с. 51]. По характеру погребения курган № 3 из могильника Сенчуки схож с погребением № 2 из кургана № 12 в Дроздовском могильнике.

Курганный могильник у д. Арава расположен также на правом берегу р. Друть, но ниже по течению. В могильнике насчитывалось 13 курганов. В кургане № 1 (раскопки З. М. Сергеевой), диаметр которого был 9 м, а высота 2,5 м, на подсыпке высотой 0,6 м обнаружены следы деревянного ящика (рис. 1.15: *I*) размером 0,8 × 0,8 м, поставленного на срубное основание с толщиной бревна 0,12 м. Внутри ящика находились шесть гончарных горшков с пережженными костями двух взрослых людей и одного ребенка. Седьмой горшок с костями, как и в могильнике Сенчуки, располагался за пределами оградки около юго-восточного ее угла. Внутри оградки выявлен жирный черный слой, насыщенный мелкими кальцинированными косточками, как и в кургане № 9 Дроздовского могильника. Такое же заполнение (грунт с костями) содержали горшки внутри оградки. Тесто урн имело примесь песка и слюды. Они были приземисты, диаметр горловины почти совпадал с диаметром днища. На днище одного сосуда выявлено клеймо в виде шестиконечной звезды. Верхние две трети тулова горшков покрыты линейным орнаментом, а по шейке двух из них проходил еще и волнистый орнамент. Эти сосуды близки сосудам из кургана № 12 в Дроздовском могильнике. Кроме погребальных урн внутри оградки кургана № 1 могильника Арава выявлены два железных ножа и широкосрединный пластинчатый орнаментированный перстень с завязанными концами.

Наличие инвентаря и формы погребальных урн сближает курган № 12 Дроздовского могильника с курганом № 3 могильника в Сенчуках и кур-

ганом № 1 могильника Арава. В то же время наличие деревянной оградки связывает курган № 1 могильника Арава с курганом № 9 Дроздовского могильника и курганом № 2 могильника Сенчуки. Видимо, погребения с кремацией в данных могильниках совершены в пределах X в., так как не имеют четких границ перехода от одной традиции погребального обряда к другой. Хронология выявленного в погребениях вещевого материала не противоречит этой датировке. Что же касается их этнокультурной принадлежности, то характер погребального обряда, а также форма сосудов указывают на южные традиции славянских культур IX–X вв.

Если погребальный обряд в Сенчуках и Араве практически совпадает, то в Дроздово прослеживаются только его основные черты – размещение погребения на подсыпке внутри деревянного ящика. Погребения кремации, расположенные в курганах, на подсыпках, в некоторых случаях внутри деревянных оградок или срубных камерах, известны в южной и центральной Беларуси, главным образом, в Днепровском бассейне или на водоразделах. Однако прямые аналогии вышеописанным погребениям найдены на памятниках Райковецкой культуры.

Так, на двух славянских могильниках Румынии в курганах найдены не поврежденные огнем деревянные ящики, которые размещали на невысоких подсыпках [Міхайліна, 2008, с. 282]. На могильнике Нушвалев (курган № 2) ящик размером 1,2 × 2,2 м и высотой 0,55 м, сложенный из досок, был размещен на основании из четырех бревен толщиной 17 см. Ящик имел деревянное дно и был накрыт плоской крышей. В ящиках находились останки кремации, целые и разбитые горшки. На могильнике Сомешень (курган № 1) в ящике найдены останки сожженных мужчины и женщины, два ведра и шесть раннегончарных горшков, украшенных линейным и волнистым орнаментом.

На могильнике Великие Горбоши на Житомирщине в одном из курганов обнаружена сожженная деревянная конструкция размером 1,6 × 0,8 м, ориентированная с запада на восток. Внутри находились пережженные останки человека, причем кости черепа были сконцентрированы в западной части ящика.

Погребения в курганах могли так же размещаться на подсыпках, но без ящиков. Такое погребение было выявлено на могильнике Арава (раскопки Я. Г. Риера). Курган № 9 имел диаметр 4,7 м при высоте 1,7 м. На подсыпке 0,6 м найден целый гончарный горшок, выше которого на 0,5 м было расположено скопление кальцинированных костей. Еще одно подобное погребение выявлено на могильнике Волковичи, состоящем из 31 насыпи. В кургане № 13 (диаметром 7,8 м и высотой 1,8 м) на подсыпке высотой 0,7 м было обнаружено мощное кострище с остатками трупосожжения. Инвентарь состоял из гончарного горшка, украшенного линейным орнаментом, а на дне сосуда было клеймо в виде креста с раздвоенными концами в круге (рис. 1.13: *1*). Между костями человека были найдены кости коня.

Самый северный из рассматриваемых могильников – *Скавышки* – расположен на водоразделе рек Днепровского и Двинского бассейнов. В нем

насчитывается 46 курганов. В кургане № 3 (диаметром 6 м и высотой 0,7 м) в золистой прослойке на уровне горизонта найдены останки кремации и фрагменты гончарного сосуда. Размещение останков на уровне горизонта наиболее характерно для могильников бассейна р. Западная Двина. Именно оттуда эта традиция могла проникнуть в Поднепровье.

Погребения по обряду ингумации. Большинство погребальных памятников, исследованных в окрестностях Друцка и на Друцких волоках, содержат захоронения по обряду ингумации и датируют их в пределах конца X в. – первой половины XI в. Такая ранняя датировка этих древностей имеет свои причины. Во-первых, Друцк относится к числу первых среди известных христианских центров на территории Беларуси, получавших десятину на церковь св. Богородцы, назначенную киевским князем Владимиром Святославичем в 995 г. В ходе раскопок Л. В. Алексеева установлено, что на детинце Друцка находился храм и, судя по вкладной записи Друцкого Евангелия первой половины XIV в., церковь во имя св. Богородицы построили «въ граде во Дрютьсце» в 1001 г. [Рогов, Покровский, 1966, с. 162]. Во-вторых, погребальный инвентарь исследовавшихся курганов показывает достаточно высокий социальный статус многих погребенных и их этнокультурную неоднородность. Следовательно, в такой среде легче и быстрее можно было привить культивируемые традиции христианской погребальной обрядности, чем среди консервативного местного сельского населения.

Погребения с ингумацией в рассматриваемом регионе можно разделить на несколько групп. Первую из них представляют славянские погребения переходного типа с южными традициями. Вторая группа условно представляет захоронения кривичей, так как в ней преобладают этноопределяющие украшения северной славянской традиции. И, наконец, третья группа погребений связана с выходцами из стран Балтии. По социальному признаку погребения включают воинов, торговцев, хозяев и слуг, наложниц и рабов. Этнические и социальные признаки оказывали влияние на детали погребального обряда ингумации в рассматриваемом регионе, делая его более разнообразным.

Славянские погребения переходного типа от обряда кремации к обряду ингумации с южными традициями обжига площадки перед размещением на ней умерших в окрестностях Друцка известны с рубежа X/XI вв.

По течению р. Кривая (левого притока р. Друть), соединявшейся волоками с р. Соколянка (смоленское направление) и р. Оболянка (витебское направление), З. М. Сергеевой в 1969–1973 гг. были исследованы курганные могильники на левом ее берегу: Замошье, Багриново, Волковичи (рис. 1.11).

В *могильнике Замошье* при раскопках курганов № 1–3 в 1972 г. (прил. 1. Сергеева, д. № 414, 414а, с. 3–5) в одних и тех же насыпях выявлены погребения по обряду ингумации и по обряду кремации. В кургане № 1 (высотой 1,6 м и диаметром 7,6 м) слой насыпи был поделен на две части. В верхнем слое (суглинок) располагалось мужское погребение по обряду ингумации, ориентированное головой на запад. В ногах погребения обнаружены фрагменты горшка, а у правого бедра – фрагмент железной дужки ведра. На глу-

бине 0,9–1,4 м в нижнем зольном слое, подстилавшем суглинок, выявлены два кострища. Верхнее из них содержало кальцинированные кости и глиняное ведерко с ушком, имитирующее деревянное ведро с железными обручами. В северной части второго (нижнего) кострища, состоящего из углей и золы, обнаружены кальцинированные кости и фрагменты гончарного сосуда с линейным орнаментом по тулову. В восточной части этого кострища выявлен круговой толстостенный горшок с кальцинированными костями, а в середине насыпи найден обломок железного ножа с широкой спинкой. Анализ костей показал, что они принадлежат взрослому человеку и мелкому рогатому скоту. Курган № 2 имел тонкую золистую прослойку у материка и оказался пустым (кенотаф ?). В нижней части насыпи кургана № 3 почти у материка в золистом слое выявлено мужское погребение по обряду ингумации, ориентированное головой на северо-запад. При нем обнаружен фрагмент проволочного бронзового предмета и два кусочка кремня. Ниже данного погребения в подстилавшем его мощном слое кострища (толщиной до 15 см) на горизонте вместе с золой и мелкими угольками обнаружены кальцинированные кости, принадлежащие лошади. В кострище также найдены бронзовые литые накладки воинского наборного пояса с растительным орнаментом (фото 6). В средней части насыпи данного кургана на глубине 0,75–0,90 м зафиксированы два кострища, одно из которых содержало кальцинированные кости и фрагменты керамики, а второе – золу и угли. Видимо, это признаки следов какого-то ритуала.

Таким образом, могильник в Замошье фиксирует переходный этап от кремации к ингумации в славянских погребениях рубежа X/XI вв.

Изученные З. М. Сергеевой курганные древности *могильников Багриново и Волковичи,* расположенных в той же зоне, что и курганы Замошья, показывают появление некоторых новых элементов в погребальном обряде ингумации. Обычно погребения в кургане располагали на горизонте или на подсыпке, и они имели западную ориентацию. Различия прослеживаются в том, что под одними погребениями площадку обжигали, а под другими – нет. Интересно также, что у расположенного на горизонте женского погребения из кургана № 3 могильника Багриново правая нога была согнута в колене, а мужское погребение находилось выше него на 0,2 м. Любопытными деталями также является наличие в кургане № 4 рядом с погребением женщины челюсти лошади, а в насыпи над этим погребением – железного серпа.

Вещевой материал Багриновских курганов, по мнению З. М. Сергеевой, указывает на их принадлежность кривичам [Сергеева, 1969, вып. 120, с. 107–111]. К этноопределяющим предметам автор относит браслетообразные височные кольца с завязанными концами из женского погребения кургана № 3 Багриновского могильника. Также она отмечает, что поясные кольца в женских погребениях (курган № 4) и подковообразные пряжки со спирально загнутыми концами в мужских погребениях (курган № 3) характерны для северной части Витебской области и Новгородчины. Найденные в Багриновском могильнике сердоликовые, белоромбические и бисерные бусы

в целом были широко распространены у славян. Сердоликовые призматические бусы часто встречаются у новгородских словен и кривичей и относятся к ранним типам (X–XI вв.). Особенностью Багриновского могильника является также то, что боевой топор славянского типа и серп были завернуты в льняную ткань, отпечатки которой остались на этих предметах. Следует также отметить, что кроме выделенных З. М. Сергеевой признаков принадлежности погребений в Багриновских курганах к племени кривичей в них присутствует вещевой материал, характерный и для иных славянских племен. Таковыми являются проволочные височные серебряные кольца с одним концом, закрученным спиралькой наружу (курган № 5, женское погребение), подвески из саманидских дирхемов также встречаются у разных племен. Характерной славянской особенностью является наличие ведер в погребениях как Багриновских, так и Волковичских курганов. В то же время в этих курганах есть элементы, указывающие на связь поребенных в них людей с балтскими землями. Так, в насыпи кургана № 5 Багриновского могильника выявлена часть кожаного ремня с бронзовой накладкой и кольцом, к которому был прикреплен маленький пластинчатый бронзовый браслет со звериными головками, характерный для литовских и латгальских древностей рассматриваемого периода. В Волковичском могильнике З. М. Сергеевой был раскопан курган № 13, имевший форму полусферы со срезанным верхом. В центре суглинистой насыпи было выявлено кострище, имеющее размеры 4 × 4 м. В слое золы, углей и пережженной земли с большим количеством мелких кальцинированных костей найдены раздавленный круговой горшок с неровным линейным орнаментом, на днище которого имелось клеймо в виде креста с раздвоенными концами, заключенного в круг, а также миниатюрный железный нож. Установлено, что часть костей принадлежала лошади [Сергеева, 1972, вып. 129, с. 61–64]. В 1972 г. З. М. Сергеевой были раскопаны три кургана у д. Латыговка (с/с Плоское), где находилось десять небольших насыпей, обложенных венцами из камней у их основания. В кургане № 4 выявлено трупоположение в яме под насыпью, обложенное до пояса по основанию могилы камнями. В погребении найдена подковообразная фибула с гранчатыми головками, на руке – перстень с заходящими концами и на черепе – бронзовая бляшка с эмалями. У основания кургана № 8 выявлены крупные валуны и следы могильной ямы в насыпи. При раскопках у д. Новинка в 1973 г. в кургане № 62, в средней его части, выявлено погребение в виде трупоположения на золистой прослойке, ориентированное на запад. На правой руке найдены два тордированных браслета (рис. 1.18: *1, 2*), на левой руке – плетеный, на шее – витая гривна, стеклянные и янтарные бусы, грушевидные бубенчики, бронзовые спиральки. Под погребением прослежены остатки деревянной доски до половины костяка. В кургане № 68, в небольших углублениях в материке, в золистой прослойке выявлено погребение № 1, в котором сохранился череп и сопровождающий инвентарь: спиральки с трапециевидными подвесками, тордированная гривна, две широкорогие лунницы (рис. 1.18: *7, 12, 13, 16*), бусы стеклянные и грушевидные бубенчики на цепочке, два пла-

стинчатых браслета со звериноголовыми концами. По определению антропологов, погребение принадлежало ребенку 8–9 лет [Сергеева, 1975, вып. 144].

Исследованные курганы с ингумацией, расположенные на полоцко-друцком направлении, представлены могильниками Дроздово, Скавышки, Взносное. Два из них располагаются вдоль р. Малиновка, а третий могильник находится в верховьях р. Усвейка, связанной с Малиновкой волоком (рис. 1.10, 1.11).

Дроздовский курганный могильник состоит из двух могильников (трех курганных групп), расположенных по оси север–юг и являющихся отдельными частями одного некрополя из 60 насыпей. Первая группа (могильник I), расположенная в 400 м севернее д. Дроздово на поле, насчитывала семь курганов и была исследована З. М. Сергеевой в 1971 г. В ходе раскопок были выявлены погребения по обряду ингумации на горизонте и в насыпи. Характерной особенностью данных курганов являлось то, что их насыпь имела золистую прослойку в основании кургана, а также в его верхней части, перекрывающей погребение. Обряд выжигания места для погребения характерен для кривичей, дреговичей и радимичей. Однако сооружение насыпи кургана в два приема наиболее четко прослежено именно в Дроздовском могильнике. Верхнее кострище, перекрывающее первоначальную насыпь (курган № 5), З. М. Сергеева называет поминальным. В данном кургане обнаружено женское погребение, ориентированное головой на запад. У головы найдены 38 золотостеклянных цилиндрических и боченкообразных бус (фото 34: *1–38*), на левой руке – два пластинчатых литых серебряных перстня с орнаментом (фото 5: *10, 12*). По мнению З. М. Сергеевой, наличие гвоздей указывает на то, что умерших хоронили в гробах [Сергеева, 1974, вып. 139, с. 49–52].

Вторая курганная группа (могильник II), состоящая из 13 насыпей, располагалась в лесу и была исследована О. Н. Левко в 1987 г. В данной группе кроме курганов с ингумацией присутствовали также курганы с кремацией (курган № 9) либо курганы переходного типа (курган № 12), сочетающие погребения по обряду кремации с погребениями по обряду ингумации. Однако подавляющее большинство из раскопанных курганов содержали погребения по обряду ингумации. В некоторых из них погребения были и на горизонте, и в насыпи. Все погребенные были ориентированы головой на запад. Ровик прослежен лишь у кургана № 6. Следов погребения в гробах не выявлено, однако особенность сооружения насыпи кургана в два приема с повторным обжигом первоначальной насыпи прослеживается четко. В кургане № 2 зафиксировано парное погребение на песчаной подсыпке толщиной 0,15 м. В мужском погребении справа на уровне бедра находились нож с деревянной рукояткой, овальное кресало с язычком и кремень. В женском погребении выявлен серебряный перстень с розеткой (рис. 1.17: *4*; фото 5: *11*), а также 14 черных (по определению Т. С. Скрипченко – из черного коралла) бусин (фото 36: *3*). У левого бедра находился миниатюрный ножик с костяной рукояткой, украшенной циркульным орнаментом (рис. 1.16: *14*). Сбоку в насыпи под верхней зольной прослойкой, перекрывавшей

погребения, обнаружено скопление кальцинированных костей. Возможно, они связаны с поминальным обрядом.

Особый интерес представляют погребения в курганах № 3 и № 13. В основании кургана № 3 высотой 1,8 м и диаметром 12 м зафиксировано зольно-угольное пятно. На песчаной подсыпке толщиной 0,15 м выявлено одно мужское погребение. С правой стороны на уровне бедра найден железный нож и рядом с ним набор гирек-разновесов (см. рис. 13.3: *12–17*), состоящий из шести штук с разной кратностью. У ног погребения находился круговой горшок. Над костяком на высоте 0,4 м в насыпи выявлены две бронзовые весовые чашечки, вложенные одна в другую (см. рис. 13.3: *18*). Их перекрыла зольно-угольная прослойка. Затем курган был снова досыпан. В основании кургана № 13 (высотой 1,3 м и площадью 8,5 × 7,6 м) располагалось зольно-угольное пятно размером 7 × 7 м. В центре этого пятна выявлено скопление мелких кальцинированных костей без сопровождающего инвентаря, что дает основание не связывать его с погребением.

Мужское погребение по обряду ингумации находилось в северо-восточном секторе на 0,1 м выше скопления кальцинированных костей. Справа на уровне бедра был обнаружен железный топор с отпечатками ткани (в которую, вероятно, его завернули) (рис. 1.16: *5*) и фрагментом деревянной рукояти. Слева от погребения также на уровне бедра располагались нож и кресало с кремнем. У ног погребения были обнаружены небольшие камни, выложенные полукругом. Погребение было перекрыто насыпью, поверхность которой обожгли (образовался слой прокаленной глины с тонкой зольно-угольной прослойкой поверху). Под этой прослойкой над погребением в кучке золы были найдены следующие предметы: две железные пряжки, половина калачевидного кресала, ключ, кремень и бронзовый рыболовный крючок с сетчатым орнаментом (рис. 1.17: *29*). Насыпь кургана была увеличена, перекрыв обожженную поверхность. Как видим, в обоих курганах имелся набор вещей, указывающий на особое положение похороненных в них людей. В кургане № 3, видимо, был погребен купец. Статус мужчины, погребенного в кургане № 13, сложнее определить. Тем не менее, если в насыпи курганов Багриновского могильника встречаются отдельные предметы (фрагмент пояса, ножи), не связанные с погребенными (лишь в кургане № 4 над погребением женщины обнаружен серп), то в курганах Дроздовского могильника эта связь подчеркнута и направлена на обозначение особого положения погребенных.

В целом вещевой материал курганной группы, исследованной О. Н. Левко в 1987 г., показывает, что Дроздовский могильник содержит погребения населения, пришедшего в данный регион как с юга, так и с севера. Здесь обе традиции переплелись, представив широкий ассортимент украшений из серебра, бронзы, многочисленных и разнообразных бус. Особо следует отметить наличие в одном из погребений в области груди кожаного мешочка на шнурке, в котором находился литой бронзовый равносторонний крест (рис. 1.17: 7, 8; фото 5: *8, 9*). Вещи, положенные в кожаные мешочки, были обнаружены З. М. Сергеевой при раскопках курганов у д. Новинка, которые

она связывает с латгалами [Сергеева, 1975, вып. 144, с. 85–90]. В этом могильнике были выявлены разнообразные украшения из металла (рис. 1.18), характерные для региона Прибалтики. Вероятно, в данном могильнике захоронены представители этих регионов, попавшие в плен при захвате поселений, из которых уводили людей в рабство и «садили на землю», т. е. использовали в вотчинных владениях. Погребения у д. Новинка также имели каменные обкладки, встречались захоронения с конем.

В *могильнике Скавышки,* расположенном севернее Дроздовского могильника, З. М. Сергеевой было раскопано три кургана, в которых выявлены погребения по обряду ингумации с общеславянским набором вещей X–XI вв. Инвентарь женских погребений стал более скудный: перстеобразные височные кольца, ажурная металическая бусина, небольшие цилиндрические золотостеклянные бусы, литые орнаментированные пластинчатые и круглопроволочные перстни, ножик. Мужские погребения безинвентарные. В некоторых погребениях отмечены гвозди, возможно, от гробов. В кургане № 5 гвоздь лежал на груди погребенной женщины. Видимо в это же время начал распространяться обряд захоронения в подкурганных ямах. Этот обряд отмечен на могильнике Скавышки в кургане № 1.

Могильник Взносное на р. Усвейке также был исследован З. М. Сергеевой. Раскопаны три кургана. В кургане № 1 в насыпи зафиксирован погребальный костер, в центре которого была вырыта яма размерами 2,0 × 0,8 м и глубиной 0,6 м. В ней помещалось безинвентарное погребение по обряду ингумации. В курганах № 3 и № 4 выявлено по два погребения по обряду ингумации. В первом случае в небольшом углублении в материке находилось женское погребение с западной ориентировкой, перекрытое зольным пятном. При погребении имелись инвентарь, представленный остатками кожаного головного убора с тремя бронзовыми перстнеобразными височными кольцами, бусы и два серебряных пластинчатых перстня, один из которых был с завязанными концами. На поверхности зольного пятна размещалось мужское погребение также с западной ориентировкой. При нем были найдены нож, калачевидное кресало и лировидная пряжка. В кургане № 4 обнаружено мужское погребение без инвентаря, ориентированное головой на север и находящееся на горизонте. Его перекрывала подсыпка, на которой выявлено женское погребение с юго-западной ориентировкой. У ног погребения выявлена железная дужка от ведра и четырехугольная бронзовая орнаментированная накладка [Сергеева, 1974, вып. 139, с. 49–52].

Таким образом, рассмотрев курганные древности в окрестностях Друцка и на Друцких волоках, можно сделать следующие выводы. В течение X в. погребение умерших в данном регионе осуществляли по обряду кремации, причем этот обряд носил выраженную южную традицию. На рубеже X/XI вв. происходил переход от обряда кремации к обряду ингумации. На волоковых направлениях прослеживалось смешение южной и северной традиций, давшее некоторые особенности погребальному обряду (сооружение насыпи в два этапа с выделением вещевых комплексов в виде оберегов (?)

в ритуальных кострищах над умершими (Дроздово); захоронение одного покойника над другим, разделенное зольной прослойкой (Багриново, Взносное); присутствие в курганах с ингумацией кострищ с кальцинированными костями животных и др.). В XI в. в рассматриваемом регионе единственным видом погребального обряда стало размещение погребенного в кургане, на уровне горизонта, часто на остатках кострища. Такие погребения встречаются на могильниках Дроздово, Багриново, Волчковичи. Наряду с погребениями на горизонте и в насыпи появились погребения в подкурганных ямах. Некоторые из них не имели сопровождающего инвентаря. Это свидетельствует о более глубоком проникновении традиций христианства в погребальный обряд рассматриваемого региона. Такой же вид обряда сохранялся и в XII в. Об этом свидетельствуют исследования З. М. Сергеевой могильника I в Дроздово и кургана № 2 в Скавышках. В это время курганы на могильниках были не такие большие, как на могильниках XI в.: диаметр – 4,4–7,0 м, высота – 0,8–1,6 м.

1.3. Друцк – племенной и волостной центр. Территория волости *(О. Н. Левко)*

Интерес представляют территориально-политические образования, имевшие место в рассматриваемом регионе на протяжении X–XII вв., их границы, центры управления, хозяйственный уклад, пути торгово-экономических связей, характер общественного развития. Обширная и разносторонняя археологическая информация по раннесредневековой округе Друцка важна для определения ее центра в племенную эпоху и его значимости на этапе становления раннегосударственной волостной структуры.

Друцк – племенной и волостной центр. Во второй половине XI в. между киевскими и полоцкими князьями шла ожесточенная борьба за право владеть отрезком водного пути из днепровского бассейна в двинский. На р. Днепр в рассматриваемом регионе находились два открытых поселения – стана: Орша (правый берег) и Копысь (левый берег), которые в начале XII в. превратились в порубежные крепости Смоленского княжества (Копысь) и Полоцкой земли (Орша) [Ляўко, 1997, вып. 12, с. 172–180]. Выгодное географическое положение способствовало быстрому росту посадов вокруг этих крепостей и превращению их в административно-хозяйственные центры формирующихся волостей.

Несомненными атрибутами раннесредневекового города в Оршанском Поднепровье обладал и Друцк. Возникнув в племенную эпоху, поселение продолжало развиваться в качестве центра округи и в XI–XII вв. Изначально Друцк, вероятно, киевская княжеская власть использовала в качестве погоста для сбора дани в густо заселенной зоне верховьев р. Друть, на переходе из днепровского в западнодвинский бассейн. Данный фактор стал ведущим и при возведении укреплений на городище. Уже на рубеже X/XI вв. существовал «град» Друцк, в котором в 1001 г. была построена церковь во имя св. Богородицы [Левко, 2001а; 2004].

Археологически Друцкое городище Л. В. Алексеев исследовал в 1956–1962, 1965, 1967 г. и вскрыл на нем 1800 м^2. В 1999 и 2013 г. О. Н. Левко продолжила изучение западной части городища (160 м^2). С 1999 по 2013 г. ей также были проведены исследования в Окольном городе (132 м^2), на посаде (196 м^2); была сделана прорезка между валами детинца и Окольного города (40 м^2); изучено коллективное (38 человек) погребение кургана XII в. Общая изученная площадь превысила 600 м^2.

Друцкая волость в Оршанском Поднепровье сложилась ранее Оршанской. На ее принадлежность к Полоцкой земле уже в 1078 г. указывает «Поучение» Владимира Мономаха [ПВЛ, 1950, т. I, с. 159]. *Друцк* помимо «Поучения» упомянут в летописи под 1092 г. [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 141]. Не следует забывать и о том, что вкладная запись в Друцкое Евангелие середины XIV в. называет «град» Друцк, в котором в 1001 г. была построена церковь во имя пресвятой Богородицы. Следовательно, уже к этому времени Друцк стал укрепленным центром своей округи – волости. Основанию «града» Друцка предшествовало формирование племенного центра на одной из двух возвышенностей в пределах укрепленной части средневекового города. Нижний предматериковый слой на территории Окольного города в раскопе, заложенном О. Н. Левко в 1999 г., содержал лепную керамику VII–IX вв. и, возможно, начала X в. Это позволяет связывать его с поселением, выполнявшим функции племенного центра. Кроме лепной керамики в раскопе также найдены глиняное пряслице с большим отверстием третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. (рис. 1.19: *6*) и бронзовый орнаментированный пинцет (рис. 1.19: *2*), нижняя граница распространения которых определяется IV–V вв. н. э. Найденные фрагменты тигелька, каплевидный цветной металл могут указывать, как и пинцет, на наличие на территории Друцка бронзолитейного ремесла уже в племенную эпоху. Ряд предметов, выявленных в нижних напластованиях раскопа на территории Окольного города, датирован X в. К ним относятся плоские ключи в виде квадратной лопаточки (рис. 1.19: *8, 9*), использовавшиеся с кубическими замками, имевшими боковые Т-образные прорези (наиболее ранний тип замка), пружинные ножницы, пластинчатые орнаментированные бронзовые перстни и браслеты, бубенчик с прорезью. Следует добавить, что на территории детинца Л. В. Алексеевым также были выявлены арбалетная фибула (рис. 1.19: *1*), датированная IV–V вв., и несколько фрагментов лепной керамики, отнесенной к концу 1-го тысячелетия н. э. Присутствие данных находок на детинце указывает на заселенность участка и в племенную эпоху. Судя по сведениям Л. В. Алексеева, можно было полагать, что слой этого времени стратиграфически не был вычленен ни в одном из многочисленных раскопов на детинце, и, видимо, в отличие от участка на Окольном городе, заселение его территории в племенной период было незначительным и недолговременным. Однако раскопки, проведенные О. Н. Левко в 1999 г. на детинце (городище) Друцка, и ее же раскопки 2013 г. показали, что слой племенной эпохи имел здесь место так же, как и на Окольном городе. В предматериковом слое выявлены фрагмент дирхама 907–914 гг., бусины-лимонки X в.

(фото 33: *13–16*), гирьки-разновесы (одна скандинавская четырнадцатигранная и одна древнерусская кубическая) (рис. 1.19: *4, 5*), лепная и подправленная на круге керамика (рис. 1.7, 1.8). Правда, этот слой, главным образом, выявлен в материковых ямах-западинах и составляет небольшую толщину у материка.

В том, что Друцк смог стать центром раннегосударственной территориально-административной единицы – волости – к концу X в., сомневаться не приходится по нескольким причинам. Во-первых, при раскопках посада Друцка в нижнем слое был выявлен фрагмент днища сосуда с клеймом в виде трезубца (рис. 1.20: *4*), а это указывает на принадлежность Друцка с округой к владениям (волости) определенной раннегосударственной структуры. В данном случае самым вероятным было бы отнесение его к Киевскому княжеству Владимира, учитывая наличие в Друцке уже в 1001 г. храма во имя Богородицы. Киевский храм св. Богородицы (Десятинная церковь) был построен незадолго до Друцкого (в 995 г.) по инициативе князя Владимира.

С включением Друцка с округой в состав Полоцкой земли он превратился в «град» – крепость на южных ее рубежах, одновременно являясь центром округи – волости как территориально-административной единицы уже этого раннегосударственного образования. Впоследствии на территории «града» была размещена княжеская резиденция Борисовичей, а в XIV–XVI вв. – Верхний замок князей Друцких.

Образование периферийных волостей на территории северо-восточного региона Беларуси и их развитие в составе Полоцкой земли сопровождалось важными политическими событиями, которые нашли отражение в ряде летописей и позволяют в совокупности с материалами археологии проследить процесс сложения новых территориально-административных структур, развитие их центров в XII–XIII вв. Укрепленные поселения в Киселях-Дымокурах, Черкасово в XII в. прекратили свое существование. Это связано с тем, что, во-первых, в данный период отмерла система погостов, уступая место феодальной вотчине. Во-вторых, в это же время выросли новые административные центры городского типа, к которым в раннегосударственных образованиях перешло управление округой (волостями, удельными княжествами). Передел территорий в Восточной Европе сопровождался изменением границ, появлением ряда порубежных крепостей и потерей значимости отдельных участков волоков на водных путях [Левко, 2004]. Все эти факторы способствовали изменению функционального назначения тех укрепленных поселений Оршанского Поднепровья, которые продолжали развиваться в новых условиях.

Территория волости. В формировании территории *Друцкой волости* прослеживаются два этапа, соответствующие разным типам социально-политических структур. К первому типу относятся территориально-племенные образования, включавшие расселяющихся кривичей в зоне уже существовавших племен, объединенных на родственной основе. Ко второму типу принадлежат раннегосударственные структуры: погосты (округа) и волости, создававшиеся с учетом территорий, занимаемых локальными племен-

ными образованиями. Структуры первого типа сменяли структуры второго типа на протяжении X–XI вв. Центр волости вырастал из центра погоста, объединяя вокруг себя большую территорию, состоящую из нескольких погостов (округов). Параллельно шло его качественное преобразование в город (политический центр раннесредневекового государства, в данном случае – Полоцкой земли).

Керамика среднего и верхнего слоев городища Кисели, относящихся к раннему средневековью, позволяет определить, какое население проживало в округе Друцкого городища в этот период. В среднем слое – это керамика колочинской культуры. В материалах последней присутствуют все отмеченные на городище Кисели виды керамики, в том числе и горшки с валиком под венчиком. Последние встречаются также на памятниках корчакской и пеньковской культур.

Лепная керамика с территории городища и Окольного города Друцка идентична раннесредневековым формам городища Кисели (округлобокость, валик под венчиком) и ряду других поселений Оршанского Поднепровья на достаточной обширной территории (правый и левый берег р. Днепр). Не менее интересны и керамические формы, относящиеся к верхнему слою городища Кисели, а также встреченные в Друцке и курганных могильниках его округи. Данную керамику можно датировать IX–X вв. Наряду с ней в могильниках ближайшей округи Друцка (д. Сенчуки, Арава) и на территории Друцка в его нижнем слое, присутствуют горшки с карнизиком («манжетообразным венчиком»). Следовательно, в X в. наблюдается преемственность форм с прямым высоким венчиком, имевших место на поселениях IX в. – начала X в. и их сочетание с традиционной ранней «древнерусской» керамикой. Среди наиболее ранней керамики из материковых западин друцкого городища (детинца) один мискообразный сосуд округлых очертаний близок к курганным урнам д. Сенчуки и Арава (рис. 1.21: *9*). Остальная керамика из нижнего слоя Друцка – более развитых форм и отстоит гораздо дальше от курганной. Можно полагать, что погребения в курганах по обряду кремации, выявленные в округе Друцка, предшествуют появлению «града» Друцка и соотносятся с периодом функционирования племенного центра на одной из двух друцких возвышенностей. Следует также отметить, что курганы у д. Сенчуки и Арава не содержат вещей, указывающих на их принадлежность кривичам. В отличие от предыдущих двух могильников могильник у д. Дроздово содержит большое количество вещей, указывающих и на присутствие здесь кривичей. Причем, кривичские захоронения произведены по обряду ингумации либо относятся к переходным, а по составу находок, в том числе и керамики, они датированы концом X в. – первой половиной XI в. [Левко, 1988, с. 78–83]. Наиболее ранние погребения принадлежат населению, предшествовавшему появлению кривичей на Друцком волоке и составлявшему основу племенного образования с центром в Друцке. Это население представлено как общинами, центры которых размещались на городищах (Багриново, Кисели), так и земледельческими крупными открытыми поселками «волочан», которым принадлежа-

ли курганные могильники по берегам р. Друть и ее притоков. Выявленный при раскопках курганов в Толочинском районе вещевой материал свидетельствует о неоднородности населения этого региона с заметным преобладанием кривичей в XI–XII вв. В то же время формообразующие признаки керамики с городищ и ранние курганные захоронения по обряду кремации указывают на его славянский этнос уже в VIII в. – первой половине X в., до появления кривичей. По керамическим формам это, скорее всего, культура типа Лука-Райковецкая, погребальные урны которой на правобережье р. Днепр иногда окружали деревянными оградками. Керамические формы этой культуры эволюционировали от пражско-корчакских древностей, а некоторая округлобокость лука-райковецкой керамики была привнесена влиянием пеньковской культуры. На наиболее поздних лука-райковецких памятниках зафиксирована круговая посуда с «манжетообразным» венчиком [Археология Украинской ССР, 1986, т. 3, с. 181, 183, 186]. Вероятно, поселения на Друцком волоке последней четверти 1-го тысячелетия н. э. принадлежали населению, переместившемуся сюда из более южных регионов.

В X в. на территории округи Друцкого племенного центра был распространен языческий обряд погребения . Переход к ингумации осуществлялся, и то не повсеместно, с рубежа X/XI вв. В целом же, несмотря на введение христианства и постройку храма в «граде» Друцке в 1001 г., сельское население придерживалось языческих верований вплоть до рубежа XII/XIII вв.

Начало формирования Друцкой волости (IX–X вв.). связано с племенной эпохой, когда обозначилось ее ядро. Компактные сгустки поселений и могильников с широкой датировкой (IX–XIII вв. и более ранней нижней границей) позволяют рассматривать их как устойчивые территориальные образования средневекового периода (рис. 1.22). Появление массовых погребальных памятников с кривичским населением на всей территории Оршанского Поднепровья в X–XI вв. свидетельствует об активном проникновении периферийных племен смоленских кривичей в среду аборигенов. Вдоль рек Оршанского Поднепровья были сформированы скопления поселений кривичей, смешивающихся с местным населением, основу которого составляли носители колочинской культуры. Здесь же встречались материалы, свидетельствующие о более раннем проникновении в Оршанское Поднепровье населения с юга и смежных областей, впоследствии занимаемых дреговичами, радимичами. Возможно, что цепочка населенных пунктов с названиями «межа», «межеево», «смоляне», «смолянцы» на водоразделе рек Днепр и Западная Двина в современных Лепельском, Чашникском, Сенненском, Оршанском районах свидетельствует о пограничье, установившемся между смоленскими кривичами из Оршанского Поднепровья и полочанами. Погребальные памятники в зоне расселения кривичей в Оршанском Поднепровье называют «копцы», в отличие от «волотовок», характерных для подвинских кривичей. Территория Друцкой волости занимала современный Толочинский район и северную часть Круглянского района, заходя своим западным краем на территорию Крупского, северным краем – Сенненского, восточным краем – Оршанского и Шкловского районов.

В качестве пограничных пунктов волости ориентировочно можно принять местоположение Борисова камня (1127 ? г.) на рубеже Лукомской, Борисовской и Друцкой волостей у д. Высокий Городец. Здесь же на северо-западном рубеже Друцкой волости существовало и укрепленное поселение. На юго-западе в пределах современного Круглянского района имеется топоним Рубеж на р. Ослик (притоке р. Друть). Северная граница Друцкой волости проходила по верховьям р. Усвейка (укрепленный пункт Усвиж–Бук) и р. Кривая (топоним Межеево). На востоке граница между Друцкой и Оршанской волостями отмечена Рогволодовым камнем (фото 38). Датировка камня (1171 г.) косвенно указывает на позднее время сложения этого пограничья. На юго-востоке (территория Шкловского района) вблизи р. Днепр есть два топонима, также отмечающие возможную границу Друцкой волости : Подкняженье и Межник.

2. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДРУЦКОГО КНЯЖЕСТВА

(О. Н. Левко)

2.1. Формирование уделов (вотчин) на территории Полоцкой земли

Территориально-административная структура Полоцкой земли до конца XI в. В основе государственной территории Полоцкой земли лежала волость (княжение) полочан, ядро которой занимало междуречье Уллы и Ушачи (рис. 1.22). Обе реки впадали в р. Западная Двина. Территориальный рост Полоцкого княжения, в начале XI в. превратившегося в раннегосударственное образование Полоцкая земля, изначально осуществлялся в западном и южном направлениях. На западе Полоцк привлекали районы, населенные литвой и латгалами, которые могли платить дань, а также устье р. Западная Двина. Археологические исследования Замковой горы г. Браслава, показывают, что раннегородской слой XI в. здесь наложился на слой поселения второй половины 1-го тысячелетия н. э., связываемый с культурой длинных курганов [Алексеев, 1966]. Можно полагать, что полоцкие кривичи овладели этой территорией еще в период становления княжения, т. е. в племенную эпоху, а при полоцком князе Брячиславе (1001–1044 гг.) здесь была основана порубежная крепость с волостью.

На юг от Полоцка проходили водные пути в Днепровский бассейн. В зоне волоков и левых притоков р. Западная Двина находилось племя «лукомян» с центром в Лукомле [Левко, 2001а, с. 5]. Власть Полоцка распространилась на Лукомльскую волость в конце X в. – начале XI в., о чем свидетельствуют пожар и сооружение новых оборонительных укреплений городища в Лукомле [Еремеев, 2007, vol. I, с. 111]. На р. Друть и ее притоках в Оршанском Поднепровье в это время сложилась племенная территория с центром в Друцке. В своем «Поучении» Владимир Мономах упоминает о том, как сжег Друцк и Лукомль (1078 г.), совершая поход на Полоцкие владения, что

указывает на принадлежность в XI в. данных волостей к Полоцкой земле. Наряду с Лукомлем и Друцком в «Поучении» упомянут центр еще одной волости – Логожской, которая своим северо-западным краем примыкала к Изяславской волости. Крепости Логожск и Друцк в XI в. фиксировали южное пограничье Полоцкой земли с Киевской Русью. Как установлено Г. В. Штыховым, Логойской крепости на р. Гайне (Замковая гора), которую «воевал» Владимир Мономах в 1078 г., предшествовало обширное поселение 1-го тысячелетия н. э., расположенное в 9 км от нее на р. Логоза и бывшее племенным центром. Его округа была заселена в IX–X вв. населением, аналогичным Друцку и Лукомлю (смесь южной Лука-Райковецкой культуры с культурой полоцко-смоленских длинных курганов). После возведения крепости на р. Гайна в XI в., поселение на р. Логоза пришло в упадок [Штыхаў, 2011, вып. 21, с. 181].

В первой половине X в. на юго-западной окраине полоцких владений (правый берег р. Свислочь), где впоследствии была построена крепость Изяславль (Замэчек), находился неукрепленный поселок полоцких дружинников-кривичей. В 50–60-е годы X в. напротив него на левом берегу р. Свислочь возник второй славянский (вероятно, дреговичский) поселок. Клейма князя Святослава Игоревича на керамике могильника, принадлежавшего населению данного поселка, указывают на то, что этот поселок был пунктом сбора дани в пользу Киева. Позднее, уже при Владимире Святославиче, клейма на днищах сосудов появились и в правобережном (кривичском) поселке. Это свидетельствует о времени, когда Полоцкое княжество подпало под власть Владимира. После похода Владимира на ятвягов в 983 г. северо-западный рубеж Киевской Руси был обозначен крепостями. Видимо, в их число вошла и крепость Изяславль на границе полоцкой вотчины Рогнеды и киевских владений [Заяц, 1997, с. 48–49]. Как видим, здесь проходил первоначальный рубеж между Киевской Русью и Полоцким княжеством. Град-крепость Замэчек (Изяславль) положил начало Изяславской волости. Направление развития территории Изяславской волости (северо-запад) определяется по порубежной крепости Лошеск (Лоск) в верховьях р. Березина Неманская, созданной также на основе поселения начала XI в. [Заяц, 1993, № 4, с. 14].

В 1021 г. Полоцкому князю Брячиславу на условиях партнерства Киевским князем Ярославом Мудрым были переданы две волости на отрезке пути «из варяг в греки» в Витебском Подвинье: Витебская и Усвятская.

Восточный рубеж Витебской волости со Смоленским княжеством проходил по нижнему течению р. Усвяча, Каспля, Рутавечь до оз. Рутавечь, где располагался волок к р. Березина, впадающей в р. Днепр. Южная граница Витебской волости, отделяющая ее от Оршанского Поднепровья, обозначена р. Рубежницей, также впадающей в оз. Рутавечь. Таким образом, граница Полоцкой земли на юго-востоке в первой половине XI в. не доходила до р. Днепр [Ляўко, 1997, вып. 12, с. 175]. Каменный крест с изображением древнего герба Полоцка, выявленный в д. Межево на р. Скунья Оршанского района, подтверждает местоположение юго-восточной границы Полоцкой

земли в XI в. С утверждением в Смоленске во второй половине XI в. власти киевских наместников левобережье Верхнего Поднепровья перешло под контроль Смоленска и здесь сформировались волости, составившие западную периферию территории Смоленского княжества в составе Киевской Руси.

Менская волость, населенная дреговичами, в процессе огосударствления племенных территорий в конце X в. стала данником Киева. Об этом также свидетельствуют днища горшков с клеймами в виде трезубца – княжеского знака Владимира Святославовича, которые неоднократно обнаруживали в раскопках селищ менковского комплекса с центром на р. Менка и его округи на р. Птичь [Левко, 2008, с. 43].

Правление Брячислава полоцкого благотворно сказалось на расширении границ Полоцкой земли, стабилизации отношений с Киевской Русью, приобретении возможности контролировать Двинский путь (через города-колонии Герсике и Кукейнос) и Двинско-волховский (через Усвят). В 1024 г. к Полоцкой земле отошла и Менская волость. Однако ситуация изменилась с приходом к власти в Полоцке Всеслава, сына Брячислава. Он начал демонстрировать свои притязания на принадлежащие Киевской Руси владения. Кульминационными событиями XI в., видимо, можно считать пленение Всеслава Полоцкого с сыновьями на р. Рша (теиерь – р. Оршица) в 1067 г. Ярославичами и затем вокняжение его в Киеве. Этим двум неразрывно связанным событиям предшествовал ряд военных операций, инициированных Всеславом полоцким. Для Полоцкой земли было важно приобретение выхода в Днепр, не через р. Друть, где стояла крепость Друцк, удаленная от низовьев Друти на значительное расстояние и не контролирующая их, а непосредственно вблизи юго-восточной границы с Киевскими и Смоленскими владениями. Поэтому после кровавой битвы на р. Немига в 1067 г. и разграбления Ярославичами Менска Всеслав летом 1067 г. предпринял попытку завладеть выходом из р. Днепр к верховьям р. Лучеса, впадающей в р. Западная Двина. Здесь, на р. Рша Ярославичи обманом взяли его в плен и посадили в Киеве в «поруб» (тюрьму). Неожиданным стал финал этих событий, когда спустя 14 месяцев Ярославичи потерпели поражение от половцев на р. Альта и в Киеве вспыхнуло восстание. Недовольные своими князьями, препятствовавшими новому походу на половцев, киевляне освободили Всеслава из тюрьмы и возвели на киевский престол. Результатом этих неоднозначных событий стали дальнейшая нестабильность княжеской власти в Киеве (бегство Всеслава в Полоцк, изгнание Изяслава Ярославича дважды из Киева, захват верховной власти Святославом и Всеволодом Ярославичами), переговоры между Изяславом и Всеславом о женитьбе Глеба полоцкого на Анастасии, внучке Изяслава. Среди трех киевских князей, наследников Ярослава Мудрого, лишь один Всеволод сохранял последовательную линию непримиримости к полоцкому князю. От него эта враждебность перешла к его сыну Владимиру Мономаху. Последние десятилетия XI в. показывают обострение борьбы между Всеволодом и Владимиром Мономахом, с одной стороны, и Всеславом полоцким, с другой.

После вокняжения Всеволода в Киеве в 1078 г. Всеслав напал на Смоленск, а Владимир Мономах сделал рейд по центрам ряда волостей Полоцкой земли: Лукомлю, Логойску и Друцку, а в 1084 г. опустошил Менск. Можно предположить, что в основе усугубления конфликта между Всеволодом и Всеславом лежали узкосемейные интересы, стремление обеспечить своих наследников дополнительными владениями. Именно этот аспект выступал наиболее ярко в первые десятилетия XII в., когда на сцену противостояния вышли Глеб менский и Владимир Мономах.

Перемены в территориально-административной структуре Полоцкой земли XII в. С рубежа XI/XII вв. на пространстве Восточной Европы появились *уделы(вотчины) на феодальном праве*. Начало им положило решение, принятое князьями Киевской Руси в Любече в 1097 г. о наследовании вотчин. Полоцкая земля не принимала участия в любечском съезде князей, являясь самостоятельным раннегосударственным образованием. Однако Всеслав полоцкий из числа волостей, подчинявшихся непосредственно Полоцку, выделил в управление сыну Глебу, хотя и *на родовом праве*, после его женитьбы около 1085 г. Менский удел. Данное действие послужило началом необратимых процессов в историческом развитии Полоцкой земли. С этих пор можно говорить о Менском княжестве как о качественно новой структурной составляющей в пределах Полоцкой земли. Владимир Мономах, сын Всеволода Ярославича, сменивший отца на киевском столе, оказался перед лицом уже двух противников со стороны Полоцкой земли, занимавших княжеский стол: Всеслава полоцкого и Глеба менского. Он пошел на Менск с целью показать свою непримиримость по отношению к полоцкому княжескому дому и его политическим устремлениям.

В конце XI в. на р. Свислочь был построен детинец нового Менска, который, как показали археологические исследования, был обнесен мощным валом с въездными воротами. Такой размах в строительстве города-крепости на южных рубежах страны свидетельствовал о намерении полоцких князей упрочить свои позиции в вопросе политического противостояния Киевской Руси. После смерти Всеслава полоцкого (1101 г.) произошел раскол среди его наследников, которым хотелось получить долю отчины и определенную политическую самостоятельность.

Что же представляла собой территориально-административная структура Полоцкой земли к началу XII в.? *Полоцкая волость* в узком смысле, как и *Русская земля* в Киевской Руси, была основой государственной территории и уже по этой причине не могла стать наследуемой вотчиной ни одного из князей, занимавших полоцкий стол. Она лишь давала возможность князьям во время их пребывания во главе Полоцкой земли получать дополнительные доходы. Поэтому полоцкий стол продолжал оставаться притягательным для представителей полоцкого княжеского дома даже в период, когда они становились удельными князьями. С Полоцкой волостью неразрывно была связана граничившая с ней *Лукомльская волость,* подчиненная Полоцкой земле с рубежа X/XI вв. при Изяславе, или в самом начале правления Брячислава, и бывшая, видимо, домениальным владением полоцкого

княжеского рода [Ляўко, 2000б, вып. 15, с. 120]. Судя по археологическому материалу, с территории Лукомльского городища, окрестных селищ и могильников волость использовали для содержания и обслуживания семьи полоцкого княжеского рода, его дружины. Примечательно, что Лукомль не выполнял функции порубежной крепости и в последующее время ни один удельный князь не претендовал на эту волость как часть отчины.

Что же касается других волостей, из которых складывалась территория Полоцкой земли на рубеже XI/XII вв., то это были волости с центрами-крепостями в пограничных зонах (Браславская, Изяславская, Логожская, Друцкая, Витебская, Усвятская) и все они подчинялись непосредственно Полоцку. Впоследствии на основе ряда волостей были созданы вотчинные владения особых ветвей полоцкого княжеского дома, главными из которых были наследники Борисовичей (или Рогволодовичей) друцких, Глебовичей менских, Васильковичей витебских. Причем инициировали создание таких вотчин князья, занимавшие в какой-то период полоцкий стол.

Борис Всеславич, наследовавший (как старший сын? – *О. Л.*) полоцкий стол после смерти Всеслава, победив ятвягов в 1102 г., «поставил *град* Борисов в своё имя и людьми населил» [Татищев, 1963, т. 2, с. 123]. Город был заложен на левом берегу р. Березина, а его волость была расположена вдоль обоих берегов реки в верхнем ее течении между Логожской (на западе), Лукомльской и Друцкой (на северо-востоке) волостями. Южнее ее находились земли Менского княжества – удела Глеба, севернее – территория Полоцкой волости. Границы Борисовской волости на северо-западе и востоке, видимо, отмечают так называемые Борисовы камни [Таранович, 1946, вып. VIII, с. 249–260]. Один из них зафиксирован возле д. Каменка (современный Вилейский район Минской области) в верховьях р. Вилия на границе с Полоцкой волостью. Второй (см. рис. 1) находился на пограничье с Лукомльской и Друцкой волостями возле д. Высокий Городец (современный Толочинский район Витебской области). Археологически установлено, что культурный слой в Старом Борисове (центр волости) датирован XII–XIII вв. и соответствует значимости данного поселения [Штыхов, 1978, с. 100–102].

Возможно, что местоположение вновь образованной волости и ее размеры обеспокоили Глеба менского в свете примера формирования феодальных уделов, показанного киевской Русью на съезде 1097 г. В Логожской и Друцкой волостях, сопредельных с Борисовской вотчиной, удельных князей не было, и они так же как Полоцкая и Лукомльская волости находились под властью Бориса, занимавшего в это время главный престол – полоцкий. Глеб мог опасаться укрепления Бориса в роли собственника и его притязаний на большую часть территории Полоцкой земли. Поэтому ответным шагом менского князя, видимо, стал захват Друцкой волости, а также он попытался закрепиться в Оршанском Поднепровье, построив для этого *крепость Оршу* на правом берегу р. Днепр, напротив *крепости Копысь*, расположенной на левом берегу этой реки и отмечающей западный рубеж Смоленского княжества [Ляўко, 1997, вып. 12, с. 172–180]. Археологический материал подтверждает возведение оборонительных сооружений

на городищах в Копыси и Орше в конце XI в. – начале XII в. Кроме того, время сооружения крепости Орша можно отождествлять со временем образования Оршанской волости, подвластной Глебу, так как ранее данная территория подчинялась погосту в Черкасово, который был центром сбора дани в пользу Киевской Руси [Левко, 2004].

В этой связи приобретает смысл сообщение, помещенное в летописи, о новом походе южнорусских князей на Менское княжество в 1104 г.: «Сего же лета исходяща, посла Святополкъ Путяту на Менеск, а Володимеръ – сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глеба, *поемше Давыда Всеславича*» [ПВЛ, 1950, т. II, с. 185].

Смоленское княжество к этому времени стало вотчиной Владимира Мономаха и его наследников, поэтому захват Глебом менским Оршанского Поднепровья мешал дальнейшему расширению Смоленских владений на запад. Таким образом, в первой четверти XII в. уже личные интересы мономаховичей столкнулись с интересами удельного князя Полоцкой земли Глеба менского. В то же время южнорусские князья видели, что Полоцкая земля поделена между двумя наследниками Всеслава полоцкого: Борисом и Глебом – и вознамерились вбить между ними клин в лице их родного брата Давыда Всеславича, «поемше» его на борьбу с Глебом. Незавидная участь князя-изгоя [ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 177], вместе с другими такими же князьями без отчины добывающего себе средства к существованию военными походами (в 1103 г. он участвовал в походе на половцев), подтолкнула Давыда Всеславича к борьбе за шанс получить долю в отцовском наследстве. И этот шанс ему выпал: после провального похода 1106 г. объединенного войска полоцких князей на земгалов [ПВЛ, 1950, т. I, с. 186] Давыд Всеславич занял полоцкий стол вместо Бориса Всеславича. Своего же сына Брячислава он посадил в Изяславле, тем самым попытавшись завладеть частью полоцкого наследства.

На территории Изяславля в начале XII в. был построен новый укрепленный центр – детинец, а крепость-град пришла в упадок. Возможно, расцвет города связан с тем, что *Изяславская волость* в самом начале XII в. стала уделом Брячислава Давыдовича, а впоследствии, как просматривается из сообщений летописей, перешла поочередно к сыновьям князей, занимающих полоцкий стол. На протяжении второй половины XII в. борьбу за этот удел вели наследники менской и витебской ветвей Всеславичей. Однако с развитием феодальных отношений и укреплением права отчины уделы становились более постоянными. Так, право Брячислава Васильковича (витебского) на Изяславль, как на отчину поддержал в 1159 г. занимавший полоцкий стол Рогволод Борисович (друцкий).

Весь комплекс военно-политических событий, связанных с борьбой между Глебом менским и его могущественными противниками – кланом Мономаховичей, позволяет рассматривать его как стремление феодальных собственников расширить и упрочить личные владения. В 1113 г. Владимир Мономах стал киевским князем, а уже в 1116 г. Глеб менский предпринял новый поход во владения своего противника – на этот раз в дрегович-

ские земли, где сжег Случескъ. Видимо, он захватил и Копысь с волостью в смоленских владениях мономаховичей, так как в ответном походе на Менск мономаховичи сожгли крепости – «грады» Копысь, Оршу, Друцк. Итогом военного противостояния явилось пленение Глеба менского в 1119 г., заключение его в тюрьму в Киеве, где он вскоре умер.

Однако победившие Глеба менского мономаховичи завладели лишь изначальной территорией Менской волости (без вошедших вместе с ней в удел стараниями Глеба Друцкой, Оршанской и, вероятно, Копысской волостей). О том, что в 1121 г. «Владимир, князь великий, был с детьми своими в Смоленске для рассмотрения несогласий и усмирения Полоцких князей», сообщает В. Н. Татищев [Татищев, 1963, т. 2, с. 134]. Результатом переговоров явилось установление пограничья по р. Днепр между Полоцкой землей и Смоленским княжеством, отмеченного рядом крепостей [Ляўко, 1997, вып. 12, рис. 3]. Официальное закрепление Оршанской волости за Полоцкой землей, по обоюдному согласию с киевским правителем, стало компенсацией за утрату ею территории Менской волости в ходе военной операции сыновей Мономаха в 1119 г. Поскольку в Уставной грамоте 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича среди городов, выплачивающих десятину Смоленской епископии, названа Копысь, то, видимо, она по условиям перемирия была возвращена Смоленску, как Орша – Полоцку.

Новый этап в развитии отношений между ветвями полоцкого княжеского дома и их союзниками со стороны отдельных княжеств Киевской Руси наступил после 1140 г., когда полоцкие князья вернулись на родину из византийской ссылки[1] в основанные на территории Полоцкой земли Менский, Друцкий и Витебский уделы.

2.2. Друцкое княжество (удел) XII в.

Территория, политическая история княжества. Начало *Друцкому уделу* было положено князем Борисом при его втором вокняжении в Полоцке (1127 г.). Борис Всеславич, потомки которого на протяжении XII в. упомянуты в источниках как князья Друцкие, в 1102 г. создал собственную волость с центром в г. Борисове. Без ссылки на источник В. М. Татищев отмечал: «В 1102 г. Борис Всеславич полоцкий ходил на ятвяг и, победя их, возвратясь, поставил град Борисов в свое имя и людьми населил». В белорусско-литовских летописях тоже говорится о том, что город Борисов на р. Березина «вчинил» полоцкий князь Борис. Археологические исследования Г. В. Штыхова подтвердили время возникновения города. При раскопках в Старом Борисове был выявлен городской слой XII–XIII вв. Найденные в нем вещи свидетельствуют о значимости данного поселения [Штыхов,

[1] Объединенный поход южнорусских князей в 1127 (1128) г. на Полоцкую землю и дальнейшая конфронтация, нежелание полоцких князей подчиняться воле Киева, привели к тому, что местное боярство позволило сослать их в Византию, а Полоцкой землей два года правили киевские наместники, пока к власти не пришел Василько Святославич [Ляўко, 2000б, вып. 15, с. 116–122].

1978, с. 101]. «Граду» Борисову предшествовало поселение кривичей IX в. – начала XI в. К этому времени относятся и погребения в окрестных курганах. Поэтому существует определенный хронологический разрыв между образованным волостным центром Полоцкой земли и его предшественником. Создание Борисовской волости в начале XII в. с центром в Борисове можно рассматривать как один из первых шагов в направлении распада Полоцкой земли на отдельные владения – вотчины представителей княжеской семьи. Поэтому и размеры этой волости были значительно большими, чем исторически сложившаяся округа ее центра.

Заняв повторно полоцкий стол, князь Борис присоединил к своей вотчине – Борисовской волости – граничившую с ней Друцкую волость, которая после смерти Глеба менского вновь попала под власть Полоцка. Закреплять восточную границу Друцкого удела уже пришлось его сыну Рогволоду (Василию), поставившему по примеру своего отца в 1171 г. Рогволодов камень (фото 38) на границе с Оршанской волостью (современная д. Дятлово Оршанского района) [Ляўко, 2000б, вып. 15, с. 116–122].

Чуть позже Друцкого удела был создан Витебский удел. Ставший в 1132 г. полоцким князем Василько Святославич, сын Святослава Всеславича, в числе других сосланного в Византию, правил Полоцкой землей до 1146 г. [Алексеев, 1966, с. 267]. Летописи второй половины XII в. связывают наследников Василька Святославича с Витебском. Это позволяет предположить, что именно во время правления князя Василька в Полоцке и был создан *Витебский удел*. В 40-е годы XII в. были возведены мощные дерево-земляные укрепления вокруг детинца и Окольного города Витебска [Калядзінскі, 1997, с. 57], что подтверждает его возросший статус. Наличие Витебского удела в 1160–70-е годы привлекло внимание соседнего Смоленского княжества, которое на некоторое время подчинило его себе, используя рычаги феодальной зависимости (вассалитет). Смоленский князь Давыд Ростиславич после того, как отношения с Витебском распались (вследствие смерти брата, управлявшего Смоленской землей, ему пришлось вернуться из Витебска в Смоленск), начал новую интригу по подчинению своему влиянию Глеба Рогволодовича Друцкого. Эта интрига провалилась в 1180 (1181) г. в результате коалиционного похода полоцких и южнорусских князей на Друцк с целью не допустить туда смоленского князя (см. рис. 10).

Наследники Глеба менского, вновь получившие в свое распоряжение после 1140 г. Менскую волость, не могли смириться с территориальными потерями *Менского удела,* в состав которого в первые годы XII в. входили Друцкая и Оршанская волости. Поэтому с помощью политических интриг Ростислав Глебович менский сместил с полоцкого престола правившего Полоцкой землей с 1146 по 1151 г. Рогволода Борисовича друцкого [ПСРЛ, 1908, т. 2, с. 394–418] и занял его сам до 1158 г. За это время Глебовичи укрепились на всех ключевых позициях. В Менске находился брат Ростислава Глебовича Володарь, в Изяславле сел его второй брат – Всеволод, сместив Брячислава Васильковича, посаженного там его отцом Васильком Святославичем во время своего правления в Полоцке (1132–1146 гг.). Друцк

занял сын полоцкого князя Глеб Ростиславич. Таким образом, Глебовичи не только завладели верховной властью в Полоцкой земле, захватили Изяславский удел, но и вернули себе Друцкую волость, включенную ранее также путем захвата Глебом Всеславичем в состав Менского удела. Заодно они прихватили вотчину Борисовичей (Борисовскую волость), вошедшую в созданный Борисом в 1127 г. Друцкий удел.

После возвращения на правление в Полоцк (1158–1162 гг.) Рогволод Борисович занялся урегулированием имущественных вопросов в соответствии с правом отчины. Рогволод потребовал от Глебовичей возврата Брячиславу Васильковичу Изяславля, видимо, понимая заслугу его отца перед Полоцкой землей, когда тот защитил ее от киевских наместников, приняв верховную власть в отсутствие остальных полоцких князей. Ростислав Глебович, утратив Друцк (летописи сообщают о кровавой расправе Рогволода с Глебовичами при возврате своей «жизни», т. е. Друцкой волости), как вытекает из тех же сообщений, дополнительно к этому «прида волости Рогволоду» [ПСРЛ, 1908, т. 2, с. 445, 446, 493–496]. О чем же шла речь? Как видно из дальнейшего территориально-административного деления бывшей Полоцкой земли, в начале XVI в. Борисовская волость занимала только левобережье р. Березина, примыкающее непосредственно к Друцкой волости. Та же часть Борисовской волости, которая располагалась ранее на правом берегу р. Березина, вероятно, осталась в границах Менского удела после ее захвата Глебовичами. Менский удел, окончательно выделившийся из состава Полоцкой земли после 1185 г., территориально почти соответствовал границам Менского повета XVI в. [Заяц, 1993, № 4, с. 14].

Материальные свидетельства статуса Друцка как центра княжества XII в. О том, что Друцк в XII в. являлся центром хорошо развитого княжества свидетельствуют найденные при раскопках его детинца (городища) предметы роскоши и духовной культуры. В зоне размещения так называемого княжеского подворья, выделенного Л. В. Алексеевым в процессе исследований 1961 г. (раскопы XIII–XVI) были обнаружены перстень-печатка, фрагмент составного браслета-наруча из белого металла с изображением княжеского знака, а также пряслице с изображением княжеского знака (рис. 2.1: *3–5*) и пряслице с надписью «княжинъ» (см. рис. 12.46: *4, 5*). В 1999 г. О. Н. Левко в раскопе IV были найдены ажурные нашивки на одежду из белого металла с изображением грифонов и фрагмент перстня из желтого металла с каменной вставкой (рис. 2.1: *1, 2*), а в 2013 г. ею же в раскопе VIII, расположенном вблизи раскопов 1961 и 1999 г. – нашивки с отверстиями для камней-вставок (фото 7) и другие украшения из белого и цветных металлов (фото 11: *1, 12, 14*; 20). Все эти находки указывают на высокий статус проживавших на территории детинца людей.

Кроме престижных украшений раскопками Л. В. Алексеева и О. Н. Левко на территории детинца выявлены глазурованные плитки пола. В 1958–1959 гг. Л. В. Алексеев обнаружил в восточной части детинца половые глазурованные плитки, детали хороса, фрагменты колокола, чашечки кадильниц (см. рис. 12.21: *11, 14, 15*) и предположил, что именно здесь была

расположена известная по письменным источникам церковь св. Богородицы, построенная в Друцке в 1001 г. Глазурованные плитки пола обычно выкладывали в храмах, но в Друцке они обнаружены О. Н. Левко также в зоне расположения «княжеского подворья» на детинце (1999, 2013 г.) и на территории Окольного города (1999 г.). Это дополнительно является подтверждением того, что в укрепленной части города были расположены не только культовые, но и значимые светские постройки. Наконец, при раскопках детинца выявлены кресты энколпионы и другие христанские реликвии (фото 8), указывающие на значение Друцка как сакрального центра. В Друцке получило развитие чтение и письмо. Книжные застежки (фото 9: *1–3*) были найдены в разных частях города. О наличии ювелирного ремесла свидетельствуют находки специального инструментария, литейных форм, тиглей и фрагментов сопел вблизи «княжеского подворья», а также гирек-разновесов, в том числе используемых в ювелирном деле (фото 9: *7, 8*). О высоком уровне обработки металлов в Друцке свидетельствуют и другие находки, в том числе оружия и хозяйственных предметов (фото 18). В раскопе 1999 г. выявлены фрагменты стеклянных изделий, которые можно расценивать, как заготовки для производства украшений из стекла (рис. 2.2: *21–26*). Следует отметить, что в Друцке выявлено около 2400 стеклянных браслетов, височных колец и перстней, более 600 шиферных пряслиц, фрагменты амфор (фото 23) и расписного стекла (фото 21), что свидетельствует о широких торговых и культурных связях этого центра в XII в.

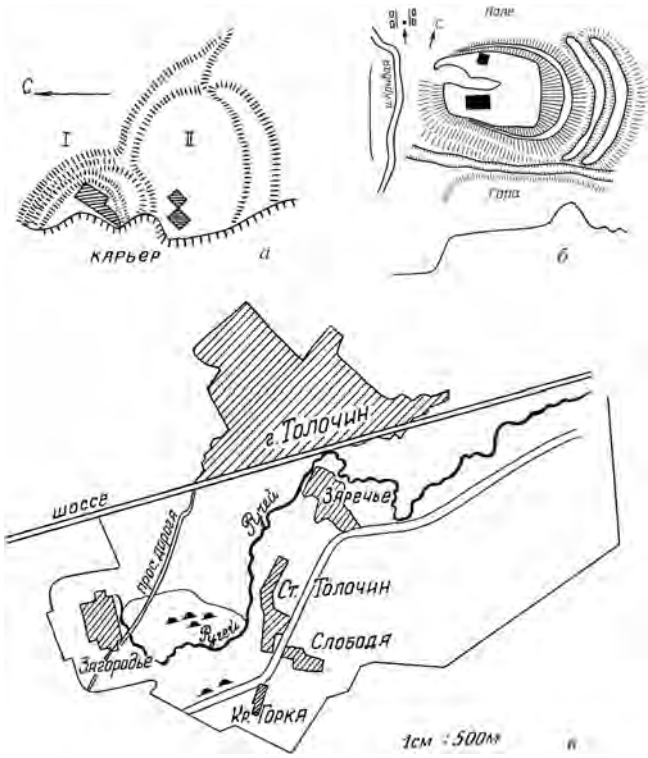


Рис. 1.1. Планы поселений округи Друцка: *а* – Багриново; *б* – Кисели; *в* – Толочин с прилегающей территорией

Рис. 1.2. Городище Кисели. 1959 г.

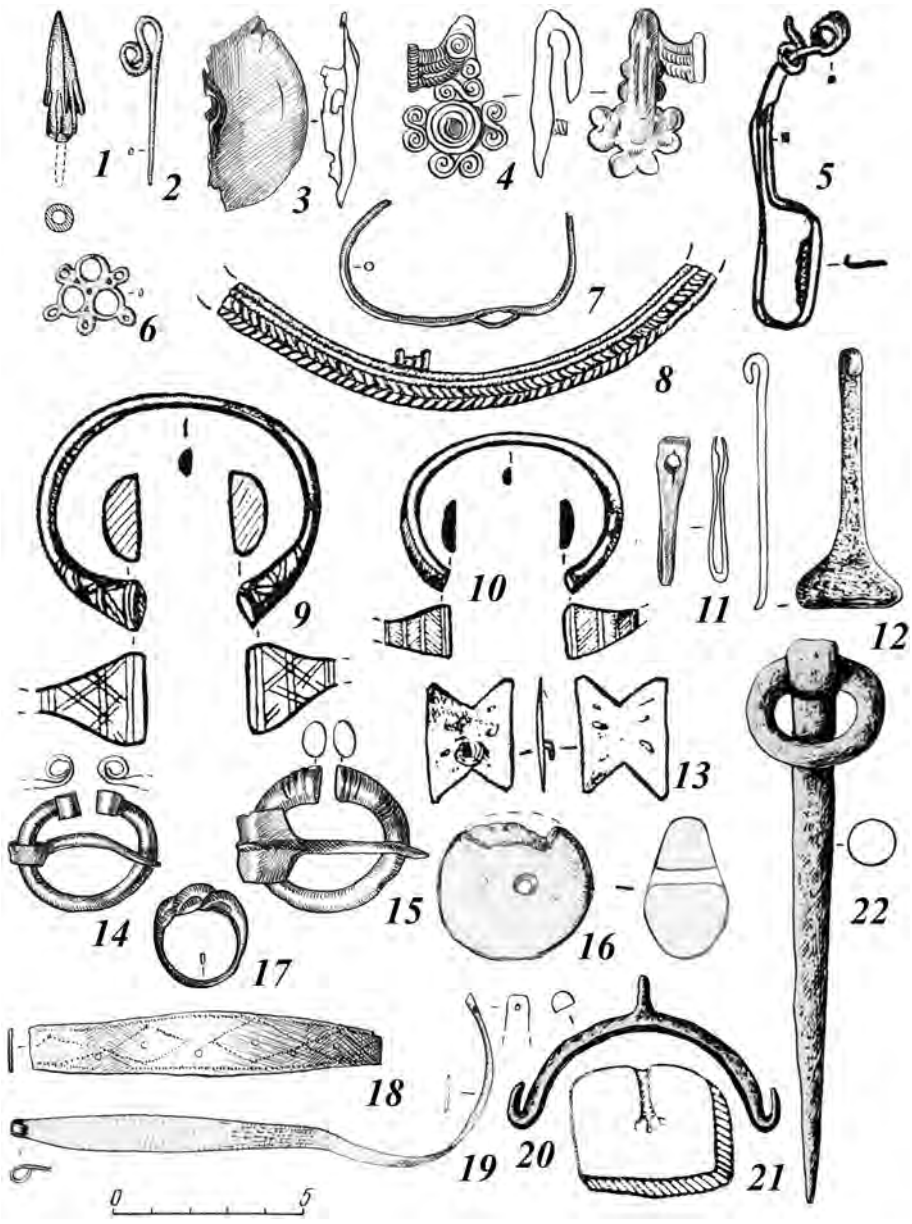


Рис. 1.3. Находки с городища Кисели: *1* – наконечник стрелы; *2* – посоховидная булавка; *3, 7* – неопределимые предметы; *4* – эсовидная застежка; *5* – фибула; *6* – подвеска; *8* – пектораль; *9, 10* –браслеты с расширенными концами; *11* – поясная петля; *12* – пинцет (фрагмент); *13* – накладка на пояс; *14, 15* – подковообразные фибулы; *16* – бусообразное изделие; *17* – перстень; *18, 19* – браслеты; *20* – шпора; *21* – половинка литейной формочки для отливки украшений; *22* – булавка с подвижным кольцом; *1–11, 14, 15, 17–19* – цветной металл; *12, 13, 20, 22* – железо; *16* – янтарь; *21* – камень. Раскопки: *1, 21* – Л. М. Михайловского, Л. В. Алексеева; *2–20, 22* – О. Н. Левко

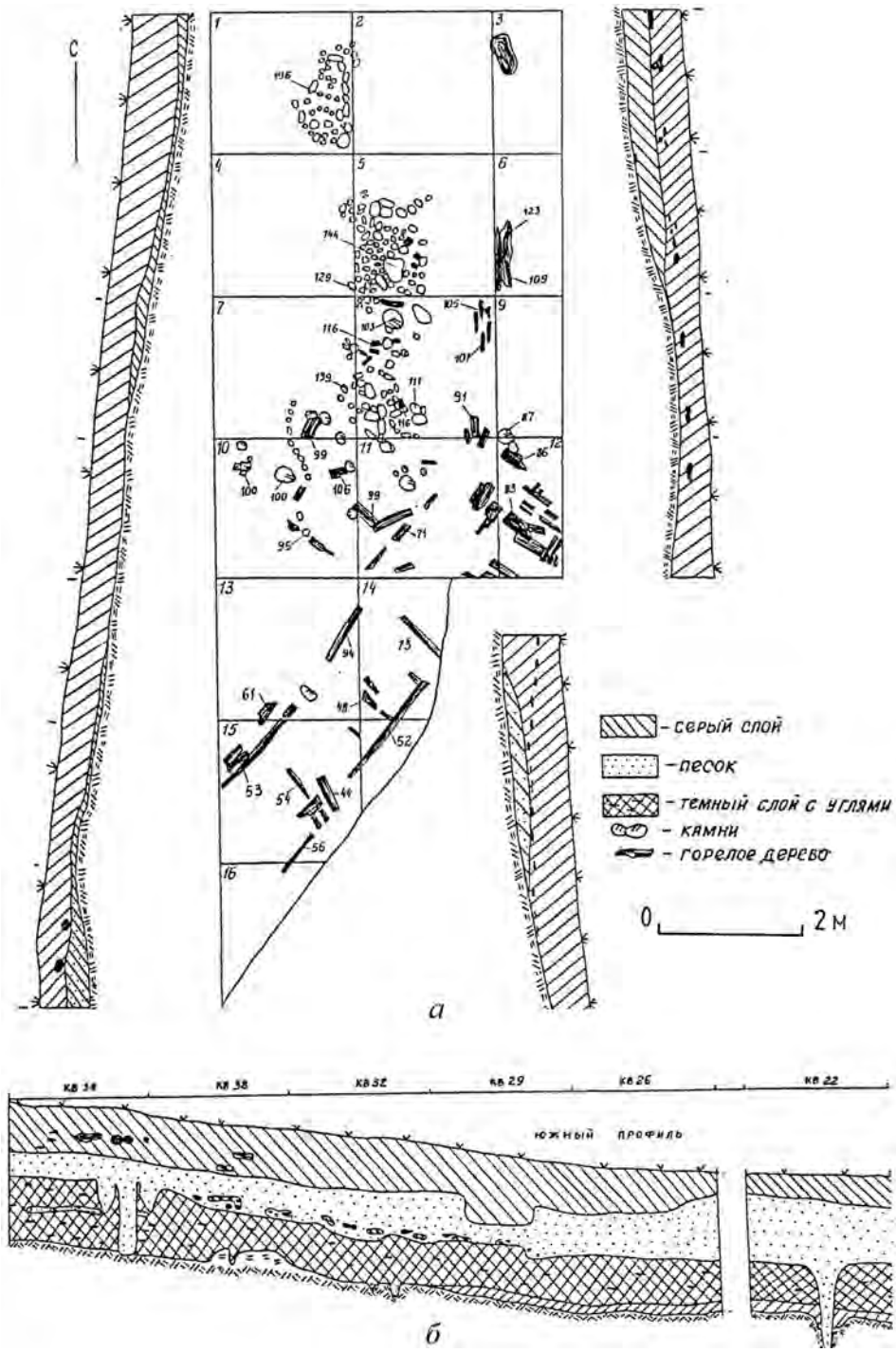


Рис. 1.4. Разрезы валов: *а* – городище Багриново; *б* – городище Кисели. Раскопки О. Н. Левко

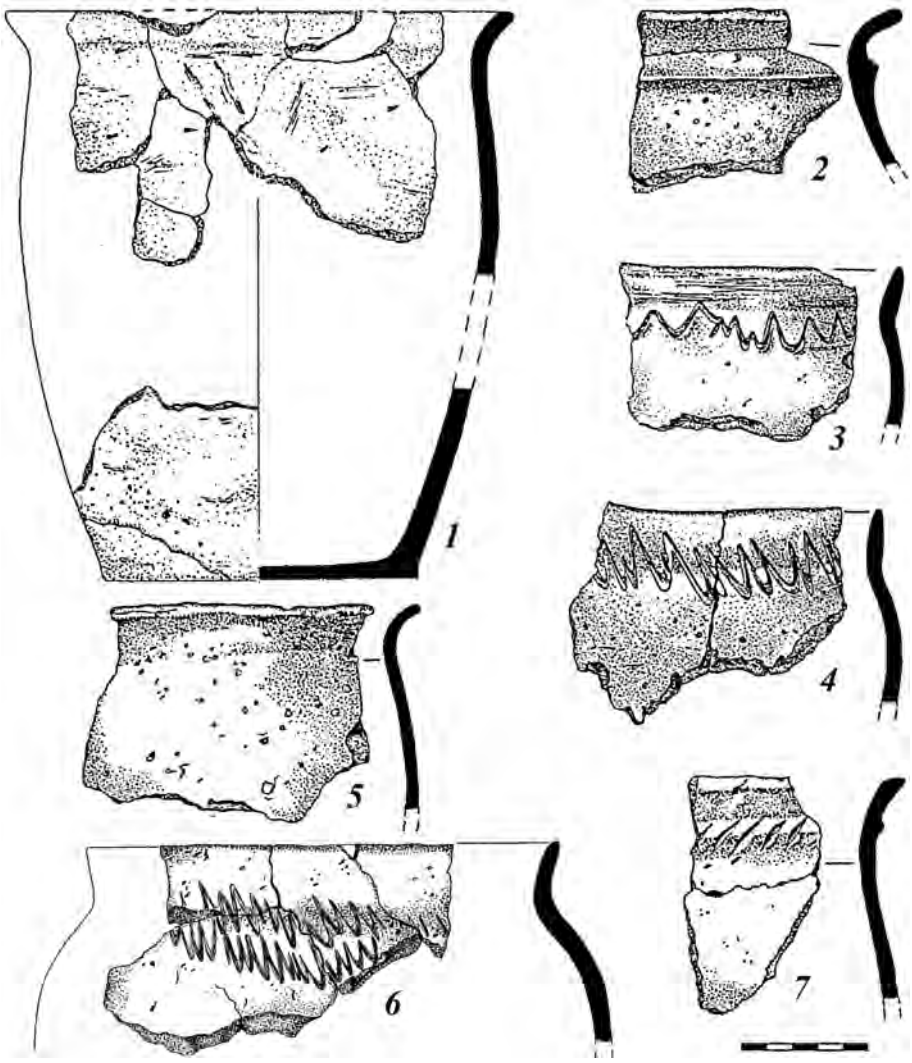


Рис. 1.5. Керамика с городища Кисели *(1–7)*. Раскопки О. Н. Левко

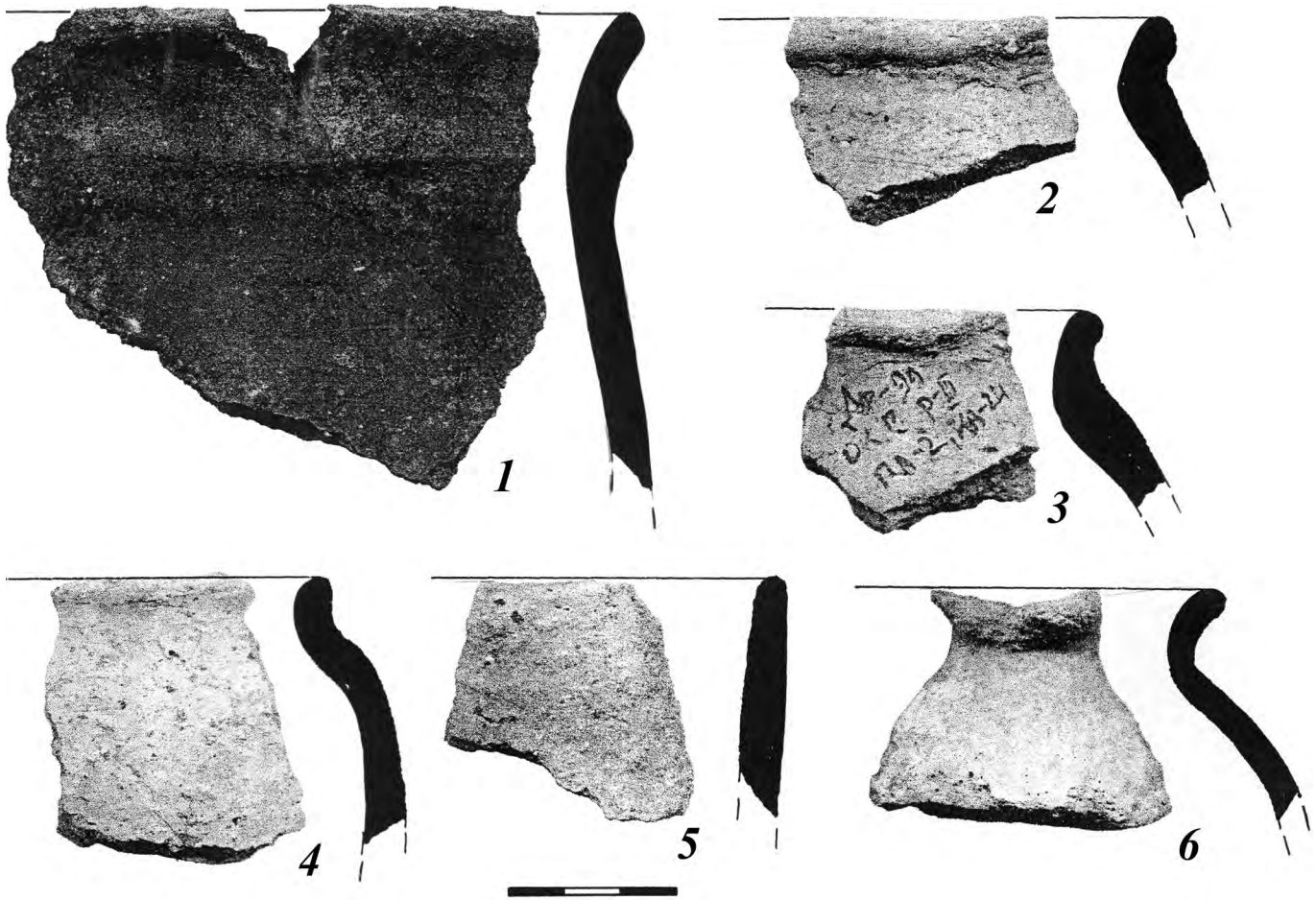


Рис. 1.6. Лепная керамика *(1–6)*. Нижний слой. Окольный город. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

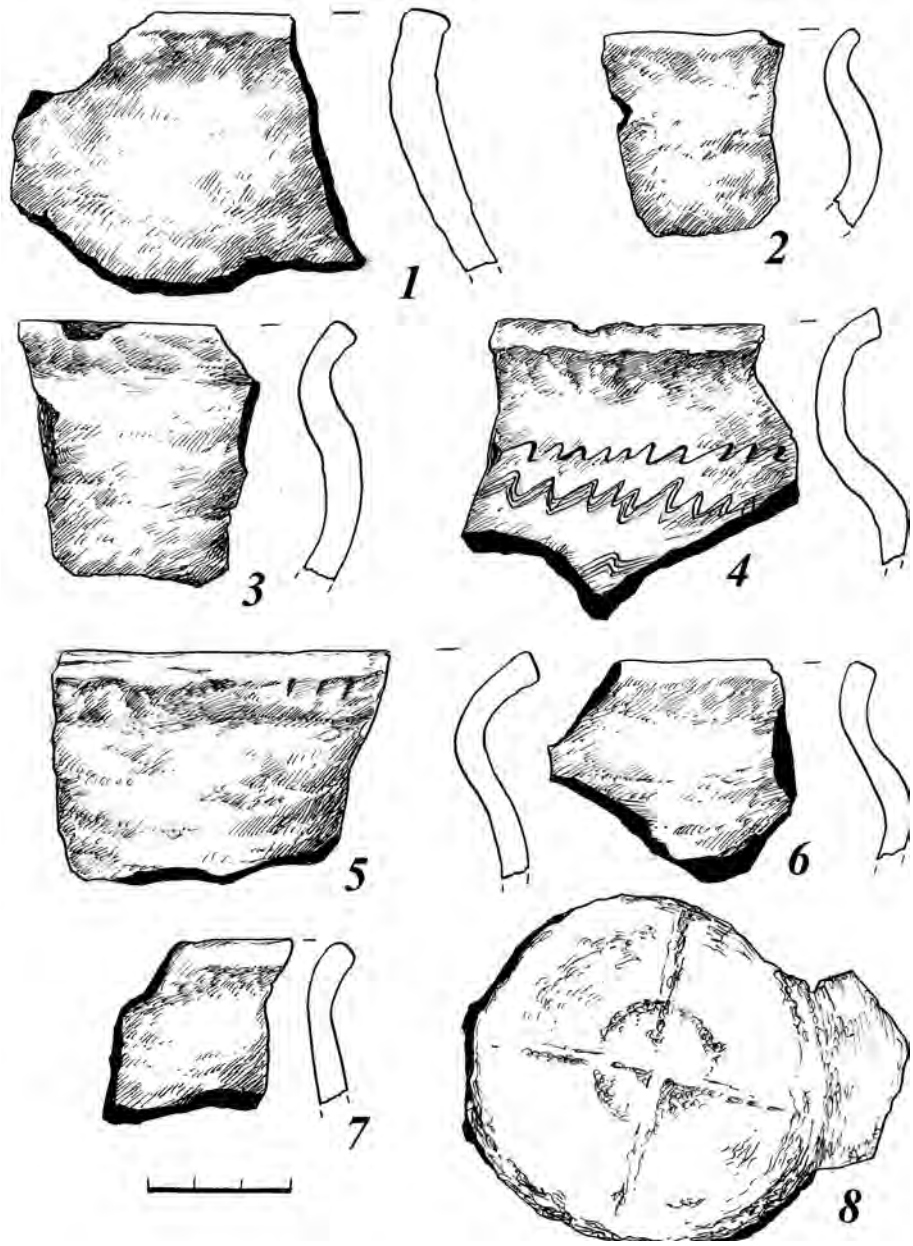


Рис. 1.7. Лепная керамика *(1–8)*. Городище (детинец). Друцк. Раскопки О. Н. Левко

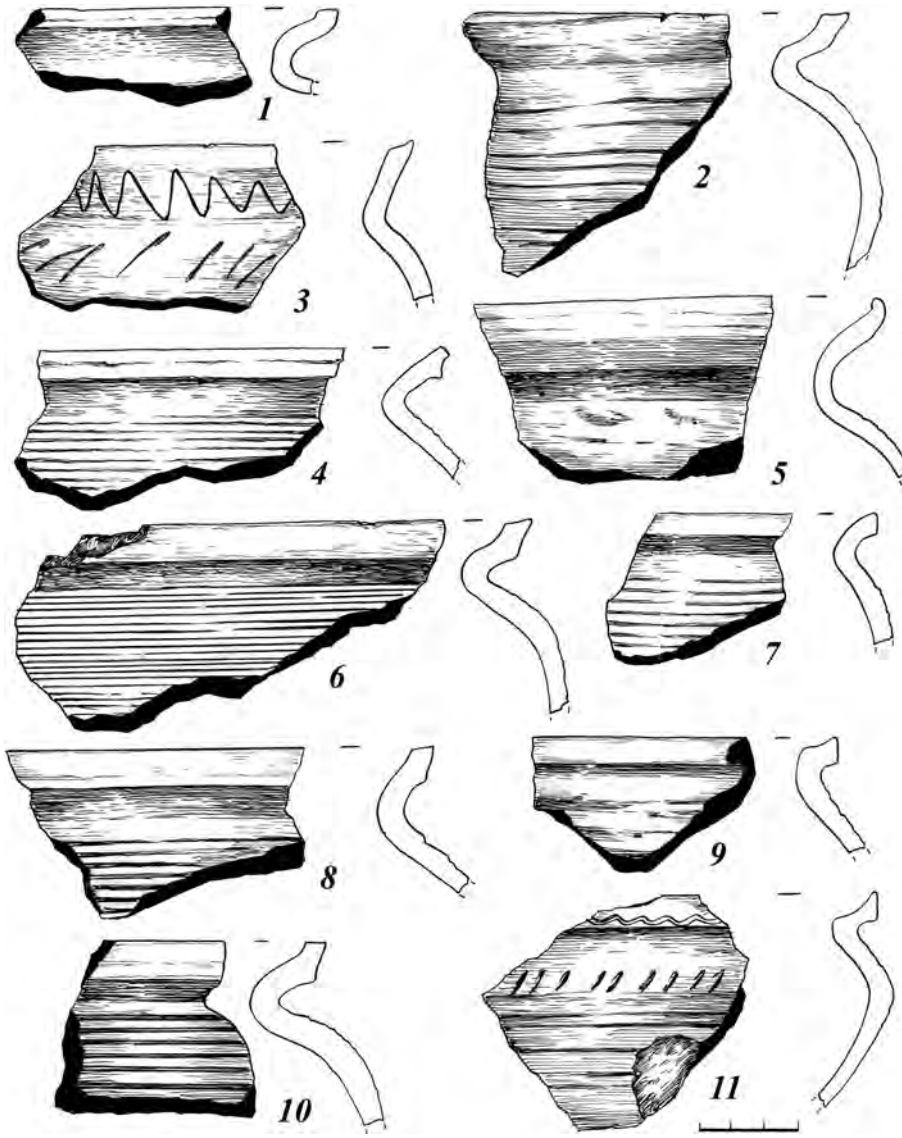


Рис. 1.8. Круговая керамика *(1–11)*. Нижний слой. Детинец. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

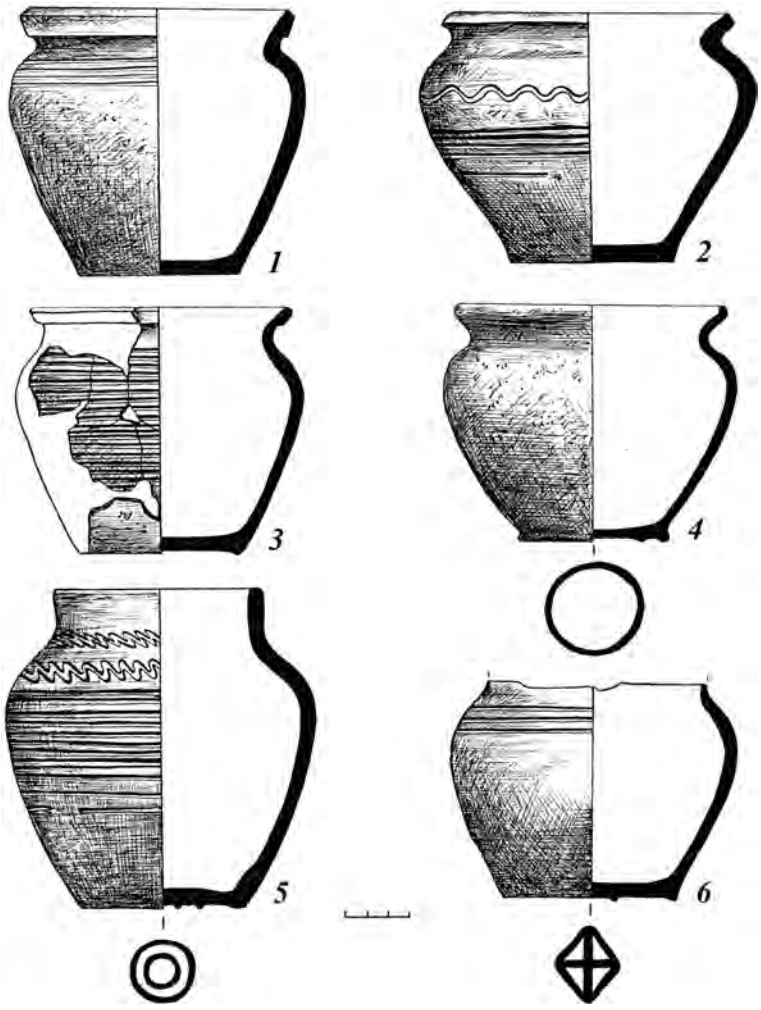


Рис. 1.9. Горшки из курганных могильников: *1–3, 5, 6* – Дроздово, могильник II; *4* – Голошево. Раскопки О. Н. Левко

Рис. 1.10. Размещение волоков в центральной части Днепродвинского бассейна (схема): *1* – городище Высокий Городец; *2* – городище Кисели

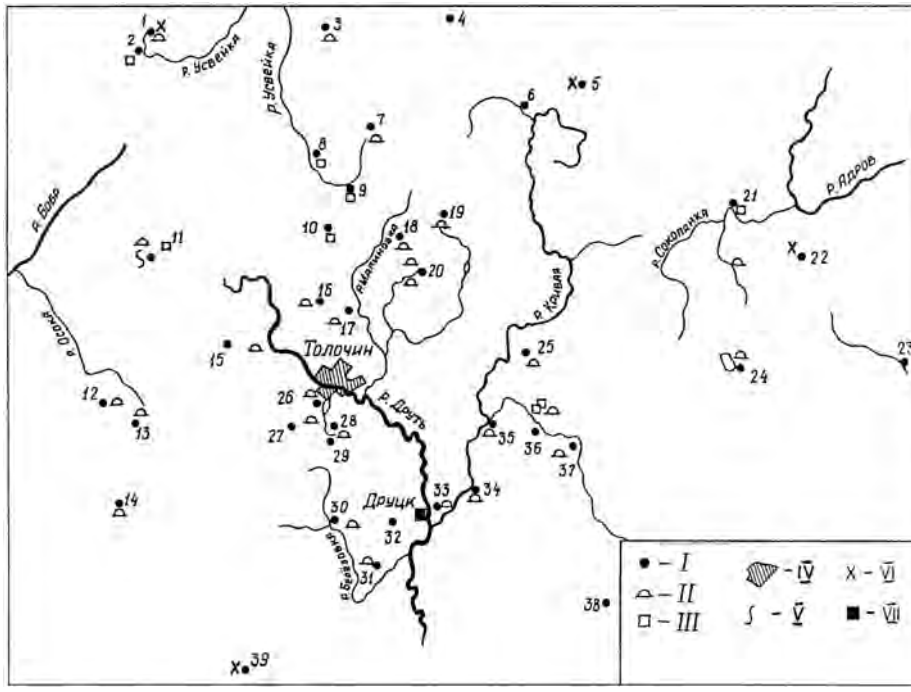


Рис. 1.11. Карта памятников окрестностей Друцка *(1–39)*: *I* – населенные пункты; *II* – курганы; *III* – городища; *IV* – Толочин; *V* – валы; *VI* – Борисов (*1*) и Рогволодов (*22*) камни; VII – Друцк

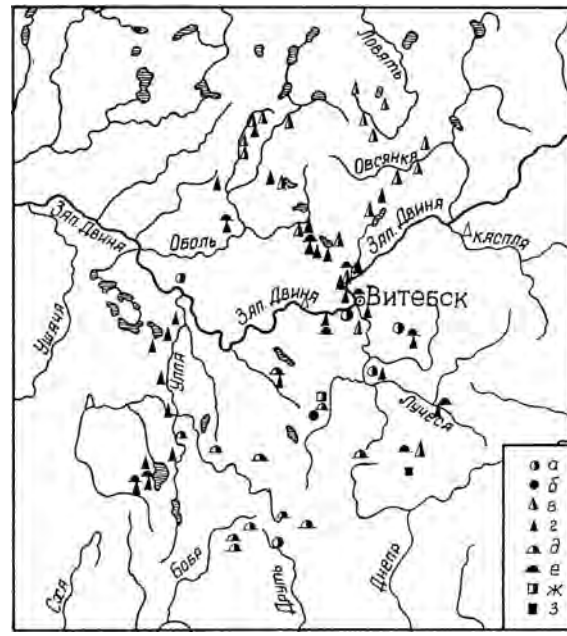


Рис. 1.12. Зоны размещения курганов *(а–з)* с названиями «волотовки» *(в, г)* и «копцы» *(д, е)* (по З. М. Сергеевой)

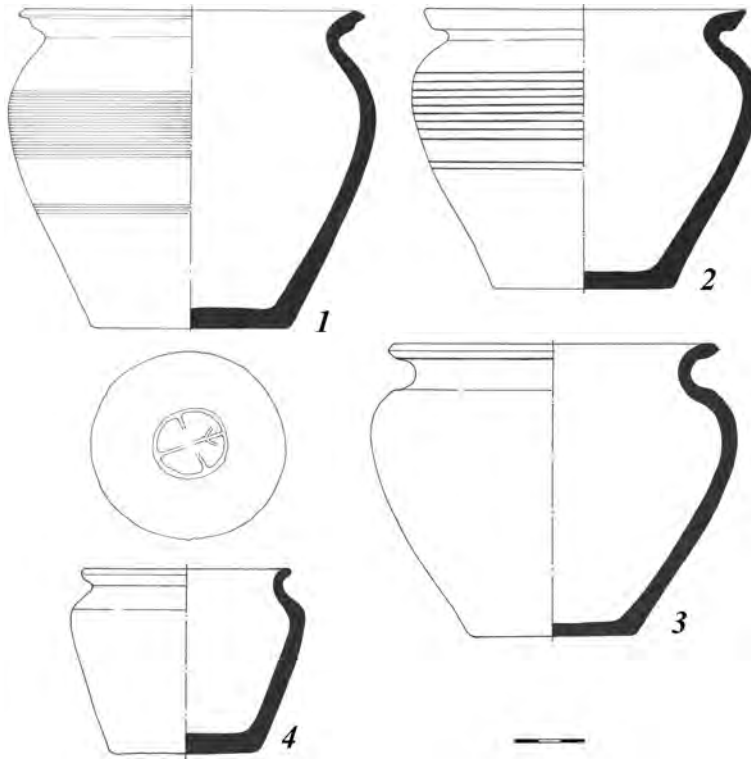


Рис. 1.13. Горшки из курганов: *1* – Волковичи; *2–4* – Багриново. Раскопки З. М. Сергеевой. Фонды ВОКМ

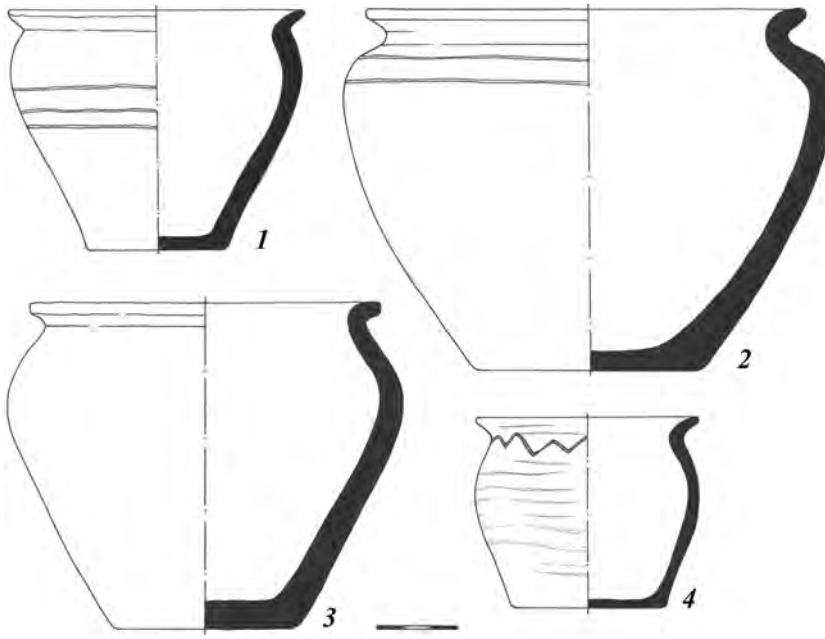


Рис. 1.14. Горшки из курганов *(1–4)*. Сенчуки. Раскопки отряда Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

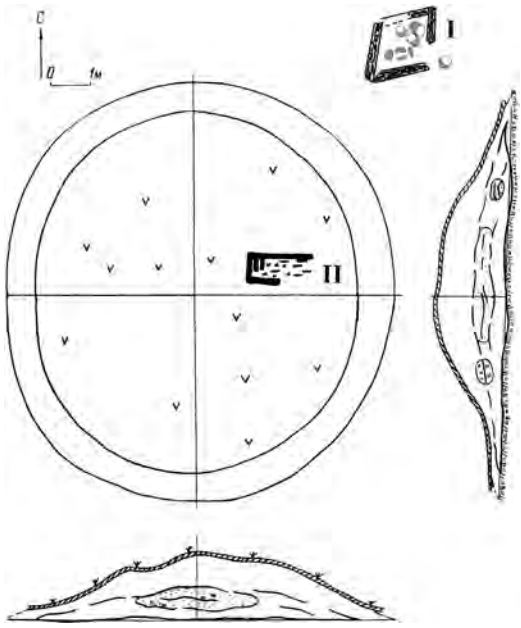


Рис. 1.15. Погребальные оградки в курганах: *I* – Арава; *II* – Дроздово

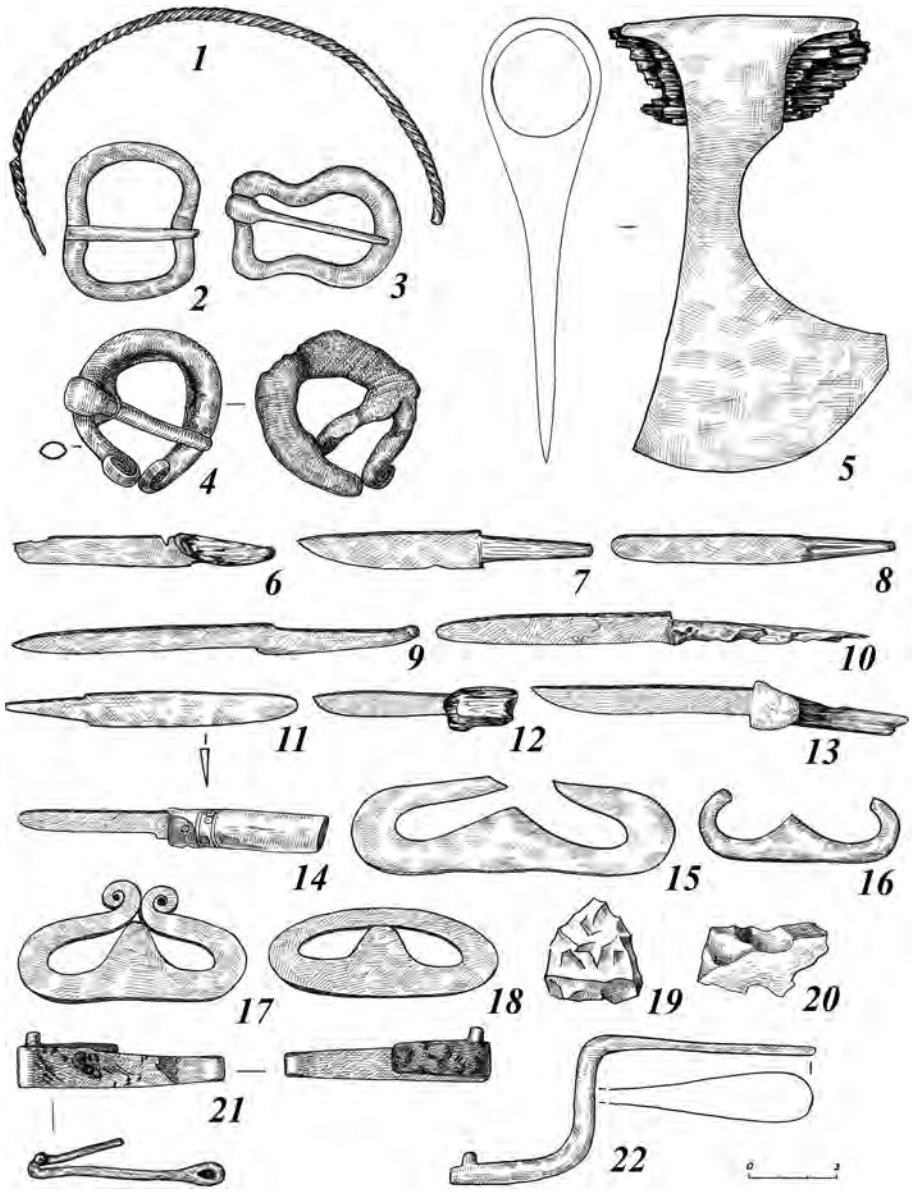


Рис. 1.16. Предметы из погребений: *1–18, 21, 22* – железо; *19, 20* – кремень. Могильник II. Дроздово. Раскопки О. Н. Левко

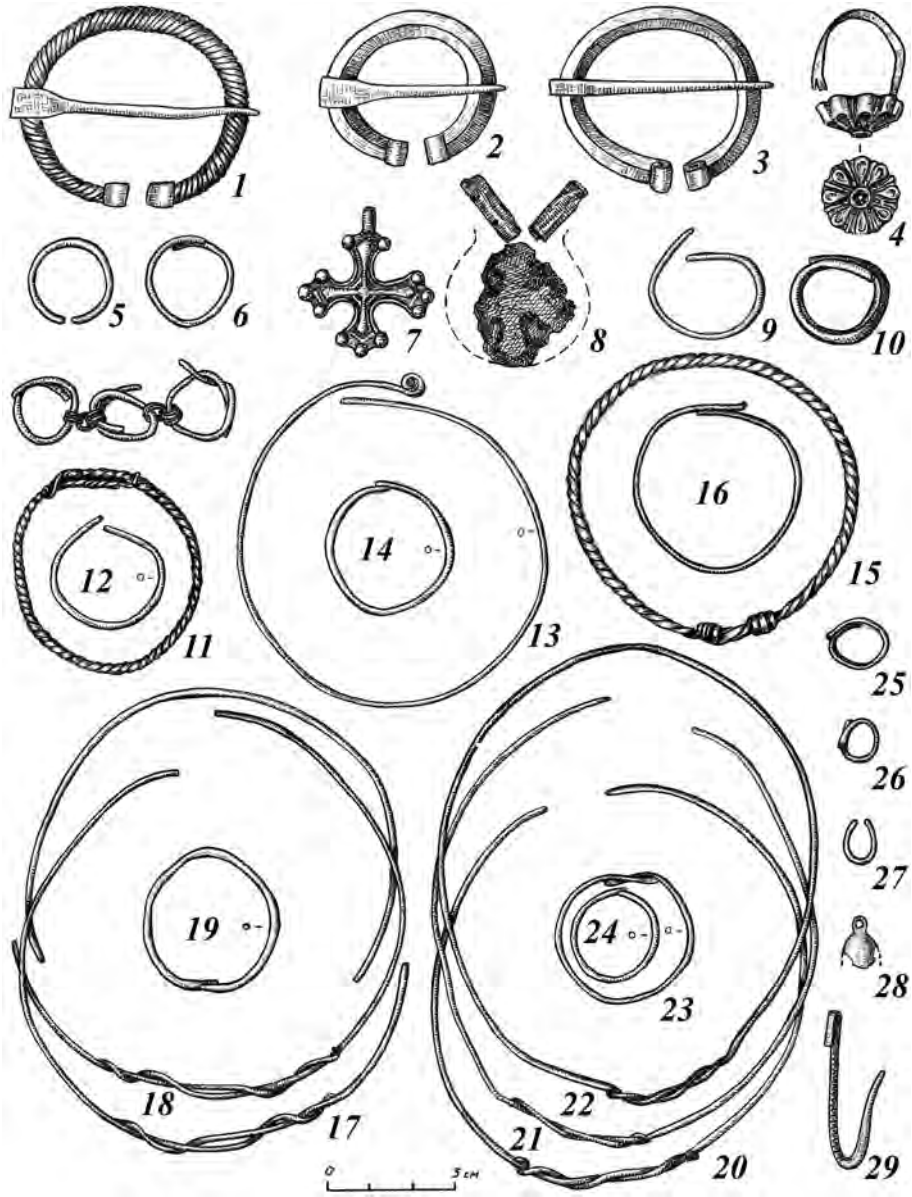


Рис. 1.17. Изделия из цветных металлов *(1–7, 9–29)* и кожи *(8)*.
Могильник II. Дроздово. Раскопки О. Н. Левко

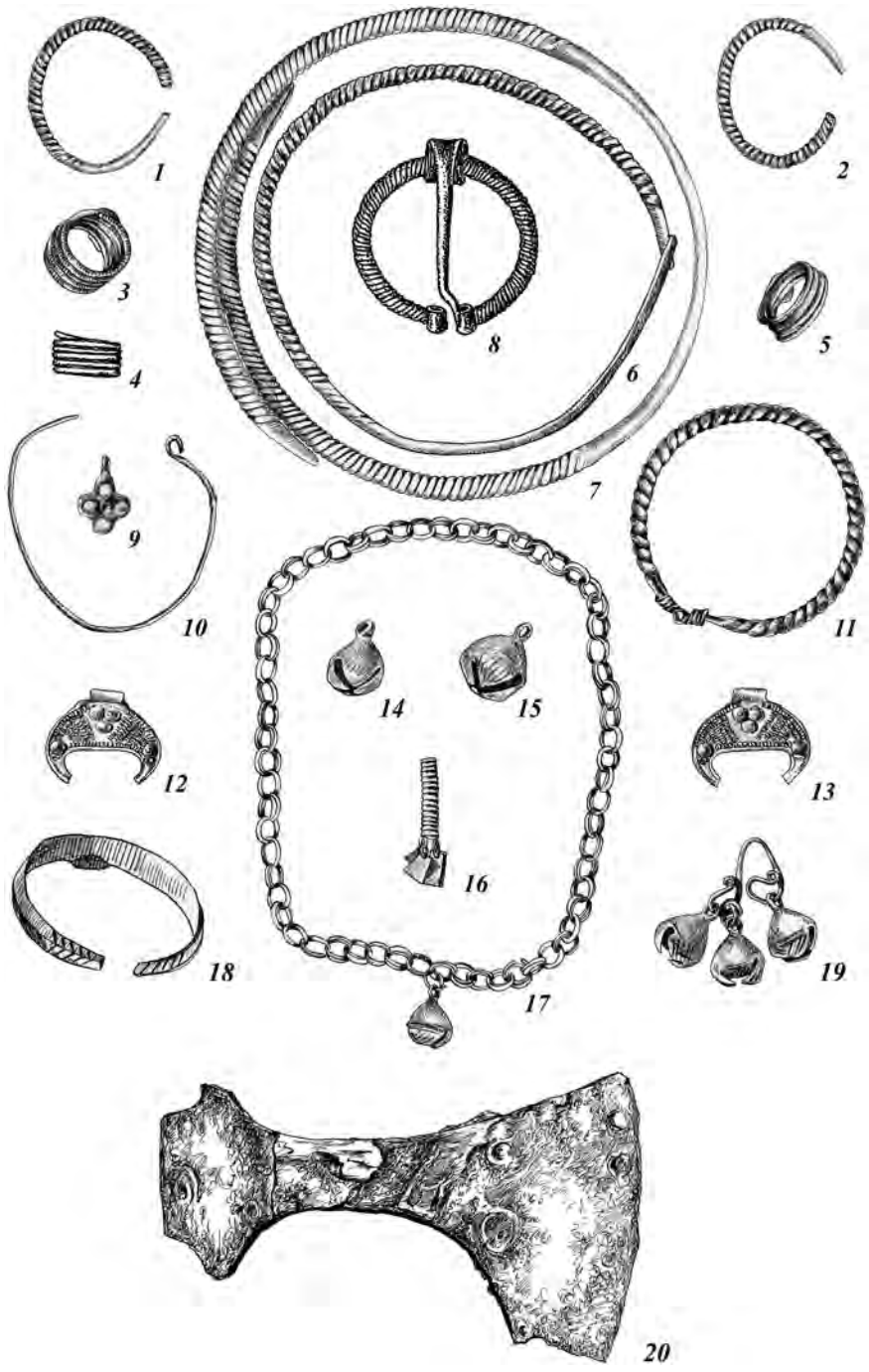


Рис. 1.18. Погребальный инвентарь из курганов *(1–20)*. Новинка. Раскопки: *1, 2, 4–7, 9–19* – З. М. Сергеевой; *3, 8, 20* – О. Н. Левко

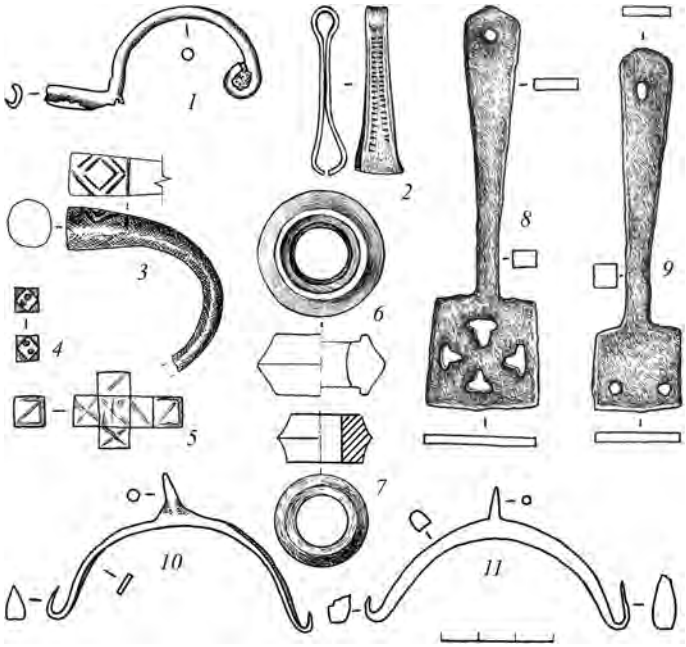


Рис. 1.19. Древнейшие находки с территории Друцка: *1, 4–7, 10* – городище; *2, 8, 9* – Окольный город; *3, 11* – посад; *1–5* – цветной металл; *6, 7* – глина; *8–11* – железо. Раскопки: *1, 10* – Л. В. Алексеева; *2–9, 11* – О. Н. Левко

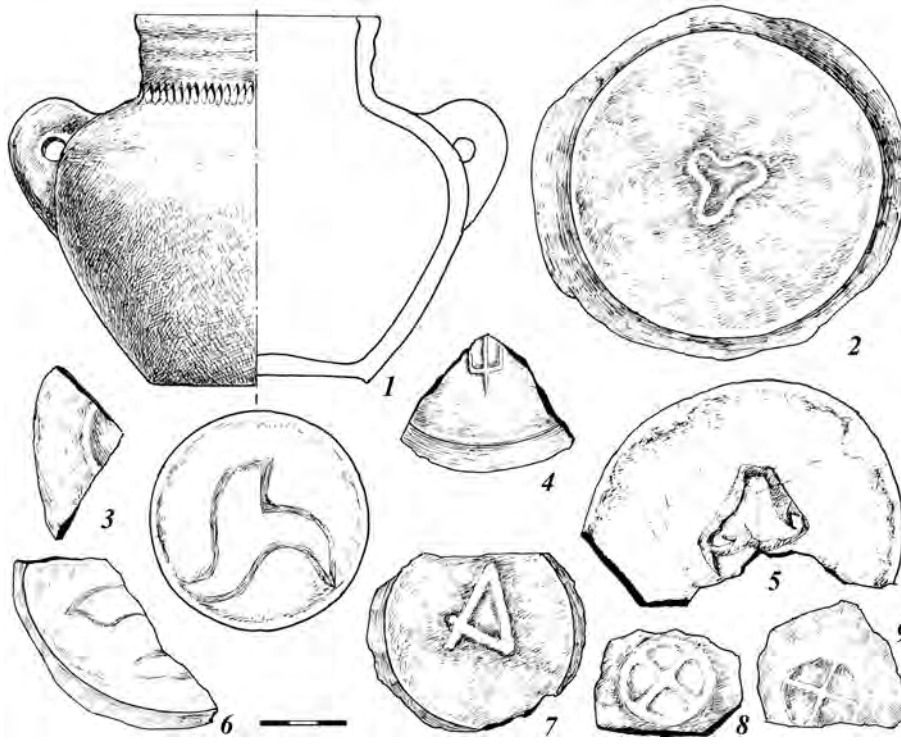


Рис. 1.20. Клейма на горшках *(1–9)*. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

Рис. 1.21. Гончарная керамика: *1–7* – могильник Арава, курган № 1; *8* – могильник Сенчуки, курган № 2; *9* – городище Друцка, раскоп XX, 1965 г.

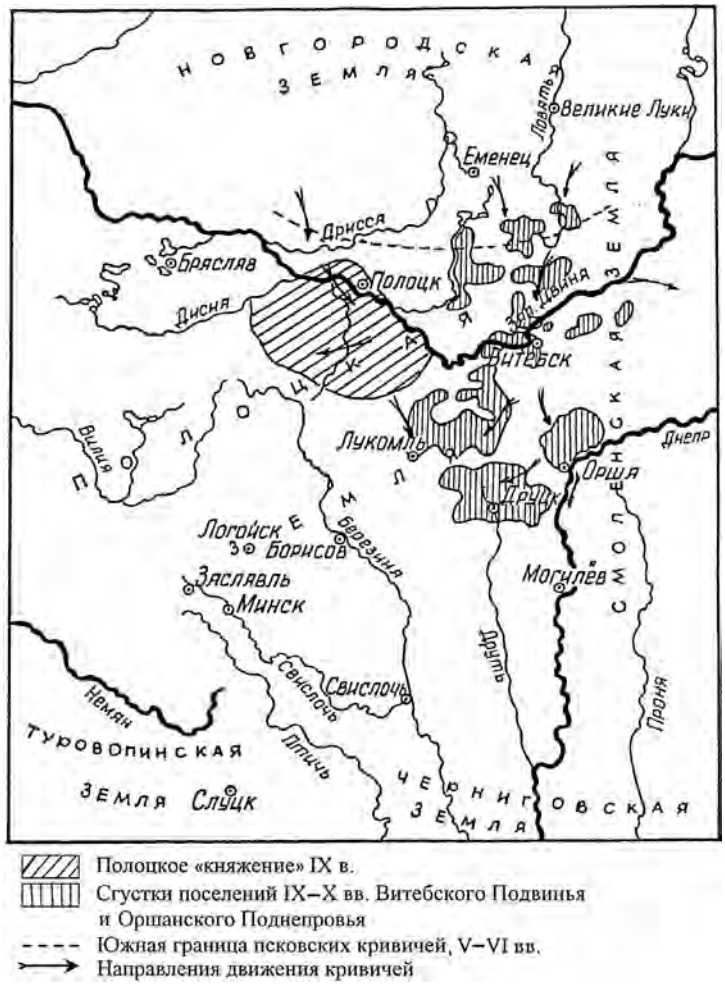


Рис. 1.22. Зоны скопления поселений. Последняя четверть 1-го тысячелетия н. э. (по Л. В. Алексееву, Г. В. Штыхову)

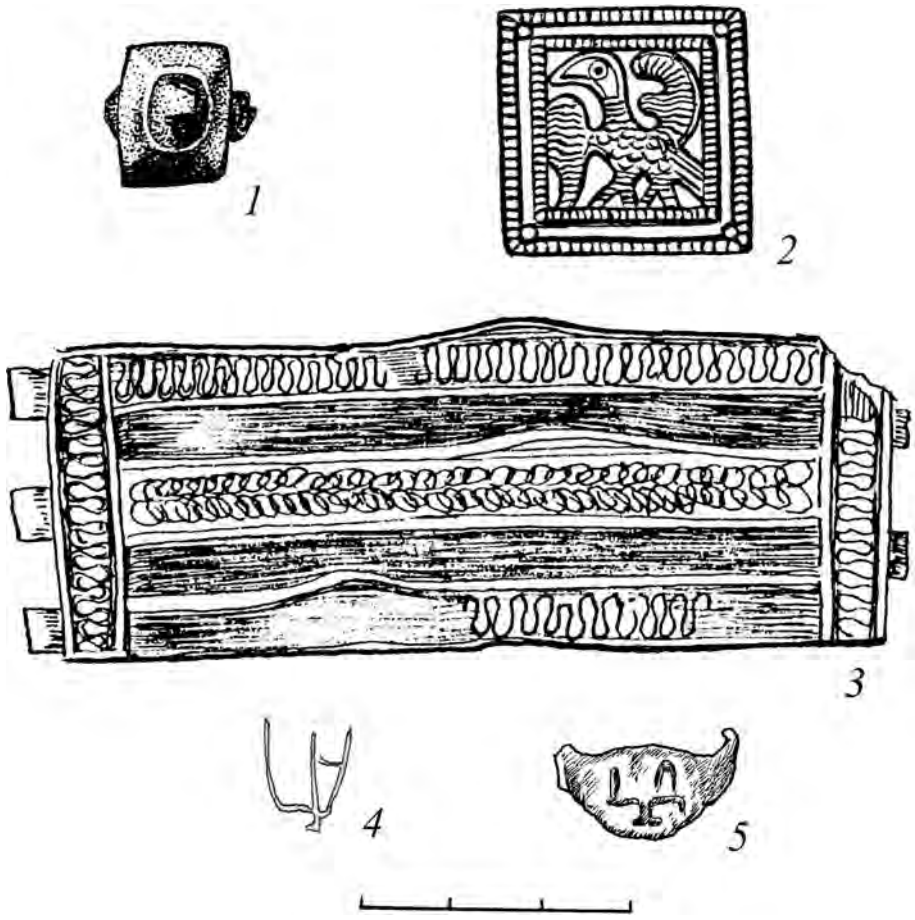


Рис. 2.1. Предметы из желтого *(1)* и белого *(2, 3, 5)* металла: *1* – перстень со вставкой (фрагмент); *2* – нашивка на одежду; 3 – браслет (фрагмент); *4* – княжеский знак на пряслице; *5* – пестень-печатка. Городище. Друцк. Раскопки: *1, 2* – О. Н. Левко; *3–5* – Л. В. Алексеева

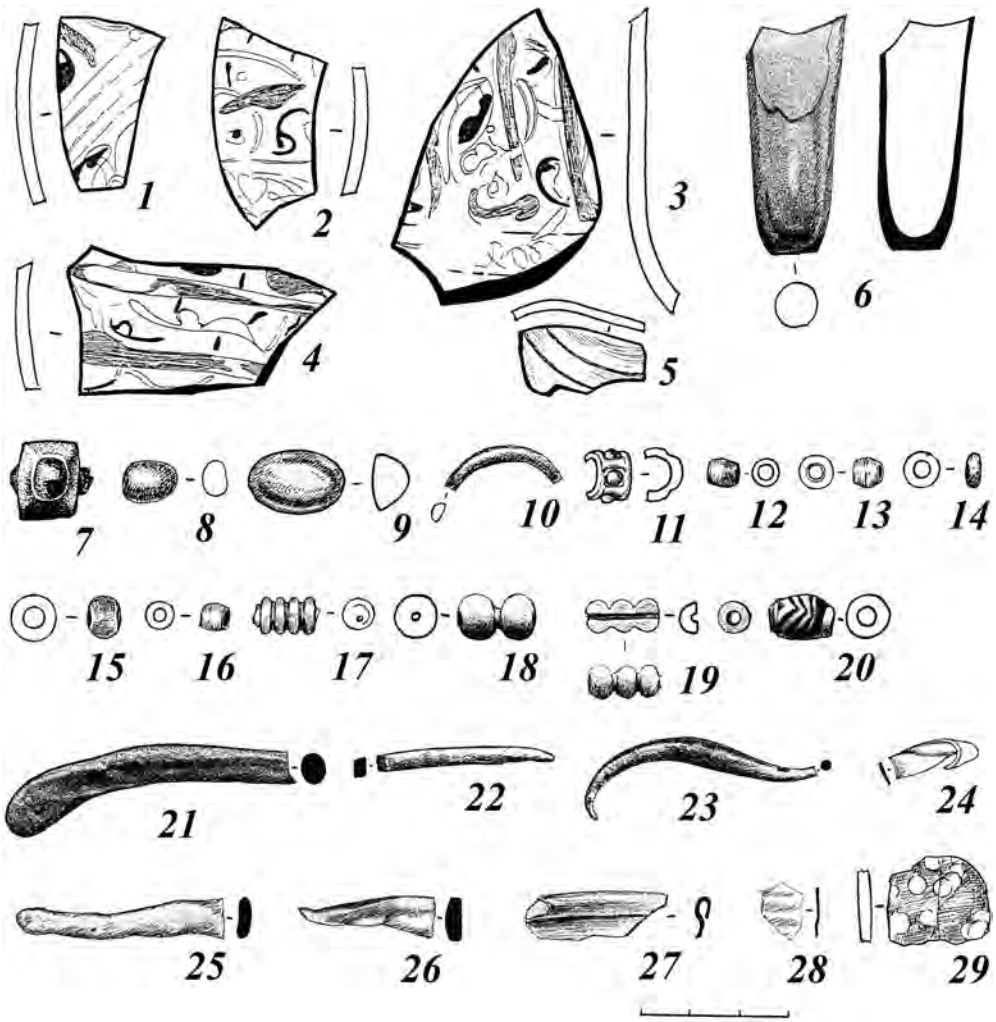


Рис. 2.2. Изделия из стекла: *1–6, 27–29* – стеклянные сосуды (фрагменты); *7–9* – вставки в перстни; *10* – височное кольцо (фрагмент); *11–20* – бусины; *21–26* – заготовки для стеклянных изделий. Друцк. 1999 г. Раскопки О. Н. Левко

II

ЛЕТОПИСЬ ДРЕВНИХ СЛОЕВ

3. СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ОБЪЕКТОВ ДРУЦКА

(О. Н. Левко)

Две возвышенности, укрепленные земляными валами, на территории современного агрогородка Друцк Толочинского района Витебской области и ближайшее их окружение (см. рис. 8, *а*) составляют тот комплекс археологических памятников, который явился основой ярчайшего культурно-экономического и военно-политического центра на территории Беларуси на протяжении X–XVI вв.

Раскопки древнего Друцка были возобновлены в 1999 г. в преддверии его 1000-летнего юбилея с целью сбора материалов для экспозиции открывающегося Толочинского районного историко-краеведческого музея (ТРИКМ), привлечения внимания широкой общественности к истории одного из древнейших городов на территории Беларуси. Так как исследования Друцка уже проводил ранее Л. В. Алексеев, необходимо было выбрать те участки на его территории, которые не были изучены, но могли бы существенно расширить представление о городе, этапах его формирования, периоде существования и многом другом. С этой позиции наиболее перспективной представлялась неукрепленная часть Друцка – его посад, который ранее не подвергался археологическому исследованию, не были известны его границы, характер культурного слоя, хронология отложений и значение в общем контексте памятника.

3.1. Посад

Участок древнего посада с культурным слоем мощностью свыше 1 м был изучен на свободной от застройки территории агрогородка напротив въезда в Окольный город за рвом. Площадь ***раскопа I-1999***[1] составила 96 м^2. (рис. 3.1).

[1] С 1999 г. О. Н. Левко введена сквозная нумерация раскопов и шурфов для всей территории города. В отличие от нумерации Л. В. Алексеева она не имеет буквенного обозначения, а раскопы не привязаны к арам. В связи с тем, что в отдельных случаях римские номера раскопов совпадают, рядом с номером раскопа О. Н. Левко проставлен год исследований (например, I-1999).

Стратиграфически выделено три основных слоя и два строительных горизонта (СГ), которые соотносятся со средним и нижним слоями культурных напластований. В верхнем горизонте в северо-восточном углу раскопа зафиксирован *очаг 1* размерами 0,8 × 1,2 м, сложенный из мелких и средних камней и содержащий керамику XIII в. В СГ-2 восточной части раскопа расчищено темное зольно-угольное пятно с включением железных шлаков, имеющее размеры 4,2 × 3,2 м. Рядом выявлено скопление камней крупных и средних размеров также с железными шлаками и углями. Видимо, это *развал печки производственного назначения*, связанной с темным пятном в единый комплекс, как по наличию шлаков, так и по уровню залегания в слое, характеру керамики (вторая половина XII в.). При расчистке данного комплекса было собрано большое количество железных шлаков, обрезков металла, металлические предметы и орудия труда, позволяющие предположить наличие здесь кузнечной мастерской (рис. 3.2). Под производственным комплексом выявлены две ямы, связанные с ним по характеру заполнения и углубленные в материк от 0,3 до 0,7 м (рис. 3.1). В западной части данного горизонта зафиксирован также *очаг 2*. На подушке из прокаленной глины размером 2,2 × 1,8 м и толщиной 0,15 м было расположено небольшое скопление обожженных камней. При его расчистке выявлены угли и керамика второй половины XII в. С юго-востока к очагу примыкала подпечная яма с углями. Прослойка углей прослежена и под глиняной подушкой очага (рис. 3.2). На остальной площади раскопа встречены отдельные камни и их небольшие скопления.

При зачистке материка в раскопе I-1999 было вскрыто большое количество разновременных ям. Часть из них хозяйственные (ямы 3, 4, 6) либо связаны со строительным горизонтом 2 (ямы 1, 2, 5). Они выделяются большими размерами и глубиной, а также своим заполнением. Подавляющее же большинство ям в материке – следы столбовых конструкций и различаются они между собой лишь заполнением слоя (рис. 3.1). Некоторые соотносятся с верхним и средним слоем, большинство связано с нижним слоем и имеет угольное заполнение.

Наиболее массовой в раскопе I-1999 является керамика XI–XVII вв., среди которой выделяются импортная белоглиняная поливная керамика, фрагменты восточных корчаг и амфор XII–XIII вв., амфорка «киевского типа» XI в. (фото 24: *1*). К ювелирным изделиям относятся: золото- и серебростекляные бусы, камень-вставка из горного хрусталя (см. рис. 2.2: *8*), конек-подвеска (см. рис. 12.15: *7*), лировидная пряжка с орнаментом (см. рис. 12.19: *2*), датированные X–XI вв., а также фрагмент орнаментированного пластинчатого браслета и перстни из цветного металла (круглодротовый с заходящими концами и рубчатый) XI в. Выявлены предметы быта и орудия труда: шиферные пряслица, замки, ключи, ножи, фрагменты пилы, косы, топор, наральник и др. В раскопе также найдены фрагмент удил, подкова, пряжки, наконечники копья и стрелы. Ассортимент предметов характеризует данное поселение как составную часть городской территории XI–XVII вв. Каменный топор и плоский конек-привеску X–XI вв.

использовали в качестве амулетов (оберегов), что свидетельствует о достаточной устойчивости языческих реликтов в среде горожан в раннем средневековье. На днищах ряда керамических сосудов, выявленных в раскопе I-1999, имеются клейма различной формы. Подобные им были впоследствии обнаружены и на других участках посада и, видимо, являются знаками мастеров-изготовителей (см. рис. 1.20). Некоторые исследователи склонны также придавать гончарным клеймам магический характер. По их мнению, посуда с такими знаками должна была предохранять ее владельца от воздействия потусторонних сил [Тышкевич, 1865, с. 166]. В целом находки из раскопа на посаде показывают, что он возник вскоре после того, как появился «град», известный как детинец раннесредневекового Друцка. Состав выявленных предметов позволяет определить ремесленный характер поселения (наличие мастерской по обработке металла) и в то же время показывает состоятельность и платежеспособность городского населения. Об этом свидетельствуют как привозная керамическая посуда и тара, так и ювелирные изделия, также импортного происхождения. Данные находки указывают на развитие торговых связей города с южными землями, откуда они происходят.

В 2000 г. на посаде был заложен ***раскоп V-2000*** (рис. 3.3). Он был расположен южнее городища за рвом, на участке, запланированном под возведение нового храма св. Богородицы к 1000-летию Друцка. В раскопе обнаружены небольшой мощности (до 0,4 м) культурный слой и значительной величины ямы от подклетов строений, датируемых по сопровождающему материалу XV–XVII вв. Кроме того, южная часть планируемой под исследования территории была занята кладбищем XVIII в., располагавшимся вблизи ранее существовавшего здесь храма. Были выявлены остатки могильных ям и погребений, а также крестик (см. рис. 12.21: *9*). В последующие годы на данном участке в ходе археологических наблюдений зафиксирован каменный крест и бронзовая подвеска с изображением креста (см. рис. 12.21: *4*). В одной из ям (жилище XV в.) найден кувшин и железный казанок с бронзовыми заклепками (рис. 3.4: *1*), в другой – выявлены три монеты, предположительно, Вацлава IV (см. подробнее в § 13.3). Таким образом, данный участок интенсивно использовали в XV–XVII вв. под застройку, а уже в XVIII в. здесь стало располагаться кладбище.

В 2008–2009 гг. на территории посада агрогородка Друцк под руководством О. Н. Левко были продолжены археологические исследования, начатые в 1999–2000 гг. при подготовке к празднованию 1000-летия древнего города. Целью проводившихся исследований было определено продолжение изучения средневекового посада Друцка и выявление новых археологических объектов (селищ и курганов) на территории агрогородка. В качестве подосновы для привязки шурфов, раскопов VI-2008, VII-2009 на территории посада, курганов 1–3 вновь выявленной группы IV, селища 2 использовали современный план агрогородка Друцк (см. рис. 8, *а*).

Раскоп VI-2008 был заложен на территории посада с западной стороны от Окольного города. Он был ориентирован по сторонам света и вытянут

с севера на юг, его площадь составила 48 м^2 (рис. 3.5). Дневная поверхность в раскопе VI, как показала нивелировка, имела небольшой уклон с севера на юг на 0,1 м. Стратиграфически прослежены три слоя: первый (верхний) серого цвета, имеющий среднюю толщину 0,4 м; второй (средний) темный слой с включением углей, вкраплений кирпичного боя, имеющий толщину 0,2–0,3 м, и третий (нижний) светло-серый слой толщиной 0,20–0,25 м, в котором также отмечены скопления углей. Общая мощность культурных напластований раскопа составила 0,8 м. Только с южной стороны в квадрате 11 и частично в квадрате 12 глубина раскопа достигала 2,2 м в связи с тем, что здесь была выявлена яма, проходящая с запада на восток и заполненная серым слоем до материка. В ней наряду с материалами, характеризующими культурный слой раскопа, выявлены современные предметы.

На уровне пластов 2–3 в квадратах 3, 4 были выявлены фрагменты *каменной вымостки*. Они не имели определенной формы, и невозможно установить их назначение. На уровне расчистки вымостки и под ней в данных квадратах пласта 3 найдено значительное количество керамики, среди которой встречены венчики, датируемые XII–XIII вв., с линейным рифлением и волнистым рельефным орнаментом. На одном днище выявлено клеймо в виде треугольника с заходящими концами.

При зачистке материка в раскопе VI-2008 были выявлены материковые ямы, которые имели округлую форму и их диаметр достигал 0,25–0,60 м. При выборке заполнения ям оказалось, что все они имели форму столбов с тупым окончанием, заполнены светло-серым слоем и связаны с нижним горизонтом культурных отложений. Глубина ям с диаметром 0,4–0,6 м достигала 0,20–0,35 м, с диаметром 0,25–0,35 м – 0,11–0,35 м. Особо выделяются две ямы у стен квадратов 10, 11, 12. Одна из них была заполнена серым слоем. Однако, в квадрате 12 эта яма выходит за пределы раскопа в южном направлении, ее размеры, заполнение и сложность конфигурации позволяют допустить, что здесь имел место подклет XVI–XVII вв., который вторично использовали в качестве мусорной ямы в XX в. Вторая яма выявлена на границе квадратов 10–12 и выходит за пределы раскопа в восточном направлении. Ее размеры в пределах раскопа составили 1,46 × 0,47 м при глубине 0,3–0,4 м (яма имеет уступ). Заполнение ямы нижним светло-серым слоем позволяет предпожить, что она имела хозяйственное назначение.

Вещевой материал, выявленный в раскопе VI-2008, показывает, что, несмотря на видимую сохранность стратиграфии слоев, внутри них имелись перекопы, что неизбежно при небольшой мощности слоя в целом. Некоторые вещи более раннего происхождения оказались ниже, чем вещи более поздние. Однако вещевой состав не выходил хронологически за пределы древнерусского времени. К изделиям из цветного металла относятся фрагмент бронзового проволочного браслета с круглым сечением, полутора оборотное височное кольцо, фрагмент подвески с ушком, одежная застежка, свинцовая пломба и др. Изделия из железа представлены ключом, пинцетом, двумя фрагментами серпа, ножами с широкой спинкой. К верхнему слою (позднее XIII в.) относятся фрагменты цепочки, язычок пряжки и фраг-

мент шпоры. Особый интерес представляют изделия из глины. К ним относится амфорка киевского типа с клеймом на днище (см. рис. 1.20: *1*), ручка большой амфоры, датируемые XIII в., а также фрагменты горшков, крышки и днища с различными клеймами. Среди клейм есть одно с трезубцем (фото 24: *2*).

После завершения работ на раскопе VI-2008, располагавшемся с западной стороны площадки автостоянки, с ее южной стороны был заложен *шурф 13* (также в 2008 г.). Цель закладки шурфа 13 – проверить перспективность разбивки раскопа на данном участке. Шурф 13 находился за канавой, проходившей вдоль южного ограждения площадки автостоянки, был ориентирован с севера на юг, его площадь составила 12 м^2. С южной стороны площадка под шурфом 13 ограничивалась забором усадьбы. Стратиграфически шурф 13 включал два слоя: первый (верхний) слой темного цвета с углями и вкраплениями кирпича либо фрагментов кирпичной кладки, имел толщину в среднем 0,4 м и начинался сразу от дневной поверхности под травой. Ниже него располагался второй светло-серый слой толщиной до 0,2 м. За ним шел материк из светлого песка.

В квадрате 2 на глубине 0,6 м при зачистке материка был обнаружен очаг (скопление углей, камней и керамики). Очаг имел округлую форму, а в его верхней части с восточной и южной сторон были прослежены мелкие и средней величины камни (рис. 3.6), между которыми и рядом с ними с наружной стороны очага собрано большое количество керамики, а также зубы коровы и мелкие кости животных. Помимо этих находок в верхней части очага и рядом с ним встречены обмазка, иголки, пряслице из розового сланца, железное кольцо, днище с клеймом в виде треугольника с закругленными углами. Очаговая яма имела размеры 1,4 м по линии север–юг и 1,1 м – по линии запад–восток. Ее глубина составила 0,27 м.

Раскоп VII-2009 был прирезан к шурфу 13 с южной стороны площадки автостоянки. Его площадь составила 24 м^2. Основная часть раскопа имела мощность культурных напластований 0,40–0,55 м (рис. 3.7). Стратиграфически он включал верхний слой серого цвета толщиной до 0,2 м, под которым залегал второй слой темного цвета с вкраплениями битого кирпича. Его мощность составила 0,2–0,3 м. Этот слой подстилался светло-серым слоем толщиной 0,1–0,2 м. Однако в квадратах 5, 6 и квадратах 6, 7 на уровне материка стали вырисовываться две большие ямы, уходящие за пределы раскопа (яма 1 в восточном направлении и яма 2 в южном направлении). Выборка слоя в этих ямах показала, что их глубина достигала 1,4 м (яма 1) и 1,75 м (яма 2). Стены ям имели уступы. Профиль ямы 2 по линии квадратов 6, 7 имел подпрямоугольные очертания шириной 3,2 м. Заполнение ям 1 и 2 представлено смешанным темным и светло-серым слоем, насыщенным углями с линзами красной прокаленной глины. Этот слой четко отделяется от вышележащего темного слоя прослойкой угля. Стратиграфические наблюдения позволили предположить, что ямы 1 и 2 являются впущенными в материк подклетами строений XVI–XVII вв., которые сгорели. После выборки слоя из ямы 2 в квадратах 8, 9 стали видны очертания подклета,

имевшего размеры примерно 3,2 × 3,2 м и ориентированного вдоль улицы, проходившей за замковым рвом. Как показали южный профиль по линии квадратов 8, 9 и план подклета постройки-2 (П-2) (яма 2), его стены были укреплены вертикально поставленными бревнами, глиной, и, возможно, обшиты деревом, от которого остались угли. Боковые стены (восточная и западная) имели уступы (возможно, ступени для спуска с западной стороны). Уступ прослежен и в подклете П-1 (яма 1) (рис. 3.7).

При зачистке материка в раскопе VII-2009 (квадраты 4 и частично 5, 6, 7) прослежены ямы разной конфигурации с заполнением светло-серым слоем. В квадрате 4 выявлены кольевые ямки 1–5, три из которых имели прямоугольную форму (1–3) и две (4, 5) были круглые. Их глубина достигала 6 см. Яма в квадрате 5 имела размеры 0,65 × 0,85 м и глубину 0,62 м. Возможно, это хозяйственная яма. Яма на границе квадратов 5 и 7 диаметром 0,22 м имела глубину 0,05 м. Это след от столба с ровным окончанием. Ямы неправильной вытянутой формы вплотную примыкали к П-1 и П-2. Глубина их составила 0,25–0,30 м и 0,50–0,65 м соответственно. Назначение данных ям не определено. Все остальные ямы представляют собой следы вертикально поставленных бревен диаметром 0,2–0,3 м внутри П-2 либо уступы вдоль ее стен. Заполнение ям и уступов в ямах 1, 2 (П-1, П-2) – темный слой с углями.

В раскопе VII-2009 так же, как и в раскопе VI-2008, были выявлены материалы древнерусского времени. К ним относятся шиферные пряслица, целые формы и фрагменты ножей XI–XII вв., стеклянные браслеты, многочисленная керамика, среди которой выделяются корчага с двумя ручками (см. рис. 12.36: *6*) и днища с клеймами. Однако в отличие от раскопа VI-2008 в раскопе VII-2009 найдено гораздо больше предметов, которые можно датировать XIV–XVII вв. К ним относятся нож и бритва, фрагмент замка, бронзовая пуговица, ружейный кремень, горшок (см. рис. 12.38: *4*), пули, а также фрагменты бытовой керамики.

Общая характеристика вещевого материала посада. Выявленный во время разведок и раскопок 2008–2009 гг. археологический материал позволяет утверждать, что территория посада средневекового Друцка развивалась с X по XVII в. Она имела площадь, превышающую 10 га, причем часть этой территории ранее занимали селища племенной поры. Об этом свидетельствуют находки фрагмента бронзового браслета с расширенными концами (см. рис. 1.19: *3*), фрагмента шейной гривны (см. рис. 12.14: *34*), отходов бронзолитейного дела на селище-2 за фермой. К ранним предметам с территории посада относятся: накладка на пояс или одежду, бронзовая подвеска (см. рис. 12.21: *4*), фрагмент бронзового пластинчатого орнаментированного браслета, пряжки, сошник (см. рис. 12.5: *1*) и др. Многочисленные пломбы древнерусского времени (см. рис. 12.22), гирька-разновес (см. рис. 13.3: *4*), стеклянные браслеты, фрагменты амфор и целые экземпляры корчаг, костяной гребень, предметы вооружения, хозяйственный инвентарь (ножи, косы, серпы, точильные бруски) – вот перечень предметов, показывающих

разнообразие жизни в древнем Друцке, в том числе развитие торговли и культурного обмена. К более позднему времени относятся предметы, связанные с периодом существования Друцкого замка. Это детали панцирей, ружейный кремень, свинцовые пули, фрагменты бронзовых чаш, перстень с монограммой (см. рис. 12.17: *20*), пуговицы и даже деталь амуниции 1812 г.

3.2. Исследование укрепленной части города

Укрепленную часть Друцка в 1999 г. исследовали в качестве дополнения к уже имеющимся материалам из раскопок, проводившихся Л. В. Алексеевым. Так как основным местом его многолетних исследований был детинец (городище), а на Окольном городе проводили лишь небольшие работы разведочного характера, необходимо было изучить культурный слой на площадке Окольного города, а также попытаться выяснить, как связывались укрепления городища и Окольного города.

Прорезка между валами городища (детинца) и Окольного города. С западной стороны (фото 13, *а*) была заложена траншея шириной 2,0 м и длиной 24,0 м, ориентированная с юго-запада на северо-восток вдоль северного наружного края вала городища. Прорезка была осуществлена с целью проследить размещение напластований на участке, непосредственно примыкающем к валам городища и Окольного города с их наружной стороны. Площадь ***раскопа II-1999*** составила 48 м^2. В раскопе выявлено четыре слоя, различимых по структуре, цвету и содержанию материалов. Верхний слой – перемешанный, серого цвета, отделен от нижележащего слоя погребенным дерном. В нем встречены современные предметы наряду с керамикой. По сведениям местных жителей, насыпь была сооружена около 10 лет назад в качестве ограждения лесопилки, располагавшейся на территории Окольного города.

Под верхним слоем располагались культурные отложения, образовавшиеся в процессе сооружения вала городища, подсыпок и дальнейшего обустройства вплоть до XIV–XVI вв. Эти напластования соответствуют выявленным в раскопе I-1999 на посаде. Однако между вторым и третьим слоями, датируемыми по составу находок XII–XVI вв., имелась прослойка песка с гравием, золой и включениями глины, достигающая мощности 1,0–1,2 м. В ней также читаются следы сгоревших деревянных сооружений между валами и в верхней части найдены удила, которые могут быть датированы XII–XIV вв. (см. рис. 12.32: *1*).

Нижний слой светло-серого цвета соответствовал нижнему слою раскопа I-1999, но в отличие от второго и третьего слоев, обнаружен лишь на отдельных участках раскопа II-1999. Иногда он был смешан с желтой и голубой глиной. Материк в раскопе повышался с востока на запад на 1,2 м. Максимальное повышение современной и погребенной дневной поверхности до 1,45 м прослежено также в этом направлении.

Поскольку прорезка между валами затронула лишь нижний наружный край вала городища, то выявленные в ней слои, связанные с насыпью вала

и последующими подсыпками, дают самое общее представление о возможном характере насыпи вала и времени ее сооружения. Южный профиль зафиксировал возможные внутривальные конструкции, а на северном имелись следы деревянных наземных сооружений между валами в различные периоды их функционирования.

У основания насыпи вала в южном профиле прослежено скопление крупных и средних валунов, достигающее в высоту 0,6–0,8 м. Оно перекрыто мощным слоем (до 1 м) плотной глины голубого цвета. Часть камней находится в слое глины, которой, возможно, уплотнялось пространство между ними. Меньшие скопления камней на расстоянии друг от друга зафиксированы и на других участках прорезки. Их также перекрывает прослойка голубой глины небольшой мощности. Можно ли все выявленные камни связывать с сооружением вала? Этот вопрос не совсем ясен. Предположительно, та часть камней, которая выявлена на западном участке раскопа, может в комплексе с глиной соотноситься с ядром вала городища. Следы пожара, перекрывающего это ядро, могут быть следами внутривальных деревянных конструкций начального этапа сооружения вала. Все последующие подсыпки песка, глины и прослойки углей с золой фиксируют неоднократное разрушение деревянных конструкций на валу и укрепление самой насыпи вала. Слой, отложившийся над верхней песчаной прослойкой, соответствует последнему этапу образования культурных отложений, когда никаких существенных перестроек оборонительных сооружений не производилось.

Небольшое количество предметов, выявленных в раскопе, можно объяснить тем, что он находился в непосредственной близости к валу. На разных участках найдены ножи, фрагменты наконечника стрелы, меча (?), стеклянного браслета, кольца из цветного металла, костяной накладки и прочее, а также бытовая керамика. Все эти предметы в совокупности с керамикой позволяют в целом датировать время сооружения и функционирования оборонительного вала городища в промежутке между XI–XVI вв.

Окольный город. На территории Окольного города ***раскоп III-1999*** был заложен на площадке вблизи входа с западной стороны и в непосредственной близости к валу. Он был ориентирован по сторонам света, вытянут с запада на восток. Общая площадь раскопа III-1999 составила 132 м^2. Мощность культурных отложений в раскопе с учетом материковых ям достигала 1,8–2,5 м.

В раскопе были прослежены четыре слоя. Верхний слой соответствует по структуре и цвету верхнему слою раскопа I-1999. По мощности охватывает пласты 1–2 и на западном участке пласт 3, поскольку в восточном направлении наблюдается понижение дневной поверхности и общее уменьшение мощности напластований на 0,4 м. В ряде мест верхний слой отделен от нижележащего тонкой прослойкой светлого песка с глиной. В ней обнаружены фрагменты обгоревших поливных плиток. Возможно, эта прослойка зафиксировала разрушение какой-то постройки (светской или культовой), пол которой был выложен такими плитками. Второй слой имел

темную окраску, был насыщен углями. В нем присутствовали прослойки прокаленной красной глины, на которых также были выявлены фрагменты поливных плиток. В целом второй слой соответствует среднему слою раскопа I-1999 по структуре и содержанию вещевого материала. В раскопе III-1999 он занимал пласты 3–6 на разных участках. Его подстилал третий слой светло-серого цвета, соответствующий нижнему слою раскопа I-1999. Мощность его невелика (достигла 0,1–0,3 м) и встречается он на разных участках в пластах 5–8. В этом слое обнаружено большое количество углей и наиболее ранние городские материалы. Четвертый слой (предматериковый) очень светлый с большим включением песка, прослежен почти на всей площади раскопа. Имел небольшую (до 0,2 м) мощность и содержал лепную керамику. В слое отсутствовали следы пожара. В отдельных местах наблюдалась инфильтрация углей из вышележащего слоя. В культурных напластованиях раскопа III-1999 имелись только следы отдельных построек, не дающие целостной картины. Фрагменты сооружений, выявленные в ходе работ, относятся к трем верхним слоям: куски горелого дерева – к первому слою; пятна прокаленной глины с углями и фрагментами поливных плиток в центральной части раскопа – ко второму; деревянный столб и истлевшее бревно – к третьему. На уровне предматерика были прослежены темные заполнения ям, уходящих в материк.

Часть из них (ямы 1–9) имели хозяйственное назначение, другие – следы столбов от конструкций. Глубина ям была различна, как и их внутреннее заполнение, соответствующее слою, к которому они принадлежали. Наибольший интерес представляли ямы восточного участка раскопа. Здесь в материк были углублены подвальные помещения, которые по совокупности выявленной керамики и стратиграфическому положению разрушенной части построек (П-1 и П-2) предварительно можно отнести к XIV и XVI в. Сохранившаяся часть П-1 имеет форму квадрата со сторонами, равными 4 × 4 м по наружному краю. Пол этого помещения, впущенного в материк на 0,8–1,0 м, был вымощен мелкими камнями (часть вымостки сохранилась). Стены были сложены из бревен диаметром до 0,2 м, следы которых сохранились в материке. В северном углу помещения была выявлена яма 10. Она была углублена в материк по отношению к уровню пола в подвале на 0,65 м и имела размеры 1,0 × 1,0 м. С наружной стороны к западному углу примыкала яма 8 размерами 1,2 × 1,6 м, углубленная в материк на 0,8 м. На пространстве, примыкающем к постройке 1 с северо-востока и юго-востока, на том же уровне, что и вымостка пола внутри нее, выявлены мелкие камни, перекрытые плотной глиной. Это дает основание предполагать, что П-1 могла быть частично разрушена более поздней П-2, уходящей за пределы раскопа, глубина залегания которой в материке большая, чем у П-1. Дополнительную ясность в планировку и назначение П-1 и П-2 могут внести дополнительные исследования при расширении площади раскопа на территории Окольного города. Внутри помещения П-2 была также вскрыта яма 11. Вскрытые фрагменты подвальных помещений близки по конструкции аналогичным постройкам XIV–XVII вв. на территории замка в Дубровно. По-

мимо указанных построек на восточном участке раскопа в материке зафиксированы столбовые ямы, которые могут относиться к более раннему времени. Такого же характера ямы присутствуют и на западном участке.

Важным является тот факт, что в раскопе III-1999 установлено наличие культурных напластований догородского (догосударственного) периода, содержащих лепную керамику VII–IX вв. и подстилающих слой X в. Эти напластования можно связывать с тем периодом, когда поселение на территории будущего города могло выполнять функции племенного центра. Один фрагмент большого сосуда имеет оттянутый валик под венчиком (см. рис. 1.6: *1*), характерный для Оршанского Поднепровья VI–VIII вв. Такой тип керамики связывают с древностями колочинской культуры и влиянием пеньковской. Единичные экземпляры этого типа исследователи находят и в керамике культуры Прага-Корчак в центральной части и на юге Беларуси. Кроме лепной керамики в раскопе также найдены глиняное пряслице с большим отверстием третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. и бронзовый орнаментированный пинцет, нижнюю границу распространения которых определяют IV–V вв. н. э. (см. рис. 1.19: *2*). Найденные фрагменты тигелька и каплевидный цветной металл, как и пинцет, могут указывать на наличие бронзолитейного ремесла. Ряд предметов, выявленных в нижних напластованиях раскопа на территории Окольного города, датирован X в. К ним относятся плоские ключи в виде квадратной лопаточки (см. рис. 1.19: *8, 9*), использовавшиеся с кубическими замками, имевшими боковые Т-образные прорези (наиболее ранний тип замка), пружинные ножницы (см. рис. 12.4: *2*), пластинчатые орнаментированные бронзовые перстни и браслеты, бубенчик с прорезью.

Вышележащие слои представлены широким ассортиментом изделий, которые обычно связывают с укрепленными частями древних городов. Здесь, как отмечалось, выявлены следы сгоревшей деревянной постройки, в которой пол был выложен поливными плитками, датируемыми XII в. Плитки имели размеры 10 × 10 см при толщине 1,3–1,5 см и были покрыты поливой зеленого и желтого цветов, либо поверх одного из них был нанесен другой. Отдельные фрагменты плиток красновато-коричневатые. На них отсутствуют следы раствора. Однако выявленные в раскопе пятна прокаленной красно-желтой глины с углями, при расчистке которых собрана часть плиток, побывавших в огне, позволяют предположить, что плитки выкладывали без раствора на глиняную основу пола в деревянных зданиях.

В данном раскопе также была встречена импортная белоглиняная поливная керамика, фрагменты амфор и корчаг (фото 23). Среди изделий из стекла преобладали браслеты различной техники изготовления, часть из которых были привозные (Византия). К привозным изделиям относятся также фрагменты прозрачного расписанного золотом, синей и красной эмалями стекла (Сирия ?) (фото 21: *2–4*). Бытовые и хозяйственные предметы из железа представлены ключами, замками, ножницами, ножами, сверлом, пряслицами, точильными брусками. Также были выявлены различные наконечники стрел, фрагменты доспехов и накладки из цветных металлов.

Вся совокупность полученных с территории Окольного города материалов показывает непрерывное развитие поселения на данном участке с племенной поры до конца XVI в. В отличие от посада здесь отсутствовала керамика позднего облика (поливная, конца XVII в.), что может свидетельствовать о прекращении функционирования поселения на территории Окольного города к этому времени.

Раскопки детинца (городища). На городище (детинце) ***раскоп IV-1999*** был прирезан к раскопу XVI Л. В. Алексеева в западной части площадки вблизи вала. Площадь раскопа IV-1999 составила 100 м^2. Мощность культурных напластований с учетом материковых ям достигала 1,5–2,2 м. Дневная поверхность имела уклон с юго-запада на северо-восток. Перепад составлял 0,2–0,5 м. Материковая поверхность понижалась в южном направлении до 0,25 м.

В раскопе было выделено три стратиграфических слоя. Верхний слой, как и в предыдущих раскопах I-1999, III-1999 имел серую окраску с включением кирпичного боя. Здесь также выявлены скопления красной обожженной глины, углей. Песок беловатого цвета на отдельных участках отделял верхний слой от нижележащего. Мощность верхнего слоя достаточно велика, она соответствует пластам 1–4. Средний слой темной окраски насыщен углями и в отличие от предыдущих раскопов в нем содержатся деревянные конструкции плохой сохранности. Мощность среднего слоя – 0,6–0,7 м, что соответствует пластам 4–8. Нижний слой был представлен светло-серыми напластованиями, как и в раскопе I-1999. Они небольшой мощности и были прослежены не на всей площади раскопа. На юго-западном участке раскопа эти напластования имели мощность 0,2–0,3 м, были насыщены углями и прослежены во многих заполнениях материковых ям. В целом по раскопу IV-1999 следует отметить повышенную влажность слоя, что способствует сохранению остатков деревянных конструкций.

В раскопе было выявлено пять строительных горизонтов. СГ-1, представленный красной глиной с углями, фрагментами обгорелого дерева, единичными камнями, был расположен в верхнем слое. К среднему темному слою относятся СГ-2–4. Они близко подходят друг к другу, и не всегда расчленимы. В СГ-2 выявлены три очага, сложенные из мелких и средних камней. Возле *очага 1* и скопления камней у южного края раскопа были найдены жернова, а в двух других местах вблизи остатков деревянных конструкций выявлено обгорелое зерно. На юго-восточном участке раскопа были прослежены фрагменты вымостки из колотых плах и угол сруба. В северо-восточном углу раскопа было зафиксировано обширное пятно, включающее угли, песок и глину, вкрапления извести. При его расчистке были найдены обгоревшие плитки, покрытые глазурью, а также обработанный в виде квадрата камень толщиной 2,5 см. Длина одной его грани – 14 см. Такой же камень был обнаружен и под деревянной вымосткой на юго-восточном участке раскопа.

Конструкции СГ-3 и СГ-4 были подстелены белым песком. В южной части раскопа были расположены фрагменты построек (П-1, П-2). Под углы

П-1 были положены камни. В северной части раскопа на песчаной подсыпке находились остатки хозяйственной постройки (горелое зерно, очаг 4, жернов). Вдоль восточной стены раскопа были вскрыты два фрагмента деревянного частокола, а у южного его края рядом с постройкой, относящейся к СГ-4, найден *очаг 5*.

В материковых ямах с заполнением нижнего слоя выявлены деревянные конструкции СГ-5. Среди многочисленных материковых ям в раскопе IV-1999 хозяйственное назначение имели ямы 1–16. Остальные ямы остались от столбов и кольев.

Материалы раскопа IV-1999 в совокупности с остатками застройки позволяют сделать вывод, что на данном участке был расположен хозяйственный комплекс княжеского подворья. О непосредственной близости хозяйственных строений к княжескому дому свидетельствуют как находки, так и фрагмент развала постройки с поливными плитками пола, выходящей за пределы раскопа в северо-восточном направлении.

По сведениям, опубликованным Л. В. Алексеевым, на западном участке детинца (городища), где был размещен и раскоп 1999 г., были выявлены остатки двух разновременных больших построек и вещевой материал, позволившие исследователю предположить, что здесь находилась княжеская резиденция. В раскопе IV-1999 также были обнаружены материалы, которые могут подтвердить это предположение. В квадрате 9 пласта 2 обнаружены ажурные квадратные металлические бляшки-нашивки на одежду, украшенные грифонами, которые обычно датируют второй половиной XII в. – началом XIII в. Такие бляшки, учитывая металл (серебро ?) и орнаментику, могли украшать княжескую одежду или головной убор (фото 7). В квадрате 9 пласта 7 был выявлен перстень из металла желтого цвета (золото ?) со вставкой (см. рис. 2.1: *1*). Помимо этих украшений в раскопе собрано большое количество стеклянных браслетов, выполненных в различной технике. Многие из них происходят из Византии, Киева. Бусы также были привезены из Византии, Передней Азии. К импорту относятся и фрагменты стеклянных сосудов (фото 21). Особый интерес вызывают прозрачные или слегка матовые стеклянные палочки со следами обработки. Они были обнаружены в верхних пластах, и, возможно, их использовали для местного изготовления стеклянных украшений (см. рис. 2.2: *21–26*) после того, как прекратились поступления из южных земель. В раскопе были выявлены сосуды из глины с различными клеймами на днищах. Здесь также было найдено значительное количество ножей, шиферных пряслиц, ключей и других предметов вотчинного хозяйства. Среди предметов быта и хозяйства были встречены каменные топоры (обереги) и амулет в виде бронзового ключика.

В свете новых исследований и выявленных на территории Окольного города культурных напластований племенной поры предстоит выяснить, на какой же из двух возвышенностей в догородской период был расположен племенной центр. Бесспорно лишь то, что на территории детинца (городища) Л. В. Алексеевым были выявлены арбалетообразная фибула, датиро-

ванная IV–V вв. (фото 10: *1*), и несколько фрагментов лепной керамики, отнесенной к концу 1-го тысячелетия н. э. [Алексеев, 1966, с. 151, 152]. Присутствие данных находок на детинце указывает на заселенность участка и в племенную эпоху. Однако слой этого времени стратиграфически не был вычленен ни в одном из многочисленных раскопов на детинце, и, видимо, в отличие от участка на Окольном городе заселение территории детинца в племенной период было незначительным и недолговременным. С включением Друцка с округой в состав Полоцкой земли, новый, уже государственный военно-административный центр «град» был создан на территории, где впоследствии разместилась княжеская резиденция детинца, а в XIV–XVI вв. – Верхний замок. В пользу такого предположения помимо археологических данных косвенно свидетельствует документ 1544 г., где бывший Окольный город назван «Нижним городищем».

В связи с подготовкой к печати данной монографии и необходимостью прояснить ситуацию с местонахождением княжеского подворья, о котором имелись неопределенные сведения, в 2013 г. работы на городище были возобновлены. К раскопу XV Л. В. Алексеева с восточной стороны был прирезан ***раскоп VIII-2013***. Западная его сторона примыкала (точнее была максимально приближена) к восточному краю раскопа XV Л. В. Алексеева. Следы краев раскопов XIII–XVI, в которых вырос кустарник и трава более высокая видны и в настоящее время. Данные раскопы не засыпали в 1999 г., так как отвалы земли вокруг них были плотно утрамбованы еще в 1961 г. трактором, а лишь частично присыпали, чтобы не нарушить лежавший под отвалом культурный слой. Раскоп VIII был вытянут с запада на восток, имел площадь 60 м^2 (10 × 6 м) (рис. 3.8). Его южный край по линии север–юг был расположен на расстоянии 10 м от северо-восточного угла раскопа IV 1999 г. Таким образом, местоположение раскопа VIII давало основание надеяться на получение новой информации по зоне нахождения княжеского подворья на городище.

Стратиграфия. Культурные напластования раскопа VIII имели среднюю мощность – 1,2–1,4 м (т. е. 6-7 пластов с учетом понижений в его отдельных местах). Дневная поверхность раскопа VIII имела уклон с северо-запада на юго-восток. Самая высокая ее точка по нивелиру представлена северо-западным углом (104). Далее шло понижение к южному краю поверхности раскопа на 0,34 м, к восточному краю на 0,5 м соответственно. Между юго-западным и юго-восточным углами раскопа перепад высоты составил 0,22 м, а по линии север–юг дневная поверхность вдоль восточной стены была практически без перепада высоты.

В раскопе были прослежены три четко выраженных слоя и три прослойки песка с глиной, разделяющих отдельные напластования.

Верхний слой темно-серого цвета имел толщину 0,2–0,4 м. На отдельных участках в нем была встречена глиняная обмазка, кирпичный бой, угли и вкрапления песка. Этот слой соответствовал пластам 1–2 и в нем на глубине 150–180 в квадратах 7, 8, 11, 12, а в квадрате 11 – на глубине 190 (здесь верхний слой толще) была выявлена керамика с зеленой поливой,

имеющая в изломе светлый черепок, т. е. ее можно датировать XVI в. – началом XVII в. Видимо, она была привозная, так как в окрестностях Друцка не выявлено белых глин.

Прослойка 1 была представлена светлым песком и включениями глины с углями, была расположена на границе верхнего и среднего слоя, но не была равномерно распределена по площади раскопа, а проявлялась пятнами толщиной от 0,05 до 0,20 м. Наиболее выражена данная прослойка была в квадратах 4, 9, 5, 10 восточной части раскопа VIII. Следы этой прослойки зафиксированы также в квадрате 1 на уровне верха фундамента П-2 из СГ-1. Скопление песка с глиной толщиной 0,2 м было зафиксировано и в квадратах 12, 13 на границе верхнего и среднего слоя. В целом по нивелировочным отметкам данная прослойка имела глубину залегания 144 в квадрате 1 западного профиля (рубеж пластов 2–3), 175–195 в квадратах 4, 5, 10 северо-восточного профиля (рубеж пластов 2–3), 181–183 в квадратах 12, 13 южного профиля (рубеж пластов 2–3).

Средний слой имел черную окраску, которая была ярче или светлее в зависимости от степени насыщенности слоя углями. Глубина его залегания по нивелиру соответствовала отметкам: в южной части раскопа верх 180–181 – низ 275–255; в западной части раскопа верх 181–142 – низ 255–225; в северной части раскопа верх 142–175 – низ 232–255; в восточной части раскопа верх 175–180 – низ 255–275. В среднем это соответствует пластам 3–5(6) раскопа с учетом наклона слоев в восточном и южном направлениях. *Верхняя часть среднего слоя* получила черную окраску, так как по существу это темно-серый слой, структурно соответствующий верхнему слою, в нем также были встречены фрагменты глиняной обмазки и даже вкрапления кирпичного боя. Однако в данном слое был пожар, угли от которого придали ему черную окраску, а отдельные скопления углей и даже горелые бревна были прослежены при разработке грунта и зачистке в нем остатков конструкций СГ-1. Таким образом, верхняя часть среднего слоя связана структурно с верхним слоем, и здесь также прослежены элементы схожести по составу вещевого материала и в целом хронологии периода. Верхняя часть среднего слоя имела толщину около 0,4 м по всей поверхности раскопа. По нивелировочным отметкам: в южной части раскопа верх 180–165–181 – низ 200–205; в западной части раскопа верх 181–142 – низ 205–194; в северной части раскопа верх 142–175 – низ 194–210; в восточной части раскопа верх 175–180 – низ 210–200. Это соответствует пластам 3–4 раскопа с учетом падения слоя в восточном и южном направлениях. В верхней части среднего слоя был размещен СГ-1, представленный каменными фундаментами П-1–П-3 и печью-каменкой-1 (см. рис. 4.7). Именно эти конструкции после пожара, уничтожившего деревянный верх сооружений, были засыпаны песком из прослойки 1.

Прослойка 2, состоявшая также из желтого песка и включений глины и углей, имела большую мощность, чем прослойка 1. Ее толщина на разных участках достигала 0,20–0,35 м. Она была прослежена на всей площади раскопа, а также четко зафиксирована его профилями. Данная прослой-

ка отделила верхнюю часть среднего слоя от его нижней части. В квадратах 4, 5, 9, 10, 15 прослойка 2 имела выраженный характер (рис. 3.8). Здесь в квадрате 9 на глубине 227 были выявлены два больших фрагмента сопел в слое песка с глиной и углями. Интересно, что местоположение фрагментов сопел совпало с ямой № 25, расположенной в материке и имеющей конфигурацию печки. Основание ямы было зафиксировано на глубине 327, т. е. на 1,0 м ниже выявленных фрагментов сопел.

Структура *нижней части среднего слоя* отличалась от структуры его верхней части большей плотностью, включениями древесного тлена, иногда навоза и равномерной черной окраской с примесью коричневого оттенка, придаваемого органикой. Толщина нижней части среднего слоя составила 0,4–0,6 м. По нивелировочным отметкам: в южной части раскопа верх 200–205–212 – низ 275–255; в западной части раскопа верх 205–200 – низ 255–225; в северной части раскопа верх 198–210 – низ 232–255; в восточной части раскопа верх 215–220 – низ 255–275. Это соответствует уровню пластов 4–5 (6), учитывая понижение слоев в восточном и южном направлениях. Нижняя часть среднего слоя характеризовалась наличием П-4 и П-5, представленных деревянными сооружениями в СГ-2. В целом средний слой был насыщен вещевым материалом, имеющим широкие рамки бытования: XII–XIV вв. При этом в верхнюю часть среднего слоя проникли артефакты, относящиеся к верхнему слою XV в. – начала XVII в. Нижняя граница данного слоя – рубеж XI в. – начало XII в.

Прослойка 3 была представлена светлым песком толщиной до 0,1 м, подстилающим средний слой почти на всей поверхности раскопа. Под ним был прослежен тонкий слой пожара, инфильтрация которого наблюдалась как в эту прослойку, так и в нижележащий слой. Глубина залегания прослойки 3 соответствует нижней границе среднего слоя, т. е. проходит по линии низа пласта 5 и его рубежа с пластом 6.

Нижний слой имел светло-серую окраску супеси с вкраплениями углей. Он залегал неравномерно по всей площади раскопа, а его максимальная толщина достигала 0,2 м. Наиболее выражен данный слой был в северо-восточной части раскопа. В квадратах 2–4 на границе среднего и нижнего слоев располагалась П-6 в СГ-3. Нивелировочные отметки нижнего слоя составили: в южном профиле верх 278–260 – низ 289–275; в западной части раскопа верх 260–230 – низ 275–232; в северной части раскопа верх 236–257 – низ 285–277; в восточной части раскопа верх 260–270 – низ 277–289. Это соответствует пласту 6 и в некоторых местах с переходом на пласт 7.

Материк в раскопе VIII был представлен песком и имел светлую окраску. В материке было выявлено 58 ям различного характера и заполнения. Часть из них – сложной конфигурации, либо спаренные (меньшая яма была расположена внутри большей). Наблюдалась неровность материка из-за насыщенности его ямами. В то же время на тех участках, где ямы отсутствовали, материк имел тот же естественный уклон в восточном и южном направлении, что и отложившиеся напластования (рис. 3.8).

Ямы в материке подразделяются на столбовые и хозяйственного назначения. *Столбовые ямы* составили большинство в раскопе. Они имели диа-

метр от 0,18 до 0,50 м, глубину от 0,1 до 0,25 м и заполнение черным слоем (ямы 2, 3, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 15–17, 22, 23, 26, 27, 29, 33, 35, 36, 40, 44, 46–51, 56). Основание у этих ям было округлое или уплощенное. Некоторые ямы при небольшом диаметре 0,22–0,35 м имели глубину 0,30–0,35 м (ямы 7, 8, 24, 41, 54). К спаренным или сложной конфигурации столбовым ямам отнесли ямы 6, 11, 14, 18–20, 28, 30, 31, 37, 39, 45, 52. Эти ямы были наложены друг на друга в процессе застройки территории (ямы 11, 14, 18–20, 28, 30, 31, 45, 52) и имели различный диаметр составных частей и различную глубину, либо явились результатом специальной конструкции. *Яма 6* имела внешний диаметр 0,6 м, внутренний 0,36 м при глубине 0,45 м. По периметру внешнего края ямы были прослежены небольшие ямки от колышков. Некоторые ямы имели вытянутую форму. Так яма 27 составила в длину 0,6 м. Ее ширина равнялась 0,23 м при глубине 0,2 м.

Хозяйственные ямы имели в большинстве своем сложную конфигурацию, поэтому невозможно определить характер их использования. К таким ямам относится *яма 38*. Она имела неправильную форму и занимала квадраты 10, 15, 9, 14, 8, 7, 13 (рис. 3.8). Глубина этой ямы менялась в отдельных ее частях от 0,2 до 0,4–0,5 м. Ширина ямы по линии квадратов 7 и 8 в самом узком месте составила 0,6 м (разрез I–II) при глубине 0,25 м, по линии квадратов 8–13 ее ширина была 3,0 м при глубине 0,2–0,4 м. Наибольшая протяженность данной ямы по линии квадратов 13–15 составила 5,8 м при глубине 0,55 м (разрез V–VI). Яма 38 примечательна тем, что представлена стратиграфически четкими слоями. Сверху яма была перекрыта черным слоем, который подстилала прослойка из светлого песка, а низ ямы был заполнен светло-серым слоем с углями.

Внутри пространства ямы 38 в квадратах 14, 15 была расположена *яма 55,* заполненная смешанным черным и светло-серым слоем. Она имела неправильную форму и уходила за пределы раскопа в южном направлении. Глубина ямы – 0,15–0,25 м. В квадрате 10 внутри ямы 38 находилась *яма 42* также неправильной конфигурации глубиной до 0,25 м, уходящая за пределы раскопа. Ее заполнение – светло-серый слой с углями. *Ямы 40, 41, 54* столбовой конструкции имели заполнение черным слоем.

Наибольший интерес представляет попавшая в пределы ямы 38 *яма 25* (рис. 3.8). Она была расположена в квадрате 9, захватывая часть квадратов 4, 5, 10. Яма имела удлиненную форму, была ориентирована с юга на север. Ее длина – 2,2 м, ширина – 1,7, глубина – 0,6 м. Яма была заполнена желтокрасной глиной с песком. В квадрате 4 к ней примыкала спаренная *ямка 26* (см. рис. 9). Данную яму можно связать с производственным комплексом, так как над ней в слое песка с глиной и углями (прослойка 2) на нивелировочной глубине 227 были выявлены два фрагмента сопел. Еще два фрагмента сопел были зафиксированы в квадрате 8 на нивелировочной глубине 209. Возможно, когда производственный комплекс был разрушен, фрагменты сопел попали в прослойку 2 засыпки пожара.

В пределы раскопа попали также ямы 1, 3, 4, 5, 34, 43, 58, 53, 55, 42, 57, 21, расположенные по его периметру и уходящие за пределы раскопа. Уста-

новить их точные параметры не представляется возможным. Исключение представляют столбовые ямки 2, 3, 4, 5, 34, 43. Их диаметр колеблется в пределах 0,22–0,38 м, а глубина – от 0,2 до 0,3 м. *Яма 3* имела диаметр 0,6 м при глубине 0,2 м. *Ямы 2, 3, 4, 5* имели заполнение черным слоем, а *яма 1* – черный слой и светло-серый. *Яма 21* имела сверху заполнение черным слоем, а внизу светло-серым с углями. Такое же заполнение светло-серым слоем с углями имели *ямы 34, 43, 58, 53, 42 и 57.*

Строительные горизонты. Как уже было отмечено, в среднем и на границе среднего и нижнего слоев в раскопе VIII-2013 были выделены три строительных горизонта.

Строительный горизонт 1 (СГ-1) был расположен в верхней части среднего слоя и представлен тремя каменными фундаментами построек (П-1, П-2, П-3), а также печью-каменкой в квадрате 7 (см. рис. 4.7).

Постройка 1 (П-1) была расположена в квадратах 2–4. Она соотносилась с верхней частью среднего слоя, находилась на его границе с верхним слоем (нивелировочные отметки от 149 до 176), была представлена крупными камнями, служившими фундаментом постройки. В раскоп вошел угол этого сооружения. Постройка 2 (П-2) была зафиксирована также в СГ-1 в квадрате 1. Она была расположена в верхней части среднего слоя, как и П-1, но в отличие от нее – ближе к границе с нижней частью среднего слоя, а не к верхнему слою (нивелировочные отметки 174–189). Она была представлена фундаментом прямоугольной формы, сложенным из камней. Принцип сооружения фундамента П-2 такой же, как и П-1. Разница состоит в том, что П-2 имела меньшие размеры и в ней камни были положены плотнее друг к другу.

Постройка 3 (П-3) была расположена в квадратах 13, 14. Так же, как и П-1 и П-2 она была представлена фундаментом из валунов, сложенных группами на расстоянии до 0,6 м. Сохранился в виде тлена деревянный угол П-3 на границе квадратов 9 и 14. Были прослежены направления фундаментов П-3. Один из них был ориентирован с северо-запада на юго-восток (от угла постройки на границе квадратов 9–14). Его длина в пределах раскопа составила 2,8 м. Расположенный под прямым углом к нему второй фундамент также составил в длину 2,8 м. Постройка выходила за пределы раскопа в южном направлении. Следует отметить, что все три постройки СГ-1 имели одинаковую ориентировку с северо-запада на юго-восток, были расположены примерно на равном расстоянии друг от друга и, возможно, составляли единый комплекс.

Печь-каменка-1 также была размещена в пределах СГ-1, занимая центральное пространство между П-1–3 в квадрате 7 (см. рис. 4.7). Нивелировочные отметки позволяют соотнести уровень залегания печи-каменки с уровнем залегания фундамента П-1 (145–170). Следовательно, печь-каменка была расположена в верхней части среднего слоя и максимально приближена к верхнему слою, датированному по поливной керамике XVI в. – началом XVII в. Развал печи занимал площадь примерно 2 × 2 м. Она была представлена несколькими крупными валунами в северной части квадрата 7

и скоплением мелких камней, сложенных «на сухую», как и фундаменты П-1–3. При ее расчистке были обнаружены крупные фрагменты древесного угля, а также фрагменты керамики, которую можно датировать в пределах XIII–XV вв. Между камней был собран горшок, позволяющий отнести печь-каменку-1 к концу XIII в.

Строительный горизонт 2 (СГ-2) был расположен, как и СГ-1, в среднем черном слое. Однако он был отделен от СГ-1 прослойкой-2, состоявшей из песка с вкраплениями глины и углей. Как уже отмечалось при описании стратиграфии раскопа VIII, нижняя часть среднего слоя была более плотной консистенции, содержала навоз и древесную труху. СГ-2 представлен деревянными строениями, занимавшими юго-восточную часть раскопа VIII.

Постройка 4 (П-4) была расположена в квадратах 5, 10 сразу под прослойкой 2. Она состояла из обгоревших, слабо сохранившихся остатков бревен, ориентированных с северо-востока на юго-запад. Нивелировочные отметки подтверждили уровень залегания П-4 в СГ-2 (230–240). Фактически, СГ-2 имел ту же направленность, что и СГ-1. В пределах остатков П-4 были выявлены куски верхнего и нижнего жерновов, горелое зерно, позволяющие интерпретировать данную постройку как амбар.

От постройки 5 (П-5) сохранилось лишь два бревна (?) и пятно тлена. Фактически, П-5 предшествует местоположению П-3. Нивелировочные отметки уровня ее залегания: 227–244–253.

Строительный горизонт 3 (СГ-3), как уже было отмечено, стратиграфически занимал рубеж между средним и нижним слоем на уровне песчаной прослойки-3. В данном горизонте была выявлена одна деревянная постройка (П-6) с печью-каменкой-2 внутри нее (см. рис. 4.1, *б*). Под постройкой был выявлен нижний светло-серый слой, а сама постройка сохранила следы пожара. Следует отметить, что П-6 имела иную ориентировку, чем все другие постройки СГ-1 и СГ-2. Она занимала квадраты 2, 3 и частично заходила в квадрат 4 почти параллельно северной стене раскопа. В постройке был выявлен развал печи-каменки-2, занимающей почти полностью квадраты 2 и 3. Под печью была выявлена светлая глина. Нивелировочная глубина залегания П-6 составила 221–248.

Шурф 2013 г. был привязан к юго-восточному углу раскопа XXII Л. В. Алексеева. В нем на глубине 0,2 м были найдены многочисленные железные шлаки, обожженные камни, а также сразу под дерном – фрагмент жернова. При углублении шурфа был выявлен верх кузнечной печи в ее поперечном разрезе (рис. 3.9). Установлено, что наибольшая высота печи, сложенной из камней и обожженной глины, в центральной ее части была равна 0,5 м. Основание печи подстилала прослойка обожженной глины, ниже которой был прослежен черный слой. Слой глины покрывал, видимо, и поверхность печи, на что указывают ее остатки в восточном и южном профилях шурфа. Куски глиняной обмазки зафиксированы в восточном, южном и западном профилях шурфа. Кроме того, в восточном и западном профилях от дневной поверхности зафиксированы пятна золы, имеющие значительные размеры: 0,8–1,0 × 0,4 м. Залегание печи на уровне верхнего и среднего слоя,

а также выявленные фрагменты керамики позволяют предположить, что данное сооружение относилось к XIV–XVI вв.

Описание вещевого материала. Вещевой материал раскопа VIII-2013 достаточно обширен и разнообразен. Он представлен, прежде всего, изделиями из глины, включающими бытовую керамику от третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. до XIV в. – начала XVII в., фрагмент половой глазурованной плитки XII–XIII вв., несколько фрагментов сопел от производственного сооружения, биконическое пряслице третьей четверти 1-го тысячелетия н. э.

Среди горшков с различной модификацией венчика, а также разной емкости выделяются очень малочисленные лепные сосуды, венчики которых можно датировать концом третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. – X в. (см. рис. 1.7). Они были выявлены в предматериковом слое квадратов 8–10 наряду с круговой керамикой, имеющей архаическую форму с карнизиком (манжетом) по краю венчика (см. рис. 1.8). Такая же архаичная керамика и модифицированная от нее более поздняя, с закраинкой по внутренней части венчика керамика была обнаружена и в материковых ямах вместе со стенками лепных сосудов. В предматериковом слое присутствовала классическая форма венчика с высоким горлом, характерная для XI в.

Наибольший интерес представляла керамика, выявленная в П-6, относящейся к СГ-3. Во-первых, один венчик лишь подправлен на гончарном круге, имеет высокую шейку и отогнутый наружу край венчика, что характерно для начала X в. Два других венчика из данной постройки, также характерны для X в., но уже выполнены на круге. Таким образом, П-6, находящаяся на границе черного (среднего) слоя и светло-серого (нижнего) слоя вполне может быть датирована X в. По уровню своего залегания в слое данная постройка согласуется с уровнем залегания фрагмента арабского дирхама, датированного в пределах 914–943 гг. (Наср ибн Ахмад) или даже 892–908 гг. (Исма'ил ибн Ахмад), Саманиды. Место чеканки и год обломаны. В том же слое выявлен фальшивый дирхам Бувайхиды (вторая половина X в.). Он выполнен на поддельной заготовке (свинцовой ?)[2].

Выявленная в квадрате 3 на глубине 203 четырнадцатигранная гирька-разновес относится к скандинавскому типу и датирована X в., вторая гирька-разновес (с двойным весом первой четырнадцатигранной гирьки)[3] была найдена на глубине 246 в квадрате 10 и также датирована X в. Обе гирьки, по мнению Ш. И. Бектинеева, могли быть использованы в ювелирном деле на протяжении X в. – начала XI в. Следовательно, указанные выше материалы согласуются с керамикой из П-6 и по времени бытования могут представлять собой единый комплекс.

Более поздняя круговая керамика, датированная XII–XIII вв., составляет основной массив керамического материала, относящегося к нижней части среднего (черного) слоя и согласуется с подавляющим большинством

[2] Определение выполнено научным сотрудником Эрмитажа Российской Федерации В. С. Кулешовым.

[3] Вес определен Ш. И. Бектинеевым в Институте биохимии НАН Беларуси. Им же сделан подробный анализ гирек для данного издания.

ювелирных изделий из цветных и драгоценных металлов, выявленных в раскопе. Эта керамика соответствует также тому керамическому материалу, который характеризует древнерусские напластования во всех частях древнего Друцка. Необходимо также отметить, что самая ранняя керамика на территории Друцка, в том числе из раскопа 2013 г. в подавляющем большинстве белоглиняная, в то время как керамика XIII–XVI вв. из верхней части среднего слоя и керамика с поливой XVII в. – сероглиняная и красноглиняная. Верхнюю часть среднего черного слоя и вышележащие напластования XIV–XVI вв. (серого цвета) представляет сероглиняная керамика классических форм этого времени. Поскольку Друцк в XIII–XVI вв. не являлся крупным стольным городом, а представлял собой центр регионального значения в составе ВКЛ, то и его бытовая керамика имела традиционный вид посуды сельских поселений. В единичных случаях на территории Друцка встречались сероглиняные изделия с богатым рельефным орнаментом (возможно, столовая посуда), а также изделия с глазурью, которые относятся ко второй половине XVI в. – XVII в. Среди посуды с поливой преобладают кувшины и миски, иногда – фрагменты кружек.

Изделия из железа находятся в очень плохом состоянии из-за высокой степени коррозии. В большинстве случаев это трудно узнаваемые формы почти разрушившихся предметов. Среди тех изделий, которые поддаются определению, можно назвать несколько ножей, фрагмент косы, цилиндрический замок и дужку замка. Сохранившиеся ножи, главным образом, универсального хозяйственного назначения и достаточно позднего происхождения. Один ножик малых размеров, относится к древнерусскому времени. Изделия из свинца и сплавов представлены пломбами и пулями. Мушкетные пули небольшого размера со следами изготовления в пулелейке характерны для верхнего слоя XIV–XVI вв. и найдены при зачистке стенки раскопа. Интерес представляют две свинцовые пломбы. Одна из них (фото 9: *6*) имеет надпись на старославянском языке, а на второй (фото 9: *5*) изображен княжеский трезубец с крестом в центральной части. Глубина их залегания соответствует слою XI–XII вв.

Изделия из стекла представлены 69 фрагментами браслетов, расположенными в слоях XII в. – начала XIV в., а также бусинами из нижнего слоя (X–XI вв.). Изделия из камня представлены литейной формой (фото 25: *3*), выявленной в нижней части среднего (черного) слоя и датированной XI–XII вв., а также шиферными пряслицами. Они имеют различные оттенки розового цвета, а также разную форму от биконических до боченкообразных. Одно пряслице имеет темно-серый цвет и может расцениваться как северный импорт темного сланца. На некоторых пряслицах имеются насечки (зарубки). Одно из них по боковой поверхности имеет знаки (см. рис. 12.42: *2*). Все пряслица укладываются в средний слой черного цвета и, соответственно, датируются древнерусским временем. К изделиям из камня относятся также точильные бруски, некоторые из них имеют канавку для затачивания острой части иголок, шильев и др. К предметам из камня относятся также изделия для переработки сельскохозяйственной продукции:

камень зернотерки, имеющий размеры 7 × 8 см при высоте 3 см; жернова нижние с радиусом 24 см и шириной отверстия 4 см, толщиной 4 см и верхние с радиусом 18 см, шириной отверстия 4 см и жернова толщиной 2 см. Изделия из кости в раскопе представлены наконечниками стрел (фото 26: *3–5*), двумя накладками на колчан (фото 26: *2*), орнаментированным пряслицем (фото 26: *1*). К рабочим деталям и инструментам относятся порхлица (фото 26: *6*) и два кочедыка. Все перечисленные предметы (кроме пряслица) являются довольно часто встречаемыми в древнерусских слоях. Друцкие костяные наконечники, наиболее вероятно, происходят из слоев XIII–XV вв. По нивелировочным отметкам они соответствуют верхней части среднего (черного слоя) и низу верхнего слоя.

Все выявленные материалы свидетельствуют о том, что раскоп VIII-2013 на Друцком городище входит в зону размещения княжеского подворья XII в. Вероятно, здесь же была расположена ювелирная мастерская, которая могла существовать еще с момента формирования городского центра на рубеже X/XI вв. Дальнейшее развитие местного ювелирного ремесла было связано с изготовлением изделий из сплавов белого цвета (серебро с добавками), по привозным образцам для элиты города, в том числе и для князя с его окружением. Выявленные на площади раскопа гирьки-разновесы, бытовавшие в X–XI вв., кусочки серебра, шлаки цветных металлов, каменная литейная формочка и сопла говорят о том, что в этой зоне находилось производство из цветных металлов. Возможно, П-6 связана с «домом ювелира», так как в непосредственной близости от нее были обнаружены наиболее характерные для данного вида ремесла материалы и находки. Нижний слой и СГ-3 датированы бусинами, которые можно отнести к X–XI вв. В западинах выявлена круговая керамика архаичного типа, иногда вместе с лепной третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. (см. рис. 1.7, 1.8). Кроме керамики из раскопа происходит глиняное пряслице с большим отверстием, также характерное для племенной поры (см. рис. 1.19: *7*).

Конструкции СГ-1, как и материал, их сопровождающий (в том числе стеклянные браслеты), подтверждают их отношение к рубежу XIII/XIV вв. Слой, в котором залегали эти конструкции непосредственно связан с верхним слоем, содержащим керамику XV–XVI вв. и поливную керамику начала XVII в. Таким образом, раскопки подтвердили не только существование зоны размещения княжеского подворья в юго-западной части Друцкого городища, но и наличие здесь культурных напластований догосударственной поры, которые органично связаны со становлением раннегородского центра.

3.3. Этапы развития и хронология поселенческих объектов

Сопоставление результатов исследований, проведенных Л. В. Алексеевым, с археологическими работами О. Н. Левко, осуществленными в последние десятилетия, позволило выделить два этапа в развитии Друцка.

Л. В. Алексеев проследил во всех раскопах на детинце *четыре слоя*. В целом они сопоставимы по структуре со слоями, выделенными О. Н. Левко

на всех исследованных в 1999 г. участках Друцка [Ляўко, 2000а, с. 87–101]. Разница заключается в том, что *верхний слой* по О. Н. Левко объединяет первый и второй слои по Л. В. Алексееву. Соответственно, *средний слой* включает третий и четвертый слои. Что же касается так нызваемого материка, представленного у Л. В. Алексеева серым и серо-желтым песком, то есть основания полагать, что это тот *нижний слой* светло-серого цвета, который имел наиболее выраженный характер в раскопе I на территории посада (1999 г.), где он достигал мощности 0,4–0,6 м (пласты 3–5 и подавляющее заполнение ям в материке). На ряде участков в данном слое присутствовали прокаленная глина, угли и зола. В раскопе IV на детинце (1999 г.) *нижний* светло-серый слой присутствовал не на всей площади. Наибольшей мощности 0,2–0,3 м он достигал на юго-западном участке, был насыщен углями и прослежен в большинстве материковых ям. Наиболее сложная стратиграфия была у раскопа III на территории Окольного города (1999 г.). Здесь под *светло-серым третьим по счету слоем* мощностью 0,1–0,3 м с большим количеством углей и наиболее ранними городскими материалами (пласты от 5-го до 8-го на разных участках раскопа) был выявлен *четвертый* очень светлый *предматериковый слой*. Он был зафиксирован почти на всей площади раскопа, имел мощность до 0,2 м и содержал лепную керамику. Следов пожара в этом слое не было обнаружено.

Соотнеся структурно культурные напластования в раскопах детинца, Окольного города и посада, следует отметить, что эти слои имели различную мощность и различались количественно не только в пределах одного раскопа, но и на разных участках Друцка. В раскопе V (2000 г.) на посаде с южной стороны детинца было выявлено всего два слоя. Причем *верхний слой,* аналогичный верхнему слою предыдущих раскопов, являлся основным, как на всем раскопе, так и в заполнениях материковых ям. Его мощность в раскопе составила 0,2–0,4 м. В ямах 1–4, связанных с жилыми постройками и углубленных в материк на 0,5–1,4–2,1 м, в этом слое присутствовало горелое дерево, кирпичный бой, глиняная обмазка. Второй слой интенсивно темной окраски (соответствовал среднему слою на других раскопах) был зафиксирован только в квадрате 16 (яма 5). Он также был насыщен углями.

Таким образом, имея достаточно хорошо выраженную стратиграфию раскопов 1999–2000 гг. на всех участках Друцкого комплекса, вполне сопоставимую со стратиграфией раскопов Л. В. Алексеева на детинце и подтвержденную последующими раскопами 2008, 2009 и 2013 г., можно определиться с хронологией начального и финального этапов его развития.

Начальный этап складывался из материалов, представленных в нижних напластованиях, а также в материковых ямах, имеющих такое же заполнение. Как уже обосновывалось ранее [Ляўко, 2000а, с. 96–97; Левко, 2001а, с. 5–8, рис. 3; 2001б, № 1 (8), с. 16–29], наиболее ранние поселки на Друцком волоке, в том числе на территории Друцка, предшествовавшие появлению кривичей, принадлежали населению, центры которого были раз-

мещены на городищах (Кисели, Багриново). Этому же населению принадлежали и курганные захоронения по обряду трупосожжения в Друцке и его округе (Сенчуки, Арава, Дроздово). Они соотносятся с периодом функционирования племенного центра на одной из двух друцких возвышенностей. Предположительно, это может быть территория Окольного города, где был выявлен самый ранний слой с лепной керамикой. На городище она, как и в Витебске, встречается вместе с раннекруговой в нижнем слое и в материковых западинах. Хотя во главе племенного центра в Друцке в X в. находились кривичи, продвинувшиеся сюда с севера и востока, основное славянское население освоило данную территорию с юга уже во второй половине 1-го тысячелетия н. э. [Левко, 2001а, с. 12]. Об этом свидетельствуют, в первую очередь формообразующие признаки керамики с городищ, которая нашла свое развитие и в материалах X в. с территории Друцка и окрестных курганов. Л. В. Алексеев соотнес погребальные урны из курганов с деревянными оградками с так называемой гнездовской посудой, имеющей манжетообразный венчик [Алексеев, 2002б, № 2, с. 11]. В то же время эти погребения характерны для культуры типа Луки-Райковецкой на правобережье р. Днепр [Археология Украинской ССР, 1986, т. 3, с. 181, 183, 186].

В нижних напластованиях Друцкого комплекса как Л. В. Алексеевым (на детинце), так и О. Н. Левко (на территории Окольного города) выявлены предметы, которые датированы X в. – началом XI в. и могут быть связаны как с поселениями племенной поры, так и с раннегосударственным центром – «градом» Друцком и его посадом. К ним относятся гончарные сосуды с манжетообразным венчиком, стеклянные бусины-лимонки, замок типа «А» древнейшего вида – кубический с Т-образным ключевым отверстием и плоским ключом в виде квадратной лопаточки [Алексеев, 1998, с. 11], найденные Л. В. Алексеевым на детинце. В его публикации 2002 г. приведены дополнительные материалы нижнего слоя «у материка». Это серебряные нашивные бляшки с тиснением в виде крестообразных пальметок (оголовье коня), бронзовая лунница, серебряная зерненая бусина, крестообразная подвеска, серебряная булавка с фигурной выпуклой головкой, датированные X в. [Алексеев, 2002а, № 1, с. 82–83, рис. 4: *3, 8, 10, 12, 13*]. На территории Окольного города в нижних напластованиях О. Н. Левко выявлены два плоских ключа в виде квадратной лопаточки, пружинные ножницы, пластинчатые орнаментированные бронзовые перстни и браслеты, бубенчик с прорезью, бронзовый орнаментированный пинцет [Левко, 2001а, с. 16, рис. 3: *7, 8, 10*].

Таким образом, можно утверждать, что раннегородские материалы присущи как поселению на территории детинца, так и поселению на территории Окольного города. Изначальная датировка «града» Друцка соответствует упоминанию о строительстве в нем церкви св. Богородицы в 1001 г. Следовательно, к этому году «град» уже существовал.

Важным является также определение времени сооружения деревоземляных укреплений вокруг детинца и Окольного города, превративших их

в таковые. Соотнося вещевой материал с выделенными структурно слоями, Л. В. Алексеев пришел к выводу, что *пограничьем между нижним культурным слоем (X–XI вв.) и слоем, относящимся к удельному времени (XII–XIII вв.), должен быть слой пожарища, датированный им 1116 г.* (военные события, описанные в летописи). Выше него были встречены горизонты, содержащие фрагменты деревянной застройки, а также стеклянные браслеты, шиферные пряслица, половые плитки и др.

Прорезку вала на детинце не производили, не считая разреза между валами детинца и Окольного города, затронувшего нижнюю часть их внешней стороны (раскоп II-1999). На Окольном городе, как в раскопе XXIII (1965 г.), так и в осуществленном также Л. В. Алексеевым «разрезе вала» на аре Г-20 (на планах Друцка это место не отмечено), был прослежен слой толщиной 0,2–0,3 м, уходящий под насыпь вала [Алексеев, 2002а, № 1, рис. 8, 10]. По мнению Л. В. Алексеева, он был перекрыт пожаром 1116 г. (см. рис. 5, *в*) и содержал керамику, датированную Г. П. Смирновой «в личной беседе XI в. – началом XII в., скорее XI в.» [Алексеев, 2002а, № 1, с. 88]. Исследователь отмечает, что вещей, подобных вещам из нижнего слоя детинца, в раскопе XXIII он не нашел, поэтому «детинец и Окольный город были возведены в разное время – детинец в середине XI в. (? – *О. Л.*), а Окольный город в его конце» [Алексеев, 2002а, № 1, с. 88]. Правда, на этой же странице, но тремя абзацами ранее, перечислив все возможные датировки друцкой керамики, предложенные Г. П. Смирновой и М. В. Малевской, Л. В. Алексеев пишет: «Остается заключить, что Окольный город создан после 1116 г. на месте неукрепленного селища, возникшего у детинца во второй половине XI в.» [Алексеев, 2002а, № 1, с. 88]. Если в датировке укреплений Окольного города временем после 1116 г. он опирается на археологический материал, то отнеся их к концу XI в., Л. В. Алексеев пытается связать «превращение Друцка в феодальный центр» и само сооружение Окольного города с деятельностью Всеслава Полоцкого. Неоднократно, вопреки собственному археологическому материалу, данный исследователь «устанавливает хронологию» этапов развития Друцка, привязывая ее к историческим личностям (Всеслав Полоцкий, Дмитрий Друцкий) или событиям. Так, по Л. В. Алексееву «окончательно город прекратил существование в 1514 г. при нападении на него войск Василия III» [Алексеев, 2002б, № 2, с. 97].

Раскопки на посаде напротив въезда в Окольный город с западной стороны (раскоп I-1999) и на территории Окольного города (раскоп III-1999) позволяют сделать вывод, что эти поселения развивались одновременно с детинцем, имея те же слои как по структуре, так и по содержанию вещевого материала [Ляўко, 2000а, с. 90–92, 97]. Опираясь на публикацию Л. В. Алексеевым разрезов и керамики, связанных с оборонительными сооружениями Окольного города и результаты прорезки 1999 г. (раскоп II-1999), можно полагать, что земляные укрепления детинца были возведены не позднее первой половины XI в. Окольный город был построен на месте неукрепленного посада в XII в., когда Друцк стал центром удела. В этот период городским посадом была также ближайшая территория с западной стороны за рвом.

Раскоп V (2000 г.) дал незначительный материал, датированный XII в. (два пряслица, стеклянный браслет и несколько венчиков). Слой этого времени не выражен. Следовательно, поселение на южном участке Друцка за рвом начало развиваться только с XII в. и то не очень интенсивно.

Финальный этап в развитии отдельных составляющих средневекового Друцка также заслуживает особого внимания. Он соотносится с деятельностью разветвленного рода князей Друцких, известного по источникам XIV–XVI вв. Именно этим временем датирован верхний слой на укрепленной части Друцкого комплекса. М. А. Ткачев возражал Л. В. Алексееву относительно гибели города в конце XV в. – начале XVI в., приведя сведения письменных источников о «держаниях» в Верхнем и Нижнем замках Друцка (детинце и Окольном городе соответственно) на протяжении XVI в. Друцкий замок обозначен и на картах 1562, 1589, 1595 и 1613 г. [Ткачоў, 1991, с. 136–137]. Раскопками 1999 г. выявлены остатки углубленных в материк построек XIV–XVI вв. на территории Окольного города [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 202, мал. 81]. Многочисленная бытовая керамика, характерная для замков этого времени (Заславль, Дубровно, Шклов и др.), подковки на каблук, удила, шпора, пластинки от доспехов, ключи, замки, ножи – неполный перечень предметов, датированных XIV–XVI вв., выявленных в раскопках детинца и Окольного города. В раскопе V на посаде также были вскрыты подвальные помещения построек. В двух из них (ямы 3, 4) были найдены пражские гроши: ранний (Карл I (IV) (1346–1378) датирован 1350/1354–1374 гг.; две другие монеты чеканены после 1405 г. (Вацлав IV (1378–1419)). В нижней части ямы 2 этого раскопа на глубине 2,1 м были собраны керамика и стекло XVII в., выше была встречена более ранняя керамика, соответствующая постройкам с монетами. Здесь, как и на территории Окольного города, более поздние строения прорезали постройки XIV–XV вв. Изразцы и поливная керамика, поздние формы железных предметов (XVII в.) были встречены и в раскопах I-1999, VI-2008, VII-2009 на посаде. Таким образом, Друцк продолжал свое развитие в течение XIV–XVII вв. Замковые части функционировали вплоть до рубежа XVI/XVII вв., а неукрепленный посад в качестве местечка существовал и в XVII в.

4. ЗАСТРОЙКА И ЭЛЕМЕНТЫ ПЛАНИРОВКИ ДРУЦКА

(Т. С. Бубенько)

В 1956–1967 гг. Л. В. Алексеев заложил 22 раскопа на детинце и один раскоп (XXIII) на Окольном городе средневекового Друцка. За исключением раскопов IV и XII, площадь которых составляла по 25 м^2, все раскопы имели площадь по 100 м^2. Однако не все участки были изучены Л. В. Алексеевым до материка (полностью изучено лишь около 30% исследованной

площади)[4]. Практически неизученным оказался слой, относящийся к первоначальному периоду существования городища, так называемый предгородской слой.

В 1999 и 2013 г. исследования друцкого детинца были продолжены О. Н. Левко. В западной части детинца ей исследовано до материка 164 м^2 культурного слоя. Проведенные исследования позволили не только изучить раннегородской период жизни поселения, но и установить нижнюю дату заселения славянами друцкого городища [Ляўко, 2000а, с. 87–109].

Таким образом, исследованные до материка участки Л. В. Алексеева (раскопы I, V, VI, IX, X, XX и частично XI) и раскопы О. Н. Левко (раскоп IV-1999 и VIII-2013) на детинце, позволяют нам в общих чертах охарактеризовать планировочную структуру поселения и проследить элементы застройки на предгородском и раннегородском этапах. Поскольку у Л. В. Алексеева нумерация строительных горизонтов идет снизу вверх, а у О. Н. Левко – сверху вниз, в отдельных случаях расположение совстречаемых объектов уточнено. Кроме того, нумерация построек в тексте сохранена в соответствии с той, которой придерживаются в своих отчетах и публикациях авторы раскопок – Л. В. Алексеев и О. Н. Левко.

Планировочная структура Друцка развивалась по схеме, типичной для городов лесной полосы Восточной Европы. Первые поселенцы, освоившие друцкую возвышенность в VIII–IX вв., жили в небольших по размеру жилищах столбовой конструкции, которые располагались по периметру площадки. Последние характерны для балтского населения северо-восточной Беларуси, хотя присутствие здесь банцеровских племен не зафиксировано.

---

[4] К сожалению, несколько раскопов (IV, VII, XII, XVII, XVIII) ученый не исследовал до материка, поскольку они не представляли для него интереса. Информация о результатах исследований слоя на данных участках в отчетах и публикациях Л. В. Алексеева полностью отсутствует. По отдельным фразам, содержащимся в отчетной документации, можно установить, что в раскопе IV исследования проводили лишь в юго-западной четверти площадки, примыкающей к раскопу I, в раскопе XVIII было снято 3–4 штыка. Фактически до материка было изучено семь раскопов: I, V, VI, IX, X, XX, XI (в раскопе XI материк зафиксирован лишь в северной части площадки). Остальные раскопы были «законсервированы», и возможность получения научной информации о них в полном объеме утрачена. Так, раскопы III, VIII и XXII были доведены до границы с древнейшим стратиграфическим слоем (X–XI вв.) (прил. 1, Алексеев, д. № 148, 148а), изучение слоя в раскопах XIII–XVI было остановлено на уровне 7–8-го штыков, в раскопе XXI – на уровне 9-го штыка. К тому же информация о проведенных исследованиях не достаточно полно представлена в отчетах и публикациях Л. В. Алексеева. В первую очередь это относится к чертежам застройки друцкого детинца, которые в отчетах представлены фрагментарно, причем не по строительным горизонтам, а по раскопочным штыкам. Однако даже такая информация по раскопам I, VIII в отчетах исследователя отсутствует, а отчет о наиболее информативных исследованиях 1958 г. в ИИ НАНБ вообще не был представлен.

Вышеизложенное, а также несоответствие нумерации объектов в текстовой части отчетов и на представленных графических и фотодокументах, к огромному сожалению, не дает возможности полноценно реконструировать планировочную структуру и застройку средневекового Друцка с момента заселения городища и до нового времени. Отсутствие информации о заполнении построек и найденных в них вещевых комплексах не позволяет достоверно классифицировать ряд вскрытых объектов.

Следы жилищ в виде столбовых ям и развалов печей-каменок зафиксированы в предматериковом слое и материке. Наиболее ранние деревянные конструкции исследованы в квадратах К, П, Ф, Щ раскопа IX и южной части раскопа V. Это следы от вбитых в землю столбов с впущенными в них горизонтальными бревнами [Алексеев, 2002б, № 2, с. 79].

Центральная часть площадки городища была свободна от застройки и ее использовали для хранения основного богатства племени – зерна и скота, а возможно, как вечевую площадь или как культовый центр. Подобная планировка типична для большинства городищ данного региона.

Существенные изменения наблюдаются в домостроительных традициях населения на протяжении X–XI вв.: архаичные столбовые жилища постепенно вытесняли срубные. Со славянской традицией следует связывать и наличие в материке ям от полуземляночных или углубленных в землю жилищ и хозяйственных сооружений (по Л. В. Алексееву – раскоп V, штык 7). Влияние южных домостроительных традиций связано и с присутствием в раннегородском слое глинобитных печей, которые довольно быстро начинали вытеснять печи-каменки. Частично сохранившееся в раскопе V жилище указывает на ориентацию построек по сторонам горизонта. Незначительная площадь, исследованная Л. В. Алексеевым до материка, и плохая сохранность древесины в нижних слоях не позволяют нам изучить домостроительство дручан на раннегородском этапе. Можно лишь констатировать, что постройки рубили из окоренных сосновых бревен в верхнее «обло». В домах настилали дощатые полы, для хозяйственных сооружений были характерны жердевые полы.

Изменения качественного порядка в планировке и застройке Друцка связаны с возникновением удельного друцкого княжества и необходимостью обустройства его столицы. В XII в. древнее городище превратилось в административный центр – детинец. С XII по XIV в. в его планировке четко прослеживаются два этапа: древнерусский (XII в. – начало XIV в.) и позднесредневековый (XIV–XVI вв.).

На первом этапе застройка эволюционировала от хаотичной и свободной к стабильной и плотной. Поскольку на детинце располагалась княжеская резиденция и проживало ближайшее окружение князя, тут же жили вотчинные мастера-ремесленники и размещались княжеские закрома, говорить о существовании здесь каких-либо принципов планировки территории довольно сложно. К тому же исследователь древнерусской архитектуры Г. Я. Мокеев считает, что детинцы городов являлись композиционными центрами, а роль планировочного центра брал на себя посад с торговой площадью [Мокеев, 1975, № 23, с. 5–9].

И все же имеющиеся в нашем распоряжении материалы многолетних исследований позволяют выделить на территории административного центра несколько функциональных зон, иногда отделенных друг от друга частоколом. Последнее, по-видимому, и дало основание Л. В. Алексееву говорить об усадебной застройке друцкого детинца [Алексеев, 2002б, № 2, с. 81].

Западную привальную часть детинца занимала княжеская резиденция, где помимо хорóм князя было расположено жилище вотчинного ювелира, работающего с благородными металлами.

Южнее княжеского терема Л. В. Алексеев локализовал так называемый дружинный квартал (раскоп XVIII), но, к сожалению, никаких доказательств в пользу данного предположения он не приводит. Ни в публикациях, ни в отчетах исследователя информации о результатах исследований в раскопе XVIII также нет.

В южной хозяйственной части детинца были расположены княжеские кладовые, постройки хозяйственного назначения, хлевы для скота. Последние могли иметь ограждения типа плетня, частокола. Хлевы чаще всего занимали привальную часть хозяйственной зоны, амбары размещали напротив – по другую сторону улицы. Уличная мостовая, вскрытая Л. В. Алексеевым, вряд ли была центральной улицей детинца. Скорее всего, мы имеем дело со второстепенной улицей, ведущей через хозяйственный двор к колодцу. Она разделяла хозяйственную зону на две части: хозяйственный двор и княжеские кладовые и закрома. Принцип обособления кладовых с зерном и прочими съестными запасами не всегда соблюдали, зачастую амбары и помещения для содержания скота располагали по соседству (например, объекты VIII-15 и VIII-53). Выделение на детинце особой хозяйственной зоны с княжескими кладовыми известно и в Новогрудке, однако помещения для скота там никогда не соседствовали с амбарами [Павлова, 1972, вып. 129, с. 78]. Жилых построек в данной зоне вскрыто немного: постройка № 30 (раскоп VIII) и сменившая ее постройка № 15 (раскоп I, II, VIII), а также постройки 1 (раскоп I), 8 (раскоп III), 6 (раскоп VIII-2013 г.). Небольшая площадь жилищ и невыразительный вещевой материал указывают на невысокий социальный статус его обитателей. Вероятнее всего, это дом скотника, который кроме ухода за скотом мог охранять и княжеские закрома, жилища княжеских слуг.

Северную часть детинца занимала ремесленная зона, которая локализована нами справа от улицы, ведущей из Окольного города на детинец. Вскрытые в раскопах X, XX, шурфе № 1 (2013 г.) остатки производственных печей, находки фрагментов сопел, тиглей, криц, шлаков указывают, что здесь работали кузнецы и ювелиры. Данные производства связаны с повышенной пожароопасностью. Возможно поэтому данный район был отделен от хозяйственной зоны свободным от застройки участком, который Л. В. Алексеев интерпретировал как городскую площадь [Алексеев, 1966, с. 154].

Культовая зона, вероятнее всего, находилась в восточной части городища, слева от въезда на детинец. Здесь Л. В. Алексеевым выявлены остатки погребений XII–XIII вв. Исследователи города предполагают, что здесь же мог находиться храм Пресвятой Богородицы [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 150]. На детинцах, как правило, возводили патрональную церковь княжеской семьи. Несколько необычно, что в нашем случае дорога к храму шла через весь детинец, включая скотный двор и ремесленный квартал. Материалы иссле-

дований детинцев многих древнерусских городов указывают на непосредственную близость патрональной церкви от княжеского терема [Алексеев, 1993, № 4, с. 217–238, Малевская, 1983, с. 123–124; Рабинович, 1988, с. 23]. Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что патрональная церковь друцкого князя занимала пока неисследованную зону между предполагаемой княжеской резиденцией (раскопы XIII–XVI Л. В. Алексеева и раскопы О. Н. Левко 1999, 2013 г.) и ремесленным кварталом.

Перепланировки, происходившие после пожаров, особенно частых в XII в., хотя и носили локальный характер, все же указывают на отсутствие стабильности в планировочной структуре и застройке городища.

Основу планировки любого древнерусского города составляет улица. Уличная планировка на детинце Друцка появилась не сразу, а лишь с конструкциями четвертого строительного горизонта. Центральная улица вела от въезда, по-видимому, к городской площади, где она соединялась со второстепенной улицей № 17 и с тупиковым заулком № 23, движение по которому шло с юга на север восточной стороны раскопов VIII и III (Л. В. Алексеев считает заулок № 23 замощением двора усадьбы «В») [Алексеев, 1966, рис. 33]. Улица № 17, пересекая всю хозяйственную зону, вела к городскому колодцу, его воронка четырехметровой глубины сохранилась до настоящего времени. Последний, по предположению Л. В. Алексеева, мог быть вырыт во время кардинальной перестройки детинца после осады 1116 г., когда жители детинца, видимо, оказались без воды [Алексеев, 2002б, № 2, рис. 37]. Улицы средневекового Друцка мостили из довольно толстых сосновых плах шириной 17–20 см и бревен диаметром 14–16 см, уложенных на две-три лаги. Ширина центральной улицы была не менее 6,1–6,4 м, второстепенной и тупиковой – 2,9 и 3,2 м соответственно. Общая протяженность исследованных участков уличных мостовых друцкого детинца составляла 40 м. Раскопками вскрыты остатки трех сменивших друг друга ярусов бревенчатых мостовых. Верхняя мостовая выявлена по следам обгорелых бревен, положенных не на лаги, а в специальные продольные углубления в земле с небольшим промежутком между ними. Конструкция очень оригинальна: продольные пазы в земле позволяли бревнам лежать неподвижно при проезде по мостовой. Торцы мостовой упирались в откосы валов, в основании которых с двух сторон мостовой был густо поставлен плетень, ограждавший ее от размыва вала при дожде. Вторая по времени мостовая одновременная мостовой № 17, была у́же – 4 м. Обе мостовые сильно прогорели, как и ограждающие их плетни. По предположению Л. В. Алексеева, на детинец попада́ли через въездной «туннель» с воротами с двух сторон. Верх въезда, очевидно, представлял небольшую башню, которая его обороняла [Алексеев, 2002б, № 2, с. 88].

В плане изучения застройки друцкого детинца наиболее информативны раскопы, расположенные в хозяйственной зоне, где зафиксированы семь ярусов застройки древнерусского времени и три яруса застройки XIV–XVI вв.

Постройки, исследованные в зоне предполагаемой княжеской резиденции, к сожалению, не могут быть отождествлены с теремом. Достоверно

установлено лишь, что здесь было расположено жилище вотчинного ювелира, работавшего с драгоценными металлами, и постройка с плитчатым полом. Разноцветную плитку для мощения пола в древнерусское время использовали в храмовом строительстве и обустройстве домов городской аристократии [Алексеев, 1993, № 4, с. 231; 2002а, с. 88].

Описание строительных горизонтов. Изучение этапов застройки друцкого детинца невозможно в отрыве от наблюдений за стратиграфией слоя на исследованной территории. Культурный слой детинца по мощности неравномерен: у подножья вала, где жизнь шла интенсивнее, его мощность колеблется от 3,6 до 3,8 м, в то время как в центральной части площадки слой едва достигает 1,5 м. Несмотря на увеличение мощности напластований к югу, древний материк в южной части детинца, как отмечает Л. В. Алексеев, имел наклон с юго-востока–юга на северо-запад. Отмечая уклон конструкций в северном и северо-западном направлениях, исследователь четко зафиксировал слой над пожарищем 1116 г., «на раскопах I–III он на восьмомдевятом штыках, на раскопе VIII – 13–14-й штыки». И далее, «наиболее выразителен он на юге, где обнаружены следы пожарища 1116 г. на десятом штыке» [Алексеев, 2006, с. 140–141]. Взяв за основу раннее пожарище, прослеженное в большинстве раскопов, мы попытались восстановить периоды застройки друцкого детинца на протяжении всего средневековья (XI–XVI вв.).

Древнейшие конструкции раннегородского периода. К древнейшим сооружениям детинца, доступным сегодня для изучения благодаря переданной в ВОКМ документации из личного архива Л. В. Алексеева, следует относить *строительный горизонт-1 (первый строительный период),* представленный постройкой 31 в раскопе VIII (1962 г.), постройкой в раскопах V (1958 г.) и IX (1962 г.), двумя частично сохранившимися постройками в раскопе X, а также отдельными хаотично лежащими бревнами в раскопах I (штык 10), II (штык 12), III (штык 12–13). С древнейшими конструкциями следует связывать и постройку № 6 (раскоп VIII-2013) в западной части детинца.

Вскрытое сооружение VIII-31 занимало западную часть раскопа VIII и восточную раскопа II (рис. 4.1, *а*). Сруб размерами 3,3 × 3,6 м ориентирован углами по сторонам света. Постройка, сохранившаяся основанием, рублена в верхнее «обло» с остатком. В качестве фундамента под стены сруба была подведена подушка из серой материковой глины мощностью до 30 см. Отсутствие печи и небольшие размеры сооружения не позволили исследователю отнести ее к жилищам. Однако вещевой материал довольно интересен: 11 зеленых зонных бусин, одна синяя и одна мозаичная, несколько фрагментов оплавленных стекол, шиферные пряслица, удила, стрела и ножи, обломок серпа. Здесь же обнаружены бронзовый бубенчик, медная пластина и обрывок ткани (прил. 1, Алексеев, д. № 148, 148а).

В центральной части площадки деревянные конструкции сохранились лучше. Здесь в раскопе X зафиксированы остатки двух построек срубной конструкции, возведенных техникой в верхнее «обло» с остатком. Обе постройки, удаленные друг от друга на 1,3 м, ориентированы углами по сторо-

нам света. Размеры одного сооружения 2,6 × 2,3 (?) м, от второго сохранился лишь северный угол с прилегающими к нему стенами длиной 1,1–1,7 м (прил. 1, Алексеев, д. № 138).

Еще одна постройка этого времени зафиксирована в раскопе IX (квадраты Ф, Щ) и в юго-западном углу раскопа V (квадраты Р, Х). Сооружение представлено срубом, ориентированным стенами по сторонам света. От постройки сохранилось основание, под которое была подведена гидроизоляционная подушка из серой материковой глины [Алексеев, 1958, д. № 2098, с. 27] (прил. 1, Алексеев, д. № 148, с. 25–26). В сооружении сохранились остатки дощатого пола, направление половиц – с запада на восток (прил. 1, Алексеев, д. № 138)[5]. Технику сочленения венцов определить сложно, поскольку углы в раскопе V не прослежены. Можно лишь констатировать, что сооружение было сложено из бревен диаметром 13 см. В венец восточной стены была врублена довольно толстая переводина (16 см) техникой глухой врубки. Недалеко от постройки в квадратах К, П, Ф, Щ зафиксированы вбитые в землю столбы с впущенными в них горизонтальными бревнами (по Л. В. Алексееву – остатки какой-то ограды). В южной части раскопа V прослежены следы такой же конструкции, однако последняя уходит за пределы южной стенки раскопа [Алексеев, 2002б, № 2, с. 79].

В раскопе XVI данному строительному горизонту соответствует постройка XVI-2. По информации Л. В. Алексеева, это была большая постройка срубной конструкции, возведенная в технике в верхнее «обло», в сооружении имелся развал печи-каменки на глине. В сооружении зафиксированы остатки переводины пола. Л. В. Алексеев считает, что постройка погибла во время раннего пожара (прил. 1, Алексеев, д. № 146, с. 19).

В северной части раскопа VIII-2013 с данным горизонтом следует связывать постройку № 6. Строение, ориентированное стенами по сторонам света, вошло в раскоп южной и частью западной стены. Его размеры в раскопе – 1,8 × 3,2 м (?). Это был сруб, сложенный в верхнее «обло» с остатком, длина которого составила 14 и 60 см. От западной стены сохранилось основание, а южная стена – на высоту двух венцов. Толщина венцов – 18–22 см. Юго-западный угол сруба занимала печь-каменка, развал которой имел довольно большую площадь – 1,8 × 3,2 м. Свод печи-каменки сложен из мелких камней диаметром 10–11 см в поперечнике. Она была возведена на глинобитном основании толщиной 18–26 см. Как и большинство построек друцкого детинца, постройка № 6 была возведена на слое гидроизоляции (бело-голубая глина). Наличие печи и вещевой материал постройки указывают на то, что это могло быть жилище – мастерская ювелира (прил. 1, Левко, д. № 3061). Данная постройка и конструкции горизонта расположены ниже пожара начала XII в. и сопоставимы с древнейшими конструкциями на других участках городища (рис. 4.1, *б*).

[5] В отчете Л. В. Алексеева за 1959 г. имеется план 4-го штыка раскопа V (1958 г). Согласно приведенной исследователем датировки стратиграфических слоев, в раскопах центральной группы слой 4-го пласта датирован первой половиной–серединой XII в. [Алексеев, 1958, д. № 2098, с. 22–23].

Описанные конструкции СГ-1 предварительно датированы рубежом XI/XII вв. или первым десятилетием XII в. Все сооружения данного горизонта были возведены на мощной прослойке серой материковой глины (до 30 см), которая отделяла стратиграфический слой-2 от напластований предгородского периода. Наличие данной прослойки Л. В. Алексеев связывает с насыпью древнего вала, который был возведен по краю площадки после превращения Дрyцка в столицу удельного княжества, т. е в первое десятилетие XII в. По мнению исследователя, друцкая возвышенность, ставшая детинцем, была заселена не ранее конца X в. – начала XI в. [Алексеев, 2002б, № 2, с. 86]. Однако исследованиями последних лет, проведенными на друцком детинце О. Н. Левко, достоверно установлено, что ранний стратиграфический слой делился на два хронологических периода: VIII–IX вв. и X–XI вв. (см. подробнее в § 3.2) [Ляўко, 2000а, с. 94–96].

Второй строительный горизонт (по Л. В. Алексееву – первый строительный период) друцкого детинца зафиксирован в раскопах I, II, VIII, III, XI южной группы, раскопе XX (рис. 4.2). Все конструкции данного горизонта погибли во время сильного пожара, уничтожившего практически весь город [Алексеев, 2002б, № 2, с. 85].

Постройка I-34 занимала юго-западную часть раскопа I (квадраты Х, Ц). От сооружения сохранился северо-западный угол с прилегающими к нему остатками стен (3,5 × 1,9 м (?)). Параллельно западной стене отмечен развал не менее чем трех бревен, по-видимому, упавшей стены. Постройка рублена в верхнее «обло» с остатком длиной 18–26 см, диаметр бревен – 16–18 см. Сруб ориентирован стенами по сторонам света с небольшим отклонением по часовой стрелке. Основание постройки лежало на слое белой глины. Внутри сооружения параллельно западной стене зафиксированы остатки не менее четырех обломков досок, часть из них со следами горения. Возможно, это остатки половиц какого-то хозяйственного сооружения.

В северной части раскопа III в пожарище выявлены следы сгоревшего дома с остатками глинобитной печи и сгоревшим полом [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 135][6].

В раскопах II и VIII с описываемым горизонтом связаны остатки сгоревшей постройки VIII-30[7]. Сруб, возведенный на месте жилища VIII-31, сохранился северо-западной стеной и юго-западным углом, где зафиксирован развал глинобитной печи овальной формы. Размеры постройки, ориентированной углами по сторонам света, были не менее 3,3 × 3,8 м. Сооружение выполнено из сосновых бревен диаметром 16–17 см, рубленых в верхнее «обло» с остатком 18–20 см. Северо-западнее развала печи на уровне нижнего венца стены расчищены горелые бревна (диаметром 15–16 см) от обвалившейся горизонтальной стенки. Возможно, это венцы северо-западной стены, но вполне допустимо, что это могла быть переводина пола.

[6] Более подробная информация о данном жилище в отчетах Л. В. Алексеева отсутствует.

[7] С данной постройкой следует связывать объекты 52 и 56 из раскопа II, которые являются печью и остатками северо-западной стены дома VIII-30 (прил. 1, Алексеев, д. № 136).

В постройке имелся пол из массивных досок шириной 35–50 см и толщиной 5–7 см. Длина половиц – 2,6 м (прил. 1, Алексеев, д. № 136, с. 11). Наличие под развалом печи бревен и половиц, связанных с описываемой постройкой, позволяет нам высказать предположение, что это могло быть двухэтажное строение с печью на втором этаже или же дом на подклете. Дома́ на подклетах в древнерусском деревянном зодчестве известны с XII в. (Новгород, Полоцк, Новогрудок и др.). Высокие подклеты (1,5–2,0 м), как правило, использовали в качестве хозяйственных или производственных неотапливаемых помещений, изредка встречались и жилые нижние этажи. Большая часть описываемого дома была разрушена во время возведения постройки II-15.

В полуметре севернее описанного жилища была расположена постройка VIII-29, которая, судя по наличию зерен проса и конопли, являлась амбаром (прил. 1, Алексеев, д. № 148, с. 23). Сруб VIII-29 размерами 3,4 × 3,3 м, возведенный на подушке из серой глины мощностью 15 см, занимал северо-западный угол раскопа VIII. Сооружение ориентировано стенами по сторонам света с небольшим отклонением по часовой стрелке. Сруб рублен в верхнее «обло» с остатком, сохранность древесины плохая. В южном углу постройки прослежены остатки горелого дощатого пола, из довольно узких половиц (15 см).

Сооружение VIII-17 вскрыто в прирезке к раскопу VIII в квадратах Е1, Л1, А1. Сгоревшая постройка возведена на слое желтого песка, являвшегося, по-видимому, оползнем внутреннего склона вала. От строения сохранился южный угол и остатки дощатого пола. Довольно узкие половицы (18–20 см) шли в направлении юго-запад–северо-восток. Из-за отсутствия информации установить назначение постройки не представляется возможным.

Постройка XI-51 занимала квадрат V раскопа XI. Строение рублено в традиционной технике – верхнее «обло» с остатком (20 см). Диаметр бревен – 14–16 см. Сооружение представлено северо-западным углом с небольшими по длине участками стен. В 1,1 м от угла параллельно северной стене зафиксирована переводина пола, врубленная техникой глухой врубки между вторым и третьим венцом. Как и все описанные сооружения данного горизонта, постройка XI-51 ориентирована углами по сторонам света с небольшим отклонением по часовой стрелке. Еще одно жилище с глинобитной печью и остатками сгоревшего пола, погибшее во время первого пожара, зафиксировано в северной части раскопа III [Алексеев, 2002а, с. 85–86], однако конструктивные особенности сооружения в отчетной документации исследователя, к сожалению, не приведены (прил. 1, Алексеев, д. № 136, с. 10).

В третьем строительном периоде (первый послепожарный горизонт) произошла перепланировка южной части детинца, что четко зафиксировано во всех раскопах южной группы (рис. 4.3). Здесь был возведен комплекс из четырех построек различного назначения. Северо-западнее постройки VIII-29 в раскопах II и VIII было построено сооружение II-15, частично перекрывшее амбар. Возведенное после пожара жилище заняло юго-восточную часть раскопа I, юго-западную часть раскопа III и северо-восточную часть раскопа II. Основной объем сооружения II-15 размерами 3,1 × 3,1 м

сохранился на высоту четырех венцов. Оно было рублено из окоренных сосновых бревен диаметром 25 см в верхнее «обло» с остатком, венцы сохранили следы подтески с внешней стороны. Это было двухэтажное строение или дом на высоком подклете. Переводины пола нижнего этажа (подклета) были врублены во второй венец техникой глухой врубки, однако половиц, связанных с нижним полом, не обнаружено. Сохранившиеся же доски пола, уложенные в направлении северо-запад–юго-восток, могут быть отнесены к верхнему полу. Они лежали на довольно мощной переводине, идущей параллельно северо-западной стене жилища на уровне 4-го венца (прил. 1, Алексеев, д. № 138, рис. 49). Западный угол дома занимала печь, сложенная из камней на глине, шесть больших валунов дугообразно окружали глиняный, положенный на небольшие камни опечек [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 144]. Печь была оконтурена с двух сторон переводинами, на которые были уложены широкие половицы (22–36 см). Подпечной ямы не было. Устье печи было обращено ко входу в дом, который был расположен в юго-западной стене. Печь, как и пол, упали с верхнего этажа. Судя по соотношению направления досок пола, печи и традиционному расположению входа по «ходу» половиц, Л. В. Алексеев предположил, что дверной проем в жилище II-15 был в юго-восточной стене [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 140].

Однако позволим себе не согласиться с автором раскопок по нескольким причинам. Во-первых, с юго-востока вплотную к жилищу примыкал рубленый хлев, заполненный на высоту четырех венцов навозом. Во-вторых, на местоположение входа в юго-западной стене указывают и короткие венцы с вырубкой для крепления дверного косяка (прил. 1, Алексеев, д. № 138, рис. 50, план штыка 9). Значит, факт укладки половиц «против входа» следует принять априори. В качестве нивелировочной подкладки под южную часть использовали венцы предшествующей постройки VIII-29. От пожарища 1116 г. сруб II-15 был отделен тонкой прослойкой глины под домом (защита от сырости), ниже – серой землей мощностью 12–15 см (первый послепожарный горизонт стратиграфического слоя-3), под ней – тонкой прослойкой глины. Таким образом, второй (послепожарный) горизонт слоя-3 здесь начался строительством дома II-15.

Постройка VIII-53, возведенная на месте постройки VIII-29, примыкала к вышеописанному жилищу с юго-востока. Л. В. Алексеев отмечает, что данное сооружение имело два яруса, которые соответствовали раннему и позднему периоду существования жилища II-15 (прил. 1, Алексеев, д. № 148, с. 19). Первоначальная постройка была рублена из довольно толстых бревен (18–20 см) в верхнее «обло» с остатком длиной 16–20 см. Сооружение являлось пристройкой-прирубом к жилищу. Следует отметить интересную конструктивную особенность: в венцах юго-западной стены со стороны западного угла на длину 20 см была выбрана четверть для плотного прилегания бревен к выступающим остаткам венцов жилища VIII-15. Размеры пристройки – 2,8 × 3,4 м. После пожара сооружение было разобрано, его нижний венец использовали в качестве фундамента, на котором возвели верхний сруб из относительно тонких неокоренных сосновых бревен (15–17 см), несколько

уменьшились и размеры хлева (2,8 × 2,6 м). Сооружение сохранилось на высоту одного (северо-восточная и северо-западная стены) – трех (юго-восточная и юго-западная стены) венцов. Верхний ярус постройки носит следы горелости. Судя по имеющимся в отчете Л. В. Алексеева фотоматериалам, вход в хлев был вырублен в нижнем венце юго-западной стены, примерная ширина его составляла 0,8–0,9 м (прил. 1, Алексеев, д. № 138, рис. 38). В качестве фундамента под первоначальную постройку были использованы венцы предшествующих строений, под северный угол верхнего яруса были подведены четыре нивелировочные подкладки. Судя по заполнению, это был хлев. Толстые стены сруба, близость его к жилью, позволяют предположить, что здесь содержали молодняк, за которым требовался тщательный уход, особенно в зимнее время.

В 0,75 м юго-восточнее описанного сооружения на месте сгоревшей постройки VIII-30 была возведена постройка VIII-27. Сооружение рублено в верхнее «обло» с небольшим остатком. Сруб ориентирован, как и все постройки южной группы, углами по сторонам света. От северо-восточной стены сохранилось нижнее бревно диаметром 17 см с вырубками под «чашку». Южный угол с участком юго-восточной стены сохранился на 2,1 м. Приблизительные размеры постройки были 3,4 × 3,2 м. Северо-западная и юго-западная стены не сохранились, по-видимому, они были разобраны при возведении строения VIII-18. Следов печи в сооружении не обнаружено, однако здесь собраны зерна конопли. Л. В. Алексеев считает, что данное хозяйственное сооружение было разобрано во время возведения постройки VIII-18 (прил. 1, Алексеев, д. № 138, с. 19).

Исследователь также не исключает, что расположенные по одной оси постройки II-15, VIII- 53 и 27 составляли единый комплекс под одной крышей.

С востока к жилищу II-15 примыкала постройка III-36. Изучение полевых чертежей раскопа III позволяет выделить два периода существования сооружения. Одновременно с домом № 15 к его восточной стене был пристроен прируб-трехстенка размерами 2,9 × 2,4 м. Сруб, был выполнен из тонких бревен диаметром 12–14 см в традиционной технике. По центру помещения параллельно юго-восточной стене была зафиксирована одна переводина пола из неокоренной березы. Описываемая постройка, как и жилище № 15, стояла на слое беловатой глины, под северо-западную стену была подведена бревенчатая подкладка [Алексеев, 2002б, № 2, рис. 1]. Соотношение жилища, пристройки и плетня за объектом III-36 позволяют предположить вход в него с юго-восточной стороны.

Северо-восточнее описанного сруба в раскопе III исследован фрагмент постройки III-51, основная часть которой ушла за пределы северной стенки раскопа, и угол постройки III-42. От обоих строений, лежащих на мощной прослойке белой глины, сохранились основания, рубленные в верхнее «обло» с остатком. Установить назначение срубов не представляется возможным.

Несколько позднее строительства дома на подклете II-15 в 2,5 м юго-западнее него в раскопе II была сооружена хозяйственная постройка II-14.

Это был хлев (3,5 × 3,0 м) со стенами на два венца, дважды возобновлявшимися и оба раза с бревенчатым полом. Лаги врубали в венцы стен сквозной врубкой, их концы выступали наружу на 20 см.

Одновременно с постройкой II-14 в 0,6 м юго-западнее была возведена столбовая постройка II-31. Это было небольшое квадратное строение, от которого сохранились лишь толстые угловые столбы. О стенах постройки можно судить по остаткам вбитых в землю жердей, последние, в свою очередь, могли быть переплетены лозой. Здесь же Л. В. Алексеев зафиксировал бревно, которое могло связывать северо-восточную стену по верхнему обрезу. В то же время исследователь не уверен, что постройка была защищена стенами со всех сторон, и допускает, что это мог быть открытый навес [Алексеев, 1958, д. № 2098, с. 9].

Большую часть двора между частоколом в южной части раскопа II, домом II-15 и хозяйственной постройкой VIII-27 многократно мостили настилами, о чем свидетельствуют лаги. Л. В. Алексеев полагал, что здесь была расположена главная часть двора, а ворота должны были находиться между домом II-15 и хлевом II-14, но их следов не было обнаружено [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 146].

В то время как сооружения в привальной части детинца были ориентированы по направлению трассы вала, в центральной части площадки были возведены постройки, ориентированные стенами по сторонам света. Повидимому, их ориентировку корректировали границы городской площади, застроенной по периметру домами.

В квадрате А раскопа I и в траншее № 1 вскрыта жилая постройка I-1, которая стратиграфически синхронна конструкциям СГ-3. Сооружение размерами 3,8 × 3,1 м ориентировано стенами по сторонам света. Постройка рублена из окоренных сосновых бревен в верхнее «обло» с остатком длиной до 20 см. Под основание сруба была подведена мощная прослойка белой глины. В северо-западном углу сруба (траншея № 1) зафиксированы остатки печи-каменки на глиняном основании. К сожалению, основной объем жилища уходил в раскоп IV, который Л. В. Алексеев исследовал до четвертого раскопочного пласта. Полевая и отчетная документация по результатам изысканий на данном раскопе отсутствует.

Не ранее СГ-3 возникла и постройка № 40 в раскопе III (объект III-40), несмотря на то, что нижний венец ее лежал на слое серой материковой глины, содержащей включения углей.[8] Нижний венец сооружения был уложен в канавку, выкопанную в материковой глине. Это позволило Л. В. Алексееву высказать предположение о том, что данная постройка являлась

[8] Л. В. Алексеев относит ее к первому горизонту, отстроенному после пожара 1116 г. [Алексеев, 2002б, № 2, с. 81]. Однако сопоставление стратиграфии слоев в раскопах Л. В. Алексеева и О. Н.Левко, анализ полевой документации исследователей показывает, что первый пожар города следует датировать более ранним временем, нежели начало XII в. (прил. 1, Алексеев, д. № 136, 138; Левко, д. № 3061). Мощная прослойка серой материковой глины, перекрытая зольным слоем, отделяет стратиграфический слой-1 (VIII–XI вв.) от слоя-2 (рубеж XI/XII вв.).

углубленным в грунт подклетом [Алексеев, 1958, д. № 2098, с. 13]. Впускная канавка для венцов подклета четко прослеживается и в профиле северной стены раскопа. Уклон постройки в юго-восточном направлении до 15 см повторял первоначальный рельеф площадки городища. Сооружение было ориентировано стенами по сторонам света. Постройка была срублена в верхнее «обло» с остатком – 20–35 см, толщина венцов – 20–22 см. Сруб размерами 3,80 × 3,75(?) м сохранился основанием, северная стена его, по видимому, была разрушена поздними сооружениями. Любопытная вырубка (10 × 15 см) зафиксирована в венце западной стены в 3,25 м от юго-западного угла. Подобные вырубки подразумевали глухую врубку бревен. Возможно, мы имеем дело с постройкой с прирубленными сенями. Какова была высота подклета, судить сложно, но вполне возможно, что верхнюю жилую часть дома следует соотносить с СГ-4.

Остатки еще одного, углубленного в материковый грунт подклета, вскрыты в раскопе V, в стратиграфической слое-3, который Л. В. Алексеев относит к первой половине XII в. [Алексеев, 1958, д. № 2098, с. 23]. Часть постройки уходит в раскоп IX, однако информации недостаточно, чтобы восстановить ее полные размеры (прил. 1, Алексеев, д. № 148, с. 27). Как и все строения в центральной части детинца, постройка была срублена в верхнее «обло» с остатком из бревен толщиной 16 см. Размеры сруба в раскопе – 1,9(?) × 2,9 м (прил. 1, Алексеев, д. № 138).

Следы горения на отдельных бревнах дома I-1, как и дома II-15, указывают на какой-то локальный пожар, повредивший конструкции горизонта. Именно им была вызвана перестройка дома II-15, хлева II-14 и возведение постройки VIII-18 на месте VIII-53. Дом I-1 после данного пожара не восстанавливали.

В западной части детинца описанному строительному горизонту синхронны конструкции СГ-4 и СГ-5 (раскоп IV-1999). Здесь исследована постройка № 2, имеющая размеры в раскопе 2,0 × 2,8 м (?). Это срубленное в верхнее «обло» строение, под углы которого подведены одиночные камни (прил. 1, Левко, д. № 1800, с. 21). Сруб был сложен из бревен диаметром 17 см. В сооружении имелся пол из добротных досок шириной 25–30 см, уложенных не менее чем на две переводины. Переводина, в свою очередь, была уложена на подушку белой глины и песка параллельно юго-западной стене в 0,5 м от последней. Направление половиц: юго-запад–северо-восток. Назначение постройки из-за фрагментарности установить сложно, однако добротный пол и гидроизоляционная подушка позволяют предположить, что это был амбар.

В 4,2 м севернее амбара вскрыты остатки крайне редко встречающегося в процессе раскопок сооружения – туалета (нужника ?). От строения частично сохранился деревянный помост из толстых досок, одна из которых имела округлую выемку по краю. Ниже остатков данного настила была расчищена вырытая в материке выгребная яма глубиной 0,5 м (прил. 1, Левко, д. № 1800, с. 21). Заполнение ямы не вызывает никаких сомнений относительно ее интерпретации.

Восточную часть раскопа IV-1999 занимал настил из колотых плах шириной 24–27 см, лежащий, как и все конструкции горизонта, на песчаной подсыпке (прил. 1, Левко, д. № 1800, с. 21). Основная часть настила уходила за пределы западной стенки раскопа, возможно, это была мостовая, идущая вдоль внутреннего склона вала.

В четвертом строительном периоде продолжали существовать жилище II-15 и хлев II-14, к которому пристроили небольшой свинарник, а на месте амбара VIII-27 возвели нежилую постройку VIII-18 с пристройкой-прирубом к ней, занявшим место хлева VIII-53.[9] Свободное от построек пространство замостили тремя довольно большими участками дворовых вымосток.

Замощенный двор соединял жилище с клетью VIII-18, расположенной в 2,6 м юго-восточнее дома. Л. В. Алексеев предполагал, что двор мог быть крытым [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 144]. Сооружение размерами 3,5 × 3,8 м было срублено в верхнее «обло» с остатком длиной 15–18 см.[10] Строительный материал – сосна диаметром 15–18 см, частично неокоренная. Сруб сохранился на высоту четырех-двух венцов. Под нижний венец в качестве фундамента была подведена подушка из серой глины, которая выполняла функцию гидроизоляции. В постройке имелся пол из досок шириной 25 см и толщиной 4 см, уложенных на лаги диаметром 14 см. Направление половиц с северо-востока на юго-запад, как и наличие отмостки перед домом, подразумевают вход с северо-западной стороны. Зафиксированный с северо-западной стороны постройки настил был уложен на две лаги диаметром 17–18 см. Л. В. Алексеев предполагал, что за время существования VIII-18 настил стелили дважды: в начале и конце бытования сруба (прил. 1, Алексеев, д. № 148, с. 14). Следов печи в срубе не обнаружено, что предполагает его назначение как нежилой постройки.

Внутри двора к клети примыкала бревенчатая пристройка-трехстенок размерами 2,9 × 1,7 м, где, судя по находке части жернова, мололи зерно.

Перестройка коснулась и сооружения III-36, размеры которого уменьшились до 2,50 × 2,25 м^3 за счет смещения строения на 0,4 м к востоку. Сейчас это полноценная хозяйственная постройка, как и предшественник, имеющая одну переводину для досок пола. Судя по бревенчатой отмостке перед юго-восточной стеной, местоположение входа не изменилось. Сруб, по-видимому, сохранил и прежнее функциональное назначение.

«На задворках», южнее описанных хозяйственных построек была расчищена мусорная яма [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 145].

Участок двора к юго-западу от описанных сооружений сохранил прежнюю планировку (был лишь заново перестроен): хлев II-14 получил новый жердевой пол на лагах, врубленных сквозной врубкой, и замощен подход к хлеву (настил II-21). Ближе к южному углу хлева II-14 был пристроен

[9] Л. В. Алексеев не выделяет прируб как новое сооружение, а считает его отстроенной после пожара постройкой № 53.

[10] Размеры сруба, приведенные в публикациях Л. В. Алексеева, не соответствуют размерам постройки на полевых чертежах.

небольшой «хлевец», судя по заполнению навозом, свинарник. Это была пристройка – трехстенок столбовой конструкции, выполненная техникой «закидки в шулаки» (цит. по Л. В. Алексееву) размерами 1,2 × 3,0 м. По наблюдениям исследователя, она имела односкатную крышу: один ее край лежал на западной стене строения, второй – опирался на крышу хлева II-14 (прил. 1, Алексеев, д. № 21, с. 9).

Отличительной чертой *строительного горизонта-5* является то, что его строения возведены на слое белой глины, перекрывающей конструкции СГ-4 южной группы раскопов. С данным горизонтом следует связывать постройки I-32 и I-33 и сруб без номера севернее их, II-15а, III-16 и III-24, VIII-13, XI-8 (рис. 4.4).

Основу планировки описываемого горизонта составляет уличная мостовая № 17, протяженность которой в раскопах составила 16,5 м. Постройки возведены по обе стороны улицы, причем сооружения, расположенные по правой стороне, отстоят от мостовой на 0,6–0,7 м, в то время как стены строений по левой стороне упираются в торцы мостовой. На северо-западной стороне улицы № 17 исследованы остатки трех построек (I-1, I-32 и I-33 и постройка без номера). После пожара начала XII в. эту часть площадки детинца долгое время не застраивали. Лишь в самой западной части раскопа I под мостовой № 17 виднелся угол сгоревшей тогда постройки.

Постройка I-32 вошла в раскоп лишь юго-восточной частью и сохранилась на два венца. Как и все строения горизонта, ее возвели на подушке из белой глины в традиционной технике. Судя по врубке венца разделительной стены, это была изба-пятистенка размерами 3,6 × 2,0(?) м. Сохранившаяся в основном помещении переводина пола показывает, что пол был настлан между первым и вторым венцом, а соотношение предполагаемого входа и направление досок пола – что половицы настилали параллельно входу. Сама же переводина лежала на глиняной подушке. Следов печи в раскопе не было, поэтому Л. В. Алексеев интерпретировал постройку I-32 как амбар [Алексеев, 2002а, с. 85]. И все же, учитывая камеральность сооружения, можно предположить, что это было жилое помещение типа изба + сени. Традиционное расположение печи в ближайшем от входа угле вполне допускает, что ее развал оказался вне зоны исследований.

Квадратная в плане постройка I-33 размерами 2,8 × 2,9 м тоже возведена на слое белой глины, но сохранилась только ее основание. В помещении в 1,0 м от южного угла зафиксированы остатки или переводины пола, или разделительной стенки, идущей параллельно юго-восточной стене. Считаем, следует согласиться с Л. В. Алексеевым, что постройка I-33 – амбар, внутреннее пространство которого разделено на две части. Если это действительно другая усадьба, то и она могла быть амбаром (следов печи и здесь не было обнаружено). Выход из постройки I-33 был, видимо, в северо-восточной стене, от которого по несохранившимся ступеням спускались к замощению, примыкавшему к частоколу I-12, отделявшему усадьбу от улицы № 17.

Вновь отстроенная постройка II-15а (3,2 × 3,3 м) была размещена на 0,7 м к северу и вплотную примыкала к торцам мостовой № 17.

Северо-восточнее дома II-15 на месте постройки III-36 и плетня II-39 была возведена новая хозяйственная постройка III-16. Как и жилище, она была смещена в направлении мостовой. От нее сохранилось лишь основание размерами 2,6 × 3,2 м и небольшой по площади участок пола со следами горения. Направление половиц предполагало вход с северо-восточной стороны, однако Л. В. Алексеев считал, что вход был в юго-восточной стене, т. е. половицы были настланы не по ходу, а параллельно входу.

В раскопе VIII клеть VIII-18 сменила небольшая хозпостройка (2,45 × 2,75 м)[11] VIII-13, рубленная в верхнее «обло» с остатком. Ее стены, сохранившиеся на два венца, состояли из бревен разной толщины. Сруб VIII-13 был возведен на глинисто-песчаной подушке толщиной 30 см. Под северо-западную стену строения в 0,8 м от западного угла были подведены две короткие нивелировочные подкладки. Внутри помещения у юго-западной стены был зафиксирован небольшой по площади участок настила из бревен диаметром 10–12 см, в восточном углу частично сохранились половицы дощатого пола. Вполне вероятно, что в данной постройке был двойной пол: «черновой» из жердей и «белый» из не широких (18–20 см) досок. Нижний пол, судя по всему, был уложен непосредственно на гидроизоляционную подушку. По наличию песчаной подушки Л. В. Алексеев заключил, что это был амбар, который сгорел во время второго пожара. Вход в помещение, по мнению Л. В. Алексеева, был со стороны постройки № 15, расположенной в 2,1 м северо-западнее амбара [Алексеев, 2002б, № 2, с. 85].

Пространство между жилищем и амбаром было замощено бревенчатой вымосткой на двух лагах (2,6 × 3,1 м). Использование для настила бревен различного диаметра, иногда довольно толстых (12–22 см), свидетельствует о вторичном употреблении последних.

В 0,9 м юго-западнее описанного сооружения зафиксированы фрагментарные остатки постройки VIII-14, судя по сохранившемуся венцу северо-восточной стены, довольно больших размеров (длина – 4,2 м). От северо-западной стены сохранился лишь незначительный участок. Как и амбар VIII-13, данный сруб стоял на гидроизоляционной глиняной подушке и, по-видимому, составлял вместе с амбаром единый хозяйственный комплекс (прил. 1, Алексеев, д. № 148, с. 11).

С востока торцы мостовой III-23 упираются в ограду из вбитого в землю частокола. В линию ограды включено и примыкающее к улице небольшое по размерам хозяйственное сооружение (2,9 × 2,3 м), рубленное в верхнее «обло» с остатком. Постройка III-24 рублена из сосновых бревен средней толщины. В сооружении имелся жердевой пол, уложенный на две лаги. Расстояние от стен до переводин, врубленных сквозной врубкой, – 27 и 40 см. Несмотря на то, что жерди довольно плотно подогнаны друг к другу, Л. В. Алексеев зафиксировал поверх «чернового» пола из жердей – дощатый, так называемый белый пол. Двойные полы – нередкое явление для друцких построек,

[11] В публикациях Л. В. Алексеева размеры постройки VIII-13 не совпадают с ее размерами на чертежах полевой документации.

тем более что исследователь классифицировал объект III-24 как амбар (прил. 1, Алексеев, д. № 21, с. 3).

В 3,1 м северо-восточнее описанного строения в раскопе XI с конструкциями данного горизонта следует связывать постройку XI- 8, возведенную на месте постройки XI-8а. Сруб размерами 2,5 × 2,6 м был рублен из довольно тонких бревен (15–17 см) в верхнее «обло» с остатком длиной 14–20 см. В сооружении имелся пол, уложенный на переводины (сохранились крайняя и средняя лаги). Расстояние от крайней лаги до стенки незначительное, средняя переводина была удалена от крайней на 80 см. Половицы шириной 14–16 см шли в направлении с юго-востока на северо-запад, что предполагало вход с северо-западной стороны. Перед входом зафиксирована бревенчатая отмостка шириной 85 см. Сооружение возведено на мощной подушке из белой глины, толщина которой в центре достигала 30 см. Л. В. Алексеев предполагает, что это был амбар, поскольку следов печи в срубе не обнаружено (прил. 1, Алексеев, д. № 305, с. 10–11).

Восточнее описанных хозяйственных построек была зафиксирована восточная линия ограды длиной 5,5 м. Если мы имеем дело с усадьбой, то общая ширина ее достигала 12–15 м. К сожалению, жилище на исследованной территории не обнаружено, ограда же могла просто отделять княжеские житницы от скотного двора.

В западной части детинца в предполагаемой зоне локализации княжеского терема в СГ-5 исследованы остатки довольно большого дома на подклете (XIII-1,2)[12]. Подклет размерами 5,4 × 5,5 м ориентирован стенами по сторонам света с отклонением 10° против часовой стрелки. Из-за плохой сохранности древесины невозможно выяснить количество венцов. Удалось лишь установить, что сооружение срублено в верхнее «обло» с остатком из довольно толстых бревен (22–25 см). Сверху подклет был перекрыт мощным пятном глины и камней, представляющим собой развал печи верхнего этажа. Жилая часть постройки, по наблюдениям Л. В. Алексеева, имела размеры 5,70 × 4,15 м (прил. 1, Алексеев, д. № 146, с. 5). Деревянные стены дома были обмазаны глиной. Печь довольно интересной конструкции была размещена у восточной стены, однако занимала не угловое положение. Это было круглое в плане сооружение, возведенное на опечке из серой материковой глины, размеры последнего – 1,60 × 1,68 м (рис. 4.5).

Исследованиями также зафиксирована потолочная засыпка или подсрубная подушка и детали кровли, глазурованная плитка пола (прил. 1, Алексеев, д. № 146, с. 8).

Вещевые комплексы из данного жилища весьма разнообразны и указывают на высокий социальный статус хозяина. Следы горения на деревянных конструкциях означают гибель дома на подклете во время одного из пожаров, неоднократно разрушавших Друцк, Л. В. Алексеев связал гибель данного жилища со вторым друцким пожаром [Алексеев, 2002б, № 2, с. 88].

[12] Л. В. Алексеев считал, что объекты XIII-1 и XIII-2 «были разновременными постройками с глинобитным полом (в одной) и очагами в виде печи-каменки» [Алексеев, 2002б, № 2, с. 88]. Правда, в более поздней монографии исследователь писал, что пол постройки «не был глинобитным или жердевым» [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 148].

Западнее описанного жилища с данным горизонтом связаны конструкции, исследованные в восточной части раскопа XV и погибшие в том же пожаре. От дома сохранилась лишь печь-каменка в зольно-угольном слое.

Во втором друцком пожаре погибли и какие-то строения в северо-западной части раскопа XVI, где вскрыт угол сруба с образующими его стенами, под которые были подведены фундаментальные подкладки коротких бревен. Это сооружение было возведено на остатках сгоревшей постройки с глинобитной печью на каменном опечке. Л. В. Алексеев относил обе эти постройки к одному горизонту, предполагая, что хозяин пытался восстановить дом после пожара, однако очертания нового строения исследователю восстановить не удалось [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 149].

К пятому строительному периоду в раскопе VIII-2013 относится постройка № 4, которая вошла в раскоп лишь северо-западной частью строения с едва читающимся из-за плохой сохранности древесины углом. Длина вошедшей в раскоп северной стены – 1,0 м, западной стены – 1,6 м. Постройка, вероятнее всего, была рублена в верхнее «обло» из бревен толщиной 17–20 см и ориентирована углами по сторонам света. В 0,95 м от исследованного угла перпендикулярно западной стене был зафиксирован обломок бревна, перекрывающего венец западной стены сверху. Способ сочленения его со стеной раскопа не ясен. Однако это не лага пола, так как остатки половиц, зафиксированные у самой стены раскопа, шли перпендикулярно западной стене. Судя по находкам зерна и заполнению, это был амбар (прил. 1, Левко, д. № 3061). С данным горизонтом также связаны конструкции СГ-3 в раскопе IV-1999 . В северной части раскопа над песчаной подсыпкой было зафиксировано пятно от хозяйственной постройки, погибшей во время пожара. С данным строением следует связывать развал печи-каменки (?), где встречено горелое зерно. Здесь же найден и жернов.

Строительный горизонт-6. После гибели сооружений СГ-5 в южной части детинца произошла частичная перепланировка участка. При этом продолжала сохраняться традиционная ориентация сооружений углами по сторонам света. Пространство, занятое ранее постройкой II-15 (верхняя) было вымощено сплошным настилом из досок шириной 18–25 см, уложенных на лаги. В южной и центральной части раскопа VIII была возведена двучастная постройка типа изба + сени VIII-9 и -12. На высоту двух венцов сохранилась лишь северо-западная часть сооружения, приблизительные размеры которого были не менее 4,5 × 1,6 (?) м. Сруб был сложен из бревен диаметром 17–20 см в верхнее «обло» с остатком. С северо-восточной стороны к сооружению, а это было, по всей видимости, жилое помещение, была прирублена пристройка, от которой сохранилась северо-западная стена длиной 3,0 м. Северо-восточная стена прируба-трехстенки почти не сохранилась, но северный угол все-таки обозначен. Венец сохранившейся стены упирается в северо-восточную стену сруба № 9 вплотную к северному углу.

Несмотря на отсутствие печи, данное сооружение следует рассматривать как жилище с отдельно рублеными сенями. Северо-западнее описан-

ного дома на месте сруба VIII-13 существовало еще одно сооружение VIII-11, которое было расположено на одной оси с вышеописанной пристройкой. Постройка, рубленая в традиционной технике, сохранилась на высоту двух венцов северо-западной и северо-восточной стенами и образующим их углом. Диаметр бревен стены – 17–23 см, длина остатка – 22–28 см. Однако определить полные размеры сруба невозможно, отметим лишь, что длина сохранившихся стен составляет 3,15 и 2,50 м. Л. В. Алексеев полагал, что вход в постройку VIII-11 мог быть в северо-западной стене, где зафиксировано некое подобие крыльца из плашек длиной 50–60 см (прил. 1, Алексеев, д. № 148, с. 8).

Сруб VIII-9 и пристройка к нему не несут на себе следов горения, однако сруб перекрывает слой серой глины с угольками. Восточнее описанных сооружений зафиксирован участок частокола из вбитых наискось кольев, его длина – 4,6 м. Следует отметить, что постройки не включены в линию ограды.

На месте сруба III-16 была возведена постройка III-29, судя по сохранившемуся венцу северо-восточной стены рубленая в верхнее «обло» с остатком. От сруба из бревен диаметром 20 см сохранилось основание. Восточнее строения имелась замощенная бревнами небольшая площадка (III-29), частично перекрывшая объект III-16 и заполнившая свободное место пересечения мостовых № 17 и 23.

В раскопе XI данный горизонт представлен постройками № 7, 10 и отдельными участками бревенчатых вымосток. Все сооружения ориентированы углами по сторонам света с небольшим отклонением против часовой стрелки (10°) Северо-восточную часть раскопа XI занимала постройка XI-7 (по Л. В. Алексееву). Сруб, рубленый в верхнее «обло» с остатком (17–28 см) из окоренной сосны диаметром 14–16 см, сохранился на высоту одного-двух (северо-западная стенка) венцов. Размеры сооружения – около 3,2 × 2,7 м. В постройке имелся жердевой пол, уложенный на две лаги. Последние зафиксированы на расстоянии 0,4 и 1,8 м от северо-восточной стены. Жерди пола диаметром 10–12 см были плотно подогнаны друг к другу, что, по мнению Л. В. Алексеева, не предполагало наличия так называемого белого пола (прил. 1, Алексеев, д. № 305, с. 8). В южном углу, где настил пола отсутствует, зафиксировано три коротких бревна, идущих параллельно лагам, причем одно из бревен лежало поверх переводины. Вполне вероятно, что это деревянное основание печи, к тому же, здесь была расчищена глина. Соотношение половиц и возможного печного угла позволяет предположить, что вход в постройку мог быть расположен в юго-восточной стене. Сам же Л. В. Алексеев считал, что отсутствие печи и жердевой пол косвенно указывают на хозяйственное назначение сруба (прил. 1, Алексеев, д. № 305, с. 11). К сожалению, отсутствие какой-либо информации о заполнении сооружения не позволяет более точно определить ее функциональное назначение.

Постройка XI-10 была расположена в 3,2 м южнее вышеописанной. Это было большое сооружение, ориентированное по трассе вала, т. е. углами по сторонам света. Вошедшая в раскоп часть постройки имела размеры

3,2 × 3,8 м (?). От сруба сохранилось основание, рубленое техникой в верхнее «обло» с остатком из окоренных сосновых бревен диаметром 18–20 см. Под северный угол были подведены короткие фундаментальные подкладки. Параллельно северной стене в 0,6 м от нее была зафиксирована переводина пола толщиной 15 см, исполненная глухой врубкой. Размеры сруба и техника врубки переводин пола позволяют высказать предположение, что это было жилище, большая часть которого, к сожалению, оказалась за пределами исследованной территории.

К данному горизонту, вероятнее всего, следует отнести еще две постройки, которые Л. В. Алексеев связывал с более ранним временем – первым послепожарным периодом [Алексеев, 2002б, № 2, с. 85]. На фотоматериалах и чертежах, имеющихся в отчетах исследователя, четко видно, что постройка XI-6, как и вышеописанный объект XI-7, были сооружены позднее бревенчатой мостовой (объекты № 24 и 25), отнесенной к СГ-5. Следовательно, зольно-угольный слой под сооружением XI-6, возможно, следует связывать с пожаром, разрушившим город в более позднее время (XIII в.).

Постройки XI-6 и XI-13 занимали северную часть раскопа XI, вплотную примыкая к участкам, отведенным Л. В. Алексеевым под городскую площадь. К тому же, большая часть постройки XI-13 локализована в юго-восточном углу раскопа 6 (1958 г.).

Подчиняясь границам площади детинца, обе постройки были ориентированы стенами по сторонам света. Для их сооружения использовали бревна диаметром 14–17 см, которые сложены в традиционной технике – верхнее «обло». Постройка XI-6 (объект № 6, раскоп XI) сохранилась на высоту трех-четырех венцов, северная стенка постройки отсутствует. Не исключено, однако, что развал бревен севернее настила пола ни что иное как остатки северной стены. На возможную северную границу сооружения указывают и ровно обрубленные торцы жердевого пола. Зафиксированные в раскопе размеры сруба составили не менее 3,3 × 2,0 (?) м. Внутри помещения имелся пол из 20 жердей, уложенных на 3-4 лаги, направление настила – север–юг. Концы жердей с южной стороны зажаты между первым и вторым венцами. Поскольку жерди не были подогнаны друг к другу, то, вероятнее всего, поверх их когда-то был настлан «белый» пол из досок. Подобный способ укладки пола зафиксирован на друцком детинце в XIII в. (прил. 1, Алексеев, д. № 305, с. 7]. В случае наличия двойного пола половицы могли настилать в направлении запад–восток, что предполагало вход в сооружение, вероятнее всего, с восточной стороны. Под юго-восточным углом сруба была зафиксирована белая глина с камнями, которую Л. В. Алексеев связывал с развалом печи более древней постройки. Поскольку за пятном глины была видна лага пола, исследователь считал, что в объекте XI-6 печи не было (прил. 1, Алексеев, д. № 305, с. 12).

Свободное от строений пространство замащивали сплошными деревянными настилами из бревен, плах или досок (рис. 4.6). В зависимости от ширины вымостки под настил подводили две или три довольно мощные лаги. Ширина настилов колебалась от 1,5 до 3,3 м.

На границе стратиграфических слоев 2 (коричневого) и 3 (серого) расчищены остатки *строительного горизонта-7,* который может быть датирован концом XIII в. – началом XIV в. Данный строительный горизонт представлен практически во всех раскопах в южной и центральной частях друцкого детинца. Однако в застройке хозяйственной зоны происходили кардинальные изменения. Исчезла улица, ведущая к колодцу, а на ее месте в раскопе I-III были возведены хозяйственный постройки.

На месте мостовой № 17 на границе раскопов I, II была возведена постройка № 6, интерпретированная автором раскопок как клеть (прил. 1, Алексеев, д. № 21, с. 3). Сооружение размерами не менее 3,5 × 3,6 (?) м было рублено в верхнее «обло» с довольно большим остатком (до 36 см) из окоренных сосновых бревен. Диаметр венцов – 20–22 см. В помещении сохранился небольшой по площади участок пола из досок шириной 15–16 см, идущих параллельно юго-западной стене.

Восточнее сруба № 15 было возведено квадратное в плане строение размерами 3,4 × 3,4 м, к которому, по наблюдениям Л. В. Алексеева, подходили еще, как минимум, три клети [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 147]. Перестала существовать и второстепенная улица № 23 у подножья оборонительного вала. Здесь было возведено большое хозяйственное сооружение III-12 размерами 3,40 × 4,25 м. Сруб был разделен бревенчатой перегородкой на две части: большую – 8,5 м^2, меньшую – 5,2 м^2. От перегородки сохранилось четыре венца, которые были врублены во внешние стены сооружения глухой врубкой. В большем помещении имелся пол из тонких жердей, уложенных на такие же тонкие переводины. Юго-восточная часть этого помещения не была замощена, так как ни пола, ни лаг здесь не было обнаружено. Л. В. Алексеев считал, что это мог быть хлев или другая хозяйственная постройка (прил. 1, Алексеев, д. № 136, с. 4). От северного угла сруба под прямым углом на север и восток шла ограда из частокола, возможно, это была ограда двора, исследованного в данном горизонте в раскопе XI.

Сруб (XI-2) размерами 3,4 × 4,8 м был расчищен в квадратах северо-восточной части раскопа XI. Как и все постройки горизонта, он ориентирован углами по сторонам света, сохранность дерева плохая. Под венец северо-восточной стены была подведена нивелировочная подкладка. В постройке имелся двойной пол. Нижний («черновой») настил из жердей имел диаметр 10–12 см. Жерди были уложены на четыре лаги толщиной 15 см, отстоящие друг от друга на расстоянии 40–60 см. Жерди не были подогнаны друг к другу, пространство между ними составляло 5–7 см. Поверх чернового пола был настлан так называемый белый пол. Половицы шириной 20–23 см лежали перпендикулярно нижнему полу, т. е. с северо-востока на юго-запад. У северо-восточной стены ближе к углу на «белом» полу обнаружено не менее чем два десятка булыжников, которые вполне могут иметь отношение к развалу какого-то отопительного сооружения. Однако автор раскопок не считает, что камни имели отношение к белому полу и печи (прил. 1, Алексеев, д. № 305, с. 7).

Ранее довольно плотно и стабильно застроенный участок между валом и улицей практически пустовал. Площадка была замощена комбинирован-

ными деревянными настилами различной ширины. В раскопе VIII это вымостки 10 и 13, представляющие собой настил из досок шириной 17–20 см, уложенный на две лаги. Расстояние между лагами – 1,8 м. Ширина настила – 3,0–3,3 м. Второй настил, тоже дощатый на одной лаге, сохранился на длину 2,2 м.

Свободное от строений пространство замащивали сплошными деревянными настилами из бревен, плах или досок. В зависимости от ширины вымостки и предполагаемой нагрузки под настил подводили две или три довольно мощные лаги. Ширина настилов колебалась от 1,5 до 3,3 м. На протяжении существования одного строительного горизонта дворовые вымостки неоднократно ремонтировали или заменяли на новые.

В западной части детинца в раскопе VIII-2013 конструкциям СГ-7 синхронны остатки трех домов на каменных фундаментах (СГ-1 по О. Н. Левко), которые по вещевому материалу датированы рубежом XIII/XIV вв. (рис. 4.7).

От постройки 1 (П-1) сохранились остатки фундамента из крупных валунов, которые зафиксированы у верхней границы стратиграфического слоя-2. В раскоп вошел южный угол данного сооружения с образующими его стенами. Длина фундамента по линии северо-запад–юго-восток – 2,6 м, протяженность его с юго-запада на северо-восток – 1,9 м. Ширина фундамента – до 0,3 м, что соответствует возводимым на нем деревянным стенам сруба. Особенностью фундамента является то, что валуны расположены группами на расстоянии 0,6–0,8 м друг от друга. Они не скреплены раствором, а сложены «на сухую» (прил. 1, Левко, д. № 3061). Такая конструкция каменных фундаментов-подкладов характерна для деревянных построек XIV–XVII вв. северо-востока территории Беларуси. Аналогичные фундаменты были выявлены под деревянными постройками в Дубровенском, Шкловском замках [Левко, 2004].

Постройка 2 (П-2), судя по остаткам фундамента из камней, была прямоугольной формы. К сожалению, основная часть сооружения осталась за пределами западной границы раскопа. Принцип сооружения фундамента такой же, как и П-1, с той лишь разницей, что П-2 имела меньшие размеры и в ней камни положены плотнее друг к другу. Длина фундамента, ориентированного с северо-запада на юго-восток, в раскопе равна 1,6 м, ширина – 0,2 м.

Постройка 3 (П-3) была расположена в 2,4 м южнее П-1 в квадратах 13, 14. Также вышеописанная постройка представлена фундаментом из валунов, сложенных группами на расстоянии до 0,6 м. Сохранился в виде древесного тлена угол сруба П-3. Длина образующих его стен в пределах раскопа составила 2,8 м. Постройка выходила за пределы раскопа в южном направлении. Следует отметить, что все три постройки имели одинаковую ориентацию с северо-запада на юго-восток, были расположены примерно на равном расстоянии друг от друга и, возможно, составляли единый комплекс (прил. 1, Левко, д. № 3061).

Печь-каменка также была размещена в пределах СГ-1, занимая центральное пространство между П-1, П-2 и П-3 в квадрате 7. Развал печи занимал площадь примерно 2 × 2 м. В основании печи было зафиксировано несколько крупных валунов и скопление мелких камней, сложенных «на су-

хую», как и фундаменты П-1–3. При ее расчистке были обнаружены крупные фрагменты древесного угля, а также фрагменты керамики, которую можно датировать в пределах XIII–XV вв.

Новый этап застройки друцкого детинца связан со стратиграфическим слоем серого цвета, который, по единодушному мнению исследователей Друцка, относится к XIV–XVI вв. С этим этапом связаны строительные горизонты VIII–X (по Л. В. Алексееву).

К *строительному горизонту-8* отнесена лишь одна сохранившаяся постройка III-11, остатки больших валунов от фундаментов построек и невыразительные остатки деревянных конструкций, присутствующие практически во всех раскопах детинца, которые, однако, из-за плохой сохранности невозможно интерпретировать.

Постройка III-11 возведена на месте построек III-16 и III-12. Это довольно большое сооружение размерами 4,0 × 4,1 м, ориентированное, как и все постройки в привальной части детинца, углами по сторонам света. Сруб сохранился на высоту двух венцов толщина которых 20 см. В 0,55 м от юго-западной стены, параллельно ей, зафиксирована переводина пола, врубленная сквозной врубкой во второй венец. Край переводины выступает наружу на 0,4 м. В помещении зафиксированы обломки половиц шириной 30–35 см, уложенных в направлении северо-запад–юго-восток.

Описанную постройку III-11 сменило сооружение III-15, отнесенное к *строительному горизонту-9*. В раскоп вошла лишь западная часть строения. Каковы же его истинные размеры, установить сложно. Бревно, ограничивающее сруб с восточной стороны, могло быть разделительной стеной двучастного дома. Такое предположение вполне уместно, поскольку в небольшом помещении, исследованном в раскопе, имелась глинобитная печь на деревянной опечке довольно сложной конструкции. Кроме того, в 0,6 м от северо-западной стены лежала переводина пола, врубленная в северо-восточную стену. Жилище III-15 было рублено в верхнее «обло» с остатком из сосновых бревен диаметром 20 см, его размеры в раскопе – 3,2 × 4,2 м. С юго-запада к дому примыкали короткие деревянные мостки, которые, по мнению Л. В. Алексеева, обеспечивали подход к крыльцу (прил. 1, Алексеев, д. № 21, с. 5).

Данный строительный горизонт вверху был перекрыт слоем серой глины, содержащим включения углей и золы.

Выше объекта III-15 залегали остатки более поздних сооружений, отнесенных к *строительному горизонту-10*. Строение III-13 представлено углом и образующими его небольшими участками стен. Конструкцию подстилал слой серой глины с золой и углями. Мощная балка перекрыла и северо-западную стену дома III-15. Это позволило Л. В. Алексееву предположить, что дом после разрушения восстанавливали заново (прил. 1, Алексеев, д. № 21, с. 6).

Планировку и застройку Окольного города и торгово-ремесленного посада средневекового Друцка реконструировать гораздо сложнее из-за плохой сохранности древесины, с одной стороны, и относительно слабой изученности территории, с другой. Немногочисленные развалы печей-каменок и истлевшие остатки деревянных конструкций позволяют высказать мне-

ние, что домостроительство Окольного города и посада в целом идентично застройке детинца.

На территории посада с древнерусским периодом следует связывать остатки кузницы второй половины XII в., исследованной напротив входа в Окольный город Друцка (см. подробнее в § 3.1). Стратиграфически данные конструкции синхронны конструкциям СГ-3 на детинце.

Дома на подклетах, нередко встречающиеся в древнерусских напластованиях на детинце и за его пределами ни разу не были встречены. На территории Окольного города и посада последние зафиксированы лишь в позднее средневековье и новое время. Исследованные подклеты (восемь построек) отнесены к типу подвалов, используемых для хозяйственных нужд, причем два подклета имели вход со двора.

В стратиграфическом слое XIV–XVI вв. на территории Окольного города недалеко от въездных ворот расчищены остатки углубленного в землю подклета с длиной стен 3,6 м (постройка № 1, раскоп III-1999). Сооружение повторяло контур наземной части дома и было ориентировано по трассе оборонительного вала (прил. 1, Левко, д. № 1800, с. 17). Стены постройки были сложены из бревен диаметром 20 см в традиционной технике – в верхнее «обло», однако с малым остатком. Пол подклета был вымощен мелкими камнями, уложенными на глиняную подушку. Не исключено, что в северном углу сруба была расположена печь-каменка, от которой сохранился развал камней и остатки глиняного пола. Позднее на месте подклета № 1 был возведен новый подклет-погреб несколько бóльших размеров – 4 × 4 м (прил. 1, Левко, д. № 1800, с. 17).

С углубленными в грунт подклетами, по-видимому, следует связывать и подпрямоугольные материковые ямы в раскопе VII на территории посада (см. рис. 3.7). Они были углублены на значительную глубину – 1,4–2,1 м. В одной из таких ям-подклетов была исследована кирпично-каменная конструкция на известковом растворе (прил. 1, Левко, д. № 1845, с. 6). Данная конструкция была заглублена в материк до основания подклета. Нижняя часть ее состояла из крупных валунов, верхняя была выложена из кирпича размерами 32,0–33,0 × 16,0 × 5,5 см. Собранные в заполнении куски глиняной обмазки стен позволяют предположить, что стены сооружения изнутри были оштукатурены. Наличие печи и оштукатуренных стен указывает на явно жилой характер данного подклета. Нумизматический материал позволяет датировать часть строений XIV–XV вв.

Еще два подклета, впущенные в материк на глубину 1,4 и 1,75 м по типу так называемого теплого погреба, были обнаружены О. Н. Левко в ходе исследований 2009 г. на территории посада в слое XVI–XVII вв. (прил. 1, Левко, д. № 2708, с. 13–14). «Теплые» погреба довольно часто встречаются в позднесредневековых слоях при раскопках городов. М. Рабинович считает, что в отличие от подклетов они были врезаны в грунт на всю высоту [Рабинович, 1988, с. 55]. Полностью сохранившийся подклет размерами 3,2 × 3,2 м ориентирован стенами вдоль улицы, проходившей за замковым рвом. Стены сооружения возведены из вертикально поставленных бревен и обмазаны глиной. По предположению О. Н. Левко, изнутри стены могли

быть обшиты деревом, на присутствие которого указывает зольно-угольный слой (прил. 1, Левко, д. № 2708, с. 14). Вход в подклет был, по всей видимости, с западной стороны. Уступы вдоль западной и восточной стен постройки вполне могли быть остатками спуска ко входу. Подобный углубленный в грунт подклет со ступенями для спуска обнаружен в Витебске на усадьбе князей Огинских (XVII в.). В нем для спуска в подклет подвального типа использовали небольшую лестницу на бревнах-тетивах, в которой были выбраны пазы для вхождения ступеней [Бубенько, 2007, с. 253]. Друцкие подклеты со входом также относятся к XVII в. и погибли одновременно с наземной частью дома во время пожара.

Домостроительство. Планомерное археологическое изучение средневекового Друцка дало богатый материал для изучения застройки городского детинца в XII–XVI вв. Гораздо хуже представлена застройка Окольного города и посада. Благодаря неплохой консервирующей способности культурного слоя Друцка удалось исследовать десять строительных горизонтов разновременной городской застройки: три уличные мостовые, частоколы усадебной ограды, 70 построек различного назначения. Их относительно равномерное размещение в слоях XII–XVI вв. позволяет на примере детинца проследить основные этапы застройки средневекового Друцка.

Изучение археологического материала в комплексе с архивными и этнографическими источниками позволяет проследить эволюцию домостроительных традиций в средневековом Друцке. Как правило, при членении срубов на жилые и хозяйственные учитывают следующие признаки: тип сооружения; тип конструкций; технику и материал сооружения; наличие печи; размеры построек; заполнение. В результате в разряд жилищ помимо построек с печами были включены еще семь сооружений без печей, которые, однако, по всем остальным признакам носили жилой характер. Срубы без печей сохранились, как правило, основаниями, иногда из мощных бревен, отсутствие следов очага в таких сооружениях, как и следов пола, а зачастую и переводин, можно объяснить низкой разборкой срубов при последующем строительстве. Подобную картину можно было наблюдать и в Новгороде [Засурцев, 1963, № 123, с. 29]. Труднее выделить из общей массы сооружения типа клети амбара, которые почти ничем не отличаются от жилищ. В соответствии с предложенной классификацией из общего количества сооружений выделено 16 жилищ, 27 хозяйственных построек типа клети, амбара, кладовой, три хлева, курятник и, предположительно, один навес. Функциональное назначение 23 срубов из-за фрагментарности представленной в отчетах Л. В. Алексеева информации определить не удалось. Можно лишь отметить, что все не индентифицированные постройки рублены из добротных бревен и могли быть либо жилищами, либо клетями.

Господствующим типом наземного жилища в изучаемый период являются наземные бревенчатые дома срубной конструкции. Размеры изб варьируют от 3,1 × 2,9 м до 5,4 × 5,5 м. Среди построек преобладают небольшие срубы площадью 12,5–14,5 м^2. Большинство друцких жилищ относятся к типу однокамерных без сеней, что совпадает с традиционным типом белорусской постройки. Более сложная конструктивная связь типа изба-сени

на территории детинца представлена четырьмя постройками середины XII в. – XIII в. В двух случаях это были пятистенки (I-32, III-12), еще в двух – жилища с отдельно рублеными сенями (II-15, III-36 и VIII-9, -12).

Единственным техническим приемом, применяемым в домостроительстве детинца, являлась рубка в верхнее «обло» с остатком, длина которого колебалась от 12 до 29 см. В ряде случаев для увеличения площади опоры торцы нижних бревен не обрубали. Ширина соединительной чашки, вырубленной в верхней части бревна, в жилищах изучаемого периода на 2–3 см превышала диаметр бревен. Рубку сооружений осуществляли внутри усадеб, подтверждением чему служит обилие щепы вокруг срубов. Основным строительным материалом в Друцке, как и во всей лесной полосе, была сосна. Стены сооружали из неокоренной и окоренной древесины среднего диаметра (17–25 см).

Значительная влажность грунта требовала устройства фундаментов под сруб. Среди построек изучаемого периода выделено три типа оснований. Первый – одиночные бревенчатые подкладки под углы и стены сруба. Второй – нижние венцы предшествующих построек. К третьему типу, наиболее распространенному среди друцких жилищ, отнесены фундаментальные площадки в виде толстого слоя глины, подведенного под основание сруба. Аналогичные гидроизоляционные подушки встречены среди жилищ многих средневековых городов (Витебск, Мстиславль, Новогрудок и др.) [Бубенько, 2004, с. 54; Алексеев, 1980, с. 173; Гуревич, 1974, вып. 179, с. 55]. В позднем средневековье на смену архаичным типам постепенно пришли каменные фундаменты. Камни диаметром 25–35 см в поперечнике обычно располагали по периметру дома на расстоянии 40–60 см друг от друга.

Жилища имели совершенные в конструктивном отношении полы, уложенные на две лаги. Существовало два способа устройства переводин пола: глухая врубка и укладка лаг непосредственно на грунт. П. А. Раппопорт, говоря об укладке переводин на землю, пришел к выводу, что подобный способ является отличительной чертой строительства в юго-восточной части лесной зоны [Раппопорт, 1975, с. 130]. Количество переводин в жилище зависело в первую очередь от его размеров: в постройках площадью до 20 м^2 было, как правило, две лаги, в больших – три лаги, причем среднюю врубали возле самой печи. Расстояние от крайних переводин до стен сруба в постройках с двумя переводинами обычно варьировало от 20 до 60 см. Для лаг использовали исключительно сосновые бревна, иногда вторичного употребления.

Полы в жилищах изготавливали из колотых досок шириной 16– 45 см, иногда довольно толстых (до 8,5 см). Располагали их чаще всего на уровне 3–4-го венцов, реже – между 1-м и 2-м. Концы половиц обычно примыкали к стенам сруба. Не исключено, что полы богатых друцких жилищ замащивали разноцветной керамической плиткой размерами 9,0 × 9,0 × 1,5 см, которую выкладывали на песчаной или глиняной подушке. Однако Л. В. Алексеев считал, что этот прием использовали лишь в деревянных постройках – церквях, теремах и т. д. [Алексеев, 1993, № 4, с. 231]. Довольно много плиток

пола зеленого, желтого и вишневого (коричневого) цвета было встречено в зоне предполагаемой княжеской резиденции (27 экз.).

Несмотря на то, что несколько жилищ сохранилось на высоту 3-го венца, устройство дверных проемов проследить не удалось. По-видимому, по аналогии с другими древнерусскими городами, в жилищах друцкого детинца их вырубали на уровне 4–5-го венца сруба [Колединский, 1985, с. 394].

Привлекая археологические параллели и этнографический материал, можно составить общее представление о типах кровли в друцких жилищах. Самой распространенной формой в изучаемый период была двускатная крыша на самцах. На территории Беларуси она широко известна вплоть до недавнего времени. Дома горожан крыли, как правило, гонтом.

О плановой структуре вскрытых жилищ в настоящее время имеется очень скудная информация. Вид планировки жилых помещений определяют, как правило, двумя важнейшими показателями: тем или иным положением диагонали печь–передний угол; тем или иным направлением, в котором повернуто устье [Бломквист, 1956, т. 31, с. 212]. Для белорусского жилья характерно месторасположение печи в одном из ближайших ко входу углов (тип I) [Спегальский, 1972, с. 63].

Соотношение печи и входа удалось проследить в двух постройках, направление устья из-за сильного разрушения печей установлено только в одном жилище (VIII-15). Относительно остальных жилищ с печью можно лишь указать, что последняя всегда занимала угловое положение в постройке. Печи являются одним из наиболее стабильных элементов жилья. На детинце Друцка были встречены два типа печей: каменки и глинобитные. Печи-каменки, в большинстве своем имели опечек в виде слоя глины толщиной от 10 до 30 см и свод из некрупных камней диаметром 10–15 см в поперечнике. Камни больших размеров были найдены лишь в основании свода. Из-за сильных разрушений установить первоначальные размеры печей не представляется возможным. Конструкции оснований в печах с глинобитным сводом были несколько разнообразнее: в виде наката из бревен и в виде каменной вымостки. Конструкцию такой печи конца XIII в. – начала XIV в. зафиксировал Л. В. Алексеев (объект VIII-1). Поверх вымостки из мелких камней наслаивали мощный слой глины, ограниченный крупными валунами, на которые опирался глинобитный свод. Приблизительные размеры такой печи – около 2 м, высота – 40–55 см (прил. 1, Алексеев, д. № 139, с. 19).

Особый интерес представляет печь из построек XIII-1, XIII-2. Свод круглой по форме печи диаметром 0,7 м был сложен из красной глины, небольшие камни окаймляли по контуру лишь основание свода. Основной объем был установлен на квадратный опечек из серой материковой глины размерами около 1,6 × 1,7 м.

Завершая обзор жилых построек, следует остановиться на их этажности. Подавляющее число вскрытых построек в течение XII–XVI вв., несомненно, было одноэтажным. Однако среди жилищ Друцка уже с первой половины XII в. известны двухэтажные дома, так называемые дома на подклетах (II-15, III-40, VIII-30, XI-6). В позднем средневековье дома на подклетах

возводили на Окольном городе и посаде. Дома на подклетах были известны в древнерусское время в Полоцке, Новгороде, Киеве и других городах [Раппопорт, 1975, с. 135; Толочко, 1989, с. 80; Штыхов, 1978, с. 49]. Друцкие подклеты в подавляющем большинстве были глухими и частично углубленными в землю по типу погребов, вход в них вел из горницы. Лишь один подклет относился к типу наземных со входом (II-15), судя по заполнению, его могли использовать в зимнее время для содержания молодняка скота.

Хозяйственные постройки друцкого детинца представлены постройками типа клети, амбара, чулана, помещениями для скота, остатками легких навесов хозяйственного назначения.

В конструктивном отношении нежилые сооружения представлены срубными и столбовыми постройками. Техника возведения срубных построек аналогична для жилых и хозяйственных строений – верхнее «обло» с остатком. Размеры сооружений зависели от функциональной принадлежности построек.

Площадь амбаров варьировала в пределах от 9,0–9,5 м до 16–18 м^2, хлевов и чуланов составляла 9–12 м^2, в то время как площадь большинства исследованных жилищ не превышала 9,5–18,0 м^2.

Столбовая конструкция представлена двумя видами сооружений: «закидки в шулы» (пристройка к хлеву II-14) и «в замет» (II-20, II-50). Основу первых составляли столбы диаметром 25–27 см с продольными пазами – вырубками (7–9 × 8–10 см) для горизонтальной закладки стен брусьями. Края последних предварительно стесывали на клин.

При возведении стен хозяйственных построек использовали древесину хвойных пород. В отличие от жилищ ель применяли значительно чаще сосны, особенно при сооружении хлевов. Из прочих пород дерева для изготовления переводин пола в хлевах использовали березу, причем исключительно в неокоренном виде. Клети и амбары по качеству древесины и конструкции практически не отличались от жилищ, хотя довольно высок процент построек, в которых толщина стен превышала диаметр венцов жилищ. Лишь для хлевов использовали древесину худшего качества и меньшего диаметра (12–17 см). Зачастую для сооружения стен сараев шел разнородный материал, иногда вторичного употребления. В то время как подгонка венцов в клетях отличалась высокой точностью, в хлевах они не всегда были плотно подогнаны друг к другу.

Под все без исключения амбары в качестве фундамента была подведена мощная гидроизоляционная подушка (до 30 см), состоящая из глины белого или серого цвета либо из глины с примесью песка. Установка амбаров непосредственно на грунт отмечена лишь в трех срубах, имевших двойной пол.

Хлевы и прочие постройки устанавливали как на грунт, так и на глину. Нередко в качестве фундамента использовали одиночные подкладки или неразобранные венцы предшествующих построек.

Характерной особенностью хозяйственных построек Друцка являются полы. Причем как в клетях, так и в хлевах они сделаны из добротных, плотно подогнанных друг к другу досок шириной от 17 до 25–30 см (при

толщине 3–4 см). Жердевой пол встречается изредка – в постройках первой половины XII в. (II-14, III-12, XI-7). 13,5% друцких хозяйственных построек (III-24, VIII-13, XI-2, XI-6) имели двойной пол: «черновой», который настилали из жердей диаметром 10–12 см, и «белый» – из нешироких досок (17–22 см). Л. В. Алексеев все постройки с двойным полом интерпретировал как амбары.

Полы в хозяйственных постройках настилали на лаги, уложенные непосредственно на грунт или же врубленные сквозной врубкой. Полы друцких амбаров зачастую укладывали непосредственно на гидроизоляционную подушку. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет проследить зависимость количества переводин от размеров и назначения построек. Отличительный признак клетей – наличие одной переводины – здесь также не всегда приемлем [Ткачёв, Колединский, 1984, с. 124].Например, в постройках VIII-18, III-11, III-24 (клети) и XI-2 (амбар), назначение которых не подвергается сомнению, пол уложен на две, а в одном случае на четыре лаги (прил. 1, Алексеев, д. № 305, с. 7). Половицы в постройках хозяйственного назначения подходят к стенам безо всякого крепления торцов.

Обязательным элементом хозяйственных сооружений являлась дверь. Если в постройках типа клети, амбара дверной проем вырубали довольно высоко (на уровне 3-го венца его еще не прослеживали), то в хлевах порожек обычно располагали в 1–2-м венце. Тем не менее удивительно, что в хлеве VIII-53, сохранившемся на высоту 3–4-го венцов, следов дверного проема не обнаружено.

Особого внимания заслуживает камеральность хозяйственных сооружений. Из 20 построек, интерпретированных как амбары, клети не менее трех представляли собой двучастную связь (I-32, III-12, VIII-18). Две постройки были пятистенками, в которых разделительная стена была врублена глухой врубкой. Пристройка к основному объему амбара VIII-18 представляла собой прируб-трехстенку, четвертая стена у строений была общей. Большее помещение в двучастных амбарах использовали для хранения зерна, подтверждением чему служат находки зерновых, жернова и прочая сельскохозяйственная утварь. Обязательной принадлежностью основных помещений являлись полы, в то время как в помещениях меньших размеров они отсутствовали. Ограниченное количество информации о заполнении и вещевых комплексах этих помещений не позволяет определить их назначение. Пристройку к VIII-18, по наблюдениям Л. В. Алексеева, использовали для обмолота зерна (прил. 1, Алексеев, д. № 148, с. 15).

Узость малой камеры амбара I-32 позволяет высказать предположение, что здесь могла быть расположена лестница, ведущая на второй этаж. Возможно, это был амбар на высоком подклете. Существование подобных амбаров известно в XII–XIII вв. на детинце Новогрудка.

Обзор построек демонстрирует великолепное исполнительское мастерство друцких плотников при возведении жилых и хозяйственных сооружений. В первую очередь это является результатом не только обилия строительного материала, но и высокого профессионального уровня мастеров.

5. ДРУЦКИЕ НЕКРОПОЛИ

(О. Н. Левко, А. В. Войтехович, П. М. Кенько)

5.1. Коллективный курган XII в.

В 2008/2009 г. был исследован один из вновь выявленных курганов группы IV [Левко, Войтехович, 2010б, вип. 1, с. 371–378]. Курган располагался в 0,4 км на северо-запад от Друцкого укрепленного комплекса: городища и Окольного города. Он находился на достаточно крутой возвышенности, большая часть которой уничтожена карьером. По словам местных жителей, во время разработки карьера встречались многочисленные человеческие кости. Возможно, что этот курган относится к некрополю древнего Друцка.

Насыпь имела форму удлиненной полусферы со следующими пропорциями: длина по линии запад–восток составляла 18,5 м, ширина по линии север–юг – 11,5, высота – 2,0 м.

В восточной части насыпи была прослежена яма, оставленная самовольными раскопками (как выяснилось позже, местные дети сделали здесь землянку). Размеры ямы: по линии север–юг – 2 м, по линии запад–восток – 3,6 м. Глубина – 0,8–1,0 м.

Общая характеристика стратиграфии насыпи. Для изучения структуры насыпи были оставлены бровки шириной 0,5 м. Одна бровка по длине кургана (по линии запад–восток) и две по его ширине (по линии север–юг). Таким образом, получилось шесть секторов: северо-западный, северо-восточный, юго-западный, юго-восточный и два центральных – северный и южный. Раскопки вели по секторам и слоям с фиксацией и разборкой выявленных конструкций и погребений. Все они имели свои нивелировочные отметки, привязку которых осуществляли к основному реперу – высшей точке в центре кургана.

В результате изучения установлено, что насыпь кургана имеет следующую структуру. Под дерном прослежена темно-серая гумусовая прослойка толщиной 0,2–0,4 м. Она переходит в слой светло-серого цвета, насыщенный археологическим материалом (фрагменты керамической посуды, изделия из железа, цветного металла, стекла), мощность которого колеблется от 0,2 до 0,5 м. На глубине 0,7–0,9 м от поверхности кургана прослежена зольно-угольная прослойка толщиной 0,1–0,3 м, местами достигающая 0,4 м. В северо-восточной части насыпи она имеет колодцеобразное понижение до 1,8 м. По линии запад–восток прослойка имеет длину 15,6 м, по линии север–юг – 4,8–6,5 м.

Нижележащая часть насыпи состоит из плотного светлого суглинка, в котором встречаются угольные вкрапления. В этом слое были обнаружены многочисленные погребения, совершенные по способу ингумации. Всего установлено 38 захоронений (рис. 5.1).

Описание погребальных уровней. В результате нивелировки каждого скелета или его остатков удалось выяснить, что погребения совершены группами и залегают на нескольких уровнях. Выделены четыре погребаль-

ных уровня. На основе этих данных можно произвести реконструкцию погребального обряда и определить последовательность захоронений в кургане.

Первый погребальный уровень зафиксирован ниже первоначальной дневной поверхности, расположенной на глубине 2 м от высшей точки на поверхности центра насыпи. Здесь выявлено погребение № 35, которое было совершено в могильной яме северо-западного сектора кургана. Размеры ямы: по линии запад–восток – 1,8 м, по линии север–юг – 1,2, глубина – 0,5 м (рис. 5.1). На дне прослежены контуры истлевшего гроба прямоугольной формы, размером 1,3 × 0,4 м. В пределах этих контуров обнаружены части детского черепа и фрагмент лучевой кости руки. Как установлено антропологически, погребение № 35 принадлежит ребенку в возрасте 3-5 лет (фото 14). Возле челюсти найдена бронзовая шаровидная полая позолоченная пуговица размером 8 × 8 мм. Над засыпанной могильной ямой на два торцевых основания была положена каменная плита (фото 13, *б*). Под основания подложены валуны средних размеров (рис. 5.2: *1–5*). Под восточным основанием, на глубине 2,17 м от дневной поверхности, находился один валун. Под западным основанием (в изголовье) – три валуна на глубине 2 м от дневной поверхности. Еще один камень был выявлен возле северного края основания на этой же глубине. Размеры западного (изголовье) основания по линии север–юг составили 0,98 м, по линии запад–восток – 0,48, толщина – 0,2 м. В основании имелась выемка размером 0,8 × 0,24 м при глубине 5 см для установки крышки. Размеры восточного основания по линии север–юг составили 0,86 м, по линии запад–восток – 0,52, толщина – 0,2 м. В нем также имелась выемка размером 0,67 × 0,15 м при глубине 5 см. Расстояние между внутренними краями оснований по линии запад–восток составило 1,04 м. В пазы была вложена плита, имеющая длину по линии запад–восток 1,55 м, ширину по линии север–юг 0,66 м, толщину 0,12 м. Внешняя сторона плиты, как и углубления в основаниях, были тщательно обработаны. По центральной продольной оси плиты имелся выступ шириной 8 см, высотой 4 см. Плита и основания были изготовлены из песчаника. Таким образом, с учетом наклона плиты, толщины торцевых оснований и подкладки под них камней, внешняя сторона плиты оказалась на уровне 0,58–0,20 м над древней дневной поверхностью, т. е. на глубине 1,4–1,8 м от современной поверхности.

Второй погребальный уровень. *Первая группа захоронений.* Залегала на глубине 2,0–1,6 м от современной дневной поверхности и включала в себя двенадцать погребений (№ 15, 17, 21, 25, 27, 30, 32, 33, 34, 36, 37, 38). Погребения были расположены в вытянутом положении на спине. Все они непосредственно связаны с погребением № 35, находящимся в могильной яме.

В северо-западном секторе рядом с плитой над погребением № 35 на расстоянии 0,2 м на юго-восток от северного края западного основания надгробья обнаружены два захоронения: № 15, 37.

Погребение № 37 попало в середину западной бровки. Оно было расположено на глубине 1,9 м от современной поверхности кургана на выжженной площадке, ограниченной глиняными валиками с западной (высота 0,4 м)

и восточной (высота 0,2 м) сторон на ширину 0,4–0,6 м. Толщина зольного слоя – до 0,1 м. Скелет был ориентирован головой на запад. Правая рука была согнута в локте, кисть размещалась на тазовой кости. Левая рука не сохранилась. Лицевые кости черепа прогнили. Длина скелета, без учета ступней – 1,6 м. Над погребением № 37 после его засыпки были установлены два каменных основания, аналогичные основаниям под плитой погребения № 35. Расстояние между основаниями составило 1,4 м. Западное основание было размещено на высоте 0,86–0,89 м от древней поверхности над головой погребенного. Размер западного основания (у изголовья) по линии север–юг – 0,78 м, по линии запад–восток – 0,32, толщина – 0,2 м. Размеры выемки – 0,6 × 0,16 м, глубина – 5 см. Восточное основание находилось на высоте 0,83–0,64 м от древней поверхности, под наклоном к северу. Размер восточного основания по линии север–юг – 0,78 м, по линии запад–восток – 0,3, толщина – 0,2 м. Размеры выемки – 0,54 × 0,12 м, глубина – 5 см. Пространство между основаниями заполнено следами древесного тлена, верхняя часть которого перемешана с угольками. Толщина этой прослойки – 0,2 м. Это дает возможность предположить, что на каменные основания была положена деревянная крышка.

Погребение № 15 было выявлено на глубине 1,83 м от поверхности кургана. Оно было расположено на расстоянии 0,2 м на север от погребения № 37 и на расстоянии 0,4 м на юго-запад от края могильной ямы с погребением № 35. Скелет лежал на спине головой на запад с небольшим отклонением на юг (260°). Руки согнуты в локтях, кисти положены на тазовые кости. Берцовые кости сведены вместе в коленях. Общая длина скелета (без учета ступней) равна 1,75 м. В области шеи найдена бронзовая полая шаровидная пуговица с обломанным ушком, ее размер – 1,1 × 1,2 см.

Погребение № 17. Сохранился только фрагментированный череп. Он был расположен на расстоянии 0,6 м на север от левого бедра погребения № 15 и 0,6 м от западного края могильной ямы погребения № 35. Глубина залегания погребения № 17 от дневной поверхности кургана – 1,85 м. Размер черепа – 10 см, что свидетельствует о его принадлежности детскому погребению.

Погребение № 38. Череп выявлен также на расстоянии 0,6 м юго-восточнее черепа погребения № 37 на глубине 1,76 м от дневной поверхности кургана.

Погребение № 32. Череп погребенного был расположен на расстоянии 0,2 м от северо-восточного угла могильной ямы захоронения № 35 и на глубине 1,86 м от дневной поверхности кургана. Скелет был ориентирован головой на запад с небольшим отклонением на юг (260°). Сохранились части черепа, несколько шейных позвонков, фрагмент правой плечевой кости, правая тазовая кость, правая берцовая кость и часть правой голени, которая располагалась сверху тазовой и левой берцовой кости погребения № 33. В районе груди с правой стороны был найден железный четырехгранный наконечник стрелы с обломанным черенком (рис. 5.3: 7). Длина сохранившихся костей – 1,56 м.

Погребение № 33. Находилось рядом с погребением № 32, с южной стороны от него, на том же уровне. Скелет был ориентирован головой на юго-запад (240°), череп повернут лицевой частью на юго-восток. При погребении тело было немного согнуто в спине. Сохранилась только правая плечевая кость, фрагмент кисти левой руки, лежащей на левой тазовой кости. Правая берцовая кость сломана, голень левой ноги неестественно вывернута в северо-западном направлении. Длина костяка – 1,93 м. На шейных позвонках найден фрагмент вышитого золотыми нитями воротника размером 1,5 × 4,5 см (рис. 5.3: *2*) и бронзовая пуговица.

Погребение № 34. Было расположено на расстоянии 0,4 м южнее черепа погребения № 33 на глубине 1,93 см от поверхности кургана. Сохранились фрагменты черепа со следами зеленой патины и фрагменты костей голени. Расстояние между ними составило 1,1 м. Общая длина останков – 1,3 м.

Погребение № 30. Находилось у края левой кости голени погребения № 33 на глубине 1,97 м от поверхности кургана. Сохранился только фрагментированный череп размером около 10 см, принадлежавший ребенку.

Погребение № 27. Было расположено на глубине 2 м от поверхности кургана и в 1,6 м севернее ноги погребения № 32. Сохранился только фрагментированный череп размером около 20 см со следами зеленой патины на костях. Возле черепа с восточной стороны был найден фрагмент ткани от воротника, вышитого золотыми нитями (рис. 5.3: *5*; фото 22), размером 4,0 × 6,5 см, с внутренней стороны по краю сохранились фрагменты берестяной основы.

Погребение № 21. Было найдено в 0,3 м севернее погребения № 27 на глубине 1,7 м от дневной поверхности кургана. Сохранились череп и часть правой берцовой кости. Погребение было ориентировано головой на запад. Длина сохранившейся части скелета – 1,04 м. В области шеи были найдены фрагменты бронзовой шаровидной пуговицы, которые рассыпались от прикосновения к ним.

Погребение № 25. Было выявлено на расстоянии 0,5 м на север от погребения № 21 на глубине 1,8 м. Сохранились фрагменты черепа и часть правой плечевой кости. С северной стороны черепа на глубине 1,77 м от поверхности кургана найден камень размером около 20 см.

В юго-западном секторе были расположены погребения № 26, 36, 38.

Погребение № 36. Было найдено на расстоянии 1,2 м на юг от погребения № 34 на глубине 1,74 м от дневной поверхности кургана. Сохранился фрагмент черепа, часть позвоночника, тазовые кости и часть правого бедра. Общая длина фиксируемой части костяка – 102 см. Погребение было ориентировано головой на запад с небольшим отклонением на юг (260°). Над погребением № 36, на глубине 1,0–1,1 м была расчищена вымостка, сложенная из камней диаметром от 5 до 20 см. Ее размеры по линии запад–восток составили 0,9 м, по линии север–юг – 0,8 м (рис. 5.2: *6*).

Погребение № 38. Было расположено в 0,4 м на юго-запад от черепа погребения № 37 на глубине 1,77 м от дневной поверхности кургана. Сохранились только фрагменты черепа размером около 10 см. Погребение принад-

лежало ребенку. Возле черепа с северной стороны на глубине 1,56 м лежал камень размером около 35 см.

В первую группу второго погребального уровня входят также погребения северной части Центрального сектора. К ним относятся погребения № 20, 31, 28.

Погребение № 31. Было найдено на расстоянии 1,2 м на восток от погребения № 34 на глубине 1,83 м в бровке. Скелет был ориентирован головой на запад, руки согнуты в локтях, кисти сложены накрест на груди. Левая нога немного согнута в колене и придвинута к правой, рот погребенного открыт, внутри небольшой камень. Общая длина скелета (без ступней) составила 1,72 м. В области шеи найдена бронзовая шаровидная полая бронзовая пуговица с отломанным ушком, ее размер – 0,5 × 0,9 см.

Погребение № 28. Было выявлено на расстоянии 2,6 м на восток от погребения № 33 на глубине 1,93 м от поверхности кургана. Скелет ориентирован головой на запад, руки перекрещены в области таза. Длина скелета – 1,85 м. Вокруг шеи погребенного располагались фрагменты вытканной золотыми нитями ленты (рис. 5.3: *3, 4*), на груди лежали два гвоздя, один из которых был согнут, еще один гвоздь находился возле левой плечевой кости руки.

Таким образом, погребение первого уровня и погребения первой группы второго уровня были размещены преимущественно в западной части курганной площадки, полосой вытянутой с запада на восток. После того, как эти погребения были присыпаны, образовалась насыпь размером приблизительно 10 × 5 м и высотой 0,4 м. Поверхность этой насыпи и площадка восточнее нее были обожжены, о чем свидетельствуют следы в виде прерывистой зольной прослойки толщиной до 10 см. Над ней выявлены захоронения второй группы второго погребального уровня.

Второй погребальный уровень. *Вторая группа захоронений.* Погребения этой группы зафиксированы на глубине 1,8–1,6 м от современной дневной поверхности кургана. Группа включает в себя 11 погребений (№ 3–7, 12, 13, 14, 16, 18, 29), располагавшихся в восточной части площадки кургана.

Погребение № 14. Было расположено под южной бровкой, разделяющей юго-центральный и юго-восточный сектора восточной части кургана на зольной прослойке. Глубина залегания останков – 1,78 м от дневной поверхности кургана. Погребение ориентировано головой на запад с небольшим отклонением на север (280°), сохранились фрагменты черепа, повернутого лицевой частью к северу, фрагмент лучевой кости правой руки, которая, судя по всему, была согнута в локте, а кисть лежала на животе, ноги. Общая длина скелета без учета ступней – 1,55 м. Около затылка был найден фрагмент вышитой золотыми нитями ткани (рис. 5.3: *1*). Возле челюсти и лучевой кости были расположены бронзовые позолоченные полые шаровидные пуговицы с ушком размером 0,9 × 1,3 см. В области грудной клетки найден железный черенковый наконечник стрелы ромбического сечения (рис. 5.3: *6*). Его длина – 7 см, ширина пера у основания – 0,7 см. Над погребением на глубине 1,1 м от дневной поверхности кургана была выявлена подпрямоугольная каменная плита, ориентированная с запада на восток. Ее длина –

1,82 м, ширина – 0,62, толщина – 0,1 м. На внешней стороне плиты были обнаружены следы обработки.

Погребение № 12. Находилось на расстоянии 0,6 м юго-западнее погребения № 14 на глубине 1,82 м от дневной поверхности кургана на зольном слое. Скелет был ориентирован головой на запад, руки согнуты в локтях, кисти сложены на тазовых костях. Череп лицевой стороной повернут на юг. Длина костяка – 1,7 м.

Погребение № 7. Было выявлено на расстоянии 1,8 м на юг от погребения № 12 на глубине 1,94 м от дневной поверхности кургана также на зольном слое. От погребения сохранились только фрагменты черепа размером 17 см.

Погребение № 6. Было расположено с западной стороны от погребения № 7 на глубине 1,8 м от дневной поверхности кургана на зольном слое. Оно представляло собой скопление человеческих костей без анатомического порядка. Кости занимали площадь 0,6 × 0,6 м. На расстоянии 0,2 м на запад от погребения № 6 на этой же глубине был найден валун размером 0,2 × 0,3 м. Между ним и погребением № 6 были положены фрагменты гончарных горшков (рис. 5.4: *1, 2*). Один фрагмент горшка был найден среди костей погребения № 6.

Погребение № 5. Было найдено на расстоянии 0,4 м западнее погребения № 6 на глубине 1,82 м от дневной поверхности кургана. Скелет плохой сохранности лежал в зольном слое на спине головой на запад. Череп был развернут лицевой частью на юг, левая рука согнута в локте, кисть на тазовой кости, правые рука и нога не сохранились. Общая длина скелета (без ступней) составила 1,5 м. Над черепом находились три гвоздя, еще три были найдены около затылка. Вдоль погребения и параллельно ему с северной стороны был выявлен ряд гвоздей (8 штук), воткнутых в землю, начиная от уровня шеи и заканчивая у ног.

Погребение № 16. Было расположено на расстоянии 1,3 м севернее погребения № 5 на глубине 1,69 м от дневной поверхности кургана. Скелет лежал на спине, головой на запад. Левая рука была вытянута вдоль тела, положение правой руки нарушено. Череп был развернут лицевой частью к югу. Общая длина костяка (без ступней) составила 1,75 м. На левом плече погребенного лежал камень размером 0,35 × 0,35 м. Он представлял собой часть каменного основания с выемкой, подобного основаниям, поддерживающим плиту над погребением № 35. С южной стороны останков, недалеко от места расположения правой руки, был найден фрагмент железного светца. Возможно, он попал в погребение из подсыпки, так как находился на границе слоя насыпи и подсыпки. На левой глазнице погребенного лежал гвоздь.

Погребение № 18. Было найдено на расстоянии 1 м севернее погребения № 16 на глубине 1,72 м от дневной поверхности кургана. Скелет лежал на спине головой на запад с небольшим отклонением на юг (260°). Правая рука была согнута в локте, кисть лежала на тазовой кости, от левой руки сохранился только фрагмент лучевой кости, который лежал на левой тазовой кости. Череп лицевой частью был развернут на юг. Общая длина скелета (без ступней) составила 1,62 м. Слева у таза был найден гвоздь.

Центральный сектор, северная часть.

Погребение № 29. Было выявлено на расстоянии 2,6 м к северу от погребения № 18 на глубине 1,73 м от дневной поверхности кургана. Сохранились фрагмент черепа и часть правой руки (общая длина фрагмента костяка – 0,6 м). Судя по положению костей, погребенный был ориентирован головой на запад. На черепе были зафиксированы следы воздействия огня. Возле кости руки с южной стороны найден гвоздь.

Погребение № 13. Находилось на расстоянии 2,6 м на север от погребения № 14 на глубине 1,77 м от дневной поверхности кургана. Скелет лежал на зольном слое на спине, головой на юго-восток (азимут 240°). Правая рука была согнута в локте, кисть лежала на груди перпендикулярно ей, левая рука была согнута в локте, кисть находилась на правой ключице. Общая длина скелета – 1,7 м. У левой ноги найден петлеобразный одежный крючок из бронзовой проволоки. На тазовых костях был гвоздь, как и у правого колена.

В северо-восточном секторе ко II группе второго уровня относятся погребения № 3, 4.

Погребение № 3. Было расположено на расстоянии 1 м к востоку от погребения № 13 на глубине 1,8 м от дневной поверхности кургана. Останки были найдены на зольном слое, на спине головой на запад, череп был повернут лицевой частью на север, руки перекрещены на тазовой кости. Кости голеней отсутствовали. Длина скелета (без голеней) составила 1,2 м.

Погребение № 4. Было найдено на расстоянии 0,8 м севернее погребения № 3 на глубине 1,82 м от дневной поверхности кургана. Оно практически все истлело. Сохранились небольшие фрагменты черепа, судя по которым покойник лежал на зольном слое головой на запад. На расстоянии 0,5 м на восток от черепа был обнаружен фрагмент тазовой кости.

После размещения второй группы погребенных, восточная часть насыпи была доведена до уровня 0,4 м, как и западная, а затем погребальная площадка была выравнена до высоты 0,5 м, видимо, по всей площади будущего кургана. Именно с этой отметки начинали осуществлять захоронения третьего уровня.

Третий погребальный уровень. Был расположен на глубине 1,5–1,4 м от современной дневной поверхности кургана. В нем насчитывается восемь погребений (№ 2, 10, 19, 20, 22–24, 26). Погребения этого уровня в основном были сконцентрированы в центральной части кургана.

Южная сторона центрального сектора представлена следующими погребениями.

Погребение № 19. Находилось практически в центре насыпи на глубине 1,38 м от дневной поверхности кургана. Скелет лежал на спине головой на запад с отклонением на юг (260°). Кости рук не сохранились. Общая длина скелета – 1,72 м. Около голени правой ноги был найден сильно сработанный точильный брусок.

Погребение № 22. Было выявлено на расстоянии 0,5 м южнее погребения № 19 на глубине 1,55 м от дневной поверхности кургана. Скелет плохой

сохранности лежал на спине головой на запад с отклонением на юг (255°). Правая рука, судя по оставшимся фрагментам, была согнута в локте, кисть лежала на тазовых костях, левая истлела. Длина сохранившихся останков – 1,1 м. Череп был положен на камень, другой камень находился с северной стороны от места, где должна была находиться левая ступня. Возле лицевых костей обнаружен гвоздь.

Погребение № 23. Было найдено на расстоянии 0,4 м к востоку от погребения № 22 на глубине 1,45 м от дневной поверхности кургана. Скелет лежал на спине головой на запад с отклонением на юг (260°). Левая рука была согнута в локте, кисть лежала на тазовых костях, правая рука сохранилась фрагментарно. Общая длина скелета (без ступней) составила 1,62 м. На месте правой ключицы был найден фрагмент серебряной овальной бусины, украшенной жгутиками, ее размер – 1,5 × 1,8 см (рис. 5.3: *18*).

Погребение № 24. Было расположено на расстоянии 0,2 м севернее погребения № 23 на глубине 1,45 м от дневной поверхности кургана. Скелет был размещен на правом боку головой на запад, лицевой частью на юг. Руки и ноги были вытянуты. Общая длина скелета (без ступней) составила 1,76 м.

Погребение № 2. Было выявлено на расстоянии 0,15 м к югу от погребения № 23 на глубине 1,54 м от дневной поверхности кургана. Погребение представляло собой скелет без черепа, длина сохранившейся его части (без черепа и ступней) – 1,3 м. Судя по сохранившимся костям, погребение было расположено на спине головой на запад. Левая рука была согнута в локте, кисть располагалась на животе. Правая половина тазовой кости находилась над левым коленным суставом, а под левой берцовой костью – правая. У правого плеча была найдена бронзовая шаровидная полая пуговица с обломанным ушком, ее размер – 1,0 × 1,3 см.

В северной части центрального сектора были расположены следующие погребения.

Погребение № 10 находилось в 1,6 м северо-восточнее погребения № 2 на глубине 1,5 м от дневной поверхности кургана. Скелет был расположен на спине головой на запад. Левая рука была согнута в локте, кисть лежала на животе, правая рука тоже была согнута в локте, кисть лежала на правой ключице. Голень правой ноги сохранилась фрагментарно, голень левой ноги истлела. Длина костяка (от черепа до конца фрагмента голени) составила 1,2 м. Справа у челюсти и правого плеча были найдены две бронзовые полые шаровидные пуговицы с ушком 0,6 × 0,9 см и 0,8 × 1,3 см соответственно, у левого виска был зафиксирован гвоздь.

Погребение № 26. Относится к третьему уровню юго-западного сектора. Выявлено на расстоянии 1,8 м юго-западнее погребения № 22 на глубине 1,51 м от дневной поверхности кургана. Скелет плохой сохранности (расчищены фрагменты черепа, таза и ног) лежал на спине головой на запад, общая длина сохранившихся фрагментов – 1,5 м.

В результате засыпки погребений третьего уровня высота насыпи составила 0,7 м. На этой поверхности были произведены остальные захоронения четвертого погребального уровня.

Четвертый погребальный уровень имел глубину залегания от современной дневной поверхности кургана 1,3–1,2 м. Он представлен четырьмя погребениями (№ 1, 8, 9, 11), которые были размещены с восточной стороны погребальной площадки.

Погребение № 1. Было выявлено в юго-восточной части центрального сектора на глубине 1,32 м от дневной поверхности кургана. Скелет длиной 1,65 м лежал на спине головой на запад, левая рука, согнутая в локте, находилась в области живота, правая – в области груди, кости голеней сведены вместе. Это позволяет предположить, что ноги погребенного были связаны. Возле левой ступни был найден неопределимый железный предмет трапециевидной формы с загнутым концом, его длина составила 9,0 см, ширина – 1,4–2,4, толщина – 0,3 см. Справа от черепа были зафиксированы шесть больших кованых гвоздей.

В северной части центрального сектора были расположены следующие погребения.

Погребение № 9. Находилось на расстоянии 1,6 м к северу от погребения № 1 на глубине 1,3 м от дневной поверхности кургана. Скелет лежал на спине головой на запад. Руки были согнуты вместе, кисти скрещены на тазовых костях. Длина скелета (без ступней) составила 1,6 м. За черепом были найдены фрагменты сильно коррозированных железных изделий в виде пластины размером 1 × 5 см и половинки кольца прямоугольного сечения диаметром около 3 см. У левого локтя, а также между берцовыми костями таза были обнаружены гвозди. Верхняя часть скелета от черепа до начала тазовых костей была завалена камнями, свободной оставалась только правая рука и правая сторона области живота. Между камнями попались мелкие фрагменты стенок и венчиков гончарных сосудов. Скопление камней над погребением достигало в высоту 0,3 м.

Погребение № 8. Было выявлено на расстоянии 0,5 м к северу от погребения № 9 на глубине 1,32 м от дневной поверхности кургана. Скелет плохой сохранности лежал на спине головой на запад. Левая рука была согнута в локте, кисть лежала на животе, правая рука также была согнута, кисть лежала на груди. Кости голени книзу сходились вместе. Длина останков (без ступней) – 1,3 м. Левая бедренная кость находилась немного в стороне и выше на 15 см, чем само погребение. У левой плечевой кости был обнаружен гвоздь.

Погребение № 11. Находилось на расстоянии 1 м северо-восточнее погребения № 8 на глубине 1,24 м от дневной поверхности кургана. Скелет лежал на спине головой на запад, часть костей истлела. Длина сохранившейся части скелета (без костей голени) – 1,1 м. У затылка и левой плечевой кости было найдено по гвоздю.

В восточной части насыпи были положены несколько крупных валунов, но прямой связи с погребениями они не имеют. Таким образом, общая высота насыпи кургана с четырьмя уровнями погребений достигла 1 м. На ее поверхности выступали каменная плита (погребение № 14), деревянная крышка (погребение № 37), каменная вымостка (погребение № 36), скопление камней (погребение № 9) и отдельно стоящие камни.

Следует отметить большое количество гвоздей, найденных в насыпи кургана (всего 97). Большинство из них находились в центральной части насыпи на глубине 1,1–1,6 м от современной поверхности кургана, т. е. в основном они приходятся на третий и четвертый погребальные уровни. Никаких следов истлевшего дерева, кроме гроба в яме погребения № 35 и, возможно, деревянного надгробья (крышки) над погребением № 37 в кургане не обнаружено. Поэтому нет оснований считать, что гвозди могли скреплять какие-либо деревянные конструкции.

Со временем курган был досыпан. Сложно сказать, как скоро и по какой причине это произошло. Однако, судя по содержанию культурного слоя досыпки, ее произвели в пределах 50–100 лет.

Перед досыпкой поверхность кургана была обожжена. В 0,4 м южнее плиты над погребением № 14 на глубине 0,93 м от дневной поверхности кургана были выявлены две обугленные плахи длиной 0,6 м, шириной до 8 см, лежавшие параллельно друг другу и ориентированные с запада на восток. Следы костра перекрывали все выступающие каменные конструкции. Судя по наличию углей в верхней части древесного тлена над погребением № 37, верх деревянного надгробья также обгорел. После обжига поверхности кургана, он был досыпан. В состав досыпки входил суглинок, прослойки которого достигали толщины 0,3–0,5 м, в отличие от слоя насыпи кургана не имеющий углей, а также перемешанный культурный слой с территории находившегося рядом посада. Толщина этого слоя достигала 0,2–0,5 м. Верх насыпи составлял темный гумусированный слой без находок мощностью 0,2–0,4 м. Подсыпка в северной части центрального сектора и в северо-восточном секторе представляла собой перемешанные прослойки практически до уровня зольной прослойки в середине насыпи. Это произошло в результате того, что в XX в. в курган зарывали мусор: битые бутылки и банки, куски бетона, обрывки целлофана, железные детали трактора, дверцу почтового ящика и т. д. Так же в этом перемешанном слое были найдены несколько фрагментов посуды с зеленой поливой XVII в., горшков XIX в. и монета – солид Сигизмунда III Вазы, 1597 г.

У северо-западного края кургана были зафиксированы два камня размерами 0,2 × 0,4 м и 0,2 × 0,3 м соответственно. Камни частично были покрыты мхом и задернованы. Трудно сказать, имеют они отношение ко времени сооружения подсыпки или были положены позже.

Каменные основания и надгробие погребения № 35 были переданы в ВОКМ, где они представлены в экспозиции, размещенной в холле музея. Во время фотосъемки, благодаря освещению под определенным углом, на одном из каменных оснований (западном) было зафиксировано изображение выбитого креста и, возможно, княжеского знака под ним. Размер креста – 9 × 5 см, знака (?) – 3,5 × 11,0 см.

Описание погребального инвентаря. ***Детали одежды*** представлены бронзовыми полыми, тисненными из двух половинок, шаровидными *пуговицами с проволочным ушком.* Некоторые пуговицы покрыты позолотой (погре-

бения № 2, 10, 14, 15, 31, 35). Подобные пуговицы имели широкое распространение с XI по XV в. как в городских, так и в сельских слоях. В качестве пуговицы, вероятно, использовали серебряную овальную бусину-подвеску (рис. 5.3: *18*), украшенную двумя рядами жгутиков (погребение № 23). Подобные пуговицы использовали в XII–XIII вв. [Жилина, 1998, с. 109].

В погребениях № 33, 28 были найдены *тканые ленты*. Золототканая лента – тесьма на шелковой основе, которую изготавливали в Византии. Она служила для отделки деталей верхней одежды (воротников, рукавов) и налобных венчиков. Основное количество этих лент найдено в слоях XI–XII вв. [Лавыш, 2008, с. 58]. Два фрагмента одежды с тканым узором выявлены в погребениях № 14, 27. В погребении № 27 под тканью зафиксирована лубочная основа. Вероятно, это часть стоячего воротника. Фрагмент ткани с подобным узором был найден в кургане у д. Каменка Новогрудского района [Лавыш, 2008, с. 131].

Предметы быта. Фрагментом поясного кольца может быть часть железного изделия из погребения № 9. Подобные кольца известны из погребений древнерусского времени. К предметам быта, выявленным в кургане, относятся также железное изделие из погребения № 1 (функционально не определено), бронзовый крючок около погребения № 13 и точильный брусок из погребения № 19. Традиция помещать глиняные сосуды или их фрагменты в погребения была широко распространена в языческих курганных захоронениях. Фрагменты горшков, найденных у погребения № 6, были помещены туда в соответствии с такой традицией, а фрагменты керамики, которые были встречены между камнями над погребением № 9, могли попасть туда из более поздней подсыпки.

Предметы вооружения. Наконечники стрел, выявленные в костяках погребений № 14, 32, встречались повсеместно на всей территории Восточной Европы и имели достаточно длительный период использования, включающий и древнерусское время. Ромбовидные наконечники стрел с упором и расширением пера в нижней части использовали с X по XIV в., а шиловидные бронебойные квадратного сечения с простым упором применяли для борьбы с врагом, защищенным железными доспехами [Медведев, 1966, с. 65, 83].

Описание находок из подсыпки. Отдельно от погребального инвентаря, непосредственно связанного с захоронениями, следует рассматривать вещи и их фрагменты, найденные в верхней подсыпке, состоящей из культурного слоя. В этом случае можно выделить несколько групп изделий, соответствующих материалу, из которого они были изготовлены.

Изделия из цветного металла. Представлены двумя *бронзовыми изделиями* (рис. 5.4: *6, 7*) с круглой рамкой, сквозным каплевидным выступом и фигурным приемником, которые обычно трактуют как книжные застежки, либо детали одежды, бытовавшие в XII–XIII вв. [Седова, 1981, с. 147]. Были найдены бронзовый маленький *ключик с бородкой* (рис. 5.4: *8*), который использовали с XII по XIV в. [Колчин, 1982, с. 162]; бронзовая литая шарооб-

разная *пуговица с ушком* и три бронзовые *пуговицы,* аналогичные пуговицам из погребений; фрагмент бронзового орнаментированного пластинчатого *перстня* (рис. 5.4: *5*); бронзовая проволочная *петелька* с фрагментом железного изделия на ней; свинцовая вислая *печать* с двухсторонним изображением (фото 9: *4*).

Изделия из стекла. Представлены фрагментами стеклянных гладких и витых *браслетов и бусиной*. Гладкие браслеты: фрагмент оливкового цвета. Витые браслеты: черный, голубой; оливковый, фиолетовый с желтыми полосами. Были распространены с XI по XIV в. в слоях городов Беларуси. Также найдена битрапециевидная синяя навитая округлая *бусина* XI–XIII вв. [Археология северорусской деревни ... , 2008, т. 2, с. 197].

Изделия из железа и их фрагменты. Представлены *вещами бытового назначения:* фрагментами ключей XII в. – середины XIV в., корпус цилиндрического замка XII–XIV вв. [Колчин, 1982, с. 162], а также деталями замков. К ним относится и фрагмент железного прямого однолучинного светца, подобные изделия широко представлены на древнерусских памятниках. А также это фрагмент дужки от ведра квадратного сечения. Изделиями из железа является *инструмент* – ножи в виде фрагментов и целых экземпляров, складной нож (рис. 5.4: *10*). Все эти изделия являются характерными для XII–XIII вв. [Колчин, 1959а, с. 53, 56]. К категории *деталей конской упряжи и предметов вооружения* относятся кольчатые двузвеньевые удила круглого сечения с выгибом (рис. 5.4: *11*) и фрагмент арбалетного пирамидального болта, который использовали с XII по XV в. [Медведев, 1966, с. 95]. *Детали одежды* представлены поясными пряжками и язычком от пряжки. Были найдены *скобяные изделия:* дверные петли, дверная накладка – клямка, скобы и костыли. Гвозди, выявленные в верхней подсыпке, идентичны гвоздям из слоя погребальной насыпи. К *предметам, не имеющим четкой интерпретации их функционального назначения* отнесены: кованые заостренные стержни с округлым или треугольным выступом (рис. 5.4: *12, 13*), которые некоторые исследователи считают шильями [Загорульский, 1982, с. 340]; фрагменты массивных стержней квадратного сечения; фрагменты прочих изделий.

Изделия из глины. Самая многочисленная категория представлена в основном фрагментами гончарных горшков, среди которых встречены фрагменты венчиков, имеющих S-образный профиль и украшенных волнистым, линейным орнаментом, насечками. Также встречены фрагменты днищ и стенок. На некоторых из них нанесен линейный орнамент. Были найдены фрагменты глиняной обмазки с отпечатками дерева.

Исследованный курган 1 в могильнике IV является местом массового захоронения людей, имеющих высокий социальный статус, а также представителей их окружения и обслуги, погибших насильственной смертью в результате военного конфликта. Предположительная дата возведения первоначальной насыпи – XII в. В более позднее время была произведена дополнительная подсыпка насыпи культурным слоем, содержащим материалы XII–XIII вв., и песком.

5.2. Могильники XII–XVIII вв.

На территории агрогородка Друцк в комплексе с разновременными поселениями: селищами, городищем (детинцем), Окольным городом и неукрепленным городским посадом зафиксированы погребальные объекты. Часть памятников в большей или меньшей степени изучена археологически, иные только условно обозначены. Много неясного из упоминаний Л. В. Алексеевым о выявленных (и даже исследовавшихся) грунтовых могильниках и курганах на территории Друцка [Алексеев, 1966]. Все это послужило основанием для проведения в 2008–2009 гг. разведки на территории агрогородка Друцк и в его окрестностях. Был обследован участок в районе ул. Школьной в агрогородке (сама территория современного школьного двора, а также участок за церковью-новоделом, построенной в 2000 г. на месте старого кладбища XIX в.). Кроме того, разведкой охвачены участки, расположенные западнее раскопов VI-2008, VII-2009 (современный выгон) до дороги, ведущей в д. Дубовое и за фермой в северо-западном направлении, где в настоящее время находятся поля. В результате было установлено, что в направлении д. Дубовое и карьера, расположенного за Окольным городом (см. рис. 8, *а*), имеются единичные курганы, которые, возможно, имеют место в описаниях могильников 1930–60-х годов.

Могильник 1. Л. В. Алексеев привязал исследованную его экспедицией курганную группу «в 500 м к востоку от детинца на той стороне реки» к населенному пункту д. Сенчуки. Плана размещения курганной группы нет, однако местные жители показали существующую на противоположном от городища берегу р. Друть высотку, где были распаханы курганы. Судя по сохранившимся фотографиям местности в альбоме Л. В. Алексеева, именно здесь проводили раскопки данного могильника. В нем были выявлены погребения по обряду кремации в горшках, поставленных на подсыпке в деревянном срубе. Исходя из обряда погребения и формы погребальных урн, данные курганы датируют IX–X вв. Они соотносятся с догородским периодом существования Друцка как племенного центра.

Могильник 2. В 2007 г. в результате обследования территории агрогородка Друцк и его окрестностей на северо-западной окраине д. Сенчуки были выявлены два полусферических кургана. *Курган № 1* высотой 2 м и диаметром 7–8 м был расположен в огороде гр. Шеленковой Софьи Андреевны (дом № 15). Он имел хорошую сохранность, не был поврежден (фото 2, *а*). *Курган № 2* высотой 2 м и диаметром 6 м находился на улице между домами № 13 (не жилой) и № 15 рядом со старым колодцем. Насыпь была испорчена со стороны дома № 15 ямой возле подошвы кургана. Со слов С. А. Шеленковой, в яме были найдены человеческие кости. С северо-западной стороны на кургане росла береза. По внешнему виду эти курганы могут быть датированы XI–XII вв. В 2011 г. П. М. Кенько исследовал курган № 2 данного могильника в д. Сенчуки. Изученный курган имел плохую сохранность и мог быть разрушен, поэтому были проведены охранные раскопки. Насыпь кургана первоначально имела полусферическую форму, по линии

запад–восток ее длина составила 8,4 м, по линии север–юг – 7,6 м. Высота кургана – 2,2 м, северная его часть была повреждена. На глубине 0,4 м от современной дневной поверхности под дерном в подсыпке коричнево-серого цвета были выявлены два женских костяка из захоронений по обряду ингумации. Они были положены на спину почти параллельно друг другу и ориентированы головой на запад (погребение № 2 немного отклонено на север), руки сложены на груди. Кости ног отсутствовали. Длина сохранившейся части костяка 1 составила 0,76 м, костяка 2 – 1,12 м. Возле нижней челюсти погребения № 1 был выявлен шиллинг (Густав II Адольф Ваза 1621–1633, Швеция), а под ребрами костяка находился второй шиллинг (Георг Вильгельм 1619–1640, Пруссия). Погребение № 2 было расположено на настиле из досок толщиной 8–10 см, имеющем длину 1,4–1,6 м (рис. 5.5, *б*). Под настилом была выявлена прослойка извести толщиной 1–2 см (рис. 5.5, *а*). Между погребением № 2 и погребением № 1 в северо-восточном секторе кургана был найден шиллинг, отчеканенный в Риге в 1652 г. (Кристина Августа Ваза, 1632–1654, Швеция). Ниже подсыпки с погребениями и настилом (от 0,6 м до 2,0 м) была расположена основная насыпь кургана, состоящая из песка с зольно-угольными прослойками. На глубине 2,0–2,1 м было выявлено зольно-угольное пятно размерами 6,8 × 5,0 м, вытянутое с запада на восток.

Таким образом, можно полагать, что в древнерусский курган в XVII в. были помещены два впускных женских погребения, сопровождавшиеся монетами – оболами мертвых (оберегами).

Могильник 3 представлен расположенными на правом берегу р. Друть в направлении д. Дубовое на северо-запад от городища тремя курганами, два из которых находятся на поле и один – в лесу. Их высота – более 2 м при диаметре около 12–14 м. Сохранность удовлетворительная.

Могильник 4 выявлен О. Н. Левко и П. М. Кенько в 2008 г. на север от укреплений городища и Окольного города Друцка. Один курган наполовину снесен карьером. Его высота – около 0,7 м, диаметр – приблизительно 3 м. В карьере найдены железный нож, фрагменты костей. В срезе кургана видна прослойка пепла. Еще один курган тех же размеров находится на краю возвышенности возле карьера. Третий курган размерами 18,5 × 11,5 м при высоте около 2 м был раскопан экспедицией ИИ НАН Беларуси в 2008–2009 гг. Он содержал коллективное единовременное погребение из 38 захоронений. Датирован курган XII в.

Интерес представляет информация Л. В. Алексеева о погребальных памятниках на территории д. Друцк и ее окрестностей, которые связаны с городским и замковым периодами (XI–XVI вв.). Он произвел исследование «за рвом, неподалеку от выезда из острога», где в 1956 г. в строительной траншее были найдены многочисленные кости, а «местный житель А. Кухлевский, копая тогда же погреб, обнаружил захоронения людей и несколько стеклянных бусин». Судя по описанию, Л. В. Алексеевым в шурфе 5 × 5 м рядом с усадьбой А. Кухлевского был найден грунтовый могильник, содержащий погребения с могильными ямами, которые не доходили до материка и не имели вещевого материала. Очевидно, его можно датировать временем не ранее XII–XIII вв.

О могильнике позднего средневековья, располагавшемся на участке Друцка, где в настоящее время построена церковь во имя св. Богородицы, сведения получены во время проводившихся исследований данного участка в 2000 г. перед строительством (рядом с раскопом V). Вскрыты несколько разрушенных погребений XVIII в. и найден крест (см. рис. 12.21: *9*). Кроме того, в 2010 г. на участке южнее церкви был построен жилой дом. Во время строительства также были вскрыты переотложенные погребения и обнаружен каменный крест (см. рис. 15.3). Видимо, эта территория в XVI–XVIII вв. была занята приходским кладбищем. К сожалению, ни размеров кладбища, ни его точных хронологических границ установить пока не представляется возможным. Известно, что на территории Друцка в указанный период функционировало 2-3 храма, при которых могли быть размещены приходские кладбища. Однако ни локализация этих храмов, ни время их постройки и период существования также не известны.

Можно сделать вывод о том, что с XIII в. традиция хоронить умерших по христианскому обряду прочно вошла в обиход населения Друцка. Однако имели место и языческие реликты. В коллективном кургане XII в. (могильник IV) представлены обе традиции – христианская и языческая: княжич был похоронен в могильной яме и под надгробной плитой, но в кургане, причем вместе со своим окружением и по языческому обряду [Левко, Войтехович, 2010б, вип. 1, с. 371–378]. В д. Сенчуки проявился возврат к языческой традиции погребения в кургане, который можно связывать со сложной конфессиональной обстановкой в регионе Оршанского Поднепровья в XVII–XVIII вв. и протестом населения против ущемления православия со стороны властей.

6. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСТАНКОВ В КОЛЛЕКТИВНОМ КУРГАНЕ ДРУЦКА

6.1. Краниологическая характеристика серии черепов

(И. И. Саливон, Н. Н. Помазанов)

Антропологические исследования позволяют внести свой вклад в решение этногенетических проблем исторической науки, являясь дополнительным источником информации в комплексе гуманитарных наук – археологии, этнографии и этнолингвистики.

Своеобразие химического состава почв на территории Беларуси является причиной плохой сохранности костного материала в погребениях, что ограничивает возможности его исследования по полной антропологической программе. Однако даже фрагментарные костные останки являются уникальным источником информации о биологических особенностях населения, обитавшего на территории Беларуси в разные исторические периоды.

Например, по некоторым структурным особенностям скелета можно определить пол и возраст погребенного человека, составить представление о пропорциях тела, рассчитать по специальным формулам или таблицам длину тела, выявить аномалии строения костей, а также следы некоторых болезней, получить общее представление о роде деятельности и рационе питания. Исторический интерес представляют некоторые демографические показатели (уровень смертности, заболеваемости и др.), а также расовые особенности строения мозгового и особенно лицевого отделов черепа, позволяющие иногда определить направление и интенсивность миграционных потоков носителей нехарактерных для коренного населения антропологических черт, выявить истоки формирования антропологического состава населения конкретной территории.

На территории г. Друцка Толочинского района Витебской области исследована серия черепов из раскопок курганов первой половины XII в., осуществленных в 2008–2010 гг. под руководством О. Н. Левко и А. В. Войтеховича. К сожалению, черепа оказались плохой сохранности и почти все – без лицевого отдела.

По совокупности структурных особенностей черепа и костей посткраниального скелета определен пол каждого захороненного индивидуума, а по сочетанию степени зарастания черепных швов и степени стертости зубов – его возраст.

Мужские черепа.

Погребение № 1. Возраст индивидуума – 30–35 лет (*adultus* II – молодой). Череп плохой сохранности, его форма овоидная (рис 6.1). Сохранились черепная крышка *(calvaria)* со скуловыми отростками, нижняя челюсть. Из-за прижизненной левосторонней потери коренных зубов с резорбцией лунок альвеолярного отростка нижней челюсти ее левая ветвь по сравнению с правой истончена из-за недостаточной механической нагрузки на жевательные мышцы.

Индивидуальной особенностью данного черепа является наличие крупного крючковидного наружного затылочного выступа *(protuberantia occipitalis externa)* и хорошо развитого рельефа затылочной кости, свидетельствующего о сильном развитии шейных мышц (рис. 6.2). В нижней части стреловидного шва виден след заживления раны, нанесенной рубящим оружием (рис. 6.3, *а*).

Погребение № 3. Возраст индивидуума – старше 60 лет (*seniles* – старческий). Сохранилась только верхняя часть мозговой коробки *(calva)*. Форма черепа – ромбоидная (см. рис. 6.1). Отмечается посмертная деформация правой височной и левой теменной костей.

Погребение № 18. Судя по степени стертости зубов возраст индивидуума – 35–45 лет (*maturus* I – зрелый). Череп долихокранный, грацильный, форма черепной крышки эллипсоидная (см. рис. 6.1). Надпереносье отчетливо выражено. Отмечается посмертная деформация. Подбородочный выступ нижней челюсти сильно выступает. Зубы крупные.

Погребение № 28. Возраст индивидуума – около 55–60 лет (*maturus* II – зрелый). Череп плохой сохранности без лицевого скелета. Сохранилась только черепная крышка *(calva)*. Ее форма сфероидная (см. рис. 6.1). Признаки полового диморфизма выражены крайне противоречиво. С одной стороны, череп небольшой, а с другой – основание сосцевидного отростка широкое, отчетливо выражена *linea nuche superior*, затылочный бугор крючковидной формы. Малые размеры головы не соответствуют большим размерам бедренных костей. Во фрагменте тела нижней челюсти зубы мелкие, подбородочный выступ хорошо выражен. Совокупность структурных особенностей скелета позволяет предположить, что он принадлежит грацильному, высокорослому, долихоморфному мужчине.

Погребение № 31. Возраст индивидуума – 45–50 лет (*maturus* II – зрелый). Череп плохой сохранности без лицевого отдела (см. рис. 6.1). Форма мозгового отдела черепа ромбовидная. На сохранившемся фрагменте средней части тела нижней челюсти отчетливо выражен подбородочный выступ. Визуально отмечается большое сходство в строении черепа с таковым черепа из погребения № 28, возможно родство. В левой лобно-глазничной области видны следы ударов рубящим орудием (рис. 6.3, *б*). Справа в области теменной, височной, затылочной костей, также видны следы удара рубящим орудием. Слева в области средней части затылочной кости находится отверстие округлой формы, около 3,5 см в диаметре, со следами заживления, искусственного происхождения (рис. 6.4).

Погребение № 33. Возраст индивидуума – 50–60 лет (*maturus* II – *seniles*). Сохранилась только черепная крышка *(calva)*. Ее форма эллипсоидная, долихокранная (см. рис. 6.1). Следы ударов рубящим орудием заметны в правой лобно-глазничной области, в левой лобно-височной, затылочной и основной области костей черепа (рис. 6.3, *в*). Череп грацильный. Пол определен по структуре костей тазового пояса.

Женские черепа.

Погребение № 12. Возраст индивидуума – 25–30 лет (*adultus* I – молодой). Череп сфероидной формы, в значительной степени разрушен, отслоен компактный слой костей, отсутствуют скуловые и лобные отростки. В левой части ламбдовидного шва – единичные вставные косточки. От лицевого отдела остались лишь плохой сохранности фрагменты правой и левой частей верхней челюсти, фрагмент нижней челюсти.

Погребение № 13. Возраст индивидуума – 30–35 лет (*adultus* II – молодой). Череп пентогоноидной формы, удовлетворительной сохранности с лицевым отделом и фрагментом нижней челюсти.

Серия исследована по традиционной краниометрической и краниоскопической расовой программе. Материал обработан методом описательной статистики. Для сравнения привлечены средние арифметические величины исследованных ранее серий из Гродненской области: из грунтового могильника XI–XII вв. в г. Новогрудке, сборной серии из курганных могиль-

ников XI–XIII вв. вокруг г. Новогрудка, из грунтового могильника X–XIII вв. с каменными кладками.

Статистические параметры серии, рассчитанные для исследованных краниометрических признаков, представлены в табл. 6.1, 6.2. В них приведены только те признаки стандартной краниологической программы, которые удалось измерить.

Таблица 6.1. **Основные статистические параметры краниометрических показателей серии мужских черепов из курганных погребений XI–XII вв. в г. Друцке**

Признак	*n*	*M*	*m(M)*
Мозговой отдел черепа, мм			
1. Продольный диаметр от глабеллы	6	177,50	3,32
1а. Продольный диаметр от офриона	4	176,00	2,04
8. Поперечный диаметр	5	135,00	2,06
17. Высотный диаметр (базион-брегма)	4	135,00	1,11
5. Длина основания черепа	1	107,00	–
9. Наименьшая ширина лба	2	88,50	5,50
10. Наибольшая ширина лба	2	117,00	5,00
11. Ширина основания черепа	3	118,67	1,67
12. Ширина затылка	2	111,00	4,00
Указатели, ед.			
8:1. Черепной	5	76,90	2,32
17:1. Высотно-продольный	4	76,95	2,49
17:8. Высотно-поперечный	4	98,21	1,34
9:8. Лобно-поперечный	2	66,98	2,14
9:10. Широтный лобный	2	75,58	1,47
12:9. Затылочно-лобный	1	113,83	–
Лицевой отдел черепа, мм			
45. Скуловой диаметр	2	136,50	3,50
Нижняя челюсть, мм			
65. Мыщелковая ширина	1	130,00	–
66. Угловая ширина	1	108,00	–
67. Передняя ширина	2	44,00	1,00
69. Высота симфиза	3	34,33	0,88
69(3). Толщина ветви	3	13,17	0,60

Примечание: n – количество исследованных черепов; *M* – среднее арифметическое значение признака; *m(M)* – статистическая ошибка среднего арифметического значения признака.

Таблица 6.2. **Основные статистические параметры краниометрических показателей серии женских черепов из курганных погребений XI–XII вв. в г. Друцке**

Признак	*n*	*M*	*m(M)*
Мозговой отдел черепа, мм			
1. Продольный диаметр от глабеллы	2	168,00	2,00
8. Поперечный диаметр	2	136,00	2,00
17. Высотный диаметр (базион-брегма)	2	125,00	2,00
5. Длина основания черепа	1	92,00	–
9. Наименьшая ширина лба	1	97,00	–
10. Наибольшая ширина лба	1	117,00	–
11. Ширина основания черепа	2	114,50	1,50
12. Ширина затылка	2	109,00	1,00
Указатели, ед.			
8:1. Черепной	2	80,98	2,15
17:1. Высотно-продольный	2	74,40	0,30
17:8. Высотно-поперечный	2	91,95	2,82
9:8. Лобно-поперечный	1	72,39	–
9:10. Широтный лобный	1	82,91	–
12:9. Затылочно-лобный	1	113,40	–
Лицевой отдел черепа, мм			
40. Длина основания лица	1	96,00	–
43. Верхняя ширина лица	1	102,00	–
45. Скуловой диаметр	1	122,00	–
48. Верхняя высота лица	1	64,00	–
51. Ширина орбиты максилло-фронтальная	1	42,00	–
52. Высота орбиты	1	34,00	–
54. Ширина грушевидного отверстия	1	23,00	–
55. Высота носа	1	48,00	–
60. Длина альвеолярной дуги	1	44,00	–
61. Ширина альвеолярной дуги	1	56,00	–
62. Длина нёба	1	38,00	–
63. Ширина нёба	2	38,00	2,00
Нижняя челюсть, мм			
67. Передняя ширина	2	40,00	–
69. Высота симфиза	2	27,50	2,00
69(1). Высота тела	1	24,00	–
69(3). Толщина ветви	1	17,50	–
71а. Наименьшая ширина ветви (правая)	2	26,00	1,00

Примечание: обозначения те же, что и в табл. 6.1.

Несмотря на то что исследованная мужская серия представлена всего шестью черепами, антропологическую характеристику на среднегрупповом уровне можно дать лишь мозговому отделу черепа, да и то весьма фрагментарно (см. табл. 6.1).

В серии мужских черепов к малым категориям величин относятся продольный и поперечный диаметры, ширина основания черепа, наименьшая ширина лба при средней величине его наибольшей ширины. Ширина затылка и высота черепа от базиона находятся в пределах средних величин, а длина основания черепа – в пределах больших величин. Соотношения размеров мозгового отдела черепа характеризуют его пропорции. Черепной указатель, т. е. соотношение поперечного и продольного диаметров, находится на пограничье малых и средних величин, что соответствует мезодолихокрании. Судя по большим величинам высотно-продольного и высотно-поперечного указателей, мужчины этой серии были относительно высокоголовы, имели среднее соотношение наименьшей ширины лба и поперечного диаметра черепа. Об относительно узком лбе свидетельствует малая величина широтного лобного указателя, отражающего соотношение его наибольшей и наименьшей ширины. Затылочно-лобный указатель средний, что показывает пропорциональность соотношения ширины лба и затылочной части.

Из размеров лица удалось определить только скуловой диаметр (по оставшейся части скуловых дуг) на двух черепах. Средняя величина признака оказалась на грани средних и больших величин.

При средней величине симфиза нижней челюсти значение толщины ее ветви находилась на грани средних и больших величин.

Серия женских черепов, позволяющая получить краниометрические данные, еще малочисленнее, чем мужская (см. табл. 6.2).

Средние величины продольного диаметра двух женских черепов относятся к категории малых величин, а поперечного – к категории средних. При этом черепной указатель находится на грани средних и больших величин, т. е. относится к мезобрахикранному варианту, а высотный диаметр – на грани малых и средних величин. На единственном черепе удовлетворительной сохранности удалось измерить и охарактеризовать его длину основания как малую, наименьшую ширину лба как большую, а наибольшую – как средней величины. Средняя величина снования черепа для двух черепов находится в пределах средних величин, а ширина затылка относится к категории больших величин. Соответственно, высотно-продольный и высотно-поперечный указатели варьируют в пределах средних величин, лобно-поперечный относится к большим величинам, а широтный лобный – к средним.

Лицевой отдел частично сохранился только у одного женского черепа (погребение № 13). Краниометрические данные позволяют отнести его скуловой диаметр и верхнюю ширину лица, длину основания лица, верхнюю высоту лица и высоту носа к категории средних величин. Однако ширина грушевидного отверстия малая, что свидетельствует об узконосости этого

Таблица 6.3. **Сравнительная характеристика средних значений краниологических показателей серий черепов из могильников XI–XIII вв. с территорий Витебской и Гродненской областей**

Признак	Мужские краниологические серии				Женские краниологические серии			
	Курганные могильники XI–XII вв. из Друцка	Могильники Гродненской области			Курганные могильники XI–XII вв. из Друцка	Могильники Гродненской области		
		Курганные могильники XI–XIII вв. вокруг Новогрудка	Грунтовой могильник конца XI в. – начала XII в. в Новогрудке	Грунтовой могильник X–XIII вв. с каменными кладками в Вензовщине		Курганные могильники XI–XIII вв. вокруг Новогрудка	Грунтовой могильник конца XI в. – начала XII в. в Новогрудке	Грунтовой могильник X–XIII вв. с каменными кладками в Вензовщине
Количество черепов в серии	6	17	29	20	2	21	14	12
Мозговой отдел черепа, мм								
1. Продольный диаметр	177,5	184,9	188,5	182,2	168,0	177,2	178,5	169,4
8. Поперечный диаметр	135,0	138,7	140,1	142,0	136,0	138,8	135,2	138,8
17. Высотный диаметр *(ba–br)*	135,3	134,4	138,1	134,6	125,0	127,8	130,3	130,6
8:1. Черепной указатель, ед.	76,9	75,1	74,1	78,5	81,0	78,3	75,5	82,0
Лицевой отдел черепа, мм								
45. Скуловая ширина	136,5	132,7	132,5	127,1	122,0	122,2	124,1	120,5
48. Верхняя высота лица	–	69,0	70,6	64,8	63,0	64,0	65,6	64,8
52. Высота орбиты	31,9	31,5	31,8	31,5	34,0	31,6	31,7	29,6
54. Ширина грушевидного отверстия	–	24,2	25,4	24,5	25,0	23,0	24,2	23,9

черепа. Ширина орбиты большая, а высота средняя, т. е. череп относительно низкоорбитный.

Рассчитанная для двух женских черепов средняя величина наименьшей ширины ветви нижней челюсти и ее передняя ширина очень малые, высота симфиза малая.

Чтобы определить место исследованной коллекции черепов среди антропологического состава населения, обитавшего на территории Беларуси в тот же период, для сравнительного анализа были привлечены полученные ранее основные расодиагностические краниометрические показатели серий из соседней Гродненской области [Салівон, 1971, вип. 5; 1989, № 3; Коробушкина, 1990, № 3] (табл. 6.3).

Учитывая большую индивидуальную вариабельность отдельных экземпляров, по структурным особенностям лицевого скелета и черепному указателю единичных черепов можно лишь гипотетически охарактеризовать их в качестве наиболее близких к грацильной мезокранной серии из могильника X–XIII вв. с каменными кладками в д. Вензовщина.

Исследованные мужские и женские черепа из Друцка выделяют наименьший продольный и поперечный диаметры черепа. По черепному указателю мужские и женские черепа занимают промежуточное положение между сериями из курганных могильников XI–XIII вв. вокруг г. Новогрудка и из грунтового могильника с каменными кладками в д. Вензовщина X–XIII вв., однако сельская и городская серии из Новогрудка более массивны и долихокранны.

Реконструкция облика ребенка (погребение № 35) из коллективного кургана XII в. в Друцке. Из-за незавершенного процесса костеобразования детские кости обычно плохо сохраняются в погребениях, разлагаясь в земле довольно быстро. Однако в данном случае сохранилась значительная часть лицевого скелета: фрагменты правой и левой верхних челюстей, правая носовая кость, фрагменты правой и левой височных костей и основной кости, фрагменты нижней челюсти. В альвеолах верхней и нижней челюстей сохранились коренные молочные зубы – первые моляры и первые премоляры, некоторые зачатки постоянных зубов в теле верхней челюсти (рис. 6.5–6.7).

До периода полового созревания установить пол индивида на основании морфологических особенностей его скелета, а тем более только его фрагментов, не представляется возможным. При проведении археологических раскопок погребения ребенка была найдена позолоченная пуговица, свидетельствующая наряду с другими ритуальными особенностями о его высоком социальном статусе. В данном курганном могильнике пуговицы были встречены только в мужских погребениях. На этом косвенном основании авторы предполагают, что ребенок был мужского пола.

Скульптор Л. П. Яшенко по фрагментам скелета лицевого и мозгового отделов реставрировал его череп (фото 14). Был восстановлен весь зубной ряд и воссоздана форма прикуса. Общие размеры лицевого скелета с коренными молочными зубами в альвеолах позволяют определить примерный биологический возраст ребенка – от 3 до 5 лет.

Состояние лицевого скелета после реконструкции предоставило возможность дать визуальную оценку его структурных особенностей. Лицо невысокое, средней ширины со слегка выступающим вперед альвеолярным отростком (мезогнатное). Соединенный с лицевым отделом фрагмент лобной кости дает представление о строении орбит и переносья. В данном случае орбиты имеют форму, характерную для детского возраста – овальные, высокие, с тонкими краями. Носовая область типична для представителей европеоидной расы – грушевидное отверстие довольно узкое, с острыми краями и заостренной, сильно выступающей носовой остью; переносье и носовые отростки верхней челюсти средней ширины, носовая кость сильно выступает вперед (сильно наклонена по отношению к горизонтальной плоскости).

После реставрации скелетной основы лица Л. П. Яшенко начата реконструкция скульптурного портрета ребенка.

Небольшая коллекция черепов (шесть мужских и два женских), полученная при археологических раскопках курганных погребений XI–XII вв. на территории Друцка, была исследована визуально и измерена по традиционной краниометрической программе. Из-за плохой сохранности костного материала не удалось получить информацию о таких важных для расовой диагностики структурных показателях лицевого скелета, как степень выступания переносья и уплощенность лицевого отдела, угол выступания носовых костей. По фрагментарным визуальным и краниометрическим данным серию этих черепов можно отнести к одному из грацильных мезокранных вариантов большой европеоидной расы, встречавшихся на территории Беларуси в начале 2-го тысячелетия н. э. Более точная характеристика возможна при дальнейшем пополнении коллекции новыми материалами.

6.2. Состояние зубной системы погребенных
(О. В. Тегако)

Зубная система человека является объектом, устойчивым к внешним воздействиям окружающей среды. Хорошая сохранность в почвах зубов на ископаемых останках погребенных людей позволяет производить непосредственное сопоставление структурных особенностей коронок и корневой системы у древнего и современного населения конкретной территории. Одонтологические исследования помогают получить важную информацию о расовых чертах, эволюционных процессах, заболеваемости, особенностях питания населения, жившего в различные эпохи. Данное исследование является частью комплексного изучения материалов из археологических раскопок, проведенных под руководством археологов О. Н. Левко и А. В. Войтеховича на территории д. Друцк Толочинского района Витебской области и посвящено зубной системе ископаемых людей.

Проведено одонтоскопическое и одонтометрическое исследование сохранившихся останков зубной системы восьми индивидуумов из курганных погребений XII в. Возраст и пол ископаемых был определен И. И. Саливон в ходе антропологического исследования скелетов. Из восьми скелетов

шесть относятся к мужскому полу и два – к женскому. Возраст *adultus* имеют три скелета, *maturus* I – один скелет, *maturus* II – три скелета, *senilis* – один скелет.

Верхняя челюсть либо ее фрагменты и зубы сохранились у пяти индивидуумов, а нижняя челюсть полностью либо фрагментарно – у всех ископаемых индивидуумов.

При исследовании учитывалось наличие патологических изменений зубов и челюстей, степень стертости зубных тканей, проводились также измерения коронок и корней некоторых изолированных зубов. К сожалению, исследование зубов с учетом расово-диагностических критериев не представляется возможным из-за неудовлетворительной сохранности вследствие стертости тканей либо отслоения эмали.

Степень сохранности костей зубочелюстного аппарата и зубов представлена в табл. 6.4.

Таблица 6.4. **Состояние костей зубочелюстного аппарата и зубов в серии первой половины XII в. из раскопок в д. Друцк Толочинского района Витебской области**

Захоронение / находка	Пол, возраст индивида	Сохранность зубочелюстного аппарата
Костяк 1	Мужской, *adultus* (30–35 лет)	Верхняя челюсть отсутствует, сохранилась нижняя челюсть, имеются правый и левый нижние первые моляры и правый нижний второй моляр
Погребение № 13 (курган 40, костяк 2)	Женский, *adultus* (30–35 лет)	Сохранились верхняя челюсть, нижняя челюсть с зубами
Погребение 3	Мужской, *senilis* (старше 60 лет)	Сохранились два фрагмента нижней челюсти с зубами, часть верхней челюсти с нёбными и альвеолярными отростками, а также некоторые зубы
Погребение № 12 (курган 40, скелет 3)	Женский, *adultus* I (около 30 лет)	Сохранились правая и левая части верхней челюсти и нижняя челюсть
Погребение № 18	Мужской, *maturus* I	Сохранились верхняя челюсть с некоторыми зубами, часть нижней челюсти с некоторыми зубами
Погребение № 28	Мужской, *maturus* II (около 60 лет)	Сохранился фрагмент нижней челюсти (левый сегмент) с зубами
Погребение № 31	Мужской, *maturus* II (около 50 лет)	Верхняя челюсть отсутствует, сохранилась нижняя челюсть с некоторыми зубами
Погребение № 33	Мужской, *maturus* II (50–60 лет)	Сохранилась нижняя челюсть с некоторыми зубами

Далее представлено подробное описание сохранившихся материалов по каждому захоронению из раскопок в д. Друцк.

Костяк 1. Пол мужской, возраст *adultus* (30–35 лет). Верхняя челюсть отсутствует. Сохранилась нижняя челюсть, в которой частично присут-

ствуют зубы. Эмаль зубов в значительной степени повреждена вследствие посмертного усыхания дентина. Множественные растрескивания и сколы эмали затрудняют измерение зубов и определение расодиагостических признаков. Отмечено зарастание лунок второго и третьего нижних моляров слева вследствие прижизненной их потери. Первый нижний моляр (M_1) слева разрушен осложненным кариозным процессом – в области верхушки медиального корня обнаружен очаг деструкции кости нижней челюсти округлой формы размером 5 × 5 мм (гранулема) (рис. 6.8).

Степень стертости зубов нижней челюсти относится к баллу 2; за исключением нижнего первого моляра справа (M_1) – балл 4; и нижнего второго моляра справа (M_2) – балл 3 (рис. 6.9).

Измерить удалось только коронку нижнего третьего моляра справа (М3): VL = 9,4 мм, MD = 9,2 мм.

Погребение № 13 (курган 40, костяк 2). Пол женский, возраст *adultus* (30–35 лет). Сохранились верхняя и нижняя челюсти, а также некоторые премоляры и моляры в верхней и нижней челюстях. На сохранившихся зубах кариес отсутствует. Степень стертости зубов соответствует баллу 3. Первые моляры нижней челюсти (M_1) утрачены при жизни вследствие осложненного кариеса или болезней периодонта. Наблюдается резорбция костной ткани альвеолярного отростка нижней челюсти в области утраченных при жизни первых моляров (M_1).

Погребение № 3. Пол мужской, возраст *senilis* (старше 60 лет). Сохранились часть верхней челюсти с нёбными и альвеолярными отростками (рис. 6.10), зубы верхней и нижней челюстей (рис. 6.11). Отмечаются множественные трещины, сколы и деструкция эмали зубов. Проведены измерения зубов с хорошо сохранившейся эмалью: верхнего клыка справа (С), верхнего центрального резца слева (I^1), нижнего латерального резца справа (I_2) (табл. 6.5). Наблюдается прижизненная потеря второго и третьего верхних моляров слева (M^2, M^3) и нижнего третьего моляра слева (M_3), либо он не прорезался.

Таблица 6.5. **Размеры зубов индивидуума из погребения № 3**

Зуб	Высота зуба	Высота корня	Высота коронки	Мезиодистальный диаметр коронки	Вестибулолингвальный диаметр коронки	Мезиодистальный диаметр корня	Вестибулолингвальный диаметр корня
Верхний центральный резец слева (I^1)	21,5	13,5	8,0	8,2	8,0	5,3	5,7
Верхний клык справа (С)	25,9	17,0	8,9	8,1	8,4	5,0	7,6
Нижний латеральный резец справа (I_2)	21,5	14,1	7,4	5,9	5,7	3,3	6,0

Степень стертости зубов варьирует от балла 2 на премолярах верхней челюсти P^1, P^2 до балла 5 на нижних первых молярах M_1 с обеих сторон и балла 6 на нижних втором и третьем молярах справа M_2, M_3.

Погребение № 12 (курган 40, скелет № 3). Пол женский, возраст *adultus* I (около 30 лет). Сохранились правая и левая части верхней челюсти и нижняя челюсть. Присутствуют здоровые зубы – верхние моляры, премоляры, а также нижние резцы, клыки, первые моляры. Нижние вторые моляры (M_2) и нижний третий моляр слева (M_3) повреждены кариесом. Степень стертости зубов варьировала от балла 1 (третьи моляры, нижние резцы и клыки) до балла 3 (верхние и нижние первые моляры M^1, M_1).

Погребение № 18. Пол мужской, возраст *maturus* I. Сохранились верхняя и нижняя челюсти с небольшим количеством зубов (рис. 6.12–6.14). Измерения зубов затруднены из-за плохой сохранности эмали и дентина.

Сохранились 20 зубов, относящихся к верхней и нижней челюсти. Нижние второй и третий моляры слева (M_2, M_3), а также нижний латеральный резец справа (I_2) повреждены кариесом. Степень стертости большинства зубов характеризуется баллом 2, верхнего первого моляра справа (M^1), верхнего второго моляра слева (M^2), нижнего первого моляра слева(M_1) – баллом 3, а верхнего первого моляра слева (M^1) – баллом 4.

Погребение № 28. Пол мужской, возраст *maturus* (около 60 лет). Сохранился фрагмент нижней челюсти (левый сегмент) с зубами. Эмаль растрескавшаяся, что затрудняет измерения зубов. Сохранены четыре интактных зуба: нижние первый премоляр (P_1) и моляры слева (M_1, M_2, M_3), а также только корни нижних резцов.

Погребение № 31. Пол мужской, возраст *maturus* II (около 50 лет). Верхняя челюсть отсутствует. Сохранилась нижняя челюсть с некоторыми зубами (рис. 6.15). Эмаль и дентин зубов имеют значительные множественные трещины и сколы. Отмечена прижизненная утрата зубов нижних первого и второго моляров справа (M_1, M_2) с резорбцией лунок.

Погребение № 33. Пол мужской, возраст *maturus* II (50–60 лет). Без патологических изменений зубы – вторые и третьи нижние моляры справа и слева (M_2, M_3). Коронки первых моляров нижней челюсти и первого премоляра нижней челюсти справа (P_1) стерты до уровня корней либо разрушены кариесом (возможна посмертная деструкция), корни сохранены (рис. 6.16).

В результате посмертной деструкции и растрескивания эмали и дентина большинства зубов не представляется возможным исследовать расово-диагностические признаки. Однако при исследовании останков зубной системы ископаемого материала из археологических раскопок в Друцке выявлены:

1) высокий уровень распространенности кариеса. Из восьми ископаемых объектов кариес присутствовал у шести, что составляет 75,0 % распространенности среди исследованной серии;

2) интенсивность кариеса составила от двух до трех кариозных и прижизненно утраченных зубов (суммарно) у каждого из индивидуумов;

3) наличие осложненных форм кариеса с образованием гранулем, с деструкцией костной ткани за пределами корня (костяк из погребения № 1);

4) прижизненную утрату зубов в трех случаях из восьми исследованных объектов (37,5%);

5) интенсивность стертости зубов варьирует от балла 2 до балла 6 в соответствии с возрастом индивидуумов.

Состояние зубной системы позволяет составить некоторое представление о рационе питания жителей Друцка, захороненных в данном курганном погребении. Высокая степень пораженности зубов кариесом, возможно, была обусловлена значительной долей в рационе питания углеводистых продуктов (злаков, меда, сахарной свеклы ?), а значительная степень стертости зубов – употреблением жесткой пищи.

6.3. Половозрастные особенности посткраниального скелета исследованных останков *(О. В. Марфина)*

В соответствии с программой комплексного исследования костного материала, собранного во время археологических раскопок 2008–2010 гг., проведенных под руководством профессора О. Н. Левко и А. В. Войтеховича на территории д. Друцк Толочинского района Витебской области были осуществлены измерения посткраниальных скелетов взрослых индивидов по стандартной методике [Алексеев В. П., 1966]. Результаты были зафиксированы в антропологическом бланке. Количество обследованных мужских скелетов – 5, женских – 1.

Погребение № 1. Кости посткраниального скелета удовлетворительной сохранности и представлены парными правыми и левыми ключицами, фрагментами двух лопаток, ребрами, костями позвоночного столба и фрагментами тазовых костей. Сохранились длинные трубчатые кости верхних конечностей – парные правые и левые плечевые, локтевые и лучевые кости, а также мелкие кости кистей и нижних конечностей – парные правые и левые бедренные, большеберцовые и малоберцовые кости и мелкие кости стоп.

Исследование фрагментов костей таза показало, что большая седалищная вырезка образует острый угол. Особенности костной системы погребенного (массивность костей, резко выраженный рельеф в местах прикрепления мышц) также позволили отнести их к мужскому полу (рис. 6.17, *а*). Способом, учитывающим возрастные изменения внешней поверхности отдельных костей (степень изношенности суставных хрящей, изменения наружного слоя трубчатых костей), был определен возраст – молодой (*adultus* II) – 30–35 лет (ближе к 35 годам).

На многих костях мужчины из погребения № 1 отмечаются различные особенности. На правой ключице больше развит рельеф места прикрепления связки, которая тянет ключицу к первому ребру (рис. 6.18). На левой ключице хорошо развит рельеф места прикрепления большой грудинной мышцы, которая обеспечивает поворот руки вперед и вверх (рис. 6.19). Судя по местам прикрепления сухожилий на костях скелета, у мужчины из погребения № 1 можно говорить о сильном развитии мышц поднимающих, опускающих и вращающих плечо. На левой плечевой кости имеется межмыщелковое округлое отверстие (диаметр 0,4 см) (рис. 6.20). На теле локтевой кости также слева в ее нижней четверти утолщение, которое могло

возникнуть вследствие сильного ушиба или зажима (рис. 6.21). В нижней трети правой малоберцовой кости зафиксирована костная мозоль, возможно, после заживления перелома или трещины (рис. 6.22). На латеральной поверхности, на границе нижней трети левой большеберцовой кости имеются следы сильного ушиба, осложненного воспалительным процессом (рис. 6.23). Обнаружены следы периостита (воспалительного процесса) на границе верхней трети медиальной поверхности большеберцовой кости. Такое воспаление надкостницы может возникать после открытых переломов или ран (рис. 6.24). Выше середины малоберцовой левой кости (в районе заднего края) имеются следы ушиба с периоститом (рис. 6.25). В поясничном отделе позвоночника между 4–5-м и 3–4-м позвонками видны отчетливые признаки остеохондроза, т. е. комплекса дистрофических нарушений на суставных поверхностях позвонков, что сопровождается уменьшением их высоты, расслоением и деформацией (рис. 6.26).

По костям конечностей осуществлено индивидуальное определение длины тела, являющейся одним из важнейших показателей физического развития. Иногда в сочетании с другими признаками возможно определение расовой принадлежности индивида. Поэтому определение длины тела на палеоантропологическом материале имеет как теоретическое, так и практическое значение для суждения о физическом развитии и расовом типе древних народов. В практическом аспекте актуально сопоставление данных по длине тела древнего населения с материалами современных исследований. На их основании возможно выявление динамики длины тела во времени. Исследователи уделяют серьезное внимание разработке наиболее объективных методов вычисления длины тела по размерам костей скелета, в первую очередь по продольным размерам длинных костей конечностей. Поэтому в научной литературе по остеологии имеются различные таблицы и формулы для определения длины тела.

При восстановлении прижизненной длины тела были использованы формулы К. Пирсона и А. Ли, М. Троттера и Г. Глезера, В. В. Бунака [Алексеев В. П., 1966]. Особенностями различных методов является то, что каждый из них имеет как преимущества, так и недостатки.

Способ К. Пирсона и А. Ли основывается на разработке и интерпретации материалов по населению Франции (серия 100 скелетов в возрасте от 24 до 99 лет), т. е. способ не учитывает возрастных изменений костей. Средний рост мужчин в этой серии составлял 166 см, средний рост женщин – 154 см. Авторы использовали остеометрические данные по четырем костям – плечевой, лучевой, бедренной и большой берцовой – и для них же предложили формулы определения длины тела. Преимуществом данного способа является то, что он был разработан для групп населения, имеющих средний рост, а также то, что, если в распоряжении исследователя имеется только одна трубчатая кость конечностей, можно приблизительно установить длину тела индивида.

Таблицы М. Троттер и Г. Глезер были составлены для европеоидных и негроидных групп населения Америки, отличающихся не только высо-

коростью, но и долихоморфностью, т. е. удлиненными пропорциями верхних и нижних конечностей. Недостатком способа является то, что для мезоморфных и брахиморфных популяций расчеты по этим таблицам несколько завышают показатели длины тела. Для таких групп более подходящей является формула, предназначенная для среднего типа, предложенная В. В. Бунаком. Однако при определении длины тела по этой формуле обязательно наличие всех длинных трубчатых костей конечностей, что довольно редко встречается среди палеоматериалов.

Прижизненная длина тела мужчины из погребения № 1, рассчитанная по формулам К. Пирсона и А. Ли, составила примерно 165,2 см, по таблицам М. Троттер и Г. Глезер – 168,6, В. В. Бунака – 166,0 см. В целом можно говорить о средней длине тела мужчины из погребения № 1.

Погребение № 3. Кости посткраниального скелета неудовлетворительной сохранности и представлены только сохранившимися фрагментами длинных трубчатых костей нижних конечностей – парными правыми и левыми бедренными, большеберцовыми костями. Аномалий не выявлено. Отсутствие эпифизов не позволило определить длину тела, были осуществлены только некоторые измерения трубчатых костей.

Массивность костей нижних конечностей позволяет отнести их к мужскому полу. Головки бедренных и большеберцовых костей отломаны, что позволяет увидеть внутреннюю структуру кости с истонченным вследствие возрастных изменений губчатым веществом. На внешней поверхности костей также видны старческие возрастные изменения (рис. 6.27). Возрастные изменения структуры наружного слоя кости и ее губчатого вещества позволили определить возраст как старческий (*senilis*), старше 60 лет. Плохая сохранность костного материала не позволила обнаружить аномалий костной системы и определить прижизненную длину тела у мужчины из погребения № 3.

Погребение № 13. Кости посткраниального скелета удовлетворительной сохранности. Скелет верхних конечностей представлен длинными трубчатыми костями – парными правыми и левыми плечевыми, локтевыми и лучевыми костями, а нижних конечностей – парными правыми и левыми бедренными, большеберцовыми и костями. Сохранились фрагменты тазовых костей.

Наиболее точное определение пола останков дало исследование костей таза. Известно, что женский и мужской таз различаются своими функциональными нагрузками, отсюда возникают различия в их строении. Особенность строения таза заключалась в форме большой седалищной вырезки, которая у женщин шире, чем у мужчин, и образует прямой угол (см. рис. 6.17).

Рельеф костей из погребения № 13 в местах прикрепления мышц сглажен, что может свидетельствовать о том, что скелет принадлежал женщине (рис. 6.28). По степени изношенности суставных поверхностей костей был определен возраст как молодой (*adultus*) – 30–35 лет. Особенностей костной системы не выявлено. Скелет в целом довольно грацильный.

Прижизненная длина тела женщины из погребения № 13, рассчитанная по формулам К. Пирсона и А. Ли составила примерно 154,2 см, способом М. Троттера и Г. Глезера – 158,2, В. В. Бунака – 156,6 см. Значит, длина тела женщины характеризуется средней по тем временам величиной.

Погребение № 28. Кости посткраниального скелета плохой сохранности. Скелет верхней конечности представлен только фрагментами плечевых и локтевых костей. Скелет нижних конечностей представлен парными правыми и левыми бедренными и большеберцовыми костями. Имеются отдельные позвонки.

Скелет принадлежал мужчине зрелого (*maturus*) возраста – старше 35–40 лет.

Судя по степени выраженности бугристости на большеберцовой кости и малом вертеле, можно полагать, что у мужчины из погребения № 28 очень хорошо была развита мускулатура нижних конечностей.

На медиальной стороне правой большеберцовой кости зафиксирован след травмы – сильного ушиба в нижней части кости (приблизительный размер травмы: высота – 27 мм, ширина – 19 мм). Имеются разрастания на позвонках, которые свидетельствуют о постоянном ношении тяжести (возможно, тяжелой амуниции).

Прижизненная длина тела мужчины из погребения № 28, рассчитанная по формулам К. Пирсона и А. Ли составила примерно 175,4 см, способом М. Троттера и Г. Глезера – 180,0, В. В. Бунака – 176,6 см. Значит, мужчина из погребения № 28 был выше среднего роста даже по современным меркам.

Погребение № 31. Кости посткраниального скелета плохой сохранности и представлены фрагментами двух лопаток, ребрами, костями позвоночного столба. От скелета верхних конечностей остались фрагменты плечевых, локтевых и лучевых костей. От нижних конечностей остались парные правые и левые бедренные и большеберцовые кости. Сохранились фрагменты тазовых костей.

Судя по массивности костей они принадлежали мужчине. Возраст его зрелый (*maturus*) – от 45 до 50 лет. Стертость ушковидной поверхности вертлужной впадины позволяет определить возраст индивида ближе к 50 годам.

На левой большеберцовой кости отмечены последствия травмы в нижнем отделе, над нижним эпифизом. Следы заживления и сращения большой и малой берцовой костей как следствие травмы, осложненной воспалительным процессом. Можно предположить, что травма была нанесена рубящим оружием по левой лодыжке мужчине, сидящему на лошади (рис. 6.29).

Хорошее развитие трубчатых костей верхних и нижних конечностей в местах прикрепления мышц соответствует сильному развитию мышечного каркаса у мужчины из погребения № 31. Отмечается сильное развитие рельефа линии в месте прикрепления камбаловидной мышцы, сокращение которой сгибает и разгибает пятку. Это дает основание предположить, что мужчина много времени проводил в седле (рис. 6.30).

Фиксируется также искривление правой большеберцовой кости. Возможно, у исследованного погребенного были О-образные ноги (передний

край направлен латерально), что может быть следствием перенесенного в детстве рахита, и, возможно, мужчина был всадником.

На многих костях из погребения № 31 отмечаются различные аномалии: на уровне прикрепления камбаловидной мышцы к кости находится дополнительный гребень. На верхнем крае локтевой кости зафиксирована выраженная бугристость. Отмечается гиперостоз (разрастание костной ткани) обеих головок бедренных костей, что может являться ответной реакцией костной ткани на большую нагрузку. В ямке вертлужной впадины выявлен пороз, т. е. уменьшение плотности костной ткани за счет «вымывания» из нее кальция. На позвонках имеются краевые разрастания. Наблюдается артроз межпозвоночных и поясничных суставов, а также артроз позвоночно-реберных суставов как следствие поражения суставных поверхностей, возникающих в результате изнашивания хрящевой ткани.

Прижизненная длина тела мужчины из погребения № 31, рассчитанная по формулам К. Пирсона и А. Ли, составила примерно 167,9 см, способом М. Троттера и Г. Глезера – 171,7, В. В. Бунака – 168,9 см. Значит, мужчина из погребения № 31 имел среднюю по современным представлениям длину тела. Можно предположить, что в то время человека с таким ростом считали бы высокорослым.

Погребение № 33. Кости посткраниального скелета неудовлетворительной сохранности. Скелет представлен лишь левой плечевой и правой большеберцовой костями мужчины старческого (*senilis*) возраста – 55–60 лет. Особенностей костной системы по сохранившимся фрагментам выявить не удалось.

Таким образом, в программу комплексного исследования костного материала, собранного из погребений г. Друцка, были включены измерения посткраниальных скелетов взрослых индивидов. Палеоантропологический анализ затруднен из-за фрагментарности скелетов и неудовлетворительной сохранности. Были отмечены следующие патологические изменения костной системы и травмы: гиперостоз (разрастание костной ткани) головок бедренных костей, пороз (уменьшение плотности костной ткани) в вертлужной впадине, артроз (изнашивание суставных поверхностей) межпозвоночных, поясничных и позвоночно-реберных суставов, деформация тел позвонков, разрастания на позвонках, что могло быть результатом значительной физической нагрузки (погребения № 1, 28, 31). Периостит на медиальной поверхности большеберцовой кости, признаки остеохондроза в поясничном отделе позвоночника (погребение № 1). Искривление большеберцовой кости, возможно, из-за перенесенного в детстве рахита, или вследствие того, что мужчина был всадником (погребение № 31). На многих костях отмечаются последствия травм – следы от сильных ушибов, костные мозоли в местах заживления переломов костей, многочисленные травмы со следами заживления и последующим сращением костей (погребения № 1, 28, 31).

С помощью специальных формул К. Пирсона и А. Ли, М. Троттера и Г. Глезера и В. В. Бунака проведена реконструкция длины тела – важней-

шего показателя физического развития. Наиболее высокорослым оказался мужчина из погребения № 28: длина его тела варьирует от 175,5 до 180,0 см. По тем временам это довольно высокорослый индивид, у которого отмечены следы разрастания на позвонках, что у столь высокого человека могло быть следствием ношения тяжелой амуниции. Прижизненная длина тела мужчины из погребения № 1 варьирует от 165,2 до 166,0 см, мужчины из погребения № 31 – от 167,9 до 171,7 см, что позволяет определить их рост как средний.

Для скелетов мужчин из погребений № 1, 28 и 31 характерно наличие признаков, соответствующих хорошему развитию мышц. Отмечается сильное развитие скелета верхних конечностей, а именно мышц, поднимающих, опускающих, вращающих плечо и нижних конечностей, что определяется степенью выраженности малого вертела тазобедренного сустава, большеберцовой бугристости и места прикрепления камбаловидной мышцы на голени. По-видимому, этим мужчинам в процессе своей жизнедеятельности приходилось заниматься тяжелым физическим трудом, связанным с особой физической нагрузкой на плечевые суставы, а также динамической нагрузкой на суставы нижних конечностей.

* * *

Несмотря на плохую сохранность костных останков людей из коллективного курганного захоронения XI в. – первой половины XII в., комплексное антропологическое исследование позволило сделать следующие выводы.

1. На черепах двух пожилых мужчин (погребения № 31 и № 33) остались следы прижизненных ударов рубящим орудием, на одном из них (№ 31) – округлое отверстие с ровными краями и слабыми следами прижизненного заживления (возможно, результат трепанации черепа).

2. Судя по визуальным и краниометрическим данным, в отношении полуразрушенных черепов шести мужчин в основном пожилого (около 50 лет) и старческого (около 60 лет и старше) возраста одного молодого (30–35 лет) мужчины (погребение № 1) и двух молодых (до 35 лет) женщин, серию этих черепов можно отнести к одному из грацильных мезокранных вариантов большой европеоидной расы, которые встречались на территории Беларуси в начале 2-го тысячелетия н. э. Более точная расовая характеристика возможна при дальнейшем пополнении коллекции новыми материалами из данного региона.

3. Визуально отмечается большое сходство в строении черепов и долихоморфного довольно грацильного посткраниального скелета в погребениях № 31 и № 28. Это позволяет предположить кровное родство данных индивидуумов (братья ?).

4. Сохранившиеся фрагменты верхних и нижних челюстей с оставшимися в них зубами позволили составить общее представление о состоянии зубочелюстного аппарата погребенных в кургане людей. У всех индивидуумов отмечается значительная степень стертости зубов в соответствии с возрастом. Ее степень варьирует от балла 2 до балла 6, что, возможно,

обусловлено преобладанием грубой пищи в рационе питания этой группы населения.

5. Высока частота случаев поражения зубов кариесом: из восьми исследованных объектов кариес присутствует у шести, что составляет 75,0 %. У каждого из индивидуумов оказались кариозными либо прижизненно утраченными от двух до трех зубов. Прижизненная утрата зубов выявлена у трех объектов из восьми исследованных (37,5 %). Встречались осложненные формы кариеса с образованием гранулем, с деструкцией костной ткани за пределами корня. Высокая степень пораженности зубов кариесом могла быть обусловлена значительной долей в рационе питания углеводистых продуктов (злаков, меда, сахарной свеклы ?).

6. Рассчитанная с помощью специальных формул длина тела позволила выявить высокорослость мужчины из погребения № 28, длина тела которого составляла при жизни от 175,5 см до 180,0 см. У него отмечены следы разрастания костной ткани на позвонках, что могло быть следствием существенной нагрузки на позвоночный столб при ношении тяжелой амуниции. Прижизненная длина тела мужчины из погребения № 1 варьирует от 165,2 до 166,0 см, мужчины из погребения № 31 – от 167,9 до 171,7 см, что позволяет расценивать их рост как средний и выше среднего.

7. На костях посткраниального скелета отмечены патологические изменения костной системы: гиперостоз (разрастание костной ткани) головок бедренных костей, пороз (уменьшение плотности костной ткани) в вертлужной впадине, артроз поясничных и позвоночно-реберных суставов вследствие изнашивания межпозвоночных хрящей и суставных поверхностей костей, деформация тел позвонков, костные разрастания на позвонках. Такие возрастные изменения костной системы у мужчин из погребений № 28 и № 31 могли произойти вследствие значительной физической нагрузки. На скелете молодого (30–35 лет) мужчины из погребения № 1 встречены следы периостита на медиальной поверхности большеберцовой кости, признаки остеохондроза в поясничном отделе позвоночника. У мужчины из погребения № 31 выявлено также искривление большеберцовой кости, что могло произойти вследствие перенесенного в детстве рахита или в результате длительного пребывания в седле.

8. На многих костях посткраниального скелета отмечено наличие последствий от полученных травм: следы от сильных ушибов, костные мозоли в местах заживления переломов костей, многочисленные травмы со следами заживления и последующего сращения костей (погребения № 1, 28, 31).

9. По фрагментам скелета лицевого и мозгового отделов реставрирован череп ребенка (погребение № 35). Общие размеры лицевого скелета с коренными молочными зубами в альвеолах позволили определить его биологический возраст: 3-5 лет.

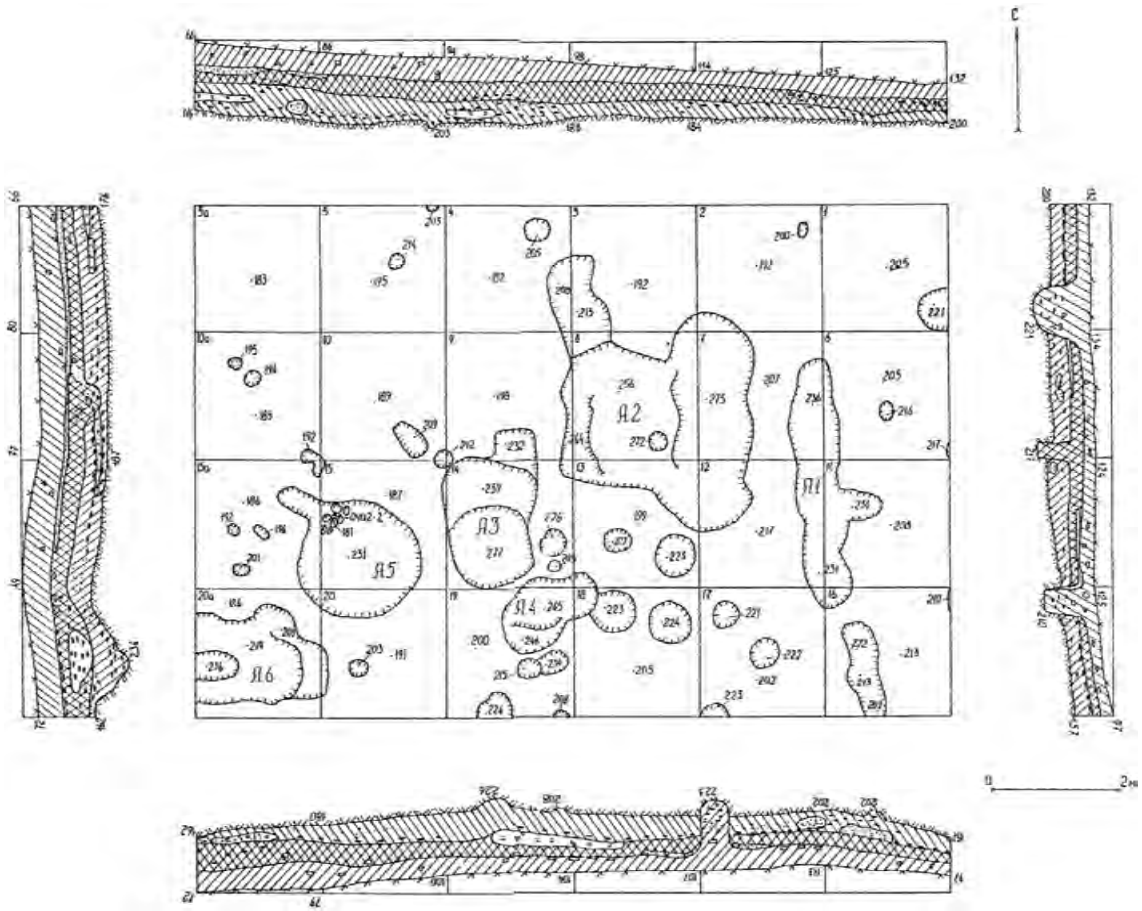


Рис. 3.1. План с материковыми ямами и профили раскопа I. 1999 г. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

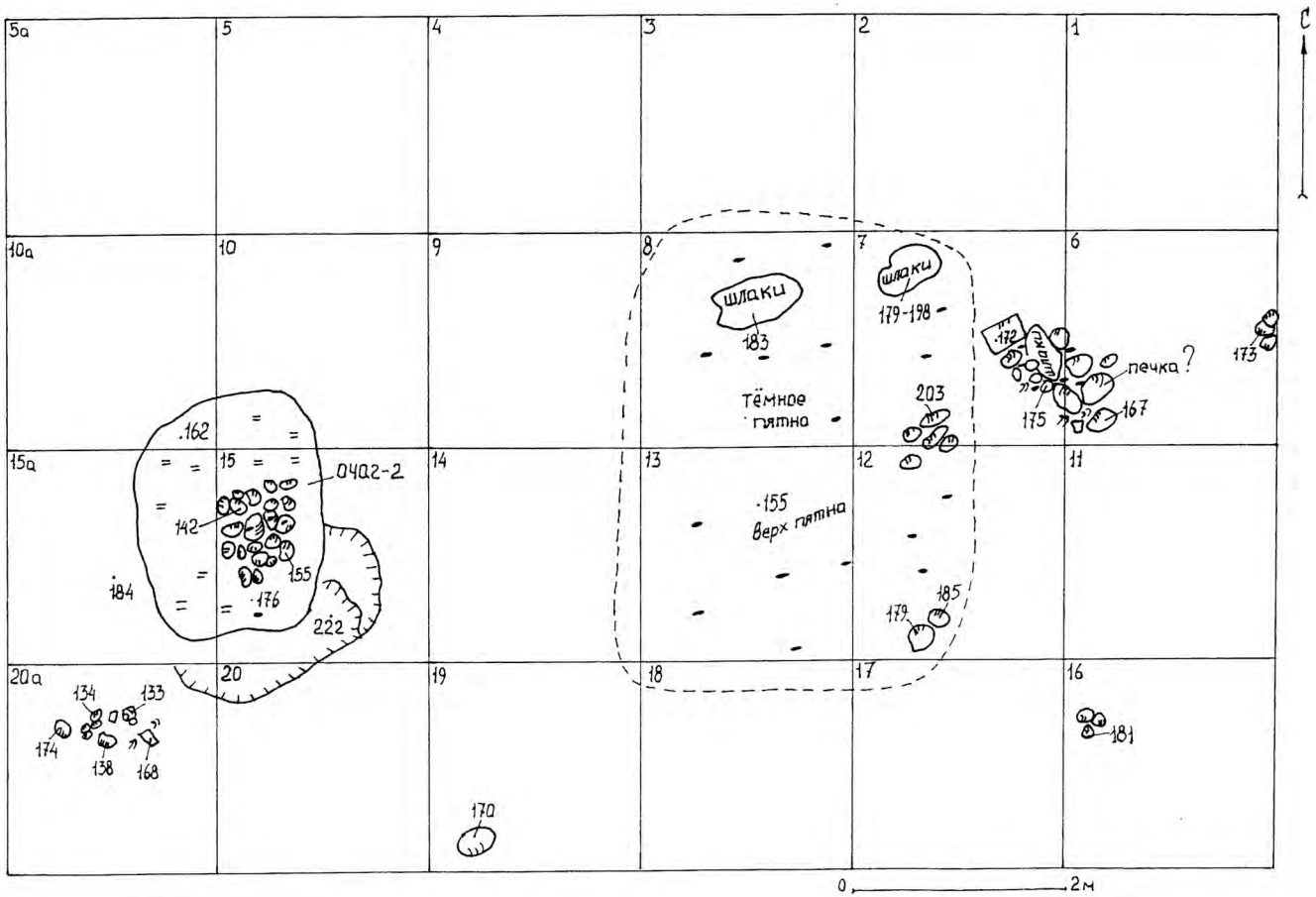


Рис. 3.2. Печь (кузница). Раскоп I. 1999 г. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

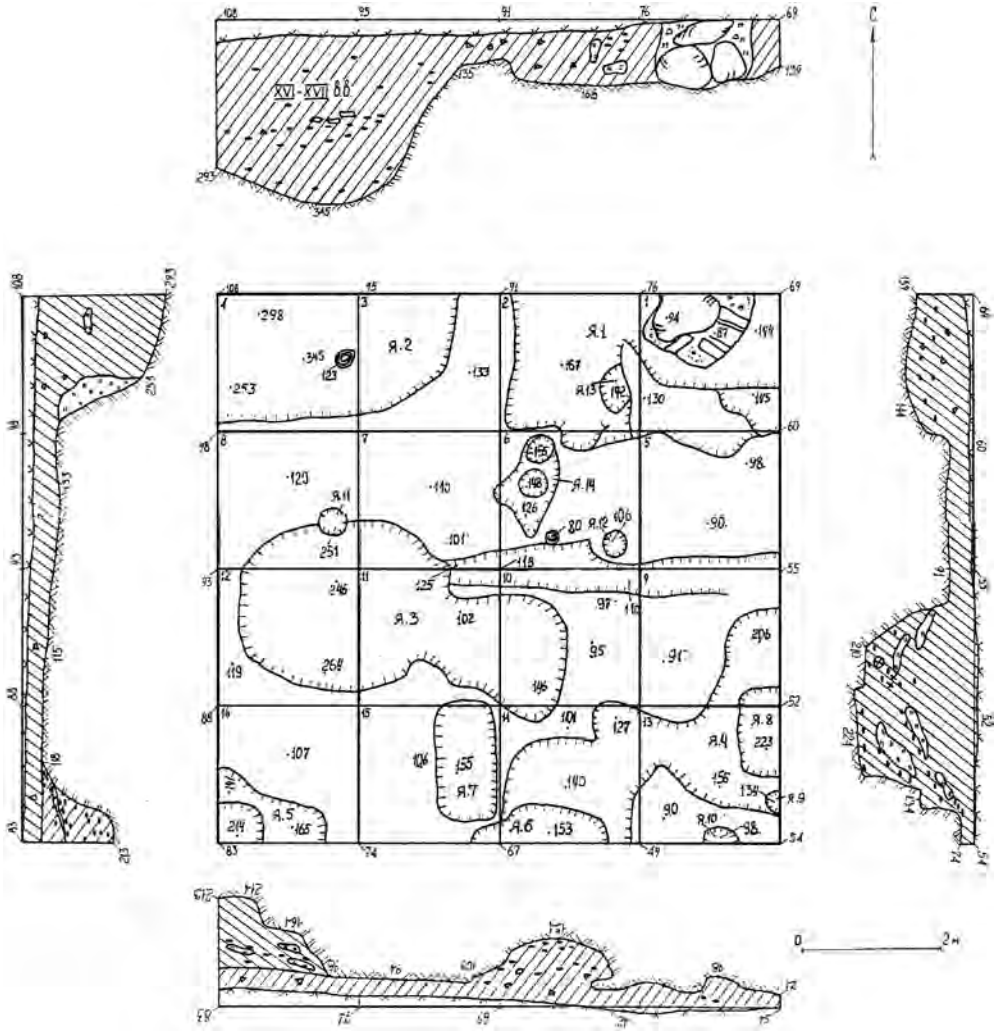


Рис. 3.3. План и профили раскопа V. 2000 г. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

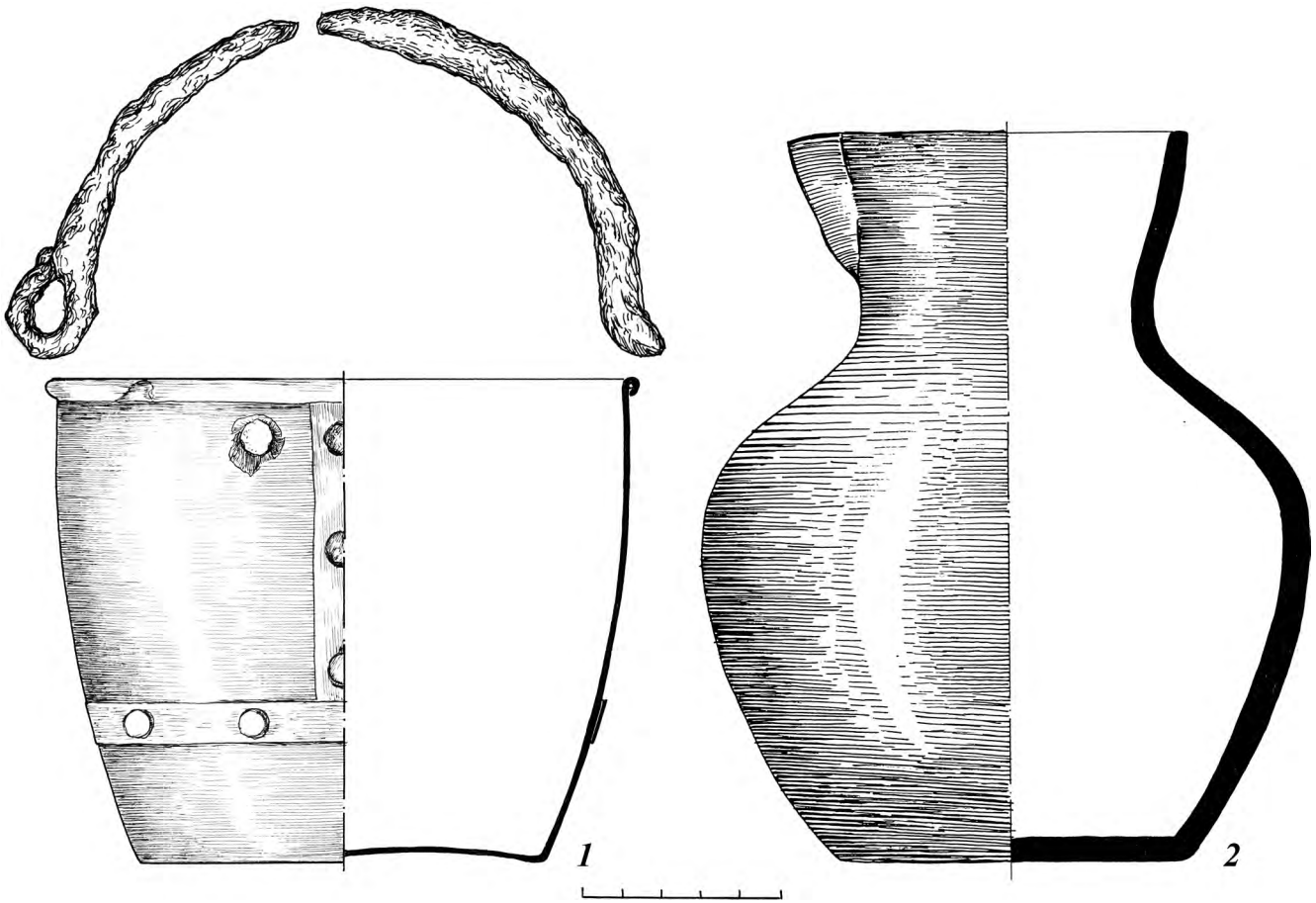


Рис. 3.4. Вещи из ямы 4: *1* – металлический казанок; *2* – глиняный кувшин. XV в. Раскоп V. 2000 г. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

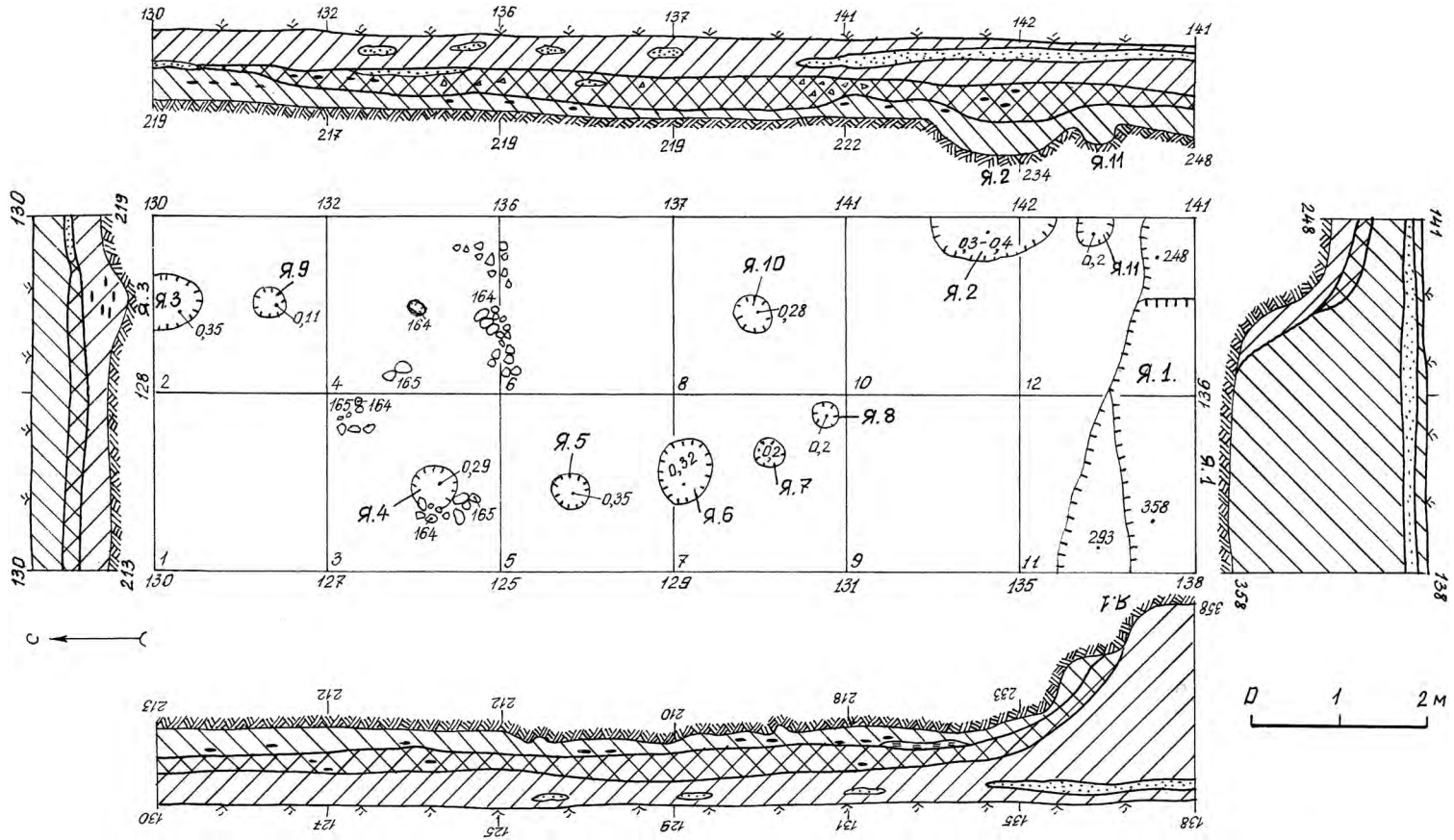


Рис. 3.5. План и профили раскопа VI. 2008 г. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

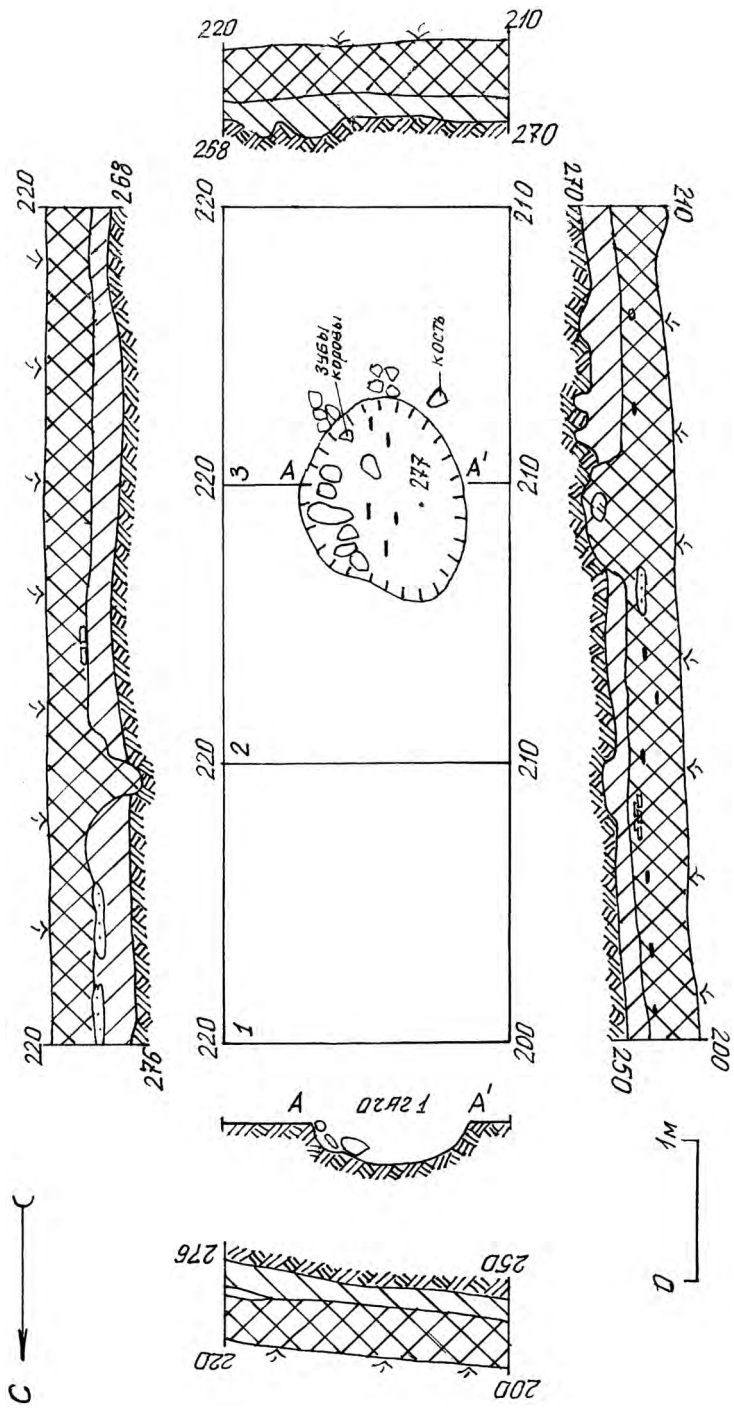


Рис. 3.6. Шурф 13 с очагом XII в. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

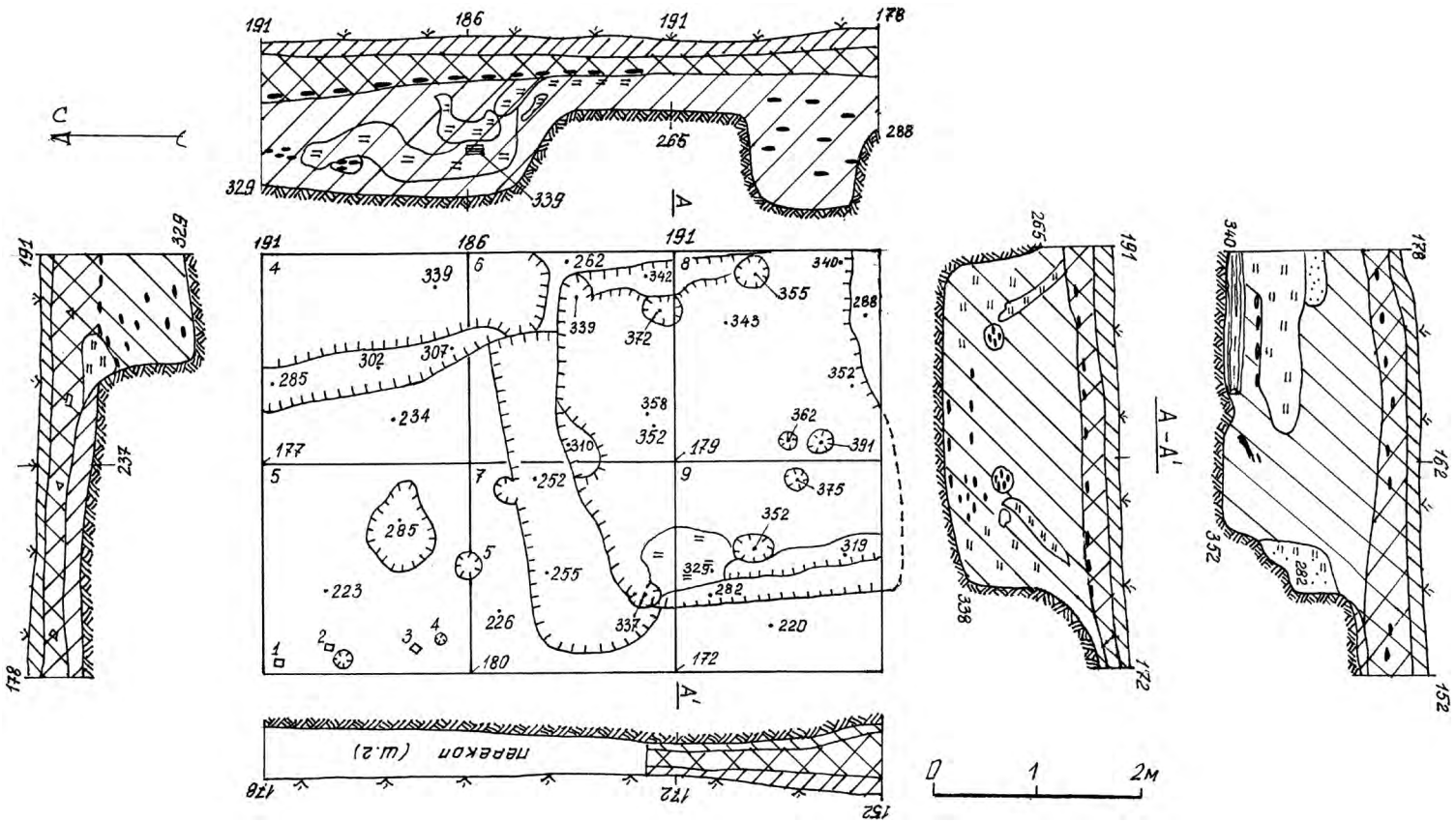


Рис. 3.7. План и профили раскопа VII. 2009 г. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

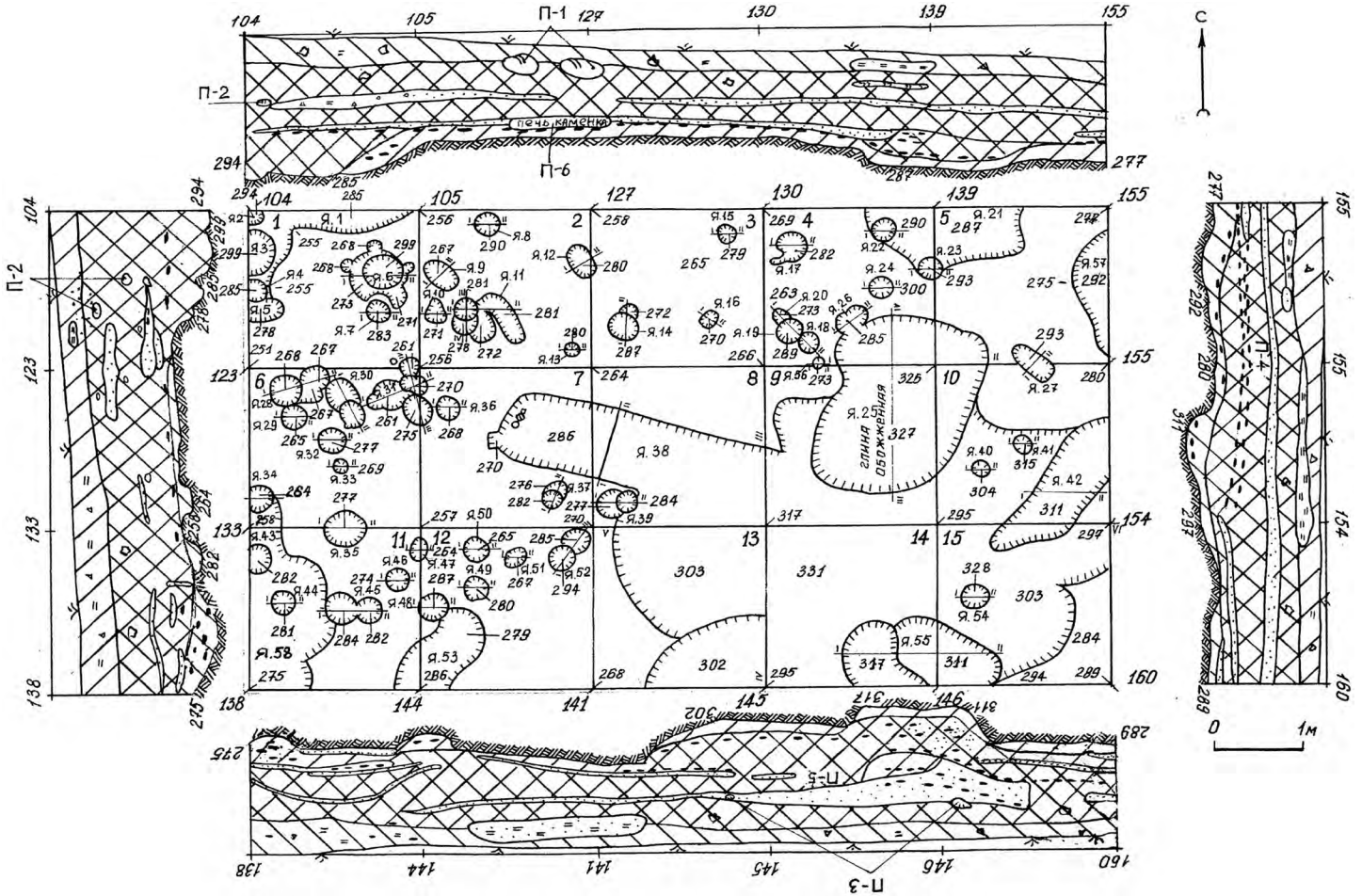


Рис. 3.8. План и профили раскопа VIII. 2013 г. Городище. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

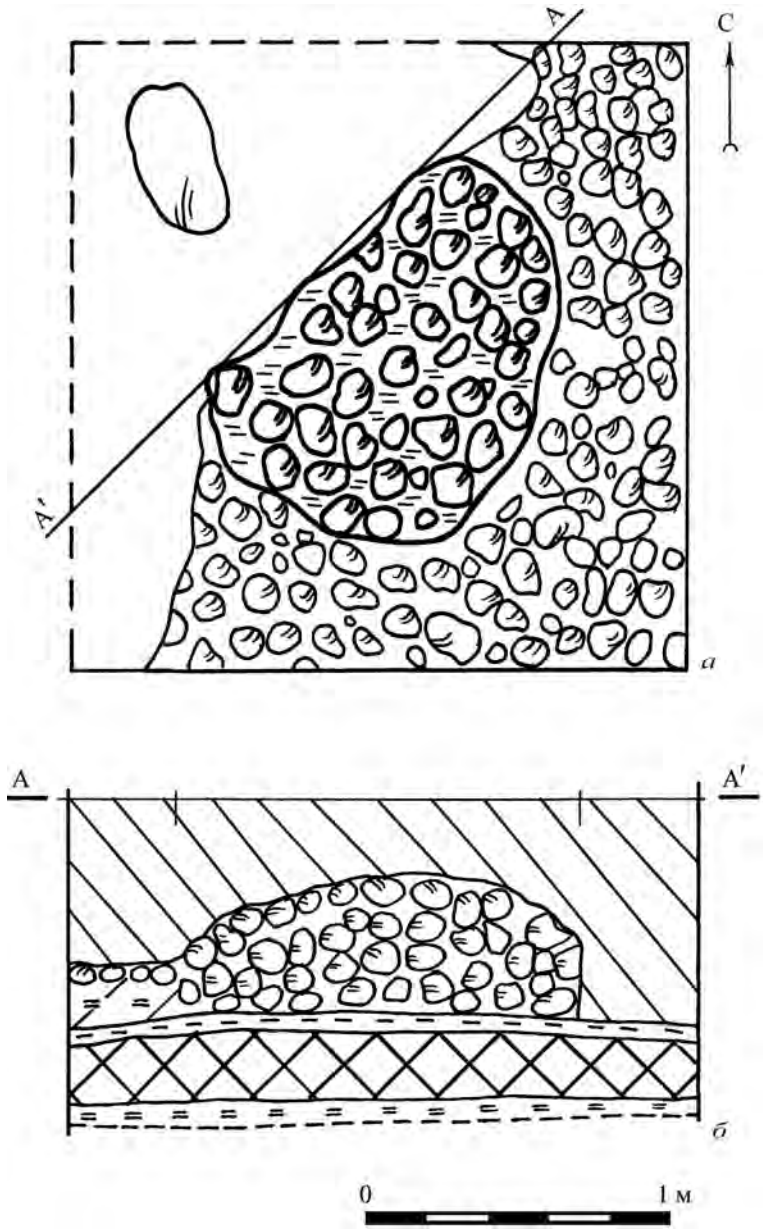
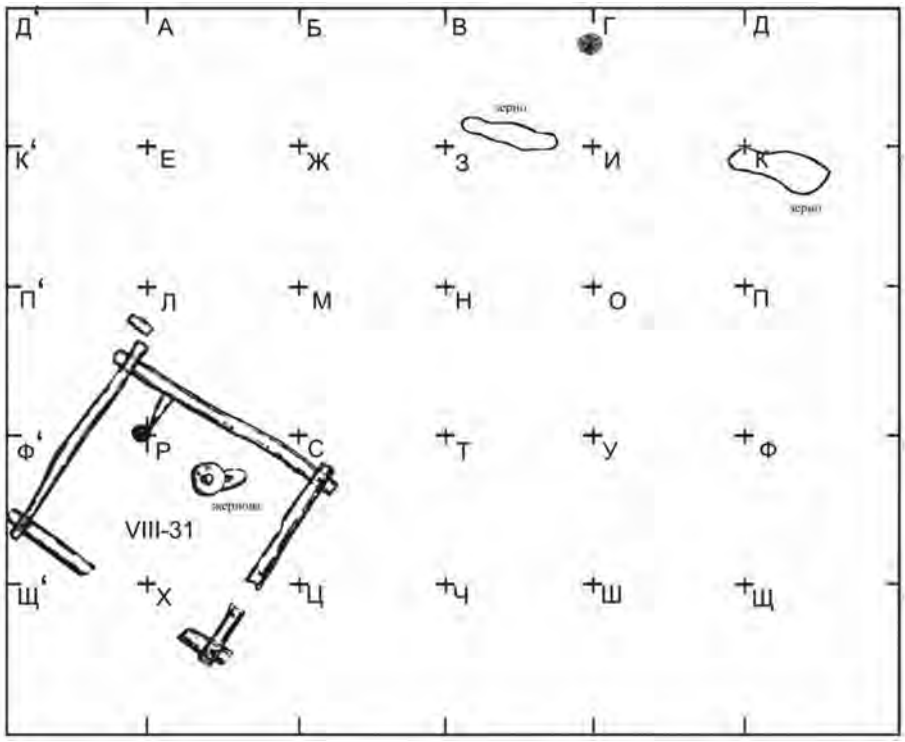
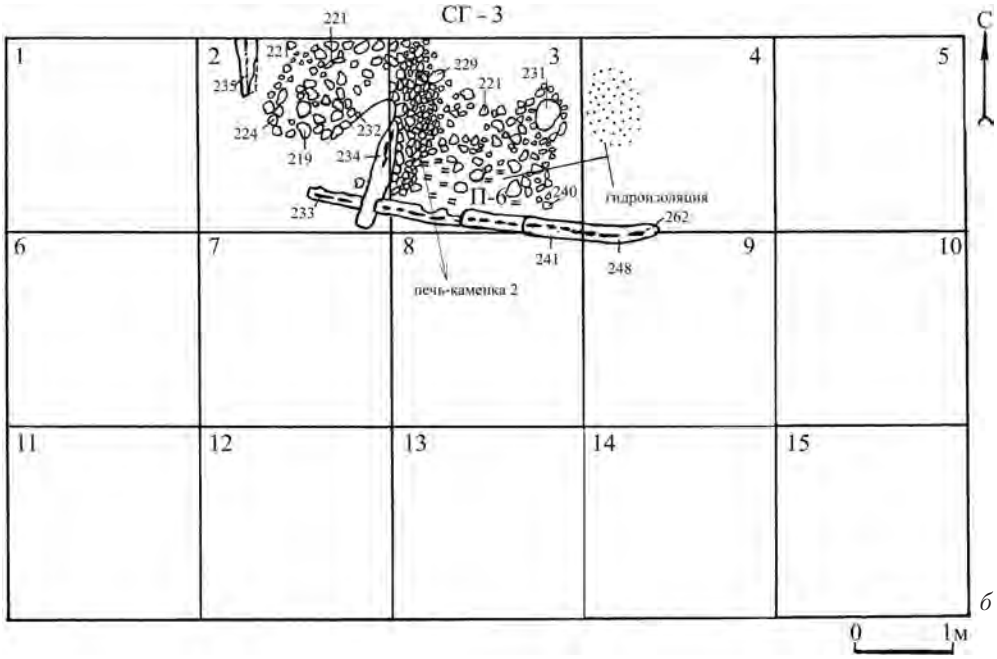


Рис. 3.9. План (*а*) и профиль (*б*) кузнечной печи. 2013 г. Городище. Друцк. Раскопки О. Н. Левко



а



б

Рис. 4.1. Постройки древнейшего строительного горизонта-1 (по О. Н. Левко – СГ-3): *а* – постройка VIII-31, раскопки Л. В. Алексеева; *б* – постройка № 6, раскопки О. Н. Левко

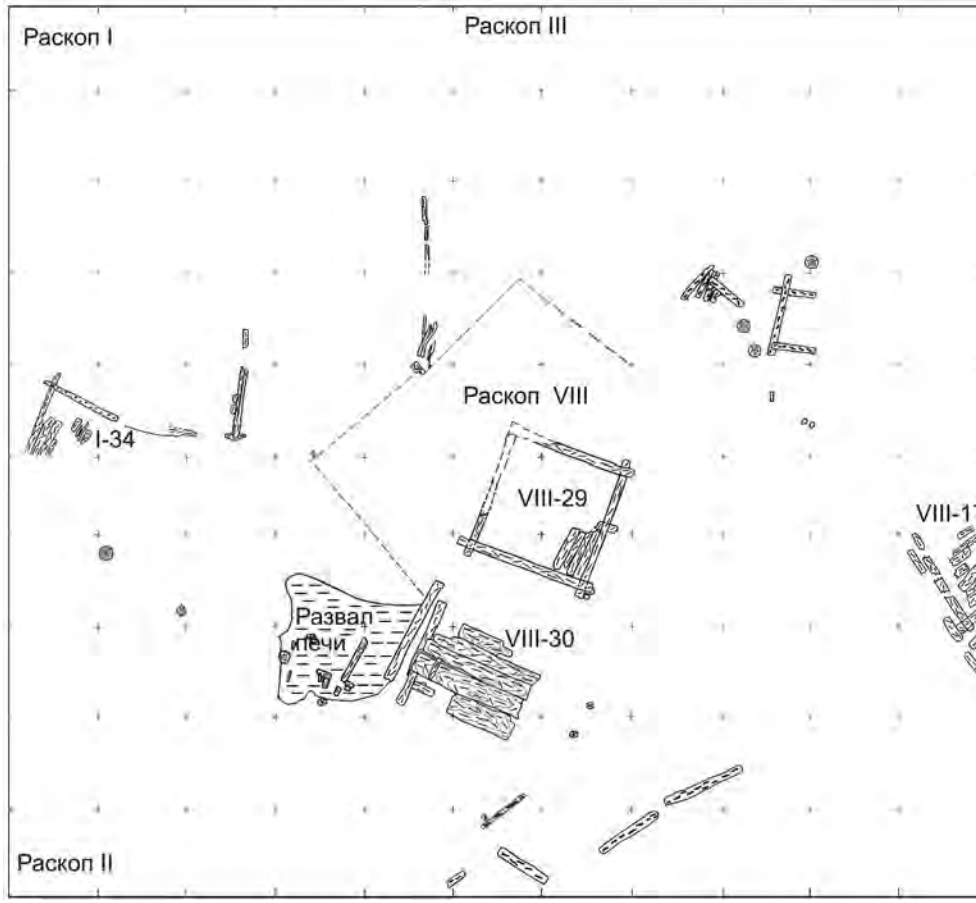


Рис. 4.2. План строительного горизонта-2 (пожар конца XI в.). Южная группа. Раскопы I–III, VIII. Раскопки Л. В. Алексеева

Рис. 4.3. План строительного горизонта-3 (послепожарный период). Южная группа. Раскопы I–III, VIII и траншея № 1 (1956 г.). Раскопки Л. В. Алексеева

Рис. 4.4. План строительного горизонта-5, погибшего в пожаре XII в. Южная группа. Раскопы I–III, VIII, XI и траншея № 1 (1956 г.). Раскопки Л. В. Алексеева

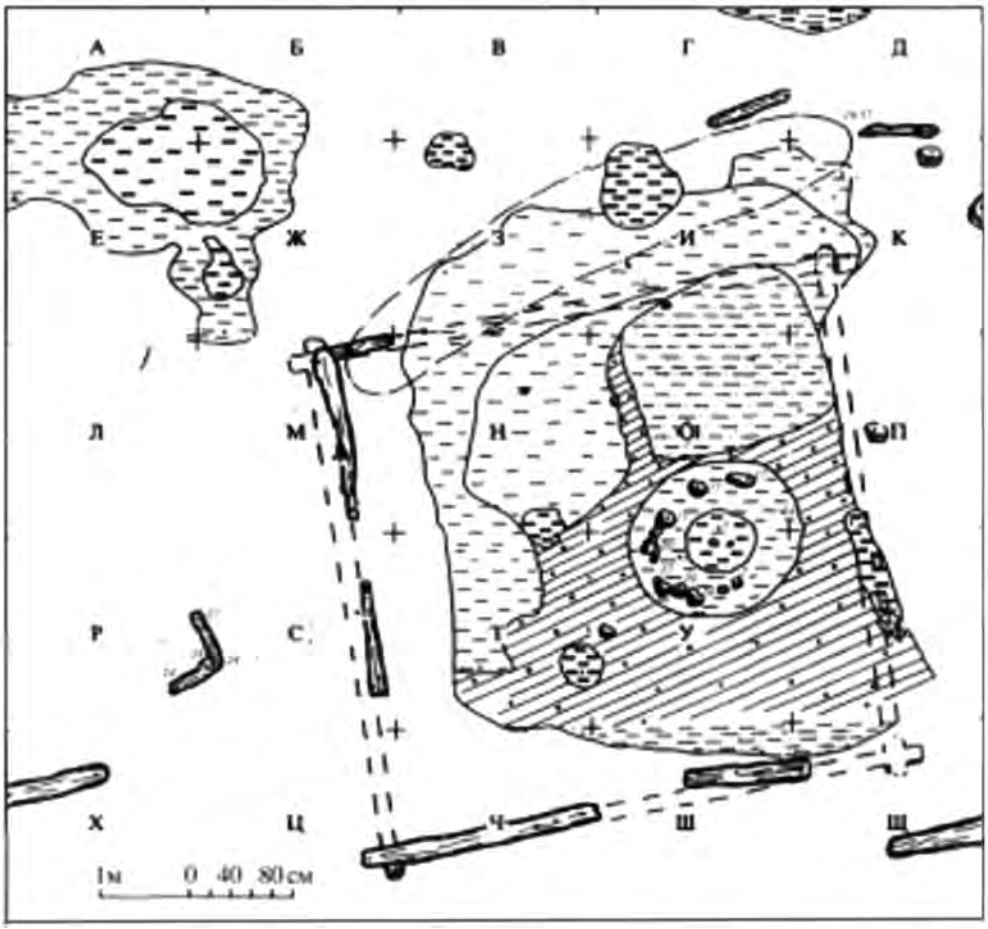


Рис. 4.5. План жилища на подклете в княжеской части детинца. Западная группа. Раскоп XIII. Раскопки Л. В. Алексеева

Рис. 4.6. Общий вид раскопа II (южная группа раскопов) на уровне строительного горизонта-5. Раскопки Л. В. Алексеева

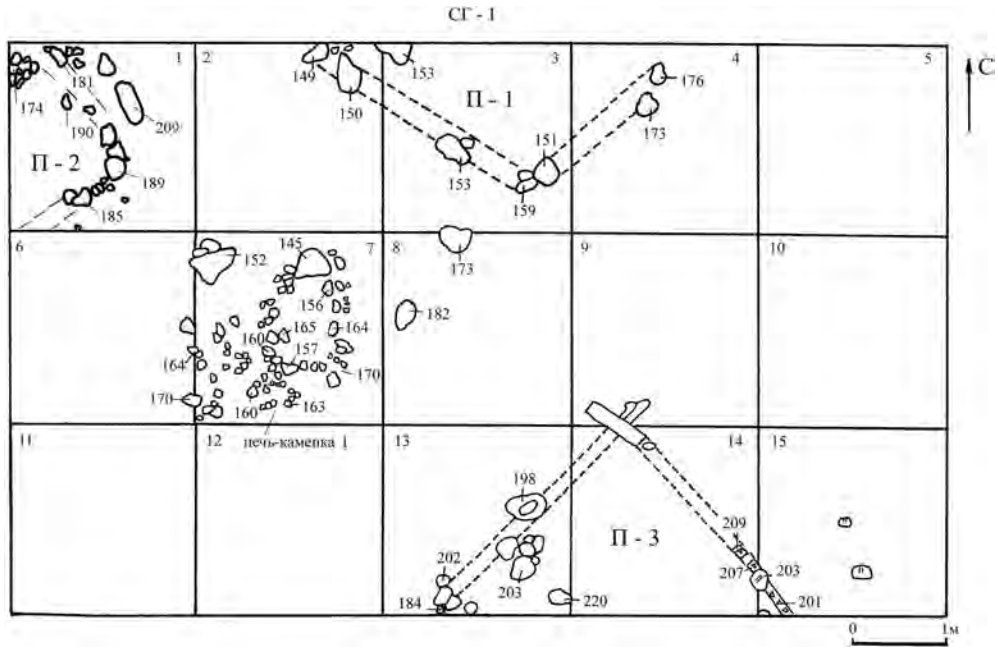


Рис. 4.7. Конструкции строительного горизонта-1 (по Л. В. Алексееву – СГ-7). Детинец (западная часть). Друцк. Раскопки О. Н. Левко

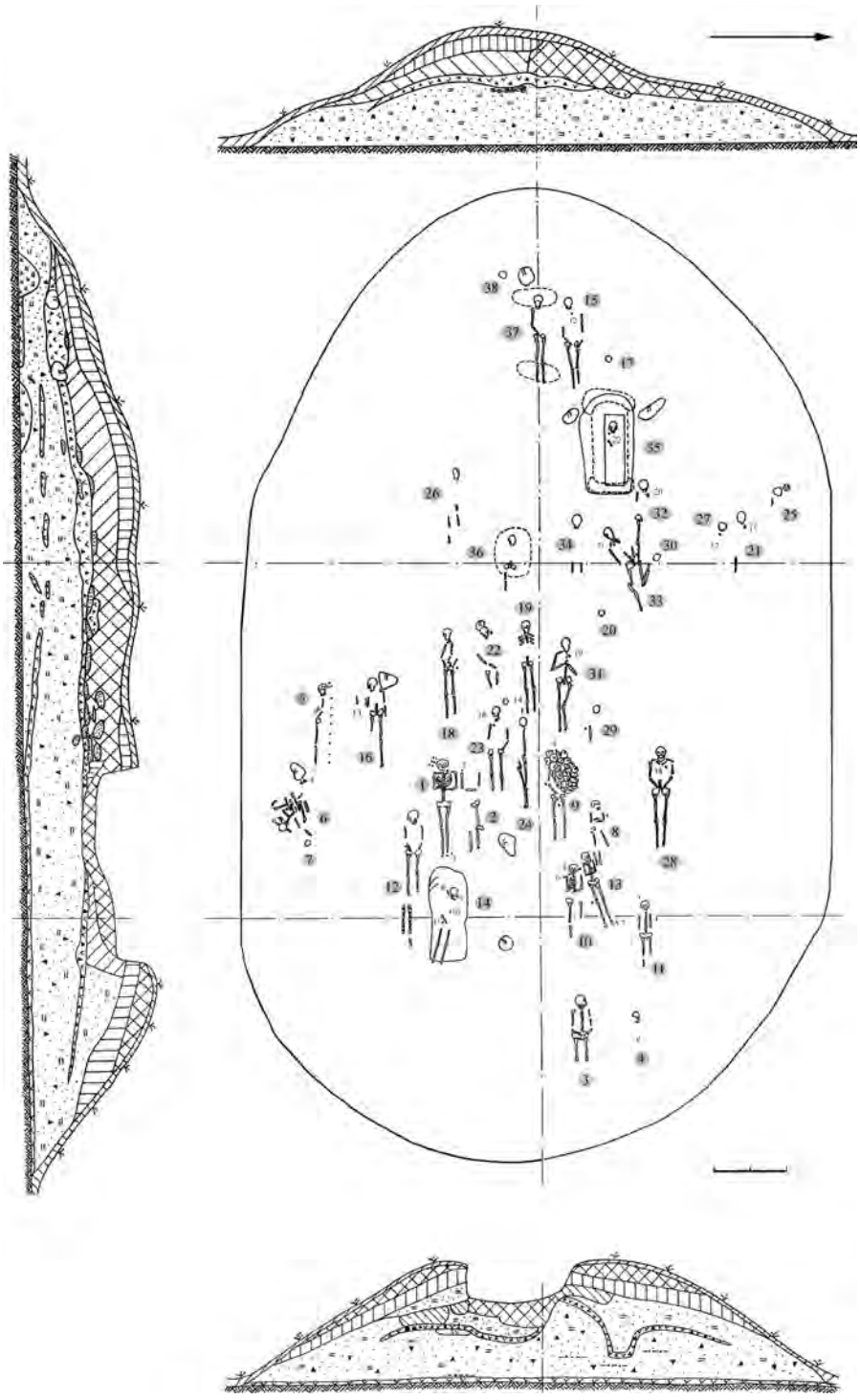


Рис. 5.1. План и профили кургана 1. Курганная группа IV. Агрогородок Друцк

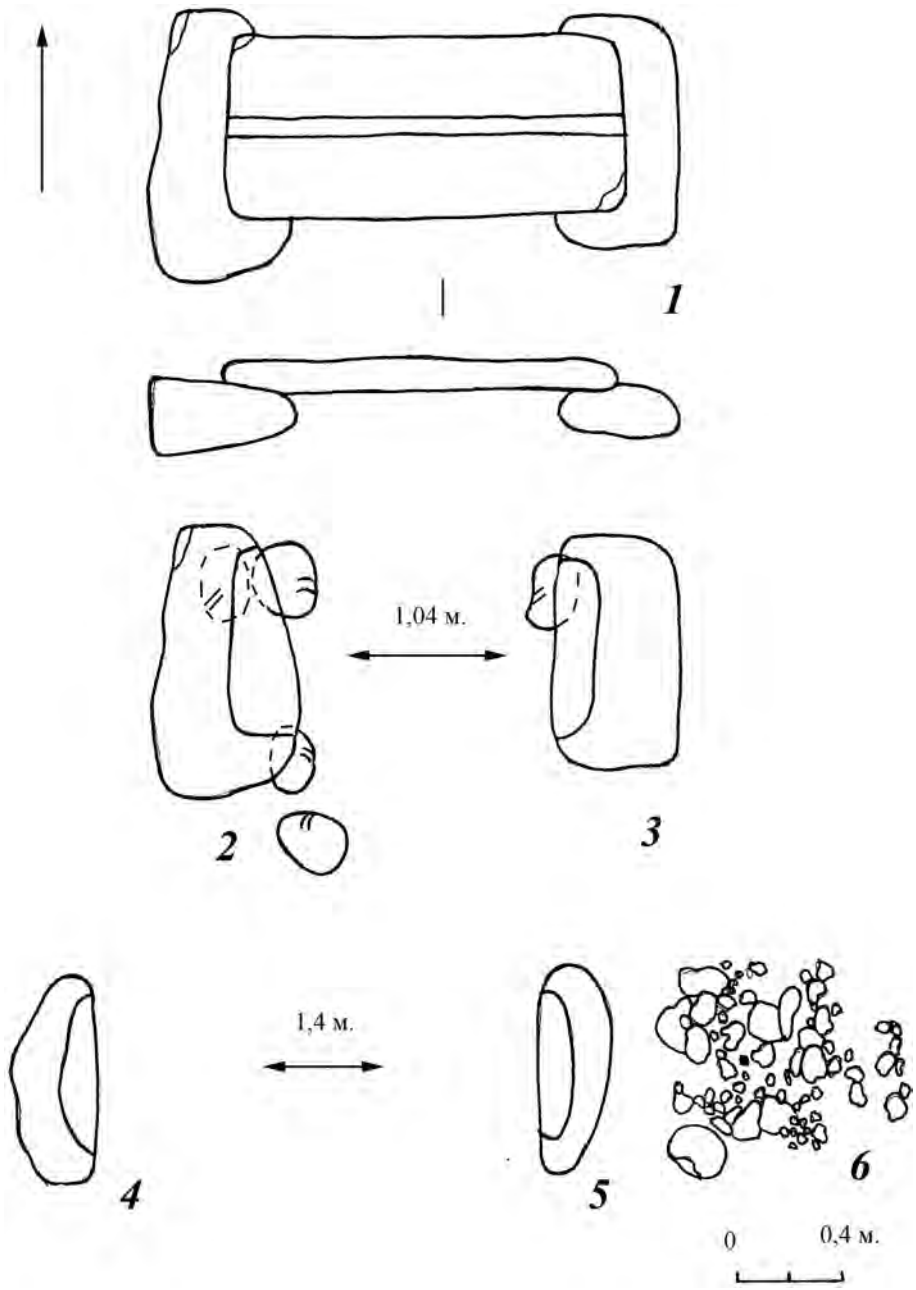


Рис. 5.2. Каменные конструкции: *1* – плита над погребением № 35; *2, 3* – основания под плиту над погребением № 35; *4, 5* – основания под крышкой погребения № 37; *6* – вымостка над погребением № 36. Курган 1. Курганная группа IV. Агрогородок Друцк

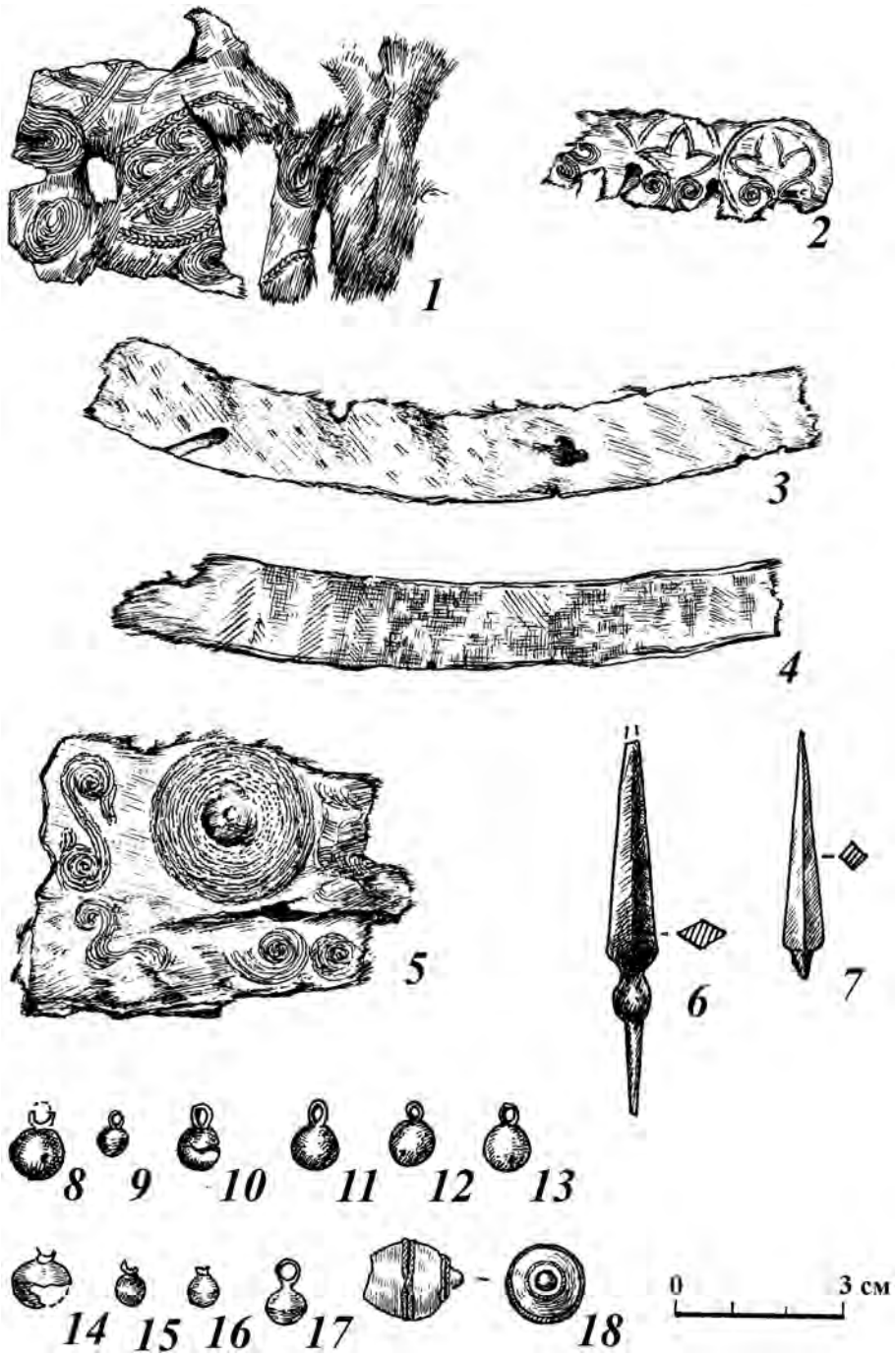


Рис. 5.3. Вещевой комплекс погребений: *1–5* – ткани (фрагменты); *6, 7* – наконечники стрел; *8–18* – пуговицы из цветного металла. Курган 1. Курганная группа IV. Агрогородок Друцк

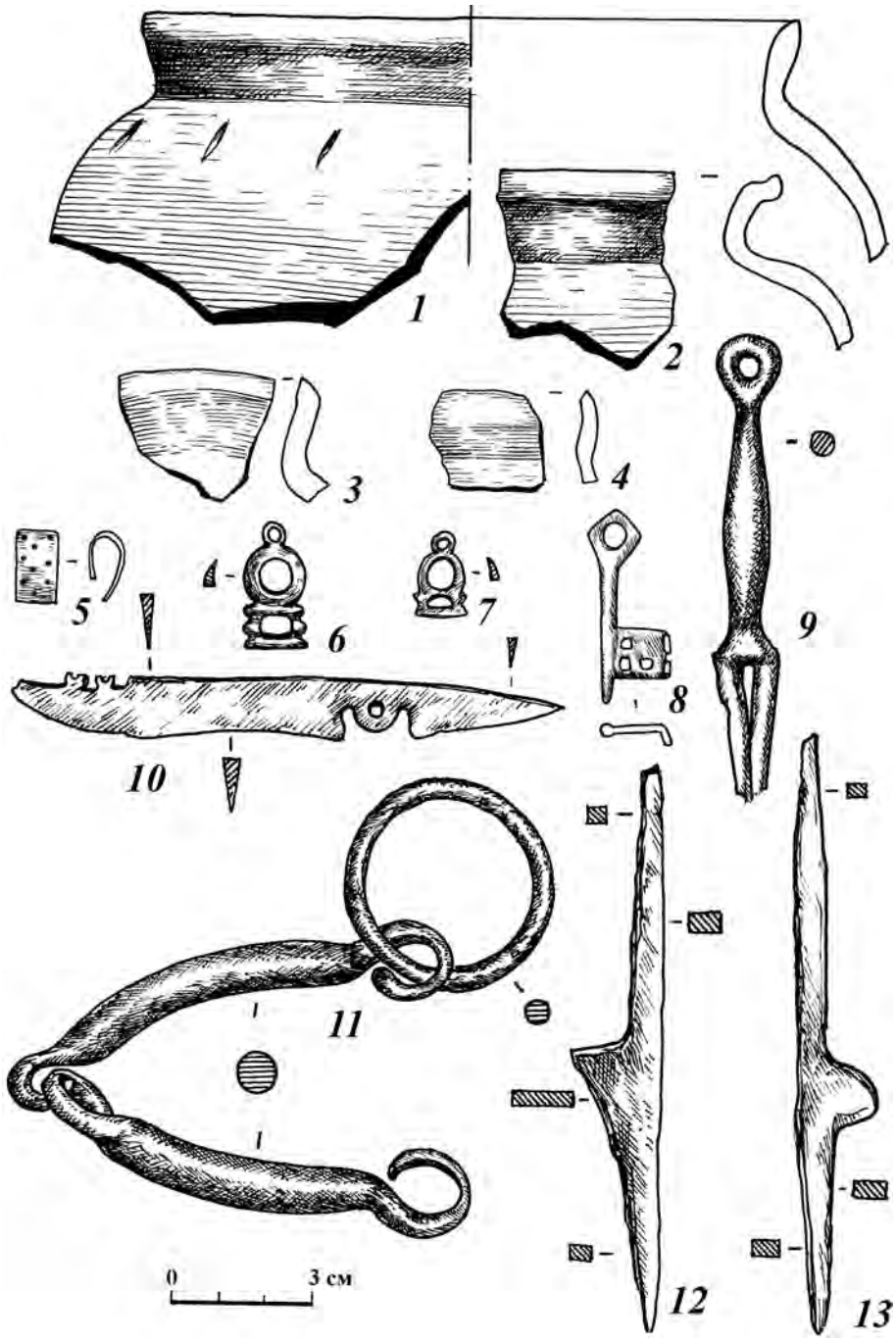
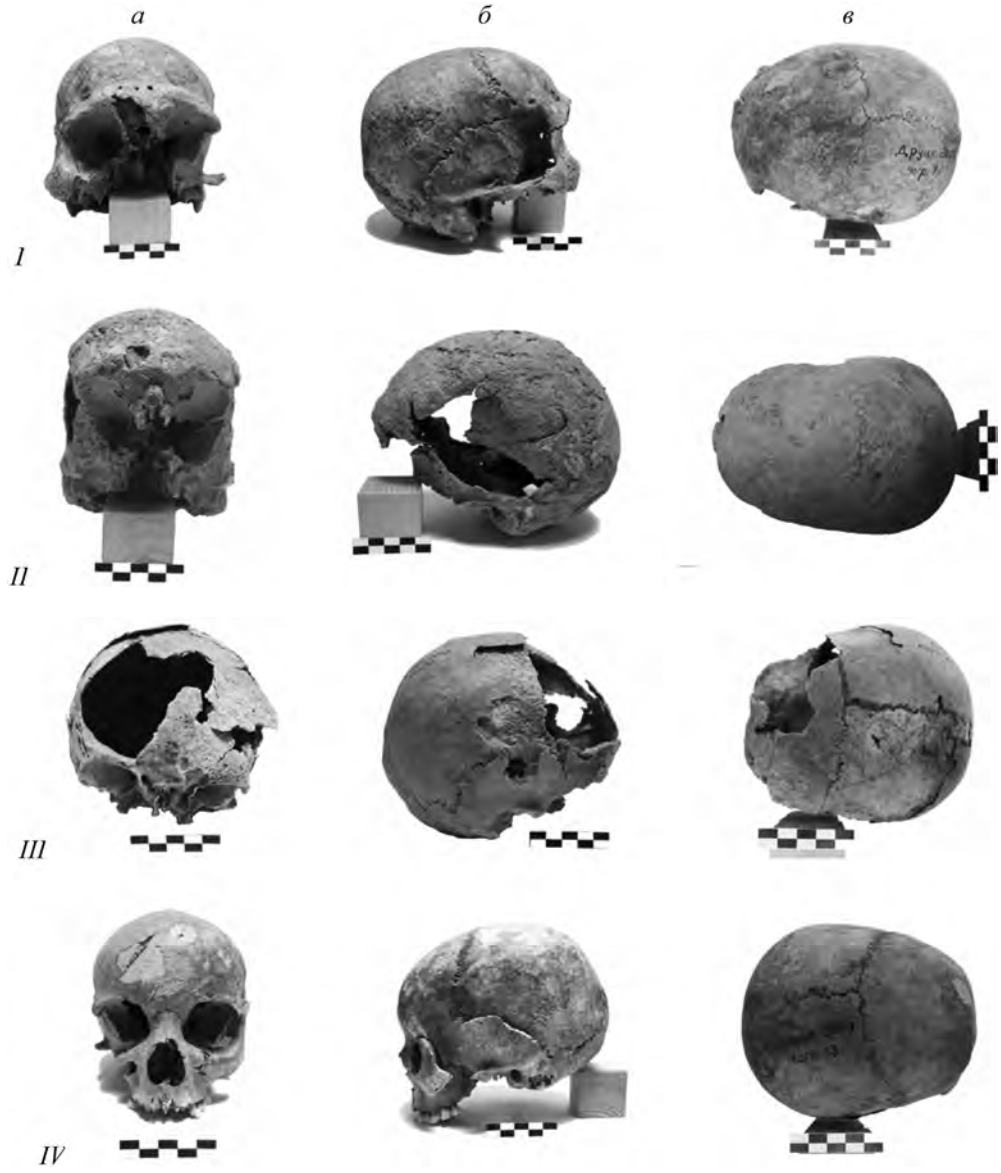


Рис. 5.4. Вещевой комплекс: *1–4* – керамика из погребений; *5* – пластинчатый браслет (фрагмент); *6, 7* – книжные застежки; *8, 9* – ключи; *10* – складной нож; *11* – удила; *12, 13* – колющие предметы. Курган 1. Курганная группа IV. Агрогородок Друцк

а

б

Рис. 5.5. Женское погребение № 2 (*а*, *б*). Курган № 2. д. Сенчуки. Толочинский район. 2011 г. Исследования П. М. Кенько


а
б
в
I
II
III
IV

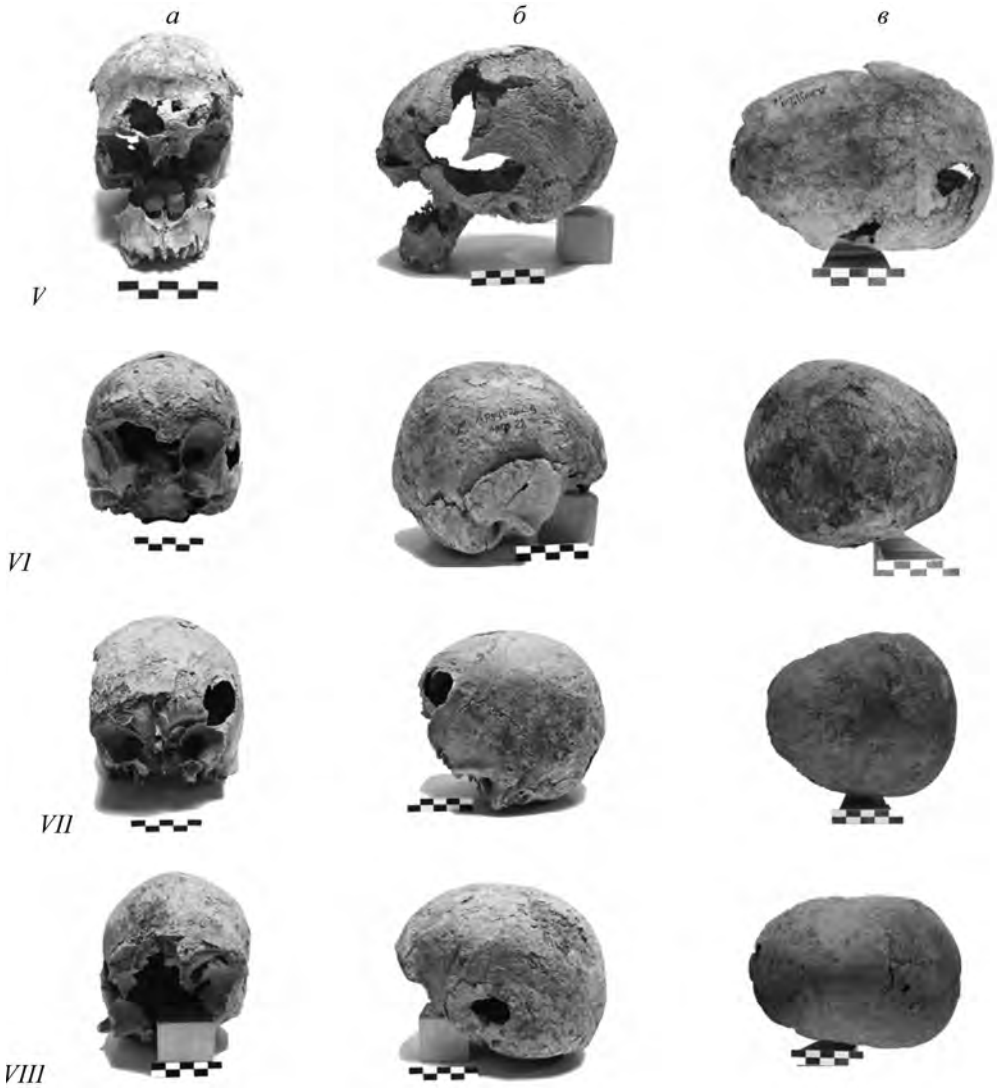


Рис. 6.1. Черепа: *а* – вид спереди; *б* – вид сбоку; *в* – вид сверху; *I* – череп мужчины 30–35 лет, погребение № 1; *II* – череп мужчины старше 60 лет, погребение № 3; *III* – череп женщины 25–30 лет, погребение № 12; *IV* – череп женщины 30–35 лет, погребение № 13; *V* – череп мужчины 35–45 лет, погребение № 18; *VI* – череп мужчины 50–60 лет, погребение № 28; *VII* – череп мужчины 45–50 лет, погребение № 31; *VIII* – череп мужчины 50–60 лет, погребение № 33. Курганное захоронение. Друцк

Рис. 6.2. Индивидуальные особенности рельефа затылочной области черепа. Погребение № 1

Рис. 6.3. Черепа со следами заживления раны (отмечены стрелками) в теменной области черепа: *а* – погребение № 1; *б* – погребение № 31; *в* – погребение № 33

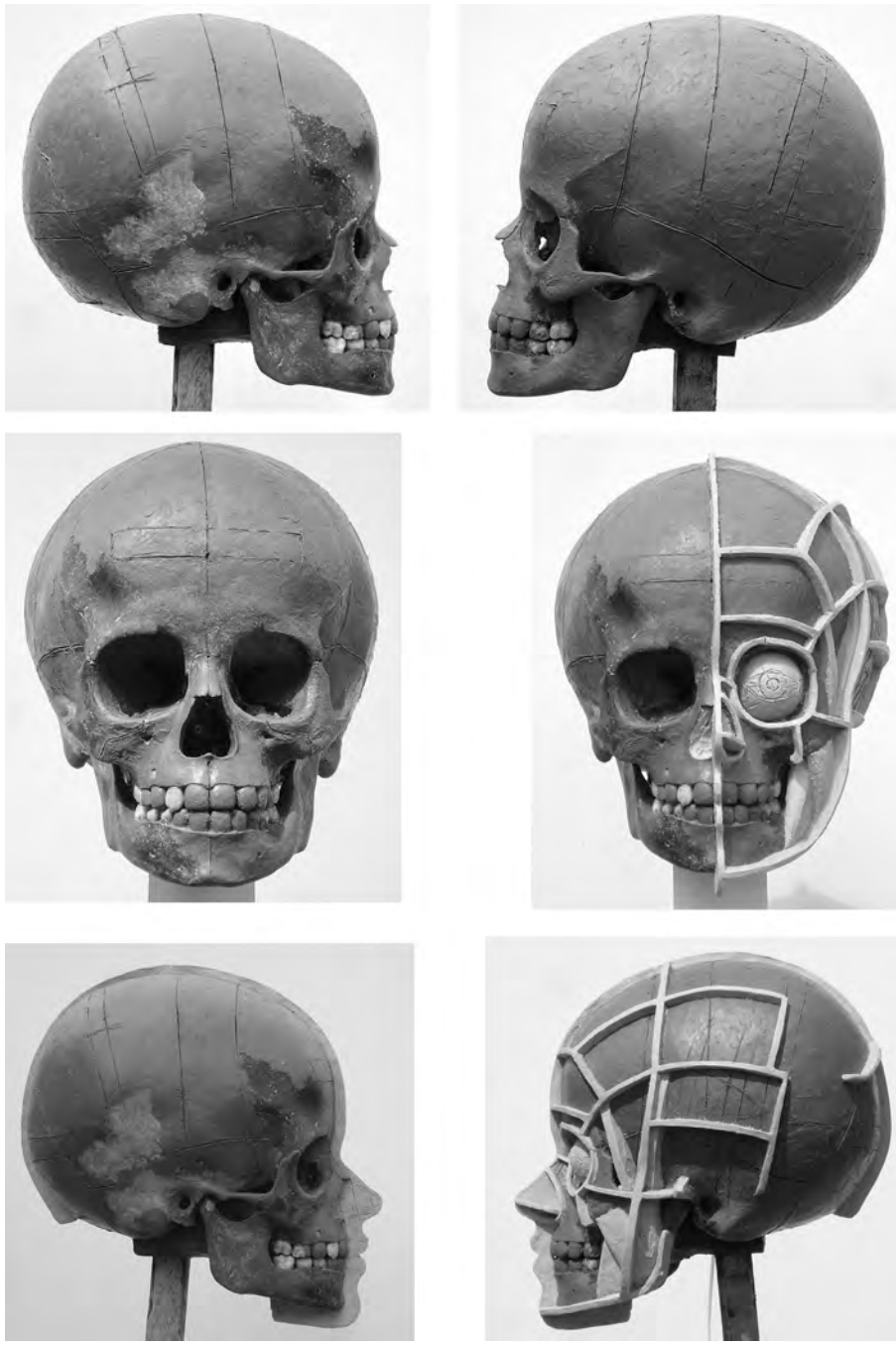
Рис. 6.4. Отверстие со следами заживления в затылочной области черепа. Погребение № 31

Рис. 6.5. Верхняя челюсть, скуловые, височные и теменные кости ребенка (фрагменты). Погребение XII в. д. Друцк. Толочинский район. Витебская область

Рис. 6.6. Этапы реконструкции нижней челюсти (с утерянной левой частью) ребенка (фрагменты). Погребение XII в. д. Друцк. Толочинский район. Витебская область. Скульптор Л. П. Яшенко

a

б



в

Рис. 6.7. Поэтапная реконструкция облика ребенка *(а–в)*. Погребение XII в. д. Друцк. Толочинский район. Витебская область. Скульптор Л. П. Яшенко

Рис. 6.8. Очаг деструкции костной ткани (указан стрелкой) в области верхушки дистального корня нижнего первого моляра слева (M_1) на костяке. Погребение № 1

Рис. 6.9. Степень стертости тканей зубов и состояние эмали на костяке. Погребение № 1

Рис. 6.10. Верхняя челюсть с зубами (фрагмент). Погребение № 3

Рис. 6.11. Нижняя челюсть с сохранившимися зубами (фрагменты). Погребение № 3

Рис. 6.12. Сохранившиеся кости черепа (фрагменты). Погребение № 18

Рис. 6.13. Верхняя челюсть с зубами (фрагмент). Погребение № 18

Рис. 6.14. Нижняя челюсть с зубами (фрагменты). Погребение № 18

Рис. 6.15. Нижняя челюсть с зубами (фрагмент). Погребение № 31

Рис. 6.16. Нижняя челюсть с зубами (фрагмент). Погребение № 33

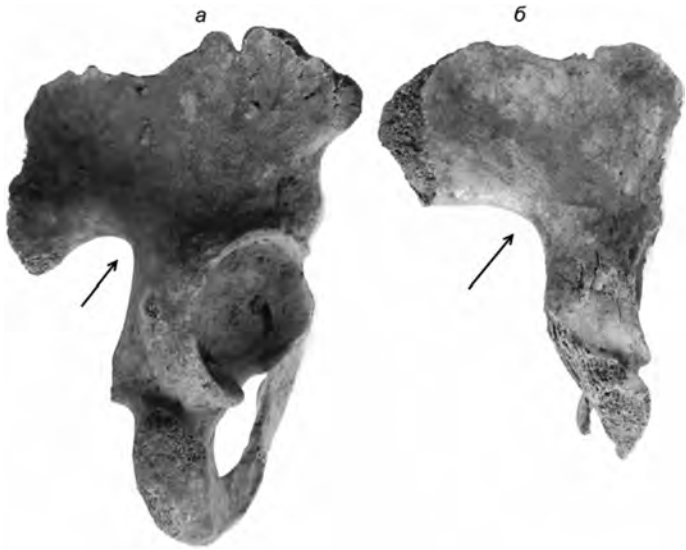


Рис. 6.17. Особенности строения тазовых костей: *а* – мужчины, погребение № 1; *б* – женщины, погребение № 13. Стрелками показаны различия угла большой седалищной вырезки. Мужской таз имеет острый угол большой седалищной вырезки, а женский – прямой

Рис. 6.18. Сильное развитие рельефа в местах прикрепления связки (показано стрелкой). Правая ключица

Рис. 6.19. Выраженный рельеф места прикрепления большой грудинной мышцы (показан стрелкой). Левая ключица

Рис. 6.20. Межмыщелковое округлое отверстие. Диаметр 0,4 см. Левая плечевая кость

Рис. 6.21. Утолщение слева на теле локтевой кости (показано стрелкой)

Рис. 6.22. Костная мозоль (показана стрелкой). Правая малоберцовая кость

Рис. 6.23. Следы сильного ушиба (показаны стрелкой). Левая большеберцовая кость

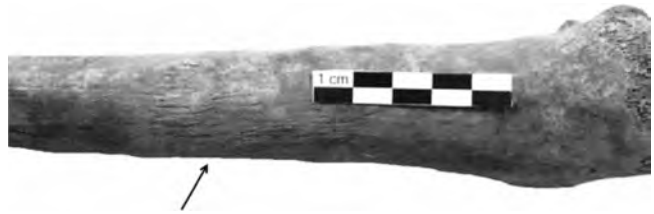


Рис. 6.24. Следы периостита (показаны стрелкой). Левая большеберцовая кость

Рис. 6.25. Следы ушиба с периоститом (показаны стрелкой). Левая малоберцовая кость

Рис. 6.26. Отчетливые признаки остеохондроза (краевые разрастания тела позвонков). Поясничный отдел позвоночника между позвонками у мужчины. Погребение № 1

Рис. 6.27. Возрастные особенности костного материала: *а* – трубчатые кости мужчины старческого возраста (старше 60 лет), погребение № 3; *б* – кости мужчины молодого возраста (30–35 лет), погребение № 1

Рис. 6.28. Особенности строения длинных трубчатых костей: *а* – женщины, погребение № 13; *б* – мужчины, погребение № 1

Рис. 6.29. Следы травм на костных останках мужчины: след заживления рубленой раны (стрелка *1*) на большой берцовой кости и ее сращение (стрелка *2*) в дистальном отделе с малой берцовой костью (стрелка *3*) . Погребение № 31

Рис. 6.30. Искривление правой большеберцовой кости, сильное развитие рельефа линии и дополнительный гребень в месте прикрепления камбаловидной мышцы (показаны стрелкой) у мужчины. Погребение № 31

III

КНЯЗЬЯ ДРУЦКИЕ И ИХ ВЛАДЕНИЯ В XIII–XVIII вв.

7. КНЯЗЬЯ ДРУЦКИЕ В XIII–XVI вв.

7.1. Князья Друцкие в исторической традиции и общественно-политической жизни Великого Княжества Литовского середины XIII в. – середины XVI в. *(В. А. Воронин)*

Для Друцкого княжества, как и для многих других белорусских земель, тринадцатое столетие стало «темным» временем. Круг дошедших до нас письменных источников, которые могут пролить свет на ситуацию, в которой оказался исследуемый регион в указанное время, очень ограничен и к тому же давно известен. Ко всему прочему, зачастую становится весьма нелегкой задачей выяснение степени достоверности и интерпретация тех немногочисленных сведений, которые мы находим в источниках.

Некоторую информацию о друцких князьях XIII в. и об их княжестве мы находим во втором своде белорусско-литовского летописания. Все эти летописные рассказы повествуют о борьбе между литовскими князьями, русскими князьями и татарскими ханами в эпоху нашествия последних на Русь. К числу таких повествований принадлежит, в частности, сообщение о том, что в битве с «заволжским царем» Курдасом, которая произошла «за Мозыром на реце Окуневци», вместе с другими литовскими и русскими князьями погиб Михаил Семёнович Друцкий [ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 234, 249, 303, 365, 430]. Во втором случае летопись рассказывает о событиях, когда Святослав Киевский, Лев Владимирский и Дмитрий Друцкий, на этот раз уже якобы в союзе с татарами, выступили против великого князя литовского Ринголта и были разбиты им в битве при деревне Могильной на р. Неман [ПСРЛ, 907, т. 17, стб. 250, 304, 481]. Наконец, в третьем случае тот же второй летописный свод сообщает о том, что после разорения Батыем Киева местный великий князь Дмитрий бежал от вражеского нашествия «а въслышавъ, ижъ моужики мешкають без господаря, а зовоутся дручане, и онъ, собравъшися з людми, пошол ко Друцку, и землю Друцкую посел, и город Друческъ зарубилъ, и назвался княземъ великим дроуцькым» [ПСРЛ, 907, т. 17, стб. 230, 243–244, 299, 477]. Второй свод белорусско-литовского летописания, как считается, был составлен в 1520-е годы и содержит развернутую легендарную часть, которая была создана или, по крайней мере, записана примерно тогда же. Именно в этой части и читаются изложенные выше события якобы XIII в. Несмотря на то что все эти рассказы

носят легендарный характер, обращает на себя внимание то обстоятельство, что Друцк здесь выступает как один из крупнейших русских городов, а местные князья, находясь в почетной кампании с киевскими, луцкими и владимирскими князьями, иногда даже титулуются великими и якобы ведут свое происхождение из Киева. Исходя из этого, можно предположить, что еще в первой половине XVI в. Друцк и князья Друцкие имели в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) достаточно высокий статус. Однако не исключено и другое: в это время кто-то специально заботился о создании или поддержании такого статуса. Предположительно, это мог быть один из вдохновителей написания второго свода Альбрехт Гаштольд, который был связан с князьями Друцкими тесными родственными узами.

В связи с полным отсутствием надежных исторических источников, относящихся к XIII в., нет возможности ответить на важнейшие вопросы об истории Друцка и наличии местной княжеской династии этого времени. Так, например, в точности не известно, подвергся ли Друцк нападению монгольских отрядов во время нашествия Батыя на Русь. Точно так же не представляется возможным установить, были ли друцкие князья XIV в. потомками княжеской династии Изяславичей (Рогволодовичей), правившей Полоцкой землей и Друцким княжеством в XI–XII вв. В последний раз князь предположительно из этой династии – Борис упомянут в Друцке под 1196 г. [ПСРЛ, т. 2, 1908, стб. 692; т. 7, 1856, с. 105; т. 25, 1949, с. 98]. Вполне возможно, что друцкие князья следующего столетия были его потомками. Однако нельзя исключить и то, что в XIII в. в Друцке произошла смена династии. Здесь вполне мог укрепиться, к примеру, представитель смоленского княжеского рода, активно претендовавшего на друцкие владения в 1180-е годы. Во всяком случае, в XIII в. связь Смоленска с княжествами теперь уже раздробленной Полоцкой земли была очень ощутимой. В 1222 г. Смоленск установил свой контроль и над Полоцком, а в конце XIII в. смоленские князья снова, как и в середине XII в., вполне уверенно управляли Витебском – центром одного из бывших уделов Полоцкой земли.

XIV в. стал началом эпохи, которая способствовала складыванию в днепровско-двинском регионе совершенно новой ситуации, связанной с вхождением этих земель в состав набиравшего силу ВКЛ. К сожалению, невозможно в точности проследить, когда и при каких обстоятельствах состоялось подчинение Друцка власти великих князей литовских. Однако у нас есть основания считать, что это произошло при великом князе Гедимине (1316–1341), и здесь не обошлось без серьезного военно-политического давления на местных князей. Некоторые из них решились покинуть свои владения и выехали в другие регионы Руси – как, например, Иван Друцкий, который в конце концов обосновался в Москве и служил Ивану Калите. Другие же остались на родине и были вынуждены подчиниться и служить могущественным виленским государям. Вполне возможно, что в подчинении Друцка принял участие сын Гедимина Ольгерд, который в 1420–30-е годы был витебским князем. В ходе подчинения великими князьями литовскими территории бывшей Полоцкой земли Друцкое княжество сохранилось

как территориально-административная единица, хотя его размеры, по всей видимости, были изменены. Как представляется, сохранение Друцкого княжества стало результатом того, что его князья все-таки не стали сопротивляться Гедимину. Благодаря этому они сохранили свои владельческие права на княжество или, по крайней мере, на его часть. По наблюдениям В. Л. Носевича, уже во времена великого князя литовского Витовта владения друцких князей не составляли единого массива, а представляли собой несколько не связанных общими границами территорий [Насевіч, 2000, с. 61–62]. Вполне возможно, что такое положение дел сформировалось значительно ранее.

Многочисленные факты указывают на то, что Витовт был тесно связан с князьями Друцкими, причем еще с молодых лет. Это были, в том числе, и родственные связи. Так, документ от 30 января 1384 г. называет князя Льва Друцкого швагером (шурином) Витовта [Codex epistolaris Vitoldi ... , 1882, p. 4]. Здесь важно подчеркнуть, что Лев Друцкий остался верным сторонником Витовта в самые тяжелые для последнего времена, когда он оказался в Пруссии в положении бесправного эмигранта, полностью зависимого от крестоносцев.

Когда в 1393 г. Витовт шел походом на Витебск, он «прииде к граду Друцку, друцкыи же князи стретоша его и удариша чолом у службу» [ПСРЛ, 1980, т. 35, с. 71, 89, 101, 137, 159, 185, 206, 228]. Переход Друцких на сторону Витовта был обусловлен, судя по всему, не столько политической слабостью их княжества (хотя к тому времени оно уже действительно не было сильным), сколько именно давними тесными связями с новым великим князем литовским.

Впоследствии Витовт отблагодарил своих друцких родственников за верность и службу, в частности, назначением на высокие должности. Так, Иван Семёнович Друцкий в 1409 г. был полоцким наместником [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 114, 115, 117]. Вероятно, именно он водил полоцкую хоругвь под Грюнвальд.

Однако настоящее возвышение рода Друцких было связано не столько с их службой Витовту, сколько с другими обстоятельствами. Родственные связи с правящей династией Гедиминовичей сделали Друцких достаточно частыми гостями при дворах великого князя литовского Витовта и короля польского Ягайло. Более того, эти связи сделали их причастными к святая святых политической жизни того времени – заключению монарших браков.

Как известно, Софья Гольшанская, четвертая жена Ягайло, по линии матери происходила из рода Друцких и даже воспитывалась в Друцке, у своих родственников [ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 518]. Говоря о подготовке этого брака, исследователи обычно отмечают особую роль Ульяны Гольшанской, жены Витовта, которая приходилась Софье родной теткой. Но, скорее всего, и Друцкие приняли в заключении этого брака самое деятельное участие. В этом нет ничего невероятного, если учесть их близость к Витовту. Кроме того, стоит принять во внимание и то обстоятельство, что Друцкие состояли в родстве не только с Витовтом, но и с самим Ягайло. Так, Митко

(Дмитрий) Семенович Зубревицкий-Друцкий был женат на Софье Жедивидовне, которая в Хронике Быховца фигурирует как «братанка» (т. е. племянница, дочь брата) Ягайло и Свидригайло, а также «отчичка ... земли Подольские» [ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 528]. Вероятнее всего, она была дочерью одного из подольских князей Кориатовичей. Используя это родство, Зубревицкий также вполне мог поспособствовать четвертой женитьбе Ягайло. Заинтересованность князей Друцких в этом браке была вполне очевидной: родство с могущественным, хоть и престарелым уже польским королем сулило Друцким самые радужные перспективы. Было хорошо известно, что Ягайло высоко ставил родственные связи и был очень привязан к своим родственникам [Dlugossius, 2001, p. 125].

Брак Владислава II Ягайло и Софьи Гольшанской был заключен в феврале 1422 г. и вполне оправдал надежды Друцких. Благодаря родству с королевской семьей род князей Друцких очень заметно укрепил свои позиции в ВКЛ и приобрел известность в Польше. Семен Друцкий, дядя королевы Софьи, и шестеро его сыновей, двоюродных братьев королевы, сразу стали очень важными персонами. Если ранее их имена лишь изредка встречались на страницах документов и летописей, то, начиная с 1422 г., – уже достаточно часто. В ряде случаев они выступали и как свидетели при заключении международных договоров. Так, Иван, Григорий и Иван Путята Семёновичи Друцкие подписали известный Мельненский договор Польши и ВКЛ с Немецким орденом в Пруссии от 27 сентября 1422 г. [Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju ... , 2004, s. 11, 79]. В 1420-е годы тот же Григорий Семёнович Друцкий был полоцким наместником [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 130].

Один из братьев Семёновичей – Митко Зубревицкий по прозванию Секира, получил от Ягайло большие денежные и другие пожалования в Галицкой Руси, на территории Короны. Судя по всему, он имел какие-то особые заслуги перед Ягайло. Так, в своих привилеях 1425 и 1427 г. король Польши особо подчеркивал верную службу, которой служил ему «светлейший князь Митко, сын князя Семёна Друцкого» [Materiały archiwalne ... , 1890, s. 40, 51].

Позиции князей Друцких оставались стабильными вплоть до начала 30-х годов XV в. Смерть Витовта осенью 1430 г. и приход к власти Свидригайло нисколько не повредили Друцким: новый великий князь как брат короля Ягайло должен был поддерживать его (и своих) родственников. И действительно, Семёновичи Друцкие сразу же заняли в окружении Свидригайло высокое положение и, безусловно, пользовались его доверием. Это положение дел не изменилось даже с ухудшением отношений между коронованными Ольгердовичами: Ягайло и Свидригайло. Все указывает на то, что в ходе конфликта между ними Друцкие сохранили верность великому князю литовскому Свидригайло. Эту их политическую позицию не изменил и государственный переворот 1 сентября 1432 г., в результате которого Свидригайло был отстранен от власти. Все шестеро Семёновичей Друцких не колебались и в разгоравшейся войне сразу же приняли сторону свергнутого господаря. Однако с неудачами Свидригайло неприятности при-

шли и к Друцким. Уже в битве под Ошмянами 8 декабря 1432 г. в плен к Сигизмунду Кейстутовичу попали видные представители рода: Митко Зубревицкий и его родной брат Василий Семёнович Красный [ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 530]. Известно, что в битве под Вилькомиром 1 сентября 1435 года погиб их брат Михаил Болобан. В том же фатальном для Свидригайло и его сторонников побоище принимали участие и другие Семёновичи Друцкие – например, Иван Баба. Однако он не погиб, а спасся благодаря бегству в Ригу. Как сообщают псковские летописи, 1 ноября 1435 года «приеха во Псковъ из Риге от местера князь литовскыи Иванъ Баба, а въ своем безверемении». Однако, несмотря на то, что псковичи его «приаша... и почтиша», Иван Друцкий побыл в городе совсем недолго: в середине зимы направился в Москву к великому князю [Псковские летописи, 1941, вып. 1, с. 43; 1955, вып. 2, с. 45, 132]. В результате Иван Баба и трое его сыновей остались на службе в Москве. Двое же других сыновей Ивана Бабы (по всей видимости, старших) выбрали ВКЛ.

Война 30-х годов XV в. сильно подорвала позиции князей Друцких в ВКЛ. Некоторые представители рода решили уехать за границу, однако в большинстве своем князья Друцкие все-таки остались на родине. Великий князь литовский Казимир Ягайлович (1440–1492 гг., с 1447 г. – одновременно король польский) в течение первых лет своего правления проводил примирительную политику, в которой после почти десятилетней войны так нуждалась страна. Несмотря на службу у Свидригайло, ни один из князей Друцких не попал под репрессии новой власти. Однако судьбы представителей рода сложились по-разному. Так, Василий Семёнович Красный, который с 1432 г. находился в заключении у Сигизмунда Кейстутовича, был выпущен на свободу, по всей видимости, только Казимиром, после чего стал одним из верных и видных его сторонников. В 1446 и 1448 г. он ездил в качестве представителя ВКЛ на польский съезд в Пётрков и на сейм в Люблин [Dlugossius, 2003, p. 24, 60]. Судя по описаниям Яна Длугоша, Василий Красный в это время занимал очень сильные позиции в окружении великого князя Казимира. Во всяком случае, на пётрковском съезде 1446 г. именно ему было поручено держать речь перед поляками от имени делегации ВКЛ. А ведь в тот момент обсуждался вопрос о возможном избрании Казимира королем Польши. Летом 1447 г. Василий Красный участвовал в торжествах по случаю коронации Казимира Ягайловича польской королевской короной в Кракове [Dlugossius, 2003, p. 46].

Несколько по-иному вел себя еще один Семёнович Друцкий – Иван Путята. В конце 30-х годов XV в. он сохранил верность Свидригайло и последовал за ним на Волынь. Князь Иван Путята несколько раз выступал в качестве свидетеля актов, которые Свидригайло издал в Луцке. Однако впоследствии он, по всей видимости, перешел на службу к Казимиру. Об этом говорят хотя бы земельные пожалования, которые Путята получил от Казимира в Оршанском повете [Wolff, 1895, s. 61].

Братья Семёновичи Друцкие еще входили в ближайшее окружение великих князей литовских: и как важные представители княжеского сосло-

вия, и как близкие родственники монархов. Однако позиции следующего поколения рода – их детей – были уже принципиально иными. Они не могли претендовать на ту роль, которую играли в государстве их отцы. И разные представители рода князей Друцких избрали в этой ситуации совершенно различные стратегии поведения. Большинство князей Друцких по-прежнему благоразумно держались за свои вотчины и не слишком охотно покидали их. Вероятно, их деятельность сводилась, прежде всего, к управлению своими мельчавшими владениями. И лишь несколько князей Друцких попытались закрепиться на великокняжеской службе: административной и военной. Преуспели в этом двое из них. Иван, сын Василия Красного, в конце 80-х – начале 90-х годов XV в. занимал должность минского наместника. Более долгой и более успешной была карьера Дмитрия, сына Ивана Путяты. Первой из известных его должностей было мценское и любуцкое наместничество, затем последовало наместничество в Брянске и, наконец, вершина его карьеры – киевское воеводство. Дмитрий Путятич занимал должность киевского воеводы достаточно долго: с 1492 по 1505 г. В связи с этим он входил в круг высших сановников государства, а учитывая непростые отношения с татарскими ордами, которые кочевали в этом регионе, на него легла также большая ответственность по защите южных границ ВКЛ. Дмитрию Путятичу пришлось много заниматься татарским вопросом, в том числе ездить в посольство к знаменитому крымскому хану Менгли-Гирею. Одной из больших заслуг Путятича перед государством было пленение в конце 1503 г. последнего хана Заволжской (Великой) орды Шейх-Ахмата. Дмитрий Путятич умер в 1505 г. уже пожилым человеком. В соответствии с последней волей он был похоронен рядом со своими родителями в Киево-Печерском монастыре [АЗР, 1846, т. 1, с. 370]. Примечательно, что Дмитрий Путятич не пожелал составлять завещание, а назначил своим душеприказчиком князя Михаила Глинского, который в то время пользовался огромным влиянием при дворе великого князя литовского и короля польского Александра. Своеобразие ситуации состояло в том, что Дмитрий Путятич был православным, а Михаил Глинский – католиком.

В XVI в. разрастание рода князей Друцких и дробление его владений ускорились. Появились новые ответвления рода: Соколинские, Озерецкие, Горские, Толочинские, Прихабские, Любецкие и др. Эти линии Друцких владели уже не городами, а всего лишь селами, от которых и брали свои фамилии. Не обладая сколько-нибудь значительным экономическим и военным потенциалом, они уже не могли играть большую роль в жизни государства. Родство с Ягайловичами также забылось и никак не отражалось на благосостоянии и карьерном росте князей Друцких. Однако, несмотря на разветвленность семьи, Друцкие все еще ощущали свое родовое единство. И, очевидно, не последнюю роль в этом играл их единственный город и родовой замок Друцк. Он находился в совместном владении всего большого княжеского рода – или, точнее, старших представителей отдельных его линий. Однако говорить о существовании единого Друцкого княжества в XVI в. уже очень проблематично. Когда в 1565–1566 гг. в ВКЛ была проведена

большая административно-территориальная реформа, в описании новых поветов Друцкое княжество и князья Друцкие даже не были упомянуты, хотя в этом описании названы, например, «граници князей Лукомъскихъ» [РИБ, 1914, т. 30, стб. 894]. Фактически положение представителей мельчающего рода Друцких все более и более напоминало положение обычных средних и мелких шляхтичей. Юридический статус их владений стал напоминать статус обычных вотчинных имений, а тем немногим, что выделяло Друцких из среды соседей-шляхтичей, был престижный княжеский титул.

В начале XVI в. к незавидному имущественному положению князей Друцких добавились кровопролитные войны, которые ВКЛ вело со своим восточным соседом – Великим княжеством Московским. Друцк постоянно оказывался в зоне активных боевых действий, а друцкие князья, попав в эту сложную ситуацию, были вынуждены каким-то образом приспосабливаться к новым условиям. Нередко им приходилось попросту лавировать между противоборствующими силами.

Друцк оказался в центре военных событий уже в 1508 г., во время мятежа Глинских. По сообщениям московских летописных источников, когда Михаил Глинский и Василий Шемячич, воевода великого князя московского Василия III, шли из-под Минска на северо-восток, «князи Дрютцкие здалися и з городом и крест целовали, что им служити великому князю и с вотчинами» [Зимин, 1970, № 5, с. 71]. Тот факт, что местные князья сдали Друцк объединенной армии Михаила Глинского и московских воевод находит также документальное подтверждение в актах Метрики ВКЛ [LM-8, 1995, p. 309]. Причем из обоих источников следует, что князья Друцкие, похоже, не оказали сколько-нибудь заметного сопротивления противнику. Сложно сказать, что стало причиной такого их поведения. Однако вряд ли князья Друцкие так уж сильно симпатизировали Глинским, ведь цели последних были неясными, а все поднятое ими движение смахивало на авантюру. Вероятнее всего, причиной сдачи города стало желание Друцких сохранить в неприкосновенности свой единственный замок и уберечь от грабежа и разорения свои не слишком многочисленные владения.

Подавление скоротечного мятежа войсками Сигизмунда I вернуло все на свои прежние места: Друцк и прилегающие к нему земли рода вернулись под власть ВКЛ. Однако несколько представителей рода Друцких все же выехали с Глинскими в Москву. Это были, в частности, Иван Озерецкий и Андрей Друцкий [Зимин, 1970, № 5, с. 72–73]. О мотивах их отъезда можно только догадываться. Возможно, они побоялись репрессий за предательство. Или же поверили обещаниям Василия III возместить утраченные на родине отчины богатыми пожалованиями «поместий и кормлений» в Великом княжестве Московском. Не исключено, что им особенно нечего было терять в ВКЛ: их владения здесь были совсем небольшими, а место в политической элите – скромным. Однако подобные случаи были все-таки достаточно редкими, большинство князей Друцких оставалось в своих наследственных владениях.

Тяжелыми последствиями отозвалась для князей Друцких война ВКЛ с Великим княжеством Московским в 1512–1522 гг. Друцкий замок не-

сколько раз становился целью походов московских воевод, и в конце концов был сожжен. С разрушением друцкого замка была связана большая переписка, которую местным князьям пришлось вести с первыми лицами государства: великим князем и королем Сигизмундом I, канцлером ВКЛ и виленским воеводой Альбрехтом Гаштольдом, подскарбием земским Иваном Горностаем [AGAD, APR, sign. 296, s. 1–20]. Государство было заинтересовано в восстановлении друцкого замка как важного звена в цепи укреплений на неспокойных восточных рубежах, князья же Друцкие не спешили его отстраивать. Переписка шла, по меньшей мере, с 1526 г., иногда в крайне раздраженном со стороны короля Сигизмунда I тоне, но в результате замок все-таки был восстановлен. Материалы этой переписки представляют собой комплекс ценнейших сведений по истории города Друцка и местного княжеского рода. Среди прочего обращает на себя внимание тот факт, что могущественный магнат, канцлер ВКЛ Альбрехт Гаштольд постоянно подчеркивал, что адресует свои послания «братьи и приятелем нашим, всим князем Дрюцким». На первый взгляд, это всего лишь стандартная формула учтивости. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело заключалось не только в правилах хорошего тона. Альбрехт Гаштольд действительно состоял в родстве с князьями Друцкими. Его бабкой была дочь Митки Секиры Марина (Мария). Она была замужем за князем Семёном Семёновичем Гольшанским, а после его смерти вдова владела одним из имений мужа – Трабами, и с этого времени известна по документам как княгиня Трабская. Дочь Марии и Семёна вышла замуж за трокского воеводу Мартина Гаштольда и родила ему сына Альбрехта [Wolff , 1895, s. 58, 98, 541]. Она умерла молодой, не позднее 1480 г., а бабка Альбрехта между 1490 и 1498 г. отписала внуку все свое немалое движимое и недвижимое имущество [LM-1, 1998, p. 84, 88, 97, 133].

На скульптурном надгробии Альбрехта Гаштольда, которое установлено в соборе Святого Станислава в Вильнюсе, изображен четырехчастный щит, в одной из четвертей которого размещен герб его предков по бабке – «Друцк» [Пластыка Беларусі, 1983, іл. 153, 154]. Гаштольды принадлежали к высшей аристократии ВКЛ и издавна обладали в этой среде очень большим влиянием. Занимая в 1522–1539 гг. высшие государственные должности канцлера и виленского воеводы, Альбрехт Гаштольд, по всей видимости, серьезно помогал князьям Друцким. Во всяком случае, из упомянутой выше переписки и других источников следует, что в 20–30-е годы XVI в. некоторые представители рода заняли заметные должности в сфере государственной администрации. Так, например, Василий Юрьевич Толочинский в 1536 г. стал гомельским державцей, а через два года – державцей оршанским [Wolff, 1895, s. 537]. Однако эти должности все-таки нельзя назвать первостепенными. Некоторые же представители рода – как, например, Василий и Богдан Романовичи Любецкие – служили обычными господарскими дворянами [Wolff, 1895, s. 203].

Что же касается имущественных дел Друцких, то они в этот период выглядели отнюдь не блестяще: род стремительно беднел. Этот процесс

очень четко прослеживается по материалам военных переписей – в частности, «описа земского» 1528 г. В рубрике, озаглавленной «То реестръ почтов княжеских», Друцкие значатся в конце списка. По количеству выставляемых всадников только некоторых из них можно отнести в средним землевладельцам, большинство же – к мелким, поскольку они выставляли всего по несколько лошадей [Перапіс войска ... , 2003, с. 54–55]. Обладая таким сравнительно скромным достатком, Друцкие, разумеется, не могли претендовать на серьезные позиции в общественно-политической жизни страны. И действительно, в центральном аппарате власти Друцкие были известны службой в качестве разве что господарских дворян. На местах их должности также были небольшими – вроде оршанского или оболецкого наместничества. С другой стороны, служба на государство предоставляла Друцким определенные выгоды и возможности улучшить свое положение. Так, в благодарность за службу они получали от великих князей земельные пожалования. В большинстве своем эти пожалования делали в соседних с Друцком регионах – на территории современной северо-восточной и северной Беларуси. С этими же регионами были связаны и дальнейшие карьерные пути тех Друцких, которые стремились проявить себя на административной службе и в общественно-политической жизни страны.

7.2. Родословие князей Друцких в XIV–XVII вв.
(С. А. Рыбчонок)

Обзор исследований происхождения князей Друцких. Происхождение и родословие княжеского рода Друцких весьма рано заинтересовали историков и генеалогов. Еще В. Виюк-Коялович отметил происхождение Друцких, которые *«от древних князей Русских свой род ведут»* [Kojałowicz, 1897, s. 45]. К. Несецкий вскоре разработал собственную родословную схему, в которой показал Друцких происходящими от владимиро-волынского князя Романа, а именно от одного из пяти сыновей последнего – Михаила [Herbarz polski, 1839, t. III, s. 409]. Романом К. Несецкий, вероятно, называл известного Романа Мстиславовича (1170–1205), у которого однако не было сына Михаила. Волынское происхождение отметил и П. Долгоруков, хотя собственно линию Друцких он построил уже на основании таких специфических источников, как родословные книги [Долгоруков, 1854, ч. 1, с. 130–133]. Они были составлены достаточно поздно, и в них ошибочно фигурировал тот же волынский след. Те же родословные книги использовал и П. Н. Петров [Петров, 1886, т. 1, с. 45–50].

Критическое осмысление источников началось в последней четверти XIX в., и первым к родословию Друцких в ВКЛ обратился А. Бонецкий. Он упомянул некоторых представителей рода из многих линий, но общей схемы родословия Друцких не представил [Boniecki, 1887, s. 50–51]. Гораздо больший вклад в изучение рода Друцких внес генеалог К. Ф. Ожаровский. Часть его архива сохранилась ныне в НИАБ в г. Минске в фонде «Князья Радзивиллы», а из опубликованных работ наиболее известна «Князья ли-

товско-русские», изданная под авторством Ю. Вольфа [Wolff, 1895, s. 135–149]. Обработав самый разнообразный материал, доступный ему, исследователь сделал попытку максимальной реконструкции генеалогии князей Друцких, и его схему все последующие историки долгое время рассматривали как наиболее верную.

Ю. Вольф отверг происхождение Друцких из линии галицко-волынских князей и вслед за Н. М. Карамзиным признал их потомками полоцких Рюриковичей, несмотря на то, что прямая связь между ними по источникам не прослеживалась. Своеобразной лакуной стал XIII в., потому что о Друцких из линии полоцких Рюриковичей после 1198 г. точных сведений практически не было, а первый известный представитель Друцких в ВКЛ по Ю. Вольфу – это князь Михаил Друцкий, живший в первой половине XIV в. Основная причина – недостаток источников за этот период и лаконичность содержащейся в них информации, что не позволило исследователям (как ранее, так и сейчас) реконструировать непрерывную линию владельцев Друцка. Эта точка зрения долгое время доминировала в отечественной историографии. Суммарно ее четко выразил В. Л. Носевич: в XIII в. – первой половине XIV в. в Друцке княжила местная династия, которая в середине–второй половине XIV в. оказалась в ленной зависимости от великих князей литовских Гедимина и Ольгерда [Насевіч, 2000, с. 49].

В литературе есть и другие версии о происхождении князей Друцких в ВКЛ. Еще А. Бонецкий после знакомства с работой Ю. Вольфа «Князья литовско-русские» отметил: *«...происхождение их от князей полоцких неочевидное, хотя бы с того одного повода, что Литва, завоевав Полоцк, стремилась важнейшие замки, к которым и Друцк относился, доверять лояльным себе князьям, в число которых полоцких князей трудно зачислить»* [Boniecki, 1902, t. V, s. 39]. В 1930 г. польский историк М. Гумовский высказал предположение, что Лев Друцкий, приложивший печать около 1384 г., будто бы похожую на «Погоню», должен принадлежать к династии Гедиминовичей, а не Рюриковичей [Gumowski, 1930, r. VII, z. 3–4, s. 698–699, 704, 716, tabl. IX, Nr 68–69, 71]. Эта версия получила широкое распространение в польской историографии (Ю. Пузына, С. М. Кучиньский) [Puzyna, 1911, r. IV, nr 5–6, s. 78–80; Kuczyński, 1946, t. VI/1, zesz. 26, s. 57–58]. Здесь же следует отметить и последние работы Я. Тэнговского, который считает, что упомянутый около 1372 г. Дмитрий Друцкий был на самом деле сыном Дмитрия Ольгердовича старшего, получил оставшийся без династии Друцк в удел и по этой причине стал писаться Друцким [Tęgowski, 1997, t. 36, s. 113–115; 1999, s. 74–80]. Как вариант этой же версии украинская исследовательница Н. Яковенко рассматривает происхождение князей Друцких от Андрея Ольгердовича [Яковенко, 1993, вып. 1, с. 51, схема II; 2008, с. 320, 322–323].

Российские историки Д. Н. Александров и Д. М. Володихин предложили версию, по которой в Друцке в начале 1240-х годов закрепился представитель черниговской династии Семён Михайлович [Александров, Володи-

хин, 1994, с. 25–28]. Их попытку нельзя признать удачной, поскольку они опирались в основном на источники XVI в. (хроника М. Стрийковского, белорусско-литовские летописи), в которых много неточностей и вообще вымысла. Если говорить о родословии Друцких в целом, то необходимо вспомнить еще работу украинского исследователя Л. Войтовича [Войтович, 2006, с. 296–304]. В ней приводится максимальная известная нам сегодня поколенная роспись князей Друцких. Из белорусских историков упомянем работы В. Носевича, посвященные истории и генеалогии рода князей Друцких в ВКЛ [Насевіч, 1992, с. 83–104; 2000, с. 49–76]. Оба исследователя предложили свои схемы родословия Друцких, и основные расхождения касались дискуссионного фрагмента генеалогии – XIV в., а именно до появления шестерых сыновей Семёна Дмитриевича Друцкого.

Главным камнем преткновения, как показывает историографический обзор, был вопрос о происхождении князей Друцких в ВКЛ – начале их генеалогии. Недавно появились две важные работы в этой области, на которых остановимся подробнее. В отечественной историографии проблему происхождения Друцких в ВКЛ попытался разрешить В. Воронин. В статье под названием «Друцкія князі XIV стагоддзя» [Варонін, 2002, т. 9, с. 3–30] он подробно проанализировал сохранившиеся источники и пришел к неожиданному выводу. Чтобы лучше его понять, вернемся к упомянутой выше работе Ю. Вольфа, который представил начало родословной князей Друцких в ВКЛ следующем виде [Wolff, 1895, s. 55–64] (рис. 7.1):

Рис. 7.1. Первые поколения князей Друцких по Ю. Вольфу (слева) и В. Воронину (справа). Условные обозначения: у. – упомянут; † – умер

В. Воронин сделал вывод, что Семён Друцкий был сыном Дмитрия Ольгердовича, поэтому линия князей Друцких, которую Ю. Вольф назвал младшей, происходит от Ольгердовичей. Соответственно, старшая линия князей Друцких, происходившая от Василия Михайловича, не была связана с Ольгердовичами и, судя по всему, ведет свое начало от древнего друцкого княжеского рода. Именно родство с Ольгердовичами, заключает В. Воронин, позволило младшей линии занять высокое место в элите ВКЛ в отличие от представителей старшей линии [Варонін, 2002, т. 9, с. 29–30].

Этот вывод представляется нам слишком категоричным. Рассмотрим важнейшие моменты. У Ольгерда были два сына Дмитрия. От первой жены

Дмитрий старший, от второй – Корибут Дмитрий, или Дмитрий младший. Историки часто путали их друг с другом. Женой Корибута была дочь рязанского князя Олега Ивановича. Ю. Вольф считал, что ее звали Анастасия и она была вдовой князя Дмитрия Васильевича Друцкого. С Друцким у Анастасии были сыновья Андрей и Василий, а с Корибутом – сыновья Иван, Жигимонт, Фёдор и несколько дочерей [Wolff, 1886, s. 153]. Про Дмитрия Ольгердовича старшего Ю. Вольф написал: погиб на Ворскле, с женой Анной оставил двух сыновей – Михаила и Ивана [Wolff, 1886, s. 92].

Согласно версии В. Воронина, Дмитрий Ольгердович старший каким-то образом женился на княжне Друцкой династии, и у него был еще один сын Семён, ставший родоначальником младшей линии Друцких. Этот Семён никогда не назывался Ольгердовичем (что было бы весьма престижно), а только Друцким. Соответственно, в помяннике Киево-Печерской лавры его потомок Иван Путята даже не помнит, что он – Ольгердович, и представляет свою прямую линию исключительно по генеалогии князей Друцких.

И все это для того, чтобы объяснить пару несовпадений отдельных мест в разных летописях. По нашему мнению, упоминание одного и того же князя, в данном случае несомненно Дмитрия Ольгердовича старшего, то Брянским князем, то Друцким, никак не объединяет оба княжения, а похоже больше на описку. Тем более это не свидетельствует о возможном браке Дмитрия Ольгердовича, после которого его сын Семён вокняжился в Друцке.

Очень важной для исследования вопроса оказалась работа российского историка А. В. Кузьмина. Во-первых, А. Кузьмин попытался уточнить датировку записи Василия Михайловича Друцкого на фундуш Друцкой Богородицкой церкви. Эта запись сохранилась в Друцком Евангелии, и ранее ее обычно датировали серединой–второй половиной XIV в. По мнению Кузьмина, более вероятен период с 1378 по 1392 г., так как в 1377–1378 гг. указанный Василий Михайлович Друцкий посещал Новгород, где мог сделать копию евангелия, а после 1392 г. о князе уже нет сведений, вероятно, потому что он умер [Кузьмин, 2007, № 4 (30), с. 62].

Во-вторых, А. Кузьмин отверг версию о появлении в Друцке князем Дмитрия Ольгердовича старшего. Отдельное внимание он уделил установлению факта брака Дмитрия Ольгердовича с Друцкой. Поскольку князь Андрей в источнике упомянут как «пасынок Дмитриев», то А. Кузьмин предположил, что Анна – вдова Василия Михайловича Друцкого (а не Дмитрия Васильевича как у Ю. Вольфа или Михаила Михайловича по версии В. Воронина), умершего не ранее 1392 г., и вышла замуж за Дмитрия Ольгердовича приблизительно в 1394–1398 гг. [Кузьмин, 2007, № 4 (30), с. 60]. Следовательно, по мнению российского иследователя, о детях Дмитрия Ольгердовича «старшего» с вдовой говорить не приходится.

Изучение сохранившихся письменных источников, в частности отыскание отчества Льва Друцкого, позволило А. Кузьмину предложить свою реконструкцию первых колен Друцких и их возможную связь с Одинцевичами (рис. 7.2 – первый значимый период родословия; для удобства нами в схеме А. Кузьмина добавлено еще одно поколение – сыновья Семёна Дми-

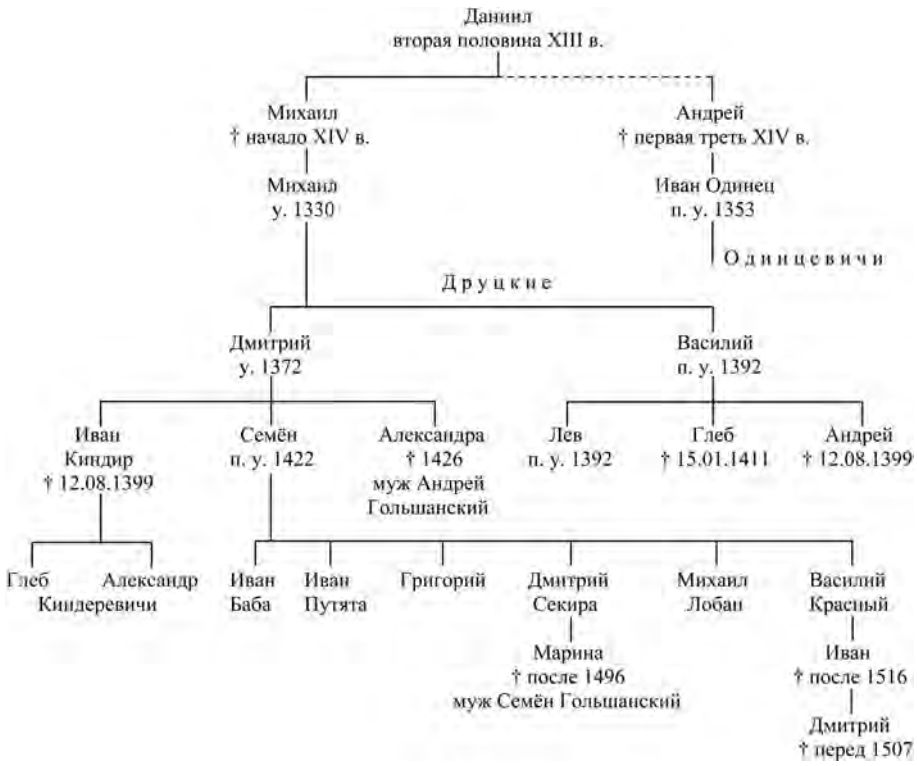


Рис. 7.2. Первые поколения князей Друцких и Одинцевичей. По А. Кузьмину. Условные обозначения: п. у. – последнее упоминание; у. – упомянут; † – умер

триевича Друцкого, а также представители потомства Дмитрия Секиры и Василия Красного Семёновичей Друцких) [Кузьмин, 2007, № 4 (30), с. 66]:

Гипотезу о вероятном родстве Друцких и Одинцевичей высказал еще Ю. Вольф. По его мнению, первый достоверно известный Фёдор Одинец был сыном Андрея Михайловича и внуком Ивана Друцкого, ходившего с ордынцами по указу Ивана Калиты на Смоленск в 1339 г. [Wolff, 1895, s. 286–288]. Иван Друцкий, упомянутый Ю. Вольфом, соответствует у А. Кузьмина Ивану Одинцу. Российский историк предположил, что это князь Иван Андреевич, а собственно его отец Андрей и мог быть Друцким – сыном Даниила и братом Михаила. Отметим также, что такая реконструкция полностью соответствует линии, заявленной в помяннике: «*князя Данила Дрюцкого, князя Михаила, князя Михаила, князя Димитриа, князя Симеона, князя Иоанна*» (под именем Иоанн здесь фигурирует Иван Путята, отец Дмитрия Путятича) [Древний помянник ... , 1892, кн. VI, с. 31].

Как видим, на этом рисунке нашлось вполне четкое место всем известным в истории XIV в. князьям Друцким, что делает представленную генеалогию очень весомой. Один момент А. Кузьмин не только уточнил, но и изменил. Основателями линий (сравни со схемой Ю. Вольфа – см. рис. 7.1) у него стали сыновья Михаила – Дмитрий и Василий, причем Дмитрия

историк считает старшим сыном, поскольку он занял старейший стол раньше Василия, уже в 1372 г. Далее, по нашему мнению, в родословии князей Друцких можно выделить следующие значимые хронологические периоды.

Род князей Друцких в XIV в. – первой половине XV в. Это период, когда можно говорить о пока еще едином роде Друцких, включая Семёна Дмитриевича и его шестерых сыновей.

В это время князья Друцкие принимали активное участие в политической борьбе в ВКЛ и выступали на внешнеполитической арене. Из наиболее видных представителей рода назовем следующих. Первый достоверно известный Иван Друцкий (Одинец), ходивший по просьбе Ивана Калиты с ордынцами в поход на Смоленск в 1339 г. Л. Войтович на основании этого делает вывод о вассальной зависимости Друцкого княжества от Орды в то время. Возможно, все было проще. Князья Друцкие охотно откликнулись на призыв владельца ханского ярлыка, чтобы обогатиться. В 1370-е годы князья Друцкие выступали как союзники полоцкого князя Андрея Ольгердовича, проводившего свою самостоятельную политику. В 1372 г. Дмитрий Друцкий (в источнике отчество не указано) принял участие в походе Андрея Ольгердовича на земли Владимирского и Московского княжеств. В 1374 г., вероятно, уже оба брата Дмитрий и Василий (в источнике не названы по имени, только как князья «одриские») были в походе того же Андрея Ольгердовича на Динабург. Полагаем, что около 1377–1378 гг. Василий Михайлович заказал Друцкое Евангелие, сделал к нему оклад и пожертвовал на Друцкую Богородицкую церковь фундуш.

Также известен Лев Васильевич Друцкий, приверженец Витовта Кейстутовича и его швагер. Традиционно «швагер» понимается как брат жены, хотя в источнике могут быть вариации использования данного термина. Точное родство здесь пока неясно. По мнению А. Кузьмина, оно было по женской линии, так как первой женой Витовта была Анна, дочь смоленского князя Святослава Ивановича. В 1384 г. Лев приложил печать к договору Витовта с Орденом. Последнее упоминание о нем относится к 1390–1392 гг., когда он в числе других поручился перед полоцким князем Скиргайлой за некоего Гридку Константиновича. Глеб Васильевич входил в окружение Андрея Ольгердовича и ушел вместе с ним в 1377 г. в Псков, а потом в Москву и, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», принял в 1380 г. участие в Куликовской битве. Андрей Васильевич около 1390 г. (по А. Кузьмину) получил от великого князя Витовта подтверждение по земельному спору. Погиб в битве на р. Ворскла, причем записан в источнике как «пасынок Дмитриев» (т. е. пасынок Дмитрия Ольгердовича старшего).

Иван Дмитриевич Киндир был старший в роду князей Друцких в 1398 г., когда подписал вместе с Витовтом Салинский договор. Он погиб в 1399 г. в битве на Ворскле. После Киндира старшим в роду стал его младший брат Семён Дмитриевич Друцкий. Впервые Семён упоминается в 1401 г., когда подписал в Бирштанах клятву верности, что в случае смерти Витовта не будет искать себе другого государя кроме короля польского Владислава Ягайлы. В 1422 г. Витовт с Семёном сосватали Ягайле новую жену Софью,

дочь князя Андрея Ивановича Гольшанского и Александры Дмитриевны Друцкой.

Чтобы закончить рассмотрение этого периода, необходимо упомянуть о потомках Ивана Дмитриевича Киндира и Андрея Васильевича. По Ю. Вольфу, Иван Киндир оставил сыновей Глеба и Александра, которые умерли бездетными, и уже около 1445 г. князь Иван Путята получил в держание имение Александра Слободку [Wolff, 1895, s. 161]. Что касается Андрея Васильевича, то, по мнению А. Кузьмина, у него были сыновья, но они умерли молодыми – еще до 19 апреля 1411 г., когда Витовт передал часть выморочных владений (имение Блужа), полученных Андреем Васильевичем за службу, Виленскому капитулу [Кузьмин, 2007, № 4 (30), с. 60].

Согласно Ю. Вольфу, со старшей линией (потомством) Василия Михайловича пока не все ясно. Этот историк, хотя бы и по позднейшим родословным книгам, приписал к ней некоего Дмитрия Васильевича Друцкого, жившего во второй половине XV в. Сыновья этого Друцкого Василий, Богдан, Андрей и их племянник Дмитрий Юрьевич приняли участие в мятеже Глинского и в 1508 г. эмигрировали в Москву. Их мать из ВКЛ не отпустили, и пока шли переговоры об ее выдаче, она в 1510 г. умерла [Wolff, 1895, s. 56]. Таких братьев Дмитриевичей нет в источниках, за исключением «племянника» Дмитрия Юрьевича. Тот же Ю. Вольф в родословной схеме Василия Горского, сына Ивана Семёновича Путяты, показывает старшего сына Юрия Васильевича, который, по его мнению, умер до 1496 г. (по родовой легенде попал в московский плен после битвы на р. Ведроша), был женат на N., сестре князя Василия Шемячича, и имел сына Дмитрия (о последнем более ничего неизвестно). Нет сведений также о сыне Василия Горского Олельке (п. у. в 1499 г.). Сочетание указанных имен есть в линии Семёна Ивановича Бабича Соколинского. Известно, что у него были сыновья Юрий, Василий, Андрей и Иван, а не Богдан. Тот же Ю. Вольф упомянул, что после ухода Ивана Озерецкого в Москву, московский князь в 1509 г. просил о выдаче его жены, но ее и детей не отпустили. Поэтому вопрос, кто из Друцких участвовал в мятеже Глинского и эмигрировал потом в Москву, остается открытым.

Также неясным остается происхождение погибших на р. Ворскла в 1399 г. князя Михаила Подберезского и брата его Александра. В источнике их отчество не указано. Еще Ю. Вольф предположил, что они братья Семёна и Ивана Киндира Друцких и четко отделил их от рода Ямонтовичей-Подберезских. Подберезье действительно находилось недалеко от Друцка, поэтому В. Носевич предположил, что младшие сыновья Дмитрия получили там удел и назвались Подберезскими [Насевіч, 1992, с. 90]. Однако этот вопрос требует дополнительного изучения источников.

Разделение рода на ветви в первой половине XV в. – XVI в. Генеалогия Друцких этого периода достаточно хорошо представлена в литературе. Из-за нехватки источников неясными остались только судьбы отдельных представителей рода и их брачные связи. Сыновья Семёна Друцкого дали начало новым линиям рода. По традиции многие из них получили родовые

фамилии от названия земельных имений, которыми владели. Некоторые из этих линий быстро угасли, другие, наоборот, разветвились и разделились еще больше. Сыновьями Семёна Дмитриевича Друцкого были (старшинство по Ю. Вольфу, разумеется, условно): Иван Баба, Иван Путята, Григорий, Михаил Лобан, Дмитрий Секира и Василий Красный. Кратко охарактеризуем все линии, и начнем с рано угасших.

Михаил Лобан, или Болобан, – сторонник Свидригайлы, впервые упомянут в 1431 г. при обороне Кременца, погиб в битве под Вилкомиром в 1435 г., потомков не оставил [Wolff, 1895, s. 7, 57].

Дмитрий Секира, или Зубревицкий, – впервые упомянут в 1425 г., когда получил награду («отправу») от Ягайлы. Будучи сторонником Свидригайлы, после битвы под Ошмянами в 1432 г. попал в плен, но, вероятно, был помилован. В 1470 г. великий князь Казимир Ягеллончик подтвердил его жене Софье владение имениями мужа (Зубревичи, Химы, Быхов, Добосна). Дмитрий оставил только одну дочь Марину, которая вышла замуж за князя Семёна Семёновича Трабского (Гольшанского). Марина пережила мужа и единственную дочь, вышедшую замуж за Мартина Гаштольда, поэтому в 1496 г. завещала все свои имения внуку Альбрехту Мартиновичу Гаштольду [Wolff, 1895, s. 57–58].

Василий Красный – впервые упомянут в 1431 г. в числе послов Свидригайло к Владиславу Ягайло, в 1431–1432 гг. подписал договоры Свидригайло с Орденом. Свидригайло назначил Василия Красного витебским наместником, но в битве под Ошмянами в декабре 1432 г. Василий Красный попал в плен к Жигимонту Кейстутовичу. Следующее упоминание о нем относится уже к 1446 г., когда Казимир Ягеллончик назначил его послом на Пётрковский сейм. В 1447 г. Василий Красный присутствовал на коронации Казимира, а в 1448 г. был послом ВКЛ на Люблинском сейме. Жена – N., дочь Федора Воротынского, с которой имел одного сына Ивана. Иван Васильевич был наместником минским в 1487–1489 гг. и, вероятно, до смерти Казимира Ягеллончика, потом оставил уряд по состоянию здоровья. С женой Марией Семёновной Кобринской имел только одного сына Дмитрия, умершего молодым перед 1507 г. После смерти Марии Кобринской Иван женился второй раз на вдове Богдана Фёдоровича Глинского Путивльского Марине, дочери князя Ивана Юрьевича Заславского, и записал ей в 1516 г. сёла Бобр и Соколовичи. Детей у Ивана больше не было, и остальные его имения перешли во владение других линий князей Друцких [Wolff, 1895, s. 58–59].

Григорий Семёнович, вероятно, третий сын Семена Друцкого. Упомянут в 1422 г., когда подписал вместе с братьями Иваном Бабой и Иваном Путятой договор с Орденом. В 1450–1466 гг. в источниках выступает его сын Василий Григорьевич Друцкий. В фонде Потоцких из Радзыня Главного архива древних актов в Варшаве (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie) хранится дельчий лист князей Юрия и Дмитрия Михайловичей (позднее – линия князей Шишевских и Толочинских). Акт датирован 1477 г. Свидетелями акта были князья Василий Григорьевич (старший сын Григория Семёновича), Иван Григорьевич (полагаем, его младший брат, ранее

неизвестен, вероятно, умер молодым), и Дмитрий Путятич (впоследствии – воевода киевский) [AGAD, APR, sign. 295, s. 128]. Женой Василия была N., дочь Юрши, крупного волынского боярина, с которой оставил двух сыновей Богдана и Романа. Василий умер до 1488 г., потому что в этом году сестра жены Федка Юршевна, жена Олизара Шиловича, луцкого старосты и маршалка Волынской земли, записала своему племяннику Богдану Васильевичу имение Любча в Луцком повете, и Казимир Ягеллончик подтвердил это дарение. Богдан умер бездетным, и имение перешло к брату Роману Васильевичу, который получил на Любчу подтверждение великого князя Александра в 1500 г. Далее эта линия князей Друцких стала именовать себя князьями Видиницкими и Друцкими-Любецкими (рис. 7.3).

Друцкие-Любецкие и Видиницкие. Роман Васильевич с женой Богданой, дочерью Богдана Семёновича Сапеги, оставил сыновей Василия, Дмитрия, Богдана, Ивана, Януша и одну дочь Анну (в первом браке – Дубровская, во втором – Непрецкая, в третьем – Остик, в четвертом браке была женой Павла Юрьевича Друцкого-Соколинского). Василий и Януш умерли бездетными. Дмитрий Романович получил имение Видиничи, но его ветвь угасла по мужской линии со смертью сына Богуша в 1564 г. Иван Романович получил имение Загородский и, по мнению Ю. Вольфа, около 1545 г. выкупил у брата Дмитрия Видиничи, поскольку тоже писался князем Видиницким. С княгиней Еленой Сокольской (из ветви князей Четвертинских) Иван имел одного сына Григория (по мнению Н. Яковенко, состоял в браке с княгиней Марией Васильевной Сокольской).

Потомство Богдана Романовича представляет отдельную линию. Женой Богдана была Софья Яновна Довойна († до 1558 г.). Богдан умер в 1546 г.,

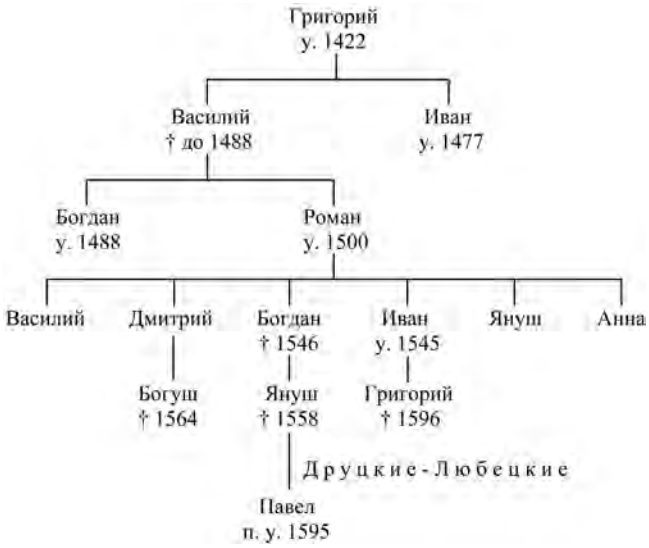


Рис. 7.3. Линия Видиницких и Друцких-Любецких, XV–XVI вв.
Условные обозначения те же, что и на рис. 7.2

оставив сына Януша и двух дочерей. Януш Богданович Видиницкий-Любецкий был женат на Василисе Львовне N. (во втором браке была замужем за князем Богданом Андреевичем Друцким-Соколинским), умер в 1558 г., оставив одного сына Павла [Wolff, 1895, s. 202–212]. Потомки Григория Ивановича († 1596 г.) и Павла Янушевича (п. у. 1595) писались уже просто Друцкими-Любецкими.

Линия Путятичей. Наиболее разветвленными и влиятельными в XV–XVI вв. оказались потомки старших сыновей Семёна Дмитриевича Друцкого. Иван Путята впервые упомянут в 1422 г., когда подписал договор ВКЛ с Орденом. В 1424 г. Путята ходил в поход против татар, а в 1431–1432 гг. неоднократно свидетельствовал акты великого князя Свидригайло. Женой Ивана, по мнению Н. Яковенко, была княгиня Анастасия Фёдоровна Острожская. С ней Иван оставил четырех сыновей: Михаила, Василия, Дмитрия и Ивана Путятичей (рис. 7.4). Дмитрий Иванович был наместником мценским и любуцким – в 1486 г., брянским – в 1487–1488 гг., воеводой киевским – с 1492 г., оставил запись в помяннике Киево-Печерской лавры, умер в 1505 г. бездетным. Иван Иванович Путятич был луцкими городничим в 1474–1489 гг. и наместником – до 1493 г., перемышльским наместником – в 1500–1507 гг. Жена N., оставил сына Богдана, который упоминается в источниках в 1514–1516 гг. Богдан был женат на княгине Людмиле Юрьевне Друцкой-Толочинской, имел сына Василия († ок. 1514 г. бездетным) и дочерей Марину (состояла в браке за князем Фёдором Михайловичем Вишневецким) и Анну (в первом браке была замужем за Богданом Семашко, во втором браке – за князем Андреем Петровичем Масальским) [Wolff, 1895, s. 405].

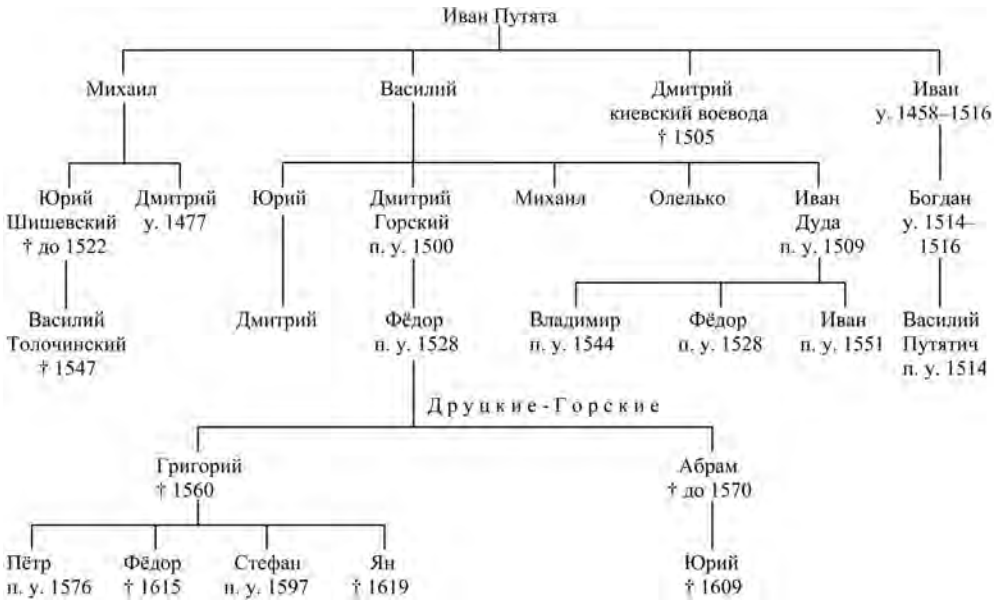


Рис. 7.4. Потомки Ивана Путяты по мужской линии, XV–XVI вв.
Условные обозначения те же, что и на рис. 7.2

Линия Шишевских и Толочинских. Основателем этой линии был сын Ивана Путяты Михаил. Собственно о Михаиле до сих пор не обнаружено никаких сведений, его существование подтверждается отчеством его сына Юрия. По Ю. Вольфу, Юрий первоначально писался князем Шишевским (от названия главного владения Шишево), упомянут в 1499–1509 гг., после битвы на р. Ведроши был в московском плену, позже перенес свою резиденцию в Толочин, и его потомки стали писаться уже князьями Толочинскими. Как оказалось, второй женой Михаила была Анна Михайловна N. Сохранился раздельный лист ее пасынков Юрия и Дмитрия. Он датирован ноябрем 11 индикта (1477 или 1492 г.). Свидетелями раздела были Дмитрий Путята и князья Василий и Иван Григорьевичи (считаем их сыновьями Григория Семёновича). Поскольку Дмитрий Путята не назван воеводой киевским (он являлся таковым в октябре 1492 г.), то, полагаем, что раздел случился в 1477 г. [AGAD, APR, sign. 295, s. 128]. Дмитрий более нигде не упомянут, вероятно, умер, а все имения перешли к его брату Юрию. Другое уточнение: обнаружена дарственная грамота Юрия, в которой он подписался князем Толочинским, Ивашке Иллиничу. Она датирована 6 индиктом, т. е. 1473 или 1488 г. Полагаем, что грамоту можно датировать 1488 г. [AGAD, Zb. dok. perg., sign. 8402]. В 1473 г. Юрий должен был быть еще несовершеннолетним, Ивашка Иллинич в 1488 г. был наместником смоленским (здесь по уряду не назван), умер около 1490 (?). Из этого следует, что сначала Юрий писался князем Толочинским, потом, вероятно, перенес резиденцию в Шишево и стал писаться князем Шишевским, а его сын снова вернулся к титулу «Толочинский». Такое изменение, вероятно, можно объяснить переносом главной резиденции.

Жена Юрия Михайловича N., оставил сына Василия и дочерей Людмилу и Анастасию. Василий Юрьевич в 1536 г. получил в держание Гомельское староство, а в 1539 г. – Оршанское. Он был женат на княгине Марии Богдановне Заславской, которой в 1544 г. записал одну треть своих владений. Василий умер в 1547 г. бездетным. Большая часть Толочинских имений, несмотря на претензию сестер Василия Людмилы (в первом браке была замужем за князем Богданом Ивановичем Путятичем, во втором браке – за Юрием Хрептовичем) и Анастасии (в первом браке была замужем за князем Константином Фёдоровичем Соколинским-Коноплёй, во втором браке – за Романом Гарасимовичем, городничим витебским), досталась его жене Марии Богдановне, которая вступила во второй брак с Иваном Горностаем. До 1554 г. Иван Иванович Сапега, женатый на княгине Богдане Константиновне Соколинской, выкупил у Горностаев одну треть наследства Василия Толочинского, в том числе часть в Друцке, а также дворы Староселье, Коханово, Басея, Шишов и др. [AGAD, APR, sign. 316a, s. 1–13].

Линия Друцких-Горских, Дудаковских и Бурневских. Еще один сын Ивана Путяты Василий считается основателем ветви Друцких-Горских. Из пяти его сыновей (Юрий, Иван Дуда, Олелько, Дмитрий и Михаил), потомство оставили Иван Дуда и Дмитрий (Ю. Вольф предполагал у Юрия наличие сына Дмитрия, о чем сказано выше). Старшую Дудаковскую линию

(от названия основного владения Дудаковичи) продолжил Иван Дуда, упоминаемый в источниках в 1496–1509 гг. Эта линия угасла по мечу со смертью его сыновей Владимира († 1544) и Ивана († 1551). Дмитрий Горский (от названия имения Горы) стал основателем младшей линии. Его сын Фёдор, упоминаемый в 1516–1528 гг., был женат на княгине Анне Прихабской (из ветви Бабичей-Друцких) и оставил двух сыновей Григория (женатого на княгине Томиле Богдановне Заславской) и Абрама (женатого на княгине Василисе Масальской). Линия Абрама угасла со смертью его сына Юрия, который принял активное участие в жизни Речи Посполитой в конце XVI в. Во время Ливонской войны Юрий попал в московский плен. В 1596 г. он выступил против подписания Брестской унии, а в 1599 г. принял участие в Виленском съезде протестантов и православных. Юрий погиб при осаде Троице-Сергиевой лавры в 1609 г.

Григорий Фёдорович (писался также князем Бурневским), умерший в 1560 г., наоборот оставил многочисленное потомство – четырех сыновей и четырех же дочерей. Его сын Стефан умер около 1597 г. бездетным, а сыновья Петр, Фёдор и Ян продолжили род Друцких-Горских далее [Wolff, 1895, s. 135–149].

Потомки Ивана Бабы Друцкого. Старшим из сыновей Семёна Дмитриевича Друцкого был Иван Баба, которого великий князь Витовт назначил полоцким наместником. В 1422 г. Иван Баба подписал договор с Орденом, в 1424 г. принял участие в защите Одоева от татар, в 1431 г. свидетельствовал договор Свидригайло с Орденом. Согласно принятому в литературе родословию, Иван Баба от жены Авдотьи, дочери князя Андрея Шутихи, имел сыновей Фёдора, Константина, Василия, Семёна и Ивана. После поражения Свидригайло под Вилкомиром Иван Баба с младшими сыновьями перешел на службу к московскому князю, в то время как старшие сыновья Фёдор и Константин остались в ВКЛ. Их потомство также оказалось разветвленным и многочисленным (рис. 7.5).

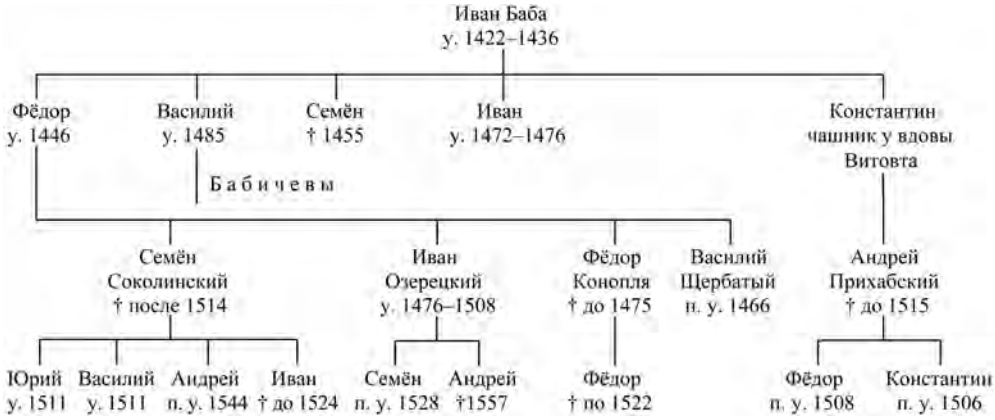


Рис. 7.5. Потомки Ивана Бабы по мужской линии, XV в. – начало XVI в.
Условные обозначения те же, что и на рис. 7.2

Линия Прихабских. Константин Иванович Бабич был чашником у вдовы Витовта и владел имением Прихабы, поэтому его потомки назывались князьями Прихабскими, несмотря на то, что великий князь Казимир Ягеллончик передал Прихабы в держание Фёдору Одинцевичу. Константин был женат на дочери князя Семёна Вяземского, оставил сына Андрея и дочь Анну (муж – князь Дмитрий Воротынский). Андрей Константинович, по мнению В. Носевича, вернул себе родовое имение Прихабы в конце XV в., был наместником ошмянским с 1505 г., умер до 1515 г. Его жена была дочерью Ивана Рогатинского. С ней он имел сыновей Фёдора и Константина, умерших бездетными, и трех дочерей: Донимитру-Марину (была замужем за князем Владимиром Ивановичем Дудаковичским), Сусанну (в первом браке была замужем за Кмитой Стретовичем, во втором – за Яном Гамшеевичем) и Анну (состояла в браке с князем Фёдором Дмитриевичем Горским) [Wolff, 1895, s. 396–398].

Другой сын Ивана Бабы Фёдор, получивший от великого князя Казимира Ягеллончика в 1443–1450 гг. ряд пожалований, оставил четырех сыновей: Семёна, Фёдора, Василия и Ивана, которые в 1466 г. учредили фундуш для Черейского Троицкого монастыря. Из них Василий по прозвищу Щербатый умер бездетным после 1466 г., а остальные основали свои линии [Wolff, 1895, s. 59–61].

Линия Друцких-Соколинских-Конопель. Фёдор по прозванию Конопля, по мнению Ю. Вольфа, умер до 1475 г. С женой Марией (являлась дочерью Сеньки Ивановича, отчича Череи, и племянницей Мисаила, смоленского епископа и позднее митрополита киевского) оставил сына Фёдора и дочь Федору (с 1475 г. состояла в браке с Богданом Сапегой, писарем господарским). Фёдор Фёдорович от двух жен (Вагановской и княгини Лукомской) оставил четырех сыновей и четырех дочерей, сам же с третьей женой пани Михаиловой, конюшиной витебской, эмигрировал в Московское княжество. Из его сыновей два умерли молодыми, Лев умер в 1552 г. бездетным, а Константин от Настасии Толочинской имел только дочь Богдану (в первом браке была замужем за князем Петром Романовичем Лукомским, во втором браке (с 1548 г.) – за Иваном Ивановичем Сапегой) [Wolff, 1895, s. 168–172]. Таким образом, наследниками имений этой линии князей Друцких дважды стали Сапеги.

Линия Друцких-Соколинских. Семён стал основателем линии Друцких-Соколинских, поскольку основным его владением было имение Сокольня (недалеко от Друцка). В 1489 г. Семён был наместником торопецким, а в 1492 г. – брянским. По мнению Ю. Вольфа, в 1514 г. после осады Смоленска Семён с одним из сыновей попал в плен, где и умер. Жена Семёна – N., он оставил четырех сыновей и дочь Домнимиду (состояла в браке с князем Семёном Ямонтовичем Подберезским). Из сыновей Семёна Иван имел только одну дочь Анну, которая вступила в брак с князем Масальским. Другие стали основателями трех отдельных линий Друцких-Соколинских.

Ю. Вольф выделил следующие линии. *Первая линия:* от Юрия Семёновича (умер до 1530 г.). У Юрия были сыновья Тимофей, подкоморий витеб-

ский, маршалок оршанский, умер около 1569 г. (линия на Бешенковичах) и Павел, маршалок оршанский, умер в 1585 г. (линия на Лугиновичах). Соответственно, по мечу эти линии продолжили Ярослав Тимофеевич, умер до 1579 г. (жена его была из рода Нарбутов) и Юрий Павлович, умер в 1606 г. (жена его была из рода Воловичей). *Вторая линия:* от Василия Семёновича. Ю. Вольф назвал эту линию Полоцкой, так как в этом воеводстве ее представителям принадлежали имения Непоротовцы, Солонеевичи, Кривин и др. Василий упомянут в 1508–1511 гг., жена – N., оставил сыновей Михаила и Ивана. Иван Васильевич впервые упомянут в 1530 г., умер до 1552 г. Его женой была княгиня Анна Андреевна Лукомская (во втором браке была замужем за Конрадом Семёновичем Жабой). С Лукомской Иван Васильевич оставил дочерей Марину (вышла замуж за Марка Костю) и Богдану (вышла замуж за Тимофея Головню). Соответственно, брат Ивана Михаил Васильевич упоминается в источниках в 1530–1558 гг. Умер около 1559 г., так как в 1561 г. его вдова Анна Рагозянка уже вышла повторно замуж за князя Яна Болеславовича Свирского. С Рагозянкой Михаил Васильевич оставил трех сыновей и дочь Марину (в первом браке была замужем за Вацлавом Жабой, во втором браке – за Юрием Яновичем Зеновичем). Сыновьями Михаила были: Василий (в католичестве Владислав), маршалок надворный ЕКМ в 1591 г.; Семён, ротмистр королевский и городничий дисненский в 1582 г.; Михаил, маршалок оршанский в 1591 г., потом воевода полоцкий, умер в 1621 г. *Третья линия:* от Андрея Семёновича. Ю. Вольф назвал ее Смоленской. В 1508–1511 гг. Василий и Андрей Семёновичи Соколинские, дворяне господарские, получили ряд пожалований в Полоцком воеводстве. Это позволило Андрею Соколинскому увеличить свои имения. По «попису» войска в 1528 г. он вместе с племянниками и племянницами обязан был выставлять 23 всадника. Андрей умер около 1546 г., так как в 1548 г. в известном деле князей Друцких с Григорием Подберезским выступала уже только его жена с детьми. Женой Андрея была княгиня Василиса Андреевна Сангушка. С ней он оставил сыновей Богдана и Андриана и дочерей Азарину (вышла замуж за князя Андрея Ивановича Полубинского), N. (вышла замуж за князя Ивана Григорьевича Одинцевича-Багриновского), Марину (в первом браке была замужем за князем Александром Буремским, во втором браке – за Иваном Хреницким). Князь Андриан, писар земский ошмянский в 1567 г., похоже, занимал этот уряд недолго. В 1582 г. еще был жив и принимал участие в тяжбе всех князей Соколинских с Горностаем. Жена Андриана N., оставил сына Яна, писаря ВКЛ с 1608 г., умершего в 1630 г. Богдан Андреевич упоминается в источниках в 1548–1563 гг. Его женой была Василиса Львовна, вдова князя Януша Богдановича Друцкого-Любецкого. С ней Богдан оставил сыновей Константина и Януша. Януш Богданович был участником судебного процесса с Горностаем по поводу владения имениями Ульяновичи и Кадино, в 1597 г. назначен войским витебским, а в 1606 г. стал подсудком и подкоморием полоцким [Wolff, 1895, s. 461–488].

Линия Друцких-Озерецких. От четвертого сына Фёдора Бабича Ивана происходит линия князей Друцких-Озерецких (от названия имения Озерцы; Ю. Вольф полагал, что оно находилось рядом с Друцком и Толочином). Иван Фёдорович в 1476 г. увеличил фундуш Черейского монастыря, в 1508 г. ушел с Глинским в эмиграцию. Московский князь в 1509 г. просил великого князя Жигимонта о выдаче жены князя Озерецкого, но и жена князя Ивана, и его сыновья Андрей и Семён остались в ВКЛ. Семён упомянут в источниках в 1522–1528 гг., потом, вероятно, умер. Андрей Иванович по «попису» 1528 г. выставлял восемь коней, его женой была Анна Васильевна Скепиевская. В 1540 г. Андрей Озерецкий жаловался на князя Юрия Семёновича Слуцкого из-за наезда на его двор Ходковский. В 1546 г. Андрею был выдан привилей на Дусяты после князя Ивана Боратинского, а в 1547 г. после смерти князя Василия Толочинского получил в держание Оршанское староство. Умер Андрей Иванович Озерецкий в декабре 1557 г., в тестаменте просил похоронить его в Киеве, а имение разделил поровну между сыновьями Иваном, Василием, Богданом и Михаилом. Единственная дочь Андрея Ивановича Мария в первом браке была замужем за Остафием Васильевичем Тышкевичем, а во втором браке – за Павлом Островицким, хоружим ошмянским и судьей виленским.

Из сыновей князя Андрея Иван умер еще при жизни отца, Михаил – вскоре после 1561 г. Богдан и Василий Андреевичи в 1562 г. уступили Корсакам принадлежавшую им одну третью часть имения Худово, а в 1582 г. Богдан продал свой удел в Друцке князю Юрию Павловичу Друцкому-Соколинскому. После смерти жены Полонеи Борисовны Микулич князь Богдан решил посвятить себя служению Богу и в 1582 г., желая принять духовный сан, получил привилей на Онуфриевский монастырь под Мстиславлем. Этот монастырь был освобожден от юрисдикции полоцких владык как данный пожизненно князю Богдану Друцкому-Озерецкому. Князь Богдан умер в 1601 г., и король передал монастырь в управление черейскому игумену Исайе с условием, чтобы тот находился в унии. Василий, вероятно, старший сын Андрея Ивановича, упомянут в источниках в 1540–1562 гг., его женой была Елизавета Есьман. С ней Василий оставил сына Василия, который стал последним представителем этой линии, поскольку умер бездетным в 1607 г. [Wolff, 1895, s. 360–364].

Итоги второго значимого периода родословия – разделения рода князей Друцких на линии – оказались неутешительными. Если в первой половине XV в. представители рода были крупными феодалами, игравшими важную роль в жизни ВКЛ, то к концу XVI в. они превратились в основном в шляхту средней руки. Историки пытались ответить на вопросы, как и почему это произошло? Наиболее удачно итоги разделения рода Друцких на ветви и процесса их обмельчания подвел В. Носевич. По его мнению, здесь соединились несколько факторов: демографические обстоятельства – ранняя смерть родителей, после чего дети оставались сиротами и не могли сделать удачную карьеру; отсутствие удачной служебной карьеры у большей части представителей рода, что можно объяснить их незаинтересованностью, не-

умением приспособиться к обстоятельствам, даже невезением; особенности древнего наследственного права ВКЛ, когда отцовские вотчины подлежали равному разделу между сыновьями, а в случае их отсутствия между дочерьми. Многочисленность линий князей Друцких привела к чрезмерному дроблению их земельных владений. По подсчетам В. Носевича в целом все князья Друцкие выставляли в 1528 г. около 100 коней, что соответствовало общей величине имений приблизительно в 1500 крестьянских дворов. Однако указанные имения принадлежали 11 отдельным представителям рода, т. е. в среднем один из Друцких выставлял до 10 коней [Насевіч, 1992, с. 102]. По «попису» 1567 г. средняя цифра коней даже уменьшилась, так как многие имения князей Друцких были разорены московскими войсками. Обедневшие Друцкие выставляли 4–5 коней, а богатые – до 50 коней, что сравнимо максимум с уровнем обычных панов-воевод [Насевіч, 2005а, с. 64–65]. Чтобы избежать излишнего дробления имений князья Друцкие заключали родственные браки. Возможно, это несколько задерживало процесс дробления имений, но еще быстрее приводило к угасанию родовых линий. В целом брачную стратегию у Друцких в этот сложный период трудно назвать удачной.

В итоге к концу XVI в. большинство упомянутых ветвей князей Друцких угасло в прямой мужской линии, существование в XVII в. продолжили только некоторые линии Горских, Любецких и Соколинских. Среди них, конечно, периодически появлялись значимые лица, занимавшие важные уряды, но в целом эти линии рода князей Друцких превратились в обычную шляхту. Исчезла и компактная крупная земельная латифундия князей Друцких. Значительная часть бывшего Друцкого княжества с замком и местечками Друцк, Толочин и другими перешла во владение Сапег и Горностаев, в то время как имения линий Друцких, продолживших существование, были разбросаны по всей территории ВКЛ.

Подведем итоги. Реконструкцию первого значимого периода родословия князей Друцких, сделанную А. Кузьминым, можно признать удачной. Проблемными местами здесь остаются родственные связи князей Друцких с другими княжескими родами. О возможной связи князей Гольцовских с Друцкими упоминал еще Ю. Вольф. Л. Войтович предполагает, что у князей Одинцевичей, Тетей и Плаксичей был один предок. Возможно, что к линии князей Друцких принадлежат и князья Лукомские.

Период XV–XVI вв. в генеалогии Друцких изучен гораздо лучше. Здесь предстоит решить следующие основные вопросы: установление по возможности неизвестных жен некоторых представителей рода, уточнение имен князей Друцких и лиц из родственных им фамилий, эмигрировавших в ВКМ.

Период существования разных линий князей Друцких в ВКЛ в XVII–XVIII вв. (третий значимый период родословия) уже рассматривал Ю. Вольф, но им были изучены не все имеющиеся источники, поэтому осталось достаточно неясных мест (хронологические лакуны, неидентифицированные представители рода и т. д.). Разрешение вышеназванных вопросов требует дополнительных исследований.

8. ВЛАДЕНИЯ КНЯЗЕЙ ДРУЦКИХ В XVI–XVII вв.

8.1. Друцкий хозяйственно-экономический комплекс и его военно-политическое значение в Поднепровских землях Великого Княжества Литовского

(В. Ф. Голубев, Р. А. Олехнович)

Друцк и имения, которые относились к нему, располагались на востоке Беларуси, в хозяйственно-территориальном регионе под названием Поднепровье, в котором в XVI–XVII вв. преобладало государственное землевладение. Поднепровье занимало земли в бассейне верхнего Днепра и его притоков – Сожа, Друти, а также в верхнем течении р. Березина. В ВКЛ указанные земли имели значительные особенности социального и политического положения. Здесь, в отличие от других регионов ВКЛ, более широкими правами владела не только шляхта, но и люди «простого стана» – горожане и крестьяне.

Общая характеристика Поднепровского региона. Значительную часть территории Поднепровья занимали государственные владения – господарские Поднепровские волости (Березинская, Бобруйская, Борисовская, Брагинская, Бчицкая, Гомельская, Горвальская, Дубровенская, Кричевская, Любошанская, Могилевская, Мозырская, Оршанская, Пропойская, Рогачевская, Речицкая, Свислочская, Чечерская). Друцкое частное имение, которое с 1566 г. административно входило в состав Оршанского повета, находилось в непосредственной близости к государственным волостям, а его жители – в тесных общественно-политических и хозяйственных отношениях с населением соседних Поднепровских господарских и частных владений.

Власти с большим вниманием относились к настроениям населения в этом пограничном регионе. Здесь важную роль сохраняли традиция «старины» и обычное («звыклое») право – совокупность традиций и обычаев, правил, которые сложились в политической, социальной и хозяйственной деятельности, организации быта, общественной жизни на протяжении долгого периода времени и передавались от одного поколения к другому. Традиция и обычное право здесь признавались государством и частными собственниками и определяли многие положения политической, социальной и экономической жизни. Правда, постепенно они и сами менялись, приспосабливаясь к жизненным обстоятельствам или требованиям властей.

Считается, что принцип «старины» как сохранение в неизменном виде ранее существовавших правил и порядков был закреплен уже в законодательных актах XIV–XVI вв. и означал «ненарушение старины, установленной Витовтом и Жигимонтом Кейстутовичем» [Доўнар-Запольскі, 2009, с. 86]. Для феодалов в большинстве случаев «старина» являлась синонимом давности, которым они обосновывали свои политические и экономические привилегии, права на землю и крестьян. Крестьяне и мещане отождествляли «старину» в основном с обычаями и традициями, имеющими

корни в глубоком прошлом. Принцип «старины» можно связывать с теми традициями, которые уже имели место в период существования Полоцкой земли и ее удельных княжеств.

Понимая «старину» как нерушимое обычное право, население данных местностей отстаивало традиционное право избирать руководителей общины – старцев, беспрепятственно торговать и, главное, исполнять феодальные повинности в издавна сложившихся формах и размерах. Документы свидетельствуют, что традиция распространялась на самые разные сферы жизни. Главной идеей принципа «старины» было великокняжеское заявление о ненарушении старины: «мы новин не уводим, а старин не рушаем» [РИБ, 1910, т. 27, с. 595–596].

Постоянные военные угрозы оказывали значительное влияние на проведение государством социально-экономической политики в этом регионе. В то время, когда на западе и в центре Беларуси государство и частные собственники пытались провести реформы в хозяйственной и социальной сферах, в Поднепровских волостях они, учитывая как местные традиции, так и государственные интересы, придерживались консервативных форм управления. Такая тенденция особенно проявилась в 20–50-е годы XVI в., когда в Поднепровье не была проведена единообразная с другими регионами ВКЛ реорганизация экономической и социальной жизни населения, которая на западе и в центре страны получила название «волочная помера».

Несомненно, что на такую социально-экономическую политику властей ВКЛ в первую очередь оказали влияние военные конфликты с Московским государством, обострение которых особенно наблюдалось с конца XV в. до конца XVI в. Основной повинностью населения региона здесь стала не отработочная рента, а дань разных видов и денежная рента (чинш), причем натуральные выплаты преобладали. На высокий удельный вес дани и денежных выплат возможно повлияло и то, что в регионе Поднепровья, как и вообще на востоке Беларуси, находилось много укрепленных замков, как государственных (Бобруйск, Борисов, Гомель, Пропойск, Речица, Чечерск и др.), так и частных (Друцк, Барколабово, Шклов, Быхов, Горваль, Горы и др.). Гарнизоны, которые в них размещались, необходимо было обеспечить провиантом, фуражом, деньгами и т. д. В такой ситуации выплаты натуральными продуктами и деньгами были наиболее целесообразными, экономически обоснованными и выгодными, потому что позволяли на месте, без задержек, обеспечивать гарнизоны и оплачивать службу солдат.

Инвентари владений, материалы налогового и повинностного характера подтверждают главные особенности хозяйственного уклада Друцких земель. В XVI в. в хозяйственном отношении акцент здесь был сделан на развитие товарно-денежных отношений и различных видов дани, а не на отработки, как на западе и в центре Беларуси. Например, в середине XVI в. староселький урядник Марии Ивановой Горностаевой Роман Кощиевич, советовал собственнице вместо повинности несения военной службы, которую были обязаны исполнять «покупные бояре» (купившие землю) ввести в Староселье «копу», состоявшую из денежных выплат и взносов натурой.

В результате ожидалось получение 45 коп грошей от выплат, а также значительные поступления жита и овса. По словам урядника, такой порядок уже был установлен в заднепровских землях Толочинского имения урядником Кменом Толочинским. Здесь же Роман сообщал о существовании в Староселье торгов, на которых, по его распоряжению, крестьяне имения обязаны были в первую очередь продавать зерно и не выплачивать владельцам соседних имений мыто и подужчину [AGAD, APR, sign. 295, s. 1–3].

Формирование земельных владений князей Друцких. Размеры и структура земельных владений князей Друцких постоянно изменялись. С одной стороны, в руки многочисленных представителей князей Друцких переходили купленные, выслуженные, обмененные, полученные в дар или в наследство земли. С другой стороны, ряд владений перешли в собственность других родов (Сапегов, Ильиничей, Ямонтовичей, Полубенских, Жеславских) или отошли к великому князю литовскому. Так, например, дворы Зубревичи, Хымы, Быхово, Добосна, пустую землю Дубровенскую и данники в Турце князь Дмитрий Семёнович Секира-Зубревичский Друцкий подарил жене Софье и ее детям (1429, 1444 или 1459 г., май, индикт 7) [LM-1, 1998, p. 87]. В 1470 г. великий князь литовский Казимир подтвердил законность передачи жене имущества князем Дмитрием [LM-1, 1998, p. 138]. Позже, в 1490 г. дочь князя Дмитрия Марина Трабская все свои ценности и движимое имущество записала внуку Альбрехту Мартиновичу Гаштольду [LM-1, 1998, p. 133]. Великий князь литовский Александр в 1496 г. специальным листом подтвердил передачу Мариной Семёновной Трабской двора Добосны, данников в Турце и дворца в Быховце Альбрехту Гаштольду [LM-1, 1998, p. 84, 88, № 667, 670].

Источники не позволяют точно определить все земельные владения, которые изначально входили в состав Друцкого княжества. Можно лишь полагать, что первоначальный комплекс владений князей Друцких в составе ВКЛ сформировался на основе территории Друцкого княжества XII–XIII вв.

Документы свидетельствуют, что к началу XVI в. род Друцких состоял из нескольких ветвей, а его имущество уже было неоднократно разделено между многочисленными представителями рода. При этом потомки князей Друцких, владевшие данной вотчиной в ВКЛ, формировали собственные центры имений и принимали родовые «фамилии» (прозвища), соответствующие названиям центров новых владений. Первые случаи такого определения встречаются уже в конце XIV в. Так, в одном из родоводов упомянуты Михаил и Александр Подберезские, по всей видимости, князья из рода Друцких, которые взяли себе прозвище от имения Подберезье, которое было расположено вблизи Друцка. Скорее всего, подобным образом формировались и другие родовые «фамилии» некоторых наследников князей Друцких – от населенных пунктов, которые были центрами имений: Бурнево, Видиничи, Горы, Дудаковичи, Зубревичи, Конопельчицы, Красное, Озерцы, Орево, Прихабы, Сенно, Сокольня, Толочин, Шишово. В настоящее время нельзя определенно говорить о том, были ли ранее все эти земли

частью одного большого владения князей Друцких, которым оно досталось при формировании ВКЛ, или названные имения попали в собственность их наследников на протяжении XVI в. какими-то иными путями (покупка, дарение, выслуга, обмен и т. п.).

Как показывает анализ архивных материалов, новые родовые «фамилии», которые появлялись у наследников князей Друцких, как и центральные поселения их владений, еще не носили устойчивого характера и могли изменяться в зависимости от самых различных причин и обстоятельств. Например, в конце XV в. – начале XVI в. князь Юрий Михайлович использовал «фамилии» Шишовский[1] [LM-6, 2007, p. 194–197; LM-8, 1995, p. 422] и Толочинский [AGAD, Zb. dok. perg., sign. 8402], подчеркивая свои владельческие права то на одно, то на другое имение. В первой половине XVI в. встречалось несколько вариантов написания «фамилии» князя Дмитрия Романовича: Сенский – в 1533 г. [ЛМ-228, 2008, с. 71], Видиницкий – в 1538 г. [ЛМ-228, 2008, с. 123] и Любецкий – в 1539 г. [ЛМ-228, 2008, с. 190] – тоже, как видно, в зависимости от того, владельцем какого родового центра он представлял себя в каждом конкретном случае. Фёдор Иванович, именовавший себя Дудаковским, позже стал называться Горским. В период 1544–1560 гг. Фёдор Дмитриевич и его сын Григорий (Горские) использовали «фамилию» Бурневские [Wolff, 1895, s. 16, 65], а в 1541 г. – Оревские [LM-229, 2003, p. 89–91, 119, 127–128, 168–169]. Видимо эти «фамилии» еще не были реальными фамилиями в позднейшем понимании этого термина. В любом случае отчетливо видно, что конкурировать с основным родовым именем Друцких ни одно из этих прозвищ не могло. Несмотря на появление отдельных «фамилий», князья официально часто именовались Друцкими. Под таким обращением фигурируют они в мобилизационных документах: «всим князьям Друцким» [AGAD, APR, sign. 295, s. 81]. В качестве адресатов листов великого князя также фигурировали «вси князья Друцкие».

Традиция, вследствие которой регулярно возникала необходимость проводить разделы отчин между сыновьями, приводила к дроблению некогда могущественных родов и их земельных владений. Это, в свою очередь, ухудшало материальное, имущественное положение князей-наследников. Так, в соответствии с данными, содержащимися в материалах «Пописа войска ВКЛ 1528 г.», князей Друцких можно отнести к представителям среднего и мелкого землевладения[2]. Исходя из документа, можно подсчитать, что князь Василий Юрьевич Толочинский выставлял 18 коней, князь Андрей Соколинский с братаничами и братанками – 23, князь Павел

[1] Встречался вариант написания «фамилии»: Шиш*е*вский.

[2] В историографии принято определять материальное положение феодалов ВКЛ XVI в. пропорционально количеству снаряжаемых ими коней (конных воинов) для войска ВКЛ. В соответствии с таким подходом градация феодалов ВКЛ по величине их земельных наделов выглядит следующим образом: мельчайшие феодалы, выставлявшие одного коня, т. е. несшие военную службу, как правило, только лично; мелкие – 2–10; средние – 11–50; крупные – 51–10; крупнейшие (магнаты) – более 100 коней [Спиридонов, 1993, с. 30–31].

Соколинский – 2, княгини Соколинские – 23, князья Фёдор и Иван Горские – 21, князь Константин Конопля – 1, князь Иван Дуда – 14, князья Андрей и Семён Озерецкие – 12, князья Василий и Богдан Любецкие – 15, князь Иван Сенский с детьми – 8, князь Дмитрий Романович Виденецкий – 3 коня [Перапіс войска ... , 2003, с. 54–55].

Друцкие князья как представители не очень богатого рода искали лучшей доли на службе при дворах великого князя литовского или соседнего правителя – великого князя московского. Как отмечал В. Н. Темушев, сразу после присоединения к ВКЛ Вяземского и Смоленского княжеств для утверждения власти великого князя литовского над Верховскими княжествами была создана особая система управления целым рядом периферийных княжеств и владений, во главе которой стоял смоленский наместник [Темушев, 2008, вып. 1, с. 56]. По словам М. К. Любавского, образовавшийся Смоленский повет с московской стороны был окружен «поясом княжеств и владений, отдававшихся в судебно-административном отношении наместникам, причем все эти княжества и владения в Смоленске имели свое военно-политическое средоточие» [Любавский, 1892, с. 286–287]. Однако далеко не все периферийные княжества и владения, тянувшиеся в административно-военном отношении к Смоленску, подчинялись наместникам. Так, среди наместников великого князя литовского на восточных рубежах ВКЛ во второй половине XV в. назван Дмитрий Путятич Друцкий – великокняжеский наместник в Серпейске и Брянске. После 1469 г. было сформировано отдельное Мценско-Любутское наместничество[3] и первым любутским и мценским наместником стал представитель рода князей Друцких – князь Дмитрий Путятич Друцкий, который весной 1486 г. информировал великого князя литовского о московском нападении на Мценск [LM-4, 1994, p. 128–129; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego ... , 2003, t. 4, s. 56].

Необходимо отметить, что абсолютное большинство земельных владений князей Друцких находилось в окрестностях родового гнезда – Друцка, – и их собственность не была рассредоточена по территории ВКЛ, как у многих других феодалов. В разветвленном роде князей Друцких, имевшем многочисленное потомство, практически не было выморочных имений, которые по обычному праву ВКЛ переходили в собственность великого князя.

Основные тенденции изменений, происходивших в структуре землевладения князей Друцких, могут быть прослежены на примере имений князей Шишовских-Толочинских. Приблизительно к последней четверти XV в. относятся материалы одного из первых разделов владений князей Друцких в ВКЛ. Известно, что в 1477 г. князья Дмитрий Путятич, Василий Григорьевич

[3] С 1467 по 1469 г. Смоленск, Любутск и Мценск оставались в подчинении Миколая Немировича [Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy, 2003, t. 4, s. 50]. Поэтому, вероятно, только после 1469 г. отдельное Мценско-Любутское наместничество могло быть организационно оформлено. Во всяком случае, в собственности следующих смоленских наместников ни Любутск, ни Мценск не были упомянуты.

и Иван Григорьевич отделили имения княгини Анны Михайловой (вдовы князя Михаила Ивановича) от имущества ее пасынков Дмитрия и Юрия – сыновей князя Михаила Ивановича (Путятича). После чего, по просьбе молодых князей, каждому из братьев была выделена его собственная часть, о чем был составлен специальный документ – «дельчий лист». Анализ этого документа позволяет определить состав имений будущих князей Шишовских-Толочинских [AGAD, APR, sign. 295, s. 128]. Согласно документу, Дмитрий получил старый двор Басеинский и княжий двор Вереницу, а Юрий – старый двор Толочинский и княжий двор в Горах. К каждому из имений было приписано по несколько сел. Документ демонстрирует тенденцию, которая стала типичной для всего землевладения князей Друцких. При разделе вотчины дядя Дмитрия и Юрия – Дмитрий Путятич – не соблюдал какого-либо территориального принципа. В листе нет описания границ полученной каждым из молодых князей доли, а сделано только перечисление равных по значимости сел с указанием будущего владельца. Так, Дмитрию, получившему в качестве центра вотчины Басею, выделили село Ходорово возле Толочина, а Юрий получил княжий двор в имении Горы, которое находилось восточнее Басеи.

Сведений о князе Дмитрии Михайловиче больше выявить не удалось, а двор Басея, который он получил при разделе, фигурирует в XVI в. уже как «отчизное» имение сына Юрия Михайловича Шишовского – князя Василия, поэтому можно предположить, что князь Дмитрий после раздела умер бездетным, а его имущество перешло брату.

В вотчину князей Шишовских-Толочинских помимо Басеи и Толочина входило еще одно крупное владение – Шишово[4]. «Дельчий лист» 1477 г. был составлен в Шишове, что позволяет предположить принадлежность Шишовских владений Михаилу Ивановичу Путятичу. Однако это имение отсутствует в перечне имущества, которое делили его сыновья Дмитрий и Юрий. О важности этого имения для них свидетельствует родовая «фамилия», принятая князем Юрием Михайловичем в 1499 г. – Шишовский [Wollf, 1895, s. 520]. Шишовским называл себя Юрий Михайлович и в 1510 г., после возвращения из московского плена [LM-8, 1995, p. 422]. Однако первая родовая «фамилия» Юрия Михайловича – Толочинский, которой он пользовался в 1488 г.[5], косвенно свидетельствует об отсутствии у него Шишова до конца XV в. Скорее всего, в 1477 г. это имение было отдано мачехе Юрия Анне. Хотя «дельчий лист» не содержит указаний на причины выделения Анне части имений мужа, ее доля, вероятно, была «вдовьим стольцом» – частью имений мужа, которые выделялись вдове до повторного замужества или смерти. После смерти мачехи полученные ею имения перешли Юрию. Можно предположить, что во второй половине XV в. отец Юрия Михаил перенес в Шишово свою главную резиденцию. Этим можно объяснить использование в отношении дворов в Толочине и Басее определения

[4] Встречался вариант написания названия владения: Шиш*е*во.

[5] В 1488 г. князь Юрий Михайлович Толочинский подарил Ивашке Ильиничу землю возле Друцка (фото 40) [AGAD, Zb. dok. perg., sign. 8402].

«двор старый». Географически Шишово находилось между двором в Басее и вторым по значению имением князя Михаила – княжим двором в Горах. Согласно «дельчему листу», за Днепром находилась и основная часть имущества Михаила. Судя по всему, Юрий Шишовский, первоначально обосновавшийся в Толочине, получив после смерти брата Дмитрия и мачехи все имущество отца, определил Шишово главным двором своего владения. В начале XVI в. имущественное положение Юрия Михайловича Шишовского изменилось – после смерти дяди Дмитрия Путятича (1505 г.) в его руки перешли замок, двор и место Староселье, двор Радча и радчинский дворец Лесная, что значительно расширило территорию и усилило весомость части земель, которые находились вблизи Друцка.

Процедура раздела имений друцких князей обычно предполагала собрание значительного количества близких, что наблюдалось, например, при разделе имений Ивана Васильевича Красного. Так, в 1543 г. в разделе имений принимали участие следующие князья Друцкие: Андрей Семёнович Соколинский, Тимофей Юрьевич Соколинский, Павел Юрьевич Соколинский и братья, Михайло Васильевич Соколинский, Иван Фёдорович Соколинский Конопля, Лев Фёдорович Соколинский Конопля, Василий Юрьевич Толочинский, Андрей Иванович Озерецкий, Иван Иванович Горский, Григорей Фёдорович Горский, дядька Володка Иванович Горский (Дудаковский), пан Яцко Романович Быстрейский, Дмитрий Романович Видиницкий (с братьями Богданом, Яном и Иваном), а также его пасынки, дети князя Ивана Сенского – Иван и Григорий, княгиня Сенская с детьми. В раздел были поставлены «очизны кн(я)зя Ивана Василевича Красного у повете Друцком»[6] (двор Коханово с селами, двор Кривая, двор Худово, двор Толковичи под Витебском, двор в Витебске «в вышнем и нижнем замке», и часть Друцка («...и во Друцку в замку дворищо и в околном городищи и на месте во Друцку дворы мещанския и дворища и огороды...» [AGAD, APR, sign. 295a, s. 23]), люди на Бобре и село Соколовичи. Учитывая огромное количество претендентов на наследство, имущество было разделено на мелкие части, и в результате владение оказалось в совместном пользовании нескольких собственников.

Получение сыном Юрия Шишовского Василием в наследство после князя Ивана Васильевича Красного части имения Коханово и Худово, скорее всего, подтолкнуло Василия Юрьевича к переносу главной резиденции в Толочин. Таким образом, к началу 40-х годов XVI в. Василий Юрьевич Толочинский сконцентрировал в своих руках одно из наиболее крупных Друцких землевладений. Так, он получил от отца часть Друцка, Толочин, Басею, Шишово, Юрково, Горы, Вереницу, двор в Полоцком замке напротив собора святой Софии, двор в нижнем городе в Витебске. К этим владениям прибавилась часть от двоюродного деда Василия – Дмитрия Путятича:

[6] Повет – административно-территориальная единица в ВКЛ. Употребление в данном случае выражения «у повете Друцком» может свидетельствовать об использовании представителями рода князей Друцких термина «повет» относительно территории, которая включала все владения рода.

замок, двор и место Староселье, дворы Радча и Лесная, а также наследство после Василия Красного – часть замка и места Друцк, часть имений Кохановo и Худово [AGAD, APR, sign. 295, s. 119].

В 1547 г. Василий умер бездетным, и все его имущество должно было перейти к его сестрам Людмиле и Настасье. Однако Василий передал свои имения жене Марии Богдановне Жеславской: одну треть имений подарил[7], а две трети передал в залог. Справедливо предполагая, что такое решение вызовет неудовольствие у потенциальных наследниц, Василий Юрьевич договорился об опеке над женой и имуществом с виленским воеводой Яном Глебовичем [AGAD, APR, sign. 295, s. 103][8]. В действительности, претензии не заставили себя ждать, и в 1549 г. Людмила и Настасья вызвали бывшую невестку в суд с требованием отдать имения [AGAD, APR, sign. 295, s. 119–121]. Судебный процесс продолжался три года и в апреле 1551 г. сестры смогли получить распоряжение великого князя Жигимонта Августа о передаче им имущества [AGAD, APR, sign. 295, s. 141–143]. Ситуация изменилась коренным образом после повторного замужества вдовы Василия Толочинского в 1551 г. Новый муж Марии Иван Горностай получил у великого князя привилей, по которому запрещалось вызывать подданных Горностая на суд в Друцкий замок [AGAD, APR, sign. 295, s. 147–149, 153–156, 158–162, 166–167]. Иван Горностай урегулировал также споры с соседями [AGAD, APR, sign. 295, s. 170–174, 184, 188, 197, 201, 215–216], разрешил вопрос с имуществом Василия Толочинского. Сестры Василия Толочинского признали за Марией Жеславской право на имения, подаренные мужем, и выкупили

[7] 10 августа 1543 г. Ян Глебович как воевода виленский разрешил князю Толочинскому подарить («записать») одну треть имений жене Марии [ANKr, AS, perg. № 225]. 10 сентября 1544 г. князь Василий Юрьевич Толочинский записал жене Марии Богдановне Жеславской одну треть своих имений: Толочин, Радчу и Радчинский дворец – Лесную, и в Друцке «в замку верхнемъ и нижнемъ городищи и на месте у дворищахъ мещаньских и въ огородахъ и в земляхъ пашныхъ тых же дворищъ мещаньскихъ», а также дань медовую с имения Оревского. Василий уже составлял подобный акт о дарении и возил его для подтверждения великому князю Жигимонту в Берестье, но документ пропал [ANKr, AS, perg. № 230]. 21 марта 1545 г. Мария Жеславская подтвердила дарственную мужа у великого князя [AS, t. IV, s. 422].

[8] Опека Яна Глебовича на самом деле не была бескорыстной заботой о вдове, оставшейся без поддержки мужа и родных. 5 мая 1545 г. Мария Жеславская все подаренные мужем имения завещала своей двоюродной («стрыечной») сестре Ганне Фёдоровне Жеславской, жене Яна Юрьевича Глебовича. Согласно документу, при жизни Мария могла пользоваться этими имениями, однако не могла оставить их детям, если они появятся во втором браке. Если же Ганна умрет раньше Марии, имения должны были перейти ее сыновьям, а в случае их смерти – дочерям [AS, t. IV, s. 426–427]. По просьбе Ганны этот документ был подтвержден Жигимонтом Августом 10 марта 1547 г. (вероятно, сразу же после смерти Василия Толочинского) [ANKr, AS, sign. 239]. Только после подтверждения права на наследование Ганной имений Ян Глебович отправил к Марии Жеславской рошского городничего Романа Бурого и своего дубровенского наместника с приказом опекать и оборонять вдову и ее людей [AGAD, APR, sign. 295, s. 103]. Опека Яна Глебовича оказалась малоэффективной, посланный им в помощь Марии Жеславской рошский городничий Роман Бурый смог разобрать только споры с соседями [AGAD, APR, sign. 295, s. 107–108].

имения, переданные в залог [AGAD, APR, sign. 295, s. 178–182]. После этого Староселье, Коханово, Басея, Шишово и Горы были разделены Людмилой и Настасьей на две части. В 1554 г. Иван Горностай выкупил у Ганны Фёдоровны Жеславской право на наследство Марии в Друцке за 1600 коп грошей литовских [ANKr, AS, perg. № 258] и купил у сестры Василия Толочинского Людмилы ее долю имущества [AGAD, Zb. dok. perg., sign. 316a, s. 1–13][9]. Оставшуюся треть получили дочь Настасьи – Богдана Константиновна Друцкая-Соколинская и ее муж Иван Иванович Сапега. Их сын канцлер ВКЛ Лев Сапега (1557–1633 гг.) стал первым владельцем, который в XVI в. смог объединить в одних руках не только различные части земель князей Друцких, но и расширить Толочинское имение.

Первые друцкие имения («добра») Лев Сапега получил после смерти матери в результате раздела имений со своими братьями Григорием, Андреем и сестрами Анной, Софьей и Федорой в 1585 г. В наследство от матери ему перешло имущество деда Константина Соколинского: половина Сокольни и Дречьих Лук [Sapiehowie ... , 1890, t. I, s. 145] и имения бабки Настасьи Юрьевны Толочинской: половина Староселья, Коханово, Басеи, Шишова и Гор. Оставшуюся во владении Горностаев часть наследства Василия Толочинского Лев Сапега выкупил у внуков Ивана Горностая[10]. В феврале 1589 г. за 2 тысячи коп грошей литовских он купил у динабургского старосты Адама Талвоша наследство его жены Софьи Остафьевны Горностаевны, а в 1590 г. за 4 тысячи коп литовских у Еронима Гавриловича Горностая и его жены Беаты Люсотянки из Лопенника[11] – вторую половину. В результате этого в собственности Льва Сапеги оказались Толочин с окрестными селами и фольварками[12], а также части земель в Друцке, Староселье, Коханово, Басее, Шишове, Веренице и Горках[13] [AGAD, APR, sign. 295, s. 954–967].

В 1591 г. Лев Сапега обменял свою часть Сокольни на часть Дречьих Лук и Верховиц, принадлежавших витебскому подкоморию князю Юрию Друцкому-Соколинскому [Czwołek, 2012, s. 569]. В том же 1591 г. в результате раздела земель умершего отца ему перешли два двора в Черее, дворец Скорутинский, села Болюто, Горки, Константиново, Махово, Заборье, Сторожовичи, Войдиловы, Плескачи, Клубиничи, Монастырь, Рыдомль, Косиничи,

---

[9] Достигнутая договоренность была нарушена после смерти Ивана Горностая и Марии Жеславской. В 1560 г. Людмила и Настасья с детьми вызвали сыновей Ивана Горностая в суд с требованием вернуть все имущество Василия Толочинского. Вызовы в суд неоднократно повторялись, и процесс тянулся на протяжении почти тридцати лет.

[10] Сыновья Ивана Горностая Гаврило и Иван разделили толочинские имения после смерти отца и мачехи в 1560 г. В 1569 г. часть Ивана Ивановича получил его младший брат Остафий. Имения были поделены на две части и перешли в наследство к дочери Остафия Софьи и к сыну Гаврилы Ерониму [AGAD, APR, sign. 295, s. 961].

[11] Мать Еронима Гавриловича Барбара Еронимовна подарила невестке часть имений в Толочине, которые ранее получила в дар от сына [AGAD, APR, sign. 295, s. 975–986].

[12] В часть земель, купленных у Еронима Гавриловича Гоностая, входили местечко Словени и дворы, которые «заложил» (основал) отец Еронима: Яблонка и Киевец [AGAD, APR, sign. 295, s. 962].

[13] В продажу были также включены два участка земли под Мстиславлем: Чурыловщина и Тимковщина [AGAD, APR, sign. 295, s. 962].

дворец и село Коревичи, два двора в Лемнице, Пилькевичи, село Белая под Лепелем, а также двор Струговщина в Лидском повете [Гильтебрандт, 1871, вып. I, с. 101]. В 1596 г. он продал князю Юрию Друцкому-Горскому за 4 тысячи злотых имение Горы под Мстиславлем, которое досталось ему в наследство от Андрея Техановецкого [Sapiehowie ... , 1890, t. I, s. 158]. Впоследствии Лев Сапега покупал, обменивал, получал в результате уступок земельные владения, стремясь объединить свои имения. Таким образом он включилл земли, оставшиеся ему от отца и матери, в одну латифундию.

Получается, что объединить в один владельческий комплекс имения нескольких линий князей Друцких смогли не сами Друцкие, а гораздо позже появившийся на их землях представитель рода Сапегов.

На раздробленность и сокращение размеров землевладения князей Друцких отрицательное влияние оказывали многочисленные наследственные разделы, а также военные конфликты, проходившие на территории восточной Беларуси, в первую очередь в районе так называемых Друцких полей. Имения, находящиеся в зоне военных действий, часто подвергались разорению. Власти обычно стремились компенсировать пострадавшим их земельные потери. Так, представители рода князей Друцких – князья Соколинские – дважды были наделены великими князьями имениями в Черсвятской волости в качестве компенсации за разорение их владений в ходе мятежа М. Глинского [LM-8, 1995, p. 268], а также нападений московских войск и татарских набегов [LM-8, 1995, p. 321]. После военных действий между войсками ВКЛ и Великого княжества Московского (ВКМ) серьезно пострадало расположенное возле Друцка имение Воронцевичи, в результате чего дети князя Юрия Ильинича на протяжении двух лет (1526–1528 гг.) не могли провести его раздел и вступить в права наследования [AGAD, AR, dz. XXIII, teka 90, plik 1, s. 56].

Держание Друцкого замка. На протяжении того времени, когда Друцк был административным, социально-экономическим и культурным центром окружавших его земель (княжества), его замок являлся резиденцией князей Друцких. Однако уже в XV в., когда совладельцами Друцка и его замка, а также окрестных земель стали сразу несколько представителей различных ветвей этого рода [Wolff, 1895, s. 537–539], функционирование единой администрации в одном месте было практически невозможным. Поскольку центральные имения разветвленного рода князей Друцких – Сокольня, Толочин (Старый Толочин), находились недалеко от родового центра, то каждый из владельцев мог управлять своей частью друцкого имения из другого своего владения (князья Соколинские, Горские) или поместить администрацию в своей части города (как князья Толочинские, Горностаи).

Друцк и в XVI в. оставался центром крупного феодального владения – княжества, имевшего многовековую историю. Традиционно в главном городе размещался замок – административный, оборонительный, судебный, фискальный и культурный центр владения. Несмотря на появление собственных вотчин, князья Друцкие считали закономерным и справедливым

зафиксировать свои права на владение частью Друцка: как города, так и замка. К началу XVI в. Друцк представлял собой город, разделенный на несколько частей-владений. Известно, что в первой половине XVI в. в Друцке большой двор был у князей Толочинских, который затем достался Горностаям [AGAD, APR, sign. 295, s. 422–431]. Можно предположить, что такие же дворы имели в городе и другие совладельцы Друцка.

Косвенно на существование старейшего стола в Друцке и его деление на «дельницы» указывают материалы 28-й книги записей (1522–1552 гг.) Метрики ВКЛ, где сохранилось подтверждение от 20 ноября 1541 г. князю Семёну Богдановичу Одинцевичу листа «едналного с княз(ь)ями Друцкими з стороны держаня замъку ихь Друцкого» [LM-229, 2003, p. 131]. По наблюдениям русского исследователя А. В. Кузьмина, такой принцип родового раздела города на «дольницы» («дельницы») был известен и в других городах ВКЛ. Так, он отмечал, что на рубеже XIV/XV вв. этот принцип был зафиксирован в Новогородке Литовском (с отсылкой в источнике на ситуацию, по крайней мере, второй половины XIV в.) и Трубчевске [Кузьмин, 2007, № 4 (30), с. 61].

Друцкий замок размещался на правом берегу р. Друть и имел в плане неправильную четырехугольную форму. К XVI в. его территория состояла из бывших детинца и Окольного города, появившихся еще в период феодальной раздробленности в Полоцкой земле [Левко, 2004, с. 54–56] и преобразованных в единый оборонный комплекс уже в составе ВКЛ (XIV в.). О наличии замка в Друцке и в XIII в. сообщает летопись: «...и город Друческ зарубил» [ПСРЛ, 1975, т. 32, с. 26; 1980, т. 35, с. 129, 146, 174, 194, 215]. Известно, что Друцк сначала выступил на стороне князя Свидригайло во время его борьбы с князем Витовтом за первенство в ВКЛ. Однако после осады Витовтом Друцкого замка друцкие князья и бояре вынуждены были подчиниться и принести ему присягу [ПСРЛ, 1980, т. 35, с. 71, 73, 89, 101, 137, 185, 206, 228].

Как было отмечено выше, на политическое и социально-экономическое положение земель, входящих в состав Друцкого княжества, коренным образом влияло их пограничное положение. Так, в 1506 г. крымский хан Махмет-Гирей «в Друцку много зла сотворил» [ПСРЛ, 1975, т. 32, с. 101, 170]. Потерпел город также во время мятежа М. Глинского. Друцк был подвергнут разорениям в результате войн ВКЛ с Московским государством в 1514, 1524 и 1535 г. [Ткачоў, 1991, с. 136].

Руководство страны и местное население постоянно опасались нападений со стороны ВКМ и татар, поэтому Друцкий замок был важен не только для защиты собственности князей Друцких, но также имел важное общегосударственное значение, о чем свидетельствуют письма великих князей и различных должностных лиц ВКЛ [AGAD, APR, sign. 296, s. 1, 5, 9]. Из листа великого князя Жигимонта Старого «ко всим князям Друцким», датированного 1526 г., следует, што Друцкий замок, находящийся на восточной границе государства, «замыкает» военные дороги и является важным форпостом на границе ВКЛ с ВКМ: «того замку потреба великая с указу

есть на том месцу мети для обороны земская и замыканя дорогам от неприятелей наших у панство наше великое княство литовское а звлаща от великого князя московского <...> приказуем вам аж бы есте тот замок у во Друцку людьми своими дельницы свои заробили» [AGAD, APR, sign. 296, s. 1]. Великий князь литовский Жигимонт Старый не скрывал, что опасается нарушения перемирия со стороны ВКМ и поэтому требует от друцких князей наискорейшего восстановления и ремонта замка.

Альбрехт Гаштольд грозился взыскать все убытки, понесенные от вражеского войска, с князей Друцких, если они не закончат работы вовремя [AGAD, APR, sign. 296, s. 5, 10]. Только к лету 1532 г. строительство замка было завершено. Князья Друцкие (Горские, Богдан Озерецкий, Василий Толочинский, Любецкие, Соколинские) разделили замок на шесть частей в соответствии с частями в колективном владении городом и понесенными расходами на его строительство [AGAD, APR, sign. 296, s. 12].

Важной функцией Друцкого замка было сдерживание агрессии крымских татар и защита местных жителей. А татары, как позже и казаки, не имели навыков ведения регулярной осады. Поэтому с начала XVI в. до середины XVII в. Друцкий замок успешно справлялся с возложенными на него задачами.

Значительные повреждения замок получил во время войны между ВКЛ и ВКМ в 1512–1522 гг. Необходимость восстановления замка и связанный с этим последующий раздел управленческих полномочий между наследниками вызвали продолжительные споры и разбирательства. Первоначальная инициатива отстроить («заробити») замок в Друцке принадлежала виленскому воеводе, канцлеру ВКЛ Альбрехту Мартиновичу Гаштольду. Однако, несмотря на убежденность Гаштольда в необходимости восстановления укреплений Друцкого замка, и даже его предложение привлечь к строительству господарских людей Поднепровских волостей, сам канцлер ВКЛ не планировал принимать участие в этом процессе, хотя и владел наследством одного из Друцких князей – Дмитрия Секиры [LM-1, 1998, p. 84, 88, № 667, 670].

Несмотря на то, что Друцкий замок был частновладельческим и за состояние его оборонительных сооружений несли ответственность несколько земельных собственников, находившихся примерно в равном юридическом статусе, государство активно вмешивалось в процесс поддержания его обороноспособности, объясняя это общегосударственными потребностями («потреба вказуеть наша г(оспо)д(а)рская и земская») [AGAD, APR, sign. 296, s. 1]. В великокняжеском листе, датированном 1532 г., были перечислены владельцы частей Друцкого замка, которые достались им в наследство вместе с имениями: князья Андрей и Семён Озерецкие, князь Дмитрий Романович, князь Володка Иванович, князь Конопля Фёдорович, пан Ян Илинич. Вместе с долей Василия Толочинского – всего шесть частей. Великий князь подчеркнул, что только часть замка, за которую отвечал князь Василий Толочинский, достроена, а остальные «не ест беспечны от неприятеля». Монарх предупредил провинившихся князей, что если они не вы-

полнят возложенные на них обязанности по ремонту их частей Друцкого замка, то будут оштрафованы на большую сумму – тысячу пятьсот коп грошей литовских. При этом князья Друцкие были предупреждены, что их части в замке все равно будут восстановлены: в случае невыполнения великокняжеского распоряжения в Друцк приедет специальный представитель великого князя, который прикажет подданным названных князей выйти на работу и «моцно заробити» замок. Заявленный штраф в этом случае будет взыскан с имений этих же князей [AGAD, APR, sign. 296, s. 17].

Снижение имущественного статуса и экономического потенциала новых совладельцев замка, обусловленное в первую очередь хозяйственной неустроенностью их имений, становились если не серьезным препятствием, то значительным замедляющим фактором в деле восстановления и ремонта Друцкого замка в первой половине XVI в.

Следует отметить, что на востоке Беларуси замки обычно строили не полностью из камня, как это делали на западной границе ВКЛ. На востоке камня попросту не хватало, и поэтому, как свидетельствуют источники, каменными или кирпичными могли быть только боевые башни (согласно инвентарю Оршанского замка, башни в нем были из камня лишь до половины, а в Шкловском замке из кирпича были выложены только основания башен). Пространство между башнями заполняли так называемые городни – засыпанные землей деревянные срубы. Обычно перед этими срубами с внешней стороны замка насыпали склон, покрывали его толстым слоем обожженной глины, чтобы он не распадался от дождя и т. п. Политые водой и обледенелые, такие склоны в зимнее время были практически неприступными. Однако глина и дерево быстро разрушались, земляные насыпи оседали и поэтому почти ежегодно такие замки требовали ремонта, или, как тогда писали, «заробеня». Так и в данном случае великий князь Жигимонт Старый требовал от всех князей Друцких, чтобы они отремонтировали замок в Друцке, каждый свою часть («дольницу»), как это делалось и прежде – «потому как и перед тем есте робливали».

Работы по ремонту и строительству замков в XVI в. считались самыми тяжелыми, значительно более обременительными по сравнению даже с отработками в феодальном имении. Строительные работы с перемещением больших массивов дерева и земли, которые производили на замке вручную, а при доставке к замку с использованием тягловой силы (лошадей и волов) крестьянских хозяйств, изнуряли подданных и практически не оставляли им времени на работу в собственном и господском хозяйстве. К тому же дни, проведенные крестьянами на замковых работах, обычно шли в зачет повинностей и землевладельцы в итоге несли значительные издержки. В этом видится главная причина того, что князья-наследники Друцкого княжества не стремились добросовестно выполнять распоряжения господаря относительно ремонта замка в Друцке.

Детинец древнего Друцка был укреплен валом и рвом. С севера к детинцу примыкал Окольный город, также укрепленный валом и рвом. На валах находились башни со сложной системой двойных ворот и стены-городни.

Главными местами концентрации защитников замка были башни, расставленные по периметру замковых стен. В отделе рукописей библиотеки Академии наук Литвы сохранилось описание («списане») Друцкого замка 1560 г.[14] [LMAB RS, f. 16, b. 1, s. 1]. На одной странице текста помещено описание всех башен и городен Друцкого замка, указание на то, кто отвечает за их поддержание в надлежащем виде (князь или князья, которым после раздела Друцкого княжества на уделы досталась и часть Друцкого замка). Изложение начато от угловой Дудаковской башни и далее идет описание башен и городен то в сторону Дудакович, то в сторону Круглого – «часть круглянская». В частности названы: башня Дудаковская угловая князей Горских, здесь же три городни князей Горских и дом возле той башни; шесть городен князя Богдана Озерецкого; 22 городни и башня ошмянского старосты; часть круглянская – две городни; воронцевская часть – шесть городен; коноплянская часть – три городни; толочинская часть – девять городен и башня; шесть городен и дом в стене между городнями князей Любецких с паном Харлинским; князей Соколинских совместная башня и четыре городни; шесть городен панов Подберезских; часть кохановская – три городни; часть ратчинская – две городни; часть васильевская – две городни; часть сенненская – три городни. Таким образом, всего в Друцком замке в соответствии с анализируемым описанием было 4 башни, 77 городен и два дома, которые были включены в оборонительную систему города. Один дом обозначен как дом «подле вежы», а другой – «дом у стене». Данное описание дает возможность с использованим материалов археологических и топографических исследований реконструировать внешний облик Друцкого замка в середине XVI в.

Как уже было отмечено, разрушенный после десятилетней войны ВКЛ и ВКМ замок князья Друцкие восстанавливали на протяжении долгого времени под давлением руководства государства. Не менее сложно проходил раздел функций управления замком после ремонта и отстройки оборонительных сооружений. Летом 1532 г. по просьбе князей Василия Юрьевича Толочинского и Андрея Семёновича Соколинского, представлявших князей Друцких, великий князь требовал, чтобы городенский городничий князь Семён Богданович Одинцевич и керновский державца князь Семён Ямонтович Подберезский согласились разделить между собой Друцкий замок, видимо, с обязательством присматривать каждому за своей частью оборонительных сооружений. Замок предполагалось разделить на шесть частей, из которых четыре части предназначались князьям Друцким. Для проведения процедуры раздела замка в Друцк специально был послан господарский дворянин Горяин Турчин. Последнему предписывалось в случае несогласия кого-нибудь из вышеназванных князей принять предназначенную для него часть Друцкого замка, провести раздел замка великокня-

[14] В самом документе не указана дата его составления. Однако известно, что в 1560–1561 гг. была проведена ревизия господарских замков, расположенных на востоке ВКЛ. По аналогии можно датировать и описание замка в Друцке.

жеским распоряжением принудительно, как сказано в документе, «моцно» [AGAD, APR, sign. 296, s. 21].

Известно также, что в начале 1541 г. князь Семён Богданович Одинцевич жаловался великому князю литовскому на то, что Друцкие князья забрали у него из держания Друцкий замок: «поступившы ему справы о держанья замку оного, и зася отъняли» [LM-229, 2003, p. 131]. В качестве ответчика по делу к великому князю литовскому был вызван князь Андрей Озерецкий, который заявил, что не хочет отвечать по этому делу в отсутствие других князей Друцких, в результате чего рассмотрение дела было перенесено на более поздний срок.

О том, что в данном случае речь шла не о праве собственности того или иного князя на часть Друцкого замка, а именно о праве управления им, могут свидетельствовать слова присутствовавшего на суде князя Ивана Ивановича Горского: «Я в князя Семёна *справы замъковое не отънималъ*, нижли штося властности вечыстое отъчызны нашое дотычеть, я в томъ братьи свое не одступаю» [LM-229, 2003, p. 133].

Термин «справа замковая» включает в себя понятие более широкое, чем просто управление замком – скорее всего, это право на *административно-судебное управление* всей территорией, которая ранее входила в состав единого Друцкого княжества. Об этом говорит и текст ответа на жалобу 1554 г. Ивана Ивановича Горностая, подписанный великим князем литовским Жигимонтом Августом: «Воеводе Виленскому маршалку земскому канцелеру Великого княжества Литовского старосте Берестейскому, державцы Борисовскому и Шовлянскому пану Миколаю Радивилу, што есмо перво сего на жалобу воеводы Новгородского маршалка дворного подскарбего земского старосты Слонимского пана Ивана Горностая, писати казали до князя Ивана Романовича Видиницкого а до князя Януша Богдановича и до князя Григория и до князя Авраама Федоровичов Горских, што ж дей они кривды, втиски и шкоды велики его м(ило)сти самому, врядником, бояром и людем именей его Друцким и мещаном его тамошним Друцким делают в кгвалтах, в боех, в головщинах, в грабежох и бесправнее дей их имаючи*у во Друцку судет, радет, в казнь сажают и грабежи велики чинети вины берут* (выделено нами. – *В. Г., Р. О.)*, для чого ж есмо, хотечи пана воеводу, врадников, бояр и людей его от них в покою заховати заклад наш на них положили, абы они таковых кривд и бесправья его м(ило)сти не делали. Они дей о том зарукы наши ничого недбаючи еще болшии кривды, втиски и шкоды подданным его делают и же дал нас пан воевода абыхмо о тыи кривды его и о зарукы наши росказали ему з ними справедливост вчинити. Про то абы твоя милость их листом своим обослал...» [AGAD, APR, sign. 305, b/p].

Чересполосица и совместное владение имениями были характерны для вотчинного землевладения всех князей Друцких. Запутанная структура земельных владений предопределяла возникновение многочисленных пограничных конфликтов. Обращение за их разрешением к великому князю предполагало значительные затраты, что зачастую было бессмысленным, так как издержки на поездку и обращение в суд могли значительно

превышать стоимость понесенных потерь. В связи с этим в Друцке еще и в середине XVI в. действовал собственный суд, который осуществляли сами князья Друцкие. Можно полагать, что действие устоявшихся правил не устраивало новых владельцев имений. По жалобе Горностая Друцким князьям Ивану Ивановичу Сапеге и Павлу Туру запрещалось судить его подданных: «бояр и людей и врядников их милости с имений Толочинского и Радчинского и мещан Друцких в присудъ и в справу свою Дрюцкую притегаете» [AGAD, APR, sign. 295, s. 147]. Аналогичный лист был послан князю Василию Багриновскому, где говорилось, что его подданных «сажали в замок Друцкий» [AGAD, APR, sign. 295, s. 153], а полоцкий епископ Герман «змордовал Толочинского попа Стефана в Друцке во время объезда» [AGAD, APR, sign. 295, s. 164].

В документах содержатся сведения о проведении в Друцке торгов. Так, в 1552 г. князю Ивану Дудаковскому сообщалось, что люди пана Горностая боятся в Друцк на торг ехать [AGAD, APR, sign. 295, s. 158]. В 1539 г. оболецкие бояре Митко и Онанья жаловались на врядника князя Семёна Одинцевича Флориана, который их в Друцке в «торговый день» «на торгу збил и зранил, и тут жо, серод торгу, к столъпу привезавшы, дубцы бил» [ЛМ-228, 2008, с. 182–183]. Эти факты не только подтверждают информацию о регулярном проведении в Друцке торгов, но и о наличии на рыночной площади специального места для публичного наказания в чем-то провинившихся людей со столбом, к которому привязывали виноватых. Несомненно, что людей к различным видам наказания приговаривал судебный орган, который действовал в самом Друцке.

Введение суда в Друцке предполагало получение значительных прибылей за отправление судебных действий. Так, в 1542 г. князь Иван Иванович Горский жаловался великому князю литовскому на то, что князь Василий Юрьевич Толочинский держит замок Друцкий на протяжении целых пяти лет, хотя права на такое долгое владение замком не имеет: «в чом же я собе во всяких пожиткох немало шкодую» [AGAD, APR, sign. 295, s. 93]. Каждый из князей Друцких стремился хоть на недолгое время занять это доходное место. Так, князь Семён Богданович Одинцевич на протяжении всего 1541 г. утверждал, что князья Андрей Озерецкий и Василий Толочинский не дают ему возможности вступить в держание Друцким замком.

В результате, чтобы более детально рассмотреть дело о порядке и правилах держания Друцкого замка, было принято решение вызвать к великому князю всех князей – представителей рода князей Друцких. Например, князья Василий Толочинский и Андрей Озерецкий, в свою очередь, жаловались на то, что князь Семён Богданович Одинцевич держит значительно большую часть Друцкого замка по сравнению с той, которая была выделена ему во время приезда в Друцк господарского дворянина Горяина Турчина [AGAD, APR, sign. 295, s. 79].

Собрание «всих князей оных Друцъких» проходило крайне сложно. В сентябре 1541 г. на суд с князем Семёном Богдановичем Одинцевичем приехал только князь Василий Юрьевич Толочинский [LM-231, 2007, p. 141].

Споры между родственниками – наследниками князей Друцких продолжались.

На то, что существовало решение или договор между наследниками князей Друцких о поочередном держании Друцкого замка указывает и содержащийся в составе Метрики ВКЛ текст подтверждения «кн(я)зю Семёну Богдановичу Одинцевичу листу еднального с княз(ь)ями Друцкими з стороны держаня замъку ихь Друцкого», датированный 20 ноября 1541 г. [ЛМ-28, 2000, с. 54]. В документе сообщается, что князь Семён Богданович Одинцевич пожаловался на своих родственников («братю свою») – рошского державцу князя Василия Юрьевича Толочинского и князя Андрея Ивановича Озерецкого, которые «они были замок Друцкий з моцы его выняли и врядников его оттоль сослали и шкоды ему поделали» [ЛМ-28, 2000, с. 54]. В результате разбирательства великий князь литовский Жигимонт Старый «речи их выслухавшы» принял решение установить порядок пользования (совместного держания) названными лицами их совместной, или общей, собственности – «того замку Друцкого их всполного» – «вгоду и еднанье межи ними вчинили». Согласно данному документу, каждый из князей Друцких – Семён Богданович Одинцевич, Василий Юрьевич Толочинский и Андрей Иванович Озерецкий получили право на держание Друцкого замка сроком на полтора года. «А какь тоть замокь полтора года выдержить, тогды онь брати своей, кн(я)земь дрюцким, тот замок имь в держанье поступити. И кождый з них, кн(я)зей дрюцких, по годомь того замьку мают в держаньи быти. И тую вгоду и еднанье межы себе мают они сами и потомки ихь водле листу еднального вечне держати, ничого не отступуючы того листу своего едналного» [ЛМ-28, 2000, с. 54–55].

Принцип перехода права держания более точно описывается в судебном листе князя Ивана Ивановича Горского и князя Василия Юрьевича Толочинского. В нем также содержалось подтверждение права на поочередное занятие представителями рода князей Друцких должности временного административно-судебного управителя всей территорией бывшего Друцкого княжества – так называемое держание Друцкого замка, или «справу замковую».

В этом документе, датированном 1543 г., еще более четко расписано само оформление права на держание Друцкого замка и процедура реализации этого права. Право на осуществление административно-судебного управления Друцким замком должно было предоставляться не любому из многочисленных к тому времени представителей всех линий и ответвлений родового дерева князей Друцких, а передавалось потомкам одного из сыновей князя Семёна Дмитриевича Друцкого[15]: «описалися межи себе замок нашъ Друцкии на народ свой кого дом держати». По словам Ивана Горностая, к 1543 г. управление замком уже в течение пяти лет приходилось «на

[15] Именно с детей Семёна Дмитриевича начался раздел князей Друцких на линии, а именно: Бабичей (потомки Ивана Семёновича Бабы), Любецких (потомки Григория Семёновича), Путятичи (потомки Ивана Семёновича Путяты).

род Путятин»[16]. В течение отведенных путятичам пяти лет все представители, относящиеся к этой линии Друцких, имели равное право на держание замка. Однако князь Василий Юрьевич Толочинский не соглашался передавать замок в управление ближайшим родственникам, а осуществлял управление им единолично [AGAD, APR, sign. 295, s. 93].

Безусловно, существовавшая земельная чересполосица и сложные родственные отношения между наследниками-владельцами различных имений князей Друцких нередко приводили к возникновению конфликтов. Как показывает анализ сохранившихся источников, в середине XVI в. рассмотрение спорных дел между князьями Друцкими происходило в ходе судебных заседаний, которые проводили в самом Друцке. Причем в судах рассматривали не только поземельные и имущественные споры и конфликты между подданными частных владений, расположенных в окрестностях Друцка, но и дела об их столкновениях с подданными государственных владений, которых также было довольно много в Поднепровье.

Так, в августе 1539 г. в суд витебского наместника М. В. Клочко обратилась с жалобой на наместника государственного имения Любашково Яна Слеповронского витебская городничая и хоружая пани Романовая Гарасимовича – княгиня Настасья Юрьевна Толочинская. Суть дела заключалась в том, что ее подданный из имения Середкоротня «чоловек на имя Васко Кондратов сын Свектун, которыи мне многии шкоды почынил. Первое: свепет ми выдрал. Другое: невода моего мне не отдает и не ведаю, где его подел. *А так, я с тым чоловеком своим мела право перед княжаты ихъ милостью Друцкими уво Друцку* (выделено нами. – *В. Г., Р. О.*)» [ЛМ-228, 2008, с. 246]. Это еще одно прямое свидетельство того, что в Друцком замке продолжал функционировать суд, который возглавлял князь – очередной держатель Друцкого замка. Княгиня Настасья Юрьевна сообщила также, что имеет и соответствующее решение суда, который состоялся в Друцком замке: «На што ж и лист судовыи в себе маю» [ЛМ-228, 2008, с. 247].

Таким образом, данное свидетельство является еще одним подтверждением того, что и после наследственных разделов Друцкое княжество сохраняло свою территориально-хозяйственную общность, а город Друцк продолжал оставаться его административно-судебным центром. Вполне вероятно, что в юридическом плане «держание Друцкого замка» приравнивалось к держанию негродовых староств в ВКЛ, которые обычно великий князь давал феодалам во временное держание за выполнение определенной службы. В Друцке такой «службой», скорее всего, была обязанность поддерживать в хорошем состоянии стены и боевые башни Друцкого замка. Можно с большой долей вероятности утверждать, что в Друцке под предводительством очередного держателя замка функционировал традиционный для ВКЛ гродский суд.

Гродский суд – это межсословный суд для шляхты, мещан и крестьян, в котором рассматривались, в том числе, дела о наиболее тяжких престу-

[16] Прадедом Василия Юрьевича Толочинского и Ивана Ивановича Горностая был князь Иван Семёнович Путята.

плениях. Гродский суд исполнял также нотариальные функции. Заседания такого суда обычно проходили в замке (гроде). Отсюда и название такого суда. Часто гродский суд возглавлял назначенный наместник или державца. Он же пользовался и доходами, которые образовывались от проведения судебной деятельности.

В этом случае становятся понятными как стремление наследников князей Друцких занять эту доходную должность, так и вполне обоснованные требования к этим князьям-наследникам по организации ремонта Друцкого замка со стороны монарха ВКЛ.

Можно сделать следующие выводы. К середине XVI в. ранее могущественный род князей Друцких в результате многочисленных наследственных разделов, переделов земельной собственности и территориальных утрат превратился в конгломерат средних и мелких землевладельцев. Часть из них занимала различные второстепенные должности в государстве или поступала на службу к магнатам ВКЛ. Представители этого ранее ведущего и известного рода постепенно превращались в «служилых князей», сливаясь с основной массой средней и мелкой шляхты ВКЛ.

Друцкий замок на протяжении всего XVI в. продолжал оставаться экономическим, политическим и судебным центром территории, ранее входившей в состав Друцкого княжества. Друцкие князья были обязаны поддерживать замок в состоянии боевой готовности и, в случае необходимости, восстанавливать его оборонительные сооружения. Осуществление судебно-управленческих функций («держание замка») приносило значительный доход и организовывалось друцкими князьями поочередно.

С середины XVI в. и, в особенности, со второй половины XVII в., наряду с князьями Друцкими в Поднепровье ведущую роль стали играть представители новых, пришлых на эту территорию родов (Сапегов, Сангушек, Полубенских и др.), которые сконцентрировали в своих руках земли, ранее принадлежавших князьям Друцким.

8.2. Двор владельцев Друцка и Толочина в XVI в. – первой половине XVII в. *(А. А. Скепьян)*

На внешний облик городов и функции, которые они выполняли, значительное влияние оказывали владельцы. Как известно, и Друцк и Толочин в XV–XVIII вв. были частными владениями и их градостроительные доминанты связаны с представителями родов князей Друцких, Горностаев, Сапегов, Шеметов, Сангушек. Административными центрами владений князей Друцких и их приемников являлись «дворы».

Определение понятия «двор». Для лучшего понимания той роли, которую они сыграли в истории Друцка и Толочина, надо всесторонне рассмотреть определение понятия «двор». Только в источниках XV–XVIII вв. это понятие соответствует не менее чем четырем определениям. В первую очередь под «двором» понимали хозяйственную единицу, которая часто выступала и единицей налогообложения. В этом случае «двор» – крестьян-

ское хозяйство со всеми строениями, землями, людьми, проживавшими в них и их движимым и недвижимым имуществом. «Двором» называли и сам архитектурный комплекс жилых и хозяйственных построек.

Под «двором» понимали и укрепленную резиденцию владельца имения либо его части [Słownik języka polskiego ... , 1807, t. 1, cz. 1, s. 559; Słownik polszczyzny XVI wieku, 1972, t. 6, s. 247]. В ней находились жилые постройки для семьи владельца и слуг, административные здания для управляющих и хозяйственные строения, которые обеспечивали функционирование всего жилого комплекса, а также сад и небольшой огород. Такие «дворы» могли находиться как в крупном городе, так и в сельской местности. С XVI в. начали оформляться планировка и структура шляхетской резиденции. Уже в то время существовала регламентация зданий по их внешним признакам. «Двором» называли комплекс построек в один этаж из дерева или камня, или их комбинации. Структурные составляющие дворов и в городе, и в сельской местности были одинаковы. Они включали жилую и хозяйственную части, кухню, баню, сад. Дворцом называли монументальное парадное двух- и более этажное здание, с большим количеством разнообразных помещений, как правило, не имеющее внутреннего двора [Якимович, 1991, с. 356]. Здание (или комплекс жилых, хозяйственных и религиозных построек, объединенных с оборонительными сооружениями) называли замком. Данные определения позволяют лучше понять, о каком типе сооружения идет речь в источниках.

Кроме значения «двора» как хозяйственной, административной или резиденциональной единицы под «двором» понималось и окружение владельца значительного имения [Słownik polszczyzny XVI wieku, 1972, t. 6, s. 249]. Под наиболее представительным «магнатским двором» в широком смысле понимается совокупность политических, военных сторонников магната, тесно связанных с ним родственными, приятельскими, служебными связями, которые привлекали для выполнения единичных политических, представительских или военных акций, а также администрация его имений [Ferenc, 1998, s. 3–5]. В более узком смысле «двор» как окружение – это те люди, которые на постоянной основе проживали, находились в среде его владельца: его семья, лица, находившиеся на иждивении или оказывавшие услуги за различного типа вознаграждение, администрация и непосредственная обслуга двора.

Применительно к владельцам Друцка и Толочина термин «двор» охватывает резиденции в Друцком и Толочинском имениях и окружение владельцев Друцка и Толочина во время их пребывания в этих имениях. По отношению к Друцку понятия «двор» как резиденция семьи владельца и его окружение не совпадают из-за того, что в XV–XVIII вв. единовременных владельцев Друцка было несколько. Тогда как по отношению к Толочину владелец «двора» – резиденции и патрон окружения представлен в одном лице.

Появление укрепленной резиденции («двора») с разветвленной структурой становится актуальным, когда возникает необходимость в выполнении ее хозяином репрезентативной и политической функций. Резиденция

являлась местом, где были сосредоточены наиболее ценное имущество владельца и жила его семья (даже в его отсутствие). Это требовало дополнительной защиты жилых помещений. Кроме того, сами постройки, их размеры и система обороны являлись репрезентативными факторами, которые свидетельствовали о роли и влиянии владельца конкретного двора в обществе. Наличие большого количества слуг, которые выполняли различные виды работ, требовало и определенного размера резиденций, что становилось толчком к их перестройкам, постепенному выделению парадных частей [Якимович, 1991, с. 14].

В первой половине XVI в. «двор» как окружение владельца еще не имел жесткой структуры. Практически все окружение называлось «служебниками». Вверху иерархии служебников находились «урядники дворые»: наместники хозяина в отдельных поместиях, маршалок, подскарбий, писарь, помогавшие в управлении земельной собственностью, следившими за сбором податей и представлявшими интересы хозяина в судебной, политической и общественной сфере [Augustyniak, 2001, s. 44]. Это была наиболее древняя группа придворных. Затем шли слуги более низкого ранга, которые могли выполнять различные поручения своего патрона и сопровождать его в постоянных переездах. Во второй половине XVI в. придворные уже составляли несколько групп. Так, в завещании князя Ю. Слуцкого 1578 г. названы «служебники дворные, коморники, пахолента, кухаре, ремесники, челядста енъную» [AGAD, AR, dz. XXIII, teka 116, plik 1, s. 56]. В реестре М. Кр. Радзивилла «Сиротки» при его дворе упомянуты юргельдники, слуги конные и дворная челядь [AGAD, AR, dz. II, ks. 68, s. 168, 172, 175]. В завещании Яна Кишки 1593 г. двор включал, с одной стороны, слуг, дворян и коморников, с другой – юргельдников [AGAD, AR, dz. X, sign. 440, s. 1].

«Служилые князья» Друцкие. В конце XV в. – начале XVI в. целостность сословной группы князей начала размываться. Появились «служилые князья», которые поступали на службу к более могущественным (магнатским) родам или становились королевскими дворянами (aulici). В основе их политической деятельности лежали клиентальные отношения. К этой категории относятся и князья Друцкие. Особенно ярко данный вид деятельности князей Друцких проявился во второй половине XVI в. – XVII в., когда дробление семейных владений вело к ослаблению их рода. Представители князей Друцких выстраивали свою политическую карьеру и увеличивали земельные владения при помощи патронов из родов Радзивиллов и Сапегов. Так, при дворе Льва Сапеги долгое время находился князь Януш Соколинский. Летом 1592 г. в Опатове ко двору канцлера присоединился один из князей Горских. За свою службу на протяжении двух лет он получил 120 злотых [LMAB RS, f. 16, b. 106, p. 42–46]. На одной из низших придворных должностей – коморника – у Льва Сапеги служили князья Соколинский и Подберезский[17]. Несмотря на низкий придворный статус при дворе Льва Сапеги, они имели при себе персональных слуг, обычно 2-3 человека, которых также содержали на средства канцлера. Из его каз-

[17] Реестры зачастую не указывают имен, а дают только фамилии или должность отца.

ны выдавали сукно для слуг князя Соколинского и фураж для его коней [LMAB RS, f. 16, b. 106, p. 44]. Это свидетельствует о том, что представители князей Друцких прибывали ко двору знатного родственника не столько для службы, сколько для завершения образования. При большом дворе канцлера они могли получить опыт публичных выступлений, участия в политической жизни общества, научиться вести себя при дворе и завести полезные связи. Фактически это была своеобразная «школа жизни», которая могла стать трамплином для будущей политической карьеры. Благодаря поддержке своих более высокопоставленных родственников отдельные представители многочисленного рода князей Друцких в конце карьеры заняли сенаторские должности. Так, князь Михаил Соколинский в 1613 г. смог купить себе Полоцкое воеводство, а затем в 1621 г. занять должность («уряд») Смоленского воеводы. Князь Григорий Друцкий-Горский, староста оршанский, стал в 1650 г. мстиславским воеводой [Wollf, 1885, s. 31, 34].

Специфика организации шляхетской службы приводила к долгому отсутствию мужчин в доме. При наличии нескольких имений мужчины были вынуждены часто покидать семью для выполнения своих служебных обязанностей при королевском дворе и при великом князе литовском, сопровождения монарха в его путешествиях по стране, представления собственных интересов в различных регионах, а также хозяйственных потребностей и участия в военных действиях [Бохан, Скеп'ян, 2011, с. 23]. В результате центральной резиденцией семьи становилось имение, в котором находилась жена, нередко с детьми и со своим двором. В резиденции оставалась небольшая группа слуг, которые отвечали за функционирование резиденции («челядь дворная»).

В первой половине XVI в. князья Друцкие практически все время проводили на королевской службе (рис. 8.1). Князья Андрей и Василий Соколинские выполняли различные поручения монарха, сопровождая его в поездках из ВКЛ в Польшу и получая за службу жалование в размере 15–20 коп грошей [LM-19, 2009, p. 408, 412]. Их родич Семён Соколинский в 1500 г. получил за королевскую службу 14 локтей адамашка и 12 коп грошей [LM-19, 2009, p. 413]. Занимая на протяжении XVI–XVII вв. достаточно высокие общественно-политические позиции в ВКЛ, представители различных ветвей рода князей Друцких и их окружение в самом Друцке появлялись редко. Так, князь Василий Юрьевич Толочинский, будучи гомельским, а затем оршанским наместником, долгое время находился в Вильно, хотя был обязан следить за порядком в доверенных ему пограничных областях. Управление своими имениями он переложил на наместника Кмена [AGAD, APR, sign. 295, s. 1–3], поэтому судить об особенностях функционирования двора князя Василия Толочинского в Друцке можно только исходя из его инвентарей. Так же поступил и Иван Горностай, который заменил урядников прежних владельцев. Толочинским и радчинским намесником в 1552 г. уже был некий Семён [AGAD, APR, sign. 295, s. 147, 197].

Нужно учитывать, что большинство дворов рода, в том числе в Друцке, в XVI–XVII вв. не являлись парадными резиденциями, их использовали

время от времени, как одну из жилых усадеб. Каменные дома были примерно в 5 раз дороже, чем деревянные [АВАК, 1886, т. 8, с. 325]. В восточном регионе ВКЛ, где географические и климатические условия способствовали использованию дерева для постройки и отделки жилья как более дешевого и теплого материала, камень и кирпич применяли очень редко [Якимович, 1991, с. 15]. Чтобы снизить затраты на содержание жилых строений и не потерять богатство их внутреннего убранства, собственники резиденций часто приказывали перевозить предметы интерьера, мебель и даже съемную тканую обивку для стен из одного дома в другой, в зависимости от того, где семья владельца и он сам собирались проводить время в будущем. В свою очередь, это влекло за собой и некоторую унификацию построек в имениях представителей одного рода (размер окон, высота и длина стен). Время службы деревянных элементов построек было не велико: не более 40–50 лет. Полы, кровля часто приходили в негодность и требовали или сооружения нового здания с новыми элементами отделки, или коренной реконструкции. При ремонте или перестройке двора старые постройки не уничтожали, и они органично сосуществовали с вновь построенными [Бохан, Скеп'ян, 2011, с. 19].

Обустройство замка в Друцке. Различные инвентари и описания друцкого замка (а он упоминается в таком качестве до середины XVIII в.) свидетельствуют о том, что это было, главным образом, оборонное сооружение, а не резиденция. Внешний контур замка обозначен шестью башнями и стенами между ними («городнями»), за хорошее состояние которых отвечали разные владельцы. Внутри замка находился целый комплекс деревянных построек, имевших военно-административное и хозяйственное назначение, а также храм во имя Пречистой Богородицы [LMAB RS, f. 16, b. 1, s. 1]. Владельцы замка могли собираться на его территории для решения спорных вопросов или отправления суда над своими подданными и окрестными шляхтичами. На таких судах рассматривали и дела самих князей Друцких по имущественным спорам.

Из описания 1564 г. части замка (см. прил. 3, документ № 1), которой ранее владел князь Василий Толочинский, известно, что ему принадлежал большой двухэтажный деревянный дом [AGAD, APR, sign. 295, s. 422–432]. Нижний этаж дома был нежилым подклетом, который использовали для хранения различных вещей. В доме было всего две светлицы, разделенные сенями, к которым примыкала уборная, и не было ни одной печи. Отсутствие отопления говорит о том, что для постоянного проживания дом не использовали. В случае необходимости в нем можно было проводить заседания. За домом находилась пекарня, вход в которую проходил через крыльцо и сени. Рядом с пекарней стояли пуня и амбар. Последний использовали как арсенал. Там хранили оружие (6 гаковниц, 10 рушниц, 6 штук свинца для отлива пуль и 24 готовые пули для гаковниц), а также различные непродовольственные товары: ткань (голубая китайка), бочки, бобровые струи [AGAD, APR, sign. 295, s. 431–432], т. е. то, в чем у хозяев не было большой нужды. Еще в 1614 г. существовал свирен Толочинского, около которого проходила граница владений князей Друцких-Горских и Коноплей.

Собственность Василия Толочинского располагалась в части замка, обращенной к рынку, около ворот, через которые можно было попасть на рынок [LVIA, SA, sign. 131, s. 1.1 v.].

В этой же части замка находилась большая церковь Пречистой Богородицы, построенная князьями Друцкими-Любецкими (возможно на месте древнего храма Рождества Богородицы, упоминаемого во вкладной записи Друцкого Евангелия середины XIV в.) (фото 39). На центральном алтаре церкви была помещена икона Пречистой Богоматери, оправленная в серебряный оклад, на который пошло две гривны серебра. Из ценных вещей там же отмечены одно Евангелие, серебряные бокал, миса, ложка (литургическая посуда), хоругвы и покрова, сделанные из китайки [AGAD, APR, sign. 295, s. 432, 444].

Кроме этих построек известно о существовании в друцком замке еще одного дома, принадлежавшего князю Толочинскому. Он находился около угловой «дудаковской» башни и граничил с частью князей Друцких-Горских [LMAB RS, f. 16, b. 1, s. 1]. Возможно, в замке находилась и тюрьма, так как сохранилось несколько жалоб служебников и урядников Ивана Горностая об их аресте и помещении в кандалы в друцком замке [AGAD, APR, sign. 295, s. 153].

Как видно, той части территории замка, которая приходилась на одного владельца (Толочинского), никак не могло хватить для размещения резиденции ее хозяина и его придворных. По всей видимости, *функции резиденции* выполнял не замок, а ***двор в Друцке***, который принадлежал Василию Толочинскому и находился на ул. Спасской [AGAD, APR, sign. 295, s. 129]. Само название улицы свидетельствует о существовании уже в начале XVI в. церкви св. Спаса в Друцке в дополнение к замковой церкви Пречистой Богородицы. Заслуживает внимания тот факт, что все церкви в Друцке (в 1674 г. упоминается еще и церковь св. Николая) оставались православными даже после всех религиозных потрясений XVI–XVII вв. Как написано в инвентаре 1623 г., «odprawowania służby Bozoj wodle nabożenstwa greckogo» [LVIA, SA, sign. 51, s. 1632 v.]. Это при том, что в начале XVII в., значительная часть владельцев Друцка принадлежала к другим христианским конфессиям. Лев Сапега стал католиком, а князья Друцкие-Горские (Ян, Стефан, Фёдор и Пётр Григорьевичи, Самуэль Петрович, Стефан Янович, Теодор Самуэльевич), Друцкие-Соколинские (Павел, Ян, Ярослав Юрьевичи и их дети) были протестантами [Liedke, 2004, s. 279]. На протяжении первой половины XVII в. друцкий замок продолжал оставаться самостоятельной военно-административно-хозяйственной единицей, разделенной между несколькими владельцами. По всей видимости, к нему была приписана некоторая часть мещан, поскольку еще в 1631 г. Гальшка из Глебовичей, вдова С. Воловича, записала доход с части замка в Друцке на выплаты вознаграждения своим слугам [AGAD, AR, dz. X, sign. 732, s. 4].

Парадными резиденциями князей, которые владели различными частями города и замка в Друцке, являлись отдельные дворы в ближайших имениях или в самом Друцке с юридиками в городе, которые и обеспечивали содержание господского двора. Замок же в мирное время использовали

редко, главным образом для проведения коллективных заседаний, судопроизводства и т. п., поэтому практической нужды в нем не было.

Толочинский двор при князьях Друцких. Больше информации, чем сведений о резиденциях князей Друцких в Друцке, имеется о толочинском имении и дворе князей Толочинских. Одно из первых упоминаний Толочина связано с разделом отцовских имений между сыновьями князя Михаила Семёновича Друцкого в конце XV в.

Сын Михаила Ивановича Юрий писался попеременно как князь Толочинский и Шишовский, а затем стал фигурировать в документах только как князь Толочинский [AGAD, Zb. Dok. perg., sign. 8402] (фото 40). В 1477 г. сыновья Михаила Юрий и Дмитрий разделили отцовское имущество между собой и своей мачехой Анной. Каждый двор, в том числе и Толочин с Басеей, были разделены пополам. Братьям было предложено выбрать себе ту часть, которая им больше нравится, и «перетянуть двор» в свое имение. Юрий выбрал старый двор Толочинский, а Дмитрию достался старый двор в Басее [AGAD, APR, sign. 295, s. 129]. Неизвестно, были ли разобраны постройки толочинского двора и частично перенесены на другое место («на пашню») или братья договорились оставить все как есть. Дмитрий Михайлович умер бездетным, и его часть перешла по наследству к брату. Таким образом, строительство первого господского двора в Толочине можно отнести самое позднее к середине XV в. Это может свидетельствовать не только о его более высоком ранге, как княжеской резиденции, но и о размерах и богатстве оформления. Инвентари середины XVI в. показывают, что Толочинский двор был достаточно значительным по размерам территории и убранству, но не отличался структурой застройки и размерами строений от традиционных для того времени шляхетских сельских дворов. После смерти Ивана Горностая в 1564 г. его дети делили земли отца, тогда же Василием Боровским был составлен инвентарь части толочинского двора и друцкого замка [AGAD, APR, sign. 295, s. 422–432]. Из описания была исключена та часть двора в Толочине, которая находилась в аренде у Емельяна Пацуковича. В 1565 г. Емельян Пацукович вернул арендованную землю и часть Толочинского двора (см. прил. 3, документ № 2) в руки нового толочинского урядника Станислава Тишковского [AGAD, APR, sign. 295, s. 435–441].

Описание ***двора в Толочине***, принадлежавшего князьям Толочинским и Горностаям, можно получить при сравнении и анализе этих двух близких по датировке инвентарей. Духовным центром обитателей двора была православная церковь св. Петра, стоявшая возле его нижних («дольных») ворот, ведущих в город. Звонница, рассчитанная на один колокол стояла отдельно от здания церкви, перед ней. Построенная, как и весь двор, из дерева, она была украшена иконами («малованными образами») и имела довольно богатое собрание из девяти (в 1564 г.) – семи (в 1565 г.) богослужебных книг. Среди них было напрестольное Евангелие, оправленное в черный бархат в серебристом с золотом переплете, Псалтырь, Минеи, Апостол, Шестислов, Трифолой [AGAD, APR, sign. 295, s. 441]. Еще одно Евангелие, оправленное серебром, Триодь постная, Соборник были, по всей видимости, взяты из

церкви владельцами. Из утвари там было только самое необходимое: серебряный бокал с мисочкой для причастия, звезда и «кон трифолоевая». Церковное облачение для священников было сшито как из шелковых тканей (адамашка), так и из простого полотна. Упоминается, что часть церковной утвари сгинула во время московского вторжения [AGAD, APR, sign. 295, s. 429]. Возможно, речь идет о событиях Ливонской войны, когда московские войска в 1563 г. захватили Полоцк и значительную часть территории восточной Беларуси.

Господский двор был обнесен деревянной оградой. Попасть в него можно было через въездную браму, которую охраняли гайдуки. В самой браме были и жилые помещения (светлицы) для гайдуков, охранявших и защищавших двор в случае необходимости. Из этого можно сделать вывод, что планировка въездной брамы была традиционной. По бокам от проезда находились двери в комнаты, как правило, по одной с каждой стороны. Эти же помещения или подвал под ними можно было использовать как тюрьму.

В первой половине XVI в. не строили больших дворцов. Шляхетские дворы состояли из нескольких жилых домов и хозяйственных построек [Якимович, 1991, с. 16–17]. В Толочине двор состоял из трех деревянных жилых домов и почти 30 хозяйственных построек. Дома сохраняли старую традиционную планировку, близкую к крестьянской избе, которая оставалась почти неизменной до XVII в. Дома в княжеской резиденции отличались от крестьянской избы лишь размерами и наличием белого печного отопления. Как правило, это были двух-трех камерные постройки, состоящие из двух комнат (светлиц) и сеней, которые их связывали. Особенности эпохи проявляются в материалах, которыми были украшены стены, а также форме, орнаментике и колористике печных изразцов. Дом мог стоять на каменном подклете или на подрубе (массивном нижнем венце, уложенном на камни), либо просто на земле [Молчанова, 1981, с. 34]. Дома отводили только под жилые помещения. Парадные и личные помещения в больших имениях часто выделяли не внутри одного дома, а внутри двора. Один из домов мог быть предназначен только для приема гостей. Выделение отдельных домов для гостей стало результатом влияния нескольких факторов: традиционными требованиями к шляхтичу, который должен быть гостеприимным, необходимостью представления жилья для слуг и клиентов, направляемых для выполнения хозяйственных поручений, и плохой дорожной инфраструктурой в ВКЛ.

Маршрут путешествий планировали так, чтобы он проходил через дворы приятелей и родственников, где шляхтич мог найти ночлег [Бохан, Скеп'ян, 2011, с. 22–23]. Через Друцк и Толочин проходили тракты, которые играли важную роль в системе приграничной коммуникации. Они связывали ВКЛ с территорией Московского государства. По ним в сторону Смоленска направлялись не только торговцы, но и различные посольства. Путешествующие в тот период через Беларусь иностранцы отмечали малое количество постоялых дворов и гостиниц. Поэтому путники часто просились на ночлег в шляхетские усадьбы. Однако большого комфорта они не находили

и там. В маленьких усадьбах мужчины и женщины спали в одном помещении на лавах или на полу на сенниках. Таким же образом размещали и гостей, приехавших на праздник. В большинстве шляхетских имений до середины XVII в. постели стелили на полу. Гостей распределяли по семейному или по половому принципу в разных комнатах.

Путешественники XVII в. Браун, Меркатор, Янсониум, Зайллер описывали городскую застройку, в том числе и шляхетские дворы, примерно одинаково: дома состоят из нескольких деревянных помещений с немногочисленным декором. Кроватями не пользовались даже в столице и стеснялись спать на мягкой постели, видя в этом признак изнеженности. Богатые горожане спали на скамьях, обтянутых медвежьими шкурами. По свидетельствам иностранцев, не лучше жила и шляхта, которая отличалась от городского патрициата только богатством одежды и использованием за столом золотой и серебряной посуды [Urbium praecipuarum ... , 1599; Novus atlas ... , 1649; Zeiller, 1663, s. 190–200]. Эти замечания были справедливы, так как только в некоторых имущественных инвентарях, преимущественно со второй половины XVI в. среди мебели упомянуты кровати и шкафы. Инвентари друцкого замка и Толочинского двора содержат упоминание среди мебели лишь стола и скамьи. Интерьер таких домов не изменяли в течение длительного периода, и при реконструкции архитектуры и быта жителей этих мест представляется возможным использовать письменные источники более позднего времени.

Дома во дворе князей Толочинских строили из леса высокого качества. Эти дома отличались от построек, принадлежавших представителям других сословий, своими большими размерами и наличием крытого крыльца. Большой дом, расположенный недалеко от нижних ворот, стоящий на двух подклетах, предназначался для хозяев или их наместника. Попасть в дом можно было через крытое крыльцо, где стояли стол и лава. Они могли быть предназначены для отдыха слуг или использоваться как место ожидания слугами распоряжений хозяина. С крыльца дверь открывалась в сени, в торце которых находилась уборная [AGAD, APR, sign. 295, s. 436]. Из сеней был проход в жилую и парадную части большого дома. Об этом свидетельствуют и размеры светлиц: одна – на четыре окна, вторая – на шесть. Тепло в ***жилой светлице*** с четырьмя окнами давала простая печь, не обложенная изразцами, а побеленная. Это указывает на то, что помещения по левую руку от сеней не носили парадного характера и для их постройки использовали более дешевые материалы. В восточных районах территории Беларуси еще долгое время, до конца XVII в., в домах шляхты и зажиточных горожан использовали простые глиняные печи и деревянные, обмазанные глиной (как отмечает инвентарь Оршанского замка 1560 г.) дымоходы [АВАК, 1878, т. 9, с. 4].

В светлице стояло два стола. Хозяева и гости могли сидеть за ними на лавках со спинками («услонах») и двух лавах, скрепленных между собою железными крюками. Более комфортными считались услоны, на которые можно было подложить полавники – плоские матрасы. За светлицей нахо-

дилась комора – небольшая комната, которая служила спальней («комора для упокою»). Спальня имела только одно окно и не отапливалась. Тепло поступало от большой печи в соседней светлице или же постель согревали специальными грелками. К спальне примыкала уборная («комора потребная»). В этой жилой части дома мог остановиться хозяин [AGAD, APR, sign. 295, s. 435]. В спальных коморах (хотя очень небольшое количество инвентарей выделяет их отдельно) главной мебелью была лава, а не кровать. В описаниях движимого имущества этот предмет мебели начинают фиксировать очень поздно (рис. 8.2). Похоже, что вместо кровати большинство шляхтичей использовали широкие лавки, на которые ночью расстилали постель, или топчаны из 2–4 досок, которые могли легко разбираться. Каэтани, который путешествовал по Речи Посполитой в 1596 г., писал, что кровати были такие маленькие и узкие, что едва можно было повернуться [Бохан, Скеп'ян, 2011, с. 129]. Этому может быть несколько объяснений. Кровать как предмет мебели в то время стоила дорого. Как правило, это была мебель английского или немецкого производства, богато украшенная резьбой. Значит ее, как и все ценное имущество, в отсутствии хозяев надо было убирать в закрывающееся на замок помещение (подклет, лямус) или возить с собой. Громоздкий дорогой предмет мебели с балдахином послужил бы не долго. Хранение же постели в холодных помещениях (а находились обычно они в поволушах, скарбцах) позволяло избавиться от паразитов.

В спальне в большом доме толочинского двора стояло пять широких лав и одна скамья со спинкой. На нее могли класть вещи, тогда как на лавы укладывали сенники, а сверху них – матрацы, шкуры животных, перины, обшитые богатыми тканями (китайкой, камкой, атласом), подушки и одеяла. Такую же постель могли укладывать прямо на пол. Именно поэтому количество матрасов в списке приданого, завещаниях, списках недвижности часто превышает количество остальных постельных вещей. Так, из имущества княгини Марии Жеславской между ее пасынками, сыновьями Ивана Горностая, были разделены не только деньги, художественные ткани и ценная посуда, но и постель: одеяла адамашковые, камчастое александрийское, бархатные и шелковые изголовья и даже шелковые наволочки [AGAD, APR, sign. 348, s. 15]. В описании комнат перечислены скамейки, стулья, маленькие столики, но о кроватях речь не идет. Таким образом, личные жилые помещения отличались сравнительно небольшими размерами (комнаты с 2–3-мя окнами), примыканием к ним уборных, достаточно умеренным оформлением стен (фото 41).

В ***парадной светлице***, которая находилась по правую сторону от сеней, было шесть окон и печь не простая, а изразцовая. Это единственное помещение во всем дворе, где были использованы изразцы. Долгое время печь являлась центром интерьера парадных комнат, что подчеркивают обязательные упоминания в инвентарях о цвете изразцов. Сравнение интерьеров различных помещений – изб, комнат, покоев и светлиц в шляхетских усадьбах показывает, что глазурованные изразцы с гербовым орнаментом, прежде всего, использовали в печах, установленных в парадных комнатах.

Интересно отметить, что уже в 60-е годы XVI в. печь парадной комнаты Толочинского двора называли старой [AGAD, APR, sign. 295, s. 435]. Возможно, она осталась еще от старой постройки времен князя Толочинского, в то время как новая светлица и клети были достроены И. Горностаем. Мебель в парадной светлице была такая же простая, как и в остальных светлицах и избах двора: два стола и две лавы. Эту комнату могли использовать как гостиную, и как столовую, где одновременно можно было разместить большое количество гостей. Согласно записи составителя инвентаря 1564 г., в данной светлице были «окна варцабные», т. е. с частым «шахматным» переплетом. Оконные переплеты в Толочине были сделаны из дерева, а не из свинца и олова, в которые обычно помещали небольшие кусочки стекла или слюды. Окна в светлицах Толочинского двора были закрыты промасленной бумагой. Это был древний наиболее дешевый способ закрытия оконного проема, который использовали в сельских усадьбах до начала XVII в. В описании коморы, отведенной под спальню в большом доме Толочинского двора, отмечено, что в одном из окон, которое не закрывалось ставнями, «оболона» была расписная и уже поврежденная [AGAD, APR, sign. 295, s. 422]. Возможно, роспись на бумаге должна была имитировать дорогое витражное стекло. В парадных покоях владельцы могли размещать на оконном материале свой герб, как это было сделано в виленском каменном дворце Глебовичей [VUB RS, f. 4, b. A-1473]. Традиционно окна в тот период не завешивали шторами, а закрывали внутренними деревянными ставнями для сохранения тепла и чтобы предотвратить повреждение внутреннего убранства покоев. Крепили их так же, как и двери: на петли, а закрывали на защелку. Дополнительных засовов, замков в инвентарях при описании ставен не обнаружено.

Образ парадной комнаты (залы) создавали с помощью нескольких художественных средств, прежде всего используя колористическое решение стен и потолка. Следующий акцент создавали художественные ткани, которые использовали в интерьере: обивки, гобелены, ковры. Пространство помещения заполняли немногочисленные предметы мебели: столы, скамьи, сундуки, и, конечно, большие изразцовые печи. Как и в большинстве комнат, в светлицах, которые использовали как гостевые, там стояли дубовые столы и скамьи вдоль стен. Лавы часто могли быть покрыты коберцами или толстым сукном традиционных цветов: зеленого, красного или черного [Бохан, Скеп'ян, 2011, с. 104, 109, 119]. Так как владельцы имения редко жили в одном месте, все вещи, которые и составляли богатое убранство парадного помещения: серебряную и оловянную посуду, подсвечники, столовые приборы, ковры, покрытие стен, – они возили с собой [Судебная книга витебского воеводы ... , 2008, с. 188]. С 20-х годов XVI в. стены кроме росписи начали декорировать самыми разнообразными материалами: от тканей разных сортов и дерева до кожи. Надо заметить, что покрытие стен коврами и их имитациями, тяжелыми тканями изначально носило утилитарный характер: прикрыть щели в деревянных стенах и сделать более теплыми каменные и оштукатуренные стены. С 20–30-х годов XVI в. в моду вошли гобелены, которые чаще называли шпалерами. Почти каждая состоятельная

семья имела их в своей собственности. Они были разных размеров и форм, изготавливали их из шерсти с использованием золотой нити. Сюжеты, украшавшие шпалеры, были традиционными для первой половины XVI в.: на них присутствовали изображения аллегорических и мифологических сцен [Бохан, Скеп'ян, 2011, с. 109–111]. Художественные ткани присутствовали и в реестре вещей жены князя Василия Толочинского Марии Жеславской (фото 41). Только коберцев (тонких безворсовых ковров из шерсти и шелка) было 70 штук. Как правило, ими накрывали столы и лавы. Художественными тканями были покрыты полавочники, и названа целая коллекция из 15 гобеленов, довольно подробно описанных в реестре. В нем указывается, что пять гобеленов были вытканы с добавлением золотой нити. Еще для нескольких указаны сюжеты: «запона пестрая, другая запона зеленая простая, третяе зелена паска, чатвертая з золотом, человек на ней з невестою утканы», «...запона первая пестрая, другая з мужиками зеленая, третея з кветцем зеленая, три невеликих з золотом», «запона долгая пестрая, другая зеленая з мужиком, третяя запона з кветем великая, четвертая зеленая пасия, пятая з золотом в пахолке» [AGAD, APR, sign. 348, s. 10–14]. Как видно, сюжеты шпалер были различны: от вердюр с растительным орнаментом (цветы) до мифологических и религиозных сцен (муки Христовы). Внутренняя отделка помещений дворцов и домов в XVI–XVII в. была показателем не только политических амбиций шляхты, но и свидетельством ее вовлеченности в общеевропейские культурные процессы, символом перемен в мировоззрении.

Металлическую посуду из драгоценных металлов, которую использовали за столом, князья Друцкие, Горностаи, как и многие другие представители влиятельных родов ВКЛ, возили с собой. С одной стороны, это позволяло лучше следить за ее сохранностью, а с другой – предоставляло хозяину финансовый запас. Из документов экономического характера видно, что значительное их число составляют расписки в получении денег под залог серебряной посуды и драгоценностей и выкупе их обратно. Кроме серебряной посуды (тарелки, ковши, чары) у вдовы князя Толочинского была и оловянная посуда, изготовленная в Англии [AGAD, APR, sign. 348, s. 10].

В подклетах (подвалах), под большим домом во дворе князей Толочинских хранили хозяйственную утварь, невостребованную на тот момент мебель (столы и лавы), отдельно была расположена комора для хранения продуктов. Напитки (преимущественно пиво) также хранили отдельно. Два дома стояли на подрубе и были примерно одинаковыми по размерам. В каждом из них находилось по две светлицы на четыре окна с простыми побеленными печами и уборная за каждой светлицей. Интересно, что в одном из домов, который располагался за хозяйственными постройками, была даже черная изба, явно предназначавшаяся для проживания «челяди невольной» (при Толочинском дворе таких было 31 человек) [AGAD, APR, sign. 295, s. 424].

Все хозяйственные помещения (кухня, баня, конюшня, амбары, пивоварня и т. д.) размещали в отдельных постройках. В толочинском дворе было несколько сенных сараев и амбаров, а также погребов. В отличие

от дворцовых или замковых построек, где были глубокие пивницы для хранения напитков, в Толочине пользовались более архаичными погребами (рис. 8.3). Посреди двора был расположен ледник («холодник»), где могли хранить скоропортящиеся продукты и разделывать мясные туши. Для этого в леднике стояли два стола и лава. Отдельно были построены конюшни, причем для конюшенной обслуги предназначалась пристроенная к одной из них изба без фундамента («при земле»), которую отапливали по-черному («печь черная») – без трубы. Питаться конюхи могли в сенях, что разделяли конюшню и жилую избу. Там были установлены дубовый стол и лавка. Рядом с конюшней находился и домик для доярки, так как во дворе содержали не только коней, но и коров [AGAD, APR, sign. 295, s. 425].

Баня была комфортабельной. К ней была пристроена отапливаемая светелка на три окна с уборной. От помещения для мытья она была отделена сенями [AGAD, APR, sign. 295, s. 425–426]. Часто комнаты при банях использовали не только для отдыха после мытья, но и для размещения слуг, в случае приезда большого количества гостей или большого двора хозяина. За светелкой в бане находился «погреб варенный», где стояли пустые кадушки и кадушка со свеклой. Следует отметить, что такая конструкция необычна. Как правило, при банях не устраивали места для хранения хозяйственных вещей или продуктов. В самих банях обычно хранили металлические ванны, кадки и все необходимое для мытья.

Колодца в самом дворе не было. Возможно, что воду для кухни, бани и животных брали из двух прудов, соединенных с р. Друть, которые находились рядом со двором. На одном из прудов стояла мельница. Наполняли пруды из реки, и на момент составления инвентаря оба пруда были пустыми [AGAD, APR, sign. 295, s. 428–429].

Для слуг и гостей были предназначены два одинаковых отдельно стоящих дома, состоявшие из двух светлиц с простыми печами и сеней. При каждой светлице было сделано по уборной, а вещи можно было оставлять в «коморке для схованья», которая была размещена в торце сеней. Интересно, что в отличие от большого господского дома, дом для слуг имел большое крыльцо, где можно было посидеть за столом [AGAD, APR, sign. 295, s. 437–438]. Челядь, или как ее называет инвентарь – «гридни», размещалась отдельно в небольших домах, стоявших без фундамента прямо на земле. Именно их обитатели составляли постоянное население шляхетского двора. В обязанности дворной челяди входил уход за скотом (лошадьми и коровами), ремонт зданий, охрана двора, приготовление еды, выпечка хлеба, т. е. обеспечение функционирования двора. При Толочинском дворе из всех категорий слуг постоянно проживали только наместник и челядь невольная.

В отдельных помещениях находились кузница и пекарня с двумя печами. Хлеб наряду с крупами и пивом составлял основу рациона слуг, поэтому его требовалось очень много. Обычно при дворе служило не меньше двух пекарей. Об объемах выпекаемого хлеба говорит и наличие двух печей. Жили пекари при самой пекарне. Напротив избы с печами находилась жилая светлица с уборной. В деревянных дворах да конца XVIII в. сохраня-

лось размещение пекарни и кухни в отдельных зданиях. Это было связано с опасностью пожаров в помещениях, где огонь в печах тушили только на ночь.

Кроме жилого дома во дворе были поставлены одрина для хранения сена и большой погреб, где могли оставлять скоропортящиеся продукты. Тут же во дворе разместились и другие хозяйственные постройки: амбары, дровяные сараи, пивоварня [AGAD, APR, sign. 295, s. 435–439]. В таком виде толочинский двор просуществовал до конца XVI в. (рис. 8.4), пока не перешел в руки новых владельцев.

Толочинское имение и резиденция при Сапегах. При Льве Сапеге (рис. 8.5) Друцк окончательно утратил свою роль политического и административного центра, который постепенно переместился в Толочин. Громадные средства Лев Сапега как канцлер ВКЛ вкладывал в благоустройство местечек, оживление торговли и строительство резиденций. Центральными из них стали столичные дворцы в Варшаве и Вильно и дворцово-парковый комплекс в Ружанах.

В августе 1600 г. в Москву выехало большое посольство, возглавляемое канцлером. Двигались они по традиционному тракту через Оршу, Смоленск, Дорогобуж и Вязьму на Москву. В московском посольстве участвовало почти 1000 человек. Личная свита Льва Сапеги, состоящая из членов его семьи, приятелей (среди которых был и князь Ярослав Соколинский, староста усвятский) и слуг, ехала на 700 конях. Обеспечение такого количества людей и лошадей требовало не просто громадных расходов, но и места, где бы они могли размещаться на отдых. Часть из них, как и сам Лев Сапега, который был в конце августа в Толочине, начала свой путь из этой резиденции канцлера [ANKr, AS, sign.51, k. 311; ADS, t. I, s. 250]. Другие могли расположиться в соседних Череях, а оттуда направиться на Оршу.

После возвращения из Москвы Лев Сапега занялся благоустройством резиденции в Толочине. В 1600 г., женившись на дочери виленского воеводы Криштофа Радзивилла «Перуна» Гальшке, Лев Сапега записал ей в вено за 9 тысяч 900 коп грошей Лососно, Ружаны, Косово, Белавичи, Толочин, Друцк, Словень и Радчу. Так как Толочин принадлежал жене Льва Сапеги Гальшке Радзивилл (рис. 8.6) в качестве веновного имущества, то он мог использоваться для размещения там малого, женского двора жены канцлера и его детей. Отсюда и такое внимание к организации места отдыха семьи.

Двор (окружение) Гальшки Сапеги насчитывал не менее 30 женщин нескольких возрастных групп. Старшую группу составляли так называемые старые пани, охмистрыни. Это были вдовые или незамужние старые девы, которые выполняли функции старших слуг. Они следили за поведением прислуги, могли быть воспитательницами детей. Чаще всего на службу их принимал Лев Сапега, который таким образом мог контролировать происходящее при дворе своей жены и осуществлять надзор за правильным ее поведением. Приезд Гальшки в Вильно без детей сопровождался не столько развлечениями, сколько созерцанием и молитвою. В отсутствие мужа семья жила не в своем доме, а в монастыре, или у родственников – мужчин [LMAB RS, f. 9, sign. 432, p. 141]. Вторую группу составляли «фрауциммерки».

Набирали их из девушек шляхетского происхождения, обычно из семей, связанных приятельскими, либо клиентскими связями с семьей магната. Они сопровождали свою госпожу в ее поездках, помогали ей в воспитании детей и выполняли мелкие поручения. При дворе Гальшки Сапеги таких доверенных придворных дам было несколько. Она отмечала их верную службу и записывала им значительные денежные суммы в своем завещании. Служебнице Федоре, которая была с ней с самого детства она оставила 2 тысячи коп грошей. Пани Михальской, которая присматривала за детьми и пани Коморовской, – по 100 злотых [Sapiehowie ... , 1890, т. I, s. 395]. Отдельную группу при дворе Гальшки Сапеги составляли незамужние служанки – «девки», свободные или невольные, карлицы (Зося) и прачки (Греца). Некоторых из них Гальшка выдала замуж за слуг своего мужа и перед смертью наградила за долгую и верную службу. Кроме женского двора госпожу обычно сопровождало и некоторое количество слуг мужчин. Как правило, это были повара, пекари и конюшенная служба. Для мелких поручений использовали молодых парней, часто из числа воспитанников. Их отдавали к магнатскому двору, чтобы они могли получить там образование (для этого нанимали бакалавра), завязать полезные знакомства и поступить на службу к влиятельному лицу. Таким воспитанником Гальшки Сапеги был Матыс Почановский [Sapiehowie ... , 1890, т. I, s. 396]. Охрану толочинского имения, соблюдение в нем порядка, а при необходимости защиту интересов своей жены Лев Сапега поручил князю Юрию Соколинскому [AGAD, APR, sign. 295, s. 221].

В конце своей жизни канцлер все больше времени проводил в одной резиденции. Пожилому человеку было уже тяжело находиться постоянно в пути. В Толочине он оставался все лето 1625 г. со своим сыном. Именно там ему вручили номинационный лист на булаву великого литовского гетмана. Причиной срочного приезда в Толочин сына и совещаний там могло стать стремление Льва Сапеги обеспечить своим детям дальнейшую политическую карьеру. Он хотел убедить короля сделать своим преемником старшего сына Яна Станислава Сапегу. В первые дни войны, в июне 1625 г., когда шведское войско начало военные действия, Сапега продолжал оставаться в Толочине, чем вызвал нарекания в бездействии не только со стороны своих политических противников, но и близких приятелей [Czwolek, 2012, s. 472].

Согласно завещанию Льва Сапеги, после его смерти в 1633 г. старшему сыну *Яну Станиславу Сапеге* отошли Иказнь, Ружаны, Зельва, Езерницы, Близно, Ивашковичи, Береза, Горы Великие и Малые, Шишков, Селец и Яковлевичи. Младшему сыну *Казимиру Льву Сапеге* (рис. 8.7) достались Здитель, Вязовец, Шидловицы, Явор, Деревная, Тетерин, Белыничи с Коханово, Круглая с частью Друцка, Толочин, Черея, Почаповичи, Лукомль с Мелешковичами и Бешенковичи с Сенно. Ему же отошли Семятичи, полученные по завещанию от матери Гальшки из Радзивиллов [Sapiehowie ... , 1890, t. I, s. 181] .

Толочинская резиденция. Строительство Львом Сапегой новой резиденции в Толочине было вызвано несколькими причинами. Ему был необходим двор, где могла бы разместиться не только администрация обширного имения, но и сам владелец со своими многочисленными придворными. Друцк, разделенный между несколькими владельцами, для этих целей не подходил. Двор в Толочине, приближенный к зоне активной внешней политики и военных конфликтов на восточных рубежах государства, был удобен как значительная резиденция единоличного владения Льва Сапеги с географической точки зрения. Начиная с 1598 г., Лев Сапега долгое время был могилевским старостой, что тоже делало необходимым существование крупной резиденции в том регионе наряду с родовыми Череями, которые до 1599 г., как и Друцк, были совместной собственностью.

Двор в Толочине с его комплексом жилых и хозяйственных построек стал использоваться Львом Сапегой в конце XVI в., когда и начала осуществляться полная его перестройка. Кроме перестройки двора он заложил в 1604 г. новый город (местечко) с церковью и униатским монастырем базилиан, включающим школу и богадельню [Biskupstwo wilenskie, 1912, s. 308].

Реконструировать Толочинский двор первой половины XVII в. после его коренной перестройки Львом Сапегой можно лишь частично – на основании инвентарей 1746 и 1760 г., которые сохранили описание элементов застройки двора Льва Сапеги. Сам двор со всеми хозяйственными постройками, садом и огородом занимал более 18 волок из 91 волоки городских земель [ANKr, AS, TA, sign. 446-25, s. 1–2]. Разместился ли он на том же месте, где находилась резиденция князей Толочинских, а затем Горностаев, трудно сказать точно. Однако уже исходя из соотношения площадей, занимаемых двором и городскими кварталами, можно говорить об отдельно функционирующем административном и хозяйственном центре. Двор находился на холме, у подножья которого располагался пруд, возможно оставшийся от первоначального двора [ANKr, AS, sign. 416-6; AGAD, APR, sign. 295, s. 429]. Часть двора, обращенная к городу (замкнутая с четырех сторон), называлась «дединцем». Как правило, в документах так называли именно внутренние дворцы замков или дворцово-замковых комплексов. В сторону города была развернута и деревянная въездная брама двора с двойными воротами, имеющая на уровне второго этажа крытую галерею, традиционную для архитектуры конца XVI в. – XVII в. [Якимович, 1991, с. 19]. В XVIII в., она была уже сильно подгнившей и требовала реконструкции. Над брамой возвышался купол, наверху которого в середине XVIII в. установили флюгер в виде журавля из жести [ANKr, AS, teka 416, plik 6, s. 1]. На первом этаже брамы, по обеим сторонам от проезда находилось по комнате с небольшой «коморой». Обычно эти жилые помещения (в каждом из них было по окну) были предназначены для гайдуков (в XVII в.), или солдат гарнизона (в XVIII в.). Могли там размещать и слуг приехавших гостей при недостатке места в других помещениях двора. На второй этаж вела крытая лестница.

Пространство между въездной брамой и жилой частью двора первоначально было занято регулярным итальянским садом, популярным в эпоху

барокко (рис. 8.8). Первые итальянские сады были заложены в Кракове и Варшаве еще королевой Боной. Из инструкций наместникам имений видно, что многие магнаты в первой половине XVII в. – XVIII в. увлекались садоводством. На территории ВКЛ в сельских резиденциях одними из первых их стали устраивать Николай Криштоф Радзивилл «Сиротка» в Несвиже и Мире [Kempa, 2000, c. 203] и Лев Сапега в Ружанах. Все указывает на то, что при создании нового двора в Толочине канцлером был отдан приказ об устройстве такого сада и здесь. Сад был разбит на несколько квадратов, соединенных между собой аллеями, что хорошо прослеживается еще на плане Толочина 1810 г. Внутри сада были «спрятаны» практически все хозяйственные постройки. Садовый дом на четыре комнаты, видимо, был предназначен для садовников. Количество хозяйственных построек было не велико, несмотря на то, что при каждом дворе были сад и огород (для выращивания зелени и лекарственных трав). Трудно точно указать круг обязанностей садовников. Известно, что они должны были делать прививки плодовым деревьям, охранять ценные растения, наблюдать за ними и, наверное, ухаживать за посадками. У Льва Сапеги садовниками служили Ганус (Ганс Спанса), Урбан [LMAB RS, f. 16, b. 106, p. 71, 101]. Последнему, который поступил на службу в 1595 г., в год полагалась плата в 30 злотых. В его обязанности входило разбить сад, обнести его оградой и делать все, что прикажет хозяин.

Непосредственно к садовому домику примыкала пекарская изба, где могли жить слуги из кухонной службы, а также хранилище для «wloszczyzny», т. е. для плодов сада [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 1]. За садовым домом был расположен ледник, наверху которого находилась зала, также украшенная круговой галереей. Хотя планировка итальянского сада на 12 квадратов соответствует традициям первой половины XVII в., сами строения и малые архитектурные формы, описанные в наиболее ранних из известных инвентарей, были установлены позднейшими владельцами этого имения из рода Шеметов. В саду (возможно, уже в XVIII в.) были высажены липовые аллеи («шпалеры»), в середине пересечения которых была установлена колонна со статуей св. Агаты. Следы холма, на котором стояла бывшая усадьба владельцев Толочина, и липовых аллей сохранились до настоящего времени (рис. 8.9, 8.10). От остальных хозяйственных построек садовый домик был отделен садом, разделенным на квадраты. Сами квадраты сада были обсажены крыжовником, смородиной и пихтами. Иными словами, сад был спланирован так, чтобы в нем было можно и погулять и насладиться природой. При отсутствии оранжерей цветы для убранства комнат и часовни также выращивали в дворцовом итальянском саду.

Сад был отделен от внутренней территории деревянной крытой оградой. Попасть в него можно было через две калитки, которые были симметрично размещены по обе стороны от въездной брамы. Одна сторона сада примыкала к первоначальному дворцу Сапегов [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 1]. Исходя из этого, можно было предположить, что дворец Льва Сапеги был двухэтажным деревянным, построенным на высоком каменном фундаменте.

Попасть внутрь дворца можно было по трем лестницам, что указывает на деление его на парадную и жилую часть. В здании также находилась и часовня на три окна, которая имела отдельный вход. Уже к 1746 г. это было единственное помещение, сохранившееся от старого дворца. Весь дворец, как и часовня, был покрыт гонтом [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 1]. Более прочную и дорогую черепицу не использовали для крыш деревянных построек, так как это могло стать причиной их обрушения под собственной тяжестью. Размеры дворца указывают на то, что рассчитан он был только на членов семьи владельца и выполнял репрезентативные функции. Основная часть придворных канцлера ВКЛ размещалась в боковом флигеле, который сохранился до конца XVIII в., и в других постройках.

При подканцлере ВКЛ Льве Казимире Сапеге внимание «белорусским» имениям Сапегов, как их тогда называли, практически не уделялось. Подканцлер, который был покровителем иезуитов, основал несколько монастырей в своих владениях (Березе, Белыничах, Сапежине, Чернобыле) и костелов (Здитель, Череи), по неизвестной нам причине обойдя своим вниманием Толочин [Sapiegowie ... , 1891, t. II, s. 13, 41].

Оба сына Льва Сапеги умерли бездетными, поэтому его огромные владения были поделены между родственниками. По завещанию Льва Казимира Сапеги 1656 г. Друцк, Толочин наряду с Ивашкевичами в Волковыском повете переходили Александру и Евстафию Шеметам, сыновьям двоюродной сестры Констанции Андреевны Сапежанки, мстиславской воеводянки с условием, что они выплатят своей сестре Анне от стоимости этих имений 20 тысяч злотых [Sapiegowie ... , 1891, t. II, s.43] (рис. 8.11).

На протяжении всего периода нахождения Друцких и Толочинских имений в руках Сапегов, ни одно из них так и не стало местом расположения центральной резиденции магнатского рода, здесь лишь функционировал один из множества центров его крупных имений.

9. ДРУЦКИЕ И ТОЛОЧИНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В XVII–XVIII вв.

9.1. Владения рода Шеметов и Сангушек и участие их представителей в общественно-политической жизни Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. *(А. В. Мацук)*

Согласно завещанию бездетного подканцлера ВКЛ Казимира Льва Сапеги от 30 июля 1655 г. его владения в Оршанском повете Друцк, Толочин и другие должны были получить его родственники, сыновья Анны Констанции из Сапегов, витебский подстолий Александр Казимир Шемет и полоцкий подстолий Евстахий Шемет.

В результате войны Московского государства и Речи Посполитой 1654–1667 гг. эти владения оказались на оккупированной московскими войсками

территории. Сохранилось описание военных действий, происходивших в 1660 г. в окрестностях Друцка и Толочина (рис. 9.1). После победы 8 октября 1660 г. на р. Бася коронные войска под предводительством Стефана Чарнецкого и войска ВКЛ под руководством Павла Сапеги блокировали московскую армию князя Юрия Долгорукого. На выручку московским войскам ожидалось прибытие армии князя Ивана Хованского, который выступил из Полоцка. С целью помешать объединению московских армий, против Хованского выступили Стефан Чарнецкий и Павел Сапега с войсками, а блокировать армию Долгорукого осталась только дивизия Михаила Паца. Шедший из Шклова к Толочину Чарнецкий отправил отряд к Черее. Этот отряд напал на обоз российских войск и захватил множество пленных. Хованский же решил, что это сделали отряды нерегулярного войска Оскерки и Кмитича, которые располагались под Толочином. 26 октября 1660 г. он выслал отряд численностью в 2500 солдат, который под покровом ночи 27 октября 1660 г. неожиданно напал на отряды Оскерки и Кмитича. Некоторое время неподготовленные к битве солдаты сдерживали атаки московского отряда, но были вынуждены спасаться бегством в направлении сожженного Друцка к переправе через р. Друть. По узкому мосту, соединявшему высокие берега реки, переправилось около сотни солдат во главе с Кмитичем и Оскеркой. После этого мост был снесен противником, а оставшиеся солдаты ВКЛ оказались в западне. В результате часть их была убита, часть утонула при переправе, а 150 человек попали в плен (из них в живых было оставлено только 15 солдат, остальные – казнены).

Солдаты, руководимые Кмитичем и Оскеркой, достигли коронных войск руского воеводы[18] Стефана Чарнецкого. Узнав о нападении на них, коронное войско быстро переправилось через р. Друть ниже Друцка, прикрываясь лесом, заслонявшим его переправу. Сначала на это не было обращено внимание со стороны московского отряда, занятого завершением расправы с остатками отрядов Кмитича и Оскерки. Оказавшись атакованным, московский отряд спрятался в развалинах сожженного Друцка, пробуя отбиться от коронного войска, конница которого проваливалась в подвалы сгоревших домов. Однако, не выдержав натиска, рейдовый отряд армии Хованского стал спасаться бегством, отступая к Толочину. Он был весь фактически уничтожен, а коронное войско двинулось под Черею, где к нему присоединилось войско ВКЛ под руководством Павла Сапеги. Остатки армии Хованского в панике отступили к Полоцку, атакуемые войсками Речи Посполитой. К городу добрались немногие солдаты вместе с самим Хованским. Так победа под Друцком и Толочином остановила рейд отряда армии Хованского и привела к освобождению этих территорий от московских войск [Kossarzecki, 2005, s. 350–360].

Шеметы смогли вступить в наследство только 7 августа 1660 г. За время, прошедшее от составления завещания до его вступления в силу, умер один из наследников Александр Казимир Шемет (в конце августа–октябре

[18] Имеется в виду Руское воеводство в Польской Короне.

1659 г.). Оставшиеся после него владения наследовали его несовершеннолетние сыновья Ярослав, Казимир и Мельхиор [LVIA, SA, sign. 111, k. 1026–1027 v., 1028–1031 v.]. Их опекуном стал дядя Евстахий Шемет. Именно тогда при помощи великого маршалка ВКЛ Александра Гилярия Полубинского Друцк, Толочин и другие владения были разделены между Шеметами. Согласно разделу Ярослав, Казимир и Мельхиор Шеметы стали владельцами местечек Друцк, Словени с фольварком Вечежанкой, Яблоновка, Тройтянки, сел Бурневщизна, Лещанка, Сидоровка, Церевские, Кочевичи, Гостиничи, Лотыголка, Монастыри, Шенявка, Ревичи, Кривое Село, Лесная, Розбойная, Замышки, фольварка Склапов с селом Склапов [LVIA, SA, sign. 114, k. 858 v.–859]. Евстахий и его наследники стали владельцами местечек Толочина, Будовка со Ставом, сел Старый Толочин, Лахи, Табаровщина, Мацейево, Холделовичи, застенков Татушковщизна или Суриновка, Муровничи, Райцы, Загородье, Стуканы, Милькевичи, Слободка, Новое Село, Безделичи, Серединка, Чоботари, Посмурки, Матвейки, Налужин. Этот раздел был подтвержден взаимными записями Ярослава Александровича Шемета Михаилу Евстахиевичу Шемету от 30 января 1676 г. и Михаила Евстахиевича Шемета Ярославу Александровичу Шемету от 8 февраля 1676 г. [LVIA, SA, sign. 114, k. 859–859 v.].

Друцкие владения Казимира и Ярослава Шеметов в XVII–XVIII вв. Как отмечалось, Друцк и иные владения, принадлежавшие Александру Казимиру Шемету, были разделены между его сыновьями от брака с Александрой из Швыковских – новогрудским чашником Казимиром, оршанским чашником (потом оршанским подстолием) Ярославом и Мельхиором. Главное владение – ***Друцк*** – разделили между собой на две части 23 октября 1674 г. старшие братья Казимир и Ярослав. Граница прошла по гостинцу в направлении из Словеней в Оршу. Левая часть досталась Казимиру, а правая часть – Ярославу. Кроме того, Казимир получил села Лесная, Разбойная, фольварк Склапов с селом Склапов, село Замышки. Ярославу достались села Сенчуки, Кривая, Реучи, Латыгола, Монастыри и три волоки в селе Разбойная. Казимир получил мыто с р. Друть, а Ярослав – с р. Кривая. Младший брат Мельхиор, на тот момент несовершеннолетний, и сестры получили во владение местечко Словени, Яблонку, Вечежанку, Лещанку [LVIA, SA, sign. 131, k. 5–8 v.]. Часть, отошедшая Ярославу, вероятно, стала называться ***Новым Друцком*** (именно там и был составлен один из его документов) [LVIA, SA, sign. 31, k. 1337 v.].

Мельхиор 20 мая 1675 г. продал свою часть наследства Вечежанки с селами Яблонка и Лещанка великому маршалку ВКЛ Александру Гилярию Полубинскому, что было утверждено в Трибунале ВКЛ 30 июля 1676 г. уже после того, как Мельхиор стал монахом ордена Святого Доминика. Позднее эта часть друцких владений досталась мстиславскому войскому (потом новогрудскому подкоморию) Александру Совичу Корсаку [LVIA, SA, sign. 114, k. 853].

Часть Друцких владений Казимира Шемета, новогрудского чашника. Сам Казимир Шемет вместе с женой Галшкой (Еленой) из Ордов

24 января 1688 г. отдал в заставу свою часть местечка Друцк Михаилу и Кристине из Панфилов Шепетовским *«без господского двора, но с вольной ловлей рыбы в реке Друти, с мостовым мытом и свободным строительством мельницы, с замком и с церквями, с землями пашенными и непашенными»* на три года за 2500 злотых. По условиям заклада в случае невыкупа Друцка через три года Шепетовские могли держать Друцк еще три года, до тех пор, пока Шеметы не выплатят всю сумму выкупа [LVIA, SA, sign. 31, k. 1325–1328 v., 1329–1334 v.]. Казимир Шемет не имел средств на выплату суммы заставы, и его часть Друцка задержалась во владении у Шепетовских до тех пор, пока 2 мая 1696 г. Михаил Шепетовский, нуждаясь в деньгах, не отдал заставленную ему Казимиром Шеметом часть Друцка минскому подкоморию Теодору Каролю Друцкому Горскому также в заставу за 4150 тынфов [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 7, л. 1118]. После смерти последнего, находящаяся у него в заставе часть Друцка, перешла его сыну Казимиру Друцкому-Горскому [LVIA, SA, sign. 51, k. 1628–1631 v., 1632–1633 v.].

Брат Казимира Друцкого-Горского минский подкоморий Михаил Друцкий-Горский был владельцем расположенного рядом с Друцком владения – Малой Оравы, в которое кроме сел Орава, Лавтки, Грибин входили и 13 пляцев в местечке Друцk. 23 апреля 1711 г. Михаил Друцкий-Горский отдал в заставу на три года за 1050 талеров свое владение Малую Ораву Станиславу и Анне из Арцимовичей Ожеховским [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 7, л. 803–806 об., 808–809 об., 810–811 об.]. Михаил Друцкий-Горский не только не вернул заставленную Малую Ораву, но 23 апреля 1719 г. продал ее вместе с селами Рошков, Лыскавщизна, Грибин, Лавтки, Бурневки, Соколовщизной и частью Друцка Ожеховским за 15 000 тынфов. Михаил Друцкий Горский подписал отказ от всяких претензий на Малую Ораву не только от себя, но и от имени своей сестры Анны, которая была замужем за владельцем расположенного рядом имения Великая Орава новогрудским хоружим Петром Совичом Корсаком. Ожеховские также не долго были владельцами Малой Оравы и продали ее братьям Теодору и Юзефу Богдановичам Дворжецким [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 24, л. 1217–1220 об.]. Вскоре между Петром Корсаком и Богдановичами Дворжецкими начался конфликт, связанный с границей между их владениями – Великой и Малой Оравами [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 24, л. 2038–2038 об.; д. 30, л. 398–402 об., 413–414 об., 519–519 об., 736–737 об., 783–783 об.].

После смерти Казимира Шемета его часть Друцких владений была разделена между его сыновьями: оршанским подстолием Александром Мальхером, Антонием, оршанским мостовничим Бенедиктом, волковысским стражником Франтишком, оршанским скарбником Яном (Янушем). Вскоре после раздела владений умер и Антоний, не оставив потомков. Его часть была разделена между остальными братьями. *Александр Мальхер* еще в молодости уехал из родительского дома и в 1704 г. утверждал, что уже «не был в родном доме двадцать лет». Он вернулся домой после долгих просьб матери Галшки из Ордов Шемет о помощи в выкупе заставленных отцовских владений. Однако, увидев размеры отцовских долгов, Александр Мальхер

отказался их выкупать, несмотря на обещания матери записать на него положенные ей деньги на этих владениях. За выкуп Александром из заставы у шляхтича Германовича села Разбойная с 15 волоками и 5 холопами за 3656 злотых и 6 грошей, мать обещала добавить к этому селу свою землю от владения Склапова, чтобы можно было построить «двор». Александр Мальхер выкупил Разбойную и передал ее в заставу матери, которая неожиданно внесла протестацию в оршанский гродский суд, обвинив сына в принуждении подписать заставу на Разбойную, а также изъятии им у нее документов и различных вещей. После официального обращения в суд Александра Мальхера его мать отказалась от всех своих претензий и уничтожила свой манифест в оршанских гродских книгах. Александр Мальхер значительно застроил Разбойную и дополнительно привел туда 7 холопов. Однако возник новый конфликт с матерью, которая, пригласив его 29 апреля 1702 г. к себе в гости, подговорила к нападению на Александра его братьев Бенедикта и Антония с целью убийства. Только осечка ружья Антония дала возможность Александру Мальхеру убежать. 20 апреля 1702 г. Антоний повторно стрелял в Александра Мальхера, который проезжал мимо двора матери в Горки, но Александру вновь удалось сбежать. Бенедикт и Антоний ограбили его владения [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 3, л. 1365–1366 об.]. Галшка Шемет отдала в заставу Александру Мальхеру за 5000 серебряной талеровой монетой села Склапов и Разбойная. В свою очередь, он заставил их своей дочери Анне и ее мужу оршанскому обозному Вавжинцу Глембскому [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 45, л. 824].

Александр Мальхер Шемет продолжил собирать владения, которые заставила его мать. Так, владение Лесную, которое еще 23 апреля 1702 г. за 10 300 злотых было отдано ею в заставу оршанскому земскому писарю Леону Шемету[19], Александр Мальхер 7 июня 1704 г. взял у него в заставу до 23 апреля 1705 г. за те же 10 300 злотых [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 30, л. 1437а–1438 об.]. 20 апреля 1730 г. вместе с братом Франтишком он выплатил деньги за пре-

[19] Происходил из так называемой волковысской ветви рода Шеметов. Был сыном полоцкого подстолия Юрия Казимира и Елизаветы из Нарвойшей, а также братом толочинского плебана Кароля, франтишканина Павла, полоцкого подстолия Антония Казимира, Франтишка. Сделал блестящую карьеру в Оршанском повете. Активно участвовал в отрядах «республиканцев» в их борьбе с Сапегами. В хоругви Оршанского повета под руководством Николая Шемета участвовал в битве под Олькениками. Участвовал в посполитом рушении Оршанского повета 1702 г. Был активным участником сеймиков Оршанского повета. 8 июня 1711 г. получил уряд оршанского подстолия, а уже 13 октября 1713 г. – оршанского земского писаря. В 1712 г. был избран послом из оршанского сеймика на сейм. В дальнейшем активно участвовал в общественно-политической жизни Оршанского повета. В 1714–1715 г. был избран поветовым ротмистром. Несколько раз был директором (маршалком) местного сеймика, а в 1732 г. как самый высший из присутствующих урядников начал вести заседания оршанского громничного (депутатского) сеймика. Во время бескоролевья 1733–1735 гг. поддержал кандидатуру Станислава Лещинского, однако в 1735 г. признал королем Августа III и был избран оршанской шляхтой послом на пацификационный (примирительный) сейм 1735 г. Центром его владений в Оршанском повете был фольварк Шейка, отделенный от Крупок, владельцами которых были Сангушки.

тензии на часть Друцка, которая досталась им в наследство от родителей, Михаилу Шепетовскому. Выплата Александра Мальхера Шемета составила 1811 тынфов талеровой монетой, а Франтишка Шемета – 1689 тынфов талеровой монетой, после чего братья поделили наследство, полученное от родителей [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 30, л. 118–119 об.].

Александр Мальхер Шемет активно участвовал в общественно-политической жизни Оршанского повета: всевозможных поветовых сеймиках и шляхетских съездах. В то же время из-за недостаточного влияния на поветовую шляхту его не избирали послом на сеймы или депутатом на Трибунал ВКЛ. В 1704 и 1724 г. он был избран лишь администратором для сбора «чопового» и «шелезнего» налогов [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 3, л. 878–881 об.]. 16 декабря 1713 г. Александр Мальхер Шемет получил уряд оршанского подчашего [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 157, л. 71–71 об.].

Второй сын Казимира *Бенедикт Шемет,* напротив, не проявлял заинтересованности в общественно-политической жизни Оршанского повета. Гораздо важнее для него были вопросы, связанные с отцовским наследством. Еще 12 мая 1701 г. он вместе со своей женой Констанцией из Рокицких продал инфлянтскому подчашему Валерьяну Борху за 3000 злотых часть владения Склапов – Лесную [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 2, л. 340–341 об.]. Это стало причиной судебного иска, поданного его матерью Галшкой, братом Александром Мальхером от своего имени и от имени несовершеннолетних братьев Антония, Франтишка и Яна, так как Бенедикт Шемет продал свою часть Лесной еще до окончательного раздела между братьями наследства по отцу. Кроме того, на всех владениях Казимира Шемета его жена Галшка имела записанных 30 000 злотых, которые еще не были ей выплачены перед продажей Лесной [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 2, л. 402–403 об.]. Умер Бенедикт Шемет в 1738 г. в Замышках. От второго брака с Подберезской у него родились сыновья Николай и Юрий.

Еще один сын Казимира *Франтишек Шемет* также проявлял слабую активность в общественно-политической жизни Оршанского повета. Ему удалось получить уряд волковысского стражника. Был женат на Кристине из Влоховичей.

Часть Друцких владений Ярослава Шемета унаследовали его сыновья: оршанский чашник Станислав, парнавский стольник Александр и Ян. Друцкие имения были разделены между двумя из братьев Александром и Яном Шеметами. В 1707 г. Ян Шемет для того, чтобы записать своей жене Елизавете из Братковских денежную сумму в 7000 тынфов талеровой серебряной монетой, заставил свою часть Друцких владений («имение Кривая, где двор стоит, Друцк, Розуце и Стенчаков») на три года матери жены Сюзанне из князей Лукомских, бывшей женой волковысского стольника Леона Шемета [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 5, л. 105–106 об.]. Уже в 1708 г. Ян Шемет умер, а его жена Елизавета получила во владение его часть Друцка. Вскоре она вышла замуж во второй раз за смоленского мечника Атаназия Богдановича Дворжецкого, присоединив к его владениям и Друцк. Они часто отдавали это владение в заставу. Так 30 апреля 1714 г. их часть Друцка была

заставлена на год за 500 злотых вербельскому старосте Иософату Антонию Шлюбовскому [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 7, л. 153]. Имение Кривую, села Реучи и Сенчуки они 6 апреля 1716 г. заставили за 7900 злотых Михаилу и Констанции из Шеметов Богдановичам Дворжецким, но нарушив условия заставы, не допустили их в эти владения. Поэтому 15 октября 1717 г. Михаил и Констанция Богдановичи Дворжецкие обратились в оршанский гродский суд с жалобой на Атаназия и Элизавету Богдановичей Дворжецких [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 8, л. 392–393]. Однако вскоре эта часть Друцкого владения оказалась у Хлевинских (возможно, унаследовавших ее по линии дочери парнавского стольника Александра – Антонине, которая была замужем за речицким мечником Мартином Хлевинским). Уже 29 ноября 1728 г. Хлевинские были вынуждены продать часть Друцка, Кривую, Сенчуки и Реучи оршанскому будовничему Михаилу Богдановичу Дворжецкому. Причиной продажи стала претензия Михаила Богдановича Дворжецкого на возмещение в 18 000 злотых невыплаченного приданого («посага») его жены Констанции из Шеметов. В результате соглашения Шемет добавил к долгу еще 25 000 злотых и купил эту часть Друцкого владения [НИАБ, ф. 2518, оп. 2, д. 138, л. 466–466 об.; РГИА, ф. 1343, оп. 20, д. 671, л. 1–2]. Михаил Богданович, сын Теодора Дворжецкого, имел братьев Атаназия, Яна и Андрея. 9 февраля 1705 г. он получил уряд оршанского будовничего, а в 1711 г. на оршанском громничем сеймике в Орше был избран депутатом на Трибунал ВКЛ. Михаил Богданович Дворжецкий был владельцем части Друцка, Кривой, Сенчуков и Реучей до своей смерти в 1747 г. Его Друцкие владения были разделены между сыновьями Антонием, Теодором и Базылием. Антоний к моменту оглашения завещания умер, и наследниками его части выступали сыновья Юрий и Ян. По разделу наследства 24 августа 1748 г. имение Кривая и село Реучи достались Базылию, а оршанскому крайчему Теодору – фольварк Халяпинка, часть местечка Друцка и село Сенчуки [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 32, л. 510–510 об., 512–512 об., 515–516 об.].

Передел Друцких владений Шеметов в XVIII в. После смерти в 1742 г. Александра Мальхера Шемета его владения перешли к сыну Леону, на время несовершеннолетия которого опекуном была назначена его мать Бенедикта из Ломинских. Свои претензии на владения Александра Мальхера Шемета на основании наследства по деду Казимиру Шемету предъявил оршанский будовничий Иероним Шемет. По его мнению, Александр Мальхер захватил большие владения, чем те, что полагались ему в наследство от Казимира Шемета наряду с братьями Бенедиктом, Франтишком и Яном (отцом Иеронима). Еще ранее, 11 апреля 1742 г., Иероним выкупил у Доминика и Елизаветы из Гедройцев Котовичей из заставы за 5400 злотых села Разбойная и Склапов, которые были заставлены им Глембскими, а тем, в свою очередь, Александром Мальхером Шеметом. Уже 5 апреля 1746 г. Иероним Шемет выкупил из заставы за 150 талеров битых у Гатовских часть Друцка, которая была заставлена им также Александром Мальхером Шеметом. Все выплаты Иеронима Шемета за различные имения друцких владений составили значительную сумму в 7066 злотых и 20 грошей [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 45, л. 824–824 об.].

Позицию Иеронима в споре усилило то, что сыновья Бенедикта Шемета от второго брака – Николай и Юрий, одолжившие у него 100 талеров битых на выплату долгов деда Казимира Шемета, 7 января 1752 г. отказались в его пользу от претензий на наследство по деду [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 32, л. 13–14 об.]. Более того, они вместе с дядей Франтишком, братом Александра Мальхера, поддержали претензии Иеронима на наследство по деду Казимиру Шемету. В результате Иероним Шемет начал судебное дело против Бенедикты из Ломинских Шемет и ее детей Леона и Иоанны. Дело рассматривал Трибунал ВКЛ [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 32, л. 460, 768–768 об., 827–827 об., 838–838 об.]. Согласно судебному постановлению от 10 ноября 1752 г., были признаны суммы выкупа Друцка из заставы Александром Мальхером и Франтишком Шеметом. Признавались и другие суммы долгов Казимира, которые выплатил Александр Мальхер Шемет. В результате вместе с выкупом Друцка из заставы сумма выплат Александра Мальхера Шемета составила 17 870 злотых. Кроме того, он выплатил приданое обеим своим сестрам из своих средств. Галшка Шемет, имея записанные мужем Казимиром на всех Друцких владениях 30 000 злотых, завещала из них 10 000 злотых сыну Александру Мальхеру, а 5000 злотых сыну Яну. Включила она в завещание и условие, что другие братья могут вступить во владение наследственными имениями только после компенсации Александру Мальхеру средств, потраченных на выкуп этих владений. Трибунал ВКЛ признал безосновательными претензии к Александру Мальхеру Шемету о продаже шляхтичам Дамбским за 15 000 злотых владения Ивашкевичи в Волковысском повете, которое осталось после умершего старшего брата Юзефа. Трибунал ВКЛ признал, что сам Юзеф Шемет продал это владение, одолжив у Дамбского значительную сумму денег и получив от него в заставу фольварк Ханушов. Однако на нем снова были значительные долги, и Александр Мальхер Шемет посчитал за лучшее получить 3000 злотых за отказ от прав на этот фольварк. Одновременно не были признаны и претензии к Александру Мальхеру за получение им от стольника ВКЛ Юрия Сапеги долга Мальхера Шемета в 4000 тынфов. Удалось установить, что долг получил еще сам Мальхер Шемет [LVIA, SA, sign. 116, k. 1047–1050 v.].

Трибунал ВКЛ принял два контимационных декрета: 8 ноября 1752 г. и 22 декабря 1752 г. В результате стороны соглашались решить конфликт полюбовно на компромиссарском суде, который собрался в Лесной 10 апреля 1753 г. Было решено разделить все владения Казимира Шемета между его сыновьями и их наследниками на четыре части. Часть умершего Александра Мальхера досталась его наследникам – жене Бенедикте из Ломинских, сыну Леону и дочери Иоанне; часть умершего Бенедикта – его сыновьям Николаю и Юрию, часть Франтишка и умершего Яна – сыну последнего – Иерониму. Наследники Александра Мальхера Шемета получили 22 волоки в селе Лесная, 16 моргов в урочище в Лесной и 31 морг в урочищах Друцка. Также они получили 15 пляцев и одну треть пляца в Друцке. Сыновья Бенедикта Николай и Юрий Шеметы получили в селе Тройцеполе или Склапове 8 волок, в селе Разбойная – 5, в Друцке – 1,5 волоки. В урочищах Друцка

на них приходилось 47 моргов. В том же Друцке им досталось 15 пляцев и одна треть пляца. Франтишек получил в Друцке 9,5 волок, в Лесной 12,5 волок. В урочищах Друцка ему досталось 47 волок и сеножать за церковью Святого Спаса. Кроме того, на него приходилось в Друцке 25 «очень щуплых» пляцев в валах (т. е. внутри территории бывшего замка). Сыну Яна (Януша) Иерониму досталось 4 волоки в фольварке Склапове, 10 волок и 9 моргов в селе Разбойная, 4 волоки в селе Склапове и 4 волоки в селе Замышки. В Друцке ему досталось 47 моргов, в основном между реками Кривой и Друтью, а также 15 пляцев и одна треть пляца [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 45, л. 825–827 об.].

При этом все ранее потраченные на выплату заставленных владений и долгов Казимира и Галшки (Елены) из Ордов Шеметов деньги также были поделены между наследниками на те же четыре части. Между наследниками были поделены и иные выплаты, компенсирован и причиненный наследниками друг другу вред. Декрет стоит признать выгодным для наследников Александра Мальхера Шемета, так как он отменял записанные ему завещанием матери Галшки Шемет от 26 мая 1719 г. 10 000 злотых, при этом не признавая отмены записи в 5000 злотых Яну Шемету (отцу Иеронима). Таким образом, оставшиеся из 30 000 злотых по записи отца на мать 25 000 злотых были поделены на те же четыре части. Одновременно выплата записанных Яну 5000 злотых также была поделена на четыре части: по 1250 злотых каждому. Невыгодным для наследников Александра Мальхера Шемета было то, что ввиду не полностью оформленных документов, выплата Александром Мальхером из своих средств приданого сестре Ефрозинии из Шеметов Азарич и совместная с матерью выплата приданого второй сестре Екатерине из Шеметов Корчиц, во втором замужестве – Кривец, не были признаны. Это значительно уменьшало денежные средства, на которые могли претендовать наследники Александра Мальхера. Полученные Александром Мальхером Шеметом 3000 злотых за фольварк Ханушов по умершему брату Юзефу также были поделены на четыре части: по 750 злотых. Была признана вина Иеронима Шемета в захвате у наследников Александра Мальхера Шемета в 1742 г. части Друцка и корчмы в ней, а также незаконное ее почти двенадцатилетнее удержание. Иероним Шемет должен был выплатить наследникам Александра Мальхера Шемета за это 4758 злотых. Признавались и значительные суммы, которые выплатил Александр Мальхер Шемет для выкупа заставленных владений и выплаты долгов родителей. Также был признан выкуп им 21 июня 1715 г. у Валериана Борка за 3000 злотых проданной Бенедиктом Шеметом своей части Лесной. Таким образом, сыновья Бенедикта Николай и Юрий не могли претендовать на часть Лесной, которая принадлежала наследникам Александра Мальхера Шемета. Также был признан отказ от 7 января 1752 г. братьев Юрия и Николая Шеметов от наследства по деду Казимиру в пользу двоюродного брата Иеронима Шемета [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 45, л. 804–832 об.]. Таким образом, 10 апреля 1753 г. удалось решить все спорные вопросы между наследниками Казимира Шемета и окончательно разделить Друцкие вла-

дения между его сыном Франтишком и детьми его сыновей Александра Мальхера, Бенедикта и Яна (Януша).

Сын Александра Мальхера Шемета Леон уже в 1764 г. стал оршанским ротмистром, а в 1765 г. – оршанским будовничим. Был дважды женат. Сначала на вилкомирской подстолянке Розе из Скириатов, а после ее смерти – на Каролине из Богдановичей. От первого брака имел сыновей Грациана, Винцента Александра, Антония, Павла и Ламберта, а также дочерей Цецилию и Франтишку. От второго брака была только дочь Доминика. С начала 60-х годов XVIII в. Леон активно участвовал в оршанских сеймиках. В 1765 г. был избран в Орше депутатом на русскую каденцию Трибунала ВКЛ, а затем присутствовал на «пописе» Оршанского повета в отряде оршанского маршалка Николая Храповицкого [НИАБ, ф. 1775, оп. 1, д. 2, л. 285 об.]. После первого раздела Речи Посполитой стал подданным Российской империи, поочередно занимая должности тиуна копысского повета и маршалка копысского повета.

Наибольшая известность из этого поколения Шеметов – владельцев Друцких имений – у сына Яна (Януша) и Кристины из Семерадских – *Иеронима Шемета*. 8 сентября 1744 г. он получил уряд оршанского будовничего [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 172, л. 861–862]. Иероним был активен в общественно-политической жизни Оршанского повета. В 1751 г. он впервые был выдвинут кандидатом в депутаты на местном громничном сеймике [AGAD, AR, dz. V, sygn. 17702, cz. 2, k. 106]. Благодаря покровительству великого маршалка ВКЛ Игнатия Огинского король в 1754 г. подписал для него привилей на уряд оршанского подчашего, но канцлер ВКЛ Михаил Чарторыйский переделал привилей на этот уряд для Казимира Саковича [BN, sygn. 3285, cz. 2, s. 14 v.]. Возможно, эта неудача заставила Шемета перейти в ряды магнатской группировки Чарторыйских. При их поддержке в 1755 г. на оршанском громничном сеймике он был избран депутатом в Трибунал ВКЛ. Вместе с другими депутатами, сторонниками Фамилии в начале 1756 г. он протестовал против антизаконной деятельности Трибунала ВКЛ под руководством мечника ВКЛ Кароля Станислава Радзивилла. На громничном оршанском сеймике 1756 г. он был избран его директором и содействовал избранию депутатами сторонников Фамилии [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 34, л. 700; ф. 1727, оп. 1, д. 12, л. 997–998 об.]. Участвовал в съезде сторонников Фамилии в марте 1756 г. на карнавале в Слониме. В 1761 г. получил уряд оршанского обозного. Оставался среди сторонников Фамилии и вместе с ними 11 мая 1763 г. подписал манифест против незаконных действий виленского воеводы Кароля Станислава Радзивилла во время реасумпции Трибунала ВКЛ. Не забывал Иероним Шемет и о расширении своих владений. 6 сентября 1763 г. Теодор и Ефимия из Томковичей Богдановичи Дворжецкие начали против него судебный процесс. Они обвиняли Иеронима Шемета в том, что он забрал земли от их владения Малая Орава и присоединил их к своему владению Великая Орава [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 38, л. 1303–1303 об.].

Иероним Шемет 3 марта 1754 г. взял в аренду на один год у Теодора и Ефемии из Томковичей Богдановичей Дворжецких часть Друцка, кото-

рую те держали в аренде от оршанской подстолиной Терезы из Богушевских Мизгиревой (в первом замужестве оршанской крайчей Теодоровой Богдановичовой) за 1400 битых талера, но через год Богдановичи не выкупили эту часть Друцка. Сын Терезы из Богушевских и оршанского крайчего Теодора Богдановича Юзеф Богданович Дворжецкий 4 марта 1776 г. хотел выкупить заставленную часть Друцка и представил необходимые для выкупа деньги. Однако Иероним Шемет не принял их, а выставил новые претензии к Богдановичу, что привело к долгому судебному процессу между ними [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 47, л. 671–674 об., 716–716 об.]. Как видно, Иерониму Шемету удалось вернуть роду Шеметов и половину Друцких имений Ярослава Шемета (наследство его сына Яна), которые долгое время находились во владении Богдановичей Дворжецких.

Во время бескоролевья 1764 г. Иероним оказался втянут в конфликт на оршанском передконвокационном сеймике. Он выставил свою кандидатуру на место директора сеймика. Сторонники Радзивиллов не согласились с этим и предложили альтернативную кандидатуру оршанского крайчего Игнатия Бучинского. Шемет хотел насильно занять место директора, а когда его попробовали не пустить, то «за саблю схватился и достал, в тот момент противников начал сечь». Это привело к вооруженной драке на сеймике. В результате сторонники Фамилии покинули место проведения сеймика и в другом месте избрали директором Шемета, а послами на конвокационный сейм назначили оршанского стольника Яна Замбжицкого и оршанского гродского старосту Яна Юзефовича [LMAB, f. 139, op. 1, b. 2206, p. 16, 34–35 v.; НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 39, л. 693–698 об., 701–705 об.]. После победы Фамилии и избрания королем Станислава Августа Понятовского Иероним Шемет был избран маршалком оршанской конфедерации. Уже 4 февраля 1765 г. на оршанском элекционном сеймике Иероним Шемет был избран кандидатом на уряд оршанского земского писаря, а 21 февраля 1765 г. получил королевский привилей на него [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 40, л. 114, 1494; ф. КМФ-18, оп. 1, д. 184, л. 69 об.–70]. В этом же 1765 г. он участвовал в «пописе» оршанской шляхты в отряде оршанского маршалка Николая Храповицкого [НИАБ, ф. 1775, оп. 1, д. 2, л. 285 об.]. Шемет как маршалок конфедерации открыл заседание оршанского посольского сеймика 1766 г., на котором вступил в конфликт с большинством шляхты. Шемет со своими сторонниками, несогласный с избранием вторым послом оршанского подстаросты Александра Яна Головчица, протестовал против всего сеймика и покинул его заседание. Большинство урядников и шляхты однако не согласились с этим и продолжили сеймик [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 41, л. 709–710 об.]. После первого раздела Речи Посполитой Иероним Шемет остался на территории, присоединенной к Росии, где стал земским писарем Оршанского повета и земским судьей Оршанской провинции. Однако позже вернулся в ВКЛ и продолжил общественно-политическую деятельность в Речи Посполитой. 13 мая 1789 г. он разделил все свои владения между сыновьями Домиником и Юзефом. Средний сын Антоний еще во время Трибунала ВКЛ 1780 г. вместо того, чтобы следить за судебными

делами Шеметов, наделал долгов, играя в карты. Позднее принял монашеский постриг у тринитариев и под именем Паулин «нецнотли*ве*» жил на пограничье России и Речи Посполитой. В результате Иероним Шемет лишил его наследства. Старший его сын Доминик, в свою очередь, отказывался от всех владений отца в пользу брата Юзефа за денежную компенсацию. Владельцем всех владений Иеронима, в том числе и Друцких, после смерти отца стал младший сын Юзеф [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 56, л. 711–712 об., 713–714 об., 715–715 об.]. 19 февраля 1792 г. на оршанском сеймике в Холопеничах он присягнул Конституции 3 мая 1791 г. [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 58, л. 103]. После Второго раздела Речи Посполитой, ссылаясь на старость, отказался сложить присягу российской императрице Екатерине II в назначенном месте, но сделал это вместе с остальными оршанскими урядниками и шляхтой 10 августа 1793 г. на сеймике в Холопеничах [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 59, л. 29 об., 32 об.].

Сыновья волковысского стражника Франтишка Шемета Тадеуш и Винцент не сделали значительной карьеры. Тадеуш в 1792 г. был цивильно-войсковым комиссаром. Винцент в Российской империи дослужился до должности судьи. 16 декабря 1788 г. он записал своей жене пожизненно свой фольварк Друцк, так как не мог забрать приданого в то время и выдать свои записи согласно Статуту ВКЛ. Актирована эта запись была только 28 февраля 1794 г. в оршанских гродских книгах [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 59, л. 221–222].

Как уже говорилось выше, сыновья Бенедикта Шемета Николай и Юрий отказались от своих прав на наследование по отцу части Друцких владений в пользу двоюродного брата Иеронима. Безрезультатными были их попытки отсудить часть владений у своего второго двоюродного брата Леона. По отцу они получили владение Замышки. Когда умер их отец, Николай и Юрий были несовершеннолетними и их опекунами признали дядей: оршанского подчашего Александра Мальхера и волковысского стражника Франтишка Шеметов. 2 августа 1746 г. братья начали процесс против своих опекунов Бенедикты из Ломинских Шемет (так как Александр Мальхер Шемет уже умер) и Франтишка Шемета по компенсации за сожжение их двора в Замышках и иной нанесенный им ущерб. Суть иска заключалась в том, что Бенедикта предоставила для проживания двор в Замышках некоему доктору, который по неосторожности сжег его, и ущерб исчислялся в 500 злотых. Кроме того, Бенедикта из Замышек забрала коня, а Франтишек – множество разного имущества. Поэтому Николай и Юрий Шеметы требовали у Бенедикты компенсацию в 600 злотых, а у Франтишка – в 800 злотых [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 30, л. 488–489 об., 506–506 об.]. Оба брата не сделали карьеры. Сведения о них малочислены. Николай дослужился до уряда оршанского мостовничего. Он был женат на Анне из Александровичей, с которой имел сына – оршанского лесничего Адама. О Юрии имеется информация, что 17 февраля 1792 г. он как оршанский цивильно-войсковый комиссар на сеймике в Холопеничах присягнул Конституции 3 мая 1791 г. [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 58, л. 103 об.].

Борьба за Толочинские владения Шеметов. По воле Казимира Льва Сапеги из завещанных Александру Казимиру и Евстахию Шеметам владений 20 000 злотых должны были быть выплачены их сестре Элеоноре из Шеметов Пиотровской. Каждый из братьев должен был выплатить Элеоноре по 10 000 злотых. Евстахий после смерти брата и как опекун его малолетних детей выделил из всех владений Санское войтовство (Плоское) и отдал его в заставу сестре за 20 000 злотых. Позднее, 30 ноября 1679 г., новогрудский чашник Ярослав Шемет продал за 6000 злотых свою часть санского войтовства мужу Элеоноры трокскому подчашему Станиславу Михаилу Пиотровскому [LVIA, SA, sign. 31, k. 1335–1337 v.].

Толочин и другие владения после Евстахия Шемета достались двум его сыновьям: новогрудскому чашнику Яну Шемету и смоленскому стольнику Михаилу Шемету. Ян Шемет умер бездетным, и все его владения после смерти в 1690 г. достались брату Михаилу, а позже – его сыну от первого брака Николаю Шемету.

Николай Шемет до начала XVIII в. не был активным участником политической жизни ВКЛ. Его внимание было приковано к вопросам наследства. Отец Николая Михаил Шемет оставил значительные долги, а главное из своих имений – Толочин – в 1688 г. отдал в заставу витебскому скарбнику Александру Казимиру Адамовичу на 8 лет за 44 000 злотых на очень невыгодных условиях. Сразу после смерти отца Николай Шемет вместе с мачехой Анной из Шпиловских стал предпринимать попытки разорвать такой невыгодный договор. Адамович подал на них в суд и 1 июля 1691 г. получил трибунальский декрет, по которому Николай Шемет и его мачеха Анна из Шпиловских были осуждены на баницию. Шеметы в ответ начали судебное дело против Адамовича с обвинением в незаконном держании Толочина и в 1693 г. получили декрет Трибунала ВКЛ, который осудил Адамовича на баницию. На основании этого трибунальского декрета Николай Шемет занял Толочин. Во время занятия Толочина Шемет и его помощники причинили значительный ущерб имуществу Адамовичей, которые оценили его в 35 000 злотых. В результате обе стороны согласились прийти к компромиссу, а не продолжать дальнейшие судебные разбирательства. По соглашению Николай Шемет 5 июня 1694 г. обязался вернуть оставшиеся 20 000 злотых (из упомянутых 44 000 злотых) уплаченной аренды Адамовичу [LVIA, SA, sign. 39, k. 259–260 v., 263–264 v.]. Поскольку Николай Шемет не имел такой суммы в наличии, было решено, что он заставит Александру Казимиру Адамовичу на один год за 20 000 злотых отсоединенный от Толочина фольварк Серединки с четырьмя селами: Муровницы, Новое Село, Стуканы и Печорово. В случае если Николай Шемет через год не выкупит фольварк Серединки, он оставался в заставе у Адамовича еще на три года, а срок заставы должен был повторяться каждые три года до тех пор, пока Николай Шемет не выкупит эти владения [LVIA, SA, sign. 39, k. 261–262 v., 265–265 v.].

Вернуть Толочин из заставы Николаю Шемету помогла его мачеха Анна из Шпиловских. Она полностью поддерживала его в стремлении признать

незаконной невыгодную заставу Толочина. К тому же она отказалась в пользу Николая Шемета от 40 000 злотых, записанных ей мужем Михаилом Шеметом на толочинских владениях [LVIA, SA, sign. 43, k. 76–77 v., 78–79 v.].

В 1700 г. Николай Шемет женился на Терезе из Совичей Корсаков (дочери новогрудского подкомория Александра Михаила Совича Корсака и новогрудской воеводянки Ефрозинии из Полубинских), в приданое за которой дали 24 000 злотых и заставное право на Микадинов в Оршанском повете еще на 24 000 злотых, драгоценности (украшения), серебро и другое имущество на 20 000 злотых. В ответ Николай Шемет выдал уже будущей жене 40 000 злотых, а 22 июня 1700 г. записал ей на Толочине 80 000 злотых. 21 июля 1701 г. Тереза из Корсаков подарила своему мужу ранее записанную ей сумму на Толочине. Взамен Николай Шемет записал жене на Толочине 50 000 злотых и все имущество. При отсутствии детей все владения Николая Шемета должны были перейти его жене Терезе из Корсаков [LVIA, SA, sign. 48, k. 1529–1530 v., 1531–1532 v., 1533–1534 v., 1535–1536 v., 1537–1538 v.]. 7 декабря 1713 г. Шемет подтвердил запись своей жене Толочинских владений и одновременно записал 30 000 злотых на том же Толочине и «военных вещей» своим троюродным братьям Шеметам.

Начавшийся в ВКЛ конфликт Сапегов с «республиканцами» изменил жизнь Николая Шемета. Он стал одним из лидеров «республиканской» шляхты в Оршанском повете. Как оршанский ротмистр во главе одной из пяти хоругвей Оршанского повета Шемет участвовал в битве с Сапегами под Олькениками (18 ноября 1700 г.). После победы в этой битве вместе с другими «республиканцами» 24 ноября 1700 г. он подписал «Генеральное постановление Станов ВКЛ» [Haratym, Matsuk, 2012, t. XLVIII/1, z. 196, s. 156]. Возвратившись в Оршанский повет, Николай Шемет продолжил активное участие в общественно-политической жизни и 7 февраля 1701 г. был избран депутатом на Трибунал ВКЛ и поветовым ротмистром [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 2, л. 120 об.]. С 1701 г. Николай стал именовать себя оршанским стольником, но, похоже, что этот уряд он получил позднее. Конфликт с Сапегами на этом не был исчерпан. Оршанская шляхта собралась 13 июня 1702 г. на посполитое рушение под Лесунами, где избрала Николая Шемета одним из поветовых ротмистров. Это избрание было подтверждено на очередном съезде 6 июля 1702 г. в Орше. Николай также принимал активное участие и в съезде посполитого рушения 27–29 июля 1702 г. под Головчином, которое собралось на основании лимитирования съезда в Орше (6 июля 1702 г.) [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 2, л. 1080; Віцько, 2012, с. 261–263]. В 1703 г. был избран директором громничного сеймика, а уже в 1704 г. на громничном сеймике в Орше – поветовым полковником, т. е. руководителем всех поветовых отрядов посполитого рушения [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 3, л. 1811 об.]. Именно Николай Шемет от имени Оршанского повета вел переговоры с вошедшими в ВКЛ на помощь «республиканцам» российскими войсками. Как поветовый полковник 17 мая 1705 г. он издал универсал для сбора провианта российским войскам под руководством генерала-фельдмаршала Бориса Шереметьева [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 4,

л. 400]. В событиях Северной войны Шемет оставался верен Августу II и действовал против сторонников Станислава I Лещинского и шведских войск в ВКЛ. Особо был близок с поддерживающим Августа II родом Воловичей из Мстиславского воеводства и в 1711 г. являлся поручиком гусарской хоругви маршалка ВКЛ Мартина Воловича. Влияние Шемета в войске ВКЛ было достаточно сильным, и уже в 1712 г. он стал регентарием «белоруской дивизии». 11 мая 1713 г. на оршанском элекционном сеймике был избран кандидатом на уряд оршанского подкомория, который получил уже 24 мая 1713 г. [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 6, л. 920]. В 1713 г. стал поручиком гусарской хоругви одного из лидеров придворной партии в ВКЛ подканцлера ВКЛ Казимира Чарторыйского. Несмотря на это сохранял хорошие отношения и с великим гетманом ВКЛ Людвиком Поцеем, который в мае–июне 1714 г. повторно назначил его регентарием «белоруской дивизии». Связанный с королевским двором и великим гетманом ВКЛ Людвиком Поцеем, Николай не принимал активного участия в Тарноградской конфедерации в ВКЛ в 1715–1717 гг., которая выступала против присутствия саксонских войск в Речи Посполитой и в основном как раз была направлена против гетманов и королевского двора [Haratym, Matsuk, 2012, t. XLVIII/1, z. 196, s. 157]. Поддержка королевского двора способствовала тому, что уже в 1717 г. Николай Шемет стал поручиком гусарской хоругви королевича Фридерика Августа. На оршанском реляционном сеймике 15 марта 1717 г. вместе с кухмистром ВКЛ Каролем Залуским Шемет был избран: комиссаром для формирования тарифа и сбора налогов в Оршанском повете [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 8, л. 168–169 v.]; послом на сейм в 1718, 1724 и 1726 г. [LMAB, f. 17, op. 1, b. 177, p. 898; b. 52, p. 35–39 v.; НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 8, л. 743–743 об.; д. 9, л. 536–537 об., 538–539 об.]; на сейме 1726 г. получил королевский привилей на уряд полоцкого каштеляна. Как сенатор сеймом 1726 г. был определен в комиссию для переговоров с Пруссией [Haratym, Matsuk, 2012, t. XLVIII/1, z. 196, s. 157]. В 1727 г., не желая делать реляцию с сеймов 1724 и 1726 г., вместе с офицерами своей хоругви сорвал депутатский, реляционный и господарский сеймики. Вторая причина срыва сеймиков заключалась, видимо, в нежелании Николая Шемета представить шляхте находящийся у него тариф Оршанского повета 1690 г., в котором, по мнению шляхты, были обозначены более низкие налоги, чем в новом тарифе 1717 г. [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 10, л. 23–24]. В 1730 г. Николай Шемет был избран директором оршанского посольского сеймика [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 15, л. 280].

После смерти Августа II (1 февраля 1733 г.) Николай Шемет не принимал активного участия в событиях бескоролевья и не присутствовал в Варшаве на элекционном сейме 1733 г., который избрал королем Станислава I Лещинского. Не был Шемет и на избрании 5 октября 1733 г. противниками Лещинского королем под именем Августа III саксонского курфюрста Фридерика Августа [Haratym, Matsuk, 2012, t. XLVIII/1, z. 196, s. 157]. Вскоре, однако, с большинством шляхты ВКЛ поддержал Станислава I Лещинского и 5 апреля 1734 г. подписал в Вильне акт Генеральной конфедерации ВКЛ

[Akta zjazdów stanów ... , 2006, t. 1, s. 380]. В ноябре 1735 г. по делам выехал в Кубличи в Полоцком воеводстве, где заболел, 8 декабря составил тестамент, а 26 декабря того же года умер.

Все владения Николая Шемета были записаны на его жену Терезу из Совичей Корсаков, поэтому после его смерти опекунами Терезы стали ее братья: новогрудский хоружий Петр Сович Корсак и мельницкий староста Антоний Сович Корсак. Однако свои претензии на наследство предъявили и другие представители рода Шеметов: троюродный брат Николая оршанский подчаший Александр Мальхер Шемет и его племянник (сын брата Яна) Иероним Шемет. Они были владельцами Друцких имений и не признавали записи Толочина Терезе Шемет. Еще 19 декабря 1713 г. братья Александр Мальхер, Бенедикт, Антоний и Франтишек Шеметы выказывали протест против пожизненной записи жене Николаем Шеметом Толочина. Основанием для этого было отсутствие раздела Толочина между их отцом новогрудским чашником Казимиром и отцом Николая Шемета Михаилом [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 6, л. 1084–1084 об.].

Воспользовавшись тем, что жена, а ныне вдова Николая Тереза находилась в Яновщизне Слонимского повета и в связи с войной «за польское наследство» не могла приехать к больному мужу в Кубличи Ошмянского повета, Александр Мальхер и Иероним подкупили полоцкий магдебургский суд с целью фальсификации записей и завещания Николая Шемета. Согласно их замыслу, все владения Николая Шемета были записаны Леону (сыну Александра Мальхера) и Иерониму Шеметам. Иероним Шемет забрал все документы Николая Шемета из Кублич, а Александр Мальхер – из Толочина. Затем они разделили эти документы между собой. Согласно утверждениям Иеронима Шемета, Александр Мальхер уничтожил некоторые из документов, а в иных «повыдирал» отдельные листы. Тереза Шемет в 1736 г. начала судебное разбирательство по возвращению ей Толочинских владений и компенсации ущерба. В результате долгой судебной тяжбы Трибунал ВКЛ двумя своими декретами от 14 декабря 1737 г. и 7 ноября 1738 г. признал справедливость ее претензий и возвратил все владения. Она же должна была выплатить 30 000 злотых Иерониму и Александру Мальхеру Шеметам (по 15 000 злотых каждому). Учитывая, что сама вдова имела долг в 7600 злотых на Толочине, Иероним и Александр Мальхер должны были его компенсировать. Таким образом, им фактически оставалось из выплаты вдовы по 11 200 злотых. Кроме того, Александр Мальхер Шемет должен был выплатить Терезе Шемет 7000 злотых за невозвращенное имущество и отсидеть 18 недель в тюрьме. Часть же Иеронима уменьшилась до 8000 злотых из-за различных долгов на Толочине, также требовавших оплаты. В результате Иероним и Александр Мальхер Шеметы отказались от всех своих претензий на Толочин и иные владения по Николаю Шемету [LVIA, SA, sign. 114, k. 852–861 v.]. Таким образом, Толочинские владения полностью оказались во владении вдовы Терезы из Корсаков Шемет.

Окончание дела о правах на владение Толочином не стало завершением судебных споров между Шеметами. Александр Мальхер предъявил Иеро-

ниму Шемету обвинения в фальсификации документов умершего Николая Шемета и захвате всего его имущества, хотя, в соответствии с фальшивым завещанием полоцкого каштеляна, половина его должна была достаться сыну Александра Мальхера Леону. Александр Мальхер Шемет утверждал, что именно Иероним сообщил о смерти Николая Шемета и о завещании ему и Леону Шемету всех владений Николая. Причем соответствующие документы Иероним обещал представить позднее. В свою очередь, Иероним Шемет стал инициатором начала судебного дела в Трибунале ВКЛ. Александр Мальхер отказался действовать в этом заодно с ним, но согласился оказать финансовую поддержку. Однако и без его согласия Иероним Шемет от имени их обоих ввязывался во все большие финансовые траты при рассмотрении в Трибунале ВКЛ дела против вдовы Николая Шемета Терезы. Он же продолжал отказываться представить тестамент Николая Шемета и сделанные им записи в пользу Иеронима и Леона Шеметов, а также выдать половину имущества Николая Шемета сыну Александра Мальхера оршанскому подчашицу Леону. Обосновывал он это своим правом опекуна (незаконным, так как еще был жив отец Леона Александр Мальхер) на владение всем имуществом Николая Шемета до совершеннолетия оршанского подчашица. В то же время Иероним Шемет пошел на заключение сепаратного договора с Терезой, убедив ее, что именно Александр Мальхер захватил документы Николая Шемета. В результате Иерониму Шемету досталось все завещанное Николаем Шеметом имущество, которое было оценено в 48 537 злотых и 16 грошей и 1000 талеров битых, выплаченных ему вдовой Николая Шемета дополнительно. Александр Мальхер 5 января 1742 г. в оршанском гродском суде начал встречный процесс против Иеронима Шемета, но, не успев его завершить, вскоре умер [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 24, л. 323–326 об.].

Переход Толочинских владений к роду Сангушек. Тереза Шемет решила продать Толочин уже в 1743 г. Заинтересованность в покупке Толочина проявили ведущие магнаты ВКЛ: подскарбий ВКЛ Юрий Флеминг, надворный маршалок ВКЛ Игнат Огинский, братья жмудский каштелян Юзеф и генерал артиллерии ВКЛ Антоний Сологубы (последнего из них активно поддерживала теща – новогрудская воеводина Барбара Радзивилл). Претензии на владения Терезы Шемет предъявлял и ее брат новогрудский хоружий Пётр Корсак. Сама Тереза Шемет склонялась к продаже Толочина великому маршалку ВКЛ *Павлу Сангушке* [ANKr, AS, korespondencja, t. 10, k. 223–225, 227–229]. В результате 17 января 1749 г. в Дятлове за 300 000 злотых «золотой и серебреной» монетой Тереза Шемет продала имение Толочин великому маршалку ВКЛ Павлу Сангушке. Уже 25 января 1749 г. акт продажи был внесен в книги Трибунала ВКЛ в Новогрудке. Согласно договору, из суммы 300 000 были исключены 10 000 злотых, которые были записаны Шеметами на содержание двух альтеристов в костеле в селе Толочинская Муровница. 40 000 выплачивалось «серебренной талеровой и тынфовой монетой», а 150 000 злотых – червонными злотыми. Вместо оставшихся 100 000 злотых Сангушка в тех же червонных злотых отдавал в заставу свое

владение Раков в Минском воеводстве. Всю сумму Сангушка должен был выплатить на Святого Яна, т. е. 24 июня 1749 г., и только после этого вступить во владение Толочином [LVIA, SA, sign. 111, k. 1002–1002 v.; ANKr, AS, korespondencja, t. 9, k. 429–432, 437–438, 441–446, 491–494]. В назначенный день представители Сангушки – радомский скарбник Александр Шчановский и житомирский войский Тадеуш Вилчопольский – выплатили всю сумму, указанную в договоре. Тереза Шемет записала Сангушке причитающийся ей долг толочинского кагала в 401 талер битый и передала представителям нового владельца инвентарь Толочинских владений и все необходимые документы по имению [LVIA, SA, sign. 111, k. 1002 v., 1012–1013, 1022–1025 v., 1026–1027 v., 1028–1031 v.].

Великий маршалок ВКЛ Павел Сангушка был владельцем Толочина менее одного года до своей смерти 14 апреля 1750 г. Он родился в 1680 г. в семье Иеронима и Констанции из Сапегов. Во время Северной войны молодой Сангушка оставался верным Августу II. Первый раз был женат на Брониславе из Пениёнжков. Второй раз при поддержке короля Августа II и своего швагра канцлера ВКЛ Кароля Станислава Радзивилла 9 апреля 1710 г. женился на Марианне из Любомирских, несмотря на противодействие ее родичей Любомирских. Благодаря поддержке Августа II в 1711 г. Павел Сангушка получил уряд надворного подскарбия ВКЛ, а 10 апреля 1713 г. – надворного маршалка ВКЛ. После смерти брата жены Александра Доминика Любомирского Павел Сангушка захватил его владение – Острожскую ординацию, которое было одним из крупнейших в Речи Посполитой. Это привело к его конфликту с Августом Чарторыйским, поддерживаемым Августом II. Сангушка не пустил в Острожскую ординацию администраторов, назначенных королем, и решать судьбу ординации должен был сейм. Сангушка, не желая этого, постарался сорвать сеймы 1722 и 1724 г., что позволило ему фактически закрепить за собой Острожскую ординацию. Несмотря на данный конфликт, он оставался сторонником Августа II до самой его смерти [Marcinek, 1993, t. XXXIV, s. 497–498]. После смерти короля Павел Сангушка занял выжидательную позицию и даже сам был среди кандидатов на трон Речи Посполитой, получив поддержку в России и Прусии [Герье, 1862, с. 178; Историческое известие ... , 1841, № 4, с. 150–151, 174; Sliesoriūnas, 2004, s. 294–295; ANKr, AS, TA, teka 463, plik 23, k. 1; АВПРИ, ф. 79, оп. 1, д. 8, л. 375]. Поддержавшие его русский посол Карл Густав Левенвольде и австрийский посол Генрих Вильчек позже пересмотрели свою позицию из-за «малоинициативности» и «плохого поведения» Сангушки. Сыграло в этом роль и то, что он как Гедиминович был родственником Трубецких, Голицыных и Куракиных [Герье, 1862, с. 265–266; Историческое известие ... , 1841, № 4, с. 172–173; Соловьёв, 1993, т. 19–20, кн. X, с. 332–333], находившихся в оппозиции к правящей элите в России. Сам Сангушка состоял в коалиции Сапегов и Радзивиллов по выдвижению единого кандидата «пяста» из числа магнатов Речи Посполитой в противовес кандидатуре Станислава Лещинского [AGAD, Archiwum Roskie, t. II : Korespondencja, sygn. LV/16, k. 7–11; АВПРИ, 1733, ф. 79, оп. 1,

д. 17, л. 62; Dygdała, 2007, s. 189–190; Sliesoriūnas, 2004, s. 304]. Скорее всего, именно надворный маршалок ВКЛ Сангушка был инициатором выдвижения кандидатом на трон Речи Посполитой королевича Якуба Собесского [Sliesoriūnas, 2004, s. 300]. В конце мая 1733 г. оппозиционные Лещинскому магнаты даже предлагали российскому и австрийскому послам на выбор одного из трех кандидатов, среди которых был и сам Павел Сангушка. Повидимому, именно тогда было достигнуто соглашение между Павлом Сангушкой, Янушем Вишневецким и Михаилом Казимиром Радзивиллом о непрепятствовании кандидатур друг другу [Герье, 1862, с. 265–266; Историческое известие ... , 1841, № 4, с. 226; Dygdała, 2007, s. 192–193]. В то же время ни один из них не мог конкурировать со Станиславом Лещинским, и Россия с Австрией решили поддержать в качестве кандидата на трон Речи Посполитой саксонского курфюрста Фридерика Августа. Сангушка вместе с другими магнатами покинули элекционный сейм, протестуя против кандидатуры Станислава Лещинского. Затем они при поддержке российских войск избрали королем под именем Августа III саксонского курфюрста Фридерика Августа. Сангушка в благодарность за поддержку 3 февраля 1734 г. получил от Августа III уряд великого маршалка ВКЛ и в дальнейшем оставался верным ему [Marcinek, 1993, t. XXXIV, s. 498]. Он не только избавил свои владения от долгов, но и оставил значительный доход своему сыну. На его решение купить Толочин, возможно, повлияло близкое расположение к нему собственного владения Смоляны. После смерти Павла Сангушки Толочин с иными его земскими владениями должен был достаться сыновьям от второго брака с Барбарой из Дунинов: Юзефу Паулину, Иерониму Янушу и Янушу Модесту. До окончательного раздела имущества в 1774 г. фактически все владения находились под управлением их матери Барбары из Дунинов [Aleksandrowska, 1993, t. XXXIV, s. 520].

В результате Первого раздела Речи Посполитой 1772 г. толочинское имение оказалось в Российской империи. Сангушки принесли присягу Екатерине II и сохранили его за собой. Согласно разделу имущества имения в 1774 г. между Сангушками, их мать оставила за собой управление одного ключа из части каждого из сыновей. Среди прочего это как раз и оказался Толочин. В результате Барбара из Дунинов фактически им владела до самой смерти 2 октября 1791 г. [Aleksandrowska, 1993, t. XXXIV, s. 520].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Уже согласно завещанию подканцлера ВКЛ Казимира Льва Сапеги 1655 г. Друцкие и Толочинские владения были разделены между двумя ветвями рода Шеметов: родными братьями витебским подстолием Александром Казимиром и полоцким подстолием Евстахием. Шеметы смогли занять эти владения только в 1660 г., после освобождения этой территории от московских войск. Окончательное разделение этих владений произошло в 1676 и 1679 г. соответственно. Именно тогда часть Друцких владений (Вечежанка с селами Яблонка и Лещанка) оказалась во владении сначала у великого маршалка ВКЛ Александра Гилярия Полубинского, а потом у Совичей Корсаков.

Основная часть Друцких владений была разделена между двумя сыновьями Александра Казимира: Ярославом и Казимиром. При них из-за зна-

чительных долгов эти владения были заставлены. На сыновьях Ярослава прервалась его ветвь. В то же время владения Казимира были поделены между четырьмя его сыновьями: Александром Мальхером, Бенедиктом, Франтишком и Яном (Янушем). Наиболее удачно хозяйственную деятельность проводил Александр Мальхер, который выкупил из-за заставы значительную часть отцовского наследства вместе с частью Друцка. Другую часть Друцка выкупил его брат Франтишек. Их племянник Иероним (сын Януша) также выкупил определенную часть Друцких владений. В 1742 г. после смерти Александра Мальхера Иероним Шемет, претендуя на наследство по деду Казимиру, захватил часть Друцка у наследников Александра Мальхера Шемета. В 1753 г. в результате решения компромиссарского суда все Друцкие владения по Казимиру Шемету были поделены на четыре части, а также были разделены финансовые средства, потраченные ранее на выкуп владений из заставы и компенсации долгов. Однако часть по Бенедикту Шемету была ранее продана его сыновьями Иерониму Шемету. Фактически в дальнейшем Друцкие владения оказались поделены между сыном Александра Мальхера Леоном, сыном Яна (Януша) Иеронимом и сыновьями Франтишка Тадеушем и Винцентом.

Толочинские имения в отличие от Друцких владений избежали дробления. После Евстахия они оказались у его сына смоленского стольника Михаила. Несмотря на значительные долги на Толочинские владения, они были переданы Михаилом в наследство сыну Николаю. После смерти Николая Шемета, несмотря на претензии Шеметов другой ветви – Александра Мальхера и Иеронима (наследников Друцких владений), Толочинские владения достались жене Николая Терезе из Совичей Корсаков, которая их продала в 1749 г. Павлу Сангушке. С этого времени и до конца XVIII в. Толочинские владения принадлежали представителям рода Сангушек.

Владельцы Друцких и Толочинских имений Шеметы относились к средней шляхте. В общественно-политической жизни ВКЛ в XVIII в. представители рода Шеметов не играли значительной роли. Их интересы ограничивались Оршанским поветом. Именно в этом повете они активно действовали на местных сеймиках, где были избраны депутатами на Трибунал ВКЛ, послами на сейм Речи Посполитой и кандидатами на поветовые земские уряды. Особо следует выделить среди них наследников Друцких владений: оршанского подчашего Александра Мальхера, его сына оршанского будовничего Леона и оршанского земского писаря Иеронима. Однако наибольшее влияние в Оршанском повете имел Николай Шемет – наследник Толочинских владений. Его известность распространялась за пределы Оршанского повета, что дало ему возможность получить сенаторский уряд ВКЛ – полоцкую каштелянию, и содействовало его карьере. Финансовую стабильность Николая Шемета укрепляли нераздробленные Толочинские владения.

В отличие от Шеметов следующие владельцы Толочина – Сангушки – относились к магнатскому роду. Первый из них – Павел Сангушка – даже был кандидатом на трон Речи Посполитой в 1733 г. Он занимал высокие

должности надворного подскарбия ВКЛ и надворного маршалка ВКЛ, а в конце жизни находился на высоком уряде – великого маршалка ВКЛ. Однако он больше известен своей хозяйственной деятельностью и богатством, чем активным участием в общественно-политической жизни Речи Посполитой. После его смерти Толочинские владения находились в ведении его жены Барбары из Дунинов-Сангушек. Их сыновья Иероним Януш и Януш Модест, новые владельцы Толочинских имений, оставили значительный след в политической истории Восточной и Центральной Европы конца XVIII в. – начала XIX в.

9.2. Толочинский двор при Шеметах и Сангушках
(А. А. Скепьян)

Война 1654–1667 гг. разрушительной волной прокатилась практически по всей территории Беларуси, и большинство магнатских и шляхетских усадеб нуждались в восстановлении. К 1736 г. от толочинского дворца остался только первый этаж, который новые владельцы – Шеметы – использовали как каменный подвал (склеп) для хранения напитков (пива, вина, меда). Над въездной брамой уже в 1760 г. была устроена часовня. Первоначально помещение на втором этаже было обнесено резной застекленной галереей. В углу часовни находился небольшой камин в виде шкафа [ANKr, AS, sign. 416-6, s. 1]. Он мог сохраниться с более раннего времени в интерьере брамы, так как еще в XVI в. по примеру великокняжеских резиденций в парадных залах имений стали устанавливать камины. Однако они не давали необходимого тепла. Поэтому достаточно часто встречались конструкции, в которых у одной стены рядом располагали печь и камин. Потолок в часовне был расписным. Поскольку само здание было деревянным, то «истории» были нанесены на полотно, которое затем натянули под потолком. Сделано это было, скорее всего, в то время, когда Толочин принадлежал Шеметам. Часовня была залита светом, который попадал в нее через шесть больших окон, закрывающихся ставнями. Небольшой алтарь украшала икона с изображением распятия Иисуса Христа, написанная на доске и украшенная по бокам нарисованными колоннами. Позолоченную раму иконы в убранстве часовни дополняла позолоченная княжеская митра над алтарем. Деревянная менса, которая стояла перед иконой, была раскрашена под мрамор [ANKr, AS, sign. 416-6, s. 1]. Не совсем понятно, кто был заказчиком такого убранства, так как никто из владельцев после князей Толочинских до 1774 г. не носил княжеского титула. К тому же часовня на втором этаже брамы была оборудована между 1746–1760 гг., тогда, когда окончательно были уничтожены остатки дворца Сапегов.

Под ***главное в усадьбе здание*** был переоборудован бывший флигель, который находился во дворе по правую руку от въездной брамы в стороне от сада. Переход к нему осуществляли через крытую галерею. Длинный одноэтажный флигель был построен из бруса. Внутренняя планировка здания также была традиционной для XVII–XVIII вв. – анфиладной. При Са-

пегах это было хозяйственное помещение с жилыми покоями для той части слуг, которые постоянно находились при дворе.

В 1746 г. главный дом (бывший флигель) толочинской усадьбы был условно поделен на три части: гостевую, служебные помещения и парадную часть. В одном из торцов здания находились ***гостевые комнаты***. Попасть в них можно было через сени. Из сеней три двери вели в два покоя, к которым примыкали небольшие помещения, которые обычно использовали как спальни. Интересно, что если в первых двух комнатах пол был дощатый, то в помещениях за сенями и в них самих он был плитчатый (кирпичный). Печи в обеих комнатах были украшены зелеными изразцами [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 3]. О позднем характере помещений говорит форма печей и печных труб – «шафястая», т. е. прямоугольная. Это может свидетельствовать о позднейшей пристройке нескольких дополнительных гостевых комнат, когда был разрушен дворец. Новые владельцы, Шеметы, не стали восстанавливать дворец периода Сапегов, а пристроили симметричные крылья к флигелю, фактически превратив его в главное здание усадьбы. Такое внимание к оборудованию жилой части усадебного комплекса говорит о том, что в первой половине XVIII в. Толочин активно использовали в качестве одной из резиденций Шеметов. Перестройка флигеля позволяла разместить в Толочине не только самих хозяев с их двором, но и многочисленных гостей. Так, в 1721 г. в Толочине праздновали свадьбу крестницы владельца имения Николая Шемета [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 14, л. 264 об.]. Возможно, место для такого торжества было выбрано с учетом того, что в Толочине была своя придворная капелла и музыканты. В 1746 г. часть из них проживала в самом городе, например Михал Щербинский и Базыль Прозога [ANKr, AS, sign. 416-5].

Непосредственно к гостевым комнатам в XVIII в. примыкала ***кухня***. Это еще раз подтверждает, что первоначально флигель был хозяйственной постройкой. Интересно описание конструкции кухонной плиты. Труба над огнем была приподнята на столбах так, что своды трубы образовывали четыре аркады [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 4]. Это позволяло приготовить в кухне толочинского двора блюда любого размера.

Важную роль в жизни двора играла кухонная служба, которая функционировала в полном составе только при стационарном дворе. В путешествие поваров обычно не брали, за исключением переезда хозяина со всем двором в другую резиденцию, где было необходимо обслуживать большое количество людей. Возглавлял кухонную службу кухмистр. Лица, подчиненные ему (повара, поварята, стольник, спижарник, пивничий, креденсар (буфетчик)), занимались приготовлением различных блюд и напитков для магната, его близких и слуг. Кухмистр рассчитывал количество продуктов, приказывал выдавать их, составлял меню и отдавал приказы поварам, что готовить, к которому часу, доставать недостающие продукты. Блюда должны были быть приготовлены, приправлены и украшены согласно вкусам хозяина. Для кухни закупали фрукты и овощи, приправы, расход которых также контролировал кухмистр. Часто кухмистр сочетал функции управ-

ляющего и повара-мастера. Эта позиция известна у князей Друцких с 30-х годов XVI в. [Судебная книга ... , 2008, с. 188].

От века к веку меню, которое подавали на господский стол, усложняли. Во время банкетов на столе рядом с традиционными мясными и рыбными блюдами стали появляться не свойственные местной кухне продукты. Если в начале XVI в. это были цитрусовые (апельсины и лимоны), различные сорта салатов, то постепенно к ним добавили картофель, спаржу, артишоки и даже улиток [НИАБ, ф. 694, оп. 2, д. 10725, л. 181]. Обычно такие экзотические продукты подавали на торжественные банкеты в столичных городах. В сельских резиденциях питание было более простое. Слуг не приглашали к господскому столу, они питались отдельно, на кухне. Для них «на покорм» выделяли муку, рыбу, пиво, уксус, яйца, лук, огурцы, масло и петрушку [VUB RS, f. 5, b. 7-3408, p. 48]. Основу рациона слуг составляли хлеб, крупы, которые им выдавали 3–4 раза в год, и пиво. В середине XVIII в. его варили два придворных пивовара: Захарий Кубурка и Васко Зейда [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 13, 15]. Продукты являлись частью натуральной оплаты слугам за их службу.

Кухмистр руководил кухней с помощью спижарника (ключника), а подвалами и креденсом (буфетами) распоряжался стольник, вместе с закрепленными за ними служителями (пивничими и креденсарами). В ведении спижарника находились кухонные кладовые с продуктами, вся кухонная посуда, мебель, освещение и устройства для приготовления различных блюд (вертела, сковороды, противни, формы для выпекания тортов), а также кухонные рабочие («хлопцы до послуг»). При дворе на постоянной основе находились от двух до пяти креденсаров (буфетчиков). В их функции входил надзор за сохранностью столовой посуды, обслуживание обедов, ужинов, приемов, разлитие спиртных напитков гостям. При этом буфетчик обязательно должен был быть трезвым. Лев Сапега возил с собой и двух столовых слуг: Павла и Адама [LMAB RS, f. 17, b. 106, p. 59]. У Шеметов при дворе в Толочине постоянно находился дворный креденсар. В 1746 г. на этой должности упомянут Стефан Андрушкевич [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 12].

Средний кухонный персонал состоял из поваров, резчиков (разделщиков мясных туш) и пекарей. Однако, если в начале XVI в. поваров было от одного до двух, то к концу века их количество значительно возросло. В 1591–1594 гг. у Льва Сапеги служили 11 поваров [LMAB RS, f. 17, b. 106, p. 58]. В 1596 г. ко двору были наняты Фаустин и Якоб Кляйн, причем последний в 1596–1597 гг. занимал должность кухмистровича. Самую высокую оплату за свою службу получал мастер Павел: 38 злотых в год без учета стоимости сукна и кожухов, которые выдавали слугам [LMAB RS, f. 17, b. 106, p. 58]. Такое количество поваров объясняется не только большим размером двора Льва Сапеги. Будучи канцлером, он часто принимал у себя различные делегации, особенно из Московского государства, где существовал ряд пищевых запретов, поэтому практически у всех высших урядников были повара, знающие особенности национальной кухни соседей.

Из кухни можно было попасть непосредственно во ***внутренний дворик***. За кухней были расположены ***челядная изба и пекарня*** с двумя пе-

чами для выпечки хлеба. Позиция пекаря при кухонной службе двора выделялась отдельно. Количество пекарей при дворе могло колебаться от одного до пяти, как, например, было в Несвиже в 1609 г. [НИАБ, ф. 694, оп. 2, д. 9779, л. 66]. В 1632 г. у Криштофа II Радзивилла были четыре пекаря [AGAD, AR, dz. XI, sign. 37, s. 273]. К тому же до конца XVIII в. хлеб продолжал оставаться одним из основных продуктов питания на столе, как слуг, так и их хозяев. В дороге, или по приезду в крупный город, где не было собственной резиденции, хлеб покупали в трактирах или городских пекарнях. О небольшом количестве проживающих в толочинском дворе при Шеметах свидетельствует тот факт, что там служил только один пекарь Михал Боровский [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 5].

За пекарней находилось помещение небольшой ***аптечки,*** где мог жить балвер или аптекарь, которые следили за здоровьем придворных. Обычно в ней хранили запас лекарственных и пряных трав, которые часто выращивали прямо в имении. Лекарства готовили медики, состоящие на службе у магната (рис. 9.2). Балвера и аптекарей нанимали в помощь врачу, который лечил патрона и членов его семьи. В их задачи входило лечение слуг. В табели о рангах «цирилики» (хирурги) и балверы стояли ниже докторов, и соответственно, их труд оплачивали гораздо ниже. В 1593 г. Лев Сапега нанял к своим услугам цирилика Балцера, оплачивая отдельно его услуги как врача, а также приготовление им лекарств. Уже через год, в начале 1594 г., в Вильно на службу был принят доктор Корб, которому платили 600 злотых в год [LMAB RS. f. 17, b. 106, p. 53 v.], однако от услуг цирилика не отказались, и он находился на службе до 1597 г. Позднее слуги смогли пользоваться услугами цириликов, которые жили в самом городе [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 5].

Из помещения аптечки можно было попасть в новую часть главного дома усадьбы, пристроенную ко второму торцу флигеля. Там находились как жилые, так и парадные комнаты. Из аптеки двери вели сразу в ***комнату для придворных дам («покой паненский») и столовую залу*** [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 7]. О более позднем времени сооружения этого помещения и его приспособления под одну из парадных зал свидетельствует не только его соседство с комнатами для слуг, но и небольшой размер: всего на два окна. Например, Лев Сапега, окружение которого составляло не менее 100 человек, не мог бы принимать гостей в такой малой зале.

Со столовой залы одна из дверей вела в ***гардеробную***, которая имела выход в комнату. Хозяева могли использовать это помещение как спальню. Слуги попадали в гардеробную из сеней. Все три комнаты обогревала одна печь, стоявшая в простенке. Это также указывает на позднюю перепланировку и перестройку здания нового главного дома усадьбы. Из сеней можно было подняться на ***чердак,*** используемый для хранения различных вещей. Как новые пристроенные комнаты, которыми пользовалась только семья владельца, как и гостевая часть дома вместе со столовой, во второй половине XVII в. – начале XVIII в. были полностью сделаны из дерева [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 2–3].

В старой «сапежинской» части флигеля, примыкавшей к столовой зале, находилась ***часовня***. Попасть в нее можно было непосредственно со двора через сени. Во второй половине XVI в. – XVII в. часовня была обязательной структурной составляющей двора. Присутствие священников при магнатском дворе является еще одним признаком существования в указанный период двора с развитой организационной структурой [Пятраўскас, 2009, № 9, с. 49]. Священники выполняли функции исповедников патрона и могли сопровождать его во время путешествий. Постоянно проживающие при резиденции священники служили при костелах и церквях, ежедневно молясь за здоровье своего патрона и его близких. При дворе Льва Сапеги капелланом был некий Адам, который за четыре года получил плату в 60 злотых [LMAB RS, f. 17, b. 106, p. 53 v.]. Наличие двух часовен – для господ и слуг – уже является свидетельством большого количества придворного населения в Толочине. К тому же все члены семьи Льва Сапеги отличались большой набожностью и много сделали для распространения католичества на белорусских землях. Возможно, вторая часовня (во флигеле) в толочинском дворе была униатской и появилась взамен церкви св. Петра, которая уже не была упомянута в инвентарях XVII–XVIII вв.

За флигелем располагалась часть хозяйственных построек. К ним относится ***спижарня,*** где хранили продукты питания, отпускавшиеся на кухню: мука, крупы, мясо, птица, яйца, овощи. Их брали по мере необходимости (так же, как из кладовых, амбаров) по распоряжению экономов и кухмистров. Продукты могли хранить в бочках и ларях, специи располагали на полках, окорока и колбасы подвешивали под потолок на балку [НИАБ, КМФ-5, оп. 1, д. 230].

К флигелю и конюшням были подведены трубы с водой. Между флигелем и оградой сада первоначально была ***баня,*** которую в XVIII в. уже называли ***«резиденция для купели»***. На манер столичных резиденций там устроили отдельный домик без пола, где ванная (рис. 9.3) была установлена в небольшой нише, устроенной в одной из стен. Для обогрева в домике была специально сложена отдельная печь [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 2].

Над второй брамой усадьбы, развернутой в сторону ***фольварка,*** который обеспечивал обитателей двора продуктами питания и фуражом, находилась ***«летняя резиденция»*** – просторное помещение на три окна, обнесенное по кругу резной деревянной галереей. Летней она называлась, видимо, из-за отсутствия там печи или камина. Рядом была расположена большая ***конюшня*** [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 7].

Как и кухонная челядь, конюшенная служба составляла отдельную часть двора. Основной ее задачей было обеспечение хозяина, членов его семьи и придворных слуг транспортом и другими средствами коммуникации. В состав конюшенной службы, которая включала конюшню и возовню (каретный сарай), обязательно входили кавалькаторы, машталеры (конюхи), возницы (кучера), форейторы, кузнецы и колесники. Обеспечением конюшни фуражом, а ее работников едой и одеждой осуществлял управляющий (наместник, староста) имения. Анализ инвентарей различных дво-

ров показывает, что конюшня, вместе с кухней и пекарней была их обязательным атрибутом. Обычно конюшенные слуги жили при конюшне в пристроенных боковых избах, а конюхи, которые поили, кормили, выезжали лошадей, спали в конюшне, чтобы и ночью присматривать за ними.

Эта служба обязательно требовала услуг кузнецов, шорников и колесников. Кузнецы выполняли все работы по железу: подковывали лошадей, ремонтировали возы, конскую сбрую. Обычно кузнец мог обеспечить все необходимые потребности двора. Кроме кузнецов каждый двор обслуживала группа ремесленников разных специальностей. Часть из них находилась на постоянной службе, некоторых нанимали на короткое время или на работу по контракту. При дворе работали слесари, часовые мастера, портные, изготовители ковров, вышивальщицы, тесляры, столяры и прачки. Слесари нередко сочетали функции пушкарей и помогали в уходе за замковым арсеналом, что было важно для обороноспособности замка. Столяры преимущественно проводили ремонтные и художественные работы по дереву, а также покрытие различных поверхностей позолотой и серебром. Их услуги были востребованы как при повседневной жизни двора, так и для проведения различных торжеств. В толочинском дворе имелись две конюшни, шпихлер, отдельный дом для прачек, кузница, а также помещения, оборудованные для ремесленников различных специальностей. Это свидетельствует о том, что при толочинском дворе было занято большое количество слуг, а значит, в первой половине XVIII в. это была значительная сельская резиденция [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 2–5]. Что интересно, большинство из слуг проживали в самом Толочине [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 1–6].

При дворе Шеметов также служил ювелир. В его обязанности входило не только изготовление украшений, но и ремонт посуды из драгоценных металлов, выполнение тонких работ по металлу (гравировка, нарезка стволов огнестрельного оружия). В 1729 г. Николай Шемет жаловался на Крыштофа Стеткевича, что тот незаконно уже несколько лет удерживает при себе его «надворного злотника» [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 13, л. 224]. Возможно, им был еврей Гершон, который упомянут в инвентарях 1715, 1733 и 1738 г. [ANKr, AS, sign. 416-5, s. 5]. Дом для администрации имения находился уже в фольварке, непосредственно за брамой толочинского двора.

Таким образом, можно проследить эволюцию толочинского двора как сельской резиденции представителей различных родов и места размещения магнатского двора в «сапежинский» период. Наличие инвентарей 1564–1565 гг., 1746 и 1760 г. позволяет выяснить первоначальную планировку двора князей Толочинских и Горностаев, создание резиденции Сапегов в стиле барокко и ее последующую перестройку и перепланировку. Появление в Толочине дворцово-паркового ансамбля свидетельствует о том, что он в отличие от Друцка превратился в центр крупного имения. При Шеметах толочинский двор сохранил функцию усадебного парадного ансамбля, а экономический потенциал толочинских и друцких имений способствовал укреплению позиции самих Шеметов в Оршанском повете.

После перехода Толочина в руки князей Сангушек (рис. 9.4) часть функций, которые ранее выполнял Толочинский двор (управление имениями,

хранение документов владельцев), была распределена между ***фольварковыми дворами*** Толочинского графства. Вблизи Толочина находился фольварк Озерище (теперь – д. Озерцы). Поставленный там двор мало чем отличался от традиционной сельской усадьбы XVIII в. Жилые постройки были отделены от фольварка и гумна оградой, которая шла вокруг замкнутого двора («дединца»). Попасть на территорию самого двора можно было через одну из трех брам. Остроконечные крыши брам были покрыты гонтом с вырезанными из дерева навершиями в виде шаров. Вызывает интерес описание одного из строений этого двора.

За жилым домом, в котором среди комнат, расположенных анфиладой, были кабинет, гостинная зала, столовая зала, спальни, гардеробные, буфет и другие служебные помещения, находилось здание ***архива*** (фото 50, *б*). Существование отдельно стоящего здания архива зафиксировано инвентарем впервые. Ни в Друцке, ни в толочинском дворе, где была размещена администрация по управлению этими значительными имениями, в инвентарях не были упомянуты не только отдельное здание, но даже комната, которая была бы выделена под хранение документов. Тем интереснее факт появления такого здания в фольварке Толочинского имения, а не в его центре. Кроме того, в отличие от всех остальных построек, выполненных из соснового обтесанного топором бруса, здание архива было кирпичным, оштукатуренным внутри и снаружи. Архив был покрыт гонтом, с выведенной под самые кроквы (стропила) ломаной крыши печной кирпичной трубой. Само здание стояло на каменном фундаменте высотой в один этаж. Через двери посетитель попадал в «присенок», который фактически был большим крытым крыльцом. Из присенка вход вел в кирпичные сени, из них прямо под крышу – каменная лестница. Под ней по обе строны находились шкафы, которые закрывали на замки. Окна в сенях также закрывали ставнями с помощью вмурованных в стены крюков. Потолок и пол в сенях были выложены кирпичом. Рядом с большими сенями находились малые сени, где можно было топить печь. Они были освещены небольшим камином. По замыслу строителей такая конструкция была безопасна для здания, ведь ее стены, пол и потолок были кирпичными. Из малых сеней можно было попасть в две рабочие комнаты, которые были не большими, на одно окно. Для отопления в первых двух комнатах были поставлены печи, облицованные белым кафелем, которые были соединены с камином. Печные кирпичные трубы были оштукатурены. Пол около печи и камина также был выложен кирпичом. Недалеко от печи в первой комнате находился встроенный шкаф, где можно было хранить документы или письменные принадлежности. Само хранилище документов располагалось в третьей комнате, как указано в инвентаре: «w ktorym papiery zlozone». Для поддержания определенного уровня влажности комнату обогревала большая печь из соседней комнаты. В архиве (третьей комнате) не было окон, пол был выполнен из досок, а тепло можно было добавить с помощью небольшого камина. От возможных искр и выпадающих угольков документы защищал каминный экран, который был закреплен рядом в стене [ANKr, AS, sign. 416-10,

s. 65]. В этой же комнате из досок была сделана «секретная коморка», в которую вели двери на спрятанных завесах, покрашенные в цвет стен. В ней находилось два шкафчика для бумаг, которые можно было запереть на внутренний замок. В большой комнате была сделана вешалка для одежды. Из самого хранилища можно было попасть еще в одну архивную комнату, которая была оборудована так же, как и две первые. В ней находилось шесть шкафов для документов. В дверях были оставлены отверстия для проветривания. Под полом архива было второе хранилище, в которое вела деревянная лестница. Возможно именно в этом специально оборудованном здании и хранили документы белорусских имений князей Сангушек, которые позднее попали в собрания, находящиеся сейчас в Кракове.

10. ДРУЦК И ТОЛОЧИН ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ *(А. Б. Довнар)*

10.1. Друцк в описаниях инвентарей и иных документов

Инвентари Толочинского и Друцкого имений, характеризующие планировку, застройку и быт местечек, а также волостей, к настоящему времени выявлены в небольшом количестве и преимущественно относятся к XVIII в. Следует отметить, что имеющаяся в них информация неполная, отрывистая, особенно в отношении Друцка, однако она является ценной, так как наряду с иными письменными источниками раскрывает важные стороны исторического развития центров региона (фото 16).

Инвентарь 1614 г. отмечает, что в состав ***Друцкого имения*** входили замок, город и волость. В центре города располагался рынок, на улице Спасской находилась церковь Святого Спаса. Как и прежде, в XVI в. город был разделен между несколькими владельцами. В 1614 г. князю Яну Друцкому-Соколинскому принадлежала часть замка, представленная Большими въездными воротами («Великая брама»). Справа от ворот располагались девять городен крепостной стены, за состояние которых также отвечали князья Друцкие-Соколинские (девятая городня принадлежала непосредственно Яну Друцкому-Соколинскому). Напротив городского рынка находились еще одни въездные ворота, около которых располагались три городни замковой стены, принадлежавшие Коноплинским, и три городни, которые принадлежали другим владельцам города и замка [LVIA, SA, sign. 131, l. 1–4 v.]. К сожалению, из-за плохого состояния рукописи инвентаря Друцка 1614 г. он является трудночитаемым, поэтому привлечение иных данных для характеристики замка и города невозможно.

В 1674 г. был произведен раздел Друцкого имения между Казимиром и Ярославом Шеметами. Анализ документов позволяет утверждать, что в Друцке в это время функционировало три церкви: св. Николая, св. Спаса и св. Пречистой Богородицы, а также находилась корчма. Само местечко

располагалось на правом берегу р. Друть, а на левом – его «зарецкие» пляцы. Всего местечко насчитывало 152 пляца (под застройку), к нему же относилось 25 волок и 355 моргов пашенной земли. Из них друцкому священнику принадлежало девять пляцев и три волоки земли. Территория местечка в 1674 г. была разделена Шеметами следующим образом.

Казимиру досталась левая часть местечка со стороны улицы, которая проходила около церкви св. Николая и за местечком переходила в гостинец к Орше, Шклову. При этом в часть местечка, принадлежавшую Казимиру Шемету, вошли все три друцкие церкви, 71 городской пляц, из которых 25 «худых» находились «в валах» (т. е. на территории замка), 11 волок и 163 морга земли (пашенной). К владениям Казимира относились также запруда («став») на р. Друть и мельница «в одно коло».

Ярославу Шемету досталась правая часть местечка с 71 пляцем, 11 волоками и 163 моргами пашенной земли, причем 36 пляцев располагались непосредственно в местечке (на правом берегу р. Друть), а 35 пляцов находилось на левом берегу р. Друть (в Заречье).

При этом отмечалось, что на левом берегу р. Друть на «зарецких» пляцах местечка жили сечаковские крестьяне. Несмотря на то что местечковые пляцы в то время уже заселяли крестьяне, само существование в 1674 г. левобережного предместья Друцка «Заречье» говорит о том, что еще в середине XVII в., до разрушительных антифеодальной войны 1648–1651 г. и войны Речи Посполитой и России 1654–1667 г., Друцк развивался как на правом, так и на левом берегу р. Друть.

Кроме территории местечка Шеметы полностью поделили имение и все его доходы. Казимиру Шемету досталась мостовая пошлина («мыто») на р. Друть, а Ярославу – пошлина с моста на р. Кривая; а корчма в местечке осталась в совместном владении Шеметов [LVIA, SA, nr 131, l. 5–8 v.].

В 1705 г. Казимир Друцкий-Горский в связи со смертью своего отца Теодора Кароля Друцкого-Горского заставил имение Друцк земскому писарю Виленского повета Михалу Кошчицу за одну тысячу битых талеров (т. е. за шесть тысяч злотых) [LVIA, SA, nr 52, l. 1628–1631 v.]. При заключении договора о заставе был составлен инвентарь имения. В состав имения входили часть местечка Друцк и три деревни: Друцк, Варвуцево и Селец. В соответствии с инвентарем, в 1705 г. замка (оборонительных сооружений в виде стен и башен) в Друцке уже не было, а на сохранившихся крепостных валах панский двор сеял пшеницу и ячмень. В части местечка, принадлежавшей Казимиру Друцкому-Горскому, проживали мещане Зенько Чехович, Яско Кузьмеров, Альфер Ляхов, Гилярий Лукашевич, Марцин Климов, Пилип Рубинец, Яско и Гаврило Валенчик, Грышко Завацкий и др. В повинностном плане мещане Друцка подразделялись на куничных, основной повинностью которых была выплата «куницы» (чинша), и пригонных, основной повинностью которых была отработочная повинность – «пригон» два дня в неделю. Кроме основной повинности все мещане должны были выполнять по два урока («згона») в год на жатву яровых и озимых культур в пользу господского двора [LVIA, SA, nr 51, 1. 632–1632 v.].

10.2. Толочин по инвентарям XVIII в.

Планировочная структура города. Анализ инвентарей Толочина XVIII в. позволяет воссоздать планировку местечка. В XVIII в. Толочин состоял из двух основных частей: непосредственно города (современный левобережный Толочин) и его предместья (слободы) Заречья (правобережная часть современного Толочина – улицы Енгельса, Советская, Комсомольская и др.). В 1715 г. Заречье называли «Слободой за городом». Это свидетельствует о том, что предместье значительно пострадало в годы военных потрясений середины XVII в. – начала XVIII в. Для его восстановления господская администрация выбрала путь льготного повинностного обложения – «слободу». Кроме того, на правом берегу р. Друть находился господский двор[20] (район современных улиц Центральная, Приозерная, Цветочная, Друцкая).

В центре города была расположена рыночная площадь с ратушей, Ильинской церковью и торговыми рядами с лавками. Там же находилась весовая («важница»)[21]. Инвентарь 1795 г. упоминает, что на рынке сохранились восемь каменных («мурованых») столбов от старой ратуши, которые занимали площадь в 128 м^2 ($5^2/_5$ квадратных прентов). Отмечалось, что на данной территории толочинским мещанам можно было построить для своих нужд ратушу [ANKr, AS, sygn. 416-8], которая являлась символом городского самоуправления. Ее наличие свидетельствует о существовании в Толочине своего городского самоуправления. Известно, что в XVII в. владелец Толочина Казимир Лев Сапега выхлопотал у короля польского великого князя литовского Владислава IV Вазы привилей на магдебургское право для местечка Толочин, который был подписан монархом во Львове 30 октября 1634 г. Согласно данному привилею, Толочин и толочинские мещане были освобождены от непосредственной власти и суда воевод, старост, гродских и земских судов, а вся полнота управления переходила к городским органам власти во главе с войтом. Предполагалось, что городские органы управления будут сформированы в соответствии с традицией городского самоуправления городов и местечек ВКЛ, которые уже имели магдебургское право. По привилею 1634 г. городские суды Толочина могли рассматривать все без исключения дела толочинских мещан. Например, войт и лавники должны были осуществлять судейство по криминальным преступлениям (воровству, убийствам, поджогам и т. д.). Апелляции от толочинских городских судов должны были подавать владельцу города, но и он брал на себя обязательство рассматривать дела толочинских мещан в соответствии с нормами магдебургского права [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 111, л. 165–165 об.]. Был ли реализован выданный Толочину в 1634 г. привилей на магдебургское право в XVII в. или в XVIII в. – не известно. В настоящее время еще не выявлены ни актовые книги, ни другие документы, свидетельству-

[20] Описание господского двора в Толочине приведено в § 8.2, 9.2 данного издания.

[21] Описание торговой площади приведено в § 13.4 данного издания.

ющие о деятельности толочинского магистрата, неизвестны и косвенные свидетельства о наличии в Толочине самостоятельных городских органов управления. Вместе с тем сохранились имена войтов Толочина. Так, в инвентарях 1733, 1738 и 1746 г. упомянут городской войт Фёдор (Фесько) Безмозгий. В 1749 г. городским войтом был Герасим Шолуха, а в 1760 г. – Апанас Лущинский [ANKr, AS, sygn. 416-2; 416-4; 416-5; 416-6]. О существовании определенной городской автономии свидетельствует упоминание «городского казачка», который должен был исполнять курьерскую и инкассаторскую службу в пользу города. В 1746 г. эту должность занимал Степан Самусев. После 1772 г. в Заречье был свой войт. В 1793 г. им был Аникей Дольник [ANKr, AS, sygn. 416-7]), а в 1795 г. – Борис Повразович. Лентвойтом Толочина в 1795 г. был Павел Лисовский [ANKr, AS, sygn. 416-8].

В Толочине рынок по периметру был застроен домами. В 1715 г. на рынке было 29 домов толочинских мещан и евреев, а в 1760 г. – 25. Кроме того по углам рынка были размещены важные хозяйственные объекты Толочина. Так, в 1738 г. на западном углу рынка со стороны ул. Виленской была размещена мерница («колода для отмеривания зерна»), т. е. специальное помещение, в котором производили отмеривание зерна на продажу. За мерницей находился большой господский склад («шпихлер»). В 1749 и 1760 г. на восточном углу рынка с правой стороны ул. Оршанской находилась большая господская «австерия». В 1760 г. вторая австерия была расположена на северном углу рынка с левой стороны ул. Лукомской.

От рынка расходились улицы Оршанская, Татарская, Виленская, Никольская, Лукомская, Витебская. Кроме того, в Толочине находились ул. Красная и Гуменная, а на территории толочинского Заречья – ул. Виленская, Дворная, Муравница. В 1798 г. в правобережном Толочине улицы и переулки занимали площадь в 57 986 м^2 (8 моргов и 50 квадратных прентов).

В основном названия улиц Толочина происходили от географической направленности улиц: Оршанская, Виленская, Лукомская, Витебская улицы переходили за городом в Оршанский, Виленский, Лукомский, Витебский тракт («гостинец») соответственно и были направлены к этим городам. Дворная улица была направлена к господскому двору, Муравницкая – к деревне Муравница. Гуменная улица, вероятно, вела к гумну или гуменным пляцам города, Дольный переулок был размещен вдоль берега р. Друть, т. е. внизу («доле») Татарской улицы. Никольская улица получила свое название от церкви св. Николая, которая была расположена на ней. Этимология названий улиц Татарской и Красной пока неясна.

Улица Оршанская (современная ул. Ленина) начиналась от восточного угла рынка и шла параллельно р. Друть в направлении г. Орша, пересекала р. Щань, на которой был мост. Недалеко от рынка по ул. Оршанской слева находились два пляца, которые занимала синагога («еврейская школа»). В 1760 г. за еврейской синагогой числилось 5360,72 м^2 (226 квадратных прентов и 24 квадратных прентика). На той же улице, по правой ее стороне перед мостом находились полпляца «шпитальные» (1715 г.). В конце улицы слева перед мостом была размещена толочинская плебания. За р. Щань на-

ходился костел, которому было выделено 14 вольных пляцев. В 1760 г. отмечено, что при костеле было кладбище («cmentarz») над р. Щань и «шпиталь», под которым числилась площадь в 71 м^2. Напротив костела находились четыре дома костельных ремесленников и господская австерия, а в 1781 г. – здание почты.

Улица Татарская (в настоящее время не существует) начиналась от южного угла рынка, шла параллельно р. Друть и ул. Оршанской, находясь между ними. В 1715 г. ул. Татарскую и Оршанскую соединял переулок, за которым по левой стороне находились пять вольных пляцев площадью 9749 м^2 (по данным 1760 г. – 411 квадратных прентов), принадлежавших церкви св. Ильи. От ул. Татарской отходил переулок «Дольный», который шел к запруде («ставу»). В 1746 г. данный переулок называл и «улицей Боковой» [ANKr, AS, sygn. 416-5].

Улица Виленская (современная ул. Энгельса) начиналась от западного угла рынка и шла к р. Друть, на которой находился мост, продолжалась за мостом в Заречье, за городом переходила в Виленский тракт («гостинец») на Борисов, Минск, Вильно. В первой трети XVIII в. название данной улицы еще окончательно не было зафиксировано: в 1715 г. она называлась Виленской, а в инвентаре 1733 г. часть улицы от рынка к мосту – «Великой». При этом часть улицы за мостом в Заречье не имела названия и была обозначена как «улица до моста» или «улица до города» [ANKr, AS, sygn. 416-1, 416-2]. В XVIII в. эту улицу на всем ее протяжении постоянно называли Виленской. Употребление другого варианта названия в 1733 г. можно объяснить тем, что, вероятно, составитель инвентаря при его написании за основу взял более ранний инвентарь, в котором ул. Виленская имела другое название; или в 30-е годы XVIII в. произошло изменение названия, которое в будущем не закрепилось, а было вытеснено старым названием. В 1715 г. на ул. Виленской в Толочине перед мостом были отмечены земли «шпиталя»: сам «шпиталь» находился справа от моста, а слева – «шпитальные» дома. В 1746 г. отмечено, что по левой стороне ул. Виленской ул. перед мостом был один городской пляц, на котором находились здания трех «шпиталей», а по правой стороне улицы – еще один «шпиталь», занимавший половину пляца. Однако из-за подъема воды в запруде («ставе») эти пляцы были затоплены и заболочены. В 1760 г. было отмечено, что под «шпиталем убогих» находилось 500 м^2 (22 квадратных прента и 2 квадратных прентика). Шпитальные земли были освобождены от выплаты податей и выполнения повинностей в пользу господского двора [ANKr, AS, sygn. 416-1].

Улица Никольская (современная ул. Пушкина) начиналась от западного угла рынка и шла в северо-западном направлении параллельно р. Друть против ее течения. По плану 1810 г. Никольская улица за городом переходила в дорогу к д. Райцы, Слободка и т. д. В 1715 г. данной улицы не существовало. Однако было отмечено, что на правой стороне ул. Виленской «перед ставом» было заселено в слободе 9 пляцев и упоминалось, что там же был один вольный пляц под кладбище («kładyszcze»), а также 4,5 пляца, принадлежавшие священнику. Наличие данных пляцев свидетельствует о том,

что земли будущей ул. Никольской в прошлом использовали, но из-за военных действий, ведущих к разорению, они пришли в запустение. После застройки слободы этот участок стали называть Никольской улицей, что и зафиксировал инвентарь Толочина 1733 г. По правой стороне ул. Никольской, в ее конце, были расположены Никольская церковь и кладбище, за которыми в 1738 г. числились шесть вольных пляцев. В 1733 и 1746 г. под церковью и кладбищем («cmentarzem i mogiłami») были четыре пляца, а по данным 1760 г. под кладбищем церкви св. Николая – 4910 м^2 (207 квадратных прентов). В 1795 г. под церковью св. Николая и кладбищем числился участок длиной 1 шнур 5 прентов и шириной 1 шнур 4 прента, т. е. 4980 м^2, а под «шпиталем» – 1/3 пляца. В 1733 и 1746 г. священник Никольской церкви отец Фёдор по обеим сторонам улицы около церкви держал по два пляца с обязанностью выплаты чинша. В 1760 г. никольский священник пользовался там же пятью вольными пляцами общей площадью 8895 м^2 (375 квадратных прентов). Инвентарь 1798 г. указывает, что ул. Никольская имела пять переулков [ANKr, AS, sygn. 591-6]. В 1760 и 1795 г. была упомянута незаселенная улица «под ставом», которая шла направо от ул. Виленской, параллельно ул. Никольской, по набережной. [ANKr, AS, sygn. 416-8].

Улица Лукомская (современная ул. Дзержинского) начиналась от северного угла рынка и шла в северо-западном направлении параллельно ул. Никольской (в инвентаре 1715 г. ее направление охарактеризовано как «от рынку к церкви», т. е. Никольской церкви) [ANKr, AS, sygn. 416-1]. За городом ул. Лукомская переходила в Лукомский тракт («гостинец»). На плане 1810 г. данная дорога уже не была отмечена. Инвентарь 1798 г. указывает, что ул. Лукомская имела пять переулков [ANKr, AS, sygn. 591-6].

Улица Витебская (современная ул. Володарского) начиналась от северного угла рынка и шла в севером направлении, перпендикулярно р. Друть. За городом переходила в Витебский тракт («гостинец»). Согласно плану 1810 г., данный тракт после городского кладбища расположенного вдалеке от города, расходился на две дороги к д. Катужино и Лисовщина соответственно.

Улица Красная (современные ул. Луговая, и переулок Островского) начиналась от р. Щань, далее шла параллельно ул. Оршанской, пересекала ул. Витебскую и поворачивала к запруде («ставу») на р. Друть. На этом участке ул. Красная проходила около Никольской церкви, пересекая ул. Лукомскую и Никольскую [ANKr, AS, sygn. 416-1]. По ул. Красной, проходя от р. Щань, слева перед ул. Витебской находилось еврейское кладбище, которое занимало площадь 7898,76 м^2 (333 квадратных прента).

Местоположение *улицы Гуменной* трудно установить. В инвентарях 1715, 1733, 1738 г. ул. Гуменная была описана после ул. Лукомской и перед ул. Витебской, или после ул. Витебской – перед ул. Лукомской, в зависимости от последовательности описания города. Можно предположить, что ул. Гуменная находилась между ул. Лукомской и ул. Витебской. Учитывая данные вышеуказанных инвентарей, в которых описание ул. Гуменной было начато от рынка («идя с рынку»), а если описание шло с конца улицы,

то «к рынку» – можно допустить, что и ул. Гуменная начиналась от рынка. В инвентаре 1760 г. ул. Гуменная не была упомянута, как и в инвентарях 90-х годов XVIII в. Скорее всего, была проведена некоторая перепланировка города. В это время были упомянуты городские гуменные пляцы за ул. Никольской, Лукомской, Витебской, Красной. При этом в одном случае эти гуменные пляцы называли пляцами, а в другом случае – «улицей». В связи с этим можно сделать предположение, что в 1760 г. ул. Гуменная повторяла контуры ул. Красной и шла по окраине Толочина. Гуменные пляцы были расположены и за ул. Дворной и Муравницкой в Заречье.

Улица Дворная находилась в Заречье и шла от ул. Виленской к господскому двору. В XVIII в она была слабо заселена, а в середине столетия на данной улице не было ни одного дома, но ее земли мещане брали в пользование. Улица Муравницкая находилась в Заречье за ул. Дворной и также шла от ул. Виленской к двору.

В 1746 г. отмечены несколько пляцев (на ул. Оршанской, в пер. Дольном от ул. Татарской, на ул. Виленской перед мостом), которые были залиты водой и заболочены («болотом зашли»). Данный факт свидетельствует о том, что приблизительно в это время произошло поднятие уровня воды в пруду. Скорее всего, это случилось из-за реконструкции, подсыпки насыпи на р. Друть, а также из-за модернизации спуска при мельнице на этой гребле.

Толочинские костел и церкви, имея свои земли в Толочине, владели юридиками в городе, на которых жили их подданные. Так, в 1738 г. среди костельных юридичан отмечены швец, кравец и каменщик. Кроме того, у толочинского костела в с. Евлах было 6 крестьянских домов, в с. Черковичи – 13. Их повинностью было служить по два дня в неделю панщины с волоки, давать 3 бочки соли в год и выполнять 4 гвалта. Обеспеченность костельных крестьян землей была довольно высокой. В 1746 г. упомянут Яско Литвинов – подданный священника Никольской церкви в Толочине.

Хозяйственные угодья, заселенность территории. Согласно инвентарю 1746 г., г. Толочин состоял из 493 пляцев. Кроме того, за городом числилась 91 волока (в Заречье – 26, за речкой Щаней – 65). К городским волокам из-за плохого качества земли добавляли морги: к урочищу Касперово – 24 морга, за церковью св. Николая – 71 морг. Кроме того, в урочище Мошковиче был 41 морг земли, в урочище Кашперово – 21, в застенке над Слободкой (Заречьем) у р. Друть – 30 моргов. Город имел три выгона общей площадью 31 морг для выпаса скота. Такое положение в обеспечении землей сохранялось на протяжении всего XVIII в.

Заселенность Толочина в XVIII в., согласно инвентарям, также была довольно стабильной. В 1715 г. в Толочине были 183 заселенных дома, в 1733 г. – 191, а в 1760 г. – 201 дом (в данное число не входили дома толочинских священника и ксендза). Заселенность по улицам представлена в табл. 10.1, из которой видно, что основная часть населения проживала в левобережном Толочине. Так, в 1733 г. в Толочине было 154 заселенных дома, а в Заречье – только 37. Прослеживается и определенная закономерность по месту проживания в Толочине мещан-христиан и евреев.

Таблица 10.1. **Заселенность Толочина, 1715–1760 гг.**[*]

Место заселения (улица)	Количество домов, пляцев, слобод			
	1715 г.	1733 г.	1749 г.	1760 г.
Левобережный Толочин				
Рынок	29	7[**]	24	25
Виленская	14	17	19	18
Никольская	Слобода	15	29	23
Лукомская	29	14		14
Гуменная	17	16	15	Нет данных
Витебская	7	10	9	14
Красная	Пляцы[***]	Пляцы	Пляцы	Пляцы
Оршанская	32	41[****]	45	43
Татарская	20	24[****]		20
Правобережный Толочин: Заречье–Слобода				
Виленская	22	22	22	28
Дворная	2	2	1	Пляцы
Муравницкая	11	13	13	15
Всего:	183	191	197	201

[*] Таблица составлена по [ANKr, AS, sygn. 416-1 (1715 г.), sygn. 416-2 (1733 г), sygn. 416-5 (1746), sygn. 416-6 (1760 г.)]

[**] Учтены только две стороны рынка.

[***] На улице не было жилых домов, но земельные участки города (пляцы) обрабатывали мещане.

[****] Учтена к тому же и одна сторона рынка.

В 1738 г. в Толочине было 109 мещанских домов и 70 еврейских, в 1746 г. – 120 и 64, а в 1760 г. – 121 и 79 домов соответственно. При этом основная часть еврейского населения Толочина проживала на левобережье. Это можно объяснить нахождением здесь основных торговых точек города. Так, в 1760 г. из 25 домов, расположенных на рынке, евреи жили в 23, а на ул. Татарской из 20 домов евреи занимали 12. В то время как на ул. Виленской на правобережье в Заречье из 28 домов евреи проживали только в двух. Основную часть жителей на ул. Никольской представляли христиане (21 дом из 23).

Ситуация с заселенностью толочинского Заречья поменялась после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. между Россией, Пруссией и Австрией, по которому к России отошла восточная Беларусь, включая город Толочин. Новая граница проходила по р. Друть. Заречье осталось в границах ВКЛ и Речи Посполитой и стало называться Польским Толочином. Так как правобережный Толочин оставался административным центром Толочинского имения в составе ВКЛ, он стал интенсивно развиваться и к 90-м годам XVIII в. ул. Виленская, Дворная, Муравницкая были плотно заселены. Кроме того, появились новые улицы: Раецкая (от названия д. Райцы,

к которой шла новая улица), Костельная и новый квартал «Новый город». Всего в правобережном Толочине в 1797 г. было 112 домов (72 христианских и 40 еврейских), которые в 1795 г. населяли 106 мужчин, 100 женщин, 153 ребенка (65 мальчиков и 88 девочек), а в 1799 г. – 108 домов (70 христианских 38 еврейских). В Заречье в это время зафиксировано наличие деревянных лавок. Здесь же появились новые духовные центры: на ул. Дворной был «дом кагальный», а на ул. Муравницкой – еврейский пляц «школьный» и жил «школьник» Израель Шмойлович (1797 г.) [ANKr, AS, sygn. 591-5]. В начале 90-х годов XVIII в. владелец правобережного Толочина (Заречья), «заботясь об избавлении душ своих подданных» и видя «то подданство без пастыря, который бы им услуги избавления совершал и о том постоянно заботился», заложил униатскую церковь Преображения Господнего. В 1793 г. ее пастырем был Ежи Сцибло. В то время церковь уже была возведена до уровня окон, а к середине 90-х годов XVIII в. – полностью построена.

В левобережном Толочине в 1798 г. было 195 домов (77 христианских и 118 еврейских). Были учтены 116 хозяев-евреев, две хозяйки-еврейки, а среди христиан – 129 мужчин, 108 женщин, 116 детей (54 мальчика, 62 девочки).

Среди толочинских мещан инвентари XVIII в. называют Андрея Колошу, Якуша Мальцева, Степана Карноуха, Карпеку Кулакова, Петрака Косинского, Данилу Нейцина (1746 г.), Романа Пригожего, Бенедикта Конопацкого, Семёна Костюкевича, Томаша Бизюка, Гришку Ульчонка, Юзефа Осиповича, Апанаса Литвина, Парфена Соловья, Гришку Дольника, Матея Жидковского, Степана Корноуха, Габриеля Лозовского, Андрея Зарарина, Леона Радкевича и др. (1760 г.); евреев Нирша Меерович Поляка (1746 г.), Пинтуса и др. (1760 г.). В 1798 г. в Толочине упомянуты также цыгане Тевель Гершонович, Арон Мовшович.

Экономическое положение города. Город Толочин приносил владельцам имения основной доход. Следует подчеркнуть, что в хозяйственном смысле и город, и волость были автономными субъектами единого хозяйства, имея многие самостоятельные источники доходов, причем некоторые доходы были едиными для города и волости.

Управление имением господская администрация Толочина исходила из конкретного состояния города и имения. Так, в начале XVIII в. Толочин понес значительный экономический ущерб из-за событий Северной войны 1700–1721 гг. между Швецией и Россией. В инвентаре Толочина 1715 г. отмечалось, что он был составлен «по руине неприятельской». В городе и имении имелось много пустующих земель, даже на рынке в Толочине находился незаселенный (пустой) дом Лейзера Пастернака. Владелец Толочина применял систему льгот и слобод. Так, в 1715 г. Илья Зусманович держал полпляца на рынке на слободе, как уже отмечалось, по правой стороне ул. Виленской перед запрудой был заселен целый квартал (девять пляцев) на слободе (в последующем этот участок стал ул. Никольской). В то же время для введения в севооборот пустующих земель многие городские земли давали в пользование мещанам не на условиях выполнения определенной

повинности, а «на доле», т. е. пользователь земли отдавал господскому двору одну треть собранного урожая [ANKr, AS, sygn. 416-1]. Такая система была выгодна для пользователей землей, так как учитывала конкретные объемы урожая каждого года. В случае неурожая доля выплачиваемой урожаем повинности господскому двору оставалась такой же – одна треть урожая, но конкретный объем повинности был пропорциональным объему урожая. В периоды военного разорения, когда уменьшалась обеспеченность хозяйств рабочей и тяглой силой, ухудшалась обработка земли, нарушалась агротехника возделывания, случаи неурожаев были более частыми, чем обычно. При системе выделения надела земли на условиях выполнения определенной повинности учитывали лишь усредненные данные возможных доходов с данных земель. Такая система не учитывала неурожаев, стихийных бедствий и т. д. Для недопущения запустения земель господская администрация брала в свое пользование пустующие земли. Особенно это явление было распространено в 20–30-е годы XVIII в. именно в Толочине. На протяжении 40–60-х годов XVIII в. мещане и евреи постепенно снова взяли в свое пользование пустующие земли у господского двора.

Господская администрация проводила и определенную политику по поддержке социально незащищенных слоев населения. Так, в 1715 г. от повинностей с тремя четвертями городского пляца была освобождена Цимошкова вдова. Господский двор поддерживал своих подданных и материально: при необходимости выдавал нуждающимся «в кредит» семенной материал, зерно, или предоставлял во временное пользование коней, волов. Так, в 1746 г. мещанин Феско Ображонак жил в городе в доме, который принадлежал господскому двору, и имел в пользовании господского коня; бывший дворный слуга («похолок») Базыль Лисовский за свою службу в 1746 г. имел вольные полпляца и пол волоки; старший брат дворного кузнеца Остапки Сещко в 1746 г. находился в «шпитале».

В случае обеднения мещане и евреи вынуждены были отдать («сдать») панскому двору свою надельную землю. Так, мещанин Карней Купреенцев сдал свои одну вторую и одну треть волоки, а двор предложил засевать эти земли на «доле» всем желающим.

Следует отметить, что в имениях Толочин и Друцк в XVI–XVIII вв. на достаточно хорошем уровне было развито ремесло, как в городе, так и в местечках и деревнях. Однако наиболее квалифицированными были городские ремесленники. В Толочине появились новые «технологии», проявились передовые тенденции и направления в развитии ремесленного производства. Движущей силой в данном процессе выступал господский двор и потребности рынка.

Отсутствие точных сведений о численности ремесленников и количестве их профессий в XVI–XVIII вв. не позволяет с высокой степенью вероятности определить динамику и направление развития ремесленного производства в этот период. Тем не менее можно отметить, что количество ремесленников возрастало в XVI в. – первой половине XVII в. и в середине–второй половине XVIII в; а в середине XVII в. – начале XVIII в. произошел спад

ремесленного производства в связи с экономическими и демографическими потерями в результате войн, происходивших в середине XVII в. – начале XVIII в.

С середины XVI в. в толочинско-друцком регионе, как и в целом на территории ВКЛ, системой ведения хозяйства стал фольварк. В связи с этим возросла необходимость в обслуживании нужд фольварка профессиональными ремесленниками. Часть этих потребностей удовлетворяли через найм городских ремесленников или путем приобретения ремесленной продукции на городском рынке. Кроме этого, в XVI–XVIII вв. существовала практика наделения крестьян земельными наделами с требованием выполнения ими разнообразных ремесленных повинностей. В это время она была распространена в Восточной Германии, Польше, России, т. е. в регионе «второго издания крепостничества»[22]. Причем труд городских ремесленников, крестьян-ремесленников администрация поместья могла использовать не только в пределах имения, в которых они проживали, но и, при необходимости, в других поместьях этого же владельца.

Работа подавляющего большинства ремесленников имения Толочин была направлена на удовлетворение личных, хозяйственных, производственных потребностей местного населения и господского двора. Довольно большое количество ремесленников работало на рынок. Пивовары, резники и прочие специалисты были полностью связаны с рынком. Кузнецы, слесари, бондари, кожевники, скорняки, представители строительных специальностей: каменщики, плотники и т. д. – работали как по заказу потребителей, так и на потребности рынка. Из ремесленников строительных специальностей в толочинских инвентарях упомянуты маляр Юрко (1715 г.), каменщики («мурали») Базыль (1715 г.), Ёсип Бизюк (1738 г.), Матей (1746 г.), стекольщики («шкляры») Нахим и Теуля Меушевич (1738 г.), в 1746 г. дворным стекольщиком был Черех Шальцин, а в 1798 г. – Шлома Довидович и Израель Тевьевич, плотники Юрко Якушев (1738 г.), Ярмошка Шолуха, Иван Карпекин (1746 г.).

В Толочине была хорошо развита сфера услуг. В городе широко было представлено музыкальное ремесло. В 1715 и 1733 г. упомянуто о проживании на ул. Виленской Якуба Цимбалиста и Лейбы Музыканта [ANKr, AS, sygn. 416-1]. В 1798 г. в Толочине жили цимбалисты Борух Хаймович, Мордух Ицкович, музыкант Шмойло Мегерович и органист Ян Якубов Мокридёнок. В инвентаре 1746 г. отмечены некоторые мещане, которые служили при дворной капелле, например, Михал Щербинский; сын Стефана Прозоги Базыль. Услуги резника (раздельщика мяса) представляли в Толочине Илья (1715 г.), Якута, Василь Микульчик, Дон, Ицко Абрамович (1733

[22] *Второе издание крепостничества* – появление, либо усиление крепостного права в странах Европы в XVI–XIX вв. Название этого явления связано с тем, что к XIII–XIV вв. в Европе почти исчезло крепостное право, которое сменилось легкими видами феодальной эксплуатации. Второе издание крепостничества наблюдалось в Речи Посполитой, Венгрии, России, Чехии, Дании, Пруссии, Померании, Австрии и некоторых других странах.

и 1738 г.), Меер Янкелевич (1746 г.), коновал Гасень (1715 г.), Зыцковский (1738 г.), Стефан Пинчук (1746 г.).

Панская администрация Толочина была заинтересована в сохранении здоровья своих подданных, в связи с чем среди жителей города встречались люди, знакомые с соответствующими для того времени медицинскими знаниями. Так, в 1715 г. в Толочине проживал цирюльник Карпович, который был освобожден от повинностей, В последующем упоминаются цирюльники Гирш (1738 и 1746 г.) и Израель Юдович (1798 г.).

Важной отраслью ремесла являлась обработка металлов, которую представляли, прежде всего, кузнецы. В рассматриваемый период кузнецы в Толочине присутствовали постоянно. Это Иван Волчонок, Кузьма (1715 г.), Опанас Бизюк (1738 и 1746 г.), Стефан Фалковский (1733 и 1738 г.), Тимох Насацкий, Ян Решетник, Стефан Талковский, Михал Ясинский (1746 г.). С обработкой металлов были тесно связаны следующие профессии, широко представленные в Толочине в XVIII в.: слесари, мечники и др. В инвентарях упомянуты слесарь Семён (1738 г.), Якуб Несацкий (1738 и 1746 г.), Корней (1746 г.); мечник Гришко (1715 г.), Ничипор (1733, 1738 и 1746 г.).

Ювелирное дело развивали мастера по изготовлению золотых и серебряных предметов быта и украшений (злотники). В толочинских инвентарях упомянуты злотники Гершон (1715, 1733 и 1738 г.) и Лейзер Шмойлович (1795 г.).

Особенно широкое распространение и дифференциацию имели швейное, кожевенное и сапожное ремесла. Например, на протяжении XVIII в. в Толочине встречались ткачи Яцко (1715 и 1733 г.), Владислав (1733 г.) Габриель Лазовский (1746 г.); меховщики («кушнеры») Марко (1715 г.), Александр Прозоха (1746 г.); закройщики («кравцы») Дмитрок, Иван Самусев, Гаврила, Иван Хром, Лейба, Абрам (1715 г.), Михал Шолуха (1733 и 1738 г.) Марко Коранович (1733 г.), Кондрат Ульчонок, Тимох Волчонок, Марко Абрамович, Григорий Дубичиц (1746 г.); сапожники («шевцы») Парфен Дубич, Юрко (1715 г.), Сергей (1715 и 1733 г.), Александр Бельский, Алексий Курилин, Базыль Козачёнок (1738 г.), Василий, Васька Курилин, Степан Лушчик, Иван Мазнюкович, Артём Чача (1746 г.); шорник («римарь») Андрей Бельский (1733 и 1738 г.); кожемяка Михалко Цирица (1746 г.); позументщик («шмухлер») (специалист по вышиванию золотыми и серебряными нитями) Антоний Сышевича (1738 и 1746 г.) Антони Сысович (в 1746 г. он одновременно выполнял работу почтальона в Толочине).

Широко были представлены в Толочине ремесла по обработке дерева, которыми владели рабочие строительных специальностей, ремесленники по изготовлению транспортных средств (телег и др.) и столовой утвари (ведер, посуды и др.), бондарских изделий (бочек, кадей и др.). В Толочине жили бондари Пашук (1715 г.), Иван (1733 и 1738 г.), столяры Гришко (1715 г.), Семён (1733 г.), Ян Пашик (1746 г.), пильник Иосиф Малошевич (1746 г.), колесник (стельмах) Семён (1733 и 1738 г.).

В Толочине прослеживается существование ремесленных династий. Так, в 1746 г. на ул. Оршанской жили сапожники братья Гришко и Никипор

Чурилы, через дом от них – еще один сапожник Артём Чурило. Поблизости жил также швец Феско Чурило. В том же инвентаре 1746 г. упомянут закройщик Лукаш Дубичик, который имел двух сыновей Григория и Петра. Братья также были закройщиками. Причем старший, Григорий, был «в отделе», т. е. отделился от отца и вел самостоятельное хозяйство. Тогда же в инвентаре упомянуты плотник Клим Алфёров и его сын, тоже плотник, Матей Климов, который имел отдельный дом и хозяйство. Ремесленниками были представители всех слоев простого сословия: мещане, чиншовые и тяглые крестьяне и т. д.

Для удовлетворения потребностей панского двора в Толочине существовала особая группа ремесленников разных специальностей, для которых выполнение ремесленной работы в пользу господского двора было основной повинностью. В основном ими были кузнецы, плотники, бондари, трактирщики, пивовары и др. Нужды двора в посыльных, инкассаторах и прочих специальностях удовлетворяли дворные «козачки» – Исак (1715 г.), Стеско (1733 г.), Савко Пасюк, Фёдор, Стефан Пинчук (1738 г.), Стецко, Миколай, Фёдор (1746 г.). Транспортные услуги предоставляли фурманы Василь Снарский (1733 г.), Наум Наумович (1738 г.), Кулшиковский, Марко Конопляник (1746 г.). Функции участкового полицейского исполнял енерал (возный. – *А. Д.*) Марцин Ревкович, который держал пять вольных городских пляцев (1738 г.). На услугах господского двора служили пивовары Захарий Кубурка, Васько Жейда (1746 г.), винник Иван Нейта (1738), рыбаки Феско Василёв, Гришка Цирица (1746 г.), дворный пекарь Михал Боровский (1746 г.). С господским двором были тесно связаны мельники Якуш (1715 г.), Михал Коротки, Васко (1738 г.), Гришко (1746 г.), переплетчик («интролигатор») Зелман Хаймович [ANKr, AS, sugn. 591-8 (1798 г.)].

В 1746 г. толочинский мещанин Васько Окулевич отмечен в инвентаре как «давно отысканный», а старший сын Яско Конопляника Иван как «сыскан от пана Глембского». Младший сын того же Яски Сымон служил, скорее всего, по разрешению господской администрации у пана Геронима Шемета. Факты «отыскания» мещан, возможно, свидетельствуют об отсутствии у толочинских мещан личной свободы.

Скорее всего, толочинские мещане имели определенные права на свои седибные пляцы и дома. В связи с этим сын наследовал пляц по отцу. Как мещане, так и евреи считали для себя возможным распоряжаться «своими» землями (продавать и покупать). Так, в 1733 г. Василь Снарский держал пляц по отцу, а еврей Меер Янкелович к своему двору купил полпляца. Пивовар Захарий Кубурка продал свой дом евреям, и на его полпляце строился Шлома Юдович, сам же Кубурка «осел» на пустом пляце, принадлежавшем ранее еврею Теуви Мовшевиче (1746 г.). В 1746 г. часто, особенно у евреев, встречались купленные городские пляцы. Скорее всего, операции купли-продажи недвижимого имущества жители Толочина осуществляли по согласованию с господским двором.

Мещане и крестьяне Толочинского имения жили отдельными семьями, часто большими. Так, в 1746 г. в семье Стефана Прозога было пять сыновей:

Роман, Андрей, Базыль, Фёдор, Пётр. Базыль служил в дворной капелле. И только старший сын Романа был отделен, у него была своя семья. В том же году резник Андрей Якутин жил в одном доме с четырьмя родными братьями Николаем, Базылем, Павлом, Томашем. Ахрем Апанасов жил в одном доме со швагром Ахремом Данилиным. Иногда в одном доме жили несколько семей. Так, в доме Матвея Жейды, кроме его трех сыновей Прокопа, Павлюка и Петрика проживал Данило Татурович и его сыновья Мартин и Павлюк (1746 г.). Господская администрация понимала ненормальность такого положения, в связи с чем отмечала, что такое совместное проживание в одном доме должно быть только до дальнейшего расселения («осады»).

Повинности толочинских мещан и евреев. Согласно уставам повинностей 1715 г., толочинские мещане должны были платить чинш с волоки 9 тынфов, с заселенного пляца – по 2, а с гуменного, где только гумно стояло, – по 1; с одного морга – по 4 тынфа. Кроме того, мещане выполняли отработочную повинность – должны были выполнять сгоны, пока не уберут посевы панского двора и не свезут урожай в панское гумно. Мещан привлекали к ловле рыбы господским неводом, изготовлению круп, строительству и ремонту насыпей и т. д. Мещане обязаны были складывать «зерно» в скирды, возить сено из скирд в панский двор, вывозить зимой дерево из пущи для строительства в панском дворе, а также исполнять «подводную» повинность на расстояние в 10 миль [ANKr, AS, sygn. 416-1]. Кроме того, толочинские евреи ежегодно давали панскому двору по 15 бочек пива (или по 1 талеру от бочки), резники-евреи – 8 четвертей мяса («лопаткового»), а резники-христиане – по 4 четверти (четверть мяса оценивали в 4 тынфа). Мещане Толочина обязаны были в 1760 г. ежегодно давать для панского двора брагу: летом – по одной бочке в 60 гарцев, а зимой – по две бочки. Со временем повинности мещан Толочина изменяли, причем в сторону облегчения. Так, в начале XVIII в. мещане должны были выполнять панщину или «пригон» по три дня в неделю (два дня мужчины и один день женщины). Однако в середине XVIII в., учитывая тяжесть исполнения данной повинности для мещан, и, главным образом, по причине создания препятствий для выполнения данной повинности для занятия торговлей и других способов мещанской жизнедеятельности, панщина была уменьшена до двух дней в неделю. Подводная же повинность была сокращена для мещан на половину: вместо 10 миль они стали возить господские грузы на расстояние до 5 миль [ANKr, AS, sygn. 416-6].

Мещане отвечали за исправность *дорог и мостов* в пределах городских земель. Существовала общая ответственность мещанской общины за все дороги и мосты на городской территории, но была и индивидуальная ответственность. Так, каждый мещанин отвечал за добротное состояние участка дороги перед своим домом [ANKr, AS, sygn. 416-6].

Особое внимание панская администрация Толочинского имения уделяла *пожарной безопасности*. Особенно актуальными данные требования стали с конца 40-х годов XVIII в. после пожара в Толочине, когда город практически полностью сгорел. В связи с этим каждый житель Толочина, как христианин, так и еврей:

– должен был иметь при доме бочку с водой (воду периодически необходимо было менять, чтобы она оставалась свежей и не усложняла эпидемиологическую ситуацию в городе);

– на каждой крыше должны были быть лестницы (чтобы в случае пожара можно было залезть на крышу и тушить пожар), а каждый домовладелец обязан был иметь противопожарные крюки [ANKr, AS, sygn. 416-5].

Панская администрация толочинского двора следила, чтобы печные трубы в городе делали правильно («порядно») и выводили их высоко над крышей. Печные трубы было предписано еженедельно чистить. При этом городской войт и десятники должны были делать еженедельные проверки состояния печей и печных труб. Мещане, содержащие печи в пожароопасном состоянии, не проводившие еженедельно чистку печных труб, подвергались суровому наказанию; в данном случае штраф даже не предусматривался, провинившихся подвергали телесным наказаниям – битью розгами, палками, четырехнедельным заключением в тюрьму. В целях раннего обнаружения пожара, а также противодействия ночным кражам, из мещан Толочина каждую ночь заступали в дозор по два сторожа (христианин и еврей), которые должны были бодрствовать, обходить город и в случае опасности поднимать тревогу [ANKr, AS, sygn. 416-6].

Толочинская волость. Как было отмечено выше, Толочин и волость в хозяйственном плане составляли единый хозяйственный объект. При этом город имел свои, а волость свои хозяйственные функции. В состав имения кроме Толочина входило местечко Будовка, которое имело свой рынок, церковь и ул. Церковную, Толочинскую, Бобровскую, Глинскую, Лукомскую, Зарецкую (последние четыре улицы в 1715 г. из-за разорений, случившихся во время Северной войны, пустовали [ANKr, AS, sygn. 416-1]). В Толочинском имении числились д. Старый Толочин, Райцы, Ляхи, Муравничи, Слободка, Матвейки, Чоботари, Стуканы, Бесделичи, Матиево, Сурновка и др.

В 1746 г. Толочинское имение приносило в господскую казну дохода 4796 тынфов 13,5 грошей, из которых на долю города Толочина приходилось 2869 тынфов и 6 грошей (59,8%), а Толочинская волость давала 1927 тынфов, 7,5 грошей (40,2%) (рис. 10.2).

В 1746 г. по всей Толочинской волости числилось 175 крестьянских семей и 60 земянских хозяйств (отмечалось, что на 1746 г. был учтен 41 ушедший из имения в разное время крестьянин). Однако для сбора государственных податей в имении Толочин вместе с городом числилось только 33 дыма, т. е. учтенными были 33 хозяйства (дома).

Подданные Толочинского имения достаточно хорошо были обеспечены тяглой рабочей силой, в качестве которой в данном регионе использовали коней. В то время для ведения крестьянского хозяйства необходимо было иметь одну упряжку, а 175 крестьянских хозяйств Толочинского имения имели 390 коней, т. е. 2,2 упряжки на одно хозяйство. Земянские хозяйства были обеспечены тяглой рабочей силой лучше тяглых крестьян – жители 60 земянских домов содержали 164 коня, т. е. 2,7 упряжки на одно хозяйство.

Следует отметить, что положение сельского населения было непростым. Зафиксированы случаи смерти целыми семьями. Так, инвентарь Толочинского имения 1746 г. упоминает, что Бенедикт Бельский из с. Матиева, как и Герасим Карпицкий из д. Муравницы «целой хатой умер». Смерть хозяина крестьянского двора была настоящей трагедией для семьи. Например, в д. Посмурки умер крестьянин Корней Овчинка, и шесть его сыновей вынуждены были разойтись по другим деревням в поиске пропитания: Прохор подался на службу в солдаты, Яско жил в д. Волчковичи за Минском в имении шляхтича Ивановского, Гришко – в д. Муровница, Фёдор «служил» (работал по найму) в д. Серединки, Самуель – в Старом Толочине, а Юда умер. В селе Посмурки после смерти Опанаса Житкого его сыновья Лукьян и Тит вынуждены были пойти в «службу» для «выживенья»: Лукьян – в местечко Будовец, а Тит – в родную деревню, при этом последний засевал на «доле» полволоки земли. В том же 1746 г. в д. Стуканы Дмитрок Мошкара жил с сыном Карпом и братом Мартином на земельном наделе умершего крестьянина Ивана Шведки, сыновья которого Матей и Пахом вынуждены были пойти «на службу», так как не имели возможности вести собственное хозяйство: Матей работал в Новом Селе, а Пахом у того же Дмитрока Мошкары. Вдова Романа Шведки из той же деревни после смерти мужа вышла замуж в д. Муровница.

Встречались случаи побега крестьян Толочинского имения. Так, из д. Слободки на Украину бежали Янко Белицкий с двумя сыновьями, семья Курпеенков, вдова Якуша Бычковского с двумя сыновьями. Иногда крестьяне искали лучшие условия для жизни и переходили в другие деревни Толочинского имения. Например, Семён Чеплеенок переселился из Серединок в Райцы, у Алексия Козла из д. Муровница отец жил в Толочине, а брат в д. Старый Толочин. В д. Матвейки жил Игнат Борозна, который имел пять сыновей: Янку, Игната, Охрема, Василя и Омельяна. Янко имел трех сыновей: средний и младший Сёмка с Прокопом жили с отцом, а старший Семион – у деда по матери Лукьяна Демьяновича в Серединках. У Степана Свичанки из д. Чоботари было четыре сына: Артём, Силко, Пилип и Кузьма. Артём был в примаках у Михалки Раецкого. Семья Свичанки жила на землях Пилипа Радькова, который «в Посмурках пребывает в зятьях», а его дети, наверное от первого брака, Микита и Леон занимались попрошайничеством (1746 г.) [ANKr, AS, sygn. 416-5].

Для пополнения семейного бюджета некоторые подданные шли в наем пастухами. Так, материалы инвентаря 1746 г. свидетельствуют, что Парфен Шишко из д. Чоботари с младшим сыном Сымоном нанялся пастухом в местечко Будовцы, а старший его сын Петрок был пастухом в господском дворе. Николай Тихонович из д. Посмурки был пастухом в своей деревне, а его братья Панфило и Клим «служили» в своей деревне. В последнем случае господский двор посчитал, что Николай Тихонович должен выполнять еще и отработочные повинности в полном объеме, для чего и выделил ему надел земли.

Сельское население Толочинского имения было неплохо обеспечено землёй (табл. 10.2).

Таблица 10.2. **Распределение земельного фонда Толочинского имения, 1746 г.***

Населенный пункт	Волок	Моргов	Пляцев
Город Толочин	91		493 ¼ 1/6
Надбавки к волокам	–	24+71	–
Морги города	–	41+21+30+31	–
Под господским двором	18	5	–
Под бывшей д. Загородье, где построен фольварк	10	46	–
Деревня Ляхи	17	–	–
Деревня Таборовщизна	4	28	–
Деревня Старый Толочин	29	160	–
Деревня Сурновка	46	–	–
Местечко Будовка	55	216	113
Деревня Матиево	34	195	
Деревня Райцы	20	32	21
Деревня Муравничи	40	354	40
Деревня Сущи	7	77	7
Деревня Слободка	10	177	–
Деревня Печеновка	15	–	–
Деревня Серединки	11	–	–
Деревня Матвейки	3	82	–
Деревня Чоботари	32	128	–
Деревня Посмурки	14	281	–
Деревня Стуканы	40	139	–
Деревня Безделичи	27	98	–
Деревня Новое село	40	197	–
Деревня Катузин	11	124	–
Деревня Конопельчицы	28	46	–
Фольварк в Комарове	3	–	–
Застенок Талошковщина	–	10**	–
Застенок Рогачовка	–	20	–
Итого:	605	2633	674 ¼ 1/6
Земли в моргах	87	23	
Всего:	692	23	674 ¼ 1/6

* Таблица составлена по [ANKr, AS, sygn. 416-5; НИАБ, ф. 694, оп. 4, д. 1336, л. 305–306 об.].

** Данную землю обрабатывал господский двор.

Естественно, из указанных выше земель, не все обрабатывали, поэтому многие из них находились в «пусте». Например, в д. Муравничи было 34 крестьянских дома и из 40 волок земли оседлыми (т. е. с которых выполняли полный объем повинностей) были только 15,5 и 1/6 волоки, еще 12,5

и 1/3 волоки – приемными, т. е. с них выполняли льготный объем повинностей, а 11,5 волоки – пустыми (их крестьяне засевали с «доли»). В среднем крестьянские хозяйства Толочинского имения имели намного больше, чем полволоки земли, что определяется как достаточное условие для ведения крепкого крестьянского хозяйства того времени. Несмотря на наличие свободных земель в имении в случае хозяйственной необходимости господский двор забирал у крестьян нужную землю, но при этом компенсировал им «потеру» таким же размером земли в другом месте. Например, около д. Муравничи господский двор занял крестьянскую сеножать под кирпичный завод («цагельню»). На землях же крестьян д. Стуканы Фёдора и Игната Корольков господский двор осуществлял добычу глины. В связи с этим на пустоши им были выделены огороды по 4 прента [ANKr, AS, sygn. 416-5].

В XVIII в. на землях д. Загородье был построен новый господский фольварк, так как в начале XVIII в. из-за «руины неприятельской» все крестьяне этой деревни разошлись. Вместе с тем в том же XVIII в. в д. Сущи и Серединки крестьянам были переданы земли бывших фольварков, также по причине их полного разорения в начале XVIII в.

В большинстве своем в Толочинском имении жили тяглые крестьяне, основной повинностью которых была панщина. В 1746 г. с оседлой волоки толочинские подданные платили в год чинш в размере 15 тынфов, давали по 4 курицы, одного гуся, 20 яиц, кварту растительного масла, две косые сажени кужельного полотна, 60 грибов (боровиков). С приемной волоки платили только чинш в размере 7,5 тынфов. Панщину выполняли по четыре дня в неделю с оседлой тяглой волоки: два дня панщины – мужчины и два дня – женщины. Кроме того, тяглые крестьяне обязаны были с оседлой волоки выполнять пять сгонов: один сгон – на вспашку озимых, второй – на вспашку под яровые, третий – на жатву ржи, четвертый – на жатву яровых, пятый сгон – на вывоз господского навоза.

Тяглые крестьяне должны были поочередно охранять господский двор и фольварки, т. е. выполнять «недельную сторожовщину». На плечи крестьян ложилась обязанность по доставке господских грузов на своих подводах на расстояние до 15 миль. В случае неисполнения подводной повинности крестьяне обязаны были платить «подорожчину» в размере 10 злотых в год. В обязанности крестьян входила и заготовка сена «на своих днях» «уроком» на господских сенокосах. Кроме обычных повинностей крестьяне и земяне должны были отдавать в пользу господского двора половину меда от своих пчел, участвовать в ремонте насыпей, мельниц и т. д. Господские ставы (пруды) и мельницы находились в Толочине под господским двором (мельница на два камня), став и мельница на один камень были в д. Слобода и Сурновка, в Загородье и Закове, где кроме мельницы находилась и суконовальня («фолюш»). В д. Райцы был став (пруд) без мельницы [ANKr, AS, sygn. 416-5].

В Толочинском имении среди тяглых крестьян в 1746 г. названы Никипор Батюшка, Сидор Заяц, Андрей Круглик, Демьян Копачёнок (д. Старый Толочин), Парфен Метюлёнок, Михалка Поляк (д. Сурновка), Герасим

Бульба, Матей Неброй Волосевич, Феско Королёк (д. Матиево), Михалко Дорофеев, Леон Кокоша, Павлюк Зазалевич (д. Райцы), Василь Волчок, Силивон Барановский, Петрок Когут, Сергей Кондратёнок, Матей Шведко, Якуш и Семён Толкачёвы, Янка Белохвостик, Иван Потёмкин, Якуш Королёк (д. Муравничи), Василь Нехайка, Герасим Круглик, Михалко Тарасевич мельник (д. Слободка), Иван Осипов, Фёдор Полядка (д. Печеновка), Юзеф Борозна (д. Серединки), Роман Шишка, Кирик Гурков, Микута Лешко, Свирид Овчинник, Михалко Жирок (д. Чоботари), Костюк Волосевич, Феска Бирюк, Матей Талашка, Гришка Третьяк (д. Стуканы), Фёдор Жук, Миколай Картавый, Матей Кострица, Иван Ляхович (д. Безделичи), Юрка Соболёнок, Семён Шымка, Гришка Мозоль, Степан Батюшка, Кондрат Шалей (д. Новое Село), Семён Капуста, Исак Рябец, Казимир Лисовский (д. Конопельчицы) и др.

Кроме тяглых крестьян в Толочинском имении были и другие категории сельского населения. Так, в 1715 г. упомянуты бояре: Дмитрок и Лукьян Решетники из Старого Толочина, Иван и Феска Ляховичи, Дорофей Кострик из Безделич [ANKr, AS, sygn. 416-1]. Основной повинностью бояр (инвентари называют их еще и земянами) было выполнение курьерской службы; к выполнению панщины их не привлекали, но они обязаны были платить натуральные подати в виде кур, петухов, гусей, яиц, жира, полотна, а также участвовать в заготовке господского сена. Согласно инвентарю 1746 г., толочинские земяне добились замены своего участия в заготовке господского сена выплатой натуральной подати: по пять мерок овса с дома. В 1746 г. в толочинских инвентарях кроме семей Решетников, Ляховичей из Старого Толочина упомянуты имена следующих земян: Павла Кононовки, Яроша Шалцина, Станислава Томковича (д. Ляхи), Антония Станиславовского (д. Таборовщизна), Антония Зайца, Микиты Ганевича (д. Старый Толочин), Базыля Матеевского, Андрея Монастыревича, Фески Ольшевского (д. Матиево), Лаврина Волчка (д. Слобода), Яски и Самостея Шешеловичей (д. Посмурки), Андрея и Ахрема Кудиных, Фёдора Конопатского, Павлюка Дубровского, Семёна Чайки (д. Новое Село), Якуба и Яски Лисовских, Яски Рубца (д. Конопельчицы) и др. Земяне подчинялись не крестьянскому войту Толочинского имения, а поручику. В 1746 г. им был Семён Бирюк из д. Конопельчицы [ANKr, AS, sygn. 416-5].

Следует отметить, что мещане местечка Будовка (Феско Козырицкий, Иван Колоша, Гришко Янкович, Ахрем Лешко, Семён Шкет, Остап Стобышев, Осип Быков, Петрок Приватков, Криштоф Макеёнок, Глебко Блакушов, Стефан Москалёв и др.) находились на том же положении, что и мещане Толочина (1746 г.) [ANKr, AS, sygn. 416-5].

В случае необходимости некоторые подданные Толочинского имения находились на специальной службе. Так, В 1715 г. Януш Заяц из села Старый Толочин был тиуном в толочинском фольварке, и за выполнение своих обязанностей имел вольную от других повинностей 0,5 волоки. Милес Колос был подвойским в Старом Толочине и тоже имел вольные 0,5 волоки за исполнение повинности подвойского [ANKr, AS, sygn. 416-1]. В 1746 г.

толочинским тиуном был житель д. Новое Село Фёдор Мошкара. Земянин Прокоп Трубицкий из с. Матиева в 1746 г. кроме земянской службы был «на стрелецтве» (ответственным за охоту) и обязан был смотреть за господскими пчелами. Иван Маркъянов из Старого Толочина в том же 1746 г. был рыбаком [ANKr, AS, sygn. 416-5].

В целом необходимо отметить, что информация, содержащаяся в инвентарных описаниях Друцка и Толочина XVII–XVIII вв., свидетельствует о высоком уровне социально-экономического развития этих владений. Господская администрация, мещане, жители сельской местности вели свое хозяйство исходя из целесообразности и внутренних потребностей. Благодаря их кропотливому труду Друцк и Толочин занимали достойное место среди населенных пунктов Беларуси того времени. Особенно важно, что инвентари содержат имена жителей имений, что позволяет персофинифицировать историю данного региона.

11. ГЕРБЫ КНЯЗЕЙ ДРУЦКИХ И ЛЬВА САПЕГИ

(А. И. Шаланда)

11.1. Геральдика князей Друцких в XV–XVIII вв.: от геральдизированных знаков к гербу «Друцк»

Геральдика княжеских родов ВКЛ сравнительно недавно привлекла внимание геральдистов. Дождались своих исследований гербы князей Острожских, Вишневецких, Гольшанских, Моссальских, Полубинских, Огинских и др. [Однороженко, 2008а, № 2, с. 27–34; 2008б, № 4, с. 6–12; 2008в; 2009а, № 2–3, с. 27–34; Шаланда, 2013а, № 19, с. 20–29]. Однако геральдическое наследие князей Друцких пока не стало темой специального исследования, возможно, из-за того, что их собственный герб «Друцк» хорошо известен [Насевіч, 2005, т. 1, с. 600][23]. Белорусский исследователь родословных князей Друцких Вячеслав Носевич относил возникновение герба «Друцк» к первой половине XV в. (1434 г.) и считал его итогом борьбы православной аристократии ВКЛ за право «пользоваться гербами и другими привилегиями» наравне с католиками, которые получили его в Городле в 1413 г. [Насевіч, 1992, с. 95]. Правда, в более поздней своей работе он выводил герб «Друцк» от княжеских напечатных знаков представителей рода в первой половине XV в. и даже высказал мнение, что родовая эмблема Друцких «является итогом эволюции так называемого *"трезубца"* –старинного знака Рюриковичей» (рис. 11.1) [Насевіч, 2000, с. 56–57].

Подобные контроверсии проистекали из узкой источниковой базы, в первую очередь из-за того, что сфрагистический материал князей Друцких был почти неизвестен. Первым, кто обратил внимание на печати рода,

[23] Гербом «*Друцк*» пользуется современный город Толочин [Адамушко, Елинская, 2006, с. 86–87].

был польский исследователь Марьян Гумовский. В своей классической работе «Печати литовских князей» (Вильно, 1930 г.) он опубликовал весь известный на первую треть XX в. сфрагистический материал князей Друцких за конец XIV в. – первую половину XV в. Это были печати либо их описания князей Льва (1384 г.), Ивана Семёновича «Бабы» (1431 г.) (рис. 11.2), Василия Семёновича «Красного» (1431 г.) и Ивана Семёновича «Путяты» (1431 г.) Друцких [Gumowski, 1930, r. VII, z. 3–4, s. 698–699, 704, 716, tabl. IX, nr 68–69, 71]. Долгое время публикация Марьяна Гумовского оставалась единственной работой по сфрагистике князей Друцких. Две гербовые печати: князей Фёдора Друцкого Горского (1600 г.) и Криштофа Друцкого Соколинского, полоцкого кастеляна (1632 г.) – опубликовал в 1933 г. другой польский историк, геральдист и генеолог Юзеф Пузына [Puzyna, 1933, r. XII, nr 4, s. 58; nr 5, s. 74, tabl. 5; nr 18, 20].

Рис. 11.1. Напечатный знак князя Семена Дмитриевича Друцкого (реконструкция). По рисунку Яна Замойского. 1401 г.

Рис. 11.2. Гербовая печать князя Ивана Семеновича «Бабы» Друцкого. По Олегу Однороженко. 1431 г.

Из белорусских исследователей определенный вклад в публикацию печатей князей Друцких (всего 5) внес Анатолий Титов. Им был напечатан сфрагистический материал за конец XVI в. – первую четверть XVII в.: гербовые печати князей Семёна (1600 г.) и Фёдора (1602 г.) Друцких-Горских, оршанского подстаросты Ивана Друцкого-Любецкого (1625 г.). Следует отдельно отметить две печати первой половины XVI в.: князей Богдана Фёдоровича Одинцевича (индикт 1) и Василия Юрьевича Толочинского (индикт 9) [Цітоў, 1993, с. 57, 93, № 1, 6, 219–221].

Однако больше всех в деле публикации сфрагистических источников преуспел украинский геральдист Олег Однороженко. Им опубликовано 30 описаний и 28 рисунков к ним с оттисков печатей князей Друцких разных генеалогических ветвей (Одинцевичей Багриновских, Горских, Любецких, Прихабских, Соколинских и Толочинских) за период с 1384 по 1640 г. [Однороженко, 2009б, с. 72–77, 228–233, мал. 83–85, 87–89, 92–105, 108–115, 117]. Фактически его работа сегодня является наиболее полным каталогом по сфрагистике князей Друцких конца XIV в. – первой половины XVII в. Однако гербовые печати и геральдические материалы князей Друцких второй половины XVII в. – XVIII в. пока не изучены.

Данные исследование опирается как на опубликованный сфрагистический материал, так и на выявленные в фондах Гродненского историко-ар-

хеологического музея, Национальных исторических архивов Беларуси в Гродно и Минске, а также Национального архива в Кракове (Польша) оттиски гербовых печатей (всего 11). Хронологически они охватывают период с 1541 по 1672 г. и принадлежат представителям разных ветвей Друцких князей: Одинцевичам Багриновским, Горским и Соколинским. Помимо этого были использованы геральдические сведения о князьях Друцких, которые происходят преимущественно из гербовников, геральдических сборников и трактатов, а также старопечатных изданий XVII–XVIII вв. [Kojałowicz, 1897; 1905; Niesiecki, 1738, T. II; Jabłonowski, 1742; Chmielowski, 1763; Kuropatnicki, 1789, cz. I–IV; Małachowski, 1805] Ценность письменных источников обусловлена тем, что сфрагистические памятники князей Друцких, относящиеся к XVIII в., пока не выявлены.

В связи с этим необходимо исследовать геральдику князей Друцких через выяснение генезиса их родового герба, который получил название «Друцк»; изучить его различные формы; определить время стабилизации главной геральдической фигуры и появления других гербовых атрибутов (шлемов, корон, нашлемников, наметов и пр.); найти и проанализировать связанные с гербом легенды, которые нашли отображение в исторической и геральдической литературе ВКЛ и Речи Посполитой.

На самой ранней не дошедшей к нам печати шурина Витовта князя Льва Друцкого[24], приложенной на ленной присяги Кейстутовича Тевтонскому Ордену в 1384 г., если верить позднейшему описанию от 1393 г., была изображена фигура всадника с мечом [Daniłowicz, 1860, t. I, s. 247–248, nr 492]. Марьян Гумовский посчитал ее за герб «Погоня», на основании чего высказал мысль о принадлежности князей Друцких к династии Гедиминовичей [Gumowski, 1930, r. VII, z. 3–4, s. 704]. Однако в рассматриваемый период еще не существовало общединастического герба «Погоня» у потомков Гедимина, которые пользовались преимущественно или пешими, или конными княжескими печатями, одна из которых оформилась в герб только после избрания в 1386 г. великого князя литовского Ягайлы польским королем [Шаланда, 2013б, с. 53]. Нет сомнений в том, что князь Лев Друцкий пользовался конной портретной печатью, изготовленной по образцу такой же печати Витовта, возможно, даже непосредственно в Пруссии, о чем свидетельствует ее латинская легенда: «SIGILLVM LEWE DVCIS DRVCK» [Gumowski, 1930, r. VII, z. 3–4, s. 704]. Исполненная в западных традициях княжеской сфрагистики в то время она имела отдаленную причастность к геральдике, а потому вывод Марьяна Гумовского, высказанный о гербе «Погоня» князей Друцких насчет его использования в конце XIV в.,

[24] Личность князя Льва *Друцкого* долгое время не была идентифицирована [Насевіч, 1992, с. 90–91; Варонін, 2002, т. 9, с. 26–27]. Окончательно запутал решение проблемы о его происхождении Ян Тенговский [Tęgowski, 1999, s. 78]. В последнее время наиболее обоснованно по проблеме высказался российский генеолог Андрей Кузьмин, который считает, что Лев являлся сыном князя Василия Михайловича Друцкого и был связан с Витовтом по родству жены, происходящей из смоленской линии Ростиславичей [Кузьмин, 2007, № 4 (30), с. 57–58].

выглядит ошибочным. Не пользовались «Погоней» князья Друцкие и позже, поэтому геральдический аргумент в доказательствах их принадлежности к Гедиминовичам следует отнести к недоразумению [Tęgowski, 1999, s. 78; Варонін, 2002, т. 9, с. 26].

Сохраненные печати князей Друцких с XV в. демонстрируют совсем другую геральдическую картину, а именно: они позволяют наблюдать отчетливый процесс геральдизации их личных клеймовых знаков. Последние, несмотря на существование переходных форм, можно разделить на три главных типа: стреловый, крестовый и полукольцевой. В основе первых стреловых знаков лежали стрелы с разными дополнениями. Свой прототип они имели в знаке князя Семёна Дмитриевича Друцкого с его печати 1401 г.: стрела острием к верху, зажатая между двумя полукольцами концами от себя, стоит на кольце [Однороженко, 2009б, с. 73, № 91] (см. рис. 11.1). На печати его сына князя Ивана Семёновича «Бабы» (1431 г.) стрела была положена на геральдический щит, изменила направление, так как была направлена справа налево вкось, утратила кольцо, а вместо двух полуколец оказалась зажатой между четырех [Gumowski, 1930, r. VII, z. 3–4, s. 698–699, tabl. IX, nr 68; Однороженко, 2009б, с. 73, 229, № 92] (см. рис. 11.2). В свое время Юзеф Пузына вместо того, чтобы сравнить знаки отца и сына, искал аналогии между печатями князей Ивана Семёновича «Бабы» и Ивана Андреевича, сына Андрея Ольгердовича Полоцкого. В результате он ошибочно утверждал, что: «...есть [он] (знак на печати Ивана “Бабы”. – *А. Ш.*) соединением мотива первой (печати Ивана Андреевича. – *А. Ш.*) с мотивом знака на печати Ольгерда» [Puzyna, 1911, r. IV, nr 5–6, s. 80]. Похожей интерпретацией польский исследователь стремился подкрепить тезис о происхождении князей Друцких от Гедиминовичей, но в свете новых исследований сфрагистики Ольгерда литовским геральдистом Эдмундасом Римшей [Rimša, 2002, s. 215] упомянутый вывод не находит подтверждения.

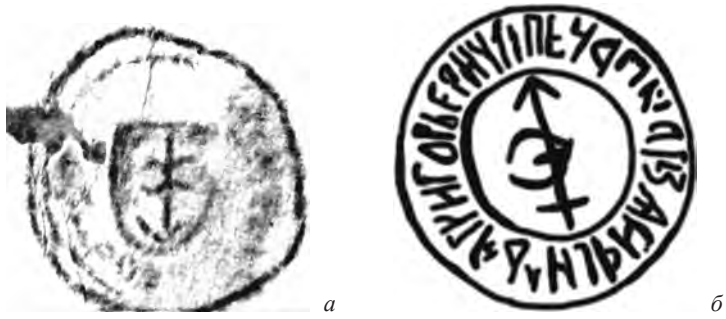
Необходимо также высказаться по вопросу идентичности князя Ивана Семёновича «Бабы» с полоцким наместником в 1409 г. князем Иваном Семёновичем [Wolff, 1895, s. 59; Насевіч, 2000, с. 52]. Против этого свидетельствует сохранившийся сфрагистический материал. В свое время фрагмент печати полоцкого наместника князя Ивана Семёновича опубликовала российская исследовательница Анна Хорошкевич [Хорошкевич, 1972, вып. 4, с. 136, мал. 7] (рис. 11.3). Однако недавно Олег Однороженко связал ее с позднейшей печатью князя Ивана Семёновича Друцкого – с 1431 г. [Однороженко, 2009б, с. 73, 229, № 92]. По нашему мнению, для этого нет никаких оснований. Во-первых, потому, что печать последнего была гербовой, в то время как полоцкий наместник в 1409 г. пользовался печатью с личным клеймовым знаком без следов геральдизации. Помимо этого сохраненный фрагмент знака демонстрирует тип, отлич-

Рис. 11.3. Печать полоцкого наместника князя Ивана Семёновича (фрагмент). По Анне Хорошкевич. 1409 г.

ный от гербовой стреловой фигуры князя Ивана «Бабы». Во-вторых, не совпадают легенды печатей: «...BANOBA CE[M]EN...» у полоцкого наместника и «ПЕЧАТЬ KNЯЗЯ ЭВANA CEMENO» у князя Ивана «Бабы» [Полоцкие грамоты..., 1977, вып. 1, с. 117–118, № 40; Одноroженко, 2009б, с. 73]. Несмотря на существовавшую возможность смены печати одной и той же персоной в течение жизни, по нашему мнению, наличный сфрагистический и геральдический материал, а также хронологический фактор позволяют развести в стороны упомянутых выше князей. Анна Хорошкевич была склонна считать полоцкого наместника в 1409 г. внуком князя Андрея Ольгердовича Полоцкого, но возможны и другие варианты [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 201].

Сфрагистика потомков князя Ивана Семёновича «Бабы» известна по недавно найденному оттиску печати его внука – князя Фёдора Фёдоровича «Конопли» Друцкого-Соколинского [Wolff, 1895, s. 60–61; Насевіч, 2000, с. 55–56]. Она была приложена к документу, датированному Валерием Поздняковым между 1478 и 1486 г., и имела почти идентичный с гербовой фигурой деда герб: на щите изображена стрела острием вниз, зажатая между четырех полуколец [Пазднякоў, 2013, с. 121, мал. 5] (рис. 11.4, *а*). Несомненная наследственность описанной гербовой фигуры в течение как минимум трех поколений этой ветви князей Друцких позволяет говорить о складывании в течение XV в. одного из вариантов их герба, в основе которого была стрела между четырех полуколец.

К стреловому типу надо отнести также собственный клеймовый знак основателя ветви князей Друцких-Любецких – князя Василия Григорьевича Друцкого (рис. 11.4, *б*) [Wolff, 1895, s. 202; Насевіч, 2000, с. 56, 69], который сохранился на его печати из того же самого документа, датированного между 1478 и 1486 г.: в поле печати изображена стрела острием вверх два раза перекрещенная, с левого конца верхнего скрещения выходят в правую сторону два полукольца [Пазднякоў, 2013, с. 121–122, мал. 6]. Отсутствие следов геральдизации знака не позволяет говорить о нем, как о гербе. Вместе с тем по его форме можно проследить направления изменений личных клеймовых знаков князей Друцких: стрела легко сочеталась с крестами,



а *б*

Рис. 11.4. Печати князей Фёдора Фёдоровича «Конопли» Соколинского (гербовая) (*а*) и князя Василия Григорьевича Любецкого Друцких (*б*). По Валерию Позднякову. 1478–1486 гг.

а количество полуколец и их конфигурация могли быть разными. В результате была достигнута главная цель – знак имел существенные различия, необходимые для идентификации конкретного владельца, но при этом сохранял общие черты со знаками родни.

Второй тип знаков князей Друцких – крестовый – имеет в основе кресты разных конфигураций, как, например, на печати князя Ивана Семёновича «Путяты» Друцкого (1431 г.): на щите крест с верхним концом, разделенным на длинные загнутые и опущенные вниз «усы». Интересно, что Марьян Гумовский видел на щите «как бы букву М с крестом на средней палке» [Gumowski, 1930, r. VII, z. 3–4, s. 698, tabl. IX, nr 71]. В свою очередь, Олег Однороженко описывал гербовый знак князя Ивана «Путяты» также как крест [Однороженко, 2009б, с. 73–74, 229, № 93] (рис. 11.5, *а*). К кресту он относил и гербовый знак на печати князя Василия Семёновича «Красного» Друцкого (1431 г.) [Однороженко, 2009б, с. 74, 229, № 94] (рис. 11.5, *б*). Однако, по нашему мнению, собственный гербовый знак последнего можно выделить отдельно и отнести к третьему так называемому полукольцевому типу знаков, в основе которых лежат полукольца с сильно загнутыми концами в сочетании с крестами и дополнительными полукольцами. Отметим, что размещение собственных клеймовых знаков сыновьями князя Семёна Дмитриевича Друцкого на геральдических щитах в 1431 г. и дальнейшая передача их в наследство по прямой линии (на примере гербовой печати Фёдора «Конопли» Соколинского) свидетельствует, что князья Друцкие в ВКЛ легко преодолевали гербовый «дефицит» и не имели никакого «гербового комплекса» в отношении к литовскому боярству, которое получило польские шляхетские гербы на основании Городельского привилея 1413 г. Еще до известного привилея 6 мая 1434 г. великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича, которым регулировали «геральдический вопрос» в ВКЛ в отношении русинов [Гісторыя Беларусі ... , 1936, т. I, с. 216–217], князья Друцкие пользовались собственными геральдизированными знаками, которые вряд ли можно вслед за Вячеславом Носевичем назвать итогом «борьбы» [Насевіч, 1992, с. 95]. По нашему мнению, в случае с князьями Друцкими для геральдики последних более

а *б*

Рис. 11.5. Гербовые печати князей Ивана Семёновича «Путяты» (*а*) и Василия Семёновича «Красного» Друцких (*б*). По Олегу Однороженко. 1431 г.

важными были их тесные связи с династиями Польши и ВКЛ: Владиславом Ягайлой, Витовтом, Свидригайлой, Сигизмундом Кейстутовичем и Казимиром Ягайловичем. Сфрагистика князей Друцких конца XIV в. – XV в. ярко свидетельствует, что процесс геральдизации их клеймовых знаков был синхронен подобному процессу геральдизации напечатных конных и других фигур Гедиминовичей [Шаланда, 2013б, с. 57]. Тем более что в привилее Сигизмунда Кейстутовича 1434 г. имелся ввиду порядок адаптации к польским шляхетским гербам: «Кроме этого, соглашаемся и позволяем, чтобы князья и бояре русские носили и пользовались гербами или знаками шляхетности (“arma seu nobilitatis clenodia”) так же, как и литовские, однако зачисляются к названным знакам через литовцев, после получения согласия от братьев по своей генеалогии из королевства Польского» [Гісторыя Беларусі ... , 1936, т. I, с. 217]. Для князей Друцких, тесно связанных с правящей в ВКЛ династией, польские шляхетские гербы в XV в. вряд ли имели большую значимость.

Предложенная классификация напечатных знаков и гербовых фигур князей Друцких подкрепляется их сфрагистическим и геральдическим материалом за первую половину XVI в. Известно, что от потомков князя Ивана «Бабы» пошли князья Друцкие Соколинские и Прихабские [Wolff, 1895, s. 396, 461; Насевіч, 2000, с. 58]. Как можно полагать, мотив со стрелой сохранился только у последних. На печати князя Андрея Константиновича Прихабского с 1510 г. герб, на котором был изображен щит с двойной стрелой остриями вверх, стоящей на подставке, под стрелой – восьмилучевая звезда [Однороженко, 2009б, с. 76, 232, № 108] (рис. 11.6). Зато стрела исчезает в гербовой фигуре князей Друцких Соколинских. На печати князя Михаила Васильевича Друцкого-Соколинского, которую он приложил к документу от 1541 г. Герб представлял собой изображение креста длинным концом вниз, с обеих сторон его были четыре полукольца, по два с каждой стороны, направленные концами к себе [НИАБ, ф. 1324, оп. 1, д. 13, л. 9] (рис. 11.7). Обратим внимание на то, что стилизация полуколец позволяет квалифицировать их как полумесяцы. В связи с этим появление в первой половине XVI в. в геральдике князей Друцких звезд и полумесяцев свидетельствует об их стремлении к натурализации своих абстрактных клеймовых знаков и создании комбинированных гербовых фигур. В результате в гербах князей Друцких появи-

Рис. 11.6. Гербовая печать князя Андрея Константиновича Прихабского. По Олегу Однороженко. 1510 г.

Рис. 11.7. Гербовая печать князя Михаила Васильевича Друцкого-Соколинского. 1541 г.

лись и позже были закреплены так называемые астрономические элементы в виде четырех полумесяцев.

Друцкий-Соколинский Михаил Васильевич – князь, свидетель и печатарь на продажном листе архиепископа Семёна Рагозы, владыки полоцкого, витебского и мстиславского на поместье Жерино для князя Андрея Андреевича Лукомского и Мелешковского от 17 сентября 1541 г., писаном в Полоцке.

Г е р б: на щите крест длинным концом вниз, с обеих сторон его четыре полукольца (полумесяца), по два с каждой стороны, направленные концами к себе, над щитом инициал: «М(и)Х(айло)».

П е ч а т ь: № 4, прямоугольная накладная кустодия, 14 × 16 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: впервые (см. рис. 11.7).

Возможно, введение длинного креста вместо стрелы на печати 1541 г. объясняется тем, что это были две разные ветви Соколинских: одна шла от Федора «Конопли», вторая от его родного брата – князя Семена Фёдоровича Друцкого-Соколинского, а упомянутый князь Михаил Васильевич приходился последнему внуком [Wolff, 1895, s. 461–462, 479–480]. Крест в гербовой фигуре явно отличал его герб от подобного герба князей Соколинских-Конопель с мотивом стрелы. Вместе с тем это был второй вариант герба князей Друцких, в основе которого лежал длинный крест между четырех полуколец (полумесяцев). Его возникновение можно отнести к концу 30-х – началу 40-х годов XVI в., ведь в таком виде он зафиксирован не только на печати князя Михаила Васильевича Друцкого-Соколинского. Почти в то же самое время он появился на похоронном саркофаге Ольбрехта Мартиновича Гаштольда в четвертой части сложного герба последнего в Виленском кафедральном костеле (1540 г.) [Matušakaitė, 2009, p. 40, nr 27, 29]. Исследователи склонны относить крест между четырех полуколец к геральдике его бабки по матери – княжне Марине Дмитриевне Друцкой-Зубревичской [Варонін, 2002, т. 9, с. 4–5]. Нет данных, чтобы утверждать, что такой герб существовал еще при ее жизни (упомянут в 1486–1496 г.) [Wolff, 1895, s. 58]. Важно, однако, что именно эту гербовую фигуру стали отождествлять с князьями Друцкими. В конце концов, именно известность второго варианта герба среди знати ВКЛ предопределила его доминацию в родовой геральдике последних и послужила основанием для появления герба «Друцк».

В геральдике князей Друцких в первой половине XVI в. не все было так однозначно. Например, потомки князя Ивана «Путяты» – князья Друцкие-Горские и Друцкие-Толочинские [Wolff, 1895, s. 135, 536; Насевіч, 2000, с. 56], продолжали употреблять на своих печатях традиционный крестовый мотив. На печати князя Фёдора Дмитриевича Друцкого-Горского (1538 г.) хорошо виден знак: крест, нижний конец которого разделен на длинные «усы», загнутые вверх и в стороны, с крестами на концах, без следов какой-либо геральдизации [ANKr, AS, TR III, plik 75, s. 1; Одноороженко, 2009б,

Рис. 11.8. Печать князя Фёдора Дмитриевича Друцкого-Горского. 1538 г.

с. 72, 228, № 87] (рис. 11.8). Фактически это был дегеральдизированный и измененный знак князя Ивана «Путяты» с 1431 г., только перевернутый.

Друцкий-Горский Фёдор Дмитриевич – князь, свидетель и печатарь на продажном листе тетеринского боярина Ивана Тимофеевича на двор в Лихиничах для князя Василия Андреевича Полубинского от 22 ноября 1538 г., писаном в Друцке.

З н а к: в поли печати крест, нижний конец которого разделен на длинные «усы», загнутые вверх и в стороны, с крестами на концах, надпись по краю печати: «ПЕЧА(ть) ФЕДОРА ДМНТРЕЕВНЧА».

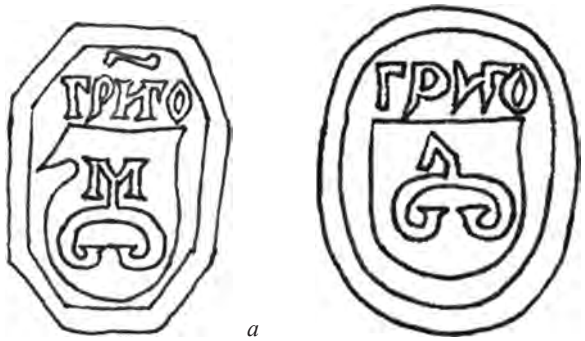
П е ч а т ь: № 2, межстраничная кустодия, Ø 25 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: Одноroженко О. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. С. 72, 228. № 87, с ошибочной легендой и рисунком (см. рис. 11.8).

В свою очередь, князь Василий Юрьевич Толочинский пользовался в 1536 г. гербом с изображением креста, разделенного в стропило [Цітоў, 1993, с. 57, № 6; Одноroженко, 2009б, с. 77, 233, № 117]. Для создания его гербового знака явно был использован крестовый тип гербовых знаков князей Друцких, в частности того же князя Ивана «Путяты».

Еще более сложно происходили гербообразующие процессы у князей Одинцевичей, которых относят к одному из ответвлений князей Друцких [Кузьмин, 2007, № 4 (30), с. 65–66; Одноroженко, 2009б, с. 74][25]. Нами было выяснено, что они не пользовались гербом «Одинец» [Шаланда, 2008, с. 146–147]. Их клеймовый знак можно отнести к дальнейшей трансформации знаков полукольцевого типа, первообраз которого был на печати князя Василия Семёновича «Красного»-Друцкого (1431 г.). В частности, от гербового знака последнего собственный знак на печати князя Богдана Фёдоровича Одинцевича (1512 г.) отличали только некоторые детали: отсутствие дополнительных четырех полуколец, крест, верхний конец которого был разделен в стропило с Т-образными концами [Цітоў, 1993, с. 57, № 1; Одноroженко, 2009б, с. 74, 229, № 95]. Вместе с тем упомянутая печать еще не имела следов геральдизации. Только у князя Григория Ивановича Одинцевича из Багриновской ветви [Wolff, 1895, s. 286] его гербовый знак – полукольцо с сильно загнутыми внутрь концами, из которого выходит буква «М», – был положен на геральдический щит (1527 г.) [НИАБ в Гродно, ф. 1160, оп. 1, д. 49, л. 1 (1527 г.), 13 (1532 г.)] (рис. 11.9, *а*).

[25] Первым такую мысль высказал анонимный составитель генеалогии князей Огинских в XVIII в. [Niesiecki, 1738, т. II, s. 87].



а *б*

Рис. 11.9. Гербовые печати князя Григория Ивановича Одинцевича Багриновского: *а* – 1527 г.; *б* – 1556 г.

Багриновский-Одинцевич Григорий Иванович – князь, свидетель и печатарь на продажном листе Андрея Войтеховича-Носиловского на третью часть поместья Дворец и определенных земель для овручского боярина Долмата Еремеевича от 23 марта 1527 г., писаном в Крайске.

Г е р б: на щите полукольцо с сильно загнутыми внутрь концами, из которого выходит буква «М», над щитом инициал: «ГРИГО(рей)».

П е ч а т ь: № 2, вырезанная в листе кустодия, 14 × 20 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и и: Шаланда А. Невядомыя гербы менскай шляхты ў XVI ст. С. 146 (описание); Однороженко О. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. С. 72, 228. № 83 (1538 г.) (см. рис. 11.9, *а*).

Однако позже гербовый знак князя Григория Ивановича Одинцевича-Багриновского был изменен: исчезла левая части буквы «М». Печать с таким гербом была приложена к его продажному листу от 1 марта 1556 г., при этом автор специально оговорил: «под моею печатю» [НИАБ в Гродно, ф. 1160, оп. 1, д. 49, л. 47–47 об.] (рис. 11.9, *б*). Возможно, смена гербового знака была вызвана смертью родного брата – князя Василия Ивановича Одинцевича-Багриновского, упомянутого в листе покойным [НИАБ в Гродно, ф. 1160, оп. 1, д. 49, л. 47]. Так или иначе, но гербовые фигуры князя Григория можно отнести к третьему типу гербов Друцких, в основе которого лежало полукольцо с различными дополнениями.

Багриновский-Одинцевич Григорий Иванович – князь, автор продажного листа на боярскую землю для Василия Стецкевича Рагозы от 1 марта 1556 г., писаного в Нетановичах.

Г е р б: на щите полукольцо с сильно загнутыми внутрь концами, с которого выходит половина буквы «М», над щитом инициал: «ГРИГО(рей)».

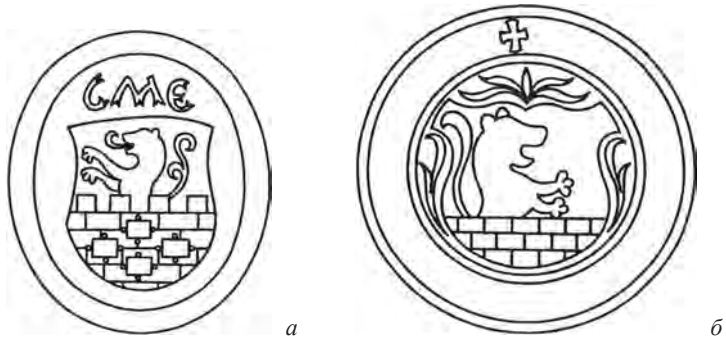
П е ч а т ь: № 1, вырезанная в листе кустодия, 11 × 16 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: впервые (рис. 11.9, *б*).

Однако настоящий переворот в геральдике князей Одинцевичей совершил сын князя Богдана Фёдоровича – князь Семён Богданович Одинце-

вич, гродненский городничий в 1530–1541 гг. [Urzędnicy ... , 2009, t. II, s. 252] Он имел две гербовые печати, которыми пользовался в 1534–1541 гг. На первой из них на щите была изображена стена из кирпича с четырьмя зубцами, на которой помещались четыре драгоценных камня в оправах, из-за стены возвышалась фигура льва, вставшего на задние лапы (1534 г.) [Однороженко, 2009б, с. 74, 230, № 96] (рис. 11.10, *а*). Аналогичный герб находим в польской шляхетской геральдике (разница только в количестве камней и зубцов на стене – три вместо четырех) – это «Заремба» [Górzyński, Kochanowski, 1992, s. 163]. В ВКЛ он появился после 1413 г., когда в Городле к нему был принят жамойтский боярин Гинет Концевич [Semkowicz, 1989, т. III, s. 102]. Правда, «Заремба» более известна как герб рода Довойн [Semkowicz, 1989, т. III, s. 103–105; Mienicki, 1937, r. XII, s. 409–410]. Однако какие основания для пользования им имел князь Семён Богданович Одинцевич? Нет никаких документальных свидетельств о гербовой адаптации его кем-нибудь из рода Довойн, хотя такие примеры с их гербом в середине XVI в. известны [Mienicki, 1937, r. XII, s. 410–411]. Маловероятно, чтобы на выбор герба князем Семёном Богдановичем Одинцевичем повлиял брак Софии или Софронии Яновны Довойны с князем Богданом Романовичем Друцким Любецким [Wolff, 1895, s. 208; Mienicki, 1937, r. XII, s. 420]. Однако на второй печати князя Семёна Богдановича Одинцевича герб был подкорректирован: на щите стена из кирпича, из-за которого лев выходит влево (1538 г.) [Однороженко, 2009б, с. 74, 230, № 97] (рис. 11.10, *б*).

Упомянутые изменения делали из его «Зарембы» местный вариант шляхетского герба «Лев з муру», которым в ВКЛ пользовались все те же Довойны [Mienicki, 1937, r. XII, s. 410]. Не исключено, что наибольшую значимость в выборе герба имело «немецкое» происхождение «Зарембы», которое приписывал ей еще Ян Длугош: «Genus Al(e)manicum» [Friedberg, 1931, s. 70]. По меньшей мере, составленная в 1520 г. родословная князей Одинцевичей выводила их «с Немец» [ПСРЛ, 1980, т. 35, прил. III, с. 283], а потому такое стечение географических данных могло послужить основанием для смены герба. В любом случае отказ от родовой символики и переход к польскому



а *б*

Рис. 11.10. Гербовые печати князя Семёна Богдановича Одинцевича:
а – 1534 г.; *б* – 1538 г. По Олегу Однороженко

шляхетскому гербу свидетельствовал о важных изменениях в политической и культурной ориентации князя Семёна Богдановича Одинцевича. Не исключено, что его личная «геральдическая революция» была вызвана общим процессом определенной деградации княжеского сословия в ВКЛ, который вылился в сознательный отказ князей от прерогатив своего происхождения и уравнивание их статуса с остальной местной знатью.

Рис. 11.11. Сложный герб князя Фёдора Григорьевича Друцкого-Горского. 1599 г.

Как следует из приведенных сфрагистических и геральдических материалов XV в. – первой половины XVI в., в отмеченный период в геральдике князей Друцких наблюдалось такое явление, как многогербовость. Однако во второй половине XVI в. ситуация резко изменилась. Сфрагистика всех ветвей князей Друцких (Соколинских, Горских, Любецких и др.) начала презентовать общий второй вариант их герба с крестом и четырьмя полукольцами или полумесяцами [Однороженко, 2009б, с. 72, 73, 74, 75, 76, 77, 229, 230, 231, 232, 233, № 88, 89, 98, 99, 100–102, 105, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115]. Дальнейший процесс натурализации клеймовых гербовых знаков привел к тому, что уже в конце XVI в. – начале XVII в. крест превратился в меч в окружении четырех полумесяцев. В результате только с этого времени можно говорить о появлении в геральдике князей Друцких нового – четвертого – варианта их герба, в основе которого лежал меч между четырех полумесяцев (рис. 11.11). В связи с этим можно с уверенностью утверждать, что общеродовой герб князей Друцких возник только во второй половине XVI в. – начале XVII в. в результате геральдизации и натурализации их прежних клеймовых знаков в виде стрелы или креста в окружении четырех полуколец. Это явно противоречит выводу Вячеслава Носевича про генезис герба «Друцк» от какого-то «классического» прототипа [Насевіч, 2000, с. 57], которого просто-напросто не существовало.

Друцкий-Горский Фёдор Григорьевич – князь, свидетель и печатарь листа Николая Ярошевича Волчка от 28 ноября 1599 г., писаного в Крайске.

Г е р б: щит разделен на четыре части. В первой части – заостренный крест (меч ?) острием вниз, по сторонам лезвия которого попарно четыре полумесяца рогами к себе (родовой); во второй части – идущий лев (материнский); в третьей и четвертой частях фигуры затёрты, но известны по публикациям: «Корибут» и «Костеша» соответственно.

П е ч а т ь: № 2, вырезанная в листе кустодия, 18 × 19 мм, сохранность плохая [НИАБ в Гродно, ф. 1160, оп. 1, д. 60, л. 56].

П у б л и к а ц и и: Puzyna J. Niektóre pieczęcie litewskie z XVI i XVII w. № 4. S. 58. № 5. S. 74. Tabl. 5. Nr 18 (1600 г.); Цітоў А. Пячаткі старажытнай Беларусі. 1993. С. 93. № 221 (1602 г.); Однороженко О. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI стст. С. 73, 229. № 89 (1600 г.) (см. рис. 11.11).

На середину–вторую половину XVI в. пришелся период оформления общей родословной легенды князей Друцких, которая нашла свое отражение в белорусско-литовских летописях [Варонін, 2002, т. 9, с. 3–5]. Наиболее полную информацию, хотя и довольно разрозненную, подает «Хроника Быховца», окончательная редакция которой датирована 1551–1565 гг. [Семянчук, 2000, с. 53; Шаланда, 2007, с. 257]. Главных генеалогических идей в повествовании про князей Друцких было несколько: они происходят от великих князей киевских, имеют право на великокняжеский титул, являются русинами («князья руские», «с рода руского») и породнены с правящей в Польше и ВКЛ династией Гедиминовичей [Беларускія летапісы і хронікі, 1997, с. 75, 79–80, 115]. Правда, дальнейшего развития они ни получили, если не считать попыток Матея Стрыйковского в своей «Хронике» (Кёнигсберг, 1582 г.) связать с Друцкими князей Острожских, а князя Андрея Ивановича Гольшанского, тестя польского короля Владислава Ягайлы, переделать на князя Друцкого [Варонін, 2002, т. 9, с. 5–6]. Характерно, что совсем отсутствовали какие-либо упоминания про геральдику князей Друцких, хотя «Хроника Быховца» чрезвычайно насыщена геральдической информацией [Семянчук, 2000, с. 127; Шаланда, 2013б, с. 88].

По нашему мнению, отсутствие соответствующих сведений объяснять-ся тем, что никто из князей Друцких не попробовал развить дальше апробированные в белорусско-литовских летописях генеалогические идеи и создать специальную гербовую легенду. Не способствовали этому также их многогербовость и сильная разветвленность. В результате создание общей родословной и гербовой легенды было невозможным, о чем свидетельствует упомянутая выше отдельная «немецкая» родословная князей Одинцевичей. Слава Друцка и его владельцев осталась в прошлом, что наилучшим образом характеризуют слова Александра Гваньини (Краков, 1579, 1611 г.): «Друцк – деревянный замок на высокой горе. Некогда он был княжеством, но теперь много кто из русинской знати имеет титул этого княжества» [Sarmatiae Europeae descriptio ... , 1579, Fol. 58 v.; Гваньїні, 2007, с. 389]. Очевидно, что под «русинской знатью» имелись ввиду многочисленные князья Друцкие, которые ничем, помимо герба и громкого титула, уже не выделялись среди шляхетского сословия ВКЛ. Правда, княжеский титул Друцких не вызывал никаких сомнений и они сохранили за собой официальное право на соответствующую титулатуру после Люблинской унии 1569 г. в Речи Посполитой. Интересно, что присягу Короне от оторванных от ВКЛ Дрогичинского и Луцкого поветов принесли княжна Анна Любецкая из Рогова и вдова князя Ивана Любецкого Елена из Любчи (за себя и малолетнего сына Григория) [Akta unji Polski z Litwą ... , 1932, s. 266, 323]. Такая женская репрезентация Любецких с Подляшья и Волыни, а также неприметность других представителей Друцких на одном из наиболее важных событий в истории ВКЛ второй половины XVI в. может свидетельствовать о политическом упадке некогда знаменитого княжеского рода. Правда, витебский подкоморий князь Павел Юрьевич Друцкий-Соколинский, согласно по-

становлению Люблинского сейма 1569 г., был назначен от Полоцкой земли в состав комиссии по доработке III Статута ВКЛ 1566 г. [Volumina Legum, 1859, t. II, s. 101] Однако чаще князья Друцкие действовали или в армии ВКЛ, или на локальном воеводском уровне [Насевіч, 2000, с. 70–71; Радаман, Галубовіч, Вілімас, 2004, с. 73, 79; 2005, с. 51, 54–61].

Не удивительно, что герб князей Друцких с изображением креста или меча и полумесяцев был неизвестен в Речи Посполитой, конкретно – в Польше. Ничего про него не написал автор первых работ по геральдике знати ВКЛ в объединенном государстве польский геральдист Бартош Папроцкий (Краков, 1578, 1584 г.) [Paprocki, 1578, s. 1136–1199; 1584, s. 589–682]. Тем более их герб не был известен на европейских дворах. В частности, когда потребовалось поместить на похоронном саркофаге шведской королевы Екатерины Ягайловны († в 1583 г.) герб ее прабабки по отцу княжны Александры Дмитриевны Друцкой († в 1426 г.), то в качестве гербовой фигуры был выбран лев [Heymowski, 1993, s. 10]. Это не было случайностью, так как льва в качестве геральдического символа Руси и русских князей, в том числе и полоцко-смоленских, ответвлением которых были князья Друцкие, хорошо знали на Западе [Шаланда, 2013б, с. 49–50]. С одной стороны, использование династическо-государственного герба вместо родового свидетельствует о незнании о существовании последнего. С другой стороны, отсутствие сведений про герб «Друцк» в Польше и в Европе косвенно подтверждает мысль о позднем его оформлении: в конце XVI в. – начале XVII в.

Сфрагистический материал за вторую половину XVI в. – первую половину XVII в. позволяет утверждать, что герб с изображением меча и четырех полумесяцев не сразу приобрел у князей Друцких общеродовой характер. Про это говорит довольно свободное обхождение с гербовой фигурой на своих печатях некоторыми представителями рода: крест или меч, полукольца или полумесяцы, или в нее вносились изменения и дополнения. Так, в гербе князя Богдана Андреевича Друцкого-Соколинского крест выходил из полумесяца, направленного рогами вниз (1571 г.) [Однороженко, 2009б, № 109, с. 76, 232], что очень напоминало гербовый знак князя Василия «Красного» с 1431 г. Могло меняться количество полумесяцев (от четырех до двух) и их размещение, как в гербах князей Павла Григорьевича Друцкого-Любецкого, луцкого гродского судьи (1619, 1627 г.) или Криштофа Михайловича Друцкого-Соколинского, полоцкого каштеляна (1632 г.) [Puzyna, 1933, r. XII, nr 20, tabl. 5, s. 58, 74; Однороженко, 2008г, с. 76; 2009б, с. 75, 77, 231, 233, № 103, 115]. То ли крест, то ли меч был в гербах на печатях секретаря Его Королевской Милости (ЕКМ), ксендза, гаинского настоятеля, Михаила Друцкого-Соколинского (1640 г.) [НИАБ, ф. 694, оп. 4, д. 956, т. 1, л. 198] (рис. 11.12, *а*) или суражского старосты Геронима Друцкого Горского (1643 г.) (рис. 11.12, *б*) [НИАБ, ф. 694, оп. 5, д. 71, л. 12].

Друцкий-Соколинский Михаил – князь, ксендз, гаинский настоятель, секретарь ЕКМ, автор заемного листа для Марии Войнянки, подканцлеранки ВКЛ от 6 января 1640 г., писаного в Полоцке.

а *б*

Рис. 11.12. Гербовые печати: *а* – князя Михаила Соколинского-Друцкого, 1640 г.; *б* – князя Геронима Горского-Друцкого, 1643 г.

Г е р б: на щите заостренный крест (меч ?) острием вниз, по сторонам лезвия которого попарно изображены четыре полумесяца рогами к себе, над щитом – шлем со шляхетской короной, вокруг щита – намет из листвы, над гербом – инициалы: «M[ichał]D[rucki] S[okolinski]».

П е ч а т ь: № 1, вырезанная в листе кустодия, 20 × 24 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: впервые (рис. 11.12, *а*).

Друцкий-Горский Героним – князь, суражский староста, автор подтвердительного листа для отца Мелетия Керсновского, строителя минской церкви Святого Духа от 10 декабря 1643 г., писаного в Минске.

Г е р б: на картуше изображен меч острием вниз, по сторонам лезвия которого попарно – четыре полумесяца рогами к себе, над щитом – инициалы: «H[eronim]D[rucki]H[orski]».

П е ч а т ь: в листе вырезана кустодия, 12 × 14 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: впервые (рис. 11.12, *б*).

Однако наиболее отличается от остальных герб князей Друцких, сохранившийся в рукописном гербовнике, датированный нами концом 30-х – началом 40-х годов XVII в., анонимного автора из Луцка. Приведем его слова целиком, так как они ярко свидетельствуют о состоянии знаний по геральдике князей Друцких в Волынском воеводстве Речи Посполитой: «Видел в Луцке (в) Кафедральном костеле на хоругви одного шляхтича и на каменном строении пана Харленского, луцкого старосты также между другими гербовыми фигурами на ту же Тарнаву похожий такой же белый крест в красном поле, около которого по углам четыре месяца к себе рогами направленные, кто бы его употреблял и за что пожалован (был) – не знаю» [ZNiO, rkps. 639, fol. 323] (рис. 11.13). Как вытекает из приведенной цитаты, описанный герб относился к вариантам польского шляхетского герба «Тарнава»! На самом деле это был герб уже известной нам княжны Анны Богдановны Друцкой-Любецкой, которая приходилась упомянутому Героним Харленскому, луцкому старосте в 1622–1639 гг., бабкой по отцу [Boniecki, 1900, т. II, s. 346; Urzędnicy Wołyńscy ... , 2007, s. 43; Насевіч, 2000, с. 64].

Тем не менее к середине XVII в. меч и полумесяцы постепенно стали доминировать в геральдике князей Друцких, о чем свидетельствуют их гербовые печати, в частности князей Михаила и Богдана Друцких-Соколинских, полоцких воеводичей (1629 и 1639 г.) (рис. 11.14) [НИАБ, ф. 694, оп. 4, д. 956, т. 1, л. 221 (1639 г.); т. 2, л. 545 об. (1629 г.)].

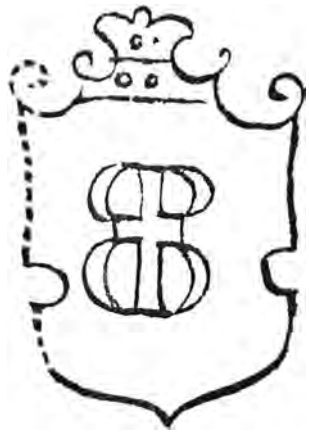


Рис. 11.13. Герб князей Друцких-Любецких. Конец 30-х – начало 40-х годов XVII в. Луцкий Кафедральный костел

Друцкий Соколинский Михаил – князь, воеводич полоцкий, покойник, муж Кристины Швыковской, которая приложила его гербовый сигнет к своему дарственному листу для князя Богдана Друцкого-Соколинского от 27 октября 1629 г., писаного в Вильно.

Г е р б: на картуше изображен меч острием вниз, по сторонам лезвия которого попарно – четыре полумесяца рогами к себе, над щитом – инициалы: «M[ichał]S[okolinski]».

П е ч а т ь: № 1, вырезанная в листе кустодия, 8 × 11 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: впервые (см. рис. 11.14, *а*).

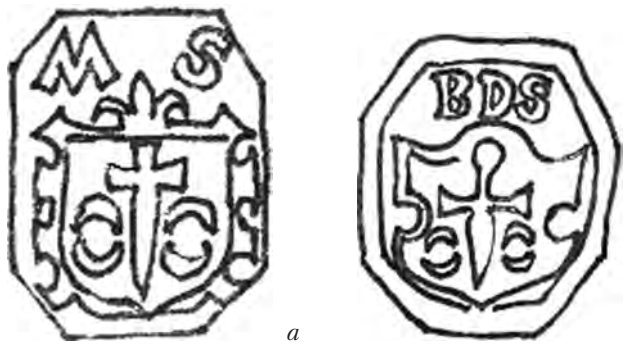
Друцкий-Соколинский Богдан – князь, земянин ЕКМ Полоцкого воеводства, автор (вместе с женой Гальшкой Обринской) заемного листа для ксендза Григория Гофмана от 30 ноября 1639 г., писаного в Полоцке.

Г е р б: на щите изображен меч острием вниз, по сторонам лезвия которого попарно – четыре полумесяца рогами к себе, над щитом – инициалы: «B[ogdan]D[rucki]S[okolinski]».

П е ч а т ь: № 1, вырезанная в листе кустодия, 11 × 13 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: впервые (см. рис. 11.14, *б*).

Упомянутый выше неизвестный автор гербовника из Луцка явно имел ввиду герб князей Друцких, когда писал: «Второй также меч голый с руч-



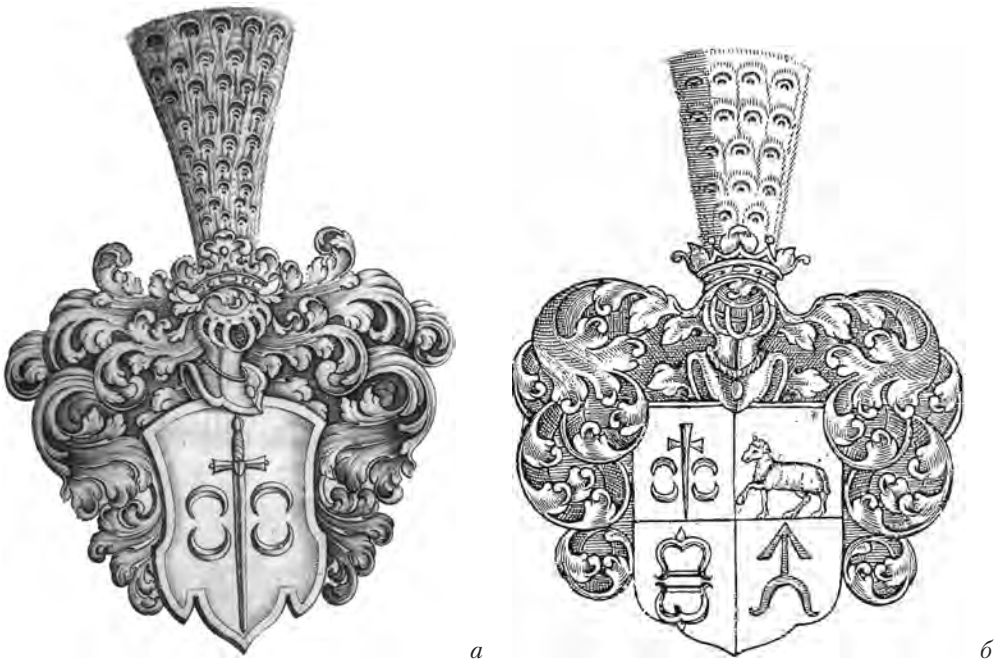
а *б*

Рис. 11.14. Гербовые печати: *а* – князя Михаила Друцкого-Соколинского, 1629 г.; *б* – Богдана Друцкого-Соколинского, 1639 г.

кой, а под скрещением меча с одной стороны два месяца к себе рогами (направлены), а со второй – такие ж два – в голубом поле, про нашлемник не знаю, т. к. между другими (гербовыми фигурами) на хоругвях в Кафедральном костеле тамже его видел. Кто бы его употреблял и за что пожалован (был) тяжело выяснить» [ZNiO, rkps. 639, fol. 323]. Обратим внимание на то, что в гербах волынских представителей князей Друцких-Любецких гербовые цвета еще не были нормированы: поле щита могло быть и красным, и голубым, а крест – серебряным.

Закреплению четвертого варианта герба с мечом и полумесяцами в геральдике князей Друцких способствовала также панегиристическая литература ВКЛ первой половины XVII в., насыщенная эмблематикой, в том числе геральдической. Эмблемы и гербы в книжной гравюре того времени соответствовали мировосприятию человека [Ткачэнка, 2001, с. 236]. Учитывая, что подчас авторами некоторых геральдических произведений были сами представители рода князей Друцких, использованные ими сведения позволяют исследовать проблему «изнутри». В 1642 г. в Вильно были изданы «Траурные голоса сыновей...» на похороны Анны Друцкой Горской с Коптей [Drucki Horski Michał i Stephan, 1642]. Она была женой оршанского старосты Григория Юрия Друцкого-Горского, а составителями траурного произведения являлись их сыновья Михаил и Стефан, студенты Виленской иезуитской Академии[26]. Наиболее интересными являются стихотворения Михаила и Стефана Друцких-Горских о своем родовом гербе, который, согласно их словам, складывался из меча и четырех «лун» или «месяцев». Отметим, что герб еще не назывался «Друцк», а по своей основной гербовой фигуре описывался как «Меч и месяцы»: «Плач над гербовым Мечом нашим...», «Плач над самими месяцами...» [Drucki Horski Michał i Stephan ... , 1642, fol. E2–E2 v]. Помещенная в книге гравюра дает возможность ознакомиться с его тогдашним полным изображением: на щите изображен меч острием вниз среди четырех полумесяцев, которые помещены с обеих сторон попарно рогами к себе, над щитом – зарешеченный шлем, повернутый влево (!), со шляхетской короной, в нашлемнике – хвост павлина, вокруг щита – намет из листвы (рис. 11.15, *а*). Хвост павлина в нашлемнике фиксируется еще в сложном гербе княжны Софии Друцкой-Любецкой, жены Павла Лясковского (1649 г.) (рис. 11.15, *б*) [Wolff, 1895, s. 212; Ginkiewicz, 1649, fol. A1 v.]. В общем для авторов «Траурных голосов сыновей...» это был только «герб Горских», в связи с чем его друцкое происхождение явно отходило на задний план, а княжеский титул совсем не был упомянут. Однако самым слабым местом родословной Михаила и Стефана Друцких-Горских была гербовая история. Фактически, помимо слов Михаила о том, что их «гербовый Меч» рубил турецкие и шведские шеи, а также грозил своим клинком московским полкам, больше никакой информации о происхождении герба подано не было [Drucki Horski Michał i Stephan, 1642, fol. E2]. Стефан от себя припомнил только факт использования герба князей Друцких на

[26] Описание содержания этой книги составил Николай Николаев [Нікалаеў, 2009, т. 1, с. 141, 146, 148].



а *б*

Рис. 11.15. Гербы: *а* – князей Михаила и Стефана Друцких-Горских, 1642 г.; *б* – княжны Софии Друцкой-Любецкой (сложный), 1649 г.

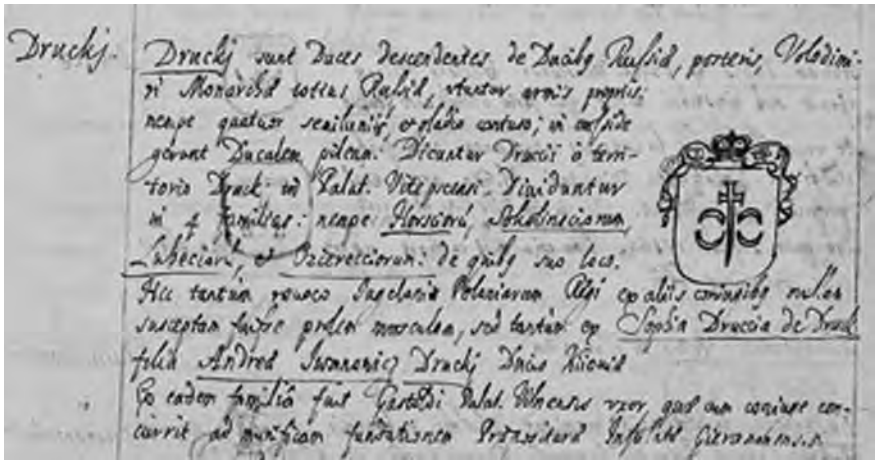
перстнях умершей матери [Drucki Horski Michał i Stephan ... , 1642, fol. E2 v.]. Все это свидетельствует только в пользу того, что в 1642 г. никакой гербовой легенды у князей Друцких не существовало, а сам герб не имел еще специального названия. Характерно, что, несмотря на существование в ВКЛ определенной панегиристической литературы со сведениями о гербе князей Друцких, он остался неизвестным для составителя общего гербовника шляхты Речи Посполитой Шимона Окольского. В его трехтомной работе «Польский мир», которая вышла в Кракове в 1641–1645 гг., о геральдике князей Друцких не было упомянуто [Okolski, 1641, т. I, s. 128–199].

Впервые герб князей Друцких появился в рукописном гербовнике «Компендиум» Войтеха Виюка Кояловича только в середине XVII в. Назвав его «Друцк», «отец» шляхетской геральдики ВКЛ дал следующее его описание: «Должен быть в красном поле четыре полумесяца, а между ними широкий меч, в нашлемнике три пера страуса» [Kojałowicz, 1897, s. 45] (рис. 11.16, *а*). Ни цвет полумесяцев, ни цвет меча не были им обозначены, что позволяет полагать о незнании Войтехом Кояловичем полных цветовых характеристик. Поданный им нашлемник отличался от того, которым в 1642 г. пользовались Друцкие-Горские. Однако, насколько можно полагать, нашлемники в гербах князей Друцких действительно могли иметь разный вид. Сведения о гербе у Войтеха Кояловича чрезвычайно лаконичны: им пользовались Друцкие, «которые от давних князей Руских род свой выводят, а на четыре ветви в ВКЛ разделились: Горских, Любецких, Озерецких, Соколинских»

[Kojałowicz, 1897, s. 45]. О последних специально отмечено, что они «этого же герба» [Kojałowicz, 1897, s. 46]. Похоже на то, что автор первого гербовника шляхты ВКЛ не обладал никакой дополнительной информацией насчет герба князей Друцких, помимо той, что была в «Хронике» Матея Стрыйковского. Тем не менее к заслугам Войтеха Кояловича следует отнести придание гербу названия «Друцк», которое именно с этого времени стали употреблять применительно к геральдике князей Друцких.

В 1658 г. в другой своей работе с родословными шляхты ВКЛ – «Номенкляторе» – Войтех Коялович добавил некоторые важные детали о гербе князей Друцких: «происходят от князей Руских, потомков Владимира, мо-

а



б

Рис. 11.16. Герб «Друцк» (*а, б*). По рукописям Войтеха Кояловича. Середина XVII в.

нарха всей Руси. Употребляют герб собственный, а именно четыре полумесяца и меч широкий, а на шлеме – княжескую митру. Называются Друцкими от повета Друцк (так!) в Витебском воеводстве. Делятся на четыре линии: Горских, Соколинских, Любецких и Озерецких...» [Kojałowicz, 1905, s. 154] (рис. 11.16, *б*). Наиболее важное уточнение – про княжескую митру – вытекало не только из уверенности автора о происхождении Друцких от киевского князя Владимира Святославича. Митру употребляли на своих гербовых печатях с начала XVII в. князья Друцкие-Любецкие: Павел Григорьевич (1601, 1619, 1640 г.) и оршанский подстароста Иван Павлович (1625 г.) [Цітоў, 1993, с. 93, № 220; Одноroженко, 2009б, с. 75–76, 230, 231, № 101, 103, 104, 105]. Не ошибся Войтех Коялович и в том, что митра должна была располагаться на шлеме. Именно там она фигурирует на печати луцкого гродского судьи князя Павла Григорьевича Друцкого-Любецкого (1619, 1627 г.) [Одноroженко, 2008в, с. 76; 2009б, с. 75, 231, № 103].

Друцкая-Горская Быховцова Анна – княжна, жена Януша Быховца, автор реестра дел на поместья мужа для Василия Быховца от 13 июля 1622 г., писаного в Толкачевичах (?).

Г е р б: на щите изображен меч острием вниз, по сторонам лезвия которого попарно – четыре полумесяца рогами к себе, над щитом – шлем со шляхетской короной, над гербом – инициалы: «A[nna]D[rucka]H[orska]».

П е ч а т ь: № 1, вырезанная в листе кустодия, 15 × 18 мм, сохранность хорошая [НИАБ в Гродно, ф. 1664, оп. 1, д. 303, л. 4].

П у б л и к а ц и я: впервые (рис. 11.17).

Рис. 11.17. Гербовая печать княжны Анны Друцкой-Горской Быховцовой. 1622 г.

Другие ветви князей Друцких – Горские и Соколинские – в конце XVI в. – первой половине XVII в. использовали в своих гербах шлем или вообще без короны, или со шляхетской короной [Цітоў, 1993, с. 93, № 219; Одноroженко, 2009б, с. 72, 76–77, 229, 232, 233, № 88, 110, 111, 112, 113] (см. рис. 11.17). К середине XVII в. шлем с княжеской митрой появился и у них. Именно ею накрыл сложный герб княжны Софии Друцкой-Горской Ходкевичевой, воеводянки виленской, известный гравер Конрад Гёдке в 1646 г. [Liškevičienė, 1998, p. 169; Цітоў, 2007, с. 48] Интересно, что главный элемент гербовой фигуры подан на его гравюре так, что тяжело определить: то ли это меч, то ли это крест в окружении четырех полумесяцев (рис. 11.18).

Рис. 11.18. Сложный герб княжны Софии Друцкой-Горской Ходкевичевой, воеводянки виленской. Гравюра Конрада Гёдке. 1646 г.

Рис. 11.19. Гербовая печать смоленского и северского архиепископа, гродненского архимандрита Митрофана Друцкого-Соколинского. 1672 г.

В свою очередь, на печати смоленского и северского архиепископа, гродненского архимандрита, игумена Черлёнского Митрофана Друцкого-Соколинского на гербе были изображены два шлема с княжескими шапками и с шестиугольными звездами в нашлемниках (рис. 11.19). Правда, княжеским титулом он не пользовался, подписавшись по-польски: «Mitrophan Drucki Sokolinski Archiepiscop Smolenski Sywierski Archimandryt Grodzienski Smolenski ychumen Czerlenski ręko swą» [НИАБ в Гродно, ф. 128, оп. 1, д. 3, л. 7].

Друцкий-Соколинский Митрофан – архиепископ Смоленский и Северский, архимандрит Гродненский, Смоленский, игумен Черлёнский, автор арендного листа гродненским мещанам Николаю Каленкевичу, Давиду Окуличу и N Богдановичу от 3 марта 1672 г., писаного в Чащевлянах.

Г е р б: на щите изображен меч острием вниз, справа и слева от него – по два полумесяца рогами к себе («Друцк»), над щитом – два открытых шлема, на них – княжеские митры, в нашлемниках которых – шестиугольные звезды, между шлемами – некое подобие жезла с крестом. Инициалы: «M[itrophan] D[rucki] S[okolinski] A[rchimandryt] G[rodzienski]».

П е ч а т ь: № 1, прямоугольная кустодия, 19 × 20 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: впервые (см. рис. 11.19).

Следует отметить, что широкой известности гербу «Друцк» рукописные гербовники Войтеха Кояловича не принесли, ведь они не были в то время напечатаны[27]. Только в первой половине XVIII в. автор фундаментального гербовника шляхты Речи Посполитой Каспер Несецкий впервые опубликовал не только его описание, но и гравюрный рисунок. Во втором томе своей «Короны польской» (Львов, 1738 г.) он повторил про «Друцк» фактически всю информацию из рукописи Войтеха Кояловича, специально подчеркнув, что: «Про этот герб ни Папроцкий, ни Окольский не писали» [Niesiecki, 1738, t. II, s. 87]. Однако вместо точно описанного Войтехом Кояловичем меча в гербовой фигуре Каспер Несецкий подал крест: «Есть четыре Месяца, как бы в новолунии, два с одной стороны один над другим рогами к себе направленные, со второй стороны такие же два, между ними Крест, над шлемом митра Княжеская...» [Niesiecki, 1738, t. II, s. 87]. Правда, на счет вида гербовой фигуры «Друцк» польский геральдист не был полностью уверен, хотя вначале заявил, что сам ее видел много раз. Со ссылкой на произведение иезуита Станислава Острожанского «Золотые колосья» (Вильно, 1640 г.) он заметил, что тот «в гербе князей Друцких более хочет иметь меч широкий рукояткой просто вверх направленный,

[27] Еще в 1789 г. это положение с сожалением описывал граф Эварист Андрей Куропатницкий [Kuropatnicki, 1789, s. X].

а не крест, в шлеме же его шесть перьев кладёт» [Niesiecki, 1738, т. II, s. 87]. Однако в указанном источнике в гербе князей Друцких-Соколинских был помещен именно крест и пять перьев в нашлемнике, а гербовое стихотворение не оставляет никаких сомнений в том, что Каспер Несецкий перепутал его информацию:

«Dwa Miesiące przy krzyżu znaki odmienności,
Zawartemi rogami bronią swey całości.
...Dwa Miesiące po stronach znaki odmienności,
Krzyż w poyśrzodku Krolewska droga do wieczności.
Darmo drogi do nieba gdzie indziey szukacie,
Cni Kniaziowie, gdy pewną drogę w domu macie».

[Ostrozanski, 1640, fol. A1 v.] (рис. 11.20)

Однако на геральдической гравюре герба «Друцк», помещенном в гербовнике «Корона польская», перевес все же был отдан мечу, а приписанные Станиславу Острожанскому шесть перьев были положены над княжеской митрой (рис. 11.21). Нет сомнений в том, что даже в первой половине XVIII в. вариативность гербовой фигуры князей Друцких сохранялась. Князь Юзеф Александр Яблоновский вообще писал, что: «...наиболее ... Фамилии благородные Руские и Литовские, в особенности княжеские, месяцами и крестами печатались...» [цит. по: Kuropatnicki, 1789, cz. I, s. 44]. Несомненно, в этом месте он в первую очередь имел в виду князей Друцких.

Популярность работы Каспера Несецкого в Речи Посполитой поспособствовала, во-первых, закреплению за гербом названия «Друцк», во-вторых, благодаря геральдической гравюре, перевес получил четвертый вариант

Рис. 11.20. Герб князей Друцких-Соколинских. По Станиславу Острожанскому. 1640 г.

Рис. 11.21. Герб «Друцк». По Касперу Несецкому. 1738 г.

гербовой фигуры – с мечом и полумесяцами. Несмотря на то что последователь Каспера Несецкого – Бенедикт Хмелёвский – еще видел в гербе «Друцк» «меч или крест» (1763 г.) [Chmielowski, 1763, s. 46–47], именно меч вышел на первый план. Интересными представляются замечания графа Эвариста Андрея Куропатницкого, белзского каштеляна, насчет геральдики князей Друцких, сделанные им в геральдическом трактате «Известия о шляхетском гербе...», изданном в Варшаве в 1789 г. Во-первых, все Друцкие (специально обозначены Горские и Соколинские) использовали герб «Друцк» [Kuropatnicki, 1789, cz. II, s. 25, 37, 58, 101]; во-вторых, повторив описание герба за Каспером Несецким, он не согласился с доминацией креста в гербовой фигуре: «а я бы считал, что меч широкий короткий, вверх скрещением, а острием вниз идет, в шлеме Митра, над Митрой пять перьев страуса» [Kuropatnicki, 1789, cz. III, s. 13]. Обратим внимание на смену количества перьев в нашлемнике – с шести до пяти, что соответствовало геральдическим правилам. Генезис «Друцка» им был пояснен просто: «От князей Руских применяемый со старинных времен» [Kuropatnicki, 1789, cz. III, s. 13]. Последнее замечание важно потому, что позволяет утверждать полное отсутствие внятной гербовой легенды у князей Друцких в XVIII в. Что касается родословной, никто в то время ни сомневался в происхождении князей Друцких, Горских, Соколинских, Любецких, Озерецких, Багриновских, Бабичей, Балабанов, Толочинских, Подберезских, Виденицких, Зубровицких и Путятичей от потомков киевского князя Владимира Святославича от «Линии Владимирской» [Jabłonowski, 1742, s. 75]. Удивительным образом это не противоречило исторической правде (родословные полоцких князей и, соответственно, друцких водили от Изяслава Владимировича) [Насевіч, 1993, с. 5, 9–10].

Окончательную точку в закреплении гербовой фигуры «Друцк», а также его цветовых характеристик поставил «земянин Черниговского воеводства» Пётр Малаховский в работе «Сборник фамилий шляхты...», которая выдержала два издания (Люблин, 1790 и 1805 г.). Согласно его сведениям, щит герба «Друцк» делился на две части: правую голубую, где «...два месяца в новолунии, один вверх, второй вниз рогами, чуть не сталкиваются, около них при левой стороне на том же самом поле (так!) меч короткий широкий, рукояткой вверх, острием вниз, с левой стороны в поле ярко красном (так!), такие же самые два месяца» [Małachowski, 1805, s. 597]. Правда, какого цвета были меч и месяцы, автор не потрудился отметить. Традиционные уже шлем, княжеская митра и шесть перьев страуса в нашлемнике были позаимствованы из гравюрного рисунка Каспера Несецкого, а тезис: «В давние времена от князей Руских применяемый» [Małachowski, 1805, s. 597], – явно взят из книги графа Эвариста Андрея Куропатницкого. Интересно, что именно этот вариант герба с небольшими изменениями был адаптирован князьями Друцкими-Соколинскими в Российской империи в конце XVIII в. У них меч был серебряный, а месяцы золотые [Общий гербовник дворян Всероссийской империи, 1800, ч. 5, с. 4; Петров, 1991, кн. 1, с. 98, 99] (рис 11.22).

Таким образом, можно констатировать, что гербы князей Друцких в XV–XVIII вв. прошли определенные этапы эволюции: от появления первых геральдизированных знаков до формирования родового герба «Друцк».

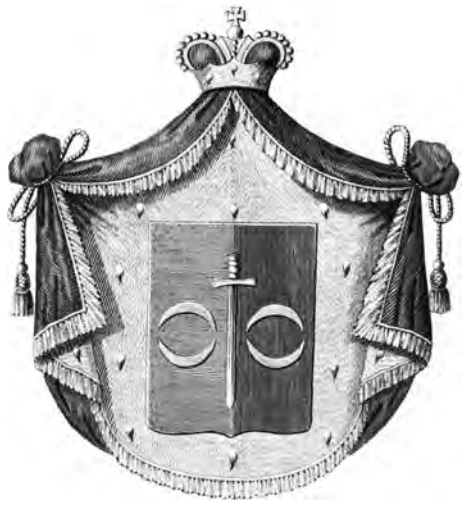


Рис. 11.22. Герб «Друцк» князей Друцких-Соколинских в Российской империи. По «Общему гербовнику...». 1800 г.

1. Период многогербовости князей Друцких (XV в. – первая половина XVI в.). В результате геральдизации личных клеймовых знаков стрелового, крестового и полукольцевого типов у князей Друцких сложились три варианта собственных гербов. В основе первого из их была стрела между четырех полуколец (князь Фёдор Фёдорович «Конопля»-Друцкий-Соколинский, 1478–1486 гг.). В основе второго лежал длинный крест между четырех полуколец – полумесяцев (князь Михаил Васильевич Друцкий-Соколинский, 1541 г.). Его возникновение можно отнести к концу 30-х – началу 40-х годов XVI в. Общий процесс натурализации абстрактных клейм привел к закреплению в геральдике князей Друцких так называемых астрономических элементов в гербовой фигуре в виде четырех полумесяцев. В основе третьего варианта герба лежало полукольцо с буквой «М» или ее половиной наверху (князь Григорий Иванович Одинцевич-Багриновский, 1527 и 1556 г.). Помимо этого князь Семён Богданович Одинцевич пользовался польским шляхетским гербом «Заремба» или его измененным вариантом «Лев з муру» (1534–1541 гг.), который являлся или результатом его собственного герботворения, или достоянием гербовой адаптации со стороны Довойн. Из перечисленных второй вариант стал прототипом герба «Друцк».

2. Период складывания единого родового герба князей Друцких (середина XVI в. – начало 40-х годов XVII в.). В это время почти все ветви рода (Соколинские, Горские, Любецкие и др.) стремились вместе презентовать второй вариант их герба с крестом и четырьмя полукольцами или полумесяцами. Дальнейший процесс натурализации гербовой фигуры привел к преобразованию креста в меч. В результате появился новый – четвертый – вариант герба князей Друцких, в основе которого лежал меч между четырех полумесяцев. На середину XVI в. пришлось оформление общей родословной легенды князей Друцких, которая опиралась на несколько важных генеалогических идей: о происхождении от великих князей киевских, о праве Друцких на великокняжеский титул, о русинском происхождении рода и об их тесных брачных связях с Гедиминовичами. Однако дальнейшего развития эти идеи не получили. Единственным важным

итогом их влияния на геральдику князей Друцких было появление в их гербах княжеской митры. Спецификой такой геральдики было сочетание, вопреки геральдическим правилам, рыцарского шлема с княжеской митрой и разного типа нашлемниками: хвост павлина или перья страуса (обычно три или пять). Для гербовой фигуры также была характерна изменчивость: крест или меч, полукольца или полумесяцы, различные незначительные дополнения. Тем не менее закреплению четвертого варианта герба в геральдике князей Друцких способствовала панегиристическая литература ВКЛ первой половины XVII в., насыщенная геральдической информацией, в том числе гравюрами гербов. Однако никаких следов гербовой легенды князей Друцких в ней отыскать не удалось, а сам герб еще не имел специального названия. Герб князей Друцких появился в рукописных гербовниках ВКЛ и Речи Посполитой довольно поздно: в конце 30-х – начале 40-х годов XVII в., первоначально – как неизвестный герб.

3. Период использования князьями Друцкими герба «Друцк» (конец 40-х годов XVII в. – конец XVIII в.). Как герб князей Друцких впервые он был зафиксирован в рукописном гербовнике «Компендиум» Войтеха Виюка Кояловича только в середине XVII в. К заслугам автора надо отнести придание ему названия «Друцк», которое было введено им по технической причине: с целью систематизации гербов шляхты ВКЛ и по образцу польских гербовых названий. Отныне это название стали часто употреблять применительно к геральдике князей Друцких. В 1738 г. Каспер Несецкий в своем гербовнике шляхты Речи Посполитой впервые опубликовал не только описание герба «Друцк», но и поместил его гравюрный рисунок. В это время вариативность гербовой фигуры князей Друцких сохранялась, но популярность работы Каспера Несецкого поспособствовала, во-первых, окончательному закреплению за гербом названия «Друцк», во-вторых, благодаря геральдической гравюре, перевес получил четвертый вариант гербовой фигуры – с мечом и полумесяцами, шлемом под митрой и с шестью перьями страуса в нашлемнике. Отсутствие гербовой легенды привело к тому, что во всей геральдической литературе Речи Посполитой XVIII в. генезис «Друцка» объяснялся происхождением Друцких «от князей руских». Для самих князей Друцких во второй половине XVIII в. сведения из гербовников и геральдических сборников стали главным источником по их родовой геральдике, независимо от подданства Речи Посполитой или Российской империи.

11.2. Гербы Льва Ивановича Сапеги (1580–1633 г.): состав, легенда, функции

Геральдика рода Сапегов уже имеет определенную историографию [Semkowicz, 1989, t. III, s. 41–45; Rachuba, 1995, s. 42–47; Шаланда, 1995, nr 2/4, s. 5–15]. Однако учеными исследованы преимущественно общие ее вопросы, а гербы отдельных представителей рода они рассматривали в контексте изучаемой проблемы. Отдельно следует отметить публикации гербовых печатей Сапегов, которые также имеют долгую традицию [Прозоровский, 1881, с. 12,

№ 31–32; Болсуновский, 1899, вып. I, с. 3–4, табл. I, мал. 11; Akta unii Polski z Litwą ... , 1932, s. 348–349, 353; Puzyna, 1933, r. XII, nr 5, S. 73, Mal. 30; Цітоў, 1993, с. 45, 58, 88, 101, мал. 10, 188, 266; Алфьоров, Одноroженко, 2008, с. 152–154, № 673–677]. Тем не менее гербы конкретных представителей заслуженного в истории ВКЛ и Беларуси рода находятся пока на начальной стадии изучения. Так, например, гербы с печатей киевского каштеляна Павла Ивановича Сапеги (1578 и 1580 г.) недавно привлекли внимание белорусского исследователя Андрея Янушкевича [Янушкевіч, 2013, вип. IV, с. 484–494]. В свою очередь, смысл и значимость сложного герба сына Льва Ивановича Сапеги – Яна Станислава – рассмотрел польский историк Александр Станкевич [Stankiewicz, 2013, s. 295–340].

Сфрагистику и геральдику канцлера ВКЛ Льва Ивановича Сапеги уже рассматривали исследователи. Еще в 1881 г. две его канцлерские гербовые печати 1589–1623 гг. описал российский исследователь Дмитрий Прозоровский. Согласно его сведениям, на них был родовой герб Сапегов «Лис»: на щите изображена два раза перекрещенная стрела острием кверху, над щитом – шлем со шляхетской короной, в нашлемнике – лиса между рогами, вокруг щита – намет [Прозоровский, 1881, с. 12, № 31–32]. Оттиск печати со сложным пятичастным гербом с документа 1588 г., когда Лев Иванович Сапега являлся еще подканцлером ВКЛ, опубликовал белорусский геральдист Анатолий Титов [Цітоў, 1993, с. 45]. Ему принадлежат также публикации гербов Льва Ивановича Сапеги из старопечатных книг второй половины XVI в., в том числе его гербовой гравюры из III Статута ВКЛ 1588 г. [Цітоў, 1999, с. 74, 79]. Правда, опубликованный сфрагистический и геральдический материал им использован преимущественно в иллюстративных целях.

Переиздание в Беларуси в 1989 г. III Статута ВКЛ 1588 г. потребовало от издателей научных комментариев, в связи с чем сложному гербу Льва Ивановича Сапеги из помещенной там геральдической гравюры (рис. 11.23) была посвящена статья того же Анатолия Титова. По его мнению, пять геральдических фигур в сложном гербе подканцлера ВКЛ не соответствовали правилам сложения пятичастных гербов и были объяснены так: в первом центральном щите – родовой герб «Лис» по отцу, во втором поле – три лилии (так называемый Сапега) – деда графа Фёдора Ивановича Сапеги (?), в третьем – «Погоня» (фото 51) бабушки по отцу княжны Анны Андреевны Сангушки, в четвертом – рука, прошитая в локте стрелой сверху вниз – бабушки по матери княжны Настасьи Юрьевны Друцкой-Толочинской (?) и в пя-

Рис. 11.23. Сложный герб Льва Ивановича Сапеги, подканцлера ВКЛ. III Статут ВКЛ. 1588 г.

том – «Друцк» матери княжны Богданы Константиновны Друцкой-Соколинской [Цітоў, 1989, с. 475; Ляўко, 2000а, с. 87–113]. Сегодня расшифровку геральдических фигур во второй и четвертой частях нужно признать ошибочной [Шаланда, 1995, nr 2/4, s. 8, 11, 13, 14]. Неизвестен источник, из которого Анатолий Титов привел сведения про графский герб «Сапега», что касается руки со стрелой, то его идентификация не выдерживает критики, ведь геральдика князей Друцких-Толочинских известна [Однороженко, 2009б, с. 77, 233, № 117].

В своих прежних исследованиях по Сапежинской геральдике мы пришли к другим выводам. Во-первых, уже во второй половине XVI в. у Сапегов существовали три собственных родовых герба: «Лис», «Лилии» и «Рука со стрелой», которые подкрепляли их фальшивую родословную от Гедимина. Во-вторых, Сапеги при сложении своих многочастных гербов не придерживались точно генеалогического принципа, а стремились к помещению всех трех родовых гербов вместе с гербами наиболее знаменитых родственников [Шаланда, 1995, nr 2/4, с. 14; 2004, с. 81]. При таком рассмотрении сложный герб Льва Ивановича Сапеги решал три задачи: доказывал мифическое происхождение от великого князя литовского Наримонта Гедиминовича (гербы «Лис» и «Лилии»); свидетельствовал о получении Сапегами графского титула (герб «Рука со стрелой»); отображал брачные связи своего владельца по «кудели» с реальными Гедиминовичами и Рюриковичами (гербы «Погоня» и «Друцк») [Шаланда, 2004, с. 75].

В гербовниках Речи Посполитой Сапеги и их герб появились довольно рано. Впервые они были упомянуты польским геральдистом Бартошем Папроцким в его произведении «Гнездо целомудрия», которое было напечатано в Кракове в 1578 г. Согласно его сведениям, польский шляхетский герб «Лис» на Городельском сейме 1413 г. получил трокский каштелян Сунигайло, от которого «теперь имеем благородный Дом в Литве Сапег» [Paprocki, 1578, s. 1168] (рис. 11.24). Через пару лет в другой своей работе «Гербы польского рыцарства» (Краков, 1584 г.) Бартош Папроцкий был в отношении истоков рода Сапегов еще более категоричен: «Герб Лис Дом стародавний и вельможный Сапег в Литве употребляет, который когда-то взял Сунигайло, трокский каштелян на себя и на весь Дом свой, про потомков которого, присмотревшись к гербу (так!), читать будешь. Ян Сапега, потомок того Сунигайлы, был витебским воеводой и браславским старостой, а сперва являлся коморным писарем короля Сигизмунда в 1508 г.» [Paprocki, 1584, s. 663]. Учитывая тот факт, что в первой своей книге

Рис. 11.24. Герб «Лис» Сапегов. По Бартошу Папроцкому. 1578 г.

Бартош Папроцкий Яна (Ивана) Сапегу не называл еще напрямую потомком Сунигайлы и не подчеркивал специально свой «геральдический» аргумент, именно в его особе видится первый польский адепт родоводного и гербового мифов Сапегов. Очевидно, что на основании использования общего с Яном Сунигайлой герба «Лис» он считал Сапегов литовцами.

Нет сомнения, что во второй половине XVI в. в Речи Посполитой русины Сапеги были заинтересованы в такой своей «литовской» родословной, а потому сама идея про герб «Лис» могла исходить только от них самих. По меньшей мере изображение лиса в нашлемнике герба с фигурой дважды перекрещенной стрелы впервые зафиксировано на печати Павла Ивановича Сапеги, господарского маршалка, уже в 1549 г. [ANKr, AS, TR IV, plik 41, s. 196, 201; TR IV, plik 42, s. 205, 210]. В 1569 г. он уже как новогрудский воевода подписал и закрепил своей гербовой печатью Люблинскую унию. В нашлемнике его герба опять был лис [Akta unii Polski z Litwą ... , 1932, s. 348–349, 353, nr 149], что свидетельствует о стремлении владельца иметь гербовую композицию, которая целиком бы соответствовала польскому образцу. Характерно, что только линия Павла Ивановича Сапеги, хотя неполно и с ошибками, была представлена в произведениях Бартоша Папроцкого – фактически четыре поколения, если не считать искусственно присоединенного к Сапегам Сунигайлу: его отец Ян (Иван), сам Павел, его сыновья Николай, Богдан, Андрей и внучки [Paprocki, 1578, s. 1168–1169; 1584, s. 663–664]. Не исключено, что польский геральдист знал новогрудского воеводу лично, ведь в 1576 г., когда он собирал материалы для своего гербовника, Павел Иванович Сапега находился в Кракове в близком окружении Стефана Батория [Sapiehowie ... , 1890, т. I, s. 54]. Уже после смерти новогрудского выводы († в 1579 г.) Бартош Папроцкий посчитал нужным отметить его заслуги: «Павел моего времени был новогрудским воеводой, хорошим сенаторам и полезным Речи Посполитой Великого княжества Литовского» [Paprocki, 1584, s. 663].

Интересно, что автору «Гербов польского рыцарства» в 1584 г. был совсем неизвестен молодой Лев Иванович Сапега, про которого он только вспомнил: «Другой Сапега являлся писарем Великого княжества Литовского» [Paprocki, 1584, s. 664]. То, что имелся в виду именно Лев, свидетельствовала его должность: с 1581 г. великим писарем ВКЛ был именно он [Саверчанка, 1992, с. 12; Urzędnicy centralni ... , 1994, s. 134]. Звезда его только восходила – это была уже вторая ступенька в его карьере, ведь до этого – в 1580 г. – Лев Иванович Сапега являлся секретарем ЕКМ Стефана Батория [Саверчанка, 1992, с. 12]. Известна его гербовая печать того времени: на щите изображена два раза перекрещенная стрела острием вверх, над щитом – зарешеченный шлем со шляхетской короной, в нашлемнике – три пера страуса, вокруг щита – намет [НГМ РБ, ркпс. КП б/н, л. 1 об., Варшава, 8 фев. 1580 г.] (рис. 11.25).

Рис. 11.25. Гербовая печать секретаря ЕКМ Льва Ивановича Сапеги. 1580 г.

Сапега Лев Иванович – секретарь ЕКМ, свидетель и печатарь на листе господарского маршалка князя на Олыке и Несвиже Николая Криштофа Радзивилла от 8 февраля 1580 г. для собственных судебных представителей Геронима Маковецкого, маршалка и секретаря ЕКМ и своего слуги Бальцера Езерского по делу с кричевским старостой Николаем Служкой, писаного в Варшаве.

Г е р б: на щите изображена два раза перекрещенная стрела острием вверх, над щитом – зарешеченный шлем со шляхетской короной, в нашлемнике – три пера страуса, вокруг щита – намет, по сторонам нашлемника – инициалы: «L[ew]» и «S[apieha]».

П е ч а т ь: № 3, прямоугольная накладная кустодия, 13 × 15 мм, сохранность хорошая.

П у б л и к а ц и я: впервые (см. рис. 11.25).

Нашлемник в виде трех страусиных перьев был заменен на лиса в гербах Льва Ивановича Сапеги довольно поздно – только в период его канцлерства с 1589 г. [Прозоровский, 1881, с. 12, № 31–32], о чем еще пойдет речь ниже. Однако это говорит в пользу того, что он вряд ли был создателем «литовской» родословной Сапегов. Тот факт, что в 1578–1580 гг. в нашлемнике герба еще одного тогдашнего представителя рода – киевского каштеляна Павла Ивановича Сапеги – тоже был не лис, а единорог [НИАБ, ф. 694, оп. 4, д. 1027, л. 3 об., 11 об.; Янушкевіч, 2013, вип. IV, с. 484], позволяет сузить круг идейных вдохновителей Бартоша Папроцкого. Другими словами, есть основания утверждать, что идея соединить свой род с родом Сунигайлы через канонический польский шляхетский герб «Лис» могла родиться только у упомянутого выше новогрудского воеводы Павла Ивановича Сапеги и его сыновей.

В связи с этим стоит еще раз обратиться к информации, содержащейся в двух фальсификатах для Сапегов, буквально нашпигованных геральдической информацией. Имеются в виду два привилея для Сапегов: Сигизмунда Старого от 1512 г. и Сигизмунда Августа от 1572 г., – которые были опубликованы еще в XVIII в. Антонием Алоизом Миштолтом (Вильно, 1724 г.) и Казимиром Когновицким (Вильно, 1790 г.) [Misztołt, 1724, s. 88–91; Kognowicki, 1790, t. I, s. 2–4, 8–14; см. также: Rodowód książąt Sapiehów, 1863, s. 3–4, 7–9]. В первом из их утверждалась, что Иван «на Кодени» и Богдан «на Опакове» Семёновичи Сапеги вели свой род от пинского князя Наримонта Гедиминовича через деда Пунигайлу Наримонтовича Софию и отца Семёна Сунигайлу, который в Городле в 1413 г. взял «для лучшего союза и объединения герб по-простому называемый Лис к давнишнему гербу своему Лилиям через упомянутого Наримонта Гедиминовича, пинского князя, деда его некогда принятого, его (герб «Лис». – *А. Ш.*) присоединил...» [Kognowicki, 1790, t. I, s. 4][28]. Целиком мифический Пунигайла был введен в родословную не только с целью соединить родовые линии Наримонта

[28] Фальсификат был составлен на латинском языке: «*...vulgo Lis in majus vinculum et societatem, Stemmati suo Lilioru per praedictu Narimundu Gediminovitium Pinscesem Ducem avu suum olim assumpto associavit confirmare mus et affirmaremus...*» [Misztołt, 1724, s. 88].

и Семёна в одну [Шаланда, 1995, nr 2/4, s. 6], но и для толкования смысла родовой фамилии, которая была производной от греческого слова «софия» – премудрость. Выходит, что Сапеги ощущали определенный комплекс: ведь на самом деле их фамилия проистекала от прозвища «Сапега», которое, в свою очередь, брало начало от старобелорусского слова «сапець» [Kossakowski, 1872, t. III, s. 20–21].

Во втором привилее Сигизмунд Август подтверждал Николаю Павловичу Сапеге титул графа Святой Римской Империи на Кодени, но вспоминал преимущественно его отца: «...надо вспомнить, что это был за муж Павел Иванович на Кодени, новогрудский воевода, наш некогда посол в Германию. Ему Максимилиан Второй, римский цезарь в награду его отличных способностей дополнение к гербам – руку в латах на красном поле – его и отца Ивана Семёновича, некогда витебского, позднее подляшского воеводы дальнейшим потомкам и всей Фамилии служащую, любезно пожаловал. Которому мы также в доказательство мужества в Ливонии явно показанной, стрелу, которая локоть прошила, в награду полученной раны придали, приложили и между старинными Сапежинскими гербами посчитали...» [Kognowicki, 1790, t. I, s. 10][29]. Таким образом, согласно поданным в фальсификатах сведениям, к трем гербам Сапегов принадлежали: «Лис» (польский шляхетский – с 1413 г.), «Лилии» (княжеский первоначальный) и «Рука со стрелой» (графский пожалованный).

Известный сфрагистический материал позволяет утверждать, что раньше всех эти три герба Сапегов появились у сыновей новогрудского воеводы Павла Ивановича Сапеги – берестейского каштеляна Богдана и воеводы менского Николая (оттиски печатей с документов от 1584 и 1588 г. соответственно) [Болсуновский, 1899, вып. I, с. 3–4, табл. I, мал. 11; Цітоў, 1993, с. 88, мал. 188]. Насколько можно полагать по рисунку с оттиска печати последнего, ее матрица была сделано еще раньше, ведь сохранилась даже дата: «157(6?). Последнее число оказалось затертым, но можно полагать, что печать была сделана в год занятия Николаем Павловичем Сапегой должности менского воеводы в 1576 г. Обращает на себя внимание тот факт, что на нашлемниках сложных гербов братьев было изображение отцовского лиса.

Герб с изображением трех лилий появился раньше руки со стрелой, и наиболее вероятным его автором следует считать новогрудского воеводу Павла Ивановича Сапегу [Шаланда, 1995, nr 2/4, s. 10]. Дело в том, что именно ему в 1720 г. Ян Валицкий приписал главную заслугу в создании пантеона Сапегов в Кодени, где среди прочего много внимания было обращено на геральдику. Согласно его свидетельству, основатель коденьской ветви Иван

[29] Фальсификат был составлен на латинском языке: *«Quis quantusque fuent (Paulus – A. Ш.) Ivanivitius in Koden haeres Palatinus Novogrodensis Noster olim in Germania orator, huic Maximilianus II Romanorum Imperator egregiarum animi dotum pretium, auctionum Armorum suae, tum parentis Ivani olim Simeonidae Vitebscensis postea Podlachiae Palatini reliquae posteritati totique Familiae servientem, Manum loricatam in campo rubeo gratiose contulit, cui Nos quoque ob res in Livonia praeclare gestas Sagittam cubitum transfodientem vulneris praemium superaddidimus, adjecimas atque inter antiquiora Sopihana Arma reputavimus»* [Rodowód książąt Sapiehów, 1863, s. 8].

Семёнович Сапега был сперва похоронен в Ботьках, но позже «...сын Павел Сапега, новогрудский воевода перенес его в коденьскую каменную церковь в замке, дав яму нагробие на каменной таблице выбитое русскими буквами старосветской работы согласно его времени, который потом при переносе тел Сапежинских из церкви в костел каменный[30] латинским стилем есть слово в слово выбит при большом алтаре. Русский же, про который выше упоминал, остается и поныне в церкви над дверьми, имея выбитое начало и гербы целого Дома внизу, то есть три Колюмны, Погоня, три Лилии и Лис, а над ими две митры...» [Walicki, 1720, s. 79–80]. Плита сохранилась до наших дней и датирована 1520 г. [Matušakaitė, 2009, p. 288, nr 391] (рис. 11.26).

Действительно, все работы по переносу тела своего отца Павел Иванович Сапега мог проводить только после 1547 г., когда Кодень окончательно был закреплен в собственности Сапегов [Sapiehowie ... , 1890, т. I, s. 49–50]. То, что он приложил руку к появлению трех лилий в геральдике Сапегов, свидетельствует не только факт, что в построенной им коденьской замковой церкви «...гербы Лилии и Лис на каменном дверном проёме старинно выбитые видеть можно...» [Walicki, 1720, s. 80]. Наиболее красноречива сама надпись на плите, где помещен геральдическо-генеалогический фрагмент: «(Ивану Семеновичу Сапеге. – *А. Ш.*) ...с Великихъ Литовскихъ Господарей урожоному потомку, с Сунегайла сиречь Пунегайловіча Сап(е)гіа Каштеляна Троцкого Симеона именемъ на Кр(е)щенію взятомъ за Іегелы, оружіемъ[31] Лісъ, до Дедовскихъ Столповъ и Криновъ гербовъ в соединенію Литвы съвокупленымъ, украшенаго отца, с Пунегайла Наримундовича Ол(ь)гердового равножителя тож де(и) Троцкого Каштеляна, Сап(е)гіа с грецкаго од Премудрости реченнаго, откуду свое вся Памят(ь) имя призывает Наримунтовичовъ сиречь Белженского и Подол(ь)ского

Рис. 11.26. Плита с эпитафией Ивану Семёновичу Сапеге из коденьской церкви (геральдический фрагмент). Середина XVI в. Фото из книги Марии Матушакайте

[30] Насколько можно предполагать, второй перенос – из церкви в костел – осуществил Николай Павлович Сапега, так как именно его как строителя коденьского костела упоминает Войтех Виюк Коялович [Kojałowicz, 1897, s. 153]. Сам он был похоронен тамже, про что свидетельствовала надмогильная плита, которая находилась в коденьском костеле еще во второй половине XIX в. [Rodowód książąt Sapiehów, 1863, s. 10].

[31] Дословный перевод латинского слова *«arma»*, что может свидетельствовать в пользу происхождения старобелорусского текста от некоего латинского первоисточника.

князювъ Брата, деда, с Наримунда Гедиминовича Пинскаго Епарха прадеда, с Гедиміна Ветенеча, прапрадеда, с Ветеня прапрадеда в(еліко)го отца Літовскихъ князювъ...» [Matušakaitė, 2009, p. 288, nr 391]. Обратим внимание на старобелорусскую форму слова «лилии» – «крины». В эпиграмме на герб канцлера ВКЛ Льва Ивановича Сапеги, напечатанной в «Служебнике» (Вильно, 1617 г.), старобелорусский поэт Леон Мамонич использовал подобную лексику, когда писал: «Смотры, как крыны, ездзецъ и стрела с рукою, Звезалися, стрела с крестом, крест теж с луною...» [Старажытная беларуская літаратура, 1990, с. 308].

Выскажем мысль, что именно новогрудский воевода Павел Иванович Сапега после смерти в 1548 г. Сигизмунда Старого сфабриковал привилей 1512 г., в результате чего придуманный им и приписанный князю Наримонту Гедиминовичу герб с тремя лилиями получил «легитимность» и позже появился на гербовых печатях сначала его сыновей, а затем и родственников. Правда, граф Станислав Казимир Коссаковский считал, что упомянутые фальсификаты 1512 и 1572 г. были созданы во времена правления Яна III Собесского (1674–1696 г.) [Kossakowski, 1872, t. III, s. 13]. Без изучения самих документов точно определить время их создания невозможно, но сфрагистика и геральдика Сапегов может являться определенным хронологическим маркером фальсификатов. Поэтому про второй поддельный привилей Сигизмунда Августа 1572 г. можно точно сказать только то, что он был создан уже после смерти последнего Ягайловича[32]. Отметим только, что фальсификаты в 1744 г. были внесены в книги Метрики ВКЛ Яном Фредериком Сапегой, что способствовало признанию в 1768 г. сеймом Речи Посполитой княжеского титула Сапегов [Rodowód książąt Sapiehów, 1863, s. 11; Грыцкевіч, 2001, т. 6, кн. I, с. 223–224]. Однако в отличие от первого фальсификата привилей 1572 г. опирался либо на какую-то настоящую графскую традицию Сапегов [Górzyński, Kochanowski, 1992, s. 94; Rachuba, 1995, s. 47][33], либо на реальный факт ранения кого-то из Сапегов в Ливонии[34]. Так или иначе, но уже в 70–80-х годах XVI в. герб с изображением прошитой стрелой руки появился сначала в гербах тех же потомков Павла Ивановича, а в середине 80-х годов XVI в. – у Льва Ивановича Сапеги.

Что касаться последнего, то его интерес к трем гербам Сапегов увеличивался вместе с собственным карьерным ростом. С получением должности

---

[32] Польский исследователь Анджей Рахуба относил возникновение традиции Сапегов, касающейся использования герба «Рука со стрелой», к первой половине XVIII в., а ее автором под вопросом считал Яна Фридерика Сапегу (1680–1751 г.) [Rachuba, 1995, s. 42, 47].

[33] Белорусский исследователь Анатолий Грицкевич категорически отбрасывает пожалование Сапегам графского титула С.Р.І. в 1572 г. [Грыцкевіч, 2001, т. 6, кн. I, с. 223]. Александр Станкевич говорит только про графские амбиции Сапегов [Stankiewicz, 2013, s. 324].

[34] Ротмистром в 1561–1565 гг. во время Ливонской войны являлся никто иной, как Николой Павлович Сапега, участник Ульской битвы 1564 г., номинированный в 1565 г. на уряд господарского маршалка [Янушкевіч, 2007, с. 79, 162, 172, 174]. Не был ли его карьерный взлет наградой за ранение в Ливонии? Данный вопрос требует дополнительного изучения.

Рис. 11.27. Сложный герб подканцлера ВКЛ Льва Ивановича Сапеги. По А. Титову. 1588 г.

подканцлера ВКЛ в 1585 г. он начал использовать печать со сложным пятичастным гербом, самый ранний известный оттиск которой датирован 1588 г. [Цітоў, 1993, с. 45] (рис. 11.27). Он был аналогичен тому гербу, который известен по описанной выше геральдической гравюре из III Статута ВКЛ 1588 г. Интересно, что в нашлемнике Льва Сапеги были сохранены три пера страуса от предыдущего его герба.

Сапега Лев Иванович – подканцлер ВКЛ, слонимский, марковский и мядельский староста, 1588 г.

Г е р б: щит разделен на пять частей. В первой на центральном щите – два раза перекрещенная стрела острием кверху (родовой герб «Лис» с 1413 г.); во второй – три лилии 2 : 1 (старый герб Сапегов – князя Наримонта Гедиминовича); в третьей – «Погоня» (фото 51) бабушки по отцу княжны Анны Андреевны Сангушки; в четвертой – рука, сверху вниз прошитая в локте стрелой (новый герб Сапегов – графов Сапегов на Кодени); в пятой – материнский «Друцк» княжны Богданы Константиновны Друцкой-Соколинской, над щитом – шлем со шляхетской короной, в нашлемнике – три пера страуса, вокруг щита – намет, по краю печати – надпись: «LEO SAPIE... MAG ◦ DVCA LITVA VICECANCLER».

П е ч а т ь: воск, красный, Ø 31 мм.

П у б л и к а ц и я: Цітоў А. Пячаткі старажытнай Беларусі. С. 45 (см. рис. 11.27).

В отличие от геральдики Богдана и Николая Павловичей Сапегов сложный герб подканцлера ВКЛ Льва Ивановича Сапеги имел ту особенность, что вдобавок к гербовым фигурам «Лиса», «Лилии», «Руки со стрелой» и материнского «Друцка», им был введен еще герб бабушки по отцу. Одним из мотивов для создания именно такой гербовой композиции, по нашему мнению, стало желание владельца поместить «Погоню» (фото 51), которая ни только являлась родовым гербом князей Сангушек, но и государственным гербом ВКЛ. В свою очередь, гербы Сапегов свидетельствовали о рецепции Львом Ивановичем Сапегой определенных идей из родоводных и гербовых мифов коденьской ветви рода [Stankiewicz, 2013, s. 320]. Например, про императорский след в генезисе гербовой фигуры с рукой и стрелой говорится в панегирике Криштофа Варшевицкого в честь Льва Ивановича Сапеги (Краков, 1600 г.): «Huius (Ивана – Анджей Рахуба) porro filius Bogdanus Palatino extitit Smolensensi, qui aliquando filium valde militarim procreauerat vitium, Simeonem appellatum. Cui Romanus non memini quis magni alias nominis Imperator, quod egregiam illi operam bello quodam nauauerat, ad priora insignia, manum sagitta

transoffam adiecerat, quibus tum ipse, tum et eius posteritas continuata succesione uteretur» [цит. по: Rachuba, 1995, s. 43]. Другими словами, герб «Рука со стрелой» уже в конце XVI в. воспринимали как пожалованный Императором С.Р.И. кому-то из Сапегов, в данном случае – Семёну. Правда, автор гербовника шляхты Речи Посполитой «Польский мир» Симон Окольский (Краков, 1643 г.) утверждал, что «Рука или Manus Primo»: «Antiqua Sunt haec arma in Magno Ducatu Lituaniae, et in domo Sapihorum ad natalia Leonis Sapihae Palatini Vilnensis, et supremi Exercituum Ducis in M.D.Litu. illustria» [Okolski, 1643, т. II, s. 602].

Как видим, упомянутый герб им назван старинным и «Сапежинским», при этом в его использовании в особенности подчеркнута роль виленского воеводы Льва Ивановича Сапеги. Еще один, на этот раз анонимный, автор рукописного гербовника, созданного в конце 30-х – начале 40-х годов XVII в. на Волыни, также писал, что: «Герб Рука со стрелой, второй еще есть герб с рукой второй, который также и в В(еликом) княжестве Литовским (есть) и этим гербом дом Сапегов при других (своих гербах. – *А. Ш.*) вплоть до Льва Сапеги печатались» [ZNiO, rkps. 639, s. 283]. Генезис герба объяснен им просто: от ранения [ZNiO, rkps. 639, s. 283].

В другой старопечатной книге – проповеди на смерть одного из сыновей Льва – писаря ВКЛ, марковского и здитовского старосты Криштофа Сапеги – ксендз иезуит Якуб Ольшевский припомнил их мифическую родословную: «ни только от Пунигайлы Сапеги, трокского каштеляна, но и от Ольгерда князя литовского предка своего...» [Olszewski, 1631, A2] (Вильно, 1631 г.). Интересно, что вместо пинского князя Наримонта в предки Сапегам был выбран, очевидно по соображениям престижа, другой сын Гедимина – великий князь литовский Ольгерд. Среди гербов умершего Криштофа Львовича Сапеги, нарисованных на стенах виленского костела Святого Михала, он отметил: «Вижу Лисовец (так!): это Сапежинский (герб)... Вижу Лилии: это до Унии Сапежинский (герб)» [Olszewski, 1631, A2 v.]. Удивляет то, что автор панегирика не называет герб Сапегов «Лисом». Не был ли «Лисовец» местным названием польского шляхетского герба в ВКЛ, который употребляли Сапеги? В случае с гербом «Лилии», насколько можно полагать, Якуб Ольшевский имел в виду Городельскую унию 1413 г., а потому явно считал его первым гербом Сапегов. В целом он довольно хорошо ориентировался в мифической генеалогии и геральдике Сапегов, хотя и не раскрыл известные ему подробности. Ничего не написал он и про герб «Рука со стрелой», что на наш взгляд свидетельствует о падении его популярности у потомков Льва Ивановича Сапеги[35].

Последним в гербе Льва Ивановича Сапеги было изменено изображение нашлемника. Уже во времена канцлерства Льва Сапеги (1589–1623 гг.) на нашлемнике вместо перьев появилось изображение лиса, но не такого, как в польском гербе «Лис», а между рогами. Именно так описал нашлемники

[35] На эту тенденцию обратил внимание Анджей Рахуба [Rachuba, 1995, s. 46–47]. С ним не согласился Александр Станкевич [Stankiewicz, 2013, s. 321–322].

Рис 11.28. Сложный герб с похоронного саркофага Льва Ивановича Сапеги († 1633 г.). Виленский костел св. Михала

Рис. 11.29. Сложный герб канцлера ВКЛ Льва Ивановича Сапеги. Гравюра из произведения «Гименодора». Вильно, 1620 г.

на двух гербовых печатях канцлера ВКЛ Дмитрий Прозоровский [Прозоровский, 1881, с. 12, № 31–32]. Однако возможно, что с рогами он ошибся, ведь на похоронном саркофаге Льва Сапеги из виленского костела Святого Михала был помещен его сложный герб, где на нашлемнике между трубами был изображен лис [Matušakaitė, 2009, p. 150, nr 195] (рис. 11.28). Изображение двух труб с лисом посередине было на нашлемнике герба Льва Ивановича Сапеги и при его жизни, как свидетельствует его геральдическая гравюра в произведении Матея Казимира Сарбевского «Гименодора» (Вильно, 1620 г.), изданном по поводу брака его сына Яна Станислава и Анны Ходкевич [Sarbiewski, 1620, f. 5; Sapiehowie ... , 1891, т. II, s. 4] (рис. 11.29). Появление труб можно объяснить только влияниям радзивилловской родовой геральдики, ведь второй женой Льва Ивановича Сапеги с 1599 г. была Гальшка Радзивилл [Sapiehowie ... , 1890, т. I, s. 162–163].

Таким образом, Лев Иванович Сапега пользовался комплектом гербов, которые отображали не столько его собственную реальную родословную, сколько мифическую генеалогию рода. Дважды перекрещенная стрела в его время однозначно ассоциировалось с польским шляхетским гербом «Лис» и доказывала связь реального родоначальника Сапегов русина Семёна с литовцем Сунигайлой Яном, трокским кашталяном, который действительно получил его в Городле в 1413 г. [Semkowicz, 1989, t. III, s. 41–43]. Герб «Лилии» был придуман Сапегами с целью заполнить свободное прост-

ранство первоначального герба, а затем был приписан к ненастоящему их предку – пинскому князю Наримонту Гедиминовичу, тем самым превращая владельцев герба в претендентов на великокняжеский титул. Герб «Погоня» имел двойную функцию. С одной стороны, он действительно принадлежал породненному с Сапегами роду – князьям Сангушкам, из которых происходила бабушка Льва по отцу княжна Анна. С другой стороны, согласно мифической родословной Сапегов, Лев Иванович имел на его все права, как «Гедиминович». Герб с изображением простреленной стрелой руки символизировал или какую-то настоящую графскую традицию Сапегов, или реальный факт ранения кого-то из них во время Ливонской войны в 1558–1570 гг. Он служил достоянием коденьской ветви рода, а использование его Львом Ивановичем Сапегой свидетельствует о формировании во второй половине XVI в. на основании генеалогическо-геральдических мифов сплоченного и солидарного магнатско-шляхетского рода Сапегов. Герб «Друцк» принадлежал матери Льва – княжне Богдане Друцкой Соколинской – и отображал его собственную родословную. Идентификация герба не вызывала никаких трудностей у панегиристов. Тот же ксендз Якуб Ольшевский в 1631 г. писал: «Вижу крест с лунами: это (герб) князей с Друцка» [Olszewski, 1631, A2 v.][36]. Замена изображения перьев на изображение лиса на нашлемнике свидетельствовала о стремлении Льва Ивановича Сапеги к приведению своего герба к образцу польского «Лиса». Тем не менее спецификой данной геральдики было добавление в нашлемник двух труб, которые подчеркивали важный брачный союз с Радзивиллами.

[36] См. также § 11.1 настоящей работы, посвященный изучению геральдики князей Друцких.

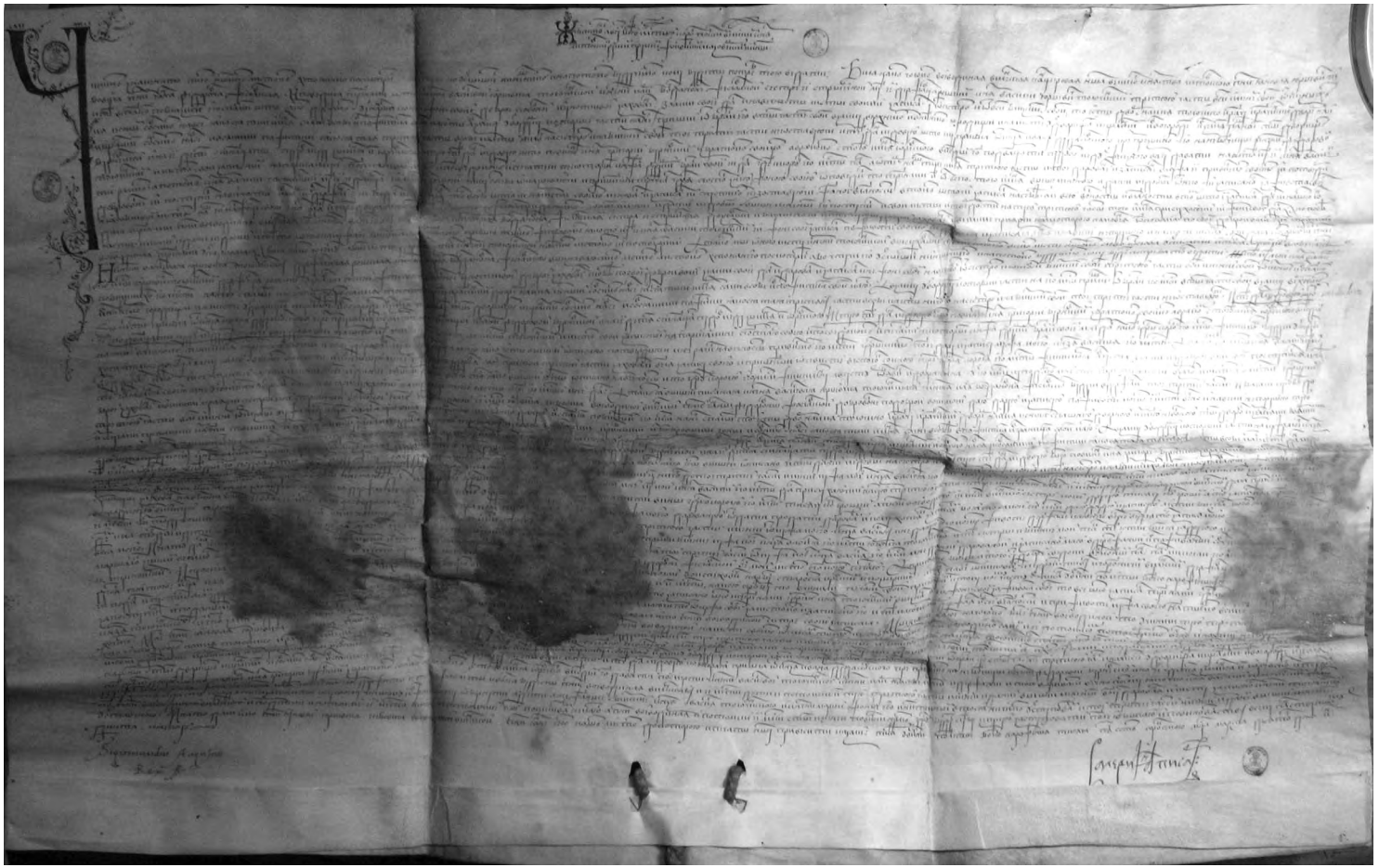


Рис. 8.1. Лист великого князя литовского Жигимонта Августа княгине А. Ф. Жеславской. 1547 г.

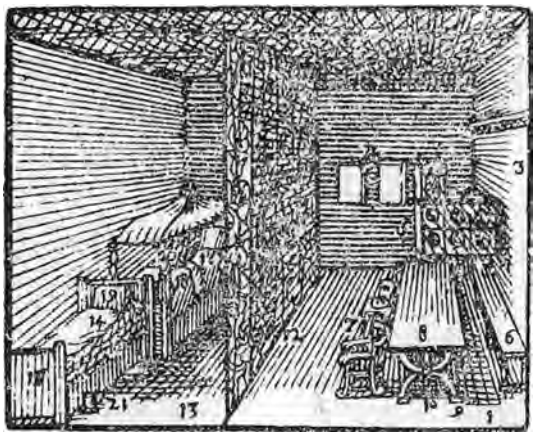


Рис. 8.2. Интерьер коморы и избы. Гравюра [Komensky J. A. Orbis sensualium pictus..., Norymberg, 1657]

Рис. 8.3. Винница. Гравюра [Siennik M. Herbarz. Kraków, 1568]

Рис. 8.4. Двор с хозяйственными постройками. Гравюра [Rej M. Źwierciadło. Kraków, 1567–1568 гг.]

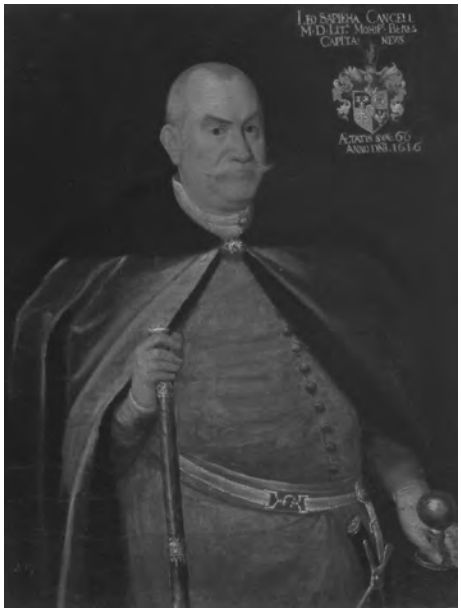


Рис. 8.5. Лев Сапега. Неизвестный художник. Первая четверть XVII в.

Рис. 8.6. Елизавета (Гальшка) Сапега. Неизвестный художник. Копия. XVIII в.

Рис. 8.7. Казимир Лев Сапега. Неизвестный художник. XVII в.

Рис. 8.8. Сад. Гравюра [Siennik M. Herbarz. Kraków, 1568]

Рис. 8.9. Место расположения бывшей усадьбы владельцев Толочина. Современный вид

а

б

Рис. 8.10. Липовые аллеи («шпалеры») *(а, б)*. Толочин. Современный вид

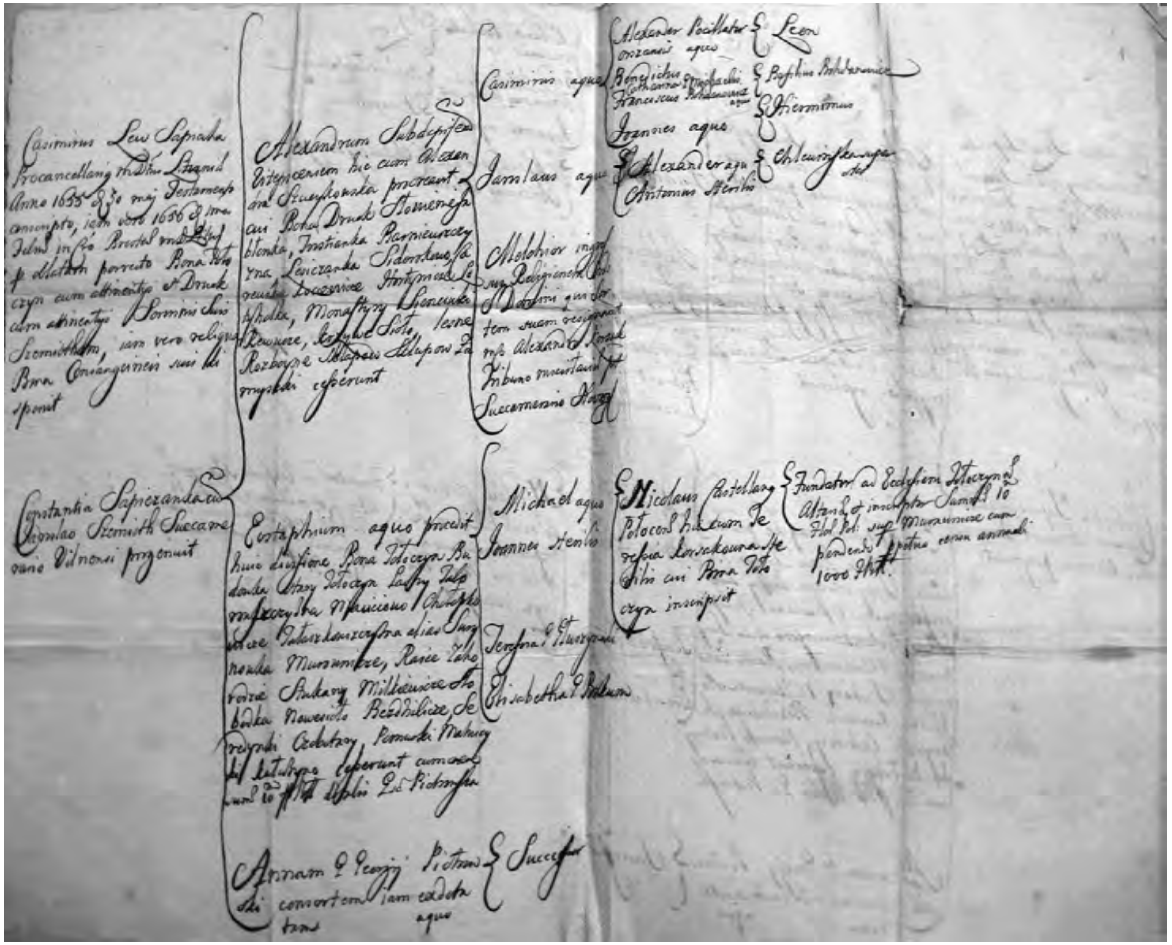
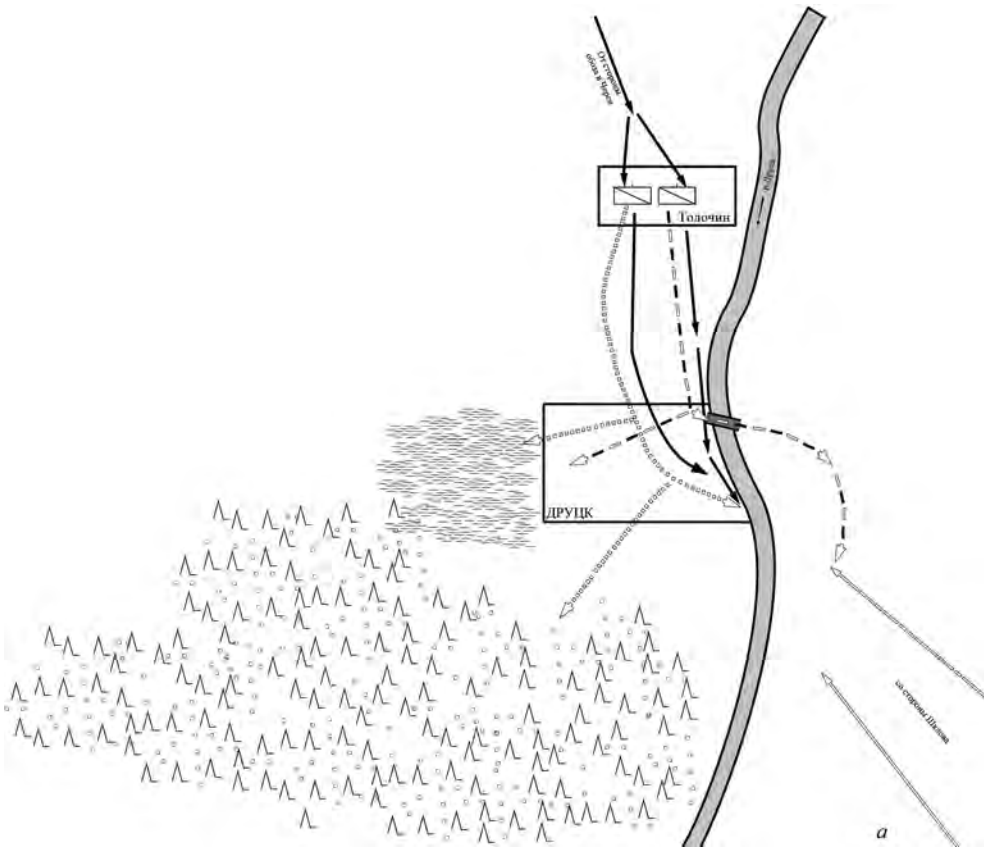


Рис. 8.11. Родовод владельцев Толочина в XVII в.


Толочин
ДРУЦК
Днепр
а

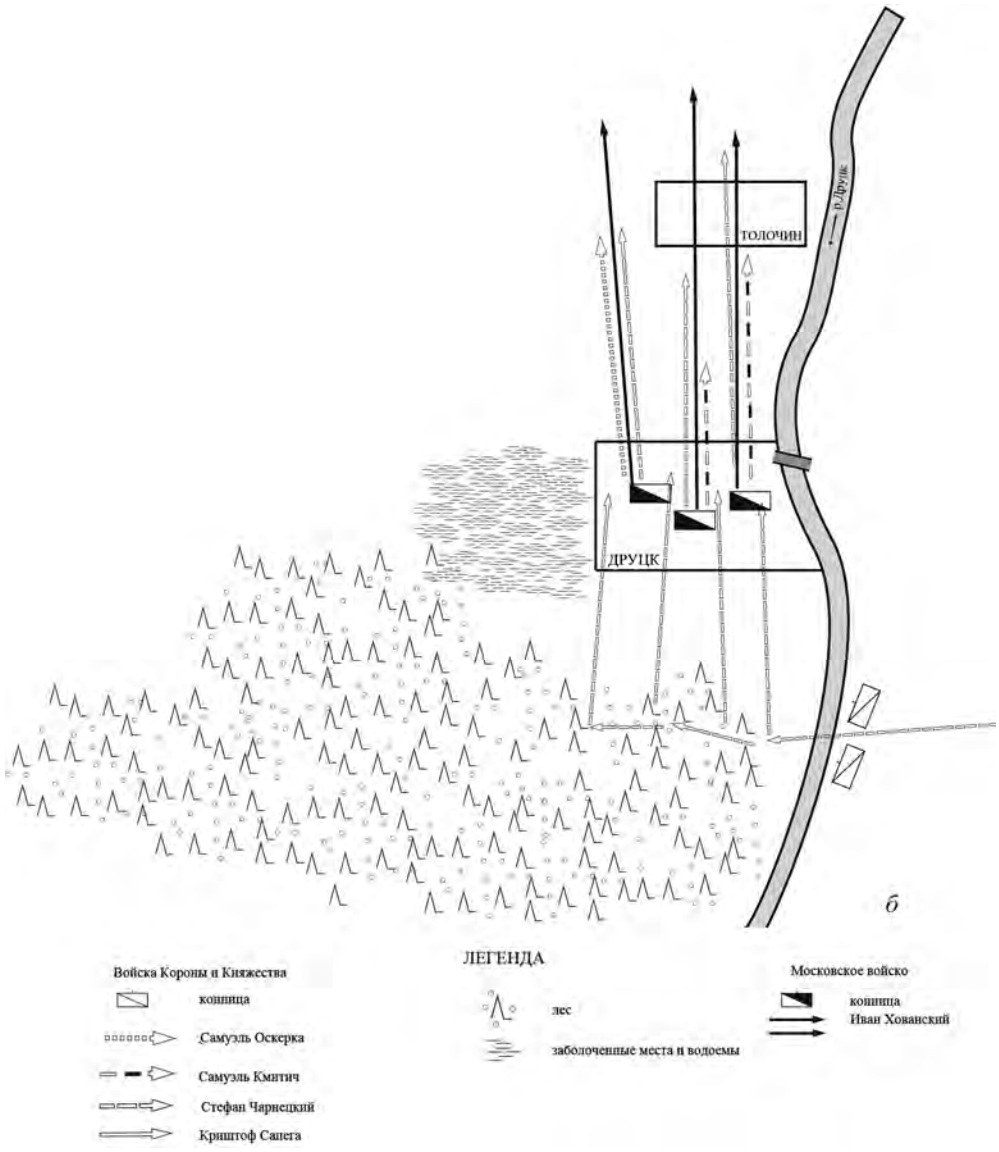


Рис. 9.1. Битва под Толочином: *а* – первая часть; *б* – вторая часть. 1660 г.

Рис. 9.2. Приготовление лекарств. Гравюра [Siennik M. Herbarz. Kraków, 1568]

Рис. 9.3. Ванна. Медь. XVIII в.

Рис. 9.4. Павел Карл Сангушка. Неизвестный художник. После 1750 г.

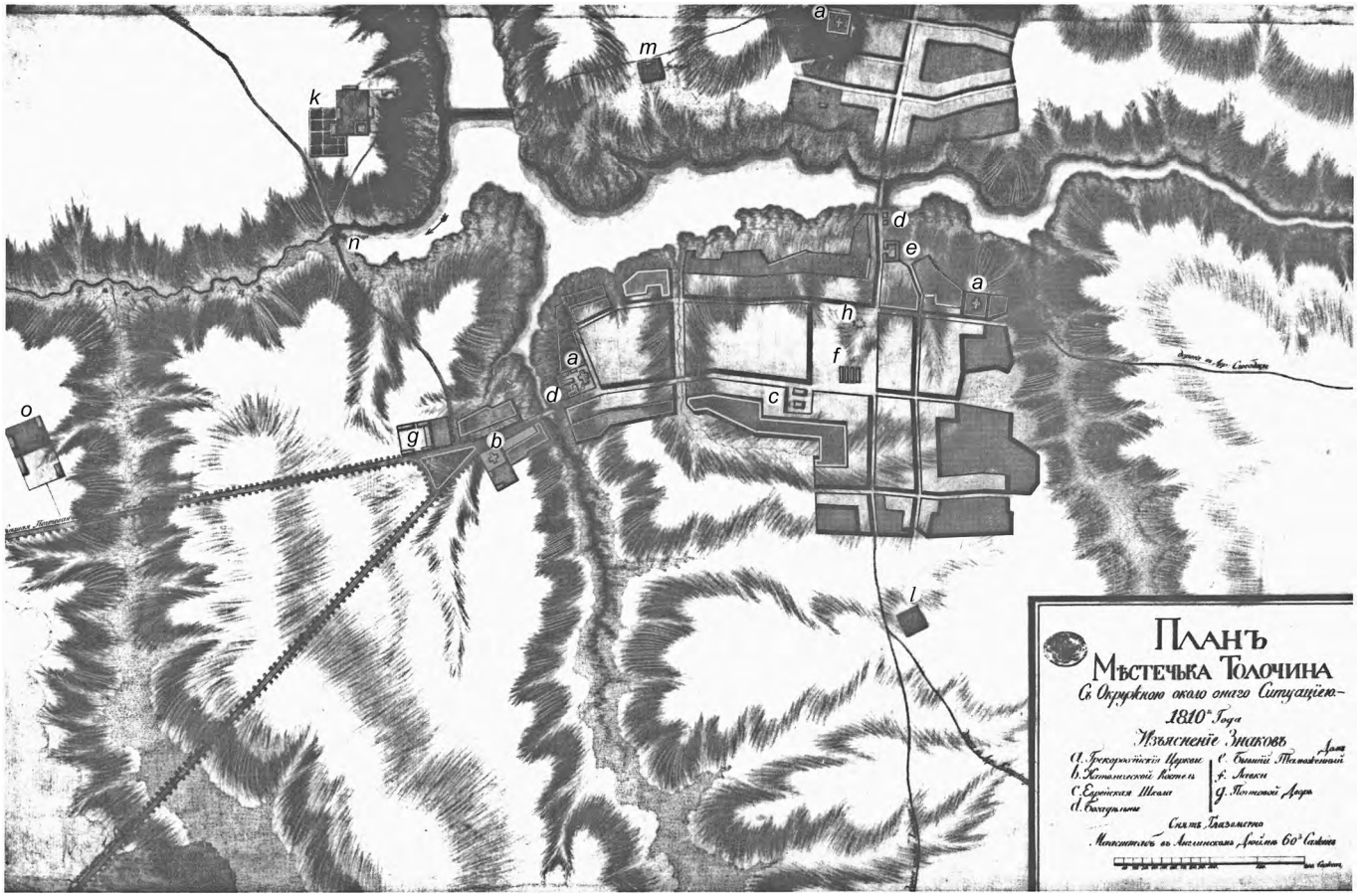


Рис. 10.1. План местечка Толочина с прилегающей местностью: *a* – Грекороссийские церкви; *b* – католический костел; *c* – еврейская школа; *d* – богадельни («шпитали»); *e* – бывший таможенный дом; *f* – лавки на рыночной площади; *g* – почтовый двор; *h* – столбы бывшей ратуши; *k* – господский двор; *l* – кладбище; *m* – гумно; *n* – мельница; *o* – фольварк Изопов. 1810 г.

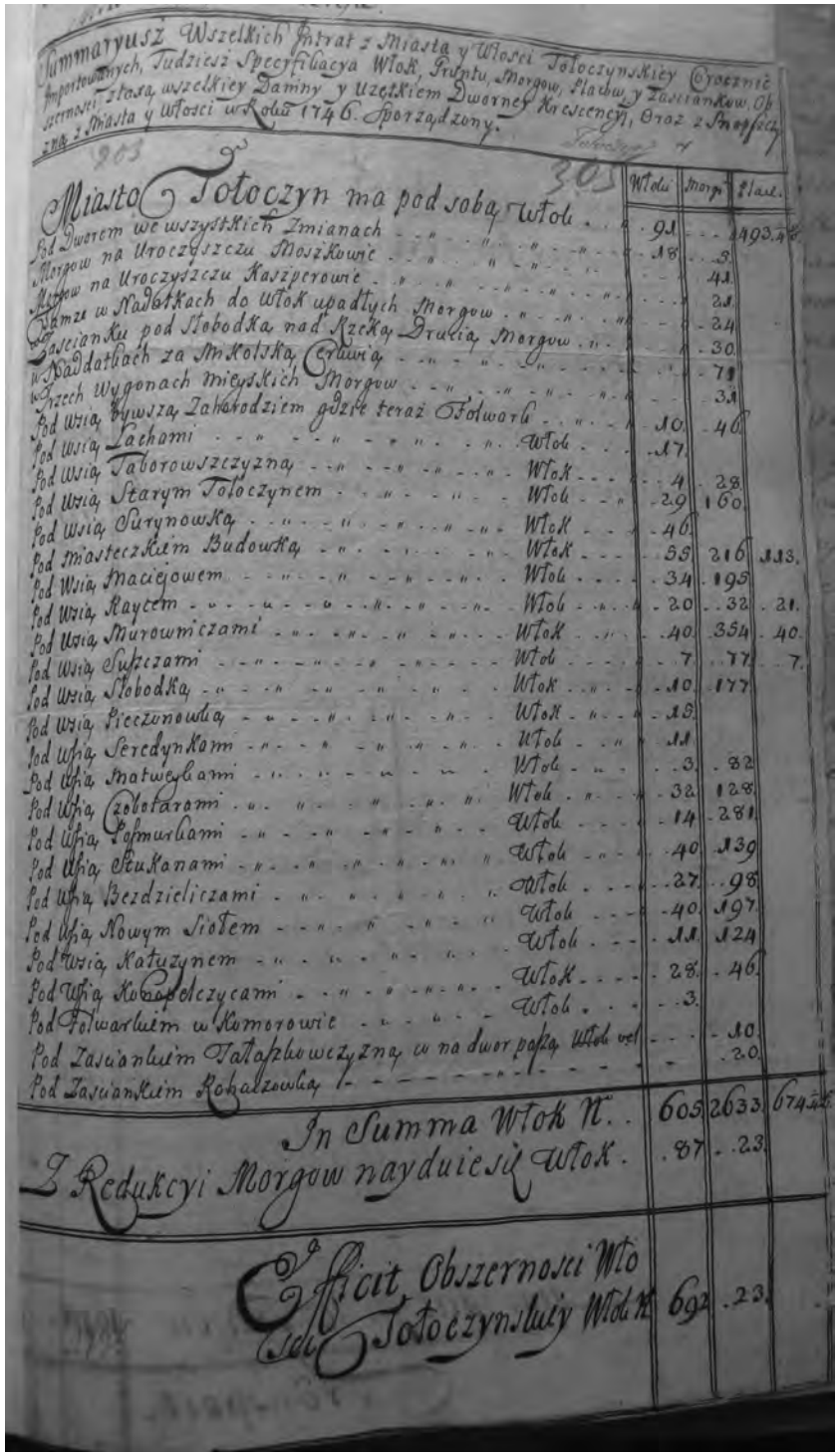


Рис. 10.2. Таблица доходов с имения Толочин. 1746 г. Фонды НИАБ

IV

РЕМЕСЛО, ПРОМЫСЛЫ, ТОРГОВЛЯ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ, НУМИЗМАТИКИ, ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

12. ВИДЫ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ НА ДРУЦКИХ ЗЕМЛЯХ. ИМПОРТ

12.1. Обработка черных и цветных металлов
(И. В. Магалинский)

Ассортимент, типология и хронология орудий труда и предметов быта из черного металла. Ремесло представляет собой основу экономической жизни города, отражает уровень развития материальной и духовной культуры его населения, определяет место поселения в экономической и политической жизни региона. За период археологического исследования Друцка на его территории была выявлена представительная коллекция археологических артефактов, которые свидетельствуют о высоком уровне развития ремесленной деятельности, что нашло отражение в существовании множества отраслей производства. Особое место среди ремесленных занятий древнего населения Друцка занимает обработка черных металлов. Данная отрасль хозяйственной деятельности обслуживала практически все сферы жизни, что обусловило существование значительного ассортимента изделий и их типологическое разнообразие. В связи с этим систематизация коллекции предметов быта и орудий труда из черных металлов представляется наиболее актуальной задачей обработки археологического материала из раскопок древнего Друцка. Типологизация данной группы предметов, а также установление их относительной хронологии позволят глубже понять особенности материальной культуры, образа жизни и повседневного быта жителей белорусского средневекового города.

Орудия труда и бытовые предметы из черных металлов из раскопок Друцка относятся к нескольким группам в соответствии со сферой их использования: ремесленные инструменты, сельскохозяйственные и промысловые приспособления, бытовые изделия, скобяные изделия.

Ремесленные инструменты. Черный металл являлся основным сырьем для производства специальных инструментов, использовавшихся в разных сферах ремесленного производства. В настоящее время в археологической науке наибольшую популярность имеет деление ремесленного инструментария на металлообрабатывающий, деревообрабатывающий, инструменты для обработки кожи, инструменты для обработки кости, ин-

струменты для плетения, универсальный инструментарий [Сингх, 2009а, с. 24; Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 8]. Данная классификация достаточно условна в связи с тем, что некоторые виды изделий могли использовать в разных сферах ремесленной деятельности. В настоящей работе основное внимание сосредоточим на отдельных видах инструментов.

Сверла. Для изготовления круглых отверстий в дереве, кости, камне, металле и других материалах использовали сверла. Данные инструменты носят универсальный характер, ведь их могли применять в разных отраслях ремесленного производства. Из раскопок Друцка происходят три сверла (рис. 12.1: *1–3*). Предметы представляют собой образцы спиральных изделий, имеющих металлический стержень (прямоугольный или округлый в сечении) со втулкой для деревянной рукояти и спиралью с острой режущей гранью в нижней части. Длина спирали у друцких сверл не превышает двух оборотов. По мнению Г. Н. Сагановича, отличительной чертой позднесредневековых сверл является увеличенное количество оборотов спирального завершения изделия [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 263]. В целом спиральные сверла появились на древнерусской территории со второй половины X в. и бытовали без серьезных изменений формы вплоть до XX в. [Сингх, 2009а, с. 18]. Друцкие сверла датированы XI–XIII вв.

Топоры. Топор представляет собой универсальное рубящее приспособление, которое широко использовали в деревообработке с древнейших времен. Классификация деревообрабатывающих топоров Друцка осуществлена на основании классификации Б. А. Колчина и Г. Н. Сагановича [Колчин, 1953, № 32, с. 103; 1959, т. II, № 65, с. 25; Сагановіч, 2001, т. 4, с. 261]. Два топора из друцкой коллекции могут быть отнесены к переходному варианту типа I по Б. А. Колчину либо к типу IVБ, выделенному Н. А. Плавинским на материалах с территории Беларуси в качестве дополнения к типологии А. Н. Кирпичникова (рис. 12.2: *1, 2*). Подобные изделия имеют массивное, опущенное лезвие и проушной обух с выступами. Топоры данного типа появились в XI в., наиболее активно использовались в XII–XIII вв., но существовали и в XIV в. Подобные топоры были наиболее широко распространены на западных землях Руси, в то время как в других древнерусских регионах их либо практически не использовали, либо знали о них слишком мало [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 25; Плавінскі, 2013, с. 31–32].

Ко второму типу относится одно изделие, которое имеет узкое, симметричное лезвие и облегченный округлый обух (рис. 12.2: *3*). Топоры данного типа появились в XIII в. и бытовали до XIV в. [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 26]. Аналогичное изделие обнаружено во время раскопок Полоцка в слое 20–30-х годов XIII в. [Штыхов, 1975, с. 58]. Еще один предмет из раскопок О. Н. Левко (раскоп I) можно датировать XV–XVII вв. и отнести к типу III по классификации позднесредневековых топоров Г. Н. Сагановича (рис. 12.26: *4*). Сюда относятся широколезвийные лопастные топоры с прямым лезвием и выемкой у основания плоского или округлого обуха [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 261].

Пилы. Из друцкой коллекции археологических артефактов происходят два фрагмента полотна пилы (рис. 12.1: *4, 5*). Фрагментарность одного изделия не позволяет отнести предмет к одному из известных типов предметов данного вида. Другое изделие является частью пилы-ножовки. Аналогичные артефакты встречаются в материалах Новгорода, начиная с X в. [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 31; Сингх, 2009а, с. 18].

Долота. Для обработки дерева активно использовали долота – инструменты для долбления пазов и разных выемок. В археологическом материале обычно выделяют два типа этих изделий: втульчатые и цельные. Из раскопок Друцка происходят три долота, которые относятся к типу цельных (рис. 12.3: *4–6*). Они имеют вид металлического стержня с плоским обушком на одном конце и косым острием на другом [Алексеев, 1966, рис. 21: *10–12*]. На территории Новгорода такие изделия появились в X в. и бытовали вплоть до XV в. [Сингх, 2009а, с. 14]. Друцкие изделия датированы XI–XIII вв.

Напильник. Универсальным инструментом для шлифовки и выравнивания поверхности деревянных, металлических и костяных изделий является напильник. В коллекции археологических находок из Друцка подобные изделия представлены одним экземпляром (рис. 12.3: *7*) [Алексеев, 1966, рис. 21: *5*]. Мелкие зубья напильника свидетельствуют о его использовании для обработки металла. Изделие можно датировать XI–XIII вв.

Иглы и шилья. Данную группу инструментов использовали для прокалывания отверстий в ткани, коже и других материалах. Иглы представляют собой тонкие металлические стержни, один конец которых заострен, а другой имеет ушко для протягивания нити. Металлические иголки из раскопок Друцка представлены пятью экземплярами (рис. 12.4: *11–15*). Отнести их к определенному типу невозможно. Форма иголок практически не изменялась с железного века [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 264]. Этот факт не позволяет использовать данную категорию изделий в качестве датирующего материала. Найденные в Друцке предметы относятся в основном к XI–XIII вв.

Шилья представляют собой универсальные приспособления для прокалывания отверстий. Из Друцка происходят шесть изделий данного вида (рис. 12.4: *9*). Это граненые металлические стержни ромбического или квадратного сечения с граненой рукоятью. Подобные изделия отличаются стабильностью формы, которая сохранялась на протяжении всего средневековья [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 264; Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 64]. Друцкие шилья датированы XI–XIII вв.

Ножницы представляют собой образец универсального инструмента, который могли использовать как в ремесле, так и в быту. Типологически все ножницы подразделяют на два типа: шарнирные и пружинные [Сингх, 2009а, с. 19]. В Друцке найдены два экземпляра пружинных ножниц (рис. 12.4: *1, 2*). Они отличаются наличием двух лезвий, соединенных между собой пружиной. Изделия можно датировать XI–XIII вв. Кроме пружинных ножниц в друцкой коллекции зафиксирован фрагмент шарнирного изделия, который типологически может быть датирован XI–XIII вв. (рис. 12.4: *3*)

Узкоспециализированные инструменты. В контексте изучения ремесленного инструментария особое внимание необходимо обратить на единичные находки узкоспециализированных инструментов. Так, из раскопок Друцка происходит пулелейка – специальное приспособление для отливки свинцовых пуль. Инструмент относится к типу клещеобразных (рис. 12.3: *2*). Аналогичные артефакты были обнаружены при раскопках Полоцка, Москвы, Коломны и др. Изделия датированы XVII–XVIII вв. [Двуреченский, 2008, вып. 1, с. 60; Дук, 2007б, № 1, с. 7]. В Друцке был найден также чертежный инструмент (рис. 12.3: *1*), который имеет близкие аналогии в новгородских материалах [Колчин, 1953, № 32, с. 68]. Подобное изделие могли использовать в деревообработке и косторезном ремесле в качестве измерительного прибора. Предмет датирован XI–XIII вв.

Сельскохозяйственные и промысловые приспособления. Сельское хозяйство и промыслы играли вспомогательную роль в жизни горожан. В ходе раскопок средневековых белорусских городов часто встречаются рыболовные снасти, приспособления для обработки земли, орудия сбора урожая. Большую часть этих предметов изготавливали из черного металла.

Сошник. Соха представляет собой главное орудие землепашцев периода средневековья. В материалах археологических исследований данные приспособления представлены их металлическими частями – сошниками. Два экземпляра данного изделия происходят из материалов археологических исследований Друцка (раскопки О. Н. Левко и Л. В. Алексеева) [Алексеев, 1966, с. 112; Левко, 2011б, вып. 21, рис. 16: *1*]. Сошники симметричные, что может указывать на принадлежность их к однозубой сохе (рис. 12.5: *1*). Типологически близкие изделия бытовали уже в VII–VIII вв. [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 266; Кирьянов, 1959, № 65, с. 325].

Серпы и косы. Серп – ручное орудие для жатвы, которое служит для срезания пучков колосьев. Из Друцка происходят пять фрагментов серпов, четыре из которых не подлежат типологическому определению. От еще одного изделия сохранились рукоять и фрагмент лезвия (рис. 12.5: *4, 5*). Угол изгиба лезвия позволяет предположить, что данный серп по типологии В. П. Левашевой относился к русско-литовскому типу. Подобные предметы имеют крутой изгиб начальной части клинка и достаточно пологий изгиб конечной части [Левашова, 1956, вып. 32, с. 73]. Изделие можно датировать XI–XIII вв. Коса – это режуще-ударное приспособление. Оно состоит из большого однолезвийного клинка и деревянной рукояти [Левашова, 1956, вып. 32, с. 87]. На территории Друцка обнаружено два фрагмента металлических изделий, которые можно соотнести с косами (рис. 12.5: *3, 6*). Фрагментарная сохранность изделий не позволяет отнести их к известным типам предметов данного вида.

Мотыги. Данные приспособления использовали для обработки почвы. Мотыги представляли собой цельнометаллические наконечники с деревянной рукоятью. Из раскопок Друцка 1961 г. (исследования Л. В. Алексеева) происходит железный наконечник мотыги (рис. 12.5: *2*). Подобные инструменты использовали на протяжении всего средневековья (вплоть до XIX в.) [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 267].

Приспособления для рыбной ловли. Рыболовные снасти в коллекции археологических находок из черного металла немногочисленны. Рыболовный крючок представлен изделием с бородкой и петлевидным ушком. Подобные изделия на древнерусской территории встречаются в культурных напластованиях XI–XIII вв. [Мальм, 1956, вып. 32, с. 106–108]. Кроме крючка приспособления для рыбной ловли представлены также фрагментами острог (2 экз.). Один предмет является частью однозубой остроги, второй фрагмент – часть трезубого орудия. Предметы можно датировать XI–XIII вв.

Ботало. В условиях лесного скотоводства необходимым атрибутом являлось ботало – колокольчик. Подобное приспособление подвешивали на шею животному, при движении которого колокольчик издавал звук. Из Друцка происходит одно ботало (см. рис. 12.33: *12*). Подобные изделия датируют обычно в рамках XII–XIV вв.

Бытовые предметы. К предметам быта относятся изделия из черного металла, которые использовали для удовлетворения широкого спектра ежедневных потребностей жителей города: ножи, замки и ключи, кресала, обувные подковки.

Ножи являются наиболее распространенным режущим орудием. Данные изделия широко представлены в материалах археологических исследований средневековых белорусских городов. Для классификации ножей из археологических исследований Друцка использована типологическая схема Б. А. Колчина, разработанная для новгородских материалов. По функциональному признаку все ножи делят на две группы: хозяйственно-универсальные и рабочие [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 54]. Группа хозяйственно-универсальных ножей объединяет изделия с прямой спинкой, клиновидным сечением лезвия и черенковыми или накладными рукоятями. Рабочие ножи, как правило, выделяются опущенным либо поднятым относительно линии черенка лезвием. Такими изделиями было удобно обрабатывать дерево и кость или использовать их для резания. За период археологического исследования в Друцке было обнаружено более 90 ножей. Основное их количество относится к хозяйственно-универсальным, отдельные предметы украшены инкрустацией цветным металлом (рис. 12.6: *1–9, 11, 12, 14*; 12.7: *8*). Среди ножей данной группы некоторые экземпляры могли использовать для выполнения специализированных ремесленных операций. Часть ножей могли пользовать для выполнения различных хозяйственных и ремесленных операций, а также в качестве столовых приборов (изделия с длинными и прямыми лезвиями) (рис. 12.7: *1, 6*).

Маркером раннего происхождения ножа является соотношение толщины спинки к ширине лезвия. Для периода XI–XII вв. такое соотношение равно 1 : 3 [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 51]. Для ножей более позднего периода характерно увеличение ширины лезвия и сужение спинки. Для XIII–XV вв. соотношение ширины лезвия к толщине спинки равно 6 : 1 и более [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 51]. Ножи XVI–XVIII вв. имели накладные рукояти. В XVIII в. распространенной формой изделия данного вида стал вытянутый нож с лезвием, которое плавно сужалось к острию под небольшим

углом. В конце XVII–XVIII в. ширина лезвий ножей стала больше, чем основание примерно на треть. При этом в XVIII в. концы лезвий приобретали, как правило, закругленные очертания [Дук, 2007а, с. 148; Левко, 1984, с. 43]. Подобные тенденции характерны и для ножей Друцка (рис. 12.7: *1, 2, 5, 6*).

К группе специализированных рабочих ножей в первую очередь следует отнести складные ножи – изделия в виде металлической обоймы, в которую вставляют складное металлическое лезвие. Складные ножи появились в XI–XII вв., однако продолжали существовать вплоть до XVIII в., когда приобрели полностью современную конструкцию [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 268–269]. Рабочим инструментом врача следует считать цельный нож, изготовленный заодно с рукоятью (рис. 12.7: *7*). Среди коллекции друцких ножей особое внимание следует уделить находкам уникального инструмента для удаления волос – *бритв*. Друцкие бритвы можно отнести к первому типу по Б. А. Колчину: к изделиям в виде лезвия с петлеобразной ручкой, заключенным в металлический футляр (рис. 12.7: *10, 11*). Подобные артефакты датированы XIII в. [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 57–58].

Замки и ключи являются наиболее частыми находками в культурных напластованиях белорусских городов X–XVIII вв. В конструктивном отношении все замки делят на две большие группы: навесные и нутряные. В результате значительной коррозии большая часть замков представлена в коллекции лишь фрагментами. В связи с этим для установления типов замков, распространенных у населения древнего Друцка, особенное значение приобретает анализ ключей, которые содержат в себе информацию о конструктивных особенностях открываемых ими замков.

Наиболее востребованной широко распространенной формой замков являются навесные пружинные замки. В основу конструкции данных изделий положена металлическая пружина, пластина которой, размещаясь на дужке замка, постепенно сжимается, входя в узкую щель на специальном металлическом цилиндре. Войдя в цилиндр, пластины пружины разжимаются, а дужка надежно фиксируется в корпусе замка [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 78].

Данные изделия в друцкой коллекции представлены десятью экземплярами (фрагментами цилиндров и пружин). Сильная коррозия и фрагментарная сохранность большей части изделий не дает возможности отнести их к определенному типу (рис. 12.8: *1–6, 8*). Однако форма ключевого отверстия, сохранившаяся на части изделий, позволяет соотнести их с типами В и Д по классификации Б. А. Колчина. Замки типа В выделяются наличием линейной ключевой щели в нижней части большего цилиндра. Подобные изделия использовали с XII по XIV в. [Кудрявцев, 2010, с. 235–236]. Замки типа Д имеют ключевое отверстие лабиринтообразной формы. Такие изделия были распространены в XIV–XVI вв. [Кудрявцев, 2010, с. 238]. Из раскопок Л. В. Алексеева 1959 г. происходит замок типа Е (рис. 12.8: *7*), форма которого сильно отличается от пружинных замков других типов. У изделия отсутствует малый цилиндр. Его заменяют два выступа с отверстиями, отходящие от концов большего цилиндра, которые

соединяет прямой стержень [Алексеев, 2002б, № 2, рис. 7: *14*]. Подобные замки в Новгороде появились в XV в. [Кудрявцев, 2010, с. 238; Никитин, 1971, с. 43]. На территории Беларуси такие изделия использовали до XVII в. [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 273].

Кроме фрагментов навесных пружинных замков, в друцкой коллекции хранятся детали нутряных запирающих механизмов. Эти детали можно отнести к двум типам: пружины (2 экз.) и накладки (2 экз.). Пружины имеют вид тонкой раздвоенной металлической пластины с ушком на одном конце. Накладки служили для более надежного запирания замка. Их одним концом с петлей вводили в замок, а другим закрепляли на крышке (рис. 12.8: *10–13*). Подобные детали использовали в цельнометаллических замках, которые бытовали в XI–XIII вв. [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 91]. Фрагментом навесного механического замка XVII–XVIII вв. является изделие сердцевидной формы с ключевым отверстием в центре (рис. 12.8: *9*).

Большую часть друцкой коллекции изделий данной группы составляют металлические ключи, которые были предназначены для открытия замков различных типов.

Плоские ключи от навесных пружинных замков типа А представлены в коллекции восемью экземплярами (рис. 12.9: *1–6*). Изделия датированы X–XII вв. Ключи от замков типа Б найдены в Друцке в количестве семи экземпляров. Предметы отличаются от изделий предыдущего типа наличием лопасти, отогнутой перпендикулярно стрежню ключа (рис. 12.9: *7–10*). Подобные артефакты датируют в основном XII–XIII вв., но бытовали они до XIV в. [Кудрявцев, 2010, с. 238]. Наиболее многочисленную часть коллекции ключей составляют изделия, предназначавшиеся для открытия замков типа В (16 экземпляров). Ключи типа В коленчатые (рис. 12.9: *14–19*; 12.10: *1–5*), их средние размеры – 6–13 см. Подобные изделия бытовали в XII–XIV вв. [Кудрявцев, 2010, с. 235–238]. Ключи замков типа Г (рис. 12.10: *6–14*) имеют плоский стержень и перпендикулярную ему фигурную лопасть (13 экземпляров). Ключи от замков данного типа бытовали в XIII–XV вв. [Кудрявцев, 2010, с. 238]. Кроме того, в друцкой коллекции зафиксирован ключ от замка типа Д, который может быть датирован XIV–XV вв. (рис. 12.10: *17*).

Кроме ключей навесных замков в друцкой коллекции есть ключ от деревянной задвижки XI–XIV вв. (рис. 12.11: *1*), два ключа от сундучков XII–XIII вв. (рис. 12.11: *15, 16*), шестнадцать металлических ключей от комбинированных замков первого и второго вариантов XI–XIII вв. (рис. 12.11: *2–14*), а также ключи индивидуальных форм (рис. 12.10: *15, 16*).

Кресала. Кресало – это приспособление для высекания искры из кремня. В соответствии с формой кресала из Друцка делят на несколько типов: калачевидные – 1 экземпляр (рис. 12.4: *4*); прямоугольные – 6 (рис. 12.4: *5–8*); индивидуальной формы – 1 экземпляр. Калачевидные кресала с язычком по новгородским материалам наиболее характерны для X–XI вв. [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 101]. Однако Г. Н. Саганович отмечает, что на территории Беларуси подобные изделия были распространены и в более позднее время

[Сагановіч, 2001, т. 4, с. 270]. Прямоугольные двухлезвийные кресала появились в XIII в. и продолжали бытовать вплоть до XVI в. [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 102]. Кресала индивидуальных форм могли изготавливать на заказ. В друцкой коллекции подобное изделие представлено двухлезвийным предметом с ажурным металлическим узором в центральной части. Подобные артефакты в Новгороде встречают в напластованиях XII–XV вв. [Колчин, 1959б, т. II, № 65, с. 102–103].

Обувные подковки – приспособления для защиты каблука от стирания. Как правило, подобные изделия имеют вид небольшой дугообразно выгнутой металлической пластинки с шипами или отверстиями для крепления к каблуку. В друцкой коллекции археологических находок из черного металла хранятся две трехшипные обувные подковки (рис. 12.1: *7, 8*). Подобные изделия получили наибольшее распространение в XVII–XVIII вв. [Магалінскі, 2009, с. 54; 2011б, т. 2, с. 159; Левко, 1984, с. 48].

Ледоходные шипы – приспособления, которые использовали для увеличения устойчивости человека или лошади на обледенелой поверхности. Данные приспособления появились на Руси не ранее IX в. [Кирпичников, 1973, с. 165]. На территории Друцка обнаружено несколько подобных изделий, которые датированы X–XIII вв. (рис. 12.1: *6*).

Скобяные изделия. Подавляющую часть артефактов из черного металла составляют скобяные изделия. В эту группу необходимо относить такие предметы, как гвозди, заклепки, скобы, пробои, элементы дверного и оконного наборов и др. Большая часть данных изделий имела стандартизированный вид, а их утилитарность ограничивала морфологическую изменчивость. В связи с этим подобные артефакты, как правило, не являются надежным хронологическим индикатором.

Гвозди. Достаточно частыми находками в Друцке являются гвозди, состоящие из граненого стержня и шляпки. Основная функция гвоздей – закрепление деревянных элементов. В связи с этим эволюция их формы происходила в соответствии с углублением специализации. По мнению Г. Н. Сагановича, форма гвоздей не может служить основой для хронологической дифференциации [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 276]. Только форма шляпки может указывать на сферу использования того или иного гвоздя. Так, изделия с широкой округлой шляпкой могли использовать в декоративных целях.

Скобы и пробои. Частыми находками в культурных напластованиях Друцка являются скобы – П-образно выгнутые металлические стержни, которые использовали в крепежных целях. Пробои представляют собой металлические стержни, которые с одной стороны выгнуты в виде округлой головки, а с другой имеют заостренные концы, плотно сжатые между собой. Подобные изделия имели универсальный характер и могли быть использованы для крепления клямок, дверных колец и пр. Как и скобы, пробои не являются датирующими находками. Данные изделия обнаружены в слоях, которые датируют в широком хронологическом диапазоне.

Крючки-защепки относят к элементам дверного набора. Их функциональное предназначение заключалось в замыкании дверей. Единственная

находка изделия данного вида из Друцка относится к третьему типу изделий (крючки, изготовленные из пластины) по классификации Г. Н. Сагановича [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 275]. Предмет можно датировать XVII–XVIII вв.

Дужки ведер. Утилитарное назначение имели и дужки ведер. Стержень дужки обычно делали круглым, прямоугольным, ромбовидным и крученым в сечении. Крепили дужку к деревянным клепкам или металлическим ушкам. Концы подобных изделий обычно оформляли в виде петли или крючка. В Друцке найдены две дужки ведер с крючкообразными концами и крученой центральной частью. Предметы можно датировать XI–XIII вв.

Металлический котелок (казан ?) – единичная находка на территории Друцка, которую можно полностью реконструировать и датировать по монетам закрытого комплекса XV в. Изделие из черного металла имело заклепки по цветным (бронза) полосам (см. рис. 3.4: *1*).

Таким образом, на территории Друцка за период археологического изучения была выявлена представительная коллекция предметов быта и орудий труда из черного металла. Ассортимент и типологическое разнообразие изделий данных групп свидетельствует о значительной роли кузнечного ремесла и металлообработки в повседневной жизни населения белорусского средневекового города.

Инструменты и приспособления ювелиров. Важной частью городского ремесленного производства являлось изготовление изделий из драгоценных и других цветных металлов. Обработка металлов и изготовление украшений требовали от ювелира наличия художественного вкуса, высокого уровня владения разными ремесленными приемами, а также хорошего знания физических, химических и технологических свойств сырья. От степени овладения мастером всем арсеналом необходимых навыков зависело качество конечного продукта.

На территории Друцка выявлены многочисленные свидетельства существования местного ювелирного производства. Основным маркером функционирования на определенной территории мастерских по обработке цветных металлов является наличие характерного набора инструментов и приспособлений, усадеб со следами производственной активности, а также готовых и бракованных изделий, отходов и заготовок [Магалінскі, 2011в, вып. 21, с. 115; Зайцева, 1998, т. 2, с. 100–101].

К сырьевому запасу ювелира в друцкой коллекции можно отнести многочисленные медные пластины, ушки бытовых изделий, ремонтные накладки (рис. 12.12). Большинство фрагментов являются преднамеренно разрезанными частями сосудов для дальнейшей переработки (ювелирный лом). Медные пластины, которые использовали в качестве сырья для изготовления украшений, найдены также в мастерских Киева, Пскова, Смоленска, Рязани, Суздаля [Археология севернорусской деревни ... , 2008, т. 2, с. 73–75].

Точная локализация ювелирных мастерских на территории Друцка на основании имеющихся данных не представляется возможной. В 2013 г. во время археологических исследований на территории Друцка (раскопки

О. Н. Левко) была обнаружена постройка, которую предварительно можно считать ювелирной мастерской. На это указывают находки фрагментов сопел плавильной печки, а также створка литейной формы. Подобный набор инструментов, который связан с постройкой, свидетельствует об осуществлении в зоне ее размещения производственной деятельности по обработке цветных металлов.

Характерной чертой цветной металлообработки Друцка и региона в целом является преобладание литейной техники на протяжении всего периода бытования средневековых древностей. Основными приспособлениями для литейщиков служили тигли и литейные формы.

Формы для отливки ювелирных украшений являлись важными инструментами литейщиков. Их изготовляли из разных пород камня, глины, дерева, бронзы или рога. Они отличаются сложной конструкцией и содержат информацию о литейной технике, приемах обработки металлов и профессиональном уровне мастеров [Магалінскі, 2012б, с. 184; Ениосова, 1998, с. 67].

Литейные формы отличаются от других изделий из камня специфической формой. Для заливки металла в форме вырезали специальный канал-литник, который обычно имел вид воронки. Часть форм – разъемные, состоящие из двух и более частей. Для более плотного соединения створок часто использовали свинцовые штифты [Магалінскі, 2011г, вып. 21, с. 184]. На территории Друцка обнаружены четыре каменные литейные формы [Алексеев, 1966, рис. 22: *1, 7, 8*]. На трех створках сохранились отверстия для соединительных штифтов, либо сами штифты. Формочка из раскопок 2013 г. отверстий для штифтов не имеет (рис. 12.13: *9*). Интерес представляет створка каменной литейной формы, предназначавшейся для отливки полусферических накладок (рис. 12.13: *7*) [Алексеев, 1966, рис. 22: *1*]. Аналогичное изделие происходит из раскопок Заполоцкого посада Полоцка и датировано XII–XIII вв. [Магалінскі, 2011г, вып. 21, с. 189].

Важным приспособлением литейщиков были *тигли* – керамические емкости для плавки цветных металлов и розлива их в формы [Лашанкоў, 2011, т. 2, с. 360]. Тигли представляют особый интерес для исследования ювелирного производства не только потому, что являются его индикатором. Форма и размеры этих керамических сосудов, состав и свойства глиняного теста зависят от условий плавки металлов и сплавов, конструкции печи, от способностей литейщиков контролировать металлургические процессы, которые происходят в тиглях [Ениосова, 1999, вып. 111, с. 54; 2011, с. 243].

Керамические сосуды для плавки цветных металлов из Друцка можно отнести к типу круглодонных конусообразных. Подобная форма наиболее целесообразна для тиглей: узкие, невысокие емкости с нешироким устьем до минимума ограничивают доступ воздуха к расплавленному металлу и не дают ему окислиться [Рындина, 1963, т. 3, № 117, с. 214]. Все конусообразные круглодонные тигли (рис. 12.13: *4*) в друцкой коллекции имеют специальный носик-слив. Подобная конструкция тиглей характерна и для соседних территорий [Магалінскі, 2012б, 2011г, вып. 21, с. 191]. Друцкие тигли тонкостенные, слабоошлакованные, что является указанием на ис-

пользование данных керамических сосудов в литейном производстве ограниченное количество раз. В друцкой коллекции отсутствуют цилиндрические тигли-стаканы, которые достаточно широко использовали в ювелирном производстве региона XII–XIII вв. [Магалінскі, 2012б; 2011г, вып. 21, с. 190].

Важным компонентом ювелирного производства является механическая обработка цветных металлов – чеканка, ковка, тиснение и др. Именно к комплексу этих производственных операций и относится большинство находок металлических инструментов ювелиров. Особенности технологических операций, связанных с обработкой цветных металлов, обусловили необходимость существования значительного количества инструментов, форма которых была бы в наибольшей степени приспособлена для выполнения задач, стоящих перед мастерами-ювелирами [Магалінскі, 2011а, с. 55; Ениосова, 1997, с. 190]. К группе ювелирных инструментов можно отнести ювелирные наковальни, молотки, чеканы, клещи, кусачки, пинцеты, напильники и др.

Инструменты ювелира. Важной частью городского ремесленного производства являлось изготовление изделий из драгоценных и других цветных металлов. Особенности технологического процесса обработки цветного металла обусловили существование специального набора инструментов, большая часть которого была изготовлена из железа [Магалінскі, 2011а, с. 56; Рындина, 1963, т. 3, № 117, с. 221].

К железным инструментам ювелира в Друцкой коллекции относятся молоток и наковальня.

Миниатюрный молоточек-гвоздодер (рис. 12.13: *2*) с инкрустацией цветным металлом (не сохранилась) может быть датирован XI–XIII вв. [Алексеев, 1966, рис. 22: *10*]. Типологически близкие изделия известны по раскопкам Новгорода, Полоцка, Старой Ладоги [Магалінскі, 2011а, с. 57; Старая Ладога ... , 2003, с. 189; Штыхов, 1975, с. 57].

Наковальни применяли при свободной ковке или чеканке. Они служили опорой, на которую клали обрабатываемое изделие при нанесении по нему ударов [Рындина, 1963, т. 3, № 117, с. 221]. Ювелирная наковальня из Друцка датирована XI–XIII вв. (рис. 12.13: *3*) Подобные изделия использовали в ювелирном деле для тонкой работы по металлу [Сингх, 2008, с. 386; 2009б, с. 73]. Вероятно, орудием ювелира следует считать также специальные клещи (на это указывает их небольшой размер), которые он мог использовать для операций по горячей обработке цветных металлов (рис. 12.13: *1*) [Алексеев, 1966, рис. 21: *4*].

Особый интерес представляет миниатюрный широкогубый пинцет, орнаментированный треугольным штампом (рис. 12.13: *5*). Форма пинцетов с расширенными концами на территории Беларуси зафиксирована в материалах V–VIII вв. Близкое по форме изделие было обнаружено на селище Лужесно Витебской области вместе с характерной банцеровской керамикой V–VIII вв. [Штыхов, 1978, с. 33]. Предмет найден вместе с комплексом предметов, свидетельствующих о существовании на данном месте производства по обработке цветных металлов. Типологически близкие пред-

меты, датированные VI–X вв., были обнаружены также в Гродно, Полоцке и на селище Микольцы [Зверуго, 2003, вып. 7, мал. 11: *4*; Кізюкевіч, вып. 19, 2010, с. 96; Тарасаў, 2011, т. 2, с. 205].

Уникальной находкой для Беларуси является матрица для изготовления накладки на пояс. Она имеет сердцевидную форму с углубленным остроовальным орнаментом в виде трилистника с тремя каплевидными выступами (рис. 12.13: *6*). Накладки, изготовленные на основе аналогичных матриц, найдены в курганных могильниках Гнездово [Сизов, 1902, вып. 1, № 28, табл. III: *36*], Шестовица и Седнев (класс VII, вид 1а по типологии В. В. Мурашевой) и датированы X в. [Мурашева, 2000, с. 33, 110, рис. 39: *1а*].

12.2. Металлические изделия ювелиров
(Н. И. Наркевич, П. М. Кенько)

Изделия ювелирного искусства являются составной частью материальной культуры Друцка. В них нашли отражение важные процессы культурной истории города, представления как о художественных традициях и эстетических вкусах потребителей, так и о производственных навыках ремесленников.

Характерной чертой металлообработки региона является господство литейной техники на протяжении всего периода бытования средневековых древностей. Она достигла высокого уровня уже в XII–XIII вв. Мастера умели изготавливать не только плоские сплошные, но и объемные полые изделия, требующие хорошего знания литейного дела.

Друцкие ювелиры владели и другими способами обработки металла – ковкой, чеканкой, резьбой (гравировкой), сканью, чернью. Примеры памятников художественной обработки металла дают представление и о владении мастерами секретами орнаментации.

Выбор способа декорирования произведений ювелирного искусства целиком зависел от техники его изготовления. Мастера наносили орнамент на разных производственных этапах изготовления предмета: одновременно с приданием формы изделию в процессе литья или штамповки, а также после придания формы. Декор некоторых украшений выполняли на обеих производственных стадиях.

Ювелирные изделия древнего Друцка представлены украшениями, деталями одежды и предметами христианского культа. Украшения были наиболее распространены, с учетом того, что их могли изготавливать не только из драгоценных металлов, но и из меди.

Украшения. Все многообразие ювелирных украшений можно сгруппировать по отделам. Каждый отдел связан с местом на теле человека, где располагаются данные изделия. Так, различают украшения головы, шейно-нагрудные (шейные, шейно-нагрудные и нагрудные) и украшения рук.

Головной убор друцкой коллекции металлических украшений представлен распространенными у славянских племен женскими *височными кольцами*. Височные кольца Друцка относятся к типу проволочных пер-

стнеобразных с разомкнутыми заходящими концами (рис. 12.14: *31, 32*). Это небольшие изделия из проволоки, концы которой на пол-оборота и более заходят за кольцо и придают ему вид полутораоборотной спирали. Такой тип височных колец встречается в курганных могильниках Демьянки и Курганье [Богомольников, 2004, с. 60]. Подобные изделия по общерусской хронологии датированы XI–XIII вв. [Дучыц, 2007, вып. 23, с. 156, мал. 14: *2*; Седова, 1981, с. 13].

Одно украшение из Друцка относится к типу трехбусинных височных колец. Для определения назначения трехбусинного украшения принципиальными являются форма стержня (кольцо, полукольцо, прямой), способ застежки и крепления, которые показывают, что часть подобных украшений носили, как височные кольца, а часть продевали в уши, как серьги.

С. Рябцева на основе древнерусских материалов выделяет следующие типы трехбусинных височных колец: с тиснеными бусинами (могут быть гладкими, ложчатыми, ажурными – с прорезными отверстиями); с каркасными бусинами; с проволочными бусинами (ажурными или узелковыми); с бусинами из крупной зерни [Рябцева, 2000, с. 70]. На основе общей типологии украшений изделие из Друцка можно отнести к первому варианту классификации. Состоит височное кольцо из круглого ложновитого серебряного стержня, на который надеты три бусины из тисненых половинок. Бусины на изделии гладкие и лишены ярко выраженного декора (рис. 12.14: *33*; фото 11: *14*). Концы стержня имеют отверстия для соединительной проволоки. Датировано украшение XII в. [Седова, 1981, с. 13, 14, рис. 3: *13*].

На территории Беларуси количество трехбусинных височных колец на фоне других украшений небольшое, однако, это один из немногочисленных типов ювелирных изделий XII–XIII вв., характерных как для парадного и ежедневного городского, так и для сельского уборов. Отдельные примеры представляют собой уникальные произведения ювелирной техники и свидетельствуют о значительных материальных ценностях, накопленных местной знатью. Трехбусинные украшения найдены на территории Беларуси в Волковыске, в могильниках Вензовщизна и Дворчаны [Зверуго, 1975, с. 48–49; Гуревич, 1962, с. 124, рис. 111: *10*, 112: *11, 14*].

Шейно-нагрудные украшения. Привески, бусы, шейные гривны, цепочки – наиболее распространенные шейно-нагрудные украшения XII–XIV вв. на территории Беларуси. *Привески* различных типов чаще всего выступали в качестве аксессуаров.

Большинство привесок – это металлические круглые украшения: монетовидные, прорезные, выпуклые. Они были распространены как среди сельского населения, так и среди представителей местной феодальной знати Беларуси. Чаще всего их изготавливали при помощи литья – одного из самых доступных приемов ювелирного производства.

Древнейшей является литая прорезная «подвеска гнездовского типа» из оловянисто-свинцового сплава (рис. 12.15: *1*). Сохранившийся фрагмент изделия свидетельствует о наличии орнамента в виде изображения зверя с повернутой назад головой. Аналогичные привески часто встречаются среди

материалов скандинавских памятников эпохи викингов. Практически идентичная привеска найдена в Саркеле: Белая Вежа, насыпь 17/10, погребение № 113 и датирована второй половиной XI в. [Дементьева, 2007, с. 211, 214, 231, рис. 5: *9*].

Металлические амулеты в виде большой монетовидной привески – змеевики – можно смело отнести и к предметам религиозного культа. На лицевой стороне помещали каноническое христианское изображение (Христа, Богоматери с младенцем или святых), на оборотной стороне – змеевидную композицию (голову (личину) в окружении змей либо змееногую фигуру), а также текст заговора или молитвы. В медном литье встречаются определенные типы змеевиков, превращенных при переработке формы в иконки. Характерно и обратное превращение образков в змеевики. Как те, так и другие виды изделий могли существовать параллельно и даже в одной среде. Такие привески считали атрибутами социальной элиты. Среди памятников медного художественного литья рассматриваемого региона важное место занимают два змеевика (рис. 12.15: *2*; фото 12: *2, 3*), отлитые в одной литейной форме [Алексеев, 1966, с. 159]. Они орнаментированы крестовидными фигурами с точкой посередине и ложно зерненными треугольниками в каждой из четырех частей.

Амулеты-змеевики привлекают внимание при изучении как христианских, так и языческих древностей. Изображение на одной стороне христианских символов, а на второй – языческих отражало биритуальные взгляды в древнебелорусском обществе. Как известно, культ змеи был широко распространен среди некоторых восточнославянских племен, которые жили на территории современной Беларуси. Такие изделия найдены в Волковыске, Заславле, Чечерске, Бресте [Мяцельскі, 1990, № 6, с. 75].

Крест является особенностью декора и других привесок из Друцка. В произведениях мелкой пластики крест может быть четырехконечным, восьмиконечным, не редки изделия с изображением мальтийского креста. Представляет интерес монетовидная литая привеска с узором в виде мальтийского креста и с заштрихованной косой решеткой полями (рис. 12.15: *3*). Аналогии ему можно встретить среди изделий Новгородской коллекции артефактов XII в. [Седова, 1981, с. 37].

Крест трактуется как древнейший сакральный знак, подчеркивающий идею центра, упорядочивающий пространство, определяя в нем направление связей и зависимостей, означающий ориентацию в пространстве, точку пересечения верха–низа, правого–левого. Вертикальный стержень креста в сознании наших предков отождествляется с Осью мира, мировым древом. Стоящая с раскинутыми руками человеческая фигура имеет форму креста, и сам человек в древнем мире воспринимал себя как реальную модель Оси мира [Буткевич, 2000, с. 58]. Крест же, вписанный в форму круга, подчеркивает значимость орнаментального мотива в системе основополагающих представлений бытия. Крест есть на четырех изделиях из Бреста, и двух – из Минска [Рябинин, 1981, с. 393].

Друцкую коллекцию монетовидных привесок дополняет литое изделие с узором в виде семилепесткового цветка, окруженного точечным ободком

(рис. 12.15: *4*; фото 12: *4*). Аналогичные привески в Новгороде датированы XIII в. [Седова, 1981, с. 41, рис. 14: *12*].

Металлические привески, найденные в Друцке, индивидуальны и почти не повторяют друг друга. Характером оформления отличается тисненая медная привеска XII–XIII вв. (рис. 12.5: *5*), орнаментированная четырьмя выпуклыми полушариями. Аналогичные образцы найдены в могильнике Малевичи [Дуцыч, 2007, вып. 23, с. 156, мал. 14: *2*], на Асотском городище [Шноре, 1961, т. II, табл. V: *9, 14*].

В друцкой коллекции артефактов имеются *привески-лунницы*. В украшениях отразился древний культ Луны, распространенный не только у славян, но и у других древних народов Европы и Азии. Считается, что лунницы были символом богини Селены, которая опекала девушек, и поэтому эти украшения следует считать принадлежностью девичьего убора. В костюме славян лунницы использовали в качестве привесок к головному убору, рясен, а также их вдевали в уши, как серьги. Часто лунницы носили по несколько штук в составе ожерелья [Краткий словарь украшений, 2008, с. 38].

Лунницы устойчиво вошли в состав убора как городского, так и сельского населения Беларуси и просуществовали почти до XIII в. Истоки же производства месяцевидных привесок на территории Беларуси корнями уходят в глубокую древность. Первые привески-лунницы встречаются в славянском ювелирном уборе уже в VII в. и являются отголоском общеевропейской моды VI–VII вв. Так, например, из Витебска с пласта VI–VIII вв. происходит каменная литейная форма для изготовления трехконцовых лунниц [Штыхов, 1978, с. 103].

Древние славяне носили разные виды привесок-лунниц, отличавшиеся формой, величиной, способом изготовления и особенностями декора. Классификация привесок-лунниц М. Седовой, основанная на типологии по Гольмстену, подразделяет их по форме и величине. По форме изделия бывают широкорогие, круторогие, замкнутые. По величине – малые, средние, большие [Седова, 1981, с. 23–24]. По технике изготовления славянские изделия подразделяют на штампованно-филигранные и литые. Литые подвески появляются почти одновременно с лунницами филигранно-зерненой работы, передавая в более простой технике форму и орнамент дорогих украшений знати. Большинство литых лунниц выполнено из бронзы и свинцово-оловянистых сплавов, литые серебряные украшения среди древних памятников очень редки. На территории Беларуси на протяжении XI–XII вв. преобладали более дешевые литые широкорогие и круторогие лунницы, которые появлялись в результате применения своего мастерства сельскими ювелирами.

Основным декором поверхности этих украшений являются тисненые полусферы и зерненые полоски и треугольники. Как правило, полусферами декорировали среднюю часть привески и рога лунницы (это могут быть отдельные полусферы, композиции из мелких полусфер или три мелкие полусферы, посаженные на одну крупную). В некоторых экземплярах мелкие полусферы размещали еще дополнительно цепочкой по краю изделия.

В Друцке найдены три круторогие лунницы из оловянисто-свинцового сплава (рис. 12.15: *6*; фото 12: *5*) – маленькие, незамкнутые, гладкие. Подоб-

ные литые лунницы были распространены в середине X в. на территории Древней Руси, и, скорее всего, имели западнославянское происхождение. Аналогичные лунницы найдены в Минске, Волковыске, Гродно, Копыси [Археалогія Беларусі, 2000, т. 3, с. 392], могильнике Минино II [Археология севернорусской деревни ... , 2008, т. 2, с. 130, рис. 119: *4*], Новгороде и датированы XII–XIII вв. [Седова, 1981, с. 24]. Во второй половине XII в. литые лунницы вышли из моды и в женском уборе их сменили другие типы привесок.

В декоре металлических привесок широко представлены изображения разных животных и птиц, тесно связанные с традициями язычества, образы небесных светил, которые позже были заменены символами христианского культа. Зооморфные амулеты встречаются и у балтов, и у славян, и у финно-угров. Этой группе украшений посвящено немало работ разных исследователей, в которых подробно рассмотрены их типология, хронология, семантика и этническая принадлежность [Седова, 1981, с. 28–34; Голубева, 1979]. Традиционно типологию зооморфных привесок строили по технологическому принципу, и все изделия разделяли сначала на пластинчатые и полые, и уже потом – на птицевидные и коньковые. При таком подходе на второй план отходит такой важный вопрос, как сакральное значение этих амулетов. Поэтому, учитывая типологию предыдущих исследователей, возникает необходимость разделения зооморфных амулетов на птицевидные (пластинчатые и полые) и амулеты-коньки (пластинчатые и полые) [Покровская, 2010, с. 259–272].

Амулеты-коньки представляют собой изображение коня, который считали символом жизни и плодородия. Они были популярны в XI–XIII вв. [Рябинин, 1988, с. 55–58]. Из Друцкой коллекции привесок известен плоский стилизованный конек-привеска с загнутым вверх хвостом, найденный на участке древнего посада (рис. 12.15: *7*). Туловище изделия украшено кружковым циркульным орнаментом. Среди привесок, датированных X в. – началом XIII в., наибольшее распространение получили именно такие плоские прорезные стилизованные коньки. Особенно часто их находят на восточнославянских территориях [Седова, 1981, с. 28, рис. 8: *3, 4*]. Произведения мелкой пластики изготавливали из меди или бронзы при помощи литья в двухсторонних разъемных каменных формах. Дальнейшая обработка изделия предусматривала орнаментацию, которая была преимущественно посвящена солярной символике.

Исследователи предполагают, что в XI в. – первой половине XII в. центр производства этих украшений был в Смоленске, откуда изделия расходились по соседним регионам. По мнению Е. Рябинина, кроме общепризнанного смоленского центра, где изготавливали такие амулеты, существовал еще один центр, который обслуживал древнелатышские и ливские племена. Он был расположен на р. Западная Двина (городище Даугмале) [Рябинин, 1988, с. 57]. Изделия этого центра зафиксированы и в Новгородской, и в Полоцкой землях.

Общность происхождения ряда привесок объединяет ювелирное убранство жителей древней Беларуси с населением соседних племенных терри-

торий. Появление этого типа амулетов на кривичской территории в славянском уборе связано с балтским субстратом [Седов, 1968, с. 151–157]. В XI–XII вв. подобные изделия попали и на север Восточной Европы к финно-уграм, где органично вошли в местный ювелирный убор, состоящий из большого количества привесок. Как видим, культ коня известен не только в финно-угорской, но также в балтской и славянской мифологии. Мастера хорошо чувствовали возможности техники и стиля, начали широко усваивать, интерпретировать и перерабатывать балканские, финно-угорские аналоги, что способствовало появлению новых форм изделий, расширению изобразительных и геометрических орнаментальных мотивов.

Привески-коньки стилистично неоднородные. Пластическое решение привесок с изображением животных может быть объемным или двухмерным. Для изделий характерны обобщенность формы, маленькие размеры, склонность к простой орнаментации. Фигурка конька из Друцка декорирована солярным орнаментом. Этот художественный тип привески цельного литья был характерен для белорусских земель X–XII вв. Ювелирные изделия XIII в. не отличались такой изящностью и легкостью, как в X–XI вв., по причине отсутствия орнамента. Это связано с исчезновением традиции ношения амулетов.

Белорусский костюм традиционно дополняли самыми разными украшениями, которые имели как ритуальное и магическое, так и декоративное значение. В костюме были распространены зооморфные плоские и шумящие полые привески, трапециевидные, состоящие из миниатюрных предметов быта, а также бубенчики, крестики, иконки. Сакральная функция подобных изделий не вызывает сомнения. Каждый амулет имел свое значение: птица – символ семьи, ложка – символ благополучия, ключи – сохранность, топорики и ножи – защита от внешнего зла и т. д. Миниатюрные ключики, топорики, литые металлические фигурки животных и птиц носили отдельно или включали в состав ожерелий. Материалом для их изготовления служили серебро, бронза, билон. По технике изготовления привески подразделяют на литые, штампованные и штампованно-филигранные.

К немногочисленным шумящим украшениям целесообразно отнести *привески-бубенчики*. Два друцких бубенчика относятся к группе грушевидных крестопрорезных. Нижняя часть бронзового изделия покрыта косой насечкой (рис. 12.14: *4*). Датированы X–XII вв. [Седова, 1981, с. 156, рис. 62: *1–3*].

Маленький грушевидный бубенчик XI–XIV вв. (рис. 12.14: *5*) отличается крестовидной прорезью и линейным ободком. Важно подчеркнуть, что стенки больших бубенчиков тонкие, маленькие изделия часто имеют более толстые стенки. Тем не менее практически на всех экземплярах хорошо видны литейные швы, проходящие в середине тулова с выходом на одну из прорезей и по середине ушка. Аналогичные находки встречаются в Минске [Загорульский, 1982, с. 321, табл. XVIII: *6*], на Асотском городище [Шноре, 1961, т. II, табл. V: *39*].

Шаровидные линейнопрорезные бубенчики из двух тисненых половинок (рис. 12.14: *6–8*) также представлены в материалах друцкой коллек-

ции. Датированы подобные изделия XI–XV вв. [Седова, 1981, с. 156, рис. 62: 9–11]. С территории княжеского подворья в Друцке происходят *амулеты-ключики* (рис. 12.15: *9–11*), которые датированы XII–XIV вв. Один ключик (рис. 12.15: *8*) выявлен в кургане № 1 могильника IV и датирован XII в. Идентичные друцким ключики найдены в других городах и могильниках [Дучыц, 2007, с. 162, мал. 19: *4*; Гуревич, 1962, с. 124, рис. 112: *1, 2*].

В Друцке найдены и другие фрагменты изделий, которые также можно отнести к привескам. Это бронзовая прямоугольная привеска с гладким ободком, орнаментированная треугольными фигурами по периметру (рис. 12.15: *12*), и оловянисто-свинцовая трапециевидная привеска с рифленым ободком, орнаментированная геометрическими фигурами по центру (рис. 12.15: *13*).

Привески отличались доскональностью форм, разными приемами декора, высоким мастерством изготовления. Украшения, которые служили амулетами, не исчезли в период христианства, а дополнились новыми видами. Существовала историческая и семантическая преемственность христианских оберегов от языческих. Художественное оформление большинства привесок-амулетов принадлежит к тератологическому стилю. В области тератологии славянские ремесленники достигли большого мастерства.

Для крепления привесок использовали *бронзовые цепочки*. В Друцке найдены три фрагмента бронзовых цепочек (рис. 12.15: *14–16*; фото 12: *7–9*). Наиболее ранние, сделанные из двух звеньев, датированы X–XI вв. Аналогичные цепочки найдены в Бирке [Arbman, 1940, taf. 112: *18*; 113: *3–5*].

Важной деталью костюма являются *металлические бусы* (рис. 12.14: *1–3*; фото 33: *36, 37*). Типологически они довольно разнообразны. Большинство металлических бус изготовлено из сплава олова и свинца. Литые в каменных формах изделия с имитацией зерни и скани датированы X–XIII вв. Одной из бусин Друцка имеется аналогия в Бирке [Arbman, 1940, taf. 114: *2*].

Довольно редкой находкой является фрагмент бронзовой *шейной гривны* с четырехгранной головкой (рис. 12.14: *34*), орнаментированной косыми насечками по дуге.

Украшения для рук. Среди находок, которые были выявлены в Друцке, выделяют украшения для рук: браслеты и перстни.

Металлические браслеты хорошо изучены археологами – их подразделяют на множество типов и подтипов по способу изготовления, по особенностям соединения, художественного оформления концов.

Фрагмент массивного бронзового браслета с утолщенными концами (рис. 12.16: *1*), круглого сечения, поверхность концов украшена геометрическим орнаментом, сделанным гравировкой, является самой ранней находкой в Друцке. Аналогичные браслеты найдены на городищах Кисели, Никодимово, Банцеровщина, Клишино. Датированы VI–VIII вв. [Шмидт, 2003, с. 83; Шадыра, 2006, с. 64, табл. 19: *3*].

Круглопроволочные браслеты изготовлены из толстого литого стержня круглого или овального сечения (рис. 12.16: *2–4*). Широко распространены на всей территории Древней Руси и датированы концом 1-го тысячелетия н. э. –

XIV в. [Седова, 1981, с. 94, рис. 34: *1*]. Аналогичные экземпляры найдены в Минске [Загорульский, 1982, с. 323, табл. XIX].

Представляют интерес проволочные витые браслеты (рис. 12.16: *5*), отличающиеся характером оформления. Одно украшение приобретает законченную композицию благодаря петлям на концах, второе – лопатковидным концам. Изготовлены такие браслеты из сложенной втрое и перевитой проволоки. Датированы XI–XIV вв. [Седова, 1981, с. 94, 95, рис. 34: *3*].

Выразительны ложновитые бронзовые браслеты (рис. 12.16: *6–8*), датированные XI–XIV вв. [Седова, 1981, с. 98, рис. 35]. Особый интерес своей орнаментацией вызывает ложновитой оловянисто-свинцовый браслет XIII в. (рис. 12.16: *9*; фото 20: *2*). Концы изделия оформлены в виде звериных головок. Окончания браслетов со звериными и змеиными чертами целесообразно рассматривать как драконьи. Именно данные категории образов – змеи и дракона – были основополагающими в декоре подобных украшений. Традиция изготовления металлических украшений с зооморфными концами в ювелирном деле Средневековья появилась как результат культурных связей со странами Балтийского региона и Северной Европы. Ложновитые браслеты, заканчивающиеся звериными (драконьими) головками, имеют широкий круг аналогий в Прибалтике, где они появились в IX–XI вв. в могильниках люцинского типа [Рябцева, 2005, с. 246].

Еще одна находка – браслет в виде стержня с проволочной обмоткой (рис. 12.16: *10*). Подобные украшения рук, отличающиеся друг от друга по способу изготовления и внешнему виду, найдены в Новгороде и датированы от рубежа XI/XII вв. до второй половины XIII в. [Седова, 1981, с. 100].

В Друцке найдены орнаментированные пластинчатые браслеты из цветного металла (рис. 12.16: *11–17*). Наиболее распространенным орнаментальным мотивом на таких браслетах в X–XI вв. была геометрическая плетенка с точечками внутри ромбов, которые она образует при своем переплетении. Были распространены и другие декоративные мотивы. Например, косой крест, орнамент в виде изгибающихся змеек и линий треугольного пуансона. В XII в. на смену плетеному орнаменту пришел геометрический, состоящий из ромбов, косой решетки, зигзага с точками в центре. На рубеже XII/XIII вв. к геометрическому орнаменту были добавлены растительные элементы в виде вьющейся лозы.

Вызывают интерес серебряные створчатые браслеты (рис. 12.16: *18, 19*; фото 20: *6*), орнаментика которых принадлежит к высшим достижениям средневекового декоративного искусства. Как правило, такие украшения состояли из нескольких частей, соединенных маленькими петлями и застежкой.

Среди археологических находок Друцка выделяют серебряный створчатый браслет со сканью [Алексеев, 1966]. Это украшение отличает тонкая ювелирная работа. Фрагмент браслета, декорированный проволочными косичками и зигзагами, датирован не позднее XII в. Браслет с подобным декором происходит из Юрковецкого клада конца X в. – начала XI в. Кроме того, аналогичное украшение было найдено в XIX в. на Княжей Горе [Макарова, 1986, с. 64–99, табл. IX].

Излюбленными мотивами древнерусской скани были вьющийся стебель с побегами, спирально закрученные веточки, травы или пучки трав, перехваченные колечками. Наличие створчатых браслетов, декорированных проволочной косичкой, может свидетельствовать о довольно длительном самостоятельном существовании этого типа украшений, которые появились несколько раньше и которые носили параллельно со створчатыми черненными браслетами [Рябцева, 2005, с. 262]. Скань играет существенную роль в оформлении браслета из Друцка. Композиционное расположение скани по поверхности украшения задает ритм и рисунок декора, что свидетельствует о мастерстве ювелира, так как один из важнейших вопросов для сканщика – это чистота припоя, который не должен заливать мелкие детали и тем самым нарушать четкость рисунка узоров.

Как и во многих средневековых городах Беларуси, в Друцке найдены *перстни*. Слово «перстень» сейчас обозначает украшение для пальца, увенчанное какой-либо вставкой, обычно драгоценным или полудрагоценным камешком. То, что изготавливали и носили наши далекие предки, мы называли бы просто «кольцами». В современном же языке слово «кольцо» означает скорее металлическое украшение (или из другого материала), но тоже без вставки. Тем не менее украшение, надеваемое на палец – «перст», именовали «перстнем». Слово «кольцо», вероятнее всего, в этом значении стали употреблять позже.

Разнообразные по форме и декору *перстни* из друцкой коллекции украшений относятся к наиболее распространенным типам.

Интересными являются дротовые перстни (рис. 12.17: *1, 2*) из древнего посада. Это украшения из цветного металла – круглодротовый с разомкнутыми заходящими концами XI–XIII вв. и рубчатый перстень XI в., изготовленный из круглого в сечении стержня, на утолщенную сторону которого нанесена косая насечка, подражающая технике витья [Седова, 1981, с. 122, рис. 45: *5, 6*; 35, с. 82].

Представлены также витые и ложновитые перстни: витой из двух проволок перстень XI–XIII вв. (рис. 12.17: *3*; фото 11: *1*), ложновитые цельные и с незамкнутыми концами перстни XI–XV вв. (рис. 12.17: *4–10*), изготовленные литьем в форме, полученной путем оттиска витых украшений [Ханенко, 1899, вып. 1, с. 122, 125, рис. 45: *7, 8*].

Перстень XIII–XV вв. с утолщенной центральной частью орнаментирован косой насечкой и циркульным орнаментом (рис. 12.17: *11*; фото 11: *6*). Аналогичные перстни были найдены на Турейском и Асотском городище [Кізюкевіч, 2006, вып. 11, с. 121, мал. 12: *9*; Шноре, 1961, т. II, табл. VI: *26*].

Бронзовые пластинчатые широкосрединные перстни имеют плавный переход от щитка к обручу (рис. 12.17: *12–17*). Два перстня с незамкнутыми концами изготовлены из краевых частей сломанных пластинчатых браслетов. Датированы XI–XIII вв. [Седова, 1981, с. 129, 130, рис. 45: *15*, 47: *12*].

Щитковые перстни с овальными щитками (рис. 12.17: *18–23*) датированы XII–XV вв. [Седова, 1981, с. 135, 136]. Аналогичные экземпляры найдены в могильнике Vėlyvsis и датированы XVI в. [Michelbertas, 2007, s. 60–62, pav. 24: *5–7*, 27: *4*].

Уникальной находкой с территории княжеского подворья является серебряный перстень с княжеским знаком (рис. 12.17: *18*) [Алексеев, 1966]. «Знаки княжеской собственности, – пишет Б. А. Рыбаков, – первые сведения о которых дошли до нас от середины X в., дожили до середины XII в. За двести лет своего бытования в Киевской Руси княжеские знаки ставились на княжеских монетах, на печатях, скреплявших государственные документы, на перстнях, которыми запечатывали восковые печати. Княжеские знаки, отлитые из бронзы, носили на груди княжеские тиуны; княжеские знаки были на поясах дружинников, сопровождавших своего князя, на оружии, на боевых знаменах княжеских войск. Княжеские знаки ставились на слитках серебра, принадлежавших князю, на княжеских товарах, отправляемых за границу. Княжескими знаками метили свои орудия производства ремесленники-холопы, работавшие на княжеском дворе, – гончары, кирпичники, златокузнецы» [Рыбаков, 1940, вып. VI, с. 238].

Изображения княжеского знака-двузубца, как на перстне из Друцка [Аляксееў, 1973, № 3, с. 19], встречаются на средневековых русских перстнях-печатках, которые служили свидетельством принадлежности к определенному сословию (так называемые владычные перстни). Тематика изображений связана, как правило, с христианством, которое внесло заметные изменения в выбор изображений и символов: крест, хризма и фигура Доброго пастыря, характеризующие новую иконографию. Постепенно, когда новые иконографические темы стали популярными, главным образом, в XIII–XIV вв., появились евангельские сцены.

Перстни-печатки были известны на Руси уже в X в., но повсеместное распространение получили только в XV в. Ранние серебряные перстни, украшенные чернью, с круглыми, прямоугольными, квадрифолийными и шестиугольными щитками имеют розетки из кринов и розетки геометрического характера, раппорт бордюра – из лозы. На них встречаются княжеские знаки, изображения фантастических зверей и птиц (рис. 12.17: *28, 29*; фото 11: *11, 12*) [Макарова, 1986, с. 14–18, 39–48, 128–133]. Подобные изделия ювелиров X в. – начала XIV в. весьма немногочисленны и известны, главным образом, по находкам из древних кладов, как, например, перстень св. Алексия – в 1354–1378 гг. митрополита Московского [Орешников, 1928, т. II, с. 171–185]. При описании и толковании вырезанной символики надо учитывать общий схематизм изображений, который диктовался используемым материалом и малыми размерами перстней.

Перстни с драгоценными вставками нашим предкам тоже были не в диковинку (рис. 12.17: *24–27*). Один из перстней друцкой коллекции ювелирных изделий в свое время был украшен каменной (или стеклянной) вставкой. Изделия этого типа обычно круглодротовые или квадратнодротовые, реже – пластинчатые. С наружной стороны у них имеются круглые, овальные, квадратные, ромбические, треугольные или фигурные щитки для стеклянных или каменных вставок. Датируют подобные украшения XI–XV вв. [Седова, 1981, с. 139–142].

Детали одежды включают застежки, накладки и пряжки, а также нашивки. Среди застежек наиболее распространенными были *фибулы* – ме-

таллические застежки разнообразных форм для одежды. Составные части фибулы – игла, дужка или корпус, желобок (иглодержатель), пружина, соединяющая иглу с дужкой. В археологии разные типы фибул имеют большое значение для установления датировки.

Самая ранняя фибула (рис. 12.18: *1*; фото 10: *1*) изучаемого памятника датирована IV–V вв. [Алексеев, 2002а, № 1, с. 85, рис. 7: *6*]. Это бронзовая арбалетная фибула, изготовленная из круглого в сечении прута, пружина же и игла были железными.

Подковообразные фибулы составляют основную часть друцких изделий. Отлитая по восковой модели из латуни подковообразная фибула с многогранными головками на концах (рис. 12.18: *2*; фото 10: *2*) отличается треугольным сечением дуги. Подобные изделия найдены в Прибалтике, Финляндии, Швеции, Норвегии и датированы IX–XI вв. [Arbman, 1940, taf. 53; Седова, 1981, с. 86, рис. 31: *12*].

Подковообразные спиралеконечные фибулы имеют загнутые в трубочку спиральные концы (рис. 12.18: *3–6*; фото 10: *3, 4*). По сечению дуги делятся на четырехгранные и круглые. Наиболее ранние по датировке фибулы четырехгранного сечения. Они появились в Швеции и получили широкое распространение в X в. [Arbman, 1940, taf. 50, 51; Седова, 1981, с. 84]. Спиралеконечные фибулы круглого сечения датированы X–XIII вв. [Седова, 1981, с. 86, рис. 31: *2, 4*].

Подковообразная ложновитая фибула с маковидными головками (рис. 12.18: *7*) датирована XI–XII вв. [Седова, 1981, с. 88].

У фрагмента бронзовой лучистой фибулы (рис. 12.18: *8*; фото 10: *5*) сохранилось шесть лучей. Аналогичные фибулы были найдены в курганных могильниках Старая Рудня и Попова Гора. Фрагмент фибулы датирован XI–XII вв. [Богомольников, 2004, с. 79, рис. 18: *7*].

Среди данной категории предметов выделяется кольцевидная пластинчатая фибула (рис. 12.18: *9*; фото 10: *6*). Друцкая фибула датирована XIII–XV вв. Аналогичные находки найдены в Новогрудке, на Асотском городище, в могильнике Обяляй [Гуревич, 1981, с. рис. 85: *8*; Шноре, 1961, т. II, табл. III: *13–15*; Urbanavičius, 1988, t. 6, p. 55; pav. 92: *1–4*, 94: *1*].

К застежкам относятся также округлые и уплощенные металлические *пуговицы* (рис. 12.14: *9–11*), литые из бронзы и оловянисто-свинцовых сплавов. В Друцке они представлены небольшим количеством. Изделия преимущественно относятся к хорошо известным и широко распространенным типам: шаровидным и грибовидным с круглым ушком. Аналогичные находки обнаружены в Минске [Загорульский, 1982, с. 322, табл. XVIII: *9*], селище Минино I [Археология севернорусской деревни ... , 2008, т. 2, с. 110, рис. 101: *1–9*]. В Новгороде они датированы XI–XV вв. [Седова, 1981, с. 155, рис. 61: *3–7*].

Шаровидные пуговицы изготовлены из двух тисненых половинок с проволочным ушком (рис. 12.14: *12–26*). Идентичные находки найдены в Минске [Загорульский, 1982, с. 322, табл. XVII: *10, 11*]. В Новгороде они датированы XII–XV вв. [Седова, 1981, с. 155].

Интересна одна серебряная тисненая пуговица (рис. 12.14: *27*). Ювелирное изделие было орнаментировано четырьмя рядами проволочных ободков и, вероятно, являлось дорогим элементом украшения парадной одежды.

Особо выделяется бронзовая пуговица конусовидной формы с эмалями (рис. 12.14: *28*; фото 10: *13*). Орнамент – четырехлепестковый цветок. Углубления заполнены белой эмалью. Датирована XII–XIII вв.

К аксессуарам костюма можно также отнести бронзовую S-видную петельку (рис. 12.14: *29*) и бронзовую маленькую треугольную застежку с крючком и тремя отверстиями для ниток (рис. 12.14: *30*). Аналогичная застежка была найдена на селище Городище (Пинский р-н) [Іоў, 2012, с. 91, мал. 62: *20*].

Поясной набор. Среди предметов, относящихся к поясному набору, необходимо выделить разнообразные пряжки. Наиболее древней является железная пряжка с вогнутыми внутрь боковыми краями рамки (рис. 12.19: *1*). Аналогичные пряжки найдены в курганах у д. Погодица (Борисовский р-н Минской обл.) [Штыхаў, 1992, с. 37, рис. 24: *3*]; Борки (Полоцкий р-н Витебской обл.) [Штыхаў, 1992, с. 115–116, рис. 31: *8, 35, 26*]; Варганы (Докшицкий р-н Витебской обл.) [Штыхаў, 1992, с. 114, рис. 24: *2*]. Датирована пряжка VII–X вв. [Кенько, 2012, с. 27, рис. 7].

Лировидная литая пряжка с профилированной рамкой и перехватом (рис. 12.19: *2*; фото 10: *7*), котором видны каплевидные выступы. Рамка украшена циркульным орнаментом. Пряжки, аналогичные друцкой, были найдены в Полоцке [Тарасаў, 1998, с. 34, мал. 57: *9*]; курганном могильнике Видогощ (Минский р-н Минской обл.) [Анджэеўскі, 2005, S. 188 tabl. 23: *c*; Поболь, 1979, с. 174, рис. 122: *1*]. Датированы изделия XI–XII вв. [Кенько, 2012, с. 39, рис. 16: *1–5*].

Фрагмент лировидной литой пряжки с профилированной рамкой с перехватом (рис. 12.19: *3*) отличается наличием на рамке гнезда под язычок в форме лилии. Аналогии данному изделию найдены в курганном могильнике Видогощ (Минский р-н Минской обл.) [Анджэеўскі, 2005, S. 188–189, tabl. 23: *b*; Поболь, 1979, с. 174, рис. 122: *2, 4–7, 9, 11*]; кургане № 9, Дорохи V (Городокский р-н Витебской обл.) [Штыхаў, 1992, с. 134, мал. 70: 17]; Заславле [Заяц, 1995, с. 69, рис. 49: *3*]; курганном могильнике Кублищино (Миорский р-н Витебской обл.) [Дучыц, 1991, с. 63, мал. 7: *7, 8*]; курганном могильнике Харлапово, XI–XII вв. [Шмидт, 1957, вып. II, с. 201, 202, рис. 41: *3*]; Южном городище Старой Рязани, XI в. [Даркевич, 1974, с. 62, рис. 40: *2, 3*]; могильнике Купанское, погребение № 5, XII в. [Комаров, 1975, вып. 144, с. 93, рис. 2: *12*]; Новгороде, первая четверть XI в. – 70–90-е годы XII в. [Седова, 1981, с. 144, рис. 56: *1, 2*]. Датированы изделия концом X в. – XII в. [Кенько, 2012, с. 36–37, рис. 14].

Весьма необычной является литая пряжка XI–XII вв. с прямоугольной рамкой круглого сечения (рис. 12.19: *4*). На рамке – фигурные выступы в форме голов змеи. Аналогичная пряжка найдена на городище Городенец (Лепельский р-н Витебской обл.) [Кенько, 2006, с. 9, рис. 1: *i*].

Отметим лировидную пряжку с прямоугольной основой, рифленой рамкой и расширенным полукруглым приемником (рис. 12.19: *5*; фото 10: *8*).

К пряжке крепили ажурную подвижную обойму. К ремню пряжку крепили при помощи четырех заклепок. Аналогичные пряжки из цветного металла были найдены в курганном могильнике Ошмянец и Полоцке [Зайкоўскі, 2002, вып. 17, с. 184, мал. 9: *14*; Клімаў, 2011, вып. 21, с. 195, мал. 3: *6*]. Датирована XIII–XIV вв. Такую же датировку имеет и еще одна бронзовая лировидная пряжка с друцкого городища (рис. 12.19: *6*).

Литая пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 12.19: *7*) датирована XIII–XIV вв. Сечение рамки круглое, сама же она декорирована насечками. Аналогичные пряжки найдены в городище Турейск [Кізюкевіч, 2006, вып. 11, с. 121, мал. 12: *8*].

Дополняет группу изделий литая лировидная пряжка XVI–XVII вв. с прямоугольной основой и стрельчатым выступом на внутренней стороне рамки (рис. 12.19: *8*; фото 10: *9*). На приемнике имеются выступы в виде «вороньих клювов». Аналогичная пряжка найдена на селище Лучно-2 (Полоцкий р-н).

Маленькую бронзовую овальную пряжку с четырьмя каплевидными выступами (рис. 12.19: *9*) можно отнести к обувным. Рамка у нее ложновитая. Датирована XIII–XIV вв. Идентичная пряжка была найдена в могильнике Обяляй [Urbanavičius, 1988, t. 6, p. 40, 41; pav. 67: *4*].

В коллекции рассматриваемых артефактов представлены два изделия XIX в., рамка которых имеет прямоугольную форму с перехватом (рис. 12.19: *10, 11*). Сечение самой рамки – прямоугольное.

Наряду с пряжками к металлическим деталям поясной гарнитуры относят и поясные кольца (рис. 12.19: *12–17*). В большинстве своем они представлены литыми изделиями круглого и полукруглого сечения.

Довольно редкой является находка разделительного кольца-тройника (рис. 12.19: *12*; фото 10: *10*), центральная часть которого орнаментирована трехлепестковым цветком. Отверстия служили для распределения ремней в трех направлениях. Аналогичные изделия IX в. – начала X в. найдены в погребениях второго этапа караякуповской культуры (Южный Урал) [Мажитов, 1981, с. 80–82, рис. 55: *83*].

Поясные накладки. В Друцке выявлен редкий предмет – матрица для изготовления накладки на пояс, имеющая сердцевидную форму. Орнамент матрицы остроовальный, углубленный, имеет вид трилистника с тремя каплевидными выступами (фото 19: *1*). Аналогичные матрицы использованы для изготовления накладок, найденных в курганных могильниках Гнездово [Сизов, 1902, вып. 1, № 28, табл. III: *36*], Шестовица и Седнев (класс VII, вид 1а по типологии В. В. Мурашевой) и датированы X в. [Мурашева, 2000, с. 33, 110, рис. 39: *1а*].

В Друцке были распространены накладки различных форм и с разными видами крепления на пояса. Интерес представляет круглая бронзовая накладка X в., которую крепили при помощи заклепки (рис. 12.20: *1*). В основе орнаментальной композиции – цветок с отходящими от круглой середины лепестками. Аналогичная накладка с гладким ободком найдена в курганном могильнике Гнездово (вид О36 по типологии В. В. Мурашевой) [Мурашева, 2000, с. 55, 121, рис. 83: *О36*].

Еще один экземпляр круглой бронзовой накладки с отверстием в середине плакирован серебром (рис. 12.20: *6*). Ее крепили к ремню при помощи трех заклепок.

Квадратные накладки (рис. 12.20: *3, 4*), как и круглые, крепили при помощи центральной заклепки. Орнамент двух изделий отличается рифленым ободком и косым крестом. Идентичные накладки найдены в Новогрудке [Гуревич, 1981, с. 85, рис. 66: *7*], Полоцке [Штыхов, 1966, с. 19; 67, с. 71, рис. 34: *18*], могильнике Мади [Seriland, 1974, taf. XIX: *8*], на Асотском городище [Шноре, 1961, т. II, табл. VI: *21*]. Датированы накладки XI–XIII вв. (вид O29 по типологии В. В. Мурашевой) [Мурашева, 2000, с. 54, 55, 120, рис. 81: *O29*].

Квадратная бронзовая накладка (рис. 12.20: *5*; фото 19: *6*) орнаментирована четырехлепестковым цветком с каплевидными выступами. Ее крепили к ремню при помощи четырех заклепок.

Отличным от указанных изделий является фрагмент квадратной орнаментированной накладки (рис. 12.20: *2*), которую крепили к поясу при помощи четырех штифтов.

Интересны прямоугольные бронзовые накладки XI–XIII вв. с фигурными вырезами на концах (рис. 12.20: *7, 8*). В центре орнаментальной композиции изделия – ромб. Идентичные экземпляры встречают в Татарстане (селище Чакма) [Руденко, 2000, с. 65, рис. 8: *58*; 21: *1*].

Пятиугольная бронзовая позолоченная накладка (рис. 12.20: *9*; фото 19: *5*), выпуклая по форме. Декорировано изделие трехлепестковым цветком с изогнутыми листьями по бокам в обрамлении рифленого полукруга. Аналогичные накладки найдены на городище Гольшаны (Ошмянский р-н), датированы XIII в.

Бронзовая накладка в форме шестилепесткового цветка (рис. 12.20: *10*), в одном из углублений которой сохранились остатки красной эмали. Ее крепили к кожаной основе при помощи двух заклепок. В центре – сквозное отверстие. Датированы такие накладки XIII–XIV вв. Аналогичная найдена в могильнике Обяляй [Urbanavičius, 1988, t. 6, p. 54; pav. 94: *5*].

Бронзовая прямоугольная накладка (рис. 12.20: *11*) орнаментирована тремя продольными линиями. Сохранилась позолота. Ее крепили к ремню при помощи двух штифтов.

Фрагмент прямоугольной бронзовой накладки (рис. 12.20: *12*) декорирован двумя рядами круглых отверстий, вписанных в рифленую рамку. Крепили изделие при помощи штифтов. Идентичная накладка найдена в Витебске (раскопки О. Н. Левко, 2013 г.).

Дополняют коллекцию фрагменты накладок на сумку (рис. 12.20: *14–16*). Это бронзовые изделия с профилированными утолщенными литыми лучами, которые крепили к кожаной основе при помощи штифтов и заклепок. Датированы XIV–XV вв. Многочисленные аналогии данным накладкам найдены в грунтовом могильнике Кукли [Квятковская, 1998, с. 128–130, рис. 48: *7*, 49: *1*, 50: *1*, фото 39].

Бляшки-нашивки на одежду или головной убор. Особенный интерес представляет находка ажурных квадратных бляшек-нашивок на одежду

(рис. 12.20: *17*; фото 7: *1–4*), которые датированы второй половиной XII в. – началом XIII в. [Ляўко, 2000а, с. 99]. Подобные ювелирные украшения могли крепить на княжескую одежду или головной убор. Это подтверждается местом обнаружения (зона размещения княжеской резиденции), характером материала (серебро ?) и особенностями декора.

Выразителен декор в виде зооморфного орнамента. Изображения хищных птиц с загнутым клювом вписаны в квадратную форму бляшек, левое крыло опущено, правое серповидно поднято, тонкая шея украшена ошейником. Подобные зооморфные существа не случайно появились как орнаментальные мотивы. У славян образ птицы был привычным талисманом с глубокой древности и распространенным персонажем фольклора. Эти образы выражали идею посредничества между небом и землей, для чего и использовали образ птицы, но были и другие существа, главной особенностью которых были крылья (фантастические птицы Феникс, Сирин, Алконист, грифоны, крылатые собаки и др.).

Образ грифона является загадочным существом в древнерусском орнаменте. Н. Погребова выделяет три иконографии образа этого существа в античную эпоху: переднеазиатскую, скифскую и греческую [Погребова, 1948, вып. 22, с. 62–67]. Греческая традиция изображения грифона, из-за связи с солнечным культом, была связана с образом бога Аполлона. В Византии грифон был рано включен в сакральную эмблематику и постепенно стал ассоциироваться с кесарским чином. В искусстве Восточной Европы образ грифона дольше сохранял покровительственный характер. В древнерусской традиции осталась восточная идея о связи грифона с правителем [Рябцева, 2005, с. 185–186]. Следует отметить упрощенное решение зооморфных мотивов в нашивках из Друцка, т. е. стилизацию. Наблюдается намеренное использование формальных признаков и образной системы изображения грифона в новом, необычном художественном контексте. Свободное обращение с прототипом ведет к потере его правдоподобия, формализации; это уже не конкретный живой образ, а версия абстрактного орнаментального мотива.

Литые оловянисто-свинцовые бляшки нашивали, видимо, на головной убор (рис. 12.20: *18–20*). Датированы они XII–XIV вв. [Седова, 1981, с. 153–155]. Круглая бляшка (рис. 12.20: *21*) из оловянисто-свинцового сплава имеет рифленый ободок. Треугольными выступами в центре бляшки крепилась стеклянная или каменная вставка.

Предметы религиозного культа представлены крестами-энколпионами (рис. 12.21: *10*), нательными крестиками и их фрагментами (рис. 12.21: *1–8*), фрагментами хороса (рис. 12.21: *11–13*) и крышечками от кадила (рис. 12.21: *14, 15*) [Алексеев, 1966, с. 159].

Среди христианских древностей, найденных на территории летописного Друцка, особый интерес представляют *энколпионы* (нагрудные двустворчатые кресты-складни), являющиеся не только замечательными образцами средневекового медного литья, но и ценными историческими источниками. Энколпионы были широко распространены в средневековом обществе до-

монгольской Руси. Они были серийными изделиями и их массово отливали из медных сплавов. Основные формы энколпионов: четырехконечные с равными или чуть расширяющимися концами, с трехлопастным завершением ветвей, с круглыми медальонами на концах и капельками металла в местах соединения медальонов с ветвями креста.

Домонгольские меднолитые кресты-энколпионы можно разделить на несколько типов: с рельефными изображениями (известны на Руси с XI в.; с центральной рельефной фигурой и плоскими изображениями на концах (получили распространение с первой половины XII в.); с перегородчатой эмалью (вторая половина XII в.); с гравировкой и плоскостными изображениями, исполненными чернью либо инкрустацией оловом (вторая половина XII в.). Отдельную группу составляют кресты с мелкими рельефными фигурами и литыми зеркальными надписями, матрицы которых появились не ранее конца XII в. – первой трети XIII в. [Гнутова, 2000, с. 20].

Значительное их количество привозили из разных ремесленных центров, как, например, из Киева. Однако есть основания считать, что изготовлением таких предметов занимались и местные мастера в древних городах с территории Беларуси (Витебске, Полоцке, Лукомле, Волковыске, Турове, Друцке).

Кресты-энколпионы найдены в Друцке во время раскопок Л. В. Алексеева. Лицевая створка одного из бронзовых энколпионов друцкой коллекции, найденного при выезде из Окольного города, содержит выпуклое изображение Распятия и черненые изображения святых в медальонах по концам горизонтальной перекладины (фото 8: *5–7*). Изображения святых на подобных произведениях мелкой пластики могли быть рельефными или графическими. Этот экземпляр относится к типу рельефно-черневых изделий, которые сочетают рельефное изображение в центре на обеих створках с плоскостными изображениями в медальонах на концах креста, выполненными углубленными линиями, декорированными чернью с последующей доработкой резцом. Однако сохранилась только лицевая сторона креста. Особенностью декора энколпиона является плоское изображение «мальтийского креста» с расширяющимися к концам перекладинами вверху изделия, над Распятием. Рассмотренный энколпион датирован второй половиной XII в., возможно его концом, так как есть мнение, что выпуклые центральные фигуры креста при плоскостных фигурах святых в медальонах по сторонам появились во второй четверти XII в. [Корзухина, 1958, т. XIV, с. 133]. Подобные кресты были широко распространены. Например, полная аналогия была найдена еще Часовниковым в 1887 г. на Цимлянском городище на Дону [Алексеев, 1974, № 3, с. 206].

Значительную группу произведений мелкой пластики (кресты-энколпионы, литые крестики, иконки-подвески) составляют те, на которых изображены образы святых Бориса и Глеба. На территории древнерусских княжеств культ святых был установлен с XI в., постепенно меняя свое содержание: от образов мучеников-целителей (их изображали без атрибутов, лишь с крестом в руках; после возведения специального храма в Вышго-

роде (1072 г.) их атрибутом стало маленькое изображение этого храма в руках) до воинов в XII в. [Лесючевский, 1946, вып. VIII, с. 225–247; Алешковский, 1972, с. 104–125]. Неслучайно в честь святых создавали монастыри (Полоцкий Борисоглебский), воздвигали храмы (церкви в Гродно, Турове, Новогрудке), их образы помещали во фресковых циклах (росписи церкви Бориса и Глеба в Бельчицах). Понятным становится обращение мастеров-ювелиров к образам Бориса и Глеба.

Бронзовый энколпион с выпуклой фигурой св. Бориса, найденный в Друцке в 1959 г., с мученическим венцом в средокрестье и плохо сохранившимися святыми в медальонах по концам, выполненными чернью, довольно долго был в употреблении, прежде чем попасть в землю. По мнению автора раскопок Л. В. Алексеева, энколпион с изображением фигуры князя, найденный в слое XIII в., датирован не позднее первой половины XII в. [Алексеев, 1974, № 3, с. 206]. Известны аналогичные энколпионы из коллекции Киевской духовной академии и коллекции А. Уварова [Ханенко, 1899, вып. 1, с. 18].

Найденный на друцком детинце в слое XIII в. бронзовый энколпион «Богоматерь Агиосоритисса» свидетельствует о почитании данного образа в регионе. Эта оборотная створка с изображением Богоматери является частью креста-энколпиона четырехконечной формы. В центре представлено высокорельефное ростовое изображение Богоматери Агиосоритиссы в трехчетвертном повороте вправо. Подобное изображение Богоматери определяется как краткий извод иконографии Покрова Богородицы. По сторонам в трех медальонах – довольно схематичные графические изображения святых, без сопроводительных надписей с именами (над нею – Христос, по сторонам перекрестья архангелы Михаил и Гавриил). Подобный крест известен среди древностей конца XII в. из собрания Центрального Музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (Москва) – «Распятие Христово. Богоматерь Агиосоритисса». На лицевой створке изделия – «Распятие Христово», на оборотной – в центре Богоматерь в рост в трехчетвертном повороте вправо, на концах – поясные изображения святых.

По значительному количеству находок крестов-энколпионов на территории Беларуси можно судить о большом спросе на такие изделия.

Бронзовый небольшой наперсный крест из Друцка (раскопки Алексеева из дернового слоя друцкого детинца), отлитый в односторонней форме, отличает выразительный декор. Изделие имеет плоскую заднюю стенку, на внешней стороне креста представлены рельефные изображения: Троица (вверху), Сретение (левая сторона), Сошествие во ад (правая сторона), Распятие (средокрестие), Преображение и Сошествие Святого Духа на ангела (нижняя часть ствола). Подобные изделия мелкой пластики известны среди древностей XV–XVI вв., примечательным также является отлитый в такой форме крест, выявленный в Витебске [Археалогія Беларусі, 2000, т. 3, с. 442].

Выделяется выявленный раскопками О. Н. Левко в 2013 г. медный крестик с расширяющимися концами, имеющими по три выступа (рис. 12.21: *1*). Такие кресты получили в литературе название «скандинавского типа».

Датирован крест из Друцка X–XII вв. Аналогичные кресты найдены в курганных могильниках Дроздово, Избище, Веточка IV, Веточка V [Башков, 2011, с. 18–20, рис. 5], на Готланде [Thunmark-Nylén, 1995, abb. 113: *3*]. Подобные изделия, но более позднего времени, найдены у подножия Шведской горы в Волковыске, в каменном могильнике конца XIII в. – XV в. у д. Дворчаны (Вороновский р-н Гродненской обл.) [Зверуго, 1975, с. 43, рис. 13: *12*; Квятковская, 1998, с. 80, рис. 15: *2*].

Среди изделий важно отметить медный литой крест XI–XIII вв. с профилированными утолщенными шаровидными лучами и средокрестием с округлыми очертаниями, плавно переходящими в лучи (рис. 12.21: *2*). Аналогичные крестики найдены в Заславле, Наврах, Полоцке, Городище на Менке [Башков, 2011, с. 30, рис. 9: *13–15*], на Асотском городище [Шноре, 1961, т. II, табл. V: *13–15*], селище Минино I [Археология севернорусской деревни ... , 2008, т. 2, с. 60, рис. 41: *14*].

Бронзовый крест с ромбическим средокрестием и шаровидными концами с «шишечками». Датирован XI–XIII вв. [Башков, 2011, с. 31, рис. 9: *20*].

Еще один образец художественного литья – бронзовый двухсторонний крест с криновидными концами (рис. 12.21: *3*). В центре крест орнаментирован равносторонним крестом. Отдаленной аналогией ему может служить крест из янтаря XII–XIII вв. (г. Слуцк) [Башков, 2011, с. 40, рис. 18: *1*].

Отметим экземпляр бронзового креста-накладки, который крепили при помощи четырех штифтов. На лицевой его стороне помещено изображение распятого Христа. Крест был найден при раскопках кладбища XVII в. на посаде Друцка в 2000 г. (рис. 12.21: *9*).

Так как грамотными на Руси были в первую очередь служители церкви, то к христианским древностям, обнаруженным на территории летописного Друцка, можно также отнести находки *писал и книжных застежек* (рис. 12.22: *1–9*; фото 9: *1–3*), [Алексеев, 2002б, № 2, с. 91, рис. 7: *7–9*].

Иные изделия из цветных металлов. К ним относятся печати, пломбы, гирьки-разновесы и слитки, весовые чашечки, бытовые предметы, посуда и др.

Свидетельством дипломатических и торговых отношений являются находки вислых печатей и пломб (рис. 12.22: *10–24*; фото 9: *4–6*). Все они изготовлены из свинцовых кружков, с оттиском печати. На найденых изделиях нанесены изображения святых, княжеские знаки, различные буквы. На одной пломбе отчетливо читается надпись «Новгродъ» (рис. 12.22: *12*; фото 9: *6*).

Бронзовая копоушка (рис. 12.20: *13*), которую крепили к ремню при помощи двух заклепок. Аналогичная копоушка была найдена во время раскопок Шкловского замка (раскопки О. Н. Левко, 2010 г.). Датирована XVI–XVII вв.

12.3. Оружие и доспехи *(Н. А. Плавинский)*

Оружие. Большинство друцких предметов вооружения происходит из раскопок Л. В. Алексеева 1956–1962 гг., 1965 и 1967 г. В первую очередь это объясняется тем, что исследования в эти годы проводили преимущественно на территории детинца. Учитывая состояние отчетной документации об исследованиях этих лет и степени опубликованности выявленных ма-

териалов, датировка находок оружия на основании их стратиграфического положения в культурном слое практически не представляется возможной. Далеко не все находки из раскопок Л. В. Алексеева были переданы в собрания белорусских музеев, поэтому приводимые описания друцкого оружия сильно отличаются по степени детальности и точности. Собственно, по названным причинам полноценное описание всей коллекции предметов вооружения из раскопок Друцка не представляется возможным. Поэтому в данной работе основное внимание уделено находкам образцов оружия ближнего боя и фрагментов защитного вооружения. В свою очередь, находки наконечников стрел и других деталей оружия дальнего боя рассматриваются только в самых общих чертах с целью дать предварительную характеристику имеющегося в нашем распоряжении набора снарядов для лука и арбалета.

В соответствии с общепринятыми в европейском оружиеведении принципами все вооружение индивидуального использования бывает наступательным и защитным.

Наступательное вооружение делится на оружие ближнего и дальнего боя. Оружие ближнего боя, в свою очередь, подразделяется на клинковое (состоящее из клинка и рукояти), древковое (состоящее из длинного древка и наконечника) и обуховое (состоящее из рукояти и рубящей или ударной рабочей части). Оружие дальнего боя состоит из приспособления для метания поражающего снаряда (лук или арбалет) и самих снарядов (стрелы).

Защитное вооружение – это совокупность средств, предназначенных для защиты воина от поражения оружием противника. Оно подразделяется на боевые прикрытия (щиты), средства защиты головы (шлемы) и средства защиты корпуса и конечностей, которые делятся на неметаллические, кольчатые, пластинчатые и пластинные [Бохан, Плавінскі, 2011; Плавінскі, 2009б].

В ходе раскопок Друцка были найдены отдельные образцы клинкового, древкового и обухового оружия, наконечники стрел лука и арбалета, а также отдельные детали снаряжения лучника. Кроме того, были обнаружены отдельные фрагменты защитного вооружения.

Клинковое оружие из раскопок Друцка представлено немногочисленными, но крайне интересными находками, а именно двумя деталями рукоятей мечей, перекрестьем сабли, целым и фрагментированным наконечниками ножен мечей.

Полая трехчастная головка навершия меча (рис. 12.23: *1*; фото 18: *1*) из цветного металла (латунь или бронза) была выявлена в 1961 г. Ее высота – 3,1 см, ширина – 6,8, толщина центральной части головки – 3,2 см. Головка принадлежала составному навершию рукояти меча, который относится к типу II по А. Н. Кирпичникову [Кирпичников, 1966а, с. 53–54]. Рукояти мечей типа II состояли из слегка выгнутого в сторону клинка перекрестья и двухсоставного навершия из основания и трехчастной головки. Данный тип мечей был одним из самых популярных в западных землях Руси в древнерусское время, зафиксировано не менее пяти таких находок [Плавінскі, 2009а, с. 21–23; 2013, с. 16–18].

Мечи типа II в Восточной Европе использовали на протяжении достаточно длительного времени: начиная с XI в., по крайней мере, до конца XIV в. [Плавинский, 2011, с. 205–206; Vaičiūnienė, 2000, pav. 9].

Головка навершия меча из Друцка имеет ряд примечательных морфологических особенностей. На нижней поверхности головки навершия находится шпенек высотой 0,7 см. Боковые части головки отделены от центральной тремя рядами валиков и бороздок. Головки наверший мечей типа II, украшенные подобным образом, встречаются достаточно редко. В качестве наиболее близких аналогий можно привести две находки с территории России – из д. Хомутцы Белгородской области [Шпилев, Плавинский, 2012] и Воздвиженского (?) бывшей Костромской губернии [Кирпичников, 1966а, с. 84–85, табл. XXII: *2*, XXV: *1*]. К сожалению, обе эти находки являются случайными и, соответственно, не могут быть узко датированы.

На основании типологической принадлежности и морфологических особенностей наиболее вероятной представляется датировка друцкой головки навершия меча XII–XIII вв. Хотя нельзя исключать и возможности более широкой датировки в рамках XI–XIV вв.

Деталью меча является также фрагмент (примерно 1/2 часть) железного перекрестья, найденный в 1958 г. Ширина фрагмента – 11,1 см, что позволяет предполагать вероятную первоначальную ширину перекрестья порядка 22 см (рис. 12.23: *4*). Перекрестье имело сильно выгнутые в сторону клинка расширяющиеся концы. В сечении сохранившийся конец близок к пятиугольному. Его ширина – 2,2 см, толщина – 0,45 см. Конец перекрестья украшен с одной стороны тремя параллельными бороздками. Еще две такие бороздки прослеживаются на той же стороне в 4 см от отверстия для клинка, ширина которого достигает 1 см. На орнаментированной стороне перекрестья хорошо прослеживается отломанный выступ – остатки так называемого бокового защитного кольца.

Перекрестье может быть условно отнесено к типу (стилю) 6 по Р. Э. Окшотту [Oakeshott, 1964, p. 115; 1991, p. X]. Боковые кольца появились на перекрестьях европейских мечей уже в последние десятилетия XV в. [Окшот, 2004, с. 381–382; Oakeshott, 1991, p. 194]. При этом наиболее морфологически близкие к друцкому перекрестья с боковым защитным кольцом могут быть датированы в рамках первой половины XVI в. [Bruhn-Hoffmeyer, 1954, p. 156, pl. XLI: *a*]. Меч с подобным перекрестьем происходит из д. Техановцы (Ciechanowiec) Бельского повета Польши и хранится в собрании Гродненского государственного историко-археологического музея [Бохан, 2002, с. 111, мал. 4: *1*; 2012, с. 26–27; Кітурка, 2003, с. 15, табл. III: *6*].

Наконечник ножен меча известен по фотографии крайне низкого качества в монографии Л. В. Алексеева 1966 г. [Алексеев, 1966, рис. 72: *37*], а также по прорисовке Г. В. Ласкавого [Ласкавый, 1993, рис. 2: *8*]. Место его хранения не известно. Судя по имеющимся изображениям, наконечник сохранился фрагментарно: утрачены боковые штанги и верхний лист трехчастной пальметты на венчике (рис. 12.23: *2*). Наконечник относится к типу с «птичьим мотивом в медальоне» (тип IV) по П. Паульсену [Paulsen,

1953, S. 97–101]. Так как данные о стратиграфическом положении находки отсутствуют, ее можно датировать только по типологическим признакам. П. Паульсен относил время существования наконечников типа IV к XI в. и считал, что их могли изготавливать на Готланде или в Курземе [Paulsen, 1953, S. 101]. Также XI в. датируют наконечники данного типа Г. Ф. Корзухина, В. Казакявичюс и Я. Асарис. При этом Я. Асарис отмечает возможность их использования в землях куршей на протяжении всего XII в. [Asaris, 1994]. И В. Казакявичюс, и Я. Асарис уверены, что наконечники типа IV были продукцией балтских мастеров [Kazakevičius, 1998, p. 304–306]. В то же время Г. Ф. Корзухина склонялась к мысли о том, что наиболее вероятным местом их изготовления был Готланд [Корзухина, 1950, с. 66–67].

Кроме того, из раскопок Л. В. Алексеева 1958 г. происходит фрагмент еще одного наконечника ножен – бронзовая боковая штанга длиной 4 см. Верхняя часть штанги оформлена в виде трилистника (рис. 12.23: *3*). Определить типологическую принадлежность наконечника, которому принадлежала данная штанга, не представляется возможным, однако его отнесение к типам балтийского круга кажется вполне вероятным [Плавінскі, 2009а, с. 42].

Железное перекрестье сабли было найдено в 1965 г. Оно было несколько выгнуто в сторону клинка, имело парные мысовидные выступы в центре и слегка расширяющиеся концы (рис. 12.23: *5*). Перекрестье сохранилось фрагментарно: в результате коррозии были практически полностью утрачены центральные мысовидные выступы. Ширина перекрестья – 12,4 см, высота по центру – 1,2 (первоначально была несколько большей), по краям – 1,0, толщина – 2,3–2,5 см. Ширина отверстия для клинка – 4 см.

Перекрестье может быть отнесено либо к типу II, либо к типу IIA по А. Н. Кирпичникову. Экземпляры типа II имели прямые концы, а у образцов типа IIA концы были выгнуты в сторону клинка [Кирпичников, 1966а, с. 69–70]. Учитывая слабый изгиб концов друцкого перекрестья, допустимо его отнесение, как к одному, так и к другому типу. По данным А. Н. Кирпичникова, перекрестья типа II появились на Руси в XI в., а типа IIA – в первой половине XIII в. [Кирпичников, 1966а, с. 70–72]. Уточнить датировку друцкого перекрестья может анализ имеющихся данных о находках сабельных деталей в западных землях Руси и в Белорусском Поднепровье в частности. На данный момент в западных землях Руси без учета рассматриваемого образца известно 14 находок фрагментов сабель, причем большинство из них происходит из Поднепровья (10 артефактов из 4 пунктов). Все они датированы временем не ранее середины XII в. [Плавінскі, 2009а, с. 48–52].

Древковое оружие. Образцы древкового оружия из раскопок Друцка немногочислены и представлены двумя наконечниками копий, наконечником дротика и несколькими втоками.

Первый наконечник копья (рис. 12.24: *1*) был найден в 1958 г. Его длина – 22,7 см. Перо лавролистной формы имеет длину 10,4 см и ширину 2,7 см. Сечение пера линзовидное, его толщина – 0,5 см. Длина втулки немного превышает длину пера и достигает 12,3 см. Втулка узкая, круглая в сечении, ее внешний диаметр – 1,8 см, внутренний – 1,5, глубина – 9,6 см.

Учитывая тот факт, что данные о стратиграфическом положении находки отсутствуют, ее датировка вызывает определенные сложности. Если предположить, что копье относится к древнерусскому времени, то по форме пера его можно было бы условно отнести к типу IV по А. Н. Кирпичникову [Кирпичников, 1966б, с. 14–15]. Однако, судя по пропорциям и морфологическим особенностям наконечника, более вероятным представляется его отнесение к более раннему времени, вероятно, к железному веку.

Второй наконечник копья, происходящий из раскопок 1999 г. О. Н. Левко, отличается небольшими размерами (рис. 12.24: *3*). Фрагментированное перо имеет форму удлиненного овала. Его длина приблизительно равна длине втулки [Левко, 2004, рис. 13: *11*]. По форме и общим пропорциям данное копье, скорее всего, может быть отнесено к позднесредневековому времени [Бохан, 2008, с. 181–182; 2012, с. 13–14]. В Литве близкие по форме наконечники (вариант 4 типа II и, возможно, отдельные образцы типа IV по Е. Светикасу) известны в погребальных памятниках конца XIV в. – первой половины XV в. [Svetikas, 2009, pav. 15, 25].

Наконечник дротика относится к типу черешковых с узким удлиненно-ромбовидным пером (рис. 12.24: *2*). Длина наконечника – 26 см (первоначально была на несколько миллиметров больше), длина ромбического в сечении пера – 10,5, его ширина – 2,0, толщина – 0,5 см. Черешок в сечении круглый и имеет диаметр 0,8 см. Нижняя часть черешка расплющена и первоначально была загнута.

На землях Западной Руси аналогичные наконечники использовали в небольшом количестве во второй половине XII в. – XIII в. [Плавінскі, 2013, с. 55]. Данный тип наконечников находит аналогии в Прибалтике, в том числе в Литве [Volkaitė-Kulikauskienė, 1970, pav. 38: *3, 4*], Латвии [Радиньш, 2001, рис. 21: *8*], Эстонии [Mägi, 2002, pl. 58: *22*, 76: *1*, 83: *4*].

Два втока копий (рис. 12.24: *4, 5*) происходят из раскопок 1958 и 1959 г. Оба они имеют коническую форму, длину 9,9 и 10,0 см и диаметр 2,9 и 3,5 см соответственно. В одном из втоков имеется отверстие для гвоздя диаметром 0,5 см. Вероятно, оба втока могут быть датированы временем не ранее XII в. Именно тогда втоки получили определенное распространение в комплексе вооружения населения западных земель Руси [Плавінскі, 2013, с. 51–54]. Предлагаемая датировка соответствует датировкам данных артефактов, сделанным Л. В. Алексеевым (отмечены на бирках – «сл. н. XIII в.» для первого (рис. 12.24: *4*) и «сл. XIII–XIV» для второго (рис. 12.24: *5*)).

Обуховое оружие из раскопок Друцка представлено в первую очередь тремя кистенями, происходящими из раскопок Л. В. Алексеева. Кроме того, к числу находок обухового оружия также можно, с определенными оговорками, отнести четыре топора.

Первый кистень (рис. 12.25: *2*) представляет собой фрагмент роговой гирьки грушевидной формы. Высота гирьки – 8,5 см, диаметр продольного сквозного канала – 1,1 см [Мядзведзева, 2010а, vol. VI, с. 103, мал. 2: *1*]. Артефакт относится к типу I по А. Н. Кирпичникову и может быть датирован только в широких границах: XI–XIII вв. [Кирпичников, 1966б, с. 59].

Гирьки данного типа имели продольный сквозной канал, через который пропускали железный или бронзовый стержень с отверстием. Через это отверстие пропускали ремень, который зажимали в руке. Часто металлический стержень мог отсутствовать. В таком случае ремень пропускали непосредственно через продольный канал.

Второй кистень, бронзовый или биметаллический (?), имеет грушевидную форму (рис. 12.25: *1*). Ушко для подвешивания фрагментировано [Алексеев, 1966, рис. 72: *3*]. Кистень относится к типу II по А. Н. Кирпичникову, который может быть датирован второй половиной X в. – XIII в. Третий кистень, также бронзовый или биметаллический (?), имеет грушевидную форму (рис. 12.25: *5*) с поверхностью, покрытой горошковидными выступами [Алексеев, 1966, рис. 72: *2*]. Он относится к типу IIа по А. Н. Кирпичникову и датирован XII–XIII вв. [Кирпичников, 1966б, с. 62].

Три топора из раскопок Л. В. Алексеева отличаются достаточно массивными размерами, а потому относятся скорее к орудиям труда, чем к предметам вооружения. Однако, учитывая то, что в экстремальных условиях рабочие топоры с легкостью могли быть использованы в качестве оружия, данные артефакты также целесообразно рассматривать в контексте других образцов ближнего боя.

Единственный из топоров, опубликованный Л. В. Алексеевым [Алексеев, 1966, рис. 21: *7*], имеет лезвие с достаточно широкой бородкой и невысокими выступами на тыльной стороне обуха (рис. 12.26: *1*). Данный топор может быть отнесен к типу IVБ, выделенному Н. А. Плавинским на материалах с территории Беларуси в качестве дополнения к типологии А. Н. Кирпичникова. Топоры данного типа появились в XI в., наиболее активно их использовали в XII–XIII вв., но существовали они и в XIV в. Подобные топоры были наиболее широко распространены именно в западных землях Руси, в то время как в других древнерусских регионах их либо практически не использовали, либо о них было мало известно [Плавінскі, 2013, с. 31–32].

Второй топор также относится к типу IVБ, причем его можно рассматривать как характерный образец этого типа (рис. 12.26: *2*). Он отличается массивными пропорциями и имеет бородку, ширина которой практически равна длине [Плавінскі, 2007, с. 72–73].

Третий топор имеет относительно узкое асимметричное лезвие (рис. 12.26: *3*). Подобные образцы широко известны по материалам раскопок Новгорода, где они были выделены Б. А. Колчиным в отдельный тип рабочих топоров – тип Б. В Новгороде топоры типа Б датированы XIII–XIV вв. [Колчин, 1959, с. 26, рис. 9: *6–8*].

Наконец, четвертый топор (рис. 12.26: *4*), происходящий из раскопок О. Н. Левко, имеет миниатюрные размеры (возможно, это имитация топора или детская игрушка ?). Судя по аналогиям, данный артефакт может быть отнесен к подтипу IXа по М. Глосеку и датирован в широких рамках XIV–XVII вв. и даже несколько шире [Głosek, 1996, s. 42–43, tabl. IV, XXII–XXIII].

Следует также упомянуть о находках двух топоров, изготовленных из рога, обнаруженных в ходе раскопок Л. В. Алексеева (рис. 12.25: *4, 5*). Один

из топоров фактически является заготовкой, так как отверстие для топорища в нем только намечено, но не просверлено (рис. 12.25: *4*).

Естественно, роговые топоры не могут быть отнесены к оружию в чистом виде. Вместе с тем подобные находки необходимо рассматривать как своеобразные символы чести и прав своего владельца, заменявшие собой в условиях мирной жизни настоящие железные топоры [Paulsen, 1956, s. 58–59]. Кроме Друцка роговые топоры происходят из таких древнейших городов как Минск, Полоцк, Витебск, Туров, Давид-Городок [Лысенко, 1974, с. 134, рис. 10: *16*, 39: *12*; 1999, рис. 59: *9*; 2004, с. 72–72, рис. 34; Левко, 2003, с. 149, рис. 16: *3*; 2004, рис. 21: *3*; Плавінскі, 2007, с. 73–74, мал. 6: *1, 2*], хотя для Руси в целом подобные находки являются достаточно редкими [Артемьев, 1994, с. 165]. Вместе с тем в регионах, прилегающих к Балтийскому морю, роговые топоры встречаются достаточно часто [Paulsen, 1956, s. 52–59, abb. 19–22; Mugurēvičs, 2000].

Оружие дальнего боя из раскопок Друцка представлено наконечниками стрел лука и арбалета, причем первые преобладают.

Всего за годы раскопок в Друцке было обнаружено более 70 наконечников. Из них 70 происходят из раскопок Л. В. Алексеева [Алексеев, 2006, с. 140]. Причем, по его данным, 43 наконечника найдено в поздних слоях, а датированы они XIV–XV вв. [Алексеев, 2006, с. 152].

В коллекции друцких наконечников полностью преобладают железные экземпляры различных типов, большинство из которых относится к черешковым плоским и граненым. Друцкие черешковые плоские наконечники представлены ромбовидными, лавровидными и срезневидными формами (рис. 12.27: *1–5, 8–10*). Среди граненых наконечников встречаются пирамидальные, шиловидные и килевидные формы, различные типы бронебойных стрел. Втульчатые наконечники представлены двушипными и шиловидными (рис. 12.27: *6, 7, 11, 12*).

Костяные наконечники стрел с плоским черешком (рис. 12.27: *15–18, 22*) представляют особый интерес. Считается, что подобные наконечники были принесены на древнерусские земли монголо-татарами [Артемьев, 2004, с. 146; Сергєєва, 2011, с. 109–110]. По данным Л. В. Алексеева, друцкие костяные наконечники с плоским черешком происходят из слоев XIV–XV вв. [Алексеев, 2006, с. 152].

Крайне редкая находка – втульчатые костяные наконечники, которые могут являться арбалетными болтами (рис. 12.27: *19–21*). Всего их три, причем у одного хорошо сохранилась шестигранная втулка. Если это действительно болты, то по форме они могут быть отнесены к типу 15 по типологии А. Ф. Медведева [Медведев, 1966, с. 95]. Находки арбалетных болтов в культурных слоях поселенческих памятников в западных землях Руси распространяются с середины–второй половины XIII в. [Плавінскі, 2013, с. 69]. Друцкие костяные наконечники также могут быть датированы временем не раньше отмеченного хронологического рубежа. Причем наиболее вероятно, что они, как и костяные наконечники стрел, происходят из слоев XIV–XV вв. Следует отметить, что помимо необычных костяных болтов

в Друцке выявлены и традиционные железные, относящиеся к типам 8 и 14 по А. Ф. Медведеву (рис. 12.27: *13, 14*), которые датированы так же, как и костяные [Медведев, 1966, с. 94–95]. Находки аналогичных железных болтов в небольшом количестве встречаются на многих памятниках в западных землях Руси.

К числу необычных снарядов для метательного оружия принадлежит также бронзовый втульчатый наконечник стрелы типа 8 по А. Ф. Медведеву (рис. 12.27: *11*) [Медведев, 1966, с. 57–58].

Защитное вооружение (доспехи) из раскопок Друцка представлено фрагментом кольчужного плетения и несколькими пластинками от пластинчатого доспеха.

Фрагмент кольчужного плетения состоит из более чем ста колец. Кольца сильно коррозированы, часть из них в результате коррозии «спеклась» (рис. 12.28: *6*). Диаметр колец – 1,0–1,1 см. Они попеременно склепаны и запаяны. В сечении ко́льца имеют овальную форму, диаметр проволоки – 1,5–2,0 × 1,1–1,8 мм. Заклепки имеют полусферические головки диаметром до 1,5 мм и высотой до 2,5 мм.

Пластинки от доспехов, вероятно, относятся к нескольким гарнитурам. Все они, за исключением одного экземпляра, принадлежали доспехам ламеллярного типа. Ламеллярным принято называть доспех, в котором пластинки могли связывать кожаными ремешками или шнурками непосредственно между собой, без дополнительной подосновы из кожи или ткани (хотя наличие такой подосновы не исключено [Thordeman, 2001, p. 245–280; Плавінскі, 2013, с. 85]).

Шесть пластинок, очевидно, относятся к одному ламеллярному доспеху, причем четыре из них «спеклись» между собой из-за ржавчины. Все пластинки выгнуты (рис. 12.28: *1–3*; фото 18: *2–4*). Четыре из них имеют удиненно-прямоугольную форму с одним подтреугольным краем и тремя отверстиями. Вдоль длинного прямого края пластинок с внутренней стороны нанесен орнамент из прочеканенных точек, которые на внешней стороне при нынешней сохранности предметов не видны. Пластинки имеют размер 6,4 × 0,8–1,0 см при толщине меньше миллиметра. Пятая пластинка имеет прямоугольную форму, длину 6,4 см, ширину 1,6 см и толщину меньше миллиметра. В ней пробито пять отверстий. Кроме того, пластинка орнаментирована семью полусферическими выпуклостями, выбитыми изнутри пластинки, которые дополнительно «подчеркнуты» прочеканенными снаружи точками. Наконец, шестая пластинка имеет прямоугольную форму и размер 6,7 × 2,2 см при толщине меньше миллиметра. В пластинке проделано 15 отверстий, размещенных вдоль обоих коротких и одного из длинных краев. Пластинка украшена шестью серповидными, выбитыми изнутри выпуклостями, которые также дополнительно «подчеркнуты» прочеканенными снаружи точками. Данная пластинка, очевидно, служила для оторочки ряда, набранного из обычных пластинок. Наиболее близкие по стилистике орнаментации аналогии описанным пластинкам происходят из раскопок Нижнего замка в Вильнюсе и датированы второй половиной–концом XIV в. [Бугис, 2008].

Прорисовку еще одной пластинки из раскопок Друцка 1957 г. приводит в своей публикации 1959 г. А. Ф. Медведев (рис. 12.28: *4*). Слегка выгнутая пластинка имеет прямоугольную форму с одним округлым краем и девятью отверстиями. Ее длина – 6,3 см, ширина – 3,4 см, толщина – 1,0 мм. Очевидно, что пластинка относится к оторочке доспеха. А. Ф. Медведев датировал ее на основании данных Л. В. Алексеева XIII–XIV вв. [Медведев, 1959а, с. 124, рис. 5: *1*].

Ламеллярные доспехи были широко распространены в западных землях Руси, а позднее на территории ВКЛ в XI–XIV вв. и даже несколько позднее [Бохан, 2008, с. 88–89; Плавінскі, 2013, с. 85–88].

Наконец, еще одна пластинка, происходящая из раскопок Л. В. Алексеева, сохранилась фрагментарно в результате сильной коррозии. Сохранившаяся часть выгнутой пластинки имеет размер 8,2 × 10,1 см и толщину от 1,5 до 2,5 мм (рис. 12.28: *5*). Судя по очертаниям и пропорциям сохранившегося фрагмента, можно предположить, что первоначально пластинка имела треугольную форму и, соответственно, являлась наплечником. Вдоль одного из краев наплечника идет ряд отверстий для крепления диаметром 3 мм (сохранилось четыре отверстия). Наплечники подобного типа крепили к корпусному доспеху либо при помощи специальных металлических петель либо ремешками или кольчужными кольцами, пропущенными непосредственно через отверстия [Thordeman, 2001, pl. 9; Жуков, Коровкин, 2005, с. 82, рис. 80; Медведев, 1959а, рис. 4: *3*]. Такие наплечники использовали в крытых пластинчатых доспехах, известных под названием «платы». Доспехи данного типа известны в ВКЛ и, в частности, на территории Беларуси в XIV–XV вв. [Бохан, 2012, с. 100–101].

В контексте вопроса о датировке фрагментов пластинчатых доспехов из раскопок Друцка следует отметить, что все они происходят из выделенных Л. В. Алексеевым слоев XIV–XV вв. [Алексеев, 2006, с. 153].

Таким образом, за годы археологических раскопок, проводившихся Л. В. Алексеевым и О. Н. Левко, в Друцке собрана представительная коллекция предметов древнерусского и позднесредневекового вооружения. Имеющиеся артефакты позволяют достаточно полно и разносторонне охарактеризовать те виды вооружения, которые использовали на территории города в военное время.

12.4. Снаряжение всадника и коня
(Е. В. Власовец)

Коллекция снаряжения всадника и коня из раскопок Друцка представлена более чем 60 находками и включает шпоры, стремена, удила с псалиями, пряжки, подковы, ботало и скребницу.

Шпоры. Шпор и их фрагментов в Друцке обнаружено 30 экземпляров.

Наиболее ранними являются две железные шпоры в виде изогнутой дужки с коническим шипом на вершине и отогнутыми наружу крючкообразными зацепами на концах (рис. 12.29: *1, 2*). По классификации В. Б. Пер-

хавко такие шпоры относят к типу V. Впервые шпоры данного типа появились в III в. у балтских племен, обитавших в Висло-Мазурском регионе. В середине IV в. – начале V в. они получили распространение в лесной полосе Восточной Европы. Пропорции друцких шпор позволяют отнести их к варианту А, который отличается от варианта Б меньшими размерами, а также иным соотношением длины и ширины плеч шпоры. Датировать друцкие экземпляры можно лишь в рамках бытования шпор данного типа в Восточной Европе, т. е. IV–VII вв. [Перхавко, 1978, с. 122–123; Седов, 2007, с. 109; Żak, 1959, t. 11, s. 88–91, 95].

К числу древнейших артефактов следует отнести и шпору из раскопок Л. В. Алексеева 1957 г. (рис. 12.29: *3*). Она сохранилась фрагментарно – имеется часть дуги с шипом, но наполовину обломаны оба плеча. Шип снабжен валиком, плечи в месте слома плоские, с едва заметной гранью посредине боковой поверхности. Отсутствие петель и данных о стратиграфии находки несколько затрудняют ее классификацию и датировку, однако пропорции шпоры и некоторая архаичность в изготовлении позволяют предположить, что она относится к поздним вариантам шпор с крючками, отогнутыми внутрь, которые датированы IX–X вв. [Żak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988, s. 320, 366].

Одним целым экземпляром и двумя фрагментами представлены в Друцке шпоры с шипом и дугой, лежащими в одной горизонтальной плоскости. По классификации А. Н. Кирпичникова, такие шпоры относятся к типу I. Сохранившаяся в целости шпора (рис. 12.29: *5*) имеет расширяющийся к верху шип круглого сечения с небольшим утолщением у основания. Дуга данной шпоры в вертикальной проекции имеет форму параболы. Плечи изготовлены из дрота треугольного сечения. Петли дисковидные, с двумя прямоугольными прорезями.

Идентичная шпора обнаружена на минском замчище в горизонте, датируемом концом XI в. – началом XII в. [Загорульский, 1982, с. 141, 348, табл. XII: *2*]. Шпоры из Волковыска и Бреста происходят из слоя XI в. [Зверуго, 1975, с. 112, 114; Лысенко, 1985, с. 225–226, рис. 151: *1*]. Схожая по конструкции, но украшенная серебряной или оловянной инкрустацией шпора, найдена в материковой яме на территории Окольного города в Клецке. Данная шпора датирована XII в. [Пазднякоў, 2008, с. 64]. Находка из могильника Пакапяй свидетельствует, что в Литве данный тип шпор также характерен для XI–XII вв., но порой его использовали и в XIII–XIV вв., что подтверждают экземпляры из могильника Обяляй [Kulikauskienė, Rimantienė, 1966, kn. II, t. XXVIII, p. 162, pav. 218; Urbanavičius, Urbanavičienė, 1988, t. 6, p. 25, pav. 29: *9*].

Два фрагмента шпор из Друцка (рис. 12.29: *4*), относящихся к типу I, имеют прямоугольные петли с двумя прорезями и, по всей вероятности, их также следует датировать XI–XII вв. [Заяц, 1995, с. 64, рис. 41: *5, 6*].

Один экземпляр из друцкой коллекции (рис. 12.29: *6*) относится к типу II по классификации А. Н. Кирпичникова, который датирован XII–XIII вв. Характерной особенностью этого типа является шип, лежащий в одной плоскости с плавным волнообразным изгибом дуги, а также коленчато ото-

гнутые петли [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 65]. Как правило, шпоры типа II завершались стержневидным шипом, но экземпляр из Друцка отличается наличием пирамидального шипа. Его верхние грани, а также плечо шпоры украшены насечкой (?).

Фрагмент шпоры из раскопок 1958 г., состоящий из стержневидного шипа и части одного плеча, несмотря на плохую сохранность (внешняя поверхность сильно повреждена коррозией), можно отнести к типу III по классификации А. Н. Кирпичникова. Зачастую такие шпоры комплектовали глухими дисковидными петлями, концы которых отковывали в виде тонких полосок и загибали назад, формируя таким образом вертикальное отверстие для ремешка (тип IV по А. Н. Кирпичникову). В ходе раскопок друцкого городища были обнаружены две аналогичные петли вместе с фрагментами плеч (рис. 12.29: *10, 11*), а также стержневидный шип (рис. 12.29: *9*). На территории Древней Руси шпоры типа III со стержневидным шипом и дисковидными петлями датированы XII в. – первой половиной XIII в., в Польше – не ранее середины XIII в. [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 65, Wachowski, 1984, nr 2, s. 97, rys. 34]. В Литве идентичные шпоры использовали в XIII–XIV вв. [Michelbertas, 2011, p. 208, pav. 179: *1*; Petrauskas, 2013, p. 175–177, pav. 4: *8, 9*; Svetikas, 2011, p. 87, pav. 73: *1*; Urbanavičius, Urbanavičienė, 1988, t. 6, p. 25, pav. 31: *4*].

В 1958 г. была найдена еще одна шпора типа III по классификации А. Н. Кирпичникова (рис. 12.29: *12*), снабженная шипом с ограничителем в виде сплющенного шара (тип Е по классификации А. Н. Кирпичникова), позволяющим сводить риск травмирования лошадей к минимуму. У шпоры сохранилось только одно прямое плечо с коленчато отогнутой петлей, тип которой из-за сильной фрагментарности сложно установить. На территории Древней Руси такие шпоры с ограничителем встречают в слоях XII–XIII вв. [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 66; Зверуго, 1975, с. 114–115; Седов, 2007, с. 341; Шноре, 1962, т. 24, с. 584].

Для полноты обзора шпор с шипами следует упомянуть о находке на городище дисковидной петли с двумя прорезями (рис. 12.29: *8*) и фрагменте плеча с коленчатым изгибом в месте крепления петли (рис. 12.29: *13*), а также о найденном в подсыпке кургана 1 могильника IV пирамидальном шипе (рис. 12.29: *7*). Все эти предметы также датированы в пределах XII–XIII вв.

Значительный интерес вызывает друцкая коллекция шпор с колесиком. Она отличается своей репрезентативностью, поскольку позволяет проследить развитие колесиковых шпор от момента их появления в XIII в., когда они сосуществовали со ставшими уже традиционными шпорами с шипами, и до XVI–XVII вв., когда они превратились в единственный используемый тип шпор.

Шпора из раскопок Л. В. Алексеева 1959 г. выделяется на общем фоне не только хорошей сохранностью (отсутствует только колесико), но и наличием крепления для ремешков (рис. 12.30: *1, 2*). Плечи шпоры откованы в виде прямых плоских полос шириной 1 см и толщиной 0,2–0,3 см с коленчато отогнутыми дисковидными однопрорезными петлями на концах (тип 6 по классификации А. Н. Кирпичникова). По периметру, с отступом около

0,1 см от края, плечи шпоры инкрустированы полосками белого металла, а ограниченное этими полосками пространство заполнено плакировочной сеткой, на которой первоначально крепилась серебряная (?) фольга.

Ближайшие аналогии происходят из погребений с трупосожжением балтских могильников Маркиняты и Ошмянец, датированные XIII–XIV вв., а также из культурного слоя XIII в. Замковой горы в Новогрудке и верхних пластов Ковшарского городища [раскопки автора; Зайковский, 2001, т. 21, с. 415–416, рис. 12.33: *2*; Гурэвіч, 2003, с. 174, мал. 72: *3*; Лявданский, 1926, т. III, вып. 3, с. 245, табл. IV: *16*]. Вероятно, шпору из Друцка также следует датировать XIII–XIV вв.

Из раскопок Л. В. Алексеева также происходит орнаментированная тремя парами насечек пряжка от шпоры с крючкообразным зацепом на конце (рис. 12.30: *3*). Аналогичная пряжка была обнаружена в грунтовом могильнике Маркиняты вместе со шпорой, полностью идентичной вышеописанной шпоре из Друцка (рис. 12.30: *1*). Это позволяет предположить, что пряжка и шпора из Друцка (рис. 12.30: *1–3*) некогда составляли один комплект.

Шпора из раскопа 1956 г. имеет коленчато выгнутые плечи треугольного сечения, завершающиеся дисковидными однопрорезными петлями (рис. 12.32: *4*). На поверхности сохранились следы первоначального покрытия шпоры белым металлом. По своим параметрам этот экземпляр приближается к варианту С по классификации С. Колодзиевского. В Польше шпоры подобного типа датируют второй половиной XIII в. – первой половиной XIV в. [Kołodziejski, 1985, s. 166, 170; Błoński, 2000, t. XLV, z. 1–2, s. 72–74].

К этому же варианту относится еще одна шпора с коленчато изогнутым плечом, обнаруженная в Друцке в 1953 г. Шпора сохранилась фрагментарно: отсутствуют колесико и одно плечо. Однако наличие на втором плече прямоугольной однопрорезной петли, повернутой горизонтально (тип 5 по классификации А. Н. Кирпичникова), позволяет отнести отсутствующую петлю к типу дисковидных однопрорезных (тип 6 по классификации А. Н. Кирпичникова), а саму шпору – к числу шпор с ассиметричными петлями [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 67, 105]. Схожие шпоры найдены в Гродно, Бресте, Витебске, Вищине и других населенных пунктах на территории Древней Руси, где укладываются в хронологические рамки XIII–XIV вв. [Лысенко, 1985, с. 230; Бубенько, 2004, с. 72; Загорульский, 2004, с. 124; Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 105]. Польские аналоги имеют более узкую датировку: четвертая четверть XIII в. – первая половина XIV в. [Błoński, 2000, t. XLV, z. 1–2. s. 72–74]. Экземпляры из Англии датированы второй половиной XIII в. – началом XIV в. [Clark, 1995, s. 133–136].

Две шпоры, выявленные ходе раскопок Л. В. Алексеева, сохранились фрагментарно. Первая представлена обломком плеча с небольшим выступом в надпяточной части и поврежденной дисковидной однопрорезной петлей (рис. 12.30: *5*). У второй шпоры (рис. 12.30: *6*) имеется восьмилучевое колесико, но отсутствуют плечи с петлями. Вся внешняя поверхность шпоры, включая колесико, первоначально была покрыта белым металлом.

Сильная поврежденность этих шпор затрудняет установление типологической принадлежности, но ряд морфологических особенностей позволяет датировать эти экземпляры второй половиной XIII в. – XIV в.

Шпора из верхних слоев Друцкого детинца (рис. 12.30: *9*) наглядно иллюстрирует эволюционные изменения, произошедшие с колесиковыми шпорами на рубеже XV/XVI вв. В отличие от шпор предшествующей эпохи данный экземпляр имеет прямые плечи, лежащие в одной горизонтальной плоскости с вилкой и закрепленным на ней шестилучевым колесиком, а также прямоугольные петли с двумя параллельными прорезями. Одно плечо имеет три сквозные отверстия круглой формы, вероятно, декоративного назначения. Шпоры такого типа относятся к группе III по классификации Ю. Н. Бохана и бытуют на территории Беларуси в XVI в. [Алексеев, 2002б, № 2, с. 96; Бохан, 2002, с. 224–226].

Два колесика в виде зазубренных кружков (рис. 12.30: *10, 11*) являются характерной деталью так называемых гусарских шпор, которые использовала конница в XVI в. – начале XVII в., и по своим параметрам близких одной из разновидностей вышеупомянутых шпор группы III [Бохан, Плавінскі, 2013, т. 1, с. 366].

С начала XVII в. наибольшей популярностью стали пользоваться шпоры западноевропейского типа. В друцкой коллекции данный тип шпор представлен одним экземпляром со слегка изогнутыми плечами треугольного сечения, короткой, плавно загнутой вниз вилкой, у основания которой расположен украшенный насечкой валик, и петлями фигурной формы с двумя сдвоенными отверстиями (рис. 12.30: *7, 8*). Аналогичные шпоры на территории Беларуси найдены в Лиде, Крево, Минске. По типологии Ю. Н. Бохана они относятся к группе IV и датированы концом XVI в. – XVII в. [Бохан, Плавінскі, 2013, т. 1, с. 366–367; Трусаў, 1996, с. 226].

Непосредственное отношение к шпорам имеют и найденные в Друцке пряжки с поперечными перекладинами посредине и закрепленными на них язычками. Две из них практически идентичной прямоугольной формы с небольшим изгибом посредине (рис. 12.33: *5, 6*). Аналогичные пряжки обнаружены в Новогрудке, где вместе с ними была найдена шпора с колесиком XIII в., грунтовых могильниках XIII–XIV вв. Маркиняты, Гольшаны, Зарой, а также в слое второй половины XIII в. в польском Ополе [раскопки автора; Гурэвіч, 2003, с. 174, мал. 72: *4*; Wachowski, 1984, nr 2, s. 98, rys. 43: *f*].

Третья друцкая пряжка (рис. 12.33: *4*) восьмеркообразной формы со значительным изгибом посредине имеет дополнительную пластину-обоймицу, при помощи которой осуществляли крепление к шпоре. Такой тип пряжек пользовался наибольшей популярностью в XV–XVI вв. [Бохан, Плавінскі, 2013, т. 1, с. 366].

Стремена. Друцкая коллекция стремян представлена шестью сильно фрагментированными экземплярами.

Наиболее интересным является обломок стремени, состоящий из украшенной двумя ребристыми выступами дужки и фрагмента подножки (рис. 12.31: *2*). Эти морфологические особенности позволяют относить его

к типу VIII стремян по классификации Ю. Антанавичюса [Antanavičius, 1976, ser. A, t. 1 (54), p. 76–77]. Данный тип объединяет экземпляры треугольных очертаний с прямой или слегка вогнутой внутрь подножкой прямоугольной либо ромбовидной формы и круглым отверстием под заклепку вместо прорезного ушка. Аналогичные стремена обнаружены в балтских грунтовых могильниках Зарой, Бедугне и Пакальникшяй, а также в верхних слоях вищинского и ковшарского городищ. Время бытования данного типа стремян – XIII–XIV вв. [раскопки автора; Petrauskas, 2013, p. 175–177, pav. 4: *12, 13*; Antanavičius, 1976, ser. A, t. 1 (54), p. 76–77; Загорульский, 2004, с. 126, рис. 67: *4*; Лявданский, 1926, т. III, вып. 3, табл. IV: *18, 19*].

Остальные фрагменты стремян (рис. 12.31: *1, 3, 4, 6*), за исключением обломка подножки, который слабо поддается классификации (рис. 12.31: *5*), относятся к типу IX по классификации А. Н. Кирпичникова. Стремена этого типа были широко распространены на территории Древней Руси, где встречаются преимущественно в слоях середины XII в. – первой половины XIII в. [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 52].

Фрагменты дужки (рис. 12.31: *3*) и сильно прогнутой подножки (рис. 12.31: *6*) можно уверенно отнести к особой разновидности стремян типа IX, которые благодаря наличию бокового выступа на месте соединения дужки и подножки активно использовали для управления конем и в некоторой степени заменяли шпоры [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 52]. В восточной Беларуси аналогичные стремена были найдены в ходе исследования укрепленных поселений возле д. Устье в Поднепровье [Левко, 2004, рис. 37: *5*] и д. Шавнево в Посожье [Мяцельскі, 2010, мал. 7].

Удила. Друцкая археологическая коллекция насчитывает десять удил и их фрагментов, среди которых, опираясь на морфологические особенности, можно выделить три группы.

К первой группе, соответствующей типу III по классификации А. Н. Кирпичникова относят одни целые удила и три отдельных псалия.

Целый экземпляр удил (рис. 12.32: *1*; фото 18: *11*) состоит из двухчленного грызла прямоугольного сечения, на стержни которого насажены два дугообразных псалия, а также двух поводных колец, продетых в боковые петли грызла. Такой способ крепления псалиев не характерен для территории Древней Руси, где псалии продевали в боковые петли грызла вместе с поводными кольцами, однако он довольно часто встречается среди балтских древностей XII–XIV вв. [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 16]. Об этом свидетельствуют находки из расположенных на территории Литвы грунтовых могильников Обяляй, Русяй, Бедугне, Паалькснляй, Тулпякемис и т. д. [Urbanavičius, Urbanavičienė, 1988, t. 6, p. 32, pav. 46: *2*, 47: *3*; Kurilienė, 2009, p. 231–233; Kulikauskienė, Rimantienė, 1966, kn. II, t. XXVIII, pav. 213; Petrauskas, 2013, p. 175–177, pav. 4:*14*; Michelbertas, 2011, p. 96, pav. 87; Varnas, 1995, t. 11, p. 249, pav. 5: *3–5, 7, 9, 10*]. Форма самих псалиев также имеет ближайшие аналогии среди литовского материала XIII–XIV вв., что, по всей вероятности, соответствует датировке друцкого экземпляра [Urbanavičius, Urbanavičienė, 1988, t. 6, pav. 53: *1*].

Псалий в виде плавно изогнутого стержня и фигурного выступа-щитка посреди него (рис. 12.32: *2*) идентичен находке из Изборска, обнаруженной в слое XIII в. [Седов, 2007, с. 349, рис. 350: *4*]. Кроме того, аналогии можно провести с материалами из Малого Замка в Новогрудке и аукштайтского могильника Пакальнишкяй [Гуревич, 1981, с. 107, рис. 88: *6*; Antanavicius, 1969, pav. 3: *1*].

Поскольку еще у двух псалиев из предматерикового слоя друцкого детинца из-за плохой сохранности не могут быть установлены морфологические особенности, позволяющие уточнить период их бытования, то целесообразно принять датировку Л. В. Алексеева, опирающуюся на стратиграфию и аналогии из Новгорода, датируемые XI в. [Алексеев, 2002а, № 1, с. 83, рис. 7: *8, 11*].

Вторая группа удил представлена экземплярами с двухчленным грызлом и двумя кольцами, которые фактически одновременно выполняют функции псалиев и поводных колец (рис. 12.32: *3–5, 7, 8*). Данные удила, именуемые «кольчатыми», относят к типу IV по классификации А. Н. Кирпичникова. Они являются наиболее универсальными и распространенными на территории Восточной Европы в XII–XIII вв. [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 16]. Среди друцких кольчатых удил представлены экземпляры с малым (рис. 12.32: *5*) и большим (рис. 12.32: *4*) диаметрами колец, которые употребляли для управления малочувствительными и слишком чувствительными лошадьми соответственно. Однако численно преобладают экземпляры со средним (рис. 12.32: *3, 7, 8*) диаметром колец [Кирпичников, 1973, вып. Е 1-36, с. 17].

Третья группа удил, соответствующая типу V по классификации А. Н. Кирпичникова, представлена только одним фрагментированным экземпляром, отличительной особенностью которого является наличие трехчленного грызла (рис. 12.32: *6*).

Кольца и пряжки. В ходе раскопок Друцкого археологического комплекса было выявлено пять железных колец (рис. 12.33: *7–10, 13*) и 15 пряжек. Одна пряжка двухсоставная (рис. 12.31: *20*), а остальные – односоставные (рис. 12.31: *7–19*). Пряжки, используемые в конской упряжи, зачастую схожи с поясными, от которых зачастую отличаются только размером. Бесспорно, к элементам конской упряжи относится только двусоставная пряжка (рис. 12.31: *20*), используемая для стягивания подбрюшного ремня.

Для более полной характеристики снаряжения коня и ухода за этим животным необходимо отметить наличие в археологической коллекции двух подков (рис. 12.33: *1, 2*) и скребницы с двухрядной полутрубчатой гребенкой (рис. 12.33: *11*).

Таким образом, в друцкой археологической коллекции представлены основные типы снаряжения всадника и коня. Они отражают все этапы существования археологического комплекса и позволяют проследить эволюцию данной категории предметов материальной культуры на протяжении IV–XVII вв. По своему разнообразию и репрезентативности друцкая коллекция заметно выделяется среди аналогичных ей на территории Белорусского Поднепровья.

12.5. Гончарная продукция *(О. Н. Левко)*

Гончарная продукция средневекового Друцка в своем развитии прошла три этапа: 1) лепная посуда племенной поры; 2) раннекруговая посуда X–XIII вв.; 3) посуда развитого средневековья конца XIII в. – XVI/XVII вв. Кроме того, гончарная продукция включает пряслица, глазурованные плитки пола и производственные приспособления (сопла, производственные сосуды).

Лепная посуда присутствовала на территории древнего Друцка в племенной период, когда гончарное дело было домашним промыслом. Она представлена малочисленными фрагментами лепных сосудов, венчики которых можно датировать третьей четвертью 1-го тысячелетия н. э. и рубежом IX/X вв. Данная керамика имеет серый цвет и бугристую поверхность из-за включения в тесто крупнозернистого песка и плохого заглаживания. На территории Окольного города такая керамика была выявлена в 1999 г. в самом нижнем предматериковом слое во время раскопок О. Н. Левко (см. рис. 1.6). Ей аналогична посуда этого же времени на памятниках округи Друцка (городище Кисели), а также в целом региона Оршанского Поднепровья. Можно полагать, что население, которое изготовляло такую посуду, было достаточно однородным по своему этническому составу в третьей четверти 1 тысячелетия н. э. В конце 1-го тысячелетия н. э. на территории Друцка появились также лепные сосуды, но уже с меньшими добавками крупнозернистого песка в тесто, имеющие волнистый орнамент по выраженному плечику (см. рис. 1.7: *4*). Такая керамика была выявлена в предматериковом слое друцкого городища в раскопе VIII-2013 наряду с раннекруговой керамикой, имеющей архаическую форму с карнизиком (манжетом) по краю венчика (см. рис. 1.8). В предматериковом слое и в материковых ямах городища вместе со стенками лепных сосудов присутствовала и классическая форма венчика с высоким горлом (см. рис.1.8: *3*), характерная для XI в. и, видимо, производная от более ранних форм конца IX в. – X в., выявленных на городище Кисели (см. рис. 1.5: *3, 4, 6*) и в кургане могильника Дроздово (см. рис. 1.9: *5*).

Раннекруговая керамика X–XIII вв. Гончарный круг распространился в лесной полосе Восточной Европы с середины X в. [Станкевич, 1950, № XIV, с. 203]. С появлением круга оформилась специальность гончаров. Вероятно, какое-то время лепная керамика в ее основных формах сосуществовала с раннекруговой. Ранние круговые горшки выполняли на простом гончарном круге с неподвижной осью и скользящим подшипником [Бобринский, 1962, № 3, с. 35]. Следует отметить, что уровню залегания в слое друцкого городища наиболее ранних форм раннекруговой керамики соответствуют находки фрагмента арабского дирхама, датированного в пределах 914–943 гг. (Наср ибн Ахмад) или даже 892–908 гг. (Исма'ил ибн Ахмад) (Саманиды), и фальшивого дирхама (Бувайхиды) второй половины X в. Четырнадцатигранная гирька-разновес относящаяся к скандинавскому

типу и датируемая X в., а также вторая гирька-разновес (с двойным весом первой четырнадцатигранной гирьки) найдены в тех же слоях, что и наиболее ранняя круговая керамика друцкого городища. Со второй половины X в. ведущим типом горшков стал сосуд с карнизиком, который повсеместно бытовал на протяжении XI в. [Малевская, 1965, № 104, с. 92]. Этот вид горшков имел линейный орнамент, нанесенный гребенчатым инструментом. Частота рельефных горизонтальных линий, покрывающих почти весь сосуд, различна. Следует отметить, что в Друцке древнейшая керамика с карнизиком белоглиняная, возможно привозная с более южных регионов (рис. 12.34: *5*). Однако встречаются и сосуды с простым отогнутым краем венчика местного производства (рис. 12.34: *1–3*). Древнейшая круговая керамика друцкого городища имеет аналогии в погребальных памятниках X–XI вв. с окрестностей Друцка. Так, сосуды с карнизиком присущи могильникам у д. Сенчуки (см. рис. 1.14), Дроздово (см. рис. 1.9), Арава (см. рис. 1.21), Багриново (см. рис. 1.13). Это еще раз подтверждает, что данный тип горшка наиболее архаичный в круговой посуде. Он характерен и для керамики культуры типа Луки-Райковецкой на ее завершающей стадии развития.

Более поздняя круговая керамика, датированная XII–XIII вв., составляет основной массив керамического материала, относящегося к нижней части среднего (черного) слоя на друцком городище, а также к соответствующему ему слою Окольного города и посада. Представлена она горшками (рис. 12.34: *4, 6*), мисками, мискообразными приземистыми сосудами с ручкой и плошками (рис. 12.35: *1, 2, 4, 6, 7–11*). Горшки имеют выпуклые плечики и стройные вытянутые пропорции. Как правило, горшки украшены орнаментом в виде волны или линейным. Иногда помимо плечика орнамент нанесен на сам венчик сосуда. Эта керамика согласуется с подавляющим большинством ювелирных изделий из цветных и драгоценных металлов, выявленных на памятнике и датированных XII–XIII вв. Ведущим типом керамики XII в. – первой половины XIII в. стал сосуд с высокой шейкой и краем венчика, загнутым вовнутрь (рис. 1.8: *5*).

В данный период появились крышки к кухонным горшкам. Они были плоскими (рис. 12.36: *4*; фото 24: *3*) и глубокими конической формы. Данный вид крышек в верхней части имел сквозное отверстие для продевания палки, которой крышку снимали (рис. 12.36: *3*). Крышки получили особое распространение в XIII в.

Небольшое количество керамики этого времени импортного происхождения. Интерес представляют белоглиняные изделия (фрагменты горшка, чашеобразного сосудика и амфорки киевского типа с жемчужным орнаментом по венчику), найденные в раскопе VIII-2013. На территории Окольного города в 1999 г. также выявлены несколько фрагментов белоглиняной керамики со светло-зеленой двусторонней поливой. К привозной керамике относятся так называемые амфорки киевского типа, или «корчажцы» [Штыхов, 1978, с. 111] – кувшинообразные сосудики с двумя ручками по бокам и сливом, часто украшенные орнаментом в виде линий или волны

(рис. 12.36: *1, 2, 5, 6*; фото 24: *1*), предназначенные для подачи к столу вина. К тарным сосудам, в которых перевозили жидкий товар, относятся амфоры южного происхождения. Они имели светло-оранжевый черепок хорошего качества и были покрыты линейным орнаментом (фото 23).

С посудой раннесредневекового периода связаны гончарные клейма на днищах изделий. Возникают дискуссии относительно их назначения. Одни исследователи считают, что это клейма заказчика, другие расценивают их как клейма мастеров. Б. А. Рыбаков считал, что самые простые клейма в виде солярного знака постепенно усложнялись благодаря тому, что гончарное ремесло развивалось и приобретало вид наследственной профессии [Рыбаков, 1948, с. 381]. В Друцке обнаружено большое количество клейм на посуде, причем не только на днищах горшков (рис. 12.37), но и на днищах амфорок «киевского типа» (см. рис. 1.21: *1*). Однако, несмотря на повторяющиеся символы, невозможно выделить какую-либо закономерность в видах клейм с территории посада, Окольного города или детинца.

Посуда развитого средневековья. Керамика XIII–XVI вв. из верхней части среднего слоя и керамика из верхнего серого слоя Друцка, в том числе с поливой (рубеж XVI/XVII вв.) была сероглиняной и красноглиняной. Верхняя часть среднего черного слоя и вышележащие напластования XIV–XVI вв. серого цвета представлены сероглиняной керамикой классических форм этого времени. Ведущей формой посуды, как и прежде, оставался горшок (рис. 12.38: *1–4, 6–8, 10*). Модификация профиля горшка претерпевала изменения. Шейка укорачивалась, плечико поднималось и приобретало вместо округлости ребро, горшок стал более приземистым в сравнении с предыдущим периодом. В орнаментации плечика помимо волны появились ямки и косые насечки. Эти виды орнамента были привнесены на рассматриваемую территорию из Литвы в период формирования ВКЛ. Однако формы сосудов, характерные для древнерусского времени, также продолжали существовать вместе с привычной орнаментикой. Поскольку Друцк в XIII–XVI вв. не являлся крупным стольным городом, а представлял собой центр регионального значения в составе ВКЛ, то и его бытовая керамика имела традиционный вид посуды сельских поселений. В единичных случаях на территории Друцка встречались сероглиняные изделия с богатым рельефным орнаментом (возможно, столовая посуда), а также изделия, покрытые глазурью, которые датируют второй половиной XVI в. – XVII в. (рис. 12.39). Среди посуды с поливой преобладали кувшины и миски, иногда – фрагменты кружек.

Кувшины в друцкой бытовой керамике достаточно представительны и разнообразны по форме венчика и орнаментике (рис. 12.40). Среди них присутствуют экземпляры, которые можно датировать концом XIII в. – XIV в. (рис. 12.40: *1*). Есть также сосуды, украшенные налепом с жемчужным (пальцевым) орнаментом, что имело распространение в Оршанском Поднепровье в XVI–XVII вв. (рис. 12.40: *2*). Эти изделия плохого качества, выполнены из серой глины с примесью дресвы. Полива грязно-зеленая, неровно покрывает поверхность сосуда.

В поздней посуде имеется незначительный процент белоглиняной с тонким черепком и двусторонней коричневой поливой керамики, имеющей так называемый елочный орнамент в области плечика. Такая посуда характерна для территории Польши и датирована XVI в. Вероятно, поливная керамика представляла столовую посуду в высших слоях населения Друцка, в то время как менее состоятельные горожане использовали ассортимент посуды повседневного универсального назначения.

Размеры посуды и ассортимент зависели от ее назначения. Кухонные горшки были больших размеров, столовые изделия, предназначенные для подачи пищи к столу, могли иметь разные размеры в зависимости от того, что в них подавали. Форма посуды не отличалась как разнообразием, так и орнаментикой. Лишь незначительное число изделий было богато украшено рельефным орнаментом. Основная же масса посуды имела достаточно простой вид и выполняла, главным образом, свое утилитарное назначение, не неся дополнительной эстетической нагрузки.

По составу разных форм керамической посуды невозможно выделить зоны социальной значимости. На территории городища, Окольного города и посада (как в древнерусское время, так и в развитом средневековье) имели место престижные (в том числе импортные) изделия. К ним относятся амфорки «киевского типа», амфоры красноглиняные, а в более раннее время – белоглиняная керамика южного происхождения. Эти изделия были в ходу наряду с широко распространенной керамикой местного производства, которую, видимо, производили не на заказ, а для реализации на рынке. Присутствие более престижной импортной посуды во всех частях города говорит о высоком уровне существования его жителей в целом и о том, что город не был разделен на зоны экономического благополучия и слаборазвитые.

Посуда XVI–XVII вв. в большем количестве встречена на посаде Друцка. Это также объясняется тем, что в данный период замковая часть выполняла лишь военно-управленческую функцию и в ней проживало постоянно небольшое количество людей. Основное население Друцка занимало территорию посада и предместий.

Прочие глиняные изделия. Среди изделий из глины помимо посуды были выявлены пряслица. Некоторые из них относятся к племенной поре (VI–VIII вв.) и являются датирующим материалом (см. рис. 1.20: *6, 7*).

Интерес представляют также керамические половые плитки, обнаруженные во время раскопок на территории детинца (городища) и Окольного города. Эти изделия небольших размеров были покрыты желтой, зеленой, коричневой поливой. Они датированы XII–XIII вв., не имеют следов раствора, некоторые побывали в огне. Наличие таких плиток обычно связывают с храмами или значимыми светскими постройками. На территории детинца плитки были выявлены в месте предполагаемого расположения древнего храма во имя св. Богородицы, а также в зоне размещения так называемого княжеского подворья (западная часть детинца).

На территории Окольного города аналогичные плитки были найдены в слое пожара рубежа XII/XIII вв. Можно предположить, что здесь также

находилось значимое сооружение, скорее всего, светского характера, так как никаких предметов, связывающих данную зону с наличием храма, не обнаружено.

И, наконец, из глины были изготовлены единичные предметы, которые относятся к производственной сфере. Это сопла производственных печей (рис. 12.41: *1, 2*). Обнаружены они Л. В. Алексеевым в так называемой ремесленной части детинца. Несколько фрагментов сопел выявлено и в раскопе 2013 г. О. Н. Левко. Их можно связывать с производственной ямой № 25. В Окольном городе в 1999 г. были выявлены малые сосудики, которые могли использовать для смешивания глазурей и др. Об этом говорит наличие внутри сосудика (рис. 12.41: *3*) остатков поливы зеленого цвета.

В целом гончарная продукция с территории Друцка характеризуется ассортиментом и формами, которые были присущи региону Оршанского Поднепровья на протяжении всего средневековья [Левко, 1992]. Отличительными чертами гончарной продукции Друцка являются наличие разнообразного импорта в древнерусское время, когда он переживал стадию высшего расцвета, и упрощение керамических форм в XIV–XVII вв., когда город пришел в упадок.

12.6. Стеклянные украшения *(А. В. Костюкевич)*

Стеклянные браслеты средневекового Друцка. Одной из наиболее значимых категорий стеклянных изделий из раскопок Друцка являются стеклянные браслеты. Эти украшения встречаются в большом количестве в культурном слое практически любого средневекового города.

Учитывая большое число находок браслетов в городах, можно сказать, что они были популярным украшением средневековых горожанок.

Рассмотрим комплекс браслетов, полученных в результате археологических раскопок Друцка. Этот объект был исследован в 1956–1967 гг. Л. В. Алексеевым, а в 1999–2000, 2007–2013 г. раскопки проводила О. Н. Левко.

Друцк дает достаточно большой комплекс стеклянных браслетов – всего в музеях выявлено более 1700 фрагментов. Правда, надо отметить тот факт, что немало этих украшений было передано Л. В. Алексеевым в Друцкий школьный музей. Так как старая школа сгорела во время пожара, эти экземпляры утрачены, и можно лишь предполагать каково было их количество.

Друцкая коллекция стеклянных браслетов рассредоточена по трем музеям: одна часть находится в Национальном историческом музее Республики Беларусь, вторая – в Витебском областном краеведческом музее (ВОКМ), а третья – в Толочинском районном историко-краеведческом музее (ТРИКМ).

В Национальном историческом музее Республики Беларусь хранится 169 фрагментов браслетов, в Витебске – 1418, в Толочине – 153 экземпляра браслетов. Во время раскопок древнего городища летом 2013 г. было выявлено 69 браслетов.

В ходе данного исследования была рассмотрена и проанализирована выборка из 1774 браслетов.

Сохранность. Браслеты из друцкой коллекции значительно различаются по степени сохранности. Некоторые образцы, оставшиеся яркими, прозрачными, гладкими и звонкими отличает очень высокое качество, но большинство из наручей так или иначе замутнены, покрыты тонкой патиной или густым белесо-серым или коричнево-сероватым налетом. Это объясняется тем, что при длительном хранении стеклянного предмета в почве происходит выщелачивание стекла и его обогащение силикатами. В стеклянном изделии, находящемся в земле несколько столетий, происходят процессы гидролиза и кристаллизации, которые и приводят к выщелачиванию. Если стекло хранится в сухой среде, то появляется иризация и распад поверхности на мелкие чешуйки, а само стекло становится замутненным. Иризация древнего стекла объясняется феноменом дифракции, который имеет место в гидратированных слоях диоксида кремния. В данном случае свет избирательно отражается от микроскопических неровностей на стеклянной поверхности [*Ion* beam analysis, 2001, vol. 63, N 4, p. 913].

Чаще всего друцкие браслеты покрыты налетом и/или подвержены расстекловыванию, иризация встречается реже. Часть браслетов была оплавлена или обожжена еще в средневековье.

В рассмотренной выборке хуже всего сохранились гладкие, крученые и витые фиолетовые, практически все бирюзово-голубые, часть болотно-зеленых и коричневых браслетов. Наилучшая сохранность у крученых зеленых, кобальтово-синих и печеночно-красных, а также у части коричневых браслетов. Почти все желтые браслеты чаще всего покрыты опалесцирующей белесой пленкой, которая встречается на большей части синих крученых браслетов. Это можно объяснить качественным составом стекла и свойствами его пигментов, катализирующими процессы гидролиза и кристаллизации. В данном случае нужно учесть и тот факт, что условия хранения браслетов на одном памятнике были практически одинаковы, и распад стекла зависит не столько от окружающей среды, сколько от его состава. Разный состав стекла может указывать на разные мастерские. То, что среди коричневых и болотных браслетов встречаются как образцы очень высокой степени сохранности, так и практически разрушившиеся экземпляры может быть объяснено тем, что часть браслетов подобной гаммы могла быть изготовлена из стеклянного боя. Тогда становится ясным их цвет, различия в морфологии и большое количество.

Форма. В данной выборке представлены практически все формы стеклянных браслетов, характерных для древнерусских городов – гладкие, крученые (ложновитые), плосковыпуклые, рубчатые, с прямоугольным и треугольным сечением (табл. 12.1).

Крученые (ложновитые) браслеты составляют большую часть этих стеклянных украшений (52,54%). Их изготовляли разными способами: путем нанесения бороздок на гладкий стержень, перекручиванием гладкого, граненого или рифленого стержня, а также в специальной форме – «рифленке» [Бубенько, 2001, № 3, с. 157].

Таблица 12.1. **Соотношение стеклянных браслетов друцкой коллекции по форме**

Форма	Количество	Процент
Крученые	932	52,54
Гладкие	709	39,97
Рубчатые	22	1,23
Трехгранные	17	0,96
Плосковыпуклые	17	0,96
Витые	10	0,56
Четырехгранные	2	0,12
Граненые	1	0,06
Неопределенные	64	3,60
Всего:	1774	100,00

В друцкой коллекции стеклянных браслетов имеются украшения, сделанные из многогранных и рифленых перекрученных стержней, а также изготовленные в «рифленке».

Витки на разных браслетах значительно отличаются своей рельефностью, которая зависит от способа изготовления браслета и не в меньшей мере от температуры стеклянной массы, из которой вытягивали стержни-заготовки. Чем выше температура такой заготовки во время ее скручивания, тем сильнее проявляются пластичность и текучесть горячего стекла, и, соответственно, тем менее будут выражены витки. Если же заготовка имеет более низкую температуру, то ее витки будут более четкими и рельефными. То есть, если перегреть заготовку, витки будут очень слабо выраженными, а если слишком сильно остудить, она не сможет быть перекручена и согнута в браслет. Наиболее крупные и рельефные витки получаются при перекручивании граненого стержня. Витки браслетов, изготовленных при помощи формы, выражены слабо [Бубенько, 2001, № 3, с. 157].

Гладких браслетов в рассмотренной выборке 39,97%. Процентное отношение браслетов других форм значительно меньше, нежели этих двух групп. Так, *рубчатые* браслеты насчитывают 1,23%. В этой категории больше всего синих браслетов, правда встречаются зеленые, один сиреневый, один черный и даже один печеночно-красный непрозрачный. *Плосковыпуклые* и *трехгранные* браслеты насчитывают по 0,96%. Среди плосковыпуклых также доминируют синие экземпляры, встречаются зеленые и фиолетовые. Именно эти браслеты чаще всего украшены пестрым накладным декором. Некоторые трехгранные браслеты имеют не гладкие, а «гофрированные» грани. Обычно они тоже синие, правда, встречаются единичные зеленые экземпляры. *Витые* насчитывают 0,56% и чаще всего изготовлены из двух или четырех гладких круглых в сечении стержней. Их доминирующий цвет – фиолетовый, правда, в рассмотренной коллекции имеется по одному коричневому и синему витому браслету. *Четырехгранные* браслеты

редки и составляют 0,12%, а *граненых* насчитывается всего 0,06%. Имеется также один браслет из гладкого темно-коричневого стекла, состоящий *из двух параллельных жгутов с круглым сечением*. Его отличает высокое качество стекла.

Из-за расстекловывания и/или воздействия высоких температур не удалось определить точную форму 3,6% браслетов.

Цвет. Цветовая гамма стеклянных браслетов Друцка достаточно разнообразна: есть темные, кажущиеся черными (лишь тонкий скол дает нам понять, что истинный цвет этих изделий – темно-коричневый или темный болотно-зеленый), синие (от кобальта до василькового), зеленые (широкий спектр оттенков). Можно выделить такую цветовую группу, как болотно-зеленые браслеты, которые на первый взгляд кажутся черными непрозрачными, но на сколе видно, что это полупрозрачное темно-зеленое (болотное) стекло (табл. 12.2). Подобную картину можно наблюдать и в иных регионах, изобилующих этими украшениями, где поточное производство стеклянных браслетов насчитывает более тысячи лет [Köroğly, 1998, vol. 11, p. 290].

Таблица 12.2. **Соотношение стеклянных браслетов друцкой коллекции по форме и цвету**

Цвет и форма	Количество	Процент
Коричневого цвета		
Гладкие	312	17,61
Крученые	274	15,44
Витые	1	0,06
Трехгранные	2	0,12
Рубчатые	4	0,23
Состоящие из двух параллельных жгутов	1	0,06
Итого:	558	33,52
Синего цвета		
Гладкие	95	5,35
Крученые	277	15,61
Витые	2	0,12
Трехгранные	11	0,62
Четырехгранные	1	0,06
Плосковыпуклые	8	0,45
Рубчатые	12	0,68
Граненые	1	0,06
Итого:	407	22,95
Зеленого цвета		
Гладкие	176	9,91
Крученые	157	8,84
Трехгранные	2	0,12
Плосковыпуклые	5	0,28
Рубчатые	2	0,11
Итого:	342	19,26

Окончание табл. 12.2

Цвет и форма	Количество	Процент
Болотного цвета		
Гладкие	23	1,29
Крученые	175	9,85
Трехгранные	2	0,12
Четырехгранные	1	0,06
Итого:	201	11,32
Желтого цвета		
Гладкие	57	3,21
Крученые	30	1,69
Итого:	87	4,90
Сиреневого цвета		
Гладкие	34	1,91
Крученые	16	0,9
Витые	7	0,39
Плосковыпуклые	4	0,23
Рубчатые	1	0,06
Итого:	62	3,49
Неопределенного цвета		
Гладкие и крученые (?)	58	3,31
Рубчатые	1	0,06
Итого:	59	3,37
Печеночно-красного цвета		
Гладкие	10	0,56
Крученые	1	0,06
Рубчатые	1	0,06
Итого:	12	0,68
Прозрачного цвета		
«Заготовки»	5	0,27
Итого:	5	0,27
Черного цвета		
Гладкие	2	0,12
Рубчатые	1	0,06
Итого:	3	0,18
Мраморного цвета		
Крученые	2*	0,12
Итого:	1	0,12
Всего:	1774	100

* Если соединить эти два фрагмента, найденные в разные годы, то они образуют единую вещь – браслет.

В данном случае можно поставить вопрос о прозрачности этих стеклянных изделий. Как указывает И. А. Сафарова, к прозрачным можно отнести лишь желтые браслеты. Стекло остальных заглушено в той или иной степени. Это может быть следствием использования красящих пигментов. Все остальные браслеты исследовательница расценивает как полупрозрачные [Сафарова, 2001, т. 2, вып. 4, с. 245]. Мы соглашаемся с ней в подобной трактовке, которая соответствует стеклянным наручам древнего Друцка.

Определить точный цвет и оттенок каждого браслета в коллекции, насчитывающей сотни экземпляров, – очень трудоемкая работа. В то же время следует отметить, что оттенок и его интенсивность зависят от количества пигментирующего вещества, и не исключено различие в его пропорциях, используемых разными мастерскими.

Что касается непосредственно широкой цветовой гаммы стеклянных браслетов, то это тема для отдельного исследования, так как браслеты синего, зеленого и других цветов могут дать десятки различных оттенков. Для примера приведем лишь часть оттенков, характерных для синих браслетов: лавандовый, барвинковый, бледно-васильковый, небесный, ниагара, сизый, васильковый, голубой, защитно-синий, морской волны, лазурный, синей стали, лазурно-серый, королевский синий, джинсовый, лазурно-синий, кобальтовый, синий, синей пыли, темно-лазурный, ультрамариновый, темно-синий, полуночно-синий, сапфировый, берлинской лазури.

Точно также можно выстроить список оттенков зеленых браслетов, насчитывающий более двадцати наименований.

Представляет интерес интерпретация цветов этих украшений, представленная в зарубежной литературе, посвященной стеклянным браслетам арабского Востока. Так, например, считалось, что синий цвет защищает от сглаза, зеленый цвет символизирует радость и веселье, а желтый обозначает любовь [Boulogne, 2008, t. LVII, p. 141–142]. Трудно сказать, несли ли браслеты, выявленные на территории Древней Руси, подобную смысловую нагрузку, но для регионов, где традиция их производства процветала и развивалась на протяжении веков, дело обстояло именно так.

Различные научные школы по-разному определяют цвет стеклянных браслетов, что вносит существенные разногласия в статистические таблицы, составленные по цветовому критерию. В данном исследовании не ставилась задача углубляться в столь детальное изучение цветовой гаммы, а были использованы лишь общераспространенные цвета спектра.

В выборке преобладают браслеты коричневых оттенков (33,52%) (фото 30: *1–6*), далее по убывающей: синие (22,95%) (фото 30: *7–12*), зеленые (19,26%) (фото 30: *13–15*), болотные (11,32%) (фото 30: *16–20*), желтые (4,90%) (фото 30: *23, 24*), сиреневые (3,49%) (фото 30: *21, 22*). Кроме этих цветов в коллекции представлены браслеты, изготовленные из глушенного печеночно-красного стекла (0,68%) (фото 30: *25*) и незначительное количество браслетов из прозрачного (0,27%) и черного непрозрачного стекла (0,18%).

В коллекции Национального исторического музея Республики Беларусь имеется половина уникального браслета – он изготовлен из печеночно-красного и черного глушенных стекол, которые были смешаны между собой.

И из этой мраморовидной массы был вытянут крученый двухцветный браслет. Вторая его половина находится в экспозиции ТРИКМ.

Цвет части браслетов (3,37%) определить невозможно из-за того, что они обожжены или расстеклованы.

Декор. Часть друцких браслетов украшена *перевитьем*, *накладным веретеновидным и каплевидным декором*, а также *накладной продольной нитью* (табл. 12.3).

Таблица 12.3. **Соотношение стеклянных браслетов друцкой коллекции по цвету, форме и декору**

Цвет и форма	Количество	Процент от общего количества
Декор перевитьем		
Болотные гладкие	12	0,68
Болотные крученые	26	1,47
Желтые гладкие	12	0,68
Желтые крученые	1	0,06
Зеленые гладкие	24	1,35
Зеленые крученые	16	0,90
Печеночно-красные гладкие	1	0,06
Коричневые гладкие	48	2,70
Коричневые крученые	44	2,48
Неопределенный цвет	5	0,27
Синие гладкие	9	0,51
Синие крученые	18	1,01
Сиреневые крученые	1	0,06
Итого:	217	12,23
Веретеновидный декор		
Фиолетовые плосковыпуклые	2	0,12
Синие плосковыпуклые	2	0,12
Зеленые плосковыпуклые	1	0,06
Итого:	5	0,30
Растительный декор		
Фиолетовые плосковыпуклые	1	0,06
Итого:	1	0,06
Каплевидный декор		
Фиолетовые плосковыпуклые	1	0,06
Итого:	1	0,06
Декор продольной накладной нитью		
Коричневые гладкие	1	0,06
Зеленые рубчатые	1	0,06
Итого:	2	0,12
Всего:	226	12,77

Браслетов с *перевитьем* (фото 31: *1–3, 5–8*) насчитывается 217 экземпляров, что составляет 12,23% от общего количества. Среди них встречаются как крученые, так и гладкие экземпляры. Здесь также надо отметить, что нити перевитья на этих браслетах носят различный характер: на некоторых украшениях они очень четкие, состоящие из нескольких тонких прядей шириной от 0,2 до 0,5 мм. Цвет этих нитей может быть различным – коричнево-красным или цинково-желтым, порой встречается перевитье цвета слоновой кости, бледного шафранового оттенка, сливочно-белого цвета. Встречаются браслеты как с одноцветными нитями, так с двумя или тремя цветами. Зачастую стекло основы таких украшений гладкое и звонкое, на первый взгляд кажущееся черным. Однако столь качественные браслеты с перевитьем составляют относительно небольшую группу этого типа изделий. Остальные браслеты (независимо от цвета основы, но чаще это синие и зеленые, хотя встречаются среди них и темные) сильно отличаются самой ниткой перевитья. На некоторых экземплярах она кажется краской, довольно грубо нанесенной на браслет, на других – выступает над уровнем самого наруча примерно на 0,1–0,2 мм, словно сделанная из более грубой пасты, на третьих – она настолько вдавлена в основу украшения, что при ее разрушении виден глубокий отпечаток нитки. Пряди зачастую неравномерны, имеют неодинаковую ширину, сливаются друг с другом. Стекло таких украшений тоже не высшего качества. Зачастую оно покрыто белесо-серым налетом, распадается, хотя, порой встречаются довольно качественные экземпляры. Вероятнее всего, эти браслеты происходят из разных мастерских.

Чаще всего перевитье встречается на коричневых браслетах – 5,18% от всей выборки, причем чаще на гладких, нежели на крученых. На втором месте зеленые (2,25%), за ними идут болотные (2,15%) и синие (1,52%). Надо отметить тот факт, что на зеленых браслетах перевитье чаще встречается на гладких экземплярах, а на синих браслетах – на крученых экземплярах. Имеются единичные экземпляры крученых желтых и фиолетовых браслетов, а также один гладкий наруч из печеночно-красного стекла, украшенные этим видом декора.

В фондах ВОКМ хранится несколько браслетов из друцкой коллекции, декор которых был интерпретирован как «эмалевая роспись». Правда, в данном случае корректнее было бы назвать это *накладным веретеновидным декором* (фото 31: *12, 14, 15*), так как подобные браслеты изготовляли путем прокатывания нагретого цветного стеклянного стержня по плите, на которую было насыпано разноцветное толченое стекло. После этого стержень с налипшей на него крошкой разогревали, истолченное стекло плавили, превращая его в мелкие цветные капли, и спаивали с заготовкой, которую потом в горячем виде растягивали до нужного размера и помещали стыть на каменную плиту. В ходе этой операции получался плоско-выпуклый полуфабрикат с пестрым узором из вытянутых капель. После заготовку сворачивали, запаивали и подвергали многочасовому отжигу [Качалов, 1959, с. 45].

Браслетов с подобным узором немного – всего 0,3%. Они представлены двумя синими, двумя фиолетовыми и одним зеленым экземплярами.

В данной выборке имеется один плосковыпуклый фиолетовый браслет, украшенный белым *каплевидным декором* (фото 31: *11*). Надо отметить, что гладкое и блестящее стекло его основы выше по качеству, нежели украшающее его белое стекло, которое начало разрушаться.

Еще один браслет, рассматривавшийся как расписной, судя по всему, является инкрустированным (фото 31: *13*). Лучше, чем основа, сохранился желтый узор в виде довольно массивной веточки, которая была впаяна в поверхность наруча.

Кроме этих элементов в друцкой коллекции имеются два браслета, украшенные *продольной накладной нитью.* Один из них гладкий коричневый, его нить шафранно-желтая, второй же – рубчатый зеленый с нитью из печеночно-красного стекла (фото 31: *9*).

Диаметр. Этот параметр браслетов заслуживает особого внимания. Для более точного расчета радиуса браслетов были использованы замеры длины хорды и высоты сегмента, а затем произведен расчет по формуле:

$$R = \frac{h}{2} + \frac{c^2}{8h},$$

где h – высота дуги; c – длина хорды.

Среди стеклянных наручей данной выборки наиболее распространен диаметр в 60–65 мм, на втором месте – диаметр 55–60 мм.

Браслеты, привезенные из византийских колоний, обычно плосковыпуклые, имеют более крупный диаметр – 70–90 мм [Lauwers, Degryse, Waelkens, 2010, p. 146–149; Лавыш, 2013, с. 165]. Это позволяло носить их не только на запястье, но и выше локтя [Αναστάσιος Αντωνάρας ... , 2006, σελ. 423–434, с. 432]. Правда, и из этого правила есть исключения. Так, в ходе раскопок друцкого детинца летом 2013 г. был найден плосковыпуклый браслет из фиолетового стекла очень высокого качества, с белым каплевидным орнаментом. Браслеты подобного типа обычно рассматривают как византийские. Однако его диаметр составляет всего 44,34 мм. В фондах ВОКМ имеются и синие плосковыпуклые браслеты из ранних раскопок Друцка с диаметром в 55–57 мм и даже в 44 мм (КП № 14941). Значит, и среди этих браслетов имеется немало исключений.

Кроме браслетов с диаметром 50–60 мм на древнерусских комплексах найдены изделия с маленьким диаметром – 30–45 мм. В друцкой коллекции их насчитывается около 1%. В данной выборке более половины этих изделий – гладкие коричневые. Их обычно трактуют как височные кольца – тип украшений, являвшийся принадлежностью костюма славян. Т. С. Бубенько называет их «браслетоподобными кольцами» [Бубенько, 2001, № 3, с. 158]. Не возникало сомнений в том, что стеклянные «браслеты» с маленьким диаметром являются височными кольцами. Однако изделия, которые рассматриваются в отечественной литературе как «стеклянные височные

кольца» совершенно по-иному интерпретируются в зарубежных публикациях [Lauwers, Degryse, Waelkens, 2010]. Надо отметить, что процент стеклянных изделий с малым диаметром достаточно велик в странах Ближнего Востока, где изготовление и использование этих украшений имеет многовековую традицию.

Есть несколько версий касательно стеклянных изделий с малым диаметром, которые велики для кольца, но однозначно малы для браслета. Первая из них самая простая и логичная: это детские браслеты. Данное предположение подтверждено археологическим материалом при раскопках средневековых кладбищ ближневосточного региона [Lauwers, Degryse, Waelkens, 2010, p. 150]. Согласно другому предположению, это кольца для украшения большого пальца. По третьей версии подобные кольца использовали для подвешивания маленьких масляных ламп [Lauwers, Degryse, Waelkens, 2010, p. 148]. Можно выдвинуть и четвертое предположение: эти изделия использовали при создании более сложных композиций для нагрудных украшений (таких, как ожерелья) в качестве декоративных фиксаторов или разделителей нитей бус. Подобное применение стеклянных колец имело место у кельтов латенской эпохи. Примером для иллюстрации этого случая может служить нитка глазчатых бус из кельтского захоронения, хранящаяся в Реймском музее [Congail Mac, 2013].

Происхождение. Что касается непосредственного происхождения стеклянных браслетов, то в настоящее время в белорусской археологической литературе доминирует предположение, выдвинутое Ю. Л. Щаповой, о наличии в Киеве крупных стекольных мастерских, в которых работали мастера из Византии, впоследствии осевшие на древнерусских землях [Щапова, 1998, с. 105]. Большая часть стеклянных браслетов (гладких и крученых) рассматривается как изделия этих мастеров. Эта теория популярна среди российских и украинских археологов [Журухина, Храмченкова, 2012, № 3 (29), с. 226–233]. Взгляды Ю. Л. Щаповой также разделяет белорусский исследователь Т. С. Скрипченко [Скрипченко, 1987, вып. 10, с. 70], которая утверждает, что этот вид ремесла процветал на Руси не только в крупных городах.

Следует отметить и тот факт, что в рассматриваемый период функционировали крупные стеклодельные мастерские в Сардисе и Коринфе [Гуревич, 1986, т. 47, с. 70], выпускавшие браслеты, сходные по своей форме с теми, что находят на древнерусских памятниках [Köroğly, 1998, vol. 11, p. 289, pic. 7; p. 294].

В последнее десятилетие появилась еще одна теория относительно происхождения древнерусских стеклянных браслетов. Российский археолог О. М. Олейников, опираясь на результаты рентгеновского микроспектрального, лазерного микроспектрального, оптического эмиссионного спектрального анализов, химического анализа и исследования на масс-спектрометре этих украшений, указывает на Ближний Восток и Византию с ее колониями как на возможные регионы производства стеклянных браслетов, отрицая наличие стеклоделия на Руси [Олейников, 1993, № 208; 1997, вып. 11; 2002, № 1, с. 55].

Т. С. Бубенько предполагает, что трехгранные браслеты привозили в Полоцкую землю из причерноморского региона [Бубенько, 2004, с. 140]. Оттуда же в Друцк могли попасть красно-печеночные украшения из глушенного стекла.

Рубчатые браслеты Ю. Л. Щапова определила как причерноморский импорт [Щапова, 1998, с. 115]. Известно, что у Причерноморья и Киева были тесные культурно-экономические связи, и, вероятнее всего, эти украшения попадали в Друцк именно через Киев с партиями другого товара по днепровскому пути.

Трудно говорить о наличии бесспорно цареградских браслетов в друцкой коллекции. К этой категории украшений принадлежат браслеты из ярко-синего или черного стекла, зачастую расписанные золотом или эмалевыми красками. Стекло таких изделий обычно гладкое, звонкое и блестящее, без патины или иризации [Щапова, 1972, с. 110]. Зарубежные исследователи, однако, утверждают, что цветовая гамма византийских браслетов была шире и включала в себя фиолетовый и зеленый цвета [Lauwers, Degryse, Waelkens, 2010, p. 146–149]. Синих и черных высококачественных браслетов с золотой росписью в рассмотренной выборке нет, однако имеются декорированные голубые и зеленые экземпляры. Нужно отметить такую особенность в технологии их изготовления, как огневую полировку. Количество браслетов с огневой полировкой очень мало (около трети процента от общего количества). Плосковыпуклый браслет из сиреневого стекла, украшенный растительным орнаментом, хранящийся в ВОКМ, также относят к византийским, но здесь нужно отметить тот факт, что его стекло низкокачественное и подверглось разрушению, а узор представляет собой не роспись, а скорее тяготеет к накладному декору. Византийские образцы росписи отличаются тонкими линиями, образующими изящные, хоть и простые орнаменты, тогда как эта веточка довольно массивна. Вероятнее всего, что это импорт из причерноморских византийских колоний. В пользу последнего говорит подражание столичным образцам, но недостаточно виртуозное мастерство, как стекловарения, так и декора. Предположительно, эти браслеты попали в Друцк вместе с партиями киевского импорта. Правда, учитывая их ограниченное количество, можно считать, что они были частью дипломатического или личного подарка.

О. Н. Левко также выдвигала предположение об изготовлении стеклянных изделий в самом Друцке, и аргументом тому служат пять небольших стержней из прозрачного стекла, которые можно было бы расценивать как заготовки (см. рис. 22: *21–23, 25, 26*). Однако их стекло бесцветно и лишь слегка замутнено, толщина неравномерна, а сечение овальное или четырехугольное. Сомнительно, что это могли быть полуфабрикаты цветных браслетов, заготовкой которых, как известно, являлась круглая в сечении (порой рифленая или многогранная) и относительно однородная по толщине стеклянная палочка, которой потом мастер придавал нужную форму. Длина и диаметр этих предметов также не подтверждают эту гипотезу: вытянуть из заготовки длиной в 28 мм и сечением 4–8 мм стеклянный браслет с диаметром сечения в 5–6 мм и внутренним диаметром 56–60 мм

технически не представляется возможным. Факт, что стекло не окрашено, тоже говорит не в пользу этого предположения, ведь браслеты и перстни изготавливали из уже пигментированного стекла. Других заготовок, бракованных изделий, остатков печей и стеклоплавильных тиглей в ходе раскопок выявлено не было. Обычно стекольные мастерские дают обширные комплексы, которые включают в себя: несколько больших печей, сложенных из кирпича или камня, для фриттования, плавки и отжига; тигли; большое количество бракованных изделий, заготовок, остатков сырья и готовых изделий. В Друцке подобные комплексы не выявлены.

Поэтому, вероятнее всего, стеклянные браслеты средневекового Друцка являются предметами импорта.

Основываясь на всем, сказанном выше, можно сделать следующие выводы.

1. Коллекция Друцких стеклянных браслетов включает в себя практически все формы и цвета, характерные для этой категории предметов в городских древнерусских археологических комплексах.

2. В проанализированной выборке по форме больше всего крученых (ложновитых) и гладких браслетов. Процент наручей остальных форм невелик.

3. По цвету доминируют оттенки коричневого, синего и зеленого.

4. Поскольку в Друцке пока не обнаружено полных стеклодельных комплексов, стеклянные браслеты можно считать категорией массового импорта.

5. В числе экономических партнеров средневекового Друцка были Киев и причерноморские колонии Византии.

6. Вероятнее всего, импортные изделия доставляли в Друцк через Киев по Днепровскому пути.

7. В связи с тем, что в Друцке было найдено достаточно большое для северной Беларуси количество стеклянных браслетов, он был богатым городом с широкими внешнеэкономическими связями.

Бусы из Друцка. В ходе археологических исследований Друцка Л. В. Алексеевым и О. Н. Левко было выявлено более трех сотен бусин, изготовленных из различных материалов: стекла, камня (в том числе янтаря), фаянса и драгоценных металлов (золота и серебра).

К сожалению, большое количество находок из раскопок Л. В. Алексеева невозможно выявить в силу того, что они не были переданы в музейные фонды. Многие находки утрачены, и их местонахождение в данный момент определить невозможно. Ряд находок не был передан в музеи и оставался на хранении у самого исследователя. Возможно, находки были бы навсегда утрачены, но в 2013 г. архивы Л. В. Алексеева были переданы в ВОКМ.

В данных материалах была выявлена картотека бусин, найденных в ходе раскопок Друцкого детинца, которые проводил Л. В. Алексеев в период с 1956 по 1967 г. К картотеке был приложен ящик, в котором находилось 52 бусины из раскопов: 11 каменных (5 сердоликовых и 6, изготовленных из горного хрусталя) и 41 стеклянная различных типов.

При обработке картотеки было выявлено, что в ней содержатся данные о 299 бусинах домонгольского периода (X–XII вв.) из раскопок Друцкого детинца.

Была проведена работа по поиску указанных бусин в музеях Витебска и Минска. Так, в ВОКМ было выявлено 20 бусин из приводимых в картотеке, в НИМБ – 19, и, как уже было отмечено выше, 52 бусины были переданы вместе с архивными материалами. Таким образом, можно говорить о наличии 91 бусины, т. е. трети от описанного Л. В. Алексеевым количества. Остальные бусины пока не выявлены.

Бусины из раскопок, которые проводила О. Н. Левко, в настоящее время находятся в ТРИКМ и в ИИ НАНБ (всего 24 экземпляра).

Датировать бусины из раскопов Л. В. Алексеева по слоям достаточно рискованно, так как стратиграфия памятника была существенно нарушена в ходе проведения раскопок. В данном случае во многом приходится полагаться на сами бусины, многие из которых, как известно, являются важным датирующим материалом.

На памятнике присутствуют бусины, характерные для X–XI и XI–XII вв. Больше всего бусинного материала было найдено на детинце, где вскрыта площадь около 2000 м^2. Бусины, найденные на Окольном городе, насчитывают 16 экземпляров. Их количество соразмерно вскрытой раскопками площади – около 160 м^2. Сравнительно небольшое по отношению к другим материалам количество бус свидетельствует о том, что они были достаточно дорогим украшением.

В настоящее время имеются сведения о 323 экземплярах бусин, найденных в Друцке в период с 1956 по 2013 г. (табл. 12.4). Как было сказано выше, в музеях выявлена всего лишь треть от этих находок.

Таблица 12.4. **Бусы из Друцка**

Цвет и тип	Количество	Процент
Стеклянные		
Зонные		
Синие	50	15,41
Зеленые	24	7,44
Желтые	13	4,02
Темные	3	0,93
Фиолетовые	3	0,93
Лиловые	3	0,93
Светлые	2	0,62
Прозрачные	2	0,62
«Мозаичные»	2	0,62
Красные	1	0,31
Цвет не определен	9	2,79
Итого:	112	34,62
Лимонки и пронизки		
Желтые	27	8,37
Синие	3	0,93
Зеленые	2	0,62

Продолжение табл. 12.4

Цвет и тип	Количество	Процент
Серые	2	0,62
Черные	1	0,31
Прозрачные	1	0,31
Цвет не определен	5	1,55
Итого:	41	12,71
Бисер		
Желтый	11	3,41
Синий	5	1,55
Цвет не определен	2	0,62
Итого:	18	5,58
Ребристые		
Синие	11	3,41
Зеленые	3	0,93
Красные	1	0,31
Лиловые	1	0,31
Цвет не определен	1	0,31
Итого:	17	5,27
Битрапециевидные		
Синие	9	2,78
Желтые	1	0,31
Сиреневые	1	0,31
Полихромные	1	0,31
Цвет не определен	3	0,93
Итого:	15	4,64
Эллипсоидные		
Синие	4	1,24
Красные	3	0,93
Зеленые	1	0,31
Цвет не определен	3	0,93
Итого:	11	3,41
Шаровидные		
Глазчатые	5	1,55
Прозрачные	2	0,62
Зеленые	1	0,31
Голубые	1	0,31
Итого:	9	2,79
Винтообразные		
Желтые	2	0,62
Синие	2	0,62

Продолжение табл. 12.4

Цвет и тип	Количество	Процент
Зеленые	1	0,31
Цвет не определен	2	0,62
Итого:	7	2,17
Цилиндрические		
Синие	1	0,31
Голубые	1	0,31
Желтые	1	0,31
Темно-оливковые с орнаментом из белых волн	1	0,31
Цвет не определен	1	0,31
Итого:	5	1,55
Рыбовидные		
Синие	3	0,93
Цвет не определен	1	0,31
Итого:	4	1,24
Рубленые		
Синие	2	0,62
Желтые	1	0,31
Итого:	3	0,93
Биконические		
Голубые	2	0,62
Бирюзовые	1	0,31
Итого:	3	0,93
Кольцевидные		
Желтые	1	0,31
Зеленые	1	0,31
Бирюзовые	1	0,31
Итого:	3	0,93
Кубические		
Синие	1	0,31
Трубчатые		
Синие	1	0,31
Бочонковидные		
Темно-зеленые с белым орнаментом	1	0,31
Форма не указана		
Форма не указана	21	6,51
Итого:	21	6,51
Золотостеклянные		
Цилиндрические	7	2,17
Битрапециевидные	3	0,93

Окончание табл. 12.4

Цвет и тип	Количество	Процент
Бочонковидные	6	1,86
Тип не определен	8	2,48
Итого:	24	7,44
Серебростеклянные		
Битрапециевидные	2	0,62
Цилиндрические с полусферическим выпуклым декором	1	0,31
Итого:	3	0,93
Итого:	299	92,58
Керамические		
Керамические	2	0,62
Итого керамических:	2	0,62
Каменные		
Горный хрусталь		
Зонные	2	0,62
Шаровидные	8	2,48
Итого:	10	3,1
Сердолик		
Битрапециевидные	4	1,24
Плитчатые четырнадцатигранные	1	0,31
Итого:	5	1,55
Янтарь		
Граненые	1	0,31
Итого:	1	0,31
Итого:	16	4,96
Фаянс		
Голубые	1	0,31
Итого:	1	0,31
Металл		
Золотые шаровидные	2	0,62
Серебряные эллипсоидные декорированные	3	0,91
Итого:	5	1,53
Всего:	323	100

Исходя из обработки картотеки и непосредственно самих бусин, можно подытожить, что 92,58% составляют стеклянные бусины различных форм и цветов, в том числе золотостеклянные и серебростеклянные. Определение ряда бусин из раскопок Л. В. Алексеева проводила Ю. Л. Щапова, правда сейчас трудно сопоставить ее заключения, в которых не всегда указаны год, номер раскопа и шифр, с бусинами, многие из которых утрачены и известны лишь по своему краткому описанию.

С уверенностью можно говорить, что среди стеклянных бусин доминируют зонные (фото 33: *1–10*), которых насчитывается 112 экз. (34,62%). В данной категории больше всего синих (50 экз.) и зеленых (24 экз.) бусин. Кроме них присутствуют желтые (13 экз.), фиолетовые (3 экз.), лиловые (3 экз.) и так называемые мозаичные (2 экз.) бусины. Согласно архивам Л. В. Алексеева, зонные бусины имеют разную датировку и различные центры происхождения. Так, пять зонных бусин, среди которых желтая, зеленая, голубая и две серые, были изготовлены на Ближнем Востоке ранее 1025 г. Около 14 бусин данного типа из рассматриваемой выборки отнесены исследователями к византийскому импорту. Среди них пять синих, одна желтая, одна прозрачная, одна зеленая тройная, две бусины, цвет которых не указан, и две бусины, определенные как «мозаичные». Нужно отметить, что данное определение является не совсем точным, так как мозаичные бусины изготавливали по совершенно иной технологии. Удалось выявить две упомянутые бусины (фото 33: *11, 12*) и установить, что они не мозаичные, а имеющие накладной декор из стеклянной крошки. В картотеке эти бусины датированы XII в. Остающееся большинство зонных бусин из Друцка, по мнению Л. В. Алексеева и Ю. Л. Щаповой, является продукцией киевских мастерских XII в.

Следующей по численности категорией стеклянных бусин из Друцка являются лимонки и пронизки, которых был выявлен 41 экз. (12,71%). В данной выборке они представлены желтым, синим, зеленым, серым и черным цветами. Более всего желтых лимонок – 27 экз. (8,37%) (фото 33: *13–16*). Три лимонки окрашены в синий цвет (0,93%). Есть упоминания еще о трех лимонках, но их цвет не указан. Зеленых и серых лимонок имеется по два экземпляра каждого цвета (по 0,62%). Упомянуты также единичные образцы черной и прозрачной бусин-лимонок. Желтые лимонки и пронизки Л. В. Алексеев относит к сирийскому импорту. Эти бусины являются определяющими для X в. [Щапова, 1956, т. I, № 55, с. 173] и на памятниках северной Беларуси они были распространены в X–XI вв.

Третьей по численности группой друцких бусин является бисер – 18 экз. (5,58%) (фото 33: *17*). По сравнению с курганными могильниками с территории Друцких волоков, в которых счет бисера идет на сотни, это количество совсем мало. В друцкой коллекции преобладает желтый рубленый бисер. Его хронологические рамки совпадают с периодом бытования лимонок, и основное количество такого бисера использовали в X–XI вв. [Щапова, 1956, т. I, № 55, с. 172, Кочкуркина, 1973 с. 26]

Кроме рассмотренных типов бусин в Друцке было выявлено 17 (5,27%) ребристых бусин разных цветов (фото 33: 19, 20). Доминирующим цветом для бусин данного типа является синий (3,41%).

Следующим типом являются битрапециевидные бусины (фото 33: *21–23*), которых, согласно картотеке, было найдено 15 экз. (4,64%). В коллекции бусин, обнаруженной в картотеке Л. В. Алексеева, удалось выявить несколько бусин данного типа, в том числе редкую битрапециевидную бусину из светло-лилового стекла (фото 33: *22*).

Еще одним типом бусин, выявленных при раскопках древнего Друцка, являются эллипсоидные – на них заведено 11 карточек. Эти экземпляры представлены синими, красными и зелеными бусинами, а также несколькими бусинами, цвет которых был не указан. Одна красная эллипсоидная бусина хранится в НИМБ, несколько зеленых и синих бусин переданы в ВОКМ вместе с архивами.

После эллипсоидных бусин можно выделить категорию шаровидных бусин в количестве 9 экз. (2,79%). Они представлены глазчатыми, зелеными, голубыми и прозрачными бусинами. Одну глазчатую бусину удалось выявить в ВОКМ (фото 33: *24*).

Винтообразные и цилиндрические бусины представлены 7 и 5 экз. соответственно (2,17 и 1,55%). Цветовая гамма винтообразных бусин представлена желтым, синим и зеленым цветами. Среди цилиндрических бусин имеется одна темно-оливкового цвета, декорированная белой волнистой линией. М. В. Фехнер относит такие бусины к X–XI вв. [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 211].

Рыбовидные бусины представлены всего 4 экз. (1,24%) (фото 33: *27*), а рубленые, биконические и кольцевидные бусины насчитывают по 3 экз. (0,93%) каждого вида.

Кубические, трубчатые и бочонковидные бусины представлены единичными экземплярами (0,31%).

21 бусина (6,51%) занесена в карточки или упомянута в отчетах без определения их цвета или формы.

Кроме собственно стеклянных бусин в ходе раскопок Друцкого детинца и Окольного города Л. В. Алексеевым и О. Н. Левко были найдены бусины с металлической прокладкой: золотостеклянные и серебростеклянные. Золотостеклянные бусины представлены следующими формами: битрапециевидными, бочонковидными и цилиндрическими. Всего золотостеклянные бусины насчитывают 24 экз. (7,44%). Серебростеклянных бусин мало – всего 3 экз. (0,93%): две битрапециевидные, одна цилиндрическая ребристая с полусферическим выпуклым декором.

Кроме бусин из стекла в раскопках Друцка были найдены и бусины, изготовленные из различных пород камня, таких, как горный хрусталь и сердолик.

В картотеке есть упоминания об одной керамической декорированной бусине, которую удалось выявить в фондах ВОКМ (фото 33: *33*).

Там же была обнаружена фаянсовая голубая бусина (фото 33: *35*), происходящая из Друцка, и аналогичная бусине из Дроздово. С большой долей вероятности можно говорить о том, что бусины этого типа, найденные на территории северной Беларуси, имеют египетское происхождение и были вторично использованы спустя несколько веков после своего изготовления.

Как можно заключить из данной выборки, наиболее популярной формой для хрустальных бусин, поставляемых в Друцк, была шаровидная (фото 33: *30*). Правда, в карточках указаны сведения о двух зонных бусинах, изготовлен-

ных из этого минерала, но можно предположить, что эти экземпляры скорее относятся к шаровидному уплощенному типу, нежели к зонному. Всего в данной картотеке имеются сведения о 10 бусинах (3,1%) из горного хрусталя. В коллекции бусин, выявленной среди архивов, имеется шесть экземпляров, изготовленных из этого минерала.

Сердоликовых бусин меньше – всего 5 экз. (1,55%), из которых две относятся к бипирамидальной форме (фото 33: *32*), причем все эти бусины сильно повреждены. Одна бусина – черырнадцатигранная, плитчатая, хорошей сохранности (фото 33: *31*). Таким образом, каменных бусин сравнительно немного – всего лишь 15 экз. на весь комплекс, что составляет 4,65% от общего количества. Эти бусины являются переднеазиатским импортом: изготовление подобных изделий характерно для Самарканда и Бадагшана XI–XII вв. [Ал-Бируни, 1963, с. 73–74].

Янтарная бусина всего одна и, согласно картотеке, относится к типу граненых бусин. Выявить ее в фондах музеев пока не удалось.

В карточках научного архива Л. В. Алексеева есть описание двух золотых бусин, найденных в 1961 г. и происходящих из слоя № 1 раскопа XV [Алексеев, 1966, с. 156]. Выявить эти изделия пока не представилось возможным.

Л. В. Алексеев в своей книге «Полоцкая земля» говорит о серебряной с зернью бусине, обнаруженной в Друцке в ходе его раскопок [Алексеев, 1966, с. 162, рис. 37: *25*]. В ходе исследований Друцка в 2013 г. под руководством О. Н. Левко была найдена серебряная орнаментированная эллипсоидная бусина (фото 33: *36*). Кроме нее были обнаружены еще два фрагмента серебряной бусины, украшенной зернью (см. рис. 12.14: *3*). Подобные украшения характерны для Киевской Руси и могут рассматриваться как предметы южного вектора внутреннего импорта.

Наиболее информативными в отношении бусин являются раскопы II, III, X, XIII, XIV и XVI Л. В. Алексеева. Однако это вовсе не указывает на то, что в других раскопах подобные находки отсутствуют.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

1. В Друцке выявлены 323 бусины, изготовленные из разных материалов: стекла, камня, керамики, фаянса и янтаря.

2. На памятнике представлены бусины 18 видов. Среди них доминируют зонные, лимонки и пронизки.

3. Ввиду того, что на территории Беларуси нет прямых археологических доказательств существования мастерских по их изготовлению, все бусины, найденные в Друцке, можно отнести к категории массового импорта, как внешнего восточного, так, возможно, и внутреннего южного.

4. Данный факт подтверждает существование торгово-культурных связей Друцка с Византией, странами Передней Азии и Ближнего Востока, в частности, Сирией, а также Киевской Русью, что говорит о высоком статусе данного города в домонгольский период.

Стеклянные перстни и вставки средневекового Друцка. ***Стеклянные перстни.*** Перстни, так же изготовленные из стекла, как и стеклянные браслеты, относятся к городской культуре. Они составляют небольшой процент

от стеклянных украшений, встречающихся в культурном слое средневековых городов. Друцк не является исключением из этого правила, и стеклянные перстни представляют весьма малую часть его коллекции стеклянных изделий. Они представлены экземплярами, найденными в ходе археологических раскопок, проводимых на памятнике Л. В. Алексеевым и О. Н. Левко.

Стеклянные перстни, найденные при археологических исследованиях средневекового Друцка, хранятся в НИМБ, ВОКМ и ТРИКМ. В музейных фондах было выявлено 10 перстней, как щитковых, так и простых, что составляет всего 0,4% от всех стеклянных украшений средневекового Друцка (бусин и браслетов). Основная масса данных украшений изготовлена из заглушенного стекла.

Классификацию стеклянных перстней разрабатывали Е. Ольчак – в 1959 г. и Ю. Л. Щапова – в 1963 г. В данном случае более целесообразно обратиться к последней классификации, так как друцкий материал наиболее полно укладывается именно в нее.

Среди рассматриваемых в данной работе изделий доминируют синие экземпляры, однако имеются зеленые и один полихромный. Друцкие стеклянные перстни относятся к I, II, и III отделам, к типам круглых, щитковых простых, щитковых сложных и треугольного сечения [Щапова, 1963, № 117, с. 106–108]. В данной выборке половина перстней является щитковыми. Все они, кроме одного, фрагментированы и представлены пятью экземплярами.

Особый интерес в данной коллекции представляет собой перстень, изготовленный из черного стекла с белыми разводами и с накладным ярко-желтым щитком (фото 32: *1*). Данный перстень относится к отделу II, типу 3 [Щапова, 1963, № 177, с. 107] или к типу «С» по Е. Ольчак [Ольчак, 1959, № 3, с. 87]. Оба фрагмента данного предмета происходят из раскопов Л. В. Алексеева различных лет. В настоящее время одна половина перстня хранится в ВОКМ, вторая – в ТРИКМ. Надо отметить, что сохранность фрагмента, находящегося в Витебске, лучше, чем состояние фрагмента из Толочина, который достаточно затерт и потерял блеск.

Второй щитковый перстень также происходит из раскопок, проводимых под руководством Л. В. Алексеева. Изделие изготовлено из глухого голубого стекла и украшено ярко-желтым накладным щитком (фото 32: *2*). Данный предмет также относится к отделу II и типу 3 [Щапова, 1963, № 177, с. 107] или к типу «С» по Е. Ольчак [Ольчак, 1959, № 3, с. 87].

Еще один перстень, относящийся к отделу II типу 2, полностью изготовлен из глухого голубого стекла, а его щиток выполнен путем расплющивания стеклянного жгута, служившего заготовкой для украшения (фото 32: *3*). Оба этих перстня хранятся в фондах НИМБ.

Фрагмент щиткового перстня из заглушенного голубого стекла (отдел II, тип 2), хранящийся в ВОКМ, представлен лишь фрагментом щитка и совсем небольшим участком самой дуги, что не позволяет точно определить его сечение. Однако, вероятнее всего, оно было плосковыпуклым.

Еще один стеклянный перстень того же типа удалось выявить среди материалов Л. В. Алексеева, которые были переданы в ВОКМ в 2013 г. Этот полностью сохранившийся перстень изготовлен из яркого прозрачного зеленого стекла, а его щиток также выполнен путем расплющивания стержня (фото 32: *4*). Диаметр перстня невелик – всего 15,5 мм.

Остальные перстни по классификации Ю. Л. Щаповой представлены отделами круглых (I) и плоских (II).

Цвет гладкого круглого перстня из фондов ВОКМ, который, вероятнее всего, относится к отделу I, определить невозможно, так как изделие подверглось действию высоких температур. С уверенностью можно говорить лишь о том, что оно имеет круглое сечение.

Кроме этого, еще один плоско-выпуклый гладкий фрагментированный перстень (отдел II, тип 1) из голубого заглушенного стекла также удалось выявить среди архивов Л. В. Алексеева.

Из раскопок О. Н. Левко, проведенных в 1999 г., происходит половина гладкого перстня вышеуказанного типа из прозрачного зеленого стекла.

Два перстня из раскопок Л. В. Алексеева, хранящиеся в ВОКМ, относят к отделу III, типу 3. Оба украшения изготовлены из синего стекла и имеют треугольное сечение.

Вероятнее всего, данные изделия имеют импортное происхождение, но из-за отсутствия анализов стекла рассматриваемых перстней невозможно судить о регионе их производства.

Стеклянные вставки в перстни. Отдельную категорию стеклянных изделий представляют собой стеклянные вставки в перстни. В Друцке выявлено всего пять подобных изделий. Три из них происходят из раскопок Л. В. Алексеева; два – из раскопок, осуществленных под руководством О. Н. Левко.

Две вставки для перстней из раскопок Л. В. Алексева окрашены в синий цвет и имеют форму неправильного овала.

Еще одна вставка имеет вид четырехугольника и изготовлена из непрозрачного желтого стекла.

Эти изделия хранятся в фондах ВОКМ.

Вставка, происходящая из раскопок 1999 г., имеет форму овала и окрашена в темно-синий цвет. Она находится в ТРИКМ.

В 2013 г. в ходе археологических работ на Друцком детинце был найден фрагмент перстня из цветного металла со вставкой из зеленого стекла.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Стеклянные перстни и вставки в общей сложности составляют 0,6% от всей коллекции стеклянных изделий средневекового Друцка.

2. Стеклянные перстни представлены отделами I, II, и III, круглыми, щитковыми простыми, щитковыми сложными типами, а также изделиями, имеющими треугольное сечение.

3. Почти все перстни изготовлены из заглушенного стекла разных цветов. В данной выборке доминируют голубые перстни, однако имеются зеле-

ный и черный с белыми разводами экземпляры. Два перстня имеют желтые накладные щитки.

4. Стеклянные вставки в перстни представлены пятью экземплярами синего, желтого и зеленого цветов. В данной коллекции доминируют синие вставки.

5. Учитывая тот факт, что в Друцке пока не обнаружены стеклодельные комплексы, данные изделия можно рассматривать как предметы импорта.

12.7. Предметы из камня *(Н. Ю. Шарковская)*

Изделия из камня в друцкой коллекции представляют следующие группы находок: 1) хозяйственный и ремесленный инвентарь; 2) предметы христианского культа; 3) украшения; 4) неопределенные изделия и сырье. Находки внутри групп 1–3 подразделяются на десять категорий: 1) топоры (клины и сверленый), камни зернотерок, жернова, литейные формы, бруски точильные, пряслица; 2) кресты нательные; 3) бусы, вставка, перстень. Группа 4 представлена отходами сырья: кусками или заготовками, отходами производства.

Хозяйственный и ремесленный инвентарь. Среди изделий из камня, найденных в Друцке, присутствуют орудия, характерные для эпохи каменного–начала бронзового веков. Это ***каменные топоры-клины (долотовидные орудия), сверленые топор и молоток*** (рис. 12.43: *2, 7*). По архивным материалам полевой документации Л. В. Алексеева установлено 16 топоров-клинов (долотовидных каменных орудий), один сверленый каменный топор и один молоток. Раскопки, проводимые в Друцке под руководством О. Н. Левко, дали еще два топора-клина. Таким образом, общее количество изделий этой категории составляет 20 единиц. В средневековых городах неолитические каменные топоры-клины именовали «перуновыми стрелами» и их клали под углы строящихся срубов в качестве оберегов, защищающих от пожара [Бубенько, 2004, с. 113; Штыхов, 1975, с. 97]. Четыре друцких каменных неолитических орудия были вторично использованы – переделаны в точильные бруски (оселки).

Из камня изготавливали орудия для переработки сельскохозяйственной продукции. В каменной коллекции имеются ***камни зернотерок*** (рис. 12.43: *1*) и ***жернова*** – фрагменты и целые экземпляры. В постройке, вскрытой в 1962 г. Л. В. Алексеевым в раскопе VIII на глубине 17-го штыка (пласта), зафиксированы целые верхний и нижний жернова (рис. 12.42). Жернова и их фрагменты были найдены и во время раскопок О. Н. Левко на городище в 1999 г. (2 экз.) и в 2013 г. (4 экз.).

Литейные формы немногочисленны. Известно всего четыре их экземпляра. В фондах ВОКМ хранятся две литейные формы из раскопок городища Друцка Л. В. Алексеевым. Одна форма вырезана из черного камня и предназначена для отливки шаровидных украшений. Вторая представлена одной створкой из белого песчаника с металлическими штифтами. Место

хранения третьей литейной формы неизвестно, она упомянута в картотеке Л. В. Алексеева и опубликована автором [Алексеев, 1966, с. 125 рис. 22: *1, 7, 8*]. Четвертая литейная форма была найдена О. Н. Левко в 2013 г. на друцком детинце (фото 25: *3*).

Точильные бруски (оселки) занимают по численности вторую позицию среди каменных изделий, найденных в Друцке – всего 344 экземпляра. В собрании ВОКМ их 215. В Национальный музей истории и культуры Беларуси Л. В. Алексеевым было передано 108 брусков. Раскопками, проводившимися в Друцке О. Н. Левко, выявлен 21 брусок. Материалом для их изготовления в основном служили сланец и песчаник. Большая часть изделий фрагментирована. Их можно условно разделить на две группы.

Оселки с отверстием для крепления. По форме бывают плоскими и утолщенными (с прямоугольным сечением) (рис. 12.44: *1–5*). Из 215 точильных брусков, хранящихся в ВОКМ, 16 имеют просверленные отверстия, а 8 – следы начала сверления. Некоторые бруски обломаны на месте первичного отверстия, и ниже оно просверлено повторно. Как правило, это относится к оселкам из сланца. В друцкой коллекции имеются *оселки с опоясывающей канавкой* для фиксации крепежного шнурка (ремешка).

Оселки без отверстий (рис. 12.44: *6–9, 13*). По форме в коллекции имеются бруски с прямоугольным поперечным сечением, реже – треугольным и уплощенные. Бруски бывают большие и малые. Большие бруски в основном представлены фрагментами. Их центральные части сильно сработаны и намного тоньше расширенных толстых концов, что приводило к переламыванию. Их, вероятно, применяли для заточки кос, серпов, топоров. Маленькие точильные камни-оселки представлены в коллекции удлиненными, узкими, уплощенными экземплярами с подовальными концами. Еще одну группу представляют удлиненные плоские камни, как правило, сланцевые, без четко оформленных граней и ребер. Они так же бывают больших и малых размеров. Редко встречаются фрагменты с расширенным концом. На части точильных брусков имеются глубокие канавки – длинные и короткие, оставленные от заточки шильев, иголок, подправки кончиков ножей (рис. 12.44: *7, 9, 13*). Среди брусков из раскопок Друцка археологического собрания ВОКМ четыре изготовлены из бывших неолитических каменных орудий. В одном из них просверлено отверстие, на другом – следы встречного сверления. Имеется в коллекции и точильная плита.

Пряслица, выполненные из сланца, составляют самую многочисленную группу изделий из камня в Друцке. В настоящее время в музеях Республики Беларусь зафиксировано 629 каменных друцких пряслиц. В собрании ВОКМ хранится 424 каменных пряслица из раскопок Л. В. Алексеева 1956–1962 гг., в Толочинской районном музее – 22 пряслица из его же раскопок. В Национальный музей истории и культуры Беларуси было передано 108 пряслиц из раскопок Л. В. Алексеева. Раскопки, проводимые О. Н. Левко в Друцке (включая 2013 г.), дали еще 75 пряслиц.

Пряслица Друцка имеют лиловый (сиреневый), розовый (от бледного до темного насыщенного), красный цвет либо бывают двух- или трехцветны-

ми и серыми. Встречаются различные лилово-розовые комбинации, когда часть пряслица розовая, часть лиловая; чередующиеся полосы лилового и розового или точечные вкрапления розового в лиловый, и наоборот; имеется одно лилово-розовое пряслице с черными вкраплениями. Такая гамма характерна для пряслиц из овручского шифера.

В раскопках Друцка встречены также пряслица из серого камня разных оттенков. Количественно они значительно уступают овручским пряслицам. Исследованиями, проведенными по материалам Гнездово на Смоленщине, установлено, что серый сланец характерен для пряслиц из Скандинавии.

По форме плоскости вертикального сечения коллекция представлена разными видами пряслиц (рис. 12.45). Среди них можно выделить битрапециевидные (симметричные, со смещенным ребром, со сглаженным или искривленным ребром); трапециевидные с ровными сторонами и четко выраженными или сглаженными углами; с выпуклыми или прямыми боковыми сторонами; ассиметричные; боченковидные; дисковидные, индивидуальные формы (рис. 12.45, 12.46). Из 411 целых друцких пряслиц собрания ВОКМ 191 битрапециевидное. Площадки оснований пряслиц обычно ровные, но встречаются и вогнутые (преимущественно у пряслиц из серого сланца), и очень редко – выпуклые. На некоторых пряслицах площадки оснований скошенные (расположены не параллельно, а под углом относительно друг друга). Имеются пряслица с валиком вокруг входа в канал отверстия. Каналы отверстия, как правило, цилиндрические, редко – биконические и усеченно конические.

В 1960-х годах Р. Л. Розенфельдт выдвинул предположение, что диаметр внутреннего канала пряслиц зависит от времени их изготовления [Розенфельдт, 1964, № 4, с. 220–224]. В то же время на основе изучения белозерской коллекции пряслиц была установлена прямая зависимость между диаметром канала изделий и их основными размерами (максимальным диаметром и высотой). От размеров и, прежде всего, веса пряслиц зависела скорость и сила вращения веретен. Поэтому исследователи пришли к выводу, что диаметр внутреннего канала пряслица следует определять не хронологическими, а иными причинами, в частности необходимостью иметь пряслица разного веса для изготовления разных типов нитей (различной толщины и степени скрученности) [Захаров, 2004, с. 214].

У друцких пряслиц в коллекции ВОКМ можно отметить каналы большого диаметра (от 8 до 11 мм), как у крупных, так и у мелких и средних размеров изделий. Минимальный диаметр самих пряслиц – 12 мм; максимальный – 34 мм. Минимальная их высота 4–5 мм, максимальная – 19 мм. Преобладают в друцкой коллекции пряслица с диаметрами отверстия 7 и 8 мм (155 и 94 экз. соответственно из исследованных 479 экз.). У 41 пряслица диаметр варьирует от 9 до 12 мм. В собрании ВОКМ 15 пряслиц имеют внешний диаметр от 12,0 до 16,5 мм.

Обращает на себя внимание ряд пряслиц, на которых искусственно сделан скол-выбоинка на боковой поверхности изделия. Этот скол, вероятно, делали сами мастерицы для того, чтобы веретено с пряслицем на горизон-

тальной плоскости не скатывалось, а лежало на месте неподвижно. Интересным является тот факт, что, уплощающие боковую сторону сколы имеются и на пряслицах малого диаметра, которые в литературе часто относят к бусам [Мальм, 1971, с. 203–204]. Однако несомненно, что эти изделия, прежде всего, применяли в качестве пряслиц.

В коллекции имеется несколько десятков меченых пряслиц, а также орнаментированные изделия. Среди 424 пряслиц друцкой коллекции ВОКМ 24 пряслица имеют значки и метки; два орнаментированы. Одно большое трапециевидное пряслице по боковой поверхности орнаментировано крупным зигзагом. Богато орнаментированные пряслица имеются также в археологической коллекции Национального музея истории и культуры Беларуси и в собрании ТРИКМ. В качестве меток присутствуют значки в виде крестиков, различных линий, зарубок, круглых ямок (рис. 12.46). Необычно выглядит рисунок на пряслице, представленном в картотеке Л. В. Алексеева (рис. 12.46: *9*). По публикациям [Алексеев, 1966] известно пряслице с княжеским знаком (рис 12.46: *3*; см. рис. 2.1: *4*). Особое место в друцкой коллекции занимают два пряслица с надписями [Алексеев, 1966, с. 233, рис. 63: *2, 3*; 2006, кн. 2, с. 145]. На одном битрапециевидном пряслице имеется надпись «къняжинъ» (рис. 12.46: *4*), на другом – зонном – первоначально прочтенное Л. В. Алексеевым, как «НИКА» (рис. 12.46: *1*), а позднее интерпретированное как «ЛИЛА».

Пряслице с надписью «къняжинъ» (ВОКМ, КП № 17370) найдено в западной части детинца (городища) (Друцк, 1961, XIII, Щ/4, 3) в слое XII–XIII вв. Оно, скорее всего, является частью битрапециевидного изделия из розового сланца. Диаметр его нижнего основания – 20,0 мм, высота – около 5,5, диаметр отверстия – 7,5 мм. По боковой наклонной плоскости идет процарапанная надпись кириллицей из восьми букв, которая прочитывается как «къняжинъ». Первоначально Л. В. Алексеев полагал, что надпись указывает на принадлежность пряслица какой-то княжне. А. А. Медынцева в своих работах обратила внимание, что надпись «къняжинъ» (а не «княгинин») указывает на дарителя – князя. Л. В. Алексеев в своей последней монографии согласился с данной версией, отметив, что «тонкая уверенная рука князя, начертавшего надпись, указывает на его привычку иметь дело с письменными документами» [Алексеев, 2006, кн. 2, с. 145].

Второе пряслице с надписью (ВОКМ, КП № 13392) найдено при раскопках Л. В. Алексеевым друцкого детинца в 1957 г. между бревнами вымостки XIII в. (сведения о номере раскопа, квадрата, глубине отсутствуют). Изготовлено оно из розового сланца, форма – зонная, диаметр – 20,0 мм, высота – 10,5, диаметр отверстия – 7,0 мм. На боковой поверхности прочерчены искривленная продольная линия с короткими штришками по обе ее стороны и следом – четыре знака-буквы. Второй знак, бесспорно, представляет букву «Н» – древнерусское «И». Первый и третий знаки схожие – состоят из вертикальной линии и отходящей вправо от ее середины короткой косой линии. Как отмечал в своих ранних публикациях Л. В. Алексеев, «в целом надпись не слишком удалась древнерусскому грамотею, и ее смысл может быть понят лишь в том случае, если мысленно дополнить штрихи, которые

не вышли у пишущего. Он, вероятно, хотел начертить широко распространенное в Древней Руси греческое слово «ника», означавшее тогда победу христианства над язычеством» [Алексеев, 1959, № 2, с. 243–244]. Это пряслице так и вошло в литературу под названием «Ника» [Алексеев, 1966, с. 233, рис. 63: *3*]. В 1985 г. вышла статья А. А. Медынцевой [Медынцева, 1985, с. 227]. Из нее следует, что нет необходимости дописывать первую и третью буквы и надо читать данную надпись как «Лила» – женское имя в Болгарии. Алексеев с этими доводами согласился, и уже в последующих его публикациях надпись на пряслице трактуется в новой версии [Археалогія і нумізматыка Беларусі, 1993, с. 235; Алексеев, 2006, кн. 2, с. 145].

Сырьем для производства подавляющего большинства известных в Древней Руси пряслиц служил пирофилитовый сланец, добываемый на Овручском кряже. Там же были расположены центры по их производству. В настоящее время их выявлено около 15 [Томашевський, Павленко, Петраускас, 2003, с. 132; Павленко, 2001; 2004]. Кроме окрестностей Овручского кряжа, мастерские по производству сланцевых (шиферных) пряслиц были обнаружены в Киеве [Гупало, Ивакин, 1980, № 2, с. 213–215], Суздале [Седова, 1973, № 135, с. 44]. На территории Полоцкой земли также местное производство пряслиц из привозного шифера обнаружено на Менке [Штыхов, 1978, с. 113]. Что касается Друцка, то этот вопрос требует более углубленного изучения, хотя следует обратить внимание на ряд изделий, отличных от стандартных и грубо выполненных, а также находку необработанного куска шифера. Очевиден и тот факт, что такое большое количество пряслиц, выявленных в Друцке, свидетельствует о значительном месте занятия прядением среди домашних производств.

Вопрос о времени бытования шиферных пряслиц продолжает изучаться и уточняться. Существует две точки зрения на время появления индустрии сланцевых пряслиц. Одна относит его к X–XI вв. [Рыбаков, 1948, с. 194], другая – к VII–VIII вв., а то и к более раннему времени [Томашевський, Павленко, Петраускас, 2003, с. 134]. В городских слоях поселений Полоцкой земли и на других древнерусских памятниках сланцевые пряслица начали появляться с конца X в. – XI в. Наибольший пик их распространения в древнерусских землях приходится на XII в. – середину XIII в. Верхняя граница бытования этих изделий варьирует в зависимости от памятника. Так, в Витебске сланцевые пряслица использовали до XIV в., лишь единичные экземпляры просуществовали до середины XVII в. [Бубенько, 2004, с. 112]. Основное функциональное назначение шиферных пряслиц – грузило на веретено. В другой функции в качестве товаро-денег рассматривает пряслица В. Л. Янин [Янин, 1956]. Отдельные пряслица малых диаметров, как уже было отмечено, могли использовать не только в прядении (грузило на веретено), но и как привески, бусы, пуговицы [Мальм, 1971, с. 203–204].

Предметы христианского культа и украшения. ***Предметы христианского культа*** представлены пятью крестами-тельниками. Материалами для их изготовления служили песчаник (рис. 12.47: *2*), крапчатый камень (рис. 12.47: *4*), сланец (рис. 12.47: *5*). Кресты-тельники из крапчатого камня

равноконечные, четырехконечные с просверленным каналом отверстия на конце верхней лопасти получили в литературе [Археология СССР ... , 1997, с. 173] название «корсунчики» (рис. 12.47: *1, 3, 4*). Сланцевые «корсунчики» считают предметами импорта, а крестики-тельники из крапчатого камня рассматривают как местные изделия (фото 25: *1*). Подобные изделия широко распространены в городах Полоцкой земли и Древней Руси в целом.

Украшения из камня. В данную группу выделены изделия: из горного хрусталя – *бусины* (10 штук, из них две зонные и восемь шаровидных) (фото 33: *30*) и элипсовидная *вставка* (см. рис. 2.2: *9*); из сердолика – *бусины* (5 шт., из них четыре битрапециевидные, одна плитчатая четырнадцатигранная) (фото 33: *31, 32*); из сланца – маленькое *колечко* и фрагмент *перстня*.

Изделия из янтаря стоят несколько особняком от изделий из камня. В друцкой коллекции они немногочисленны: всего 15 кусочков янтаря, причем 14 из них были найдены в одном месте (Друцк, 1967, р. XI, шт. 6–7), одна бусина, и крестик (рис. 12.47: *6*). В описи находок раскопок Алексеева (Друцк, 1959, раскоп X, 180/96) значится фрагмент янтарного креста, а в его картотеке хранится учетная карточка с цветным рисунком янтарного крестика-тельника (полевой паспорт – Друцк, 1957, р. III, выброс). Крестик-тельник из янтаря равноконечный, простой с ровными концами (рис. 12.47: *6*). На территории Древней Руси крестики данного типа получили распространение в XII–XIII вв. [Зверуго, 1989, с. 137; Загорульский, 1982, табл. 22], в Новгороде они бытовали до XIV в.

Следует отметить, что в округе Друцка на городище Кисели также найдено изделие из янтаря больших размеров, напоминающее по форме приземистое битрапециевидное пряслице (см. рис. 1.3: *16*). В Оршанском Поднепровье на двух памятниках – Вежки и Никодимово – в слое третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. найдены янтарные бусы, по своему диаметру и ширине канала близкие изделию из Киселей [Археологическое наследие Беларуси, 2012, с. 49, 52]. Возможно, янтарь стал предметом импорта в зону Оршанского Поднепровья уже в племенную эпоху, и эта традиция сохранялась в древнерусское время.

Обращает на себя внимание тот факт, что в материалах раскопок Друцка присутствует необработанный кусок шифера (сланца), что может косвенно указывать на местное изготовление некоторых изделий из него.

12.8. Косторезное ремесло
(О. В. Медведева)

На территории детинца, Окольного города и неукрепленного посада Друцка при проведении археологических исследований найдено свыше 160 костяных предметов, их заготовок и полуфабрикатов, а также сырье со следами сечения, резания, пиления, инструменты его обработки, которые в совокупности свидетельствуют о наличии косторезного ремесла города в период с XI по XVII в. Большая коллекция костяных изделий, заготовок и полуфабрикатов хранится в ВОКМ [Шарковская, 2001, с. 67; 2012, с. 73, 83,

табл. 18], остальные предметы из кости находятся в НИМБ, ТРИКМ и фондах ИИ НАНБ.

Сырье является отправной, исходной точкой в любой производственной деятельности. При косторезном ремесле в Друцке сырьевыми материалами служили *кость и рог*: метоподии крупных домашних и диких животных, а также пястные, берцовые и фибульные кости мелкого рогатого домашнего скота, грифельные кости коня и лося, астрагалы и фаланги крупного и мелкого рогатого домашнего скота, а также лошади. Костей и рогов со следами различных видов обработки при археологических исследованиях здесь найдено более 20 экз.

Особенно ценными считали отростки и ствол рога лося, целиком состоящие из компакты и практически не дающие отходов, поэтому полностью применяемые в косторезном деле. Рог благородного оленя также имеет свои преимущества: у него более регулярная структура по сравнению с рогом лося, поэтому изделия из рога оленя лучше поддаются полировке. Из плотного рога производили основную массу косторезной продукции (хозяйственной, бытовой, оружие, предметы игр и др.).

В Друцке костное сырье подвергали таким видам обработки, как сечение, резание, пиление, сверление, шлифовка, полировка, обработка на токарном станке и др. Об этом свидетельствуют сырьевые материалы со следами обработки, сами изделия, а также их заготовки и полуфабрикаты.

Инструментарий, которым городские мастера обрабатывали кость, – универсальный. Это топоры, пилы, ножи, сверла, скобели, резцы, долота, напильники, циркули, шилья, а также токарные станки. Однако существовал и специализированный косторезный инструментарий своеобразной формы и небольших размеров с тщательно наточенными режущими частями.

Топоры применяли для рассечения сырья при подготовке заготовок и полуфабрикатов. Среди незавершенных изделий и производственных отходов, брака найдены куски костей и рогов с широкими, длинными срезами, свидетельствующими о работе топором. Именно такие топоры найдены в Друцке.

Широкое использование имела *пила,* которая была необходима при распиловке кости, а также существовали специальные пилки для пропиловки зубцов гребней. Следы их работы видны на готовых изделиях и на многих заготовках. В Друцке найден фрагмент полотна пилы-ножовки длиной 13 см (XII в.). [Алексеев, 1966, рис. 21: *3*]. Подобные специализированные лучковые пилы для обработки кости обнаружены также в Минске, Витебске, Новгороде, Старой Рязани и других местах [Мядзведзева, 2005а, вып. 9, с. 140].

Ножи обеспечивали выполнение разнообразных операций по изготовлению различных видов продукции. Имеются специальные косторезные ножи малых размеров с горбатой спинкой, узким и коротким лезвием. При раскопках в Друцке найдены такие ножи. Для получения точных, чистых отверстий применяли *сверла*. На многих костяных изделиях (гребни, рукояти и другие) есть круглые отверстия различных диаметров, которые сделаны именно сверлом. *Долота* использовали для получения углубле-

ний, пазов и выемок, их в Друцке найдено 3 экз. (XI–XIII вв.) [Мядзведзева, 2005а, вып. 9, с. 140].

В XI–XIII вв. для изготовления мелких вещей из кости использовали *токарные станки*. Об этом свидетельствуют наличие точеных изделий цилиндрической формы, а также так называемые бобышки – отходы токарного производства, которые были выявлены в Друцке. На станке изготавливали шахматы, шашки, наконечники стрел, цилиндрические рукояти и другие предметы.

Для окончательной обработки применяли *напильники*, которые были необходимы для гребней и разного рода изделий с узорными вырезками. Зубцы гребней после пропиливания обязательно обрабатывали напильником, чтобы снять следы пилы, вывести зазубрины, а также, чтобы их заточить и округлить. Следы работы напильниками видны как на незаконченных обработкой рукоятях ножей, пластинах, так и на накладках, гребнях и других изделиях. Напильник-рашпиль найден в Друцке [Алексеев, 1966, рис. 21: *5*].

Шилья также входили в инструментарий косторезов. Их использовали при нанесении тонких углубленных линий, удлиненной штриховки и других операций. В Друцке выявлены шилья XII в. [Алексеев, 1966, рис. 21: *2*].

На детинце Друцка Л. В. Алексеевым в одном из раскопов на небольшой площади были обнаружены изделия и заготовки из кости, а также здесь найдено много сырья (рога, кости) и отходов в виде спилов рогов, костей, стружек. По определению автора раскопок, все это свидетельствует о том, что на данном месте была мастерская косторезов, которую он отнес к XII–XIII вв. [Алексеев, 1966, с. 154; 1973, № 3, с. 19].

При проведении археологических раскопок в Друцке обнаружены костяные предметы, относящиеся к различным направлениям деятельности населения города: хозяйственной, бытовой, военной и культовой сферам, а также характеризующие занятия и игры.

Хозяйственные предметы из кости являлись самыми распространенными. Можно выделить орудия труда – проколки и кочедыки. В городе обнаружен *кочедык* (рис. 12.48: *2*) длиной 17 см и две *проколки* (рис. 12.48: *3*), которые использовали для различных хозяйственных нужд. Одна проколка, изготовленная из кости животного, имела сквозное отверстие сверху, наверное, для подвешивания, а вторая – была сделана из рыбьей кости. В 2013 г. в раскопе О. Н. Левко на городище было выявлено костяное орнаментированное пряслице (рис. 12.48: *5;* фото 26: *1*). Это довольно редкая находка.

Найдена одна *игла,* которую применяли для пошива одежды и обуви, а также обломанный *игольник* XII в. (рис. 12.48: *8*) длиной 9 см, диаметром 1,5 см для сохранения таких предметов.

В городе выявлены 22 костяные *рукояти для ножей* (фото 29: *5–7*), *ложек*, *шильев* (рис. 12.48: *7*) которые датированы XI–XVIII вв. Все рукояти цельные, большинство из них украшены циркульно-геометрическим орнаментом, в некоторых сохранились остатки лезвий ножей. Интересна рукоять ложки длиной 7 см и диаметром 1,2 × 2,0 см со сквозным продолговатым

отверстием размером 0,5 × 1,7 см. Найдены также две орнаментированные циркульно-геометрическим узором *накладки* от наборных рукоятей XI–XIII вв. (рис. 12.49: *1*) и одна неорнаментированная накладка со штифтом XVII в., а также три небольшие орнаментированные насадки-муфты для таких же рукоятей XI–XIII вв. (рис. 12.49: *2, 3*). Найдена и резная рукоять длиной 5 см, диаметром 1,0 × 1,5 см, которая датирована XVI–XVII вв. (рис. 12.49: *6*). Аналогии костяным рукоятям периода XI–XVII вв. очень широкие, потому что обнаружены они на многих памятниках Беларуси и зарубежья [Мядзведзева, 2012, вып. 27, с. 297–298, мал. 9, 10].

Найдены также два целых *ножа* с костяными рукоятями. Один из них с орнаментированной ручкой датирован XIII–XIV вв., второй столовый нож длиной 19 см с остатками наборной неорнаментированной костяной рукояти относится к XVII в. Подобные ножи с костяными ручками позднесредневекового периода известны в Полоцке, Минске, Витебске [Мядзведзева, 2012, вып. 27, с. 297, рис. 4: *2–5*].

Выявлены в Друцке и *пластинки-украшения* на ларцы, шкатулки, кожаные сумки или другие предметы, которые имеют циркульно-глазчатый и растительный орнамент и найдены в слоях XII–XVI в. (рис. 12.49: *4, 5*).

К группе технических приспособлений относятся детали различных орудий труда: юрок, порхлицы-подшипники, вертлюги.

Юрок использовали в горизонтальном ткацком станке при сучении нитей (рис. 12.48: *6*). Он имел вид цилиндрической полой трубочки с тремя отверстиями посередине. Размеры его следующие: высота – 5,2 см, диаметр – 1,6 см. По аналогиям юрок датирован XII–XIII вв. Подобные вещи найдены во многих местах, как на территории Беларуси, так и за ее пределами [Мядзведзева, 2013, с. 43, мал. 26: *4–7*].

Порхлицы – это опорные подшипники ручного жернова (мукомольного станка). В Друцке найдено шесть порхлиц-подшипников. Пять из них хранятся в ВОКМ [Шарковская, 2012, табл. 18] и одна выявлена О. Н. Левко в 2013 г. (рис. 12.48: *1*; фото 26: *2*). Изготовлены они из рогов лосей, благородных оленей и имеют вид прямоугольников, в верхней части которых изнутри находится коническое углубление, отполированное, наверное, осью. Размеры их следующие: высота – 5,5–6,0 см, длина – 6,0–6,5, ширина – 2,5–3,0 см. Выявлены такие предметы на территории Беларуси в Витебске, Браславе, Лукомле, Орше, Бресте, Турове, где по стратиграфии и аналогиям они датированы XII–XIII вв. [Мядзведзева, 2013, с. 41, мал. 22].

Одна техническая деталь, которая являлась, наверное, *вертлюгом,* (рис. 12.48: *4*) состоит из двух разъемных частей, которые вставлены одна в другую. Основной тонкий стержень высотой 4,3 см, диаметром 0,3 см снизу имеет небольшое сквозное отверстие, а сверху грибовидное завершение. В верхней части на него насажена пластинка длиной 5 см, шириной 1,2 см, толщиной 0,5 см с тремя сквозными отверстиями.

К бытовым изделиям относятся застежки на одежду и предметы туалета. В Друцке найдено пять пуговиц, относящихся к застежкам двух типов: кляпики и костыльково-стержневые пуговицы. Застежки изготавливали

из мелких костей и фаланг пальцев животных. Более ранние, архаичные, застежки использовали почти без обработки: в мелкой кости или фаланге делали отверстие, и предмет был готов для использования (рис. 12.49: *8*). Друцкие застежки этого типа имели длину 5,5–6,5 см. Имеются застежки в форме костыльковых шпеньков, двухчастных, с тонкой шейкой посередине для прикрепления к одежде (рис. 12.49: *9–11*). Одна из них обломана, однако на оставшейся части прослеживается орнамент в виде штрихов. Две другие (длиной 7 и 11 см соответственно) неорнаментированы. Аналогии им известны в Гродно, Полоцке, Минске и других местах [Мядзведзева, 2013, с. 45–46, мал. 27].

К *предметам туалета* относятся копоушка и двусторонние гребни. Копоушку (уховертку) использовали для чистки ушей и ногтей, поэтому она выполняла санитарно-гигиеническую функцию. Найдена копоушка целой, хорошей сохранности. Ее длина составляет 10 см, ширина средней части – 1 см (фото 28: *6*). Верхняя часть сделана в виде птичьего гребня с отверстием для подвешивания. Середина украшена резным крученым орнаментом в виде полосок, который окружен с обеих сторон валиками [Мядзведзева, 2013, с. 54, мал. 39: *1*]. Данная вещь является самой ранней из копоушек, выявленных на территории Беларуси, и датирована автором раскопок Л. В. Алексеевым концом X в. – XI в. [Аляксееў, 1973, № 3, с. 19].

Подобные копоушки известны среди находок из Минска, Новогрудка, Волковыска, Могилева, Турова, Пинска, а также за пределами Беларуси [Мядзведзева, 2007, вып. 23, с. 144–151].

К предметам туалета принадлежат 23 двусторонних гребня, которые применяли для расчесывания волос, а также для скалывания и украшения прически. Изготавливали их, обычно, из рога лося или благородного оленя. Гребни нарезали большими и мелкими зубцами с обеих сторон. Подразделяются гребни на два типа: цельные и наборные. Цельные сделаны из одной пластины (фото 28: *5*), а наборные – из нескольких пластин, соединенных узкими накладками, закрепленными металлическими гвоздиками или костяными штифтами (фото 28: *1–4*).

Найденные в Друцке цельные гребни почти все трапециевидной формы без орнамента (фото 28: *5*), только некоторые из них украшены глазчато-циркульным и линейным орнаментом. Параметры этих предметов следующие: высота – 6,5–8,0 см, ширина в средней части – 4,5–6,0, толщина – 0,3–0,8 см. Датируют данные гребни, как правило, в пределах второй половины XI в. – конца XIV в.

Наборные гребни подразделяют на два подтипа: с прямоугольными краями и с выпуклыми сторонами. Почти все изделия неорнаментированные, только два из них украшены на концевых частях орнаментом из маленьких сквозных отверстий (фото 28: *2*). Размеры гребней: длина – 5–11 см, высота – 5–7, толщина вместе с накладками – 0,5–1,5 см. Бытовали наборные гребни в XII–XIV вв.

Двусторонние цельные и наборные гребни являются одними из самых распространенных предметов из кости на средневековых памятниках, по-

этому многие аналогии им имеются как на территории Беларуси, так и за ее пределами [Мядзведзева, 2013, с. 51–53, мал. 35–38].

К предметам военного назначения относятся детали снаряжения всадника и предметы вооружения. Первая группа представлена пластинами-обкладками колчанов и налучий (футляров луков), а также накладками луков и петлей для подвешивания колчана.

Пластины-обкладки применяли для укрепления и аппликации колчанов и налучий, они всегда были сложно орнаментированными. Две пластины из Друцка, найденные во фрагментах, богато украшены и относятся к предметам прикладного искусства [Алексеев, 1962, № 4, с. 207–209, рис. 6: *2–4*]. Одна из них толщиной 1,5–2,0 мм обломана с трех сторон (изначально имела форму трапеции, судя по правому краю, который сохранился). Поверхность украшена сложным циркульно-геометрическим орнаментом: небольшие двойные концентрические окружности с точками, разделенные переплетением волнистых линий с розетками внутри и треугольниками (фото 29: *1*).

Еще одна пластина диаметром 6,2 см датирована автором раскопок XIII в. [Алексеев, 1962, № 4, с. 209, рис. 6: *3*]. Пластинка тонкая, по краю украшена зубчиками в виде треугольников. В центре пластинки имеется пять больших сквозных отверстий, расположенных симметричным крестом, центральное отверстие окружено глазчатым орнаментом из девяти маленьких кружков с точкой внутри. На предмете есть три маленьких отверстия для закрепления (фото 29: *4*).

Несколько других пластин укрепляли и украшали колчаны и налучья, они в основном имеют циркульно-глазчатый орнамент. Подобные пластины найдены в разных городах, где датированы XII–XIII вв. и указывают на контакты с кочевниками [Мядзведзева, 2012, вып. 27, с. 298, мал. 19].

Отдельный вид составляют *накладки* на сложные и составные луки, которые крепили к их деревянной основе (рис. 12.50: *4–7*). Служили они для увеличения упругости и убойной силы лука. Костяными накладками укрепляли как среднюю, так и концевые его части. Пластинки отличаются размерами и формой, в зависимости от того, какую часть лука они укрепляли. Применяли такие накладки, как правило, в XII–XIII вв. Срединные накладки, которые увеличивали упругость лука в его средней, основной части, представляют тонкие, изогнутые пластинки, которые служили для укрепления деревянной части лука и для более удобного пользования им. Обычно, внешняя сторона у них выпуклая и отшлифована, а внутренняя – вогнута и покрыта бороздками для лучшего закрепления с деревянной частью лука. В Друцке найден фрагмент концевой накладки на рукоять лука с вырезом для тетивы (рис. 12.50: *9*). Длина его составляет 5,2 см, ширина – 0,8–2,3 см.

От *петли колчана* найдена только половинка с двумя сквозными отверстиями (круглым и полуовальным), через которые протягивали ремешок для подвешивания колчана.

К предметам вооружения относятся кистень и наконечники стрел. Датирован кистень по аналогиям XII–XIII вв. [Мядзведзева, 2013, с. 63,

мал. 45: *2*]. Такие кистени известны и на других территориях [Мядзведзева, 2012, вып. 27, с. 299, мал. 22: *1, 2*].

В средневековье встречались *наконечники стрел,* изготовленные из кости, которые использовали как в качестве боевых, так и применяли для охоты на пушного зверя. В Друцке найдено 13 экз. таких наконечников, все они относятся к типу черешковых, в сечении – трехгранные (рис. 12.50: *1–3*; фото 26: *3–5*). Сохранившаяся высота их составляет от 4 до 8 см. На территории Беларуси и на соседних с ней территориях такие предметы широко распространены и бытовали в период XI–XIII вв. [Мядзведзева, 2010, с. 94, мал. 5: *1–5*]. При заготовке пушнины использовали именно костяные наконечники, потому что они не портили мех.

К культовым предметам относятся предметы языческого и христианского культов. К предметам язычества принадлежат подвески-амулеты, роговые молотки и топорик. Найдены две подвески: одна из них сделана из клыка, вторая – из концевой фаланги медведя. Сверху у них просверлены небольшие сквозные отверстия для подвешивания. *Подвески-амулеты* принадлежали к защитной магии и служили их владельцам в качестве оберегов от различных несчастий, злых духов, чар и болезней.

Найденные молотки и топорик относятся к ритуальным предметам, которые использовали для проведения языческих церемониальных обрядов.

Молотков при раскопках Друцка обнаружено 2 экз. Изготовлены они были из рогов лосей и представляют собой полуовальные вытянутые предметы с большим сквозным отверстием посередине для насадки, возможно, на деревянную основу. Размеры одного из них следующие: длина – 15,5 см, ширина торцовых сторон – по 2,0, ширина средней части – 4,0, высота – от 4,5–6,0, диаметр отверстия – 2,0 × 2,5 см.

Топор считали символом славянского бога Перуна. Древним жителям представлялось, что эта вещь обладает большой защитной силой, поэтому за ней закрепились устойчивые мифологические ассоциации, связанные с защитой от нечистой силы, а также с обеспечением урожая и здоровья. Топорик из Друцка, судя по внешнему виду, использовали в церемониальных, ритуальных обрядах. Он имеет прямой высокий закругленный обушок и изогнутое лезвие. Длина его составляет 19,0 см, ширина сверху около обушка – 4,0, снизу около лезвия – 10,5 см. Подобные роговые топорики найдены в разных городах на территории Беларуси [Мядзведзева, 2013, с. 71–72, мал. 52–53].

К христианскому культу относятся два роговых пасхальных яйца (фото 28: *7*). Они были выточены на токарном станке из лопаты рога лося. Яйца гладкие, ровные, овальной формы, с тупым и острым концами, неорнаментированные. Бытовали костяные яйца в XI–XII вв. и известны они по археологическим материалам Полоцка, Мстиславля и других мест [Медведева, 2011, с. 159].

К предметам для игр и развлечений относятся шахматы, шашки, астрагал-жужелица, конек. *Шахматы* принадлежат к интеллектуальным

играм, и в Друцке их найдено 5 экз. Все шахматы относятся к абстрактному типу, который разделяется на два подтипа: фигуры восточного арабского образца (XI–XIII вв.) и фигуры нового образца (XIII–XIV вв.). Из шахмат арабского образца обнаружены слон и две пешки. Фигурка слона найдена на детинце при зачистке древнего колодца и датирована автором раскопок Л. В. Алексеевым XII–XIII вв. (фото 27: *2*) [Алексеев, 1966, с. 234, рис. 68: *10*]. Слон имеет форму небольшого усеченного конуса с двумя верхними боковыми выступами в виде вертикальных округлых параллельных палочек, которые имитировали рудименты бивней. Высота фигуры – 3,2 см, диаметр основания – 1,9 см. По словам исследователя средневековых шахмат И. М. Линдера: «...по своей форме слон настолько характерен для арабского шахматного набора раннего средневековья, что может быть отнесен к XI–XII вв.» [Линдер, 1975, с. 79]. Аналогичные фигурки слонов известны в Турове и Слуцке, а также за пределами Беларуси [Мядзведзева, 2005б, с. 26–27, мал. 5: *2, 3*].

В Друцке найдены также две шахматные пешки [Алексеев, 1966, рис. 68: *11, 12*]. Шахматы имеют отличную сохранность. Одна из них высотой 3 см и диаметром основания 1,9 см имеет вид усеченного конуса с закругленным верхом. Пешка найдена вместе с вышеописанным слоном в ремесленной части княжеского детинца XII–XIII вв., поэтому можно утверждать, что обе фигуры местного происхождения. Вторая пешка меньших размеров: высота ее составляет 1,8 см, диаметр основания – 1,5 см, – найдена вместе с фрагментом ферзя в культурном слое XIII в. городища (фото 27: *1*). Фигурка имеет вид цилиндра со слегка вогнутыми сторонами и полусферическим верхом.

Обе вышеописанные пешки – типично восточного образца и имеют аналогии в арабских шахматных наборах VI–IX вв. [Линдер, 1975, с. 16].

Из фигур нового образца на Друцком детинце выявлен ферзь абстрактного типа, который датирован по аналогиям XIII в. – первой половиной XIV в. (фото 27: *4*) [Алексеев, 1966, рис. 68: *9*]. Находка хорошей сохранности, целая, высотой 3,3 см, диаметр ее основания – 1,9 см. Состоит из основы, двух чаш-ярусов и каркасного завершения с кольцом, основа и ярусы украшены линейным орнаментом в виде прямых параллельных линий.

Исследователь шахмат И. М. Линдер интерпретировал ее как короля и хорошо описал: «Друцкая фигурка костяная, “вольящетая”, как выразился бы былинный певец, т. е. резная, точеная... Над основанием следуют два цилиндрических яруса чашевидной формы и конусообразный остов. Заканчивается фигурка кольцевидным перехватом и верхним “ярусом”, в центре которого коническое углубление (куда, возможно, вставлялось что-то на клею)» [Линдер, 1975, с. 119, 120, рис. 1, *а*]. Однако, судя по размерам и конфигурации, это ферзь.

При раскопках древнего детинца найдена также фрагментированная шахматная фигурка. Как считает автор раскопок Л. В. Алексеев, это фрагмент ферзя [Алексеев, 1966, рис. 68: *13*], чему соответствует и величина фи-

гуры, которая составляет около 3 см. Фрагмент шахматы представляет собой круг с большим отверстием внутри и полукруглым овалом с одной стороны. Датирована фигурка по стратиграфическому слою XIII в. Аналогии данным шахматным фигуркам встречены при археологических раскопках на территории Беларуси и на соседних землях [Мядзведзева, 2013, с. 75–84, мал. 56–58].

Вторым видом интеллектуальной игры являются *шашки*. В Друцке найдена целая шашка. Она относится к типу гладких шашек, изготовлена из рога лося и имеет хорошую сохранность (фото 27: *3*). Обе поверхности гладкие, хорошо заполированные, возможно, от длительного использования. Диаметр предмета – 3 см, высота – 0,5 см. По стратиграфическому слою и аналогиям датирована шашка XII–XIII вв. [Мядзведзева, 2013, с. 85–88, мал. 59–60].

К предметам для развлечения детей относятся жужелицы (4 экз.) и конек. Одна *жужелица* изготовлена из астрагала неправильной треугольной формы со сквозным отверстием в нижней части (рис. 12.49: *7*). Высота ее – 3,5 см, длина – 4,0, толщина – 1,5 см. На обеих сторонах имеются изображения в виде креста с птичьими лапками на концах. Возможно, это магические знаки, хотя не исключено, что таким образом предмет орнаментировали, украшали. Найдена жужелица в пласте XII в. Такие предметы известны и в других местах Беларуси [Мядзведзева, 2013, с. 89–90, мал. 61–62].

О развлечениях детей свидетельствуют *коньки* для катания по льду. В Друцке найден один такой конек. Сделан он из трубчатой кости крупного рогатого скота или лошади. Нижняя сторона его зашлифована, поэтому имеет вид правильной площадки. Один из эпифизов зачесан, в результате чего образовался изгиб нижней площадки, что придало предмету форму настоящего конька. Данные изделия на территории Беларуси находят в слоях IX–XVIII в. [Мядзведзева, 2013, с. 92–93, мал. 64].

Кроме приведенных выше и описанных вещей найдена группа костяных предметов целых или фрагментированных (36 экз.), назначение которых, на данный момент, определить не удалось [Шарковская, 2012, табл. 18].

Надо отметить, что на некоторых памятниках, находящихся в округе Друцка, также найдены костяные изделия. Так, предметы из кости обнаружены на городище около д. Кисели и в курганном могильнике возле д. Дроздово Толочинского района Витебской области.

На городище около д. Кисели выявлено пять костяных предметов, имеющих разное назначение: два гарпуна, рукоять ножа, клык-амулет и обработанная кость. Все они относятся к железному веку, что предполагает зарождение обработки кости на данной территории еще в этот период.

В курганном могильнике периода раннего средневековья (X–XI вв.) возле д. Дроздово в кургане № 2 в женском погребении среди прочих вещей найден целый миниатюрный железный нож с костяной рукоятью. Рукоять около торцовой части украшена циркульно-линейным орнаментом.

Подводя итоги, можно отметить, что в Друцке в средневековье несомненно имело место косторезное ремесло, причем достаточно высокого уровня. Подтверждением этому служат как многочисленные изделия из кости, так и их заготовки, полуфабрикаты, сырье для их изготовления, инструменты для обработки кости, а также возможное присутствие на детинце косторезной мастерской. Среди костяных предметов встречаются вещи высокохудожественные, относящиеся к изделиям декоративно-прикладного искусства и изготовленные профессиональными мастерами: копоушка, накладки на ларцы и шкатулки, пластины для колчанов и налучий. Массовый выпуск некоторых групп изделий (рукояти, накладки, гребни) удовлетворял потребность не только городских жителей, но, наверное, обеспечивал и население ближайшей округи в хозяйственных и бытовых вещах.

13. ВОДНЫЕ ПУТИ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ТОРГОВЛЯ В IX–XVIII вв.

13.1. Друть, ее притоки и волоки в хозяйственной жизни региона
(О. Н. Левко, А. Б. Довнар, Э. А. Ляшкевич)

Формирование речных путей, их использование и значение для развития Друцка. Реки в средневековье являлись главными торговыми и военными коммуникациями, так как сухопутные дороги были слабо развиты и имели преимущественно локальный характер, связывая город с ближайшей округой. Такие дороги в военных походах обычно использовала конница, в то время как пешее войско двигалось на ладьях по рекам. Плыли по ним и купеческие караваны, поскольку речные суда были значительно грузоподъемнее, чем гужевой или вьючный транспорт. Для территории Беларуси с ее лесными и болотистыми массивами реки как транспортные артерии имели большое значение, особенно те из них, которые соединяли посредством удобных волоков разные речные бассейны, обеспечивая оптимальный путь к другим городам и землям. Река Друть (правый приток Днепра), сближаясь своими верховьями с левобережными притоками р. Западная Двина, была очень выгодным средством передвижения (рис. 13.1). Об этом свидетельствует концентрация ранних курганов в окрестностях Друцка, по берегам Друти и ее притоков, а также вокруг волоков [Левко, 1988, с. 78–80]. Именно на р. Друть произошло сражение между войском новгородского князя Владимира и войском воевод киевского князя Ярополка, когда, взяв Полоцк и убив Рогволода, он направился в Киев коротким путем [Татищев, 1962, т. 1, с. 112].

Действительно, самый короткий и удобный в то время путь из Полоцка к Киеву шел по рекам Западная Двина–Улла–Усвейка–Малиновка–Друть–Днепр. С переходом в состав Полоцкой земли в 1021 г. Витебской и Усвятской волостей образовался выход и на северный отрезок магистрального

водного пути «из варяг в греки» через р. Кривую (левый приток р. Друть). Она была близко расположена к верховьям р. Оболянка, притока р. Лучеса, впадающей в р. Западная Двина у Витебска. С другой стороны, эта связь дала возможность выхода в р. Днепр уже не только Полоцку, но и Витебску. Именно расположение Друцка у разветвления водного пути на полоцкое и витебское направления, позволило ему вскоре после 1021 г. перерасти в город, замкнувший на себе контроль и обеспечение более надежной защиты важного для Полоцкой земли отрезка речного пути.

На протяжении всего раннего средневековья р. Друть была наиболее удобным путем к р. Днепр для подвинских территорий. Верховья р. Друть с помощью волоков образовывали активно использовавшийся в X–XI вв. военно-торговый коммуникационный узел (см. рис. 1.10). На полоцком направлении зафиксированы денежно-вещевой клад у д. Поречье на р. Малиновка и денежный клад у д. Прусеничи в верховьях р. Усвейка. Два денежно-вещевых клада выявлены у д. Стражевичи на р. Лукомка (приток р. Усвейка). К витебскому направлению относятся клад, найденный в Сенненском районе, а также денарии и саманидские дирхемы из курганов у д. Багриново [Заяц, 2001, с. 21; Сергеева, 1972, вып. 129, с. 61]. Кроме кладов и отдельных монет **X–XI вв. в зоне Друцких волоков выявлены предметы, связанные** с осуществлением торговых операций. Это наборы, состоявшие из чашечек весов и гирек-разновесов, обнаруженные в курганном могильнике Дроздово и на территории самого Друцка, товарные пломбы из его культурного слоя [Левко, 2004, рис. 50: *5–11*; Алексеев, 1966, рис. 18: *1–3, 5–7*].

Владея верховьями и большей частью долины р. Друть, Друцк все же не господствовал над всем ее течением. Низовья реки в XII в. контролировал г. Рогачев, входивший во владения киевских и черниговских князей. Однако этот отрезок водного пути сохранял для Друцка приоритетное значение в его экономических связях.

Торгово-экономические пути, сложившиеся в округе Друцка в период раннего средневековья, в определенной мере были востребованы и в более позднее время. В июле 1765 г. было проведено описание торговых путей Полоцкого воеводства и Оршанского повета. Согласно ему таможня в Оршанском повете была расположена в Могилеве, таможенные пункты находились в Чаусах, Борисове, Белыничах, Быхове, местечке Ляды. Кроме того, таможенная стража была расположена в Погосте и Пропойске (современный Славгород). Таможня также находилась в Толочине и с нее было запланировано увеличить доходы. Толочин был расположен на торговом тракте, ведущем в Минск. Этот тракт проходил от Могилева через Головчин, Кривлин (Круглое ?), Дроздов, Друцк, Толочин, Бобр, местечко Кробки (Крупки ?), Начу и Борисов. Причем в Дроздове тракт был поделен на две дороги: одна шла напрямик на Друцк, а другая через Круглое, Шупени до Друцка, где на р. Друть находилась мельница и мост длиной 19,5 м (4 прента), за проезд по которому брали плату («мыто») от лошади по 2 копейки. В это время была открыта и новая дорога: ответвление у Бобра до Веселова и далее на Зембин–Минск от тракта Могилев–Борисов, и на Долгиново–Вильно

[Белоруссия в эпоху феодализма ... , 1960, т. 2, с. 351–352]. Удобное расположение тракта и его ответвлений обеспечивало их оживленность и широкое использование как своими, так и иностранными, в основном русскими, купцами. Это содействовало развитию населенных пунктов, находящихся у тракта, особенно городов и местечек, в том числе Друцка и Толочина.

15 марта 1781 г. государственные ревизоры провели люстрацию дорог Толочина. Подобные проверки проводили с целью выяснения наличия инженерных коммуникаций по дорогам для взимания дорожного (мостового) «мыта». Было установлено (рис. 13.2), что дорожные коммуникации в Толочине имелись, и в связи с этим было составлено их описание, согласно которому в городе Толочине «на большом тракте с Могилева, Орши, Шклова» «за кордоном» на реке Толошчанке (современный ручей Щань) находился 39-метровый мост на опорах в виде свай из опиленных бревен. Подъезды к данному мосту были оборудованы насыпями (греблями) длиной в 9,6 м. Далее из-за заболоченной местности дорога была оборудована насыпью длиной в 258,2 м с водоотводящими канавами, затем через реку (ручей) был сделан 19-метровый мост, далее шла 292,2-метровая насыпь. Улица от рынка до «кордона» также была оборудована насыпью длиной в 202,1 м. Вышеописаные мосты и насыпи имели ширину 7,14 м. За пределами «кордона» был построен мост через пруд («став») на р. Друть длиной в 136,36 м на 23 срубах («избицах») шириной 6,8 м, имевший высоту 4,38 м (2,43 м над водой и 1,95 м под водой). От моста тянулась насыпь длиной 312,78 м. Кроме того, на отрезке тракта от Друцка до Толочина на р. Рогачевка также был построен мост, так как ни летом, ни зимой через нее невозможно было проехать. Мост стоял на опорах и имел длину 21,9 м, ширину 4,87 м при высоте 2,92 м. Для подъезда к этому мосту с обеих сторон была сооружена насыпь, перед мостом ее длина составляла 24,35 м, а за мостом – 73 м. Из-за заболоченности местности данная насыпь имела большую, чем обычно ширину – 9,74 м. Все мосты были выполнены из опиленных бревен, что улучшало комфортность проезда по ним [LVIA, SA, sign. 3939; f. 11, op. 1, sign. 1220, l. 445–445 v., 450]. Данная ревизия свидетельствует о том, что в Толочине дороги и дорожные коммуникации были в хорошем состоянии и соответствовали техническим требованиям того времени (фото 16).

Значение Толочина еще более возросло после первого раздела Речи Посполитой, в результате которого большая часть Оршанского повета была присоединена к Российской империи, а Толочин пересекла граница двух государств. Известно, что 2 марта 1776 г. в соответствии с Постановлением (Ухвалой) Скарбовой комиссии ВКЛ об определении таможенных (мытных) округов (репартиций) ВКЛ были определены четыре таможенных округа: Литовский, Жмудский, Белорусский и Русский. Граница Белорусской репартиции проходила через Толочин «от Курляндского угла, который заканчивается в Друе, через Полоцк, Бешенковичи, Толочин, Задрую, аж до Лоева, до угла, где Москва граничит с Короной» [LVIA, f. 11, op. 1, sign. 114, l. 134].

В Толочине были размещены приграничные таможни: ВКЛ и Российской империи. Российская томожня в Толочине была основана по царскому

указу от 9 февраля 1783 г. [Памяць. Талачынскі раён ... , 1988, с. 31]. От таможни ВКЛ в Толочине (Заречье) шли два тракта: один через Минск до Гданьска и Франкфурта, второй через Вильно до Кролевца (Кенигсберга) [LVIA, SA, sign. 3697; f. 11, op. 1, sign. 996, l. 467 v.]. Толочинская таможня ВКЛ считалась центральной в регионе, ее филиалами являлись Белыничский и Задруйский прикоморки [LVIA, SA, nr. 3593; f. 11, op. 1, sign. 898, l. 2, 4 (1793 г.)]. В государственных инстанциях и Скарбовой комиссии стал рассматриваться вопрос об использовании р. Друть в качестве транспортной артерии. Было отмечено, что р. Друть, которая ранее «не была портовой», после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. стали использовать для сплава леса. В д. Чичевичи Оршанского повета, принадлежавшей оршанскому хорунжему Шемету, в пределах стражи Толочинской таможни были размещены склады мачтового леса. От этой деревни лес сплавляли до р. Днепр, а затем через Шклов до Витебска. Зимой лес с р. Днепр по льду перетягивали до р. Лучеса, впадающей в Двину, и далее доставляли в Ригу [LVIA, SA, sign. 3697; f. 11, op. 1, sign. 996, l. 168 v.].

Рыболовство. В продовольственной экономике раннесредневекового Друцка и его округи среди присваивающих промыслов свое значение сохраняло рыболовство. Оно определялось, в первую очередь, местными природными условиями. Друть, в настоящее время являющаяся относительно неширокой рекой (10–15 м) с заросшим руслом и заболоченной поймой, в древности была источником постоянных рыбных запасов, о чем свидетельствует вещевой и археоихтиологический материал как ранних памятников из окрестностей (городище Кисели), так и самого Друцка. Рыболовство осуществляли с помощью комплекса рыболовных орудий, своеобразие которого заключается в преобладании металлических предметов – острог, крючков и блесен (15 экз.).

Остроги в средневековье были составные, т. е. представляли собой набор железных наконечников, закрепленных в древке. Серия из восьми однотипных наконечников (без шипов) была найдена в насыпи кургана № 1 друцкого могильника IV (см. рис. 5.4: *12, 13*), еще один – на детинце. Это изделия с насадом, оформленным в виде ассиметричного треугольника либо выступающей пятки. Длина наконечников от 8,0 до 13,5 см и более, зубца – более 4,5 см. Крепились они, скорее всего, непосредственно в расщепе древка, и могли составлять, таким образом, различные варианты острог – трех-, четырех- и даже восьмизубцовые (веерного типа). Ранее считалось, что такие наконечники бытовали только на территории Черной Руси (Новогрудок, Волковыск) [Чернецов, 1985, с. 227], однако друцкие находки вместе с изделиями из Вищина, Борисова, Логойска, Минска, Клецка и других городов позволяют сдвинуть их ареал восточнее [Штыхаў, 2000, т. 3, мал. 51: *7;* Штыхаў, 2011, вып. 21, мал. 4: *5,* 8*: 6;* Загорульский, 1982, табл. XL: *3–5;* 2004, рис. 50: *3, 6;* Пазднякоў, 2008, мал. 58: *1*]. Хронология большинства из этих орудий рыбной ловли, как и в Друцке, укладывается в рамки XII–XIII вв. Кроме того, на детинце найдены два длинных (до 14,5 см) прямых зубца, которые могли входить в остроги других конструкций.

Жители Друцка в рыболовной практике использовали также *крючки*. Два железных изделия длиной до 8,0 см с внутренней шириной обушка до 3,7 см были предназначены для ловли крупных хищных рыб, скорее всего, сома. Привязывали крючки за петлю, жало их заканчивалось бородкой. О важности рыболовства в жизни обитателей друцкой округи говорит крючок, включенный в состав погребального инвентаря. Изделие было обнаружено О. Н. Левко в кургане № 13 могильника II у д. Дроздово в кострище над костяком вместе с кресалом, медорезкой и неопределимым железным предметом. В отличие от широко распространенных в древнерусское время железных крючков этого типа (без бородки), он сделан из бронзы и украшен сетчатым орнаментом (см. рис. 1.17: *29*). Применение его, ввиду величины 3,8 × 1,1 см, было универсальным, т. е. для рыб различных видов и размеров. К крючковым снастям относится также *блесна* из белого металла с впаянным крючком, обнаруженная в Друцке. Она считается зимним орудием, предназначенным для добычи хищных рыб – судака и окуня.

Сетевой промысел проиллюстрирован лишь находкой глиняного шаровидного грузила, найденного на Окольном городе. Можно предположить и употребление плетеных ловушек, удобных для средних и небольших рек, однако их остатки археологически не зафиксированы.

Встречающиеся при раскопках кости рыб свидетельствуют об их относительно богатом ассортименте. Так, помимо обычных в гастрономическом отношении щуки, леща, карася и плотвы, жители друцкого детинца в XII–XIII вв. употребляли деликатесные виды, например, угря, судака, сома, осетровых[1], в том числе севрюгу [Соколов, 1969, т. 9, вып. 4 (57), с. 588]. Некоторые из них, видимо, были привезены издалека в уже обработанном виде. Размеры всех перечисленных рыб свидетельствуют о наличии средних и крупных особей.

Лов рыбы могли осуществлять круглогодично, наиболее распространенным, похоже, было битье рыбы острогами во время нереста. Крупные крючки свидетельствуют, что русло р. Друть в средневековье было более полноводным, либо что лов проводили на нижних участках реки.

Часть найденного инвентаря – крючки, блесна, три наконечника острог – принадлежала обитателям детинца. На Окольном городе было найдено лишь сетевое грузило. Остальные предметы (наконечники острог) происходили из насыпи массового захоронения, поэтому их контекст не ясен. Они могли быть вовлеченными в ритуальные действия погребального обряда [Ляшкевич, 2011, вып. 21], либо случайно попасть из культурного слоя близлежащего селища. Весь описанный инвентарь относится к индивидуальным средствам лова, среди которых главную роль играли колющие орудия. Рыболовством могли заниматься как рядовые жители детинца, так и представители более высокого сословия, сочетая его с другими азартными занятиями, например, охотой.

[1] В 2013 г. в пластах 3–5 раскопа VIII была собрана коллекция из 63 костей и небольшого количества чешуи рыб.

13.2. Бусы с территории Друцких волоков как маркер торгово-культурных контактов *(А. В. Костюкевич)*

Бусы являются одной из самых информативных категорий массового импорта. Благодаря их многообразию и преобладанию определенной формы в тот или иной отрезок времени, бусины с успехом можно рассматривать как важный датирующий материал. Кроме этого, бусинный материал существенно помогает в определении экономических и культурных связей исследуемого региона.

Бусины встречаются как в городах, так и в сельских курганах, что лишний раз подтверждает важную роль деревни в экономической жизни Древней Руси. Судя по тому, что раскопки курганных могильников дали намного большее количество бусин, нежели раскопки городов, можно предположить, что это было излюбленное украшение деревенских женщин, точно так же, как и стеклянные браслеты – городских.

Торгово-культурные контакты прослежены по бусинному материалу, происходящему из древних сельских некрополей X–XII вв., расположенных в пределах Друцких волоков у деревень Дроздово, Багриново, Новинка и Взносное. Эта территория находится в междуречье Днепра и Западной Двины. Судя по всему, по этой территории в домоногльский период проходило одно из ответвлений торгового пути, который соединял северо-восточные земли с южными. В силу своего расположения эти поселения представляют особый интерес. В курганных могильниках, находящихся вблизи этих поселений, за предшествующие четыре десятилетия было выявлено множество бусин различных типов, несомненно, имеющих импортное происхождение. В подавляющем большинстве эти украшения изготовлены из стекла; встречаются также каменные изделия, процент которых невелик, а также единичные экземпляры из металла и фаянса. Общее количество выявленных в фондах музеев бусин из курганов, расположенных на территории Друцких волоков, составляет 1074 экземпляра.

Дроздово. Наибольшее количество бусин было обнаружено в курганных могильниках I, II, расположенных д. Дроздово Толочинского района Витебской области. Могильник II состоял из двух групп. В 1961 г. могильник I обследовал Л. В. Алексеев, а в 1971 г. З. М. Сергеевой в нем было раскопано пять курганов. В 1987 г. О. Н. Левко была изучена одна из групп курганного могильника II, расположенная в лесу и насчитывающая 13 насыпей.

Погребальный обряд Дроздовского могильника включает как кремацию, так и ингумацию. Захоронения произведены на горизонте или на невысокой (0,1 м) подсыпке в насыпи кургана. Все трупоположения ориентированы головой на запад. Судя по стратиграфии, обряд кремации производили на месте, кости не помещали в урну, а собирали в центре кургана или на краю насыпи. Интерес представляет курган № 4, который не содержит захоронений. По стратиграфии можно заключить, что первоначально он представлял собой три кольцевые насыпи с углублением в центре, покры-

тые единой насыпью. В разрезе прослежены 6-8 тонких прерывающихся зольно-угольных прослоек. В северо-западном секторе кургана найдены бронзовое колечко и фрагмент серпа (прил. 1, Левко, д. № 1047, с. 4). Вероятнее всего, этот курган был неким сакральным местом, связанным с культом умерших. О его ритуальном назначении говорят особенная форма сооружения насыпи, отсутствие захоронения и остатки кострищ. Находка фрагментированного серпа в насыпи также может свидетельствовать в пользу данного утверждения, так как серп является одним из главных предметов в магических практиках, связанных с культом убывающей Луны и смерти.

Курганные могильники у д. Дроздово содержали богатый бусинный материал (табл. 13.1). Так, согласно отчетам З. М. Сергеевой и О. Н. Левко, в ходе исследований было обнаружено 715,5 бусин, изготовленных из стекла, камня и фаянса. Бусины из раскопок З. М. Сергеевой находятся в фондах ВОКМ (КП № 16992/2-42); бусинный материал, выявленный О. Н. Левко, в настоящее время хранится в ТРИКМ (КП № 838, КП № 841–853).

Таблица 13.1. **Бусины из курганных могильников у деревни Дроздово Толочинского района Витебской области**

Цвет и тип	Количество	Процент
Стеклянные		
Бисер		
Желтый дисковидный	185	25,86
Желтый цилиндрический	197	27,54
Голубой дисковидный	29	4,05
Голубой цилиндрический	23	3,22
Бирюзовый цилиндрический	1	0,14
Итого:	435	60,81
Конические сплюснутые		
Бирюзовые, изготовленные в технике навивки	66	9,23
Бирюзовые	31	4,33
Фиолетовые	20	2,80
Синие	3	0,42
Итого:	120	16,78
Лимонки-пронизки		
Синие	33	4,62
Желтые	3	0,42
Зеленые	1	0,14
Полосатые	1	0,14
Итого:	38	5,32
Дисковидные		
Фиолетовые	9	1,25
Зеленые	2	0,28

Продолжение табл. 13.1

Цвет и тип	Количество	Процент
Бирюзовые	3	0,42
Желтые	7	0,98
Итого:	21	2,93
Трубчатые		
Синие, изготовленные в технике навивки	5	0,69
Итого:	5	0,69
Цилиндрические		
Синяя, крупная, цилиндрическая, со скругленными основаниями	1	0,14
Зеленая, из глухого стекла, цилиндрическая, скошенная	1	0,14
Крупная, цилиндрическая, со скругленными основаниями и росписью в виде широкой зеленой нити и перекрещивающихся линий	1	0,14
Коричневая, цилиндрическая, ребристая, с поперечным золочением	1	0,14
Итого:	4	0,56
Катушкообразные		
Фиолетовые	2	0,28
Итого:	2	0,28
Винтообразные		
Мелкие бирюзовые	1	0,14
Итого:	1	0,14
Шаровидные		
Синяя ребристая	1	0,14
Белая ребристая	1	0,14
Итого:	2	0,28
Округлые		
Синяя, округлая, поперечно-сжатая, с сужающимся каналом	1	0,14
Итого:	1	0,14
Граненые		
Синяя четырнадцатигранная	1	0,14
Итого:	1	0,14
Провинтообразные		
Бирюзовая	1	0,14
Итого:	1	0,14
Бочонковидные		
Синяя	1	0,14
Итого:	1	0,14

Окончание табл. 13.1

Цвет и тип	Количество	Процент
Золотостеклянные		
Цилиндрические	27	3,78
Битрапециевидные с сильно сглаженным ребром	11	1,53
Итого:	38	5,31
Спекшиеся		
Синие в технике навивки	25	3,49
Итого:	694	97,15
Каменные		
Черный коралл, бочонковидные (?)	14	1,95
Сердоликовая восемнадцатигранная	1	0,14
Сердоликовая уплощенная четырнадцатигранная	1	0,14
Лиловая снаружи, бежевая внутри, песчаниковая, призматическая	1,5	0,20
Итого:	17,5	2,43
Фаянсовые		
Синяя округлоребристая	1	0,14
Итого:	1	0,14
Металлические		
Ягодовидные	2	0,28
Итого:	2	0,28
Всего:	715,5	100,00

Стеклянные бусины. В данной выборке больше всего стеклянных бусин – 694 экземпляра, что составляет 97,15% от общего количества.

Среди стеклянных бусин доминирует пастовый бисер, насчитывающий 435 экз. (60,92%). Он представлен двумя формами, которые в заключении Т. С. Скрипченко, приложенном к отчету О. Н. Левко, названы дисковидной и цилиндрической, причем количество бисера этих двух типов практически одинаково – 214 и 221 экз. соответственно. По цвету в рассмотренной коллекции превалирует желтый бисер, насчитывающий 382 экз. (53,4%); голубого значительно меньше – всего 52 экз. (7,27%); бирюзовый бисер представлен единичным экземпляром, что составляет лишь 0,14% от общего количества. Подавляющее большинство желтого бисера было найдено в кургане № 8 в женском погребении на одной низке (333 экз.) вместе с 37 сплюснутыми коническими бусинами, «округлоребристой» (шаровидной ребристой), определенной Т. С. Скрипченко как хрустальная, синей и двумя желтыми лимонками (прил. 1, Левко, д. № 1047, с. 9) (фото 36: *2*). Следует отметить, что в этом захоронении было выявлено больше половины всех бусин данной выборки. Кроме бисера в погребении обнаружены три

железных обруча и дужка от небольшого ведра высотой 22–25 см и диаметром около 20 см. На сохранившейся пряди волос остались следы окиси от трехчастного височного кольца. Весь комплекс вещей свидетельствует о богатом женском погребении.

Весь бисер, найденный в Дроздово, можно отнести к рубленому по классификации З. А. Львовой. Бисер, интерпретированный как дисковидный, судя по всему, подвергался дополнительной температурной обработке в сосуде, наполненном песком или золой [Львова, 1968, вып. 10, с. 64–94; 1970, вып. 12, с. 89–111]. Бисер, обозначенный как цилиндрический, изготовлен более небрежно, путем простого разрезания стеклянной трубочки без дальнейшей обработки. Сходная картина наблюдается и в Ладоге, где более тщательно выделанный бисер происходит из нижних слоев, тогда как бисер, обнаруженный в верхних слоях, отличается худшими выделкой и качеством [Львова, 1968, вып. 10, с. 64–94; 1970, вып. 12, с. 89–111]. Относительно бисера из Дроздово можно отметить, что обе его разновидности отличаются лишь по своей форме, тогда как качество их материала приблизительно одинаковое. Значит, можно предположить, что низка желтого бисера из Дроздова была составлена не единовременно, а в течение какого-то промежутка времени из бисера разных партий.

Что касается датировки данной низки, то в Ладоге рубленый бисер встречается уже с VIII в., но его основная масса приходится на X в. Для могильников Верхнего Прикамья, где рубленый бисер встречается в большом количестве, хронологические рамки его бытования определяются второй половиной X в. – первой третью XI в. [Абдулова, 2009, вып. 33, № 23 (161), с. 7]. В курганах Приладожья он датирован X в., в Новгороде – X–XI вв., в курганах бывшей Витебской губернии он встречен вместе с бусинами X–XI вв. [Щапова, 1956, т. I, № 55, с. 172; Кочуркина, 1973, с. 26].

Следующей по численности группой являются бусины конической формы, сплюснутые вдоль. Их общее количество составляет 120 экз. (16,78%). Часть этих бусин изготовлена путем навивки горячего стеклянного стержня на жаропрочный сердечник. Таких бусин найдено 66 экз. (9,23%). По цветовой гамме среди конических бусин доминируют бирюзовые – их 97 экз. (13,57%). Фиолетовых бусин данного типа немного – всего 2,8%, а синие представлены всего тремя экземплярами, что составляет всего около 0,5%.

На памятнике также обнаружены бусины, за которыми в литературе закрепилось название «лимонок». Всего их найдено 38 экземпляров (5,32%). В рассматриваемой выборке на первом месте по количеству стоят синие лимонки и пронизки – их насчитывается 33 экземпляра. Желтых лимонок мало – всего три, а зеленые и желтая с коричневыми продольными полосами представлены единичными экземплярами (фото 36*: 8*). Эти бусины очень широко распространены на территории Древней Руси; известны они в прибалтийском и скандинавском регионах. Так, синие лимонки встречаются в Хельго среди древностей VIII в. – первой трети IX в., в Туне – в погребениях первой половины IX в. [Львова, 1968, вып. 10, с. 64–94; 1970, вып. 12, с. 89–111]. По сведениям С. И. Кочуркиной, разноцветные одно-, двух-

и многочастные лимонки датированы в Приладожье X–XI вв. [Кочуркина, 1973, с. 25]. М. В. Фехнер также твердо датирует лимонки X–XI вв. [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 171]. Желтые лимонки Ю. Л. Щапова рассматривает как датирующие для X в. [Щапова, 1956, т. I, № 55, с. 173]. Что касается полосатых лимонок, то по могильникам Верхнего Прикамья они датированы рубежом X/XI вв. [Абдулова, 2009, вып. 33, № 23 (161), с. 8]. Кроме Северной Европы бусины-лимонки и многочастные пронизки в изобилии встречаются в Центральной и Юго-восточной Европе – Боснии, Австрии, Польше, Южной Германии, Тюрингии. З. А. Львова полагает, что эти бусы завозили в эти регионы откуда-то из Средиземноморья [Львова, 1968, вып. 10, с. 64–94; 1970, вып. 12, с. 89–111]. Вероятнее всего, что лимонки производили на Ближнем Востоке, затем их завозили в Европу, куда бусы могли попадать двумя путями: по Волге или через Прибалтику [Лихтер, Щапова, 1991, с. 247, 254–257].

Дисковидные бусины представлены 21 экземпляром (2,93%). Среди них больше всего фиолетовых и желтых (9 и 7 экз. соответственно), бирюзовых и зеленых мало (3 и 2 экз. соответственно).

Количество бусин, определенных как трубчатые и цилиндрические, в данной выборке невелико – всего 0,70 и 0,56% или по 5 и 4 экз. каждого типа. Все трубчатые бусины имеют синюю окраску, цилиндрические же более разнообразны – синяя, зеленая, а также бусина, украшенная орнаментом в виде двух зеленых перекрещивающихся линий (фото 36: *5*). Еще одна цилиндрическая бусина, изготовленная из коричневой пасты, имеет ребра и украшена поперечным золочением (фото 36: *6*). Судя по датировке основной массы бусин, эти украшения также могут быть датированы X–XI вв.

Катушкообразные бусины представлены двумя экземплярами фиолетового цвета. Бусины подобной формы, изготовленные из желтого и синего стекла, были найдены в погребениях Гнездовского могильника X в. [Львова, 1968, вып. 10, с. 64–94; 1970, вып. 12, с. 89–111].

Типы, определенные Т. С. Скрипченко как провинтообразные, округлые, граненые и бочонковидные представлены в единичных экземплярах. Их цветовая гамма – синие и бирюзовые. Граненые бусины из синего стекла являются ранними и встречаются в трупосожжениях XI в. [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 170].

Также необходимо упомянуть и спекшуюся массу из стеклянных бусин разных типов (порядка 25 экземпляров), найденную среди пережженных костей.

Кроме собственно стеклянных бусин в ходе исследований Дроздовского курганного могильника были обнаружены и золотостеклянные бусины (фото 34: *1–38*). Их общее количество составляет 38 экземпляров (5,31%). Они представлены двумя формами – цилиндрической и бочонковидной. Правда, бусы из данной низки, определенные как «бочонковидные», было бы уместнее назвать битрапециевидными со сглаженным ребром. Эти бусины имеют относительно небольшой размер – всего около 7 мм по высоте и внешнему диаметру. Данная категория бусин является весьма распространенной на всей древнерусской территории, а в некоторых регионах ко-

личество золотостеклянных бус даже больше, нежели бус, изготовленных из цветного стекла (Смоленская, Калужская, Владимирская и Ярославская области). Их количество незначительно лишь в северном регионе и в Рязани. Как можно видеть, для Дроздовского могильника их процент также невелик. Эти бусины обычно датируют концом X в. – началом XII в. [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 158]. Уже давно было подмечено, что ареал распространения стеклянных бус с металлической прокладкой совпадает с ареалом распространения серебряного дирхема. Судя по всему, эти бусы попадали на древнерусскую территорию по Волжскому пути через волжскую Болгарию, как и дирхемы [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 166; 1961, с. 51]. М. В. Фехнер, опираясь на химический анализ бусин данного типа, утверждает, что место их изготовления находится на Ближнем Востоке – в Египте и Сирии [Фехнер, 1959, с. 166]. Она также отмечает, что подобные стекла с прокладкой из металлической фольги были продукцией стекольных мастерских Александрии [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 164].

Каменные бусины. Количество каменных бусин в выборке из Дроздовских курганов мало – их насчитывается всего 17,5 экземпляров (2,43%). Примечательно то, что 15 каменных бусин было найдено в одном женском погребении – 14 черных из темного минерала и одна сердоликовая бипирамидальная (фото 36: *3*). Минерал, из которого изготовлены черные бусины, был определен как «черный коралл».

Сердолик в рассматриваемой коллекции представлен лишь двумя бусинами – биконической с восемнадцатью гранями (фото 36: *3*) и четырнадцатигранной уплощенной (плитчатой) (фото 36: *8*), что составляет лишь 0,28% от всей выборки. Можно полагать, что сердоликовые бусы были предметом ближневосточного и передне- или центрально-азиатского импорта, так как наиболее крупные месторождения сердолика находятся Индии и Средней Азии. Нужно отметить и тот факт, что граница распространения сердоликовых бус также совпадает с границей распространения дирхемов, что еще раз указывает на их восточное происхождение [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 154]. Четырнадцатигранные плитчатые сердоликовые бусины в археологической литературе обычно датируют IX в. – началом XII в. [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 176], а бипирамидальные многогранные – XI–XII вв. [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 177]. Эти датировки укладываются в хронологические рамки Дроздовского могильника, т. е. X в. – начало XI в. Широкую популярность сердоликовых бус на Востоке можно объяснить тем, что этому минералу приписывали целительные свойства, такие, как облегчение родов и лечение от бесплодия. Сейчас трудно сказать, откуда именно поступали сердоликовые бусы на территорию Древней Руси. М. В. Фехнер упоминает о находке в г. Пахарпуре на территории монастыря VI–VII вв. ожерелья, в состав которого входили бипирамидальные бусины, полностью идентичные тем, которые встречаются среди славянских древностей [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 152]. В литературе есть упоминания о посреднической торговле некоторых древнерусских областей с Индией [Лимонов, 1961 с. 55–63]. Что касается индийских сердоликовых бус X–XII вв., то их находят даже

на западном побережье Африки [Towards ... , 2004, № 31, p. 1161–1173], что говорит о весьма широком распространении этих украшений. Нужно также отметить, что Аль-Бируни в своей книге «О драгоценностях» упоминает Кашмир, Бадахшан и Хорасан как наиболее крупные центры по изготовлению каменных украшений, в том числе и из сердолика [Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед, 1963, с. 73–74]. С уверенностью можно говорить лишь об азиатском происхождении этих бусин, точно идентифицировать регион их происхождения пока что затруднительно.

В Дроздовском могильнике также имеется одна бусина, интерпретированная как хрустальная.

Интересны полторы бусины, изготовленные из породы, близкой к песчанику. Они имеют призматическую форму, снаружи окрашены в лиловый цвет, а изнутри – в бежевый. Аналогий им найти пока не удалось.

Фаянсовые бусины. Этот тип представлен единственной округлоребристой бусиной, изготовленной из белой фаянсовой массы и покрытой голубой глазурью (фото 36: 7). Т. С. Скрипченко датирует эту бусину II в. н. э. и указывает на ее возможное египетское происхождение (прил. 1, Левко, д. № 1047, с. 29). На территории северной Беларуси имеется несколько находок подобных бусин, которые происходят из слоев X–XI в. Это бусина из самого Друцка, найденная вместе с желтыми лимонками, и бусина из раскопок поселения на Менке, датируемого теми же веками.

Следует отметить тот факт, что фаянсовые бусины подобной формы, покрытые голубой или бирюзовой глазурью и именуемые в зарубежной литературе «graduated melon beads», изготовляли в мастерских Египта на протяжении многих сотен лет. Они известны уже с периода Среднего царства и, судя по всему, представляли собой предмет массового импорта. Это подтверждается их широким распространением в Средиземноморском регионе и тем, что груз подобных бусин (порядка 75 000 экземпляров) был найден на борту корабля, затонувшего у берегов Турции в XIV в. до н. э. [Ingram, 2005, p. 3]. Также известно, что подобные бусины продолжали производить в Александрии до IV в. н. э. [Ancient necklaces, 2013]. В нижнем течении Дуная, Причерноморье и Северокавказском регионе эти бусины датируют V–VI вв. [Eger, Khalil, 2013, Band 6, p. 169]. Поэтому вполне возможно предположить, что на нашу территорию они попали значительно позже. С другой стороны, имеется точка зрения, что эти бусины происходят из египетских захоронений, подвергшихся разграблению [Eger, Khalil, 2013, Band 6, p. 169]. С большой долей вероятности можно говорить о том, что бусина, найденная в Дроздово, равно как и другие бусины этого типа, найденные на территории северной Беларуси, имеют египетское происхождение и были вторично использованы спустя несколько веков после изготовления. Вполне возможно, что по этим бусинам можно проследить путь их поступления на территорию северной Беларуси. Они могли быть доставлены по Днепру вместе с остальными бусинами, после чего часть товара ушла по Березине на Менку, а другая часть – по Друти в Друцк и Дроздово. Необходимо отметить и тот факт, что точная датировка этих бусин затруднена, так как подобные

украшения бытовали в Египте в течение двадцати пяти веков, и данная бусина может быть как относительно «новой», так и происходить из разграбленного захоронения достаточно раннего периода.

Металлические бусины. В данной коллекции имеются две металлические бусины ягодовидной формы (фото 34: *39, 40*). Они были найдены вместе с ниткой золотостеклянных бус и могут быть датированы тем же временным отрезком – X в. – началом XI в.

Багриново. Интерес представляет также бусинный материал из курганной группы близ д. Багриново (табл. 13.2). Этот могильник упоминает А. Д. Коваленя, а в 1956 г. он был обследован Л. В. Алексеевым. В 1967 г. З. М. Сергеева раскопала четыре кургана, которые датировала X–XI вв. [Сергеева, 1969, № 120, с. 108]. Для всех обнаруженных в них захоронений характерен обряд трупоположения и западная ориентация. Бусины были найдены лишь в одном погребении, и, судя по всему, были составлены в ожерелье. Оно состояло из 115 бисерин, 5 белоромбических и 4 сердоликовых призматических бусин. Кроме бус в данном погребении было обнаружено шесть височных колец и миниатюрный железный нож с остатками рукояти [Сергеева, 1969, № 120, с. 108]. Согласно определению М. В. Фехнер, призматические сердоликовые бусины являются ранними и относятся к X–XI вв., к этому же времени могут быть отнесены и белоромбические бусины [Фехнер, 1959, вып. 38, с. 170–171].

Таблица 13.2. **Бусины из курганного могильника у деревни Багриново Толочинского района Витебской области**

Цвет и тип	Количество	Процент
Стеклянные		
Желтый бисер	115	92,74
Белоромбические призматические	5	4,03
Итого:	120	96,77
Каменные		
Сердоликовые призматические	4	3,23
Итого:	4	3,23
Всего:	124	100,00

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в могильниках Дроздово и Багриново доминирует желтый бисер, который вместе с бусинами других типов использовали для составления ожерелий. Бисер попадал в оба пункта из одного или нескольких схожих источников. Оба рассмотренных пункта имеют одинаковую датировку – X–XI вв.

Новинка. Вторым по количеству бусинного материала является курганный могильник у д. Новинка Толочинского района витебской области. Как и Дроздовский могильник I, этот некрополь был исследован З. М. Сергеевой. В 1972 г. ею было раскопано 12 курганов [Сергеева, 1975, № 144, с. 85]. Каж-

дый курган содержал одно захоронение, тогда как в Дроздово в одной насыпи их могло находиться два или три. Все погребения располагались на горизонте или в небольших углублениях в материк на золистых прослойках. Все захоронения представляют собой трупоположения и имеют различную ориентацию – запад, северо-восток, восток и юг. Наличие зольной прослойки является рудиментом древнего обряда кремации.

Общее количество бусин из курганного могильника у д. Новинка, хранящееся в ВОКМ (КП № 17152/70, КП № 17386/73-95, КП № 17152), составляет 169 экземпляров (табл. 13.3).

Таблица 13.3. **Бусины из курганного могильника у деревни Новинка Толочинского района Витебской области**

Цвет и тип	Количество	Процент
Стеклянные		
Золотостеклянные		
Битрапециевидные	32	18,93
Цилиндрические	21	12,43
Бочонковидные	29	17,16
Итого:	82	48,54
Серебростеклянные		
Ребристые	1	0,59
Ребристые с выпуклым полусферическим орнаментом	1	0,59
Битрапециевидные	1	0,59
Итого:	3	1,77
Бисер кольцевидный		
Желтый	1	0,59
Зеленый	5	2,96
Цвет не определен	27	15,98
Итого:	33	19,53
Битрапециевидные		
Синие	2	1,18
Синие ребристые	3	1,77
Цвет не определен	10	5,92
Итого:	15	8,87
Бочонковидные ребристые		
Синие	6	3,55
Цвет не определен	5	2,96
Итого:	11	6,51

Окончание табл. 13.3

Цвет и тип	Количество	Процент
Цилиндрические ребристые		
Синие	6	3,55
Темные (цвет не определен)	1	0,59
Итого:	7	4,14
Зонные		
Синие	1	0,59
Зеленые	2	1,18
Цвет не определен, с декором	1	0,59
Итого:	4	2,36
Шаровидные		
Печеночно-красные с декором	1	0,59
Итого:	1	0,59
Кольцевидные		
Синие	1	0,59
Итого:	1	0,59
И т о г о:	157	92,90
К а м е н н ы е		
Янтарь		
Битрапециевидные	11	6,51
Итого:	11	6,51
Сердолик		
Бипирамидальные	1	0,59
Итого:	1	0,59
И т о г о:	12	7,10
Всего:	169	100,00

Стеклянные бусины. Как и в Дроздово, в Новинке доминируют стеклянные бусины, насчитывающие 157 экземпляров (92,9%). Правда, в данном случае самую крупную группу составляет не бисер, а золотостеклянные бусины цилиндрической и битрапециевидной форм. Золото- и серебростеклянные бусины из рассматриваемого некрополя составляют почти ровно половину (50,31%) от всех бусин, найденных в этих курганах. Доминируют золотостеклянные бусины в количестве 82 экземпляров (48,54%). Серебростеклянных бусин всего три. Среди золотостеклянных бусин преобладают битрапециевидные и бочонковидные. Следует отметить, что у некоторых битрапециевидных бусин настолько сильно сглажено ребро, что они по своей форме приближаются к бочонковидным. Эти группы составляют

36,09%. Остальная часть золотостеклянных бусин имеет цилиндрическую форму. Кроме целых бусин из курганного могильника Новинка в фондах ВОКМ хранится много фрагментированных золотостеклянных бусин, поэтому их количество, найденное при раскопках, было значительно больше, чем 82 экземпляра. Серебростеклянные бусины представлены единичными экземплярами ребристой, трапециевидной и ребристой с выпуклым полусферическим декором формой. М. В. Фехнер определяет такие бусины, как «ребристые с кружковым орнаментом», но выпуклый полусферический декор более точно определяет форму бусины. Основная масса золотостеклянных бусин из Новинки значительно крупнее бусин этого типа из Дроздово: их высота колеблется от 11 до 18 мм, а внешний диаметр – от 10 до 14 мм.

З. М. Сергеева утверждает, что население данного памятника было смешанным [Сергеева, 1975, № 144, с. 90] и состояло из балтов и славян. Судя по всему, золотостеклянные бусины были излюбленным украшением женщин обоих этносов. Так, в кургане № 1 они были найдены вместе с кривичскими браслетообразными височными кольцами, а в кургане № 3 – с бронзовыми бубенчиками, раковинами каури и со спиральками вайнаги, характерными для латгальских племен.

Следующее место по количеству занимает кольцевидный бисер, представленный 5 зелеными, 1 желтым и 27 экземплярами неопределенного цвета. Суммарный процент бисера составляет 19,53 от общего количества. Этот бисер сильно отличается от Дроздовского худшим качеством. Если бисер из Дроздова сохранил яркий цвет и ровную глянцевую поверхность, то бисер из Новинки утратил свой цвет и покрылся густым белесо-серым налетом, что свидетельствует о более низком качестве стекла. Здесь вновь уместно упомянуть указанное выше утверждение З. А. Львовой о том, что более поздний бисер отличается от ранних образцов своим худшим качеством. Это согласуется с датировкой рассматриваемого памятника, который является несколько более поздним, чем Дроздовский некрополь и относится к XI в. – началу XII в. [Сергеева, 1975, № 44, с. 89].

Битрапециевидные, бочонковидные и цилиндрические бусины представлены 15, 11 и 7 экземплярами соответственно, что составляет 8,87, 6,51 и 4,14% от общего количества. Наибольший интерес в данной категории представляет низка больших рубчатых цилиндрических бусин, изготовленных из гладкого грязно-голубого слабо заглушенного стекла (КП № 17386/19–27). Их размеры достаточно крупны и по внешнему диаметру составляют 11,5–14,0 мм, по высоте – 12–18, по внутреннему каналу – 5–6 мм.

Зонных бусин на памятнике мало (всего четыре экземпляра): две зеленые, одна синяя и одна, изготовленная из грязно-серой фаянсоподобной массы, с желтым накладным декором в виде невысоких полусферических выступов.

Шаровидные и кольцевидные бусины представлены в единичных экземплярах. Шаровидная бусина сохранилась лишь фрагментарно, но мож-

но сказать, что она была изготовлена из печеночно-красной глухой стекломассы и имела белый (?) декор.

Каменные бусины. Кроме стеклянных бусин на памятнике выявлены бусины из янтаря и сердолика. Так, в одном захоронении было найдено 11 крупных янтарных бусин битрапециевидной формы. Их поверхность растрескалась, но на сколе видно, что янтарь имеет темно-медовый цвет. Внешний диаметр этих бусин колеблется в пределах от 15 до 19 мм, высота – от 9 до 12, а диаметр канала практически одинаков для всех – 5,0–5,5 мм. Можно предположить, что эти бусы попали в Новинку из Прибалтийского региона. Однако трудно утверждать, что они являются прямым доказательством наличия торговых связей с Прибалтикой. Вполне возможно, что это был подарок или, вероятно, личная вещь, так как на данном памятнике, судя по погребальным комплексам, сосуществовали балты и славяне.

Сердоликовая бусина в данной выборке лишь одна. Она имеет бипирамидальную форму и была найдена в детском захоронении.

Исходя из всего вышесказанного, можно отметить, что данный могильник отличает большой процент золотостеклянных бусин, среди каменных доминируют крупные янтарные, а сердолик представлен лишь одной бусиной.

Взносное. Следующим пунктом, содержащим находки бусин, является курганная группа у д. Взносное (КП № 16993/4-70). Она насчитывала всего четыре насыпи и была исследована летом 1971 г. З. М. Сергеевой. Все захоронения являются трупоположениями на горизонте, в яме или в насыпи, ориентированными головой на запад. Исследования данных курганов дали 66 бусин разных типов (табл. 13.4): 61 кольцевидную бисерную бусину (фото 35: *1–61*), выполненную путем навивки; одну желтую лимонку (судя по всему, являющуюся фрагментом от многочастной пронизки) (фото 35: *62*); четыре черные глазчатые бусины (фото 35: *63–66*). Бисерные бусины представлены глушенными печеночно-красными (29 экз.), зелеными (26 экз.) и одной неопределенного цвета. Кроме того, в фондах ВОКМ были выявлены обломки бисерных печеночно-красных и зеленых бусин, происходящие из этого же захоронения, что дает возможность предполагать значительно большее количество бусин в ожерелье. Все бусины были найдены в одном захоронении (курган № 3, погребение II) вместе с двумя бронзовыми перстнями (один пластинчатый, второй – с завязанными концами), остатками бронзового плетеного браслета, и тремя бронзовыми перстнеобразными височными кольцами. Помимо этого в захоронении находился железный нож и глиняный горшок (прил. 1, Сергеева, д. № 383, с. 5). Как в случае с погребением II из кургана № 8 могильника II у д. Дроздово, здесь также можно говорить о довольно богатом женском захоронении, которое по наличию глазчатых бусин и лимонок можно отнести к XI в. Погребальный инвентарь остальных могил беден и ограничивается поясной пряжкой, ножом или кресалом (курган № 3; погребение I, курган № 4) или вообще отсутствует (курган № 1; погребение II, курган № 4). З. М. Сергеева датирует данную курганную группу XI в. – началом XII в. (прил. 1, Сергеева, д. № 383, с. 6).

Таблица 13.4. **Бусы из курганного могильника у деревни Взносное Толочинского района Витебской области**

Цвет и тип	Количество	Процент
Стеклянные		
Бисерные кольцевидные бусины		
Печеночно-красные	29	43,93
Зеленые	26	39,40
Желтые	1	1,50
Цвет не определен	5	7,61
Итого:	61	92,44
Лимонки		
Желтые	1	1,50
Итого:	1	1,50
Шаровидные сплюснутые		
Глазчатые	4	6,06
Итого:	4	6,06
Всего:	66	100,00

Подводя итог всему сказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Друцкие волоки были оживленными торговыми путями, связывающими южные регионы с северными.

2. Сельские поселения на Друцких волоках играли важную роль в экономической жизни данного региона.

3. Друцк, включая окрестности, участовал в посреднической торговле с Ближним Востоком, странами Малой и Средней Азии, что подтверждает наличие развитых торговых связей с ближними и дальними регионами в X–XII вв.

4. Наличие импортных бусин в курганных могильниках свидетельствует о зажиточности определенных слоев сельского населения.

13.3. Нумизматические и метрологические материалы X–XV вв. Друцка и его окрестностей *(Ш. И. Бектинеев)*

В ходе археологических раскопок древнего Друцка и его округи Л. В. Алексеевым (1956–1962, 1967) и О. Н. Левко (1987, 1999–2000, 2007–2009 и 2013) получен материал X–XV вв., который способствует не только исследованиям ремесел и быта людей, но и изучению денежного обращения и метрологии в данном конкретном регионе в эпоху средневековья.

Нумизматических и метрологических находок, выявленных в результате археологических раскопок древнего Друцка, сравнительно немного – всего 7 гирек-разновесов, две чашечки от монетных весов, фрагмент арабского дирхема, серебряный слиток и 3 пражских гроша.

Поэтому для исследований особенностей денежного обращения данного региона в X–XV вв. можно привлечь дополнительно и материалы территории, входившей в состав Друцкого княжества и составлявшей его ближайшую округу (современный Толочинский район Витебской области). На данной территории обнаружены (см. ниже каталоги 1 и 2):

1) 6 гирек-разновесов и две чашечки от «монетных» весов, выявленные в 1987 г. при раскопках курганного могильника около д. Дроздово (курган № 3, погребение № 1) (каталог 2, № 2; рис. 13.3: *12–18*) [Левко, 1989, с. 13, рис. 2; 2004, с. 132, 240, рис. 50: *5–11*];

2) монетный клад 1886 г. из д. Поречье (каталог 1, № 3) [Бектинеев, 2001, с. 58–59; Ильин, 1921, с. 36 – № 148; Рабцэвіч, 1973, № 4, с. 67–68 – № 83; Толстой, 1887, т. III, вып. 2, с. 199–202];

3) монетный клад 1961 г. из Прусинич, который содержит куфические дирхемы и западноевропейские денарии (каталог 1, № 1) [Кропоткин, 1971, т. IX, с. 92 – № 171; Потин, 1967, т. IX, № 3, с. 168 – № 303-1; Рабцэвіч, 1973, № 4, с. 34 – № 4; Рябцевич, 2000, № 15, с. 68 – № 84];

4) единичные монеты из курганного могильника в Смольянах или Багриново (сведения до 1921 г.) (каталог 1, № 2) [Потин, 1967, т. IX, № 3, с. 168 – № 302; Рябцевич, 2000, № 15, с. 67 – № 82].

Древнейшие гирьки, выявленные на территории Древней Руси, в том числе и в современной Беларуси, датированы серединой–второй половиной X в., когда начала складываться древнерусская денежно-весовая система, основанная на гривне весом 68,22 г и куне в 2,72 г, которые материализовались в куфических дирхемах. Наиболее поздние гирьки датированы первой половиной XIV в., когда стали широко использовать пражские гроши, на основе которых сформировалась общегосударственная денежная система ВКЛ. В IX–XV вв. в Восточной Европе в денежном обращении использовали привозные монеты часто неустойчивого веса, что было вызвано несовершенством их чеканки, а также различные платежные, как правило серебряные, слитки (киевские, новгородские, литовские, браслетообразные балтские, лепешкообразные и др.) и их фракции, целые и обломки серебряных и золотых украшений. Вся эта пестрота платежного материала требовала упорядочения, чтобы можно было использовать его в денежном обращении. Для этого применяли гирьки-разновесы и монетные весы.

В настоящее время имеются сведения о найденных на территории Беларуси около 90 гирьках-разновесах, использовавшихся в розничной торговле со второй половины X в. до середины XIV в., и 10 фрагментах весов. В Друцке в разные годы были сделаны следующие находки, датированные X в.:

1) 1962 г. (выявлена Л. В. Алексеевым) – гирька весом 30,80 г, кратность – 8 единиц, весовая единица – 3,85 г, датировка – вторая половина X в. (каталог 2, № 1; рис. 13.3: *1*) [Штыхаў, 2000б, с. 81, 83, рыс. 5: *3*];

2) 2013 г. (выявлены О. Н. Левко; прил. 1, Левко, д. № 3061) – два разновеса (каталог 2, № 3).

1-я гирька кубическая древнерусская весом 3,3613 г (рис. 13.3: *3*). Ее кратности – 1, 2 или 4 единицы, весовые единицы соответственно: 3,36 г (теоретически соответствует весу ногаты в 3,41 г); 3,36 г : 2 = 1,68 г (соответствует

теоретическому весу каролингского денария в 1,70 г); 3,36 г : 4 = 0,84 г (приближается к 1/10 скандинавского эре весом в 8,50 г).

2-я гирька четырнадцатигранная скандинавская (рис. 13.3: *2*) имеет вес 1,7441 г и кратности в 1, 2 и 8 единиц. Весовые единицы: 1,74 г (приближена к весу каролингского денария); 1,74 : 2 = 0,872 г (1/10 часть скандинавского эре в 8,50 г); 1,7441 г : 8 = 0,218 г (практически идеальный вес ювелирного карата). Их бытование приходится на период распространения куфического дирхама в начале IX в. – конце XI в. (до 1097 г.).

Поскольку информация о гирьках-разновесах, найденных в 2013 г. во время исследований городища в Друцке, не была опубликована, они нуждаются в более подробном описании.

Первая гирька (коллекционный номер 277) кубической формы хорошей сохранности. Она имеет следующие размеры: верхняя и нижняя площадки – по 8,5 × 8$^{1}/_{3}$ мм, высота – немного менее 7 мм. На ее верхней площадке нанесена косая линия из верхнего правого угла в нижний левый угол и окружена контурным квадратом; на нижней площадке тоже имеется изображение, но она немного коррозирована; на двух граничащих боковых сторонах по одной косой линии из угла в угол и на двух других граничащих сторонах по косому кресту из угла в угол (рис. 13.3: *3*). Как уже было отмечено, вес гирьки равен 3,3613 г. Изображенные линии отражают кратности гирьки: 1 (косая линия), 2 (две перекрещенные линии) или 4 (косой крест) единицы. Теоретический вес гирьки, вероятнее всего, был равен 3,41 г.

Вторая гирька (коллекционный номер 273) имеет идеальную кубическую форму со скошенными углами (рис. 13.3: *2*). Исследователи считают такие гирьки (четырнадцатигранные) скандинавскими. Размеры всего кубика – примерно 7 × 7 мм; размеры каждой из четырех площадок – примерно по 4 мм. На них имеется по два глазка. Вес – 1,7441 г. Кратности гирьки – 1, 2 и 8 весовых единиц.

Кратность гирьки в 8 весовых единиц (2 × 4, или 2 + 2 + 2 + 2) в монетном или денежном качестве нереальна, поскольку исследователям в настоящее время неизвестна древнерусская или скандинавская денежная единица массой в 1 карат (1,744 г : 8 = 0,218 г). Эта весовая единица по своей массе, скорее всего, является ювелирной. О. Н. Левко, исходя из совокупности различных находок, в том числе литейной формы, шлаков цветных металлов, ювелирных изделий и др., полагает, что рядом с местонахождением гирек-разновесов, выявленных в раскопе 2013 г., располагалась мастерская ювелира.

Обе гирьки по их теоретическим весовым (3,3613 г и 1,7441 г) и «этническим» особенностям (древнерусская и скандинавская) относятся к двум совершенно разным денежным системам – древнерусской последней четверти X в. (ногата весом 3,41 г) и скандинавской, основанной на каролингском денарии весом в 1,70 г, примерно того же времени. В то же время они хорошо дополняют друг друга и показывают, на какой метрологической (монетно-денежной) основе на территорию Руси стали поступать западноевропейские денарии. Датированы гирьки последней четвертью X в. – началом XI в., а «сокрыты» были, видимо, сразу же после заключения первых

русско-византийских торговых договоров 907 или 911 г. Косвенным подтверждением этой даты может служить найденный в том же раскопе 2013 г. фрагмент дирхама, датированного в пределах 914–943 гг. (Наср ибн Ахмад) или даже 892–908 гг. (Исма'ил ибн Ахмад), Саманиды. Место чеканки и год обломаны.

В 1987 г. в кургане № 3 могильника II около д. Дроздово (Задровский с/с) О. Н. Левко были найдены шесть гирек-разновесов (рис. 13.3: *12–17*) и две чашечки от «монетных» («аптекарских») весов, вложенные одна в другую (рис. 13.3: *18*) (каталог 2, № 2) [Левко, 1998, с. 78–83; 2004, с. 132, 240, рис. 50: *5–11*]. Материал из курганного могильника в Дроздово сильно корродирован и, несмотря на разработанную Ш. И. Бектинеевым методику метрологической реконструкции коррозированных гирек и их изучения, пригоден для исследований лишь частично. Его можно датировать, скорее всего, последней четвертью X в. или рубежом X/XI вв. Два разновеса (№ 3 и № 4) имеют следующие характеристики: у № 3 по четыре глазка на площадках и, соответственно, 8 весовых единиц (4 + 4); № 4 весит 86,2658 г и имеет 24 весовых единицы (12 + 12). Если предположить, что использовали одинаковые весовые единицы, то можно определить их теоретический вес. По сохранившемуся весу 4-й гирьки ее весовая единица равна 3,5944 г (86,2658 г : 24), что соответствует трем резанам начала XI в. по 1,28 г и позволяет определить теоретический вес этой единицы в 3,84 г. Тогда теоретический вес 4-й гирьки равен 92,16 г (3,84 г × 24), 3-й – 30,72 г.

Гирька, выявленная Л. В. Алексеевым в 1962 г., на каждой площадке имеет по четыре глазка (рис. 13.3: *1*), что в сумме составляет 8 единиц, на которые делится драгоценный металл, равный весу гирьки [Бектинеев, 2011, вып. 20, с. 66–72]. Вес гирьки составляет 30,80 г. Таким образом, одна весовая единица данной гирьки равна 3,85 г (30,80 г : 8), по массе она равняется трем резанам начала XI в. (каждая по 1,28 г), что позволяет определить теоретический вес разновеса в 3,84 г.

Единовременным этой гирьке является клад 1961 г. из д. Прусиничи, содержавший кроме дирхемов германские денарии (пфенниги) и сокрытый около 1005 г. (каталог 1, № 1).

Поречский клад с английскими (пенни) и германскими денариями, сокрытый около 1035 г. (каталог 1, № 3), и английские пенни 1000–1035 гг. из курганного могильника около Багриново (или Смольян) (каталог 1, № 2) относятся к более позднему периоду денежного обращения (первой половине XI в.), в который использовали резану весом 1,025 г. Поречский клад интересен тем, что является единственным монетным комплексом на территории Беларуси, содержащим обломок древнерусского сребреника киевского князя Владимира (980–1015) III типа (рис. 13.3: *11*) [Толстой, 1887, т. III, вып. 2].

В 1958 г. на территории городища Друцка Л. В. Алексеевым выявлены:

1) гирька весом 88,5 г, на плоских поверхностях которой никаких знаков нет, не датирована (каталог 2, № 4; рис. 13.3: *5*) [Алексеев, 1966, с. 110–111];

2) гирька весом 104,52 г, никаких знаков нет, датировка – середина XIII в. (каталог 2, № 5) [Бектинеев, 1987, № 1, с. 232, 235, табл. 2 – № 20].

Ко второй половине–концу XIII в. относятся выявленные в раскопах Л. В. Алексеева на городище Друцка:

1) свинцовая гирька (1962 г.) весом 10,8 г, имеющая кратность – 6 ед. и весовую единицу – 1,8 г. Датирована второй половиной XIII в. (каталог 2, № 6; рис. 13.3: *6*) [Алексеев, 1966, с. 105, рис. 18: *1*; Бектинеев, 1987, № 1, с. 232, 234, табл. 2 – № 17, рис. 2: *8*; 2001, с. 59; 2007, с. 78–79 – № 3];

2) гирька (1959 г.) весом 94,6 г, датирована концом XIII в. – первой половиной XIV в. (каталог 2, № 7; рис. 13.3: *7*) [Алексеев, 1966, с. 110–111; Бектинеев, 1987, № 1, с. 232, 234, 235, табл. 2 – № 19, рис. 2: *9*; 2001, с. 59; 2007, с. 82–84].

В полоцко-витебской денежно-весовой системе второй половины XIII в. – 1386/1387 гг. [Бектинеев, 1999, т. 18, с. 153–163] выделен ареал ее распространения в первом периоде (60-е годы XIII в. – 1298/1300 гг.), который получил название «витебского-друцкого». В 1298 г. система имела следующий вид: изрой = 60 ногатам (по 1,8 г) = 108,0 г, рубль = 105 ногатам (= 2 полтинам) = 189,0 г [Бектинеев, 2007, с. 82].

«Витебско-друцкий» рубль, очевидно, появился в конце XIII в. одновременно или немного позднее новгородского, но был несколько легче его. Именно друцкая гирька весом 94,6 г является идеальной весовой полтиной в 94,5 г (189,0 : 2) [Бектинеев, 2007, с. 81–82]. Друцкая весовая единица в 1,8 г является региональной ногатой, которая наряду с рублем подготовила условия для внедрения пражского гроша в Полоцко-Витебском Подвинье. Изрой – витебское название литовской гривны теоретическим весом в 108,0 г. Эта гривна в своей эволюции прошла три периода и на первом этапе второго периода (1240 – 60–70-е годы XIII в.) теоретически весила 104,8 г, что соответствовало четырем новгородским гривнам кун по 26,2 г [Бектинеев, 1989, с. 101–103]. Именно этому теоретическому весу литовской гривны соответствует друцкая гирька середины XIII в. весом 104,52 г (каталог 2, № 5). В последней четверти XIII в. масса гривны выросла до теоретического веса в 108,0 г.

Денежная система, в которую могла бы входить гирька весом 88,5 г (каталог 2, № 4), в настоящее время еще не выяснена.

На территории Беларуси и смежной Латвии были выявлены гирьки, которые имели вес и весовые единицы, соответствующие некоторым друцким разновесам. К ним относятся гирьки с кратностью в 8 единиц:

1) д. Масковичи Миорского района, 1979 г. – гирька весом 30,90 г (вес. ед. – 3,862 г) [Бектинеев, 1987, № 1, с. 232–234, табл. 2 – № 2, рис. 2: *2*];

2) г. Полоцк, 1989 г. – гирька весом 30,973 г (вес. ед. – 3,871 г [Бектинеев, 2011, вып. 20, с. 67 – № 10, 68 – № 1];

3) г. Минск, 2000 г. – гирька весом 30,793 г (весовая единица – 3,8491 г) [Бектинеев, 2012, с. 137, 150 – № 1];

4) Аускраукле, Латвия, 1839 г. – гирька весом 30,75 г [Ceplite, 1974, t. XI, с. 200 – № 3].

Аналогами друцкой гирьки массой 94,6 г (каталог 2, № 7) являются разновесы:

1) д. Кутец Столбцовского района (1976 г.), датирован первой половиной XIII в., имеет вес 94,8 г и кратность 8 ед. [Бектинеев, 1987, № 1, с. 235, табл. 2 – № 21, рис. 2: *10*];

2) Паланга (Литва), имеет вес 94,956 г и кратность в 9 единиц, которую О. В. Навицкайте-Кунцене относит к скандинавской системе [Навицкайте-Кунцене, 1966, № 2 (21), с. 155, 159].

Друцкий серебряный палочкообразный слиток (рис. 13.3: *10*) весом 98,4 г соответствует, видимо, массе новгородской полтины (1/2 рубля), которая вместе с рублем теоретическим весом в 196,2 г равняется 105 ногатам.

Найденные в Друцке пражские гроши Вацлава IV (1378–1419), чеканенные в Чехии после 1405 г., появились в денежном обращении ВКЛ именно в тот период (1405–1407 гг.), когда литовский рубль стал содержать 100 пражских грошей, или 1000 литовских пенязей.

Представленный материал показывает, что в Друцке и его окрестностях в X–XV вв. денежное обращение и торгово-экономические связи были ориентированы на Новгород, Смоленск, Полоцк и прибалтийские страны, а также, возможно, Византию. Высокий уровень экономического развития Витебско-Друцкого региона способствовал оформлению полоцко-витебской денежно-весовой системы XIII–XIV вв. Здесь почти одновременно с Новгородом появился рубль, что тоже указывает на тесные экономические и культурные связи.

К а т а л о г 1. **Топография монетных кладов и единичных находок.**

1. *Прусиничский монетный клад* найден осенью 1961 г. около д. Прусиничи (Рыдомльский с/с) во время сельскохозяйственных работ. Клад содержал куфические дирхемы и небольшое количество западноевропейских монет. Было собрано около 173 экз. Известны 104 целых и 57 обломанных дирхемов и 6 целых и 3 обломка западноевропейских денариев. Куфические монеты определены А. А. Быковым и С. Д. Яниной, западноевропейские денарии – В. М. Потиным.

Западноевропейские денарии представлены: Англия – 1 экз.; скандинавское (?) подражание монетам Этельреда II (979–1016) – 1 экз.; Германия – 7 экз., в том числе Кельн, Оттон III (983–1002) – 1; монеты Оттона и Адельгейды – 4; Майнц, Оттон II (973–983) или Оттон III (983–1002) – 2 (целая монета и два обломка одной монеты). Дата сокрытия клада – около 1005 г.

2. *Деревня Багриново* (Волковичский с/с), курганный могильник, раскопки разных лет. Известны Саманидский дирхем 980/981 г. и западноевропейские денарии: Англия, Этельред II (979–1016) – 1 целый экз. (с приклепанным ушком) и 1 обломок; Канут (1016–1035) – 2 целых денария и 1 обломок.

3. *Поречский монетный клад* найден в 1886 г. в фольварке Поречье (имение Хоментовских) бывшей Старотолочинской волости Оршанского уезда. Клад содержит 260 целых и 155 обломков монет и серебряные слитки. Вес клада – около 1 кг. Состав монет следующий:

Англия – 74 экз. (в том числе 30 обломков): Этельред II (979–1016) – 73; Канут (1016–1035) – 1; Германия – 195 (в том числе 13 обломков): Льеж,

анонимный, первая четверть XI в. – 1; Кельн, Оттоны I–III (936–1002) – 58; Монеты Оттона и Адельгейды – 129; Гальберштадт, еп. Арнульф (996–1023) – 1; Дортмунд, Оттон III (983–1002) – 1; Майнц, Генрих II (1002–1014) – 1; Страсбург, Генрих II (1002–1014) – 2; Аугсбург, Генрих II (1002–1014) – 1, еп. Лиутольф (987–996) – 1. Германия, неопределенный монетный двор, Генрих II (1002–1014) – 1;

Русь – 1 экз. Владимир Святославич (980–1015), половина сребреника III типа (рис. 13.3: *11*);

Византия – 2 обломка. Василий II и Константин VIII (976–1025) – 2 экз.;

Куфические монеты – 145 экз. (в том числе 109 обломков), 717–1014 гг. н. э.: Умейядские – Васит [2]99 г. х., без названия монетного двора и года чеканки; Аббасидские – без названия монетного двора и года чеканки (примерно 259–299 гг. х.); Мединат Ас-Салам, 190 г., 295/320 г., 297, 321 и 322/329 гг. х.;

Саманиды (30 экз.): Шаш – 296, 314, 319 (?), 325, 357, 360 (?); Самарканд – 299, 318, 327, 332 (?), 334, 336, 354, 364, 368, 371, 375; Бухара – 344, 356; Балх – 349; Амоль – 356 или 366; Нисабур – 373, 374; без названия монетного двора и года чеканки – (279/295), (295/310), (301/331), (350/366), (366/387); без названия монетного двора – 354; монета 359 или 360 г. х.;

Илеки (3 экз.): 39?, 404 и 405 г. х.;

Бубейхиды: (32)6 г. х.; Феса – 331 г., Феса (?) – 382; Амоль – 344 (?); Басра (?) 361 (?); Баркаид – 387 (?); без названия монетного двора и года чеканки – (334/356), (366/372); без названия монетного двора – 344 г. х.;

Зияриды (2 экз.): 366 и 371 г.х.;

Хамданиды (4 экз.): Мединат Ас-Салам – 331 г. х.; Мосул – 333; Абу Таглиб без названия монетного двора и года чеканки – ?; без названия монетного двора – 35? г. х.;

Окайлиды (всего 15 экз., определены 7 экз.): Мосул – (38)6 г., 404; Мосул без года чеканки – (386/441), (391/441); Белед – 390 (?); без названия монетного двора и года чеканки – (391/403) и ? г. х.

По мнению В. Н. Рябцевича, среди куфических дирхемов были три брактеата. Дата сокрытия клада – около 1020 г. (по В. Л. Янину) или 1035 г. (по В. М. Потину).

4. *Друцк,* городище, раскопки Л. В. Алексеева, 1965 г. (раскоп XX).

Найден серебряный слиток («полугривна серебра») весом 98,42 г. (рис. 13.3: *7*). По массе это половина новгородского рубля теоретическим весом в 196,2 г, датированная первой половиной XIV в.

5. *Друцк*, посад, раскопки О. Н. Левко, 2000 г. (раскоп V; прил. 1, Левко, д. № 1845).

Найдены три пражских гроша плохой сохранности (сильно потерты):

монета Карл I (IV) (1346–1378) – 1 экз. (диаметр 26,3 мм; вес не определен, найдена в яме № 3 квадрата 12 раскопа V, коллекционный номер 36): лицевая сторона – изображение трехлистной короны в точечном ободке, вокруг надпись в две строки: внутренняя – «+KAROLVS PRIMVS», внешняя – «+DEI GRATIA REX BOEMIE», между строк легенды и по краю монеты – точечные ободки; оборотная сторона – изображение шагающего вправо геральдического льва с двойным хвостом в точечном ободке, круговая над-

пись «GROSSI PRAGENSES» и по краю монеты точечный ободок. Большая часть деталей изображения неразличима. По типу хвоста (стебель хвоста примыкает к двойному окончанию и в кружке нет точки) монета относится к вариантам 3b-8. Поскольку значок между словами *Karolus primus* неопределим (3-й или 7-й вариант), монету можно датировать 1350/1354–1374 гг.;

монета Вацлав IV (1378–1419) – 1 экз. (диаметр – 27,0 мм; вес не определен, найдена в яме № 4 квадратов 9–13 раскопа V, коллекционный номер 38): лицевая сторона – изображение трехлистной короны в точечном ободке, вокруг надпись в две строки: внутренняя – «+WENCEZLAVS TERCIVS», внешняя – «+DEI GRATIA REX BOEMIE», между строк легенды и по краю монеты – точечные ободки. Оборотная сторона – изображение шагающего вправо геральдического льва с двойным хвостом в точечном ободке, круговая надпись «GROSSI PRAGENSES» и по краю монеты точечный ободок. Монета сильно потерта, поэтому многие детали изображений точно неопределимы. По изображению льва (мощные лапы) исследователи эту монету относят к поздней чеканке – после 1405 г. Вариант монеты неопределим из-за плохой сохранности;

монета очень плохой сохранности, сильно потерта и детали изображений практически неразличимы (диаметр – 26,4 мм, вес не определен, найдена в яме № 4 квадратов 9–13 раскопа V, коллекционный номер 37). Предположительно, по некоторым деталям (следы некоторых букв имени и лев с большими лапами) – это пражский грош Вацлава IV (1378–1419), чеканенный после 1405 г.

Каталог 2. **Топография гирек-разновесов и монетных весов.**

Гирьки-разновесы:

1. *Друцк*, городище, раскопки Л. В. Алексеева 1962 г. (раскоп IX, квадрат 3, пласт 5). Гирька-разновес бронзовая бочонкообразной формы (рис. 13.3: *1*). Вес – 30,80 г. Вероятная кратность – 8 ед. (4 + 4), весовая единица – 3,85 г (30,80 г : 8). Датировка – вторая половина X в. Определение Ш. И. Бектинеева;

2. *деревня Дроздово* (Задровский с/с). Курганный могильник II, раскопки О. Н. Левко, 1987 г. (курган № 3; прил. 1, Левко, д. № 1047).

Рядом с костяком погребенного (погребение № 1) находились шесть гирек-разновесов (рис. 13.3: *12–17*), а над погребением – две чашечки от «монетных» («аптекарских») весов, вложенные одна в другую (рис. 13.3: *18*). Гирьки боченкообразные, изготовлены из железа и покрыты бронзовой оболочкой. Все они сильно коррозированы, некоторые сохранили на площадках обозначение кратности. Гирьки имели следующие характеристики:

1-я гирька (коллекционный номер 39) сильно коррозирована. На сохранившейся площадке видны три глазка. Вес, кратность и весовые единицы неопределимы;

2-я гирька-разновес (коллекционный номер 40) сильно повреждена. На одной площадке прослеживаются пять глазков, соединенные линиями. Вес – 26,0136 г. Кратность и весовые единицы неопределимы;

3-я гирька-разновес (коллекционный номер 41) сильно повреждена. На обеих площадках имеется по четыре глазка. Кратность – 8 ед. (4 + 4). Вес и весовые единицы неопределимы;

4-я гирька (коллекционный номер 42) сильно разрушена. На сохранившейся площадке имеется 12 глазков, сгруппированных по три и соединенных четырьмя линиями (скобками). Вес сохранившейся части – 86,2658 г. Общая кратность неопределима, но может быть равна 24 ед. (12 × 2). Весовые единицы неопределимы;

5-я и 6-я гирьки (коллекционные номера 43 и 44) сильно разрушены. Датированы первой половиной XI в. Определение Ш. И. Бектинеева;

3. *Друцк,* городище, раскопки О. Н. Левко, 2013 г. (раскоп VIII; прил. 1, Левко, д. № 3061).

Две медные гирьки-разновесы имеют следующие характеристики:

1-я гирька (коллекционный номер 277) шестигранная (почти кубической формы) хорошей сохранности. На ее верхней площадке нанесена косая линия из верхнего правого угла в нижний левый угол и окружена контурным квадратом; на нижней площадке тоже имеется изображение, но она немного коррозирована; на двух граничащих боковых сторонах по одной косой линии из угла в угол и на двух других граничащих сторонах по косому кресту из угла в угол (рис. 13.3: *3*). Как уже было отмечено, вес гирьки – 3,3613 г. Изображенные линии отражают кратности гирьки: 1 (косая линия), 2 (две перекрещенные линии) или 4 (косой крест) единицы. Теоретический вес гирьки, вероятнее всего, был равен 3,41 г;

2-я гирька (коллекционный номер 273) медная четырнадцатигранная (идеальной кубической формы со скошенными углами) (рис. 13.3: *2*). Исследователи считают такие гирьки скандинавскими.

Размеры всего кубика составляют примерно 7 × 7 мм; размеры каждой из четырех площадок – примерно по 4 мм. На них имеется по два глазка. Вес – 1,7441 г. Кратности гирьки – 1, 2 и 8 весовых единиц. Кратность гирьки в 8 весовых единиц (2 × 4, или 2 + 2 + 2 + 2) в монетном или денежном качестве нереальна, поскольку исследователям в настоящее время неизвестна древнерусская или скандинавская денежная единица массой в 1 карат (1,744 г : 8 = 0,218 г). Эта весовая единица по своей массе, скорее всего, является ювелирной.

Обе гирьки датированы последней четвертью X в. – началом XI в., а «сокрыты» во время какого-то катаклизма сразу же после событий 907 или 911 г. Определение гирек проведено Ш. И. Бектинеевым. Информация о гирьках ранее не была опубликована;

4. *Друцк*, городище, раскопки Л. В. Алексеева, 1958 г. (раскоп V, квадрат В, пласт 1). Гирька-разновес круглой, почти бочонкообразной формы, изготовлена из бронзы. Сохранность хорошая, на плоскостях знаков нет (рис. 13.3: *5*). Вес – 88,5 г. Датировка не установлена;

5. *Друцк,* городище, раскопки Л. В. Алексеева, 1958 г. (раскоп V, квадрат И, пласт 1). Гирька-разновес весом 104,52 г. Датировка – середина XIII в. (по Л. В. Алексееву). По метрологическим данным гирька относится к первому этапу развития и функционирования литовской гривны (1240 г. – середина

60-х годов XIII в.). На этом этапе гривна равнялась четырем новгородским гривнам кун (26,2 г × 4 = 104,8 г), или половине «стокгольмской» (скандинавской) марки в 208,6 г;

6. *Друцк*, городище, раскопки Л. В. Алексеева, 1962 г. (раскоп VIII, квадрат Е, пласт 9). Гирька-разновес свинцовая плоская круглая (рис. 13.3: *6*). Сохранность хорошая. На одной стороне гирьки имеется шесть глазков. Вес – 10,8 г, кратность – 6 ед., весовая единица – 1,8 г (10,8 г : 6). Датирована второй половиной XIII в. По метрологическим параметрам ее могли использовать во второй четверти XIV в. (период пражского гроша) и она соответствовала витебской ногате (вес 1,8 г) или 1/2 пражского гроша весом 3,6 г. Определение Ш. И. Бектинеева;

7. *Друцк,* городище, раскопки Л. В. Алексеева, 1959 г. (раскоп Х, квадрат Ф, пласт 2). Гирька-разновес бронзовая круглая, плоская (рис. 13.3: *7*). Вес – 94,6 г. Датирована предположительно концом XIII в. – второй половиной XIV в. По весу гирька соответствует массе 1/2 полоцко-витебского рубля (189,0 г) в 1298–1392 гг.;

8. *Друцк*, посад, раскопки О. Н. Левко, 2008 г. (раскоп VI; прил. 1, Левко, д. № 2708). Гирька-разновес (рис. 13.3: *4*). Определению не подлежит.

Весы:

1. *Друцк,* городище, раскопки Л. В. Алексеева, 1959 г. (раскоп Х, квадрат Г, пласт 2). Во время раскопок были найдены две бронзовые чашечки от монетных («аптекарских») весов (рис. 13.3: *8, 9*) диаметром 61,0 мм. Датированы XV в.;

2. *деревня Дроздово* (Задровский с/с, Толочинский район, Витебская область). Курганный могильник II, раскопки О. Н. Левко, 1987 г. В кургане № 3 над костяком погребенного находились две чашечки от «монетных» весов, вложенные одна в другую (рис. 13.3: *18*). Датировка – первая половина XI в. Определение Ш. И. Бектинеева.

13.4. Развитие торговли в Толочинском регионе
(А. Б. Довнар)

В XVI–XVIII вв. одним из главных факторов развития экономики на территории Беларуси стала торговля. В это время торговые операции в Толочинском и Друцком имениях осуществляли в пределах рынков в их центрах – Толочине и Друцке. Основные торговые агенты на рынке были представлены местными, приезжими и иностранными купцами, которые занимались продажей местных и импортных товаров; ремесленниками, которые торговали своими изделиями; посредниками («перакупнями»), которые торговали на местном рынке товаром, перекупленным у купцов, ремесленников, крестьян. Последняя категория торговцев не была широко представлена. Активную позицию на рынке занимали и крестьяне имений, торгующие продуктами своего хозяйства.

Толочин находился на пересечении важных торговых путей. В направлениях восток–запад и юг–север проходили важные торговые магистрали:

Москва–Смоленск–Могилев–Минск–Варшава и Полоцк–Могилев через Толочин, Копысь, Шклов; вторая дорога Полоцк–Могилев шла параллельно Толочину через Витебск, Оршу, Шклов. В связи с этим купцы Толочина занимались транзитной торговлей иностранными товарами. Так, в Западную Европу из Русского государства через территорию Беларуси вывозили меха соболей, горностаев, лис, куниц, ласок, кожи, а также воск, отдельные виды ткани и др. На местном рынке продавали русские шубы, сермяги, кожи, грубое полотно, мыло и т. д. В торговле ВКЛ с Русским государством преобладали купцы из Могилева, однако купцы других городов, в том числе и Толочина, занимали на рынке свою нишу. В Ригу интенсивно вывозили воск, лен, пеньку и лесные товары: золу, деготь и т. д. В импорте из Западной Европы важное место занимали соль, различные виды тканей, железо и железные изделия (косы, серпы, топоры, ножи и др.). В Русское государство вывозили западноевропейские товары: сукно, шелк и другие ткани, металлические изделия (ножи, гвозди, косы, иглы, проволоку), галантерею (шляпы, пояса и др.), пряности, бумагу [Белоруссия в эпоху феодализма ... , 1959, т. 1, с. 382–384, 313–328].

Купцы и мещане Толочина занимали активную позицию на рынках ВКЛ: в Витебске, Орше, Могилеве, Шклове, Минске, Вильно они закупали необходимые товары для местного рынка. Внутренняя торговля была направлена на удовлетворение текущих нужд населения. На местном рынке были представлены товары местных фольварков и крестьянских хозяйств, ремесленников. Одним из доходных видов торговли была торговля рыбой. Из Западной Европы через Ригу завозили сельдь. Однако основным поставщиком рыбы на рынок была округа Толочина. На торгах продавали и покупали ремесленные изделия, ткани, одежду, кожи, обувь, а также скот, зерно, мед, соль и иные продукты питания.

Торговые операции были регламентированы обычными («звыклыми») правилами. Существовал порядок, по которому в неторговые дни крестьяне и приезжие купцы имели право продавать товары только оптом («уздоймом») и только мещанам города, где происходила сделка. Иностранные купцы могли проводить торговые операции только в городах (местечках). Закупать сырье и торговать своими товарами в селах им было запрещено. Право свободной закупки товаров в сельской местности имели мещане Толочина. В свою очередь, жителям волости было разрешено продавать свое движимое имущество: коней, волов, зерно и пр. Однако панская администрация при необходимости пользовалась правом первоочередной закупки товаров, которую купцы должны были осуществлять по рыночным ценам. Если панская администрация решала что-то продать из фольваркового хозяйства на торгу (например, зерно), то такой продукт покупали по рыночной цене. Никому не разрешалось продавать аналогичный товар, пока не раскупят господский.

Из-за удобного транспортного расположения Толочина через него проходили войска, часто проезжали многие купцы, а 26 июня 1802 г. – российский император Александр I. В связи с приездом императора в Толочине

привели в порядок здание почты, а в Крупках – здание австерии (так как не было почты): комнаты были побелены, сделана новая обивка стен комнат бумагой («паперовая»), сшиты новые занавески; закуплены запасы провианта: бургундского вина, сластей разных, в том числе киевских, цукатов, изюма разных сортов, английского перца, итальянских макарон, муки, оливок, корицы, сахара, миндаля, кофе, разных сортов пива, молока, сливок для кофе, сметаны, рыбы и др. [ANKr, AS, TA, teka 181, plik 23].

Одним из условий торговли была публичность осуществления торговых операций. Для обеспечения этого принципа существовала система норм и правил по проведению торговли. Одни из них действовали ежедневно и регулировали порядок купли-продажи товаров в обычные дни, в магазинах и т. д. Вторые определяли правила льготного в плане налогообложения ведения торговли во время проведения торгов и ярмарок[2]. Вопрос о праве проведения торгов и ярмарок решал монарх – король польский великий князь литовский. Привилеи на ярмарки и торги давали городам и местечкам как особую «вольность». В основе наделения городов правом торгов и ярмарок было стремление верховной власти содействовать развитию ремесла и торговли, улучшению благосостояния как самого города, так и окружающей его местности, страны в целом.

Несмотря на отсутствие сведений о привилеях на торги и ярмарки для Друцка, следует констатировать их функционирование в XVI–XVIII вв. Так, в середине XVI в. упоминается торг в Друцке, который несмотря на раздел Друцкого имения между несколькими владельцами, являлся основным местом обмена товарами между населением всего друцкого региона. В связи с этим возникали определенные сложности для торгующих. Так, в 1552 г. из-за конфликтов между владельцами различных частей Друцкого имения Иваном Горностаем и князем Иваном Дудаковским, подданные-«люди» Горностая боялись ехать на торг в Друцк [AGAD, APR, sign. 295, l. 158]. Поэтому в имении Горностая (Староселье) был организован отдельный торг. При этом управляющий старосельского имения Роман Кощиевич приказал крестьянам имения продавать рожь и, наверное, другие зерновые культуры и товары в первую очередь на торге в Староселье, которое уже в то время приобрело статус города. Данное распоряжение было отдано в результате стремления развивать свое имение и, соответственно, увели-

[2] Реализации целей экономического развития местечка и выгоды участников торговых операций способствовали условия проведения торгов и ярмарок, согласно которым во время их проведения отменялись существующие ограничения в торговле (например, в обычные дни запрещалась розничная торговля между приезжим торговцами). Торги проводили каждую неделю в один и тот же день. Во время их проведения разрешались свободная розничная и оптовая торговля всех участников торгов. Ярмарки проводили в один и тот же срок каждый год. Во время ярмарок всех участников освобождали от уплаты пошлин на месте их проведения. Даже не нужно было платить налог за регистрацию в населенном пункте («обвестки»). Однако таможенные сборы на границе, мостовые и другие пошлины по пути следования к месту ярмарки подлежали обязательной уплате. Также платили пошлины: торговое, ярмарковое, померное (от зерна), «чоповое» (от корчем) и др.

чивать поступления торговых пошлин («торгового», «подужчины») в доход владельца [AGAD, APR, sign. 295, l. 1–3].

Частные собственники имений для оживления торговли, повышения ее объемов, а следовательно, увеличения доходов, как личных, так и своих мещан, стремились расширить сроки ярмарок и определить наиболее благоприятное время для их проведения. Поэтому именно владельцы городов и местечек были основными инициаторами издания привилеев на торги и ярмарки. Так, владелец Толочина Казимир Лев Сапега, обращаясь к королю польскому и великому князю литовскому Владиславу IV Вазе с просьбой о наделении своего местечка Толочин магдебургским правом, просил и о праве проведения двух ежегодных ярмарок и одного торга в неделю. Данные просьбы были удовлетворены, и 30 октября 1634 г. во Львове монарх подписал соответствующий привилей [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 111, л. 165–165 об.] (прил. 3, документ № 3). 29 августа 1713 г. уже в Варшаве король польский и великий князь литовский Август II подписал привилей местечку Толочину, принадлежавшему оршанскому подкоморию Николаю Шемету, на право проведения двух ежегодных ярмарок и еженедельных торгов (прил. 3, документ № 4). Непосредственной причиной появления данного документа стала соответствующая просьба владельца Толочина Н. Шемета [НГАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 159, л. 215–215 об.]. Чем была вызвана необходимость выдачи Толочину привилея 1713 г., не известно. Интересен тот факт, что в обоих привилеях (1634 и 1713 г.) не указаны конкретные сроки проведения ярмарок и торгов. Главным было разрешение на проведения торгов и ярмарок в принципе: «покупать, продавать, всякие вещи, товар за товар менять и проводить всякие торги». В обоих случаях владелец местечка или его администрация могли определять сроки сами, наверное, по согласованию с администрацией Оршанского повета. Однако в привилеях было и определенное различие: в выданном в 1634 г. было оговорено, что ярмарки и торги в Толочине должны проходить «без вреда для городов и местечек наших (государственных. – *А. Д.*) близлежащей местности», а в привилее 1713 г. было подчеркнуто, что ни подписавший его Август II, ни его преемники не могут отменить привилей Толочину на торги и ярмарки.

Для вступления привилея в силу и распространения содержащейся в нем информации, его нужно было официально признать, т. е. записать в актовые («аутентичные») книги суда, которые имели право вечности: трибунальские, гродские, земские, магдебургские. Кроме этого привилей должен был быть «голосом возного прочитан [опубликован]» на людном месте, обычно на ярмарках и торгах в окрестных городах и местечках. Копии привилея прикрепляли к дверям приходских костелов, церквей, на рынках ближайших городов и местечек. Это давало возможность распространить информацию о ярмарке на большой территории и тем самым увеличить количество ее участников.

Следует отметить, что ярмарки в Толочине были включены в систему ярмарок региона Оршанского повета и играли в ней важную роль. Так,

в Верхнем Поднепровье в XVII–XVIII вв. основными ярмарками считали ярмарки в Шклове, куда съезжались купцы ВКЛ, Польши, купцы из Украины, России, Западной Европы (Лейпцига, Нюрнберга, Силезии, Франкфурта) [Белоруссия в эпоху феодализма ... , 1960, т. 2, с. 352]. Поэтому сроки проведения ярмарок в городах и местечках данного региона устанавливали таким образом, чтобы по завершению ярмарок в Шклове купцы, не распродавшие свои товары, могли направиться в близлежащие городские поселения [Topolska, 1969, t. XXX, s. 20], что и происходило на практике. В XVIII в. после ярмарок в Шклове приезжие и шкловские купцы направлялись в Толочин, Белыничи, Головчин, где старались распродать свои товары.

Для обслуживания приезжих купцов в Толочине существовала определенная инфраструктура. Так, для хранения их товаров, оптовой торговли использовали специальные склады, а для размещения самих купцов на ночлег и их проживание – как дома толочинских мещан, так и в основном специальные гостиные дворы (предшественники современных гостиниц). В Толочине функции гостиных дворов выполняли корчмы, которые представляли собой комплекс построек для проживания (ночлега, питания) приезжих, хранения их вещей и размещения лошадей и повозок. Кроме того, корчмы являлись основными точками продажи алкогольных напитков. С середины XVIII в. их стали называть «австериями».

В 1760 г. в Толочине австерии были расположены на рынке и на основной транспортной артерии города – Оршанской улице, около костела. На рынке австерии сдавали в аренду, а напротив костела находилась господская австерия. Она представляла единый комплекс, который состоял из двух изб, четырех пристроек (алькеров), кухни с пекарней, ледовни, коморы и конюшни. Одна изба представляла собой помещение для приема пищи и различных напитков посетителями (предшественник современного «ресторана»), другая изба была «гостиной», где жили приезжие. На кухне и в пекарне готовили еду. Ледовня была расположена за австерией. Она была построена из бревен и предназначена для хранения продуктов питания, особенно в жаркую пору года (летом в ледовне хранили пиво). Комора, наверное, была предназначена для хранения вещей и проживания служащих корчмы, а в конюшне размещали коней и повозки приезжих. Конюшня находилась около самой улицы, сразу за въездными воротами в австерию. За конюшней были расположены большие ворота в «поле» для удобного выезда из австерии. Конюшня была сделана из «кругляка» и крыта гонтом по-итальянски. На крыше конюшни находились две жестяные звезды и железная хоругвка, что должно было привлекать проезжающих посетителей. С целью противопожарной безопасности на крыше размещали длинные лестницы.

Для ежедневной торговли и складирования товаров приезжих купцов во время торгов и ярмарок использовали магазины («крамы»), которые размещали на рынке.

В 1715 г. магазины на рынке в Толочине были расположены в восемь рядов:

– первый ряд находился справа от церкви св. Ильи и имел 12 магазинов. В этом ряду было также 4,5 прента незастроенной площади («в пустоше»)

и в нем же находилась весовая (*«важница»*) – помещение, в котором проводили взвешивание продаваемых товаров;

– второй ряд был расположен за первым и имел два склада и 14 магазинов, 2 прента были незастроенными;

– третий ряд был резницким (где торговали мясом), на нем располагались 12 торговых мест («комор»), 2 прента были незастроенными;

– четвертый ряд находился слева от церкви св. Ильи. На нем были размещены восемь магазинов и 5,5 прента были пустыми;

– пятый ряд шел за четвертым. На нем находились два действующих магазина, пустой склад толочинского плебана, 10 прентов пустовало;

– в шестом ряду (если двигаться вдоль рынка слева) находились магазин, склад и 10,5 прентов не использовали;

– в седьмом ряду было четыре магазина, 10,25 прента не были застроены;

– в восьмом ряду (если двигаться вдоль рынка справа) находились магазин и склад, а также магазин еврея Пастернака (занимал 1,25 прента и не был в использовании), 3 прента в ряду не были застроены (рис. 13.4).

Всего в 1715 г. в Толочине было в наличии 54 магазина и пять складов. Владельцами и держателями магазинов были жители Толочина: мещане Юзеф Кохан, Максим Стрелковский, Алексей Курилихин, Андрей Апанасов, Юзеф Ковень; евреи – Мордух Абрамович, Израель Ицкович, Ицко Аронов и т. д. Некоторые мещане имели по несколько магазинов. Так, Юда Свинин имел два магазина, а Иллюта Зусманович – три. Держали магазины и женщины: Анна Василевская (два магазина) и Ибрагимова вдова (один магазин). Склады были у Давида Скочко, Михеля Пинтуса, Зелмана Мавсевича и толочинского священника (как было отмечено выше, склад толочинского плебана не использовали) [ANKr, AS, sygn. 416-1]. Видимо, существовала специализация в магазинной торговле: в одних магазинах продавали промышленные товары, в других – только хлебобулочные изделия, в третьих – мясо, сало и т. д.

В 1738 г. на рынке числилось 19 магазинов («крам»), восемь свирнов и семь амбаров [ANKr, AS, sygn. 416-4]. В 1749 г. здесь находились 21 магазин, девять амбаров, семь резницких комор [LVIA, SA, sign. 112, l. 684 v.]. В 1760 г. в Толочине насчитывалось 13 действующих магазинов, которые содержали исключительно евреи. Кроме того, в центре торговых рядов пустовало пять, а по бокам 12 магазинов. Возле магазинов были расположены склады (амбары), из них четыре действующих и два пустых [ANKr, AS, sygn. 416-6].

Магазины на рынке находились в собственности как толочинских мещан, так и панской администрации. Так, в 1760 г. с панских магазинов («крам») каждый арендатор, продающий свои товары, должен был платить чинш два битых талера в год с одного магазина. В случае покупки у панской администрации магазина в собственность, его владелец должен был платить по 2 тынфа чинша. При этом продавцы должны были пользоваться так называемыми справедливыми мерами – виленским локтем, который выдавался панской администрацией. За пользование панскими амбарами при магазинах («крамах») взимали плату – 2 битых талера в год, а за пользование

своими амбарами, выкупленными у панского двора – 2 тынфа в год. Мещане, занимающиеся убоем скота и торговлей мясом (резники), за право заниматься своим ремеслом должны были все вместе отдавать в толочинский (господский) двор говяжьего мяса по 12 четвертей и по два камня жира [ANKr, AS, sygn. 416-6]. При этом семь четвертей давали резники-евреи, а пять четвертей – резники-христиане [ANKr, AS, sygn. 416-5].

Рынок в Толочине имел форму прямоугольника длиной 151 м (3 шнура и 1 прент) и шириной 114 м (2 шнура 3 прента и 4 прентика). Его площадь, по данным 1795 г., составляла 1,72 га (2 морга 125 2/5 квадратных прентов). Эти данные можно считать допустимыми в отношении всего XVIII в., так как планировка городов и местечек того времени в основном была довольно стабильной, а сведений о перепланировке Толочина в XVIII в. пока не выявлено (рис. 13.5). Из 1,72 га рынка Толочина в 1795 г. были пригодными для проведения торгов 1,44 га (2 морга 8 квадратных прентов). Из общей рыночной площади следует исключить: 332,08 м^2 (14 квадратных прентов), занятых фундаментом разрушенной к этому времени Ильинской церкви; 128 м^2 (5 2/5 квадратных прентов), на которых были расположены восемь каменных столбов разрушенной ратуши (см. рис. 10.1); 189,76 м^2 (8 прентов) нового скарбового склада; 474,4 м^2 (20 квадратных прентов) земли, находящихся под еврейскими магазинами. Всего на рынке в то время было размещено 27 магазинов, т. е. каждый магазин занимал в среднем площадь в 17,5 м^2 [ANKr, AS, sygn. 416-8].

Сохранились правила проведения торговой деятельности жителями Толочина за 1760 г. Так, толочинские мещане, как христиане, так и евреи, имели право «шинковать» – изготовлять и продавать алкогольные напитки («гнать водку/горелку, изготовлять пиво, сытить мед») при условии выплаты налога («данины») арендатору корчем Толочинского имения по установленным ставкам (табл. 13.5). При этом продавцам алкогольной продукции («шинкарям») было запрещено во время торговли делать «хитрости и преграды» друг другу под страхом штрафа в 60 коп грошей. При торговле напитками предписывалось пользоваться только установленными «справедливыми» мерами: гарцами, полугарцами, квартами, кватераками, которые определяла панская администрация, причем на данных образцах мер должен был присутствовать герб владельца Толочина. В случае нарушения данного правила, за использование иных мер виновный подвергался штрафу в 50 коп грошей в пользу пана и заключению в тюрьму на неделю. Основным пунктом продажи алкогольной продукции являлась корчма. С середины XVIII в. их стали называть «австерии». Большинство корчем были построены владельцем Толочина на рынке за свой счет, и он сдавал их в аренду. Арендаторы платили в панскую казну по пять червонных злотых в год [ANKr, AS, sygn. 416-6].

Арендаторы и шинкари должны были изготовлять алкогольные напитки качественно и не имели права завышать цену. Контролером цен выступала панская администрация, которая следила как за тем, чтобы цены алкогольных напитков и других товаров не были обременительными для

их подданных, так и за тем, чтобы цены были выгодны продающим и арендаторам. Так, в 1760 г. при нормальных условиях функционирования рынка высшая цена гарнца водки («горелки») была установлена в один тынф, а в случае покупки в кредит («на почеканье») – один гарнец водки уже стоил 3,5 шостака; в случае же подорожания зерна на рынке – один гарнец водки стоил 3,5 шостака, а при продаже в кредит – 4 шостака. Аналогичное правило было установлено и в отношении пива: цена гарнца пива в обычных условиях не должна была превышать 2 копейки, а при подорожании зерна – 2,5 копейки. По данным того же 1760 г., мещане и крестьяне Толочинского имения не имели права изготовлять алкогольные напитки для своих нужд, а также покупать такие напитки в других имениях у продавцов «на стороне», а обязаны были покупать водку, пиво, мед только у толочинского арендатора. В случае нарушения данного запрета с виновного взимали штраф в 5 коп грошей, а привезенные алкогольные напитки конфисковывали. Помимо этого виновного наказывали в панском дворе «биением палками». Однако в случае празднования свадьбы каждый мещанин-христианин, крестьянин Толочинского имения имел право выгнать одну меру (на праздники св. Николая и Юрия – «микольщина» и «юровщизна») браги, произвести один вар пива при условии уведомления и получения согласия об этом арендатора. За получение такого разрешения обращающийся должен был дать арендатору половину мерки овса и одну курицу.

Таблица 13.5. **Размер денежных податей в 1760 г., взимаемых с толочинских мещан за право производства алкогольных напитков и торговли ими**

Единица обложения	Размер платы, тынфы	Примечания
За заведение браги зерном в 3,5 городской колодной мерки	4	Отмеривание зерна должно было происходить в присутствии арендатора корчем или с его ведома, в противном случае зерно, брага, солод подлежали конфискации в его пользу
От вару пива пять мерок солоду	5	
От «высыченья» пуда меда	1	Без разрешения арендатора мед нельзя было сытить
От бочки вина	6	Розничная торговля

Корчмари, шинкари имели право продавать алкогольные напитки только в уже существующих «давних» корчмах, шинках. Открытие новых таких торговых точек в имении было запрещено «для предостережения подданных от разврата (“распусты”) из-за близости питейных заведений». Открытие новых питейных заведений было возможно только по разрешению панской администрации. Для предупреждения разорения подданных существовало ограничение на продажу алкогольных напитков: зажиточные хозяева могли купить алкогольной продукции на общую сумму не более чем на 10 тынфов, а более бедные хозяева – не более чем на 6 тынфов. На большую сумму корчмари и шинкари не имели права продавать в долг.

В целях предупреждения разорения подданных, корчмарям и шинкарям было запрещено взимать долги с мещан и крестьян Толочинского имения зерном. Долги необходимо было взимать деньгами, а в случае согласия самого подданного, можно было и зерном, но обязательно оценивать зерно по его рыночной стоимости.

Для предупреждения злоупотреблений корчмарей и шинкарей в изготовлении алкогольных напитков панская администрация и арендатор корчем проводили строгий контроль состава браги, состояния котлов и пр. С этой же целью в конце года проводили генеральную проверку корчем и шинков.

В ведении арендатора корчем находились и другие хозяйственные объекты (мельницы имения, весовая), продажа табака и смолы, налоги. Имея монопольное право на продажу табака и смолы, толочинские арендаторы могли и уступить его кому-либо. У тех же, кто продавал данные товары без разрешения арендаторов, их конфисковывали. За помол зерна в 1760 г. было предписано брать плату только деньгами и ни в коем случае – зерном. Помол одной двойной мерки зерна стоил 4 копейки. Данный размер платежа был единым для всех. Льгота на бесплатное пользование услугами мельницы для личных нужд распространялась на толочинский господский двор, представителей панской администрации (в объемах определенных их довольствием) и толочинского плебана/ксенза. С подданных толочинского имения – крестьян, плату за помол брали исключительно зерном в размере 1/15 части от привезенного объема зерна. Помол зерна в мельницах других имений мещанам и крестьянам толочинского имения был запрещен, что являлось общепринятым правилом, в случае нарушения которого виновного наказывали так же, как в случае закупки алкогольных напитков в другом имении. Вместе с тем крестьяне имели право не пользоваться мельницами и молоть свое зерно жерновами, но в таком случае необходимо было платить «пожерновщину» – с каждого дома по 8 гарнцев ржи и по 8 гарнцев овса [ANKr, AS, sygn. 416-6].

Как было отмечено выше, толочинские арендаторы имели монопольное право продажи в Толочине табака и смолы. Данное право они могли и уступать кому-либо за определенное вознаграждение в свою пользу. У того, кто продавал данные товары без разрешения арендаторов, товар подлежал конфискации.

Приезжавшие в Толочин торговцы выплачивали налог за проезд по мостам в пределах Толочинского имения, который назывался «мостовым». С одного большого нагруженного товарами купеческого воза брали 3 гроша, а с «простых» легких возов – по 1 грошу [ANKr, AS, sygn. 416-6 (1760 г.)].

Во время проведения торгов в городе было запрещено продавать различные товары, зерно и прочее за его чертой или на улицах. Торговлю можно было осуществлять только в пределах рынка «так, чтобы всем была одинаковая выгода в покупках». Нарушение данного правила влекло наказание в 10 коп грошей в пользу владельца Толочина и заключение в тюрьму на один день. Продажу зерна, сыпучих товаров осуществляли с помощью установленной меры, «которая поставлена (была) в городской колоде (?),

т. е. меркой в 36 цехованных скарбовых гарнцев». За промеривание сыпучих товаров, зерна платили налог («подать») – «помер колодный» или «померное» – за одну мерку по 1 копейке. При этом промеривание сыпучих товаров должно было происходить только в специальном помещении – городской колодной, в частных домах оно было запрещено, а за нарушение этого правила было предусмотрено суровое наказание. В том случае, если жители Толочина покупали зерно, сыпучие товары где-нибудь «на стороне» и привозили товар в город, они все равно обязаны были платить «померное» [ANKr, AS, sygn. 416-6]. При проведении операций купли/продажи взимали налог – «торговое» (табл. 13.6).

Таблица 13.6. **Размер «торгового» налога в Толочине в 1760 г.**

Вид товара	Размер «торгового» за одну единицу	Примечание
Кони, крупный рогатый скот	1 шостак	–
Телята, овцы, козы, свиньи	0,5 шостака	–
Деревянная, глиняная посуда, лыко и т. д.	1/10 часть товара	Могли взимать товаром или деньгами
Бочка соли	0,5 шостака	За складирование в амбаре или своем доме
	4 шостака	За продажу в розницу
	1 шостак	За продажу* оптом/бочкой
Бочка селедки	1 шостак	За складирование в амбаре или своем доме
	5 шостаков	За продажу в розницу
Свежая рыба	По ставке мелких товаров	«Торговое» за продажу свежей рыбы называли «шосовым»
Шкуры большие	3 гроша	–
Шкуры меньшие, маленькие	1 грош	–
С магазина	1 шостак	От зажиточных крамников
	0,5 шостака	От беднейших крамников (в торговый день**)
С пекарни	3 гроша	От пекарей хлеба и пирогов

* За продажу соли, владельцем которой выступал шляхтич, «торговое» платил не продавец, а покупатель.

** «Крамники» (магазинщики), пекари могли договориться с арендатором и заплатить «торговое» за целый год. Сумму годового платежа устанавливали индивидуально – по договоренности сторон.

В ведении толочинского арендатора находилась и скарбовая весовая («важница»), которая была расположена на рынке. В ней необходимо было взвешивать товары: пеньку, воск, жир, масло. Взвешивание по домам было запрещено. От взвешивания каждого товара брали определенную плату,

как с продавца, так и с покупателя: за берковец пеньки – 1 шостак, до 1 пуда воска, железа, жира и т. д. – по 3 гроша. Если пеньку покупали вязками, то процедуру взвешивания не проводили, но от вязки пеньки брали по 2 гроша. Взвешивать товар на своих весах (безменах) было запрещено, за исключением случаев получения необходимого разрешения по договоренности с толочинским арендатором.

Таким образом, можно утверждать, что Толочин выполнял функции центра имения: административно-хозяйственного, ремесла и торговли. Господская администрация толочинского имения, жители местечка и имения были втянуты в торговую деятельность, как местную, так и региональную. В результате на местном рынке в должной мере присутствовал необходимый ассортимент товаров, что способствовало развитию региона.

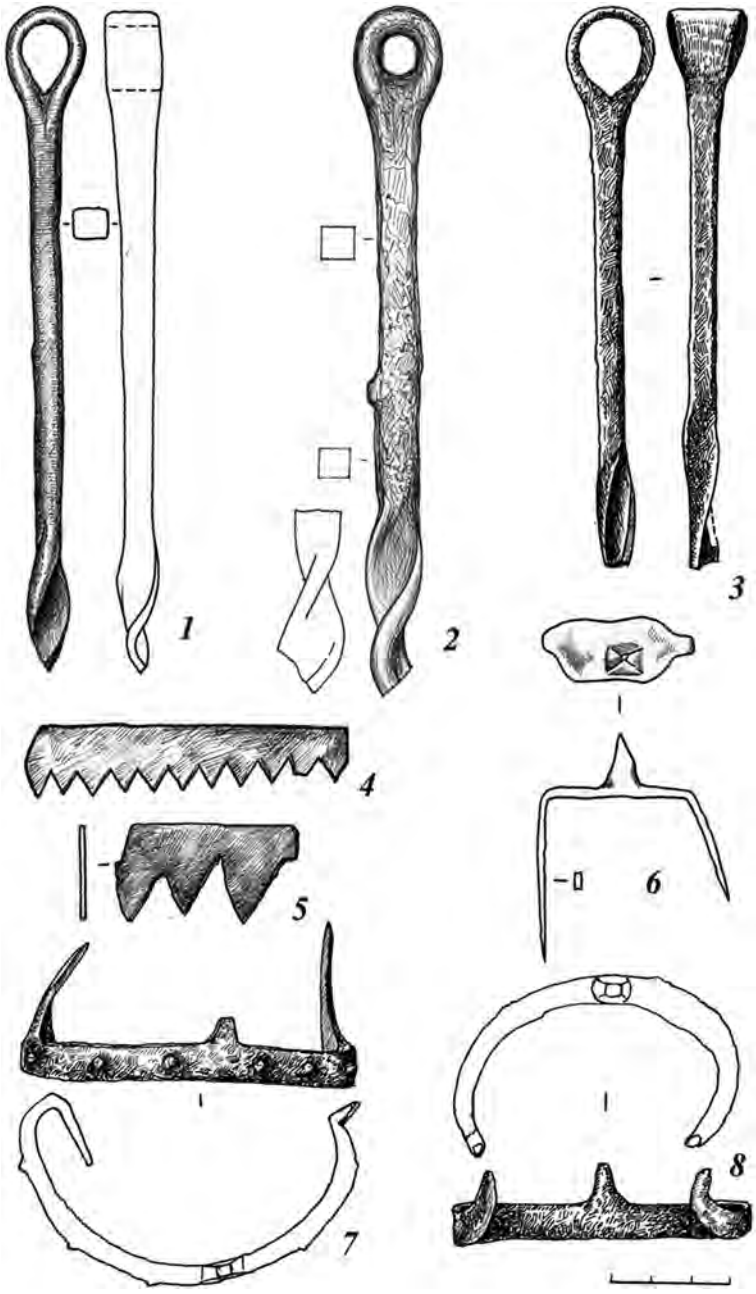


Рис. 12.1. Ремесленные инструменты и бытовые предметы: *1–3* – сверла; *4, 5* – пилы; *6* – ледоходный шип; *7, 8* – обувные подковки. XI–XVII вв. Фонды ВОКМ – *6*

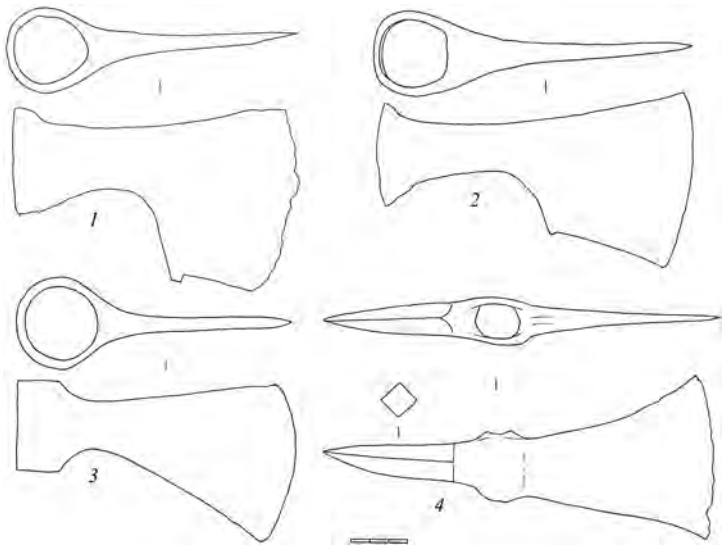


Рис. 12.2. Ремесленные инструменты. Топоры (*1–4*). XIII–XVII вв. Фонды ВОКМ

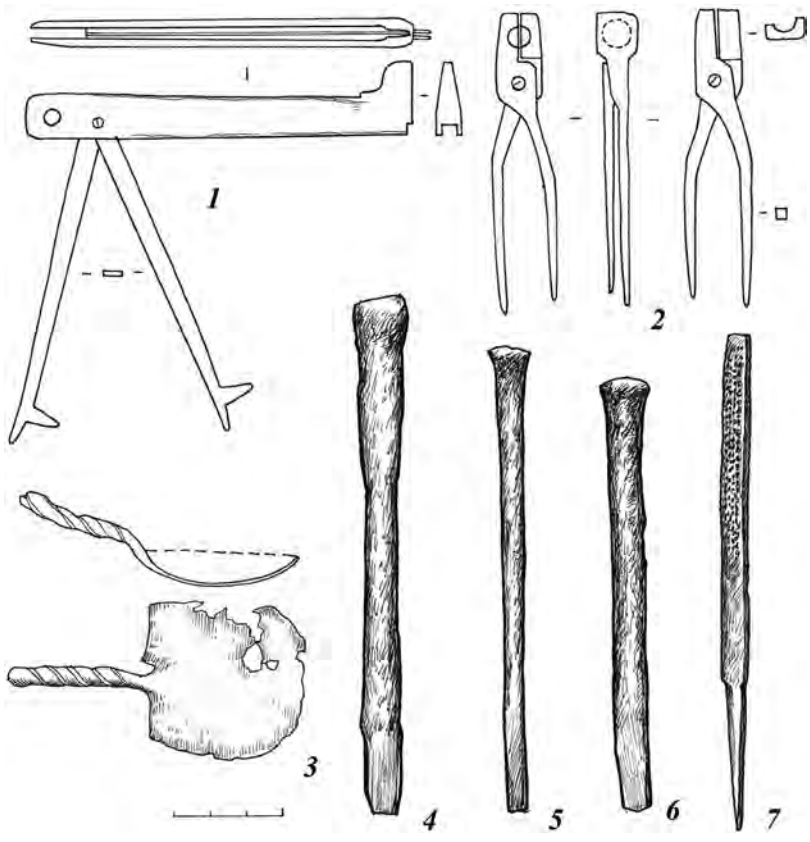


Рис. 12.3. Специнветарь: *1* – измерительный инструмент; *2* – пулелейка; *3* – предмет неопределенного назначения; *4–6* – долота; *7* – напильник. XI–XVII вв. Фонды ВОКМ – *1–3*

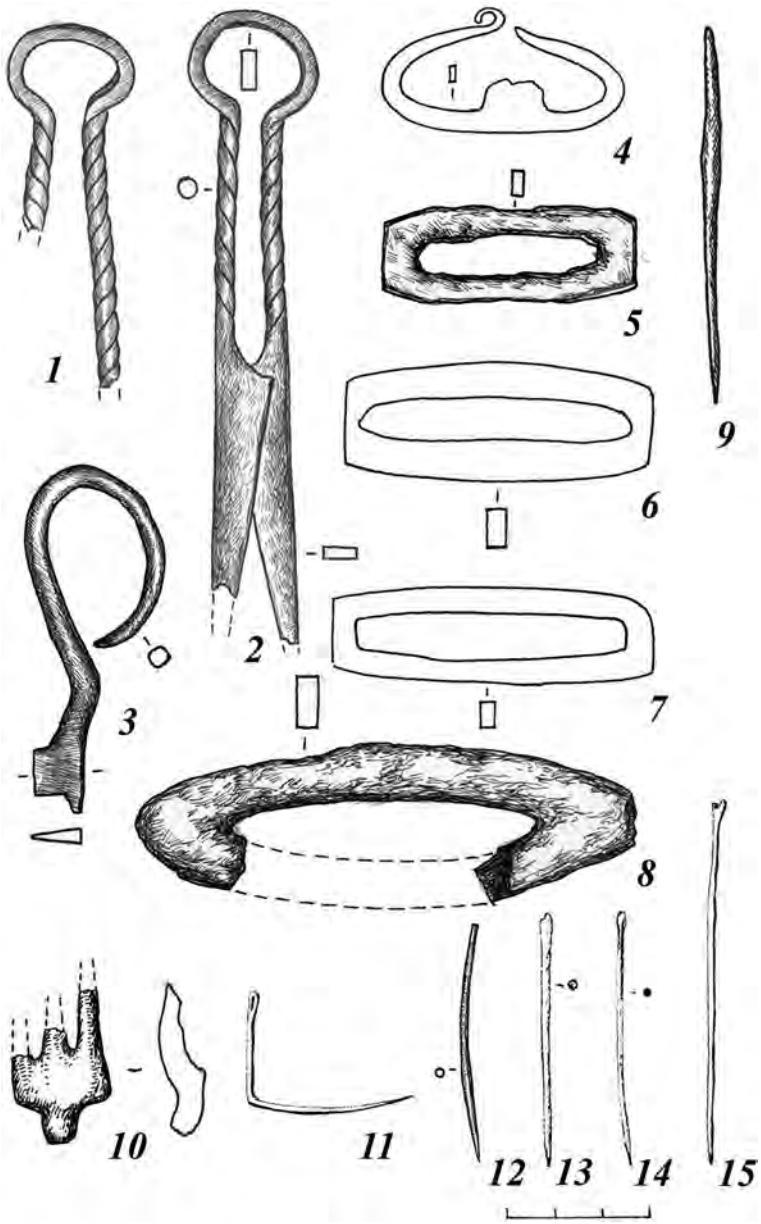


Рис. 12.4. Ремесленные инструменты и бытовые предметы:
1–3 – ножницы (*1, 2* – пружинные; *3* – шарнирные); *4–8* – кресала;
9 – шило; *10* – вилка; *11–15* – иголки. XI–XVII вв.

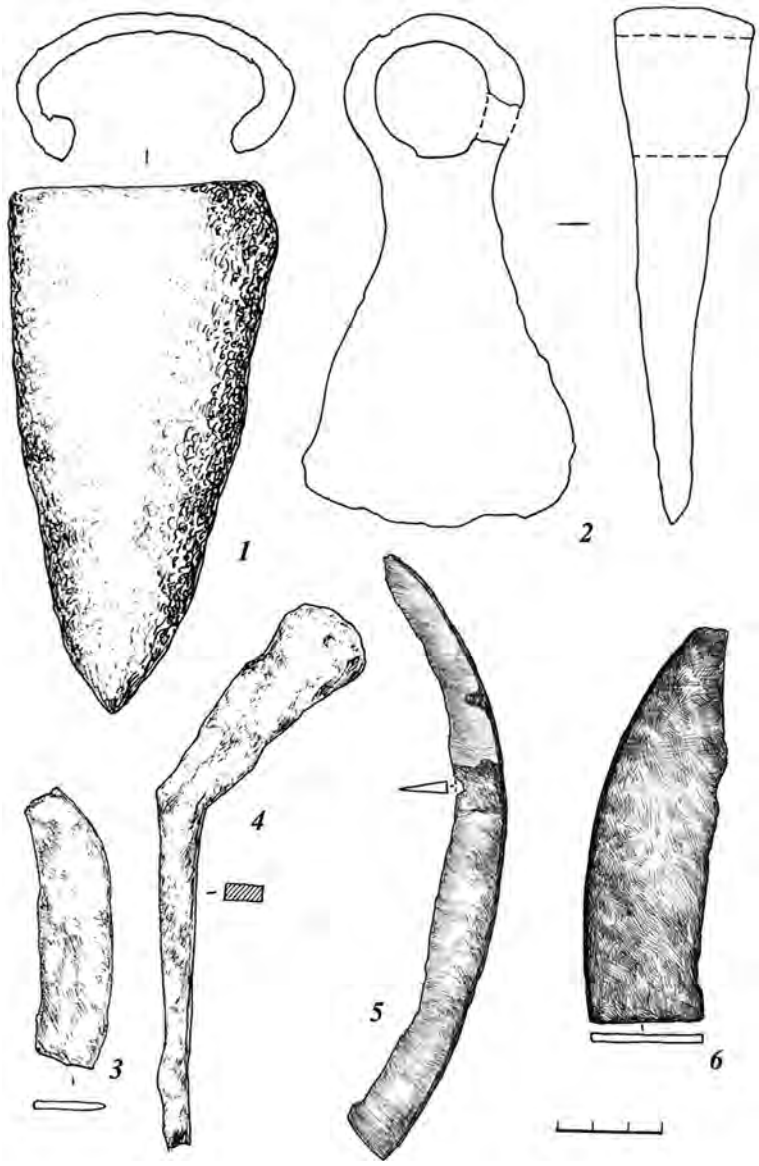


Рис. 12.5. Сельскохозяйственные и промысловые приспособления:
1 – сошник; *2* – мотыга; *3, 6* – косы; *4, 5* – серпы. XI–XIII вв. Фонды ВОКМ – *2*

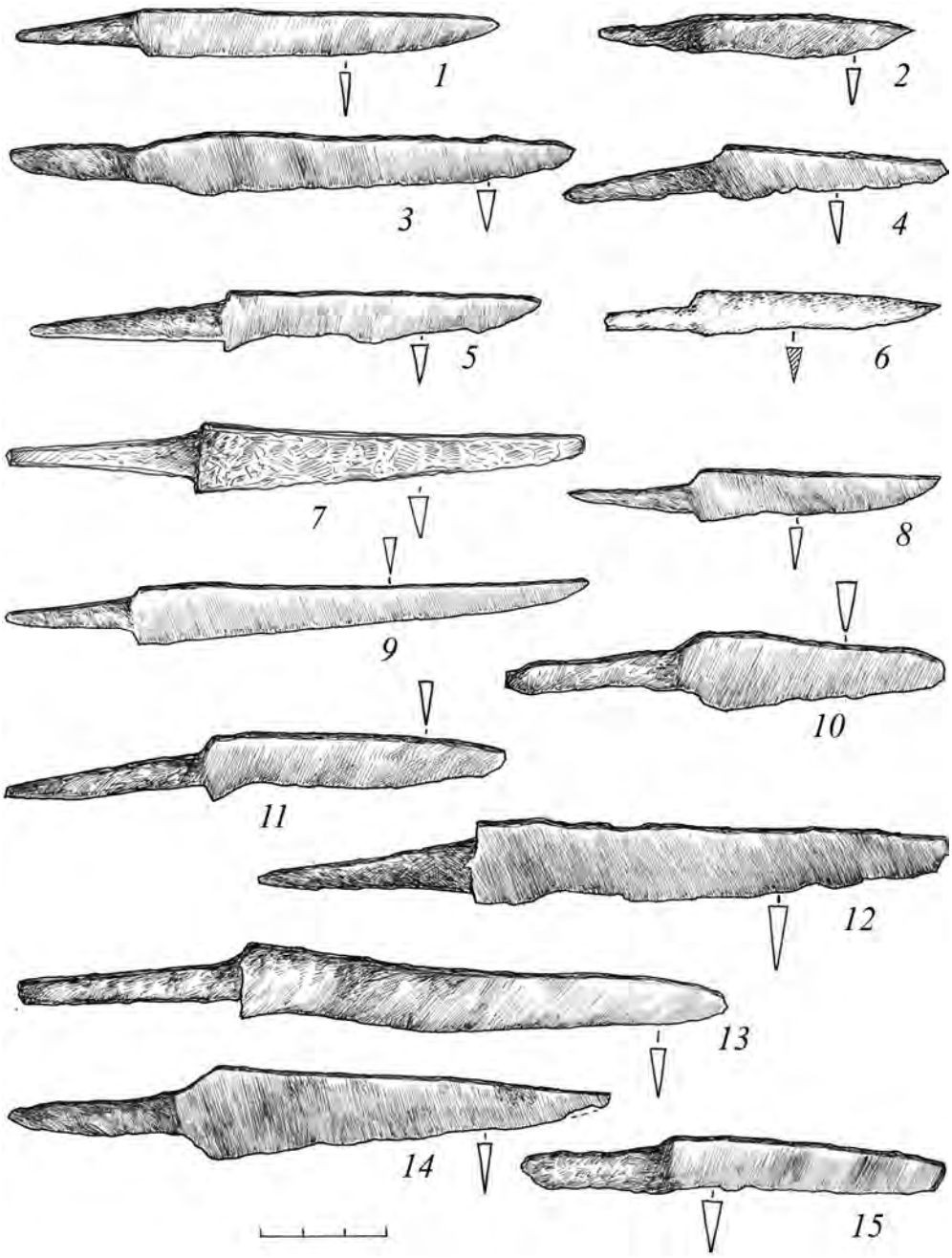


Рис. 12.6. Бытовые предметы. Ножи (*1–15*). XI–XIII вв.

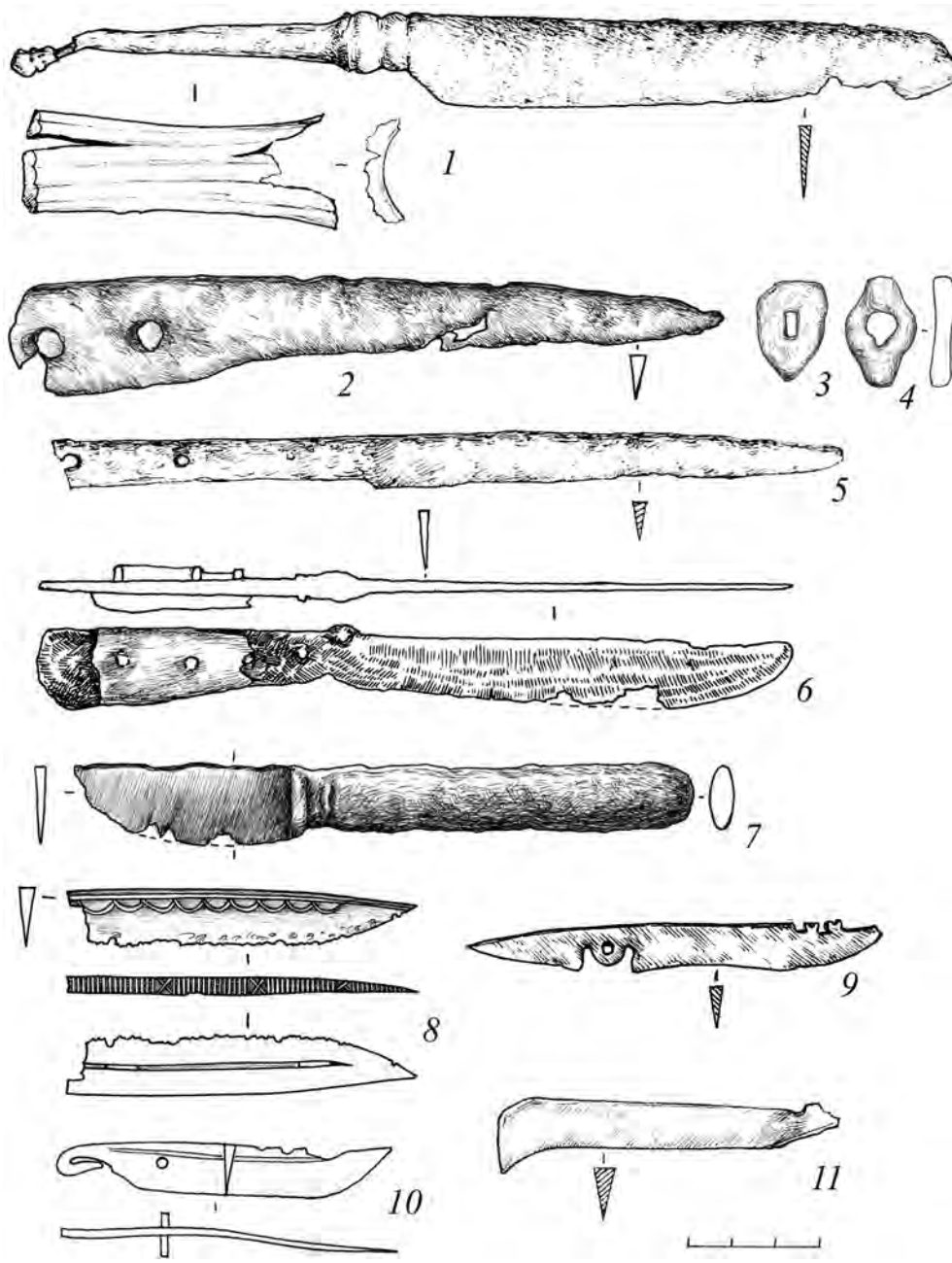


Рис. 12.7. Ремесленные инструменты и бытовые предметы: *1, 2, 5–8* – ножи; *3, 4* – насадки на рукоять ножа; *9* – складной нож; *10, 11* – бритвы. XIV–XVIII вв. Фонды ВОКМ – *8, 10*

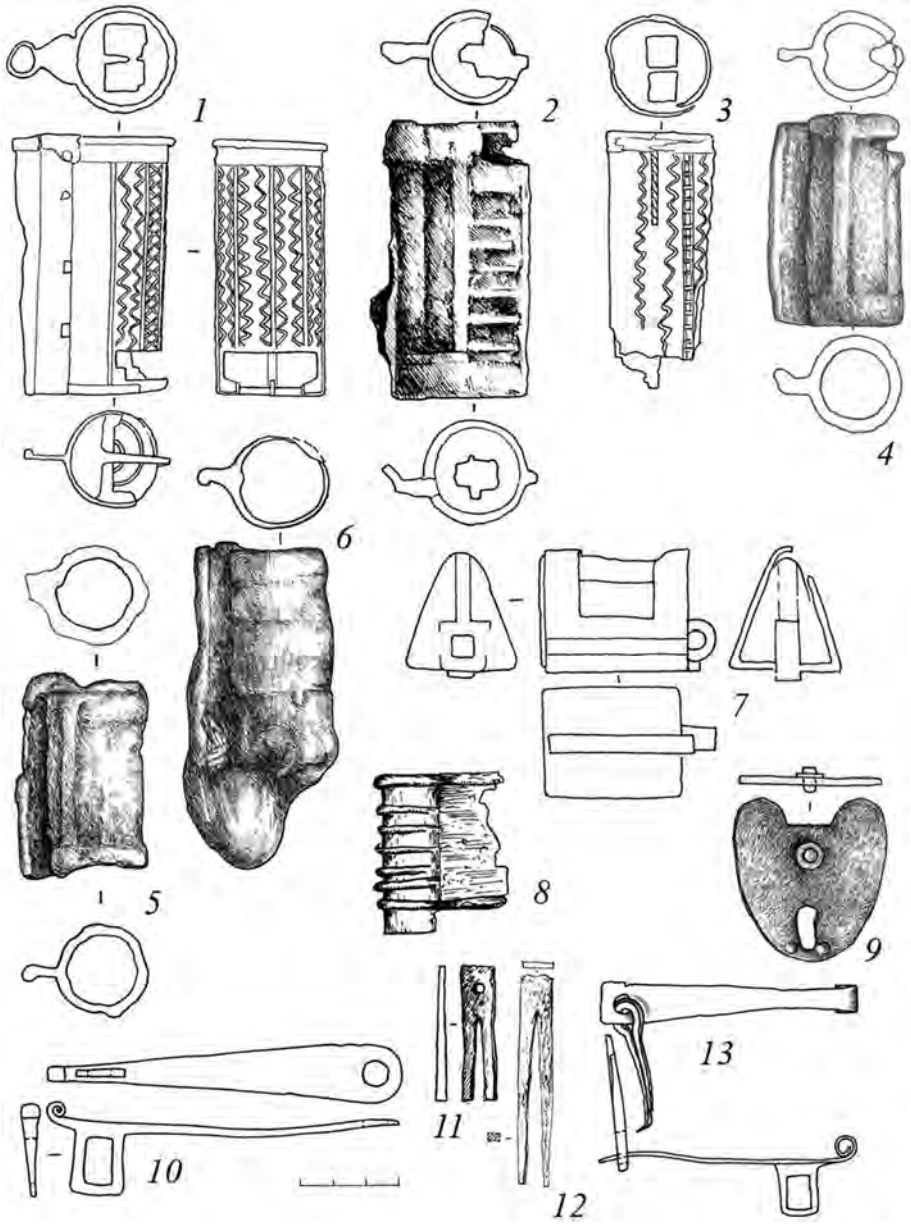


Рис. 12.8. Бытовые предметы: *1–9* – навесные замки (фрагменты); *10–13* – детали нутряных замков. XI–XIII вв. Фонды ВОКМ – *1, 3, 10, 12, 13*

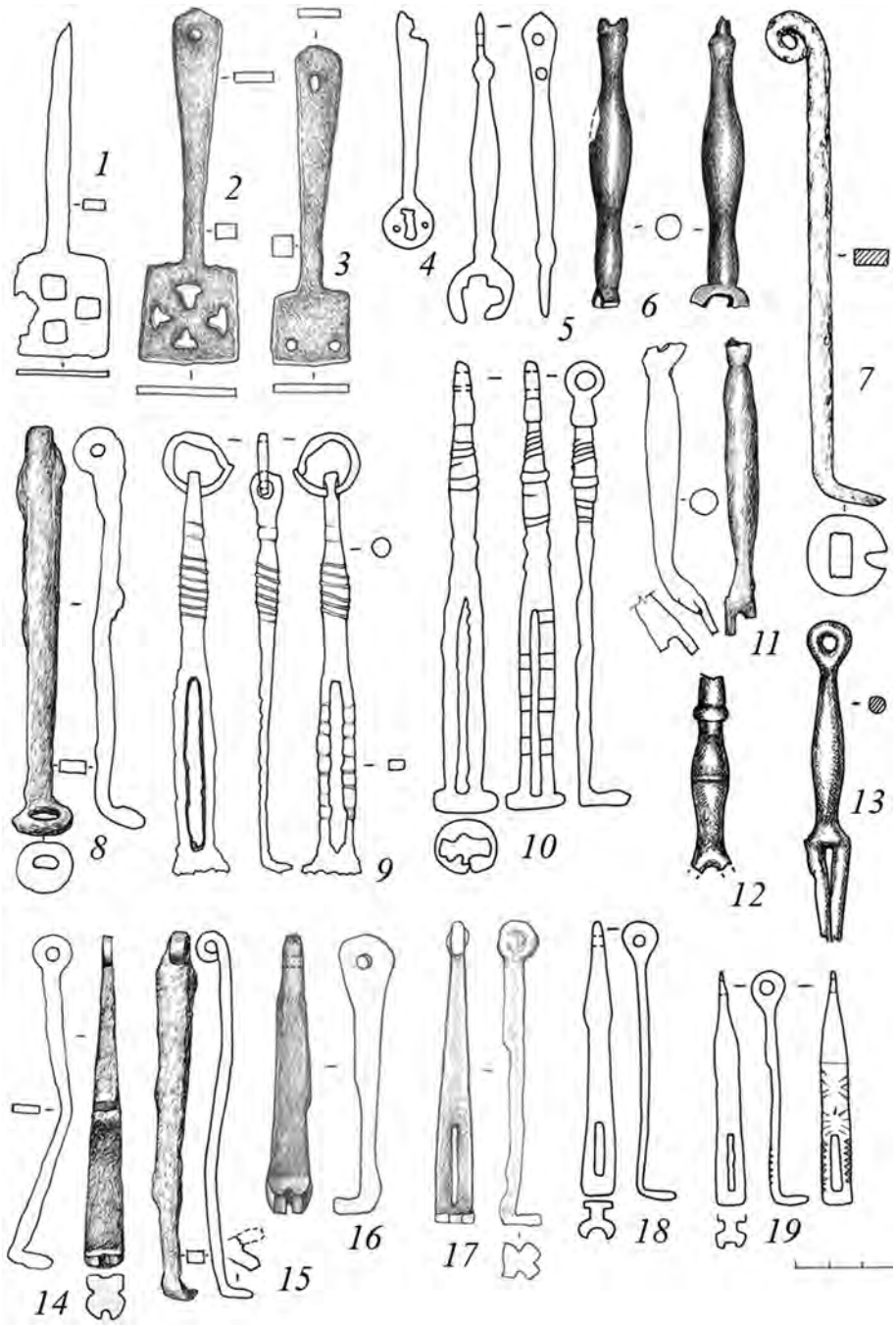


Рис. 12.9. Бытовые предметы. Ключи от навесных пружинных замков *(1–19)*. X–XIII вв. Фонды ВОКМ – *1, 4, 5, 7, 9, 10, 18, 19*

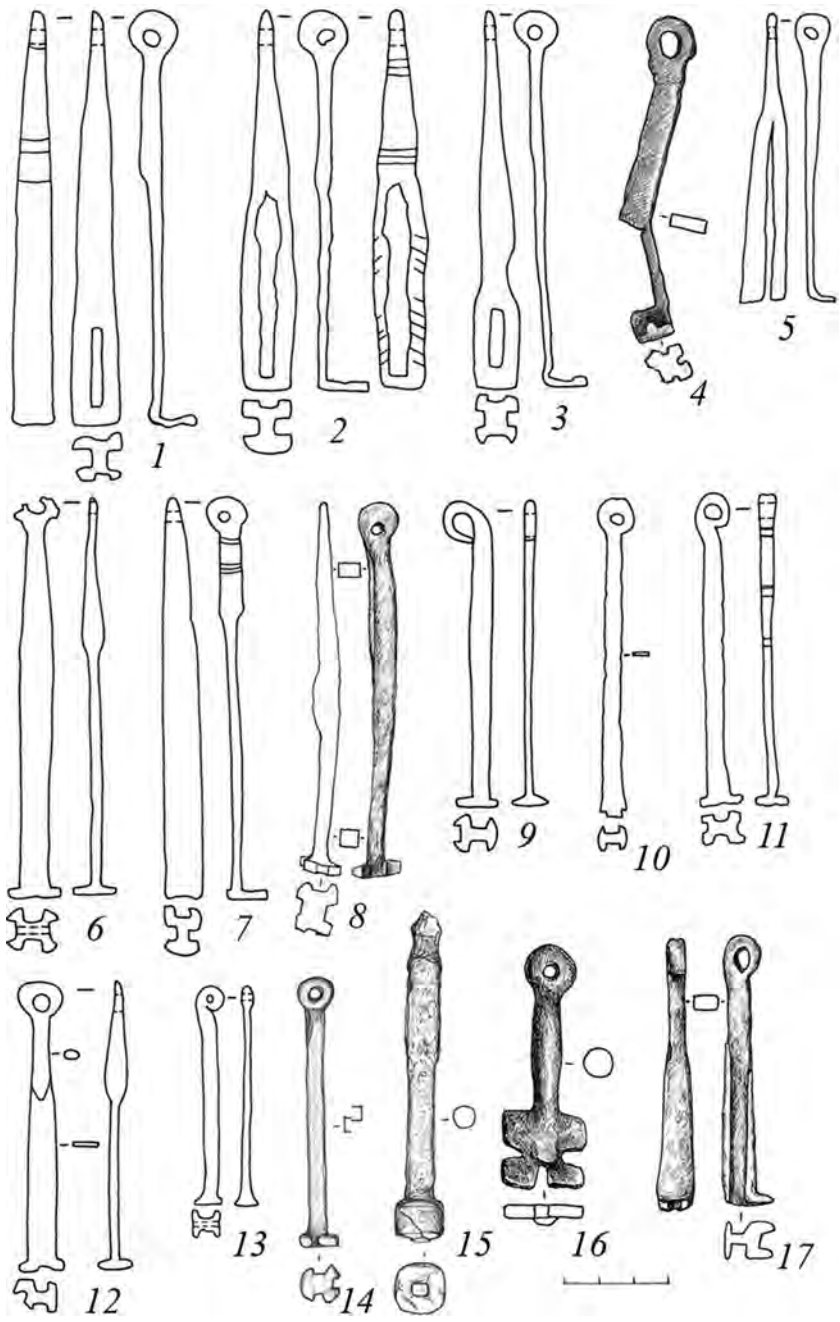


Рис. 12.10. Бытовые предметы. Ключи от навесных пружинных замков *(1–17)*. X–XIII вв. Фонды ВОКМ – *1–3, 5–7, 9–13*

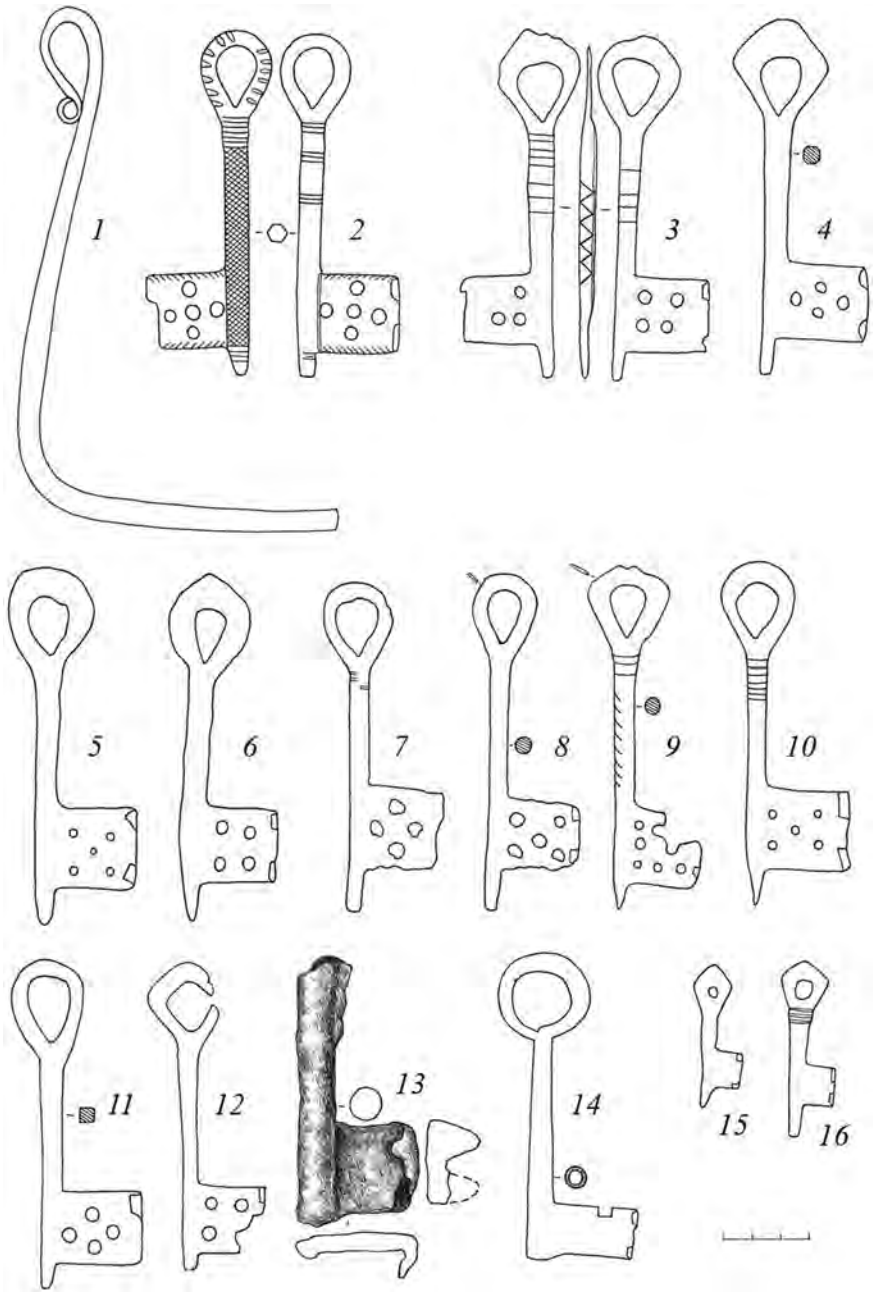


Рис. 12.11. Бытовые предметы: *1* – отмычка от деревянной задвижки; *2–16* – ключи (*2–14* – от комбинированных замков; *15, 16* – от сундучков). XI–XIV вв.
Фонды ВОКМ – *1–12, 14–16*

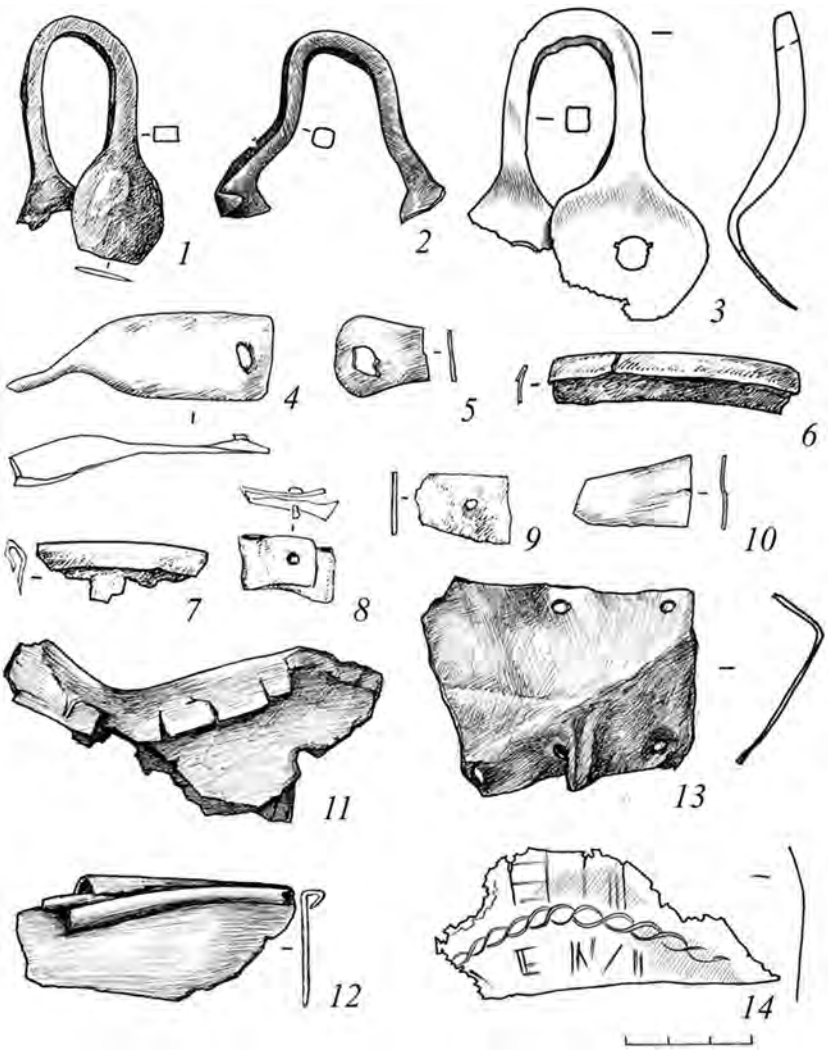


Рис. 12.12. Сырьевой металл *(1–14)*. XI–XIII вв.

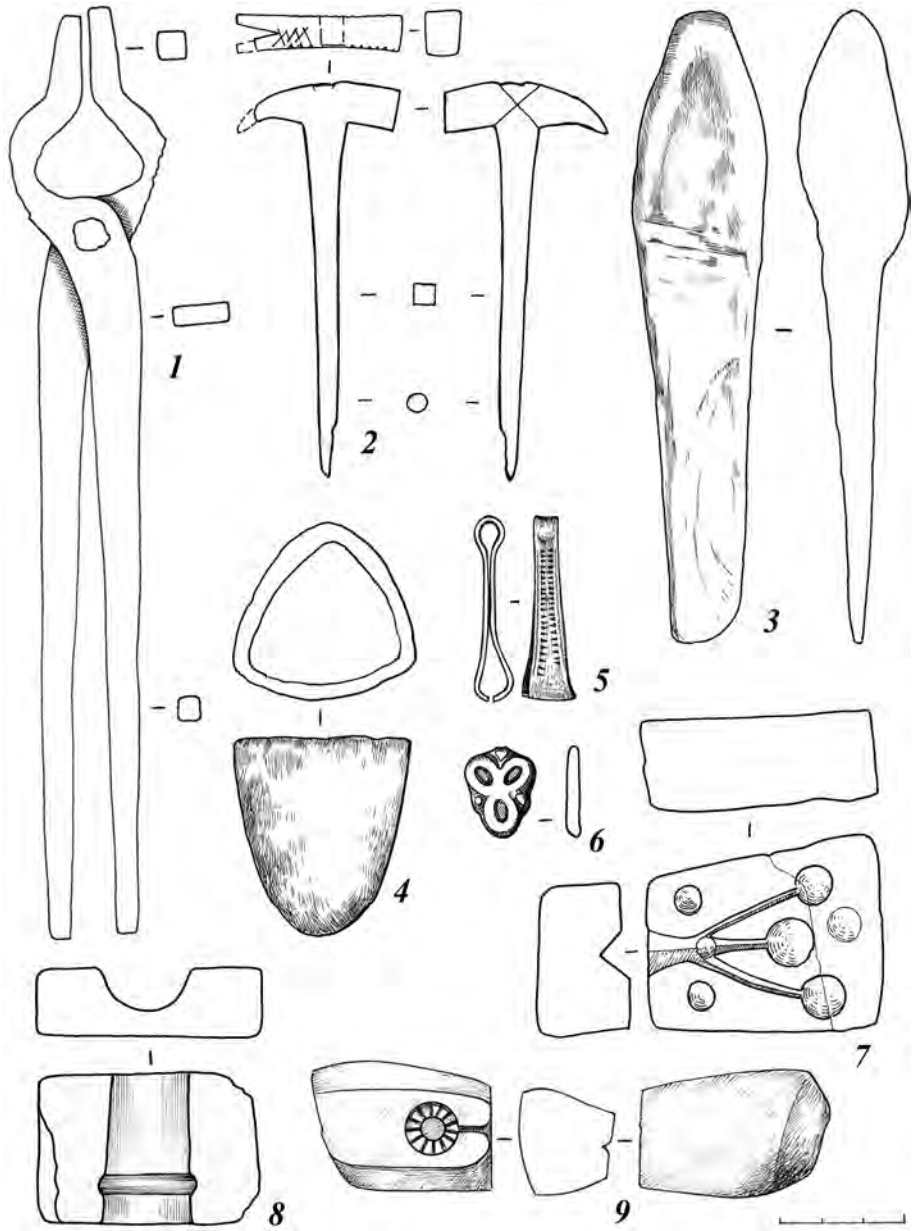


Рис. 12.13. Инструменты и приспособления ювелиров: *1* – клещи; *2* – молоток; *3* – наковальня; *4* – тигель; *5* – пинцет; *6* – матрица; *7–9* – литейные формы. XI–XIII вв. Друцк: *1–4, 7–9* – городище; *5* – Окольный город; *6* – посад. Раскопки: *1–4, 7, 8* – Л. В. Алексеева; *5, 6, 9* – О. Н. Левко. Фонды ВОКМ – *1–3, 7, 8*

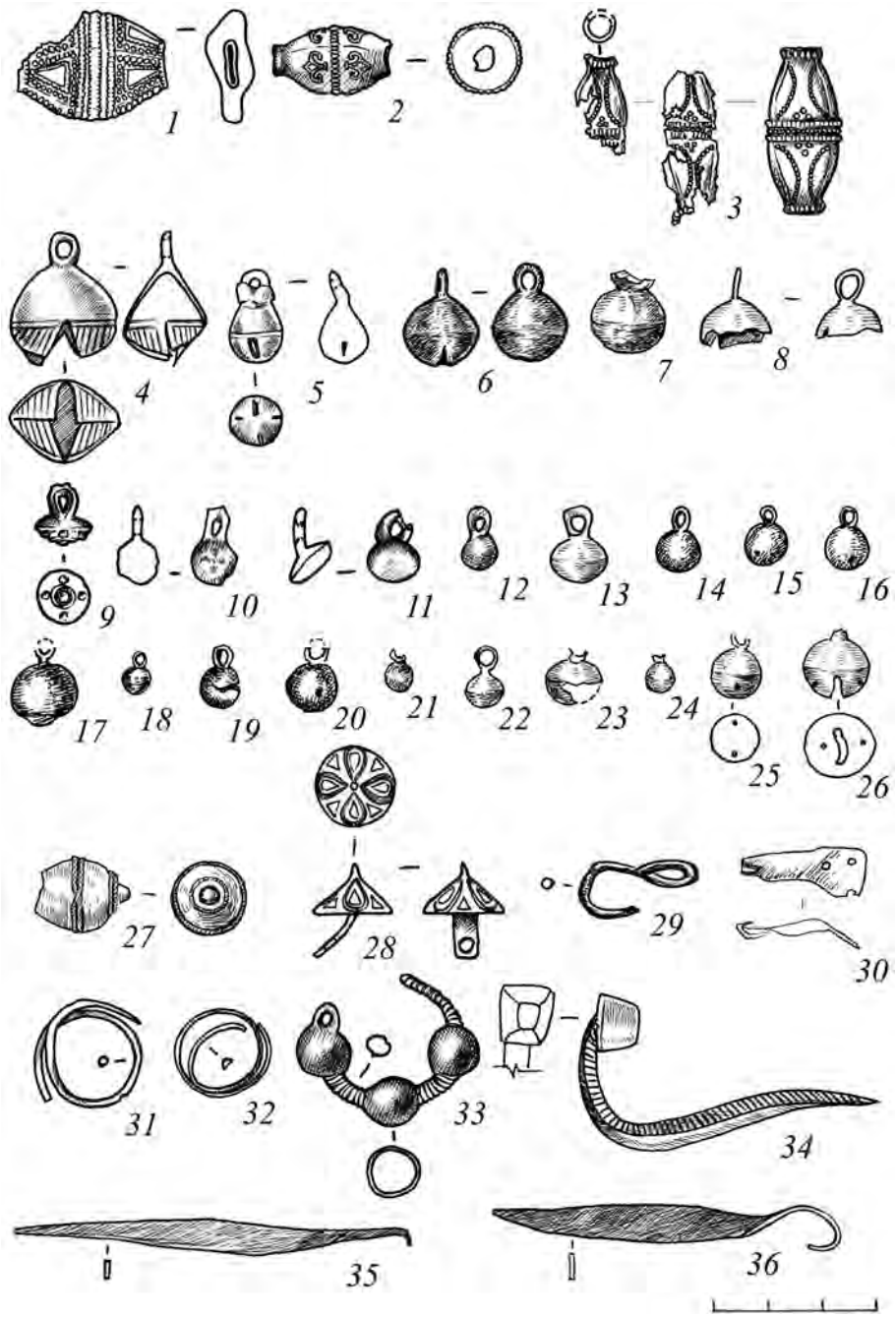


Рис. 12.14. Изделия из цветных металлов: *1–3* – бусы; *4–8* – бубенчики; *9–28* – пуговицы; *29, 30, 35, 36* – крючки-зацепы; *31–33* – височные кольца; *34* – шейная гривна. Друцк: *1–5, 9–11, 28, 31–33* – городище; *7, 8, 12, 30, 34* – посад; *6, 35, 36* – Окольный город; *13–27, 29* – курган. Исследования: *1, 4, 5* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *2, 3, 6–36* – О. Н. Левко

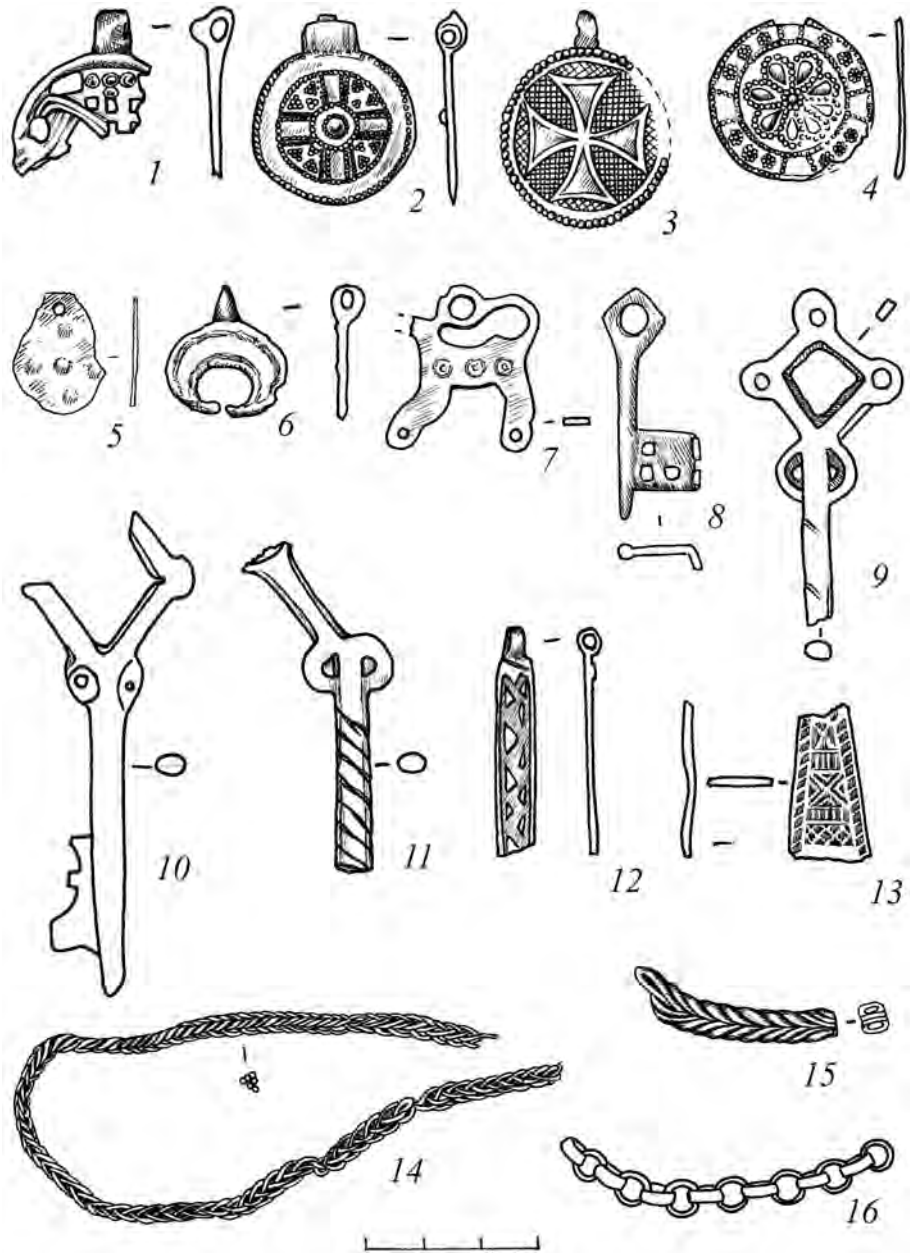


Рис. 12.15. Изделия из цветных металлов: *1–13* – привески; *14–16* – цепочки. Друцк: *1–4, 6, 9–16* – городище; *5, 7* – посад; *8* – курган. Исследования: *1, 4–8, 12–14* – О. Н. Левко; *2, 3, 9–11, 15, 16* – Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ – *9–11, 15, 16*

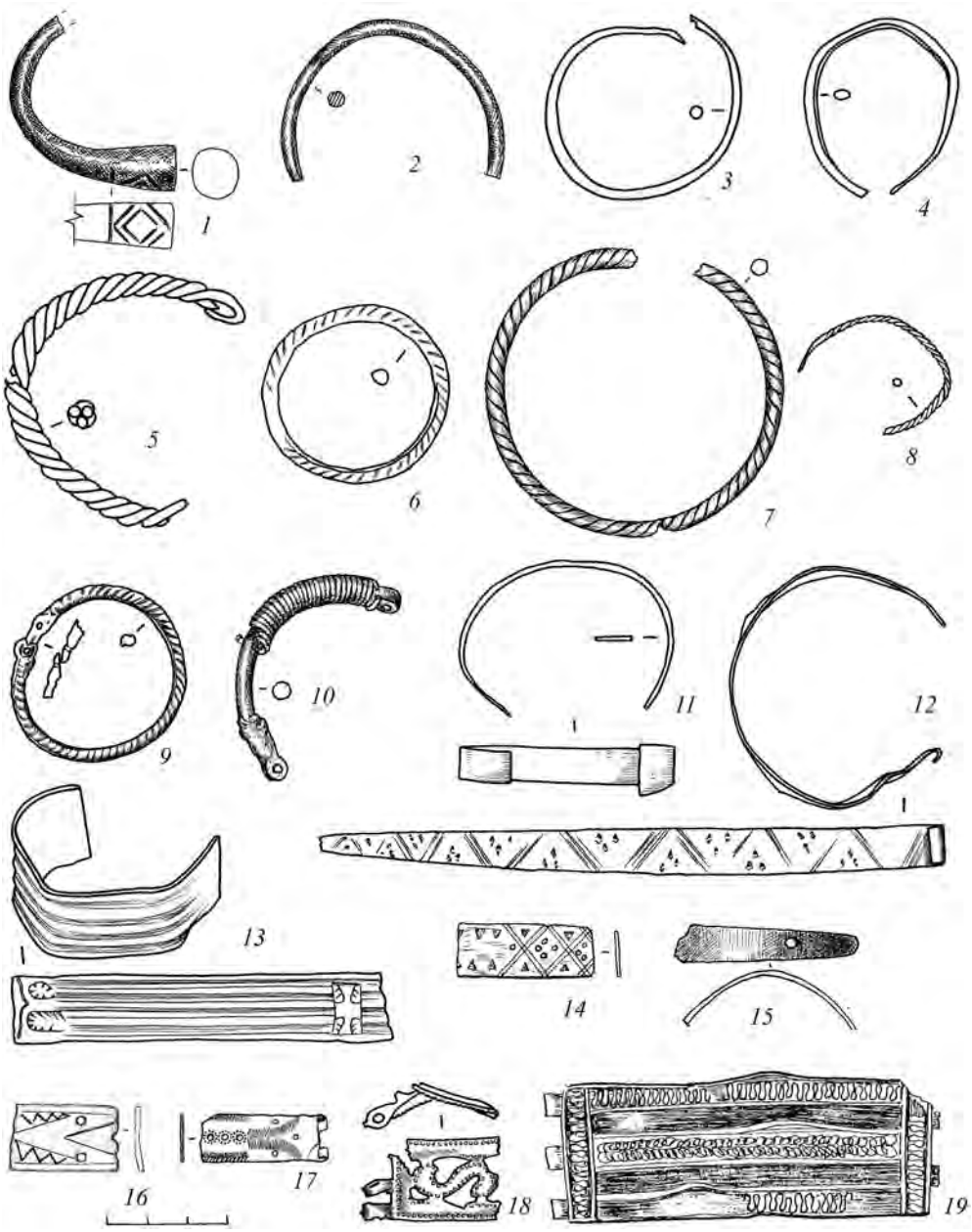


Рис. 12.16. Браслеты *(1–12)*. Цветной металл. Друцк: *3–13, 15, 18, 19* – городище; *1, 2, 14, 16, 17* – посад. Исследования: *1, 2, 6–8, 10, 14–18* – О. Н. Левко; *3–5, 9, 11–13, 19* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

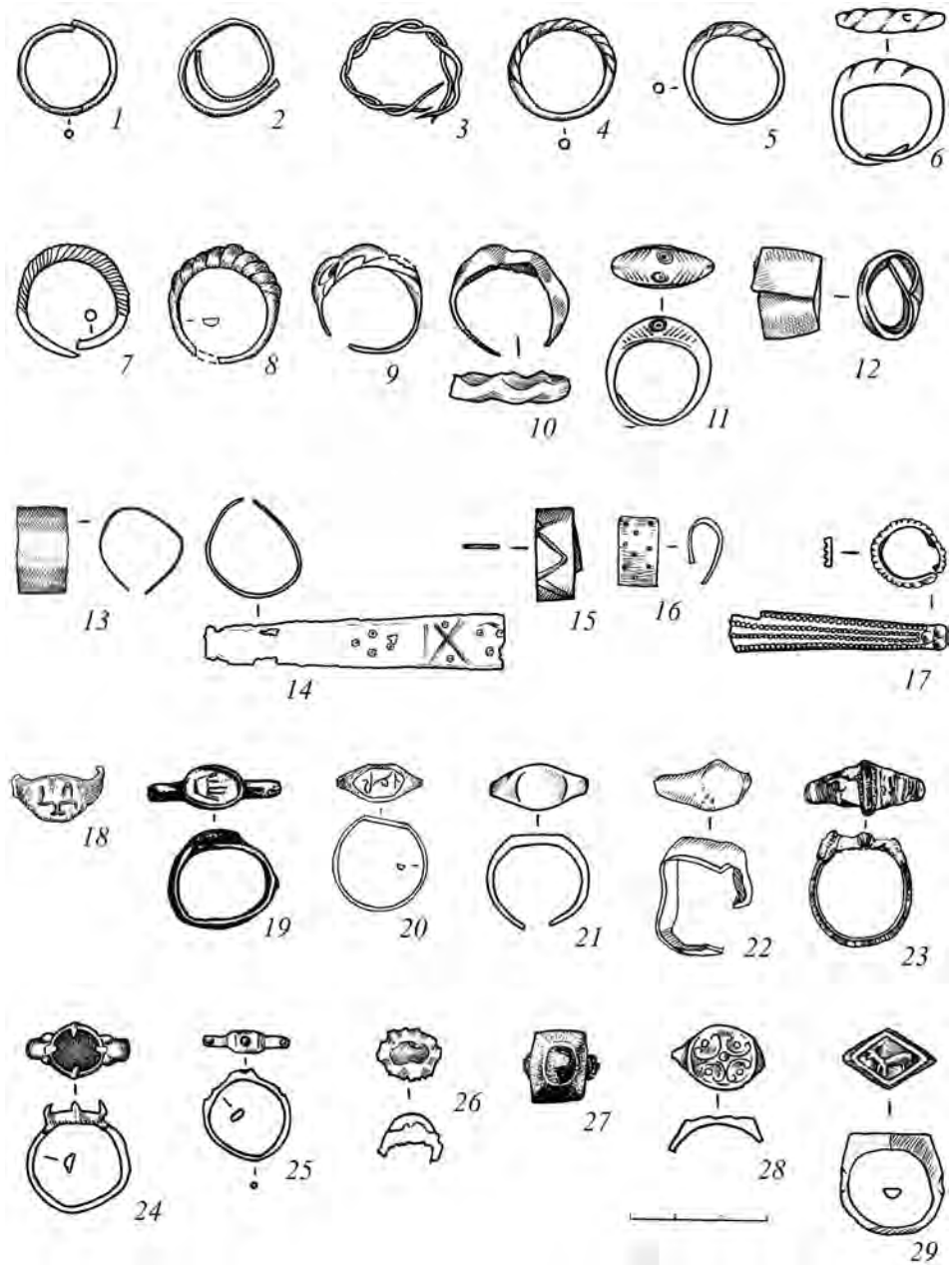


Рис. 12.17. Перстни *(1–29)*. Цветной металл. Друцк: *3, 5–15, 17–19, 21, 23–29* – городище; *1, 2, 4, 20, 22* – посад; *16* – курган. Исследования: *1, 2, 4, 8, 12, 13, 16, 20, 22, 25–29* – О. Н. Левко; *3, 5–7, 9–11, 14, 15, 17–19, 21, 23, 24* – Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ – *3, 5–7, 9–11, 14, 15, 17, 19, 21, 23, 24*

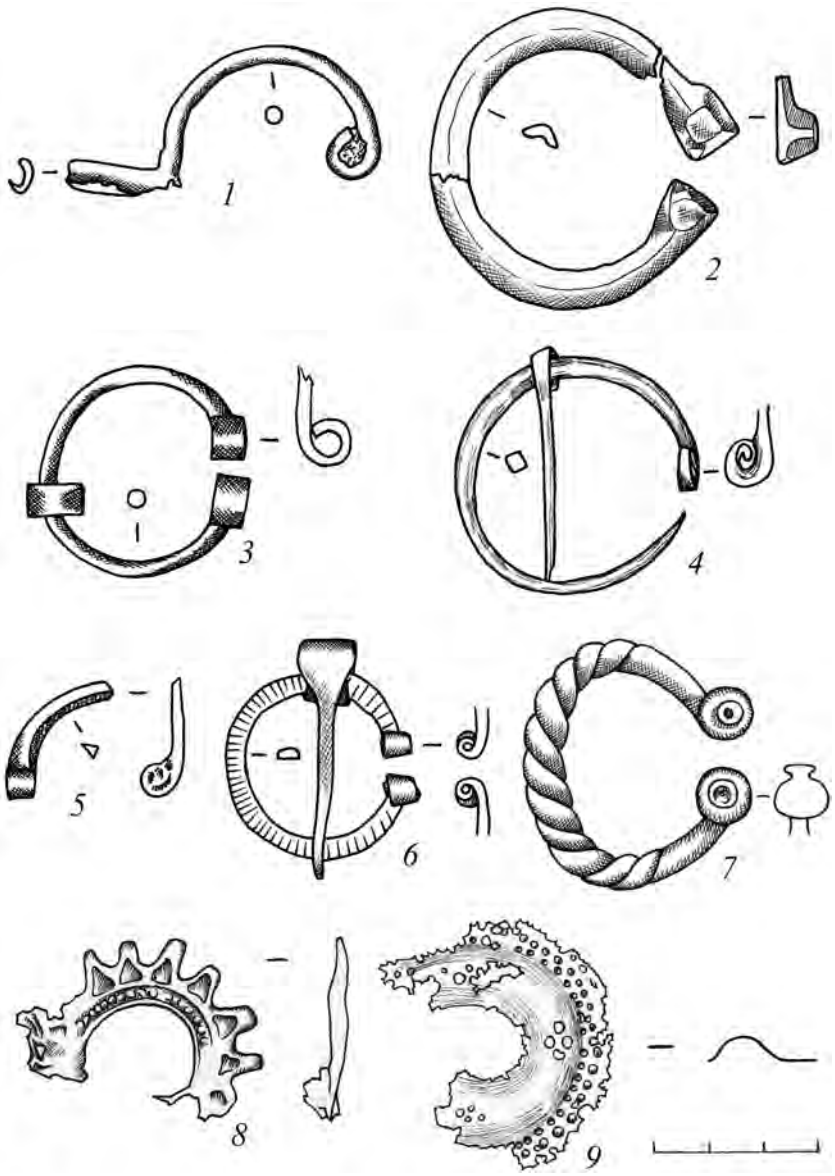


Рис. 12.18. Фибулы *(1–9)*. Цветной металл. Городище. Друцк. Исследования: *1, 2, 4, 6, 7* – Л. В. Алексеева; *3, 5, 8, 9* – О. Н. Левко. Фонды ВОКМ – *1, 2, 4, 6*

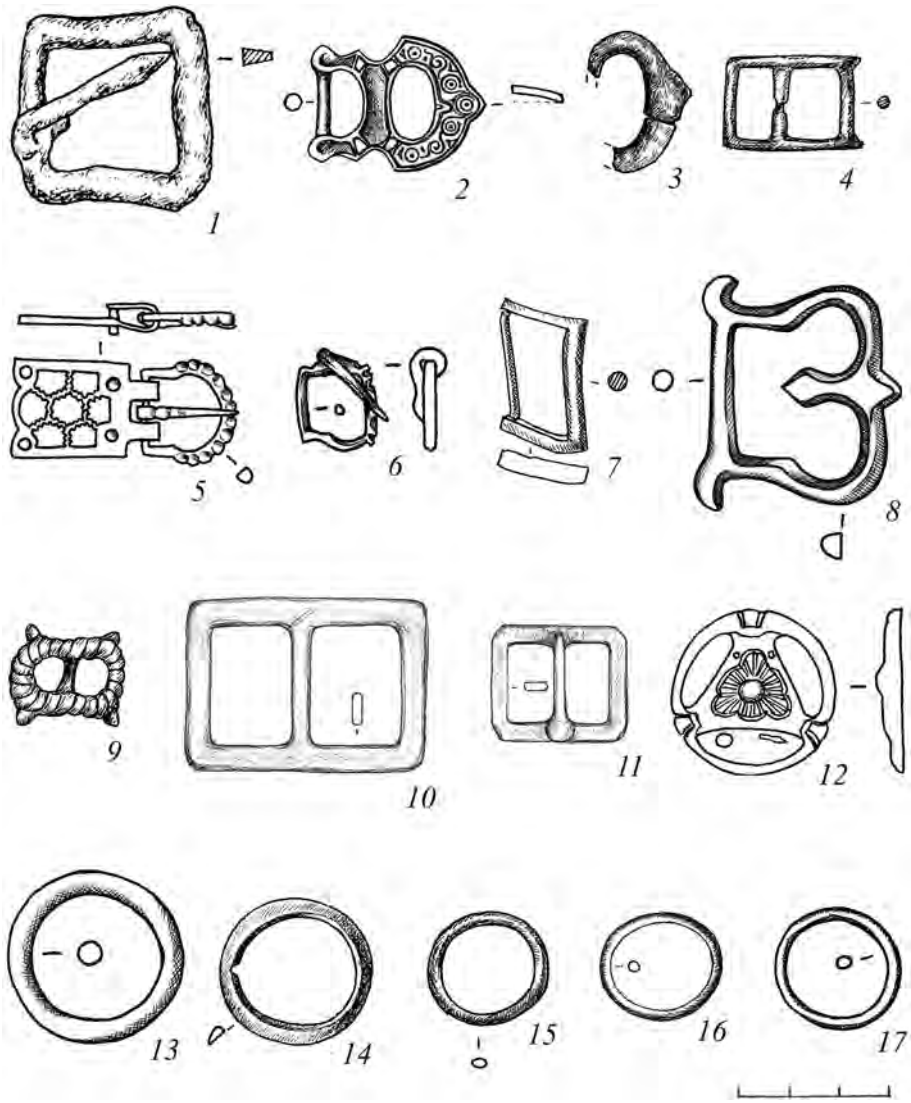


Рис. 12.19. Изделия из железа (*1*) и цветных металлов (*2–17*): *1–11* – пряжки; *12–17* – поясные кольца. Друцк: *1–4, 7, 9–11, 15–17* – посад; *5, 6, 8, 12, 13* – городище. Исследования: *1–4, 6, 7, 9–11, 13–17* – О. Н. Левко; *5, 8, 12* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

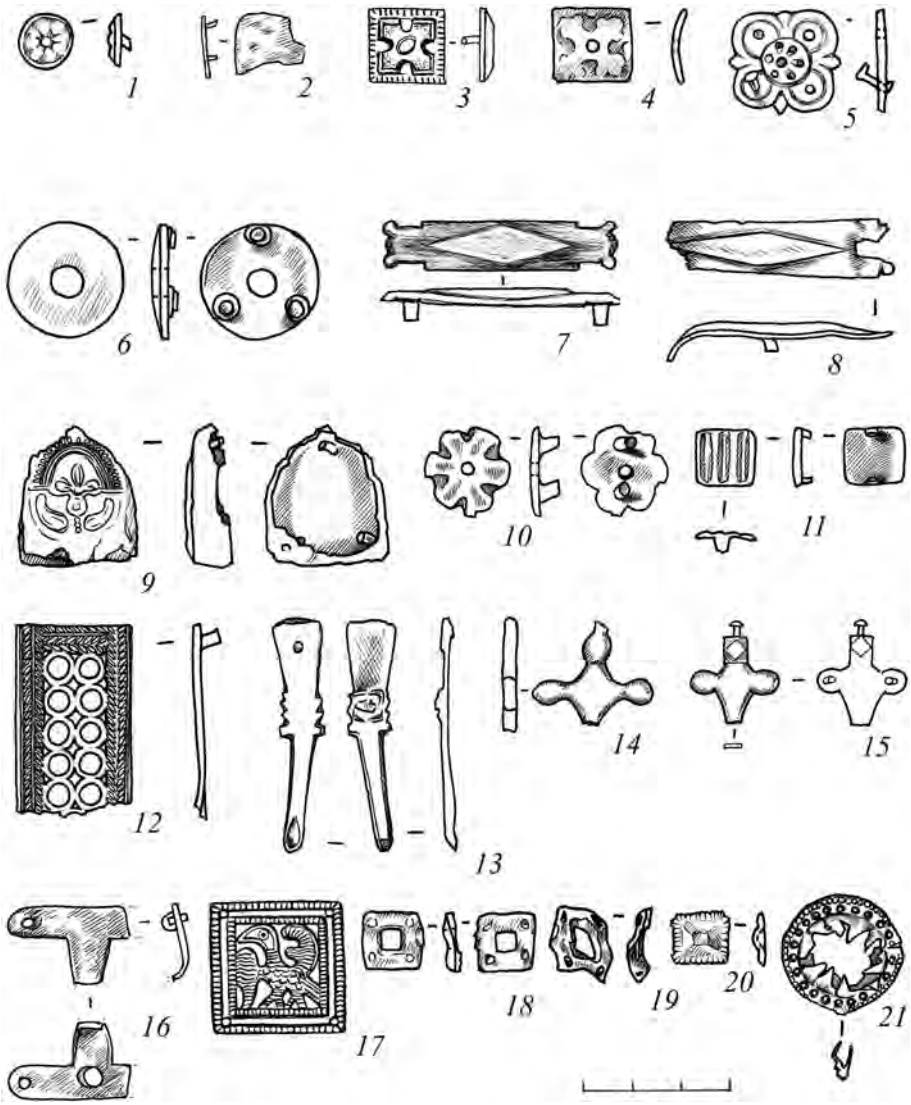


Рис. 12.20. Изделия из цветных металлов: *1–12* – поясные накладки; *13* – копоушка; *14–16* – накладки на сумку; *17–21* – накладки-нашивки. Друцк: *1, 4–6, 9, 12, 14, 15, 17–21* – городище; *2, 3, 8, 10, 11, 13, 16* – посад; *7* – Окольный город. Исследования: *1–8, 10, 11, 13, 16–21* – О. Н. Левко; *9, 12, 14, 15* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

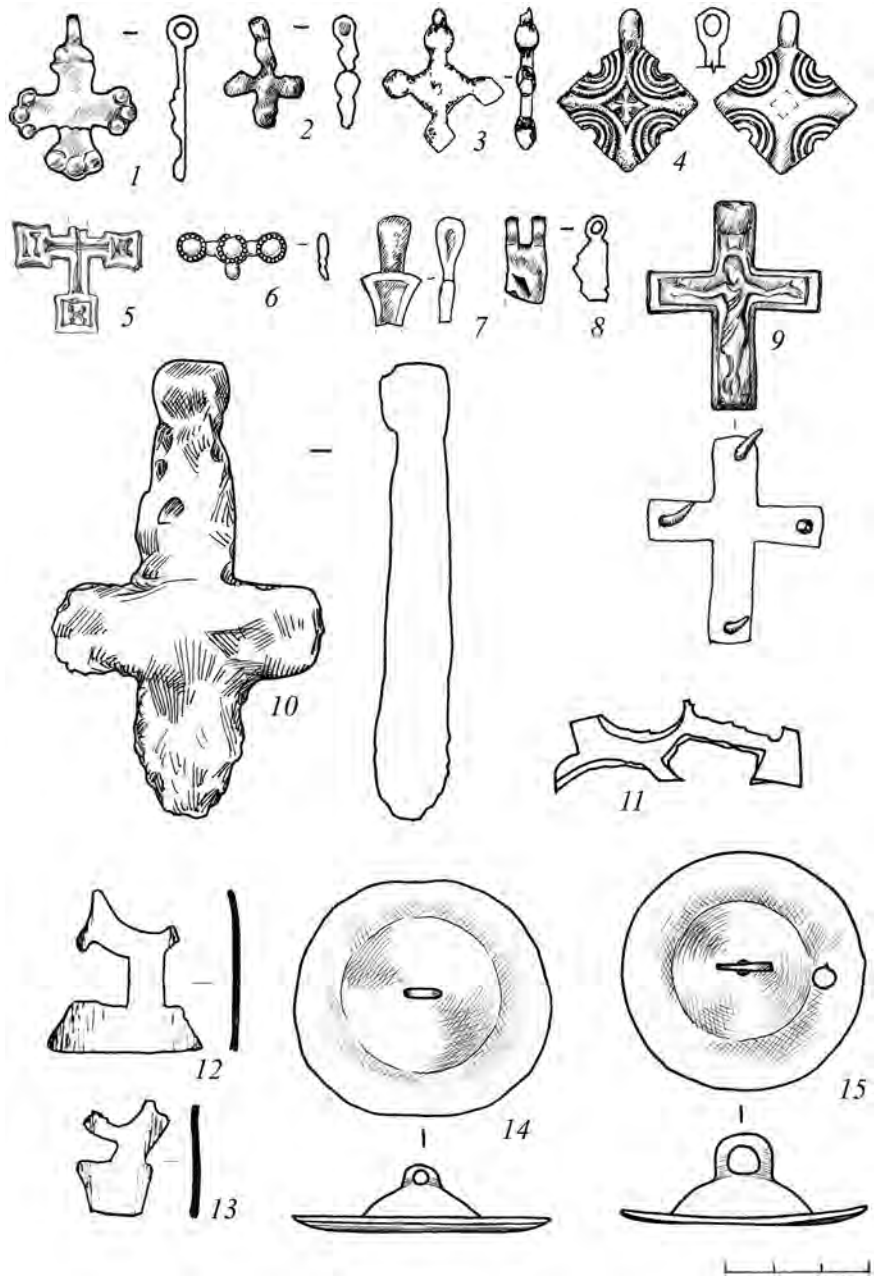


Рис. 12.21. Предметы христианского культа *(1–15)*. Цветной металл. Друцк: *1–3, 6, 10–15* – городище; *4, 5, 7, 9* – посад. Исследования: *1, 2, 4, 5, 7–10* –О. Н. Левко; *3, 6, 11–15* – Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ – *3, 6, 14, 15*

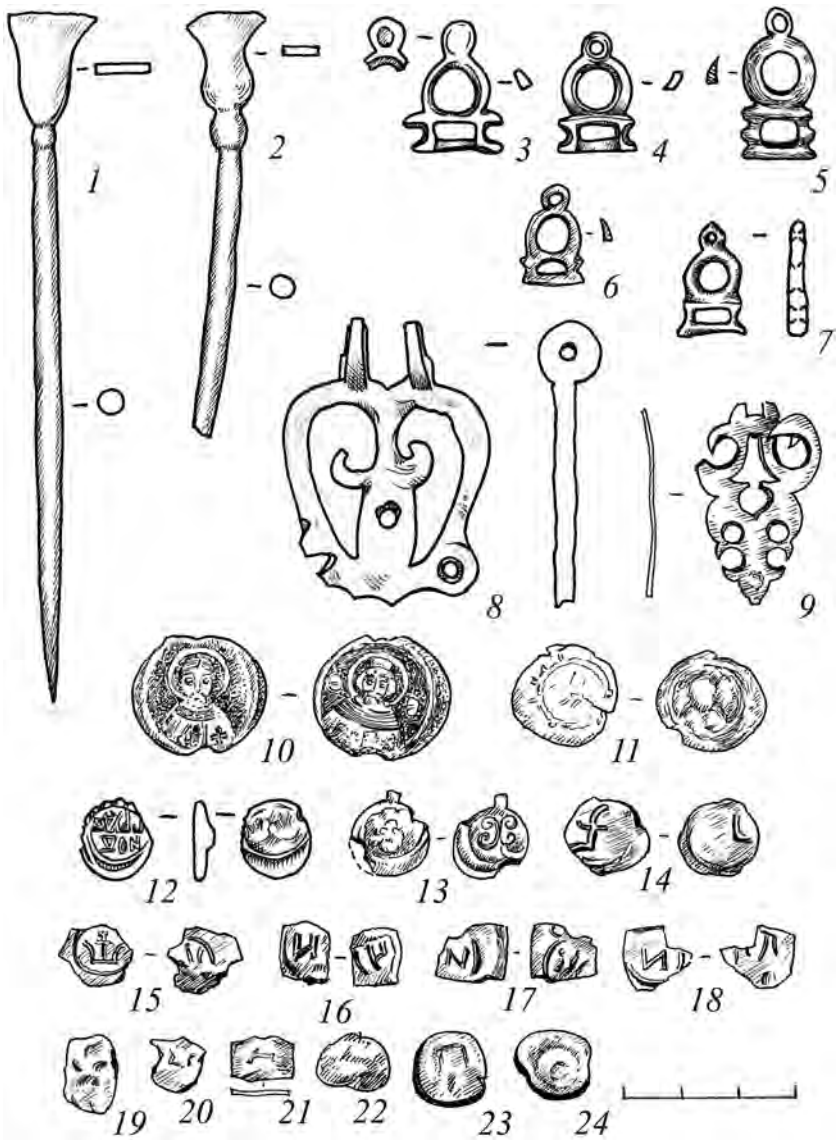


Рис. 12.22. Изделия из цветных металлов: *1, 2* – писала; *3–9* – застежки для книг; *10–24* – свинцовые пломбы. Друцк: *1–4, 7, 8, 12* – городище; *9, 11, 13–24* – посад; *5, 6, 10* – курган. Исследования: *1–4, 8* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *5–7, 9–24* – О. Н. Левко

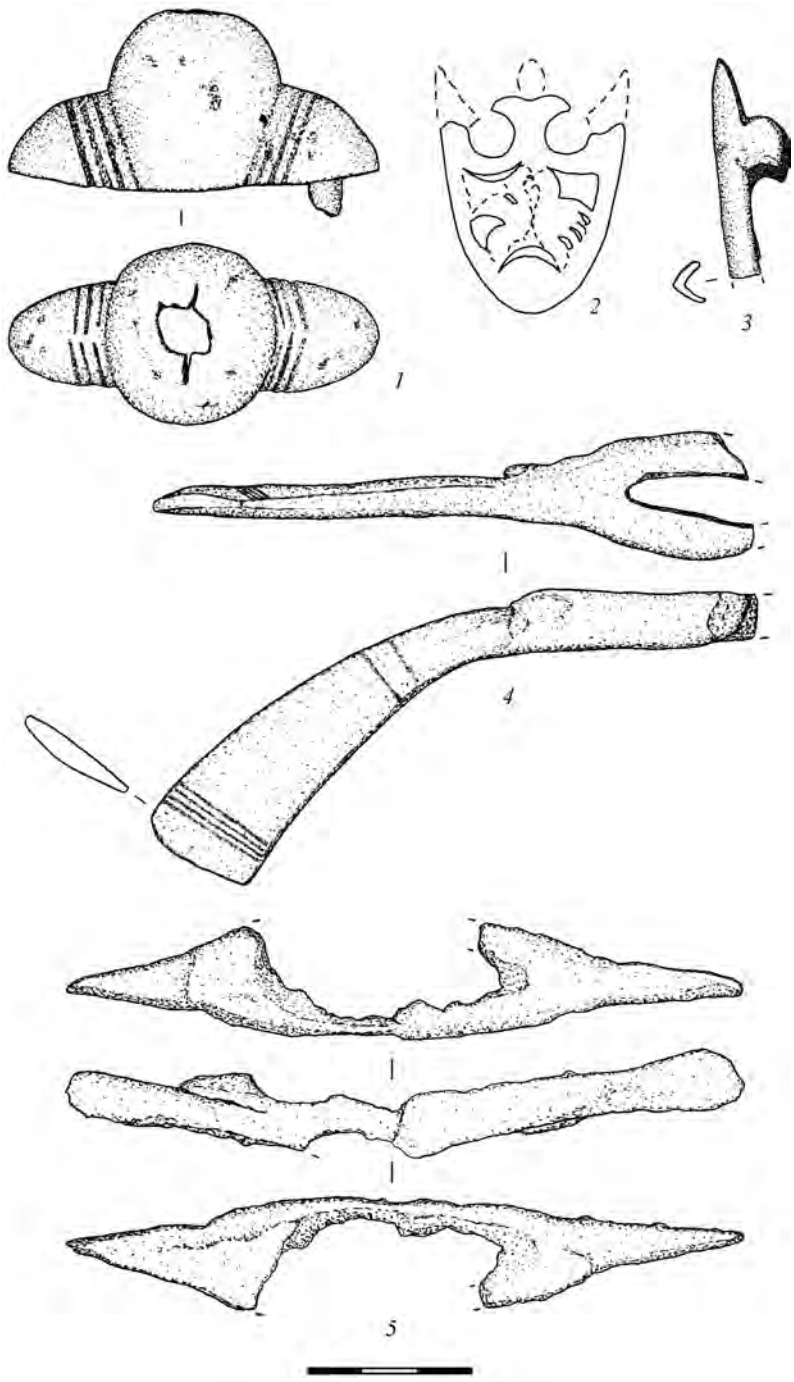


Рис. 12.23. Детали клинкового оружия и аксессуаров: *1* – головка навершия меча; *2* – наконечник ножен меча (прорисовка); *3* – наконечник ножен меча (фрагмент); *4* – перекрестье меча (фрагмент); *5* – перекрестье сабли; *1–3* – бронза; *4, 5* – железо. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

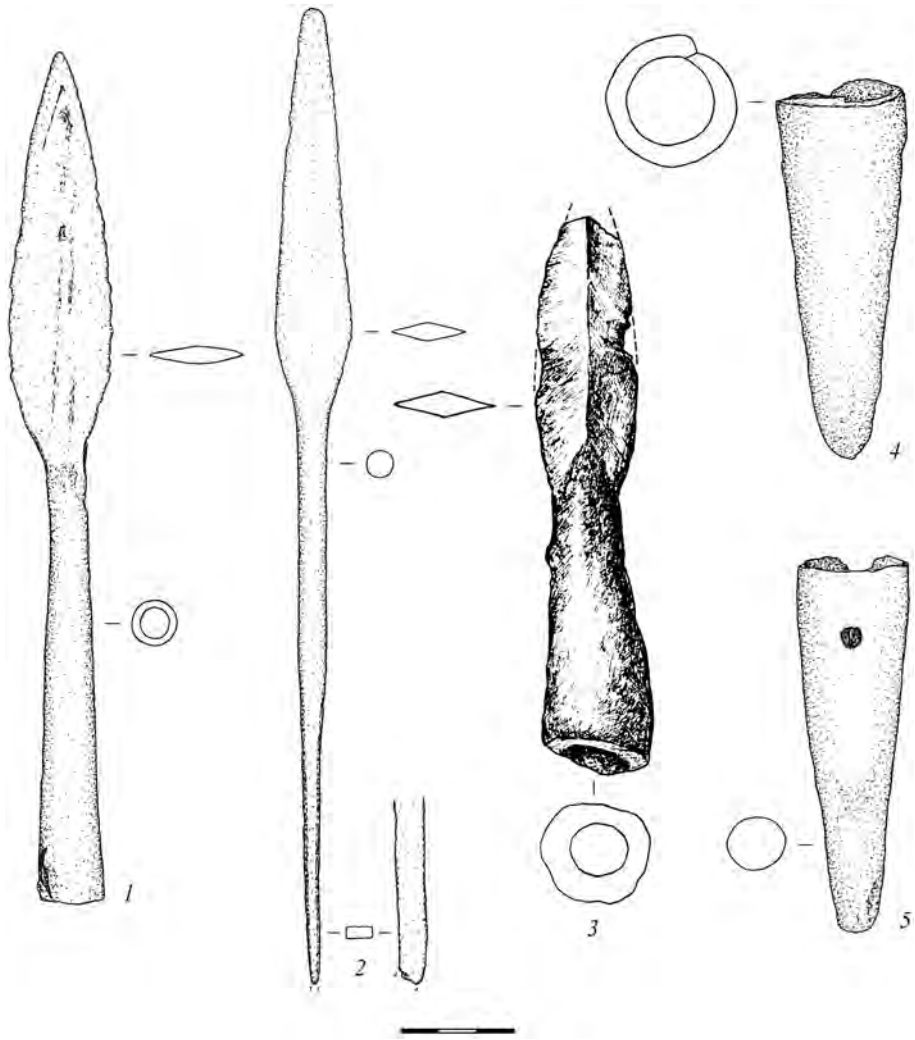


Рис. 12.24. Древковое оружие: *1, 3* – наконечники копий; *2* – наконечник дротика; *4, 5* – втоки. Друцк. Раскопки: *1, 2, 4, 5* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *3* – О. Н. Левко

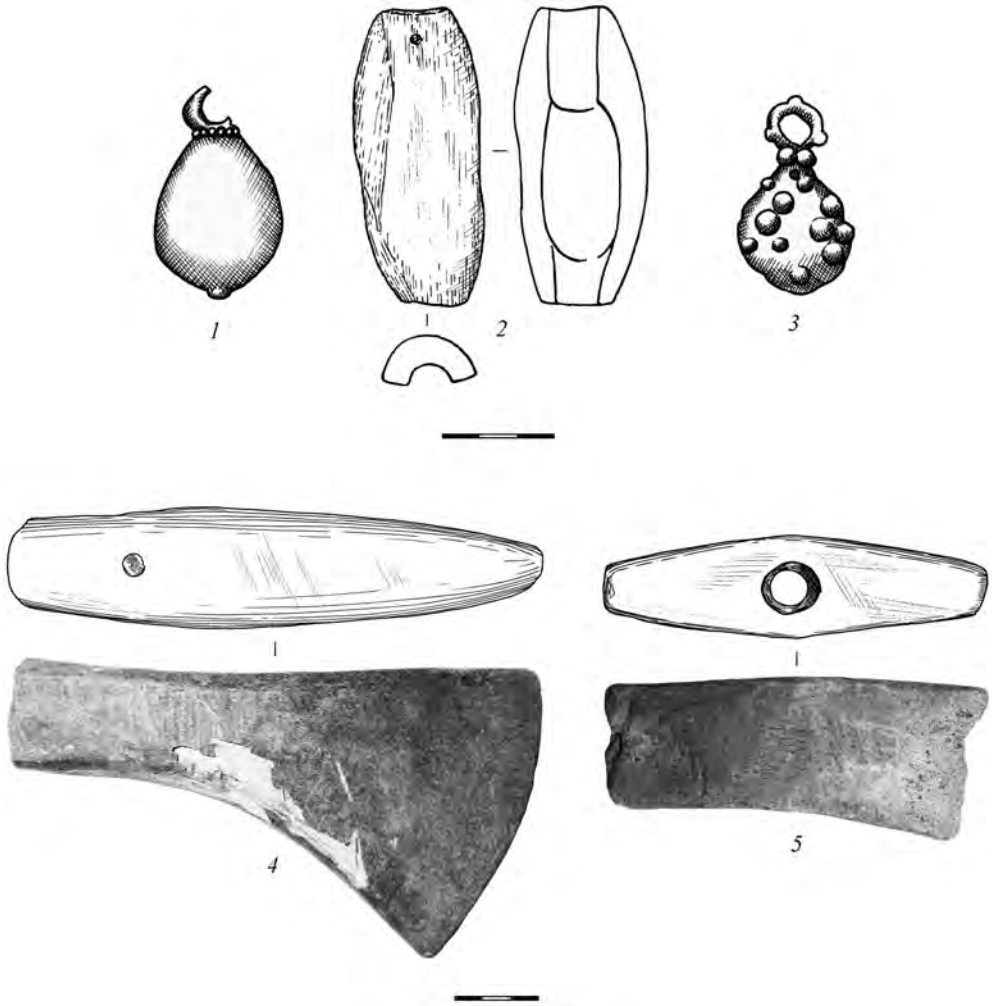


Рис. 12.25. Изделия из бронзы *(1, 3)* и рога *(2, 4, 5)*: *1–3* – кистени; *4, 5* – топоры. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ – *2, 4, 5*

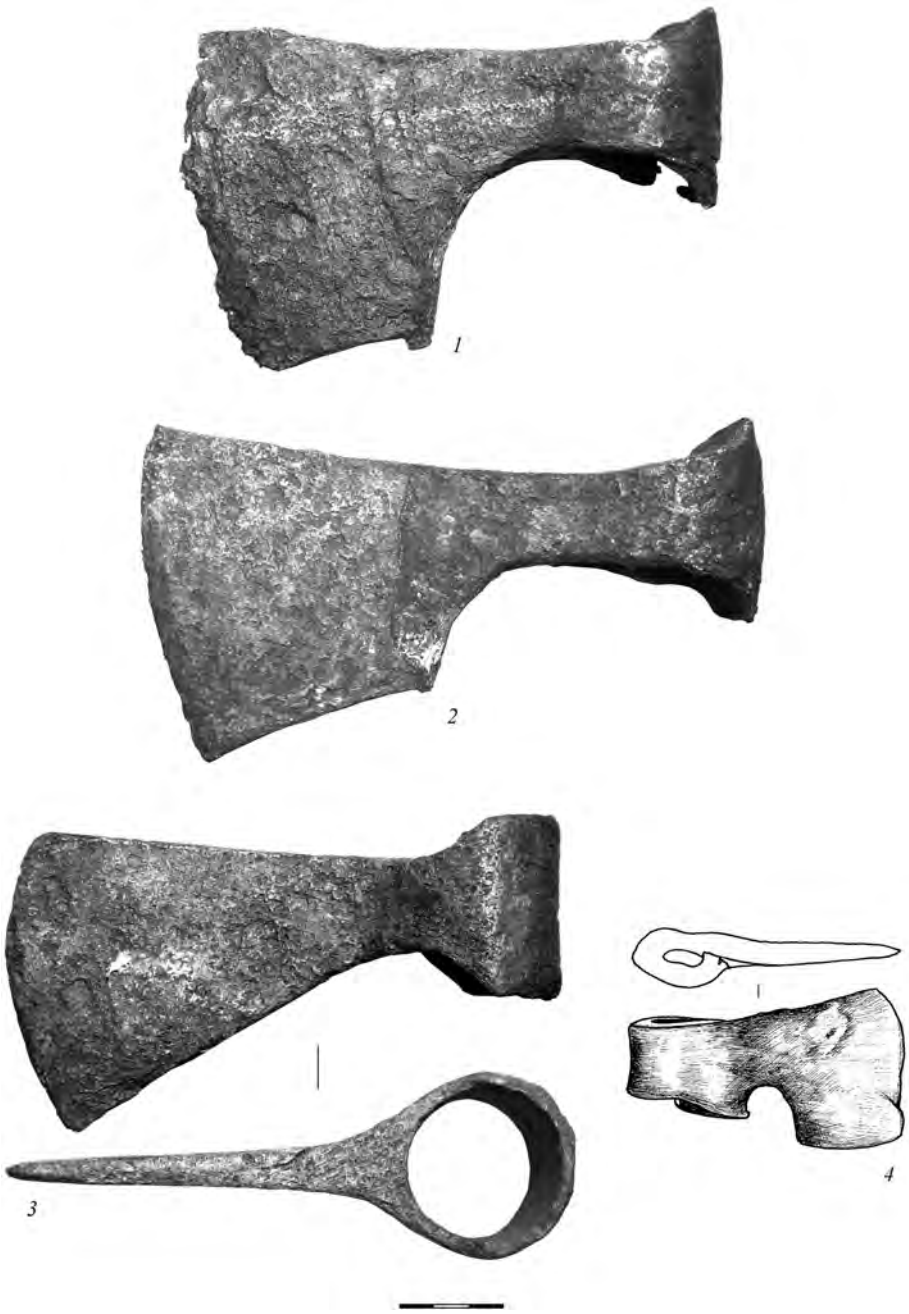


Рис. 12.26. Топоры *(1–4)*. Железо. Друцк. Раскопки: *1–3* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *4* – О. Н. Левко

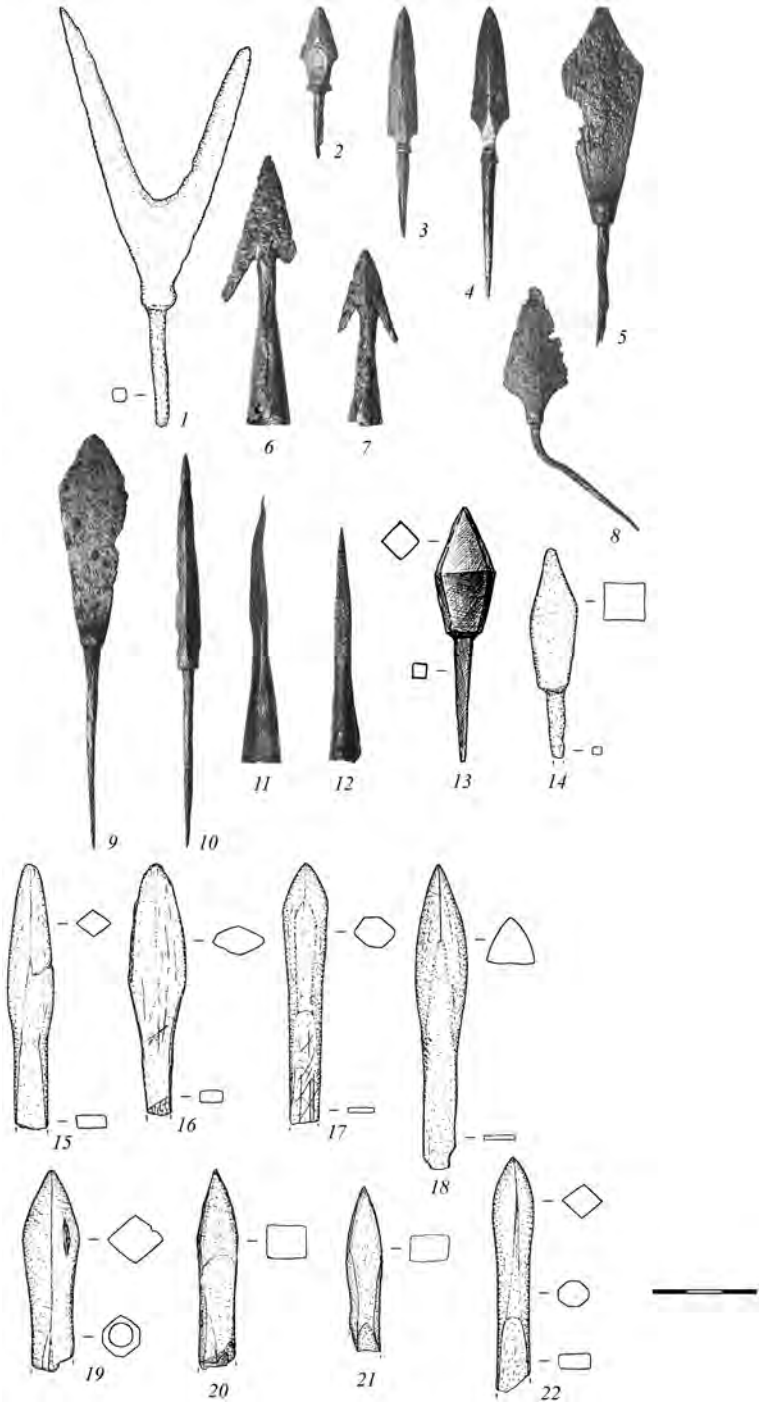


Рис. 12.27. Оружие дальнего боя: *1–12, 15–22* – наконечники стрел; *13–14* – арбалетные болты; *1–10, 12–14* – железо; *11* – бронза; *15–22* – кость. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

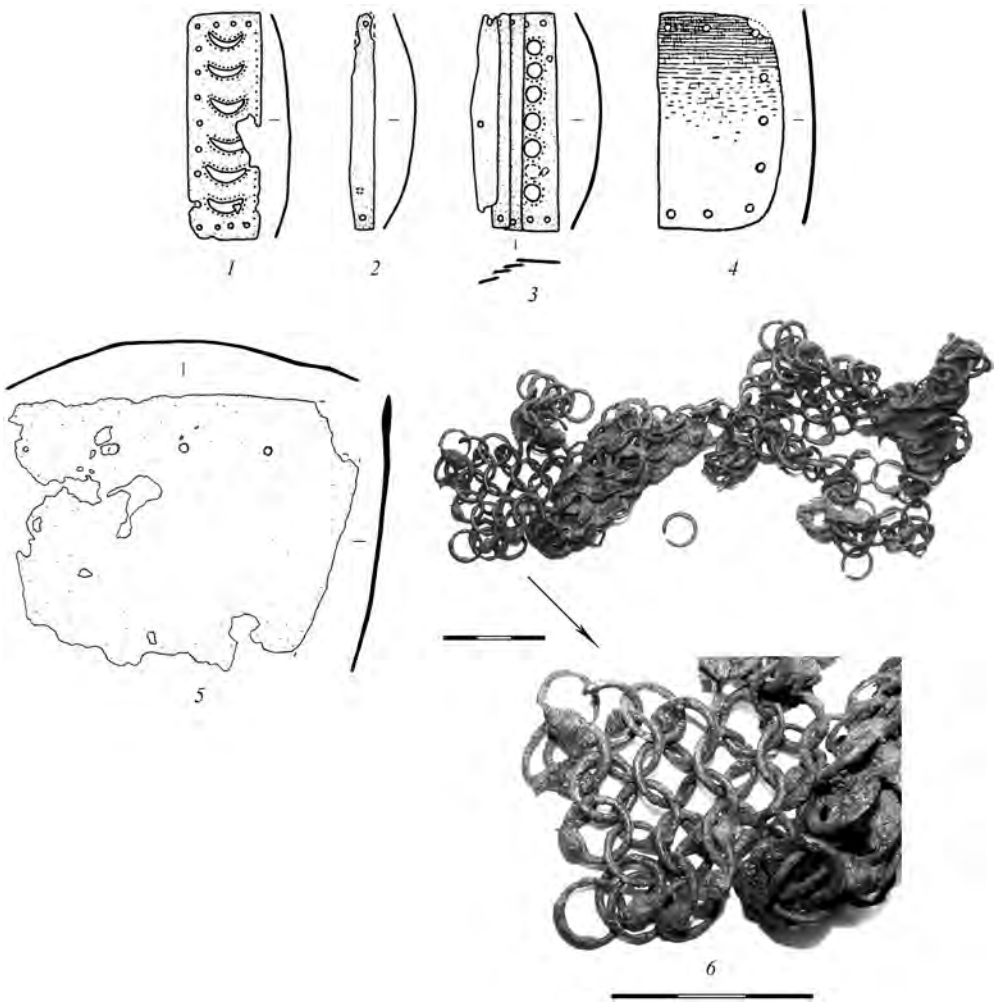


Рис. 12.28. Защитное вооружение: *1–4* – пластинки ламеллярных доспехов; *5* – наплечник пластинчатого доспеха (фрагмент); *6* – кольчужное железное плетение (фрагмент). Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

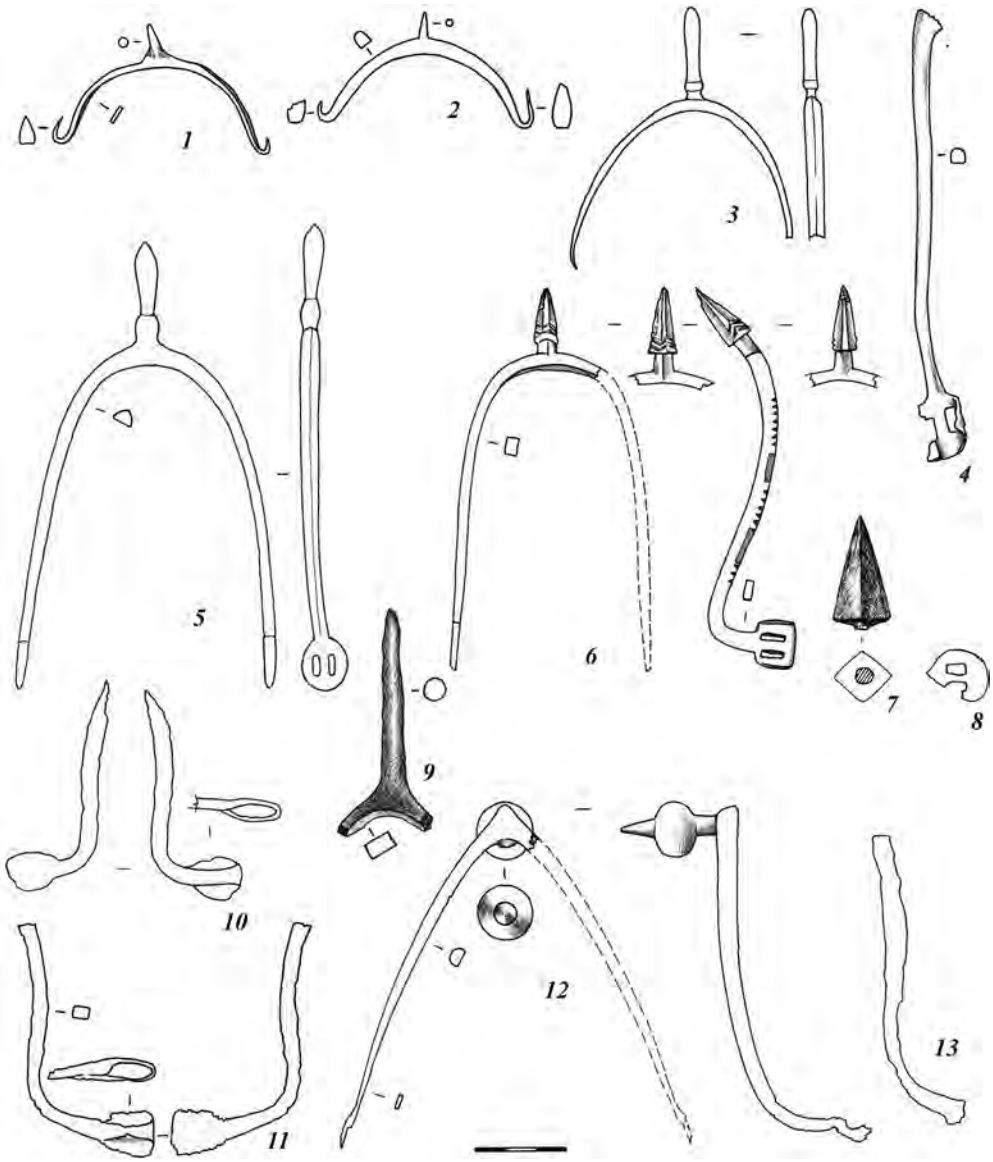


Рис. 12.29. Снаряжение всадника: *1–13* – шпоры и их фрагменты.
Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

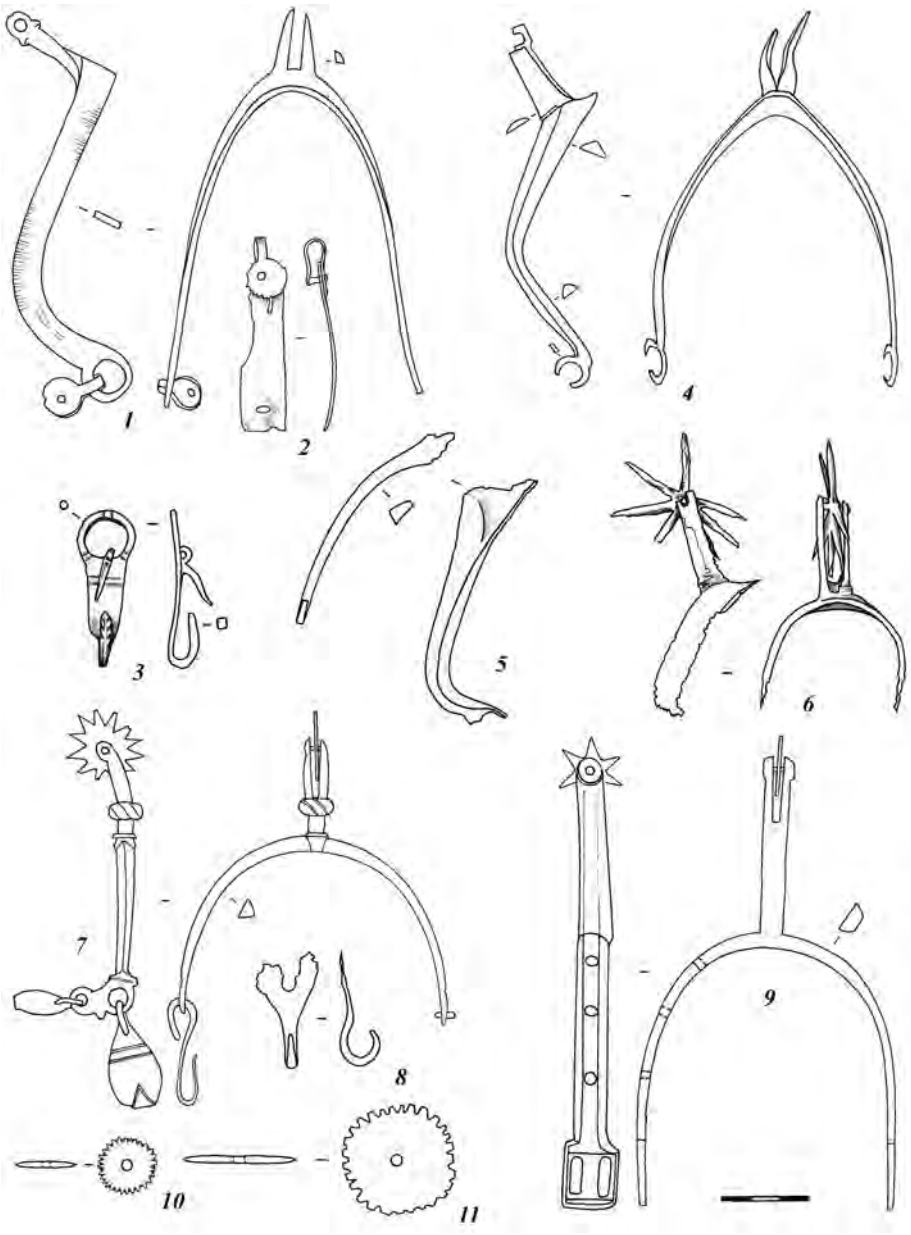


Рис. 12.30 Снаряжение всадника: *1, 4–7, 9–11* – шпоры и их фрагменты; *2, 3, 8* – застежки от шпор. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

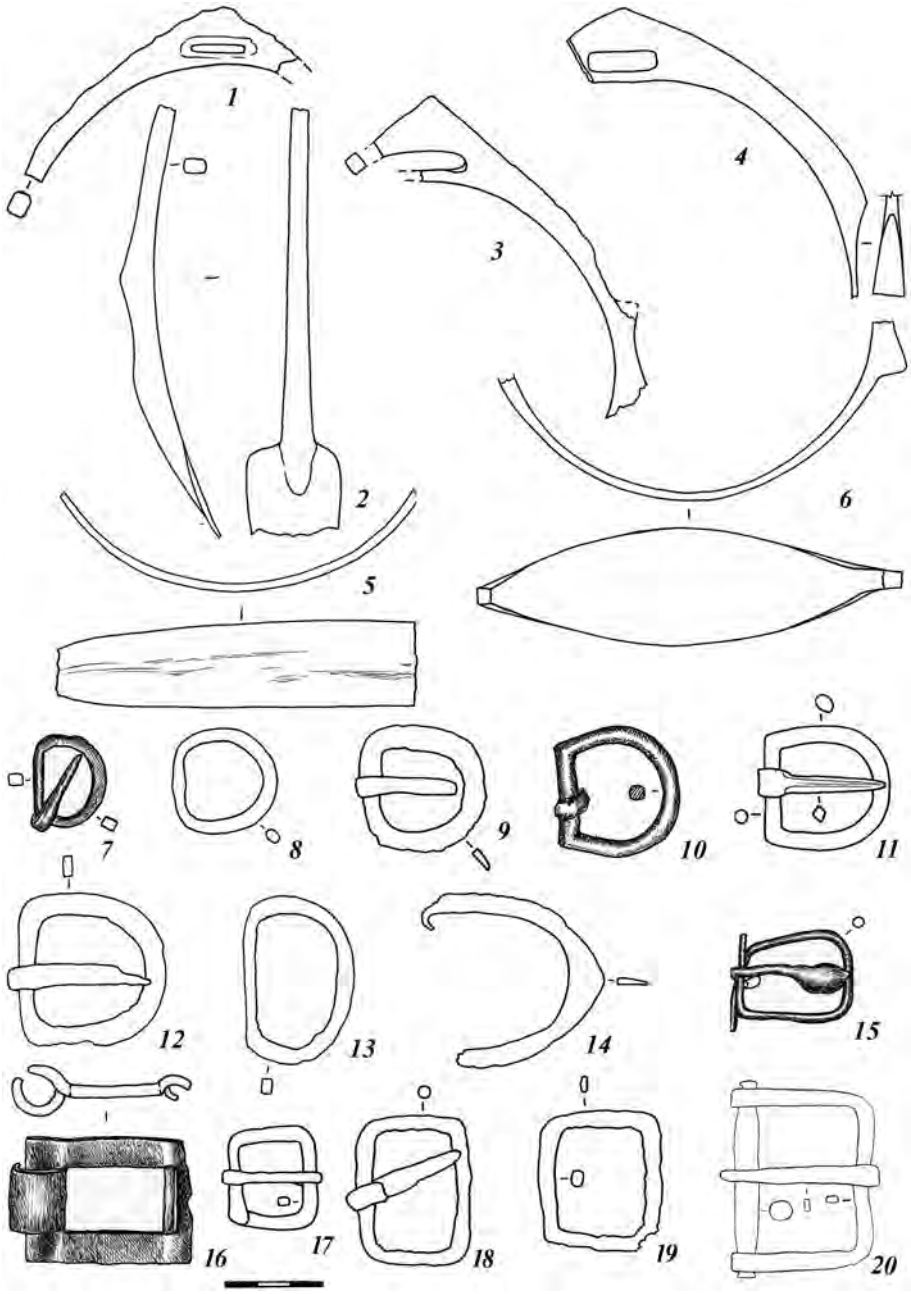


Рис. 12.31. Снаряжение всадника и коня: *1–6* – стремена и их фрагменты; *7–15* – пряжки. Раскопки: *1–6, 8, 9, 11–14, 17–20* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *7, 10, 15, 16* – О. Н. Левко

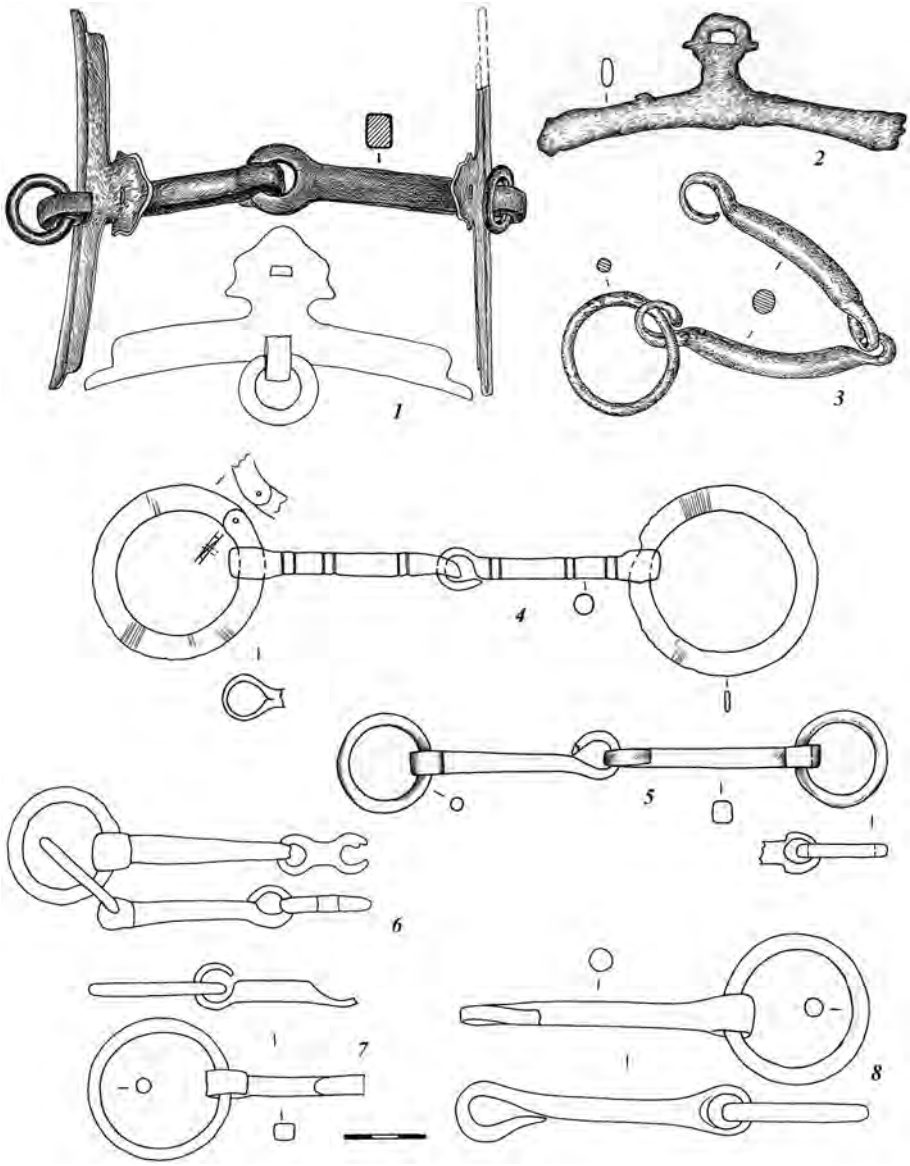


Рис. 12.32. Снаряжение коня: *1–8* – удила и их фрагменты.
Раскопки: *1–3* – О. Н. Левко; *4–8* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

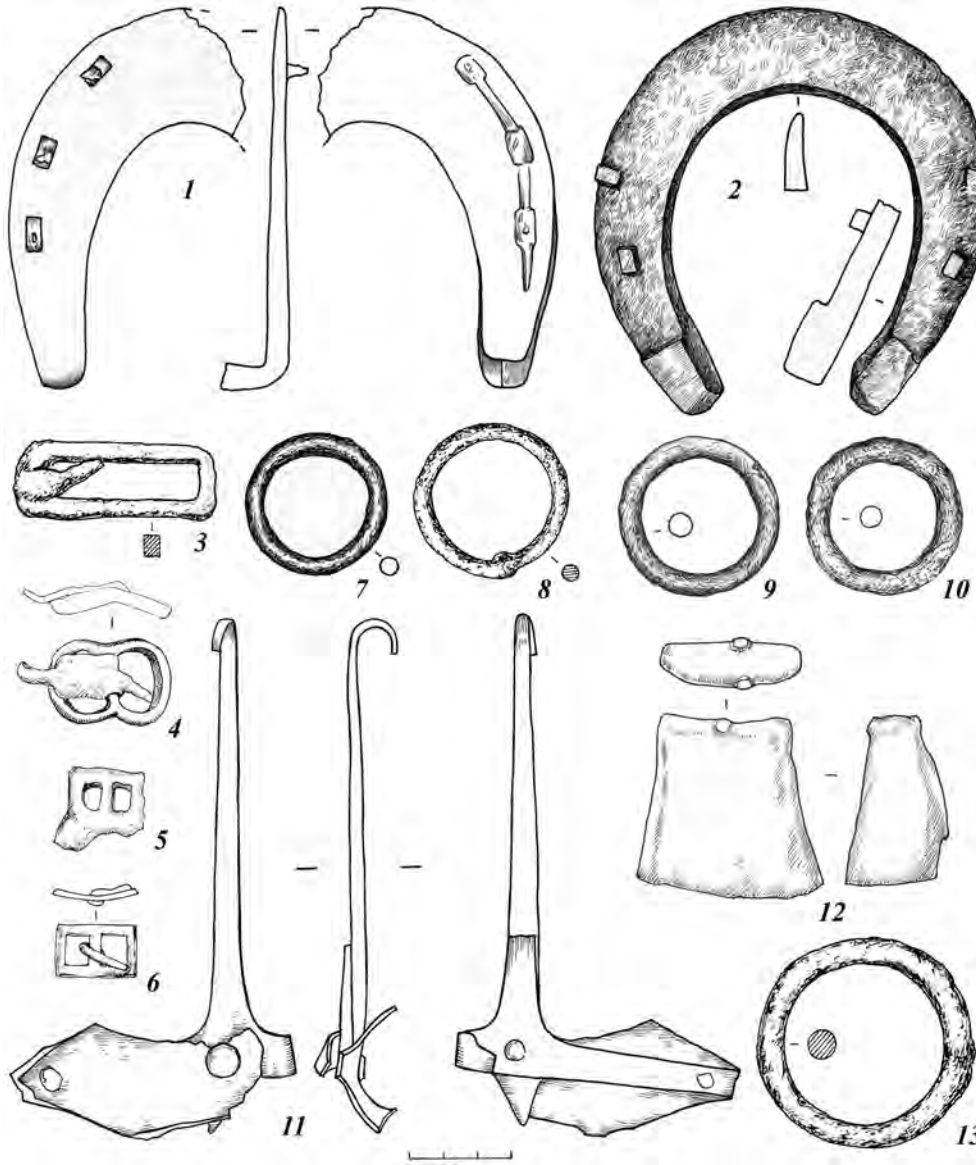


Рис. 12.33. Детали снаряжения всадника и коня: *1, 2* – подковы; *3* – пряжка; *4–6* – пряжки от шпор; *7–10, 13* – кольца. Хозяйственные предметы: *11* – скребница; *12* – ботало. Раскопки: *1, 3–6, 11, 12* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *2, 7–10, 13* – О. Н. Левко

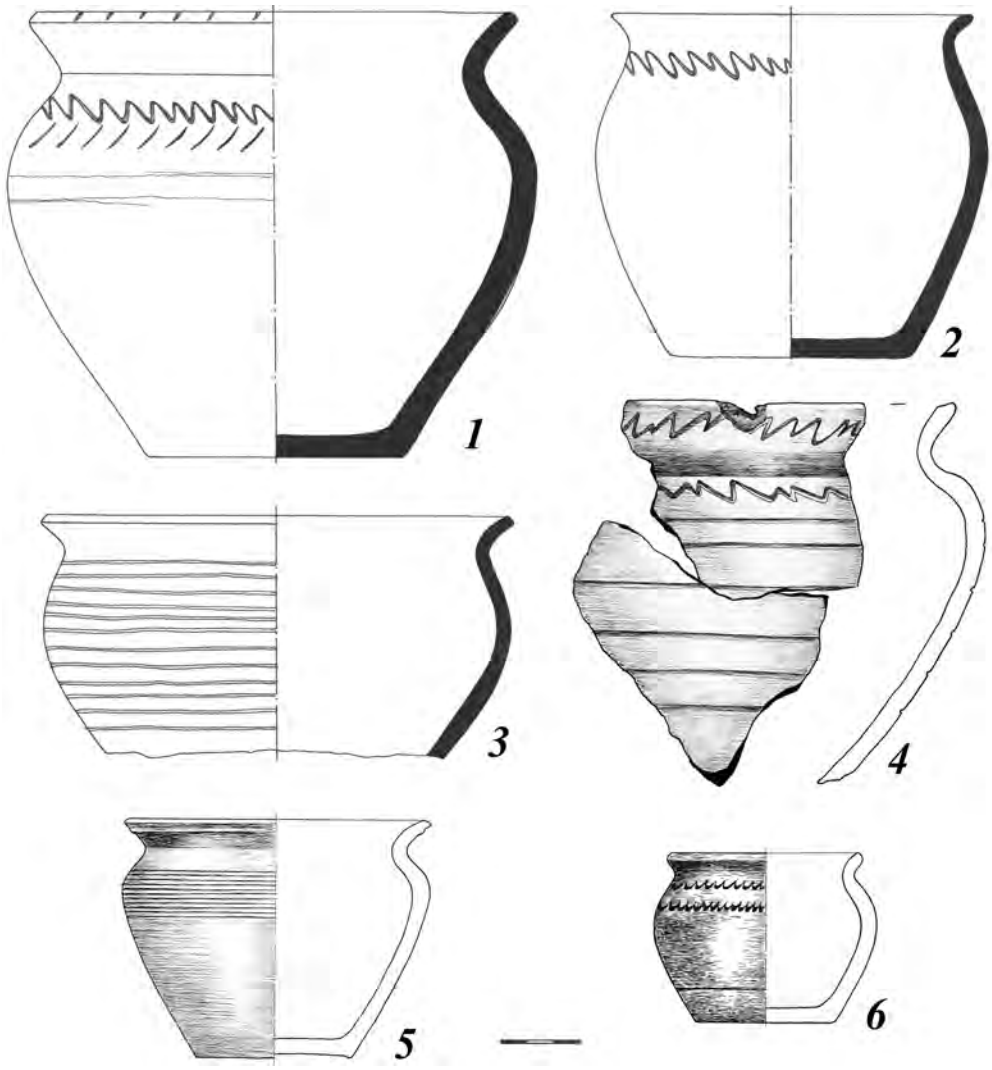


Рис. 12.34. Горшки *(1–6)*. X–XI вв. Друцк. Раскопки:
1–3 – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *4–6* – О. Н. Левко

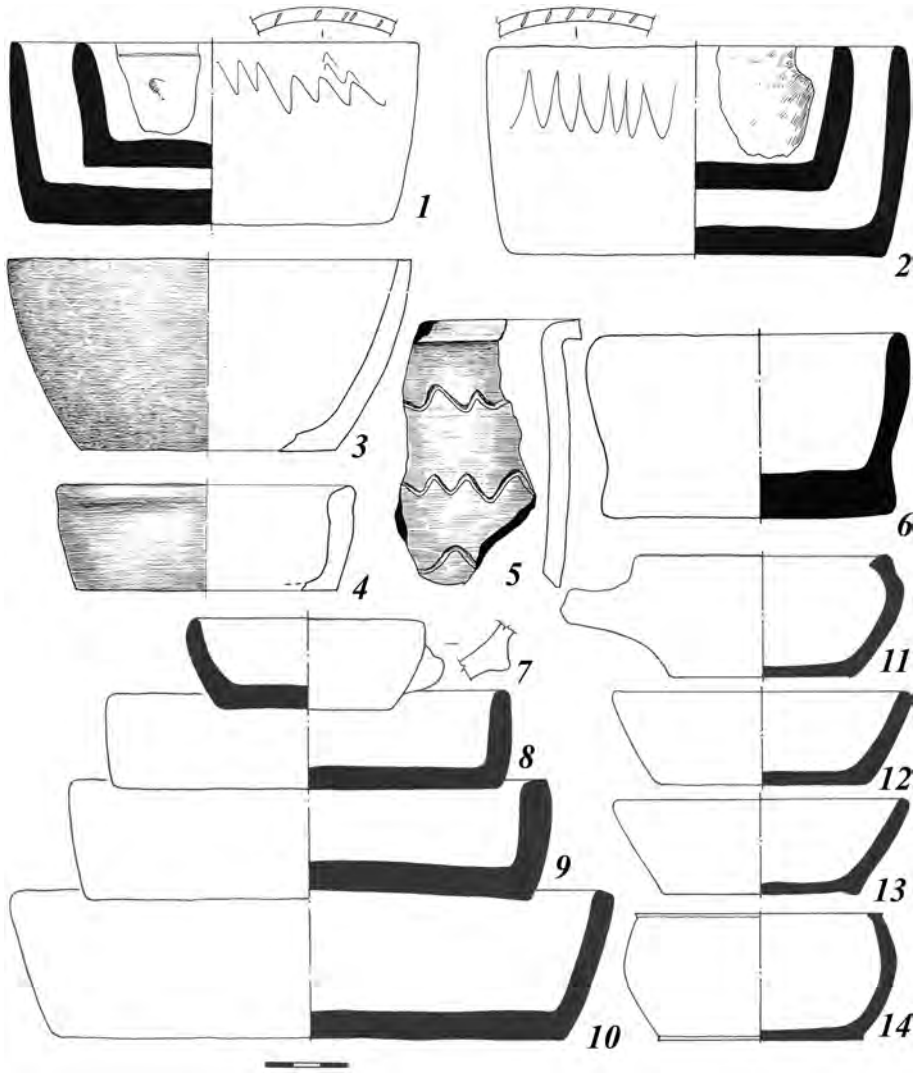


Рис. 12.35. Посуда: *1, 2, 4* – миски, XII–XIII вв.; *3, 5, 6, 12–14* – макотры и миски, XIII–XVI вв.; *7–11* – плошки, XII–XVI вв. Друцк. Раскопки: *1, 2, 6–14* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *3–5* – О. Н. Левко

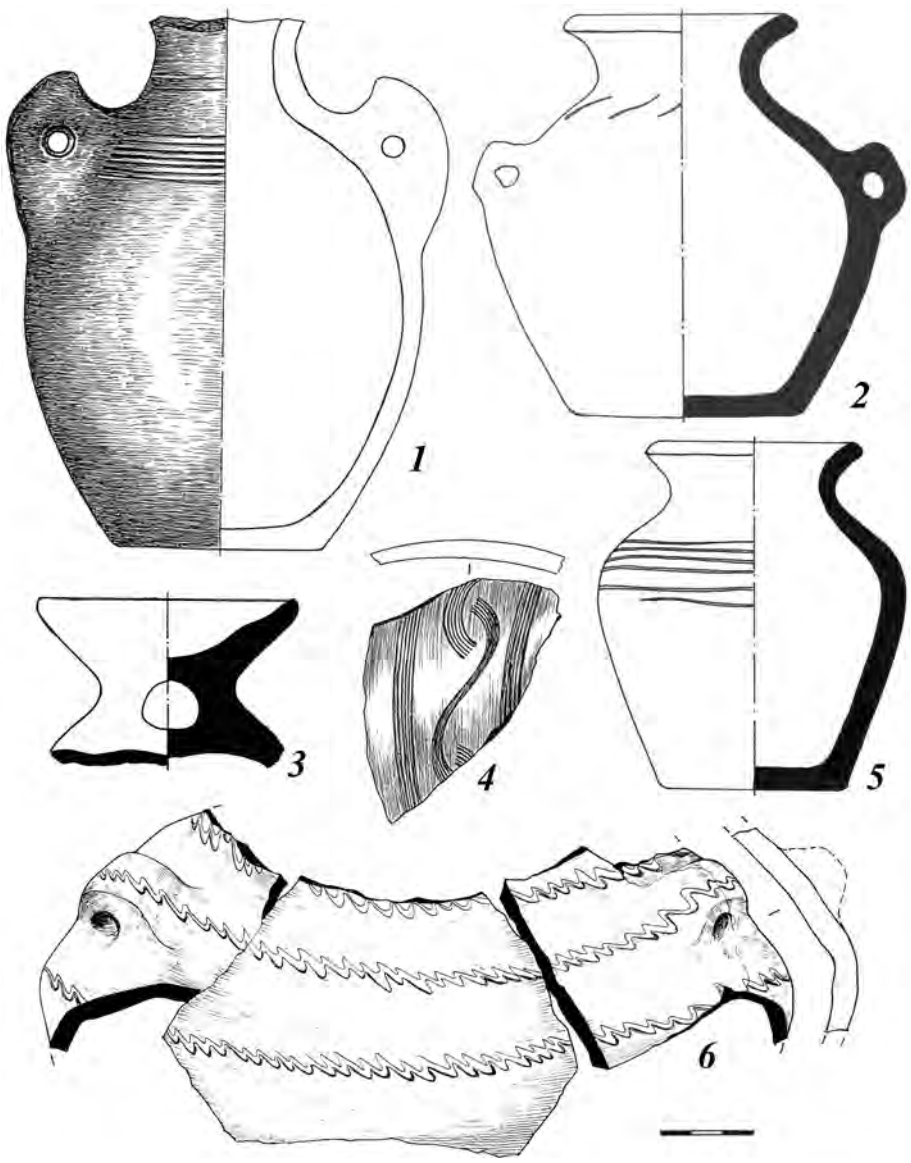


Рис. 12.36. Амфорки «киевского типа» *(1, 2, 5, 6)* и крышки *(3, 4)*. Друцк. Раскопки: *1, 4, 6* – О. Н. Левко; *2, 3, 5* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

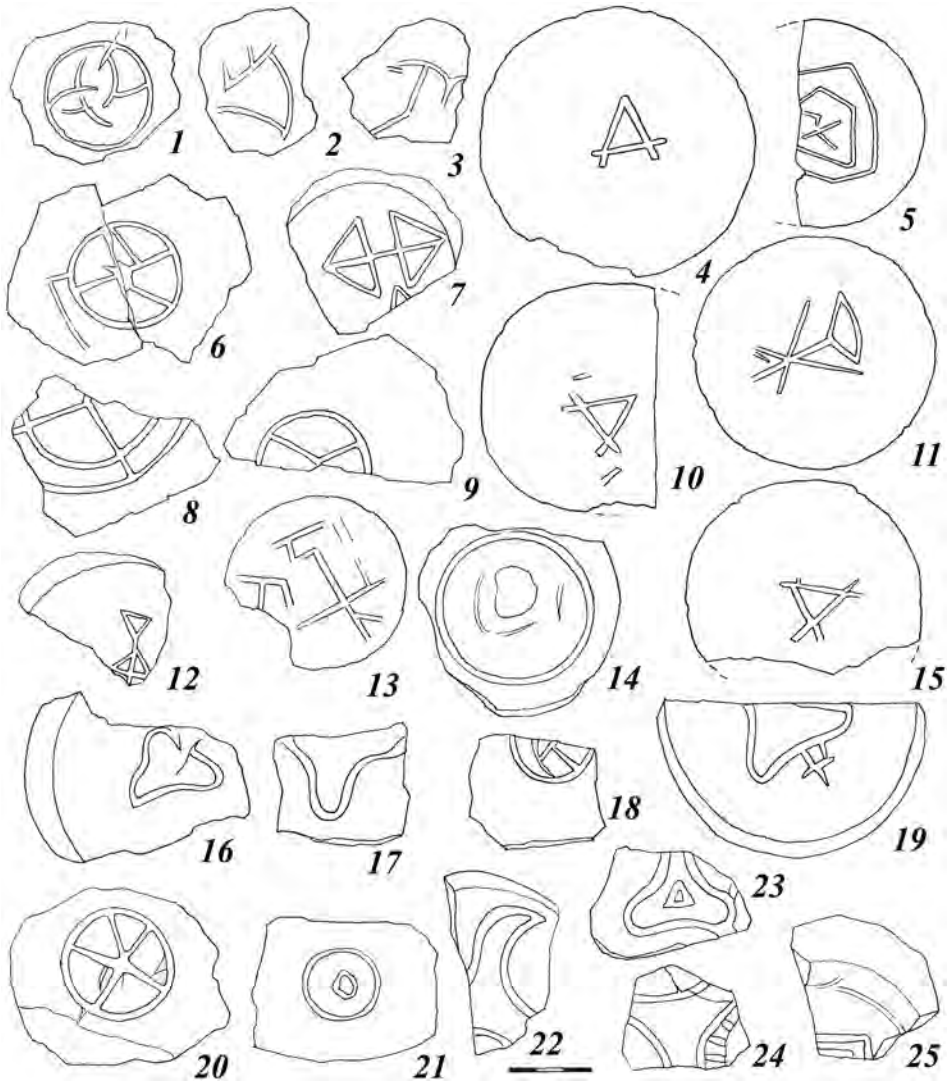


Рис. 12.37. Клейма на днищах горшков *(1–25)*. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

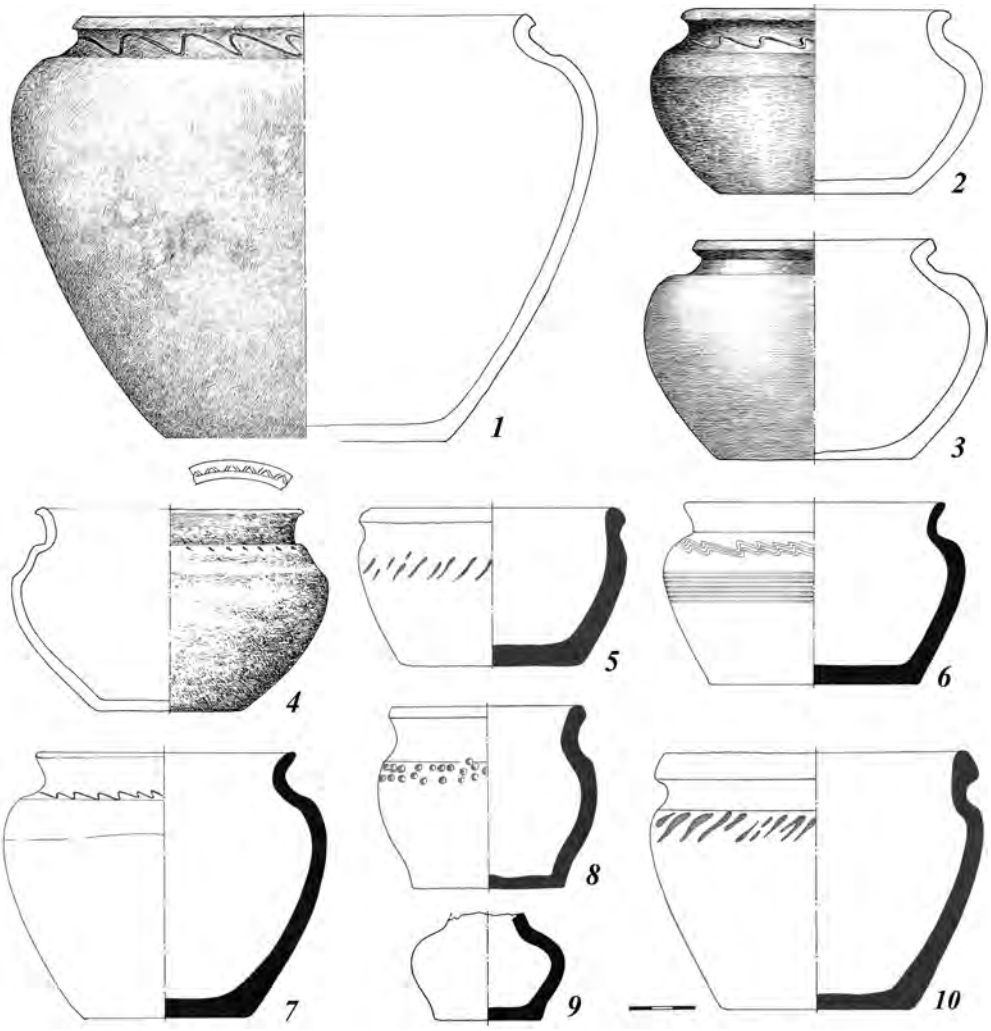


Рис. 12.38. Керамика: *1–4, 6–8, 10* – горшки; *5* – миска; *9* – кувшинчик. XIV–XVI вв. Друцк. Раскопки: *1–4* – О. Н. Левко; *5–10* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

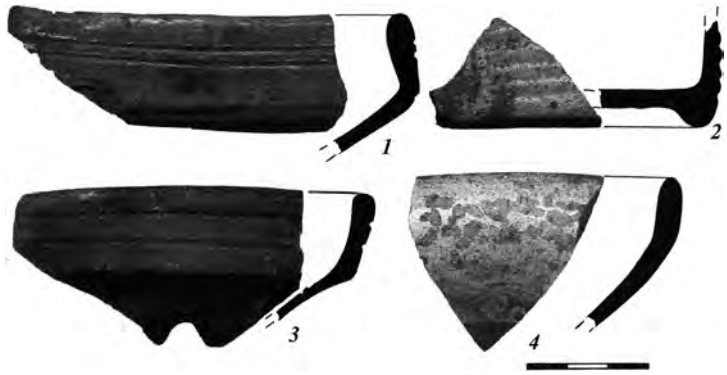


Рис. 12.39. Поливная керамика: *1, 3, 4* – миски (фрагменты); *2* – днище кубка. XVI–XVII вв. Посад. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

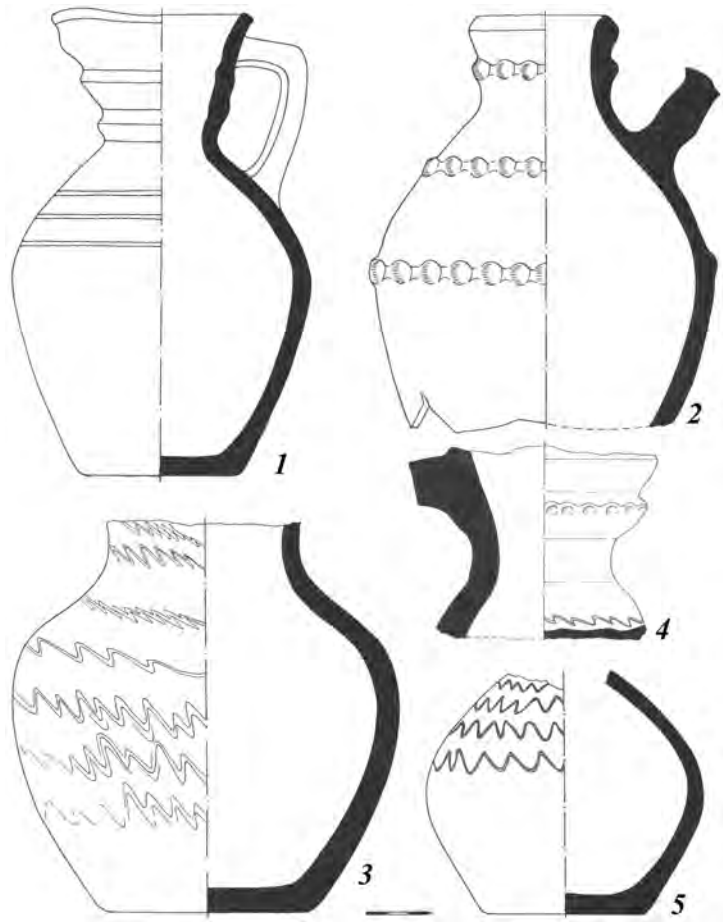


Рис. 12.40. Кувшины *(1–5)*. XIII–XVI вв. Городище. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

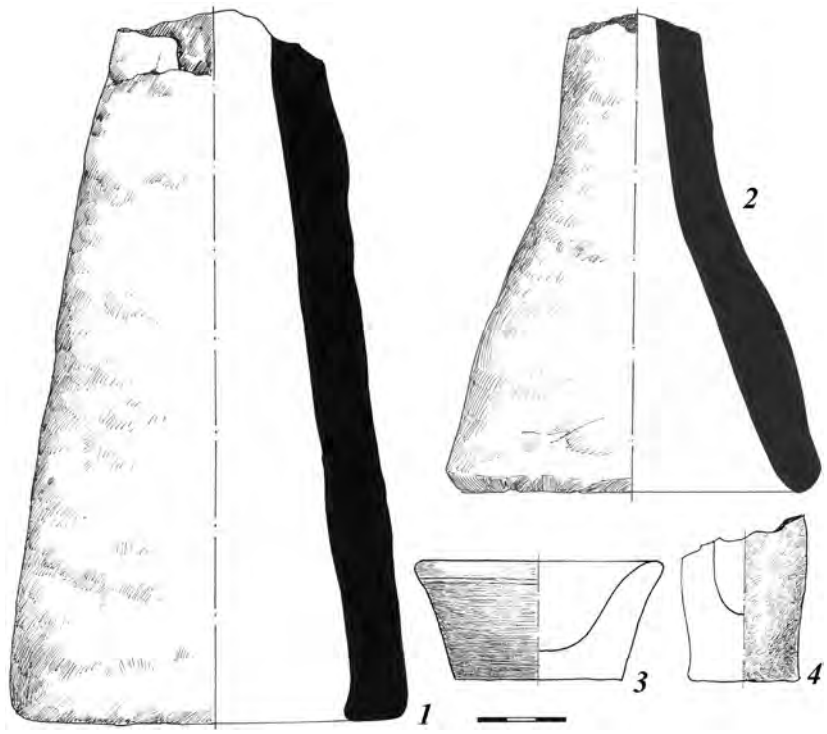


Рис. 12.41. Изделия производственного назначения: *1, 2* – сопла; *3, 4* – производственные сосудики. Глина. Друцк. Раскопки: *1, 2* – Л. В. Алексеева, городище (фонды ВОКМ); *3, 4* – О. Н Левко, Окольный город

Рис. 12.42. Каменные жернова. Городище. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева

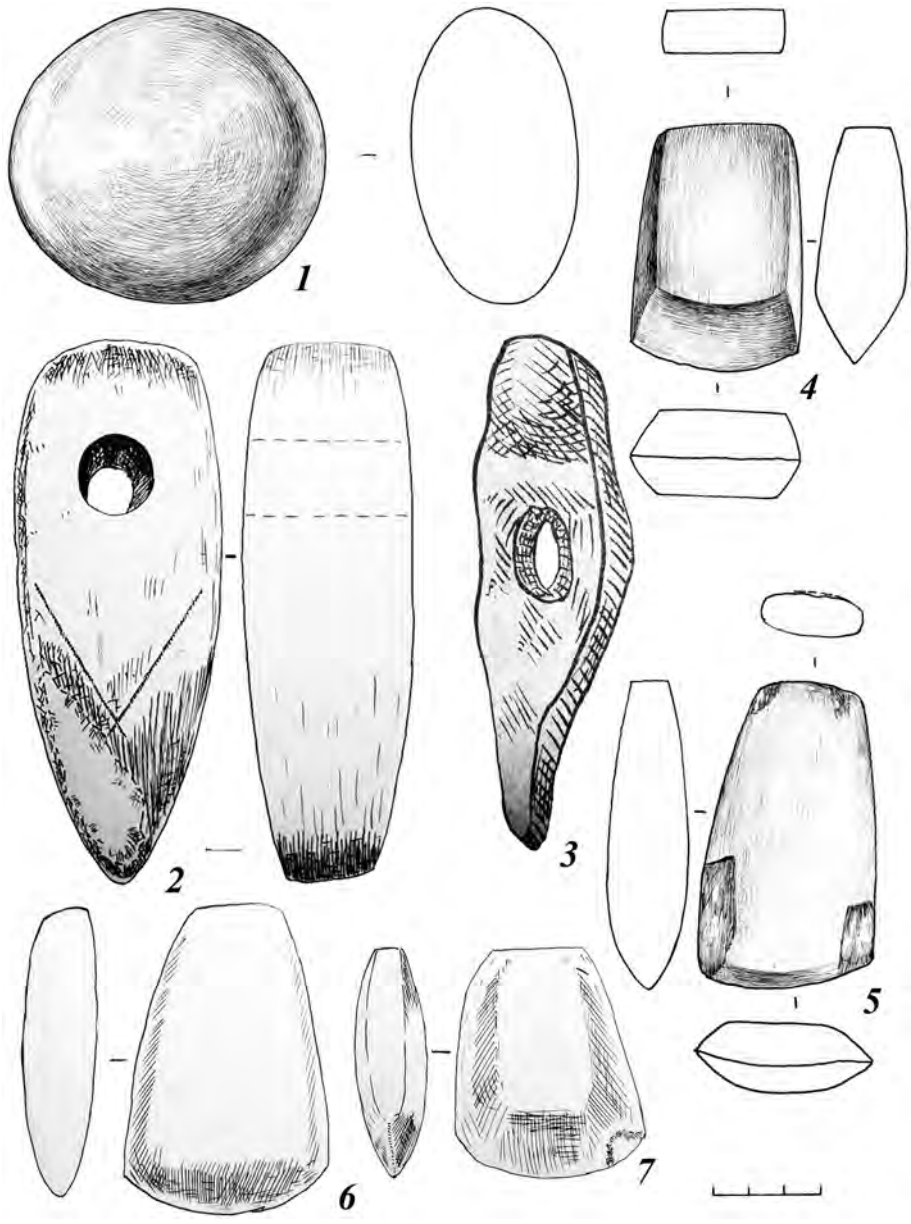


Рис. 12.43. Изделия из камня: *1* – камень зернотерки; *2* – топор с отверстием; *3* – молоток; *4–7* – топоры-клинья. Друцк. Раскопки: *1, 4, 5* – О. Н. Левко; *2, 3, 6, 7* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

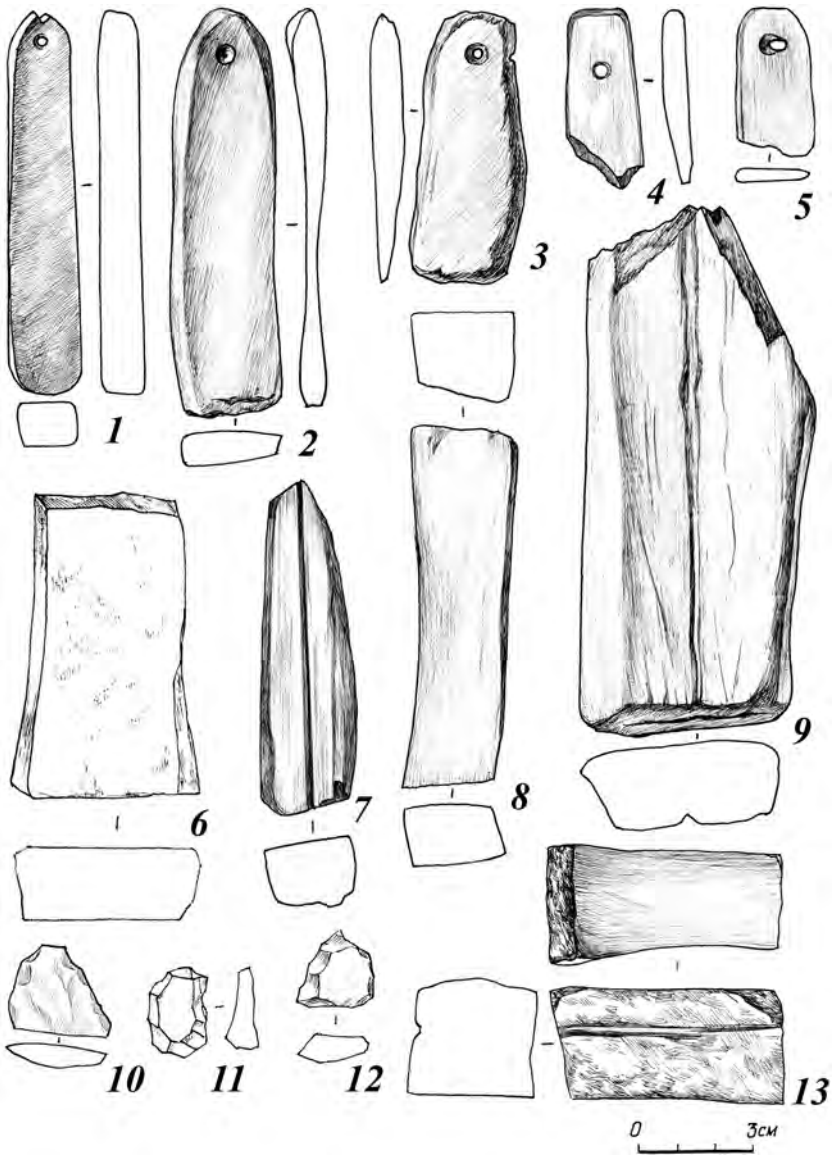


Рис. 12.44. Точильные камни: *1–5* – бруски (оселки) с отверстиями; *6–9, 13* – бруски без отверстий; *10–12* – ружейный кремень. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

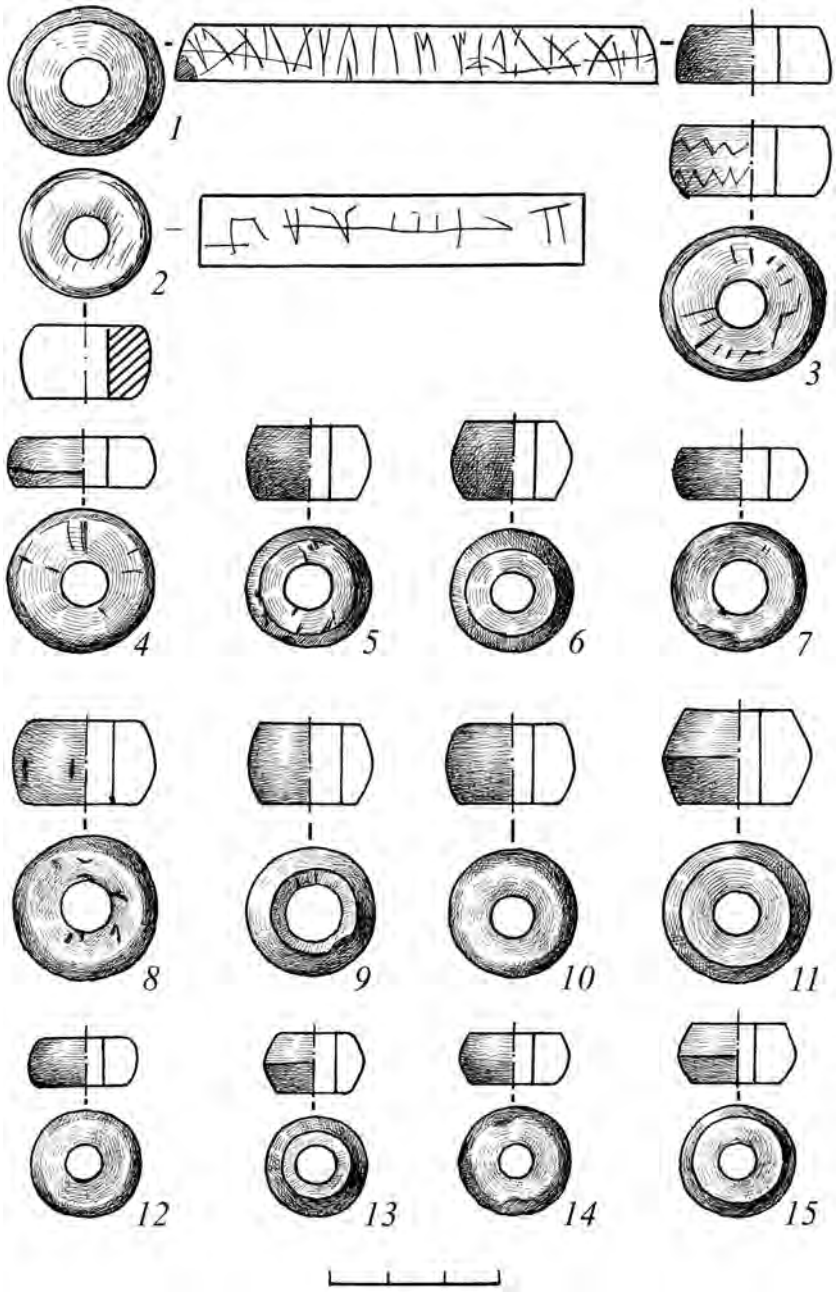


Рис. 12.45. Пряслица сланцевые *(1–15)*. Друцк, раскопки О. Н. Левко

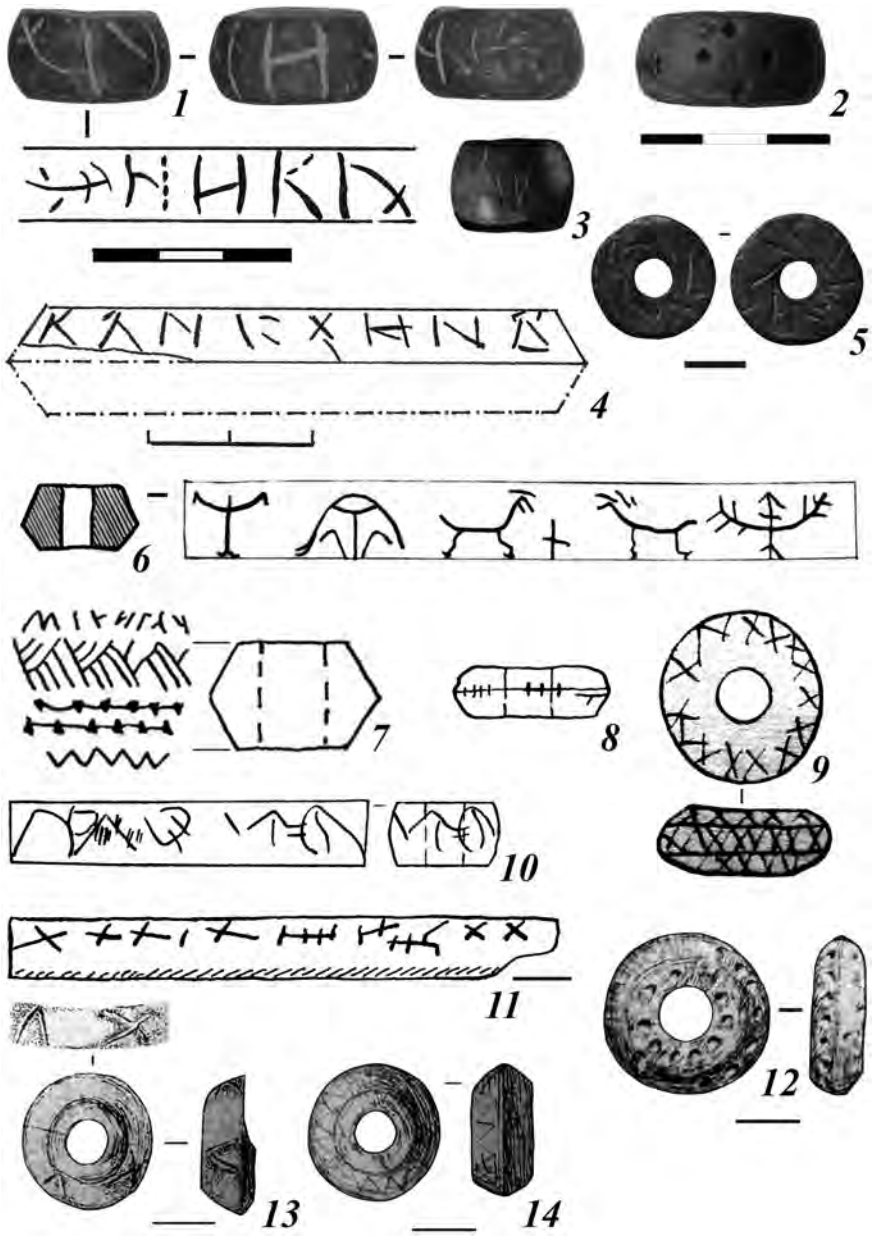


Рис. 12.46. Пряслица сланцевые *(1–14)*. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

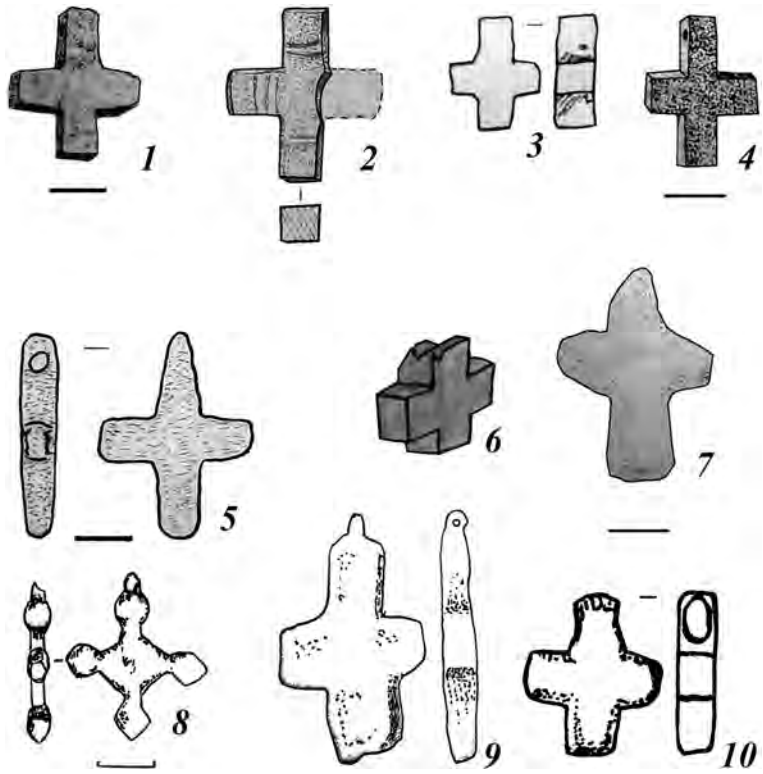


Рис. 12.47. Крестики-тельники: *1–5* – камень; *6* – янтарь; *7* – глина; *8, 9* – цветной металл; *10* – дерево. Городище. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

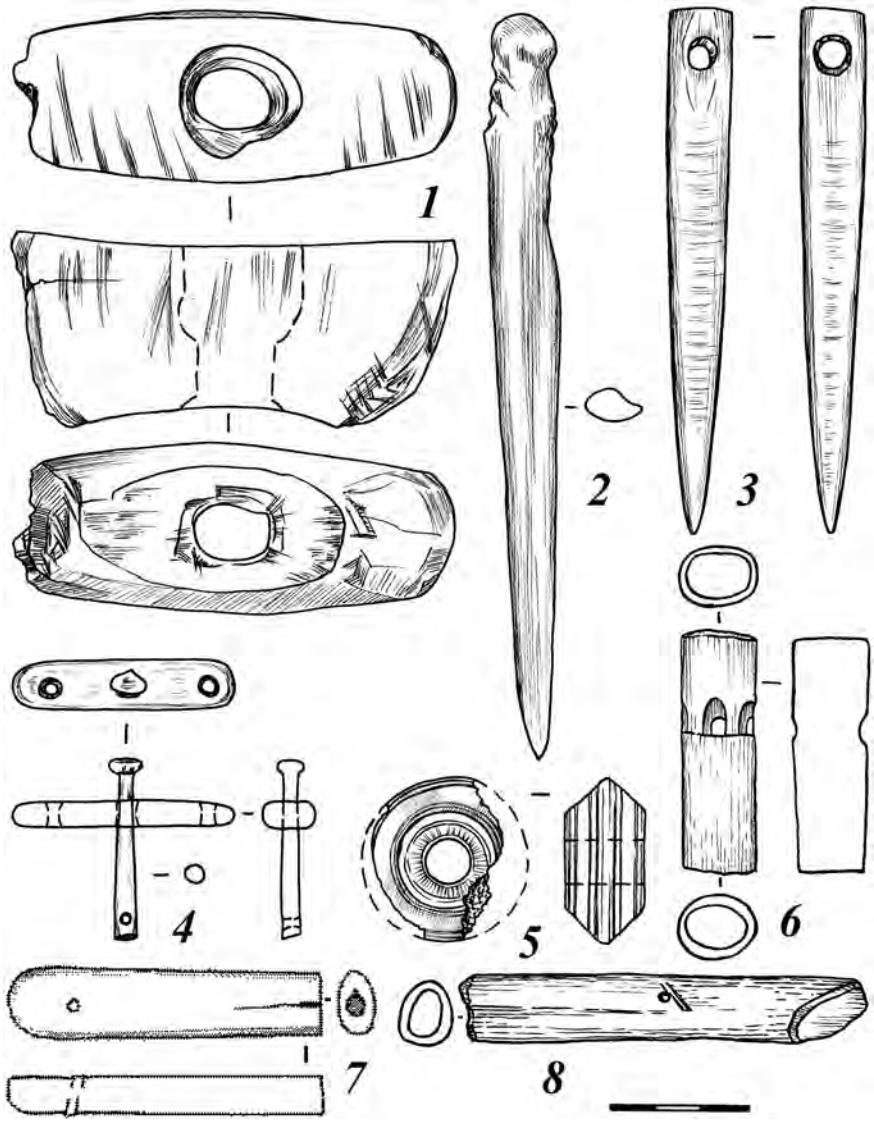


Рис. 12.48. Хозяйственные предметы и технические приспособления: *1* – порхлица; *2* – кочедык; *3* – проколка; *4* – вертлюг; *5* – пряслице; *6* – юрок; *7* – рукоять шила; *8* – игольник. Городище. Друцк. Раскопки: *1, 2, 5* – О. Н. Левко; *3, 4, 6–8* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

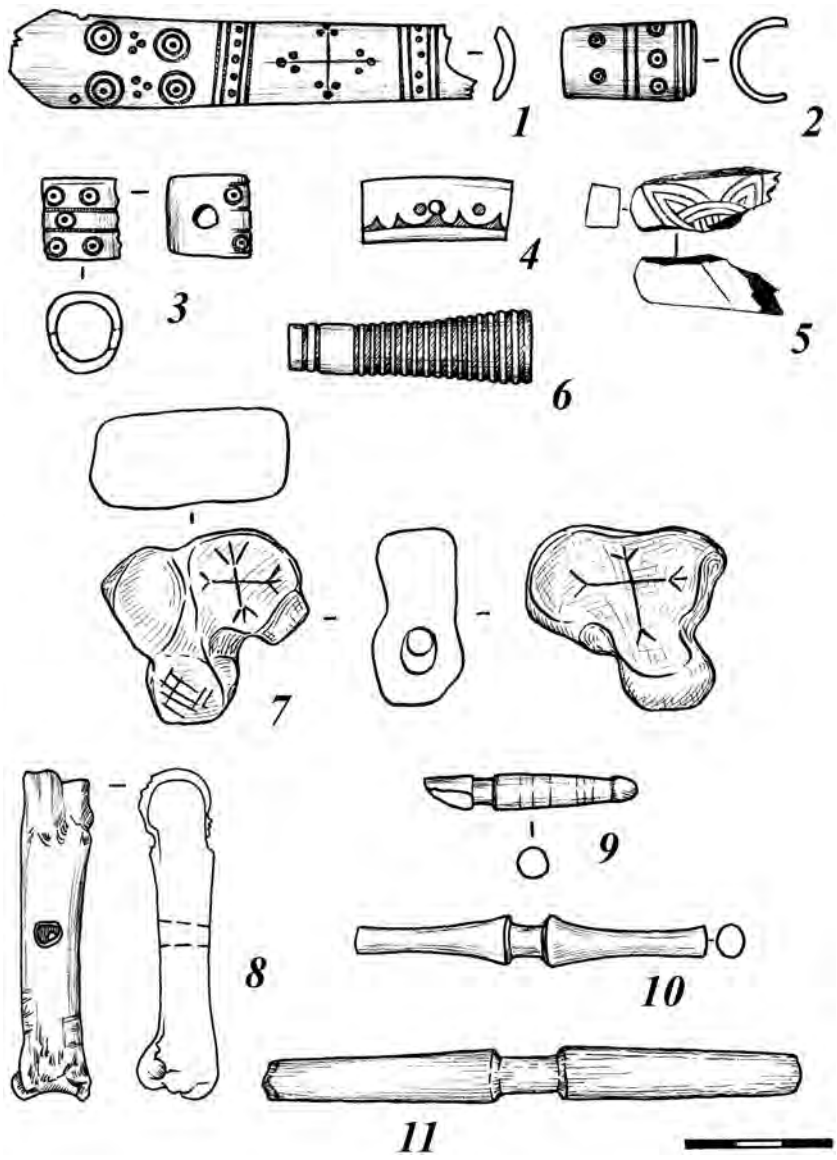


Рис. 12.49. Хозяйственные и бытовые изделия *(1–6, 8–11)*, предмет для развлечения детей *(7)*: *1* – накладка от наборной рукояти; *2, 3* – насадки-муфты для наборных рукоятей; *4, 5* – пластинки-украшения на ларцы и шкатулки; *6* – резная рукоять; *7* – жужелица; *8–11* – застежки. Друцк. Раскопки: *1–4, 6, 7, 9 –11* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *5, 8* – О. Н. Левко

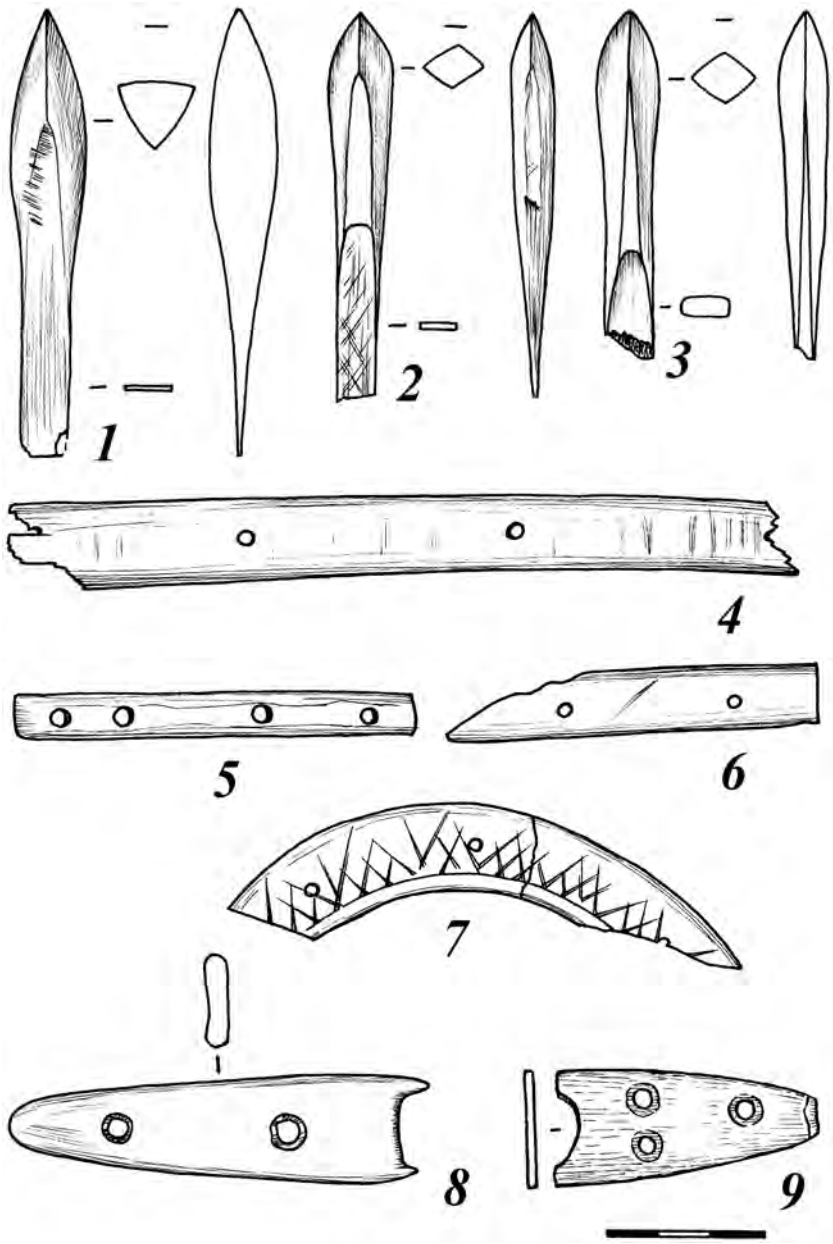


Рис. 12.50. Предметы военного назначения: *1–3* – черешковые наконечники стрел; *4–9* – накладки на сложные и составные луки. Городище. Друцк. Раскопки: *1–3, 8* – О. Н. Левко; *4–7, 9* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

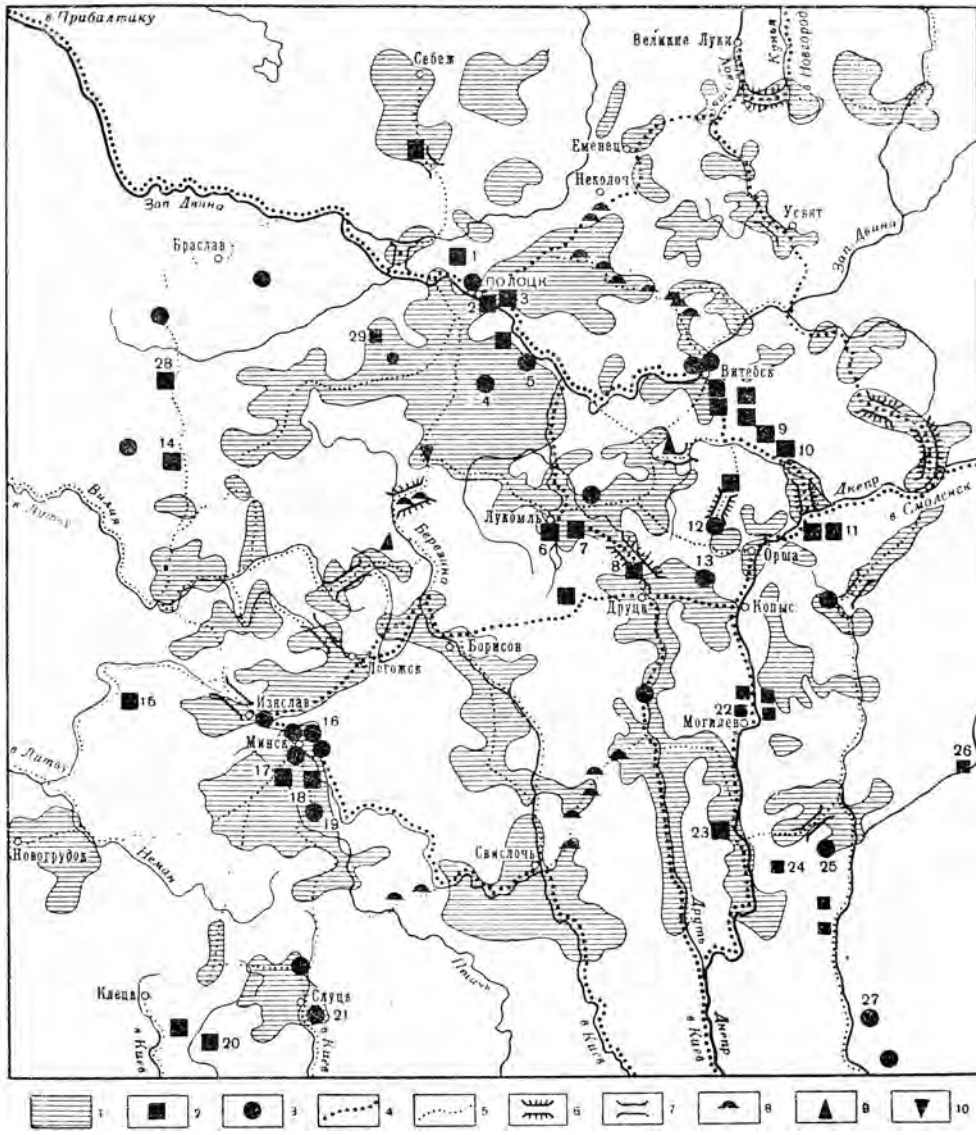


Рис. 13.1. Пути сообщения Полоцкой земли: *1* – скопления курганов; *2* – клады восточных и западноевропейских монет; *3* – единичные находки восточных монет; *4* – основные пути сообщения; *5* – неосновные пути сообщения; 6 – волоки; *7* – предполагаемые волоки; *8* – курганные группы, подтверждающие наличие дороги; *9* – топоним «волок»; *10* – топонимы «Переволочье», «Заволочье» (по Л. В. Алексееву)

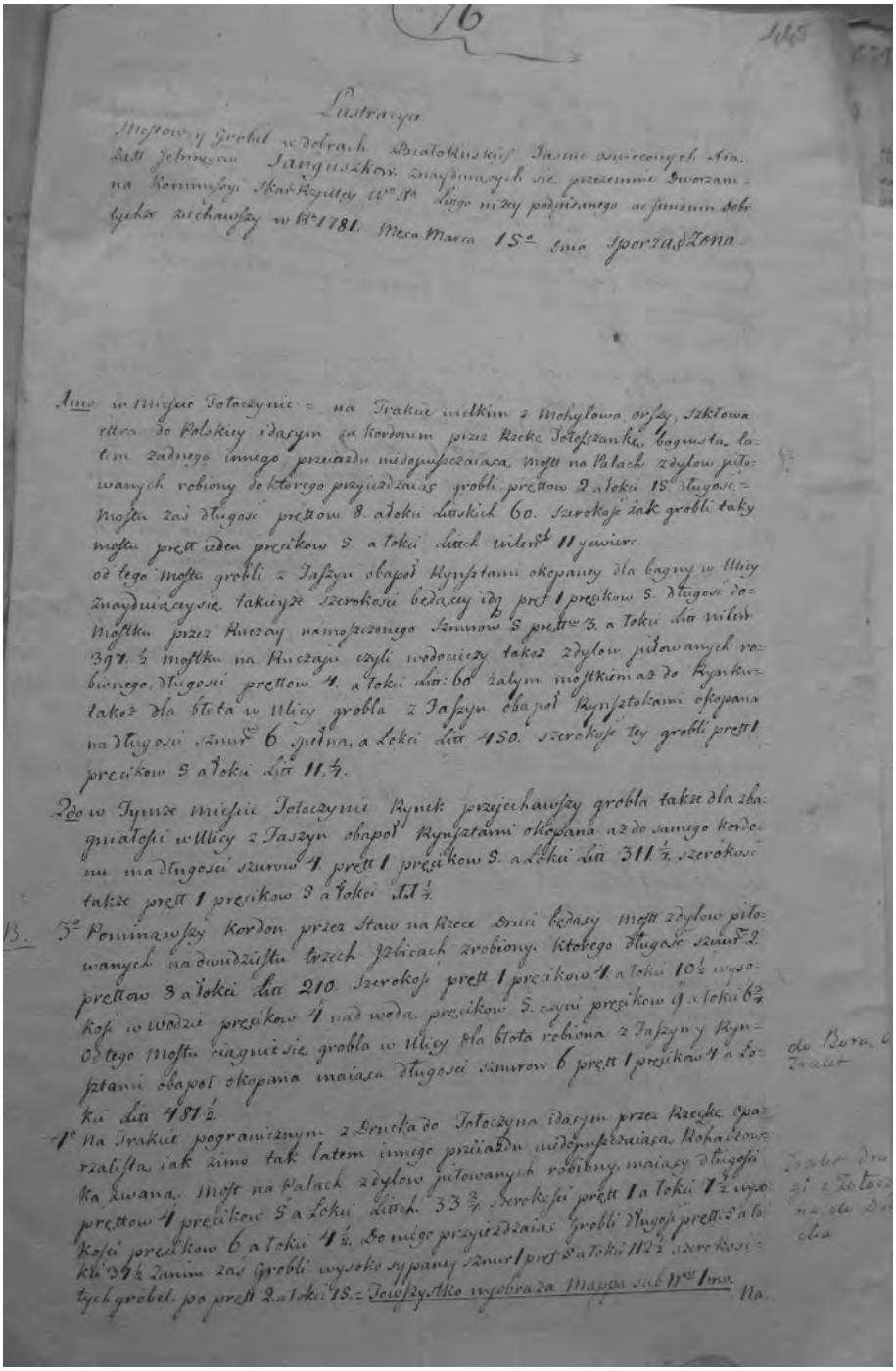


Рис. 13.2. Описание дорог в местечке Толочин. 1781 г. Фонды LVIA

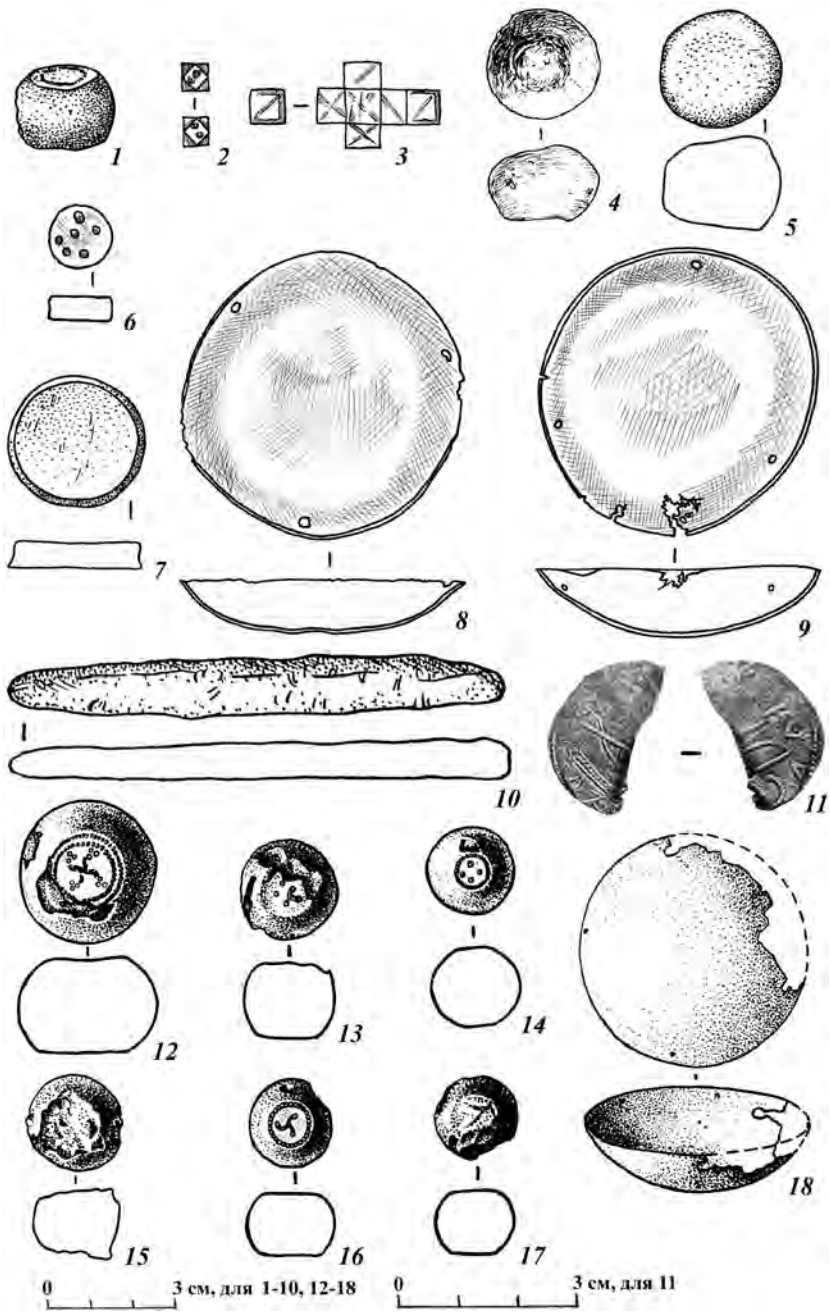


Рис. 13.3. Гирьки-разновесы (*1–7, 12–17*), чашечки монетных весов (*8, 9, 18*), серебряный слиток (*10*), сребреник киевского князя Владимира Святославича (980–1015) из монетного клада 1886 г. (*11*): *1–10* – Друцк; *11* – Поречье; *12–18* – курганный могильник № 2, Дроздово. Раскопки: *1, 5–10* – Л. В. Алексеева; *2–4, 12–18* – О. Н. Левко. Фонды: *1, 5–10* – ВОКМ; *12–18* – ТРИКМ

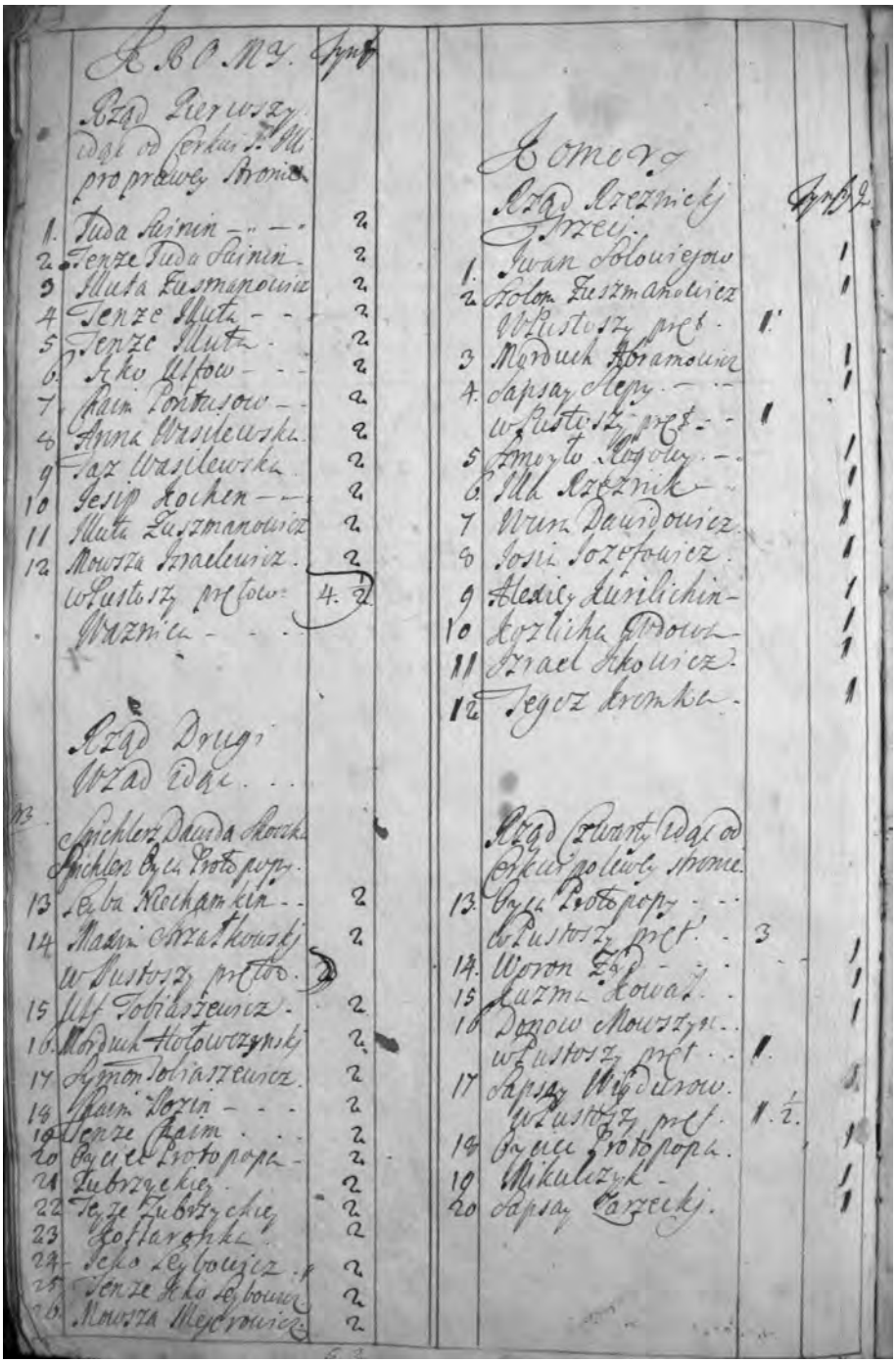
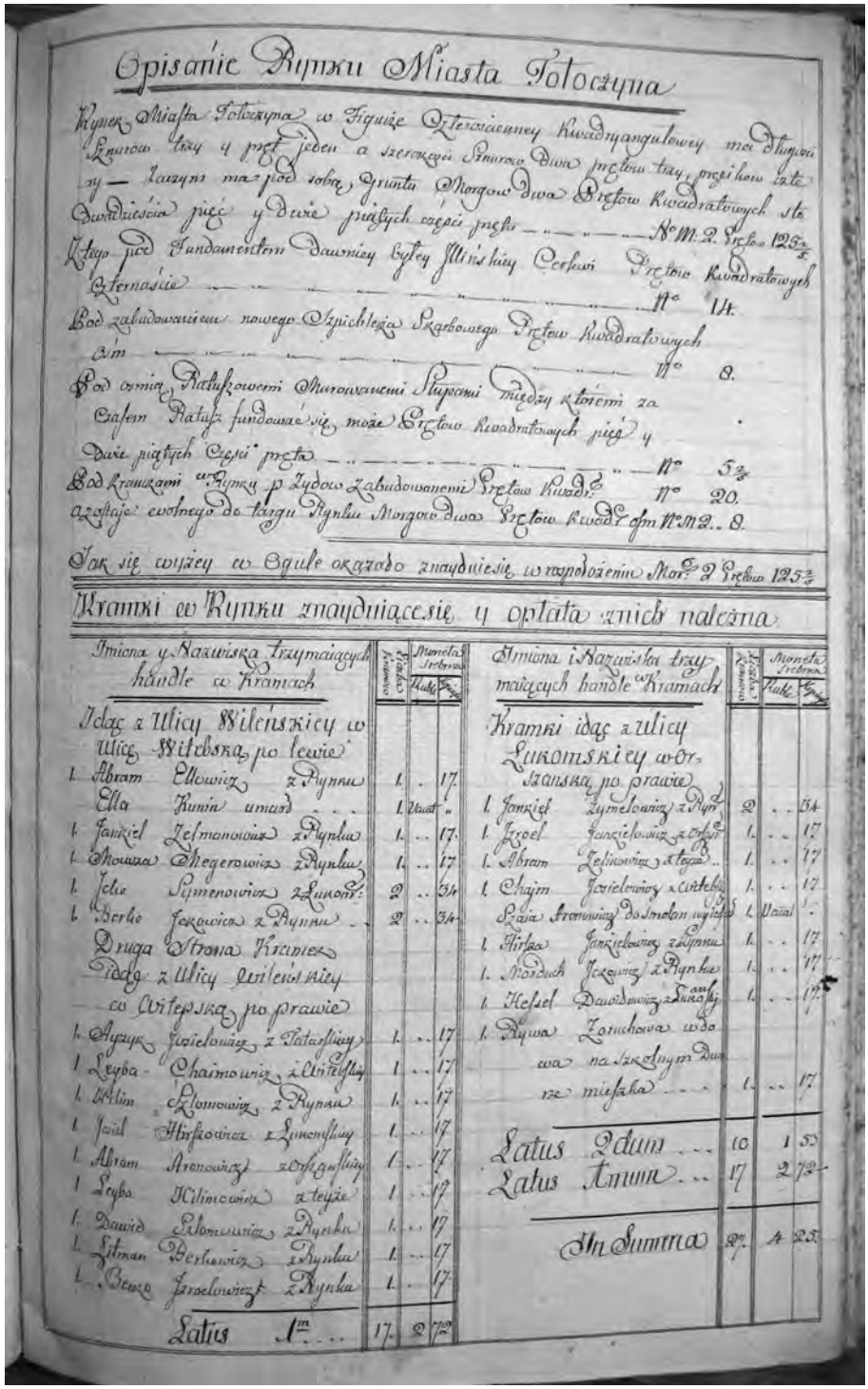


Рис. 13.4. Описание торговых рядов в местечке Толочин. 1715 г. Фонды АРК



Opisanie Rynku Miasta Tołoczyna

Rynek Miasta Tołoczyna w Figurze Czterościennej Kwadryangulowey ma Długości Łokci trzy y prętów jeden a szerokości Łokci dwa prętów trzy, przeto iest Rynek ten — Łokci ma pod sobą Gruntu Morgow dwa Prętow Kwadratowych sto Dwadzieścia pięć y dwie piąte części pręta — — —

V

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И ОБЪЕКТЫ ТУРИЗМА

14. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

14.1. Историко-архитектурная панорама Друцко-Толочинского региона *(Т. В. Габрусь)*

В архитектурном наследии друцко-толочинского региона при его современной относительной малочисленности нашли отражение все основные этапы развития истории отечественного зодчества. Капитальных репрезентативных сооружений здесь сохранилось весьма немного, что обусловлено общей сложной социально-политической историей края. Особенно ярко это выражено в монументальной сакральной архитектуре, поскольку в ней на протяжении столетий самобытно сочетались и противостояли друг другу традиции и каноны православной, католической и униатской конфессий.

Упорядоченная замкнутая структура средневекового города, организованная вокруг христианских храмов, защищенная мощными стенами от враждебного и чуждого окружения, воспринималась как оплот веры, узаконенной власти, учености. Созданием более тысячи лет тому назад, в 1001 г., первого в данном регионе христианского храма в «граде» Друцке было ознаменовано начало культового строительства в регионе.

Заложение церкви в Друцке произошло во времена правления в Полоцком княжестве князя Изяслава, внука Рогволода. Согласно Никоновской летописи, «Бысть же сей князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин и иноческий, и прилежлив прочитанию Божественных писаний, и отвращаясь от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив» [ПСРЛ, 1965, т. 9, с. 68], что способствовало распространению христианства и строительству храмов в Полоцкой земле. Поставленная в центре укрепленного детинца *древняя друцкая церковь* была деревянной. Освятили ее в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Это событие зафиксировано в 2001 г. установкой памятного знака в честь 1000-летия Друцка с фрагментом летописной записи об основании храма (рис. 14.1).

Дата основания церкви представлена в записи, сделанной рукой писца в конце пергаментной рукописи так называемого Друцкого Евангелия XIV в. – ценнейшего памятника восточнославянской письменности: «В лето 6509 (1001) сотворена бысть церкви сия святая Богородица вь граде во Дрютьсце, а служити в неи вседеньная служба, божиею милостью и его пречистыя матере и рабом божьимь княземь Васильем Михаиловичемь и его княги-

нею Василисою. А положил есмь с своею женою Божественное Евангелие и оковал. Да дал святеи Богородице село Моравьиничи и с людьми и со всеми пошлинами и с медовою данью и с селищи и с пожьнями, что ис того села заведають. А что ис тои дани пошлина шла ключнику, та пошлина понамарю, которыи служить у святыи Богородици. Да дал есмь святеи Богородице ис своего села из Видиничь десятину ис жита. А по моемь животе не надобе въступатися ни моимь детемь, ни моимь тивуном, ни иному которому насилнику. А кто имеет поискывати, тот дасть отъвет перед богомь на Страшнем суде. А который человек сидить на Торотвине земли, тот даеть 5 пудов меду проскурнице на заупокоиныи на кануны к святеи Богородице. Да дал есмь на память лукъно Якимово, на Худаве полулуконье. А вы бы мои дети темь мя поминали, а моего бы есте слова не починили» [Ляўко, 2000а, с. 87–113]. Эта запись князя Василия Михайловича является дарственной грамотой. Другие записи, сделанные в разные годы на полях Евангелия, свидетельствуют о том, что оно много раз переходило из рук в руки.

Археологами Л. В. Алексеевым и О. Н. Левко при раскопках древнего городища были найдены многочисленные вещи, относящиеся к церковному быту: сильно обгоревшая половая храмовая глиняная плитка (9 × 9 см), покрытая непрозрачной поливой желтого или зеленого цвета; фрагменты бронзового хороса (висячего светильника с несколькими подсвечниками); бронзовые нагрудные кресты-складни с изображением Божией Матери Одигитрии, Архангелов Михаила и Гавриила, св. князя Бориса; крест-складень, изображающий Распятие; односторонние кресты с миниатюрными образами Святой Троицы, Сретения, Преображения, Сошествия во ад и др. (фото 8).

Деревянная Пречистенская церковь неоднократно горела, в результате чего ее перестраивали. В XVII в. при ней существовал православный монастырь, в начале XVIII в., до 1726 г., она перешла у униатам, в 1838 г. была возвращена в православие. Ровно через 100 лет, в 1938 г., с церкви сняли кресты. В 1942 г. она была полностью уничтожена пожаром. В 1998–2001 г. на холме неподалеку от древнего городища, памятника археологии, была построена новая деревянная церковь (рис. 14.2), освященная во имя Рождества Пресвятой Богородицы в 2001 г., в годовщину празднования 1000-летия Друцка. Храм был возведен в формах традиционного белорусского деревянного зодчества. Он имеет каноническую трехчастную структуру со срубами равной высоты. Прямоугольный основной и пятигранный алтарный срубы накрыты стропильными крышами. Над входным объемом-«бабинцем» была надстроена башня-звонница (восьмерик на четверике). Основной объем и колокольню увенчивают невысокие шатры с главками.

Крещение населения этнической Литвы и начало распространения католичества – государственной религии в ВКЛ – было отмечено основанием в 1378 г. в населенном пункте Обольцы (д. Клебань) на территории современного Толочинского района одного из шести самых ранних костелов на белорусских землях (наряду с Кревом, Гайной, Ошмянами, Быстрицей и Но-

вогрудком). Все эти костелы, основанные в конце XIV в., были первоначально деревянными сооружениями. В исторических документах Обольцы впервые упомянуты под 1385 г. как владение короля польского и великого князя литовского Владислава Ягайлы. В «Списке городов русских близких и дальних», также относящемся к XIV в., поселение названо городом Оболчи, что отражает его раннесредневековое происхождение и формирование именно как укрепленного населенного пункта. В 1 км от деревни Старые Обольцы расположено кладбище. Как показало археологическое обследование, проведенное в 2007 г. О. Н. Левко, по краю площадки кладбища сохранился вал, возможно именно здесь был первоначально размещен город-крепость Оболчи. В документе 1430 г. Обольцы также определены как город. В эпоху Ренессанса, с развитием в государстве торговли и ремесел, подъемом экономики, сформировался новый тип поселения – местечко. В XVI–XVII вв. Обольцы являлись местечком и, поменяв ряд владельцев, вошли в состав владений князей Сангушек. Теперь Обольцы – деревня Толочинского района, находящаяся в 38 км на северо-восток от центра района [Туристическая мозаика Беларуси, 2011, с. 193].

В 1809 г. был построен новый *каменный костел* в стиле классицизма, который существовал еще в начале XX в. (не сохранился). В 1981 г. в д. Клебань (продолжение д. Старые Обольцы) О. Н. Левко была выявлена площадка, обсаженная по периметру старыми деревьями, у корней которых просматривались выступающие из-под земли остатки фундаментов и каменные надгробья с латинскими надписями. По словам местных жителей, именно здесь находился костел.

Начало православного храмостроения в Обольцах отмечено 1532 г., когда здесь была освящена *деревянная церковь в честь Успения Божьей Матери,* которую позднее неоднократно перестраивали и переосвящали. Упоминания об *Успенской церкви* содержатся в документах 1843 и 1894 г. В последнем она значится как деревянная, крытая гонтом. В документах о награждении священника Г. И. Свидерского за участие в усмирении «польского мятежа» 1863–1864 гг. («скуфьей, набедренником и темно-бронзовым наперсным крестом») и в 1909 г. церковь в Обольцах упомянута как Петропавловская. Храм был закрыт в 1937 г. В 1941 г. Успенская церковь была уничтожена пожаром [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 21–22].

В XVII–XVIII вв. в ВКЛ доминирующей стала *греко-католическая церковь,* возникшая в результате принятия Брестской церковной унии 1596 г. «Просьбою и грозьбою» большинство населения, ранее православное, было переведено в унию (более 80%). Передачу православных храмов униатскому духовенству активно практиковали, особенно в начале XVII в. Позднее широкое распространение получило собственное униатское храмостроение, в котором творчески сочетались местные православные традиции и западноевропейский архитектурно-художественный стиль барокко. В XVIII в. это привело к созданию самобытных образцов позднего белорусского барокко, которое по своим художественно-стилевым характеристикам получило в искусствоведении название виленского. К произведениям виленского

барокко в Беларуси относятся униатские храмы в Орше, Толочине и др. [Габрусь, 2001, с. 172–201].

Известно, что в 1604 г. канцлер ВКЛ Лев Сапега, владевший Толочином, основал здесь костел, школу и больницу [Живописная Россия ... , 1994, т. 3, с. 412]. Одновременно была построена православная *Ильинская церковь* «на самом приличном в местечке Толочин месте». Известен фундуш Л. Сапеги на эту церковь 1615 г.: 5 волок земли с 5-ю на ней дворами крестьян в д. Катужино. В 1726 г. церковь была переведена в унию и, по всей видимости, переосвящена во имя Николая Чудотворца, поскольку именно к *Никольской церкви* в 1834 г. относились крестьяне д. Катужино. В 1835 г. она вновь была переведена в православие. В это же время в документах отмечается наличие в Толочине *«праздной Римской церкви»,* находившейся в Заречном Толочине [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 11]. Не вполне понятно, к какому именно культовому объекту относится это определение, так как единственным в местечке католическим храмом был костел, основанный Львом Сапегой и на то время уже закрытый.

Наиболее выдающимся архитектурным памятником друцко-толочинского региона является *комплекс бывшего монастыря базилиан* второй половины XVIII в. (теперь – православный женский Свято-Покровский монастырь Витебской епархии Белорусского Экзархата Московской Патриархии) в г. Толочин. О его архитектурно-художественном решении писали белорусские историки архитектуры Ю. Якимович, А. Кулагин, Т. Габрусь и московская исследовательница И. Слюнькова [Архітэктура Беларусі, 1993, т. 2, с. 467; Габрусь, 2001, с. 188; Праваслаўныя храмы Беларусі, 2007, с. 382–383; Слюнькова, 2002, с. 499–502]. Однако даже эти немногочисленные по количеству и объему публикации содержат противоречивые заключения. Поэтому при атрибуции памятника и обосновании его историко-культурной ценности необходимо опираться преимущественно на архитектурно-художественные характеристики и социально-исторические реалии (см. подробнее в § 14.2). В настоящее время данный архитектурный комплекс в Толочине находится на реставрации.

Единственным католическим храмом, возведенным в регионе в период Российской империи является *костел св. Антония Падуанского,* построенный в 1853 г. в Толочине из кирпича, в стиле позднего классицизма с элементами ретроспективной готики [Каталіцкія храмы Беларусі, 2008, с. 352]. Здание (фото 43, *а*) имеет тектонику «скрытой» базилики. Строгий прямоугольный объем внутри разделен столбами на три продольных нефа, из которых более высокий центральный неф не имеет верхнего освещения. Все нефы накрыты общей двускатной крышей со щитом и крестом на главном фасаде. Центральный неф с востока завершен полукруглой алтарной апсидой, с запада – небольшим квадратным в плане входным объемом-экзонартексом с двускатной крышей. Скаты крыш входного и основного объемов придают композиции нарастающую динамику. Пространственный ритм подчеркнут ордерными пилястрами и развитым профилированным антаблементом. Оконные проемы, порталы и ниши имеют стрельчатые очерта-

ния. Простенки главного фасада оформлены декоративной рустовкой, ступенчатой аркатурой, люнетами и конховыми нишами. Рядом с храмом до 1962 г. стояла трехъярусная звонница. После войны костел закрыли и приспособили под клуб. Костел был возвращен верующим в 1993 г.

В конце XVIII в. в местечке Соколино по фундации его владельца князя Друцкого-Соколинского была возведена из кирпича *греко-католическая церковь во имя Святого Духа*. Основу композиции храма составлял восьмигранный объем, символизирующий гармонию мироздания. Многочисленные пилястры и колонны с композитными капителями, волнистые антаблементы придавали сооружению стилистику позднего барокко. Изяществом архитектурных форм отличалась также церковь в селе Видиничи, построенная в конце XVIII в., перестроенная в 1837 г. помещиком Комаровским. Храм представлял крестообразное в плане здание, размером 14 × 10 м, с шатровой колокольней и одним куполом.

В период вхождения региона в Российскую империю (конец XVIII в. – начало XX в.) началось укрепление позиций Московской Патриархии, что было отмечено основанием многочисленных православных церквей, которые в советское время были закрыты (последними в 1962 г. – храмы в деревнях Буторы и Словени). По архивным документам известны церкви в честь: *Рождества Богородицы* в Подберезье; *Успения Богородицы* в деревнях Аленовичи, Багриново, Высокий Городец, Новое Село; Покрова Богородицы в Видиничах, Волосово, Горбачево; *Троицкая* в Озерцах; *Св. Духа* в Переволочне, Соколино, Плоское; *Архангела Михаила* в Молявке; *св. Петра и Павла* в Буторах, Воронцевичах, Заполье, Ревучье, Словенях; *св. бессеребренников Космы и Домиана* в Лемнице; *св. Николая Чудотворца* в Клебани; *св. Георгия (Юрьевская)* в Рыдомле. Все эти храмы, бывшие униатские и православные, впоследствии были разрушены полностью или находятся сейчас в руинированном состоянии [Православные святыни ... , 2004; Протоиерей Александр ... , 2008, с. 5–48].

Униатская Никольская церковь в селе Клебань была построена из дерева в 1760 г. Внешне она напоминала небольшую часовню прямоугольной формы, поставленную на бутовом фундаменте. Вертикально обшитые тесом с нащельниками стены были расчленены шестью оконными проемами. В 1914 г. к храму был пристроен притвор с колокольней каркасно-дощатой конструкции [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 35].

В ближайшем к Друцку населенном пункте, д. Ревучье, уже после первого раздела Речи Посполитой была основана *греко-католическая церковь*. В книге Оршанского земского суда сохранилась запись от 15 ноября 1775 г. о том, что пан Бонифатий Богданович, архитектор из Орши, и его супруга Анна в своем имении Кривое в д. Ревучье Оршанской провинции Толочинского деканата обустроили униатскую церковь Петра и Павла и наделили приход многочисленными пожертвованиями, включая бесплатный помол на водяной мельнице, принадлежавшей родственнику фундаторов Иосифу Дворжецкому-Богдановичу. Настоятелю вменялось проводить в год 16 служб за здравствующих и усопших членов рода Богдановичей. Униат-

ский Полоцкий, Витебский, Мстиславский, Оршанский и Могилевский архиепископ Смогоржевский благословил строительство деревянной церкви, в которой хранилась ценная копия иконы Божьей Матери «Белыничской». В 1832 г. униатская церковь была переведена в православие, а в 1926 г. – закрыта и использована как зерносклад, в 1956 г. – разобрана на бревна [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 41].

Деревянная Покровская церковь с отдельно стоящей звонницей в селе Волосово первоначально была построена «тщанием Госпожи Францишки Дергиловой неизвестно в котором году». К 1859 г. она уже нуждалась в ремонте. В 1860 г. лемницкий помещик Юлиан Санковский выступил в качестве жертвователя и подрядчика строительства новой церкви. При этом на стройматериалы были разобраны старые деревянные храмы в Волосово и Заполье. Церковь была закрыта и разрушена в 1930-е годы [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 28].

На кладбище между деревнями Речки и Голошево сохранились руины *деревянной церкви,* которую по стилевым характеристикам можно отнести к концу XVIII в. – началу XIX в. Храм состоял из двух прямоугольных срубов одинаковой высоты: основного и алтарного, накрытых общей крышей. Стены имели традиционную для белорусского храмостроительства вертикальную шалевку досками с нащельниками. Вход был оформлен невысоким крыльцом: двускатной крышей на двух столбах. Архивные документы деревни Голошево упоминают две церкви. Одна из них *во имя Святого Духа* названа в документе 1784 г. в связи с недостойным поведением священника и повторно упоминается в ведомости 1905 г. как деревянная, крытая гонтом. Вблизи деревни находилась вторая церковь *во имя св. Бориса и Глеба*, построенная в 1803 г. около древнего Рогволодова камня, имевшего надпись: «В лето 6679 (1171) месяца мая в 7 день доспен крест сей. Господи, помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду сыну Борисову» (фото 38). В 1812 г. Борисоглебскую церковь сожгли французы, а на ее месте в 1830 г. были построена новая, деревянная церковь, которая упомянута также в документах 1908 г. В ВОКМ сохранилось дело об открытии после Великой Отечественной войны в Голошево православного прихода и переносе в 1947 г. на деревенское кладбище деревянной церкви из расположенной в 2 км от него д. Дятлово [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 34]. Наиболее вероятно, что именно этот храм находится в руинированном состоянии.

Петропавловская церковь в Воронцевичах по ведомости 1895 г. числилась как деревянная, крытая гонтом. В 1916 г. в ней провели ремонтные работы. Храм был приписан к Ильинской церкви в Орше. В 1936 г. его закрыли, здание приспособили под клуб, во время войны разобрали на бревна, впоследствии использованные немцами под оборонительные сооружения [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 29].

Деревянная *Успенская церковь* в д. Высокий Городец была построена в 1824 г. на пожертвования помещика Чаплица. В ведомости за 1854 г.

«О положении православных приходских церквей и об обеспечении сельского духовенства в Сенненском уезде», о ней сказано следующее: «Церковь деревянная, неблаговидная. Требуется исправить крышу, пол и крыльцо. Фундамент, стены требуют обшивки снаружи тесом. Надо сделать притвор и покрасить внутри». Это довольно большая церковь, «с пятью куполами и шестью колоколами», самый большой из которых весил 19 пудов (около 300 килограмм). Она стояла при въезде в деревню возле самой дороги на пригорке. В храме находилось приблизительно сорок икон и десять хоругвей металлических на деревянном древке. Посреди храма висело бронзовое паникадило. Библиотека храма состояла из 116 книг богослужебного назначения, а также проповеднических, церковных ведомостей, житий святых [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 30–32]. В 1901 г. здесь в семье диакона Евфимия Косенкова родился сын – будущий известный белорусский писатель Михась Зарецкий. В 1936 г. церковь была перестроена под клуб.

Космодемьянская церковь в д. Лемница, построенная в 1836 г. из кирпича, являлась произведением архитектуры позднего классицизма. Сооружение имело крестообразную одноглавую объемно-пространственную композицию. Главный фасад венчала одноярусная колокольня. Оштукатуренные и побеленные стены были расчленены большими оконными проемами с профилированными сандриками. Фундамент был выложен из тесаного камня. Церковь имела четыре входа. Внутри церкви находилось три иконостаса: центральный отделял алтарную апсиду, два боковых – приделы. В 1903 г. при храме было построено деревянное здание церковно-приходской школы [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 36].

Неподалеку от д. Ревучье в фольварке Халяпинка находилось *родовое имение помещиков Хоментовских.* От усадьбы в руинированном состоянии сохранилась *часовня-усыпальница,* построенная в 1882 г. из красного кирпича в псевдорусском стиле – изящное камерное сооружение с арочной звонницей на главном фасаде и характерным декоративным узорочьем в виде поребриков, килевидных фронтончиков, филенчатого руста (фото 49). В центре четырехскатной крыши часовни был возведен деревянный восьмигранный (на четверике) барабан с луковичной главкой. Захоронения были разграблены. Надгробия были сделаны из черного и красного гранита. На одном была надпись «Генерал от инфантерии Петр Михайлович Хоментовский. Родился в 1828 году, умер в 1900 году» [Глобус Беларусі ... , 2014].

Между деревнями Неклюдово, Яново и Взносное в 25 км от Толочина возле р. Усвейка находится источник, около которого, по преданию, была явлена чудотворная икона св. князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Здесь в 1840 г. была построена деревянная церковь в честь этих святых, в которой до 1900 г. находилась явленная икона [Протоиерей Александр ... , 2008, с. 6–10]. В 1885 г. действительным статским советником Ф. С. Лешко в принадлежащем ему имении Неклюдово по определению Святейшего Синода был учрежден православный *мужской Борисоглебский монастырь,* кото-

рому основателем были пожертвованы все земельные угодья и постройки. В новую обитель, получившую статус Неклюдовской Борисоглебской пустыни, были переселены монахи из Троицкого монастыря Киевской епархии (около 50 человек). Монастырский комплекс состоял из трех церквей, часовни, жилого братского здания, покоев настоятеля, больницы, школы и хозяйственных построек. Кроме школы в монастыре находился приют для мальчиков, богадельня для старых и немощных. Монастырская библиотека состояла из 2564 книг.

Каменная церковь в Неклюдово (теперь – д. Монастырь) построена в 1890–1896 гг. в псевдорусском стиле и освящена епископом Могилевским Михаилом в честь Святой Троицы 1 октября 1899 г. (фото 45, *а*). Объемно-пространственная композиция сооружения четырехчастная. Основу составляет кубовидный объем кафоликона, накрытый пологим шатром с главкой в центре. К нему по продольной оси примыкают более низкие равновысокие объемы алтарной апсиды и трапезной, накрытые двускатными крышами. Над входным квадратным в плане объемом (бабинцем) возвышается массивная восьмигранная колокольня, увенчанная высоким шатром с луковичной главкой. В декоре использованы килевидные обрамления окон, поребрики, аркатурный фриз и т. д.

Над чудесным источником, в трех верстах от Неклюдово, основателем монастыря Ф. С. Лешко в 1891 г. была построена каменная *часовня,* а в 1893–1901 гг. рядом со старой деревянной церковью возведена новая каменная *Пустынская Борисоглебская церковь,* освященная в 1902 г. Архитектурно она была решена в псевдорусском стиле, не сохранилась. В документах церковь определена как Яновская.

После революции 1917 г. Борисоглебский монастырь закрыли. С 1941 по 1962 г. в Троицкой церкви продолжали совершать богослужения. 14 декабря 1962 г. Витебский облисполком принял решение о закрытии храма. В административной записке 1962 г. сказано следующее: «Церковь не представляет собой ценность как памятник архитектуры... Здание храма передать совхозу “Рыдомльский” под клуб» [ГАВО, ф. 1439, оп. 3, д. 42, л. 31]. Позднее в этом здании сделали зернохранилище. В настоящее время на месте бывшего Борисоглебского монастыря организовано подворье Свято-Покровского женского монастыря г. Толочина. В 2005 г. начаты восстановительные работы по зданию Троицкой церкви: перекрыта кровля над алтарем, притвором и колокольней, частично восстановлены некоторые участки стены.

Петропавловская церковь в д. Буторы построена в 1907 г., сохранилась в руинированном состоянии. Это был деревянный довольно больших размеров храм синоидального типа, поставленный на фундаменте из местного природного камня, собранного прихожанами. Крестообразная объмно-пространственная композиция церкви сформирована основным срубом, пятигранным алтарным срубом и трапезной с входным бабинцем, над которым ранее возвышалась колокольня с островерхим шатром и главкой. Стены из брусьев не имеют шалевки и прорезаны большими окнами с профилированными наличниками.

В настоящее время в Республике Беларусь активизированы как деятельность православных приходов, так и строительство новых церквей. На территории Толочинского района зарегистрированы приходы в Друцке, Толочине (два), Друцке, Коханово, Обольцах, Славном, Серковицах и Неклюдово (монастырь).

В местечке Коханово до 1930-х годов действовала *Николаевская церковь,* выстроенная около 1880 г. из красного кирпича в псевдорусском стиле. Объемно-пространственную композицию храма увенчивали три луковичные главки. При церкви функционировали церковно-приходская школа и библиотека. В 1932–1934 гг. здание было разрушено, а из церковного кирпича построены склады на станции Коханово [Протоиерей Александр … , 2008, с. 20]. В период Великой Отечественной войны в доме священника был организован молитвенный дом. В дальнейшем до 1995 г. шла многолетняя борьба за возрождение общины и возвращение церковного имущества. В 2001–2003 гг. в Коханово была построена новая деревянная *церковь в честь святителя Николая Чудотворца* (фото 45, *б*). Храм имеет традиционную трехчастную структуру. Основной прямоугольный объем накрыт двухскатной крышей с главкой на глухом барабане посередине. К нему по продольной оси примыкают более низкие пятигранная алтарная апсида и входной квадратный в плане объем, так называемый бабинец. Над входным объемом возвышается башня колокольни, состоящая из двух ярусов (восьмерика на четверике), увенчанная фигурной главкой. Шалевка стен горизонтальная. Архитектурной композицией и декоративным оформлением храм в Коханово повторяет церковь Рождества Богородицы в Друцке.

Значительную и также почти полностью утраченную часть архитектурного наследия региона представляют былые многочисленные дворянские усадьбы с живописными парками, хозяйственными и производственными постройками [Глобус Беларусі … , 2014]. Около д. Голошево сохранились остатки *усадьбы Тюндевицких* конца XIX в. – начала XX в., включавшей господский дом, служебные постройки и пейзажный парк. Кирпичный господский дом построен в 1897 г. в традициях местной усадебной архитектуры с элементами неоклассицизма (фото 46, *б*). Имеет симметричную объемно-пространственную композицию с двухэтажной центральной частью и одноэтажными боковыми крыльями, перекрытыми взаимно перпендикулярными двускатными крышами с треугольными фронтонами на торцах. В декоре использованы пилястры, филенчатые ниши, сухарики, рустованные обрамления лучковых окон. Эклектичным приемом является несимметричное размещение небольшого входного четырехколонного портика. Сохранились фрагменты парковых аллей, пруд, руины двухэтажного кирпичного флигеля. В 1996 г. на берегу озера установлен большой каменный крест, ранее находившийся у самого его края (фото 52).

В конце XIX в. в юго-западной части Толочина был создан *усадебный комплекс Юзефполье,* от которого сохранились значительные посадки пейзажного парка (фото 56), небольшой пруд, одно-двухэтажная хозяйственная

постройка (маслобойня), возведенная из красного кирпича в стиле эклектики (фото 47, *б*). Дендрологический состав парка включает преимущественно местные породы деревьев: сосны, березы, липы, тополя, ели, ивы и т. д. Тем же временем датируется жилой дом, в здании которого теперь размещается *историко-краеведческий музей* (ул. Пионерская, 4). Прямоугольное в плане здание накрыто высокой вальмовой крышей с небольшим треугольным фронтоном над крыльцом входа (фото 46, *а*). В декоративном оформлении использованы массивный профилированный карниз с сухариками, эффектные выбеленные наличники окон, контрастирующие с красным цветом стен.

В XIX в. с северной стороны от Свято-Покровской церкви было возведено небольшое двухэтажное каменное здание, прямоугольное в плане. В его архитектуре проступают приметы классицизма, например, размещение классицистических треугольных фронтонов с импостами на всех четырех фасадах (фото 43, *б*). Это здание (теперь находящееся по адресу: ул. Ленинская, 29) в «Зборе помнікаў гісторыі і культуры» Беларуси было представлено в комплексе базилианского монастыря в качестве его *школы* [Збор помнікаў ... , 1985, с. 409–420]. Однако оно отсутствует на плане г. Толочина 1810 г. (см. рис. 10.1). Обследование здания в 2013 г. показало, что его конструктивные особенности соответствуют двум строительным этапам в течение второй половины XIX в. – начала XX в. Таким образом, данная постройка не могла функционировать одновременно с монастырем и быть базилианской школой, которая была закрыта в 1831 г.

В усадьбе Замойских второй половины XIX в. в д. Рацево находились господский дом, служебный флигель, конюшня, кузница и отдельные парковые куртины. В настоящее время сохранилась часть усадебного парка. В д. Лесино имеются остатки *усадьбы Ренгартенов:* руины часовни-усыпальницы, старинные амбар и ледовня. На территории Окольного города в Друцке находится одноэтажная кирпичная постройка начала XX в. (фото 42, *а*). В плане здание Т-образное, с торцовой стороны укреплено большими контрфорсами. Открытая кирпичная кладка декорирована выбеленными линеарными элементами. Оконные проемы имеют разную форму и расположены на разной высоте, что дает основание предположить, что это была конюшня или заезжий двор.

Из памятников промышленной архитектуры в регионе сохранились: в полуразрушенном состоянии *бровар* в д. Горщевщина (фото 55, *а*); водяные *мельницы* в д. Лемница, Хохловка (фото 42, *б*), Каменное-Кривое (у дороги Толочин–Круглое при повороте на Друцк), которые в ряде случаев использовали как лесопилки (тартаки); действующие здания *винокурни* (фото 47, *а*) и *крахмального завода* (фото 54). Наиболее хорошо сохранился уникальный производственный объект из металлоконструкций – *водонапорная башня* в д. Звенячи, возведенная в первой половине XX в., так называемая башня Шухова (рис. 14.3). Выдающийся российский инженер В. Г. Шухов (1858–1939 гг.) первым в мире применил для строительства

стальные сетчатые оболочки и ввел в архитектуру форму однополостного гиперболоида вращения, что закреплено патентами 1894–1895 гг. Имя Шухова носят башни гиперболоидной конструкции, получившие широкое распространение в СССР и за рубежом. Наиболее известная из них – трансляционная башня на ул. Шаболовка в Москве.

Так выглядит сегодня многовековая история архитектурной панорамы Друцко-Толочинского региона.

14.2. Толочинский базилианский мужской монастырь. 1765–1834 гг. *(Е. Н. Филатова, Т. В. Габрусь)*

Толочинский базилианский монастырь был основан в 1765 г. (или в 1769 г.) магнатами Сангушками. В начале XIXв. он входил в состав Белорусской базилианской провинции. В то время Толочин был центром деканата Полоцкой униатской епархии. В 1837 г. в Толочинский деканат входило 11 парафий (приходов) (центры парафий: Багриново, Езерск, Лесная, Озерцы, Подбережье, Поречье, Сокольня, Новое Село, Староселье, Толочин, Воронцевичи) с 10 священниками, 9501 прихожаном и 35 фундушовыми душами. В 1805 г. в Толочинском мужском базилианском монастыре было 12 монахов, его доходы (на 1803 г.) составляли 547 злотых, он также владел 57 фундушовыми крепостными крестьянами с 371 десятиной 185 саженями пахотной земли и 541 десятиной 891 саженью непахотной, а его фундушовые капиталы составляли 5850 рублей. В 1834 г. монастырь владел 71 крепостным и капиталом в 12 849 руб. [Radwan, 2001, с. 40, 84, 85, 100, 140, 186, 318, 319].

В 1823 г. была проведена визитация монастырей Белорусской базилианской провинции [РГИА, ф. 824, оп. 2, д. 143]. Согласно визитации, в Толочинском базилианском монастыре Покрова Пресвятой Богородицы (его каменное здание было построено в 1775 г., а каменная церковь при монастыре – в 1786 г.) монастырские помещения состояли из братских и «старшинских» келий, которые были размещены по обе стороны коридора. Все кельи имели кафельные печи или камины. В конце здания находилась трапезная. Келья игумена включала три-четыре комнаты, в которых могли быть размещены библиотека, архив или ризница, а сам игумен занимал комнату с каморкой. В 1823 г. в монастыре проживали три священника и шесть монахов. Кроме шпиталя (богадельни) с шестью людьми при монастыре в фольварке жили монастырские подданные, которым оказывали помощь. Этот монастырь владел имением, полученным в 1765 г., в которое входили фольварк и село с 17 домами и 147 жителями. Капитал монастыря составлял 12 799 рублей 59 2/3 коп, а на его территории была размещена поташня. Монастырь владел библиотекой, книгосбор которой был поделен на печатные книги и рукописи. Количество книг достигало 541, карт и атласов – 29 [Водзяновска, 2011, № 23 (220), с. 44–52].

Небольшое количество книг из собрания толочинских базилиан хранится в Национальной библиотеке Беларуси в Минске. Из 22 книг с владельческими записями толочинских базилиан на польском языке – 8, на русском – 14. Из них в XVIII в. в типографиях Вильны, Петербурга, Варшавы и Кракова было издано 13 книг, в XIX в. – 10. Записи на книгах свидетельствуют о том, что фонд библиотеки постоянно пополняли: в 1788, 1806, 1809, 1811, 1825, 1830, 1833 г. Сначала записи о принадлежности книг к толочинской базилианской школе вели на латинском языке, затем – параллельно на латинском и русском языках, потом – только на русском языке [Романова, 2002, с. 139].

В описи 1802 г. указано, что обучение в монастырской школе проводили по следующим предметам: науки 4-го класса – красноречие, виршеписание, география, геометрия, история, мораль; 3-го и 2-го класса – науки христианские, моральная, география, история политическая, арифметика высшая, правила высшей конструкции; 1-го класса – катехизис, науки благонравия и др. Предполагалось открыть «фабрику мурования» школ, каплицы и ограды вокруг монастыря. По сведениям, подписанным ректором школы и монастыря Юстом Крупицким, в 1802 г. монастырь содержал публичную школу, преподавателей-профессоров (ими являлись монахи монастыря: префект Иероним Лопатто, Флориан и Сильвестр Быковские и учитель французского и немецкого языков Ян Вирер) и до 80 учеников. Подбором преподавательского состава занималась Полоцкая духовная консистория [Романова, 2002, с. 138]. В 1800 и 1803 г. в ней учились 85 и 36 учеников соответственно [Водзяновска, 2011, № 23 (220), с. 52]. В 1827 г. в этой школе было уже 108 учеников, но в 1830 г. она была закрыта [Radwan, 2001, с. 130–131; Лісейчыкаў, 2011, с. 46, 49] и, очевидно, преобразована в уездное духовное училище. Так, в 1833 г. униатский митрополит И. Булгак по ходатайству правления белорусской семинарии утвердил клирика Игнатия Шелюту учителем толочинского уездного духовного училища [Романова, 2002, с. 138–139].

Численность монахов в Толочинском базилианском монастыре сокращалась. Так, в апреле 1831 г. в монастыре было всего три человека: настоятель, смотритель духовного училища и учитель [НИАБ в Минске, ф. 1297, оп. 1, д. 5532, л. 22 об.]. В связи с малочисленностью монастырь было решено закрыть. 11 марта 1834 г. министр внутренних дел Д. Блудов сообщил Витебскому, Могилевскому и Смоленскому генерал-губернатору, что монастырь закрывается, а следует «к фундушу монастыря Оршанского присоединить как фундуши Толочинского, так и половину доходов с имения Лысковского монастыря... Каменную церковь монастыря Толочинского с строением онаго и землею, утварью и прочего принадлежностью отдать в ведение местных приходских священников (униатских. – *Е. Ф., Т. Г.*)» [НИАБ в Минске, ф. 1297, оп. 1, д. 8511, л. 1].

Каменная церковь (фото 44, *а, б*) имеет архитектурно-стилевые особенности, характерные для позднего белорусского барокко. Вопрос – была ли большая каменная церковь возведена на месте старого деревянного костела,

заложенного по фундации Льва Сапеги или даже на его фундаментах – является открытым и весьма спорным, поскольку этот факт не подтвержден документальными или археологическими данными.

Архитектура униатской Покровской церкви является ярким образцом позднего белорусского барокко. Художественным прототипом для нее послужил, вероятно, архитектурный образ расположенного неподалеку костела доминиканцев в местечке Смоляны Оршанского повета, также принадлежавшего князьям Сангушкам. Монастырь доминиканцев был основан здесь Иеронимом Сангушкой еще в 1678 г. Каменный костел в Смолянах был построен в 1760-х годах монахом-доминиканцем Людвиком Гринцевичем, получившим архитектурное образование в Риме. Высокий профессиональный и художественный уровень архитектуры толочинской униатской церкви позволяет предположить участие в ее строительстве таких талантливых архитекторов того времени, как Людвик Гринцевич или Александр Осикевич (строитель униатской Явленской церкви в Борунах Ошмянского района), а также Якуб Габриэль (строитель униатской Дмитриевской церкви в Щорсах Новогрудского района). Схожие с толочинским храмом характерные композиционные, конструктивные и декоративные приемы можно отметить также в архитектуре церквей базилианских монастырей: Петропавловской в Бресте, Благовещенской в Лядах Смолевичского района Минской области, Онуфриевской под Мстиславлем Могилевской области – все второй половины и конца XVIII в.

По архитектонике Покровская церковь в Толочине – трехнефная базилика с прямоугольной алтарной частью и двухбашенным фасадом-нартексом. В композиции выразительно доминирует центральный неф, который завершает плоская алтарная стена. Торцы крыши с двух сторон закрыты фигурными аттиковыми фронтонами со сложными абрисами. Невысокие боковые нефы и еще более низкие симметричные сакристии создают нарастающую динамику композиции, которая находит выход в вертикалях башен главного фасада. Пластика главного фасада очень экспрессивная, но подчинена строгой зеркальной центрально-осевой симметрии. Фасад расчленен на пять полей выступающими под острым углом пилонами, оформленными слоистыми ордерными пилястрами. В пропорциях ордера преимущество отдано высотным элементам. Простенки имеют вогнутую поверхность, что придает фасаду волнистость, сходство с театральной кулисой и является одним из основных художественных принципов позднего барокко. Первый пояс антаблемента проходит на высоте центрального нефа. Выше него ярусы башен резко сокращаются в размерах, что придает им телескопическую структуру и визуальную устремленность ввысь. При всем этом рустованные пьедесталы ордерных элементов несут черты барочного классицизма.

Организации внутреннего пространства храма также присущи утонченность и сложная профилировка ордера. Своды боковых нефов разделяют спаренные подпружные арки. В центральном нефе они одиночные, но опираются на слоистые пилястры, что делает сечение опорных столбов

сложным и пространственно активным. Алтарную часть интерьера отделяет каменная алтарная перегородка, точнее «мурованный иконостас», наличие которого отмечено в описи базилианского монастыря 1802 г. Необычным декоративным элементом в оформлении интерьера являются как бы «свернутые в свиток» пилястры хоров и боковых нефов, которыми в художественных формах барокко декларируется иллюзорность и изменчивость реального мира.

Структура нижней части фасада и башен Покровской церкви полностью идентична костелу в Смолянах. Композиционные и конфессиональные отличия между ними состоят в различной форме алтарной стены, а также отсутствии в толочинском храме трансепта (поперечного нефа) и наличии каменной алтарной перегородки, что характерно для униатской архитектуры полоцко-витебского региона. Структура опорных столбов, подпружных арок, крестчатых сводов, раскреповка антаблементов, рустовка цоколя, пропорции и группировка ордерных элементов, расположенных под углом к плоскости фасада, – все это характерные признаки позднего барокко. Таким образом, попытки датировать храм более ранним временем, т. е. началом XVII в., не обоснованы с точки зрения истории архитектуры.

Монастырские строения первоначально были деревянными. Каменное здание (фото 44, *в*) бывшего базилианского монастыря (теперь находящееся по адресу: ул. Ленинская, 31) – сильно вытянутое прямоугольное в плане, двухэтажное – расположено с южной стороны от церкви, накрыто двускатной крышей с треугольными фронтонами на торцах. Фасады ритмично расчленены пилястрами большого ордера и увенчаны профилированными карнизами. Оконные проемы обрамлены сандриками в стилистике позднего барокко, единой со стилистикой храма. Планировка жилого корпуса – галерейного типа с односторонним размещением келий и светлым коридором. Помещения перекрыты цилиндрическими сводами с распалубками. Монастырь окружает массивная каменная ограда с лучковыми арочными нишами и однопролетной парадной аркой входа (брамой), которую дублирует небольшая арочная калитка («фортка»).

История существования базилианского комплекса в Толочине и оценка его историко-культурной ценности весьма неоднозначны и носят разновекторный характер. В период правления Российской империи очевидный греко-католический характер архитектуры храма вызывал неприятие православным клиром, что отражено, например, в замене формы завершений башен, возведении луковичных главок над фронтонами на торцах центрального нефа, закладке ряда проемов. Закрытие толочинского базилианского монастыря последовало по решению Греко-униатской духовной коллегии, учрежденной 28 апреля 1828 г. при императоре Николае I. После восстания 1830–1831 гг., в котором принимали участие многие униатские священники, началось массовое закрытие базилианских монастырей. Более 60 из них, в том числе находящийся в Толочине, были упразднены еще до ликвидации унии. В 1839 г., после присоединения униатской церкви к православной, здания и земли монастыря были переданы православной церкви.

15. ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В ДРУЦКЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

(О. Н. Левко, И. В. Пикулик, В. Ф. Зайцев)

Друцк – исторический центр волости и княжества IX в. – первой половины XVII в. На территории Толочинского района Витебской области расположены недвижимые материально-культурные ценности, главной из которых является уникальный археологический комплекс – Друцк, включающий поселения III–X вв. племенной эпохи и все элементы структуры древнего города X/XI–XII вв.: городище (детинец), Окольный город, посад и курганный могильник. В течение XIII–XVII вв. в Друцке произошли кардинальные изменения. После вхождения территории Полоцкой земли в состав ВКЛ, городище и Окольный город были преобразованы в замок, а на территории городских посадов возникло местечко Друцк.

В Институте истории НАН Беларуси разработана охранная зона культурного слоя и объектов друцкого археологического комплекса (см. рис. 8, *б*).

Городище (детинец) и Окольный город Друцка занимают центральное положение внутри охранной зоны. Эти объекты внесены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. При въезде в Окольный город стоит охранный знак (рис. 15.1). Значимость данных объектов определяется тем, что они представляют собой центр племенной поры (VI–X вв.), когда вокруг него формировалась территория волости; центральную укрепленную часть раннесредневекового города (рубеж X/XI вв. – XII в.), управлявшего волостью – княжеством; замок периода ВКЛ (вторая половина XIII в. – XVI в. – начало XVII в.) на восточных рубежах государства. В археологическом отношении это наиболее представительная часть средневекового Друцка, где во время раскопок собрана большая коллекция экспонатов, хранящихся в НИМБ, ВОКМ, ТРИКМ и музейной археологической экспозиции ИИ НАНБ. В центральном зале ТРИКМ представлен макет укрепленной части Друцка, на котором размещены объекты (реконструкция), выявленные во время археологических исследований Л. В. Алексеева (рис. 15.2) и интерпретированные им как церковь Рождества Богородицы, дом князя, центральная улица, ремесленный квартал [Алексеев, 2002а, № 1, с. 74–91].

Селища–посад–местечко, как установлено раскопками О. Н. Левко, – вторая составляющая друцкого археологического поселенческого комплекса, последовательно сменявшая друг друга на одной и той же территории на протяжении VI–XVII вв. и дополнявшая центральные укрепленные части. Здесь культурные напластования сохраняют меньшее количество археологических материалов, чем в укрепленной части города, и они показывают в основном характер освоения территории рядовым населением (свободными общинниками – в VI–X вв., горожанами – в XI–XVII вв.) [Левко, 2010а, с. 261–267; Левко, Войтехович, Кенько, 2011б, вып. 21, с. 122–153].

Погребальные объекты – третья составляющая Друцкого археологического комплекса. Это курганные могильники, соответствующие племенной

поре и раннегородскому периоду (X–XII вв.) и расположенные вблизи укрепленной части древнего города. Наиболее выдающаяся находка – надгробие византийского образца из песчаника, выявленное в ходе раскопок 2009 г. и экспонируемое в ВОКМ (фото 13, *б*). К XIII–XVII вв. и более позднему времени относятся городские кладбища, расположенные на территории посадов и местечка вблизи храмов. В настоящее время эти объекты находятся под угрозой уничтожения, так как не имеют внешних ориентиров, а вскрывают их случайно во время строительных работ. Каменный надмогильный крест был обнаружен во время строительства дома по ул. Школьной. Сейчас его поставили на территории церковного двора (рис. 15.3) в Друцке.

Памятники гражданской архитектуры представлены единичными экспонатами. Это каменная постройка рубежа XIX/XX вв. (бывшая конюшня), расположенная на территории Окольного города.

В непосредственной близости от Друцкого археологического комплекса находятся: каменная мельница рубежа XIX/XX вв. на въезде в агрогородок Друцк и курган 2 в д. Сенчуки [Левко, 2011а, с. 15–25].

В настоящее время на основе Друцкого археологического комплекса, а также сохранившихся памятников архитектуры и усадебной застройки более позднего времени в самом Друцке и его окрестностях предполагается создать туристический объект «Друцкий историко-археологический комплекс». С этой целью по инициативе отдела культуры Толочинского райисполкома ИИ НАНБ, а также по поручению Витебского облисполкома институтом «Витебскгражданпроект» подготовлены материалы для проекта будущего туристического комплекса, включающего: фрагменты оборонительных стен на валах Окольного города и детинца Друцка; реконструкцию смотровой башни детинца; расчистку, обводнение оборонительного рва и сооружение перекидного деревянного моста через ров при въезде в Окольный город; криничку со «святой водой» у подножия Окольного города со стороны р. Друть (уже действует; рис. 15.4); фрагмент пристани на р. Друть; музей истории Друцка (в помещении бывшей конюшни XIX в.); дом князя на детинце и дом боярина в Окольном городе; обозначение отдельных участков раскопок стендами с соответствующей информацией.

На более отдаленную перспективу планируется также: реставрация и реконструкция каменной мельницы XIX в. (фото 42, *б*) у пересечения дорог в направлении г. п. Круглое и агрогородка Друцк (создание придорожной гостиницы и кафе); реставрация каплицы (фото 49) и помещичьих построек XIX в. (фото 50, *а*) с прудом (фото 48, *б*) и парком в д. Кривая в 0,5 км от Друцка и д. Халяпинка (бывшее имение Хоментовских).

Друцкий археологический комплекс является *основной составляющей туристического комплекса Толочинского района*, предполагающего ознакомление с историей Друцка, Друцкой волости и Друцкого княжества, развитие культурного и краеведческого туризма, популяризацию археологических памятников и истории края, возрождение средневекового быта и ремесел для их использования в современных условиях (массовые мероприятия).

Предпосылками для создания комплекса служат:

– наличие археологического памятника, сохранившего не застроенные структурные части города раннего средневековья (детинец, Окольный город, посад и курганные могильники);

– наличие научной базы (зал древней истории ТРИКМ, материалы археологических исследований Друцка);

– удобные месторасположение и транспортные возможности (дорога Толочин–Круглое–Могилев в 2 км от Друцка, Москва–Минск в 12 км от Друцка);

– наличие социальной базы (агрогородок Друцк).

Окрестности Друцка. Представлены различными объектами, отражающими отдельные периоды в развитии Друцко-Толочинской старины.

Первую группу составляют памятники археологии: городища, курганы, селища, каменные кресты (см. рис. 1.11). К наиболее хорошо сохранившимся представительным археологическим объектам относятся городище Кисели, курганные могильники у д. Воронцевичи, Багриново, Волковичи, Новинка. Материалы раскопок этих объектов представлены в экспозициях и фондах ВОКМ и ТРИКМ.

Вторая группа туристических объектов окрестностей Друцка включает поселенческие объекты, представленные в письменных источниках XIV–XVIII вв. и в настоящее время существующие под теми же названиями. Это центры имений князей Друцких и Толочинских, таких, как Старый Толочин, Соколино, Багриново, Конопельчицы и ряд других населенных пунктов, ныне деревень (Муравничи, Катужино, Слободка, Воронцевичи, Матиево, Загородье и др.).

Третью группу объектов туризма составляют памятники архитектуры XVIII–XIX вв. и начала XX в. (подробное описание их архитектурных особенностей см. в § 14.1).

Приведем некоторые дополнительные сведения, относящиеся к этим памятникам. ***«Екатерининские столбы»*** зафиксированы по дороге из Толочина на Круглое в д. Зеленая и в 5 км на юго-восток от Толочина возле д. Гончаровка. Столб у дороги напротив д. Гончаровка частично разрушен, сделан из кирпича, имеет прямоугольную форму, в основании квадратный (фото 53). Высота столба составляет 2,4 м, ширина – 1,5 м. Точное происхождение столба не известно, скорее всего, это пограничный или таможенный столб, относящийся к старой дороге XVIII в., ведущей на Могилев. В 1708 г. Петр I, находясь на белорусских землях, учредил почтовые станции в Друцке, Молявке, Крупках, Бобре и других пунктах. Именно в это время впервые была сделана попытка упорядочить дорожное строительство, организовать установку указателей и пограничных столбов. После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. граница между Россией и Польшей прошла по р. Друть. В 1783 г. на дороге была создана таможня, которая просуществовала до 1793 г.

Каменный костел в г. Толочине. В 1813 г. владельцы Толочина – Славинские – пожертвовали на строительство нового каменного костела 100 000 кирпичей [НИАБ в Минске, ф. 1781, оп. 2, ед. хр. 3264, с. 8]. Цар-

ское правительство выделило на новый костел 2000 рублей серебром, а также «... строения казенные толочинские подаренные императором Александром I в 1818 году»[3] [РГИА, ф. 822, оп. 12, ед. хр. 2911]. В связи со строительством храма среди местных жителей был объявлен сбор пожертвований, так как перечисленных выше средств было недостаточно. Здание костела было заложено в 1818 г. рядом с деревянной на каменном фундаменте восьмиугольной в плане каплицей, используемой до 1854 г. в качестве приходского храма. Однако по причине отсутствия необходимых материалов строительство сильно затянулось. Инвентарь 1841 года сообщает, что костел «...фигуры четырехугольной длиной 9, шириной 6 саженей... был выведен стенами вышиной только на 1½ сажени... Долгое время стоял без крыши, был повержен и стал неспособен к дальнейшему возвышению». Дело «О постройке в м. Толочине римско-католического костела», датированное 1837–1855 гг., последовательно излагает работы по строительству храма [НИАБ в Минске, ф. 1781, оп. 2, ед. хр. 3264, с. 64].

Ряд документов, хранящихся в НИАБ, называют имена мастеров, участвовавших в строительстве костела. Так, фундаменты возводил Фёдор Данилов, каменщиком работал Степан Варфоломеев, крышу крыл гонтом М. Я. Кирнюшин, кузнечные работы выполнял Лейзар Пиршов Данов, малярные – Иван Панцерный. В 1854 г. был заключен контракт на установку орга́на с оргмастером Колтовским [НИАБ в Минске, ф. 1781, оп. 2, ед. хр. 3264, с. 170 об., 191, 197, 199, 1202, 2001].

Строительство костела завершилось к 1853 г. Инвентарные описания костела, подтвержденные графическими материалами, показывают, что, несмотря на ряд ремонтов 1861, 1869, 1904 г., он сохранял свой первоначальный облик [РГИА, ф. 826, оп. 1, ед. хр. 115, с. 137].

Деревянная каплица в связи со строительством нового здания костела была разобрана в 1859 г., а ее фундаменты использованы для новой колокольни, постройку которой завершили в 1872 г. Однако в 1960-е годы колокольня была разобрана. Архитектурный ансамбль толочинского костела дополняли деревянное здание, построенное в 1859 г. (не сохранилось) и хозяйственные постройки. В 1930-е годы была сделана попытка приспособить здание под театр. В послевоенные годы в здании бывшего костела в разное время находились ткацкий цех, мебельный магазин и зернохранилище, фабрика весов и склады. В это время были утрачены деревянные скульптуры, резные детали декора, живопись, но конструктивная основа и силуэт памятника сохранены до настоящего времени (фото 43, *а*). В 1980-е годы планировалось создать в стенах костела районный историко-краеведческий музей. В 1993 г. костел был возвращен прихожанам.

Помещичьи усадьбы XVII в. – начала XX в. составляют *четвертую группу* туристических объектов на территории Толочинского района, в том числе окрестностей Друцка.

[3] Строения прежде принадлежали пограничной таможне, но после присоединения Беларуси к России утратили свое первоначальное назначение и, неиспользуемые, превратились в полуразвалины.

Господский двор в Толочине, известный по письменным источникам XVII–XVIII вв. и изображенный на плане г. Толочина 1810 г. (см. рис. 10.1), и в настоящее время угадывается на местности. Он находился на возвышенности, откуда открывается живописный вид на р. Друть и строения Свято-Покровского монастыря. В настоящее время сохранилась каменная постройка на краю возвышенности, где совсем недавно жил мельник, да ряды («шпалеры») лип бывшего господского парка (см. рис. 8.9; 8.10). Сама возвышенность разрезана на две части дорогой, а на место, где находилась мельница, указывает запруда. Здесь, начиная с XVI в., была расположена усадьба владельцев Толочина.

Юзефполье. На южной окраине Толочина, где р. Друть делает плавный изгиб, по ул. Строителей находятся фрагменты живописного приусадебного пейзажного парка XIX в., одного из старейших в Беларуси. Центральная его часть из местных пород деревьев – ели, сосны, липы, вербы, березы, тополя – сохранила черты классической планировки, в основу композиции положен принцип чередования древесных групп и небольших полян. На окраине парка сохранилась хозяйственная постройка из красного кирпича (фото 47, *б*). Здесь в конце XIX – начале XX в. находилось имение Юзефа Славинского, по имени которого названа усадьба. На территории парка находится братская могила советских воинов и партизан, которые погибли в боях 1941–1944 гг. Среди них воины 198 танковой бригады, а также один из организаторов и руководителей партизанского движения С. М. Нарчук. В 1960 г. здесь была установлена скульптура воина, а рядом с могилой – символический курган (фото 56, *б*) [Шнейдер, 2009].

Имение Горделковских. В 1876 г. земли Друцка приобрели Горделковские, которые владели ими до 1917 г. По воспоминаниям жены последнего владельца Друцка Ольгерда Горделковского Ванды Горделковской на территории Окольного города был построен дом из лиственницы и подворье с хозпостройками. Дом представлял собой удлиненное строение с мансардой на высоком фундаменте. Со стороны въезда в усадьбу был вход в дом с шестью деревянными колоннами. За домом находилась обширная терраса, откуда открывался чудесный вид на плывущую внизу реку, поля и луга за ней. В настоящее время на территории Окольного города Друцка сохранилась лишь конюшня. Территорию городища занимал господский сад [Дулеба, 1999 – Архив ТРИКМ].

Усадьба Хоментовских. У д. Кривая сохранилась лиственничная аллея, некогда ведшая к имению С. Я. Хоментовского (фото 48, *а*). Само имение сгорело в 1925 г., осталась только одна деревянная хозяйственная постройка и красивый пруд, поросший зеленой тиной, посреди которого возвышается островок с девятью стройными соснами (фото 48, *б*). Недалеко от пруда находится криница, из которой местное население до сих пор берет воду, рядом растут могучие многовековые дубы, возможно оставшиеся от владельцев имения Кривое, предшествовавших Хоментовским.

Хозяин имения Александр Яковлевич Хоментовский родился в 1858 г. в д. Кривое. Он происходил из старинного дворянского рода, многие представители которого похоронены на семейном кладбище в д. Халяпинка, расположенной рядом с д. Реучье. А. Я. Хоментовский учился в Витебской гимназии, потом на физико-математическом факультете Петербургского университета. После учебы занимался сельским хозяйством в своем имении Кривое, был почетным Мировым судьей Могилевской губернии. В 1905 г. вступил в партию кадетов, а в 1906 г. был избран депутатом первой Государственной Думы от Могилевской губернии. После того, как Николай II распустил Госдуму, А. Я. Хоментовский возвратился в имение Кривое, где до революции 1917 г. продолжал свою хозяйственную и земскую деятельность.

Возле часовни-усыпальницы Хоментовских в д. Реучье был похоронен Петр Михайлович Хоментовский (1818–1900 гг.), генерал от инфантерии, тайный советник, директор канцелярии Морского министерства, долгое время служивший в Петербурге, участник Крымской войны, героической обороны Севастополя. Был награжден орденами в 1878, 1879 и 1885 г. [Карніловіч, 1995, № 35 – Архив ТРИКМ].

Имение Тюндевицких. Сохранившееся здание жилого помещичьего дома (фото 46, *б*) было построено в 1897 г. по проекту самого пана, который был по образованию инженер. Главный вход со стороны подъезда к дому начинался с портала шириной 6 м и глубиной 4 м, состоящего из двух пар массивных колонн, поставленных на общем основании. Однако он был размещен не на главной оси, а сдвинут несколько влево. С задней стороны строения слева к дому прилегала просторная веранда. Дом был покрыт высокой, гладкой четырехскатной крышей из гонта. Рядом находился ветхий деревянный дом, построенный прежними владельцами усадьбы.

Для представительских целей служила левая сторона первого этажа нового дома. Всю ширину входа занимал холл с лестничной клеткой с левой стороны. По той же стороне, поделенной коридором, параллельно фасадной и задней стенам, находились два кабинета, а за ними – различные хозяйственные помещения. С левой стороны, по соседству с холлом, был большой прямоугольный салон с тремя окнами на фронтальной стороне и двумя – в боковой стороне. Из холла был вход прямо в большой столовый зал, правая короткая сторона которого являлась продолжением стены холла. Этот зал с четырьмя входами-окнами на террасу прилегал к холлу и частично к салону. В углу между салоном и столовым залом помещался малый салончик. Комнаты на этаже использовали исключительно для проживания хозяев и их гостей.

За исключением парадной части дома остальные помещения были обставлены скромно. Стены в помещениях были оштукатурены и окрашены в один тон, а изделия из мягкого дерева покрыты лаком. Дом отапливался кафельными печами. В одном из кабинетов был небольшой камин, выложенный мрамором. Только в салонах и столовом зале пол был выложен паркетом. В них стены были оклеены узорными обоями, а потолки украшены

скромной гипсовой лепниной. В салонах стояла мебель, возможно в стиле Наполеона I, в других комнатах – без определенного стиля. В доме находилась коллекция произведений искусства в виде фамильных портретов и картин, написанных маслом, холодного оружия, антикварных изделий из фарфора и старого серебра. Однако подробных сведений о коллекции нет. Тюндевицкие имели также библиотеку с собственным экслибрисом. Хозяин жил в доме со своей супругой и семью сыновьями. Крестьяне выговаривали его фамилию на манер «пан Дендевицкий». Из захудалого поместья, доставшегося ему по наследству, владелец создал образцовое имение. В нем было несколько заводов и лесопилка, обслуживаемые местными жителями. Некоторых из них пан посылал учиться за собственный счет в Петербург. Большое внимание хозяин уделял благоустройству усадьбы, в которой и сейчас растут «панские деревья», посаженные при нем.

Парк прямоугольной формы занимал площадь около 8 га, был расположен в основном за старым и новым домами. Перед фасадом здания был заложен большой овальной формы газон, обсаженный со всех сторон живой изгородью из кратегуса. Подворье за домом сохраняло много характерных для старых усадеб черт, однако в новые времена было преобразовано в живописное место и соединено непосредственно с фруктовым садом. В окрестностях усадьбы Голошево находилось несколько ремесленных мастерских [Географический словарь, 1900, т. 15, с. 568; Бонецкий, 1900, т. 3, с. 230].

Имение Рацево. Рацевский парк с длинными подъездными аллеями, рукотворное озеро с островком сохранившаяся часть усадьбы графа Замойского-Тышкевича. Это тихое, необыкновенной красоты место – царство непуганых птиц, испускающее пьянящий аромат цветущих трав. Имение было расположено в 55 верстах от Могилева, в 35 верстах от Орши и в 5 верстах от Староселья. В нем было 3139 десятин земли, из которых удобной земли – 260 десятин, неудобной – 41, под лесом занято 2838 десятин. В имении проживали 51 мужчина и 65 женщин. В 1867 г. Рацево было известно как фольварк Менжинских, где находился крахмальный завод. В «Списке населенных мест Могилевской губернии» (Могилев, 1908 г.) указано, что имение Рацево Старосельской волости Оршанского уезда Могилевской губернии принадлежало графу С. В. Замойскому католического вероисповедования.

Сохранились фрагменты приусадебного пейзажного парка XIX в. (рис. 15.5, 15.6). Главной парадной аллеей считали ту, что была расположена со стороны Шкловского тракта. Она начиналась далеко за границей усадьбы, доходила до парка, заканчивалась перед мостом через р. Яновка. Эта аллея хорошо сохранилась. Парк примыкал к пойме реки в месте ее изгиба. Часть его была размещена на другой террасе ручья (за водоемом). Водоем с двумя островами являлся основным структурно-планировочным элементом парка. На одном была построена каменная беседка и причал для лодок.

Парк перед водоемом был сформирован вокруг усадебного дома. Дом был двухэтажный с балконами (сгорел во время Великой Отечественной войны), стоял на возвышении террасы. Сейчас остались только фрагменты

фундамента. В парке до сих пор растут Веймутова сосна, лиственницы европейская и Кемпфера, клен серебристый и Шведлера, липа крупнолистная, туя западная, ясень пенсильванский, трескун амурский. Парк отличается мягкостью, естественным характером пейзажей. Площадь парка в настоящее время составляет около 8 га.

В последние годы ведутся работы по благоустройству парка. Построена новая плотина, охотничий домик с гостиничными номерами, домашним камином, финской баней. Ежегодно базу посещают любители охоты из разных стран ближнего и дальнего зарубежья [Шнейдер, 2009].

Памятники старины друцко-толочинской земли проступают из небытия, создавая необыкновенную историческую мозаику. Они воскрешают ушедшие эпохи, сближая нас с их историей и культурой, вверяя это бесценное наследство своим потомкам.

Рис. 14.1. Памятный знак в честь 1000-летия Друцка. Городище. 2001 г.

Рис. 14.2. Церковь-новодел во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Посад. Друцк. 2001 г.

Рис. 14.3. Водонапорная башня. Первая половина XX в. д. Звенячи. Толочинский район

Рис. 15.1. Знак государственной охраны городища и Окольного города Друцка

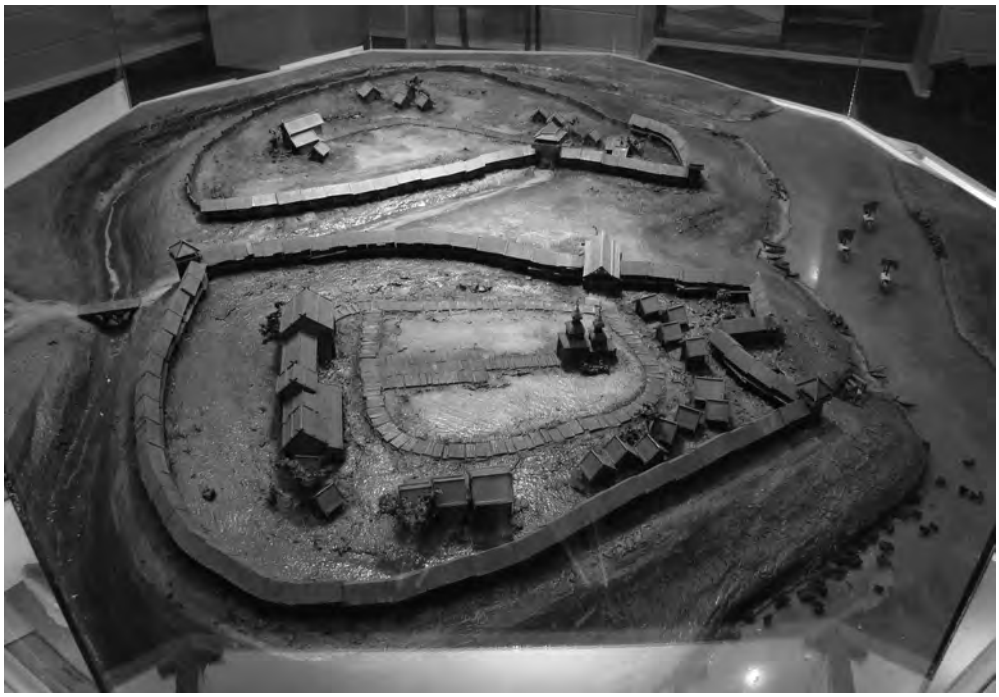


Рис. 15.2. Макет Друцкого городища и Окольного города. Толочинский музей

Рис. 15.3. Каменный крест. Территория церковного двора. Друцк

Рис. 15.4. Криничка со «святой водой». Подножие Окольного города. Друцк

a

б

Рис. 15.5. Пруд *(а, б)*. Имение Рацево. Толочинский район. Современный вид

Рис. 15.6. Парк. Имение Рацево. Толочинский район. Современный вид

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(О. Н. Левко)

Уникальный историко-археологический комплекс Друцк, расположенный в Толочинском районе Витебской области, является ярким территориально-политическим и культурно-экономическим центром волости, а затем княжества на территории Беларуси на протяжении IX–XVII вв.

В археологическом исследовании друцкого комплекса выделяется два этапа. На первом из них в 1960–70-х годах российским археологом Л. В. Алексеевым был изучен детинец древнерусского города, сделан разрез вала Окольного города при въезде в него и раскопаны три кургана с кремацией на противоположном от детинца и Окольного города возвышенном берегу р. Друть. На втором этапе изучение археологических памятников летописного Друцка было существенно расширено. С 1999 г. накануне 1000-летия города белорусским археологом О. Н. Левко было начато и продолжается до настоящего времени изучение всех структурных составляющих Друцка. Помимо исследований детинца (1999, 2013 г.), ею впервые проведены раскопки на площадке Окольного города, сделана прорезка между валами детинца и Окольного города, заложены раскопы (1999, 2000, 2008–2009 гг.) на посаде Друцка. Проведена обширная разведка на территории агрогородка Друцк и в его окрестностях (2010–2011 гг.). Выявлены, прилегающие к укрепленным частям летописного Друцка селища III–VIII вв., а также остатки трех курганных могильников. В 2008–2009 гг. исследован курган с 38 погребениями середины XII в. Разработана охранная зона друцкого археологического комплекса.

Установлено, что Окольный город летописного Друцка стратиграфически имел предматериковый слой племенной поры, датированный VIII–X вв., выше которого были расположены слои XI–XVI вв., аналогичные зафиксированным Л. В. Алексеевым на детинце. На территории посада, окружавшего укрепленную часть древнего Друцка, стратиграфически выделяются слои, относящиеся к X–XII вв. и XIII–XVII вв. Верхний слой, относящийся к периоду ВКЛ, часто прорезает нижние напластования ямами от подклетов жилых построек XV–XVII вв. Он относится ко времени, когда детинец и Окольный город были объединены в укрепленный коллективный замок князей Друцких, а территорию древнего городского посада занимало сред-

невековое местечко. Таким образом, по материалам раскопок в укрепленной части и на посаде Друцка прослеживаются три этапа в его развитии: 1) племенной (укрепленный центр с прилегающими селищами VIII–X вв. и могильником с кремацией за р. Друть); 2) раннегородской (представлен детинцем, Окольным городом, посадами и курганными группами); 3) позднесредневековый, когда комплекс состоял из замка с местечком, а также грунтовых могильников.

Курганные некрополи Друцка (могильник за р. Друть с раннеславянскими погребениями IX–X вв., соответствующий первому – племенному – этапу существования Друцка) и материал раскопок кургана с массовым единовременным захоронением из 38 погребений, относящийся к XII в., значительно расширяют представление об этническом, а позднее и социальном составе населения Друцка и переменах в его мировоззрении на протяжении IX–XII вв., отношении к язычеству и христианству. Кроме того, курган с коллективным погребением дает дополнительные сведения о событиях, связанных с политической борьбой в удельное время. Известно, что князья Полоцкой земли с 1129 по 1140 г. пробыли в византийской ссылке. Погребение в яме и одно из погребений на горизонте имели каменные надгробия, схожие с крышками из княжеских захоронений XII в. в Галицко-Волынской земле, заимствованными из Византии. Друцкий курган по совокупности материалов датирован серединой XII в. На одной из боковых опор каменного надгробия погребения в яме процарапаны символы, схожие с княжеским знаком минских Глебовичей. Можно полагать, что захоронение в кургане иллюстрирует одну из страниц междоусобных войн отдельных ветвей полоцкого княжеского дома (в данном случае минских Глебовичей с друцкими Борисовичами) после возвращения на родину, а также смешанную традицию христианско-языческого обряда погребения.

Многолетними археологическими исследованиями выявлен высокий уровень материальной культуры составляющих Друцкого археологического комплекса, широкие связи древнего города с северными, западными и юго-восточными землями на пути «из варяг в греки». Археологические источники существенно дополняют имеющиеся летописные сообщения и позволяют достоверно реконструировать эту историческую эпоху, оборонительные и жилые сооружения детинца и Окольного города.

На территории древнего городища были вскрыты деревянные уличные мостовые, остатки жилых и хозяйственных построек. Внутри одних из них найдены печки-каменки, в других – жернова, зерно. Постройки были расположены так, что составляли отдельные группы помещений хозяйственного, жилого назначения, а также для занятий ремеслом. Иногда эти группы строений разделяли частоколом. Оказалось, что в X–XI вв. площадка городища была заселена слабо, но уже в XII в. здесь появилось княжеское подворье (выявлены перстень и пряслице с княжескими знаками). Оно было хорошо защищено валом со стороны неукрепленного посада и удалено от реки. Княжеский комплекс включал не только господский дом, пол в котором выложен покрытыми разноцветной поливой глиняными плитками, но и амбар для

хранения зерна и другие подсобные помещения, в том числе выполненный из дуба туалет. На одном из найденных пряслиц есть надпись «кнъяжинъ», показывающая, что здесь жили обслуживающие князя и его семью прядильщицы. А многочисленные изделия для украшения одежды князя и его окружения вместе с найденным инструментарием и специальными приспособлениями свидетельствуют о присутствии на княжеском подворье ювелира. На городище с момента превращения Друцка в городской центр округи (рубеж X/XI вв.) был возведен храм. На это указывают многие предметы (крестики-тельники, фрагменты колокола, хороса, крышечки кадильниц и др.), а также погребения прицерковного кладбища, найденные в месте установления памятного знака на городище в честь 1000-летия Друцка.

О том, что Друцк был культурным центром своей округи свидетельствуют найденные при раскопках писала (специальные заостренные металлические изделия для письма по восковой дощечке), книжные застежки. Находясь на перекрестке важных торговых путей, город не только осуществлял активные торговые операции с близлежащими землями, на что указывают многочисленные товарные пломбы Древней Руси. Он был одним из пунктов на трассе дальней торговли, где купцы вели обмен товарами. В Друцке и его окрестностях выявлены гирьки-разновесы, детали весов, клады и единичные экземпляры арабских дирхемов и европейских монет. В самом Друцке «оседали» амфоры с заморскими напитками, дорогостоящие привозные бусы, стеклянные браслеты и утварь, украшения из цветных металлов, костяные шахматы и иные предметы, удовлетворявшие потребности знати и ее окружения.

Культурный слой Друцка раскрывает страницу за страницей взлеты и падения этого обширного и достаточно успешно развивающегося в мирное время раннесредневекового города. Пожары – результат жестоких военных столкновений, уносивших человеческие жизни, меняли лицо города, в одночасье превращая его в пепелище. Однако проходило время, и город снова оживал, отстраивался, набирал силу, удивляя своих гостей широким ассортиментом продукции ремесленников и купеческими товарами, расширением территории, освоением новых видов домостроительства. Этот археологический объект сохранил до наших дней внешний вид города-крепости, построенного более 1000 лет назад на южных рубежах Полоцкой земли. Крутые склоны, высокие валы и глубокие рвы, окружающие площадки городища и Окольного города, дают возможность прочувствовать веяние эпохи, ознакомиться с характерным для северо-восточных регионов Беларуси замковым строительством (фото 37). В отличие от западной части Беларуси, где замки возводили из камня, здесь их строили из дерева. Мощные валы насыпали из земли, укрепляя их впущенными в насыпь вала срубами – «городнями», из которых состояла деревянная стена, окружающая замок. Въезд в замок осуществляли по поднимающемуся надо рвом, заполненным водой из реки, мосту через ворота – «браму». Над воротами находилось помещение для стражи. Дозорные ходили вдоль крепостной стены по крытой галерее. Высокая угловая башня городища над р. Друть

(сейчас на ее месте размещена обзорная беседка) давала возможность увидеть издали приближающиеся к замку суда с купцами или неприятелем, а также детально просматривать расстилающиеся вокруг замка поля, откуда можно было ожидать появления угрозы для мирной жизни.

Значительную часть истории Друцкой волости, ставшей основой княжества, раскрывают археологические исследования, проведенные на территории округи Друцка (изучение городищ Кисели, Багриново и ряда курганных могильников). Археологические памятники, составившие комплекс поселений и погребальных объектов Друцкого агрогородка и его округи отображают исторический процесс преобразований политического, идеологического, экономического и культурного характера, происходивших в срединной части территории Беларуси в эпоху раннего средневековья. И в этом их непреходящее значение.

Большое количество экспонатов из раскопок Друцка было передано Л. В. Алексеевым в Витебский областной краеведческий музей, где их используют для проведения выставок и организации экспозиций. На основе материалов, полученных О. Н. Левко при раскопках Друцка и окрестностей, создана экспозиция центрального зала Толочинского районного историко-краеведческого музея.

В XIV–XVII вв. на основе укреплений древнерусского города Друцка построен замок, принадлежавший известному шляхетскому роду князей Друцких, многие представители которого занимали высокие посты в Великом Княжестве Литовском. Именно в Друцке королю Речи Посполитой Ягайло была просватана в жены великим князем литовским Витовтом племянница князя Семёна Друцкого Софья Гольшанская, в возрасте от трех до семнадцати лет находившаяся на воспитании у дяди. Эта королева стала матерью Владислава и Казимира Ягеллонов. Письменные источники подробно сообщают о характере «держаний» отдельных ветвей рода князей Друцких в Верхнем и Нижнем замках Друцка (детинце и Окольном городе соответственно) на протяжении XVI в. Друцкий замок был обозначен на картах 1562, 1589, 1595 и 1613 г.

Этим временем датирован верхний слой на укрепленной части Друцкого комплекса (замке). Раскопками 1999 г. выявлены остатки построек XIV и XVI в. на территории Окольного города. Многочисленная бытовая керамика, характерная для замков этого времени (Заславль, Дубровно, Шклов и др.): подковки на каблук, удила, шпоры, детали доспехов, ключи, замки, ножи – неполный перечень предметов, датированных XIV–XVI вв. и выявленных при раскопках Друцкого замка. В раскопах на посаде также вскрыты подклеты жилых построек. В двух из них найдены серебряные пражские гроши. Один из них датирован 1350/1354–1374 гг. (Карл I (IV) (1346–1378). Две другие монеты чеканены после 1405 г. (Вацлав IV(1378–1419)). В раскопах выявлены керамика и стекло, изразцы, поздние формы железных предметов, ювелирные изделия и монеты XVII в. Таким образом, археологически подтверждено, что Друцк продолжал свое развитие в течение XIV–XVII вв. Замковые части функционировали вплоть до рубежа

XVI/XVII вв., а неукрепленный посад в качестве местечка существовал и в XVII–XVIII вв.

XIV в. стал началом эпохи, в которую днепровско-двинский регион вошел в состав набиравшего силу Великого Княжества Литовского. Есть основания считать, что подчинение Друцка власти великих князей литовских произошло при великом князе Гедимине (1316–1341). Сын Гедимина Ольгерд уже в 20–30-е годы XIV в. был витебским князем, а Друцкое княжество, сохранившись как территориально-административная единица, в XVI в. входило в Оршанский повет Витебской земли. Вероятно, что уже в XIV в. при Ольгерде наметились определенные связи территории Друцка с Витебском.

Родственные связи с правящей династией Гедиминовичей сделали князей Друцких достаточно частыми гостями при дворах великого князя литовского Витовта и короля польского Ягайло. В результате войны 30-х годов XV в. позиции князей Друцких в Великом Княжестве Литовском ухудшились. Часть из них уехала за границу, но большинство представителей рода князей Друцких служили своему Отечеству.

В XVI в. ускорилось разветвление рода князей Друцких и дробление его владений. Появились князья Соколинские, Озерецкие, Горские, Толочинские, Прихабские, Любецкие и др. Они располагали сельскими имениями внутри бывшего Друцкого княжества и за его пределами, от которых и брали свои фамилии. Из-за незначительного экономического и военного потенциала снизилась их роль в жизни государства. Родство с Ягайловичами уже не влияло на благосостояние и карьерный рост князей Друцких. Тем не менее не последнюю роль в единстве рода в это время играли город с замком в Друцке. Они находились в совместном владении старших представителей отдельных линий рода. Выделял Друцких из среды соседей-шляхтичей и их престижный княжеский титул.

Скромный достаток княжеского рода Друцких не способствовал получению значительных постов и влиянию на общественно-политическую жизнь страны. Однако служба на государство предоставляла представителям рода князей Друцких определенные выгоды и возможности улучшить свое положение. Они получали от великих князей земельные пожалования в соседних с Друцком регионах – на территории современной северо-восточной и северной Беларуси. С этими же регионами были связаны и дальнейшие карьерные пути тех Друцких, которые стремились проявить себя на административной службе и в общественно-политической жизни страны.

Друцк и в XVI в. оставался центром крупного феодального владения – княжества, имевшего многовековую историю. Несмотря на появление собственных вотчин, князья Друцкие считали закономерным и справедливым зафиксировать свои права на владение частью Друцка: как города, так и замка. К началу XVI в. Друцк представлял собой город, разделенный на несколько частей-владений. Замок выполнял административную, оборонительную, судебную, фискальную функции в общем владении.

Друцкое и Толочинское имения отождествляли с понятием «двор» как резиденции семей владельцев и их окружения. При этом в XV–XVIII вв.

единовременных владельцев Друцка было несколько, тогда как по отношению к Толочину владелец «двора» – резиденции – и патрон окружения представлен в одном лице. Большинство дворов рода в XVI–XVII вв. использовали время от времени, как одну из жилых усадеб.

Различные инвентари и описания Друцкого замка (а его упоминали в таком качестве до середины XVIII в.) свидетельствуют о том, что это было, главным образом, оборонное сооружение, а не резиденция. Внутри замка находился целый комплекс деревянных построек, имевших военно-административное и хозяйственное назначение, а также храм во имя Пречистой Богородицы. Владельцы замка могли собираться на его территории для решения спорных вопросов или осуществления суда над своими подданными и окрестными шляхтичами. На таких судах рассматривали дела и самих князей Друцких по имущественным спорам.

Одно из первых упоминаний Толочина связано с разделом отцовских имений между сыновьями князя Михаила Семёновича Друцкого в конце XV в. Дмитрий Михайлович умер бездетным, и его часть владений перешла по наследству к брату. Таким образом, строительство первого господского двора в Толочине можно отнести, самое позднее, к середине XV в. Инвентари середины XVI в. показывают, что Толочинский двор был достаточно значительным по размерам территории и убранству, но не отличался структурой застройки и размерами строений от традиционных для того времени шляхетских сельских дворов. Обновление новым владельцем Толочина Львом Сапегой господской резиденции в Толочине было вызвано ее приближением к зоне активной внешней политики и военных конфликтов на восточных рубежах государства. Двор в Толочине с его комплексом жилых и хозяйственных построек Лев Сапега стал использовать в конце XVI в., когда и начал осуществлять полную его перестройку. Кроме перестройки двора он в 1604 г. заложил новый город (местечко) с церковью и униатским монастырем базилиан, где функционировали школа и богадельня.

Из-за того, что оба сына Льва Сапеги умерли бездетными, его огромные владения по завещанию 1656 г. были поделены между Александром и Евстафием Шеметами, сыновьями двоюродной сестры Констанции Андреевны Сапежанки. Таким образом, Толочинский двор, существовавший в качестве сельской резиденции представителей различных ветвей рода Друцких, в «сапежинский» период стал местом размещения магнатского двора. Появление в Толочине дворцово-паркового ансамбля свидетельствует о том, что он в отличие от Друцка превратился в центр крупного имения. При Шеметах Толочинский двор сохранил функцию усадебного парадного ансамбля, а экономический потенциал толочинских и друцких имений способствовал укреплению позиции самих Шеметов в Оршанском повете.

Владельцы имений в Друцке и Толочине Шеметы относились к средней шляхте. Они и в XVIII в. не играли значительной роли в общественно-политической жизни ВКЛ, а ограничивали свои интересы Оршанским поветом. Именно в этом повете они активно действовали на местных сеймиках, где были избираны депутатами на Трибунал ВКЛ, послами на сейм Речи

Посполитой и кандидатами на поветовые земские уряды. Особо выделялись наследники Друцких владений – оршанский подчаший Александр Мальхер, его сын оршанский будовничий Леон и оршанский земский писарь Иероним. Наиболее влиятельным в Оршанском повете был Николай Шемет – наследник толочинских владений. Он получил сенаторский уряд ВКЛ – полоцкую каштелянию, а его финансовую стабильность укрепляли нераздробленные толочинские владения.

В отличие от Шеметов следующие владельцы Толочина – Сангушки – относились к магнатскому роду. Первый из них Павел Сангушка даже был кандидатом на трон Речи Посполитой в 1733 г. Он занимал высокие должности надворного подскарбия ВКЛ и надворного маршалка ВКЛ, и в конце жизни находился на высоком уряде – великого маршалка ВКЛ. После его смерти Толочинские владения находились в ведении его жены Барбары из Дунинов Сангушки. Их сыновья Иероним Януш и Януш Модест, новые владельцы толочинских имений, оставили значительный след в политической истории Восточной и Центральной Европы конца XVIII в. – начала XIX в.

После перехода Толочина в руки князей Сангушек, часть функций, которые ранее выполнял Толочинский двор (управление имениями, хранение документов владельцев), была распределена между фольварковыми дворами Толочинского графства. Вблизи Толочина находился фольварк Озерище (теперь – д. Озерцы). Поставленный там двор мало чем отличался от традиционной сельской усадьбы XVIII в. Тем не менее именно здесь инвентарем было зафиксировано местонахождение и описание отдельно стоящего здания архива. Данный факт является новым в отношении сооружений подобного назначения.

Большой комплекс источников характеризует торговлю в Друцко-Толочинском регионе. Торговые операции в Толочинском и Друцком имениях осуществляли в пределах рынков в их центрах – Толочине и Друцке. Основные торговые агенты на рынке были представлены: местными, приезжими и иностранными купцами, которые занимались продажей местных и импортных товаров, а также ремесленниками, которые торговали своими изделиями. Активную позицию на рынке занимали и крестьяне имений, торгующие продуктами своего хозяйства.

Толочин находился на пересечении важных торговых путей. В направлениях восток–запад и юг–север проходили торговые магистрали: Москва–Смоленск–Могилев–Минск–Варшава и Полоцк–Могилев через Толочин, Копысь, Шклов. Поэтому купцы Толочина занимались транзитной торговлей иностранными товарами. Так, в Западную Европу из Русского государства через территорию Беларуси вывозили меха соболя, горностаев, лис, куниц, ласок, кожи, а также воск, отдельные виды ткани и др. На местном рынке продавали русские шубы, сермяги, кожи, грубое полотно, мыло и т. д. В Ригу интенсивно вывозили воск, лен, пеньку и лесные товары: золу, деготь и т. д. В импорте из Западной Европы важное место занимали соль, различные виды тканей, железо и железные изделия (косы, серпы, топоры, ножи и др.). В Русское государство вывозили западноевропейские товары:

сукно, шелк и другие ткани, металлические изделия (ножи, гвозди, косы, иглы, проволоку), галантерею (шляпы, пояса и др.), пряности, бумагу.

Внутренняя торговля была направлена на удовлетворение текущих нужд населения. На местном рынке были представлены товары коренных фольварков и крестьянских хозяйств, ремесленников. Купцы и мещане Толочина закупали товар также в Витебске, Орше, Могилеве, Шклове, Минске, Вильно. На торгах продавали и покупали ремесленные изделия, ткани, одежду, кожи, обувь, скот, а также зерно, мед, соль, рыбу и иные продукты питания. Торговые операции были регламентированы обычными («звыклыми») правилами. Иностранные купцы могли проводить торговые операции только в городах (местечках). Закупать сырье и торговать своими товарами в селах им было запрещено. Право свободной закупки товаров в сельской местности имели мещане Толочина.

В XVIII в. (после 1772 г.) по р. Друть прошла граница между Речью Посполитой и Российской империей. Вдоль современной дороги Толочин–Круглое у Друцка сохранились каменные верстовые («екатериненские») столбы, указывающие на комплекс работ по дорожному строительству: приведение в порядок мостов, переправ и др.

Архитектурное наследие Друцко-Толочинского региона представлено в основном редкими памятниками культовой и гражданской архитектуры XVIII–XIX вв., а также промышленной архитектуры рубежа XIX/XX вв. Более ранние памятники архитектуры были деревянными и до настоящего времени не дошли.

В XIX в. в Друцке, Толочине и их окрестностях (деревни: Каменная Кривая, Реучье, Халяпенка, Голошево, Рацево) существовали помещичьи имения, принадлежавшие дворянским родам. Сейчас на их территории в основном в руинированном состоянии находятся господские дома, каплицы, хозяйственные постройки, мельницы. Сохранились частично парковые посадки. Эти объекты старины частично включают в туристический комплекс Толочинского района, причем предполагается их дальнейшее восстановление.

Друцкий археологический комплекс, а также сохранившиеся памятники архитектуры и усадебной застройки более позднего времени в самом Друцке, Толочине и их окрестностях представляют собой значительный пласт историко-культурного наследия Толочинского района. В комплексе с введенными в данном издании в научный оборот новыми письменными и археологическими материалами они открывают неизвестные ранее стороны жизни белорусских земель в эпоху средневековья и Нового времени.

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ г. ДРУЦКА И ЕГО ОКРУГИ (АРХИВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ГНУ «ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ»)

(составитель – *О. В. Медведева*)

Алексеев Л. В. Отчет о полевых археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР в 1955 г. – Д. № 9.

Алексеев Л. В. Краткая информация о работах Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР в 1956 г. – Д. № 16.

Алексеев Л. В. Отчет о полевых археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР летом 1956 г. – Д. № 17, 39 (альбом).

Алексеев Л. В. Отчет о полевых археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР летом 1957 г. – Д. № 21, 37 (альбом).

Алексеев Л. В. Отчет о полевых археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции летом 1959 г. – Д. № 136, 138 (альбом).

Алексеев Л. В. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции летом 1960 г. – Д. № 139, 139а (альбом).

Алексеев Л. В. Отчет об археологических раскопках Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской экспедиции АН СССР летом 1961 г. – Д. № 146, 146а.

Алексеев Л. В. Отчет об археологических раскопках Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР летом 1962 г. – Д. № 148, 148а (альбом).

Алексеев Л. В. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской экспедиции АН СССР летом 1965 г. – Д. № 283, 283а (альбом).

Алексеев Л. В. Отчет о раскопках Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской экспедиции летом 1967 г. – Д. № 305, 305а (альбом).

Алексеев Л. В. Отчет Днепро-двинского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР летом 1969 г. – Д. № 518, 518а (альбом).

Сергеева З. М. Отчет о раскопках курганов в Витебской обл. Толочинского р-на в 1971 г. – Д. № 383.

Сергеева З. М. Отчет об археологических работах в Витебской обл. в 1972 г. – Д. № 414, 414а (альбом).

Сергеева З. М. Отчет о работе Витебского отряда в 1973 г. – Д. № 443.

Сергеева З. М. Отчет о работе Витебского областного отряда Института археологии АН СССР в 1984 г. – Д. № 886.

Казей В. В. Отчет за 1985 г. об обследованиях памятников археологии в Толочинском р-не Витебской обл. – Д. № 917.

Левко О. Н. Раскопки курганного могильника у д. Дроздово Толочинского района в 1987 г. – Д. № 1047.

Левко О. Н. Отчет о полевых исследованиях 1988 г. на территории Витебской области. – Д. № 1163а.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях 1989 года в северо-восточной Белоруссии. – Д. № 1179б.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях 1990 года на территории северо-восточной Белоруссии. – Д. № 1204.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Оршанского Поднепровья в 1999 г. – Д. № 1800.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях в северо-восточной Беларуси в 2000 г. – Д. № 1845.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Шкловского и Толочинского районов в 2002 г. – Д. № 2032.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях в 2007 г. на территории агрогородка Друцк с целью подготовки охранной зоны культурного слоя историко-культурной ценности. – Д. № 2492.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях 2008/2009 гг. на территории агрогородка Друцк. – Д. № 2708.

Кенько П. М. Отчет о раскопках кургана в д. Сенчуки Толочинского района Витебской области в 2011 г. – Д. № 2854.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях (разведке) в 2011 г. на территории агрогородка Друцк, его окрестностей и у деревни Загородье Толочинского района. – Д. № 3060.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории агрогородка Друцк 2013 г. – Д. № 3061.

СВЕДЕНИЯ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ОТЧЕТОВ ПО г. ДРУЦКУ И ЕГО ОКРУГЕ ЗА 1930–2013 гг., ХРАНЯЩИХСЯ В ГНУ «ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ»

(составитель – *О. В. Медведева*)

Ф. И. О.	Год(ы) проведения раскопок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Вид работ
Коваленя А. Д.	1930	Без отчета*	Детинец Друцка	Шурф 1 (западная часть) Шурф 2 (восточная часть)	Шурфовки
Алексеев Л. В.	1955	9	То же	–	Обследования
	1956	16	– » –	Траншея № 1 – 2,0 м Траншея № 2 – 2,0 × 6,0 м Раскоп I – 100 м^2	Раскопки
		17, 39	– » –	Раскоп I Траншея I Шурф I	То же
	1957	21, 37	– » –	300 м^2 Раскопы не указаны	– » –
	1959	136, 138	– » –	Раскопы I–III, V–VI Раскоп IX – 100 м^2 Раскоп X – 100 м^2	– » –
	1960	139, 139а	– » –	Раскоп VIII Раскоп X	– » –
	1961	146, 146а	Детинец Друцка (западная часть)	Раскоп XIII – 100 м^2 Раскоп XIV – 100 м^2 Раскоп XV –100 м^2 Раскоп XVI – 100 м^2	– » –
			Курган № 2 около д. Сенчуки (Друцк)	*h* – 3,7 м; *d* – 8,2 м	– » –

* Информация приведена по [Каваленя, 1932, т. III].

Продолжение таблицы

Ф. И. О.	Год(ы) проведения раскопок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Вид работ
Алексеев Л. В.	1961	146, 146а	Городище Кисели	Площадь не указана	Шурфовка
	1962	148, 148а	Детинец Друцка	Раскопы VIII, IX, XVII, XVIII, XIX, XX	Раскопки
			Курган № 3 около д. Сенчуки (Друцк)	h – 2,0 м; d – 5,0 м	То же
	1965	283, 283а	Детинец и Окольный город Друцка	Раскопы XX, XXI Раскоп XXII – 100 м^2 Раскоп XXIII – 40 м^2	– » –
	1967	305, 305а	Детинец (южная часть), Окольный город Друцка	Раскоп XI – 100 м^2, Раскоп XXII – площадь не указана	– » –
			Курган около д. Новый Друцк	h – 1,5; d – 9,0 м	– » –
			Курганы № 1–4 около д. Багриново	№ 1 – h – 1,5 м; d – 7,0 м № 2 – h – 2,0 м; d – 11,0 м № 4 – h – 1,9 м; d – 13,0 м	– » –
	1969	518, 518а	Курганы № 5, 6 около д. Багриново	№ 5 – h – 2,8 м; d – 18,0 м № 6 – h – 2,0 м; d – 12,0 м	– » –
			Курганы № 12, 13 около д. Волоковичи	№ 12 – h – 2,2 м; d – 10,0 м № 13 – h – 1,8 м; d – 7,8 м	– » –
Сергеева З. М.	1971	383	Курганная группа I (пять курганов) около д. Дроздово	№ 1 – h – 0,9 м; d – 6,4 м № 2 – h – 1,6 м; d – 7,5 м № 4 – h – 1,4 м; d – 6,5 м № 5 – h – 1,4 м; d – 5,9 м № 6 – h – 1,6 м; d – 6,9 м	– » –
			Курганная группа (три кургана) около д. Взносное	№ 1 – h – 1,2 м; d – 6,8 м № 2, 3 – параметры не указаны	– » –
			Две курганные группы около д. Замошье	–	Обследования
	1972	414, 414а	Курганная группа (три кургана) около д. Замошье	№ 1 – h – 1,6 м; d – 7,60 м № 2 – h – 0,7 м; d – 6,35 м № 3 – h – 1,6 м; d – 9,80 м	Раскопки

Продолжение таблицы

Ф. И. О.	Год(ы) проведения раскопок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Вид работ
Сергеева З. М.	1972	414, 414а	Курганная группа около д. Латыговка	–	Обследования
			Курганы около д. Криницы-Новинка	12 курганов	Раскопки
	1973	443	Курганы около д. Перевалочная, Голошево, Поповка	–	Обследования
			Курганы № 4, 6, 8 около д. Латыговка	№ 4 – *h* – 0,6 м; *d* – 3,7 м № 6 – *h* – 0,5 м; *d* – 3,1 м № 8 – *h* – 0,4 м; *d* – 3,2 м	Раскопки
			Курганы № 60, 62, 68 около д. Новинка	№ 60 – *h* – 0,3 м; *d* – 4,3 м № 62 – *h* – 0,7 м; *d* – 3,7 м № 68 – *h* – 0,3 м; *d* – 3,8 м	То же
			Курганы № 1–3 около д. Скавышки	№ 1 – *h* – 0,4 м; *d* – 4,4 м № 2 – *h* – 0,8 м; *d* – 5,4 м № 3 – *h* – 0,7 м; *d* – 5,9 м	– » –
	1984	886	д. Обольцы, Лешня, Нижний Городец, Яново, Монастырь, Раздольное, Козки	–	Обследования
Казей В. В.	1985	917	Толочинский район	–	То же
Левко О. Н.	1987	1047	Курганная группа 2 могильника II около д. Дроздово	13 курганов *h* – 1,0–1,8 м; *d* – 7,0–15,0 м	Раскопки
	1988	1163а	Детинец Друцка	–	Обследования
			Городище около д. Кисели	Раскоп I – 60 м^2 Шурф I – 16 м^2	Раскопки, шурфовка
			Курган № 1 около д. Голошево	*h* – 1,55 м; *d* – 15,00 м	Раскопки
			Городище, замчище, куранный могильник около д. Багриново	–	Обследования

Окончание таблицы

Ф. И. О.	Год(ы) проведения раскопок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Вид работ
Левко О. Н.	1989	1179б	Городище около д. Кисели	Раскоп II – 92 м^2	Раскопки
	1990	1204	Городище, замчище около д. Багриново	Городище – 52 м^2 Замчище – 40 м^2	То же
	1999	1800	Детинец, посад, Окольный город Друцка	Раскоп I – 96 м^2 Раскоп II – 48 м^2 Раскоп III – 132 м^2 Раскоп IV – 100 м^2	– » –
	2000	1845	Посад Друцка	Раскоп V – 36 м^2	– » –
	2002	2032	Курган около д. Новинка	h – 2,0 м; 6,0 × 7,0 м	– » –
			Городище около д. Обольцы	–	Обследования
	2007	2492	Агрогородок Друцк	11 шурфов – 11 м^2	Шурфовка
			Курганы № 1, 2 около д. Сенчуки	№ 1, 2 – h – 2,0 м; d – 8,0 м	Обследования
	2008/2009	2708	Агрогородок Друцк, курганная группа IV (курган № 1)	Раскоп VI – 48 м^2 Раскоп VII – 24 м^2 Шурф 12 – 2,0 × 2,0 м Шурф 13 – 3,0 × 6,0 м № 1 – h – 2,0 м; 11,5 × 18,5 м	Раскопки, шурфовка, обследования
Кенько П. М.	2011	2854	Курган в д. Сенчуки	№ 2 – h – 2,2 м; 7,6 × 8,4 м	Раскопки
Левко О. Н.	2011	3060	Агрогородок Друцк, д. Загородье	–	Обследования
	2013	3061	Агрогородок Друцк, городище	Раскоп VIII – 60 м^2	Раскопки

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

(составители – *А. Б. Довнар, А. А. Скепьян*)

№ 1

1564 г. – Инвентарь двора в Толочине и части Друцкого замка.

[Л. 422]

Реестръ списа*н*я двора Толочинского и замка | мсти Друцкого за росказа*н*емъ п*а*на его м(и)л(ос)ти чере*з* | мене Василя Баронов-ского року 64 |

Напервей дворъ: домъ великий на двух подклетах, | то есть светлица новая, ωкон в ней 4, | ωболон двѣ паперовыхъ, а двѣ смолою, ωкеннцы | на завесяхъ железныхъ. В тей же светлицы столы | два, γслон долгий, а другий коротки. Г дверех защепки | железные, печ побеленая, комин тежъ побеленый. | З тое ж светлицы коморка, а в ней двери и з защепкою | железною, γ тое же коморе лав 5, γслон, γ той же | коморе ωкно без ωконнцы круки два завесныи, | ωболона поперы подлое писаная, с тое коморки | комора потребная против тое светлицы | свѣтлица великая, γ ней печ стороповиваная | вколо 3 лавъ, 4 γслоны, 2 ωкон варцабных | завесами 4 и з защепъками железными | три ωкна малыхъ ωболона 1 паперная ‖ *[Л. 423]* а межи светлицами сени великии, а з сеней | коморка потребная, а перед тыми | сенми кганнокъ. По тому кганку стол лав 2, | γ подклете новом двѣри из защепъкою и з замком, | а в ней кад, а бочка староселская мостин 5, | железъ пересветовыхъ 6, а семые железа | подлые. С того подклета комора зъ двермн без защепакъ. Другий подклеть з двермн | и з защепкою, а в ней скрыня стара, рында | новая с хварбоанемъ без приправы мостин | 1, за тымъ домомъ ωдрина з сеномъ в ней[1] ворота | зъ защепкою и з замъкомъ. А на сеножати | сена стиртъ 5. Свирен старый на подклети | з двермн и з столбою, а в нем ничого нет. | Погреб з двермн зъ защепкою и з замъкомъ, | а в нем бочок пивных 45, кад старая | бочок 3 ωгурковыхъ, кад копустная, котел | велики чирвоний московский сумы 2, | тивун поведил иж тыи сумы ωт п(а)на з Репухова привез. ‖ *[Л. 424]* На том погребе свирен з двѣрю и з защепкоию, | а в немъ ничого нет. | Домъ на подрубе, перед светлицами кганок з столом, | лав 3, γ сенехъ дверы светлица з дверю | и з защепкою, печ поливаная и комин ест, стол | дубовый, лав 4, ωкон 4 з ωконнцами на | завесах железныхъ и з защепками ωболон 2 | папернхъ новыхъ. З сеней комор 3 потребных з двермн, с тыхъ дверей ωдны дверы и з защепкою, | светлица противнеия с прикоморкомъ, в ней ωкон | 4, ωконицы на завесахъ печ и комин побе|лѧный лав 4. |

Домъ водле ворот горнихъ при земли, перед тым | домом кганок γ немъ лав 2, сени и з з двермн | и з защепкою и з коморрою потребною, свѣтлица | з двермн без защепокъ в ней стол дγбовый, лав 4 | <...>адка невеликая ωкон 4 з ωконнцами на за|весахъ железныхъ и з защепками, ωболон 2 ‖ *[Л. 425]* папернхъ, печ и комин побелеваный, | а γ светлицы противней печ побелеяная, лав 3 и комин, ωкон 3, а з нее коморка потребная, | а посеред двора холодник з лавами двѣма, | столов 2, γслонов 2. |

[1] *Над строкой.*

Стоини 2 с переворинами и *з* драбинами, | изба и з се*н*ми при земли и *з* лавами. А пе*ч* в не*й* чо*р*наю | γ сенехъ сто*л* дγбовы*й* и γсло*н*. |

Ве*д*ле тое из*б*ы кле*т*ка из*б*а, гдѣ рыку*н*я живе*т*, | и *з* се*н*ми и *з* две*р*ми, в не*й* ла*в* 2 и пе*ч*, | кле*т*ка на*д* ле*д*ницою. Домъ на по*д*рубе з кганкомъ, ла*в* 3, све*т*лица с пе*ч*ю и с комино*м*ъ, ла*в* 4, | стол дγбовы*й* двери и *з* защеп*к*ою, γслоны 2, | ωкон 4. Противъ тое све*т*лицы из*б*а | чо*р*ная з две*р*ми и *з* пе*ч*ю и *з* лавами и сто*л*, ωкон <...>. | межи тою из*б*ою и све*т*лицою се*н* з две*р*ми и *з* ко|моркою по*т*ре*б*ною. |

Лазня и *з* кга*н*комъ и*з* две*р*ми, γ то*й* лазни ка*д*и, | при то*й* лазни све*т*лица с пе*ч*ю и*з* две*р*ми и*з* защеп*к*ою ‖ *[Л. 426]* и *з* лавами и ωко*н* 3. Межи ты*ми* се*н*ми комо*р*ка | з не*й* потре*б*ная. |

За све*т*ло*ч*кою погре*б* варе*н*ны*й* з две*р*ми и *з* защеп*к*ою | и *з* замъкомъ, в не*й* ка*д*ей 4 поро*ж*нихъ, с копустою | 3 ка*д*ей, а з буроками ка*д* ω*д*на. | по*д*ле воро*т* бровар*ъ* в которомъ кот*л* велики*й* | бе*з* колецъ, две*р* и *з* защеп*к*ою, ка*д*е*й* 2 чопъ | кары*т* 2, ка*д* старая, а чопъ велики*й* гри*ш*ко*в*ски*й*, | проти*в* бровара из*б*а з две*р*ми с пе*ч*ю и *з* лавами. | Кузня з кга*н*комъ, в не*й* стол и ла*в* 2 и коми*н* е*ст*, | γшаки 2, а два, тиву*н* повѣди*л*, при па*н*у ге*т*ма*н*у | взяли ω*д*и*н*, а други*й* γшато*в* при па*н*у Филону вз*т*. | Жи*т*ни*к* з две*р*ми зъ защеп*к*ою и *з* замъкомъ, в не*м* жита | чистого боч*к* 15, а пуховаго жита боч*к* | 3, муки алтное по*л*торы боч*к*и, пшени*ч*ное | муки боч*к*а, пшеницы 2 бочки, | е*ч*меню 5 боч*к*, ярицы 5 боч*к*, | гречихи 3 боч*к*и. А поза*д*я спо*л*него боч*к* 5, ‖ *[Л. 427]* хлеба сухого ωсмъ боч*к*, пшени*ч*ного | солоду γ боч*к*и 1, а три боч*к*и солоду | пшени*ч*ного старосе*л*ского, яри*ч*него солоду 2 боч*к*и, я*ч*ного солоду 3 боч*к*и, | а старосе*л*ского солоду я*ч*ного боч*к* 6, | а*р*жаного солоду γ боч*к* 5, кру*п* я*ч*ны*х* | боч*к*и 2, кру*п* а*р*жаны*х*ъ боч*к*а 1, конопл | едомы*х*ъ 2 боч*к*и, маку боч*к*а бе*з* трети | сить, бо*р*щу ве*н*ко*в* 32, хмелю боч*к* 6, | ка*д*и 2, коро*п* 1, кадо*к* сол*а*нка 1, мости*н* 5. |

Быдло того *ж* двора: | корова те*л*ная ω*д*на, свине*й* стары*х* | 6, по*д*сви*н*ко*в* ωсмеро, гусе*й* 2, γток | 1. | Свире*н* высоки*й*, пере*д* нимъ кгано*к*, γ того сви*р*на | две*р*и зъ защеп*к*ами, тые *ж* дверы двѣма | шины збиты, в ты*х* же дверех замокъ | нутрены*й* желе*з*ны*й*, γслон 1. | Другая клет на по*д*клете, по*д*клет и з засеками и з гу<...> ‖ *[Л. 428]* и з две*р*ми и кле*т* потому*ж* зъ замъкомъ и *з* две*р*ми. | Свире*н* на по*д*рубе з две*р*ми зъ защеп*к*ами, а в нем м*а*са | старого пол*ст* и са*л* 2. | Свире*н* малы*й* и *з* засеками и *з* две*р*ми, в не*м* ничого. |

По*д* ты*м* же дворо*м* пру*д* з ме*л*ницою пу*ст* стои*т*, в не*м* жа*д*ное | приправы не*т*. | Ωзле того*ж* млына сажо*л*ка так*ж*е впусте лежи*т*, а ры*б* | в не*й* не*т*. | Пере*д* ты*м* же дворо*м* це*р*ко*в* руская заложе*н*я Светого | Петра, γ тое це*р*кви двери защеп*к*ами из замъко*м*, | а пре*д* нею кгано*к* и лава. | в то*й* це*р*кви кни*г* Ева*н*гелие серебромъ ωпра*в*лены*и* | на аксамите чоръномъ, | другаия Ева*н*гелие с крыжомъ сре*б*ренымъ по*з*лотисты*м*, | третеия книга Треω*д* постная, четве*р*тая | книга Трефолой, п*а*тая книга Псал*т*ыръ, шоста*а* | книга Собо*р*никъ, семая книга Шостоденеи*ц*, | ωсмая книга Апостол, дева*а*тая книга | ωт росо*в*ского чевирна ему выдана, келихъ ‖ *[Л. 429]* з миской кон трифаловая и *з*везда, покро*в*цы чо*р*ные | адама*ш*ки рызы 2 потрахи*л* адама*ш*ки | чиръвоное, стиха*р* пло*т*на простого, свеча 1 | великая, а другая свеча γкрадена, по*п* ст(ары*й*) | поведи*л* згинуло ωстраоженю моско*в*скомъ. | Передъ церко*в*ю зво*н* на зво*н*ицы |

Гумно зъ заметомъ, в немъ ωсети двѣ с пун*а*ми | пу*н* руб*л*еных 4, клети 2, пу*н* при земли | 2 з соломою | дворе*ц* пудова*не*, гдѣ рыку*н*я при бы*д*ле ме*ш*кая, | гри*д*ни 2, а межи нихъ сени кле*т* на по*д*рубе стоит, | тел*а*тни*к* руб*л*еный, ω*д*ры*н* велки*х* дл*а* бы*д*ла, ω*в*чарни*к* мшоны*и* свина*р*никъ. |

А млы*н* подоле*й* двора, в немъ приправъ желе*з*ных: | веретено, по*р*плица, сыре*ц* сγпли 2, ωбручо*в* ‖ *[Л. 430]* шесте*р*ныхъ 2, клеве*ц* 1, желе*з*ные, | над тымъ прудомъ стодола, которую ча | ωранд*у*еть Ωмеля Пацγкович на и*х* потребы. |

Того двора челед неволная: | Ку*р*бана, жана его неволная Ма*л*кгорета, | дете*й* в ни*х* 4: Гаврило, Са*в*ка, Конон | а девка Мала: Ωрахва, жона е*го* Ωрына волна; | Ми*т*ко маска*л*

без жоны; | Супина старая; Лис волныи <...>; | девок великих 3: Марина, Пегася, Нелюба. | В тое девки детей 2: сын а девка | Ягнешка, γ ней дѣтеи 3: сыны 2 – Юрко а Степан, | девка Парасица. ‖ *[Л. 431]* Хима, в ней сыны Лукян а Данило при кухни | панской, а дочки 3: Ωкъсиня, Ωлена а Даря; | Ждана, сын ее Прокоп при пекарцу панскомъ; Ωвдотица девка при рыкуни на послузе. |

Замокъ Друцкий. |

В замку двор на двух подклетехъ на <...>, | светлица з дверми, а другая напротивку, | межи ними сен из сеней коморка потребная. | Под тымъ домом подклет зъ защепкою, | подле того дому пекарня из сенми, | подле тое ж пекарни пунка рубленая не?|кая | в том же замку свирен, у свирне двери и за|щепкою и з замъкомъ. В том свирне гаковниц шест, ручниц 5, куле гаковниц | 24, свинцу шест штучок, в <...>ых мол | <...> ‖ *[Л. 432]* покровец келиховые метаки блакитное | мостин 5, кадок 6, бочка, стром | бобровых 4, шлепыхъ ременю 4 | γривки друцкая четире<...>ка древная, под тым | свирномъ подклет з дверми и з защепкою. | В том же замку церковъ заложеня Пречистое, | дверы на трех завесахъ железныхъ з ланцугом | и замъкомъ нутренымъ и привестнымъ, | в середине церкви сватое ωбраз пречистое, | сребром ωправленый, гривенки сребреных | 2, келих сребреный з миской и з звездою | кожна, кон трифаловая, покровцы китайчоных | хоругов китайчоная на древе, свеча | толстая, на престоле покров кра|шенный чорланою с китайкою зеленою... |

AGAD. AP z Radzynia. Sign. 295. S. 422–432.

№ 2

1565 г. – Инвентарь двора Толочинского и части Друцкого замка, отданного в аренду Емельяну Пацуковичу.

[Л. 435]

Двору Толо|чинского с чимя Ωмелян | Пацγкович той двор в року | теперешнем 65 служебни|ку п(а)на его м(и)л(ости) Станиславу| Тишковскому подалъ|

Напервей будоване у дворе | дом на подрубе светлица в ней | окон 4, окоенницы | на завесахъ железныхъ, | печ и комин побеляный, | столов 2, услон 1, а лавы | суть, двер зъ защепъкою | железной. | С тое светлицы комора для упокою з лавами, | с тое коморы впокойное | коморка потребная. |

Светлица противнея стара, в ней окон 6, столов 2, | печ кахлей поливаныхъ, | лавы суть, двер зъ защепъкою з | железною. | Межи тыми светлицами сенцы | ы з сеней коморка потребная. ‖ *[Л. 436]* Пред тым домом кганок з лавами | а з столом невеликимъ, | под тымъ домомъ подклет | новый, у нем кади порожних | 2, мостин 3. Скриня | столовая, двер зъ защеп|кою и замкомъ. | С того подклета коморка | для схованя, | подклет старый в ней бочок | зложоных пивных 4, | кади 2, в асажке, што | на рикгване живеть без на|правы у дверей защепка. |

Одрина для зложеня | сена, | клеть на подклете, в ней ничого нет. | Погреб великий, в нем бочок порожних пивных три, кадей варивных 8, двер ‖ *[Л. 437]* защепкою и зъ замком. | На погребница для зложеня | збожа, в ней ничого нет, | у дверей защепъка железная. | Дом на подрубе, светлиц 2, | в одной окон 2, оконне | ницы на завесахъ железныхъ | и пялца для оболон, | услон 1, печ побеланая | а лавы суть. | Межи тыми светлицами | сень, з сеней коморки | потребныхъ 2, а межи | тыми коморками клетка для схованя, | пред тым домом кганок | з лавами и столомъ ‖ *[Л. 438]* домъ на подрубе низкомъ, | светлиц 2, одна против | другое. В одной окон 4, | оконченицы на звесах и зъ защепъками, печъ | и комин побеляные, | стол 1, лавы суть. | В другои светлицы окон 3, | оконечницы на завесахъ, | печ и комин и лавы суть, | з тое светлицы коморка потребная | [Межи т]ыми светлицами | сень, з сеней коморка | потребная. | Пред тым домом кганок | з лавами и стол ест. |

Стаини 2 з дробинами, | гридня при земли з сенками, | у гридни печ, стол и лавы суть. || *[Л. 439]* Другая гридня, где | рикуня мешкаеть, | в ней печ и лавы суть. | А против гридни сень, | пекарня на подрубе, в ней | печ и лавы суть. | Против пекарни светли|ца, у светлицы печ | и комин, стол и лавы | суть, а межи светлицею | избою сень, з сеней | коморка потребная, | пред сенцами кганок | з лавами, услонов три. | Светлица против воротъ подолнихъ, | у светлицы печ и лавы | суть. | Против светлицы | лазня, | межи светлицы и лазнею | сень, з сеней коморка | потребная, пред сенцами кганокъ. ||

[Л. 440] Кухня на столъпи, | в кухни комин, стол | и лавы суть. | Свирен высокий на под|клете, в нем ничого нет, | двер зъ замком нутреным | двема шинами | ωкована. | Пред свирномъ кганок, | на кганку ислон ест. | Под тым свирном подклет, | <...>м хмелю бочок 2, | засеки для збожа, γ двери | защепка и замокъ. | Свирен старый на под|клете, такъ γ свирне | так и γ подклете ничога | нет, | свирен на столпъю, γ нем | ничого нет, двер зъ за|щепъкою с железною. ||

[Л. 441] Бровар водле ворот подол|них γ броваре чоп 1, | кади 2, корито 1 | а против бровару изба | чорная. |

Церковь руская водле | ворот подолных, в ней | ωбразы малованые, | Евангелие ωксамитом | критое и сребром ωпра|вено, книг церковных | 6, миска, келихъ, | звезда, кон трефоловая, | ризы полотна простого, | свеча 1, звон неве[лики]. |

Гумно двора Толочин|ского еви 2, пуня 1, где молотять | а пуня для зложене | соломы пять | а клетка на подрубе 1, || *[Л. 442]* на дворцγ избы 2, | межи избами сенцы | клетка на подрубе 1, | а на дрожу, где быдло | ставало, пунь три. | Быдло рогатое: | бычок малый 1, | корова приблудная, | свеней <...>, | гусей 3, | γток 2, | коней дворных 2, | о ωт γмерших коней | скивеца трое. ||

[Л. 443] Челядь неволная | двора Толочинского: | Хима детей γ ней | трое: Ωксиня, | Ωлена, Даря; | Ждана детей нет; | Ягнеша, детей γ нее трое: Степанко, Юрко, | Порася; | Нелюба, детей γ нее 2: | Савко, Ωлхимя <...>; | Маря, Питася детей | не мають; | девка, щто при пуни | мешкать; | паробки: | Ωрехва, | Митько, | Курбако. ||

[Л. 444] Во дворе ставок пусты, | други став на реце | Дрюти на кгрунте | его мсти пана, млын | зо всим яко сам γ собе | маеть. | Подле того ставу | стодола сама γ собе. | Г [за]м[ку] Дрюцком церков | руская посполъная | князьми Любецкими, | γ тое церкви ωбразов | малованых. ||

[Л. 445] Будоване γ замку на кгрунте | его мсти пана: | светлиц 2, ωдна против | другое, межи тыми светлицами сен з нее | коморка потребная, | γ светлицах печи и лавы | суть, | под тыми светлицами | подклеты 2, | γ водном подклете сена | возов 5, | гридня <...> | земли...

AGAD. AP z Radzynia. Sign. 295. S. 435–444.

№ 3

1634 г. октября 30. Львов. – Привилей короля польского великого князя литовского Владислава ***IV Вазы местечку писаря ВКЛ, гродненского старосты Казимира Льва Сапеги Толочину на магдебургское право.***

[Л. 165 об.]

Nadanie prawa Maydeburskie(g) *o* miasteczku| urodzone(g) *o* Sapiehi pisarza W(ielkieg) *o* X(ięstw) *a* Lit(ow) *s*(kiego) Tołoczynu[2]. |

Władyslau *et.* |

Oznaymuiemy *et.*

Za szczęsliwym panowaniem naszym chwaleb|nego toru y zwyczaiu nasladuiąc **naias**-nieyszych przodkow naszych | aby ta Corona tym większe w ozdobie swoiey pomnożenie brała wiekom po|tomnym znamienita zostawała pamiątka y łaska nasza obywatele | panstw naszych ukątentowani byli co kolwiek tylko do pozytku Rze|czy Pospolitey sciągaią czego się być baczemy

[2] *Далее межстрочный интервал 1,5.*

wolą naszę do tego sposabiac | zwyklismy iakoż pokazuiąc to skutkiem samym za prozbą do nas wnie|sioną urodzonego Kazimierza Leona Sapiehi pisarza W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* L(itowskieg)*o* y gro|dzięskiego starosty, a maiąc na dobrey pamięci tak przodkow iego zas|ługi, iako tez y onego samego służby, s ktoremi się nam y Rz(eczy) P(ospoli)tey wier|nie y życzliwie oddał, **ku lep**szey conditiey y pomnozeniu miastecz|ka iego dziedzicznego nazwanego Tołoczyn **w woiewodst**wie Witeb|skim, a w powiecie Orszanskim leżącego **przez niego fundowanego da|iemy wszyst**kim tego miasteczka Tołoczyna obywatelom teraznie(y)|szym[3] y na potym będączym prawo maydeburskie, oddalaiąc od nich y | od tego miasteczka wyszey mianowanego wszystkie prawa ziemskie | polskie, sposoby y zwyczaie wszelakie, ktore prawo maydeburskie | turbowac zwykli, y wymuiąc to miasteczko Tołoczyn y mieczszan, | w nim mieszkaiących, obywatelow iego y przedmieszczan terazniey|szych[4] y na potym będączych, iakoz ninieyszym listem naszym wyi|muiemy y wolnych czyniemy wiecznymi czasy od wszelakiey iurisdictiey y władzy **wszyst**kich y kozdego zosobna naszych W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* L(itowskieg)*o* naszego woiewodow, casztelanow, starostow, sędziow, podsędkow | iakich kolwiek ynszych urzędnikow y woznych ich, tak ze przed || *[Л. 166]* samymi abo tez przed ich namiestnikami w sprawach tak wielkich, ia|ko y małych y w(s)zakich kolwiek excessach pozwami stawic się y odpo|wiadac abo tez w niestaniu winie zadney podlegac nie będą powinni, ale | przed woytem swoim, na ten czas będączym podług trybu maydeborskiego | prawa w domu sądowi naleznym sprawowac się y odpowiadac maią, a woyt | zas przed panem swoim dziedzecznym wy(s)zey mianowanym y iego własną[5] władzą, tak ze tez prawem maydeburskim wszytkim na się uskara|iącym odpowiadac powinien będzię w sprawach za się tak mieysckich | potocznych, iako tez criminalnych abo głownych iako kradziezy, za|boystwa, zapalenie, w iakich kolwiek występkach, excessach y crimi|nałach wszystkich temuz woytowi swoiemu z ławnikami przysię|głymi miasteczka Tołoczyna w granicach y miedzach tego z mias|teczka nie ynaczey tylko tak ze prawem maydeburskim według dispo|sitiey y formie onego zupełną daiemy moc, władzą y powagę słu|chac, sądzic y uznawac, skazywac, karac, naprawiac, potępiac stosu|ąc się do zwyczaiu tym podobnych miasteczek prawo maydeburskie | maiących.

A chiąc ieszcze przerzeczonemu miasteczku, mies(z)cza|nom, przedmies(z)czanom, tak ze obywatelom wszystkim w nim mieszka|iącym ku lepszemu ich pozytkowi y pomnozeniu łaskę naszę poka|zac umyslilismy, za prozbą tego z przerzeczonego urodzonego Kazi|mierza Leona Sapiehi pisarza W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* L(itowskieg)*o* iarmarki dwa dorocznie: ieden na dzien ...[6], a drugi na ...[7] | według[8] calędarza ...[9], a targ zas ieden w kozdy tydzien na dzien | ...[10] **postano**wic, iako z postanowiamy daiąc moc y pozwa|laiąc pomienionym mies(z)czanom miasteczka Tołoczyna tak ze y przed|mies(z)czanom te iarmarki y targi, dni y czasu wyszey opisanego, bez prze|szkody iednak miast y miasteczek naszych tam w okolicy będących, | odprawowac[11], taka by wszyscy ludzie oboiey płci iakiego kolwiek stanu, | conditiey do tego miasteczka Tołoczyna na jarmarki doroczne y targ | tygodniowy czasow wyszey opisanych dla kupowania, przedawania | rzeczy **wszekakich, towar za towar zamieniania y iakich kolwiek | handlow odprawowanie przei**ezdzac moglo, oprocz tylko oboiey płci, | ktorych prawo pospolite y statute W(ielkieg)*o* X(ięstw) *a* L(itowskieg)*o* przechowywac y z nimi || *[Л. 166 об.]* przestawac broni, a przeiezdzaiący ludzie na pomienione jarmarki | y z nich się zwracaiący tego z zazywac będą bezpieczęstwa, ktorego wszyscy pod obronę naszą przyięci y gleytem naszym obwarowani za|zywac zwykli.

---

[3] *Над* iey *отверстие от переплета, восстановлено по смыслу.*
[4] *Над* niey *отверстие от переплета, восстановлено по смыслу.*
[5] *переправлено с другой буквы.*
[6] *Далее пробел на 15-16 букв.*
[7] *То же.*
[8] *На* wedł *отверстие от переплета, восстановлено по смыслу.*
[9] *Далее пробел на 9-10 букв.*
[10] *Далее пробел на 11-12 букв.*
[11] *На* odp *отверстие от переплета, восстановлено по смыслу.*

I na to dalismy temu miasteczku Tołoczyn rzeczone|mu przywiley ten z podpisem ręki naszey, do ktorego y pieczęc W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* L(itowskieg)*o* |przycisnąc rozkazalismy.

Dan we Lwowie, dnia czwartego m(ie)s(ią)ca paz|dziernika, roku panskiego tysiąc szest-set trzydziestego czwartego, | panowania krolewstw naszych Polskiego wtorego, a szwedskiego | trzeciego roku.[12]

Vladislaus rex[13].

Chrzysztoph Corwin Gosiew|ski,
pisarz W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a*
L(itowskieg)*o*

НИАБ. Ф. КМФ-18 (Метрика ВКЛ). Оп. 1. Д. 111. Л. 165 об.–166 об.

№ 4

1713 г. августа 29. Варшава. – Привилей короля польского великого князя литовского Августа II местечку Толочину оршанского подкоморего Николая Шемета на право проведения ярморок и торгов.

[Л. 215 об.]

J a r m a r k i w d o b r a c h T o ł o | c z y n n a z w a n y c h u r o d z e n e m u M i | k o ł a i o w i S z e m e t o w i p o d k o m o r z e | m u o r s z a n s k i e m u c o n c e d u n t u r |.

August Wtory et. |

Oznaymuiemy tym listem przywileiem naszym | wszem wobec y kazdemu zosobna komu o tym wiedziec | nalezy.

Iz czcąc media iako nayskutecznieysze do | redyntegracyi panstw naszych W(ielkiego) X(ięstwa) Lit(owskieg)*o* obmyslie, aby tym | bardziey zaflikcyi teraznieyszych po dezolacyach nieprzyia|cielskich mogli się ludzie ubedzygromadzic y reparowac. Umy|slilismy na supplikacyą urodzonego Mikołaia Szemetha | podkomorzego orszanskiego w dobrach jego dziedzicznych | Tołoczyn nazwanych w powiecie Orszanskim leżą|cym jarmarki nadac y pozwolic.

Jakoż ninieyszym | listem przywileiem naszym nadaiemy y pozwalamy, | aby w miasteczku Tołoczyn jarmarki dwa co rok: | to iest ieden ...[14], drugi .|..[15], z ktorych wszelkie pozytki y prowenta od | kopcow[16] należące cedere maią wyrazone|mu Mikołaiowi Szemethowi podkomorzemu orszan|skiemu y onego sukcessorom obiecuiemy naszym y | sukcessorow naszych imienie ze od teraznieysze|go przywileiu naszego ani my nie oddalemy, ani do odda|lenia mocy nikomu nie damy, ale nienaruszenie one | zachowamy y sukcessorow jego. Co y nayiasnieysi sukces|sorowie nasi wyswiedczą.

Na co dla lepszey wagi ręką się | naszą podpisawszy pieczęc W(ielkiego) X(ięstwa) Lit(owskieg)*o* przycisnąc rozkaza*[Л. 216]*lismy.

Dan w Warszawie, dnia XXIX m(ie)s(ią)ca sierpnia | roku panskiego MDCCXIII panowania naszego | XIII-(g)*o* roku.

Augustus rex[17].

НИАБ. Ф. КМФ-18 (Метрика ВКЛ). Оп. 1. Д. 159. Л. 215 об.–216.

---

[12] *Далее пробел в три строки.*

[13] Augustus rex *написано другим почерком.*

[14] *Далее пробел на 20-22 буквы.*

[15] *Далее пробел на 16-18 букв.*

[16] *Так в ркп, необходимо читать* kupcow.

[17] Augustus rex *написано другим почерком.*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Австерия – название больших корчем с середины XVIII в., в комплекс которых входили питейный дом, гостиница, постоялый двор и другие хозяйственные постройки.

Антаблемент (франц. *entablement*, от *table* – стол, доска) – верхняя горизонтальная часть сооружения, обычно лежащая на колоннах. Членится на несущую часть – архитрав (балку), на опирающийся на него фриз и венчающую часть – карниз.

Апсида, абсида (от греч. *hapsis*, род. падеж *hapsidos* – свод) – выступ здания, полукруглый, граненый или прямоугольный в плане, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом.

Аркатура, аркатурный фриз (от нем. *arkatur*, фр. *arcature* – ряд арок) – ряд декоративных ложных арок на фасаде здания или на стенах внутренних помещений, служащий для их украшения.

Аттик – участок стены, расположенный над завершающим архитектурное сооружение карнизом.

Базилианский орден – единственный монашеский орден униатской церкви.

Базилика (греч. βασιλική – царский дом) – тип строения с прямоугольным планом, которое состоит из нечетного числа (одного, трех или пяти) различных по высоте нефов.

Баниция – вид наказания в Речи Посполитой. Приговоренный к баниции должен был выехать из государства, терял гражданские права (но не честь), его можно было безнаказанно убить. Вечную баницию присуждали за государственное предательство, оскорбления короля, тяжкие преступления. Однако она могла быть отменена сеймовым постановлением. Временную (гражданскую) баницию объявляли за сопротивление исполнению судебного приговора, имущественные преступления, невыплату долгов, нарушение границы земельных владений, гвалт (насилие). Осужденный на баницию мог на протяжении 12 недель подать апелляцию (для этого в королевской канцелярии брали «глейт», или «железный лист»), которую могли удовлетворить высшая судебная инстанция или король.

Барабан – цилиндрическая или многогранная часть здания, которая служит основанием для купола. Нижняя часть барабана опирается на стены или подпружные арки, укрепляющие или поддерживающие своды.

«Белорусская дивизия» – дивизия, в которую были объединены хоругви войска ВКЛ, размещавшиеся в Полоцком, Витебском, Мстиславском, Минском воеводствах и Оршанском, Мозырьском и Речицком поветах и подчинялись командованию отдельного регментария (начальника дивизии). Одновременно с «белорусской» в ВКЛ существовали «литовская» и «жмудская» дивизии.

Бескоролевье (лат. *interregnum*) – время после смерти монарха до вступления на престол новоизбранного польского короля и великого князя литовского.

Вальмовая крыша (нем. *walm* – стог сена) – четырехскатная крыша над прямоугольным в плане зданием, у которой два ската по длинным сторонам трапециевидные, а два других по коротким треугольные.

Вдовий столец – имущество умершего мужа, которым вдова пользовалась пожизненно либо до повторного выхода замуж.

Возный (возный генерал) – низший судебный чин, в обязанности которого входили полицейские функции, функции судебного исполнителя и др.

Волока – единица измерения площади; в ВКЛ была равна 21,36 га.

Гарнец цехованный – единица измерения жидкостей и сыпучих веществ; в ВКЛ был равен 5,6474 л, т. е. толочинская мерка = 36 цехованных гарнцев = 203,3 л.

Гвалт – отработочная повинность крестьян в пользу господского двора, на которую выходили все работоспособные члены семьи.

Глава – фигурное покрытие барабана, по форме являющееся куполом, сферой или многранником на культовой постройке.

Главка – небольшая глава, устроенная на декоративном (глухом) барабане. Наиболее часто имеет луковичную или грушевидную форму.

Земянин (боярин) – в данном случае категория сельского населения, выполняющая курьерскую, воинскую службу в пользу господского двора. Земянами в основном были шляхтичи.

Импост (франц. *imposte*) – профилированная архитектурная деталь над столбом, лопаткой или капителью колонны; вставка между пятой арки и ее опорой.

Инвентарь – документ, опись феодального владения с описанием господского имения, указанием размеров земельных наделов, повинностей мещан, крестьян и др.

Каденция (лат. *cadentia*) – период, на протяжении которого проходили заседания Трибунала ВКЛ, сессия Трибунала. Существовали две каденции: «литовская» и «русская». «Литовская» проходила только в Вильне, а «русская» поочередно через год в Новогрудке и Минске. «Литовская» начиналась через две недели после Пасхи. После ее окончания через четыре недели начиналась «русская» каденция. Обе каденции продолжались по 20 недель.

Кафоликон – «соборное» место в церкви, помещение для общего расположения прихожан во время службы.

Кварта – единица измерения жидкостей и сыпучих веществ; была равна 0,70577 л, состояла из четырех кватерак.

Кватерак – единица измерения жидкостей и сыпучих веществ, была равна ¼ кварты.

Фронтон (фр. *fronton,* от лат. *frons, frontis* – лоб, передняя часть стены) – завершение фасада здания, портика, колоннады в форме треугольника, полукруга, полуовала или клиевидной формы.

Компромиссарский суд – распространенное в XVII–XVIII вв. в ВКЛ название «полюбовного» суда; третейский суд, сформированный для решения отдельного дела. Не рассматривал криминальные и связанные с интересами общественной казны дела, а также дела между держателями королевских владений. Состоял из нескольких судей-комиссаров, которых избирали спорящие стороны из людей равного с ними сословия и звания. Решения этого суда имели правовую силу государственного суда, и спорящие стороны не могли их обжаловать. В случае несогласия между судьями обиженная сторона могла подать апелляцию в Трибунал ВКЛ.

Контимационный декрет – решение суда, которое принимали в случае отсутствия обвиняемой стороны без правовых оснований. В этом случае решение суда принимали заочно.

Контрфорс – (фр. *contre force* – «противодействующая сила») – вертикальная конструкция, представляющая собой либо выступающую часть стены, вертикальное ребро, либо отдельно стоящую опору, связанную со стеной аркбутаном. Предназначена

для усиления несущей стены путем принятия на себя горизонтального усилия распора от сводов. Внешняя поверхность контрфорса может быть вертикальной, ступенчатой или непрерывно наклонной, увеличивающейся в сечении к основанию. Контрфорс – подпорная стенка, примыкающая под прямым или тупым углом к строительному объему для повышения его прочности и устойчивости.

Конха (от греч. *konche* – раковина) – полукупол, служащий для перекрытия полуцилиндрических частей зданий (апсид, ниш).

Копа – единица исчисления, была равна 60. Копа грошей = 60 грошей литовских; в 1763 г. была равна 2 злотым и 15 грошам, т. е. 75 грошам Речи Посполитой.

Куничные крестьяне – крестьяне, основной повинностью которых было выплата денежного чинша (куницы).

Лимитирование сейма или сеймика – перерыв в заседаниях сейма в результате необходимости согласовать спорные вопросы. Заседания сейма в том же составе переносили на более позднее время.

Локоть ВКЛ, или виленский локоть – единица измерения длины; был равен 64,96 см.

Люнет (люнетта) (франц. *lunette* – буквально – лунка) – арочный проем в своде или стене, ограниченный снизу горизонталью. В сквозных люнетах помещают окна, глухие люнеты украшают росписью и скульптурой.

Менса (от лат. – стол) – вид алтаря в часовне.

Мерка толочинская – единица измерения жидкостей и сыпучих веществ; в XVIII в. была равна 36 цехованным гарнцам, или 203,3 л.

Миля – единица измерения расстояния; в ВКЛ была равна 7,7985 км.

Морг – единица измерения площади; в ВКЛ был равен 0,71 га.

Нартекс (позднегреч. *narthex*) – нарфик, притвор, входное помещение, примыкавшее обычно к западной стороне христианских храмов. Предназначен для лиц, не имеющих права входить внутрь главного помещения для молящихся.

Нащельник – узкая деревянная (пластиковая) рейка. Прикрывает щели между досками покрытия или обшивки сооружения.

Неф, наос (франц. *nef*, греч. *naos* – корабль) – в романских и готических церквях, а также в тех из церквей стиля Возрождения, которые имеют в плане форму латинского креста, продолговатая часть здания, простирающаяся от главных входных дверей до хора и покрытая сводами.

Ордер (латин. *ordo* – строй, порядок) – определенный тип композиции, использующий стандартные элементы, строго подчиненные архитектурному стилю; определенное сочетание несущих и несомых частей стоечно-балочной конструкции, их структура и художественная обработка.

Паникадило (от греч. πολυκάνδηλον – многосвечие) – в православном храме центральная люстра, светильник со множеством свечей или лампад.

Передконвокационный сеймик – сеймик, на котором избирали послов на конвокационный сейм Речи Посполитой. Этот сейм проходил в период бескоролевья, определял место и время избрания короля, вырабатывал условия, которые предъявляли к кандидату.

Пилон (от греч. πυλών – ворота, вход) – мощный опорный столб, несущий на себе свод, купол, арку или другое перекрытие.

Пилястра – прямоугольный плоский вертикальный выступ, повторяющий все части и пропорции колонны. Является декоративным элементом, служащим для вертикального членения плоскости стены, в некоторых случаях служит конструктивным усилением стены.

Плебания – двор священника католической, реформаторской или униатской церкви. Обычно был расположен около храма, включал жилой дом и хозяйственные постройки.

Пляц – земельный участок в городе определенных размеров, предназначенный для жилой или хозяйственной застройки.

Подводная повинность – повинность подданных по перевозке господских грузов на своих телегах (подводах).

Подпружная арка – арка, поддерживающая свод, купол.

Подужчина – подать, взимаемая во время торгов с «дуги» (конной повозки).

Поребрик – тип орнаментальной кирпичной кладки, в которой ряд кирпичей укладывают под углом к поверхности стены ребром наружу.

Портик (от лат. *porticus*) – часть здания, открытая на одну или три стороны и образуемая колоннами (реже столбами) или арками, несущими перекрытие, завершается фронтоном или аттиком.

Посполитое рушение – шляхетское ополчение, основная форма организации вооруженных сил в ВКЛ. Участие в нем являлось обязанностью всех землевладельцев, вне зависимости от величины имения. От службы освобождали только больных, несовершеннолетних либо занятых на государственной службе. Постановление о созыве посполитого рушения мог принять только сейм. Продолжительность земской службы определяли на сеймиках.

Поташня (от нем. *pot* – горшок и *asch* – зола) – 1) заведение, где вываривают из золы и перекаливают поташ – щелочную соль, вываривaемую из древесной и травяной золы; углекислый потасий (калий), неочищенный; добывают из шадрика перекалкой; 2) мавдан, буда – старинные названия предприятий по производству поташа.

Прент (прут) – единица измерения длины; в ВКЛ был равен 4,87 м; состоял из 10 прентиков.

Прент (прут) квадратный – единица измерения площади; в ВКЛ был равен 23,72 м^2.

Прентик (прутик) – единица измерения длины; в ВКЛ был равен 0,487 м.

Пригонные (тяглые) крестьяне – в данном случае крестьяне, основной повинностью которых было выполнение отработочной повинности – панщины (пригона).

Притвор – пристройка перед входом в храм. Может быть установлена с западной, южной и северной сторон храма. Предназначен для лиц, не имеющих права входить внутрь главного помещения для молящихся.

Пьедестал (франц. *piédestal,* от итал. *piedistallo,* от *piede* – нога и *stallo* – место) – постамент, основание, на котором устанавливают произведение скульптуры (статую, группу, бюст), либо ваза, колонна, обелиск и т. д.

Раскреповка – вертикальное членение объема, проходящее по всей его высоте. Создавая небольшие выступы – утолщения в стене, членит все пересекаемые элементы: карниз, фронтон, цоколь и т. п.; небольшой выступ плоскости фасада, антаблемента, карниза и пр. Применяется, главным образом, для членения или пластического обогащения фасада здания.

Распалубка – часть свода, образованная пересечением двух взаимно перпендикулярных цилиндрических поверхностей. Обычно находится выше пяты основного свода.

Реасумпция Трибунала ВКЛ (лат. *reasumpcio*) – подтверждение легитимности избрания депутатов Трибунала ВКЛ и окончательное утверждение его состава.

Рустовка, руст (от лат. *rusticus* – простой, грубый) – рельефная кладка или облицовка стен камнями с грубо отесанной или выпуклой лицевой поверхностью (так называемыми рустами); декоративная обработка стенной поверхности, напоминающая кладку из крупных камней или имеющая вид горизонтальных полос равной ширины.

Сакристия (позднелат. *sacristia,* от *sacrum* – священная утварь) – ризница (ризохранилище) – место в алтаре или отдельное помещение при христианском храме для хранения богослужебного облачения священников (прежде всего, риз) и церковной ут-

вари (священных сосудов); тут же помещается и церковная библиотека, если для нее нет другого места.

Самцовая (безгвоздевая) крыша – конструкция крыши, в которой тес укладывают на горизонтальные бревна – слеги. Концы слег врубают в поперечные бревна сруба, образующие фронтон.

Сандрик – декоративный архитектурный элемент в виде небольшого карниза. Располагают сандрик над окном или дверью.

Светлица – чистое жилое отапливаемое помещение в усадебном доме, дворце и других сооружениях.

Свод (от «сводить» – соединять, смыкать) – пространственная конструкция для перекрытия помещений, образуемая криволинейными поверхностями.

Слобода – 1) система льготного повинностного обложения населения новосоздаваемых или разоренных населенных пунктов с целью скорейшего введения в пользование пустующих земель; 2) название населенных пунктов с вышеуказанной системой льготного повинностного обложения населения.

Старина – традиции и обычаи, основанные на общепринятых нормах и давности их действия.

Сухарики – небольшие прямоугольные выступы под карнизом, образующие прерывистый ряд.

Талер битый – серебряная монета; в 1763 г. был равен 8 злотым.

Тынф – серебряная монета; в 1763 г. был равен 1 злотому 8 грошам.

Узорочье – резные украшения в архитектуре, характеризующиеся затейливыми формами и обилием декора.

Урок – отработочная повинность подданных по выполнению определенного объема работы в пользу господского двора.

Фамилия – магнатская группировка рода Чарторыйских, их родичей (Понятовских, Юрия Флеминга, Михаила Антония Сапеги) и рода Массальских. Как синоним используют«Чарторыйские».

Фольварк – 1) двор феодала с комплексом строений и угодий; 2) наименование помещичьего хозяйства с господской запашкой. Фольварочная система ведения феодального хозяйства была связана с барщиной как основной формой феодальной ренты и называлась обычно фольварочно-барщинной системой.

Хор, хоры (греч. χορός – хор, групповой танец) – 1) в раннехристианских храмах пространство перед главным престолом, где помещался хор певчих; позднее в западноевропейских странах хором стали называть всю восточную (алтарную) часть церковного здания, до апсиды; 2) в православных храмах – балкон, расположенный, как правило, в западной части (иногда также над южным и северным нефами) и предназначенный для высшей знати. На хорах также могли быть устроены приделы. Присутствие хоров характерно для придворных княжеских храмов.

Хоругвь – особый вид знамен с иконами, носимых на длинных шестах во время крестных ходов.

Червонный злотый – золотая монета; в 1763 г. был равен 13 тынфам и 1 шостаку, или 16 злотым 26 грошам и 2 шелегам.

Чинш – денежный оброк крестьян Беларуси.

Шалевка (шелевка) – тонкая доска; тесина; обшивка из такого теса.

Шнур – единица измерения длины; в ВКЛ был равен 48,7 м; состоял из 10 прентов.

Шостак – монета, которая была равна 6 грошам.

Шпиталь – учреждение, которое выполняло функции госпиталя или дома призрения.

Шпихлер – хозяйственная постройка для хранения зерна.

Экзонартекс (греч. Εξωνάρθηξ, от εξω – вне, снаружи и νάρθηξ – ларчик, шкатулка) – внешняя открытая паперть, нечто вроде открытого «вестибюля», «сеней» в раннее время архитектуры византийских христианских церквей. Отделялась от атриума оконными или дверными проемами, но без дверей и окон.

Элекционный сеймик – сеймики на которых избирали электов (кандидатов) на уряды маршалка, подкомория, хоружего, земских судьи, подсудка и писаря и некоторые другие уряды. Великий князь был должен выдать привилей на уряд одному из избранных кандидатов.

Юргельдник – наемный слуга, человек, получающий за свои услуги вознаграждение согласно подписанному контракту (листу на юргельд). Часто являлись узкими специалистами – лекарями, художниками, юристами и т. д.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Абдулова, С. И. Хронология бус могильников Верхнего Прикамья VIII–XIV вв. / С. И. Абдулова // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2009. – Вып. 33 : История, № 23 (161). История. – С. 5–12.

Адамушко, В. Гербы и флаги Беларуси / В. Адамушко, М. Елинская. – Минск : Беларусь, 2006.

Акты, издаваемые Виленской Археографической Комиссией для разбора и издания древних актов *(АВАК)* : в 39 т. – Вильна, 1865–1915. – Т. 8. – 1886; Т. 9. – 1878.

Акты, относящиеся к истории Западной России *(АЗР)* / сост. И. И. Григорович. – СПб., 1846. – Т. 1.

Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед Ал-Бируни. – Л. : Изд-во акад. наук СССР, 1963.

Александров, Д. Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках / Д. Н. Александров, Д. М. Володихин. – М., 1994.

Алексеев, В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1966.

Алексеев, Л. В. Отчет за 1958 г. / Л. В. Алексеев // Научный архив ВОКМ. – 1958. – Д. № 2098.

Алексеев, Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины (Материалы к археологической карте Витебской области БССР) / Л. В. Алексеев // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. – М., 1959а. – Т. 1. – С. 273–315.

Алексеев, Л. В. Еще три шиферных пряслица с надписями / Л. В. Алексеев // СА. – 1959б. – № 2. – С. 243–244.

Алексеев, Л. В. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии / Л. В. Алексеев // СА. – 1962. – № 4. – С. 197–209.

Алексеев, Л. В. Полоцкая земля: очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев; Акад. наук СССР, Ин-т археологии ; [отв. ред. Б. А. Рыбаков]. – М. : Наука, 1966.

Алексеев, Л. В. Раскопки курганов в восточной Белоруссии // КСИА / Л. В. Алексеев, З. М. Сергеева. – М., 1973. – Вып. 135. – С. 49–55.

Алексеев, Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель : кресты и иконки Белоруссии / Л. В. Алексеев // СА. – 1974. – № 3. – С. 204–219.

Алексеев, Л. В. Полоцкая земля / Л. В. Алексеев // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С. 214–230.

Алексеев, Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. : Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. – М., 1980.

Алексеев, Л. В. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле / Л. В. Алексеев // РА. – 1993. – № 4. – С. 217–238.

Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси. XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев. – Минск, 1996.

Алексеев, Л. В. Минск и Друцк / Л. В. Алексеев // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). – Минск, 1998. – С. 10–19.

Алексеев, Л. В. Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001–2001 гг. / Л. В. Алексеев // РА. – 2002а. – № 1. – С. 74–91.

Алексеев, Л. В. Друцк в XII–XVI вв. (общие вопросы истории памятника) / Л. В. Алексеев // РА. – 2002б. – № 2. – С. 81–98.

Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1.

Алешковский, М. Х. Русские глебоборисовские энколпионы 1072–1160 гг. / М. Х. Алешковский // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972. – С. 104–125.

Алфьоров, О. Українські особові печатки XV–XVII ст. за матеріалами київських архівосховищ / О. Алфьоров, О. Однороженко. – Харків, 2008.

Аляксееў, Л. В. Старажытны Друцк / Л. В. Аляксееў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск : Полымя, 1973. – № 3. – С. 16–22.

Анджэёўскі, Я. Матэрыялы перыяду рымскіх уплываў сярэднявечча і новага часу з Беларусі ў фондах Дзяржаўнага археалагічнага музея ў Варшаве / Я. Анджэёўскі [і інш.] ; пад рэд. Анджэя Пятроўскага ; Дзяржаўны археалагічны музей у Варшаве. Центр аховы археалагічнай спадчыны. – Варшава, 2005.

Артемьев, А. Р. Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода / А. Р. Артемьев // Новгород и Новгородская земля : История и археология. – Новгород, 1994. – Вып. 8. – С. 156–166.

Артемьев, А. Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. / А. Р. Артемьев // Восточная Европа в средневековье : к 80-летию В. В. Седова. – М. : Наука, 2004. – С. 143–152.

Археалогія Беларусі : у 2 т. – Мінск : БелЭн, 2009–2010. – Т. 1. – 2009; Т. 2. – 2011.

Археалогія Беларусі : у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 1997–2001. – Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). – 2000; Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. – 2001.

Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі. – 1993.

Археологическое наследие Беларуси = Archaeological Heritage of Belarus / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; сост. авт. вступ. ст. О. Н. Левко ; науч. ред. А. А. Коваленя, О. Н. Левко. – Минск : Беларуская навука, 2012.

Археология северорусской деревни X–XIII веков : средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров ; Рос. акад. наук, Ин-т археологии. – М. : Наука, 2008. – Т. 2.

Археология СССР : в 20 т. – М., 1997. – Т. 16 : Древняя Русь. Зодчество, культура, быт.

Археология Украинской ССР : в 3 т. – Киев, 1986. – Т. 3.

Архив внешней политики Российской империи *(АВПРИ)*. – 1733. – Ф. 79 : Отношения с Польшей. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 62; Д. 8. – Л. 375.

Архітэктура Беларусі : энцыклапедычны даведнік : у 4 т. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 2.

Башков, А. А. Христианские древности Беларуси конца X – XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования) / А. А. Башков. – Минск : И. П. Логвинов, 2011.

Бектинеев, Ш. И. Весы и гирьки-разновесы X–XIV вв. из Белоруссии / Ш. И. Бектинеев // СА. – М. : Наука, 1987. – № 1. – С. 231–238.

Бектинеев, Ш. И. Литовская гривна : ее возникновение и эволюция / Ш. И. Бектинеев // Первая Гомельская обл. науч. конф. по ист. краеведению, Гомель, 27 февр. – 1 марта 1989 г. – Гомель : Управление статистики Гомельской обл., 1989. – С. 101–103.

Бектинеев, Ш. И. Полоцко-Витебская денежно-весовая система XIII–XIV вв. / Ш. И. Бектинеев // Lietuvos archeologija. – Vilnius : «Diemedžio», 1999. – T. 18. – P. 153–163.

Бектинеев, Ш. И. Нумизматические и метрологические материалы Друтчины X–XV вв. / Ш. И. Бектинеев // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к науч.-практ. конф. – Витебск, 2001. – С. 58–61.

Бектинеев, Ш. И. Региональные денежные системы ВКЛ в середине XIII – первой трети XV в. / Ш. И. Бектинеев // Ягелоны : дынастыя, эпоха, спадчына : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гальшаны–Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – С. 74–97.

Бектинеев, Ш. И. Методика исследований монетных гирек-разновесов X–XIV вв. (по белорусским археологическим материалам) / Ш. И. Бектинеев // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – Вып. 20 : Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. – С. 66–72.

Бектинеев, Ш. И. Монетные и метрологические находки X – начала XVI в. в Минске и Минском районе / Ш. И. Бектинеев // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць : (да 945-годдзя Мінска) : зб. навук. артыкулаў / уклад. А. І. Груша ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 132–151.

Беларускія летапісы і хронікі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997.

Белоруссия в эпоху феодализма : сборник документов и материалов : в 3 т. – Минск, 1959–1961.

Бломквист, Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов / Е. Э. Бломквист // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер. – М., 1956. – Т. 31 : Восточнославянский этнографический сборник. – С. 4–458.

Бобринский, А. А. Древнерусский гончарный круг / А. А. Бобринский // СА. – 1962. – № 3. – С. 33–52.

Богомольников, В. В. Радимичи : по материалам курганов X–XII вв. / В. В. Богомольников. – Гомель : Гомельский гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2004.

Болсуновский, К. Сфрагистические и геральдические памятники Юго-Западного края / К. Болсуновский. – Киев, 1899. – Вып. I.

Бонецкий, А. Польский гербовник / А. Бонецкий. – Варшава, 1900. – Т. 3.

Бохан, Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. / Ю. М. Бохан. – Мінск : Экаперспектыва, 2002.

Бохан, Ю. М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV ст. – канцы XVI ст. / Ю. М. Бохан. – Мінск : Беларуская навука, 2008.

Бохан, Ю. М. Побыт феадалаў у Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVII ст. / Ю. М. Бохан, А. А. Скеп'ян. – Мінск : Беларусь, 2011.

Бохан, Ю. М. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях / Ю. М. Бохан. – Мінск : Беларусь, 2012.

Бохан, Ю. М. Зброя, даспех і вайсковы строй / Ю. М. Бохан, М. А. Плавінскі // Нарысы гісторыі і культуры Беларусі. – 2013. – Т. 1. – С. 291–367.

Бубенько, Т. С. Стеклянные украшения средневекового Витебска / Т. С. Бубенько // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – 2001. – № 3. – С. 154–164.

Бубенько, Т. С. Средневековый Витебск. Посад – нижний замок (X – первая половина XIV в.) / Т. С. Бубенько. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004.

Бубенько, Т. С. Усадьба кн. Огинских в Витебске или новые дополнения к «Чертежу» м. Витебска 1664 г. / Т. С. Бубенько // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих

науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья : материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Витебск, 19–20 апр. 2007 г. – Витебск, 2007. – С. 252–254.

Бугис, П. Находка панцирных пластин на территории великокняжеского замка исторического Вильно / П. Бугис // Военная археология. – М., 2008. – Вып. 1. – С. 118–123.

Буткевич, Л. М. Орнамент как процесс / Л. М. Буткевич. – М. : МГТУ, 2000.

Варонін, В. Друцкія князі XIV стагоддзя // Беларускі гістарычны агляд. – Менск, 2002. – Т. 9. – Сш. 1–2 (16–17). – С. 3–30.

Віцько, Д. Зборы паспалітага рушэння шляхты ВКЛ у 1702 г. / Д. Віцько // Вялікае княства Літоўскае і суседзі. Права. Вайна. Дыпламатыя / рэд. С. Сокал, А. Янушкевіч. – Мінск, 2012. – С. 255–287.

Водзяновска, І. Стан василіанських монастирів Билоруської провінції за візитацією 1823 року / І. Водзяновска // Науковий вісник Волиньского національного університету імені Лесі Українки. – 2011. – № 23(220). – С. 44–52.

Войтович, Л. Княжа доба на Русі. Портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква, 2006. – С. 296–304.

Вялікі гістарычны атлас Беларусі (ВГАБ) : у 4 т. Минск, 2009 – ... ; 2009. – Т. 1. – С. 168–171, 185, 187, 189; 2013. – Т. 2. – С. 127, 135, 145, 153, 157, 163.

Габрусь, Т. В. Мураваныя харалы : Сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – С. 187–188.

Гваньїні, О. Хроніка Европейської Сарматії / О. Гваньїні ; упоряд. та пер. Ю. Мицика. – Київ, 2007.

Географический словарь. – Варшава, 1900. – Т. 15.

Герье, В. Борьба за польский престол в 1733 году / В. Герье. – М., 1862.

Гильтебрандт, П. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки / П. Гильтебрандт. – Вильна, 1871. – Вып. I : Церковно-славянские рукописи; II : Русские пергамены.

Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. IX–XVIII ст. – Менск : Выд-ва АН Беларусі, 1936. – Т. I.

Глобус Беларусі : самы поўны ілюстраваны збор помнікаў беларускай архітэктуры / праект А. Дыбоўскага. – Рэжым доступу: www.globus.tut.by. – Дата доступу : 20.04.2014.

Гнутова, С. В. Кресты. Иконы. Складни. Медное художественное литье XI – начала XX в. / С. В. Гнутова, Е. Я. Зотова. – М. : Интербук-бизнес, 2000.

Голубева, Л. А. Зооморфные украшения финно-угров / Л. А. Голубева. – М. : Наука, 1979.

Горюнов, Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е. А. Горюнов. – Л. : Наука, 1981.

Государственный архив Витебской области *(ГАВО).* – Ф. 1439. – Оп. 3. – Д. 42. – Л. 31.

Грыцкевіч, А. Сапегі / А. Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск : БелЭн, 2001. – Т. 6, кн. I. – С. 223–228.

Гупало, К. Н. О ремесленном производстве на Киевском Подоле / К. Н. Гупало, Г. Ю. Ивакин // СА. – 1980. – № 2. – С. 203–219.

Гуревич, Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья / Ф. Д. Гуревич. – М. : Изд-во Акад. Наук, 1962.

Гуревич, Ф. Д. Застройка новогрудского детинца в XII–XIII вв. / Ф. Д. Гуревич // КСИА АН СССР. – 1974. – Вып. 179. – С. 55.

Гуревич, Ф. Д. Древний Новогрудок : Посад – Окольный город / Ф. Д. Гуревич. – Л. : Наука, 1981.

Гуревич, Ф. Византийский импорт в городах западной Руси в XII–XIII вв. / Ф. Гуревич // Византийский Временник. – 1986. – Т. 47. – С. 65–81.

Гурэвіч, Ф. Д. Летапісны Новгородок (старажытнарускі Наваградак) / Ф. Д. Гурэвіч. – СПб., 2003.

Даркевич, В. П. Раскопки на южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) / В. П. Даркевич // Археология Рязанской земли. – М. : Наука, 1974. – С. 19–71.

Двуреченский, О. В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря / О. В. Двуреченский // Военная археология : сб. материалов семинара при Гос. ист. музее. – М. : Квадрига, 2008. – Вып. 1. – С. 55–93.

Дементьева, А. С. «Подвески гнездовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. / А. С. Дементьева // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / Гос. ист. музей ; редкол.: В. В. Мурашева (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 2007. – С. 211–271.

Долгоруков, П. В. Российская родословная книга / П. В. Долгоруков. – СПб., 1854. – Ч. 1.

Доўнар-Запольскі, М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск : Беларуская навука, 2009.

Древности : труды императорского Московского археологического общества. – М., 1889. – Т. 13, вып. 1.

Дук, Д. У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў : нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007а.

Дук, Д. У. Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка ў 2005 годзе / Д. У. Дук // Веснік «ПДУ». Сер. А, Гуманітарныя навукі. – 2007б. – № 1. – С. 5–23.

Дулеба, А. И. Из истории населенных пунктов Толочинского района / А. И. Дулеба. – Толочин, 1999.

Дучыц, Л. У. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст. : гіст.-археалаг. нарыс / пад рэд. Г. В. Штыхава ; АН БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991.

Дучыц, Л. У. Курганна-жальнічны могільнік каля в. Малявічы Вілейскага раёна / Л. Дучыц, А. Вайцяховіч, П. Кенька // ГАЗ / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2007. – Вып. 23. – С. 152–166.

Ениосова, Н. В. Ювелирные инструменты из раскопок в Гнёздове / Н. В. Ениосова // XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии : тез. докл. – Петрозаводск, 1997. – С. 190–191.

Ениосова, Н. В. Литейные формы Гнёздова / Н. В. Ениосова // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). – М. : Памятники исторической мысли, 1998. – С. 67–81.

Ениосова, Н. В. Тигли Гнёздовского поселения / Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян // Труды ГИМ. – М., 1999. – Вып. 111 : Археолог. сб. памяти Марии Васильевны Фехнер. – С. 54–63.

Ениосова, Н. В. Плавильные сосуды новгородских ювелиров / Н. В. Ениосова, Т. Ререн // Новгородские археологические чтения–3. – Великий Новгород, 2011. – С. 243–254.

Еремеев, И. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой / И. Еремеев, Г. Штыхов // Acta Archaeologica. – Мінск, 2007. – Vol. I. – С. 110–134.

Живописная Россия : Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П. П. Семёнова. – СПб. ; М., 1882. – Репринт : Мінск. : БелЭн, 1994. – Т. 3 : Литовское и Белорусское Полесье. – С. 412–502.

Жилина, Н. В. Об эволюции металлических бус славянских типов / Н. В. Жилина // Историческая археология : традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / отв. ред. В. Л. Янин. – М. : Памятники исторической мысли, 1998. – С. 109.

Жуков, К. А. Западноевропейский доспех раннего ренессанса / К. А. Жуков, Д. С. Коровкин. – СПб. : СПГУТД, 2005.

Журухина, Е. Стеклоделательные мастерские киевского подола / Е. Журухина, Р. Храмченкова // Филология и Культура. Philology and culture. – 2012. – № 3 (29). – С. 226–233.

Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1982.

Загорульский, Э. М. Вищинский замок XII–XIII вв. / Э. М. Загорульский. – Минск : БГУ, 2004.

Зайковский, Э. М. Исследование восточно-литовского кургана XIII века с кремацией у д. Ашмянец / Э. М. Зайковский // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 2001. – T. 21. – P. 413–420.

Зайкоўскі, Э. Даследаванне культавага комплекса Ашмянец / Э. М. Зайкоўскі // ГАЗ / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2002. – Вып. 17. – С. 181–190.

Зайцева, И. Е. Производственные ювелирные комплексы Серенского детинца и их место в системе застройки (XII–XV вв.) / И. Е. Зайцева // Труды VI Междунар. конгр. славянской археологии. – М. : Наука, 1998. – Т. 2 : Славянский средневековый город. – С. 100–113.

Засурцев, П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода / П. И. Засурцев // МИА. – 1963. – № 123.

Захаров, С. Д. Древнерусский город Белоозеро / С. Д. Захаров. – М. : Индрик, 2004.

Заяц, Ю. А. Менская зямля / Ю. А. Заяц // БГЧ.– Мінск, 1993. – № 4. – С. 8–15.

Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Навука і тэхніка, 1995.

Заяц, Ю. А. Основные итоги археологического изучения Заславля / Ю. А. Заяц // Заслаўскія чытанні 1995 г. – Заслаўе, 1997. – С. 48–50.

Заяц, Ю. А. Друть и Друцк / Ю. А. Заяц // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к науч.-практ. конф. – Витебск, 2001. – С. 18–24.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі : Віцебская вобласць. – Минск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1985.

Зверуго, Я. Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.) / Я. Г. Зверуго ; Акад. Наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1975.

Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго ; под ред. П. Ф. Лысенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1989.

Зверуго, Я. Г. Селище Микольцы (исследования 1983 г.) / Я. Г. Зверуго, А. М. Медведев // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск, 2003. – Вып. 7. – С. 85–110.

Зимин, А. А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году / А. А. Зимин // Советские архивы. – 1970. – № 5.

Ильин, А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков / А. А. Ильин. – Птг., 1921.

Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III в 1733 году // Русский вестник. – 1841. – № 4. – С. 117–302.

Іоў, А. В. Старажытнае паселішча на Ясельдзе / А. В. Іоў, В. С. Вяргей. – Минск : Беларуская навука, 2012.

Каваленя, А. З. Археолёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукамкі // Працы. – 1932. – Т. III.

Калядзінскі, Л. У. Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска / Л. У. Калядзінскі // Заслаўскія чытанні 1995 г. – Заслаўе, 1997. – С. 57–60.

Карніловіч, Э. Сажалка з зялёнай цвіллю / Э. Карніловіч // Сцяг Ільіча. – 1995. – № 35.

Каталіцкія храмы Беларусі : энцыклапедычны даведнік / тэкст А. М. Кулагін ; фатограф А. Дыбоўскі. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.

Качалов, Н. Н. Стекло / Н. Н. Качалов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

Квятковская, А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI – XVII в.) / А. В. Квятковская. – Vilnius : Ин-т истории Литвы, Diemedzio Leidykla, 1998.

Кенько, П. М. Наборный пояс как деталь мужского костюма в Полоцком княжестве / П. М. Кенько // Лепельскія чытанні : другая навук.-практ. канф., Лепель, 2006 г. – Лепель : Установа культуры «Лепельскі раённы краязнаўчы музей» ; склад. А. У. Стэльмах. – Лепель, 2006. – С. 7–10.

Кенько, П. М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.). Свод археологических источников / П. М. Кенько. – Минск : Беларуская навука, 2012.

Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1–36. – М. ; Л. : Наука, 1966а. – Вып. 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв.

Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1–36. – М. ; Л. : Наука, 1966б. – Вып. 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв.

Кирпичников, А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Л. : Наука, 1973.

Кирьянов, А. В. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. (по археологическим материалам) / А. В. Кирьянов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. : Наука, 1959. – № 65 : Труды новгород. археолог. экспедиции. – С. 306–362.

Кізюкевіч, Н. А. Старажытны Турыйск (па матэрыялах раскопак 1960–1962 гг.) / Н. А. Кізюкевіч // МАБ : зб. навук. артыкулаў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Минск, 2006. – Вып 11 : Древности Беларуси в системе межкультурных связей. – С. 118–134.

Кізюкевіч, Н. А. Знаходкі сярэднявечных ювелірных інструментаў на помніках Беларускага Панямоння / Н. А. Кізюкевіч // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск, 2010. – Вып. 19 : Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны. – С. 92–99.

Кітурка, Ю. В. Мячы з калекцыі Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея / Ю. В. Кітурка // Краязнаўчыя запіскі. – Гродна, 2003. – Вып. 6. – С. 7–15.

Клімаў, М. В. Элементы паяснога набору з г. Полацка (па выніках раскопак 2008–2009 гг.) / М. В. Клімаў, П. М Кенька // Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка) // МАБ: зб. навук. артыкулаў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 194–198.

Колединский, Л. В. Исследования в Витебске / Л. В. Колединский // АО–1983. – М., 1985. – С. 394.

Колосовский, Ю. В. «Древности антов» по материалам городищ типа Кисели-Вежки / Ю. В. Колосовский // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь : стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II Усебеларус. канф. гісторыкаў. – Мінск, 1999. – С. 31–32.

Колчин, Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) / Б. А. Колчин // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. : Наука, 1953. – № 32 : Труды новгород. археолог. экспедиции. – С. 5–258.

Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // Материалы и исследования по археологии СССР / отв. ред. В. В. Седов. – М. : Академия наук СССР, 1959а. – № 69. – С. 53–56.

Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) / Б. А. Колчин // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. : Наука, 1959б. – Т. II, № 65 : Труды новгород. археолог. экспедиции. – С. 7–120.

Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. – М. : Наука, 1982.

Комаров, К. И. Новые раскопки Купанского могильника / И. К. Комаров // Средневековые древности Восточной Европы : Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР. – М. : Наука, 1975. – Вып. 144. – С. 91–94.

Корзухина, Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. / Г. Ф. Корзухина // СА. – М., 1950. – Вып. XIII. – С. 63–94.

Корзухина, Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) / Г. Ф. Корзухина // Византийский временник.– СПб. ; М., 1958. – Т. XIV. – С. 129–137.

Коробушкина, Т. Н. Сельское население среднего Побужья IX–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина, И. И. Саливон // СА. – 1990. – № 3. – С. 138–149.

Кочуркина, С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. / С. И. Кочуркина. – М. : Наука, 1973.

Краткий словарь украшений / авт.-сост.: Т. В. Летягова [и др.] ; под ред. О. Я. Гойхмана. – М. : Флинта ; Наука, 2008.

Кропоткин, В. В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе / В. В. Кропоткин // Нумизматика и эпиграфика : сб. статей / Ин-т археологии АН СССР. – М. : Наука, 1971. – Т. IX. – С. 76–97.

Кудрявцев, А. А. Замки и ключи средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) / А. А. Кудрявцев // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород : Печатный двор «Великий Новгород», 2010. – С. 233–248.

Кузьмин, А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. / А. В. Кузьмин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 2 (28) (начало). – С. 33–42; № 4 (30) (окончание). – С. 50–68.

Лавыш, К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.) / К. А. Лавыш. – Минск : Белорусская наука, 2008.

Лавыш, К. А. Византийские стеклянные браслеты в Западной Руси : отражение византийской моды и прототип для местной продукции / К. А. Лавыш// Слов'яне і Русь : археологія та гісторія : зб. прац на пошану дійсного члена Нац. Акад. наук Україні П. П. Толочка. – Київ, 2013. – С. 164–173.

Ласкавый, Г. В. К истории оружия Белорусского Подвинья в VI–XIII вв. Статья первая / Г. В. Ласкавый // Полоцкий летописец. – Полоцк, 1993. – № 1 (2). – С. 19–38.

Лашанкоў, М. І. Тыгель / М. І. Лашанкоў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 360.

Левашова, В. П. Сельское хозяйство / В. П. Левашова // Труды ГИМ. – М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1956. – Вып. 32 : Очерки по истории русской деревни (X–XIII вв.). – С. 19–105.

Левко, О. Н. Витебск XIV–XVIII вв. : стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств / О. Н. Левко. – Минск : Наука и техника, 1984.

Левко, О. Н. Дроздовский курганный могильник / О. Н. Левко // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. : тез. докл. ист.-археологий семинара. – Чернигов, 1988. – С. 78–83.

Левко, О. Н. Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. / О. Н. Левко. – Минск : Наука и техника, 1989.

Левко, О. Н. К проблеме этнокультурного развития населения северо-восточной Белоруссии в I-м – начале II-го тыс. / О. Н. Левко // Славяне : Адзінства і мнагастайнасць : тэз. Міжнар. канф., 24–27 мая 1990 г., г. Мінск. – Мінск, 1990. – С. 36–38.

Левко, О. Н. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко. – Минск, 1992.

Левко, О. Н. Средневековая Орша и ее округа / О. Н. Левко. – Орша, 1993.

Левко, О. Н. К вопросу о культурной принадлежности городищ 3-й четверти I тыс. н. э. Оршанского Поднепровья / О. Н. Левко, Ю. В. Колосовский // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый : матэрыялы канф., 22 крас. 1993 г., Магілёў. – 1994а.

Левко, О. Н. Памятники второй половины I тыс. н. э. северо-восточной Беларуси в свете формирования племенных «княжений» / О. Н. Левко // ГАЗ. – Мінск, 1994б. – Вып. 5. – С. 207–226.

Левко, О. Н. Друцк и Друцкая волость (историко-археологическая реконструкция) / О. Н. Левко // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к науч.-практ. конф. – Витебск, 2001а. – С. 5–17.

Левко, О. Н. Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I – начале II тысячелетия / О. Н. Левко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2001б. – № 1 (8). – С. 16–29.

Левко, О. Н. Улица Подвинская в Витебске (археологическое изучение в 1979–1998 годах) / О. Н. Левко // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Минск, 2003. – № 6 – С. 137–172.

Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси : Формирование и развитие / О. Н. Левко. – Минск : Беларуская навука, 2004.

Левко, О. Н. Перемена местоположения Менска в связи с формированием раннегосударственной территориально-административной структуры в Полоцкой земле / О. Н. Левко // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. – Мінск, 2008. – С. 41–47.

Левко, О. Н. Древний Друцк. Начальные этапы истории / О. Н. Левко // ГАЗ. – Минск, 2010а. – Вып. 25. – С. 261–267.

Левко, О. Н. Курган с массовыми погребениями XII века в Друцке / О. Н. Левко, А. В. Войтехович // Проблеми давньоруської та середньовічної археології. – Київ, 2010б. – Вип. 1 : Археологія і давня історія України. – С. 371–378.

Левко, О. Н. Материалы к охранной зоне культурного слоя в Друцке / О. Н. Левко // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Вып. 20 : Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. – Мінск : Беларуская навука, 2011а. – С. 15–26.

Левко, О. Н. Археологические исследования Друцка в 2008–2009 гг. / О. Н. Левко, А. В. Войтехович, П. М. Кенько // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск : Беларуская навука, 2011б. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 122–153.

Лесючевский, В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства / В. И. Лесючевский // СА. – М., 1946. – Вып. VIII. – С. 225–247.

Лимонов, Ю. Л. Из истории восточной торговли владимиро-суздальского княжества / Ю. Л. Лимонов // Международные связи России до XVII в. / Ин-т истории, Акад. наук СССР. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 55–63.

Линдер, И. М. Шахматы на Руси / И. М. Линдер. – 2-е изд. – М. : Наука, 1975.

Лісейчыкаў Д. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларускалітоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д. Лісейчыкаў. – Мінск, 2011. – С. 46, 49.

Лихтер, Ю. А. Гнездовские бусы : по материалам раскопок курганов и поселения / Ю. А. Лихтер, Ю. Л. Щапова // Смоленск и Гнездово (К истории древнерусского города). – М., 1991. – С. 244–259.

Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1974.

Лысенко, П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1985.

Лысенко, П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. – Минск : Беларуская навука, 1999.

Лысенко, П. Ф. Древний Туров / П. Ф. Лысенко. – Минск : Беларуская навука, 2004.

Львова, З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть 1 : Способы изготовления / З. А. Львова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Ленинград, 1968. – Вып. 10. – С. 64–94.

Львова, З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть 2 : Происхождение бус / З. А. Львова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Ленинград, 1970. – Вып. 12. – С. 89–111.

Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута / М. К. Любавский. – М., 1892.

Лявданский, А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии (с 12 таблицами и 60 рисунками в тексте) / А. Н. Лявданский // Научные Известия Смолен-

ского Государственного Университета. – Смоленск. – 1926. – Т. III, вып. 3 : Гуманитарные науки. – С. 175–296.

Ляўко, В. М. Смаленска-полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) / В. М. Ляўко // ГАЗ. – Мінск, 1997. – Вып. 12. – С. 172–180.

Ляўко, В. М. Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі / В. М. Ляўко // Друцк старажытны : да 1000-годдзя ўзнікнення горада. – Мінск, 2000а. – С. 87–113.

Ляўко В. М. Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы // ГАЗ. – Мінск, 2000б. – Вып. 15. – С. 116–122.

Ляшкевич, Э. А. О находках рыболовного инвентаря в средневековых могильниках Беларуси / Э. А. Ляшкевич // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 204–211.

Магалінскі, І. У. Абутковыя падкоўкі XIV–XVIII стагоддзяў (па матэрыялах археалагічных даследаванняў у г. Полацку ў 2000–2008 гг.) / І. У. Магалінскі // Беларускае Падзвінне : вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку). – Наваполацк : Выд-ва УА «ПДУ», 2009. – С. 50–55.

Магалінскі, І. У. Металічныя ювелірныя інструменты X–XVII стст. у фондах НПГКМЗ / І. У. Магалінскі // Полацкі музейны штогоднік : зб. навук. артыкулаў за 2010 г. / уклад. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч. – Полацк : НПГКМЗ, 2011а. – С. 55–71.

Магалінскі, І. У. Падкоўка абутковая / І. У. Магалінскі // Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011б. – Т. 2 : Л–Я. – С. 159.

Магалінскі, І. У. Вытворчыя ювелірныя комплексы старажытнага Полацка (X–XVII стст.) / І. У. Магалінскі // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск : Беларуская навука, 2011в. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 115–121.

Магалінскі, І. У. Ліцейныя формы і тыглі для плаўкі каляровых металаў з тэрыторыі Полацка X–XVII стст. / І. У. Магалінскі // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск : Беларуская навука, 2011г. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 184–193.

Мажитов, Н. А. Южный Урал в IX – начале X в. // Археология СССР : Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.– С. 80–82, 170.

Макарова, Т. И. Черневое дело Древней Руси / Т. И. Макарова ; Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – М. : Наука, 1986.

Малевская, М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка / М. В. Малевская // КСИА. – 1965. – № 104. – С. 85–92.

Малевская, М. В. Архитектурный комплекс Новогрудского детинца / М. В. Малевская // Древнерусское государство и славяне : материалы симп., посвящ. 1500-летию Киева. – Минск, 1983. – С. 122–125.

Мальгин, Т. С. Зерцало российских государей / Т. С. Мальгин. – СПб., 1794.

Мальм, В. А. Промыслы древнерусской деревни / В. А. Мальм // Труды ГИМ. – М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1956. – Вып. 32 : Очерки по истории русской деревни (X–XIII вв.). – С. 106–139.

Мальм, В. А. Шиферные пряслица и их использование / В. А. Мальм // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971.

Медведев, А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси / А. Ф. Медведев // СА. – М., 1959. – № 2. – С. 119–134.

Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // САИ / под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова ; Ин-т археологии АН СССР. Археология СССР. – М. : Наука, 1966.

Медведева, О. В. Костяные изделия Туровской земли, Понеманья и Поднепровья, как составляющая часть материальной культуры территории Беларуси IX–XVIII вв. /

О. В. Медведева // Основные итоги археологических исследований на территории Беларуси в 2006–2010 годах / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Минск, 2011. – С. 154–162.

Медынцева, А. А. Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв. по данным эпиграфики / А. А. Медынцева // Слово о полку Игореве и его время. – М., 1985. – С. 218–240.

Мельниковская, О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке / О. Н. Мельниковская. – М., 1967.

Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552). Кніга запісаў 28 (Копія канца XVI ст.) *(ЛМ-28)* / падрыхт. В. С. Мянжынскі. – Менск : Athenaeum, 2000.

Минасян, Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р. С. Минасян // АСГЭ. – Л., 1978. – № 19. – С. 79.

Міхайліна, Л. П. Могильники та особливості поховального обряду райковецькоі культури / Л. П. Михайлина // Дьнъслово : зб. праць на пошану дійсного члена Нац. акад. наук Украіни Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. – К. : Корвінпрес, 2008. – С. 279–287.

Міхайлоўскі, Л. А. Гарадзішча Дымакуры / Л. А. Міхайлоўскі // Беларусь. – 1951. – № 5.

Мокеев, Г. Я. Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян / Г. Я. Мокеев // Архитектурное наследство. – 1975. – № 23. – С. 3–13.

Молчанова, Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVII вв. / Л. А. Молчанова. – Минск, 1981.

Мурашева, В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) / В. В. Мурашева. – М., 2000.

Мядзведзева, В. У. Вытворчасць касцяных прадметаў Полацкай зямлі / В. У. Мядзведзева // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск, 2005а. – № 9. – С. 138–153.

Мядзведзева, В. У. Сярэдневяковыя шахматы Беларусі (гісторыка-археалагічнае даследаванне) / В. У. Мядзведзева. – Мінск, 2005б.

Мядзведзева, В. У. Капавушкі X–XV стст. з тэрыторыі Беларусі / В. У. Мядзведзева // ГАЗ / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2007. – Вып. 23. – С. 144–151.

Мядзведзева, В. У. Рогавыя кісцяні з тэрыторыі Беларусі / В. У. Мядзведзева // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Мінск, 2010. – Vol. VI. – С. 102–108.

Мядзведзева, В. У. Матэрыяльная культура Мінска XI–XVIII стст. (касцярэзны аспект) / В. У. Мядзведзева // ГАЗ / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2012. – Вып. 27. – С. 297–324.

Мядзведзева, В. У. Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX–XIII стст. / В. У. Мядзведзева. – Мінск : Беларуская навука, 2013.

Мяцельскі, А. Картатэка поўніцца : дробнае мастацкае ліццё з пасожскіх гарадоў / А. Мяцельскі // Мастацтва Беларусі. – 1990. – № 6. – С. 75.

Мяцельскі, А. А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А. А. Мяцельскі. – Мінск : Беларуская навука, 2010.

Навицкайте-Кунцене, О. В. К вопросу о древнейшей (X–XIII вв.) весовой системе мер в Литве / О. В. Навицкайте-Кунцене // Труды Академии наук Литовской СССР (= Lietuvos TSR mokslu Akademijoz darbai). – Сер. А, Общественные науки. – Вильнюс : «Миннис», 1966. – № 2 (21). – С. 143–159.

Насевіч, В. Л. Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV–XVI стст.) / В. Л. Насевіч // Старонкі гісторыі Беларусі / М. М. Крывальцэвіч [і інш.] ; рэдкал.: М. П. Касцюк, М. В. Біч, Г. В. Штыхаў. – Мінск, 1992. – С. 83–104.

Насевіч, В. Л. Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнацкіх беларускіх родаў 12–18 стагоддзяў / В. Л. Насевіч. – Мінск : БелЭн, 1993.

Насевіч, В. Л. Друцкае княства і князі Друцкія / В. Л. Насевіч // Друцк старажытны: да 1000-годдзя ўзнікнення горада. – Мінск : БелЭн, 2000. – С. 49–76.

Насевіч, В. Л. Друцкія / В. Л. Насевіч // ВКЛЭ. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 1. – С. 600–601.

Национальный исторический архив Беларуси *(НИАБ)*. – *Ф. 694 : Фонд Радзивиллов*. – Оп. 2. – Д. 9779; Оп. 4. – Д. 956. – Т. 1–2. – Д. 1027, 1336. – Оп. 5. – Д. 71; *Ф. КМФ-5*. – Оп. 1. Д. 230; *Ф. КМФ-18 : Литовская метрика*. – Оп. 1. – Д. 111, 157, 159, 172, 184; *Ф. 1324 : Минский поветовый маршалок Хмара*. – Оп. 1. – Д. 13; *Ф. 1727 : Минский гродский суд*. – Оп. 1. – Д. 12; *Ф. 1731 : Оршанский гродский суд*. – Оп. 1. – Д. 2–10, 14, 15, 24, 30, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 45, 47, 56, 58, 59; *Ф. 1775 : Оршанский земский суд*. – Оп. 1. – Д. 2; *Ф. 2518 : **Витебская губернская дорожно-строительная комиссия Главного управления путей сообщения и публичных зданий***. – Оп. 2. – Д. 138.

Национальный исторический архив Беларуси в Гродно *(НИАБ в Гродно)*. – *Ф. 128 : Гродненский Коложский базилианский мужской монастырь*. – Оп. 1. – Д. 3; *Ф. 1160 : Вилейский земский суд*. – Оп. 1. – Д. 49, 60; *Ф. 1664 : Быховцы – помещики Гродненской губернии*. – Оп. 1. – Д. 303.

Национальный исторический архив Беларуси в Минске *(НИАБ в Минске)*. – Ф. 1297. – Оп. 1. – Д. 5532. – Л. 22 об.; Д. 8511. – Л. 1; Ф. 1781. – Оп. 2. – Ед. хр. 3264.

Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь *(НГМ РБ)*. – Ркпс. – КП б/н.

Никитин, А. Ф. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. / А. Ф. Никитин. – М. : Наука, 1971. – 84 с.

Нікалаеў, М. Гісторыя беларускай кнігі. Кніжная культура Вялікага княства Літоўскага / М. Нікалаеў. – Мінск : БелЭн, 2009. – Т. 1.

Общий гербовник дворян Всероссийской империи. – СПб., 1800. – Ч. 5.

Однороженко, О. Герб князів Буремльских і Курцевичів / О. Однороженко // Сіверяньский літопіс. – 2008а. – № 2. – С. 27–34.

Однороженко, О. Герб князів Мосальських / О. Однороженко // Сіверяньский літопіс. – 2008б. – № 4. – С. 6–12.

Однороженко, О. Гербовник Вацлава Руліковського : Геральдичні виписи / О. Одноженко. – Харків, 2008в.

Однороженко, О. Князівська геральдика Волині середини XIV–XVIII ст. / О. Одноженко. – Харків, 2008г.

Однороженко, О. Герб князів Полубенських / О. Одноженко // Сіверяньский літопіс. – 2009а. – № 2–3. – С. 27–34.

Однороженко, О. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. / О. Одноженко. – Харків, 2009б.

Окшотт, Э. Археология оружия. От бронзового века до Ренессанса / Э. Окшотт. – М. : Центрполиграф, 2004.

Олейников, О. М. К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия / О. М. Олейников // КСИА РАН. – 1993. – № 208. – С. 32–39.

Олейников, О. М. Стеклодельные мастерские в древности (К вопросу о существовании древнерусского стеклоделия) / О. М. Олейников // Новгород и новгородская земля. История и археология. – 1997. – Вып. 11. – С. 281–291.

Олейников, О. М. Стеклянные браслеты Великого Новгорода / О. М. Олейников // РА. – 2002. – № 1. – С. 51–73.

Ольчак, Е. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века / Е. Ольчак // СА. – 1959. – № 3. – С. 81–90.

Орешников, А. И. Перстень св. Алексея митрополита / А. И. Орешников // Seminarium Kondakovianum. – Prague, 1928. – Т. II. – С. 171–185.

Павленко, С. В. Пірофілітові прясла з Переяславля Руського та його околиць / С. В. Павленко // Навукові записки з української історії. – Переяславль-Хмельницький, 2001. – С. 37–59.

Павленко, С. В. Опрацьовка пірофіліетового сланцю на укріпленіх поселеннях Овруцького кряжу / С. В. Павленко // Стародавній Іскоростень і слов'янські граді VIII–X ст. – Київ, 2004. – С. 215–222.

Павлова, К. В. Хозяйственные постройки XII–XIII вв. на детинце древнего Новогрудка / К. В. Павлова // КСИА АН СССР. – 1972. – Вып. 129. – С. 77–83.

Пазднякоў, В. С. Клецк X–XVIII стст. : матэрыяльная і духоўная культура беларускага феадальнага горада / В. С. Пазднякоў ; навук. рэд. П. Ф. Лысенка – Мінск : БелНДІДАС, 2008.

Пазднякоў, В. Беларуская грамата XV стагоддзя : дароўны ліст княгіні Марыі намесніку віцебскаму Івану Ільінічу на сяльцо каля ракі Друць / В. Пазднякоў // Герольд Litherland. Горадня ; Менск, 2013. – С. 118–125.

Памяць. Талачынскі раён. Гісторыка-дакументальная хроніка Талачынскага раёна. – Мінск, 1988.

Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523 : Кніга публічных спраў 1 / падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. – Мінск, 2003.

Перхавко, В. Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы / В. Б. Перхавко // СА. – М. : Наука, 1978. – № 3. – С. 113–126.

Петров, П. Н. История родов русского дворянства. – СПб., 1886. – Т. 1.

Петров, П. История родов русского дворянства / П. Петров. – М. : Современник ; Лексика, 1991. – Кн. 1.

Плавинский, Н. А. О хронологии мечей балтийских типов и их аксессуаров на Руси / Н. А. Плавинский // Археология и история Пскова и Псковской земли : семинар имени академика В. В. Седова, Материалы 57-го заседания, Псков, 18–20 апр. 2011 г. – М. ; Псков, 2011. – С. 205–209.

Плавінскі, М. А. Сякеры другой паловы XI–XIII ст. з раскопак Мінскага Замчышча Acta Archaeologica Albaruthenica / М. А. Плавінскі. – Минск, 2007. – Vol. II. – С. 68–85.

Плавінскі, М. А. Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі / М. А. Плавінскі. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2009а.

Плавінскі, М. А. Зброя / М. А. Плавінскі // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2009б. – Т. 1. – С. 371.

Плавінскі, М. А. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў / М. А. Плавінскі. – Мінск : Галіяфы, 2013.

Пластыка Беларусі XII–XVIII стст. : альбом / аўт. і склад. Н. Ф. Высоцкая. – Мінск, 1983.

Поболь, Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л. Д. Поболь ; ред. Ю. В. Кухаренко. – Минск : Наука и техника, 1979.

Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии : Железный век / Л. Д. Поболь. – Минск, 1983.

Повесть временных лет *(ПВЛ).* – М. ; Л., 1950. – Т. I, II.

Погребова, Н. Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики / Н. Н. Погребова // Краткие сообщения / Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – М., 1948. – Вып. 22. – С. 62–65.

Покровская, Л. В. Привески-амулеты средневекового Новгорода. Неревский и Троицкий раскопы / Л. В. Покровская // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. – СПб. : Нестор-История, 2010.

Полное собрание русских летописей *(ПСРЛ).* – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – М. ; Л., 1962; Т. 2 : Ипатьевская летопись. – СПб., 1908; Т. 7 : Летопись по Воскресенскому списку. – **СПб., 1856; Т. 9 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью.** – М., 1965; Т. 17 : Западнорусские летописи. – СПб., 1907; Т. 25 : Московский летописный свод конца XV века. – **М. ; Л., 1949; Т. 32 : Хроники: Литовская и Жамойтская, Быховца. Летописи : Баркулабовская, Аверки и Панцырного.** – М., 1975; Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – М., 1980.

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 6 вып. / сост. А. Л. Хорошкевич. – М., 1977–1989. – Вып. 1. – 1977; Вып. 3. – 1980.

Потин, В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси / В. М. Потин // Труды Государственного Эрмитажа. – Л. : Советский художник, 1967. – Т. IX, № 3 : Нумизматика. – С. 106–184.

Праваслаўныя храмы Беларусі : энцыклапедычны даведнік / тэкст А. М. Кулагін ; фота А. Дыбоўскі. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2007.

Православные святыни Толочинского района : Прошлое и настоящее. – Витебск, 2004.

Прозоровский, Д. Собрание польских и других печатей, принадлежащих Императорской академии художеств / Д. Прозоровский. – СПб., 1881.

Протоиерей Александр (Лазука). Страницы истории православия на Толочинщине. – Толочин, 2008.

Псковские летописи / подгот. к печ. А. Н. Насонов. – М. ; Л., 1941. – Вып. 1; М., 1955. – Вып. 2.

Пятраўскас, Р. Фарміраваньне інстытуцыянальнага двара вялікага князя ў Літве (XIV – пачатак XV ст.) / Р. Пятраўскас // ARCHE Пачатак. – 2009. – № 9.

Рабинович, М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города / М. Г. Рабинович. – М., 1988.

Рабцэвіч, В. Н. Манеты арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі / В. Н. Рабцэвіч, А. А. Стуканаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск : Полымя, 1973. – № 4. – С. 33–39.

Радаман, А. Земскія ўраднікі Полацкага ваяводства ў другой палове XVI – першай палове XVII ст. / А. Радаман, В. Галубовіч, Д. Вілімас // Commentarii Polocenses historici. Наваполацк ; Менск, 2004. – Т. I. – С. 73–80.

Радаман, А. Земскія ўраднікі Віцебскага ваяводства ў другой палове XVI – першай палове XVII ст. / А. Радаман, В. Галубовіч, Д. Вілімас // Commentarii Polocenses historici. Наваполацк ; Менск, 2005. – Т. II. – С. 51–61.

Радиньш, А. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков / А. Радиньш // Archaeologia Lituana. – 2001. – № 2. – С. 65–118.

Раппопорт, П. А. Древнерусское жилище / П. А. Раппопорт. – Л., 1975.

Рогов, А. И. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР / А. И. Рогов, Н. Н. Покровский // Археографический ежегодник–1965. – М., 1966.

Розенфельд, Р. Л. О производстве и датировке пряслиц / Р. Л. Розенфельд // СА. – 1964. – № 4. – С. 220–224.

Романов, Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 году / Е. Р. Романов // Древности. – 1889. – Т. XIII, вып. 1. – С. 129–153.

Романова, Н. Н. Библиотека толочинских базилиан (На материалах коллекции отдела рукописей, старопечатных и редких изданий Национальной библиотеки Беларуси) / Н. Н. Романова // Матэрыялы другіх кнігазнаўчых чытанняў. – Мінск : «Красіка-Прынт», 2002. – С. 138–139.

Российский государственный исторический архив *(РГИА)*. – Ф. 822 : Римско-католическая духовная коллегия МВД. – Оп. 12. – Ед. хр. 2911; Ф. 824 : Белорусско-литовская духовная коллегия. – Оп. 2. – Д. 143; Ф. 826 : Канцелярия митрополита римско-католических церквей в России МВД. – Оп. 1. – Ед. хр. 115.

Руденко, К. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) / К. Руденко // Татар археологиясе № 1–2 / под ред. Р. Фахрутдинова ; Академия наук Татарстана, Ин-т истории. – Казань, 2000. – С. 42–102.

Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографическою комиссиею *(РИБ)* : в 39 т. – 1872–1927. – Т. 27 : Литовская Метрика. Отделы I. – Ч. 1 : Книги записей. – Т. 1 / под ред. И. И. Лаппо. – Пг, 1910; Т. 30. – Юрьев, 1914.

Рыбаков, Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XIII вв. / Б. А. Рыбаков // СА. – М. ; Л., 1940. – Вып. VI. – С. 227–257.

Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. ; Л., 1948.

Рыер, Я. Р. Справаздача аб правядзенні археалагічных работ на тэрыторыі Круглянскага раёна ў 1993 г. / Я. Р. Рыер // ААНД Ін-та гісторыі Акад. навук Беларусі. – 1993. – Спр. № 1498.

Рындина, Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. / Н. В. Рындина // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1963. – Т. 3, № 117 : Тр. новгородской археолог. экспедиции. – С. 200–247.

Рябинин, Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / Е. А. Рябинин ; под общ. ред. Б. А. Рыбакова. – Л. : Наука, 1981.

Рябинин, Е. А. Языческие привески-амулеты Древней Руси / Е. А. Рябинин // Древности славян и Руси. – М. : Наука, 1988. – С. 55–58.

Рябцева, С. С. О территории распространения бусинных височных колец / С. С. Рябцева // Ювелирное искусство и материальная культура : семинар : тез. докл. участников VII коллоквиума, 8–14 апр. 1999 г. / Гос. Эрмитаж ; [ред. Н. Захарова]. – СПб., 2000. – С. 70–74.

Рябцева, С. С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования / С. С. Рябцева. – СПб. : Нестор-История, 2005.

Рябцевич, В. Н. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X – начала XIV в. / В. Н. Рябцевич // ГАЗ / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск : Ін-т гісторыі НАНБ, 2000. – № 15. – С. 66–72.

Саверчанка, І. Канцлер Вялікага Княства : Леў Сапега / І. Саверчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992.

Сагановіч, Г. М. Прылады працы і побытавыя рэчы. Асартымент, тыпалогія, храналогія / Г. М. Сагановіч // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 1997–2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. – 2001. – С. 260–277.

Салівон, І. І. Краніологічна характеристика середньовічного населення м. Новогрудка / І. І. Салівон // Матеріали з антропології України. – 1971. – Вип. 5. – С. 92–110.

Салівон, І. І. Краніялогія насельніцтва беларускага Панямоння па матэрыялах каменных могільнікаў / І. І. Салівон, А. В. Кваткоўская, А. І. Кушнір // Весці АН БССР, Сер. грамад. навук. – 1989. – № 3. – С. 73–81.

Сафарова, И. А. Стеклянные изделия домонгольского периода из раскопок Твери (по материалам исследований 1989–1998 гг.) / И. А. Сафарова // Тверской археолог. сб. – 2001. – Т. 2, вып. 4. – С. 242–255.

Седов, В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов / В. В. Седов // Славяне и Русь : [сб.] / Акад. наук СССР, Ин-т археологии ; редкол.: Е. И. Крупнов (отв. ред.) [и др.]. – М., 1968. – С. 151–157.

Седов, В. В. Длинные курганы кривичей / В. В. Седов // САИ. – М., 1974. – Вып. Е1-8.

Седов, В. В. Изборск в раннем Средневековье / В. В. Седов. – М.: Наука, 2007.

Седова, М. В. Торговые связи Ярополча Залесского / М. В. Седова // КСИА АН СССР. – 1973. – № 135. – С. 32–38.

Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – М. : Наука, 1981.

Семянчук, А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі / А. Семянчук. – Гродна : ГрДУ, 2000.

Сергеева, З. М. Курганы у деревни Багриново вблизи древнерусского Друцка (БССР) / З. М. Сергеева // КСИА. – 1969. – Вып. 120. – С. 107–111.

Сергеева, З. М. Раскопки курганов в Толочинском районе (БССР) / З. М. Сергеева // КСИА. – М., 1972. – Вып. 129. – С. 61–64.

Сергеева, З. М. Раскопки курганов на друцком волоке / З. М. Сергеева // КСИА. – М., 1974. – Вып. 139. – С. 49–52.

Сергеева, З. М. Курганы у деревни Новинка (Витебская обл.) / З. М. Сергеева // КСИА. – 1975. – Вып. 144. – С. 85–90.

Сергєєва, М. С. Косторізна справа у Стародавньому Києві / М. С. Сергєєва. – Київ : КНТ, 2011.

Сизов, В. И. Курганы Смоленской губернии / В. И. Сизов // Материалы по археологии России. – Санкт-Петербург, 1902. – Вып. 1, № 28 : Гнездовский могильник близ Смоленска.

Сингх, В. К. Наковальни из раскопок в Новгороде / В. К. Сингх // Труды II Всерос. археолог. съезда в Суздале. – М., 2008. – С. 385–389.

Сингх, В. К. Железный инструментарий средневекового Новгорода : автореф. дис. ... канд. ист.наук : 07.00.06 / В. К. Сингх. – М. : Моск. гос. ун-т, 2009а.

Сингх, В. К. Инструменты новгородских ювелиров / В. К. Сингх // Родина. – 2009б. – № 9. – С. 72–79.

Слюнькова, И. Н. Монастыри восточной и западной традиций : Наследие архитектуры Беларуси / И. Н. Слюнькова – М. : Прогресс ; Традиция, 2002.

Соколов, Л. И. Севрюга Acipenser stellatus Pallas в среднем и позднем голоцене / Л. И. Соколов, Е. А. Цепкин // Вопросы ихтиологии. – 1969. – Т. 9, вып. 4 (57). – С. 587–598.

Скрипченко, Т. С. Обмен и местное производство в средневековых городах Белоруссии (по материалам стеклянных браслетов) / Т. С. Скрипченко // Труды 5-го Междунар. конгр. славянской археологии, 18–25 сент. 1985 г., г. Киев. – М., 1987. – Вып. 10. – С. 67–72.

Соловьёв, С. Сочинения / С. Соловьёв. – М., 1993. – Т. 19–20, кн. X.

Спегальский, Ю. П. Жилища северо-западной Руси IX–XIII вв. / Ю. П. Спегальский. – Л., 1972.

Спиридонов, М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.) / М. Ф. Спиридонов. – Минск : Навука і тэхніка, 1993.

Спицын, А. А. Сведения 1873 года о городищах и курганах / А. А. Спицын // ИАК. – 1903. – Вып. 5.

Станкевич, Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги / Я. В. Станкевич // СА. – 1950. – № XIV. – С. 187–216.

Старажытная беларуская літаратура. – Мінск : Юнацтва, 1990.

Старая Ладога – древняя столица Руси : каталог выставки / ред. Г. В. Голубева. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 189 с.

Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковысского маршалка, волковысского и оболецкого державцы М. В. Клочко. 1533–1540. (Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9) *(ЛМ-228)* / публ. подгот. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 2008.

Таранович, В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР / В. П. Таранович// СА. – М., 1946. – Вып. VIII.

Тарасаў, С. В. Полацк IX–XVII стст. : гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. – Мінск : Беларуская навука, 1998.

Тарасаў, С. В. Полацкая ювелірна вытворчасць / С. В. Тарасаў // Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 205–206.

Татищев, В. Н. История Российская с древнейших времен : в 7 т. / В. Н. Татищев. – М. ; Л., 1962–1968. – Т. 1. – 1962; Т. 2. – 1963.

Темушев, В. Н. Формирование московско-литовской границы в XV – начале XVI в. / В. Н. Темушев // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / редкол.: А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 1. – С. 56–77.

Ткачёв, М. А. Итоги археологического изучения Витебска в 1976–1980 гг. / М. А. Ткачёв, Л. В. Колединский // Древнерусское государство и славяне : материалы симп., посвящ. 1500-летию Киева. – Минск, 1984. – С. 69–71.

Ткачёв, М. А. Постройки древнего Витебска XII–XVII вв. / М. А. Ткачёв, Л. В. Колединский // Древнерусский город. – Киев, 1984. – С. 123–126.

Ткачоў, М. А. Замкі і людзі / М. А. Ткачоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991.

Ткачэнка, М. Эмблематычныя рысы ў гравюрным партрэце пачатку XVII ст. / М. Ткачэнка // Барока ў беларускай культуры і мастацтве. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2001. – С. 236–241.

Толочко, П. П. Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко. – Киев, 1989.

Толстой, И. И. Клад куфических и западно-европейских монет, заключавших в себе обломок монеты Владимира Святого / И. И. Толстой // Записки Императорского русского археологического общества. – Новая серия. – СПб., 1887. – Т. III, вып. 2. – С. 199–202.

Томашевський, А. П. Овруцька пірофілітова індустрія / А. П. Томашевський, С. В. Павленко, А. В. Петраускас // Село Київської Русі. – Київ : Шлях, 2003. – С. 131–137.

Трусаў, А. Матэрыяльная культура Крэўскага замка / А. Трусаў // З глыбі вякоў. Наш край. – Мінск, 1996. – С. 212–228.

Туристическая мозаика Беларуси / А. И. Локотко [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2011. – С. 190–193.

Тышкевич, К. П. О курганах в Литве и Западной Руси / К. П. Тышкевич. – Вильня, 1865.

Фехнер, М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / М. В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни. Труды Гос. ист. музея. – М., 1959. – Вып. 38. – С. 149–224.

Фехнер, М. В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. / М. В. Фехнер // Международные связи России до XVII в. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 46–54.

Ханенко, В. Н. Древности русские. Кресты и образки / В. Н. Ханенко. – Киев, 1899. – Вып. 1.

Хорошкевич, А. Печати полоцких грамот XIV–XV в. / А. Хорошкевич // Вспомогательные исторические дисциплины : сб. ст. – Л. : Наука, 1972. – Вып. 4. – С. 128–146.

Хрисанфова, Е. Н. Эволюционная морфология скелета человека / Е. Н. Хрисанфова. – М. : МГУ, 1978.

Цітоў, А. Герб Сапегі / А. Цітоў// Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : тэксты, даведнік, каментарыі. – Мінск : БелСЭ, 1989.

Цітоў, А. Пячаткі старажытнай Беларусі : Нарысы сфрагістыкі / А. Цітоў. – Мінск : Полымя, 1993.

Цітоў, А. Сфрагістыка і геральдыка Беларусі / А. Цітоў. – Мінск : РІВШ, 1999.

Цітоў, А. Геральдыка Беларусі / А. Цітоў. – Мінск : МФЦП, 2007.

Чантурия, Ю. В. Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI — первой половины XIX в. Средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм / Ю. В. Чантурия. – Минск : Беларуская навука, 2005.

Чернецов, В. А. Земледелие и промыслы / В. А. Чернецов, А. В. Куза, Н. А. Кирьянова // Археология СССР : в 20 т. – М., 1985. – Т. 15 : Древняя Русь. Город, замок, село. – С. 219–243.

Шадыра, В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.) / В. І. Шадыра. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006.

Шадыро, В. И. Ранний железный век северной Белоруссии / В. И. Шадыро. – Минск, 1985.

Шаланда, А. Гербы роду Сапегаў / А. Шаланда // Białoruskie zeszyty historyczne. – 1995. – Nr 2/4.

Шаланда, А. Геральдычна-сфрагістычная спадчына Сапегаў канца XVI – XVIII ст. / А. Шаланда // Славуты Зэльвенскі край : матэрыялы навук. гіст.-краязн. канф. «Старонкі гісторыі Зэльвеншчыны», Зэльва, 12 снеж. 1998 г. / рэдкал.: Д. Аляшкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Ліда : ГАУПП «Лідская друкарня», 2004.

Шаланда, А. Казімер Ягайлавіч і гербавая легенда роду Валовічаў // Ягелоны : дынастыя, эпоха, спадчына : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гальшаны–Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – С. 243–265.

Шаланда, А. Невядомыя гербы менскай шляхты ў XVI ст. / А. Шаланда // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. / рэдкал.: А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 142–149.

Шаланда, А. Геральдыка князёў Агінскіх : генезіс, легенда, факты / А. Шаланда // Герольд Litherland. – Горадня ; Менск. – 2013а. – № 19. – С. 20–29.

Шаланда, А. Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII ст. : геральдычна-сфрагістычныя нарысы / А. Шаланда. – 2-е выд.– Мінск : Беларуская навука, 2013б.

Шарковская, Н. Ю. Друцкая коллекция в археологическом собрании ВОКМ : история формирования, состояние, уникальность / Н. Ю. Шарковская // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к науч.-практ. конф. – Витебск, 2001. – С. 64–68.

Шарковская, Н. Ю. Материалы археологических разведок и раскопок Л. В. Алексеева в фондах ВОКМ / Н. Ю. Шарковская // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. – Мінск, 2012. – С. 70–101.

Шмидт, Е. А. Курганы XI–XIII веков у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье / Е. А. Шмидт // Материалы по изучению Смоленской области // Смоленск : Смоленский областной краеведческий музей, 1957. – Вып. II. – С. 184–280.

Шмидт, Е. А. Городище у д. Новые Батеки / Е. А. Шмидт // Третьяков, П. Н. Древние городища Смоленщины / П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. – М. ; Л., 1963.

Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2003.

Шнейдер, А. Синеокая Толочинщина / А. Шнейдер. – Минск, 2009.

Шноре, Э. Д. Асотское городище / Э. Д. Шноре // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. – Рига : АН Латвийской ССР, 1961. – Т. II.

Шноре, Э. Д. Шпоры городища Асоте и их место в классификации шпор / Э. Д. Шноре // Światowit. – Warszawa. – 1962. – T. 24. – S. 577–585.

Шпилев, А. Головка навершия меча из деревни Хомутцы (Курско-Белгородское пограничье) / А. Шпилев, Н. Плавинский // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Минск, 2012. – Vol. VIII. – С. 100–105.

Штыхов, Г. В. Археологическая карта Белоруссии / Г. В. Штыхов. – Минск, 1971. – Вып. 2.

Штыхов, Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1975.

Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов ; науч. ред. В. П. Даркевич. – Минск : Наука и техника, 1978.

Штыхаў, Г. В. Крывічы : па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў ; пад рэд. М. А. Ткачова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992.

Штыхаў, Г. В. Гарады Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Мінск, 2000а. – Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). – С. 171–229.

Штыхаў, Г. Друцк у сістэме гарадоў і княстваў Полацкай зямлі / Г. Штыхаў // Друцк старажытны : да 1000-годдзя ўзнікнення горада. – Мінск : БелЭн, 2000б. – С. 77–86.

Штыхаў, Г. В. Старажытны Лагойск у святле археалагічных раскопак / Г. В. Штыхаў // МАБ : зб. навук. артыкулаў. – Мінск, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 163–183.

Щапова, Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода / Ю. Л. Щапова // Труды новгородской археолог. экспедиции. МИА. – 1956. – Т. I, № 55. – С. 164–179.

Щапова, Ю. Л. Стеклянные изделия Древнего Новгорода / Ю. Л. Щапова // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1963. – № 117. – С. 104–163.

Щапова, Ю. Л. Стекло Киевской Руси / Ю. Л. Щапова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1972.

Щапова, Ю. Л. Византийское стекло / Ю. Л. Щапова. – М. : Эдиториал УРСС, 1998.

Якимович, Ю. А. Зодчество Белоруссии XVI–XVII в. : справ. пособие / Ю. А. Якимович. – Минск : Наука и техника, 1991.

Яковенко, Н. Н. Персональный состав княжеской прослойки Волыни и Центральной Украины конца XIV – середины XVII в. : Князья в свете законов и традиций / Н. Н. Яковенко // Историческая генеалогия. – Екатеринбург, 1993. – Вып. 1.

Яковенко, Н. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття : Волинь і Центральна Україна / Н. Яковенко. – Київ : Критика, 2008.

Янин, В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья / В. Л. Янин. – М., 1956.

Янушкевіч, А. Вялікае княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 г. / А. Янушкевіч. – Мінск : Мэдысонт, 2007.

Янушкевіч, А. Загадка гербавых пячатак 1578 і 1580 г. першага кіеўскага кашталяна Паўла Іванавіча Сапегі / А. Янушкевіч // Сфрагістичний щорічник. – Київ, 2013. – Вип. IV. – С. 484–494.

Akta unji Polski z Litwą 1385–1791/ wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków, 1932.

Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego / Opracował H. Lulewicz. – Warszawa, 2006. – T. 1.

Aleksandrowska, E. Sanguszkowa z Duninów Barbara Urszula / E. Aleksandrowska // Polski Słównik Biograficzny. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1993. – T. XXXIV. – S. 517–521.

Ancient necklaces [Electronic resource] // Ancient touch (catalogue). – Mode of access : http://www.ancienttouch.com/necklaces%20gold,stone.htm. – Date of access : 08.12.2013.

Antanavičius, J. X–XIII a. Žirgų kamanos iš Pakalniškių / J. Antanavičius // Kraštotyra. – Vilnius, 1969. – P. 103–109.

Antanavičius, J. Balno kilpos Lietuvoje X–XIV a. / J. Antanavičius // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. – Vilnius, 1976. – Ser. A. – T. 1 (54). – S. 69–81.

Arbman, H. Birka I : Die Gräber (Tafeln) / H. Arbman. – Uppsala : Kungl. Vitterhets Historie Och Antikvitets Akademien, 1940. – 282 taf.

Archiwum domu Sapiegów, wydane staraniem rodziny *(ADS)* / oprac. Dr A. Prochaska. – Lwów, 1892. – T. I : Listy z lat 1575–1606.

Archiwum Główne Akt Dawnych *(AGAD)*. Главный архив древних актов в Варшаве. – Archiwum Potockich z Radzynia *(APR)*. – Sign. 295, 296, 305, 348; – Archiwum Radziwiłłów *(AR)*. – Dz. II. Ks. 68; Dz.V. – Sygn. 17702. Cz. 2; Dz. X – Sign. 440, 732; Dz. XI. – Nr 37; Dz. XXIII. – Teka 90. Plik 1; Teka 116. Plik. 1; Archiwum Roskie. – T. II : Korespondencja. – Sygn. LV/16; – Zbiór dokumentów pergamieniowych *(Zb. Dok. perg.)*. – Sign. 316a, 8402.

Archiwum książat Sanguszków w Sławucie *(AS)*. Wydane przez Bronisława Gorczaka, konserwatora tegoż Archiwum. – We Lwowie. Nakładem właściciela : Z drukarni Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1980. – T. IV : 1535–1547.

Archiwum Narodowy w Krakowie, oddział na Wawelu *(ANKr)*. Национальный архив в Кракове, отделение в Вавеле. – Archiwum Sanguszków *(AS)*. – Sign. 51, 239, 258, 416-1, 416-2, 416-3, 416-4, 416-5, 416-6, 416-8, 416-10, 591-5, 591-6; – Teki arabskie *(TA):* teka 181, plik 23; teka 446, plik 25; teka 463, plik 23. – Teki rymskie *(TR):* teka III, plik 75; teka IV, plik 41, 42; – Akty nieupozątkowane; – Korespondencja. – T. 9, 10.

Asaris, J. 11.–13. gs. zobena maksts bronzas uzgaļu tipi un to izplatība Kurzemē / J. Asaris // Archeoloģija un etnogrāfija. – Rīga, 1994. – T. 17. – 21–28 lpp.

Augustyniak, U. Dwór i klientela Krzysztofa II Radziwiłła (1585–1640). Mechanizmy patronatu / U. Augustyniak. – Warszawa, 2001.

Αναστάσιος Αντωνάρας. Γυαλινα μεσοβυζαντινα βραχιολια // Συμβολη σε θεματα διαδοσης, παραγωγης, τυπολοπασ και χρησης, τόμος κζ΄. – Αθηνα, 2006. – Σελ. 423–434.

Biblioteka Narodowa *(BN)*. Национальная библиотека. – Sygn. 3285. – Cz. 2.

Biskupstwo wilenskie. Od jego założenia aż do dni obecznych, zawerajece dzieje i prace biskupów i duchowienstwa djecezje wilenskiej, oraz wykaz kościołów, klasztorów o zakladów dobroczynnych i spolecznych. – Wilno : Druk. Zawadzskiego, 1912.

Błoński, M. Średniowieczne ostrogi z grodziska na Zawodziu w Kaliszu / M. Błoński // Arheologia Polski. – Warszawa, 2000. – T. XLV, Z. 1–2. – S. 53–91.

Boniecki, A. Poczet rodów szlacheckich w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku / A. Boniecki. – Warszawa, 1887.

Boniecki, A. Herbarz polski / A. Boniecki. – Warszawa, 1900. – T. II; 1902. – T. V.

Boulogne, S. Les bracelets de verre coloré polychromes des sites de Damas Maṣyaf, Tell Abū Sarbūṭ et Ḫirbat fāris au Bilād al-Šām mamelouk et ottoman : essai de synthèse / S. Boulogne // Bulletin d'études orientales. – 2008. – T. LVII. – P. 127–154.

Bruhn-Hoffmeyer, A. Middelalderens tveaggede svard / A. Bruhn-Hoffmeyer. – 1954. – T. I : Kôbenhavn : Udgivet af Tôjhusmuseet.

Ceplite, R. Atsvarini Latvijas 10.–13. gs. kapu inventara / R. Ceplite [Цеплите, К. Гирьки из погребений X–XIII веков на территории Латвии / К. Цеплите] // Arheologija un etnografija. Riga, 1974. – T. XI. – S. 198–211.

Chmielowski, B. Zbior krotki herbow polskich oraz wsławionych cnotą i naukami polakow / B. Chmielowski. – Warszawa, 1763.

Clark, J. The medieval horse and its equipment (1150–1450) / J. Clark. – London, 1995.

Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430 / A. Prochaska. – Cracoviae, 1882.

Congail Mac / The Celtic evil eye / Mac Congail // Balkancelts Celtic Culture in Southeastern Europe and Asia-Minor [Electronic recourse]. – Mode of access : http://balkancelts.files.wordpress.com/2013/02. – Date of access : 25.08.2013.

Czwolek, A. Piórem i Buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czwolek. – Toruń, 2012.

Daniłowicz, J. Skarbiec diplomatów papieskich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwal narodowych, postanowień różnych wladz i urzędów posługujących do krytycznego wyjasnienia dzieiów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów / J. Daniłowicz. – Wilno, 1860. – T. I.

Dlugossius, J. Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber undecimus et duodecimus / J. Dlugossius. – Cracoviae, 2001.

Dlugossius, J. Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus / J. Dlugossius. – Cracoviae, 2003.

Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju Mełneńskiego z 1422 roku / wyd. P. Nowak, P. Pokora. – Poznań, 2004.

Drucki Horski Michał i Stephan. Głosy synow żałosne przy pogrzebie Wielmożney Jey Mości Paniey P. Anny Kopciowny Druckiey Horskiey Staroscincy Orszańskiey, ktore Pallas Synowska w Threny zebrala. – Wilno, 1642.

Dygdała, J. Urażone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku / J. Dygdała // Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem / red. Z. Anusik. – Łódź, 2007. – S. 187–199.

Eger, Ch. Bead jewelry of Late-Roman and Byzantine time in the Province of Arabia. The Beads and Pendants of Glass, Stone, and Organic Materials from the Rock Chamber Necropolis at Khirbat Yajuz, Jordan. / Ch. Eger, L. Khalil // Zeitschrift für Orient-Archäologie. – 2013. – Band 6. – P. 157–181.

Ferenc, M. Dwór Zygmunta Augusta. Organizacja i ludzie / M. Ferenc. – Kraków, 1998.

Friedberg, M. Klejnoty Długoszowe. Krytycznie opracował i na nowo wydał z 9 rycinami w tekscie / M. Friedberg // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. – Rok 1930. – Kraków, 1931. – T. X.

Ginkiewicz, M. Kazanie na pogrzebie dobrey pamięci Jey Mosci Paney Pani Zofiey z Drucka Lubeckiey Pawlowey Laskowskiey / M. Ginkiewicz. – Wilno, 1649.

Głosek, M. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich / M. Głosek. – Warszawa ; Łódź : Scienta, 1996.

Górzyński, S. Herby szlachty polskiej / S. Górzyński, J. Kochanowski. – Warszawa, 1992.

Gumowski, M. Pieczęcie książąt litewskich / M. Gumowski // Atheneum Wileńskie. – Wilno, 1930. – R. VII. – Z. 3–4. – S. 684–725.

Haratym, A. Szemioth Mikołaj Józef / A. Haratyn, A. Matsuk // Polski Słównik Biograficzny. – Warszawa ; Kraków, 2012. – T. XLVIII/1. – Z. 196. – S. 156–158.

Herbarz polski Kaspra Niesieckiego. – Lipsk, 1839. – T. III.

Heymowski, A. Herbowa «szesnastka» królowej na jej grobowcu w katedrze w Uppsali / A. Heymowski // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. – Warszawa, 1993. – Kwiecień. – Nr 9.

Ingram, R. Faience and glass beads from the late Bronze Age shipwreck at Uluburun : submitted to the office of graduate studies ofTexas a&m University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of arts / R. Ingram. – Texas, 2005.

Ion beam analysis studies of ancient glass Bracelets discovered in Bucharest / R. Bugoi [et al.] // Romanian Reports in Physics. – 2011. – Vol. 63, N 4. –P. 912–922.

Jabłonowski, J. A. Heraldica to jest osada kleynotow rycerskich y wiadomosc znakow herbownych dotąd w Polszcze nieobiaśniona / J. A. Jabłonowski. – Lwów, 1742.

Kazakevičius, V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkalai) / V. Kazakevičius // Lietuvos archeologija. – 1998. – T. 15. – P. 287–332.

Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka (1549–1616) wojewoda wileński / T. Kempa. – Warszawa, 2000.

Kognowicki, K. Życia Sapiehow y listy od monarchow, książąt i rożnych panujących do tychże pisane / K. Kognowicki. – Wilno, 1790. – T. I.

Kojałowicz, W. W. Herbarz rycerstwa W.X. Litewskiego tak zwany Compendium / W. W. Kojałowicz. – Kraków, 1897.

Kojałowicz, W. W. Herbarz szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego zwany Nomenclator / W. W. Kojałowicz. – Kraków, 1905.

Kołodziejski, S. Les éperons à molette du territoire de la Petite Pologne au Moyen Âge / S. Kołodziejski // Mémoires archéologiques. – Lublin, 1985. – S. 161–179.

Köroğly, G. Selected medieval glass artifacts from Yumuktepe mound / G. Köroğly // Studiantichitan. – 1998. – Vol. 11. – P. 283–294.

Kossakowski, S. K. Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich / S. K. Kossakowski. – Warszawa, 1872. – T. III.

Kossarzecki, K. Kampania roku 1660 na Litwie / K. Kossarzecki. – Zabrze, 2005.

Kuczyński, S. M. Dymitr Olgierdowicz Starszy. Dymitr Olgierdowicz Młodszy / S. M. Kuczyński // Polski słownik biograficzny. – Kraków, 1946. – T. VI/1. – Zesz. 26. – S. 57–58.

Kulikauskienė, R. Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai / R. Kulikauskienė, R. Rimantienė. – Vilnius : Vaga, 1966. – Kn. II, t. XXVIII.

Kurilienė, A. Kaišiadorių rajono archeologijos sąvadas / A. Kurilienė. – Kaišiadorys : Kaišiadorių muziejus, 2009.

Kuropatnicki, E. A. Wiadomość o kleynocie szlacheckim oraz herbach domów szlacheckich w Koronie Polskiey i Wielkim Xięstwie Litewskim / E. A. Kuropatnicki. – Warszawa, 1789. – Cz. I–IV.

Lauwers, V. /Middle Byzantine (10th–13th century A. D.) Glass bracelets at Sagalassos (SW Turkey) / V. Lauwers, P. Degryse, M. Waelkens // Glass in Byzantium–Production, Usage, Analyses. International Workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th–18th of January 2008. Romisch-Germanisches Zentralmuseum. – Mainz, 2010. – P. 145–152.

Liedke, M. Od prawosławia do katoliyzmu. Ruscy możni i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wyznań reformacyjnych / M. Liedke. – Białystok, 2004.

Lietuvos Metrika *(LM-1)* (1380–1584) : Užrašymų knyga 1 / par. A. Baliulis, R. Firkovičius . – Vilnius, 1998. – Kn. 1.

Lietuvos Metrika *(LM-4)* (1479–1491) : Užrašymų knyga 4/ par. L. Anužutė. – Vilnius, 1994. – Kn. 4.

Lietuvos Metrika *(LM-6)* (1494–1506) : Užrašymų knyga 6 / par. A. Baliulis. – Vilnius, 2007. – Kn. 6.

Lietuvos Metrika *(LM-8)* (1499–1514) : Užrašymų knyga 8 / par. A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius, 1995. – Kn. 8.

Lietuvos Metrika *(LM-19)* (1535–1537) : Užrašymų knyga 19 / par. D. Vilimas. – Vilnius, 2009. – Kn. 19.

Lietuvos Metrika *(LM-229)* (1540–1541) : 10-oji Teismų bylų knyga / par. S. Lazutka, I. Valikonytė, S. Viskantaitė-Saviščevienė, E. Karpavičienė. – Vilnius, 2003. – Kn. 229.

Lietuvos Metrika *(LM-231)* (1540–1543) : 12-oji Teismų bylų knyga / par. I. Valikonytė, N. Šlimienė, S. Viskantaitė-Saviščevienė, L. Steponavičienė. – Vilnius, 2007. – Kn. 231.

Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka Rañkraščių skỹrius *(LMAB RS)*. Литовская научная академическая библиотека, отдел рукописей. – F. 9. – B. 432; F. 16. – B. 1, 106; F. 17. – Op. 1. – B. 52, 106, 177; F. 139. – Op. 1. – B. 2206.

Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas *(LVIA)*. Государственный исторический архив Литвы. – Древние акты *(SA)*. – Op. 1. – Sign. 31, 39, 43, 48, 51, 52, 111, 112, 114, 116, 131, 898, 996, 1220, 3593, 3697, 3939.

Liškevičienė, J. XVI–XVIII amžiaus knygų grafika : herbai senuosiuose Lietuvos spaudiniuse / J. Liškevičienė. – Vilnius, 1998.

Mägi, M. At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel), 9th–13th Centuries AD / M. Mägi. – Tallin, 2002.

Małachowski, P. Zbior nazwisk szlachty z opisem herbów własnych Familiom zostaiących w Krolestwie Polskim, Wielkim Xięstwie Litewskim / P. Małachowski. – Lublin, 1805. – 2 wyd.

Marcinek, R. Sanguszko Paweł Karol / R. Marcinek // Polski Słównik Biograficzny. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1993. – T. XXXIV. – S. 497–500.

Materiały archiwalne wyjęte głównie z Metryki Litewskiej, od roku 1348 do 1607 roku / wyd. A. Prochaska. – Lwów, 1890.

Matušakaitė, M. Išėjusiems atminti. Laidosena ir kapų ženklinimas LDK / M. Matušakaitė. – Vilnius, 2009.

Michelbertas, M. Kybartiškės pilkapynas / M. Michelbertas // Archaeologia Lituana 8. – Vilnus, 2007. – S. 40–69.

Michelbertas, M. Paalksnių archeologijos paminklai / M. Michelbertas. – Vilnius : Vilniaus universitetas, 2011.

Mienicki, R. Stanisław Dowojno wojewoda Połocki / R. Mienicki // Ateneum Wileńslie. – 1937. – R. XII. – S. 404–481.

Misztołt, A. A. Historia illustrissimae Domus Sapiehanae / A. A. Misztołt. – Wilno, 1724.

Mugurēvičs, Ē. Die Funde der Hammeräxte aus Horn auf dem Territorium Lettlands und ihre mythologische Deutung / Ē. Mugurēvičs // Iš baltų kultūros istorijos. – Vilnius : Diemedis, 2000. – S. 63–74.

Niesiecki, K. Korona polska / K. Niesiecki. – Lwów, 1738. – T. II.

Novus atlas sive Teatrum orbis terrarum. – Amsterdam, 1649.

Oakeshott, R. E. The Sword in the Age of Chivalry / R. E. Oakeshott. – London : Lutterworth press, 1964.

Oakeshott, R. E. Records of the Medieval Sword / R. E. Oakeshott. – Woodbridge : The Boyodell press, 1991.

Okolski, S. Orbis Polonus/ S. Okolski. – Cracoviae, 1641. – T. I.

Olszewski, I. Grono winne pod Zodyakiem Sapieżyńskim w młodem wieku doyrzałey cnoty / I. Olszewski. – Wilno, 1631.

Ostrozanski, S. Kłosy złote przy pogrzebie Jey Mośći P. Maryny Obrynskiey Iaroslawowey Sokolinskiey kniehyni Drudzkiey Podwoiewodziney Połockiey położone na trunie / S. Ostrozanski. – Wilno, 1640.

Paprocki, B. Gniazdo cnoty zkąd herby rycerstwa sławnego Krolewstwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego y inszych Państw do tego Krolestwa należących Książąt y Panow początek swoy maią / B. Paprocki. – Kraków, 1578.

Paprocki, B. Herby rycerstwa polskiego / B. Paprocki.– Kraków, 1584.

Paulsen, P. Schwertorbänder der Wikingrzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschihte Osteuropas / P. Paulsen. – Stuttgart : W. Kohlhammer Verlag, 1953.

Paulsen, P. Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa / P. Paulsen. – Bonn : Rudolf Habelt Verlag, 1956.

Petrauskas, G. Bedugnės kapinynas / G. Petrauskas // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2012 m. – Vilnius, 2013. – S. 170–177.

Puzyna, J. O pochodzeniu kniazia Fedka Nieświzkiego. Nieświzscy i Zbarazscy w świetle badań sfragistyczno-heraldycznych / J. Puzyna // Miesięcznik Heraldyczny. – Lwów, 1911. – R. IV. – Nr 5–6. – S. 78–80.

Puzyna, J. Niektóre pieczęcie litewskie z XVI i XVII w. / J. Puzyna Misięcznik Heraldyczny. – 1933. – R. XII. – Nr 4, 5, 20.

Rachuba, A. Heraldyka sapeżyńska // A. Rachuba / Dom Sapieżyński ; opr. E. Sapieha. – Warszawa, 1995.

Radwan, M. Carat wobec kościoła grekokataliciego w zaborze Rosyjskim. 1796–1839 / M. Radwan. – Roma ; Lublin, 2001. – C. 130–131.

Rimša, E. Pieczęcie Olgierda, wielkiego księcia litewskiego – dane historiograficzne a rzeczywistość / E. Rimša // Heraldyka i okolice. – Warszawa, 2002.

Rodowód książąt Sapiehów // Herbarz starodawnej szlachty podług Heraldyków polskich z dopełnieniem do czasów obecnych. – Paryż, 1863.

Sapiehowie. Materjały historyczne-genealogiczne i majatkowie. Wydanie nakładem rodziny : w 2 t. – Petersburg, 1890–1891. – T. I. – 1890; T. II. – 1891.

Sarbiewski, M. K. Hymenodora honore et gloria internuncus Almae Academiae Vilnensis nomine / M. K. Sarbiewski. – Wilno, 1620.

Sarmatiae Europeae descriptio, quae Regnum Poloniae, Lithuaniam, Samogitiam, Rusiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae, Tatariaeque partem complectitur Alexandri Gwagnini Veronensis Equitis Aurati, reditumque praefecti, diligentia conscriptae. – Cracoviae, 1579.

Selirand, J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11–13 sajand) / J. Selirand. – Tallinn, 1974.

Semkowicz, W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 / W. Semkowicz // Lituano-Slavica Posnaniensia. – Poznań, 1989. – Studia Historica. – T. III. – S. 7–139.

Sliesoriūnas, F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu / F. Sliesoriūnas // Istorijos akiračiai : skiriama profesoriaus habilituoto daktaro Antano Tylos 75-mečiui / red. A. Dubonis, Z. Kiaupa, E. Rimša/ – Vilnius, 2004. – S. 289–306.

Słownik języka polskiego przez M. Samuela Bogumiła Linde. – Warszawa, 1807. – T. 1. – Cz. 1 : A–F.

Słownik polszczyzny XVI wieku / pod red. M. R. Mayenową. – Wrocław etc., 1972. – T. 6.

Stankiewicz, A. Treści propagandowe herbu złożonego Jana Stanisława Sapiehi z 1617–1620 roku / A. Stankiewicz // Zródła staropolskie i nauki pomocnicze historii ; red. J. Rogulski. – Kraków, 2013.

Svetikas E. Ietigalių tipologija ir chronologija iš LDK Viniaus ir Medininkų vyskupijos XIV a. pabaigos – XV a kapų / E. Svetikas // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 2009. – T. 35.– P. 199–240.

Svetikas, E. Žalgirio epochos lietuvių ir žemaičių karių kapai su ginklais / E. Svetikas. – Vilnius : «Diemedžio» leidykla, 2011.

Tęgowski, J. Kilka uwag do genealogii Giedyminowiczów / J. Tęgowski // Studia źródłoznawcze. – 1997. – T. 36. – S. 113–115.

Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów / J. Tęgowski. – Poznań ; Wrocław : wyd. Hist., 1999.

Thordeman, B. Armour from the Battle of Wisby 1361 Original two volumes in one / B. Thordeman. – Chivalry Bookshelf, 2001.

Thunmark-Nylén, L. Die Wikingerzeits Gotlands I / L. Thunmark-Nylén. – Stockholm : Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995.

Topolska, M. B. Szkłów i jego rola w gospodarce Białorusi wschodniej w XVII i XVIII wieku / M. B. Topolska //Rocznik dziejów społecznych i gospodarczych. – 1969. – T. XXX. – S. 1–32.

Towards an understanding of the carnelian bead trade from Western India to sub-Saharan Africa : the application of UV-LA-ICP-MS to carnelian from Gujarat, India, and West Africa / T. Insoll [et al.] // Journal of Archaeological Science. – 2004. – № 31. – P. 1161–1173.

Urbanavičius, V. Archeologiniai tyrimai / V. Urbanavičius, , S. Urbanavičienė // Lietuvos archeologija. – Vilnius : Mokslas, 1988. – T. 6. – P. 9–63.

Urbium praecipuarum. Georg Bruin (Braun) et F. Hogenberguium descriptio Golon. Agrip. – Cologne, 1599.

Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / opr. H. Lulewicz, A. Rachuba. – Kórnik, 1994.

Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego : spisy / red. A. Rachuba, oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. P. Romaniuk. – Warszawa : Wyd. DiG, 2003. – T. 4 : Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie XIV–XVIII wiek.

Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego : spisy / red. A. Rachuby, oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. P. Romaniuk ; współpr. A. Haratym, A. Macuk, J. Aniszczanka. – Warszawa : Wyd. DiG, 2009. – T. II : Województwo Trockie XIV–XVIII wiek.

Urzędnicy Wołyńscy XIV–XVIII wieku : spisy / oprac. M. Wolski. – Kórnik, 2007.

Vaičiūnienė, D. Kernavės viršutinio miesto tyrinėjimai / D. Vaičiūnienė // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1998 ir 1999 metais. – Vilnius, 2000. – P. 131–134.

Varnas, A. Tulpiakiemio senkapiai / A. Varnas // Lietuvos archeologija. – Vilnius : «Diemedžio» leidykla, 1995. – T. 11. – P. 244–289.

Vilniaus universiteto biblioteka Rañkraščių skỹrius *(VUB RS).* Библиотека вильнюсского университета, отдел рукописей. – F. 4. – A-1473; – F. 5. – B7-3408.

Volkaitė-Kulikauskienė, R. Lietuvai IX–XII amžiais / R. Volkaitė-Kulikauskienė. – Vilnius : Leidykla «Mintis», 1970.

Volumina Legum. – Petersburg, 1859. – T. II.

Wachowski, K. Militaria z grodu na Ostrówku w Opolu / K. Wachowski // Studia nad kulturą wczesnopolskiego Opola. Militaria – wyroby bursztynowe. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – Nr 2. – S. 11–112.

Walicki, J. Historia Przezacnego Obrazu Kodeńskiego / J. Walicki. – Toruń, 1720.

Wolff, J. Senatorowie i dignitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (1385–1795) / J. Wolff. – Kraków, 1885.

Wolff, J. Ród Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł hr. K. Stadnickiego : «Synowie Gedymina», «Olgierd i Kejstut» i «Bracia Władysława Jagiełły» / J. Wolff. – Kraków, 1886.

Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa, 1895.

Żak, J. Ostrogi z zaczepami haczykowato odgiętymi na zewnątrz / J. Żak // Przegląd Archeologiczny. – Wrocław, 1959. – T. 11. – S. 88–105.

Żak, J. Studia nad uzbrojeniem środkowoeuropejskim w VI–X wieku. Zachodniobałtyjskie i słowiańskie ostrogi o zaczepach zagiętych do wnętrza / J. Żak, L. Maćkowiak-Kotkowska. – Poznań, 1988.

Zakład Narodowy im. Ossolińskich *(ZNiO).* – Rkps. 639 : Herbarz szliachty polskiej.

Zeiller, M. Neue Beschreibung des Königreichs Ungarn... / M. Zeiller. – Ulm., 1663.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Левко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром истории доиндустриального общества Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: этно- и культурогенез славян, формирование и развитие раннегосударственных структур, территориально-административных образований IX–XVIII вв., внедрение археологии в сферу образования, культуры и туризма. Открыла и возглавила новое научное направление в Беларуси – археологическое исследование памятников XIV–XVIII вв. В числе приоритетных научно-исследовательских проектов – создание научно-музейной археологической экспозиции Института истории НАН Беларуси. Автор 10 монографий, 2 учебных и 1 учебно-методического пособий для вузов, более 200 научных, около 200 энциклопедических и популярных статей по истории и археологии, научный редактор и автор 9 коллективных (в том числе 6 фундаментальных) трудов, ряда научных сборников.

Довнар Александр Борисович – кандидат исторических наук, заведующий отделом источниковедения и археографии Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: социально-экономическое развитие белорусских земель в составе Великого Княжества Литовского XV–XVIII вв.: экономическое положение городов, развитие сельского хозяйства, состояние дорожных коммуникаций и водного, сухопутного транспорта; вопросы социальной стратификации мещанского и крестьянского сословий; проблемы городского самоуправления и финансово-хозяйственной деятельности органов городского самоуправления XV–XVIII вв. Автор монографии, более 70 научных статей.

Мацук Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история Великого Княжества Литовского XVIII в., история парламентаризма Великого Княжества Литовского XVIII в., политическая история Полоцкого воеводства XVIII в. Автор 2 монографий, более 60 научных статей.

Голубев Валентин Фёдорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: социально-экономическое развитие Великого Княжества Литовского, конфессиональная история, история семьи, община, белорусский город и замок в XIV–XVIII вв., историография и источниковедение истории Беларуси, история белорусского государственности. Автор 2 монографий, более 250 научных статей.

Войтехович Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, заведующий отделом сохранения и использования археологического наследия Института истории

НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история и археология погребальных памятников Полоцкой земли VIII–XII вв., охрана и сохранение памятников истории и археологии. Автор более 30 научных публикаций.

Бубенько Татьяна Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. Сфера научных интересов: изучение средневековых городов и сельских поселений на территории Беларуси. Автор монографии, 6 учебно-методических пособий, 186 научных и научно-популярных статей.

Кенько Павел Михайлович – научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: исследование средневековых поселений и могильников, изучение материальной культуры населения Беларуси VIII–XIII вв. Автор монографии и 18 научных статей.

Саливон Инесса Ивановна – доктор биологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: изучение локальных особенностей и формирования антропологического состава современного и древнего населения на территории Беларуси в процессе этнической истории. Автор 2 монографий, самостоятельных разделов в 10 коллективных монографиях, 2 учебных пособий для вузов, 3 методических пособий, более 100 научных статей.

Помазанов Николай Николаевич – научный сотрудник отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: краниология древнего и современного населения междуречий Немана и Днепра, Припяти и Западной Двины. Автор более 30 публикаций по различным направлениям физической антропологии.

Тегако Ольга Владимировна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: изучение закономерностей изменчивости одонтологических признаков современного и древнего населения Беларуси. Автор монографии и 15 научных статей.

Марфина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: изучение физического типа современного и древнего населения Беларуси. Автор разделов в 6 коллективных монографиях по антропологии, соавтор 2 учебных пособий для вузов, 2 методических пособий, более 100 научных статей, член редакционной коллегии сборника научных статей по актуальным вопросам антропологии.

Воронин Василий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и Средних веков исторического факультета УО «Белорусский государственный университет». Сфера научных интересов: история Белорусского Подвинья в составе Великого Княжества Литовского XIII–XVI вв. Автор монографии, 2 книжных археографических изданий, более 70 научных статей.

Рыбчонок Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела специальных исторических наук и информационно-аналитической работы Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: разработка широкого круга вопросов генеалогии, истории, источниковедения Беларуси периода Средних веков и начала Нового времени. Автор 3 монографий (2 – в соавторстве), более 50 научных статей.

Олехнович Рогнеда Анатольевна – научный сотрудник отдела истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история Великого Княжества Литовского XV–XVI вв., история семейных отношений Великого Княжества Литовского в XIV в. – первой половине XVII в., гендерная история. Автор 10 научных статей.

Скепьян Анастасия Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история культуры Великого Княжества Литовского, история повседневности, социальные структуры общества Великого Княжества Литовского в XV–XVII вв. Автор 2 монографий (1 – в соавторстве), более 70 научных статей.

Шаланда Алексей Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом специальных исторических наук и информационно-аналитической работы Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: исследование средневековой истории Беларуси, геральдики и сфрагистики Великого Княжества Литовского, генеалогии и истории шляхетских родов Великого Княжества Литовского. Автор 2 монографий, более 30 научных статей.

Магалинский Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, декан факультета по работе с иностранными студентами Полоцкого государственного университета. Сфера научных интересов: ювелирное ремесло X–XVII вв., археология Полоцка. Автор 19 научных публикаций.

Наркевич Наталья Ивановна – кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры белорусской и мировой художественной культуры Белорусского государственного университета культуры и искусств. Сфера научных интересов: ювелирное искусство Беларуси. Автор более 20 научных публикаций.

Плавинский Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории агромеханического факультета Белорусского государственного аграрного технического университета. Сфера научных интересов: средневековая археология и оружие. Автор и соавтор 9 монографий, более 200 научных и энциклопедических статей.

Власовец Евгений Вячеславович – магистр исторических наук, младший научный сотрудник отдела археологии первобытного общества Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: могильники XIII–XV вв. на территории западной и центральной Беларуси. Автор ряда научных публикаций.

Костюкевич Анастасия Владимировна – магистр исторических наук, аспирант Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: импорт Полоцкой земли IX–XIII вв. Автор ряда научных публикаций.

Шарковская Наталья Юрьевна – ведущий научный сотрудник, хранитель коллекции археологии Витебского областного краеведческого музея. Сфера научных интересов: изучение и введение в научный оборот фондовых материалов эпохи средневековья Витебского областного краеведческого музея. Автор более 32 научных публикаций.

Медведева Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального научного архива НАН Беларуси. Сфера научных интересов: изучение косторезного производства на территории Беларуси в IX–XVIII вв. Автор 2 монографий и более 90 научных и научно-популярных статей, соавтор 2 коллективных монографий, составитель 4 информационных изданий.

Ляшкевич Элона Александровна – научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: изучение материальной культуры древнего рыболовства Беларуси и остатков ихтиофауны из археологических памятников. Автор более 10 научных статей.

Бектинеев Шамиль Иршатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела специальных исторических наук и информационно-аналитической работы Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI вв. Автор монографии, 2 брошюр, более 95 статей.

Габрусь Тамара Викторовна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела архитектуры Центра исследований белорусской культуры, языка

и литературы НАН Беларуси, член творческих Союзов архитекторов, художников и писателей Беларуси, член-корреспондент общественной организации «Белорусская Академия архитектуры». Сфера научных интересов: история сакральной архитектуры Беларуси (древнерусский период, готика, ренессанс, барокко). Автор 3 монографий и более 200 публикаций по истории белорусского зодчества в отечественных и зарубежных научных сборниках, коллективных монографиях, энциклопедиях и периодике. Имеет публикации в Италии, Германии, Польше, России, Украине, Литве.

Филатова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историографии и методов исторических исследований Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: вопросы политической, конфессиональной и социально-экономической истории Беларуси 1772–1917 гг.; а также конфессиональная история Великого Княжества Литовского. Автор монографии, около 300 научных статей.

Пикулик Ирина Николаевна – директор Толочинского районного историко-краеведческого музея. Сфера научных интересов: охрана и популяризация историко-культурного наследия района. Автор ряда публикаций.

Зайцев Валерий Фёдорович – начальник отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи Толочинского районного исполнительного комитета. Сфера научных интересов: охрана и популяризация историко-культурного наследия района.

Друцк : Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX–XII вв., лето-
Д76 пись древних слоев, князья Друцкие и их владения в XIII–XVIII вв., ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников), памятники архитектуры и объекты туризма / О. Н. Левко [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О. Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 619, [5] с. : ил. – (Древнейшие города Беларуси).

ISBN 978-985-08-1735-8.

В данной монографии подводятся итоги более полувекового историко-археологического исследования древнего Друцка. На новых материалах рассматриваются вопросы формирования, территориально-планировочной структуры Друцка и Друцкого княжества, застройка, культовые и погребальные памятники, отдельные категории ремесел, торговые связи, хозяйство и быт. Впервые вводятся в научный оборот обширные архивные исторические источники, касающиеся землевладения и родовода князей Друцких, обустройства княжеского двора и роли рода князей Друцких в общественно-политической жизни Великого Княжества Литовского.

Рассчитана на историков, археологов, краеведов, работников музеев, преподавателей и студентов вузов, а также самый широкий круг читателей, интересующихся материальной и духовной культурой наших далеких предков, древней историей городов нашей Родины.

УДК 94(476.5-21Друцк)
ББК 63.3(4Беи)

Научное издание

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДА БЕЛАРУСИ

Левко Ольга Николаевна,
Довнар Александр Борисович,
Мацук Андрей Владимирович и др.

ДРУЦК

Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX–XII вв.
Летопись древних слоев
Князья Друцкие и их владения в XIII–XVIII вв.
Ремесло, промыслы, торговля
(по данным археологии, нумизматики, письменных источников)
Памятники архитектуры и объекты туризма

Редактор *Н. Т. Гавриленко*

Художественные редакторы *В. А. Жаховец, Д. А. Комлев, Т. Д. Царёва*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Л. И. Кудерко*

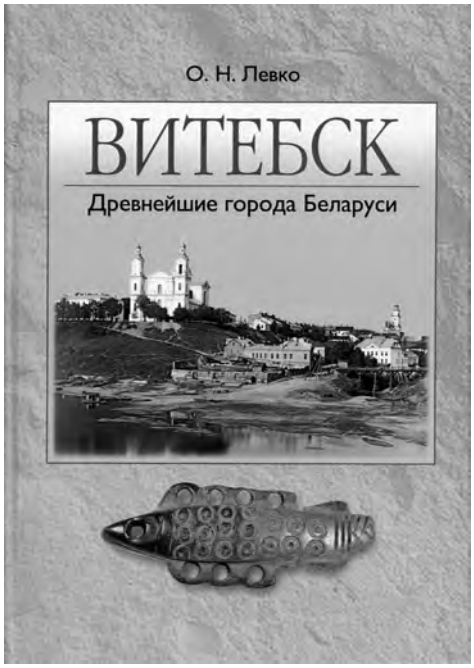
Подписано в печать 08.08.2014. Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 50,7 + 3,9 вкл. Уч.-изд. л. 50,2. Тираж 300 экз. Заказ 608.

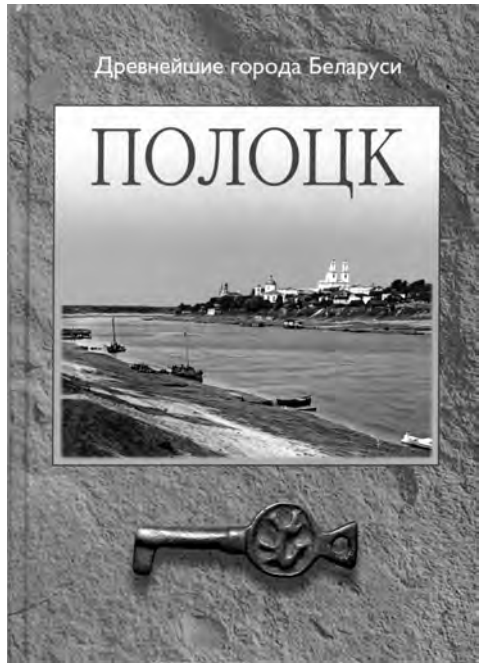
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.

Открытое акционерное общество «Транстэкс»
Свидетельство о государственной регистрации издателя
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/37 от 29.01.2014.
Ул. Чапаева, 5, 220034, г. Минск.

Книга «Друцк» — третья в серии «Древнейшие города Беларуси». Серия разработана в Институте истории Национальной академии наук Беларуси. Она предусматривает издание фундаментальных исследований по историко-археологическому изучению ряда наиболее древних и значимых в истории нашего государства городов — центров земель, княжеств, волостей. Древнейшие города Восточной Европы во многом схожи между собой. Большинство из них образовалась на месте крупных племенных поселений. Они стали первыми центрами государственной власти в отдельных регионах, являясь не только политическими, но и экономическими, культурными, сакральными центрами тех округ, которыми управляли. Некоторые из этих городов пережили свой наивысший расцвет в эпоху Древней Руси, другие — в эпоху Великого Княжества Литовского, и лишь отдельные достигли уровня крупных территориально-административных центров земель и воеводств. Все эти города неоднократно упоминались на страницах древних летописей, оставили яркий след в виде оборонительных укреплений, памятников архитектуры.

Первая книга серии была посвящена древнему Витебску и вышла в свет в 2010 г. В ней на основе 45-летнего (1964—2009 гг.) археологического исследования города раскрываются древнейшие страницы его истории: от зарождения до становления и развития.





Вторая книга серии — «Полоцк» — вышла спустя два года. Ее выпуск был приурочен к важнейшему событию в истории как Полоцка (1150-летие этого древнейшего города Восточной Европы), так и всей Беларуси в целом. В издании впервые обобщены все основные научные разработки, сделанные отечественными археологами и историками, изучающими Полоцк.

Редакционная подготовка и выпуск обеих книг серии осуществлялись Издательским домом «Белорусская наука».

В ближайших и перспективных планах академических историков и археологов значится подготовка аналогичных изданий по таким городам, как Минск, Могилев, Гомель, Орша, Копысь, Берестье, Туров, Пинск, Гродно, Новогрудок, Волковыск, Борисов, Логойск, Заславль, Лукомль, Копыль, Слуцк.

Для заметок

Для заметок

а

б

Фото 1. Городища: *а* – Кисели; *б* – Багриново. Толочинский район. Фото Д. Ивченко

а

б

Фото 2. Курганы: *а* – Сенчуки; *б* – Красная Горка. Толочинский район.
Фото Д. Ивченко

а

б

Фото 3. Курганы: *а* – Голошево; *б* – Волковичи. Толочинский район.
Фото Д. Ивченко

Фото 4. Вещи из раскопок городища Кисели: *1* – острога; *2* – булавка с подвижным кольцом; *3* – посоховидная булавка; *4* – эсовидная застежка; *5* – фибула среднелатенской схемы; *6* – накладка на пояс; *7* – браслет с расширенными концами; *8* – подвеска; *9* – пектораль (фрагмент); *10* – подковообразная фибула; *1, 2, 6* – железо, *3–5, 7–10* – цветной металл. Толочинский район. Раскопки О. Н. Левко. Фонды ТРИКМ

Фото 5. Украшения: *1, 2, 4, 5, 7* – височные кольца; *3, 6* – браслеты; *8* – крестик; *9* – кожаный мешочек для крестика; *10–12* – перстни. Цветной металл. Курганные могильники I, II. Дроздово. Толочинский район. Раскопки: *1–9, 11* – О. Н. Левко (фонды ТРИКМ); *10, 12* – З. М. Сергеевой (фонды ВОКМ)

Фото 6. Накладки на пояс *(1–4)*. Цветной металл. Могильник Замошье. Толочинский район. Раскопки З. М. Сергеевой. Фонды ВОКМ

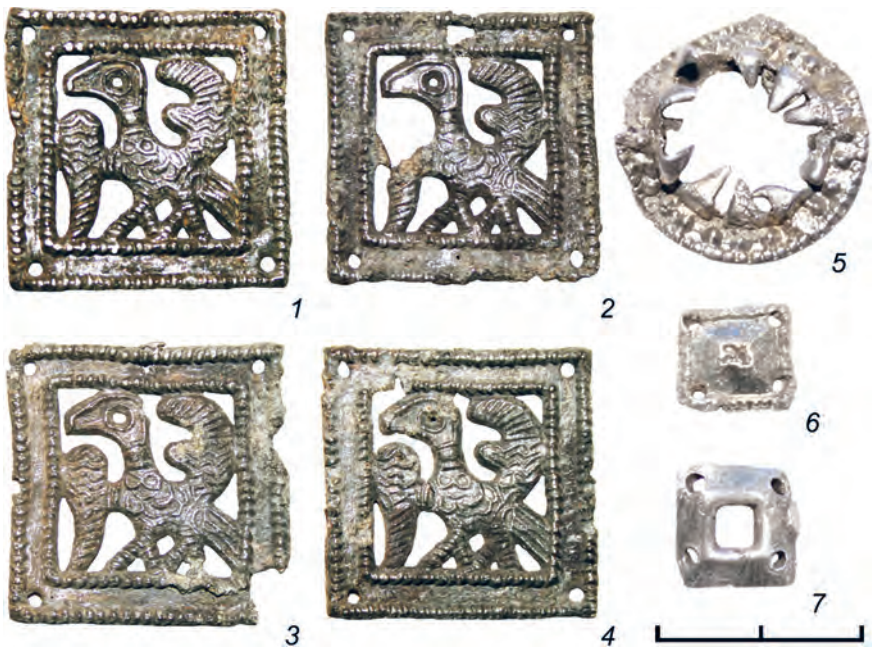


Фото 7. Нашивки на одежду *(1–7)*. Цветной металл. Городище. Друцк. Раскопки О. Н. Левко. Фонды ТРИКМ – *1–4*

Фото 8. Кресты *(1–9)*. Цветной металл. Друцк: *1–8* – городище, *9* – посад. Раскопки: *1, 2–4, 9* – О. Н. Левко; *5–8* – Л. В. Алексеева. Фонды: *3, 5–8* – ВОКМ; *9* – ТРИКМ

Фото 9. Изделия из цветных металлов: *1–3* – книжные застежки; *4* – печать; *5, 6* – пломбы; *7, 8* – гирьки. Друцк: *1–3, 5–8* – городище; *4* – курган 1, могильник IV. Раскопки: *1–3* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *4–8* – О. Н. Левко

Фото 10. Застежки и пуговицы: *1–6* – фибулы; *7–9* – пряжки; *10, 11* – поясные кольца; *12, 13* – пуговицы. Цветной металл. Друцк: *1–6, 8–10, 12, 13* – городище; *7, 11* – посад. Раскопки: *1, 2, 4, 8–10* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *3, 5–7, 11, 13* – О. Н. Левко

Фото 11. Перстни, височные кольца *(1–14)*. Цветной металл. Друцк: *1–12, 14* – городище; *13* – посад. Раскопки: *1–10* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *11–14* – О. Н. Левко

Фото 12. Подвески, цепочки *(1–11)*. Цветной металл. Городище. Друцк. Раскопки: *1, 4, 5, 7, 10, 11* – О. Н. Левко; *2, 3, 8, 9* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

а

б

Фото 13. Прорезка между валами городища и Окольного города *(а)*; каменное надгробие погребения № 35 *(б)*. Раскоп II, 1999 г. *(а)*; курган 1, курганная группа IV, 2009 г. *(б)*. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

Фото 14. Пластическая реконструкция облика ребенка по методу М. М. Герасимова. Погребение XII в. д. Друцк. Толочинский район. Витебская область. Скульптор Л. П. Яшенко

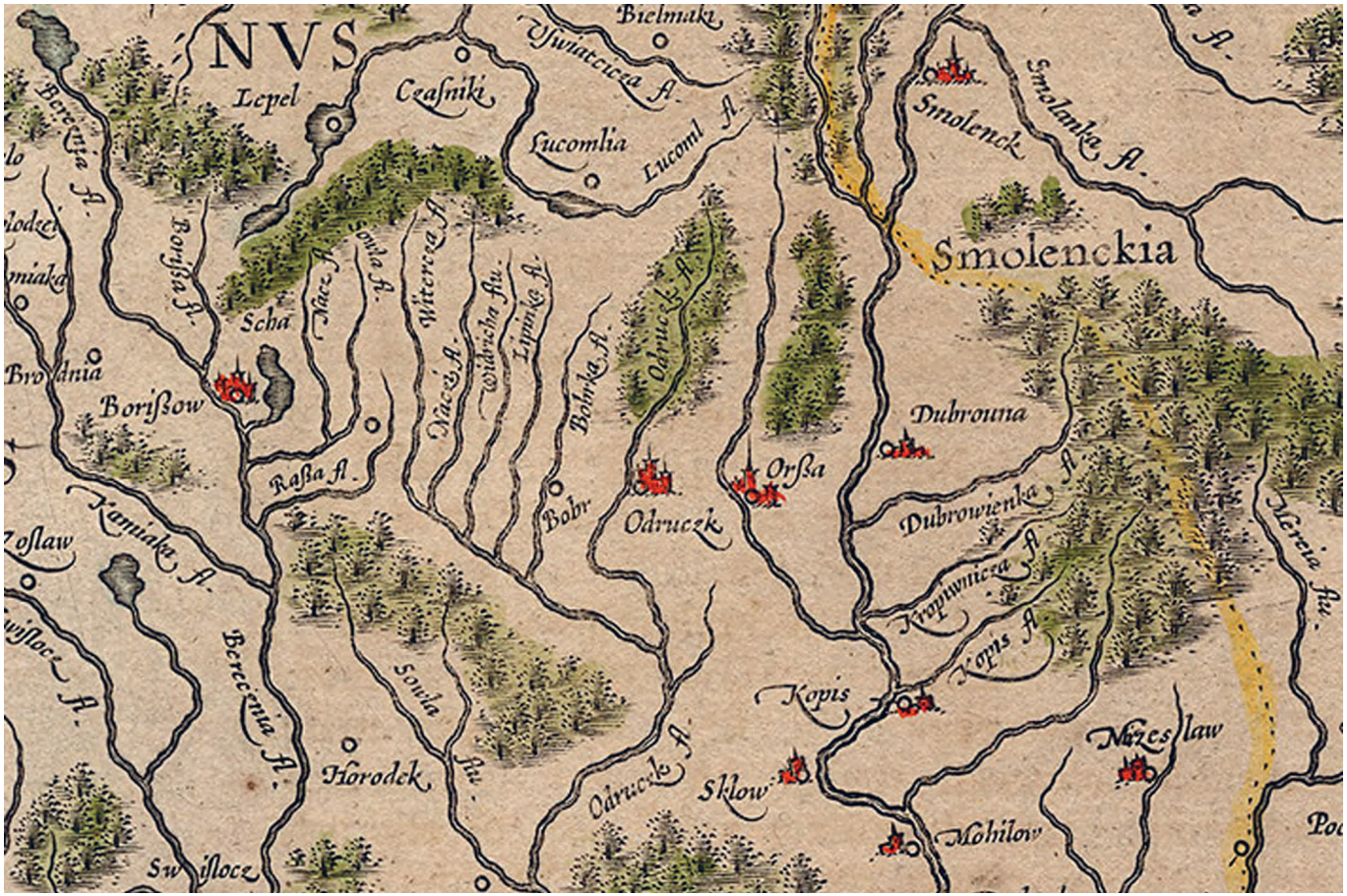


Фото 15. Друцк на карте Г. Меркатора «Литва» 1572 г. (1595 г.)

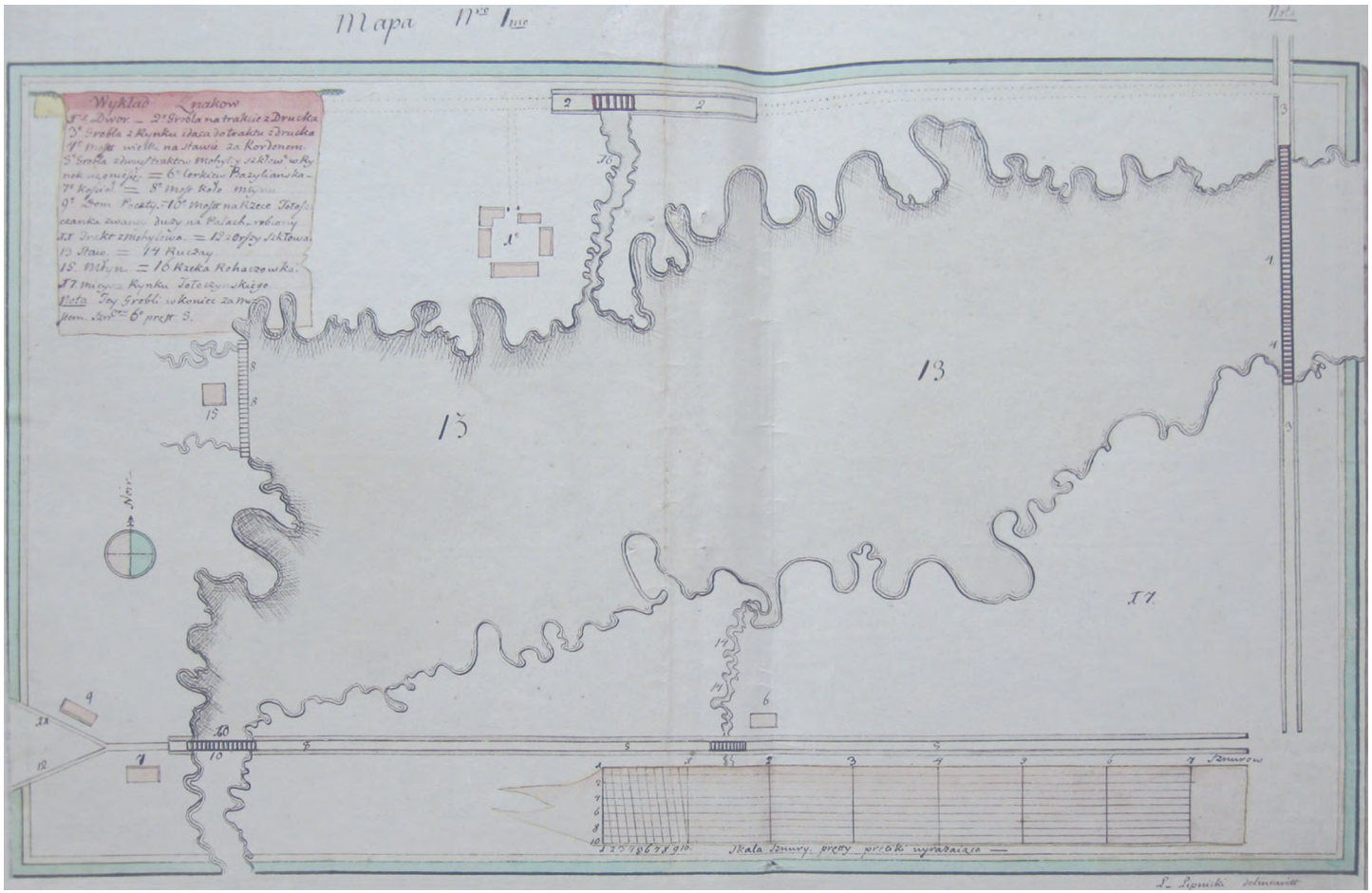


Фото 16. Карта-схема дорог в местечке Толочин. 1781 г. Фонды LVIA

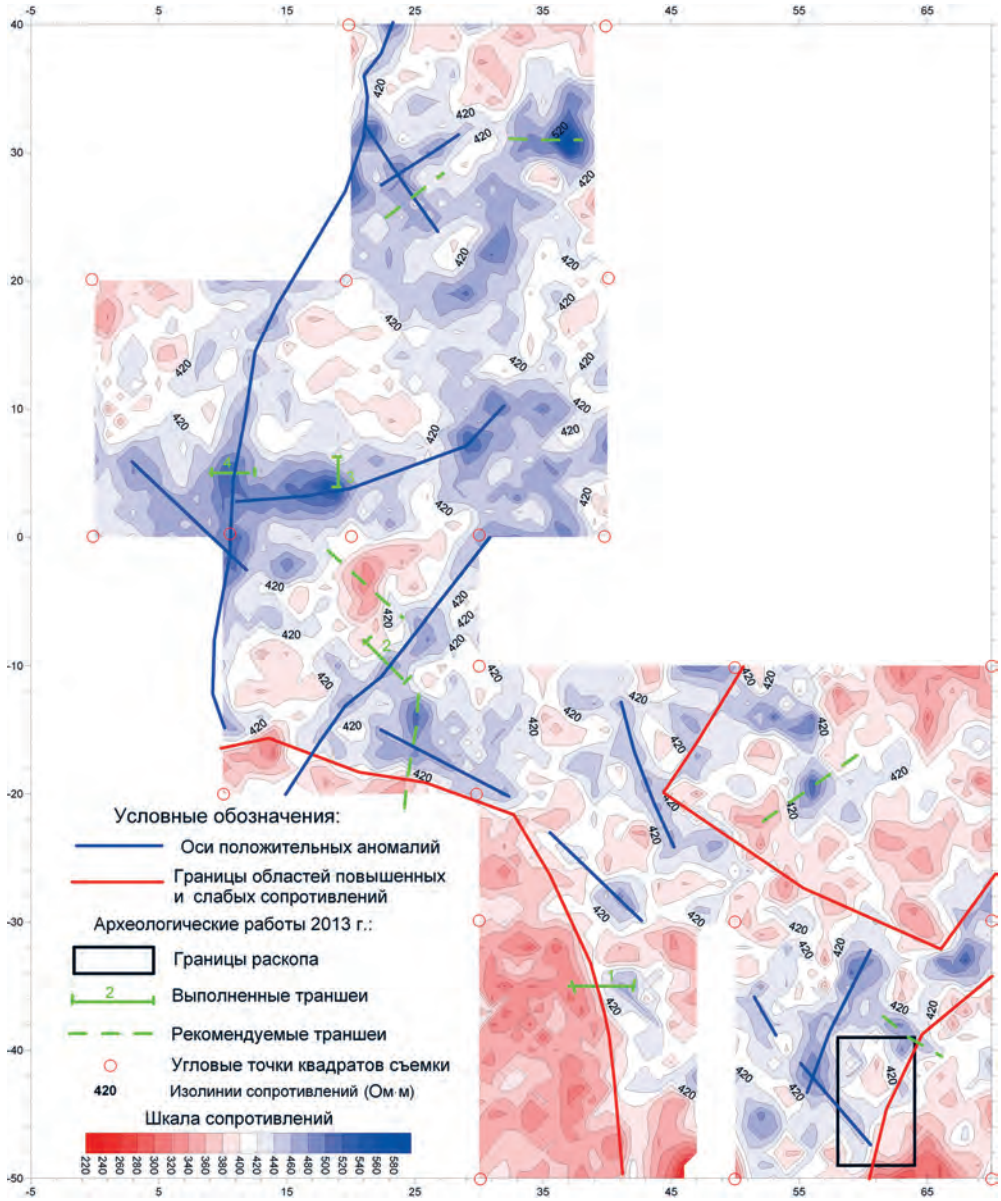


Фото 17. Карта геофизических исследований. Городище. Друцк. 2013 г.
Исследования С. Г. Седова, С. В. Голобокова

Фото 18. Металлические изделия: *1–5, 11* – снаряжение воина и коня; *6, 7* – хозяйственные предметы; *8–10, 12–17* – бытовые изделия. Друцк. Раскопки: *1–6, 8–10, 12–17* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *7, 11* – О. Н. Левко

Фото 19. Матрица *(1)* и накладки на пояс *(2–5)*. Цветной металл. Дрyцк: *1, 3* – посад; *2, 4, 5* – городище. Раскопки: *1–4* – О. Н. Левко; *5* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ)

Фото 20. Браслеты *(1–6)*. Цветной металл. Городище. Друцк.
Раскопки: *1, 2, 4, 5* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *3, 6* – О. Н. Левко

Фото 21. Изделия из стекла *(1–4)*. Друцк: *1* – городище; *2–4* – Окольный город. Раскопки О. Н. Левко. Фонды ТРИКМ

Фото 22. Ткани (фрагменты) *(1, 2)*. Курган 1, курганная группа IV. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

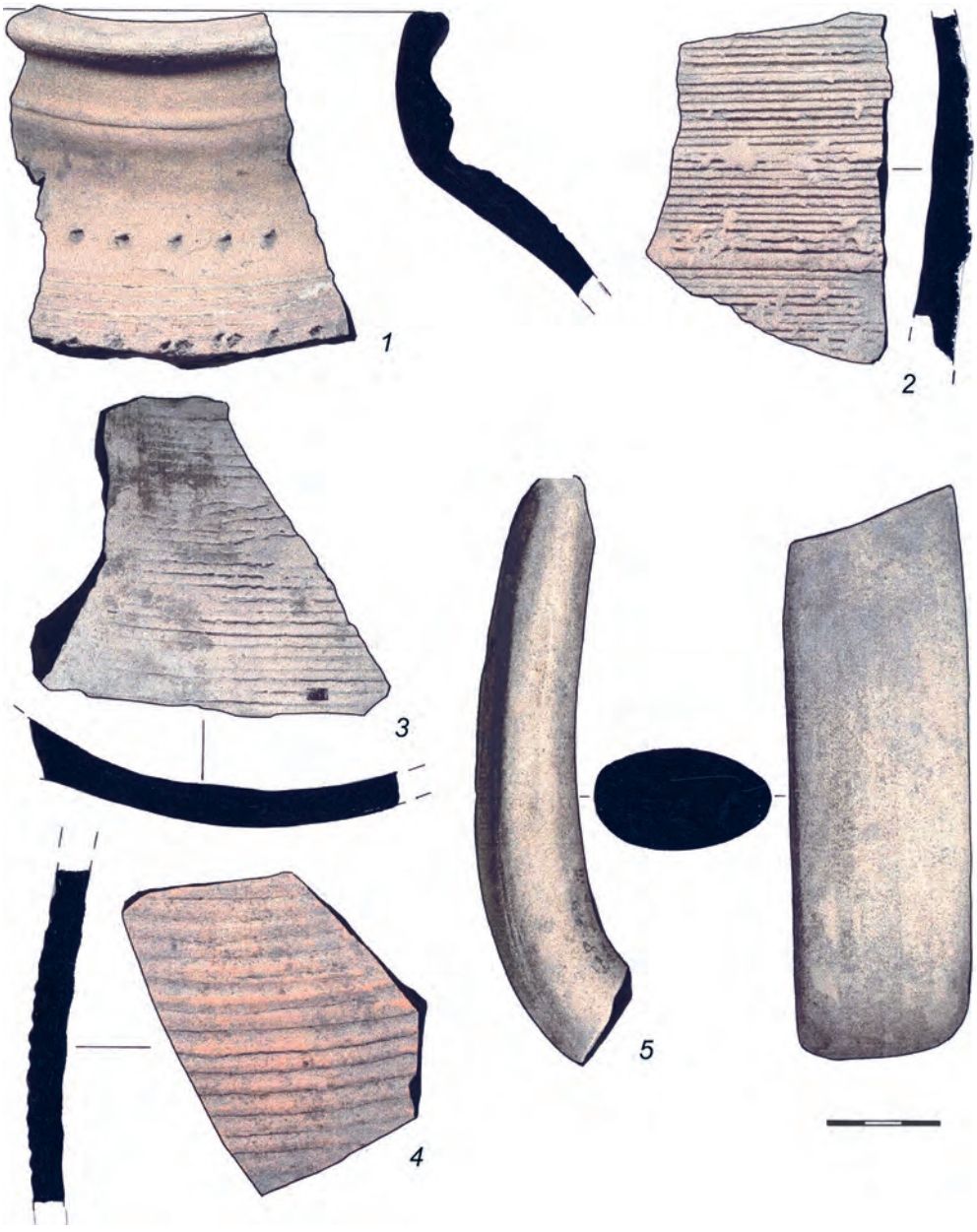


Фото 23. Амфоры (фрагменты) *(1–5)*. Окольный город. Друцк. Раскопки О. Н. Левко. Фонды ТРИКМ

Фото 24. Изделия из глины *(1–3)*. Друцк: *1, 2* – посад; *3* – Окольный город. Раскопки О. Н. Левко. Фонды ТРИКМ

Фото 25. Изделия из камня *(1–3)*. Городище. Друцк. Раскопки: *1, 2* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *3* – О. Н. Левко

Фото 26. Изделия из кости *(1–6)*: *1* – пряслице; *2* – накладка; *3–5* – наконечники стрел; *6* – порхлица. Городище. Друцк. 2013 г. Раскопки О. Н. Левко

Фото 27. Шахматы *(1, 2, 4)* и шашка *(3)*. Кость. Городище. Друцк.
Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

Фото 28. Изделия из кости: *1–5* – гребни; *6* – копоушка; *7* – яйцо-писанка.
Друцк: *1–3, 6, 7* – городище; *4, 5* – Окольный город. Раскопки: *1–3, 6, 7* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *4, 5* – О. Н. Левко (фонды ТРИКМ)

Фото 29. Накладки *(2, 3)* на колчан *(1, 4)* и рукояти для ножей *(5–7)*. Кость. Городище. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

Фото 30. Стеклянные браслеты: *1–22* – крученые и гладкие; *23–25*– гладкие; *1–6* – коричневые; *7–12* – синие и голубые; *13–15* – зеленые; *16–20* – болотные; *21, 22* – фиолетовые; *23, 24* – желтые; *25* – печеночно-красный. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

Фото 31. Декорированные стеклянные браслеты: *1–3, 5–8, 10* – темно-коричневые и болотные с перевитием; *4* – «мраморный» из черной и печеночно-красной стекломасс; *9* – темно-зеленый, рубчатый, декорированный поперечной накладной красной нитью; *11, 12, 14, 15* – фиолетовый, зеленый и синие с накладным каплевидным и веретеновидным декором; *13* – фиолетовый с растительным декором. Друцк. Раскопки: *1–3, 5, 12–15* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *4, 6, 7–11* – О. Н. Левко

Фото 32. Стеклянные щитковые перстни: *1* – из черного стекла с белыми разводами и накладным ярко-желтым щитком; *2* – из глухого голубого стекла с ярко-желтым накладным щитком; *3* – из глухого голубого стекла; *4* – из прозрачного зеленого стекла. Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Фонды ВОКМ

Фото 33. Бусины: *1–30, 36, 37* – стеклянные; *31, 32* – каменные; *33, 34* – керамические; 35 – фаянсовая; *1–10* – зонные; *11, 12* – шаровидные, декорированные стеклянной крошкой; *13–16* – пронизки-лимонки; *17* – рубленый бисер; *18* – бочонкообразная; *19* – эллипсоидная ребристая; *20* – цилиндрическая ребристая; *21–23* – битрапециевидные; *24* – шаровидная глазчатая; *25, 26* – биконические со сглаженным ребром; *27* – «рыбовидная»; *28* – цилиндрическая гладкая; *29* – крупная трубчатая; *30* – хрустальная шаровидная; *31* – сердоликовая четырнадцатигранная («плитчатая»); *32* – сердоликовая бипирамидальная; *35* – ребристая; *36, 37* – серебряные декорированные. Друцк. Раскопки: *1–12, 14–25, 27, 28, 30–35, 37* – Л. В. Алексеева (фонды ВОКМ); *13, 26, 29, 36* – О. Н. Левко

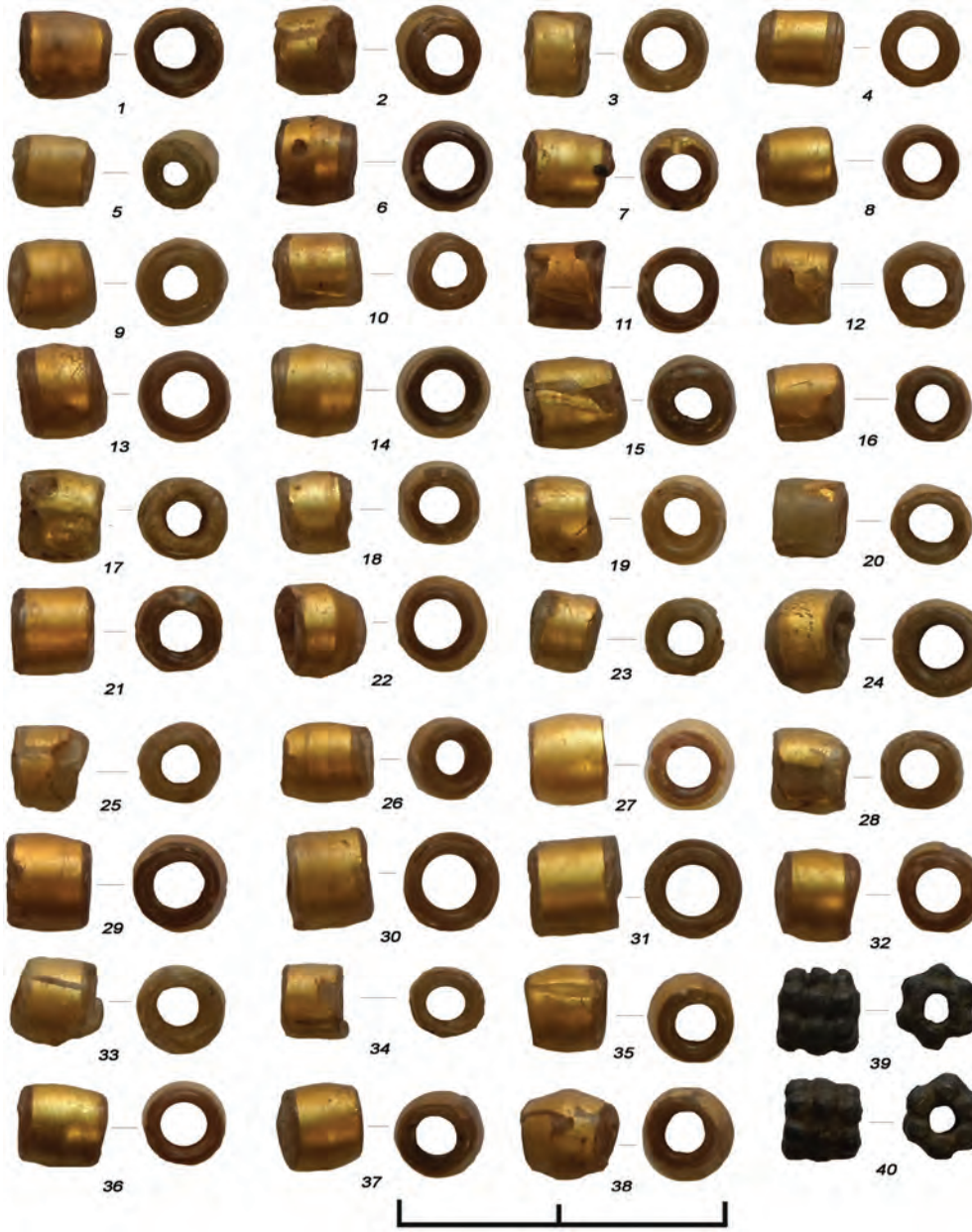


Фото 34. Бусины: *1–38* – золотостеклянные бочонковидные и битрапециевидные; *39, 40* – металлические ягодовидные. Группа 1, курганный могильник I. д. Дроздово. Толочинский район. Витебская область. Раскопки З. М. Сергеевой. Фонды ВОКМ

Фото 35. Стеклянные бусины: *1–61* – кольцевидные бисерные печеночно-красного, зеленого и неопределимого цветов; *62* – желтая лимонка-пронизка (фрагмент); *63–66* – шаровидные глазчатые. д. Взносное. Толочинский район. Витебская область. Раскопки З. М. Сергеевой. Фонды ВОКМ

Фото 36. Стеклянные и каменные бусы: *1, 2* – нитка стеклянного желтого рубленого бисера с желтыми и синими пронизками, полупрозрачной и синей ребристыми бусинами; *3* – нитка бочонковидных черных бусин (предположительно, коралл) с сердоликовой бипирамидальной бусиной посередине; *4* – нитка стеклянного рубленого бирюзового бисера в технике навивки с дисковидной бусиной; *5* – пастовая бусина с орнаментом в виде двух зеленых перекрещивающихся линий; *6* – стеклянная цилиндрическая ребристая коричневая бусина с поперечным золочением; *7* – фаянсовая синяя шаровидная ребристая бусина; *8* – нитка дисковидного стеклянного бисера с четырнадцатигранной сердоликовой бусиной, желтой и полосатой двойными лимонками; *1* – погребение № 3, курган № 10; *2* – погребение № 3, курган № 8; *3* – погребение № 2, курган № 2; *4* – погребение № 2, курган № 11; *5–7* – погребение № 3, курган № 12; *8* – погребение № 1, курган № 6. Группа 2. Курганный могильник II. д. Дроздово. Толочинский район. Витебская область. Раскопки О. Н. Левко. Фонды ТРИКМ

Ба

а

б

Фото 37. Детинец Друцка: *а* – современный вид; *б* – реконструкция Д. Ивченко

Фото 38. Рогволодов камень. 1171 г.

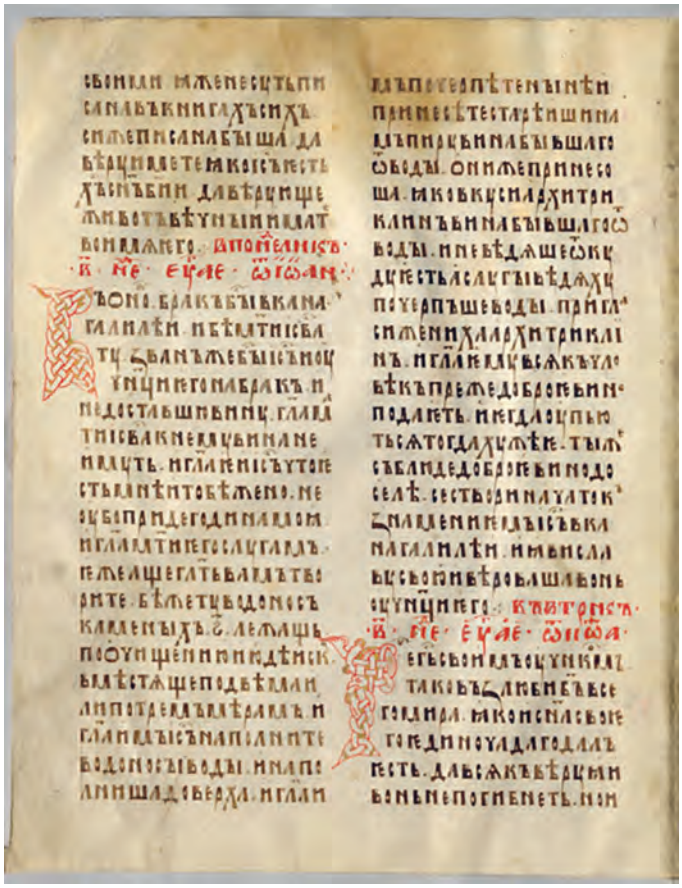


Фото 39. Друцкое Евангелие. XIV в.

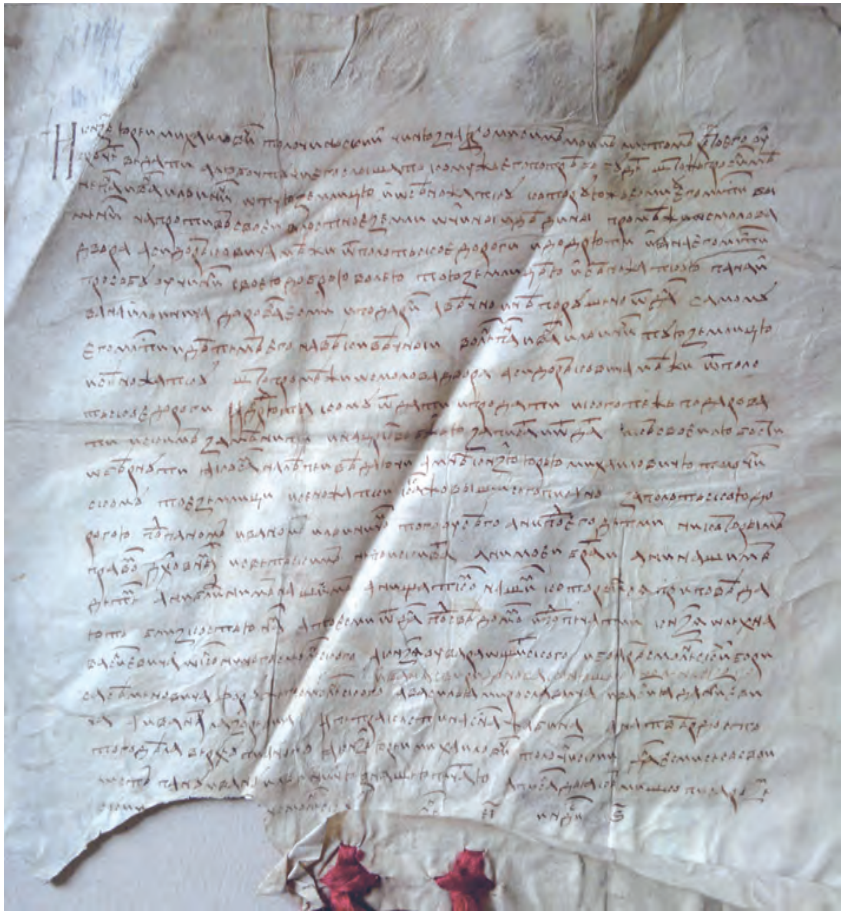


Фото. 40. Дарственный лист князя Ю. М. Толочинского на земли около р. Друть И. Ильиничу. Индикт 6. [1488 г.]

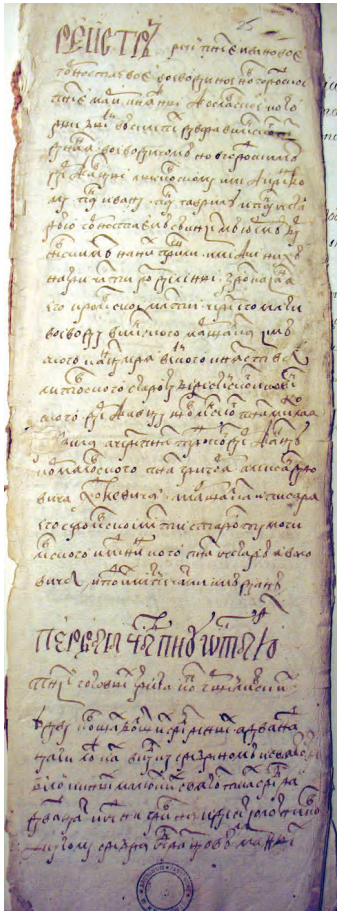


Фото 41. Реестр имущества княгини М. Жеславской. 1560 г.

а

б

Фото 42. Конюшня в Окольном городе Друцка *(а)* и мельница на въезде в Друцк *(б)*

а

б

Фото 43. Костел XIX в. (*а*) и гражданская постройка XIX – начала XX в. (*б*). г. Толочин. Современный вид

а

б

в

Фото 44. Покровская церковь (*а*, *б*) и монастырское здание *(в)*. г. Толочин. Современный вид

а

б

Фото 45. Троицкая церковь в д. Монастырь (*а*) и храм в д. Коханово *(б)*. Толочинский район

а

б

Фото 46. Здания музея в г. Толочине (*а*) и господского дома в д. Голошево Толочинского района (*б*)

а

б

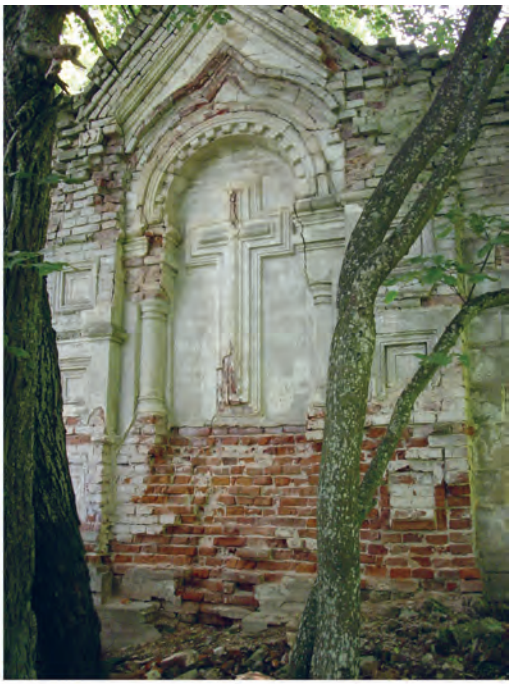
Фото 47. Здания винокурни в д. Голошево Толочинского района *(а)* и маслобойни в г. Толочине *(б)*

а

б

Фото 48. Имение Хоментовских: *а* – лиственничная аллея, ведущая в имение; *б* – пруд с «чайным» островом. д. Кривая. Толочинский район

а



б

в

Фото 49. Часовня Хоментовских. д. Халяпинка. Толочинский район

а

б

Фото 50. Хозпостройка в д. Халяпинка (*а*) и здание архива Сангушек в д. Озерцы (*б*). Толочинский район

а

б

Фото 51. Гербы рода Сангушек: *а* – XIX в.; *б* – «Погоня», современная реконструкция

Фото 52. Каменный крест у озера в д. Голошево. Современный вид. Толочинский район

Фото 53. Екатериненский верстовой столб. Дорога из Друцка в Толочин

а

б

Фото 54. Крахмальный завод (*а*, *б*). Толочинский район

а

б

Фото 55. Производственные строения: *а* – д. Горщевщина; *б* – д. Хохловка. Толочинский район

а

б

Фото 56. Парк *(а)* и курган *(б)*. г. Толочин